3 1761 08106642 5

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

1970

4117

AP
50
V5
3.45
kn. 11-12

СЛѢПЫЕ

ПОВѢСТЬ.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ, въ буйной слѣпотѣ страстей,
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Ѳ. И. Тютчевъ.

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

М. Ю. Лермонтовъ.

I.

Въ переулкахъ еще лежалъ талый побурѣвшій снѣгъ, но уже вѣялъ влажный вѣтеръ и мартовская оттепель нàкрѣпко взяла землю.

Борисъ Андреевичъ Лунинъ, ослѣпленный весеннимъ небомъ, торопливо переходилъ черезъ площадь съ Николаевскаго вокзала на Рязанскій. Едва не раздавленный шальнымъ автомобилемъ и промочивъ изрядно ноги, онъ попалъ, наконецъ, на подъѣздъ вокзала. Разсѣянно сунувъ сакъ и деньги посыльному, пошелъ онъ въ буфетъ. И здѣсь чувствовалась московская весна—и въ странной смѣси зимней и лѣтней одежды, и въ запотѣвшихъ окнахъ, и въ лужахъ отъ калошъ, и въ нѣсколько возбужденномъ говорѣ пассажировъ.

Лунинъ съ любопытствомъ осмотрѣлся вокругъ, узнавая знакомое... Вонъ пробѣжалъ лакей съ дымящимся стаканомъ чая и двумя пирожками; вонъ проплылъ важно сѣдоусый начальникъ станціи въ красной фуражкѣ, преслѣдуемый хлопотливымъ пас-

сажиромъ; вонъ блѣдноликая дама въ траурѣ. Все то же самое, и весна такая же.

Борису Андреевичу Лунину на видъ можно было дать лѣтъ тридцать. Но уже немолодая грусть свѣтилась тихо въ его глазахъ, заключенныхъ въ синеватожелтые круги. Слишкомъ красныя губы, серебристо-матовая блѣдность и разсѣянный взглядъ—все отличало лицо Лунина отъ заурядныхъ физіономій.

Толпа пассажировъ со смѣшной торопливостью хлынула на перронъ. Разсѣянно занялъ Лунинъ первое попавшееся мѣсто въ вагонѣ. Рядомъ сидѣлъ молодой человѣкъ; и Лунину показалось, что гдѣ-то онъ видѣлъ его, этотъ низкій упрямый лобъ съ черными на немъ кудрями, эти глаза, мечтательные и злые, этотъ страстный ротъ и слишкомъ бѣлые зубы...

И молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе въ сторону Лунина, какъ бы желая поздороваться. Вскорѣ разговорились. Молодой человѣкъ назвалъ себя графомъ Бешметьевымъ и объяснилъ, что знаетъ Лунина: видѣлъ его портреты и въ прошломъ году встрѣчалъ въ Маріинскомъ театрѣ на вагнеровскихъ спектакляхъ.

Стараясь побороть свою болѣзненную разсѣянность, поддерживалъ Лунинъ разговоръ, заинтересовавшись не тѣмъ, что говорилъ ему собесѣдникъ, а его до странности мечтательнымъ взглядомъ и непонятной улыбкой, некстати змѣившейся подъ темными усами.

Лунинъ почувствовалъ, что встрѣча съ этимъ графомъ будетъ имѣть для него какое-то значеніе. И это предчувствіе, а можетъ быть и не совсѣмъ обыкновенное лицо сосѣда растревожили Лунина. Изъ разговора выяснилось, что оба они ѣдутъ до станціи Пустынино.

— Я туда ѣду безъ опредѣленнаго плана,—сказалъ Лунинъ задумчиво:—не знаю, какъ тамъ устроюсь. Мнѣ говорили, что въ Пустынинѣ есть дачи, и что ихъ мало, и вокругъ тихо, а мнѣ это и надо. И хотѣлось пожить еще въ Московской губерніи: я все-таки москвичъ, хотя Петербургъ и покорилъ меня...

Бешметьевъ съ готовностью разсказалъ, какъ можно въ Пустынинѣ устроиться. Онъ самъ ѣдетъ сейчасъ въ имѣніе къ князю Ховрину. Это въ трехъ верстахъ отъ станціи. А на полпути—дачи. Если Борису Андреевичу нужно небольшое помѣщеніе, лучше всего снять у Михневича.

— Мнѣ называли эту фамилію,—сказалъ Лунинъ.

— Этотъ Михневичъ—зять мѣстнаго священника.

— А вы знаете этого священника?

— Какъ же! знаю. Отецъ Григорій...

— Вотъ какъ! Можетъ быть, вы и семейство знаете отца Григорія?

— Да, знаю. Видѣлъ его дочку, Наталью. Пріятная барышня. И Александру, ту, что за Михневичемъ, тоже знаю.

— А другую сестру, Анну Григорьевну, вы не встрѣчали?— спросилъ неожиданно Лунинъ.

— Нѣтъ, не встрѣчалъ. А вы, стало быть, отчасти знакомы съ этимъ семействомъ,—сказалъ Бешметьевъ, улыбаясь.

— Да я встрѣчался съ Анной Григорьевной въ Петербургѣ. Она, между прочимъ, хвалила мнѣ Пустынино. Разсказывала, что въ имѣніи князя паркъ замѣчательный.

— Паркъ чудесный и, можно сказать, таинственный. Прекрасный паркъ. А про Анну Григорьевну я слышалъ. Она, если не ошибаюсь, замужемъ за инженеромъ Полянскимъ. Говорятъ, эта Анна Григорьевна красоты необычайной...

Лунинъ ничего не отвѣтилъ и задумался. Молодой человѣкъ не тревожилъ его, и только, когда пріѣхали въ Пустынино, напомнилъ, что пора выходить изъ вагона.

У станціи стояли отъ князя присланныя сани, и Бешметьевъ предложилъ Лунину подвезти его до дачъ Михневича. Въ Пустынинѣ еще лежалъ глубокій снѣгъ, и лишь кое-гдѣ на бугрохъ чернѣла обнаженная солнцемъ мартовская земля. Свѣжъ и прозраченъ былъ воздухъ. Вороны, съ гортаннымъ крикомъ, перелетали изрѣдка съ ели на ель, отряхая большіе снѣжные хлопья; ѣхать пришлось по лѣсной просѣкѣ. И казалось, что кто-то благословилъ бѣлый путь, и ели, и сосны на тишину. Страненъ былъ скрипъ полозьевъ на этомъ пути.

Лунинъ поблагодарилъ Бешметьева и побрелъ къ домику Михневича, проваливаясь въ снѣгъ. Визгливый лай потревожилъ обитателей усадьбы: на крыльцѣ появился высокаго роста мужчина и свистнулъ собакъ.

Рослый человѣкъ назвался Михневичемъ и повелъ Лунина въ комнату. Тамъ было душно, тѣсно и шумно. Куча неумытыхъ ребятъ возилась вокругъ русоволосой женщины, съ утомленнымъ лицомъ, которую Михневичъ назвалъ своей женою. Въ комнатѣ былъ безпорядокъ. На стѣнѣ висѣли лосиная голова и ружья. На столѣ валялись какія-то брошюры...

Семенъ Семеновичъ Михневичъ, повидимому, имѣлъ нѣкоторое понятіе о Лунинѣ и смотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Лицо Михневича показалось Лунину занятнымъ. Оно все заросло свинцовой щетиной, а тамъ, гдѣ не было волосъ, кожа на немъ была похожа на измятую сѣрую замшу. Когда Михневичъ

смѣялся, сотни морщинъ лучились на его физіономіи и маленькіе сѣрые глаза свѣтились лукаво. Одѣтъ онъ былъ въ блузу и высокіе сапоги.

Когда Лунинъ объяснилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, Михневичъ набросилъ на плечи тулупъ и пошелъ показывать дачу. Лунину все нравилось—и дача, и старая мебель въ ней, и то, что обѣдать ему придется у священника, тестя Михневича.

— А что этотъ графъ Бешметьевъ?—неожиданно спросилъ Лунинъ: — вотъ онъ меня къ вамъ подвезъ... Что онъ за человѣкъ? Вы его хорошо знаете?

— Встрѣчался... Человѣкъ мнѣ непонятный, молчаливый... И, кажется, отъ любви голову потерявшій...

— Отъ какой любви?

— А видите ли, этотъ самый Бешметьевъ женихомъ считается княжны нашей, Любови Николаевны. Только что-то свадьбу все откладываютъ... А графъ, видимо, истомился. Однимъ словомъ, знаете, довольно глупая канитель вотъ ужъ второй годъ тянется... А вы какъ же? Въ городъ вернетесь? А то, если хотите, оставайтесь здѣсь: на ночь васъ устрою; Мисаилъ дачу протопитъ...

— Если я васъ не стѣсню, я останусь, пожалуй,—сказалъ Лунинъ, чувствуя, что слѣпнетъ отъ снѣга и мартовскаго солнца.

II.

Садъ передъ дачей весь былъ въ сугробахъ, и только одна дорожка была протоптана до калитки. Утромъ пришелъ Мисаилъ ставить самоваръ и началъ разговоръ по собственной охотѣ.

— Вчера видѣли княжну съ женихомъ. Подъѣзжали къ самой станціи, а потомъ повернули—и домой. Княжна правитъ, а онъ съ нея глазъ не спускаетъ. Чудна̀я эта княжна. Второй годъ невѣстится...

Лунинъ ничего не отвѣтилъ, но Мисаилъ не унимался и еще съ полчаса топтался у порога, разспрашивалъ Лунина обо всемъ, о политикѣ, между прочимъ: не былъ ли Лунинъ въ Петербургѣ девятаго января и не видѣлъ ли попа Гапона? И кто такой Каляевъ? И что теперь дѣлается въ Черниговской губерніи? У него, Мисаила, подъ Черниговомъ тетка Лукерья живетъ, болѣетъ ухомъ, но баба хорошая.

Когда Мисаилъ ушелъ, Лунинъ сѣлъ-было работать, но

вскорѣ всталъ и долго бродилъ по комнатѣ, потирая руки и бормоча.

Въ три часа съ лаемъ влетѣла на террасу собака и закружилась по ней, яростно стуча хвостомъ. Послышался молодой, свѣжій голосъ:

— Сверчокъ! Сюда! Сверчокъ!

Это кричала Наташа, съ которой вчера познакомился Лунинъ.

— Борисъ Андреевичъ! Я за вами пришла.

Пошли обѣдать къ отцу Григорію. Авдотья Павловна угощала жирными яствами и хлѣбнымъ квасомъ. Ни водки, ни вина не было—и это даже умиляло Лунина: такъ онъ отвыкъ отъ трезвой жизни.

Самъ отецъ Григорій, старикъ, съ тяжелой сѣдой бородой и грустными глазами, говорилъ мало. За то сынъ его, Эксакустодіанъ, студентъ со значкомъ общества „Громобой“, затѣялъ разговоръ на серьезныя темы.

Говорилъ сердито и неувѣренно:

— Войну проигрываемъ, потому что въ войскахъ крамола. А въ Писаніи сказано: „Противящійся власти, противится Божію установленію“. Святополкъ-Мирскій на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за потворство бунтовщикамъ... А можетъ и здѣсь успѣемъ посчитаться съ либералами...

Лунинъ замѣтилъ, что глаза у него тусклые, какъ у мертвой рыбы, кожа на лицѣ дряблая, губы вялыя... И слова его были тяжелы и скучны. И очень ему хотѣлось, должно быть, чтобы Лунинъ возражалъ, но Лунинъ молчалъ.

Тогда Эксакустодіанъ Григорьевичъ продолжалъ:

— Вообще развратъ пошелъ... Вотъ еще декадентство... Оно хуже чѣмъ анархизмъ, потому что посягаетъ на корень вещей...

— Эксакустодіанъ!—сказала Наташа:—ты на дятла похожъ...

— Мамаша! Слышите, что она говоритъ? Уймите безобразницу! — крикнулъ Эксакустодіанъ, и неожиданно въ тусклыхъ глазахъ его загорѣлся огонь.

Послѣ обѣда Наташа предложила Лунину идти на лыжахъ. Они съ трудомъ, проваливаясь въ снѣгъ, добрались до дороги, а тамъ легко, по насту, побѣжали къ княжескому парку.

Воздухъ былъ прозраченъ, и было пріятно бѣжать, но уже хрупокъ былъ подтаявшій снѣгъ, казавшійся лиловымъ подъ солнцемъ.

Наташа съ веселымъ любопытствомъ посматривала на Лунина. Ему нравилась эта семнадцатилѣтняя дѣвушка, но онъ не зналъ,

о чемъ и какъ надо съ ней говорить: такъ далеко онъ былъ отъ юности и такъ рѣдко видѣлъ молоденькихъ дѣвушекъ.

— Я знаю, что вы въ Петербургѣ встрѣчали Анну,—сказала она и покраснѣла.

И, помолчавъ, прибавила:

— Надо признаться: я завидовала ей, право...

— Вотъ этого я не понимаю,—сказалъ Лунинъ, улыбаясь.

— Ахъ, это такъ понятно, Борисъ Андреевичъ! Я видѣла ваши картины. Я люблю ихъ. И вотъ интересно и страшно увидѣть того, кто что-то разгадалъ, чего другіе до него не понимали.

— Я думаю, что творчество — болѣзнь, — сказалъ Лунинъ серьезно:—и всѣ мы, художники—больные. Знаете ли, въ родѣ чахоточныхъ. Въ сущности, отъ насъ надо подальше: мы заразительны.

Наташа звонко засмѣялась.

— Ахъ, какія глупости!..

— Нѣтъ, Наталья Григорьевна, я не шучу. Пока мы здоровы, все кажется обыденнымъ, а вотъ заболитъ душа—и начнешь видѣть по новому, по иному, все станетъ фантастическимъ, интереснымъ, необыкновеннымъ. Но самое плохое—это то, что мы, соблазнившись необыкновеннымъ, начинаемъ поддерживать въ себѣ болѣзнь и все стараемся запомнить что-то и запечатлѣть. Это—самое стыдное. Отъ такой вѣчной корысти мы ужъ дѣлаемся не холодными и не горячими, какъ надо быть человѣку и какъ Писаніе велитъ, а только теплыми. При такой средней температурѣ мы и живемъ, и любимъ, и страдаемъ. Когда настоящій любовникъ убиваетъ, мы только картину пишемъ. И это ужасно: здоровый человѣкъ одинъ разъ въ страсти преступленіе совершитъ, а художникъ десять разъ убьетъ, пока картину напишетъ. Это, кажется, нехорошо, что я молоденькой дѣвушкѣ такія вещи говорю, а впрочемъ все равно...

— Мнѣ все можно—сказала Наташа серьезно:—я взрослая...

— Такъ вотъ—продолжалъ Лунинъ:—ужъ кто-кто, а художникъ навѣрное погибнуть долженъ. Такое у него нехорошее ремесло. Возьмите поэта какого хотите великаго, со всѣми его прозрѣніями, съ его великолѣпной мечтой, и все-таки въ концѣ концовъ, если подслушать его шопотъ, услышишь неожиданное и кощунственное признаніе, отъ котораго разумъ туманится... Художникъ обреченъ на вѣчныя паденія и муки. Онъ всегда оскорбляетъ то, что ему дороже всего въ сущности... Я, пожалуй, всѣмъ не сказалъ бы этого и не написалъ. Вѣдь все равно не

скажешь самаго главнаго: да и стоитъ ли открывать всѣмъ всю правду? Я вотъ сейчасъ такъ разговорился съ вами, не знаю почему. Мнѣ кажется, что я говорю съ юностью вообще, не съ тою, что суетлива и многошумна, а съ тою, что задумалась и чего-то ждетъ. Это оттого, что сейчасъ тишина такая снѣжная и вотъ пахнетъ весною, и глаза у васъ милые...

Такъ разговаривалъ съ Наташей Лунинъ, стоя у конца просѣки, откуда былъ уже виденъ княжескій паркъ и ближе—прудъ, теперь занесенный снѣгомъ, замѣтный только потому, что на немъ чернѣла купальня.

Съ другой стороны, за взбугрившимися снѣжными холмами, синѣли дымки деревни. Оттуда слышался сиповатый лай, и казалось, что тамъ сейчасъ большая грусть.

— А вамъ нравится Анна?—неожиданно спросила Наташа, наивно и довѣрчиво заглядывая въ лицо Лунина.

— Нравится.

— Да, да... Она—необыкновенный человѣкъ!—прошептала Наташа мечтательно:—вы знаете, вотъ я сестра ея, а я почти влюблена въ нее, право. Еслибы я была мужчиной, я бы сказала ей, что вотъ пусть она прикажетъ мнѣ—и я брошусь въ огонь, умру за нее. Но я боюсь ея, Борисъ Андреевичъ. Вы знаете, она жестока. Она никого не жалѣетъ. Она только красоту любитъ и больше ничего не любитъ.

— Жестока?

— Да, да... Что вы такъ смотрите на меня? Если человѣкъ слабый и безталанный будетъ гибнуть на ея глазахъ, она не пожалѣетъ его никогда. А вотъ надъ стихами Пушкина она плачетъ. Прочтетъ: „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“ — и слезы, слезы... А какъ она красива! Правда, она красива?

— Да.

— У нея лицо мѣняется, какъ небо. Тѣнь такая серебристая пробѣжитъ—и всѣ черты, и всѣ краски дѣлаются новыми, неожиданными... А какія брови у нея умныя и строгія. И тишина въ нихъ какая. А гдѣ-то далеко въ глубинѣ глазъ—черная буря... Вѣдь я правду говорю, Борисъ Андреевичъ?

— Да. Правду.

— А ротъ у нея—какъ осенняя роза темная...

— Да, да... Какъ роза темная...

— Ахъ, я люблю Анну, люблю Анну...

Въ это время послышался звонъ бубенцовъ и на дорогѣ по-

казались шведскія санки, запряженныя парою. Кто-то ѣхалъ на станцію.

— Это княжна и Бешметьевъ — сказала Наташа: — они каждый день катаются.

Когда санки мчались мимо, Лунинъ увидѣлъ бѣлокурую дѣвушку въ собольей шубкѣ. Дѣвушка ударила лошадей бичомъ и звонко крикнула:

— Здравствуйте, Наташа...

Бешметьевъ раскланялся съ Луниным.

— Я не люблю княжны — сказала Наташа: — я знаю ее. Она холодная, какъ ледъ...

Назадъ они бѣжали на лыжахъ молча, и только прощаясь Наташа спросила Лунина:

— А мужа Анны вы знаете?

Лунинъ нахмурился и отвѣтилъ сухо:

— Нѣтъ. Не знаю. Я познакомился съ Анной Григорьевной, когда ея мужъ былъ въ экспедиціи, на Алданѣ... Онъ вѣдь и сейчасъ тамъ...

— Да, да... Кажется, впрочемъ, онъ лѣтомъ вернется...

— Вотъ какъ. А вы съ нимъ дружны?

Наташа засмѣялась:

— Вы знаете, онъ похожъ на автомобиль. Вы сами увидите. Онъ—неудержимый и въ немъ рычаги какіе-то.

Наташа опять засмѣялась.

III.

Наконецъ, пришла настоящая весна, съ половодьемъ, грачами и великолѣпнымъ шумомъ апрѣльскаго вѣтра. Лунинъ, въ высокихъ сапогахъ, съ крѣпкой палкой въ рукѣ, бродилъ по окрестностямъ. Доходилъ до рѣчки Чернявки и подолгу стоялъ, прислушиваясь къ ея ропоту, и смотрѣлъ съ любопытствомъ на ея пѣнистыя, мутныя воды.

Въ княжескомъ паркѣ работники убрали мостки, и уже подсохли дорожки, щедро посыпанныя краснымъ пескомъ. Управляющій велѣлъ снять деревянные футляры со статуй. Теперь Киприда и Амуръ, Громовержецъ и Марсъ розовѣли въ лучахъ весенняго солнца.

Прошлогодніе листья, сметенные въ кучи, остро пахли. Круглую бесѣдку исправляли кровельщики: ходили по крышѣ,

распѣвая во все горло. И желѣзо гнулось съ громкимъ трескомъ подъ босыми ногами.

На широкой аллеѣ встрѣчалъ часто Лунинъ княжну и Бешметьева. Они катались верхомъ. Княжна, въ амазонкѣ, съ густыми рыжеватыми волосами, выбившимися изъ-подъ черной шляпы, казалась красивой, смѣлой, весенней... Бешметьевъ страстно смотрѣлъ на нее.

Она кивала Лунину, какъ знакомому. Одинъ разъ ему показалось, что княжна обернулась, смѣясь, и какъ будто хотѣла что-то сказать ему, но потомъ ударила лошадь хлыстомъ и пустила ее галопомъ.

По утрамъ, когда Лунинъ, проснувшись, открывалъ глаза, потоки весенняго солнца обрушивались ему на грудь. Ему казалось, что снова молодость посѣтила его. Онъ торопился одѣться, распахнуть дверь на террасу.

Однажды, когда онъ вышелъ такъ, привѣтствуя небо и влажную апрѣльскую землю, сердце его полетѣло на крыльяхъ въ непонятную голубизну: передъ Луниным стояла Анна Григорьевна.

Она была вся тутъ передъ нимъ, обжигая его сіяніемъ своихъ глазъ, вся томная, ожидающая, влюбленная, какъ весенняя земля.

Онъ сталъ на колѣни, не находя словъ, бормоча несвязно:

— Ты... Ты... Опять со мной... Люблю, люблю...

Онъ припалъ къ ея рукамъ. Потомъ торопливо повелъ ее въ комнаты. На порогѣ они остановились, не въ силахъ идти дальше. Она приникла къ нему, и губы ихъ встрѣтились. Лунину показалось, что вотъ онъ сейчасъ открылъ что-то новое въ Аннѣ, что и поцѣлуй ея какой-то новый.

И когда Лунинъ увидѣлъ ея распустившіеся волосы и глаза, потемнѣвшіе отъ страсти, и ея грустную улыбку, онъ богомольно прижался къ ея ногамъ.

— Люблю... Люблю...

— Все—какъ сонъ!—сказала она, дѣлая такой жестъ, какъ будто она отмахивается отъ видѣнія: — все какъ сонъ, Борисъ! Я не знаю, что со мной... Мнѣ хорошо, мнѣ хорошо. И откуда это голубое вокругъ? И этотъ шумъ откуда?

— Это весенній шумъ, Анна.

Они вышли на террасу, и Анна, простирая руки, громко кричала:

— Здравствуй, Апрѣль! Здравствуй, лѣсъ мой!

И вотъ, когда она такъ стояла съ поднятыми къ небу ру-

ками, изнемогая отъ любви, Лунинъ вдругъ сдѣлался мрачнымъ, какъ будто вспомнилъ что-то.

— Когда пріѣдетъ мужъ?—спросилъ Лунинъ сухо, стараясь не смотрѣть въ глаза Анны.

— Въ іюлѣ, вѣроятно. Онъ самъ не знаетъ, должно быть.

Они замолчали.

— Съ мужемъ все кончено, — сказала Анна Григорьевна тихо: — разлюбишь ты меня или нѣтъ—съ мужемъ я жить не стану.

— Да. Но ты жила съ нимъ.

Анна Григорьевна со страхомъ посмотрѣла на Лунина и стала торопливо поправлять прическу.

За обѣдомъ Анна Григорьевна сидѣла блѣдная, и на губахъ ея была улыбка, слабая и печальная.

Наташа волновалась и даже спросила, не утерпѣвъ:

— Анна! Что съ тобою, Анна?..

И грозно посмотрѣла на Лунина.

Эксакустодіанъ, ничего не замѣчая, разсуждалъ о политикѣ:

— Русскіе люди должны сплотиться... Интеллигенція ожидовѣла... Министры трусятъ и либеральничаютъ.

Отецъ Григорій кивалъ задумчиво головой и говорилъ какъ будто некстати:

— Не высокомудрствуйте, но послѣдуйте смиреннымъ. Не мечтайте о себѣ...

Авдотья Павловна угощала пельменями. Иногда восклицала, обращаясь къ Аннѣ:

— Прекрасная ты моя! Ужъ рада я тебѣ и не знаю какъ. А мужъ-то когда пріѣдетъ?

— Въ іюлѣ, должно быть.

И, забывъ отвѣтъ, немного погодя опять спрашивала:

— А муженекъ-то когда пріѣдетъ?

Принесли телеграмму со станціи.

— Аннѣ Григорьевнѣ Полянской.

Она покраснѣла, распечатывая.

Кто-то спросилъ:

— Отъ кого это?

Она прошептала:

— Отъ мужа. Въ іюлѣ пріѣдетъ.

И скомкала въ рукѣ телеграмму.

IV.

Михневичъ пришелъ къ Лунину съ большимъ листомъ и сказалъ:

— Пожалуйте подписаться, Борисъ Андреевичъ.

— А въ чемъ дѣло?

Михневичъ сталъ разсказывать что-то сложное объ обществѣ трезвости, о народномъ домѣ, объ исправникѣ Усачевѣ...

Лунинъ махнулъ рукой и взялъ перо. Подписываясь, замѣтилъ, что въ числѣ учредителей есть и княжна.

— Вотъ нашего полку прибыло, — сказалъ Михневичъ: — Пойдемте, я вамъ огороды мои покажу за то, что вы человѣкъ сговорчивый.

Шли лѣсомъ. Тамъ было сыро и мглисто, а въ ямахъ, поглубже, лежалъ даже кое-гдѣ снѣгъ. Шумно пролетѣлъ глухарь, испугавъ Лунина.

Михневичъ говорилъ о соціализаціи земли, и казалось, что онъ вслухъ читаетъ брошюру—такъ у него все гладко выходило.

Лунинъ, улыбаясь, сказалъ:

— Вотъ вы складно говорите, Семенъ Семеновичъ, а все-таки вы мнѣ больше нравитесь, когда молчите. Вы не обижайтесь. Я не хочу сказать, что вы худое говорите. Только такія слова, знаете ли, всегда безкровны, а вотъ то, что у васъ взглядъ лѣсной, что вы огородъ любите, что вотъ, я слышалъ, пчельникъ у васъ великолѣпный, это все какъ-то у васъ по настоящему... Лѣсъ и пчелы—прежде всего, а все прочее—литература.

Михневичъ лукаво и весело засмѣялся:

— Я—пчеловодъ. Это правильно. И огородникъ я. Боюсь, по правдѣ сказать, что изъ нашей соціализаціи одна литература выйдетъ.

Лунинъ заинтересовался:

— А у васъ почему такія мысли, Семенъ Семеновичъ?

— Какъ вамъ сказать... Устали мы ждать преобразованій всяческихъ и, потерявъ терпѣніе, за двумя зайцами, пожалуй, погонимся. А это всегда къ худому.

— Однако, вы—соціалистъ.

— Помилуйте-съ. Я человѣкъ чистоплотный. Соціалистомъ быть—все равно что передъ обѣдомъ руки мыть. Только малыми дѣлами мы заняты. Вотъ огородъ нашъ на кооперативныхъ началахъ устроенъ...

— Это я слышалъ. Но вотъ насчетъ неудачъ вы какъ-то туманно выражаетесь. А что же помѣшаетъ вашему дѣлу?

— Многое. Во-первыхъ—истерика...

— Какъ истерика? Этого я что-то не пойму.

— Истерика не только съ медицинской точки бываетъ, знаете ли, интересна, но и съ общечеловѣческой, такъ сказать. Нашъ интеллигентъ русскій черезчуръ истериченъ въ томъ смыслѣ, что легко колеблется въ своихъ настроеніяхъ. Въ медицинѣ тоже нѣкоторые опредѣляютъ истерику какъ легкую внушаемость. Вѣтерокъ повѣетъ, а интеллигентъ, какъ домикъ картонный—на боку. И затѣмъ—потеря вѣрности, лада и гармоніи, такъ сказать. Все у насъ порывами и скачками. И въ революцію мы бросаемся, зажмуря глаза. А это храбрость не русская. Значитъ, и нашъ интеллигентъ отъ русскаго начала оторвался...

— Однако, Семенъ Семеновичъ, васъ товарищи ваши еретикомъ, пожалуй, назовутъ...

— И ужъ называли не разъ. Они меня терпятъ, потому что полезный я для нихъ человѣкъ. Однако, когда я въ ссылкѣ былъ въ Вологодской губерніи, судили меня однажды.

— За что?

— Не за идеи, а за безнравственное поведеніе.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Хорошо, что о моемъ грѣхѣ жена заранѣе знала. А всетаки ей много непріятностей товарищи доставили.

— Однако, это любопытно.

— Да—что-жъ. Извольте, я разскажу... Дѣло прошлое... Жену я свою люблю и уважаю, но бываютъ у меня какіе-то припадки странные: иначе мои безнравственные поступки затрудняюсь назвать. Вдругъ что-то загорится на сердцѣ при иной встрѣчѣ, и тогда пиши пропало: непремѣнно спутаюсь и что-нибудь натворю. Потомъ это проходитъ. И даже какъ-то нѣжнѣе и болѣзненнѣе послѣ того жену любишь. Вотъ и тамъ, въ Вологдѣ, случилась со мной исторія: влюбился я въ жену аптекаря. Молоденькая была бабенка. И веснушки, знаете ли, на носу. Не знаю, чѣмъ она меня покорила. И что же? Пронюхали товарищи и судъ устроили. Развратное, дескать, поведеніе не соотвѣтствуетъ достоинству государственнаго преступника...

— Да, это и смѣшно, и нелѣпо.

— Еще бы. Хорошо, что аптекарь-нѣмецъ метафизикой увлекался и какъ-то не очень обратилъ вниманіе на эту исторію, а то бы бѣда была. Ну, а жена моя заранѣе меня простила...

— Но и вы тоже меня удивляете: какъ же это—любите жену, а сами аптекаршей занялись...

— Конечно, это худо. Я себя не оправдываю. Но вѣдь будьте снисходительны. Вы подумайте. Женился я ровнехонько тринадцать лѣтъ тому назадъ. Сегодня какъ разъ годовщина свадьбы нашей. Долженъ я вамъ сказать, что за это время я въ жену свою разъ восемь влюблялся и все по разному. Но, признаюсь, мѣсяцами равнодушенъ бывалъ, хотя, вообще говоря, и любилъ ее. Вотъ въ такіе темные дни и случались со мной исторіи. Она умная. Она понимаетъ.

— Но позвольте, однако. Въ такомъ случаѣ вы и ей должны свободу дать. Вѣдь и она можетъ увлечься.

— По логикѣ это такъ выходитъ. Не смѣю спорить. И принципіально согласенъ. Но, знаете ли, изъ такой справедливости ерунда получилась бы. Тутъ логика вверхъ ногами ходитъ.

Въ это время вышли они изъ лѣсу. За канавой протянулись огороды. На черныхъ грядкахъ пестрѣли дѣвки. Михневичъ что-то зычно крикнулъ имъ, и онѣ засмѣялись въ отвѣтъ.

Одна изъ нихъ пошла навстрѣчу. Увидѣвъ незнакомаго, остановилась-было, застыдившись.

— Ты что, Акулина?—сказалъ Михневичъ:—твой чередъ самоваръ ставить?

— Мой, Семенычъ.

Она стояла, босоногая, съ подоткнутой юбкой, улыбаясь, обнажая бѣлые ровные зубы.

— Вотъ, на!—сказала она, протягивая Михневичу маленькую книжку въ красной обложкѣ:—прочли мы. А „Землю Божью“ на завтра оставь.

— Ладно.

Сѣли пить чай за длинный столъ подъ навѣсомъ,—Лунинъ и Михневичъ вмѣстѣ съ дѣвками. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, бѣгали дѣвки въ сарай поправлять волосы передъ осколкомъ зеркала.

Лунина конфузились немного, а съ Михневичемъ были запросто.

Собирались облака растрепанныя, волокнистыя. Надвигаясь, чернѣли. Кто-то сказалъ:

— Охъ, гроза скоро! По веснѣ первая.

И въ самомъ дѣлѣ что-то глухо застучало мелкимъ стукомъ въ темномъ небѣ. Упало нѣсколько капель крупныхъ на деревянный навѣсъ.

Всѣ пошли гурьбой въ сарай, гдѣ устроены были сплошныя

низкія нары. Дѣвки сбились въ кучу, смѣясь. Повѣялъ вѣтеръ, взвивая черную пыль, видную изъ открытой настежь двери. Зашумѣли шумомъ шепотливымъ мшистыя ели и сосны. Красноватый свѣтъ ослѣпилъ глаза на мгновеніе. И троекратнымъ рокотомъ громъ привѣтствовалъ трепетную землю.

Дождевыя капли торопливо вразбродъ застучали по крышѣ. Какъ черныя раздранныя ткани висѣли тучи на небѣ. И вдругъ хлынули сверху потоки и все смѣшалось. Громыхалъ тяжко громъ, какъ будто кто-то громоздкій катился по каменнымъ ступенямъ лѣстницы высокой, стуча. И незримая рука разсѣкала непрестанно сумракъ острымъ ножомъ, оставляя на мгновеніе кровавый слѣдъ.

V.

Пріѣхалъ исправникъ Усачевъ, толстый и сонный человѣкъ, и съ нимъ совсѣмъ пьяный становой. Они ходили вокругъ Народнаго Дома, размахивая руками. За ними—крестьяне-понятые, съ видомъ обреченнымъ и понурымъ.

— Позвать сюда господина предсѣдателя Общества Трезвости села Пустынина!—сказалъ строго исправникъ, обращаясь къ понятымъ.

Мужики не поняли, кого надо позвать.

— Тезку моего позовите, Семена Семеныча, милые вы мои!—сказалъ становой ласково.

И потомъ неожиданно прибавилъ непечатную брань:

— Ну, маршъ! Живѣе!.. Такіе-сякіе...

Пока ходили за Михневичемъ, исправникъ сидѣлъ на крыльцѣ и дремалъ. Его лысина розовѣла въ лучахъ солнца, склонявшагося медленно къ березовой рощѣ.

Когда пришелъ Михневичъ, исправникъ сдѣлалъ кислое лицо и сказалъ:

— Вотъ, батенька, и дождались: опечатать приказано...

Исправникъ долго объяснялъ, по какой причинѣ не разрѣшенъ уставъ Общества Трезвости и почему надо опечатать Народный Домъ, но понять его было трудно.

Становой сказалъ:

— Трындили-брындили, а что толку? Плюньте, Семенъ Семеновичъ, и дѣло съ концомъ...

Потомъ исправникъ, кряхтя, взобрался на крыльцо и сказалъ:

— Ну, Семенъ Семеновичъ, приступимъ...

Приложили большія бурыя печати.

Внутри, изъ-за двери, послышался жалобный писк.

— Ахъ, грѣхъ какой!—вздохнулъ понятой: — кота опечатали... Васинька... Кысъ... Кысъ...

Въ это время къ Народному Дому подъѣхали въ шарабанѣ княжна съ Бешметьевымъ.

— Вотъ вамъ и спектакль!—сказалъ Михневичъ, здороваясь съ княжной:—опечатали насъ, княжна...

— Ахъ, Богъ мой! Гдѣ же мы будемъ играть?...

— Не знаю.

— Какъ нескладно!—пробормоталъ Бешметьевъ:—Какъ нескладно...

Исправникъ подошелъ къ Бешметьеву съ пріятной улыбкой:

— Еслибы вы, ваше сіятельство, написали губернатору...

— Нѣтъ, гдѣ же намъ устроить спектакль? Гдѣ?—волновалась княжна.

— Можно въ оранжереѣ старой,—сказалъ Михневичъ, соображая.

— Въ самомъ дѣлѣ въ оранжереѣ. Пожалуйста, Семенъ Семеновичъ, не отмѣняйте репетиціи... Сейчасъ всѣ туда и пойдемъ... И остальнымъ надо сказать... Графъ скажетъ. Пойдите, голубчикъ. Можетъ быть, вы, графъ, и Бориса Андреевича приведете?

Графъ поклонился покорно.

Огромная старая оранжерея, съ разбитыми кое-гдѣ стеклами, вся свѣтилась въ вечернемъ солнцѣ: на полу легла большая радуга семицвѣтнымъ ковромъ. Внутри оранжереи воздухъ былъ влажный и отъ стѣнъ вѣяло пріятной прохладой.

Михневичъ отгородилъ часть оранжереи скамейками и сказалъ:

— Вотъ здѣсь будетъ сцена. Пожалуйте, господа, начинать...

— Позвольте,—сказала княжна:—кажется, еще не всѣ собрались... Вотъ Лунина нѣтъ. Безъ него нельзя.

— Да вотъ и Борисъ Андреевичъ!—сказалъ бѣлокурый студентъ Чепраковъ, который долженъ былъ играть Кудряша.

Княжна первая подошла къ Лунину.

— Наконецъ-то мы съ вами познакомились. Вы должны намъ помочь, не правда ли? Вы будете играть?

— Нѣтъ, простите, я пришелъ извиниться. Играть не умѣю. Да и страшно это...

— Жаль какъ!—сказала княжна.—Ну, дѣлать нечего, графа играть заставимъ. А вы все-таки не уходите. Графъ! Будете играть?

— Хорошо. Я согласенъ.

— Вотъ здѣсь первая кулиса. Здѣсь скамья. Мы начинаемъ, господа!—кричалъ Михневичъ.

Лунинъ вышелъ изъ оранжереи. Благоухали томно липы. И легкій шелестъ вечерній чаровалъ сердце. Кое-гдѣ червонились стволы и листья, но уже благовонный сумракъ, сгущаясь, осѣнялъ паркъ. Лунинъ сѣлъ на чугунную скамейку.

— Вотъ сейчасъ придетъ она. И будетъ сладостно и больно. Такъ надо, надо...

И въ самомъ дѣлѣ Анна шла по аллеѣ, какъ сомнамбула, какъ будто ведомая невѣдомой силой.

Она подошла къ Лунину совсѣмъ близко.

— Борисъ! Борисъ! Зачѣмъ ты не вѣришь? Я люблю тебя... Люблю...

Онъ поднялся, дрожа.

И когда она прижалась къ нему, закинувъ голову и полуоткрывъ ротъ, и когда онъ увидѣлъ темные, страшные и влекущіе ея глаза, все вокругъ показалось ему волшебнымъ.

— Люблю... Вѣрю тебѣ... Люблю...

Уже погасло солнце и паркъ сталъ таинственнымъ и шепотливымъ. Лунинъ и Анна шли молча вдоль пруда. Переливаясь живою ртутью, сіяла лунная полоса на водѣ. А на томъ берегу, въ темнолиловыхъ кустахъ, пѣлъ соловей нѣжно и свирѣльно.

Чьи-то шаги послышались. Безцѣльно и слѣпо отошелъ въ сторону Лунинъ, увлекая за собой Анну. И медленно прошли мимо нихъ Бешметьевъ съ княжной.

Графъ говорилъ печально и страстно:

— Вы мучаете меня, княжна. Но сладки мнѣ эти муки. Любовь моя—пытка.

Княжна засмѣялась.

— Любовь всегда пытка, мой другъ.

VI.

Эксакустодіанъ пришелъ къ Лунину и долго сидѣлъ у него, разговаривая о незначительномъ, выпучивъ рыбьи свои глаза.

Лунинъ угощалъ его чаемъ, и онъ пилъ грустно, наливая на блюдечко жиденькій чай и обсасывая кусочки сахару.

Неожиданно сказалъ, блѣднѣя:

— Я пришелъ къ вамъ объясниться, потому что съ госпо-

диномъ Михневичемъ, съ Чепраковымъ и съ моими сестрицами я разговаривать не хочу. Доколѣ это будетъ продолжаться?

— Что такое?—не понялъ Лунинъ.

— Да вся эта мерзость крамольная.

— Простите меня, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, но я, право, не пойму, что̀ васъ такъ волнуетъ.

— Какъ что? А по вашему хороша эта затѣя со спектаклемъ и вся эта исторія съ Народнымъ Домомъ? Вы думаете, князь Николай Николаевичъ знаетъ, на что деньги пойдутъ? И княжна знаетъ? И графъ Алексѣй Петровичъ...

— По правдѣ сказать, и я не знаю.

— Ну такъ я вамъ скажу: денежки пойдутъ жидамъ-революціонерамъ на забаву, а намъ, русскимъ людямъ, на позоръ.

Лунинъ сухо засмѣялся.

— Скучное вы говорите, Эксакустодіанъ Григорьевичъ.

— Скучное? Вотъ отъ этакихъ словъ и Россія гибнетъ.

— А развѣ Россія гибнетъ?—спросилъ Лунинъ, заинтересовавшись.

Эксакустодіанъ всталъ со стула и, сложивъ руки на груди, какъ святые на иконахъ, испуганно прошепталъ:

— Гибнетъ... Гибнетъ... Гибнетъ...

Нахмурился Лунинъ.

— Что вы какъ воронъ... И странно: недавно разговаривалъ я съ Михневичемъ—и онъ тоже какъ-то мрачно смотритъ и даже въ соціализацію свою не вѣритъ.

— Да, да... Чепраковъ вѣритъ, а онъ нѣтъ... И сестры вѣрятъ, а онъ нѣтъ... Онъ только отъ досады бунтуетъ, а ему все равно.

— Ну, вы не совсѣмъ справедливы,—а вотъ то, что вы, черносотенецъ, такъ мрачно каркаете, и что этотъ радикалъ Михневичъ тоже не очень свѣтелъ—все это любопытно и, пожалуй, страшно... Что же, по вашему, дѣлать надо?

— Перевѣшать крамольниковъ... Народный Домъ сжечь... Еретиковъ въ монастырь заточить...

Когда Эксакустодіанъ говорилъ такъ, губы его дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и онъ задыхался, кашлялъ и, наконецъ, сѣлъ на стулъ, изнемогая, прижавъ ко рту платокъ. На платкѣ заалѣли пятна крови.

Эксакустодіанъ показалъ на пятна и прошепталъ:

— Умираю... И у сестры Натальи тоже чахотка...

И потомъ, злобно смѣясь, прибавилъ:

— И вы, небось, недолго проживете. Да и всему скоро конецъ, слѣпой вы человѣкъ.

— Какъ вы смерти боитесь!—невольно вырвалось у Лунина.

— А вы не боитесь?

— Нѣтъ. Думаю, что нѣтъ.

— И я не боюсь, — сказалъ серьезно Эксакустодіанъ: — я тишины хочу и покоя. Вотъ поэтому я бунтовщиковъ не люблю. За безпокойство.

И вдругъ неожиданно прибавилъ:

— А вы знаете, я въ прошломъ году въ тюрьмѣ сидѣлъ.

— Вотъ какъ. За что?

— Къ сестрамъ рабочій одинъ приходилъ съ завода Прустъ. Думали, что ко мнѣ, и меня арестовали. Недѣли черезъ двѣ выпустили: я сказалъ, что вѣрноподданный, и тогда же въ „Громобой“ записался. А потомъ я слышалъ, что рабочаго этого повѣсили въ Варшавѣ.

— Не надо смерти бояться,—сказалъ задумчиво Лунинъ.

— Не надо? А вы голоса слышите?

— Какіе голоса?

— А я слышу. Тоненькіе такіе голоса: „Эксакустодіанъ! Я здѣсь... Эксакустодіанъ! Я жду“... А въ глазахъ—голубизна такая. А весной, когда еще мы въ городѣ жили, ко мнѣ рабочій этотъ варшавскій пришелъ. Показалось мнѣ, что звонокъ. Пошелъ я дверь отворить. Дѣло было въ сумеркахъ. Отворилъ—никого. Я заперъ дверь, и вдругъ, вижу, рядомъ стоитъ *онъ*. Я и думаю, какъ же онъ пришелъ... откуда?.. Забылъ сначала, что повѣсили его... А онъ, какъ и раньше былъ, рябой и борода рыжая. Поклонился мнѣ и говоритъ: „До свиданія, товарищъ“... А самъ въ коридоръ, не спѣша. И слышу, какъ сапоги поскрипываютъ.

— Какъ же вы толкуете это?

— А никакъ не толкую... Однако, будьте здоровы: мнѣ пора.

Лунинъ вздохнулъ свободно, когда ушелъ Эксакустодіанъ. Но тотчасъ же опять показалась на порогѣ его высокая, плоская фигура. И, задыхаясь, онъ прохрипѣлъ въ лицо Лунину:

— Я все знаю... Все знаю... Я не позволю... Пріѣдетъ мужъ Анны, я открою ему глаза, безчестный вы человѣкъ.

— Вы больны. Опомнитесь!—едва успѣлъ закричать вслѣдъ ему Лунинъ, потому что Эксакустодіанъ бросился бѣжать, не оглядываясь.

VII.

Вокругъ оранжереи висѣли китайскіе фонарики. Около ограды стояли шарабаны, коляски и линейки пріѣхавшихъ на спектакль дачниковъ.

Пришелъ князь Николай Николаевичъ, опираясь на палку. Сѣдой, строгій, съ усталыми умными глазами. Пріѣхала смотрѣть дочерей на сценѣ попадья, Авдотья Павловна, торжественная, въ сиреневой шляпкѣ; жужжали дачницы, осматривая наряды ревнивыми глазами.

Наконецъ, поднялся занавѣсъ.

Лунинъ смотрѣлъ на Анну и зналъ, что она это, и не узнавалъ ея.

Откуда эта страсть темная? И какъ полнозвученъ голосъ ея! Какъ мучительно прекрасны глаза эти!

„Мнѣ хоть умереть, да увидѣть его. Передъ кѣмъ я притворяюсь-то? Бросить ключъ? Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Онъ мой теперь... Будь что будетъ, а я Бориса увижу. Ахъ, кабы ночь поскорѣе“...

„И меня зовутъ Борисомъ“,—подумалъ Лунинъ.

Онъ былъ какъ во снѣ, какъ очарованный.

Опустили занавѣсъ, а передъ глазами Лунина все еще стояла безумная Катерина съ ключомъ въ рукѣ. И мерещились ея влюбленные глаза...

Лунинъ прошелъ за кулисы. Нельзя было узнать оранжерею, гдѣ такъ недавно было просторно, пахло влагой, листьями. Теперь здѣсь, за кулисами, суетились въ тѣснотѣ и уже инымъ пахло—пудрой, красками и еще чѣмъ-то театральнымъ...

Прошелъ Михневичъ съ подклеенной бородой, возбужденный, размахивая руками, и не замѣтилъ Лунина, хотя смотрѣлъ на него; Наташа торопливо своей горячей рукой пожала Лунину руку; за перегородкой, когда распахнулась занавѣска, видно было, какъ сидитъ передъ зеркаломъ княжна и горничная обсыпаетъ ей пудрой розоватую шею... Наконецъ, Лунинъ увидѣлъ Анну, и они отошли въ сторону, въ уголъ, гдѣ стояла кулиса—три березы.

— Анна! Ты — актриса, — сказалъ Лунинъ, съ восторгомъ вглядываясь въ безумные незнакомые глаза, съ фантастическими синими кругами подъ ними, въ странно-алый ротъ, въ это измѣнившееся и по новому влекущее лицо.

— Ахъ, я право не знаю, такъ ли надо играть. Я вѣдь по настоящему никогда не играла... Но тебѣ нравится, милый? Ну, ступай, ступай... Я вѣдь не Анна, я—Катерина сейчасъ...

Лунинъ отошелъ отъ нея, опьяненный ея глазами.

— Да, это не Анна... Это не только Анна. Какъ будто бы вошло въ душу Анны что-то новое—живое и страшное.

Послѣ спектакля большой компаніей отправились домой пѣшкомъ; одна лишь Авдотья Павловна поѣхала впередъ въ шарабанѣ.

Тусклозолотистая воздвиглась высоко въ небѣ луна, и отъ ея волшебнаго свѣта казалось, что въ лѣсу таятся бѣлыя фигуры, и нельзя было понять, кто это — живые или мертвые. И какъ будто бы луна вела съ землей безмолвную бесѣду тайными знаками. Холодная лунная душа открывала нашему міру свои извѣчныя правды, смутныя для земного сердца.

Луна всегда вліяла на Лунина, и теперь онъ шелъ какъ зачарованный. Не вѣрилось, что нѣтъ соотвѣтствія между лѣсомъ этимъ черносеребрянымъ и какой-то иной правдой, тамъ, въ омутѣ сердца.

— Какая тишина! — сказала Наташа, коснувшись теперь холодными пальцами руки Лунина.

— Да. Тишина... И вотъ все измѣнилось. И ваше лицо теперь иное. И руки стали холодными.

— У меня лихорадка,—прошептала Наташа, заглядывая въ глаза Лунину.

Лунинъ вспомнилъ, какъ говорилъ вчера Эксакустодіанъ, что у Наташи чахотка и что она умретъ скоро.

И тогда Наташа, какъ бы угадавъ его мысли, сказала, задыхаясь:

— Пойдемте тише. Я хочу сказать вамъ одно слово... О моей чахоткѣ...

— Какая чахотка?.. Не надо... Не надо...

— Борисъ Андреевичъ! Я хочу спросить васъ...

— Я слушаю васъ, Наташа.

— Я хочу спросить, что̀ значитъ, если человѣкъ какой-нибудь покажется не такимъ, какъ всѣ; когда вдругъ вѣришь, что есть міръ безъ этого человѣка—простой, понятный, плоскій такой, и еще другой есть міръ—съ нимъ, съ человѣкомъ этимъ; и когда видишь этого человѣка, слышишь его голосъ, касаешься его рукой, все кажется таинственнымъ, непонятнымъ, глубокимъ. И тогда не боишься смерти, чахотки, ничего не боишься... Вотъ я теперь ничего не боюсь... Что это значитъ, Борисъ Андреевичъ?

— Это любовь, Наташа.

— Любовь? Ахъ, какъ страшно... Вы вѣрите мнѣ?

— Да, вѣрю, Наташа.

— Я никогда не спросила бы васъ объ этомъ, еслибы я не знала, что скоро умру.

— Зачѣмъ говорить такъ? Вы молоды...

— Я скоро умру... А вы... вы... Идите къ Аннѣ...

Наташа слегка оттолкнула руку Лунина и догнала ушедшихъ впередъ.

— Какая странная Наташа! — сказалъ Лунинъ задумчиво, подходя къ Аннѣ.

— Милый! Будь съ нею осторожнѣй! — прошептала Анна, прижимаясь къ плечу Лунина:—она влюблена въ тебя.

VIII.

Наступали событія странныя и тревожныя. Подымалась волна людская и несла свой высокій гребень отъ Восточной Сибири до Великороссіи; съ новымъ порывомъ Богъ вѣсть откуда прилетѣвшаго урагана вздымались новыя косматопѣнныя волны и, шумя, неслись отъ Петербурга до Черноморья.

И вокругъ Пустынина закружилась, заметалась жизнь, какъ ласточка передъ грозой. Забастовали по сосѣдству фабрики суконныхъ издѣлій купцовъ Растороповыхъ. Два дня ходили рабочіе съ краснымъ флагомъ и пѣли громко „Вставай, подымайся“... Пустынинскіе парни читали книжечку „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“. И книжечка нравилась молодежи... Въ княжескаго управляющаго кто-то бросилъ камнемъ, когда онъ проѣзжалъ по деревнѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и теперь управляющій ходилъ съ подвязанной рукой.

Жена Михневича, Александра Григорьевна, совсѣмъ забросила ребятъ и цѣлый день возилась съ мимеографомъ; Наташа по воскресеньямъ читала въ школѣ мужикамъ Глѣба Успенскаго, и потомъ долго кашляла, и на щекахъ у нея выступали красныя пятна; поговаривали, что скоро черезъ Пустынино проѣдетъ самъ Сергѣй Ивановичъ, а пока студентъ Чепраковъ обрилъ себѣ бороду для конспираціи и, когда ходилъ къ растороповскимъ рабочимъ, бралъ съ собою браунингъ.

Въ это же время въ трактирѣ собирались политики ради Ѳедька Хромой, купецъ Тароватовъ и Эксакустодіанъ Григорьевичъ Томилинъ. Они пили пиво.

Купецъ Тароватовъ говорилъ:

— Ежели дѣвокъ къ участію въ прибыляхъ господинъ Михневичъ допустилъ, что же выйдетъ изъ такого, съ позволенія сказать, огорода? Я бы дѣвокъ лозой, а Михневича господина—куда Макаръ телятъ не гонялъ. А давеча вотъ пришелъ ко мнѣ въ лавку Савельевъ сынъ и говоритъ: „Кровопійца ты и жуликъ, Тароватовъ“. Я—за безменъ, а онъ мнѣ изъ двери кричитъ: „Ужо брюхо тебѣ распотрошимъ, такой-сякой“... Ежели мы, господа, не обратимся къ губернатору, насчетъ казаковъ, никакой возможности жить не будетъ.

Ѳедька Хромой яростно перебивалъ:

— Дѣло, купецъ, не въ казакахъ, а въ русскомъ чувствѣ. Патріотъ ты или нѣтъ? Говори прямо.

— Я патріотъ.

— А ежели ты патріотъ, по какому такому праву у тебя до сихъ поръ значка нѣтъ?

— Да я бы не прочь, Ѳедя: только вѣдь, ты говоришь, сто рублей вносить надо. А вотъ Эксакустодіанъ Григорьевичъ безъ денегъ въ истинно-русскіе люди произведенъ...

— Эксакустодіанъ Григорьевичъ — образованный человѣкъ, а ты кто? Хамъ...

— Ѳедя! Ты не бранись... Что-жъ, я сто рублей могу...

Тогда вступилъ въ бесѣду Эксакустодіанъ. Говорилъ онъ вдохновенно, блѣдный, и теперь глаза его не были тусклыми.

— Россія гибнетъ отъ размягченія сердецъ. Люди забыли Бога и своего Государя. Ожидовѣла Россія. Жиды всегда суетятся, потому что душа у нихъ мышиная. Жиды суетою Россію заразили. А мы, русскіе люди, суеты не желаемъ. Правильно я говорю?

— Правильно, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, правильно.

— Нужно въ холодѣ сердца наши укрѣпить. Никого не пожалѣемъ, Россію-матушку пожалѣемъ.

Эксакустодіанъ стукнулъ по столу кулакомъ.

— Погромъ—говорите? Ну, чтожъ. Погромъ такъ погромъ... Лучше жидовскую кровь пролить, чѣмъ Россію великую погубить.

Кашель душилъ Эксакустодіана.

— Мы, русскіе люди, благообразія и тишины желаемъ. Лучше благообразно умереть, чѣмъ жить по собачьи, по жидовски и спѣшить куда-то къ чорту на рога. Весь нашъ прогрессъ гроша мѣднаго не стоитъ, и забыли мы исконные завѣты и серьезность нашу великороссійскую. Правильно ли я говорю?

— Правильно, Эксакустодіанъ Григорьевичъ, правильно...

— Народный Домъ выдумали! Знаемъ мы дома эти... Зачѣмъ дома? Митинги устраивать, бунты заваривать. Вчера исправникъ пріѣхалъ: печати снялъ... Бумагу привезъ: Общество Трезвости утверждено... Князь на свою голову, старый дуракъ, хлопоталъ. Не позволимъ дома открывать... Къ чорту!..

— Не позволимъ...

— А по моему, — завизжалъ Ѳедька, подымая волосатый кулакъ:—а по моему проучить пора крамольниковъ...

Ѳедька нагнулся къ Эксакустодіану и что-то прошепталъ ему на ухо...

— Вѣрно! — крикнулъ Эксакустодіанъ, сверкая глазами: — вѣрно. Я согласенъ...

И опять кашель сталъ душить его.

Въ понедѣльникъ, когда народъ былъ въ полѣ, закурился синеватый дымокъ надъ Народнымъ Домомъ. Первымъ замѣтилъ его графъ, мимо проѣзжавшій на велосипедѣ. Онъ поспѣшилъ на станцію, гдѣ стояли бочки и насосъ пожарный. А когда удалось графу, и не безъ труда, заставить кое-кого взяться за машину и помочь запречь лошадей и когда, наконецъ, подъѣхали бочки къ Народному Дому, онъ былъ уже весь въ огнѣ.

Вокругъ толпились мужики, прискакавшіе съ поля. Теперь они стояли равнодушно и смотрѣли какъ посторонніе.

— Ишь ты тишина какая! — сказалъ кто-то, безсмысленно ухмыляясь.

Дымъ стоялъ прямымъ столбомъ, и огонь, то алѣя, то закручиваясь въ лиловые плащи, сжигалъ балки и стропила, какъ хорошо изготовленный сухой костеръ.

Облака, низко спустившіяся, казались коричневыми съ красной каймой по краямъ.

Въ шарабанѣ пріѣхали Анна Григорьевна и Михневичъ. Примчался за ними Сверчокъ.

Онъ сталъ, какъ вкопанный, и протяжно завылъ. Михневичъ вылѣзъ изъ шарабана и самъ взялся за насосъ. А когда огонь сталъ гаснуть, Михневичъ подошелъ ближе и, что-то замѣтивъ, позвалъ мужиковъ.

— Это что? — сказалъ онъ, указывая на жестяную посуду изъ-подъ керосина.

— Ахъ, грѣхъ какой!—сказалъ, качая сѣдой головой, одинъ изъ мужиковъ:—ахъ, грѣхъ какой! Это дѣло рукъ Ѳедьки Хромого...

— Онъ ужъ давно похвалялся балаганъ сжечь... Ахъ, дьяволъ!

Лунинъ пришелъ, когда пожаръ кончился. Жутко было смотрѣть на черныя обуглившіяся бревна и на зіявшія окна. Пахло горько гарью. А небо, теперь безоблачное, синѣло надъ пожарищемъ, какъ будто бы ничего не случилось.

Къ Лунину подошла Анна Григорьевна.

— Какая тоска!—сказала она.—Какая тоска! Поѣдемъ къ намъ, Борисъ. Тебя хочетъ видѣть Наташа. Ей совсѣмъ худо. Былъ докторъ и сказалъ, что ни за что не ручается. Подумать страшно. Господи!

Въ комнатѣ Наташи пахло креозотомъ. Она сидѣла въ креслѣ, у окна—вся прозрачная, съ обозначившимися голубоватыми линіями подъ тонкой кожей.

Она печально улыбнулась Лунину и прошептала:

— Солнце какое! Солнце!

И въ самомъ дѣлѣ четыреугольникъ окна сіялъ золотомъ. А за нимъ томно дышалъ благоуханный іюль.

— Я счастливая, — сказала Наташа: — я люблю... Я тебя люблю, Анна.

Анна сѣла на полъ, у ногъ Наташи, и прижалась головой къ ея колѣнямъ.

— А его можно любить?—прошептала Наташа, показывая глазами на Лунина:—вѣдь *теперь* мнѣ можно? *Теперь* мнѣ не стыдно сказать, что люблю я...

Лунинъ сталъ на колѣни и прижался губами къ маленькой прозрачной рукѣ.

IX.

„Не убоишися отъ страха нощного, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго“...

Казалось, что не умерла Наташа, что спитъ она, что цвѣты и ладанъ и все вокругъ—сонъ ея, и что вотъ проснется она — и тогда жизнь будетъ истинная.

И вотъ прозвучалъ вѣчный зовъ, влекущій сердце:

— „Богородице безневѣстная, вѣрныхъ спасеніе“...

Тихо было въ церкви: одинъ только Эксакустодіанъ то рыдалъ, то повторялъ громко тропарь:

— „Погибшее овча азъ есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя...“

— „Бѣсъ полуденный“... — думалъ Лунинъ:—Что это значитъ?

А когда онъ, послѣ Анны Григорьевны, поднялся на возвышеніе и, перекрестившись, коснулся губами руки Наташи, а потомъ вѣнчика, онъ вспомнилъ, какъ три дня назадъ говорила Наташа: „Теперь мнѣ не стыдно сказать, что люблю я“...

Былъ знойный день. Подъ ногами трава шуршала, какъ бумага, когда Лунинъ, Бешметьевъ, Чепраковъ и Эксакустодіанъ несли гробъ Наташи на кладбище.

Вокругъ могилы пряно пахло вербеной и резедой. Тонко и нѣжно пѣли мальчики-пѣвчіе: „Упокой, Господи, рабу Твою“...

— Можно зайти къ вамъ сегодня вечеромъ?—спросилъ шопотомъ Бешметьевъ, наклонившись къ Лунину.

— Пожалуйста.

А хоръ пѣлъ:

— „Ты мене утверди въ любви Твоей“.

На могилу положили три вѣнка. Одинъ былъ съ красной лентой. И на немъ была надпись: „Товарищу Наталіи“. Положили его какіе-то смуглые парни въ рабочихъ блузахъ.

Вечеромъ пришелъ къ Лунину Бешметьевъ.

— Я къ вамъ по дѣлу, Борисъ Андреевичъ... А если не во-время, я уйду.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Княжна поручила мнѣ просить васъ написать ея портретъ. Она—ваша почитательница и была бы счастлива, еслибы вы согласились ее написать.

— Только не теперь, только осенью, въ городѣ... Здѣсь не могу, право,—сказалъ Лунинъ, виновато улыбаясь.

— Хорошо. Я такъ и скажу княжнѣ.

Графъ поднялся, чтобы проститься, но Лунинъ задержалъ его руку въ своей.

— Вы спѣшите? А я такъ былъ бы радъ, еслибы вы посидѣли.

— Нѣтъ, я не спѣшу. Я думалъ, вы заняты.

— Вотъ вашъ портретъ я бы съ охотой написалъ,—сказалъ Лунинъ, вглядываясь въ темные огни его глазъ и въ ротъ страстный и какъ бы надменный.

— И ваше лицо волнуетъ меня,—сказалъ графъ:—мнѣ кажется, что во многихъ портретахъ, вами написанныхъ, есть ваши черты; какъ будто изъ души вашей что-то отдаете вы...

— Да вѣдь это всегда такъ. Вѣдь, иначе и нельзя... А вотъ Анну Григорьевну пробовалъ я писать. Ничего не вышло. Не сумѣлъ. А жаль мнѣ.

— Какъ странно!

— А это потому, должно быть, что я боялся *свое* вложить: мнѣ хотѣлось совсѣмъ просто написать, чтобы красоту ея сохранить. И вотъ не вышло...

— Какъ страшно жить такъ, какъ вы: всегда около искусства. Вѣдь искусство—колдовство... Вѣдь одинъ шагъ—и уже разучишься вѣрить, что дважды два — четыре. А безъ таблицы умноженія съ ума можно сойти...

— А я думаю, что не только художникамъ, но и вообще многимъ современникамъ нашимъ трудно теперь вѣрить въ логику и въ прочность нашего отношенія къ міру. Всѣ мы живемъ фантастически.

— О, да! Да! — поспѣшилъ согласиться Бешметьевъ: — это вы правду сказали: мы живемъ фантастически. Отчего бы это? Вотъ сейчасъ революцію переживаемъ мы — и я совсѣмъ внѣ политики, но, представьте себѣ, я чувствую революцію какъ-то особенно, и мнѣ все кажется, какъ будто бы вѣютъ надъ Россіей какія-то силы тайныя. Я объ этомъ не говорю никогда, но вотъ съ вами мнѣ хочется говорить. И я думаю, что силы эти на все вліяютъ... И особенно на любовь нашу. Въ восьмидесятыхъ, скажемъ, годахъ люди не такъ любили, какъ мы теперь. Отчего бы это? Мы любимъ болѣзненно, тревожно, а иногда видимъ свѣтъ какой-то голубой и слѣпнемъ отъ сіянія, потому что его недостойны.

— Я это очень понимаю,—сказалъ Лунинъ тихо, какъ бы взвѣшивая свои слова:—я это понимаю, но, можетъ быть, все, что вы говорите о новой любви и о тревогѣ нашей, все это—участь немногихъ, а тамъ гдѣ-то, среди полей, да и вообще въ провинціальной Россіи, по иному переживаютъ революцію—болѣе трезво, плоско и дѣловито.

— А я этого не думаю, Борисъ Андреевичъ. Тамъ, въ глубинѣ Россіи, не такими словами говорить станутъ на эту тему, но въ сущности полевая Россія такъ же безумна, какъ и нашъ безумный Петербургъ...

Бешметьевъ посмотрѣлъ на часы и сталъ торопливо прощаться.

— Ахъ, мнѣ пора, пора. А вы знаете, Борисъ Андреевичъ, у меня какое-то предчувствіе есть: что-то насъ должно связать въ жизни. А что именно—Богъ знаетъ.

Въ это время на террасу, шлепая босыми ногами, вошелъ мальчишка и подалъ Лунину письмо.

— Простите, пожалуйста! — сказалъ, почему-то волнуясь, Лунинъ и распечаталъ конвертъ.

Въ письмѣ было сказано:

„Борисъ! Пріѣхалъ мужъ неожиданно. Сидитъ сейчасъ у меня. Приходи ко мнѣ. Не хочу, не могу оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ. Пока не сказала ему ничего. Приходи, милый. Жду. Твоя Анна“.

X.

Дача Анны Григорьевны стояла на краю просѣки, по сосѣдству съ дачей отца Григорія. Передъ террасой росли кусты розъ, и благоуханіе ихъ всегда волновало Лунина. И сейчасъ, когда онъ взялся рукой за калитку, голова его блаженно закружилась и сердце забилось чаще и радостнѣе.

Маркизы были спущены, и только видно было, что на столѣ лампа и кто-то высокій стоитъ посреди террасы.

Лунинъ вошелъ, молча, со смутной надеждой, что выяснится, наконецъ, все—и скоро, сейчасъ же. И ему казалось, что онъ ко всему готовъ.

Передъ Луниным стоялъ высокій, плотный господинъ въ инженерной формѣ, красивый и надменный, съ сѣрыми пустыми глазами, съ чертами лица какъ бы геометрически правильными, съ русой бородой, расчесанной безукоризненно.

Инженеръ вопросительно смотрѣлъ на Лунина.

— Я—Лунинъ... Анна Григорьевна дома?

Инженеръ протянулъ руку.

— Полянскій... Я хотѣлъ съ вами познакомиться... Слышалъ о васъ отъ моего beau-frère, Эксакустодіана Григорьевича... Вчера онъ былъ въ Москвѣ, и мнѣ довелось его видѣть.

„Знаетъ или не знаетъ?“—подумалъ Лунинъ, нерѣшительно пожимая руку Полянскаго.

Рука Полянскаго была какъ изъ стали, и что-то было въ немъ твердое, механическое. „Автомобиль“—вспомнилъ Лунинъ Наташино сравненіе.

Въ это время вышла Анна, въ траурномъ платьѣ, блѣдная и строгая. Она поздоровалась съ Луниным и пристально посмотрѣла ему въ глаза, какъ будто спрашивая его, что̀ надо дѣлать теперь.

— Петръ Ильичъ пріѣхалъ сегодня вечеромъ,—сказала она, какъ будто удивляясь его пріѣзду.

— Да, да... Такія дѣла... И сегодня въ половинѣ перваго ѣду въ Москву на три дня. Потомъ вернусь.

— Я годъ учился въ политехническомъ институтѣ,—сказалъ Лунинъ неожиданно и некстати,—и потомъ бросилъ, поступилъ въ академію и на филологическій одновременно: испугался математики, точности и, главное, необходимой дѣловитости. Я лѣнивъ безнадежно... Вотъ вы сейчасъ сказали: „дѣла", а мнѣ даже страшно стало.

— А я безъ точнаго плана жить не могу,—сказалъ Полянскій серьезно и строго:—Лапласъ когда-то высказалъ мысль, что возможна идеальная математическая формула, охватывающая всю сложность жизни. Я раздѣляю эту мысль. И мнѣ кажется, что мы должны жить, облегчая задачу гипотетическаго математика, то-есть жить проще, планомѣрнѣе, яснѣе. Лѣнь всегда фантастична. Лѣнтяй—всегда поэтъ. А поэзію труднѣе всего выразить въ математическихъ терминахъ. По моему, поэзія для человѣчества—занятіе преждевременное и потому вредное. Вѣдь нельзя одиннадцатилѣтнему мальчику заниматься любовью. Это для него безнаказанно не пройдетъ. Мы еще ариѳметики не знаемъ, а намъ предлагаютъ Петрарку и Гёте.

— То, что̀ вы говорите, Петръ Ильичъ, весьма остроумно, можетъ быть, но я никакъ съ вами не долженъ соглашаться, по причинамъ отчасти неожиданнымъ. Вы думаете, я буду доказывать, что искусство полезно и необходимо для всѣхъ возрастовъ человѣчества? Нѣтъ, я полагаю, что искусство—болѣзнь, опасная, а иногда и смертельная. Но я не хочу „естественнаго" развитія человѣчества. Я хочу бороться съ глупой закономѣрностью мірового порядка—вотъ смыслъ художества. Бетховенъ, Винчи, Достоевскій—это все великолѣпные безумцы, и они заразительны. Міръ сойдетъ съ ума, если всѣ станутъ художниками, и это неестественный, но за то воистину достойный конецъ міра. А думать о концѣ міра надо, потому что идея конца—благородная и чистая идея, и всегда безкорыстная.

— Еслибы я былъ законодатель,—сказалъ медленно Полянскій, направляя свой упорный, стальной взглядъ прямо въ лицо Лунину:—я бы казнилъ всѣхъ художниковъ. Я съ вами согласенъ: художество—болѣзнь. И надо истреблять заразу и паразитовъ.

— Художника невозможно убить,—улыбнулся, не безъ горечи, Лунинъ:—художникъ всегда воскресаетъ такъ или иначе. Умретъ художникъ и картины его могутъ испепелиться, но останется легенда о немъ, и это, быть можетъ, опаснѣе, чѣмъ самая картина. Примѣръ—Леонардо да-Винчи.

— Какъ странно,—сказала Анна Григорьевна, съ тревогой

и любовью смотря на Лунина, — какъ странно: вы только что познакомились, и вотъ разговоръ объ искусствѣ, и *такой* разговоръ!

— А вы съ кѣмъ изъ насъ согласны?—спросилъ Лунинъ и тотчасъ пожалѣлъ о томъ, что спросилъ такъ.

— Я ничего не знаю. У меня мыслей объ этомъ нѣтъ. Я слѣпая. И, должно быть, искусствомъ я больна безнадежно. Я люблю его и гибну, быть можетъ.

Всѣ замолчали.

— Я люблю и гибну, быть можетъ,—повторила Анна грустно и тихо.

— А мнѣ пора уходить отсюда,—сказалъ Полянскій, взглянувъ на часы.

— Значитъ, въ четвергъ.

— Да, Анна.

— Позвольте и мнѣ проститься,—сказалъ Лунинъ нерѣшительно.

Они сошли вдвоемъ со ступенекъ террасы во мракъ сада.

— Сегодня луны нѣтъ,—пробормоталъ Лунинъ.

Полянскій молча вынулъ изъ кармана электрическій фонарь. Засіялъ мертвый свѣтъ, какъ отъ прожектора, а по сторонамъ мракъ сталъ чернѣе и ужаснѣе. Они отошли шаговъ сорокъ отъ террасы, не разговаривая.

Неожиданно Полянскій разсмѣялся.

— Прощайте!—сказалъ онъ:—я раздумалъ ѣхать въ городъ.

Онъ быстро зашагалъ домой, освѣщая себѣ путь фонаремъ.

Лунинъ остался одинъ во мракѣ.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—шепталъ онъ въ ужасѣ.

Съ трудомъ добрелъ онъ до своей дачи, шатаясь какъ пьяный, едва угадывая узенькую дорожку.

Не снимая шляпы и не выпуская изъ рукъ палки, онъ ходилъ по террасѣ. На столѣ горѣла лампа.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—шепталъ Лунинъ.

И вдругъ ему показалось, что скрипнула калитка и кто-то идетъ по дорожкѣ.

— Кто это?—громко спросилъ Лунинъ, и уже зналъ кто, и уже шелъ навстрѣчу.

Анна была блѣдна и дрожала.

Лунинъ прижался губами къ ея рукѣ.

— Ты ему все сказала?

— Да.

XI.

Когда Бешметьевъ въ коляскѣ подъѣхалъ къ дачѣ Лунина, только что разсвѣло: былъ шестой часъ. Лунинъ стоялъ передъ зеркаломъ и завязывалъ галстухъ. У него болѣли зубы, и мучительная боль мѣшала ему сосредоточиться и обдумать свое положеніе.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ графъ, пожимая Лунину руку.

— Болятъ зубы,—сказалъ Лунинъ, съ завистью взглянувъ на здороваго Бешметьева,—ни о чемъ думать не могу.

— Вотъ еще исторія! Не отложить ли?

— Нѣтъ, что̀ вы! Что̀ вы! — испугался Лунинъ: — Какъ можно!..

Они сѣли въ коляску. Ящикъ съ пистолетами поставили въ ногахъ. Утро было туманное.

— Вамъ удобно?—спросилъ графъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ тяжело больными или съ дѣтьми.

— Да. Очень.

Коляска миновала просѣку, и вокругъ стало просторно, но туманъ куталъ землю своей пеленой, и трудно было повѣрить, что за сѣролиловой завѣсой ничего не таится.

Ѣхали сначала мимо парового поля, съ котораго поднялась стая воронъ, протяжно каркая. Солнечные лучи какъ будто растворились во влажномъ туманѣ. Было сыро.

Неожиданно изъ мглы сѣрой выросла мельница. Крылья двигались, какъ живыя, и жалобно скрипѣли. Потомъ глухо зазвучалъ колоколъ, потомъ раздался жидкій звонъ маленькихъ колоколовъ: выдвинулась изъ тумана черная церковь, колокольня, погостъ съ алѣющими кое-гдѣ лампадками.

Коляска тихо спускалась съ горы, и теперь туманъ похожъ былъ на молоко—густой и бѣлый. Лошади фыркали.

Оттого что у Лунина мучительно болѣли зубы, чувство общаго здоровья у него повысилось, какъ это всегда бываетъ, когда человѣкъ испытываетъ острую боль въ одной точкѣ тѣла. И отъ этого повышеннаго чувства здоровья и силы все казалось Лунину необыкновенно красивымъ, влекущимъ и милымъ. Смутныя краски тумана и неопредѣленные контуры построекъ, возникавшіе время отъ времени, волновали Лунина. И онъ думалъ о томъ, что прекраснѣе этого міра—пусть исполненнаго боли и скорби—

ничего быть не можетъ, и ему хотѣлось жить. И онъ твердо вѣрилъ, что не умретъ.

Графъ крикнулъ кучеру:

— Направо!

Коляска свернула съ дороги и, покачиваясь, ѣхала теперь напрямикъ, по кочковатому лугу. Вдали виднѣлась синяя полоска— озеро.

Проѣхали такъ шаговъ двѣсти, и тогда можно было разсмотрѣть черные силуэты около одинокой березы, сухой, сожженной когда-то грозой.

Полянскій, Эксакустодіанъ и маленькій, круглый человѣкъ съ сонными глазками, незнакомый Лунину, очевидно—докторъ, стояли около березы и курили. Повидимому, экипажъ свой они отправили куда-то.

Графъ поклонился и сказалъ:

— Прошу извинить. Мы, кажется, опоздали.

Полянскій посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ, графъ, вы точны.

Бешметьевъ предложилъ Эксакустодіану осмотрѣть пистолеты. И тотъ взялъ ихъ и неумѣло повертѣлъ въ рукахъ, очевидно не зная, что̀ съ ними дѣлать.

Солнце, закутанное до того времени въ лохматыя ткани облаковъ, теперь сбросило покровы и неожиданно расцвѣло на небѣ. Туманъ сталъ таять и уползалъ куда-то, расплываясь по землѣ.

— Итакъ, на пятнадцать шаговъ, — сказалъ графъ, ни къ кому не обращаясь.

Онъ отломилъ двѣ сухія вѣтки и поставилъ барьеръ.

Когда Полянскій и Лунинъ взяли пистолеты и разошлись, графъ сказалъ сухо и холодно, какъ заученный урокъ:

— Господа! вы доказали вашу готовность драться и тѣмъ поддержали ваше достоинство. Ссора, которая произошла между вами пять дней тому назадъ, можетъ быть предана забвенію, на мой взглядъ. Господинъ Полянскій, я считаю своимъ долгомъ предложить вамъ отказаться отъ вызова и примириться съ господиномъ Луниным.

— Я не хочу примиренія,—сказалъ Полянскій твердо.

— Дуэлянты дерутся до первой крови?—спросилъ Эксакустодіанъ.

— Да. Условія не мѣняются, — пробормоталъ тихо Бешметьевъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ:—Сходитесь, господа. Разъ... Два... Три...

Первымъ выстрѣлилъ Полянскій.

— А... О... А!..—крикнулъ Лунинъ и уронилъ пистолетъ.

Полянскій опустилъ руку и спокойно стоялъ у барьера. Лицо его не измѣнилось. Своими сѣрыми пустыми глазами онъ смотрѣлъ на Лунина, поблѣднѣвшаго отъ боли, какъ будто не замѣчая его.

— За вами выстрѣлъ, если можете стрѣлять,—сказалъ графъ Лунину.

— Хочу, хочу,—сказалъ Лунинъ, улыбаясь, и, неловко нагнувшись, взялъ пистолетъ. Онъ выстрѣлилъ, не подходя къ барьеру...

Когда докторъ, чтобы нащупать сердце, повернулъ Полянскаго на спину, глаза его, теперь неподвижные, были, какъ всегда, пусты; лицо было похоже на маску. И борода его показалась Лунину приклеенной.

XII.

Въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ октябрьскихъ дней въ Петербургѣ, когда прозрачность воздуха неожиданно открываетъ перспективу длинныхъ и прямыхъ улицъ, обычно закутанныхъ въ туманъ, изъ дома номеръ первый по улицѣ Жуковскаго вышелъ господинъ съ усталымъ лицомъ, съ глазами до странности тревожными и со скорбною морщиною около бровей. Изъ-подъ мягкой шляпы выбивались непослушныя сѣдыя пряди. Это былъ Борисъ Андреевичъ Лунинъ. Три года прошло съ тѣхъ поръ, когда около озера пустынинскаго убилъ онъ на дуэли инженера Полянскаго...

Лунинъ повернулъ по Литейному на Невскій; шелъ, постукивая палкой, любуясь предвечерними красками, чувствуя, какъ близкую, торопливую петербургскую толпу... И отъ строгой прелести сѣвернаго города и этой изнемогающей осени голова художника кружилась сладостно.

Осень воистину была прекрасна; она вѣяла надъ старымъ гранитомъ, надъ великолѣпіемъ темныхъ камней, вѣяла своимъ нѣжнымъ опахаломъ. Петербургскій вечеръ окутывалъ завороженной сѣтью дома, церкви, лица прохожихъ... Сверкали электрическіе огни, кинематографы, витрины, вывѣски; голубыя зарницы трамваевъ загорались на мигъ—и вновь, и вновь...

И вечерній запахъ морского вѣтра, тонкій, едва уловимый, раздражалъ чуткія ноздри, дразнилъ, волновалъ и звалъ куда-то въ иныя страны, гдѣ просторъ и фіолетовое небо...

Лунинъ ходилъ неустанно по улицамъ, переулкамъ, площадямъ, не думая о пути, пока не очутился около зданія театра.

Подъѣзжали экипажи вереницей, и усатый приставъ грозно кричалъ на извозчиковъ:

— Пошелъ! Не задерживай! Пошелъ!

Лунинъ вмѣшался въ толпу и вошелъ въ театръ.

Контролерша-барышня поклонилась ему почтительно. Въ бѣломъ съ колоннами зрительномъ залѣ сдержанно шумѣла публика первыхъ представленій.

— Я не люблю Ибсена за его нарочитую серьезность и, по правдѣ сказать, дурной вкусъ,—говорилъ извѣстный художникъ, съ подстриженными усами и съ женственными губами, капризно очерченными.

Какой-то молодой человѣкъ, съ краснымъ макомъ въ петлицѣ, почтительно его слушалъ, счастливый, что говоритъ съ самимъ Ломовымъ.

Прошла высокая дама въ черномъ. И за ней слѣдовалъ, никого, повидимому, не замѣчая вокругъ, молодой человѣкъ, блѣдный, безбородый, съ безкровными губами, съ глазами мертвенно-сѣрыми.

Кто-то сказалъ сосѣду:

— Это Гертъ, поэтъ.

Нѣсколько человѣкъ обернулось, чтобы посмотрѣть на Герта.

— Мечтай, люби и улыбайся, мой другъ, и не надо, не надо резонерствовать,— говорилъ извѣстный Нузматовъ, съ огромными круглыми глазами, подведенными, темнòблистающими...

И грустная умная улыбка накрашенныхъ губъ не вязалась съ оптимизмомъ его заповѣди.

Русоволосый студентъ, съ круглымъ ребяческимъ лицомъ, смущался и краснѣлъ. Ему что-то нашептывалъ господинъ небольшого роста, съ холенными усами, улыбаясь не то нѣжно, не то насмѣшливо.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Я не могу, Петроній...

Тотъ, кого студентъ назвалъ Петроніемъ, засмѣялся и продекламировалъ:

„Любви утѣхи длятся мигъ единый“...

Кто-то въ толпѣ сказалъ:

— Смотри направо... Это—Лунинъ...

— Тотъ самый?

— Да.

— Но какова Томилина! Въ одинъ годъ завоевать театръ, публику... Это не часто случается...

— Талантъ, братецъ.

Раздвинулся занавѣсъ.

Вотъ — Анна. Опять, близкая и чужая, съ новымъ и непонятнымъ лицомъ. Вотъ она, въ траурномъ платьѣ, подходитъ къ окну и смотритъ въ какую-то даль, чуждую для него, Лунина, но ее влекущую.

„*Онъ* и вчера *тамъ* прошелъ. Но вотъ посмотримъ теперь“...

Потомъ входитъ какой-то высокомѣрный господинъ и указываетъ на цвѣты.

„Вездѣ цвѣты“...

„*Онъ* ужасно любитъ свѣжіе, живые цвѣты вокругъ себя“.

„И вы, повидимому, также?“

„Да. По моему, они такъ сладко одурманиваютъ своимъ ароматомъ. Прежде *намъ* приходилось отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи“.

Тогда высокомѣрный и строгій господинъ качаетъ головой:

„Бѣдная *покойница* не выносила запаха цвѣтовъ“.

Лунинъ плохо понималъ, о *чемъ* говорятъ тамъ за рампой, но онъ чувствовалъ, что Анна живетъ сейчасъ какою-то *настоящею* жизнью, недоступною для него, и страдалъ отъ этого.

Голосъ Анны чаровалъ Лунина.

„Боюсь, что привидѣнія эти“...

Лунинъ вздрогнулъ.

— Что? Что такое?

И опять звучитъ въ сердцѣ голосъ:

— „Боюсь, что привидѣнія эти...“

Занавѣсъ сдвинулся.

Въ антрактѣ Лунинъ съ трудомъ узнавалъ тѣхъ, кто подходилъ къ нему здороваться, и разсѣянно слушалъ любезныя слова о талантѣ Анны Григорьевны. И къ волненію, которое онъ испытывалъ отъ игры Анны, примѣшивалось еще странное безпокойство. Ему казалось, что кто-то упорно смотритъ на него сейчасъ, кого онъ не видитъ.

Начался второй актъ.

Неизвѣстный господинъ, съ чужими и страшными глазами, стоитъ рядомъ съ Анной и говоритъ:

„Вѣдь радость облагораживаетъ душу“.

И снова, волнуя, звучитъ голосъ Анны:

„А ты не думаешь, что и горе тоже? Великое горе?“

„Да... Если человѣкъ сможетъ пережить его. Превозмочь его. Перешагнуть черезъ него“.

„Вотъ это и надо сдѣлать“.

— Кому говоритъ это Анна? Не ему ли?

И Лунину казалось, что глаза ихъ встрѣтились.

Во второмъ антрактѣ къ Лунину подошелъ господинъ лѣтъ тридцати, съ низкимъ лбомъ, съ черными на немъ кудрями, съ глазами мечтательными и злыми. Онъ улыбался, обнажая зубы, неестественно бѣлые.

— Вы не узнаете меня?

— Простите, не узнаю,—сказалъ Лунинъ.

— Графъ Бешметьевъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Моя жена хотѣла бы возобновить съ вами знакомство. Она сейчасъ здѣсь, въ ложѣ. Вы вѣдь помните ее дѣвушкой—княжна Ховрина...

— Какъ вы измѣнились! — невольно вырвалось у Лунина, когда онъ вошелъ въ ложу Бешметьевыхъ.

— А мнѣ кажется, я мало измѣнилась,—сказала графиня, протягивая маленькую нѣжную руку съ тонкими пальцами.

— Значитъ, раньше я не умѣлъ васъ видѣть.

— Я показалась вамъ тогда такой незначительной,—улыбнулась графиня:—вы даже отказались писать мой портретъ.

— Не совсѣмъ такъ,—сказалъ серьезно Лунинъ:—я хотѣлъ отложить: писать осенью. А осенью не пришлось: я долженъ былъ уѣхать за границу.

— А еслибы я теперь попросила васъ написать меня? Вы согласились бы?

Лунинъ посмотрѣлъ на ея надменную голову, на сѣрые гордые и жестокіе глаза, на нѣжно-алыя чувственныя губы и сказалъ, какъ бы раздумывая:

— Да. Я буду писать васъ... Да. Я буду писать васъ...

Въ третій разъ раздвинулся занавѣсъ.

Кто-то говоритъ шопотомъ:

„Никогда не восторжествовать тому дѣлу, начало которому положено во грѣхѣ“.

И Анна отвѣчаетъ:

„Ахъ, эта родовая мнительность... У васъ тутъ ходитъ повѣрье, что мертвецы возвращаются на землю“...

Странныя и жуткія слова волновали Лунина. И что-то еще по иному волновало его. Онъ остался въ ложѣ Бешметьевыхъ, и запахъ духовъ Любови Николаевны, освѣщенная наполовину ея розоватая шея и вьющіеся волосы на затылкѣ—все мѣшало Лунину сосредоточиться.

Послѣ третьяго акта Лунинъ пошелъ за кулисы.

Около уборной Анны стояла новая горничная, которая не знала Лунина, и когда онъ хотѣлъ отворить дверь, она взялась за ручку и сказала строго:

— Нельзя-съ такъ... Какъ прикажете доложить?

Въ это время изъ уборной вышелъ прославленный беллетристъ Ардальонъ Сергѣевъ. Пахло отъ него коньякомъ...

Онъ фамильярно пожалъ руку Лунину и для чего-то пробормоталъ съ пьяной улыбкой:

— Таланты и поклонники... А? Что?

Въ уборной Лунинъ засталъ цѣлое общество. Здѣсь торчалъ высокій господинъ, съ бритой физіономіей, рецензентъ большой газеты; меценатъ Туберозовъ, не смотря на безмѣрную тучность свою, жиденькимъ голосомъ пѣлъ хвалы Аннѣ; умирали отъ конфуза два по уши влюбленные въ Анну студента... Въ уборной отъ множества цвѣтовъ было душно, какъ въ теплицѣ. Анна сидѣла передъ зеркальнымъ триптихомъ загримированная и потому чужая для Лунина: теперь лицо ея казалось страшнымъ и особенно значительнымъ, какъ будто бы она не надѣла, а совлекла личину, ту обыденную личину, которая наскучила ей, наконецъ. И какъ ужасно, какъ очаровательно было теперь это сумасшедшее лицо.

Увидѣвъ Лунина въ зеркало, Анна кивнула ему головой и протянула руку для поцѣлуя.

Узнавъ художника, меценатъ пересталъ пѣть свои хвалы, и всѣ какъ будто ждали, что Лунинъ что-нибудь скажетъ, и смотрѣли на него.

Тогда Лунинъ сказалъ:

— У тебя хорошо, Анна, прозвучало въ третьемъ актѣ... Какъ это? „Мертвецы возвращаются“... Да... „Мертвецы возвращаются“...

И Анна повторила:

„У васъ тутъ ходитъ повѣрье, что мертвецы возвращаются на землю“.

Постучали въ дверь и вошелъ режиссеръ.

— Начинаемъ! Начинаемъ! Пожалуйте, господа...

И вотъ опять ходитъ по сценѣ, какъ слѣпой, человѣкъ въ черномъ, обреченный на гибель, и Анна раздѣляетъ съ нимъ его странную судьбу.

О чемъ говорятъ они? О смерти? Они уходятъ въ паркъ? Зачѣмъ это? Тамъ водопадъ?

Какъ странно все, какъ странно...

„Покойница взяла ихъ“...

XIII.

Когда Лунинъ вошелъ въ комнату Анны, она уже лежала раздѣтая въ постели, съ томикомъ Бальзака въ рукахъ.

Лунинъ уже три недѣли не оставался съ Анной наединѣ. Каждый вечеръ то Анна, то самъ онъ возвращались домой поздно, утомленные, и, торопливо обмѣнявшись незначительными фразами, уходили каждый въ свою комнату.

И теперь, когда Лунинъ вошелъ въ спальню Анны, на ея лицѣ появилось безпокойство, какъ будто бы она боялась, что помѣшаютъ ея уединенію.

Лунинъ сѣлъ въ кресло около постели и сказалъ нерѣшительно:

— Можно поговорить съ тобою, Анна?

— Можно, милый...

— Видишь ли, со мной, Анна, творится что-то неладное, и вотъ мнѣ хочется разсказать тебѣ... А зачѣмъ, не знаю, право...

— Да, да... Разскажи непремѣнно! — прошептала Анна, выронивъ изъ рукъ французскій томикъ, который мягко упалъ на коверъ.

Анна съ боязливымъ любопытствомъ смотрѣла на Лунина, и онъ смущался, не зная, какъ начать.

— Мнѣ такъ трудно, такъ трудно,—сказалъ Лунинъ:—ты, можетъ быть, замѣтила, Анна, что я мало работаю теперь и наши отношенія съ тобою какъ будто не тѣ, что раньше... Или нѣтъ? Или я ошибаюсь?

Анна съ тоской посмотрѣла на Лунина:

— Не знаю, не знаю...

— Ты не знаешь? Припомни исторію нашу, Анна... Я встрѣтилъ тебя въ Петербургѣ, когда мужъ твой былъ на Алданѣ. Я влюбленъ былъ тогда. По правдѣ сказать, у меня слѣпая тогда была страсть. Можетъ быть, это единственное настоящее, что̀ дано людямъ узнать на землѣ...

— О, нѣтъ! Нѣтъ,—сказала Анна:—страсть—убійственна, губительна... Неужели недостойны мы иного?

— Вотъ я объ этомъ и думаю, Анна. Мы были влюблены... Что случилось потомъ? Я убилъ твоего мужа... Странно. Я не мучусь тѣмъ, что убилъ человѣка. Я помню лицо его. Пустые глаза и какъ будто приклеенная борода... Совѣсть, Анна, не мучитъ меня, но что-то иное меня тревожитъ... Но что? Что? Я самъ этого не знаю...

Анна поблѣднѣла. Она лежала съ закрытыми глазами и чутко прислушивалась.

— Я себя потерялъ, Анна, мнѣ жить страшно. Понимаешь? Какъ-то міръ дробится вокругъ меня. Вотъ эти краски мнѣ пріятны, вотъ эти нѣтъ... Вотъ эта мелодія созвучна сердцу, вотъ эта нѣтъ... Но почему это? Почему? Прости меня, Анна, я говорю нескладно и несвязно, но для меня во всемъ этомъ есть связь. Я хочу сказать, что я не умѣю любить и, значитъ, жить не умѣю...

— Ты не любишь меня?

— Люблю, люблю, но не такъ, какъ надо. Я не знаю, *какъ* надо, но любовь моя—недостойная, несовершенная любовь...

— Я, кажется, понимаю тебя, Борисъ. И я люблю недостойно. Что значитъ любить? Значитъ увидѣть человѣка лицомъ къ лицу, а мы видимъ душу того, кого любимъ, какъ въ зеркалѣ, какъ въ гаданіи... Я люблю тебя, Борисъ, но я не знаю тебя... Боже мой! Какъ страшно это! Какъ страшно...

— Я такъ цѣню тебя, Анна. Ты прекрасна. Но ты сама по себѣ, а я одинъ, одинъ...

— О, какъ мы одиноки!

— Да. Мы любимъ слѣпо... И вообще нѣтъ ничего прочнаго въ нашей жизни... Все проходитъ, все течетъ въ причудливой смѣнѣ звуковъ, красокъ, мыслей... Сегодня меня волнуетъ запахъ моря, завтра я влюбленъ въ облако, которое загорѣлось страннымъ огнемъ на вечерней зарѣ,—но все это какъ сладостный бредъ, а иногда мучительный бредъ.

— Да, ты правду говоришь. Да, Борисъ, и я чувствую, что все—туманъ, туманъ. И я не знаю, гдѣ мое *я*. Я вотъ играла сегодня Ребекку, и я вѣрила, что это жизнь, то-есть *почти* вѣрила. Понимаешь? Все смѣшалось. Я иногда въ комнатѣ одна стою передъ зеркаломъ и говорю: „Анна Томилина, Анна Томилина“. И это такъ странно звучитъ, Борисъ.

— Я не знаю, что̀ дѣлать, Анна... Я вспоминаю иногда Михневича, и завидую ему. Этотъ человѣкъ умѣетъ быть простымъ и наивнымъ. Все у него выходитъ складно — и огородъ, и супружество его, и соціализмъ, какъ требованіе чистоплотности... А мы—сумасшедшіе съ тобою, Анна...

Анна вздрогнула и приподнялась на постели.

— Я, Борисъ, получила сегодня письмо отъ отца и до сихъ поръ не распечатала... Все боюсь чего-то, все мнѣ кажется, что онъ о чемъ-нибудь непріятномъ пишетъ. Но надо прочесть... Конвертъ на столикѣ. Дай мнѣ его...

Когда Анна прочла письмо, у нея задрожали губы и она съ ужасомъ посмотрѣла на Лунина.

— Несчастье,—прошептала она:—несчастье какое! Эксакустодіанъ заболѣлъ душевно. Его вчера отвезли въ психіатрическую клинику.

XIV.

На слѣдующую ночь Лунинъ опять пришелъ къ Аннѣ и опять сѣлъ въ кресло около ея постели.

Онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Анна! Брось сцену!

Анна со страхомъ посмотрѣла на Лунина:

— Что ты! Что ты! Какъ можно!

Лунинъ опять сказалъ:

— Анна! Брось сцену.

— Но почему, милый? Почему?

— И безъ театра жить страшно, Анна... А когда ты на сценѣ, я теряю голову: кто-то отнимаетъ тебя у меня... Демонъ какой-то. Я этого не хочу, Анна.

— Нѣтъ, Борисъ, не надо такъ говорить. Я не могу бросить сцену.

— Почему не можешь?

— Потому же, почему ты не можешь бросить живописи. Такъ суждено. Ты—художникъ; я—актриса.

— Но ты пойми, Анна: человѣкъ выше искусства. Вѣдь мы гибнемъ, гибнемъ, Анна... Надо всѣмъ пожертвовать и спасти себя.

— Однако, ты не бросишь живописи? Вѣдь нѣтъ?

Лунинъ молчалъ.

— Вотъ видишь, ты молчишь. А ты требуешь, чтобы я бросила театръ. Я не могу.

— Я требую этого, Анна.

— Оставь меня!—крикнула Анна:—Оставь.

— Да, мы безнадежно одиноки,—прошепталъ Лунинъ:—Прощай, Анна.

— Постой,—сказала она:—постой... Куда ты?

Анна приподнялась на постели и схватила маленькой рукой его рукавъ:

— Не уходи, Борисъ.

Лунинъ подумалъ, что надо уйти сейчасъ, и хотѣлъ уйти, но гдѣ-то въ глубинѣ сердца какъ будто прошла темная тѣнь,

и онъ остался, и сталъ на колѣни, и вдругъ почувствовалъ знакомый запахъ тѣла. Горячіе пальцы Анны прижались къ его губамъ, и Лунинъ, уже слѣпой и безвольный, ни о чемъ не думалъ.

Утромъ Лунинъ почувствовалъ, что душа его опустошена, и не могъ работать. Все вокругъ казалось простымъ, плоскимъ, скучнымъ... Лунинъ ненавидѣлъ такіе дни и боялся ихъ. Въ эти дни пилъ вино онъ. И на этотъ разъ въ часъ завтрака, когда Анна ожидала его въ столовой, онъ вышелъ изъ дому и направился въ кафэ.

Кафэ, какъ всегда, было наполнено сутенерами, биржевыми зайцами, ворами, сыщиками, загулявшими приказчиками и нѣмцами-конторщиками. Подъ низкими сводами этого каменнаго коридора носились сизые клубы дыма. Пахло кофе, сигарами, духами, пудрой и чѣмъ-то острымъ и пряным. Отъ дыма, отъ хриплыхъ криковъ, отъ пестрыхъ туалетовъ и, главное, отъ близости этихъ доступныхъ женщинъ пьянѣла голова и все казалось фантастическимъ.

Проститутки, старыя и молодыя, веселыя и грустныя, представительницы всѣхъ странъ, сидѣли за столиками, какъ стая пестрыхъ птицъ, слетѣвшихся на петербургскіе камни въ какой-то смутной надеждѣ: иныя—на большую добычу, иныя—на нищенскія крохи.

Однѣ изъ нихъ сидѣли въ непринужденныхъ позахъ, заложивъ ногу за ногу, приподнявъ юбки, множество разноцвѣтныхъ юбокъ, изъ-подъ которыхъ торчали ноги въ черныхъ чулкахъ и желтыхъ ботинкахъ, съ высокими каблуками; эти женщины курили папиросы и болтали на международномъ языкѣ кокотокъ, на этомъ циничномъ и насмѣшливомъ языкѣ; ихъ гримъ былъ преувеличенно ярокъ и жесты преувеличенно развязны. Другія, въ огромныхъ шляпахъ со страусовыми перьями, въ черныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, казались закутанными въ трауръ. Наконецъ, были здѣсь и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, недавно выброшенныя на улицу, въ наивныхъ платьяхъ, похожія на горничныхъ, съ большими деревенскими руками.

Здѣсь былъ рынокъ, гдѣ посредники въ красныхъ галстухахъ, съ перстнями на пальцахъ, вербовали женщинъ, подходящихъ для публичныхъ домовъ; здѣсь содержательницы хоровъ, сводни, въ черныхъ мантильяхъ, поставщицы дѣтей, съ лицами богомолокъ — всѣ имѣли свой кусокъ и копошились, какъ черви на падали. Тутъ же подозрительные безусые молодые люди, въ

мягкихъ шляпахъ, съ цвѣтами въ петлицахъ, манерничали какъ женщины.

Лунинъ спросилъ себѣ виски. И скоро затуманилась голова художника. Нравилось Лунину сидѣть такъ въ кафэ, среди гнуснаго сброда и этихъ сумасшедшихъ женщинъ; ему нравилось, что вотъ грязный ужасъ нелицемѣрно поетъ здѣсь свою уличную пѣсню поруганной любви...

Уже больная пьяная улыбка змѣилась на губахъ Лунина, когда онъ вышелъ на тротуаръ Невскаго. Онъ зналъ, что лишь утромъ вернется домой, что началась его темная болѣзнь, и онъ жадно вдыхалъ ядовитый петербургскій воздухъ, какъ эѳироманъ вдыхаетъ окрыляющій сердце эѳиръ.

Петербургское октябрьское небо! Какъ понималъ, какъ чувствовалъ Лунинъ эти блѣдныя краски, этотъ сѣросеребристый тонъ облачныхъ тканей, это больное, увядающее солнце. Лунинъ прошелъ Невскій, Морскую, зашелъ въ Исаакіевскій соборъ и тамъ, прижавшись къ огромной колоннѣ, насладился торжественнымъ сумракомъ. Потомъ онъ пошелъ къ фальконетовскому Петру и стоялъ, какъ завороженный, смотрѣлъ упорно на „кумиръ съ простертою рукою“; потомъ онъ очутился на Васильевскомъ Островѣ, зашелъ тамъ въ маленькій нѣмецкій ресторанъ и опять спросилъ виски...

Уже не мысли, а что-то иное волновало Лунина: какія-то мечтанія, похожія на правду болѣе, чѣмъ сама правда обычныхъ дней. Взглядъ случайный, встрѣтившійся съ его взглядомъ, жегъ ему сердце, какъ ярый факелъ. И кто-то пѣлъ тамъ, за фіолетовымъ туманомъ, въ который погружался вечерній городъ. Тонкій, высокій голосъ, нѣжный какъ флейта, а иногда похожій на скрипку, пѣлъ тамъ пѣсню странную, но какъ будто знакомую.

Лунинъ уже не зналъ, гдѣ онъ сейчасъ, и шелъ неустанно, не замѣчая пути. Казалось ему, что вотъ сейчасъ откроется то, что такъ нужно, такъ желанно, такъ близко, но голосъ нѣжный только дразнилъ и звалъ куда-то. И напрасно ждалъ Лунинъ, что вотъ увидитъ онъ чье-то лицо, и тогда умретъ...

Лунинъ очутился передъ освѣщеннымъ подъѣздомъ и прочелъ сверкающую электричествомъ вывѣску „Аполло“. Болѣзненная улыбка, безсмысленная и порочная, кривила его губы, и Лунинъ самъ испугался своего лица, увидѣвъ его въ большомъ зеркалѣ.

Лунинъ шелъ неувѣренно по фойэ, и ему казалось, что вокругъ—фантомы, а не живые люди, и что вотъ они подойдутъ

сейчасъ, окружатъ его, приблизятъ къ его лицу свои ужасныя маски и раздавятъ его своими жесткими деревянными туловищами.

На эстрадѣ плясала француженка. Лунинъ видѣлъ огромный красный ротъ, зеленыя пятна подъ глазами, золотую волну юбокъ и безстыдное движеніе ноги, обтянутой въ черное трико...

Лунинъ тяжело опустился на стулъ и лакей поставилъ передъ нимъ бутылку клико.

Неожиданно прозвучалъ знакомый голосъ:

— И вы здѣсь! И вы!

Какъ новая маска возникло лицо передъ Луниным: блѣдный лобъ съ черными на немъ кудрями и глаза, полные страсти мрачной.

— Ахъ, это вы, графъ. Вы одинъ? Ну, что-жъ. Будемъ вмѣстѣ пить. Будемъ пить, графъ.

— А вѣдь у насъ съ вами былъ однажды разговоръ, — сказалъ Бешметьевъ:—Помните? Это было три года назадъ... Мы съ вами говорили, что многіе живутъ теперь фантастически, что силы тайныя вліяютъ на событія.

— Помню.

— Не правда ли, теперь, послѣ революціи, хуже стало?

Лунинъ молчалъ.

— Я не про политику говорю,—продолжалъ графъ задумчиво:—я въ политикѣ весьма наивенъ: я про наши души говорю. Года три тому назадъ у насъ мечта какая-то была. И вотъ, казалось, воплотится она. Идешь, бывало, по вечерней улицѣ и какъ будто шорохъ слышишь волнующій и поступь такую гордую и прекрасную. Чью? Богъ знаетъ. А помните, съ какимъ глупымъ лицомъ я слѣдовалъ повсюду за княжной Ховриной, нынѣ женой моей? Кстати: ей очень хочется, чтобы вы написали ея портретъ. Вы согласны? Нѣтъ? Я былъ бы очень радъ, еслибы вы написали ея портретъ... Чтобы понять ея лицо, надо отца ея разгадать. Вы видѣли князя?

— Раза два видѣлъ.

— Не правда ли любопытное лицо?

— Да. Въ немъ какая-то усталость мудрая.

— Вотъ именно: какъ будто бы не одну жизнь пережилъ онъ. Вы знаете, князь — астрономъ по спеціальности и даже какія-то открытія сдѣлалъ; но если съ нимъ поговорить какъ слѣдуетъ, то наука его во что-то другое превращается—въ магію, такъ сказать. Говоритъ онъ точно и трезво, и даже съ улыбкой матеріалистомъ себя называетъ, но при этомъ какъ будто бы есть у него тайная мысль. Я боюсь этого колдуна, ей-Богу.

Графъ засмѣялся.

— Вы начали, графъ, о фантастичности, о мечтѣ,—сказалъ Лунинъ:—я бы хотѣлъ послушать. Я не совсѣмъ понимаю.

— Какъ странно! А я думалъ, что именно вы поймете меня. Я сужу по вашимъ картинамъ. Вотъ у васъ есть „Дама въ черномъ“. У нея глаза тревожные. Она такой же крови, что и я. Вы должны понимать.

— Если въ этомъ смыслѣ, то понимаю, пожалуй. Только я думалъ, графъ, что вы можете сообщить что-нибудь реальное на эту тему.

— Откуда у васъ надежда такая?

— Я вамъ скажу, откуда. Я по лицу вашему вижу. Вотъ вы растревожены событіями, что-то предчувствуете; вы — человѣкъ ожидающій, ищущій... Все это мнѣ близко, но вы еще обладаете тѣмъ, чѣмъ я не обладаю. У васъ цѣльность есть и страсть въ сердцѣ. А я, какъ художникъ, не умѣю всего себя отдавать: силы берегу на мастерство.

— Да, вы скупы и холодны, пожалуй, — согласился Бешметьевъ:—но, можетъ быть, это оттого, что вы стыдливы очень, не смотря на всю вашу суровость.

— И брезгливъ.

— Да... Да... И брезгливы, конечно.

— Вы знаете, мнѣ кажется, что скоро убивать себя будутъ многіе...—неожиданно сказалъ Лунинъ: — я вотъ хожу по улицамъ и думаю: это все самоубійцы бродятъ... И у всѣхъ такіе пустые глаза.

Лунинъ вздрогнулъ.

— Да, графъ, нѣтъ ничего страшнѣе пустыхъ глазъ и вотъ еще когда кажется, что борода приклеена.

— И я многаго боюсь. Женщины боюсь особенно. Когда она говоритъ: „да, милый“, „нѣтъ, милый“, а сама думаетъ о чемъ-то своемъ.

— Но я скептикъ, графъ,—сказалъ серьезно Лунинъ:—мнѣ иногда неудержимо хочется весь свой опытъ отвергнуть, на зло самому себѣ... Иногда мнѣ хочется сказать: „Страшно? Ну, и прекрасно... Это ничто иное, какъ *романтическій испугъ*, болѣзнь психическая, отмѣченная и въ исторіи литературы, между прочимъ“. Такъ цинично мнѣ хочется иногда сказать.

— Ахъ, Боже мой! Я это очень понимаю. Вотъ новая любовь, новая любовь... Все такъ таинственно въ нашихъ сердцахъ и какія-то противорѣчія безумныя какъ будто разрѣшаются. Но придетъ историкъ и безстрастно скажетъ: „Распущенность нра-

вовъ во время революціи". И что вы думаете? Можетъ быть, педантъ будетъ правъ. То-есть съ одной стороны, разумѣется. Опредѣленность научная всегда однобока, не смотря на всю свою святую правоту...

Въ это время къ столику подошла высокая женщина, съ блѣднымъ овальнымъ лицомъ и злыми красивыми глазами. Графъ взялъ ее за руку и посадилъ рядомъ.

— Рекомендую... Клара... Прекрасная Клара... Я влюбленъ въ нее...

Клара повела глазами, которые казались пушистыми, когда она ихъ прищуривала, и сказала лѣниво:

— Глупости какія. Влюбленъ. До утра влюбленъ, милый, а утромъ къ женѣ поѣдешь.

— Не говори о женѣ! — сказалъ Бешметьевъ, и яркая краска выступила у него на щекахъ.

— Вотъ всѣ вы такіе. „Влюбленъ... Влюбленъ" — а о женѣ не смѣй говорить...

Клара засмѣялась и съ презрѣніемъ посмотрѣла на Бешметьева.

— Влюбленъ я, — сказалъ упрямо графъ: — сама знаешь, третью ночь въ вертепѣ вашемъ...

— Ну, прощай, милый... Меня вонъ офицеры ждутъ.

Но графъ, разговаривая съ Лунинымъ, все время подливалъ шампанское и теперь, совсѣмъ охмелѣвшій, не хотѣлъ отпустить Клару.

— Въ „Пятьдесятъ Девять" поѣдемъ, — бормоталъ онъ, цѣлуя у локтя руку Клары: — а потомъ на Острова...

Лунинъ расплатился и, не прощаясь, вышелъ изъ „Аполло".

XV.

Лунинъ не зналъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ возобновила Анна знакомство съ Любовью Николаевной, но уже не разъ онъ заставалъ ихъ вмѣстѣ въ маленькой гостиной. Прощаясь, онѣ цѣловались нѣжно, и, повидимому, у нихъ были какіе-то общіе интересы, о которыхъ ничего не зналъ Лунинъ.

Иногда Анна говорила ему:

— Сегодня изъ театра я поѣду къ графинѣ. Не жди меня.

Лунинъ такъ былъ занятъ собою и больными мечтами своими, что дружба Анны съ графиней не очень его интересовала.

Съ Анной рѣдко оставался Лунинъ наединѣ и отношенія ихъ потускнѣли.

Въ концѣ февраля Анна объявила Лунину, что ѣдетъ въ Москву, и надолго — можетъ быть, на цѣлый мѣсяцъ: опасно заболѣлъ отецъ.

Когда Лунинъ и Анна стояли на перронѣ вокзала и ожидали второго звонка, оба чувствовали, что надо сказать что-то, произнести какое-то слово значительное, но сердца ихъ были холодны и пусты. И слова нужнаго не сумѣли они произнести...

— Ты не забывай меня, смотри,— сказала Анна, съ такою же улыбкой и съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ, какія волновали Лунина годъ назадъ, но теперь ему казалось, что и улыбка, и взглядъ Анны—только хорошее подражаніе той прежней улыбкѣ и прежнему взгляду.

Лунинъ, не отвѣчая Аннѣ на ея полувопросъ, процитировалъ поэта:

„Я тотъ же преданный, я рабъ твоей любви"...

Анна лѣниво улыбнулась, касаясь губами темныхъ розъ, которыя нѣжно и пьяно пахли, увядая.

— Да,—сказала она:—а я тебя забыла спросить: когда же ты будешь писать портретъ графини? Она такъ умоляла... Пожалуйста, милый, не отказывайся на этотъ разъ. Она тебѣ на дняхъ письмо пришлетъ.

— Да, да... Я буду писать портретъ графини, — сказалъ Лунинъ, припоминая ея лицо:—я охотно напишу ея портретъ.

Раздался звонокъ, и Анна прижала свою руку къ губамъ Лунина.

Лунинъ сталъ бывать у Бешметьевыхъ. Ему нравился старый Бешметьевскій домъ на Мойкѣ, около Пѣвческаго моста. И обстановка дома казалась ему пріятной, и самый бытъ бешметьевскій, сохранившій личину благообразія, нравился ему, быть можетъ, потому особенно, что не было у него, Лунина, связи съ его прошлымъ, что давно онъ жилъ какъ бродяга, оторвавшійся отъ земли...

И то, что Бешметьевъ былъ послѣднимъ въ родѣ, уже утомленнымъ потомкомъ когда-то не знавшихъ усталости графовъ, волновало воображеніе Лунина.

Впрочемъ, самого Бешметьева онъ рѣдко заставалъ дома. А съ Любовью Николаевной онъ провелъ нѣсколько долгихъ вечеровъ, прежде чѣмъ рѣшился приступить къ ея портрету. И въ эти вечера, когда вглядывался Лунинъ въ лицо ея, не-

отступно возникало передъ нимъ другое лицо—низкій упрямый лобъ съ черными на немъ кудрями, глаза съ темнымъ блескомъ и страстныя губы, шепчущія имя Клары... Лунинъ хотѣлъ разгадать тайну семьи Бешметьевыхъ и не могъ ея разгадать. Но непонятные глаза графини, ея губы, алчночувственныя и злыя, великолѣпные свѣтлые волосы съ золотисторыжимъ оттѣнкомъ и гибкая линія шеи радовали художника... И ничего не разсудивъ, но что-то разгадавъ безсознательно, Лунинъ рѣшился, наконецъ, писать портретъ.

Однажды во время сеанса Любовь Николаевна сказала Лунину:

— Вы знаете, я жду портрета съ волненіемъ и со страхомъ... И это для меня испытаніе, право... Сказать вамъ, чего я боюсь?

— Скажите.

— Я боюсь, что вы меня сдѣлаете слѣпой.

— Какъ слѣпой?

— Ну, да... Слѣпой. Понимаете? *Душевно слѣпой...*

Лунинъ смущенно улыбнулся.

— Я, по правдѣ сказать, не люблю объяснять мои портреты. Я самъ не знаю, какъ напишу. Но меня интересуетъ это... *Вы* боитесь слѣпоты душевной? *Вы*?

— Да, я. Почему вы удивляетесь?

— У васъ взглядъ самоувѣренный. Вотъ почему.

— Ахъ, это такъ. Это привычка и гордость моя. А вамъ я не стану лгать. Я слѣпая, слѣпая... Я какъ въ лабиринтѣ живу. Меня пожалѣть надо. Заблудилась я.

— И вы!—пробормоталъ Лунинъ:—и вы! Боже мой...

— Мы, женщины, живемъ любовью. Не правда ли? Но что значитъ любовь? Татьяна пушкинская умѣла любить. А мы всѣ безнадежно холодны и жестоки. Когда мы любимъ, мы убиваемъ, губимъ... И насъ убиваютъ.

— Какъ странно, — сказалъ Лунинъ: — кажется, что вотъ наступилъ часъ признаній... Всѣ признаются въ томъ, о чемъ до сихъ поръ молчали. Или ужъ невозможно молчать? Что это? Или, быть можетъ, мы въ самомъ дѣлѣ вырождающіеся, отпавшіе отъ настоящей жизни? Но гдѣ она — настоящая жизнь? А я? Что жъ, я готовъ признаться въ самомъ дурномъ и стыдномъ. Я *все забываю*. Вы понимаете? Я могу влюбиться, убить—и все забуду, чистосердечно. Можетъ быть, я поступка не забуду, но *себя* того времени забуду, то-есть *что я* тогда чувствовалъ, *какъ* я тогда переживалъ. А забыть себя — это значитъ свое я потерять. Вѣдь это ужасно... Вѣдь это гибель...

— Да, гибель—повторила тихо Любовь Николаевна.

Въ это время вошелъ князь Николай Николаевичъ и, здороваясь, сказалъ:

— О какой гибели ты говоришь, Люба?

— Вотъ объ утомленныхъ людяхъ вообще... О слабости нашей...

— Да, да—сказалъ князь:—если посмотрѣть на васъ, господа, со стороны, можно подумать, что вы въ самомъ дѣлѣ *послѣдніе*, что вы обреченные какіе-то... Слава Богу, что кромѣ васъ есть иная молодежь... Слава Богу...

— А вы какъ думаете, князь — спросилъ Лунинъ:—откуда слабость наша? И почему лѣтъ пять тому назадъ мы не унывали еще, а вотъ теперь разучились жить, любить, и даже картины пишемъ вяло и все по старому, какъ прежде выучились?

— Я думаю,—сказалъ князь серьезно,—что причинъ много было, но одна, быть можетъ, особенно повліяла на судьбу вашу. Это—революція, друзья мои. Она совсѣмъ прошла мимо васъ, и поэтому вы устали больше, чѣмъ другіе. Кто больше устанетъ: тотъ, кто плыветъ по теченію или тотъ, кто пытается удержаться на мѣстѣ? Вы ничего не дѣлали—и за это исторія растоптала васъ.

— Мы для тебя, папа, статистическіе матеріалы—засмѣялась графиня,—а вотъ намъ жить хочется, жить хочется.

— И то хорошо!—засмѣялся князь.—А вотъ я все въ газетахъ читаю о самоубійцахъ. „Жить не хочется“—въ запискахъ пишутъ. Что же это?

— Это все наши братья декаденты — сказалъ Лунинъ: — только мы на эту тему картины и стихи сочиняемъ, а у нихъ нѣтъ стиховъ, нѣтъ картинъ: они честнѣе насъ, откровеннѣе... Я это понимаю, но вотъ чего я не понимаю, такъ это васъ, князь. Откуда у васъ бодрость такая? Какъ это такъ легко вы міръ принимаете?

— Потому что я наивный реалистъ — улыбнулся князь: — у меня съ міромъ, признаюсь вамъ, отношенія очень близкія: намъ другъ безъ друга никакъ не обойтись. Приходится взаимно извинять слабости и пороки... Вотъ у меня склерозъ и сейчасъ голова кружится, и міръ отчасти виноватъ въ этомъ, но я великодушенъ и не слишкомъ жалуюсь на мою судьбу. Прощай, Люба, однако...

Когда князь ушелъ, Любовь Николаевна съ грустью сказала:

— Отецъ дурно выглядитъ сегодня. А мнѣ онъ такъ нуженъ теперь, такъ нуженъ...

Потомъ, когда Лунинъ собрался уходить, она удержала его.

— Покажите, наконецъ, портретъ мой! — сказала она съ вкрадчивой нѣжностью.

— Смотрите, пожалуй,—сказалъ Лунинъ.

Портретъ былъ написанъ въ розоватобѣлыхъ и золотисторыжихъ тонахъ. Глаза и губы были влажны, какъ у тиціановской Магдалины. И на лицѣ была печать какъ бы утомившейся страсти...

— Я бываю такой — прошептала смущенно графиня:—но какъ вы угадали это? При васъ я никогда такой не была... Но вы жестоки, Борисъ Андреевичъ: вѣдь здѣсь я куртизанка какая-то.

— Развѣ?—сказалъ Лунинъ, ничуть не смутившись.—Я бы не сказалъ такъ... И вообще я ничего не хотѣлъ...

— А вы сегодня вечеромъ свободны?—неожиданно спросила Любовь Николаевна:—если свободны, приходите къ намъ. Графа, впрочемъ, дома не будетъ... Мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить съ вами о разныхъ вещахъ.

— Я приду — сказалъ Лунинъ, всматриваясь въ свѣтлые преступные глаза графини.

XVI.

Когда Лунинъ вечеромъ вошелъ въ гостиную Бешметьевыхъ, Любовь Николаевна сидѣла за роялемъ и играла шопеновскій „Marche Funèbre“.

— Это такъ,—сказала она, протягивая обѣ руки Лунину:—я больше не буду... Я не хочу меланхоліи. Мы слишкомъ часто грустимъ съ вами, художникъ. Зачѣмъ? Нѣтъ, право, я молода еще.

Она подошла къ зеркалу и сказала:

— И *это* во мнѣ есть...

— Что *это*?

— То, что вы написали... Портретъ вашъ... А вѣдь живу я какъ монахиня. Вы знаете?

— Я такъ и думалъ...

— Вотъ какъ. Почему же вы думали? Ахъ, да. Я понимаю. Графъ говорилъ мнѣ, что вы встрѣтили его въ кафэшантанѣ... А что эта Клара? Она въ самомъ дѣлѣ красива? Какіе глаза у нея? Она брюнетка?

— Я не знаю, про кого вы говорите... Я не помню...

— Вы, можетъ быть, думаете, что графъ скрываетъ отъ меня свои увлеченія?

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, Борисъ Андреевичъ, графъ—откровенный и благородный человѣкъ...

Любовь Николаевна была взволнована, возбуждена и теперь еще болѣе походила на портретъ, написанный Лунинымъ. Казалось, что на глазахъ у нея слезы и что она смѣется, чтобы утаить ихъ. И ротъ ея былъ похожъ на цвѣтокъ алый, томно распустившійся, благоуханный и жаждущій влаги...

— Я не хочу умныхъ словъ, даже мыслей умныхъ не хочу,— сказала графиня: — мнѣ хочется говорить и дѣлать глупости сегодня... Эта злая и праведная жизнь убиваетъ меня... Я не могу больше, не могу. Я не хочу быть такой строгой, какъ ваша жена. Она прекрасна, я влюблена въ нее, но она не умѣетъ щадить никого, никого... Только васъ. Почему она только вамъ все прощаетъ?

— Я не знаю, я не совсѣмъ понимаю васъ...

Тогда она дерзко и вызывающе засмѣялась въ глаза Лунину.

— Хотите быть сегодня милымъ и дѣлать глупости вмѣстѣ со мной?

— Но вѣдь я старъ и скученъ.

— Неправда. Вы просто боитесь меня?

— Можетъ быть, и боюсь.

Глаза графини засіяли лукаво и нѣжно.

— Художникъ! Поѣдемте кутить... Повезите меня куда-нибудь въ невозможный притонъ или въ клубъ какой-нибудь подозрительный.

Любовь Николаевна взяла газету.

— Вотъ, смотрите: объявленія... Вотъ клубъ на Владимірской... Маскарадъ въ пятницу. Сегодня пятница. Очаровательно. Мы ѣдемъ? Не правда ли?

— Но тамъ грязно и скучно.

— Грязно... Можетъ быть... Но скучно не будетъ, потому что я сама полна радости и веселья. Ха-ха-ха! Почему вы такъ мрачны? Вы думаете, что это „пиръ во время чумы"?.. Не надо такъ думать. Не надо. Я совсѣмъ простая. И вы будьте простымъ. Мы будемъ пить шампанское...

Любовь Николаевна послала прислугу за домино.

И тамъ, въ клубѣ, она продолжала смѣяться, а когда она сняла маску, на глазахъ у нея были слезы.

Возбужденіе Любови Николаевны вліяло на Лунина. И грязная роскошь клубныхъ залъ, безсмысленныя шутки грубоватыхъ масокъ, холодное шампанское—все поддерживало въ Лунинѣ настроеніе странное и тревожное.

И слезы графини пугали его.

— Нѣтъ, вы не умѣете веселиться—смѣялась Любовь Николаевна:—почему вы мрачны? Вы думаете о женѣ вашей? Она—прекрасна, прекрасна... Но зачѣмъ такіе строгіе глаза? Вѣдь все проходитъ, все проходитъ... Мы слабы. И пусть. Правду я говорю?

— Да. Все проходитъ—улыбнулся Лунинъ, пьянѣя.

— А мой мужъ? Нравится онъ вамъ?

— Очень.

— Ну да, конечно. Я такъ и знала. Я влюблена въ вашу жену, а вы—въ моего мужа. И потому мы вмѣстѣ, должно быть, въ этомъ прелестномъ дворцѣ.

Она опять истерически разсмѣялась.

— А знаете, когда-то мой отецъ былъ противъ нашего брака. У насъ были тайныя свиданія съ мужемъ... И онъ простаивалъ на морозѣ по три часа, ожидая меня. А вы... вы... Ха-ха-ха! Вы могли бы на морозѣ... Такъ... Боже! Что я говорю! Простите меня. Онъ—рыцарь, мой мужъ. А эта Клара? Я хотѣла бы съ ней познакомиться, право.

— Довольно!—сказалъ Лунинъ, отнимая шампанское у Любови Николаевны.

— Какъ хотите...

— Все проходитъ—повторилъ Лунинъ разсѣянно.

— Нѣтъ, не все проходитъ—какъ-то особенно серьезно и значительно прошептала Любовь Николаевна: — любовь не проходитъ. А вы? Вы могли бы влюбиться, Борисъ Андреевичъ?

Лунинъ посмотрѣлъ въ пьяные и томные глаза Любови Николаевны, на ея нѣжныя губы и неожиданно для себя сказалъ:

— Да.

Когда они вышли изъ клуба, мартовскій влажный вѣтеръ обвѣялъ ихъ горячія лица. Любовь Николаевна теперь не смѣялась.

— Я не хочу домой,—капризно сказала она, прижимаясь къ плечу Лунина:—я хочу на Острова...

На Каменноостровскомъ она торопила извозчика:

— Скорѣй! Скорѣй!

Неожиданно она запрокинула голову.

— Милый! Милый! Цѣлуй!

Лунинъ покорно прижалъ свои холодныя губы къ ея тоже холоднымъ губамъ.

— Мы мертвые, — прошептала въ ужасѣ Любовь Николаевна.

И вдругъ она вскрикнула:

— Что это? Что это?

Они проѣзжали мимо дома стараго князя. Во второмъ этажѣ всѣ окна были освѣщены ярко. Двигались черныя тѣни.

— Съ отцомъ случилось что-то...—сказала Любовь Николаевна, судорожно сжимая руку Лунина: — Боже мой! Какъ страшно... Боже мой!

— Вы домой хотите?—съ тревогой спросилъ Лунинъ.

— Домой? Нѣтъ, нѣтъ... Я боюсь. Боже мой! Я схожу съ ума.

Она повернула заплаканное лицо къ Лунину.

— Я къ вамъ хочу, Борисъ Андреевичъ.

— На Жуковскую!—крикнулъ Лунинъ извозчику, и ему не казалось страннымъ, что Любовь Николаевна такъ неожиданно, ночью, рѣшила ѣхать къ нему и вотъ сейчасъ цѣловала его холодными губами.

Когда Лунинъ и Любовь Николаевна очутились вдвоемъ въ лифтѣ, она закрыла лицо руками и вздрогнула.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?

— Разсуждать не надо — сказалъ Лунинъ:—судьба такая. Все какъ сонъ. И мы кому-то пригрезились, должно быть, такими.

— Какія у васъ холодныя руки.

Лунинъ отперъ квартиру и безъ звонка, не разбудивъ прислуги, провелъ Любовь Николаевну къ себѣ въ мастерскую.

— Свѣтаетъ—сказала графиня:—шесть часовъ.

Лунинъ отдернулъ штору на огромномъ окнѣ, и открылся Петербургъ утренній: туманная, желтая даль Литейнаго проспекта, скучная сѣть трамвайныхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ; синезеленыя пятна ночныхъ гулякъ, проститутокъ, дворниковъ...

Любовь Николаевна, въ тоскѣ ломая руки, отошла отъ окна. Она стояла посреди мастерской блѣдная теперь, съ темными кругами подъ глазами, улыбаясь растерянно, какъ будто недоумѣвая, зачѣмъ она попала сюда.

— Ну, цѣлуйте, цѣлуйте руки мои... Мыслей не надо. Правда? Вѣдь мы влюблены? Влюблены?

Лунинъ молча сталъ на колѣни передъ нею. Злые сладострастные огоньки загорѣлись въ ея глазахъ.

— Вы во мнѣ куртизанку увидѣли—сказала она тихо:—можетъ быть, вы правы... Я бы и натурщицей могла быть. Тѣло мое прекрасно...

Она сѣла на диванъ.

Казалось, что холодный желтый туманъ вошелъ въ мастерскую художника. Странный мертвый свѣтъ струился по стѣнамъ, тканямъ, картинамъ. Онъ оплеталъ душу паутиною, какъ огромный паукъ; сѣялъ въ сердцѣ монотонную тоску... И казалось, что никогда не развѣется слѣпой туманъ, что городъ задохнется въ этомъ траурѣ...

Неожиданно Любовь Николаевна вскрикнула:

— Страшно мнѣ! Сейчасъ случилось что-то... Ахъ, не хочу я думать, не хочу...

Она протягивала руки къ Лунину, но смотрѣла куда-то въ сторону, какъ будто видѣла иного, кого Лунинъ не видѣлъ.

Потомъ она сказала печально:

— Развѣ такъ надо было? Ахъ, все равно... Пусть...

Она раскинулась на диванѣ, какъ была, неодѣтая, и тотчасъ заснула.

Лунинъ сидѣлъ у окна и думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ произошло то, что могло бы быть важнымъ и значительнымъ и что прошло, испепелилось, исчезло, какъ исчезнетъ этотъ желтый неживой туманъ.

Лунинъ не вѣрилъ, что онъ обнималъ и цѣловалъ графиню. Не вѣрилъ, что онъ, Лунинъ, какъ убійца, холодно и безстыдно обладалъ тѣломъ этой несчастной утомленной женщины, которая возбуждала въ немъ теперь только жалость.

Уже развѣялся туманъ; оживалъ городъ; шумѣла улица; подъ солнцемъ огнемъ чернымъ свѣтился гранитъ...

Графиня спала; распустились ея рыжіе волосы; не слышно было, какъ дышитъ она. Казалось, что она лежитъ въ глубокомъ обморокѣ.

Лунинъ очнулся, когда услышалъ звонокъ, когда кто-то прошелъ по коридору торопливо.

Дверь распахнулась и въ мастерскую вошла Анна.

Увидѣвъ спящую графиню, она слабо вскрикнула и закрыла лицо руками.

Потомъ онѣ сидѣли рядомъ на диванѣ—одна въ черномъ траурномъ платьѣ и шляпѣ, другая—почти нагая...

Графиня цѣловала руки Анны, безсвязно умоляя ее о чемъ-то.

— Это ужасно, это страшно—то, что случилось, но въ сущности не было ничего. Это такъ, такъ... Это кошмаръ, сонъ... О, я недостойная! Недостойная! Прости... Прости...

Анна, блѣдная, съ глазами полными ужаса, гладила нѣжно рыжіе волосы графини и говорила тихо:

— Я... Я виновата во всемъ... Такъ должно было случиться... Мы всѣ такіе холодные, такіе утомленные... Боже! Но что жс дѣлать? Что дѣлать?

XVIII.

Въ ту ночь, когда графиня была въ мастерской Лунина, умеръ отъ удара князь Ховринъ.

Въ началѣ апрѣля Бешметьевы уѣхали въ свое подмосковное имѣніе. Анна была приглашена на гастроли въ Кіевъ.

Лунинъ жилъ въ Петербургѣ и почти не выходилъ изъ мастерской: писалъ большую картину—„Марію Египетскую въ пустынѣ“.

Въ страстную субботу, вечеромъ, когда уже электричество горѣло на улицахъ, вышелъ Лунинъ изъ дому и вдругъ почувствовалъ, что апрѣль опять зоветъ его куда-то... Но куда?

Все прошлое казалось ему ненастоящимъ, случайнымъ, и хотѣлось вѣрить, что вотъ откроются иные міры, но сердце было какъ въ плѣну.

Лунинъ бродилъ по улицамъ въ полуснѣ, не замѣчая времени. Когда онъ очнулся, передъ нимъ разстилалась огромная черная Нева, и отъ огней на мостахъ въ глубинѣ водной сіяли золотыя колонны торжественно и безмолвно.

И двѣ черныя фигуры такихъ же, должно быть, скитальцевъ, какъ Лунинъ, стояли на берегу недвижно...

— Не мертвый ли я?—думалъ Лунинъ:—почему сердце такъ слѣпо? Не всѣ ли въ гробахъ мы?

Потомъ опять, какъ ведомый кѣмъ-то, пошелъ Лунинъ прочь отъ черной Невы и неожиданно открылась передъ нимъ площадь и церковь. Вокругъ церкви стояла толпа со свѣчами и у притвора тѣснился клиръ и червонились хоругви.

„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ“...

Лунинъ слушалъ пѣсню, какъ древній зовъ таинственный.

— Но я—мертвый, мертвый,—шепталъ Лунинъ, склонивъ голову.

А клиръ пѣлъ:

„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“...

Георгій Чулковъ.

ИСКРЫ

I.

Палестинское небо синё и свѣтло.
Какъ любовь, его солнце огнемъ обожгло.
Надъ душой моей солнце взошло.

Апельсины цвѣтутъ. Садъ какъ въ бѣломъ снѣгу.
Красный макъ огоньками горитъ на лугу.
Я любить и молчать не могу.

Какъ пьянитъ ароматъ! Вспомни, вникни, услышь!
Рдѣютъ въ бѣлыхъ садахъ пятна красныя крышъ.
А за городомъ—море и тишь.

Я не знаю, гдѣ ты и въ какомъ ты краю.
Я не знаю, услышишь ли пѣсню мою.
Но тебя я люблю и пою.

II.

Весь бѣлый городъ. Портъ неугомонный.
Далекая и чуждая страна.
Я на берегъ спѣшу завороженный.
Въ цвѣту сады. Душа опьянена.
Бѣла земля отъ свѣяннаго цвѣта.
Чей знойный взглядъ сверкнулъ изъ-за рѣсницъ?
Быть можетъ?.. Нѣтъ. Не эта ль?.. И не эта.

Ее узнать я могъ бы въ вихрѣ лицъ.
Одну ее, тоской любви влекомый,
Ищу вездѣ. Такъ минетъ много лѣтъ:
Мнѣ вспомнится и берегъ незнакомый,
И бѣлый осыпающійся цвѣтъ,
И съ нѣжною и грустною истомой
Вздохну о той, которой въ мірѣ нѣтъ,
Чей образъ въ сердцѣ чистъ и живъ, и свѣтелъ
Лишь потому, что я ее не встрѣтилъ.

III.

Полночью весеннею слышу въ полуснѣ:
Кто-то тихо крадется, крадется ко мнѣ.
Что-то шепчетъ ласково за окномъ въ саду,
И смѣется съ листьями, и зоветъ къ пруду.
Полночью весеннею кто-то манитъ вдаль,
Обѣщаетъ счастіе, нѣжность и печаль.
Ближе, ближе, внятнѣе... Это ты, родной,
Ты, весенній, трепетный дождичекъ ночной?
Полночью весеннею ты напомнилъ мнѣ
Скрытое, забытое въ темной глубинѣ.
Дождикъ нерѣшительно прошуршалъ и смолкъ,
И опять закуталась ночь въ прозрачный шолкъ.

IV.

Ты ребенокъ мой больной,
Ты цвѣтокъ мой ненаглядный.
Посмотри въ нашъ садъ нарядный:
Какъ сіяетъ онъ весной.
Я большой букетъ свяжу
Изъ цвѣтовъ, расцвѣтшихъ пышно.
Наклонюсь къ тебѣ неслышно,
Въ изголовье положу,
Чтобъ, проснувшись средь подругъ,
Ты опять повеселѣла,
Засмѣялась и запѣла,
И забыла свой недугъ.

V.

Я цвѣтокъ ли сорву, на звѣзду ли взгляну,
Все тебя назову, о тебѣ вспомяну.

А на землю ступлю, иль всплыву на волну,
Все твержу, что люблю и люблю я одну.

Пусть межъ нами моря. Я съ тобой разлученъ.
Какъ на небѣ заря, для несчастныхъ есть сонъ,

И, скорбя наяву, ночью, въ сладостномъ снѣ
Я съ тобою живу и я счастливъ вдвойнѣ.

Пусть темны мои дни,—ночь ясна и свѣтла.
Погасите огни, скройте всѣ зеркала,

Чтобъ они отразить моихъ сновъ не могли.
Кто умѣетъ любить, тотъ владыка земли.

VI.

Твои глаза, какъ тайна, молчаливы;
Въ твоихъ глазахъ—нѣмая тишь пустынь,
Ночныхъ небесъ тоскующая синь,
Алмазныхъ звѣздъ живые переливы,
Въ твои глаза какъ въ будущность смотрю.
Я—бедуинъ, бреду въ палящемъ зноѣ.
Блестятъ пески, подобно янтарю,
Томитъ миражемъ счастіе земное.
Клянусь, иль я найду его, найду,
Иль, какъ миражъ, самъ сгину, пропаду.

VII.

Въ этой бѣлой одеждѣ,
Съ нѣжной грустью лица,
Я ужъ зналъ тебя прежде
И любилъ безъ конца.

Оттого и при встрѣчѣ
Засіялъ мнѣ твой взглядъ,
Какъ вѣнчальныя свѣчи
Въ заповѣдный обрядъ.
Будь же сердцу покорна,
Подойди безъ борьбы.
Гдѣ любовь непритворна,
Не минуешь Судьбы.

VIII.

Я не знаю, за что ты меня полюбила
И на что ты любовь обрекла.
Тайну нашей судьбы вѣковая Сибилла
Въ свиткѣ пальмовыхъ листьевъ сожгла.
Я не знаю, спасешь ты меня иль погубишь,
Съ жизнью жизнь суждено ли намъ слить.
Знаю только одно, что когда ты разлюбишь,
Перестану я жить.

IX.

Мои стихи—гирляндъ вѣнчальныхъ
Благоухающій уборъ;
Въ нихъ—свѣжесть чувствъ первоначальныхъ
И сердца вѣчный договоръ.

Какъ обручальныхъ колецъ звенья,
Они раздѣльны и слитны.
Въ нихъ возрожденныя мгновенья
И оправдавшіеся сны.

А. Ѳедоровъ.

ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ

Маленькіе разсказы.

Когда жизнь перевалитъ за сорокъ—ждать нечего...

Подобно страннику, отыскивающему невѣдомую страну счастія, человѣкъ переплываетъ всѣ синія моря, проходитъ всѣ дремучіе лѣса и взбирается, наконецъ, на вершину тѣхъ горъ, которыя когда-то заманчиво таяли въ голубой дымкѣ будущаго и манили странника все впередъ, впередъ, впередъ...

Вотъ она, вершина сказочныхъ горъ!..

Отдышавшись отъ усталости, человѣкъ смотритъ впередъ и съ ужасомъ видитъ: путь близокъ къ концу, дорога бѣжитъ внизъ и завершается гостепріимно распахнутыми настежь воротами кладбища...

Не стоитъ смотрѣть впередъ и некуда торопиться...

Не лучше ли сдѣлать привалъ на горахъ своей жизни?

Устали натруженныя ноги; въ клочья порвана и загрязнена одежда; изломанъ посохъ...

Идетъ путникъ къ роднику, наклоняется, чтобы утолить жажду, и, видя свое отраженіе въ зеркалѣ прозрачной воды, пугается...

Смотритъ уставшій человѣкъ въ зеркало души своей и пугается...

Гдѣ же цвѣты, яркіе, благоухающіе цвѣты, съ которыми вышелъ онъ въ путь на зарѣ жизни?..

О, еслибы можно было побѣжать назадъ, въ ту сторону, гдѣ восходитъ солнце!

Ничего не отнялъ бы у прошлаго, все оставилъ бы, что потерялъ, торопясь на закатъ,—только эти цвѣты, одни цвѣты подобралъ бы съ пыльной дороги, омылъ бы ихъ своими слезами и, прильнувъ лицомъ, сталъ бы жадно пить ихъ дыханіе!..

I.

Сирень.

Ахъ, какъ чудно пахнетъ сирень раннимъ весеннимъ утромъ, когда солнце еще не прогнало ночной прохлады и не выпило росы съ ея цвѣтовъ и листьевъ!..

Однажды, на зарѣ юности, я возвращался съ загородной прогулки съ милой, красивой дѣвушкой. Какъ стая веселыхъ птицъ, вылѣзли мы изъ лодки, разбились по парамъ и разбрелись по городу провожать другъ друга...

Солнце только-что поднялось надъ городомъ и засверкали золотые огни на церковныхъ куполахъ, крестахъ и въ окнахъ высокихъ домовъ. Улицы были еще прохладны и молчаливы, окна домовъ завѣшаны гардинами... Тамъ, за окнами, всѣ еще крѣпко спали. Наши шаги гулко звенѣли въ тишинѣ ранняго утра...

Изъ-за длиннаго забора, утыканнаго частыми гвоздями, свѣшивалась густая сирень съ тяжелыми влажными кистями лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ...

Ахъ, какъ дивно пахнетъ сирень раннимъ весеннимъ утромъ, когда тебѣ всего двадцать лѣтъ и когда ты идешь рядомъ съ милой, красивой дѣвушкой и радостно вздрагиваешь при каждой встрѣчѣ глазъ и улыбокъ!..

— Сорвите мнѣ вѣтку сирени!..

Мы остановились. Заборъ, гладкій и высокій, утыканъ гвоздями. Попытка нагнуть кусты сирени тростью кончилась прекрасной неудачей: какъ дождемъ, осыпала насъ сирень каплями душистой росы...

— Хотя бы одну вѣтку!..

— Бѣлую?

— Да... Нѣтъ—лиловую...

Я самоотверженно полѣзъ на заборъ воровать сирень для милой, красивой дѣвушки... Я разрѣзалъ себѣ руку ржавымъ гвоздемъ, но не замѣтилъ этого, ибо не почувствовалъ никакой боли. Голова кружилась отъ сладкаго аромата, капли росы пры-

гали съ вѣтвей прямо въ лицо, хрустѣли подъ рукой вѣтки, радостно смѣялась дѣвушка, на которую я стряхивалъ душистый дождь утренней росы... Я готовъ былъ обломать для нея всю цвѣтущую сирень въ мірѣ, всю бѣлую и всю лиловую...

— Довольно!..

Я героемъ спрыгнулъ съ забора. Радостные, веселые, любящіе глаза сверкнули мнѣ молчаливой благодарностью.

— Это вамъ... на память о... о...

Она замолчала и, вспыхнувъ, спрятала лицо въ сирени...

— На память о чемъ?.. Почему мы такъ цѣпляемся за память?..

— На память объ этой прогулкѣ... объ этомъ утрѣ... о сирени... О томъ, какъ дивно она пахнетъ рано утромъ...—сказала дѣвушка и приблизила къ моему лицу влажный букетъ сирени.

— Что̀ это на рукѣ? Кровь?..

Тутъ только я увидалъ на своей рукѣ кровоточащую рану.

— Больно?

— Нѣтъ... Это тоже на память...

Дѣвушка дала мнѣ маленькій шелковый платокъ; я обмоталъ имъ кисть руки и шелъ, какъ герой, получившій рану въ бою въ честь любимой дѣвушки. Когда мы остановились и стали прощаться, дѣвушка отняла платокъ...

— Подарите его мнѣ!

— Нѣтъ. Я возьму его себѣ... на память...

Я отдалъ: пусть! вѣдь платокъ обагренъ моей кровью...

Но вотъ подлая проза жизни... Она всегда вмѣшивается въ нашу жизнь и обрываетъ у насъ крылья какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы готовимся взлетѣть въ лазоревую высь далекихъ небесъ!..

Съ томленіемъ и счастіемъ во взорѣ держалъ я тонкую, трепещущую руку дѣвушки и не выпускалъ, желая отдалить разлуку еще на нѣсколько секундъ; я смотрѣлъ въ запылавшее румянцемъ лицо дѣвушки, полуприкрытое букетомъ сирени, и пьянѣлъ, не зная отъ чего: отъ аромата сирени, или отъ пылающихъ щекъ и застѣнчивыхъ взоровъ... Вышелъ лѣнивый, заспанный дворникъ съ метлой, почесалъ въ затылкѣ и сказалъ:

— Штаны, баринъ, изорвалъ... Зашить надо... Нехорошо...

Я обернулся назадъ... Дѣвушка вырвала свою руку и съ звонкимъ смѣхомъ побѣжала въ глубь двора.

Убѣжала... Почему?—Что̀ ты сказалъ, дворникъ?.. Какъ ты смѣлъ...—

Дворникъ дѣловито объяснилъ, въ чемъ дѣло...

— Видно, на гвоздь напоролся!.. Нехорошо...

Я осмотрѣлъ свой костюмъ и вспыхнулъ отъ стыда, обиды, униженія... Точно кто-то оплевалъ мою вѣтку бѣлой сирени... Тихо побрелъ я по улицѣ къ дому. Звонили колокола къ ранней обѣднѣ, потрескивали по мостовой рѣдкія еще извозчичьи пролетки, скрипѣли калитки въ воротахъ... Начиналась жизнь...

До сихъ поръ помню раннее весеннее утро, заборъ съ гвоздями, кусты свѣшивающейся сирени, каскадъ ароматной росы, застѣнчивое личико дѣвушки, выглядывающее изъ-за букета лиловой и бѣлой сирени...

И до сихъ поръ слышу грубый голосъ дворника, спугнувшаго и грёзы, и ароматъ весенняго утра.

Ахъ, какъ чудно пахнетъ сирень раннимъ утромъ, когда солнце не выпьетъ еще съ нея росы, когда тебѣ двадцать лѣтъ, когда съ тобой рядомъ милая, красивая дѣвушка!..

II.

Тяга.

...„Снѣгъ таялъ. Только по оврагамъ и ямамъ въ лѣсу онъ еще прячется подъ старой листвой отъ теплаго солнышка. Уже на пригоркахъ зеленится свѣжая травка, распустилась верба, много подснѣжниковъ, на ветлахъ—пушистыя блѣдно-зеленыя сережки. Наливаются почки. Вечеромъ высоко въ небѣ кричатъ въ багровомъ заревѣ заката журавли, а на утреннихъ зоряхъ въ лѣсу бормочутъ и чуфыркаютъ тетерева. Со дня на день ждемъ вальдшнеповъ“...

У кого изъ охотниковъ не вздрогнетъ сердце при чтеніи такого письма? А если тамъ, откуда пишутъ, кромѣ бормочущихъ тетеревовъ, кромѣ кричащихъ на вечерней зарѣ журавлей и тянущихъ надъ лѣсомъ вальдшнеповъ, еще звучитъ голосокъ далекой любимой дѣвушки, а вамъ всего на всего семнадцать лѣтъ,—развѣ можно въ такомъ случаѣ равнодушно читать письмо, не любить тетеревовъ, вальдшнеповъ и тяги?.. Нельзя.

...„Вчера пріѣхалъ Завьяловъ. Сейчасъ онъ набиваетъ патроны, а Соня помогаетъ ему... Завтра ждемъ Колю Кремнева... Неужели ты не пріѣдешь на тягу?..“

Я?.. Завьяловъ и Кремневъ будутъ на тягѣ, Соня будетъ помогать имъ набивать патроны, а я останусь въ городѣ и буду

мучиться завистью и ревностью?.. Никогда! Я тоже поѣду на тягу...

Вынимаю изъ чехла ружье, пощелкиваю замкомъ, курками, прикладываюсь въ примѣрнаго вальдшнепа, а Джальма визжитъ отъ радости, прыгаетъ, обнюхиваетъ ружье...

— Не поѣдешь, Джальма, на тягу!.. На тягѣ охотятся безъ собаки... А вотъ я поѣду!.. Послѣзавтра я уже буду стоять въ красныхъ сумеркахъ заката гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса... Послѣзавтра я буду стоять рядомъ съ Соней... Задорное личико съ карими глазами, насмѣшливыми и острыми глазами, съ ямочкой на подбородкѣ, рѣзко встаетъ въ памяти... Сердце чувствуетъ опасность... Кремневъ не опасенъ: онъ питается безнадежнымъ томленіемъ перваго ученика съ пятерками за поведеніе, вниманіе и прилежаніе, а вотъ Завьяловъ—тотъ парень ловкій и большой „ухажѣръ“, умѣющій останавливать на себѣ вниманіе гимназистокъ...

Непремѣнно надо ѣхать. Скорѣе! Завтра же ѣду на тягу!..

...„Соня собирается съ нами на тягу. Вчера она нарядилась въ мой костюмъ, въ большіе сапоги, закрутила волосы узломъ и спрятала ихъ подъ фуражкой Завьялова“...

Такъ и рѣзнуло по сердцу!.. Что-то тамъ не совсѣмъ ладно... Вертушки онѣ, гимназистки!.. Воображаю, какъ Соня кокетничаетъ съ Завьяловымъ... Надо было ѣхать раньше: тяга продолжается недолго, какихъ-нибудь двѣ недѣли, а то и меньше. Главное—пролетная тяга, а мѣстная—чепуха: тамъ очень мало осѣдлыхъ вальдшнеповъ... Однако, Завьяловъ хватъ! Донъ-Жуанъ проклятый!.. Почему онъ такъ нравится женщинамъ? Положительно не понимаю женскаго вкуса...

Подхожу къ зеркалу, закручиваю едва пробившіеся усики и остаюсь доволенъ своимъ отраженіемъ. Плохо, впрочемъ, лежатъ волосы. Противный вихоръ. Никакъ его не положишь, торчитъ на самой макушкѣ, какъ у индѣйца...

...„Вчера Сонька стрѣляла въ цѣль изъ Завьяловской одностволки“...

Ну, и ловкій же!.. Умѣетъ... Развѣ у него ружье? Не ружье, а мѣшалка... Вотъ оно, у меня, ружьецо! Легонькое, красивое, игрушка, а не ружье!.. Совсѣмъ женское ружье — какъ перышко... А бьетъ прекрасно... Неужели Соня стрѣляетъ?.. Молодецъ!.. Удивительная дѣвушка. Бабы ружья боятся, а она...

Ахъ, если я когда-нибудь женюсь, то непремѣнно на такой дѣвушкѣ, которая будетъ любить охоту и будетъ ходить со мною на тягу... Возьмемъ непромокаемые плащи, бутербродовъ, ружья

за спину и маршъ!.. Она на одной полянкѣ, я — на другой... То она, то я — „бухъ!“... Потомъ сойдемся, послѣ тяги, постелемъ плащи и аппетитно закусимъ бутербродами... Только не боялась бы ружья, а „натаскать“ всегда можно...

Загорѣлась душа... Все перевернуто вверхъ дномъ: ящики комода, гардеробъ, охотничьи принадлежности... Завтра вечеромъ на поѣздъ...

Ахъ, какъ тянется проклятое время!.. Ну-ка, что̀ еще онъ пишетъ:

...„Лучшимъ стрѣлкомъ въ цѣль оказался Завьяловъ“...

Опять Завьяловъ!.. Я ему покажу, какъ стрѣляютъ...

Плохо спится ночью передъ отъѣздомъ... на тягу... Все думаешь объ охотѣ. Мерещатся тянущіе надъ лѣсомъ вальдшнепы, токующіе тетерева; безпокоитъ, что мало патроновъ... Стоитъ передъ глазами Соня въ большихъ сапогахъ, въ Завьяловской фуражкѣ, съ ружьемъ, и насмѣшливо смотритъ въ глаза... Кокетки!.. Вертушки!.. Только съ глазъ вонъ и... Ну и чортъ съ ними!.. Который, однако, часъ!?.. Только четыре часа!..

Ну, слава Богу, я въ поѣздѣ и съ каждымъ часомъ все ближе и ближе къ тягѣ...

Въ вагонѣ полутьма, душно, накурено, тѣсно. Хорошо, что мнѣ удалось захватить верхнюю койку... Никто не захочетъ отбивать мѣсто... Пожалуйте! садитесь, если ухитритесь это сдѣлать!..

Лежу въ сосѣдствѣ съ пузатыми чемоданами, картонками, узлами...

— Потрудитесь взять часть вещей!..

— Извините: у меня только ружье и вотъ этотъ чемоданчикъ!..

— Чьи же это вещи?..

— Я не обязанъ этого знать...

Лежу, закрылъ глаза и прислушиваюсь къ шуму и постукиванію идущаго поѣзда. Странно стучатъ колеса! Точно говорятъ что-то... Что они тамъ говорятъ?..

— Тя-га, тя-га, тя-га...

А потомъ:

— Со-ня, Со-ня, Со-ня... Бухъ!..

Стукнула дверь, а мнѣ почудился ружейный выстрѣлъ... Раскрываю глаза, озираюсь. Что за диво: на сосѣдней верхней скамейкѣ лежитъ дѣвушка. Когда же она сѣла сюда и заснула? Не слыхалъ. Очевидно, я спалъ... и довольно крѣпко... Хорошія косы у нея: одна свѣсилась и тяжело покачивается, а другая коса, какъ жирная змѣя, на подушкѣ... Свѣтлая кофточка. Выглядываетъ башмачокъ. Плечи равномѣрно поднимаются и опу-

скаются... Спитъ... Отъ всей фигуры вѣетъ чѣмъ-то зеленымъ, молодымъ, радостнымъ... „Стаялъ снѣгъ... Наливаются почки... Распустилась верба. На ветлахъ блѣдно-зеленыя пушистыя сережки... Подснѣжники“... Словно подснѣжникъ эта дѣвушка въ бѣлой кофточкѣ среди чемодановъ, узловъ, корзинъ!.. Въ общемъ напоминаетъ Соню!

Лежу, однимъ глазомъ, какъ тетеревъ съ дерева, поглядываю въ сторону незнакомки съ толстыми косами и горю нетерпѣніемъ увидать дѣвичье лицо... Должно быть, хорошенькая... Это какъ-то чувствуется... Какія косы!.. Такъ хочется взять въ руку ту, что свѣсилась, и взвѣсить ее въ своей рукѣ... Можетъ быть, любитъ или понимаетъ охоту... Нѣтъ, если я когда-нибудь женюсь, то только при томъ условіи, чтобы жена ходила со мной на охоту!..

Что это за счастіе стоять въ золотисто-розовыхъ сумеркахъ весенняго вечера на опушкѣ лѣса и ждать, когда тянущій надъ лѣсомъ вальдшнепъ огласитъ чуткую тишину вечера своимъ „кршъ-кршъ-коххъ!“... Вся кровь бросается въ лицо и сладко замираетъ сердце... А когда тутъ же невдалекѣ — близкая, любимая?.. И у нея тоже вспыхиваютъ щеки и замираетъ сердце?.. Говорить нельзя. Можно только жестикулировать...

— Соня! Слышишь?—спрашиваю жестомъ головы и глазами.

— Да,—отвѣчаетъ кивкомъ головки Соня. Она въ большихъ сапогахъ, въ молодцеватой позѣ охотника, съ ружьемъ наготовѣ...

— Кршъ! Кршъ! Кохххъ!..

И снова тихо. Въ глубокомъ молчаніи пролетаетъ куда-то вѣронъ. О чемъ-то наскоро совѣщаются передъ сномъ маленькія птички въ чащѣ стемнѣвшаго лѣса... Гдѣ-то страшно бухаетъ выпь... И опять: „Кршъ! Кршъ! Коххъ“!

— Соня! Не зѣвай!..

Вальдшнепъ тянетъ прямо на нее... Счастливая!..

— Бухъ!..

Вздрогнулъ лѣсъ, вздрогнула розовая тишина и повалился, какъ камень, вальдшнепъ... Эхо выстрѣла понеслось по лѣсу, какъ раскаты далекаго грома; притаилась вся природа, смолкли всѣ маленькія птички, испугались лягушки и замолчала выпь на болотѣ... А журавли закричали!.. Тревожный и грустный крикъ невѣдомой весенней печали!.. О чемъ плачете, журавли?.. Я такъ счастливъ, милыя птицы!.. Мнѣ хочется заплакать отъ счастія и отъ радости, что я живу на свѣтѣ!..

— Бухъ!..

Опять хлопнули дверью!.. Раскрываю глаза и вспоминаю про сосѣдку и ея косы. Смотрю на нее однимъ глазомъ и вдругъ... вдругъ встрѣчаю два темныхъ бодрствующихъ, испытующе устремленныхъ на меня глаза!.. Сконфузились оба... Отвернулись въ разныя стороны...

Ну, конечно, хорошенькая!.. Я это предчувствовалъ.

Опять блуждаютъ взоры по узламъ, пузатымъ чемоданамъ, по потолку и опять тянутся къ сосѣдней скамейкѣ. Ей Богу, чудное личико!.. Она похожа на Соню. Но у Сони косы хуже... Почему мнѣ такъ нравятся дѣвичьи косы? Не понимаю. Какъ парикмахеру, хотѣлось бы мнѣ расчесать эти косы сверху до низу... Читаетъ книгу. Интересно бы узнать, чѣмъ она интересуется...

— Соня! Не порти глазъ! Темно...

— Ничего, мама...

Соня!.. Она тоже Соня!.. Удивительное совпаденіе... Внизу—мамаша. Надо это принять къ свѣдѣнію... Какъ бы заговорить? О чемъ?.. О книгѣ? О погодѣ?.. Ахъ, да!.. Отличный поводъ:

— Не угодно ли... у меня есть свѣча... а вѣрнѣе — кусочекъ свѣчи!..

— Благодарю васъ...

Вытаскиваю огарокъ стеариновой свѣчки, зажигаю его и подаю въ протянутой надъ бездною рукѣ...

— Не подожги еще чего-нибудь!—ворчитъ внизу мамаша.

Мамаша довольно полная дама и все о чемъ-то безпокоится. Считаетъ вещи, подозрѣваетъ вокругъ воровъ, боится за нравственность дочери, за ея глаза, за ея косы.

— Подбери косы!..

Исподтишка слѣжу за дѣвушкой и за мамашей. Замѣтила, каналья!.. Что она хочетъ дѣлать?.. Ну и дошлая: подняла и повѣсила на ремешки полотняное забрало верхней койки, которое обыкновенно поднимается только на ночь, въ обезпеченіе отъ паденія спящаго пассажира... Досадно: скрылась дѣвушка, видна только часть головы...

— Зачѣмъ, мама?

— Того и гляди—упадешь!.. А вы, молодой человѣкъ, далеко ѣдете?

— Я?

— Вы, вы!..

Я назвалъ станцію и добавилъ:

— А тамъ еще верстъ пятьдесятъ на лошадяхъ... въ имѣніе.

— Въ свое имѣніе?

— Нѣтъ, въ чужое, къ товарищу... На тягу.

— Куда?

— На охоту.

— Жестокое удовольствіе!..

Дѣвушка выглянула изъ прикрытія и улыбнулась:

— Вы студентъ?..

Ахъ, что̀ бы я тогда далъ, еслибы могъ утвердительно отвѣтить на вопросъ дѣвушки!

— Мм... почти... Я нынче кончаю гимназію!..

— А-а, гимназистъ!..

Милое, красивое личико! Она красивѣе Сони... Румяныя-румяныя губы, а глаза! Какъ встрѣтишься, такъ и вздрогнетъ сердце. Словно качаешься на качеляхъ... Вотъ еслибы она любила охоту...

Я переложилъ на другое мѣсто ружье, на болѣе видное мѣсто.

— Ради Бога, молодой человѣкъ, осторожнѣе съ ружьемъ!

— Оно не заряжено.

— А Богъ его знаетъ! Я боюсь и не люблю, когда...

— Мама—ужасная трусиха.

— А вы?

— Я? Я стрѣляю изъ револьвера...

Ахъ, какая прелесть! Вотъ это была бы жена!..

Закрываю глаза и начинаю рисовать себѣ картину семейной тяги... Одолѣваетъ сладкая дрема... Несется поѣздъ впередъ, грохочетъ на мостикахъ, вздрагиваетъ на закругленіяхъ и стучитъ, стучитъ, стучитъ... Опять что-то выговариваютъ колеса:

— Тя-га, тя-га, тя-га... Соня, Со-ня, тя-га, Соня...

Кого я люблю?... Соню?..

— Соню, Со-ню, Со-ню...

Но которую? Ту, далекую? — жаль эту. Эту, близкую?— жаль ту...

— Со-ню эту, Соню ту, Со-ню эту, Соню ту... такъ, такъ, такъ...

Поѣздъ приближается къ станціи:

— Обѣихъ, обѣихъ, обѣихъ!..—болтаютъ колеса...

— Бухъ!..

Ахъ, проклятая дверь!..

— Будьте деликатнѣе: не хлопайте такъ дверями!..

III.

Кладъ.

Замѣчали ли вы, что когда, послѣ долгой разлуки, неожиданно встрѣчаются два друга юности, съ брюшками, съ лысинами, съ морщинами, съ сѣдыми бородами, они страшно пугаются другъ друга?.. Краснѣютъ, теряются, конфузятся, словно поймали другъ друга на мѣстѣ какого-то гнуснаго преступленія...

Почему? Не потому ли, что такія неожиданныя встрѣчи похожи на волшебное зеркало, въ которомъ внезапно и ярко отражаются два человѣка: далекій прошлый, призрачный, и настоящій, реальный?.. Только освоившись съ отраженіемъ, они успокаиваются, утѣшаясь тѣмъ, что „И ты, братъ, того... и полысѣлъ, и потолстѣлъ, и поглупѣлъ, и достаточно пропылился пошлостью жизни!“ Словно обрадовавшись такому открытію, друзья юности перестаютъ пугаться другъ друга и съ умиленіемъ вспоминаютъ то, что было когда-то давно, когда не было ни брюшка съ брелоками, ни лысины съ блескомъ... Интересно бываетъ тогда послушать, какъ въ мусорѣ всяческихъ воспоминаній прошлаго они отыскиваютъ цвѣты жизни...

Въ тихій весенній вечеръ на Волгѣ два такихъ пріятеля сидѣли на балконѣ парохода и, прогнавъ виномъ страхъ и конфузливость первыхъ минутъ встрѣчи, производили раскопки въ своей памяти.

...„Дѣло было давно, вскорѣ послѣ того какъ университетскіе безпорядки разбросали насъ въ разныя стороны... Тогда я вѣрилъ еще въ науку, въ прогрессъ, въ разные „измы“ и... и въ любовь!“...

— Теперь не вѣришь?

— Какъ тебѣ сказать? Усталъ вѣрить, потерялъ вкусъ... Теперь я блондинъ, а тогда былъ брюнетомъ... Надо покрасить бороду... Рано началъ сѣдѣть...

— Ты въ молодости былъ красивъ... тонкій, стройный, ходилъ грудью впередъ, въ глазахъ...

— Говорили!.. Жизнь коротка, все уноситъ съ собой. Выпьемъ лучше... Вотъ такъ!...

— Ну, продолжай!..

...„Такъ вотъ... Послѣ долгихъ мытарствъ и странствованій по свѣту въ качествѣ „бывшаго студента“, я попалъ къ одному

помѣщику въ качествѣ репетитора... Обучалъ двухъ оболтусовъ невѣроятной тупости, отъ которой частенько приходилъ въ полное отчаяніе... Жили мы на хуторѣ, въ страшной глуши, среди лѣсовъ, верстахъ въ двадцати отъ почтовой станціи. Помѣщикъ былъ вдовъ, грубъ, неотесанъ, настоящій муромскій медвѣдь. Говорилъ хриплымъ басомъ, ругался скверными словами, курилъ трубку, плевалъ на полъ, ходилъ полураздѣтый по всѣмъ комнатамъ, а когда выходилъ изъ дома, всегда захватывалъ плетеную изъ ремней нагайку. Въ уѣздѣ онъ игралъ большую роль и въ числѣ почетныхъ должностей носилъ на себѣ титулъ попечителя колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, подъ дачу которой онъ отдавалъ свой второй хуторъ, верстахъ въ пятнадцати отъ нашего мѣстопребыванія...

Ходили въ народѣ слухи, что въ оврагѣ лѣса, близъ этой колоніи, зарытъ огромный кладъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходила легенда объ этомъ кладѣ. Когда-то, при царѣ Горохѣ, въ лѣсу укрывалась шайка разбойниковъ—Кудеяръ съ молодцами. Преслѣдуемая государевыми ратными людьми, шайка зарыла награбленное золото въ лѣсномъ оврагѣ и скрылась въ глубинѣ муромскихъ лѣсовъ. Когда шайка была частью перебита, частью переловлена, послѣдній изъ ея молодцовъ, по прозванію Ванька-Каинъ, передъ казнью ухитрился передать письмо на родину, молодой женѣ. Въ этомъ письмѣ разбойникъ открылъ ей секретъ о чугунѣ съ золотомъ и подробно описалъ примѣты того мѣста, гдѣ слѣдовало искать кладъ. По письму выходило, что чугунъ зарытъ въ одномъ изъ враговъ того лѣса, гдѣ былъ расположенъ второй хуторъ дикаго помѣщика... Долго окрестные жители искали этотъ кладъ, изрыли всѣ овраги, надѣлали гротовъ и дудокъ, словно здѣсь работали золотоискатели. Помѣщикъ гонялъ ихъ, билъ нагайкой, таскалъ по судамъ, а въ концѣ концовъ самъ сталъ вѣрить, что кладъ есть.

Къ тому времени, когда я попалъ репетиторомъ къ муромскому медвѣдю, дѣла его сильно пошатнулись, почти весь лѣсъ онъ распродалъ, но тѣ двадцать-тридцать десятинъ, въ районѣ которыхъ предполагался кладъ, попридерживалъ и очень охотно и часто разсказывалъ мнѣ о Кудеярѣ и его молодцахъ... Очевидно, кладъ Кудеяра былъ его послѣдней надеждою.

Однажды, въ теплую майскую ночь, темную, звѣздную, благоухающую, когда соловьи и одиноко тявкающія собаки пробуждаютъ на душѣ какую-то сладостную тревогу и мѣшаютъ спать молодымъ людямъ, рождая склонность къ мечтательности, я сидѣлъ на верхнемъ балконѣ хутора, попыхивалъ красноватымъ

огонькомъ папиросы и думалъ о томъ, почему я одинъ, почему меня никто не любитъ, почему меня никто не цѣлуетъ и никто не ласкаетъ... Въ самомъ дѣлѣ это было несправедливо... Я былъ молодъ, недуренъ собою, носилъ въ душѣ огромный запасъ непотраченныхъ силъ любить и быть любимымъ, а между тѣмъ никто не приходилъ... Вѣдь должна же быть гдѣ-нибудь та дѣвушка, которая обречена мнѣ въ жены! Гдѣ она? Кто она? Какъ ея имя? Какъ на зло, старая дѣва Гликерія Петровна, сестра помѣщика, особа безъ всякихъ признаковъ красоты, играла внизу сентиментально-мечтательные ноктюрны на пьянино... Плакалъ соловушекъ, плакало пьянино и я готовъ былъ плакать... Я воображалъ, что какая-то дивная дѣвушка играетъ эти ноктюрны, а вовсе не Гликерія Петровна... Не вязались съ ней эти ноктюрны... Вотъ смолкли и ноктюрны...

— Вы не спите?

— Нѣтъ... Но собираюсь!—сказалъ я, опасаясь приглашенія на прогулку.

— Прекрасная ночь!

— Великолѣпная...

Гликерія Петровна глубоко вздохнула. Я не вздохнулъ: боялся этимъ вовлечь себя въ невыгодную сдѣлку. .

— Неужели вы можете спать въ такую ночь?

— Могу,—отвѣтилъ я и для наглядности фальшиво позѣвнулъ во весь ротъ.

— Спокойной ночи!

— И вамъ также!

Щелкнулъ замокъ двери. Ушла! Опасность миновала. Опять выдвинулъ стулъ къ периламъ и сталъ пить прохладу теплой весенней ночи... Тишина стояла удивительная, и на фонѣ этой темно-синей тишины надрывался соловей въ саду, а на горѣ, въ угрюмо спавшей деревенькѣ, какой-то Шарикъ съ крючкообразнымъ хвостомъ отчаянно брехалъ и, казалось, прислушивался къ своему лаю, эхомъ отскакивавшему отъ черной стѣны лѣса... Звѣзды горѣли ярко, вздрагивали, и, конечно, я мысленно жаловался имъ на свое одиночество. Гдѣ-то въ лугахъ, казавшихся теперь черной бездною, дергалъ неугомонный коростель, а подъ балкономъ, въ цвѣточныхъ клумбахъ, стрекотали безсонные кузнечики, словно шептались о какихъ-то тайнахъ весенней ночи... Трудно въ такія ночи молодому, здоровому, жизнерадостному человѣку не думать о женщинѣ... Я жадно пилъ ночной ароматъ цвѣтовъ, земли, навоза, и думалъ: вотъ мнѣ и двадцать четыре года, а я все еще не встрѣтилъ той, которая и т. д.

И пока нечего надѣяться: живу въ лѣсныхъ дебряхъ и изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ теперь встрѣчаю, питаю маленькую симпатію только къ коровницѣ Лушѣ. Но при чемъ тутъ Луша, молодая солдатка? Здоровая бабенка съ лукавымъ взоромъ изъ-подъ спущеннаго на лобъ платочка; ходитъ грудью впередъ, словно несетъ ее съ гордостью предъ всѣмъ міромъ; когда бѣгаетъ, то трясетъ торсомъ; зоветъ коровъ густымъ альтомъ... Вѣдь не Луша же?.. А звѣзды горятъ ярко... И мысль скачетъ отъ небесъ къ коровнику, гдѣ спитъ смуглая, съ лукавымъ глазомъ Луша... Истомился, грохнулся не раздѣваясь въ постель и сомкнулъ глаза. А соловей не унимался и по прежнему брехалъ на горѣ Шарикъ... Въ довершеніе всего надъ ухомъ запѣлъ комаръ.

— Ну, и ты съ ноктюрнами!..

Комара убилъ. Злобно убилъ, не пощадивъ своей щеки. Только было сталъ забываться, какъ чрезъ раскрытую дверь балкона вѣтерокъ принесъ топотъ скачущей лошади...

— Тпру!..

Фыркаетъ лошадь. Кто-то стучитъ въ окно кухни. Что такое? Ко мнѣ? За мной?.. Чувствую что-то роковое въ своей жизни... Сошелъ внизъ.

— Откуда?

— Съ дальняго хутора.

— Что случилось?

— За бариномъ...

Разочарованіе... Была какая-то смутная надежда на этого таинственнаго всадника, прискакавшаго изъ таинственной темноты.

— Зачѣмъ?

— Не могу объяснить никому, кромѣ барина...

— Да ты кто такой?

— Сторожъ съ колоніи... Егоръ! Важное дѣло. Надо разбудить барина...

Разбудили барина. Сперва онъ долго кашлялъ, плевался и ругался, потомъ стихъ и сталъ говорить тихо, очень тихо, вкрадчиво какъ-то... взволнованно...

— Семенъ Петровичъ! Что случилось?..

— Я сейчасъ... Закладывайте тарантасъ!.. Пàрой!

Скрипитъ лѣстница подъ грузнымъ тѣломъ Семена Петровича. А вотъ и самъ онъ, со свѣчой, полуодѣтый, взъерошенный, тяжело отдувающійся...

— Говорилъ я вамъ, батенька... Такъ оно и вышло... Нашли!

— Что такое?

— Кладъ нашли...

— Гдѣ?

— Въ оврагѣ около того хутора... Уфъ! Я такъ и зналъ... Я словно предчувствовалъ... Хотите ѣхать?.. Посмотрѣть? Чугунъ... Только первое условіе—не болтать... Дайте слово!

— Даю.

— Дойдетъ до губернатора, отберутъ въ археологическую комиссію и т. д. Егоръ! войди-ка сюда!..

Вошелъ Егоръ. Видъ таинственный. Не знаетъ, какъ держаться въ моемъ присутствіи со своимъ секретомъ...

— Разсказывай!..

Егоръ посмотрѣлъ въ мою сторону, замялся...

— При немъ можно... Свой!..

— Да вѣдь чего же тутъ разсказывать?.. Нашли!..

И Егоръ всетаки разсказалъ все сначала... Бѣгали по оврагамъ колонскіе ребятишки и рылись въ землѣ... Обнажился край чугуннаго котла... Въ этомъ мѣстѣ давно „звонко было“: топнешь ногой и бунитъ... Оставляли безъ вниманія, а вотъ оказалось...

— Растащили, поди, много?..

— Нѣтъ... Они не могли дорыться... Онъ глубоко. А только бокъ обнаружился... Развѣ безъ лома да безъ желѣзныхъ лопатъ управишься?..

— Ты скачи обратно... Я тебя поблагодарю потомъ... Покараулить надо, чтобы никто... А Татьяна Николаевна знаетъ?

— Знаетъ...

— Вотъ это напрасно... Ты уѣхалъ, а тамъ...

— Она не тронетъ... Ребятишки-то сперва ей разсказали про кладъ-то, а она—ко мнѣ: скачи, говоритъ... Непріятности не вышло бы... Я тамъ свою бабу оставилъ... Съ револьвертомъ стоитъ... Такъ я поскачу?

— Мм... Нѣтъ. Лучше поѣдешь съ нами...

Помѣщикъ торопилъ лошадей. По двору бѣгали съ фонарями, подъ сараемъ звенѣли колокольчики...

— Лучше пока и Егора этого не пускать... Народъ—подлый... Я и такъ не вѣрю, чтобы тамъ половину не разворовали... Лошади скоро?!

— Готовы, баринъ!..

Мы усѣлись въ тарантасъ и поѣхали. Егоръ поскакалъ впереди. Долго ѣхали молча. Помѣщикъ возился на сидѣньѣ,

словно своими движеніями хотѣмъ помочь лошадямъ. То и дѣло онъ тыкалъ въ спину работника и сердито кричалъ:

— Гони!..

Несомнѣнно онъ всю дорогу думалъ о кладѣ, его цѣлости, размѣрахъ, цѣнности...

— Почемъ нынче золотникъ золота-то?—неожиданно спросилъ онъ меня...

— Рубля три...

— Не можетъ быть! дороже... Егоръ!.. Егоръ, такъ твою...— закричалъ помѣщикъ.

Словно изъ-подъ земли, показалась вдругъ у тарантаса лошадиная морда съ оскаленными зубами, съ сверкающими синевой бѣлками глазъ, съ пѣною на мягкихъ губахъ.

— А не догадался ты, материнъ сынъ, наказать Татьянѣ Николавнѣ, чтобы она не пускала туда ребятъ?

— Она не пуститъ... Она дѣвушка съ разумомъ...—проговорилъ въ темнотѣ голосъ.

— Не ѣзди впередъ! Поѣзжай рядомъ, либо позади!.. Большой котелъ-то?

— Огромадный! Бочокъ только обнаружился... Чугунъ ведеръ на десять... Татьяна Николавна ходили туда...

— Одна?

— Не могу сказать...

— Какого же чорта ты глядишь?.. Слѣдовало огородить мѣсто и никого не подпускать на выстрѣлъ!..

Егоръ опять сталъ нахваливать Татьяну Николавну, и я какъ-то невольно началъ думать: что это за Татьяна Николаевна? Спросилъ о ней сосѣда:

— Надзирательница колоніи... дѣвушка... Въ чужую душу не влѣзешь...

Дорога пошла скверная, все время лѣсомъ, песками, по жесткимъ ползучимъ корнямъ старыхъ сосенъ. Сильно било въ спину и въ бока.

Ѣхали теперь ощупью, то и дѣло получая колючія пощечины отъ развѣсистыхъ сосенъ. Сквозь темные узоры вѣтвей въ синемъ небѣ вздрагивали звѣзды; временами, хлопая жесткими крыльями, съ испуганнымъ клохотаніемъ снимались съ деревъ глухарки— лошади пугались ихъ и дергали въ сторону, а сосѣдъ валился на меня всѣмъ грузнымъ тѣломъ.

— Ну и дорожка!—ворчалъ онъ и покашливалъ такъ загадочно, твердо, себѣ на умѣ.

— Гони! Гони!..—строго покрикивалъ онъ, когда лошади

бросали рысь и шли шагомъ, словно боялся, что опоздаетъ на свиданіе...

Часа черезъ полтора мы подъѣхали къ хутору. Большой домъ высился темной грузной массою и пряталъ свою крышу въ деревьяхъ, а маленькій, стоявшій въ глубинѣ двора, свѣтился двумя маленькими огнями, напоминая живое существо съ сверкающими глазами.

— У Татьяны Николавны огонекъ. Не спитъ еще!.. Тпру!

Лошадки встали у околицы. Егоръ соскочилъ съ сѣдла. Начали обсуждать, какъ быть: сейчасъ идти въ оврагъ, или отдохнуть, дождаться разсвѣта и тогда уже двинуться на раскопки чугуна съ золотомъ.

— Надо дождаться свѣту, баринъ... Ночь больно темная... Либо не найдемъ мѣста, либо собьемся и проплутаемъ...—совѣтовалъ Егоръ. Но помѣщикъ боялся медлить:

— Куй желѣзо пока горячо!

— Не найдемъ теперь... Только зря блуждать будемъ по лѣсу.

— Покричимъ твою бабу... Услышитъ — голосъ подастъ...

— Бабу-то?.. Едва-ли она на ночь останется... Я такъ полагаю, что она ушла... Сейчасъ сбѣгаю...

— Фонарь! Топоръ! Заступъ, лопаты!—закричалъ помѣщикъ въ догонку Егору, разбудилъ молчаливый лѣсъ и напугалъ Татьяну Николаевну: на окнѣ опустилась занавѣска.

— Татьяна Николавна! Не спите? — загремѣлъ помѣщикъ черезъ околицу.

— Нѣтъ еще! — отвѣтилъ мягкій, бархатный женскій голосъ, и темный силуэтъ головки мелькнулъ на фонѣ бѣлой занавѣски.

Послѣ грубаго, хриплаго баса помѣщика этотъ голосокъ прозвучалъ эоловой арфой... Среди хмураго лѣса, темной ночью, огонекъ Татьяны Николаевны казался какимъ-то сказочнымъ и приковывалъ къ себѣ мое вниманіе и мысли... Кто она, эта лѣсная затворница съ занавѣсочкой на окнѣ, обладательница такого чарующаго музыкой голоса?

— Спитъ моя баба... — печально произнесъ въ темнотѣ Егоръ, фигура котораго заколыхалась у околицы... Послѣдовала буря гнѣва со стороны барина, съ раскатами крѣпкихъ, заносистыхъ словъ, съ угрозами выгнать вонъ съ хутора...

— Бросьте, Семенъ Петровичъ! Неудобно... Татьяна Николаевна... Окно не закрыто...—шепталъ я.

Семенъ Петровичъ говорилъ, что всѣ жулики, что, навѣрно,

баба нагребла въ подолъ золота и зарыла его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что онъ сгноитъ бабу въ казематѣ и т. д.

— Жулики—вы!.. И ты—жуликъ! Почему ты прискакалъ поздно?.. Гдѣ ты пропадалъ?..

— Кабы жуликъ я былъ, поѣхалъ бы я къ становому, заявилъ о кладѣ, мнѣ выдали бы третью часть... А я, баринъ, не къ становому, а къ вамъ поѣхалъ... Спросите Татьяну Николавну!.. Я даже не поинтересовался, а осѣдлалъ лошадь да къ вамъ... А ежели бы я поумнѣй былъ, я могъ бы... А баба — она конечно безо всякой храбрости...

— Значитъ, ты не знаешь, гдѣ найденъ кладъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Кто же знаетъ, чортъ васъ всѣхъ подери?!

— Ребятишки... Баба моя тоже... Татьяна Николавна...

Семенъ Петровичъ крякнулъ и дѣловой походкой направился къ маленькому домику. У меня сжалось сердце: я боялся, что вотъ-вотъ этотъ медвѣдь заговоритъ съ Татьяной Николаевной на томъ же языкѣ одичавшаго лѣсного человѣка, на которомъ онъ только что говорилъ съ Егоромъ... Я тихо направился къ свѣтлымъ окошечкамъ, чтобы быть на готовѣ и вступиться за незнакомку съ такимъ мелодичнымъ голосомъ...

Приближаюсь... Разговариваютъ о кладѣ... довольно миролюбиво...

— Кто это тамъ? — окликнула вдругъ Татьяна Николаевна немного строго.

Я растерялся и отвѣтилъ:

— Это я!..

— Кто ты? Не Егоръ?...

— Это со мной... Идите сюда! Познакомьтесь-ка! Нашъ репетиторъ...

— Простите! Въ темнотѣ я ошиблась... Я думала...

Я подошелъ къ окну и взялъ протянутую руку. Рука маленькая, сухая, горячая... Поднимаю смущенный взоръ и поражаюсь: лѣсная красавица!.. Какъ угли на солнцѣ, сверкаютъ большіе печальные глаза... Тонкія брови слегка приподняты къ вискамъ. Узелъ тяжелыхъ черныхъ волосъ... Но голосъ!.. Не умѣю передать впечатлѣнія ласковости, мягкости контральтовыхъ нотокъ этого голоса... Бросилась въ глаза еще темная родинка надъ верхней губой... Я буквально остолбенѣлъ отъ изумленія...

— Она!—шепнулъ на ухо вѣтерокъ, и такая музыка заиграла вдругъ во всемъ моемъ существѣ, что мнѣ захотѣлось засмѣяться отъ радости...

„Такъ вотъ гдѣ спряталось мое счастье!“—думалъ я, когда окошечко захлопнулось, упала занавѣска и погасъ огонекъ...

Мы рѣшили ждать разсвѣта. Семенъ Петровичъ ушелъ въ сторожку, и долго было слышно, какъ онъ ругалъ Егорову бабу. А я остался на дворѣ, рѣшивъ прилечь въ тарантасѣ. Ни на одну минуту я не сомкнулъ глазъ. Я лежалъ въ тарантасѣ и слушалъ, какъ дышалъ лѣсъ въ весеннюю ночь, какъ распряженныя лошади жевали сѣно, какъ гудѣли майскіе жуки, какъ кричала въ лѣсу сова... А передъ глазами все время стояло лицо Татьяны Николаевны. Приподнявшись въ тарантасѣ, я вперялся взоромъ въ занавѣшенное окошечко и старался разгадать спрятавшуюся за нимъ тайну. Почему такая юная, такая красивая—спряталась въ лѣсу, живетъ въ маленькомъ домикѣ, одинокая?.. Кого она любитъ и любитъ ли кто-нибудь ее?.. Гдѣ этотъ счастливецъ?.. Можетъ-быть, онъ умеръ, а можетъ-быть—нѣтъ его и никогда не было... Можетъ-быть, это... не я ли?.. не я ли?.. Передъ разсвѣтомъ зашумѣлъ лѣсъ... На старомъ домѣ заскрипѣлъ флюгеръ... Вотъ хлопнулъ гдѣ-то ставень... Сильнѣе заворчалъ угрюмый лѣсъ... Закрутился на дворѣ вѣтеръ и сталъ шевыряться въ сѣнѣ моего тарантаса... Жутко стало... Я свернулся клубкомъ, спряталъ голову въ сѣнѣ и хотѣлъ заснуть... Но скоро мелкій, спорый дождикъ зашепталъ въ лѣсу, по крышамъ, на моей спинѣ... Слѣзъ съ тарантаса и спрятался на крылечкѣ маленькаго домика. Теперь я такъ близко отъ Татьяны Николаевны!.. Слышно, какъ она покашливаетъ... Должно быть, не спится ей... О чемъ она думаетъ? Никогда не узнаешь... Прилегъ на крылечкѣ. Вдругъ звонко стукнуло окно, распахнулись створки... Я вздрогнулъ и прижался къ полу. Зачѣмъ я это сдѣлалъ? Не знаю. Я чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, словно я сдѣлалъ нѣчто скверное, спрятавшись отъ дождя на крыльцѣ Татьяны Николаевны...

Донесся глубокій вздохъ, потомъ тихій-тихій голосокъ, который скорѣе проговорилъ, чѣмъ пропѣлъ начало какой-то грустной хохлацкой пѣсенки... Смолкъ. Оборвался. И вдругъ я услышалъ плачъ, осторожный, но такой горькій-горькій, спорый, какъ этотъ дождикъ... О чемъ?.. Какъ мнѣ хотѣлось подойти къ окну, погладить черную головку и сказать что-нибудь безконечно ласковое!..

— Кто здѣсь?—испуганно спросилъ вдругъ женскій голосъ съ бархатной контральтовой ноткой...

— Простите... Я прятался отъ дождя...

Все стихло... У меня стучало сердце. Я чувствовалъ себя

какъ провинившійся школьникъ. Было мнѣ и стыдно, и страшно. Я не зналъ, оставаться мнѣ на крыльцѣ или поскорѣе уйти отсюда.

— Возьмите мой плащъ!..

Пріотворилась дверь сѣней, и мелькнувшая въ темнотѣ бѣлая рука протянула мнѣ резиновый синій плащъ съ клѣтчатымъ капюшономъ.

— Какъ вы добры!.. Простите меня... Не надо...

— Берите, берите!.. Я попросила бы васъ къ себѣ, но...

— Я помѣшалъ вамъ?

— Нѣтъ. Я не спала... Душно...

Раскрылась дверь; Татьяна Николаевна вышла на крыльцо, съ плэдомъ на плечахъ, пожалась, плотно обвилась плэдомъ и присѣла на ступеньку лѣстницы.

— Скоро будетъ свѣтать... — прошептала она и, опершись на руки, устремила неподвижный взглядъ впередъ, въ темноту ночи.

— Скоро будетъ свѣтать... — повторилъ я и взглянулъ въ лицо дѣвушки. Она лѣвой рукой поправила узелъ волосъ съ гребенкой...

— Растрепалась... Знаете, вы мнѣ напомнили одного студента... Удивительное сходство! Голосъ, манеры, походка... Сперва я даже испугалась...

Мы сидѣли рядомъ и тихо говорили, словно давно-давно знакомые между собою...

— Должно быть, я здѣсь на крыльцѣ задремалъ и мнѣ во снѣ почудилось, что кто-то плачетъ.

— Не во снѣ... Я поплакала...

— Вы?.. О чемъ?

— Такъ... Вспомнилось прошлое... Не знаю, о чемъ...

— Можетъ-быть, я виноватъ въ этомъ... Мое сходство съ тѣмъ студентомъ...

— Должно быть...

Стихъ дождикъ. Стихъ вѣтеръ... Заиграли на востокѣ зарницы...

— Надо спать... Прощайте!.. Вамъ пора ѣхать за кладомъ.

Она встала и протянула мнѣ руку...

— Я не поѣду...

— Почему?

Мнѣ хотѣлось сказать, что я уже нашелъ свой кладъ, но я не посмѣлъ этого сказать. Ушла. Заперла дверь. Я долго смотрѣлъ на дверь, на окно, на занавѣску, которая тихо покачивалась отъ вѣтра...“

— Вѣришь ты въ то, что можно полюбить сразу? При первой встрѣчѣ?.. Можно. Даже должно... Влюбился я безумно, нетерпѣливо, мучительно... Плакалъ, кусалъ подушку, молился Богу, думалъ о смерти, ревновалъ къ тому студенту, который смѣлъ походить на меня...

— А она?

— Она уѣхала раньше, чѣмъ я успѣлъ сказать ей о моей любви... Поссорилась съ попечителемъ, который вмѣсто чугуна съ золотомъ нашелъ разбитый котелъ, въ которомъ бывшій здѣсь когда-то заводикъ варилъ паточное варенье,—бросила мѣсто въ колоніи и исчезла...

— Чѣмъ же все это кончилось?..

— Помѣщикъ бросилъ искать кладъ, а я очень долго искалъ свой... да такъ и не нашелъ... Пропала Татьяна Николаевна... Года три искалъ...

— А теперь?

— Теперь не ищу... Женился, имѣю кучу ребятъ, массу работы, заботъ, хлопотъ, непріятностей... А все еще, какъ встрѣчу на улицѣ женскій синій непромокаемый плащъ съ клѣтчатымъ капюшономъ, такъ и остановлюсь, какъ вкопанный... Не она ли? И забываю, что мнѣ перевалило за сорокъ, что борода у меня сѣдая и что давно износился тотъ синій плащъ, подъ которымъ я прятался отъ дождика въ одну изъ весеннихъ ночей своей юности...

Евгеній Чириковъ.

СЕЛЬСКІЕ СОНЕТЫ

I.

Весна купается въ небесной синевѣ.
Играютъ бабочки надъ солнечной поляной.
Веселый вѣтерокъ, отъ знойной нѣги пьяный,
Шалитъ съ березками и прячется въ листвѣ.

Средь милыхъ ящерицъ ничкомъ лежу въ травѣ
И весь дышу землей—ея истомой пряной.
И мысль овѣяна блаженною нирваной,
И сказки, но безъ словъ, роятся въ головѣ.

И, просвѣтленная, подъ лаской осіянья,
Душа всезрячая къ матеріи слѣпой
Припала въ радости дочерняго сліянья—

Пьетъ сонъ предвѣчности изъ урны голубой
И, внемля таинству святого волхвованья,
Летитъ за даль вѣковъ безсмертною мечтой.

II.

Лазурнымъ озеромъ, прозрачнымъ, но бездоннымъ,
Плывутъ два облачка къ востоку на поклонъ.
Безбрежье зелени блеститъ со всѣхъ сторонъ,
И воздухъ весь сквозитъ стекломъ озелененнымъ.

Шуршитъ—растетъ трава. Повисъ дыханьемъ соннымъ
Въ загрезившихъ вѣтвяхъ какой-то смутный звонъ.
Кого-то радуя, кукушки вѣщій стонъ
Сулитъ за годомъ годъ размѣромъ монотоннымъ.

Съ луговъ повѣяло цвѣтущимъ лознякомъ...
Защелкалъ соловей... Но смолкъ онъ—до заката.
И трель осыпалась серебрянымъ дождемъ.

И что-то милое, что̀ было сномъ когда-то
Иль радостью цвѣло въ мгновеньи золотомъ,
Вновь ожило въ душѣ, взлелѣянное свято.

III.

Луна идетъ мечтать на мглистый небосклонъ,
Гдѣ рѣютъ тѣни грёзъ, роняя въ міръ мерцанье.
Спитъ ночь. И спитъ земля. Въ нѣмомъ очарованьѣ
Стою—и снится мнѣ волшебный бѣлый сонъ.

Весь садъ—какъ въ жемчугѣ. Отъ счастья плачетъ онъ.
Приникла тишина и пьетъ его дыханье.
И воздухъ силится шепнуть свое желанье—
И бредитъ трепетно, луной завороженъ.

На сумрачномъ лугу косматыя видѣнья,
Цѣпляясь за кусты, блуждаютъ у ручья
И слѣпо тянутся до бѣлыхъ стѣнъ селенья.

Имъ зябко—хочется погрѣться у жилья
И жаль покинуть лугъ: ихъ сладостью томленья
Пьянитъ любовная молитва соловья.

IV.

Пришла—стоитъ весна. Позеленѣвъ, съ испугомъ
Послѣдніе снѣга̀ въ оврагахъ залегли.
Летятъ и празднично горланятъ журавли,
И утки, крякая, уже снуютъ надъ лугомъ.

Крестьянинъ весело идетъ за новымъ плугомъ.
Сынишка, выросшій въ преданіяхъ земли,
Слѣдя, какъ рѣзвый Жукъ охотится вдали,
Хозяйственную рѣчь ведетъ съ отцомъ, какъ съ другомъ.

Какъ мать-просвирница въ короткомъ зипунѣ
И въ сѣренькомъ платкѣ на сгорбленной спинѣ,
Ворона бороздой, спѣша, идетъ съ развальцемъ.

Вотъ—съ боку клюнула и тащитъ червяка.
А мальчикъ, на нее указывая пальцемъ,
Досадливо зоветъ далекаго Жука.

V.

Подъ солнцемъ утреннимъ блеститъ росою дворъ.
Коровы угнаны. Открыты настежь клѣти.
Телята чинныя, какъ маленькія дѣти,
Шажками робкими выходятъ на просторъ.

Бычекъ, склонивши лобъ, уставился въ упоръ
На диво-дивное—на желтаго цыпленка—
И вдругъ, задравши хвостъ, подпрыгнулъ, рявкнулъ звонко
И лихо поскакалъ, взбивая вихремъ соръ.

За нимъ—двѣ телочки; и поросенокъ бравый,
Захрюкавъ—тоже вскачъ; и, взлаявъ—съ ними Жукъ.
И ужасъ обнялъ куръ передъ такой забавой:

Разсыпались—орутъ, и всклоченный супругъ
Бѣжитъ, вопитъ, грозитъ обидчикамъ расправой
И женъ взволнованныхъ скликаетъ въ мирный кругъ.

А. Колтоновскій.

П. Л. ЛАВРОВЪ

О СЕБѢ САМОМЪ

*(Окончаніе *)*

II.

Ученіе.

Въ многочисленныхъ работахъ Лаврова, писанныхъ въ Петербургѣ, въ ссылкѣ и за границею въ продолженіе 34 лѣтъ (1855 — 1889 гг.), а частью лишь изложенныхъ словесно въ рѣчахъ и рефератахъ, удобнѣе разсмотрѣть особо слѣдующіе отдѣлы: 1) Общее міросозерцаніе, 2) Этика, 3) Соціологія и соціализмъ, 4) Построеніе исторіи и отношеніе ея къ антропологіи и 5) Практическія задачи по отношенію къ Россіи.

1. Общее міросозерцаніе.

Въ своемъ дѣтствѣ Лавровъ оставался постоянно на ступени привычнаго вѣрованія, не вызывавшаго размышленія, и никогда не проходилъ черезъ фазисъ религіознаго аффекта. Лѣтъ около 15—16 жизнь натолкнула его на размышленія о философской задачѣ свободной воли, отвѣтственности и необходимости, и онъ выработалъ въ себѣ самый рѣшительный детерминизмъ въ формѣ теистическаго фатализма, который отразился въ разныхъ раннихъ

*) См. октябрь, стр. 92.

стихотвореніяхъ, но всего полнѣе въ позднѣйшемъ: „Предопредѣленіе“ (кѣмъ-то помѣщено въ одномъ заграничномъ сборникѣ). Занимаясь самъ со страстью стихотворствомъ, Лавровъ придавалъ поэзіи въ молодости романтически-преувеличенное значеніе въ мысли и жизни, въ особенности же примирительную роль между религіей и наукой (что опять-таки отразилось въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, напримѣръ въ позднѣйшемъ, нигдѣ не напечатанномъ: „Первая глава книги Бытія“), и долго считалъ теистическое міросозерцаніе наиболѣе поэтическимъ, какъ форму мысли, даже когда отрекся въ своемъ убѣжденіи отъ всякаго теистическаго элемента. Съ аргументами матеріализма Лавровъ ознакомился лѣтъ 22-хъ. Лѣтъ около 30-ти его міросозерцаніе въ общихъ чертахъ установилось, но оно для него самого уяснилось и выработалось въ подробностяхъ лишь въ процессѣ литературныхъ работъ въ концѣ 50-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не нашелъ ни нужнымъ, ни возможнымъ измѣнить его ни въ одномъ существенномъ пунктѣ.

Для знакомства съ общими философскими воззрѣніями Лаврова, матеріалами могутъ служить частью его прежнія статьи въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ объ „Антропологической точкѣ зрѣнія“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ о „Механической теоріи міра“ и „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи“ (1861 г.), частью позднѣйшія работы, особенно же лекціи по основнымъ вопросамъ философіи, читанныя имъ въ 1883—84 гг., и нѣкоторыя главы его послѣдняго историческаго труда.

Для міросозерцанія, которому Лавровъ слѣдуетъ, онъ предпочитаетъ употреблять названіе Антропологизма. Онъ видитъ первое проявленіе этого направленія у Протагора; находитъ возможнымъ прослѣдить его воззрѣнія у древнихъ скептиковъ, особенно во второй Академіи, когда вырабатывалось понятіе о вѣроятнѣйшемъ, впослѣдствіи у новыхъ теоретиковъ опыта и у сенсуалистовъ; еще болѣе основательное подготовленіе находитъ у Эммануила Канта; въ принципіальныхъ положеніяхъ философіи Людвига Фейербаха признаетъ установленіе опредѣленныхъ началъ антропологизма; затѣмъ находитъ важныя исправленія и дополненія въ этомъ отношеніи въ трудахъ нео-кантіанцевъ и особенно Альберта Ланге. При этомъ Лавровъ допускаетъ, что матеріализмъ, позитивизмъ и эволюціонизмъ, оставаясь односторонними, дали весьма важныя частныя указанія для построенія научной философской системы. Системы, заключающія въ себѣ сверхъестественное начало—спиритуалистическій дуализмъ и идеалистическую метафизику,—Лавровъ считаетъ вносящими въ фило-

софскія построенія наиболѣе патологическихъ элементовъ. Въ журнальныхъ статьяхъ, перечисленныхъ отчасти выше, Лавровъ высказалъ свое отношеніе къ позитивизму, къ философскимъ трудамъ Спенсера, къ пессимизму, къ гегелизму и къ нѣкоторымъ другимъ направленіямъ идеализма.

Для него философская мысль есть спеціально мысль объединяющая, теоретически-творческая въ смыслѣ объединенія, черпающая весь свой матеріалъ изъ знанія, вѣрованія, практическихъ побужденій, но вносящая во всѣ эти элементы требованіе единства и послѣдовательности.

Съ точки зрѣнія антропологизма, по мнѣнію Лаврова, невозможно знать такъ называемыя вещи сами въ себѣ или сущность вещей. Теоретическій и практическій міры остаются неизвѣстными по ихъ сущности и представляютъ для человѣка совокупность познаваемыхъ явленій съ непознаваемою подкладкою. Слѣдуетъ рѣшительно отказаться отъ познанія этой метафизической сущности и ограничиться, при философскомъ построеніи, гармоническимъ объединеніемъ міра явленій. Именно надо отыскать точку исхода, не безусловно-истинную, но неизбѣжную для насъ по способу организаціи нашего мышленія; надо оцѣнить, выходя изъ этой точки, наиболѣе вѣроятныя положенія для этого мышленія и надо расположить около этихъ положеній всю область мышленія о явленіяхъ по степени вѣроятности ихъ для насъ.

По мнѣнію Лаврова, всякое мышленіе и дѣйствіе предполагаетъ, съ одной стороны, міръ, какъ онъ есть, съ закономъ причинности, связывающимъ явленія; съ другой стороны, предполагаетъ возможность постановки нами цѣлей и выбора средствъ по критеріямъ пріятнѣйшаго, полезнѣйшаго, должнаго. Но то и другое существуетъ не само по себѣ, а *для насъ*, слѣдовательно предполагаетъ *человѣка* въ общественномъ строѣ, при взаимной провѣркѣ и взаимномъ развитіи мнѣній о мірѣ и о цѣляхъ дѣятельности. Слѣдовательно, основною точкою исхода философскаго построенія является *человѣкъ*, провѣряющій себя теоретически и практически и развивающійся въ общежитіи. На этой неизбѣжно-догматической для человѣка почвѣ мышленія единственно можетъ работать критика для построенія стройной и раціональной системы міра мыслимаго и міра практической дѣятельности.

Въ такомъ случаѣ, элементъ наиболѣе вѣроятнѣйшій, совершенно неизбѣжный для всякаго мышленія и для всякой дѣятельности человѣка, есть, прежде всего, его собственное сознаніе.

Далѣе одинаково вѣроятными или одинаково неизбѣжными предположеніями всякаго мышленія и всякаго дѣйствія оказываются: 1) реальный міръ, однородный тому, что установилось въ представленіи человѣка какъ его собственное тѣло, реальный міръ, въ которомъ все связано съ закономъ необходимости и въ которомъ основаніемъ является субстратъ, движущійся и вызывающій представленія; 2) постановка личностью цѣлей и выборъ ею средствъ для дѣятельности въ мірѣ, часть котораго она составляетъ. Третьимъ по степени вѣроятности, но вполнѣ необходимымъ для научной философіи, является положеніе о возможности для личности, провѣряющей себя и развивающейся въ общежитіи, критически оцѣнивать: 1) степень уменьшенія реальности явленій познаваемаго имъ міра по мѣрѣ отдаленія этихъ явленій отъ элементарныхъ понятій пространства, времени, движенія, движущагося; 2) достоинство цѣлей и средствъ практической дѣятельности. Скептическое отношеніе къ послѣдней ступени дѣлаетъ невозможною всякую научную философію. Скептическое отношеніе ко второй дѣлаетъ невозможной всякую философію вообще. Скептическое отношеніе къ первой дѣлаетъ невозможнымъ всякое мышленіе, всякую дѣятельность, да и само по себѣ невозможно.

Признавая критически вѣроятность этихъ трехъ ступеней построенія системы, антропологизмъ допускаетъ три здоровыя области зрѣлаго теоретическаго мышленія: 1) знаніе; 2) свободное, сознательное творчество искусства; 3) критически-объединяющее творчество философское. Онъ признаетъ зародышною или патологическою область религіознаго мышленія, не отрицая его важной роли въ исторіи, какъ всякаго зародышнаго фазиса въ эволюціи зрѣлыхъ формъ.

Въ научной системѣ антропологизма человѣческое „я“, провѣряющее себя и развивающееся въ общежитіи, является философскимъ центромъ одновременно какъ продуктъ всего мыслимаго (именно продуктъ механической системы мыслимаго міра) и какъ строитель всего мыслимаго, въ своемъ стремленіи: 1) къ мыслимой истинѣ (что̀ даетъ методъ логическаго мышленія, установленные факты точнаго знанія, наконецъ систему вѣроятнѣйшаго міросозерцанія); 2) къ лучшей жизни личности и общества въ ихъ взаимодѣйствіи (что̀ даетъ развитіе представленій о наслажденіи и развитіе индивидуальныхъ идеаловъ въ личности; развитіе требованія художественнаго творчества въ связи съ предыдущимъ; развитіе справедливѣйшихъ формъ общежитія; прогрессивную исторію).

Религіозное настроеніе есть для Лаврова настроеніе патологическое и прямо противоположное научной критикѣ. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ религіознымъ вопросамъ, всего ранѣе въ статьѣ о „Гегелизмѣ“ („Библіотека для чтенія“) и о „Современныхъ германскихъ теистахъ“, позже — въ „Развитіи ученій о миѳическихъ вѣрованіяхъ“ („Современное Обозрѣніе“), въ статьяхъ: „Цивилизація и дикіе народы“ („Отечественныя Записки“), „Новая наука“ („Знаніе“), „Теоретики 40-хъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ“ („Устои“), въ рефератахъ, прочтенныхъ въ Парижѣ по поводу пріѣзда Фрея, наконецъ въ своемъ послѣднемъ историческомъ трудѣ, особенно въ выпускѣ VI перваго тома. Признавая обширную роль религіи въ эволюціи человѣчества, особенно въ доисторическій періодъ, Лавровъ пытался доказать, что собственно все творчество религіозной мысли принадлежитъ этому періоду; въ теченіе же исторіи подъ названіемъ религіи работаетъ исключительно мысль философская — эстетическая и, позже, нравственная; религіозный элементъ все атрофируется, встрѣчается лишь въ переживаніяхъ прошлаго, и цивилизація новаго времени есть, по своей существенной характеристикѣ, цивилизація свѣтская, стремящаяся выдѣлить изъ себя всякій религіозный элементъ, который, окончательно, и долженъ изъ нея исчезнуть.

Въ пониманіи природы Лавровъ, на основаніи предыдущаго, становится по необходимости на матеріалистическую точку зрѣнія, видоизмѣненную эволюціонизмомъ. Онъ считаетъ необходимымъ для человѣка различнымъ образомъ понимать требованіе открытія законовъ въ наукахъ повторяющихся явленій и въ наукахъ эволюціи, хотя признаетъ, что это — различіе въ точкахъ зрѣнія на явленія природы, а не въ существенномъ пониманіи этихъ явленій. Онъ отрицаетъ правильность распространенія понятій о жизни, сознаніи и общежитіи за предѣлы органическаго міра и распространенія понятія объ обществѣ на скопленія особей, въ которыхъ нельзя признать присутствія сознанія. На ступени органическихъ существъ онъ считаетъ, что явленіе сознанія и явленіе общественной солидарности представляютъ для организмовъ могущественныя оружія въ борьбѣ за существованіе и что, поэтому, человѣкъ, для успѣха въ этой борьбѣ, развиваетъ и долженъ развивать понятіе о сознательной солидарности всего человѣчества, ставить его цѣлью личной и общественной дѣятельности и цѣлью настоящаго процесса исторіи, вырабатывающаго соціалистическую солидарность кооперативнаго труда взаимноразвивающихъ другъ друга личностей, какъ выходъ изъ конкур-

ренціи личностей, борющихся между собою за существованіе, за барышъ, за монополію наслажденій (объ этомъ преимущественно — „Задачи соціализма“ въ „Вѣстникѣ Народной Воли“, I). Лавровъ особенно подчеркиваетъ, при разсмотрѣніи біологическаго дифференцированія особи и общества, различіе идеальныхъ типовъ біологическаго и соціологическаго организма, изъ которыхъ первый стремится выработать господство сознанія въ одномъ элементѣ съ засыпаніемъ сознанія во всѣхъ остальныхъ, послѣдній же стремится выработать наибольшее возможное сознаніе въ отдѣльныхъ элементахъ и на развитіи этого сознанія особей основываетъ идеальную солидарность частей общественнаго организма между собою и съ цѣлымъ. Впрочемъ, вопросамъ, относящимся къ естествознанію, Лавровъ посвящалъ мало доли въ своихъ трудахъ, кромѣ роли вступительныхъ понятій въ исторію человѣческой мысли.

Своимъ немногимъ работамъ по вопросамъ логики, психологіи и эстетики Лавровъ не придаетъ особаго значенія. Сюда относятся его примѣчанія къ русскому переводу „Логики“ Милля, статья „О принципахъ и аксіомахъ“ (трудъ, оставшійся въ рукописи), отчеты о нѣмецкой психологіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 50-хъ годовъ, статья о психологіи Кавелина въ томъ же журналѣ 70-хъ годовъ, статья о „Лаокоонѣ“ Лессинга въ „Библіотекѣ для чтенія“ конца 50-хъ или 60-хъ годовъ. Нѣсколько болѣе обработаны главы, относящіяся къ психологіи, въ „Опытѣ исторіи мысли новаго времени“, кн. I, гл. 3.

Лавровъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о систематической классификаціи наукъ. Этому посвященъ первый трудъ, напечатанный имъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“, затѣмъ рядъ статей: „Очерки систематическаго знанія“ въ журналѣ „Знаніе“ (неоконченный), и къ этому вопросу онъ возвращался эпизодически и позже. Въ настоящее время Лавровъ признаетъ, что раціональная классификація наукъ должна неизбѣжно измѣняться при развитіи знаній, при углубленіи философскаго пониманія человѣка и его потребностей и при измѣненіи практическаго распредѣленія занятій ученыхъ и мыслителей по вопросамъ, возникающимъ въ разныя эпохи.

2. Этика.

Лавровъ въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности особенно занимался вопросами этики, начиная брошюрой „Очерки вопросовъ практической философіи: Личность“, про-

должая статьею въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1870 (или 1871 г.): „Современныя ученія о нравственности и ея развитіе“ (по поводу книги Лекки) и кончая статьею: „Соціальная революція и задачи нравственности“ въ „Вѣстникѣ Народной Воли“, не упоминая о болѣе случайныхъ или частныхъ трудахъ.

Для Лаврова область нравственности не только не прирождена человѣку, но далеко не всѣ личности вырабатываютъ въ себѣ нравственныя побужденія, точно также какъ далеко не всѣ доходятъ до научнаго мышленія. Прирождено человѣку лишь стремленіе къ наслажденію, и, въ числѣ наслажденій, развитый человѣкъ вырабатываетъ наслажденіе нравственною жизнью и ставитъ это на высшую ступень въ іерархіи наслажденій. Большинство останавливается на способности разсчета пользы. Нравственная жизнь начинается въ элементарной формѣ выработкою представленія о личномъ достоинствѣ и стремленіемъ воплотить въ жизни это достоинство, которое въ этой формѣ становится нравственнымъ идеаломъ. Нравственная жизнь получаетъ прочную основу, когда человѣкъ сознаетъ, что процессу этой жизни присуще развитіе, вырабатываетъ въ себѣ способность наслажденія собственнымъ развитіемъ и потребность развиваться. По самой сущности этого процесса отъ него нераздѣльна критика; нравственный аффектъ оказывается единственнымъ аффектомъ, допускающимъ и требующимъ критику. Это самое даетъ для этики, рядомъ съ субъективнымъ признакомъ необходимости выработать, развивать и осуществить въ жизни убѣжденіе, первый объективный признакъ нравственнаго убѣжденія, что оно не можетъ отрицать критику. Второй объективный признакъ нравственнаго убѣжденія зависитъ уже отъ того антропологическаго условія, что человѣкъ не можетъ жить внѣ общества и потому его нравственность не можетъ быть исключительно личною, но должна быть въ то же время нравственностью общественною, т.-е. допускать и требовать укрѣпленія и расширенія общественной солидарности. Отсюда признаніе за другими личностями человѣческаго достоинства и требованіе поступать съ ними сообразно ихъ достоинству, т.-е. требованіе справедливости, какъ формулирующее и исчерпывающее объективный признакъ общественной нравственности. По мнѣнію Лаврова, вся этика исчерпывается основными понятіями достоинства, развитія, критическаго убѣжденія и справедливости. Для развитаго человѣка они такъ же опредѣленны и обязательны, какъ понятія геометріи, всѣ же остальныя правила нравственной казуистики или морали не имѣютъ ничего прочнаго, но обусловливаются своимъ отношеніемъ, при

данныхъ обстоятельствахъ, къ этимъ основнымъ понятіямъ. Отношеніе этой этики, которую Лавровъ считаетъ научною, къ утилитаризму онъ устанавливаетъ слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе того, что большинство людей не дорабатывается до степени нравственнаго развитія и остается на ступени разсчета пользы, Лавровъ считаетъ, что аргументація утилитаризма—въ большинствѣ случаевъ совпадающая въ выводахъ съ тѣмъ, что онъ считаетъ научною этикою—гораздо чаще можетъ быть приложена въ нравственномъ обсужденіи мыслей и поступковъ, чѣмъ аргументація научной этики, годная лишь для людей уже развитыхъ. Впрочемъ, Лавровъ признаетъ, что всѣ утилитаристы, допускающіе оцѣнку пользы не только количественную, но и качественную, стоятъ уже болѣе или менѣе сознательно на почвѣ научной этики. Кромѣ того, такъ какъ требованіе справедливости на практикѣ ведетъ къ осуществленію справедливѣйшаго строя общества, а это, большею частью, приводитъ къ борьбѣ, относительно которой справедливость указываетъ лишь необходимость борьбы, а не формы ея, то, при опредѣленіи этихъ формъ борьбы въ частности, утилитаризмъ является едва ли не единственнымъ руководящимъ пріемомъ для развитаго человѣка.

3. Соціологія и соціализмъ.

Соціологическіе вопросы Лавровъ разрабатывалъ, кромѣ своихъ трудовъ по этикѣ, еще болѣе спеціально въ „Историческихъ письмахъ“, въ статьяхъ о соціализмѣ во „Впередъ!“, въ „Вѣстникѣ Народной Воли“ и въ бесѣдахъ о соціологіи для небольшого кружка русскихъ соціалистовъ-пропагандистовъ—бесѣдахъ, о которыхъ сказано выше. Впрочемъ, экономическимъ вопросамъ онъ не посвящалъ особыхъ работъ, признавая себя ученикомъ Маркса съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ его теоріею, но преимущественно изслѣдуя вопросы соціологіи по отношенію къ теоріи прогресса, къ этикѣ и къ исторіи.

Для Лаврова соціологія есть наука, изслѣдующая формы проявленія, усиленія и ослабленія солидарности между сознательными органическими особями, и потому охватываетъ, съ одной стороны, всѣ животныя общества, въ которыхъ особи выработали въ себѣ достаточную степень индивидуальнаго сознанія, съ другой—не только существующія уже формы человѣческаго общежитія, но и тѣ общественные идеалы, въ которыхъ человѣкъ надѣется осуществить болѣе солидарное и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и болѣе справедливое общежитіе, а также тѣ практическія за-

дачи, которыя неизбѣжно вытекаютъ для личности изъ стремленія осуществить свои общественные идеалы или хотя бы приблизить ихъ осуществленіе. Приложеніе къ обществу понятія объ организмѣ возможно, но должно имъ пользоваться крайне осторожно, имѣя постоянно въ виду то существенное различіе біологическаго организма отъ соціологическаго, которое указано выше. Общественныя формы являются какъ измѣняющіеся въ исторіи продукты общественнаго творчества личностей въ виду ихъ блага, и потому личность всегда имѣетъ право и обязанность стремиться измѣнить существующія формы сообразно своимъ нравственнымъ идеаламъ, имѣетъ право и обязанность бороться за то, что̀ она считаетъ прогрессомъ (постоянно подвергая критикѣ, по основнымъ требованіямъ этики, свои представленія о прогрессѣ), вырабатывая общественную силу, способную восторжествовать въ подобной борьбѣ. На почвѣ основныхъ требованій этики объективными признаками прогресса являются одновременное усиленіе сознательныхъ процессовъ въ особи и солидарности въ обществѣ, при расширеніи этой солидарности все на бо̀льшее и бо̀льшее число особей. Изъ четырехъ побудительныхъ причинъ человѣческой дѣятельности: обычая, аффекта, интереса и убѣжденія, первая безусловно противна критикѣ и прогрессу, который всегда заключается въ постепенномъ освобожденіи человѣка, по мѣрѣ его развитія, отъ узъ обычая (въ формѣ привычекъ или преданій). Личный аффектъ является то помѣхою, то содѣйствіемъ прогрессу и пріобрѣтаетъ все болѣе послѣдній характеръ лишь настолько, насколько онъ переходитъ въ аффектъ общественный и, подчиняясь критикѣ, становится аффектомъ нравственнымъ. Вслѣдствіе того, что большинство руководится лишь разсчетомъ пользы, интересъ является до сихъ поръ самымъ общимъ общественнымъ побужденіемъ, и въ каждую историческую эпоху прогрессивное движеніе прочно лишь тогда, когда интересы большинства совпадаютъ въ своихъ общественныхъ идеалахъ съ убѣжденіями наиболѣе развитаго меньшинства. Въ настоящую эпоху соціализмъ, какъ общественный идеалъ, вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ: онъ представляетъ интересы рабочаго большинства, насколько оно проникнуто сознаніемъ классовой борьбы: онъ осуществляетъ для развитаго меньшинства идеалъ справедливѣйшаго общежитія, допускающаго наибольшее сознательное развитіе личности при наибольшей солидарности всѣхъ трудящихся, идеалъ, способный охватить все человѣчество, разрушая всѣ разграниченія государствъ, національностей и расъ; онъ есть, для личностей наиболѣе вдумавшихся въ ходъ исторіи, и

неизбѣжный результатъ современнаго процесса экономической жизни. Поэтому разсчетъ интереса всякаго трудящагося, одновременно съ нравственнымъ аффектомъ развитой личности, желающей отплатить человѣчеству за свое развитіе,—такъ дорого стоившее предыдущимъ поколѣніямъ, — и съ стремленіемъ этой личности осуществить наиболѣе справедливое общежитіе, наконецъ одновременно съ побужденіемъ наилучше понимающей личности облегчить необходимый прогрессъ исторіи,—должны побуждать всякую развитую личность становиться въ ряды соціалистовъ, стремиться усилить ихъ организацію, какъ общественной силы, бороться энергически противъ всѣхъ препятствій къ осуществленію ихъ общественнаго идеала и содѣйствовать этому осуществленію всѣми орудіями слова и дѣла, доступными личности.

4. Исторія и ея отношеніе къ антропологіи.

Довольно значительная часть трудовъ Лаврова, даже монографическихъ, имѣетъ историческій характеръ. Онъ всегда имѣлъ склонность разсматривать всякое явленіе въ его генезисѣ, и потому введенія въ его различныя работы занимаютъ весьма часто не менѣе мѣста, какъ и самыя работы; многіе начатые имъ труды остановились на историческихъ введеніяхъ къ нимъ. Къ срединѣ же 60-хъ годовъ онъ все болѣе занимается планами обобщающихъ историческихъ трудовъ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на исторію науки и на роль, которую играетъ наука въ исторіи вообще. Сюда относится читанный имъ и печатанный въ двухъ оффиціальныхъ изданіяхъ неоконченный очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ и лекціи о вліяніи хода науки на военное дѣло; впослѣдствіи же этому предмету посвящены нѣкоторыя статьи о роли науки въ исторіи цивилизаціи, о ея роли спеціально въ періодъ Возрожденія и т. п. Съ самой минуты ареста—за которымъ, какъ онъ не сомнѣвался ни минуты, должно было слѣдовать прекращеніе его педагогической дѣятельности—онъ начинаетъ вырабатывать планъ *исторіи мысли*. Въ одномъ изъ сборниковъ того времени напечатана небольшая статья: „Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли“, а подъ арестомъ набросана карандашомъ полная программа всеобщей исторіи преимущественно съ точки зрѣнія развитія мысли. Въ вологодской ссылкѣ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ разрабатываетъ эту программу и планъ исторіи, состоящей изъ отрывковъ разныхъ авторовъ, но группированныхъ систематически по строго-опредѣленной программѣ подчиненія второстепеннаго существенному. Этотъ

подготовительный матеріалъ наполняетъ цѣлыя тетради, а одну небольшую эпоху изъ средневѣковой исторіи Лавровъ разработалъ даже довольно подробно по имѣвшимся у него тогда матеріаламъ. Подобный же опытъ, имѣвшій болѣе значеніе программы, чѣмъ разработаннаго труда, напечатанъ имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ для періода Возрожденія и реформаціи: „Роль науки въ эпоху Возрожденія и реформаціи“, но съ преимущественнымъ поставленіемъ на видъ элемента науки. Тогда же помѣщены тамъ же: „Историческое значеніе науки и книга Уэвеля“ и въ „Знаніи“: „Научныя основы исторіи цивилизаціи“.

Въ 1870—71 году за границей одинъ тогдашній пріятель (впослѣдствіи совершенно отрекшійся отъ сношеній съ нимъ) предлагаетъ ему заняться исторіею новаго времени съ указанной уже точки зрѣнія, и начинается подготовка этого труда (впрочемъ, скоро прекратившагося, такъ какъ измѣнчивый характеръ личности предлагавшаго работу недолго остановился на этомъ планѣ). Съ 1873 до 1875 г. Лавровъ находитъ возможность серьезно приступить къ „Опыту исторіи мысли“—и первый выпускъ ея появляется, ограничиваясь лишь общимъ планомъ и началомъ періода подготовленія мысли вообще. Но въ 1875 г. и это обрывается. Сознавая, что въ этомъ случаѣ планъ былъ слишкомъ широкъ, Лавровъ продолжалъ его обрабатывать и подготовлять его исполненіе хотя бы частями, не теряя надежды, что хотя сколько-нибудь подвинетъ впередъ его осуществленіе.

Въ началѣ 80-хъ гг., какъ сказано выше, онъ имѣлъ нѣкоторое время основаніе думать, что этому труду будетъ возможно появиться въ предѣлахъ Россіи. Но въ концѣ 1884 г. это оказалось совершенно невозможнымъ. Тогда онъ съ весны 1886 г. сталъ готовить къ печати за границею, уже не стѣсняясь никакими условіями цензуры, существующими въ Россіи, тотъ „Опытъ исторіи мысли новаго времени“, который теперь печатается, но относительно котораго, при теперешнихъ годахъ Лаврова, есть основаніе сомнѣваться, удастся ли ему кончить этотъ трудъ, и во всякомъ случаѣ приходится сказать, что Лавровъ приступилъ къ нему нѣсколько поздно. Начиная его безъ надежды имѣть для него сейчасъ издателя, Лавровъ предпослалъ тексту предисловіе, въ которомъ объяснялъ предполагаемому позднѣйшему читателю условія происхожденія этого труда и его отношеніе къ предыдущимъ. Получивъ возможность издать первый томъ, онъ не нашелъ нужнымъ печатать это нѣсколько интимное объясненіе съ читателемъ, предоставляя себѣ его пере-

дѣлать въ концѣ труда (если этотъ трудъ удастся кончить) какъ „объясненіе автора съ читателемъ“.

Основныя особенности историческаго пониманія Лаврова заключаются въ слѣдующемъ.

Исторія, какъ процессъ, есть процессъ развитія, т.-е. неповторяющихся явленій, и отличается отъ другихъ подобныхъ процессовъ тѣмъ, что ея явленія обусловлены положительнымъ или отрицательнымъ проявленіемъ въ нихъ прогресса, т.-е. увеличенія сознанія въ личности и солидарности между личностями во взаимной связи этихъ элементовъ между собою. Исторія, какъ наука, есть отысканіе закона послѣдовательности въ фазисахъ развитія сознанія въ личностяхъ и солидарности между личностями. Ея главная задача заключается въ отдѣленіи для каждой эпохи, въ области сознанія и солидарности, характеристическихъ чертъ эпохи отъ переживаній въ ней стараго и отъ зародышныхъ подготовленій новаго.

Поэтому для Лаврова къ важнѣйшимъ вопросамъ исторіи, какъ науки, относится разграниченіе ея отъ антропологіи и раздѣленіе ея на періоды по существеннымъ признакамъ процесса историческаго развитія.

Антропологіи, ея систематическому раздѣленію и ея состоянію въ 60-хъ годахъ Лавровъ посвятилъ нѣсколько статей въ журналахъ еще во время своей вологодской ссылки. Сюда относятся „Антропологическіе очерки“ въ „Современномъ Обозрѣніи“, „Антропологи въ Европѣ“ и „Цивилизація и дикіе народы“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Обзоръ иностранной антропологической литературы“ въ „Библіографѣ“, наконецъ небольшія замѣтки въ „Вологодскихъ Вѣдомостяхъ“. Какъ членъ парижскаго антропологическаго общества и сотрудникъ журнала Брока, онъ кое-что печаталъ по этому предмету и во Франціи. Вопросу о разграниченіи антропологіи отъ исторіи особенно посвящены труды Лаврова: „Цивилизація и дикіе народы“, брошюра „De l'idée du progrès dans l'anthropologie“, и этотъ вопросъ разобранъ какъ въ „Опытѣ исторіи мысли“, такъ и въ „Опытѣ исторіи мысли новаго времени“ (особенно см. „Вступленіе“, гл. 2).

Основное различіе для Лаврова заключается въ слѣдующемъ: къ антропологіи относится вся дѣятельность личности и группы личностей безсознательная, инстинктивная, и та доля сознательной дѣятельности, которая заключается въ *приспособленіи* къ существующему; къ исторіи относится дѣятельность личности и общества, которая заключается въ выработкѣ идеаловъ лучшаго и въ стремленіи *измѣнить* существующее сообразно этимъ идеа-

ламъ. Характеристическимъ признакомъ участія въ исторической жизни для личности и для общества, поэтому, является наслажденіе развитіемъ и потребность въ развитіи. Это связано съ обособленіемъ дѣятельности объединяющей, философской мысли отъ жизни по обычаю; но переходъ къ исторической жизни становится вполнѣ сознательнымъ лишь съ обособленіемъ дѣятельности критической мысли. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что историческій прогрессъ заключается въ переработкѣ культуры (т.-е. обычныхъ формъ жизни) помощью мысли и въ выработкѣ ряда цивилизацій, въ которыхъ становится все менѣе доля, принадлежащая обычаю, и все болѣе доля, принадлежащая сознательной мысли, сперва въ формѣ интересовъ, стремящихся къ полезному (изъ которыхъ, большей частью, преобладаютъ интересы экономическіе), затѣмъ въ формѣ убѣжденій, стремящихся къ нравственному (сначала религіозныхъ и метафизическихъ, потомъ все болѣе реальныхъ и научныхъ). Такимъ образомъ, внѣ исторіи остается все человѣчество въ его антропологическій періодъ до появленія историческихъ цивилизацій; остаются всѣ народы, не выработавшіе этихъ цивилизацій; остаются и въ средѣ историческихъ цивилизацій всѣ личности, которыя или внѣшними причинами были поставлены еще въ невозможность участвовать въ исторической жизни, или, имѣя эту возможность, оказались, по внутреннимъ причинамъ, неспособными въ ней участвовать. Всѣ они составляютъ достояніе антропологіи въ той долѣ ея, которая, отмѣчая и біологическія особенности, преимущественно изслѣдуетъ среди людей разнообразіе формъ обычныхъ культуръ, въ параллель тому, какъ зоологія изслѣдуетъ культуру муравьевъ, пчелъ, воробьевъ, бобровъ и т. под.

Существенные вопросы для каждой эпохи исторіи заключаются для Лаврова въ слѣдующемъ: какимъ образомъ цивилизація этой эпохи подготовлялась въ прошедшемъ? Каково было въ эту эпоху распредѣленіе долей, принадлежавшихъ, съ одной стороны, обычной культурѣ и переживанію прежнихъ эпохъ, съ другой — развитію мысли, стремившейся къ воплощенію въ жизнь интересовъ личностей и группъ, входившихъ въ цивилизацію эпохи, а также къ воплощенію въ жизнь убѣжденій развитаго меньшинства? Какимъ образомъ въ жизни этой эпохи сознательно и безсознательно подготовлялись послѣдующія эпохи той же цивилизаціи и цивилизаціи дальнѣйшихъ періодовъ? Главную роль здѣсь играютъ, на основаніи предыдущаго, во-первыхъ, развитіе сознанія личностей, насколько оно расширяло солидарность между людьми, во-вторыхъ — скрѣпленіе и расширеніе солидарности

между личностями, насколько оно способствовало развитію въ этихъ личностяхъ сознательности.

Поэтому и для исторіи, какъ науки, важны, въ періоды, предшествовавшіе исторіи, какъ процессу, подготовленія человѣческой мысли космическими и геологическими условіями, существовавшими для человѣка на землѣ, біологическими процессами развитія сознанія и общежитія въ мірѣ біологическихъ организмовъ, наконецъ тѣми инстинктивными явленіями и работою мысли подъ господствомъ обычая и доисторическаго человѣка, которыя образовали почву для исторической жизни. Эта почва представляетъ особый интересъ въ разныхъ формахъ доисторической техники, въ разныхъ доисторическихъ пріемахъ украшенія жизни, въ первыхъ попыткахъ работы теоретической мысли у доисторическаго человѣка, гдѣ самая большая доля принадлежитъ мысли религіозной, наконецъ въ творчествѣ первобытныхъ общественныхъ формъ, составляющихъ предметъ изученія эмбріологіи общества.

При раздѣленіи исторіи на періоды по существеннымъ признакамъ процесса историческаго развитія Лавровъ руководствовался слѣдующими началами.

Создаются сперва обособленныя національныя цивилизаціи, въ которыхъ работа критической мысли почти незамѣтна и которыя составляютъ слой какъ бы новаго, болѣе выработаннаго обычая. Съ появленіемъ критической мысли въ философскихъ школахъ, независимыхъ отъ религіознаго обычая, появляются и первыя попытки общечеловѣческаго универсализма, сначала для меньшинства исключительно развитыхъ и независимо мыслящихъ личностей, для которыхъ доступны одни и тѣ же пріемы критики и творчества, потомъ для всѣхъ подданныхъ одного государства, охваченныхъ дѣйствіемъ одного и того же сознательно установленнаго закона, независимо отъ существующихъ обычаевъ и національностей; наконецъ для всѣхъ вѣрующихъ въ одну универсальную религію, не знающую границъ ни политическихъ, ни этническихъ. Всѣ эти попытки оказываются неудачными, такъ какъ игнорируютъ экономическія условія, вызывающія все болѣе ожесточенную борьбу классовъ и потому не дозволяющія установленія прочной солидарности. Новая европейская цивилизація характеризована преимущественно обстоятельствомъ, что она есть и должна быть цивилизація свѣтская, постепенно выдѣляющая изъ себя всѣ религіозные элементы. Она начинается противоположеніемъ обособленія государствъ, не знающихъ никакой солидарности между собою, универсализму

какъ въ области точной науки, освобожденной отъ всѣхъ узъ обычая и религіознаго догмата, такъ и въ области индустріи, которая создаетъ всемірные экономическіе интересы, независимые отъ политическихъ. Новѣйшій періодъ этой цивилизаціи обозначенъ политическимъ господствомъ буржуазіи, представительницы универсальной индустріи, и господствомъ науки (въ ея высшей формѣ — соціологіи) въ политической и экономической области, прежде не входившей въ сферу науки. Огромное большинство человѣчества остается еще внѣ исторіи, частью какъ принадлежащее къ неисторическимъ народностямъ; частью — какъ входящее въ классы историческихъ народностей, настолько подавленные борьбою за существованіе, что для нихъ, по внѣшнимъ условіямъ, невозможно участіе въ исторіи; частью же — какъ принадлежащее къ господствующимъ классамъ передовыхъ народовъ, но, по внутреннему безсилію, не выработавшее ни наслажденія развитіемъ, ни потребности въ немъ и потому остающееся при низшихъ потребностяхъ и вкусахъ дикаря. Историческая эволюція имѣетъ мѣсто, какъ имѣла мѣсто съ самаго начала историческаго времени, лишь въ меньшинствѣ *интеллигенціи*, которая одна познала наслажденіе развитіемъ, ощутила въ немъ потребность и съ тѣмъ вмѣстѣ стала жить историческою жизнью. Въ настоящее время это развитое и развивающееся меньшинство выработало уже идеалъ личнаго достоинства и общественнаго строя, способный охватить всѣ личности и племена, которымъ станетъ доступна потребность развитія. Универсалистическій идеалъ человѣчества, связаннаго интересами коллективнаго труда и убѣжденіемъ въ потребности всеобщаго справедливаго общественнаго строя, стоитъ теперь въ теоріи научнаго соціализма лицомъ къ лицу съ заостряющейся и расширяющейся классовой борьбою, изъ которой старый строй не находитъ и не можетъ найти исхода и которая все больше выказывается какъ основная помѣха человѣческой солидарности. Въ борьбѣ за существованіе, перешедшей отъ міра организмовъ вообще въ человѣческую исторію, образованіе солидарнаго общежитія всего человѣчества позволитъ направить болѣе энергически коллективную работу послѣдняго на три главныя задачи историческаго процесса, именно: на господство надъ природою, на установленіе царства человѣка надъ животнымъ міромъ и на устраненіе борьбы за существованіе въ средѣ человѣчества, когда разумная кооперація замѣнитъ конкурренцію во всѣхъ ея видахъ. Съ этой точки зрѣнія философія исторіи заключается, для всѣхъ прошедшихъ періодовъ ея, въ постепенномъ разрушеніи царства обычая въ

пользу царства конкуррирующихъ интересовъ, при медленномъ расширеніи элементовъ царства нравственныхъ побужденій; для настоящаго — въ задачѣ установленія соціалистическаго строя, который даетъ первую историческую почву для построенія царства нравственныхъ убѣжденій; для будущаго — въ болѣе или менѣе постепенномъ разрушеніи конкуррирующихъ интересовъ и остатковъ царства обычая въ пользу господства во всѣхъ частностяхъ общественнаго строя царства нравственныхъ убѣжденій. Отсюда не только трудность, но даже почти невозможность нарисовать себѣ въ подробностяхъ сколько-нибудь удовлетворительную картину возможнаго будущаго строя общества: всѣ элементы, которые можетъ намъ доставить воображеніе для подобной картины, приходится черпать изъ прошедшаго и настоящаго, гдѣ почти исключительно господствовали обычай или конкурренція интересовъ, тогда какъ нравственныя убѣжденія если и проявлялись, то въ личной дѣятельности, а не въ формахъ общежитія; картина же будущаго строя, къ которому стремятся всѣ развитые люди нашей эпохи, должна представить намъ формы общежитія, проникнутыя господствомъ нравственныхъ убѣжденій. Поэтому развитому человѣку нашего времени нѣтъ основанія предаваться безплоднымъ мечтаніямъ о подробностяхъ формы будущаго строя, къ которому онъ стремится. Онъ долженъ имѣть въ виду лишь общія характеристическія черты этого строя; онъ стремится въ борьбѣ за соціалистическій строй разрушить современныя формы въ пользу общественныхъ формъ лучшихъ, но на первое время еще аналогическихъ современнымъ формамъ, такъ какъ ближайшій строй будущаго долженъ быть результатомъ существующей классовой борьбы. Развитый человѣкъ нашего времени стремится воплотить въ своей личной жизни возможно бо̀льшую долю солидарности съ убѣжденными соціалистами и возможно бо̀льшую долю справедливости по отношенію къ людямъ вообще, при существующихъ условіяхъ этой классовой борьбы.

5. Практическія задачи по отношенію къ Россіи.

Соціалистическій идеалъ Лаврова уяснялся постепенно. Съ раннихъ лѣтъ знакомый съ утопистами начала нашего вѣка, но не видя почвы, на которой соціалистическіе идеалы могли бы быть осуществимы, Лавровъ сперва, добывъ себѣ мѣсто въ литературѣ, пытался лишь содѣйствовать устраненію препятствій ясному сознанію истины и справедливости въ личности и пре-

пятствій сознанію необходимости солидарности въ обществѣ; онъ пытался дѣлать это распространеніемъ болѣе яснаго пониманія и болѣе научнаго міросозерцанія. Но съ самаго начала своей литературной дѣятельности необходимость политическаго и соціальнаго переворота была для него очевидна, и указанія на это можно легко найти въ его печатныхъ произведеніяхъ, въ особенности же въ его стихотвореніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ не видѣлъ и въ это время почвы не только для соціальнаго переворота, но даже для политическаго дѣйствія внѣ медленной подготовки умовъ. Когда, во время волненій начала 60-хъ годовъ, депутація офицеровъ Артиллерійской Академіи пришла просить его совѣта, слѣдуетъ ли имъ участвовать въ готовившейся уличной демонстраціи, онъ положительно отсовѣтовалъ имъ это, прибавивъ, что если минута придетъ, когда подобную демонстрацію онъ сочтетъ нужною, онъ не только скажетъ имъ это, но самъ пойдетъ вмѣстѣ съ ними. Довольно долго Лавровъ допускалъ возможность гармоніи интересовъ личности господствующаго класса и интересовъ большинства подчиненнаго класса; допускалъ это даже для личности, руководящейся только разсчетомъ собственной пользы, а не развитіемъ нравственныхъ убѣжденій. Это допущеніе было одною изъ самыхъ крупныхъ, по его мнѣнію, ошибокъ, отъ которыхъ ему пришлось отречься впослѣдствіи, но которая оставила слѣдъ во многихъ его произведеніяхъ. Появленіе Интернаціонала и знакомство съ нимъ убѣдило Лаврова, во-первыхъ, въ существованіи реальной почвы для соціальнаго переворота, во-вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ, надъ которой можетъ возвыситься развитая личность господствующихъ классовъ лишь силою своего нравственнаго убѣжденія. Тогда Лавровъ счелъ своею обязанностью содѣйствовать соціальному перевороту въ томъ видѣ, какъ его требовала программа Интернаціонала. Политическую революцію для Россіи онъ считалъ въ эту эпоху полезною лишь въ тѣсной связи съ переворотомъ соціальнымъ, какъ революцію, опирающуюся на довольно широкое народное движеніе. Политическій переворотъ въ Россіи, чуждый экономическихъ задачъ, онъ считалъ вреднымъ, какъ образующій почву для такой же классовой эксплуатаціи народа, которая имѣетъ мѣсто на Западѣ подъ формою либеральныхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе онъ ни минуты не допускалъ отреченія отъ политической оппозиціи существующему абсолютизму, полагая необходимымъ, насколько возможно, при всякомъ отвоеваніи у правительства доли силы, дѣйствовать въ смыслѣ внесенія экономическаго элемента во всѣ политическія

требованія, и это съ помощью привлеченія возможно большей доли низшихъ классовъ общества къ политической агитаціи.

Но Лавровъ ясно сознавалъ, что ни народъ не готовъ къ соціальному перевороту, ни интеллигенція не усвоила себѣ въ достаточной мѣрѣ то соціологическое пониманіе и то нравственное убѣжденіе, которыя одни могутъ выработать въ послѣдней искреннихъ соціалистовъ. Онъ считалъ, поэтому, необходимымъ подготовленіе соціальной революціи въ Россіи путемъ развитія научной соціологической мысли въ интеллигенціи и путемъ пропаганды соціалистическихъ идей въ народѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ на себя обязанность соціалистическаго пропагандизма въ Россіи, когда ему предложили редакцію „Впередъ!“. Согласно предыдущему, онъ поставилъ задачею своимъ сторонникамъ подготовить соціальную революцію въ Россіи развитіемъ въ пропагандистахъ соціализма знанія вообще, знанія Россіи въ особенности, соціалистическихъ привычекъ въ частной жизни,—и пропагандою соціализма въ народѣ, пропагандою, которая, по мнѣнію Лаврова, должна была попутно служить и оружіемъ агитаціи противъ правительства. Вопросы централизма и федерализма, тогда столь волновавшіе бакунистовъ и ихъ противниковъ, онъ считалъ второстепенными и рѣшеніе ихъ зависящимъ отъ случайной выработки среды и распредѣленія въ ней интеллигентныхъ силъ. Защитникъ требованія уменьшить въ каждую эпоху государственный элементъ въ обществѣ до возможнаго минимума и надѣясь, что, при полномъ господствѣ соціалистическаго строя, этотъ минимумъ близко подойдетъ къ нулю, Лавровъ никогда не былъ сторонникомъ анархизма въ настоящемъ, тѣмъ болѣе въ организаціи революціонной партіи. Всего полнѣе онъ высказалъ свои понятія о государствѣ и свое отношеніе къ политическимъ задачамъ революціи въ Россіи въ серединѣ 70-хъ годовъ въ трудѣ: „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“ („Впередъ!“, т. IV, вып. I и единственный). Лавровъ оставилъ редакцію журнала лишь тогда, когда ему показалось, что его товарищи-пропагандисты „Впередъ“, слишкомъ суживая свою программу дѣйствій, особенно въ средѣ интеллигенціи, отнимаютъ у своей партіи всякій боевой характеръ и потому недостаточно энергически борются съ препятствіями, представляемыми пропагандѣ соціализма политическимъ строемъ Россійской имперіи. Когда этотъ недостатокъ энергіи въ борьбѣ съ мѣстными условіями повелъ къ распаденію партіи чистой пропаганды въ Россіи, Лавровъ продолжалъ, насколько позволяло его положеніе, соціалистическую пропаганду лично. Не имѣя

возможности, по долгому отсутствію своему изъ Россіи, опровергать все упорнѣе повторяемыя увѣренія личностей революціонныхъ группъ, что пропаганда въ народѣ въ Россіи сдѣлалась невозможна, а потому и подготовленіе пропагандистовъ безцѣльно, что необходима „пропаганда фактомъ", возбужденіе революціоннаго духа примѣромъ, рѣшительные удары, нанесенные правительству, — Лавровъ оставался при личномъ мнѣніи, что, при искусствѣ и рѣшимости, пропаганда была бы возможна, хотя должна бы пойти медленнѣе и требовать немало жертвъ. Онъ считалъ ее необходимою во всякомъ случаѣ, рядомъ со всѣми другими пріемами агитаціи противъ правительства и прямого дѣйствія противъ него, такъ какъ не могъ себѣ представить, чтобы какой-либо политическій переворотъ, выгодный для большинства и, слѣдовательно, имѣющій въ виду экономическія задачи, могъ имѣть мѣсто безъ поддержки его народнымъ движеніемъ, которое предполагаетъ всегда предварительную пропаганду. Въ рефератахъ, которые онъ читалъ въ Парижѣ въ 1877 — 82 годахъ, онъ много разъ возвращался къ указанію тѣхъ опасностей, которыя представляютъ для успѣха революціонной партіи въ Россіи анархическія начала и террористическіе пріемы. Онъ съ радостью видѣлъ, что въ самой Россіи анархическія начала мало-по-малу исчезаютъ, но не могъ не замѣтить и того, что, рядомъ съ ослабленіемъ анархизма въ Россіи, всѣ группы, кромѣ такъ называемыхъ террористовъ, теряютъ значеніе въ движеніи и успѣхъ революціоннаго дѣла въ Россіи все болѣе отожествляется съ успѣхомъ этихъ „террористовъ". Поэтому онъ рѣшительно отвергъ предложеніе стать во главѣ заграничнаго изданія, объявлявшаго войну этой партіи, и считалъ войну противъ „Народной Воли" прямо вредною для дѣла въ Россіи, если исторія русскаго революціоннаго движенія выдвинула на первое мѣсто эту партію, поставившую себѣ непосредственною задачею потрясеніе самодержавія, а потомъ и его разрушеніе. Тѣмъ не менѣе Лавровъ тогда только вступилъ въ союзъ съ этой партіей, когда убѣдился, что она остается соціалистическою, признаетъ важность соціалистической пропаганды и направляетъ преимущественно свои удары противъ русскаго правительства лишь какъ противъ главнаго препятствія распространенія соціалистическихъ идей въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе своего участія въ редакціи „Вѣстника Народной Воли", онъ смотрѣлъ на свою дѣятельность въ этомъ изданіи какъ на теоретическое уясненіе тѣхъ соціалистическихъ началъ, которыя остались основою дѣятельности этой революціонной

партіи въ Россіи, въ эпоху, когда она одна, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, умѣла выработать нѣчто похожее на общественную силу. Для него вопросъ о необходимости для Россіи, до установленія въ ней соціализма, пережить болѣе или менѣе полно капиталистическій строй, подобный тому, который имѣлъ возможность вполнѣ развиться на западѣ Европы—вопросъ, вызывающій въ послѣднее время довольно оживленные споры въ средѣ русскихъ соціалистовъ, — есть вопросъ, имѣющій лишь спекулятивное значеніе и нисколько не измѣняющій практическихъ задачъ русскаго соціалиста-революціонера. Какъ только въ Россіи образуется организованная партія искренне-соціалистическая, умѣющая отстоять себя въ общественной борьбѣ, умѣющая привлекать къ себѣ живыя силы и организовать ихъ для энергическаго дѣйствія, то Лавровъ считаетъ, что, согласно съ его нравственными и соціалистическими убѣжденіями, онъ, какъ всякій убѣжденный соціалистъ, обязанъ, даже не вполнѣ соглашаясь со всѣми пунктами программы партіи, въ союзъ съ которой онъ вступаетъ, и не вполнѣ одобряя всѣ ея дѣйствія, поддерживать всѣми средствами ту дѣйствительную соціально-революціонную силу, которая сумѣетъ на нашей родинѣ болѣе или менѣе успѣшно бороться за соціалистическіе идеалы противъ препятствій, противопоставленныхъ этимъ идеаламъ средою. Въ эпоху же, когда въ Россіи не существуетъ подобной организованной общественной силы съ соціально-революціоннымъ направленіемъ, личная пропаганда соціалистическихъ идей, не во имя какой-либо существующей партіи, но прямо во имя самихъ этихъ идей, остается для него—какъ и для всѣхъ убѣжденныхъ соціалистовъ, по его мнѣнію,—обязательною, не смотря ни на какія неудачи, препятствія и замедленія движенія. Процессъ разложенія современнаго капиталистическаго строя совершается съ неотвратимою необходимостью; онъ долженъ рано или поздно доставить торжество соціализму и вмѣстѣ съ тѣмъ унести тѣ политическія формы, которыя съ нимъ несовмѣстны. Въ этомъ случаѣ практическія задачи русскаго соціалиста отожествляются съ задачами соціалиста-революціонера всѣхъ странъ. Русскій соціалистъ долженъ работать для торжества соціализма, распространять его принципы въ умахъ окружающихъ личностей, осуществлять ихъ, по мѣрѣ возможности, примѣромъ своей жизни. Онъ долженъ устранять, насколько можетъ, и препятствія успѣхамъ соціализма. Одно изъ таковыхъ составляютъ политическія формы, поддерживающія капитализмъ или составляющія переживанія еще болѣе архаическаго слоя цивилизаціи. Насколько

можно, подобныя формы надо стремиться устранить немедленно, не выжидая организаціи въ странѣ рабочей партіи, составляющей необходимое условіе раціональнаго соціальнаго переворота. Но при этомъ, рядомъ съ этимъ, необходимо стремиться къ осуществленію этого необходимаго условія.

Сентябрь 1885 г.
и октябрь 1889 г.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи *).

I.

Съ поступленіемъ въ гимназію для меня начинается продолжительный періодъ полнаго равнодушія къ религіознымъ вопросамъ.

Мои религіозныя воззрѣнія къ тому времени достаточно опредѣлились, чтобы я могъ сказать самому себѣ: „Я не вѣрю въ то, во что вѣрятъ другіе, но я еще не чувствую подъ собой достаточно твердой почвы, чтобы отстаивать свое невѣріе въ самое существованіе Бога; я не знаю, найду ли я когда-нибудь Бога или нѣтъ, но не чувствую и особой потребности торопиться съ этимъ трудно разрѣшимымъ вопросомъ". Занимаю выжидательное положеніе, и при столкновеніи съ жизнью пользуюсь ея явленіями, какъ матеріаломъ для своего дальнѣйшаго религіознаго или иррелигіознаго развитія.

Этому способствовалъ и весь складъ моей новой жизни внѣ дома.

Для подготовки къ экзамену, отецъ уже съ весны помѣстилъ меня съ братомъ нахлѣбниками къ директору первой Казанской гимназіи, Гейнриху Ивановичу Крелленбергу, пользовавшемуся въ Казани большой популярностью. Для насъ былъ взятъ репетиторъ изъ учениковъ седьмого класса той же гимназіи, и мы все

*) Начало этой автобіографіи было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы" 1909 г. (мартъ—іюнь).

лѣто прожили вмѣстѣ съ этимъ репетиторомъ въ семьѣ директора, на дачѣ подъ Казанью. А осенью, послѣ вступительныхъ экзаменовъ, когда начались занятія и репетиторъ былъ отпущенъ, мы, вмѣстѣ съ двумя другими пахлѣбниками директора, водворились въ казенной директорской квартирѣ при гимназіи.

Безъ особенныхъ усилій съ моей стороны я былъ въ IV-мъ классѣ то первымъ, то вторымъ ученикомъ. Какъ прежде дома, такъ и теперь въ гимназіи, моимъ любимымъ предметомъ былъ латинскій языкъ. За это я пользовался особеннымъ благоволеніемъ Крелленберга: онъ самъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ старшихъ классахъ. Случалось не разъ, что въ свободное время Гейнрихъ Ивановичъ занимался со мной латинскимъ просто по нашей общей любви къ этому языку, занимался не по классной программѣ, а выходя далеко за предѣлы ея. Когда я разсказывалъ ему о моемъ гувернерѣ Б., онъ слушалъ меня съ такимъ интересомъ, съ какимъ слушаютъ пришельца съ далекой родины. И этой общей для насъ далекой родиной былъ живущій за гранями вѣковъ древній Римъ. Среди той общей нелюбви къ древнимъ языкамъ, которая царила тогда среди гимназистовъ, встрѣтить ученика, относящагося къ латыни съ любовью—развѣ это не было похоже на встрѣчу соотечественниковъ на чужбинѣ?

Немного рѣзкій въ обращеніи, но ровный со всѣми, нелицепріятный, авторитетный не столько по своему положенію, сколько по довѣрію, какое онъ внушалъ къ себѣ, Г. И. Крелленбергъ отличался необычайной добротой,—разумной добротой. На его умномъ, красивомъ лицѣ не блуждала, а точно всегда покоилась добродушная улыбка философа-созерцателя. Коротко остриженный, гладко выбритый, онъ простотой своей внѣшности, казалось, какъ бы обнаруживалъ всю безыскусственность и чистоту своихъ душевныхъ качествъ. Но когда его служебное положеніе обязывало его къ извѣстной важности — его открытое, прямодушное лицо покрывалось какъ бы прозрачной вуалью напускной суровости. Зато дома, между своими, за вечернимъ чаемъ, эта вуаль всегда приподнималась, и то, что среди дѣловой жизни дня изъ-подъ нея только слегка просвѣчивало—доброе, ласковое выраженіе глазъ и чуть-чуть ироническая улыбка на тонкихъ, красиво очерченныхъ губахъ—все это теперь свѣтило и грѣло въ блескѣ милыхъ шутокъ.

Я очень скоро полюбилъ Гейнриха Ивановича почти такъ же, какъ любилъ отца. Но здѣсь къ этой любви примѣшивалась, кромѣ того, большая доза особеннаго уваженія къ еще новому

для меня авторитету: это вѣдь былъ *директоръ*, которому подчинены не только ученики, но въ извѣстной степени и учителя. А та самая замкнутость, которую иногда не могъ не напускать на себя Гейнрихъ Ивановичъ, какъ начальникъ, заставляла предполагать еще бо́льшую значительность его духовной сущности. И то, что̀ проявлялось лишь кажущимися намеками въ рѣдкія минуты откровенности, я развивалъ въ моемъ воображеніи шире и глубже со всей доступной мнѣ смѣлостью. Вѣрно или нѣтъ, но мнѣ всегда казалось, что Гейнрихъ Ивановичъ не могъ смотрѣть на вопросы вѣры иначе какъ отрицательно—и все, что до сихъ поръ было передумано мной въ религіозной области, я готовъ былъ полностью приписать и ему. Но я понималъ, что я не могъ открыто говорить съ нимъ объ этомъ. Я-то еще можетъ-быть могъ бы рѣшиться на откровенность, но не онъ, въ его положеніи: еслибъ онъ мнѣ говорилъ одно, а другимъ другое, я потерялъ бы уваженіе къ нему. Напротивъ, наше обоюдное молчаніе, вообще „умалчиваніе“, какъ „ложь жизни“, уже не смущало меня теперь такъ, какъ это было еще недавно, дома, передъ отцомъ; теперь оно казалось мнѣ совершенно естественнымъ, неизбѣжнымъ. Я находилъ, что даже не имѣю права касаться вопроса о его религіозныхъ взглядахъ, пока онъ ни въ чемъ не проявляетъ ихъ внѣшне и пока онъ лично въ этомъ отношеніи ничѣмъ не задѣваетъ мою совѣсть.

Такія разсужденія съ самимъ собой чаще всего являлись у меня когда мы, гимназисты, собирались по утрамъ въ актовомъ залѣ на молитву передъ началомъ ученія. Совершенно равнодушный къ этой молитвѣ, стоишь, бывало, и поешь вмѣстѣ съ другими „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины“, шутя играешь при этомъ голосомъ, переходя съ дисканта на басъ. Или слушаешь „Преблагій Господи“... и съ гримасой умиленія дразнишь шалуна-товарища, шепча ему на ухо: „дабы, внимая преподаваемому намъ ученію, возрасли мы родителямъ нашимъ на утѣшеніе“. И въ то же время посматриваешь на стоящаго впереди, въ полъ-оборота къ намъ, Гейнриха Ивановича, не поймалъ бы насъ на шалости—а самому такъ и кажется, что изъ-подъ густой вуали напускной суровости всѣми любимаго директора сквозитъ его добродушно-ироническая улыбка на замкнутыхъ, плотно сжатыхъ губахъ.

Оффиціально Законъ Божій считается самымъ важнымъ предметомъ преподаванія въ гимназіи; но, вопреки стараніямъ начальства, для насъ, гимназистовъ, онъ былъ самымъ послѣднимъ. Большинство моихъ товарищей по классу относились къ

вопросамъ вѣры по меньшей мѣрѣ безразлично. Я не помню въ числѣ ихъ никого, кого бы мы могли хотя бы только въ шутку назвать, какъ это принято между юнцами, „ханжей“, „святошей“; а будь такой—онъ несомнѣнно сейчасъ же обнаружился бы. Мнѣ ничего не стоило получать пятерки по Закону Божію при той огромной памяти, какою я обладалъ тогда. Легко давались мнѣ и тексты изъ катехизиса. Но если для ихъ запоминанія требовалось хотя малѣйшее напряженіе, я старался избѣжать его. Среди учащихся нашей гимназіи было тогда немало татаръ, калмыковъ, киргизовъ, и для нихъ было введено необязательное преподаваніе татарскаго языка. Въ числѣ нѣсколькихъ русскихъ, пожелавшихъ учиться этому языку, былъ и я. Какъ только мы выучились татарской азбукѣ, мы сейчасъ же стали пользоваться татарскими буквами, какъ средствомъ избавиться отъ заучиванія текстовъ изъ катехизиса. Передъ урокомъ Закона Божія напишемъ, бывало, на классной доскѣ татарскимъ алфавитомъ какой-нибудь текстъ, и если священникъ вызоветъ, отвѣчаемъ какъ по книгѣ: „Бога никтоже видѣ нигдѣже...“—или какой-нибудь иной текстъ.

Нашъ законоучитель, священникъ нашей гимназической церкви, былъ и нашимъ духовникомъ, но никто и не задумывался надъ тѣмъ, что мы обманываемъ его на урокахъ, и, конечно, никто и не собирался каяться ему въ этомъ. У всѣхъ почему-то было убѣжденіе, что нашъ попъ, человѣкъ изворотливый во всѣхъ дѣлахъ вѣры и жизни, легко идущій на компромиссы, смотритъ и на свое законоучительство съ чисто формальной, „мундирной“ точки зрѣнія. Мы знали, что онъ самъ хорошенько не помнитъ всѣхъ текстовъ и такъ же мало понимаетъ смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и мы. Если иногда и приходило желаніе попросить его дать какое-нибудь толкованіе, оно не осуществлялось по единственному мотиву: не стóитъ. Отбарабанилъ безъ запинки, значитъ знаешь, что̀ въ книжкѣ напечатано, попъ доволенъ—а намъ больше ничего и не надо.

Но едва ли бы и другой законоучитель могъ что-нибудь измѣнить въ отношеніяхъ учащихся къ его предмету. Потому что гимназическій Законъ Божій не есть законъ богоугодной жизни и нравственности, внушаемый каждому отдѣльному ученику въ соотвѣтствіи съ его личной воспріимчивостью къ этому закону, а просто одинъ изъ гимназическихъ „предметовъ“, притомъ предметъ, болѣе другихъ связанный рамками программы. Учителя исторіи, географіи, русскаго языка и словесности могутъ позволить себѣ всякія „лирическія отступленія“ отъ про-

граммы—законоучителю не всегда безопасно вступать на этотъ скользкій путь. Догматичность его предмета не позволяетъ никакихъ толкованій и разъясненій, соприкасающихся съ вольнодумствомъ. И я не могу себѣ представить, чтобы наши тогдашніе уроки Закона Божія превратились въ какое-нибудь собесѣдованіе или съ законоучителемъ, или между нами, учениками, какъ это было у насъ съ учителями русской словесности и русскаго языка. Одинъ изъ нихъ умѣлъ, разбирая съ нами въ классѣ „Слово о полку Игоревѣ", такъ увлечь насъ красотами многихъ древнеславянскихъ реченій, что мы сами заучивали ихъ, какъ стихи, наизусть; а своими разсказами о богахъ небогатой славянской миѳологіи, о Перунѣ, Велесѣ, Стрибогѣ, Ярилѣ, онъ будилъ нашу фантазію, заставляя насъ жить бытомъ нашихъ предковъ.

Другой...

Болѣе сорока лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того времени, но мнѣ хорошо помнится, что, волей судьбы, учитель русскаго языка въ нашемъ классѣ былъ изъ крещеныхъ евреевъ, кажется—изъ кантонистовъ. Въ его рѣчи слышался иногда чуть замѣтный акцентъ, букву „ч" онъ произносилъ съ легкимъ свистомъ, и весь классъ нерѣдко заочно высмѣивалъ его произношеніе. И все-таки мы его искренно любили. На его урокахъ даже русская грамматика дѣлалась интересной, потому что онъ бралъ примѣры для разбора изъ стихотвореній, которыя читалъ съ большимъ чувствомъ и умѣньемъ. Благодаря этимъ стихотвореніямъ мы учились любить, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, и все русское, родное. И если мы нерѣдко заочно высмѣивали нашего учителя, то еще чаще заочно же съ увлеченіемъ повторяли и тѣ стихи, которые онъ читалъ намъ,—повторяли, стараясь подражать его превосходной декламаціи. Въ годы ранней юности, какъ бы ни былъ развитъ умъ, молодое чувство всегда беретъ перевѣсъ надъ умомъ, если только какой-нибудь прекрасный, возвышенный образъ поманитъ это чувство за собой. Если синонимы: красота и истина, то эстетика и религія—тоже синонимы. Религія непосредственно чувствующаго юношества всегда будетъ только эстетична, а эстетическое чувство способно доходить до религіознаго экстаза, до призыва на подвигъ во имя истины, кажущейся прекрасною, и во имя красоты, кажущейся истинною. И какимъ бы убѣжденнымъ атеистомъ ни считалъ я себя въ тѣ годы, *красота* религіознаго *подвига* могла увлечь и меня совершенно такъ же, какъ и тѣхъ, кто никогда не увлекался ни Бюхнеромъ, ни Писаревымъ. У меня остается незабвеннымъ то увлеченіе, которое я испыталъ въ гимназіи, на одномъ изъ уро-

ковъ русскаго языка, когда нашъ учитель читалъ намъ стихотвореніе Языкова объ Евпатіи Коловратѣ:

„Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?
Въ рязанскія стѣны вломились татары;
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь.
Но все побѣдили батыевы рати:
Нашъ градъ пепелище и князь нашъ убитъ!“
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій“.

Я помню, весь классъ проникся *религіозно-патріотическимъ* настроеніемъ. Древняя Русь, попранная Батыемъ, — Русь, гдѣ *православная вѣра* была синонимомъ *свободы*, — стала намъ въ одно мгновеніе такъ близка, ея свобода такъ дорога, какъ будто мы сейчасъ сами жили въ ней и на себѣ ощущали и боль пораженія русскаго воинства, и тяжесть татарскаго ига, и чувствовали себя готовыми хоть сейчасъ вотъ идти вслѣдъ за Евпатіемъ на борьбу съ ханской ратью за вѣру православную. Мнѣ думается, что этотъ подъемъ духа проявился тогда не только у русскихъ, но и у инородцевъ, не исключая и татаръ, бывшихъ въ нашемъ классѣ. Расоваго вопроса у насъ никогда не было; мы, товарищи, вообще не считались съ происхожденіемъ, и теперь то чувство, въ которомъ мы всѣ безъ различія вѣры и національности могли объединиться, могло бы выразиться такъ: мы всѣ за того, на чьей сторонѣ въ эту минуту истина — за угнетаемаго противъ угнетателя, за Русь противъ Орды. Это настроеніе длилось, вѣроятно, только въ теченіе урока, да быть-можетъ еще въ перемѣну, когда мы, по уходѣ учителя, повторяли наизусть понравившіяся намъ строфы стихотворенія; а съ началомъ слѣдующаго урока оно смѣнялось, вѣроятно, сейчасъ же какимъ-нибудь другимъ настроеніемъ — но... Юная душа, какъ поле весной: гдѣ упало сѣмя — дастъ ростокъ, упадетъ другое — явится другой. Иное заглохнетъ, пропадетъ, иное выростетъ, процвѣтетъ и снова обсѣменитъ пестрѣющее цвѣтами поле. Западаютъ въ душу настроенія, растутъ или глохнутъ, переплетаются, забываются или вызываютъ и родятъ новыя. Идутъ годы, человѣкъ старѣетъ, и обликъ души становится все сложнѣе да пестрѣе. Вглядишься въ него — смотришь, тамъ уже цѣлыя кладбища забытаго былого. И только отдѣльныя живучія воспоминанія, точно старики-сторожа кладбищенскіе, водятъ васъ иногда по знакомымъ могиламъ. Такъ вотъ и здѣсь: съ годами заглохло многое, а нашъ гимназическій учитель русскаго языка стоитъ въ

моей памяти передо мной, и я какъ будто еще слышу его немного свистящій голосъ, слышу это запомнившееся съ тѣхъ поръ стихотвореніе:

„Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана:
То грозная рать побѣдителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь...“

И встаетъ опять въ моемъ воображеніи вся нарисованная поэтомъ картина: и бой послѣдней отважной дружины съ татарами, и распростертый въ полѣ трупъ подвижника. То—

„...падшій воитель свободы—Евпатій“.

II.

Говѣть, исповѣдаться и причащаться въ тотъ годъ мнѣ пришлось въ гимназической церкви. Въ церковь мы, конечно, ходили всѣмъ классомъ. И это оставляло впечатлѣніе, какъ будто это былъ одинъ изъ уроковъ. Строгій во всемъ, что касалось исполненія „гимназическихъ“ правилъ, директоръ распорядился, чтобы для насъ, его нахлѣбниковъ, готовили въ теченіе говѣнья постное. Но мы вознаграждали себя тѣмъ, что, тайкомъ отъ директора, ходили въ сосѣднюю мелочную лавочку и покупали тамъ колбасу и ветчину.

День исповѣди. Что-то томительно скучное. Насъ, гимназистовъ, много, и нашъ законоучитель исповѣдуетъ насъ такъ же, какъ спрашивалъ уроки—по чиновничьи, казенно, безучастно и со стороны исповѣдующаго, и кающихся. Точно заранѣе предполагается, что ему такъ же хорошо извѣстны и всѣ наши скрытые помыслы, какъ извѣстны познанія наши по преподаваемому имъ предмету. Всѣ исповѣдываются, такъ сказать, на тройку, на переводный баллъ. Каждый, выходящій изъ-за ширмы, улыбается товарищамъ точно послѣ хорошо отвѣченнаго урока. Кто-то изъ насъ даже сказалъ: „Лучше бы ужъ сразу задавалъ всѣмъ громко вопросы и требовалъ бы общаго покаянія, — было бы скорѣе“. Съ такимъ же чувствомъ полнаго равнодушія къ исполненію требуемаго обряда идемъ мы и къ причастію.

Но во время причащенія произошло нѣчто неожиданное.

Насъ причащали, выстроивъ колонной по три въ рядъ. Нашъ четвертый классъ былъ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ, и колонна растянулась длинная. Какъ всегда, выстроили по росту, кто поменьше впереди. Я съ двумя товарищами оказался въ по-

слѣднемъ ряду, у входныхъ дверей. Пока первые ряды, одни за другими причастившись, отступаютъ въ сторону и даютъ намъ возможность подвигаться, мы, задніе, томясь долгимъ ожиданіемъ и совершенно забывъ, что нужно стоять съ благоговѣніемъ, весело болтаемъ между собой. Товарищи, съ которыми я стоялъ рядомъ, были: одинъ — сынъ помѣщика, другой — сынъ, кажется, сельскаго священника. Озорники мы всѣ трое были большіе, любили пошалить въ классѣ во время урока Закона Божія, не стѣснялись и тутъ. Попу не до насъ — онъ занятъ своимъ дѣломъ; постороннихъ прихожанъ, вѣроятно смотрѣвшихъ на насъ съ недоумѣніемъ и возмущеніемъ, мы не стѣснялись, а наше гимназическое начальство стоитъ впереди, спиной къ намъ: директоръ — у лѣваго клироса, а нашъ классный надзиратель — у самаго амвона, слѣдя за порядкомъ приближенія подходившихъ къ причастію. Въ нашей безцеремонности мы доходимъ до того, что всѣ трое встали на колѣни и присѣли на пятки, чтобъ посидѣть и отдохнуть; а потомъ опять разомъ всѣ трое, какъ по командѣ, встаемъ, точно на пружинѣ выскочили. И чуть не фыркнули, довольные своей остроумной выходкой. Но тутъ сейчасъ же видимъ, что священникъ сдѣлалъ знакъ надзирателю. Тотъ приблизился къ нему, священникъ что-то шепнулъ ему. Мы переглянулись: наши лица выражали уже нѣкоторую тревогу, когда мы увидѣли, что надзиратель приближается къ намъ. Мы не ошиблись. Въ суровой формѣ онъ заявляетъ, что батюшка приказалъ, чтобы мы вышли изъ колонны и отошли въ сторону: причастія намъ, за шалости, не дадутъ. Игривое настроеніе сразу перемѣнилось на унылое. Но дѣлать нечего, надо повиноваться.

Мы отошли и, уже съ опущенными взглядами, стояли смирно, шопотомъ перебрасывая другъ другу ругательства по адресу попа. Намъ было неловко смотрѣть на стоявшихъ около насъ прихожанъ, бросавшихъ на насъ недружелюбные взгляды. Мы только осторожно поглядывали въ сторону нашего директора. Онъ сначала какъ будто не обратилъ никакого вниманія на происшедшее и по прежнему стоялъ въ той позѣ равнодушнаго свидѣтеля, какимъ мы привыкли видѣть его каждое утро на гимназической молитвѣ. Но вотъ онъ кивнулъ головой надзирателю, тотъ подошелъ къ нему, поговорилъ и опять отошелъ на свое мѣсто. Директоръ, медленно, осторожно пробираясь между посторонними прихожанами, подходитъ къ намъ. Обычно спокойный и суровый тонъ въ его шопотѣ:

— Болваны вы длинные! Олухи неотесанные! Что надѣлали? Какъ вамъ не стыдно! Балбесы большіе, а ведете себя

хуже маленькихъ поросятъ. Теперь стойте тутъ, какъ пни, и не смѣйте уходить, пока я по окончаніи службы не подойду къ вамъ.

И, не удостоивъ насъ лишнимъ взглядомъ, опять отошелъ на свое мѣсто.

Это окончательно насъ опечалило. Если до сихъ поръ мы полу-шутя, полу-злобно побранивали нашего священника за учиненное надъ нами отлученіе, то теперь мы чувствовали, что дѣло не шуточное. Въ рукахъ директора были всякія мѣры наказанія: и карцеръ, и оставленіе безъ отпуска, и оставленіе на годъ въ классѣ,—словомъ...

Мы съ завистью смотрѣли, какъ подошли къ причастію послѣдніе ряды, какъ наконецъ кончилось все, и священникъ ушелъ въ алтарь, какъ наконецъ по окончаніи богослуженія стали выходить изъ церкви наши товарищи и посторонніе, а мы, отлученные, оставшись особнякомъ у стѣнки, должны были стоять и ждать какой-то кары. Ушелъ и нашъ надзиратель. Ни одинъ изъ товарищей не посмѣлъ подойти къ намъ, чтобы проститься съ нами. Церковь опустѣла. Остались только священникъ и дьяконъ въ алтарѣ, дьячокъ да сторожъ, гасившій восковыя свѣчи передъ иконами. Да еще впереди, у клироса, стоялъ, съ опущенной головой, нашъ директоръ. Въ глубокой задумчивости онъ, казалось, не замѣчалъ уходившихъ. Потомъ оглянулся. Увидалъ, что никого постороннихъ нѣтъ, и пошелъ въ алтарь.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ждемъ, чѣмъ это кончится.

Черезъ нѣсколько минутъ директоръ выходитъ. Направляется къ намъ. Его лицо по прежнему сурово, но нашъ опытный глазъ уже различаетъ за видимой суровостью что-то хорошее: мы вѣдь знаемъ, что подъ этимъ синимъ мундиромъ со свѣтлыми пуговицами доброе сердце. „Нашъ Гейнрихъ“ не дастъ въ обиду своихъ балбесовъ и поросятъ.

Онъ сказалъ намъ какъ-то просто-дѣловито:

— Я упросилъ батюшку не лишать васъ причастія. Но вы должны быть наказаны. И сейчасъ васъ заставятъ здѣсь молиться и класть поклоны. Просите сами у батюшки прощенія, а затѣмъ...

Онъ точно что-то забылъ, постарался припомнить, и загадочно сказалъ:

— Вы будете имѣть дѣло со мной.

И ушелъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ тревожномъ ожиданіи. Изъ алтаря вышелъ дьяконъ, сдѣлалъ намъ знакъ, чтобы мы прибли-

зились къ амвону, и здѣсь, по порученію священника, произнесъ намъ краткое поученіе. Онъ объяснилъ намъ всю преступность нашего поведенія, призвалъ насъ къ глубокому раскаянію, велѣлъ встать всѣмъ троимъ на амвонѣ на колѣни и, позвавъ дьячка, заставилъ его читать намъ какія-то молитвы, а насъ—кланяться въ землю. А самъ—опять въ алтарь.

Мы продѣлали все, что было приказано. Насъ это нимало не сокрушало. Какъ забавляетъ дѣтей новая игра, мы клали за спиной дьячка шаловливо размашистые земные поклоны, и только искоса поглядывали, не наблюдаетъ ли за нами дьяконъ.

Покаянное моленье кончилось. Насъ позвали въ алтарь. Тамъ священникъ въ полномъ облаченіи подошелъ къ намъ съ чашей въ рукахъ и заставилъ насъ опять повторять за собой причастную молитву. Точно не желая и взглянуть намъ въ лицо, онъ поспѣшно—не далъ, а сунулъ намъ со лжицы причастіе, видимо недовольный происшедшей изъ-за насъ задержкой. Затѣмъ опять отошелъ къ престолу, заставивъ насъ еще молиться. Тѣмъ временемъ дьяконъ сталъ, по установленнымъ церковнымъ правиламъ, доѣдать изъ чаши остатки причастія. Тутъ намъ было не до моленья: то, что̀ мы невольно должны были наблюдать, молитвеннаго настроенія не внушало. Приложившись къ большой золоченой чашѣ, дьяконъ медленно допивалъ изъ нея оставшееся вино и при этомъ собиралъ причастной лжицей со дна и съ краевъ чаши остатки просвиры и съѣдалъ ихъ. Не знаю, полагалось ли и это по правиламъ, но хорошо помню, что когда дьякону нужно было сдѣлать въ это время какой-то возгласъ или что-то пропѣть, онъ пропѣлъ—вѣрнѣе пробурчалъ это прямо въ чашу, какъ въ рупоръ, не отрывая отъ чаши губъ. Мы, трое причастившихся, закусили губы, чтобы удержаться отъ смѣха—такъ необычно звучалъ голосъ дьякона изъ чаши.

Наконецъ все кончилось. Священникъ сказалъ намъ на прощанье еще нѣсколько кислыхъ словъ, пообѣщавъ на экзаменѣ убавить отмѣтку. Мы выслушали его съ наклоненными головами и вышли изъ церкви въ самомъ веселомъ настроеніи. Смѣясь, мы повторяли другъ другу: „Что взялъ!“ И если бы мы въ эту минуту были вообще расположены къ молитвѣ, наши горячія молитвы вознеслись бы къ небу за нашего нѣмца-директора.

Мы, однако, не забыли, что намъ еще предстоитъ „имѣть дѣло съ нимъ“, и не безъ страха ожидали, что-то будетъ. Но когда мы пришли къ нему, онъ только спросилъ:

— Что же, получили причастіе?

— Да.

Гейнрихъ Ивановичъ только обвелъ насъ всѣхъ троихъ сердитымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ну и убирайтесь по мѣстамъ. Болваны!

Мы расшаркались, раскланялись и какъ на крыльяхъ понеслись домой. Мы смѣялись, мы прыгали отъ радости, и были совершенно согласны, что мы—„болваны“. Мы сами себѣ уясняли, что вѣдь не будь это именно въ церкви, во время нашего праздностоянія, ни одинъ изъ насъ нигдѣ, никогда бы не отличился такой неделикатностью. Но тутъ, на этотъ разъ, былъ какой-то особый задоръ, какое-то особое, неясно сознаваемое желаніе показать неуваженіе къ тому, что̀ насъ принуждали считать святыней, но къ чему не умѣли вызвать у насъ благоговѣйнаго отношенія.

III.

Я пробылъ въ гимназіи только годъ. Перейдя съ похвальнымъ аттестатомъ въ пятый классъ, я продолжалъ-было и въ пятомъ идти первымъ или однимъ изъ первыхъ учениковъ. Но уже въ началѣ учебнаго года я долженъ былъ прекратить, по совѣту доктора, мое гимназическое ученье. У меня сильно болѣла грудь, нервы были расшатаны—результатъ чрезмѣрнаго умственнаго напряженія и слишкомъ ранняго умственнаго развитія. Весной докторъ предписываетъ мнѣ кумысъ, и я ѣду на нѣсколько недѣль въ Самару, одинъ. А съ осени меня посылаютъ на „чистый воздухъ“, жить въ деревнѣ, на только-что купленномъ отцомъ новомъ винокуренномъ заводѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Казани.

Проходитъ годъ практической торговой дѣятельности, кутежей и безпорядочнаго чтенія, и эта жизнь уже начинаетъ тяготить меня. Она мнѣ просто надоѣла, она не даетъ мнѣ удовлетворенія. Случайно у меня происходитъ съ отцомъ крупная ссора—и этого было достаточно, чтобы во мнѣ созрѣла рѣшимость самымъ кореннымъ образомъ измѣнить мою жизнь. Мнѣ предстоялъ выборъ: или быть болѣе или менѣе праздным̀ъ, богатымъ, веселящимся сыномъ богатаго отца, управляющимъ по довѣренности отцовскими дѣлами, но во всемъ находящимся въ зависимости отъ отцовской воли, или быть самостоятельнымъ работникомъ, независящимъ въ средствахъ существованія отъ кого бы то ни было, кромѣ собственныхъ силъ и труда. Я выбралъ послѣднее. И тогда мнѣ стало ясно, что для независимости мнѣ нужно прежде всего систематическое образованіе. Мнѣ шелъ

восемнадцатый годъ. Здоровье мое къ этому времени значительно поправилось. Я рѣшилъ уѣхать куда-нибудь подальше и выработать въ себѣ способность къ самостоятельному труду, не надѣясь ни на какія поблажки, не надѣясь на наслѣдство.

Я поѣхалъ въ Москву, чтобы готовиться тамъ къ поступленію въ Московское Техническое Училище. Отецъ назначилъ мнѣ стипендію. Я платилъ 25 руб. въ мѣсяцъ за комнату съ полнымъ пансіономъ. Это говоритъ за то, что условія моей московской жизни были въ достаточной степени спартанскія.

Судьба столкнула меня въ Москвѣ съ человѣкомъ, проведшимъ значительную часть своей жизни въ религіозныхъ исканіяхъ и дошедшимъ до полнаго отрицанія смысла жизни. Магистръ богословія, бывшій псаломщикъ посольской церкви въ Женевѣ, Н. М. Г—овъ, потерявъ вѣру въ свою богословскую науку, потерявъ прежде всего вѣру въ самого Бога, не захотѣлъ заниматься „духовнымъ ремесломъ“, какъ онъ говорилъ, и когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ класснымъ воспитателемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Въ то же время онъ сотрудничалъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ Гилярова-Платонова и въ другихъ московскихъ газетахъ.

Я подробно и правдиво описалъ и мою московскую жизнь, и личность этого философа-алкоголика въ моей повѣсти: „Цѣль вашей жизни?“, гдѣ я вывелъ его подъ именемъ Николая Петровича Хрусталева.

Какъ и мой гувернеръ Б., Г—въ отказался отъ духовной карьеры по убѣжденію, какъ и мой гувернеръ, онъ былъ человѣкъ начитанный, сердечный, умный—но какой контрастъ въ отрицательномъ отношеніи къ жизни и къ религіи у того и у другого! У нѣмца была поэзія, была вѣра въ нахожденіе новыхъ, невѣдомыхъ путей къ невѣдомому Богу,—у русскаго была сплошная безнадежность найти что-нибудь свѣтлое въ самомъ существованіи міра, какъ онъ есть. И мнѣ теперь приходилось нерѣдко сопоставлять въ своихъ размышленіяхъ міросозерцаніе обоихъ этихъ моихъ „учителей жизни“. Б. освободилъ мою молодую здоровую душу отъ всякихъ узъ, которыми связывали ее религіозныя вѣрованія; Н. М. Г—въ отравилъ ее ядомъ жгучаго сомнѣнія въ цѣлесообразности всего сущаго, но ему же я обязанъ тѣмъ, что вопросъ о существованіи Бога сталъ для меня тѣсно связаннымъ съ исканіемъ цѣли жизни. Раньше, отвергая идею не только личнаго, но и какого бы то ни было Бога, признавъ не только ненужной, но и вредной всякую религію, усвоивъ себѣ матеріалистическое міровоззрѣніе, самъ полный

силъ и жажды жизни, я никогда не задавалъ себѣ вопроса *о цѣли жизни* такъ прямолинейно, какъ онъ былъ поставленъ предо мной Николаемъ Михайловичемъ; теперь я говорилъ себѣ, что, найдя одно, я найду и другое.

Мое отрицательное отношеніе ко всѣмъ существующимъ религіямъ не измѣнилось. По прежнему я отвергалъ существованіе того конкретнаго Бога, всѣ свойства котораго я до мельчайшихъ подробностей зналъ не только изъ Священной Исторіи, но уже и изъ катехизиса. И чѣмъ точнѣе были эти знанія, преподанныя мнѣ какъ точная наука, тѣмъ съ большей увѣренностью смотрѣлъ я на нихъ какъ на чистѣйшую миѳологію. Но теперь, когда я жилъ въ Москвѣ, ни съ которой стороны не тревожимый церковью и ея обрядами, и имѣя подъ бокомъ такого богослова-отрицателя, какъ Н. М., я иногда чувствовалъ влеченіе къ московскимъ святынямъ, къ древнимъ храмамъ Москвы, ко всей поэзіи *былой* православной Руси.

Эти тогдашнія настроенія мои были, конечно, не столько религіознаго, сколько эстетическаго характера. Скудость внѣшней обстановки и отсутствіе свѣтлыхъ впечатлѣній въ моей личной жизни въ Москвѣ невольно заставляли меня переноситься къ прошлому. А въ ряду картинъ этого прошлаго, въ ряду воспоминаній дѣтства, когда вспоминалось все, рѣшительно все, воскресали въ памяти и картины религіозныхъ обрядовъ, и самыя первыя религіозныя впечатлѣнія, наивная дѣтская вѣра и молитва. И я чувствовалъ, что теперь мнѣ было бы жаль разстаться со всѣмъ этимъ. Тѣмъ болѣе казалось мнѣ печальнымъ лишать такихъ праздничныхъ воспоминаній тѣхъ, у кого и все-то дѣтство, а иногда и вся жизнь—сплошныя сѣренькія будни. Я чувствовалъ: нужна красота, въ чемъ бы она ни выражалась, и прежде всего красота въ душевныхъ ощущеніяхъ, красота въ настроеніи. Мое сердце говорило мнѣ, что *отрицаніе*, какимъ я видѣлъ его у представителей „нигилизма“, не было этой *красотой*. Истина должна быть непремѣнно *прекрасна*, иначе ея и не нужно, иначе не стоитъ искать ее.

И обрядовая сторона религій,—разъ религіи вообще существуютъ, разъ признано существованіе Бога,—уже не казалась мнѣ теперь такой ненужной, такой затемняющей истину, какъ я думалъ раньше.

Отрицаніе, доведенное моимъ пьянымъ философомъ до абсурда, приводило меня, въ видѣ реакціи, къ выводамъ совершенно другого рода, чѣмъ можно было ожидать.

Въ ту же зиму я получилъ изъ Казани телеграфное извѣстіе,

что моего отца разбилъ параличъ и что мое присутствіе необходимо дома для веденія дѣлъ. И я сейчасъ же поѣхалъ.

IV.

Когда я пріѣхалъ изъ Москвы въ Казань, отецъ только-что началъ вставать съ постели послѣ постигшаго его удара. Опасность миновала, онъ поправлялся, но слѣды паралича были замѣтны рѣзко. Онъ волочилъ правую ногу, правая рука едва могла дѣлать привычныя движенія; онъ забывалъ многія слова, а то, что говорилъ, говорилъ съ какимъ-то своеобразнымъ скаканіемъ, точно спотыкался послѣ каждаго слова. Его мускулистыя, сильныя руки похудѣли и были слабы какъ у женщины. Человѣкъ еще недавно мощный физически и духовно, онъ былъ теперь слабъ и безпомощенъ.

Обстоятельства требовали, чтобы я остался при отцѣ заниматься его дѣлами, и я остался.

Эти торговыя занятія на цѣлый годъ захватили меня совершенно, и мнѣ некогда было въ это время ни читать, ни думать. И если мысль продолжала еще иногда работать въ привычномъ направленіи исканія смысла жизни, исканія истины, исканія Бога, то это было только между другими дѣлами, попутно.

Но въ смыслѣ моего дальнѣйшаго духовнаго развитія и этотъ годъ при больномъ отцѣ прошелъ для меня все-таки не безслѣдно. Я не могъ не задумываться надъ непрочностью всего земного, когда передо мною былъ такой примѣръ, какъ отецъ. Физически онъ уже черезъ три-четыре мѣсяца опять окрѣпъ настолько, что могъ помѣряться силой со мной; но рѣзко измѣнились его духовныя способности: все, что его память пріобрѣла въ послѣдніе годы, точно слетѣло съ поверхности, а изъ глубины какъ будто выглянуло то, что укоренилось тамъ въ прежніе, болѣе молодые годы. Широкій интересъ къ общественной жизни, къ прогрессивному движенію человѣческой мысли какъ-то совершенно исчезъ, но зато тѣмъ ярче выступила наружу покорность волѣ Божіей. Его религіозность прежде не мѣшала ему проявлять и удаль, и веселость, и чисто языческую жажду наслажденія; теперь все это смѣнилось христіанскимъ смиреніемъ, усиленными постами и молитвами, сокрушеніемъ о грѣхахъ. Жажда богатства и власти смѣнилась проповѣдью нестяжанія, покорности. Онъ часто повторялъ:

— Я выздоровѣлъ отъ моей прежней жизни. Я уже больше

не хозяинъ своего дѣла, я — Божій приказчикъ. И всѣ люди должны работать, какъ Божьи приказчики. Я волею Божьей исцѣленъ отъ слѣпоты.—

Для меня онъ былъ теперь новой загадкой въ вопросѣ о безсмертіи души. Сознаніе возможности такъ быстро перевоплотиться изъ человѣка духовно сильнаго въ нищаго духомъ, какъ это случилось съ нимъ, заставило меня еще разъ задуматься и о безсмертіи вообще, и о цѣлесообразности такихъ законовъ природы, которые невѣдомо зачѣмъ и почему совершаютъ надъ человѣкомъ такія метаморфозы. Мое всегдашнее стремленіе ничего не бояться распространялось само собой и на смерть. Но я все-таки любилъ эту земную жизнь со всѣми ея тревогами, со всѣмъ разнообразіемъ ея красоты. Исчезновеніе изъ жизни казалось мнѣ не столько страшнымъ, сколько нелѣпымъ, загадочнымъ. Вѣдь небытіе, которое сулило мнѣ матеріалистическое міропониманіе, было ничѣмъ не привлекательнѣе рая тетушки Марьи Яковлевны. Пожалуй, наоборотъ: представленіе о возможности загробной жизни скрашивало переходъ въ небытіе, даже при сознаніи всей призрачности этой будущей жизни, всей необезпеченности осуществленія ея. Вѣдь ее можно представлять себѣ такой, какой хочешь,— какъ это и дѣлалось всегда разными народами въ разные вѣка. И вотъ, въ раздумьи о возможности существованія безсмертныхъ душъ—а можетъ-быть и какъ доводъ противъ безсмертія,—я тогда задавалъ себѣ вопросъ: въ какомъ же видѣ явится душа моего отца въ томъ загробномъ мірѣ, куда онъ разсчитываетъ переселиться? Для меня онъ теперь былъ уже двойственнымъ человѣкомъ: одинъ—до болѣзни, другой—послѣ нея. Это были двѣ совершенно *разныхъ души*. Которая же изъ двухъ воскреснетъ? Почему та или другая? Если воскреснетъ та, которая будетъ въ его тѣлѣ, когда онъ умретъ, то куда же дѣвалась та, которая была до болѣзни—душа во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сильная, болѣе интересная, болѣе отвѣтственная? Если же на томъ свѣтѣ нужна именно та душа, которая поддерживаетъ тѣло до его послѣднихъ дней, то зачѣмъ именно столько времени этой жалкой земной оболочкѣ—тѣлу—подчинена безсмертная душа, которая одна только и удостоивается „жизни вѣчной“? Говорятъ, души младенцевъ всегда попадаютъ въ рай за то, что они еще не успѣли нагрѣшить; такъ почему бы, въ такомъ случаѣ, изъ человѣколюбія не убивать младенцевъ, прежде чѣмъ жизнь заставитъ ихъ сдѣлаться грѣшниками? Я въ то время гдѣ-то прочелъ, что средневѣковые богословы разсматривали и такіе вопросы: „сколько ангеловъ можетъ умѣ-

ститься на остріи иголки?“ Такъ ужъ съ гораздо большимъ уваженіемъ могъ я отнестись къ моей мысли: сколько же милліардовъ безсмертныхъ душъ должно было накопиться въ теченіе тысячелѣтій съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, и сколько ихъ еще накопится? Какъ же велики должны быть рай и адъ, чтобъ вмѣстить ихъ?

Такіе и подобные вопросы возникали у меня тогда по тому или иному поводу. Какой-нибудь основатель секты могъ бы положить ихъ въ основу догматовъ своего ученія и страстно отстаивать то или иное рѣшеніе ихъ, какъ непреложную истину. Но меня они ничуть не трогали, и самый вопросъ о безсмертіи былъ для меня лишь холоднымъ вопросомъ ума, а не волнующимъ вопросомъ сердца.

Выздоровленіе отца шло довольно быстро. Лѣтомъ онъ съѣздилъ за границу, и хотя слѣды паралича остались и послѣ лѣченія на водахъ, все-же онъ могъ теперь уже и самъ заниматься своими дѣлами. У него опять появился нѣкоторый интересъ къ „земному“. И въ слѣдующую же зиму я рѣшилъ снова уѣхать изъ Казани. Если прежде у насъ возникали съ отцомъ разногласія по вопросамъ семейнаго или общаго характера, то теперь разногласія появлялись уже и на чисто дѣловой почвѣ. По мѣрѣ того, какъ я выросталъ, а онъ старѣлъ, мы все больше и больше расходились съ нимъ во взглядахъ на дѣла и на людей. Домашняя жизнь, домашній комфортъ, въ который я опять попалъ послѣ моего жалкаго пребыванія въ Москвѣ, одно время приковали-было меня къ дому. Но съ другой стороны узость домашнихъ и торговыхъ интересовъ, домашнія дрязги, заставили меня опять вспомнить о той свободѣ духа, которою я пользовался въ своемъ одиночествѣ въ Москвѣ. Я рѣшилъ теперь довести-таки до конца мое намѣреніе стать на ноги, получивъ систематическое образованіе. Отецъ не хотѣлъ противиться моему желанію и отпустилъ меня при первой возможности.

V.

Былъ конецъ января, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ. Его яркая, пестрая жизнь сначала захватила меня. Но я старался бороться съ соблазнами. У меня не было ни времени, ни охоты кружиться въ водоворотѣ развлеченій, какія могла мнѣ дать столица; не хватало на нихъ и тѣхъ скромныхъ средствъ, какими я опять располагалъ тогда отъ отца. Я усердно занимался,

готовясь къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Мнѣ, вышедшему изъ пятаго класса гимназіи въ началѣ учебнаго года, предстояло самостоятельно пройти курсъ за четыре года—V, VI и два года VII-го класса. Это значило пройти его въ четыре мѣсяца, еслибъ я захотѣлъ держать выпускной экзаменъ въ эту же весну. Такого намѣренія у меня первоначально не было и въ мечтахъ.

И вдругъ оно явилось.

Явилось оно какъ случайный результатъ похмѣлья послѣ одной безпутной ночи, проведенной въ кружкѣ товарищей, которые у меня какъ-то неожиданно скоро завелись въ Петербургѣ. Товарищи эти были студенты разныхъ учебныхъ заведеній, но все первокурсники и всѣ изъ псковской гимназіи. Отъ нихъ я зналъ, что въ Псковѣ можно прожить гораздо дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ, что бороться съ соблазнами тамъ не приходится, развлеченій тамъ никакихъ нѣтъ, и можно заниматься, живя отшельникомъ; а главное — греческій языкъ былъ введенъ тамъ только за годъ передъ этимъ, преподавался пока только въ IV-мъ и V-мъ классахъ, и выпускной экзаменъ предстояло держать съ однимъ латинскимъ. Правило это распространялось не только на учениковъ гимназіи, но и на экстерновъ. Все это, вмѣстѣ взятое, увлекло меня изъ Петербурга въ Псковъ.

Съ апрѣля я уже жилъ тамъ. Я нанялъ комнату съ полнымъ пансіономъ у одного изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, но не хотѣлъ знакомиться даже съ моими хозяевами. Съ утра до ночи просиживалъ за учебниками. Умственныя силы, опять накопившіяся за время послѣдняго пребыванія на отцовскомъ заводѣ, были еще свѣжи, и занятія шли успѣшно. Все прочитанное усваивалось сразу, не надо было и заучивать.

И тогда мнѣ пришла мысль: сдѣлать репетицію того экзамена, который я буду окончательно держать ровно черезъ годъ. Пойду на вѣрный провалъ по нѣкоторымъ предметамъ, зато по другимъ несомнѣнно выдержу. Это мнѣ ничуть не повредитъ, а ознакомитъ меня съ требованіями экзаменаторовъ и ознакомитъ ихъ со мной. Только и всего.

И я начинаю заниматься еще усерднѣе, еще напряженнѣе.

Весна. „Выставляется первая рама“... Повѣяло тепломъ, вскрылись Пскова и Великая, по берегамъ ихъ зазеленѣла трава, стали опушаться березы. Это было сильнѣе всякихъ соблазновъ Петербурга. Меня потянуло изъ комнатъ на волю. Душа почуяла близкое присутствіе Бога, незримо творящаго жизнь, и захотѣлось прильнуть душой къ этому благостному Творцу, слиться съ радостью рожденія каждаго новаго листка, каждаго вновь сви-

таго гнѣзда и каждаго бѣленькаго облачка, проплывшаго по синевѣ весенняго неба.

По счастію, въ моихъ занятіяхъ я не былъ связанъ мѣстомъ: мнѣ не надо было сидѣть въ классѣ, какъ гимназистамъ, у меня не было ни уроковъ ни репетиторовъ. Моя гимназія—я самъ и мои книги. И каждое утро, въ ясные солнечные дни, я забиралъ свои учебники, тетради, карандаши и шелъ заниматься на берегъ Великой. И, бывало, иду мимо зданія гимназіи и бросаю на нее и любовный, и вызывающій взглядъ: мы съ ней скоро помѣряемся.

Ухожу за давно дряхлѣющую крѣпостную стѣну стараго Пскова, ухожу къ подножію башни Стефана Баторія, и устраиваю тамъ, въ полномъ одиночествѣ, свою классную, — располагаюсь на молодой зеленой травѣ, какъ на коврѣ. Надо мной — синее небо и солнце, подо мной—отраженіе и солнца, и неба въ водахъ Великой, а за рѣкой—сосновая роща съ бѣлѣющимъ въ ней каменнымъ барскимъ домомъ, безпорядочно раскиданные по берегу домики Завеличья, и древняя церковь Пароменья съ ея разнообразными главами, съ ея старинной низкой „звонницей“ вмѣсто колокольни.

Мое вниманіе на время отвлечено этой картиной. Она мила мнѣ. Но я уже присмотрѣлся къ ней, я только — не словами, взглядомъ—говорю ей: „доброе утро!“—и сейчасъ же углубляюсь въ свои книжки, учусь. Осилю какой-нибудь отдѣлъ изъ физики, или прочту границы, климатъ, флору и фауну какой-нибудь страны изъ географіи—и, въ видѣ отдыха, взгляну опять на небо, на рѣку, на лѣсъ, на все кругомъ.

И вдругъ почувствую: родное все это! Милое. Такое хорошее-хорошее! Я вотъ сейчасъ читалъ про далекія, чудныя, чужія страны; манитъ меня туда, я знаю — увижу тамъ такое, чего нѣтъ и не будетъ здѣсь, такое, что, рядомъ съ этимъ скромнымъ обликомъ родного сѣвера, покажется сказкой; но то—чужое, а это здѣшнее—мое. Съ этимъ здѣшнимъ у меня неразрывная связь, восходящая до временъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Мгновенно, какъ молнія, зигзагомъ по небу, мелькнетъ въ памяти все это многообразное и многозначительное прошлое моего роднаго народа, и я почую въ этомъ родствѣ свою связь и съ безконечнымъ будущимъ его, и чрезъ него мою связь съ вѣчностью, мое безсмертіе, мою безсмертную душу...

Псковъ своей внѣшностью сначала не произвелъ на меня хорошаго впечатлѣнія: смѣсь старины глубокой съ современнымъ мѣщанствомъ, и въ эту русскую основу вкраплены, гдѣ попало, постройки чисто нѣмецкой архитектуры: вліяніе близости

прибалтійскаго края. Но когда я привыкъ къ нему, я полюбилъ его. Я полюбилъ въ немъ все то, что напоминало старину. И какая-нибудь маленькая церковка невѣдомаго мнѣ далекаго вѣка нерѣдко заставляла меня забывать всю окружающую современность, переноситься мечтою въ прошлое и мысленно жить среди людей того прошлаго, жить ихъ жизнью, считаясь съ ихъ взглядами и понятіями—но жить, обладая всѣми *моими* теперешними знаніями, теперешними понятіями. Это, можетъ-быть, было безсознательное творчество уже таившагося во мнѣ художника-бытописателя.

Но, переносясь мысленно въ русскую старину, я гораздо меньше интересовался внѣшней стороной тогдашняго быта, чѣмъ духовной сущностью людей того времени. Они представлялись мнѣ болѣе сильными духомъ, болѣе цѣльными людьми, чѣмъ мы, ихъ потомки. Они, казалось мнѣ, были отважнѣе, были болѣе способны на всякіе подвиги, были рѣшительнѣе насъ, когда для достиженія какой-нибудь цѣли приходилось ставить на ставку самую жизнь.

„Не потому ли, что они были глубоко религіозны?“—задавалъ я себѣ вопросъ.

И я отвѣчалъ себѣ: „Да!“

Не только отдѣльные люди — *вся* древняя жизнь была проникнута вѣрой въ Бога; нельзя себѣ представить человѣка тѣхъ временъ невѣрующимъ, и эта вѣра давала тѣмъ людямъ огромную духовную силу, позволявшую имъ, если только они исполняли свой долгъ, не бояться ни ужасовъ жизни, ни тайны смерти: всемогущій Богъ былъ имъ помощникъ при жизни и издовоздатель по смерти.

Но какая же была нужна отвага людямъ другихъ, позднѣйшихъ поколѣній, людямъ нашего вѣка, чтобъ отвергнуть Бога и всѣхъ боговъ? Отвергнуть и помощь, и награду, взять все на свои человѣческія плечи, на свою свободную волю взять всю отвѣтственность за свои дѣйствія, и одинокимъ встать лицомъ къ лицу предъ непостижимой тайной міра. Какая духовная сила нужна была для этого!

А я всегда и во всемъ искалъ и любилъ силу. И Богъ для меня, гдѣ бы Онъ ни объявился, могъ быть только Силой. Кто же больше и сильнѣе: тѣ ли, кто, во имя Бога, подъ тяжелымъ крестомъ жизни, твердо, неуклонно блюдутъ „законы божескіе“, въ упованіи получить за это и божью помощь, и божью награду—или тѣ, чья душа, отвергнувъ все, что не вмѣщается въ ней самой, отвергнувъ всякую помощь извнѣ, хочетъ жить въ этомъ

мірѣ и владѣть этимъ міромъ только собственными силами? Въ комъ же изъ двухъ больше божеской силы, въ комъ больше *Бога?..*

Я стоялъ на распутьи. Я не могъ дать себѣ яснаго отчета, почему я совершенно одинаково люблю и тѣхъ, чья душа свѣтла горячей вѣрой въ Бога, и тѣхъ, чья душа свѣтла гордымъ невѣріемъ въ Него.

VI.

Послѣ всего, что̀ мною до сихъ поръ разсказано, мнѣ надо собрать все свое мужество, чтобъ разсказать то, въ чемъ даже и самому себѣ иногда не хочется признаться и что всегда вспоминается съ чувствомъ трудно подавляемой неловкости. Но я хочу быть простосердечно искреннимъ до конца, и, раскрывая тайны моей души, не хочу скрыть ни одной.

Подготовляясь къ экзаменамъ, я увидѣлъ, что выдержу ихъ удовлетворительно всѣ, за исключеніемъ двухъ: латинскаго и исторіи. Подумавъ, я рѣшилъ совсѣмъ и не готовиться по этимъ двумъ предметамъ, чтобъ не терять на нихъ ни часу дорогого времени, и не экзаменоваться, когда до нихъ дойдетъ очередь.

Экзамены начались, какъ полагается, съ письменныхъ работъ. Первымъ было — сочиненіе. Тема: „Слово о полку Игоревѣ, какъ литературный памятникъ“. Я былъ счастливъ: въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ я зналъ почти всѣ лучшія мѣста наизусть. Сочиненіе, которое я написалъ, показалось совѣту гимназіи чѣмъ-то выходящимъ изъ ряда вонъ. Помнится, оно было проникнуто поэзіей и красиво сложено. Большія цитаты на память изъ подлинника были сдѣланы на древне-славянскомъ безошибочно. И послѣ этого перваго экзамена все гимназическое начальство отнеслось ко мнѣ съ такимъ благоволеніемъ, о какомъ я и не мечталъ.

На слѣдующихъ письменныхъ экзаменахъ я вполнѣ удовлетворительно разрѣшилъ всѣ задачи по ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи и безукоризненно написалъ переводъ съ французскаго и нѣмецкаго, но зато письменный переводъ съ русскаго на латинскій оказался ниже всякой критики: слѣдовало бы поставить единицу, но мнѣ поставили двойку — только изъ желанія дать мнѣ возможность продолжать экзамены. Члены совѣта гимназіи все еще находились подъ обаяніемъ моего сочиненія по русскому языку и готовы были сдѣлать все возможное, чтобъ не лишить меня аттестата; они надѣялись, что на устномъ экза-

менѣ по латинскому я можетъ-быть какъ-нибудь отвѣчу на тройку. Это возбуждало надежду и у меня. Я сознавалъ, что мои сверхпрограмныя познанія въ латыни, которыми я могъ хвастаться, когда учился въ IV-мъ и V-мъ классахъ гимназіи, были значительно менѣе того, что̀ требуется по программѣ для выпускного экзамена. Да и эти старыя познанія значительно испарились въ послѣдніе годы, когда я латинскихъ книгъ не бралъ въ руки. Но я все-таки рѣшилъ попробовать подготовиться. На устныхъ экзаменахъ латинскій языкъ стоялъ первымъ по очереди. Всѣ дни и ночи, какіе были даны на подготовку, я, напрягая до послѣдней степени свои силы, занимался латинской грамматикой. Однако и на устномъ экзаменѣ по латинскому я дальше двойки не пошелъ. Мнѣ все-таки позволили держать всѣ слѣдующіе устные экзамены, и я выдерживалъ ихъ какъ нельзя лучше.

Но впереди былъ послѣдній, самый опасный камень преткновенія: экзаменъ исторіи.

Во всю мою жизнь, отъ юности и до сего времени, я никогда не зналъ годовъ историческихъ событій. Хронологія была для меня наукой положительно недоступной. Къ генеалогіи историческихъ лицъ я относился съ глубочайшимъ пренебреженіемъ. Зная многое изъ Бокля и Маколея, я совсѣмъ не зналъ Иловайскаго. Теперь, надѣясь на свою память, я передъ самымъ экзаменомъ прочелъ, какъ успѣлъ, его учебники. Но не только не было возможности заучить такъ скоро хронологію, но и всѣ событія сплелись въ моей памяти въ величайшую путаницу.

И вотъ тутъ я, единственный разъ въ моей жизни, малодушничалъ самымъ постыднымъ для меня образомъ.

Я зналъ, что отъ экзамена по исторіи, только отъ него одного, зависитъ полученіе мною аттестата зрѣлости. Мнѣ захотѣлось получить его во что бы то ни стало, не смотря на недостаточность знаній. Что̀ такое знаніе! То, что̀ потребуетъ отъ меня въ свое время жизнь, я въ свое время долженъ буду сумѣть и самъ пополнить безъ экзаменовъ. А теперь — только бы, не теряя лишній годъ, получить аттестатъ!

И, постепенно наростая, это желаніе стало такъ сильно, что вылилось у меня жаждой чуда, жаждой вѣры въ помощь Вышнихъ Силъ. Вѣрятъ же милліоны людей въ Святую Троицу! И я основательно выучилъ три билета изъ исторіи наудачу: одинъ билетъ на Бога Отца, другой на Сына, третій на Св. Духа. Кто-нибудь изъ Троицы долженъ же помочь мнѣ! И я въ ночь передъ экзаменомъ самымъ серьезнымъ образомъ молился и Отцу, и Сыну, и Св. Духу, молился, стоя на своей постели на колѣ-

няхъ—совсѣмъ по-дѣтски. Это было не лицемѣріе, не надежда обмануть Бога: это была молитва, полная самой искренней вѣры. Быть-можетъ, чтобъ не казаться самому себѣ смѣшнымъ, я обманывалъ этой вѣрой самого себя, но я говорилъ себѣ: „я хочу вѣрить!“ И въ эти минуты я вѣрилъ, сколько это возможно для человѣческой души. Самъ апостолъ Ѳома не могъ быть болѣе искреннимъ, чѣмъ я. „Вѣрую, Господи, помози невѣрію моему“. Для меня въ эту ночь рѣшался не просто вопросъ объ экзаменѣ по исторіи,—рѣшался вопросъ о существованіи Бога: Бога моего отца, Бога моего родного народа, Бога всего цивилизованнаго человѣчества. Экзаменъ самъ по себѣ уже отходилъ на задній планъ: я только страстно хотѣлъ, чтобы Богъ явилъ мнѣ себя этимъ чудомъ дарованія мнѣ одного изъ трехъ выбранныхъ билетовъ. Мнѣ не казалось мое моленіе ни смѣшнымъ, ни недостойнымъ. Христосъ позволилъ апостолу Ѳомѣ вложить персты въ язвы; неужели Онъ не захочетъ открыть мнѣ сегодня праведный путь для всей моей дальнѣйшей жизни? Мнѣ было девятнадцать лѣтъ. О, какъ я хотѣлъ тогда, чтобы Богъ существовалъ, чтобы Онъ услышалъ меня!..

Проснувшись на другой день утромъ, я вспоминалъ мою вчерашнюю молитву, какъ сонъ. Я уже не смѣлъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, была ли это дѣйствительно жажда вѣры или только психозъ, вызванный экзаменаціоннымъ переутомленіемъ. Не была ли эта молитва такой же, какъ молитва моего отца Николаю Чудотворцу о спасеніи ихъ парома въ бурю?

И когда я пошелъ въ гимназію, я былъ настроенъ тревожно. Я не зналъ, что̀ больше страшило меня: то ли, что я могу провалиться, или то, что могу выдержать экзаменъ. Я шелъ и думалъ: что, если мнѣ попадется одинъ изъ выученныхъ билетовъ? Вѣдь я тогда уже больше не могу не вѣрить въ Бога. Иначе я буду подлецомъ предъ самимъ собой. А вѣрить—это вѣдь значитъ вѣрить во все, во что̀ вѣрятъ и мой отецъ, и тетушка Марья Яковлевна. Выдержать теперь этотъ экзаменъ по выигрышному билету — значитъ провалить всѣ знанія, ранѣе пріобрѣтенныя мною изъ всѣхъ тѣхъ дивныхъ книгъ, которыя я читалъ когда-то съ такимъ увлеченіемъ, всѣ ихъ промѣнять на знаніе текстовъ изъ катехизиса да на учебникъ Иловайскаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ моя вчерашняя молитва казалась мнѣ такой искренней, казалась такимъ безкорыстнымъ исканіемъ Бога во имя Бога, что еще и сегодня, подходя къ экзаменаціонному столу, я не смѣлъ отвергнуть въ душѣ этого чуда. Я только въ новомъ припадкѣ

малодушія старался не думать о немъ. Какъ человѣкъ, бросающійся въ пропасть, я закрылъ на это мгновеніе глаза.

И—о, радость! Ожидаемаго не совершилось, а совершилось другое чудо: воспрянула свободная душа и поклонилась другому Богу—своей свободѣ.

Я сохранилъ самую лучшую память о членахъ педагогическаго совѣта псковской гимназіи: совершенно незнакомый имъ, пришлый юноша, котораго они видѣли въ первый разъ, я пользовался на рѣдкость сердечнымъ вниманіемъ съ ихъ стороны. Но билетъ на экзаменѣ исторіи я вынулъ такой, по которому я не могъ отвѣтить ровно ничего. Меня попробовали погонять по всему курсу, спрашивали года, генеалогію и какія-то событія изъ удѣльно-вѣчевого періода, предложили по крайней мѣрѣ десятка два вопросовъ и, сокрушенно переглянувшись между собой, поставили мнѣ единицу. Я съ улыбкой раскланялся и, сказавъ преподавателямъ: „До свиданія, до будущаго года!“—съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ изъ гимназіи.

На улицѣ ликовалъ чудный іюньскій день. Голубое небо было безоблачно; всюду, гдѣ только изъ-за заборовъ свѣшивалась надъ тротуаромъ вѣтка липы или березы, пахло свѣжей зеленью, и я поспѣшилъ выйти за городъ. Развалившись на травѣ, я смотрѣлъ на голубое небо, на зеленѣющую даль поля, на березовый лѣсокъ вдали,—любовно смотрѣлъ на все и прислушивался, какъ громыхалъ желѣзнодорожный поѣздъ, а надо мной вился жаворонокъ и пѣлъ какую-то звонкую-звонкую пѣсню. Вся природа ликовала въ этотъ день, и вмѣстѣ со всей природой ликовала моя отнынѣ навсегда свободная душа: Бога больше не было! Не было христіанскаго Бога: не было ни Отца, ни Сына, ни Духа Свята. Они умерли для меня въ этотъ ликующій день, какъ умерли нѣкогда свѣтлые боги Эллады и Рима, съ приходомъ новаго Бога, Бога, распятаго на крестѣ. Я чувствовалъ въ этотъ часъ такую свободу, какой ни раньше, ни потомъ никогда въ жизни не чувствовалъ.

Вотъ подлинная выписка изъ того, что̀ мною было тогда записано на̀скоро себѣ на память:

„Псковъ, 10 іюня 1872 г.

Экзаменъ не выдержанъ. Что-жъ! Я не жалѣю и не досадую. До будущаго года!

. . . . . .

...Я радъ даже, что не выдержалъ экзаменъ, потому что иначе у меня опять засѣла бы въ головѣ idée fixe, я вѣрилъ бы и не вѣрилъ. Можетъ ли быть Богъ? Для меня *за* эту идею

только то: почему у всѣхъ народовъ Богъ? А противъ: что онъ такое? Для египтянина онъ—быкъ, для индѣйца—солнце, для гвебра—огонь, для грека—человѣкъ всесовершенный, для іудея—тоже, но съ другимъ характеромъ. У насъ — уже три Бога... Такого общаго для всѣхъ Бога, къ которому бы можно было приложить одну изъ религій, хотя бы очищенную отъ украшеній, не существуетъ. Какъ ничтоженъ человѣкъ съ его землей, когда и солнце и его система есть только капля въ громадномъ *дискѣ* безчисленныхъ міровъ. Какое имѣетъ право земля одна рѣшать, что такое богъ, и почему онъ такъ много долженъ заниматься землей?.. Зачѣмъ допускаетъ онъ на землѣ всѣ бѣдствія надъ добрыми и оставляетъ безнаказанно злыхъ? Зачѣмъ — если онъ имѣетъ всѣ приписываемыя ему качества? „Судьбы его неисповѣдимы!“ Что-жъ, жизнь человѣческая для него шахматная игра, что-ли? Забава? И гдѣ онъ, этотъ Богъ? Допуская одно понятіе о немъ, непремѣнно должны допустить и украшенія. Нѣтъ Бога, который бы занимался хоть сколько-нибудь судьбами человѣчества. Этотъ богъ—жизненная сила, природа, богъ, которому нѣтъ дѣла до того, живы ли мои папаша или мамаша, богъ, который создаетъ и разрушаетъ безцѣльно, самъ не сознавая своего бытія. Религія—игрушка, необходимая человѣчеству, какъ игрушка необходима ребенку. Чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ игрушка эта грубѣе. Для развитого юноши эта игрушка—поэзія, любовь. Такова религія грековъ. Для взрослаго человѣка эта игрушка—идея добра: религія Христа. Дальнѣйшія игрушки—идея труда, долга: суровая религія пуританъ. Безъ этихъ игрушекъ отъ младенчества до старости пуста дѣлается жизнь человѣка. Грустно признаться, что духъ смертенъ, а тѣло безсмертно. Тяжело отрѣшиться отъ загробной жизни. Блаженны вѣрующіе во что бы то ни было! Проклятіе тому, кто старается разрушить эти вѣрованія! Каждая религія хороша и соотвѣтствуетъ своему времени. Всѣхъ выше религія Христа, всѣхъ лучше религія грековъ“.

VII.

Сейчасъ же послѣ неудачнаго моего экзамена я, на данныя мнѣ отцомъ средства, поѣхалъ, отчасти для лѣченія, отчасти для отдыха, одинъ за границу. Всѣ мои учебники я захватилъ съ собой, чтобы не прерывать мою подготовку къ экзамену.

Это была моя первая заграничная поѣздка, изъ которой я вынесъ большой запасъ новыхъ наблюденій и новыхъ настроеній. Между прочимъ—религіозныхъ.

Осматривая Берлинъ, я, конечно, не могъ не посѣтить его знаменитой, въ то время еще новой, синагоги. Мнѣ кто-то посовѣтовалъ послушать пѣніе въ ней при богослуженіи. Я пошелъ туда въ пятницу вечеромъ. И еврейская вечерня такъ увлекла меня, что въ субботу утромъ я уже снова былъ въ синагогѣ, у „обѣдни". Мнѣ не приходится заставлять работать воображеніе и память, чтобъ возстановить теперь мое тогдашнее настроеніе—у меня есть письменное свидѣтельство о немъ: сохранилась выписка, сдѣланная изъ моего письма къ пріятелю, которому я описывалъ мое первое заграничное путешествіе. Поѣздка эта не вызывала у меня того восторженнаго настроенія, какого можно было ожидать и какое я испыталъ при первой моей поѣздкѣ въ одиночествѣ въ Самару, на кумысъ. Напротивъ: я былъ въ какомъ-то разочарованномъ настроеніи. Вотъ, во всей неприкосновенности моего тогдашняго юношескаго стиля, то, что̀ я писалъ моему пріятелю:

„Ѣду ли я, нѣтъ ли, все-то было мнѣ равно! Конечно, все новое, попадавшееся на глаза, интересовало, занимало, оставляло по себѣ впечатлѣніе, наводило на размышленія, и пройти мимо было нельзя. Но гдѣ тѣ прежніе, тѣ чистые восторги, та любознательность, которая каждый новый для меня предметъ оживляла, бывало, какой-то таинственной жизнью? Холодно, пусто было у меня на сердцѣ, и все мнѣ казалось холоднымъ, бездушнымъ. Разъ, одинъ только разъ, ожилъ во мнѣ дѣтскій восторгъ прежнихъ лѣтъ!..

Любите ли вы музыку? Сохранилась ли въ васъ хоть іота вѣры, не говорю въ поповщину, ни даже въ Бога, нѣтъ—одна іота вѣры въ нравственное совершенство, милосердіе и любовь человѣка? Если да—пойдите въ синагогу!—Звучнымъ баритономъ тянетъ раввинъ [1]) божественные речитативы. Высоко, высоко, подъ самый куполъ несутся мягкіе звуки его восторженной молитвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче, тѣмъ выше, сильнѣй раздается хвала Іеговѣ. И вотъ ужъ ангелы подхватили эти звуки и несутъ ихъ къ Творцу. Не замерли еще въ вашемъ ухѣ послѣдніе тоны—вы чутко прислушиваетесь къ нимъ, дорожите секундой, знаете, что эти звуки сейчасъ же смолкнутъ, а они вамъ дороги, вы не разстались бы съ ними—и вотъ уже новыя, новыя, еще болѣе чистыя, болѣе восторженныя ноты понеслись къ небесамъ, въ аккордъ къ прежнимъ, сливаясь съ прежними и точно волны погоняя другъ друга! То не раввинъ поетъ, — вы его не замѣ-

[1]) Канторъ.

чаете, не слышите,—нѣтъ, то весь воздухъ обратился въ звукъ и льется, льется, переливаясь мимо ушей вашихъ въ невыразимой гармоніи. Каждый атомъ поетъ Іегову, Творца и Промыслителя вселенной. Но вотъ звуки пошли мягче, нѣжнѣе, тише. Громко пропѣвъ во всеуслышаніе народамъ славу Творца, вдохновенный жрецъ обращается къ самому Творцу, моля принять его хвалу. Каскадомъ потекли низкіе тоны, робкіе, умоляющіе звуки, и вотъ, какъ послѣдній отголосокъ эхо, замерла въ воздухѣ послѣдняя бархатная нотка. Онъ кончилъ, но въ священномъ восторгѣ стоялъ еще съ поднятыми руками. Медленно опустилъ онъ руки. Все молчало, а я все еще слушалъ. Стройные аккорды раздались вдругъ и быстро оборвались; потомъ опять снова шли аккорды за аккордами. То органъ игралъ прелюдію. Громадный хоръ пѣвчихъ, чистѣйшими дѣтскими голосами, подхватилъ аккорды органа. Быстрый, живой мотивъ раздался отъ края до края и понесся куда-то далеко, увлекая вашу душу: то ангелы возвѣщаютъ смертному, что благосклонно принялъ богъ его молитву. Но вотъ ангелы запѣли свою хвалу: полились нѣжные, ясные, млѣющіе, страстно томительные звуки. Какіе мотивы! И такъ цѣлая всенощная. Строго-холодной рѣчью раввина, которой я, конечно, не понялъ, хотя съ любовью слѣдилъ за его словами, громкими божественными аккордами органа закончилась она. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Я вышелъ изъ синагоги. Сердце было полно".

Сопоставленіе этого письма съ записью, которую я сдѣлалъ для памяти послѣ провала на экзаменѣ, — два документа несомнѣнной искренности,—свидѣтельствуетъ о томъ, какъ въ нашей душѣ въ одно и то же время легко могутъ уживаться не смутныя, а ярко выраженныя настроенія, повидимому несовмѣстимыя: съ одной стороны — достаточно обоснованное отрицаніе самаго бытія Божія, съ другой — страстное влеченіе къ этому Невѣдомому Богу, исканіе связи съ нимъ, жажда религіи. И это при полномъ безразличіи къ тому, какая или чья эта религія, лишь бы проявленія ея въ обрядахъ удовлетворяли эстетическому чувству, лишь бы эмоціи, которыя этими обрядами вызываются, были возвышенны, художественны, свѣтлы. И вѣчно грозный, карающій Іегова могъ подъ звуки свѣтлыхъ пѣснопѣній предстать предо мной въ образѣ Бога-Отца, сердечно пекущемся о своемъ избранномъ народѣ.

Привыкнувъ посмѣиваться надъ бормотаньемъ молитвъ евреями, какъ это я видѣлъ у нашего старика-винокура, я всего менѣе ожидалъ, что богослуженіе въ синагогѣ захватитъ меня своей

красотой. Я встрѣтилъ это настроеніе неподготовленный къ нему. Напротивъ, я съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда увижу Кёльнскій соборъ. Я не разъ слышалъ о немъ отъ Б., я такъ много читалъ о красотѣ готическихъ храмовъ, о томъ особенномъ настроеніи, которое вызываютъ эти точно рвущіяся отъ земли къ небесамъ постройки, съ ихъ стрѣльчатыми сводами, съ ихъ высокими и узкими стрѣлообразными окнами, съ ихъ уходящими въ небо остроконечными колокольнями. Я зналъ, что въ ряду этихъ храмовъ Кёльнскій соборъ занимаетъ первое мѣсто по своей громадности и что, начатый въ XII-мъ столѣтіи, онъ все еще недостроенъ за недостаткомъ средствъ, и что на эту постройку до сихъ поръ этому „нищему“ отовсюду собираютъ пожертвованія. Я зналъ разныя легенды, связанныя съ его постройкой, я зналъ, что католики покланяются въ немъ гробницѣ трехъ волхвовъ, принесшихъ дары Христу-Младенцу, я читалъ подробныя описанія произведеній скульптуры и живописи, украшающихъ его, и этотъ храмъ былъ въ моихъ мечтахъ символомъ торжествующаго католицизма и средневѣковаго изувѣрства. Моя душа не лежала къ нему, и все-таки я думалъ найти въ этомъ храмѣ источникъ новаго религіознаго вдохновенія въ такомъ же духѣ, какъ я неожиданно испыталъ это въ синагогѣ.

И вотъ я въ Кёльнѣ. Мрачный, величественный, весь выточенный изъ сѣраго гранита, весь въ мелкихъ, драгоцѣнныхъ по работѣ, вытесанныхъ изъ того же гранита или изъ мрамора статуяхъ и арабескахъ, стоялъ передо мной der grosse Bettler am Rhein—Кёльнскій соборъ, этотъ гигантъ, которымъ гордится вся католическая Германія. Самый воздухъ въ немъ и вокругъ него долженъ быть наэлектризованъ молитвами милліоновъ вѣрующихъ, побывавшихъ здѣсь.

Но холодно осмотрѣлъ я его снаружи, едва взглянулъ на него внутри, быстро обѣжалъ я Кёльнъ, осматривая другія его достопримѣчательности,—и дальше, въ Аахенъ. Религіознаго настроенія не было. Напротивъ, отъ холодныхъ, сѣрыхъ стѣнъ великаго собора на меня повѣяло тюрьмой. Его, въ это время еще неоконченныя, башни-колокольни съ ихъ усѣченными вершинами напомнили мнѣ соборъ Парижской Богоматери, какимъ я зналъ его по рисункамъ, напомнили романъ Гюго, его героевъ, синдика Клода Фролло, и въ мое сердце вползло какое-то жуткое чувство. Вспомнились пытки и костры инквизиціи, вспомнилось все, что было сдѣлано нелѣпаго и ужаснаго во имя вѣры въ кроткаго и милосерднаго Христа, котораго католиче-

скіе монахи bona fide превратили въ безпощаднаго карателя несуществующихъ грѣховъ. Его именемъ тормазилось просвѣщеніе, объявлялись ересью научныя истины, сковывалось всякое проявленіе мысли и чувства, несогласное съ догматами, которые были сочинены „отцами церкви“. Вспомнилось мнѣ тутъ не только это, но и все пережитое и передуманное мною въ дѣтскіе и отроческіе годы—и, вмѣсто религіознаго настроенія, Кёльнскій соборъ вызвалъ у меня настроеніе враждебное. И на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда въ Аахенъ, я въ свою записную книжку внесъ, какъ бывало въ гимназіи, татарскимъ алфавитомъ, но русскими словами: „Христіанство задержало цивилизацію, потому что около того времени римляне уже ни во что не вѣрили“.

Съ этимъ настроеніемъ осматривалъ я въ Аахенѣ соборъ, гдѣ короновался Карлъ Великій; это же настроеніе поддерживали во мнѣ тамъ и попадавшіяся на прогулкахъ по горамъ часовеньки со статуями Христа или Мадонны, и скульптурныя изображенія распятаго Христа на перекресткахъ полевыхъ дорогъ, и частыя католическія процессіи, гдѣ толпа носила не иконы, какъ у насъ, а статуи, иногда одѣтыя въ шелковыя ткани. Все это говорило мнѣ о той страшной жаждѣ вѣры въ Бога, которую только-что недавно пережилъ я самъ. Но въ то же время это говорило мнѣ о томъ, что и эта цивилизованная часть человѣчества, кичащаяся своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ больше, чѣмъ нашъ русскій народъ, находится въ смыслѣ религіознаго развитія все еще на той же ступени, на какой стояли и древніе римляне, покланявшіеся идоламъ.

Когда я къ осени вернулся изъ Аахена въ Псковъ, когда я увидалъ опять его старинныя своеобразныя церкви, говорившія моему сердцу все же больше, чѣмъ храмы чужой земли, я сказалъ себѣ: „Долженъ быть какой-то Невѣдомый Богъ. А всѣ аттрибуты, которыми украшаютъ его въ своихъ вѣрованіяхъ народы, все это не больше какъ національный нарядъ: у русскихъ одинъ, у татаръ другой, иной у нѣмцевъ, иной у евреевъ, у всѣхъ свой!“

Но теперь мнѣ было не до религіозныхъ размышленій: некогда, надо было учиться. Погрузившись опять съ головой въ мои учебники, я больше уже не вспоминалъ о Богѣ. И весной слѣдующаго года, въ той же псковской гимназіи, безъ всякой лоттереи, безъ всякихъ молитвъ, я получилъ аттестатъ зрѣлости, съ высшимъ балломъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія.

Ал. Луговой.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЪ СТРАНѢ ОЗЕРЪ

(Изъ лѣтнихъ скитаній по Финляндіи *)

II.

Кузьма изъ Чембара.

Часто въ бѣлыя ночи я выходилъ на дорогу и на гребнѣ высокаго каменистаго холма любовался синею далью ровной лѣсной долины. На горизонтѣ въ легкой голубоватой дымкѣ виднѣлось море. Издали оно казалось мнѣ тихимъ, уснувшимъ, пустыннымъ...

Можетъ-быть надъ его гладью въ синевѣ воздуха купаются бѣлые паруса, но я не могъ разсмотрѣть этихъ красивыхъ крыльевъ яхтъ и лодокъ финляндскихъ рыбаковъ. Когда проходили большіе военные и торговые пароходы, надъ моремъ темноватой густой кисеей вытягивался дымъ. Я представлялъ себя на палубѣ этихъ пароходовъ и думалъ о тѣхъ невѣдомыхъ мнѣ людяхъ, которые уплываютъ въ чужія страны или возвращаются на родину... И странно, какая-то тихая грусть начинала точить сердце.

Кисея дыма разсѣивалась и сливалась съ окраской далекаго горизонта, пароходы уходили, а грусть, тихая и сладкая, оставалась со мною. Мысли неслись къ роднымъ берегамъ и тонули въ далекой синеватой дымкѣ.

Я смотрѣлъ на лѣсную долину съ ярко-зелеными кусками пахатныхъ полей и луговъ. Ближе сѣрѣли тесовыя кровли избъ

*) См. октябрь, стр. 137.

и сараевъ финляндской деревушки... И этотъ лѣсъ, и пашни, и луга, и сѣрыя кровли казались мнѣ вырванными изъ живого пейзажа родной мнѣ губерніи и перенесенными подъ облачное небо Финляндіи. Кто забросилъ ихъ сюда, въ страну озеръ? Кто утопилъ ихъ въ волнахъ сѣдыхъ тумановъ?

Какъ-то разъ до слуха моего донесся съ полей зычный и тягучій окрикъ. Далекое эхо повторило неясный и плохо понятный мнѣ окрикъ призыва, но я не могъ пойти на этотъ призывъ. Кто-то звалъ кого-то... Но никто не призывалъ меня!.. Тихая, нѣмая бѣлая ночь смотрѣла мнѣ въ глаза и опять отчего-то становилось невыносимо грустно...

На гребнѣ холма—невысокая, но широкая стѣнка, выложенная изъ тяжелыхъ овальныхъ гранитныхъ камней. Стѣнка отгораживаетъ пахатное поле отъ дороги. Я любилъ одиноко сидѣть на этихъ камняхъ, смотрѣлъ въ сторону моря и вспоминалъ теплые, тихіе вечера родины...

За послѣдніе дни я сталъ замѣчать, что на тотъ же кремнистый холмъ и къ той же каменной стѣнкѣ сталъ приходить и еще одинъ скучающій одинокій человѣкъ... Это былъ парень лѣтъ 17—18-ти, бѣлобрысый, длинноволосый, одѣтый въ пиджакъ, грязно-сѣрые штаны, запущенные въ большіе сапоги, и въ картузѣ. Я наблюдалъ новаго посѣтителя холма издали и задавался вопросомъ: кто онъ?

Онъ усаживался на крайнихъ камняхъ стѣнки, подпиралъ руками голову и смотрѣлъ куда-то вдаль. И мнѣ казалось, что и онъ смотритъ въ сторону моря, за которымъ незримо для меня утонули въ синевѣ и пахатныя поля, и лѣсные холмы родной мнѣ губерніи.

Нерѣдко къ одинокому юношѣ подходили „пойги“ (такъ называются въ Финляндіи юноши). Шумной толпой они останавливались около одинокаго юноши, говорили съ нимъ, смѣялись и, какъ мнѣ казалось, звали его куда-то... Пойги уходили. Онъ оставался одинокимъ, снова подпиралъ голову руками и снова смотрѣлъ вдаль...

Одинокій юноша отличался отъ своихъ товарищей костюмомъ, одиночествомъ и длинными волосами, и я нерѣдко думалъ: не безумный ли это юноша? Почему онъ въ его годы склоненъ къ одиночеству?..

Какъ-то разъ я замѣтилъ, что одинокій юноша грызъ сѣмечки и при этомъ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ отплевывалъ скорлупу. Такъ умѣютъ грызть подсолнухи только русскіе, и я сказалъ себѣ: онъ—русскій... И я не ошибся.

Какъ-то разъ, когда небо бѣлой ночи было завѣшано сѣрыми густыми облаками, а море исчезло за сѣткой ливня отдаленныхъ синихъ тучъ, я снова увидѣлъ сидящимъ на камняхъ юношу въ картузѣ. Какъ и всегда, онъ истреблялъ подсолнухи и съ ожесточеніемъ отплевывалъ скорлупу.

Рѣзкій, хотя и теплый вѣтеръ гналъ синія тучи на насъ. Долина потемнѣла. Потемнѣла узкая полоска зари заката. Вдали по временамъ грохоталъ громъ. Было душно, какъ бываетъ передъ грозой. Я любовался вспышками молній въ сторонѣ моря, смотрѣлъ на быстро идущія облака надъ головою и снова знакомая мнѣ тоска по родинѣ щемила сердце.

До меня донеслись отрывки пѣсни, въ которыхъ слышалась какая-то отчаянная грусть. Парень въ картузѣ пѣлъ:

Разлука ты-ы разлука —
Чужа-а-я сто-о-рона...
Никто насъ не-е разлучитъ —
Ни солнце, ни луна...

Послѣ паузы юноша пѣлъ тотъ же куплетъ... Снова пауза и снова тѣ же слова. Очевидно, онъ только этотъ куплетъ и зналъ изъ всей длинной и тягучей пѣсни родины.

И мнѣ казалось — рѣзкій вѣтеръ моря принесъ ко мнѣ эту грустную русскую пѣсню съ задумчивыхъ долинъ родины, или изъ рабочихъ кварталовъ большого города, или съ черныхъ лѣстницъ петербургскихъ домовъ... Столичная прислуга любитъ пѣть эту пѣсню и всегда поетъ съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ надрывомъ. Большой туманный и холодный городъ кажется тогда чужимъ, а пѣвцы печальной пѣсни—заброшенными на чужбину.

Меня потянуло къ одинокому юношѣ, пѣвцу грустной пѣсни, и я двинулся вдоль каменной стѣнки. Я остановился около него шагахъ въ десяти. Онъ покосился на меня свѣтло-голубыми глазами, оборвалъ недопѣтую пѣсню и опять принялся грызть подсолнухи.

— А что, господинъ, мотри-ка, вонъ за этимъ моремъ русская земля?

И онъ указалъ вдаль моря, за кисеей дождя.

— Какъ же, русская... Тамъ—Финскій заливъ, а за нимъ—Петербургская губернія...

— А Петербургъ тамъ?—спросилъ онъ, указывая рукою еще лѣвѣе.

— Да... только еще лѣвѣе... вонъ тамъ!..

Онъ что-то соображалъ и грызъ подсолнухи.

Молодое, но блѣдное и худощавое лицо съ втянутыми щеками, шея загорѣлая, руки темныя отъ загара и работы. Юноша показался мнѣ нездоровымъ. Въ глазахъ его отражалась какая-то муть, точно онъ только что вынесъ на собственномъ горбу тяжелые камни изгороди и теперь присѣлъ, чтобы передохнуть.

Я предложилъ ему папиросу и мы разговорились. Почему-то, въ началѣ бесѣды, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы не подумайте господинъ, что я—чухна!.. Крещеный я, настоящій хрестьянинъ изъ Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи... и зовутъ меня Кузьмой...

— Какъ же ты попалъ сюда изъ Чембара-то?..

И его неуклюжая, путанная рѣчь запрыгала, какъ прыгаютъ колеса экипажа по каменистой дорогѣ, у которой мы познакомились.

Исторія начала столичной жизни Кузьмы не сложна. Весною онъ, гонимый нуждою и безработицей, покинулъ свой Чембарскій уѣздъ и добрался до Петербурга, отыскалъ дядю, который служилъ на какой-то лѣсной биржѣ. Дядя не оправдалъ его надеждъ: племянника пожалѣлъ, но не приложилъ стараній устроить его.

— Бился, бился я въ Питерѣ-то, искамши работу... Акромя какъ крестьянскую работу, ничего я не могу дѣлать—не обученъ!.. А дядя-то и говоритъ: „чего, говоритъ, ты, Кузьма, слоняешься, какъ курица передъ вечеромъ! Ходи бодрѣй да и спрашивай у кажнаго двора, нѣтъ ли, молъ, работы? Давайте работу—руки-ноги есть!“ Пошелъ я этакъ-то и повстрѣчался съ Петрухой Силинымъ въ чайной. А тутъ и увезъ онъ меня сюда, въ Чухну въ эту самую, и сталъ обучать по печной части. Ходимъ теперь по дачамъ да по крестьянамъ и печи выкладываемъ...

Съ блескомъ въ глазахъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства говорилъ Кузьма о своей грамотности и при этомъ добавлялъ:

— Осенью на заводъ опредѣлюсь... А то что этакъ-то!.. печи-то выкладывать! Финскіе ребята зовутъ меня на ихній заводъ... да, видишь ты, господинъ, въ Росею-то ужъ очень мнѣ захотѣлось... Опять же...

Онъ не закончилъ какой-то для него важной фразы, искоса посмотрѣлъ на меня, какъ будто о чемъ-то соображая, и снова принялся за подсолнухи, держа между пальцами потухшую папиросу. Потомъ онъ зажегъ спичку, но налетѣвшій вѣтеръ по-

тушилъ пламя. Онъ воспламенилъ вторую спичку, но и она потухла. Вѣтеръ чужой стороны, повидимому, былъ враждебно настроенъ по отношенію Кузьмы. Весь перегнувшись и уткнувъ лицо подъ полу пиджака, третьей спичкой онъ, наконецъ, зажегъ окурокъ и сказалъ:

— Спички здѣсь хороши... и дешевы...

Я былъ радъ за Финляндію: хорошо, что страна озеръ хоть своими спичками до нѣкоторой степени примиряла съ собою чужестранца.

— Въ Росеѣ спички дорогія—сообщилъ онъ мнѣ, и снова уставился пристальными глазами въ ту сторону, гдѣ въ сумракѣ ночи потонула его родина.

Надъ холмомъ и надъ дорогой вытянулись темныя, тяжелыя облака. Блеснула молнія, гдѣ-то близко загрохоталъ громъ. Густой, тягучій ударъ какъ будто опустился на землю и замолкъ. Накрапывалъ крупный и рѣдкій дождь. Мы съ Кузьмой распрощались.

Въ теченіе слѣдующей недѣли, по ночамъ, мы часто сходились съ Кузьмою у каменной стѣнки, откуда были видны берега родины, и бесѣдовали. Я снабжалъ Кузьму папиросами, онъ угощалъ меня россійскими подсолнухами и дружба наша укрѣплялась.

Вскорѣ я познакомился и съ „хозяиномъ“ Кузьмы. Это былъ лохматый и бородатый мужиченко съ обильными веснушками на лицѣ. Въ открытыхъ сѣрыхъ глазахъ его почти всегда играла какая-то лукавая усмѣшка. Ходилъ онъ скрючивая спину и какъ будто неувѣренно ступая кривыми ногами, и при этомъ топалъ тяжелыми и большими сапогами по землѣ, какъ по полу. Зарабатывалъ россійскій печникъ въ Финляндіи очень хорошо, на свое будущее въ чужой сторонѣ смотрѣлъ съ оптимизмомъ и говорилъ:

— Второй годъ вотъ собираюсь перевезти жену сюда, да все на старинѣ съ дѣлами не управлюсь... Пять человѣкъ насъ, братьевъ-то, съ раздѣломъ-то все раздоры и идутъ...

Кузьма относился къ своему „хозяину“ двойственно: говоря съ нимъ, льстилъ ему, а за глаза бранился:

— Аспидъ этотъ, Петруха, живодеръ! Семьдесятъ-пять копеекъ въ день платитъ, а развѣ это поденщина по тутошнимъ мѣстамъ!.. Опять же и кормитъ-то плохо. Кажный день селедка съ хлѣбомъ да чай...

— Скупъ, что-ли, Петруха-то?

— Не скупъ онъ, а такъ что-то... Все говоритъ, что, молъ, вотъ уродится молодая картошка—будемъ картошку ѣсть. Уродилась картошка, а онъ все селедкой да хлѣбомъ кормитъ. Ужъ и опротивѣла же мнѣ эта селедка! Только пьешь гораздно, а въ брюхѣ пусто!

Онъ немного помолчалъ и добавилъ:

— Хорошо зарабатываетъ Петруха! Съ весны-то сотни три домой почтой послалъ. Изъ Новгородской губерніи онъ... Домой деньги-то посылаетъ, а мнѣ семьдесятъ-пять копеекъ платитъ! А придетъ воскресенье — въ Питеръ ѣдетъ, гуляетъ тамъ въ трактирахъ и у дѣвочекъ бываетъ... Хозяинъ нашъ, чухна, у котораго на квартирѣ, все коритъ его. „Женатый, молъ, ты, Петруха, человѣкъ, а по непристойнымъ домамъ шляешься!“ А Петруха — ему хошь бы что!.. „Надо, говоритъ, и мнѣ поразгуляться!“ Угоститъ Петруха чухну водкой — и давай они пѣсни пѣть! Петруха по-своему, по новгородски поетъ, а чухна свою волынку затянетъ!.. Смѣхъ одинъ!.. Казенка-то здѣсь не продается, а чухна водку страсть какъ любитъ! Вотъ имъ и хорошо съ водкой-то!..

Подсыпавъ мнѣ въ ладонь новую щепотку подсолнуховъ, Кузьма продолжалъ:

— И чудной народъ здѣсь живетъ! Водку любитъ, а водки нѣтъ. Продаютъ тутъ тихонько водку, наши же русскіе, а развѣ укупишь ее—дорого! Петруха бранится! „Зачѣмъ, говоритъ, я поѣхалъ бы въ Питеръ, коли бы тутъ водка продавалась какъ въ Росеѣ“... Купи-ка ее, матушку! За бутылку-то рубль али девять гривенъ требуютъ! да и то, мотри-ка, водой разбавлена! А безъ водки Петруха никакъ не можетъ жить!..

— А тебя онъ угощаетъ водкой-то?

— Стаканчикъ поднесетъ, а остальное все съ чухной вылакаютъ!

Онъ сказалъ это съ сожалѣніемъ въ голосѣ. Повидимому, онъ и самъ скучалъ по россійской водкѣ, и въ этомъ отношеніи походилъ на Петруху.

Какъ-то разъ, когда мы съ Кузьмой мирно бесѣдовали и грызли подсолнухи, съ теплымъ дыханіемъ долины на холмъ принеслись крикливые и визгливые звуки гармоники. Играли гдѣ-то въ лѣсу, или въ узкихъ улицахъ деревушки, или около группы дачъ, расположившихся у подножія холма. Назойливые и безшабашные звуки гармоники съ какой-то дерзкой настойчивостью врывались въ идиллическую тишину вечера съ догорающей зарей, и мнѣ было жаль задумчивой тишины лѣсной долины. Играли

излюбленную русскими мастеровыми пѣсню, и звонкіе голоса гармоники то прыгали и точно неслись къ намъ съ веселымъ хохотомъ, то понижались и подползали къ холму съ какимъ-то затаеннымъ весельемъ. Я не зналъ, какъ называлась эта пѣсня, но что она была чисто-русская, народная—въ этомъ я не сомнѣвался. Не сомнѣвался въ этомъ и Кузьма. Настороживъ слухъ и жадно всматриваясь въ глубину долины повеселѣвшими глазами, онъ внимательно слушалъ пѣсню и даже пересталъ грызть сѣмечки.

— Что̀ это за пѣсня?—спросилъ я.

— Кто ее знаетъ. У насъ въ Чембарѣ не играютъ...

— А вѣдь русская пѣсня-то?

— Ру-у-сская!.. — протянулъ онъ и глаза его блеснули. — Гдѣ же чухнамъ такую пѣсню сыграть! У нихъ и гармоникъ-то нѣтъ!.. Чортъ ихъ знаетъ, что за народъ! Ни на гармоньяхъ не играютъ! ни пѣсенъ не поютъ!.. Хозяинъ нашъ, чухна-то, выпьетъ и затянетъ какую-то пѣсню, а что это за пѣсня — Богъ знаетъ!..

Онъ говорилъ лѣниво, а самъ все вслушивался въ мотивъ пѣсни. Наконецъ, онъ слѣзъ съ каменной стѣнки, стряхнулъ съ полъ пиджака табачный пепелъ и сказалъ:

— Пойду, посмотрю—не наши ли русскіе ребята играютъ...

И онъ ушелъ съ счастливымъ выраженіемъ въ лицѣ. Точно онъ пошелъ навстрѣчу счастью, притаившемуся въ голубоватыхъ волнахъ тумана, выползавшаго изъ лѣса на луга и на огороды финской деревушки.

На другой день я спросилъ Кузьму:

— Ну, что—узналъ, кто игралъ на гармошкѣ?

— Видалъ — отвѣтилъ онъ, но по выраженію его лица я понялъ, что это открытіе не очень-то его обрадовало.—Кучеръ это игралъ. Нашъ русскій человѣкъ у какихъ-то господъ кучеромъ служитъ... Подошелъ я къ нему, а онъ у воротъ дачи сидитъ да играетъ. Всталъ я этакъ шагахъ въ пяти отъ него, а онъ со зломъ такъ говоритъ: „Ну, проходи, чухна, что буркулы-то вылупилъ! Не велитъ баринъ останавливаться у воротъ-то! — Я говорю: какой я чухна? Изъ Чембара я, изъ Пензенской губерніи, и человѣкъ крещеный... А онъ играетъ себѣ да играетъ... Постоялъ я такъ немного, да и пошелъ спать...

Послѣднія слова Кузьма произнесъ съ нескрываемой грустью въ голосѣ.

Въ слѣдующіе два дня Кузьма измѣнялъ мнѣ, къ каменной стѣнкѣ не выходилъ. Наконецъ, на третій день,—это было въ

субботу, часу въ двѣнадцатомъ ночи,—я увидѣлъ его въ обществѣ пойгъ. Они поднимались на холмъ, дымили папиросами и о чемъ-то серьезно разсуждали. Проходя мимо меня, Кузьма снялъ картузъ, улыбнулся и махнулъ рукой куда-то впередъ: „молъ, идемъ туда!..“ Провожая молодежь глазами, я задавался вопросомъ: на какомъ, собственно, языкѣ изъясняется съ ними Кузьма? А потомъ я пришелъ къ выводу, что всѣ трудящіеся всѣхъ странъ говорятъ на одномъ, имъ понятномъ языкѣ. Какъ они объясняются — я не знаю, но они понимаютъ другъ друга.

На другой день я спросилъ Кузьму:

— Съ кѣмъ это ты гулялъ въ субботу?

— А это пойги, парни чухонскіе! Они тоже по печной части... Все смѣялись надо мною!..

— Почему же смѣялись?

— А надъ тѣмъ и смѣялись, что вотъ я по семидесяти пяти копеекъ зарабатываю, а они по четыре марки въ день закатываютъ (около 1 р. 50 к.)! Почти что вдвое!.. Петруха-то тутъ третій годъ работаетъ и эти пойги-то его знаютъ, да только работать-то они не хотятъ къ нему идти, потому ужъ очень дешево!.. Говорилъ я и Петрухѣ, молъ, очень дешево ты платишь, и не разъ говорилъ! И нечего тутъ смѣяться!.. А Петруха-то и говоритъ: „А ты, г-ритъ, Кузьма, не фордыбачь и не слухай чухну! Ты, говоритъ, у меня въ родѣ какъ ученикъ!“... Что̀ съ нимъ сдѣлаешь, а пойги смѣются и въ свою артель зовутъ...

Кузьма подсѣлъ ко мнѣ поближе. Лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ и съ какимъ-то таинственнымъ запросомъ въ глазахъ.

— Видишь ли, господинъ, штука-то какая! Печниковъ-то у нихъ здѣсь мало, они и подговариваютъ меня къ себѣ! Больше, говоритъ, будешь зарабатывать, марки по три въ день!.. А потомъ и еще есть штука! Есть у нихъ тутъ союзъ рабочихъ печниковъ, они къ этому союзу приписаны... Вотъ они и подговариваютъ меня, чтобы и я записался. А я боюсь!.. Запишешься къ нимъ, поѣдешь въ Росею, а потомъ тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ!..

Мнѣ пришлось прочесть Кузьмѣ краткую лекцію о значеніи профессіональныхъ союзовъ. Слушалъ онъ съ большимъ вниманіемъ, но, какъ я убѣдился, далеко не все понялъ изъ моей лекціи. Какая-то странная боязнь рабочихъ союзовъ точно сковывала его мысли, порабощала волю. Сколько я ни убѣждалъ его скорѣе вступить членомъ въ союзъ печниковъ, онъ все-же таращилъ глаза и бормоталъ:

— Кто ее знаетъ—выйдетъ ли изъ этого хорошо-то?.. Поѣдешь въ Росею, а тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ!

По его разспросамъ о профессіональныхъ союзахъ можно было судить, что ему соблазнительнымъ представляется будущее, когда онъ вступитъ въ союзъ и начнетъ жизнь въ дружбѣ и единеніи съ своимъ братомъ-рабочимъ по печной части. Но онъ никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что какъ же это такъ—русскій онъ человѣкъ и вдругъ „отрѣшится“ отъ Петрухи, своего же россійскаго товарища. Эту мысль онъ высказалъ съ большой искренностью:

— Какъ же это такъ выйдетъ-то?.. Отъ Петрухи, отъ русскаго человѣка я отрѣшусь и пойду къ чужимъ?.. А потомъ доведется ѣхать въ Росею, а тебя въ Бѣлоостровѣ и сцапаютъ?..

Возможность катастрофы въ Бѣлоостровѣ удержала его отъ рѣшимости вступить въ „союзъ чухонцевъ“. Онъ остался работникомъ у Петрухи и, продолжая зарабатывать по 75 коп. въ день, питался селедкой съ хлѣбомъ и все ждалъ, когда уродится молодой картофель, внеся разнообразіе въ меню его обѣда.

Сколько я ни старался поколебать въ немъ страхъ передъ Бѣлоостровомъ и разукрасить будущую его жизнь въ союзѣ съ финляндскими печниками, онъ все-же остался вѣренъ своему рѣшенію. Сношеній съ пойгами онъ не прерывалъ. Жаловался даже, что они попрежнему продолжаютъ посмѣиваться надъ нимъ, но все-же россійскому товарищу Петрухѣ измѣнить не могъ.

На фонѣ суроваго пейзажа страны озеръ фигура Кузьмы представлялась мнѣ какой-то одинокой, странной и печальной. Я часто сравнивалъ его съ тѣми овальными гранитными валунами, которыми усѣяны финляндскія поля и изъ которыхъ сооружена облюбованная нами каменная стѣнка на гребнѣ холма. Тысячелѣтія назадъ эти валуны, оторванные отъ горныхъ кряжей, носили на себѣ холодныя льдины Ледовитаго океана. Жизнь трудового человѣка родной мнѣ страны также представляется мнѣ большимъ холоднымъ океаномъ. Носитъ этотъ громадный океанъ по землѣ русской громадныя льдины, а на льдинахъ—люди, такіе же, какъ и Кузьма, одинокіе и нерѣшительные.

Когда я гулялъ по холму около каменной стѣнки въ одиночествѣ, мнѣ часто вспоминались Кузьма и его хозяинъ Петруха. Оторвались они отъ русской почвы и уплыли. Петруха скоро обрѣтетъ себѣ пристань, только бы покончить съ раздѣломъ на старинѣ. Ну, а Кузьма?.. О немъ я боялся думать...

И оба они съ тоской вспоминаютъ, что гдѣ-то тамъ, за

дымкой да́ли, есть родная имъ сторонушка. Они скучаютъ по этой родинѣ такъ же, какъ скучаютъ и по русской водкѣ. Водку продаютъ въ Финляндіи дорого, да еще и по секрету. А у насъ, на родинѣ, разливается она широкимъ океаномъ и смѣющимися и веселыми волнами идетъ навстрѣчу волнамъ океана жизни. Волны эти пѣнятся, урчатъ, какъ разъяренные звѣри, и, сталкиваясь, разсыпаются.

А заброшенный на чужую сторону русскій человѣкъ выходитъ по вечерамъ на гребень холма, грызетъ подсолнухи, смотритъ въ туманную дымку и боязливо косится на новыя условія чужеземной жизни.

Въ эти бѣлыя нѣмыя ночи я многое передумалъ о судьбѣ Кузьмы. А когда онъ приходилъ, садился рядомъ со мною и съ тоской смотрѣлъ вдаль, мнѣ хотѣлось его обласкать и стряхнуть съ него грызущую тоску по родинѣ.

III.

Давидъ Мартиненъ.

Давиду Мартинену шестьдесятъ два года, но онъ еще бодръ, иногда весело-добродушенъ и, какъ и раньше, умѣетъ порадѣть чужому горю или несчастію. Всѣ жители прихода считаютъ старика Мартинена почтеннымъ крестьяниномъ, и многіе бѣдняки съ завистью смотрятъ на его небольшое, но исправное хозяйство. За послѣднія десять лѣтъ, впрочемъ, постройки усадьбы Мартинена обветшали, да и хозяйство упало: самъ старикъ съ каждымъ годомъ слабѣетъ; сынъ его Юхано оказался плохимъ наслѣдникомъ и полевую работу не очень-то любитъ, и еслибы не дочка Хильда, старику Мартинену пришлось бы нанимать батрачку для того, чтобы выдоить коровъ и сварить супъ и картофель.

Молодой и здоровый Юхано отъ работы не отказывается, но работа сына какъ-то мало радуетъ старика-отца. Больше всего на свѣтѣ Юхано любитъ лошадей, холитъ двухъ саврасенькихъ меренковъ и лихо носится на своихъ рысакахъ по гладко наѣзженнымъ шоссейнымъ дорогамъ.

Знаетъ Давидъ и еще про одну сердечную рану Юхано. Два года прошло съ тѣхъ поръ. Любилъ Юхано дочь торпаря Лямбіани, юную, синеокую Матильду, и немало тихихъ лѣтнихъ вечеровъ провелъ съ нею на пригоркѣ, гдѣ скрещиваются дороги... Въ началѣ почему-то очень безпокоила старика эта любовь. Давидъ

Мартиненъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы его Юхано, наслѣдникъ немалаго клочка земли и хорошаго хозяйства, могъ жениться на дочери безземельнаго торпаря.

— Hän on sinua koyhempi (она бѣднѣе его)—говорилъ онъ часто самому себѣ, хотя чувствовалъ, что ни словомъ не попрепятствовалъ бы этому браку, потому что любилъ Юхано. Послѣ глубокой молитвы въ уединеніи старикъ сказалъ себѣ, что никогда не будетъ говорить этой фразы, потому что такія мысли приходятъ отъ грѣха, отъ гордыни, а человѣкъ передъ человѣкомъ равенъ, какъ передъ Богомъ. Было время, когда старикъ готовъ былъ самъ идти къ Лямбіани сватомъ за сына, но тутъ свалилась на его Юхано неожиданная бѣда. Уѣхала Матильда въ Або на зимнюю работу, да такъ и не вернулась. Юхано затосковалъ и одолѣла его тутъ эта блажь — склонность къ русской водкѣ и къ картамъ. Но больше всего на свѣтѣ Юхано любитъ лошадей.

Его лошади—красивыя, выхоленныя животныя, съ быстрымъ бѣгомъ, неутомимыя при перевозкѣ тяжестей. Юхано считается лучшимъ извозчикомъ на десять километровъ въ округѣ, и дачники, любящіе быструю ѣзду, отъ него въ восторгѣ.

Но старика Давида мало утѣшаетъ слава сына, и онъ нерѣдко говоритъ ему:

— Женись, Юхано, тебѣ ужъ двадцать пять лѣтъ... Женись и займись хозяйствомъ. Весь вѣкъ дачники тебя не прокормятъ...

Особенное безпокойство за сына овладѣваетъ старикомъ зимою, когда дачники разъѣзжаются и промыселъ извозчика перестаетъ быть доходнымъ. Въ минуты грустнаго раздумья онъ начинаетъ укорять сына, а Юхано съ усмѣшкой отвѣчаетъ:

— Лошадей я за зиму прокормлю! Сѣна и овса довольно!

Юхано имѣетъ особую причину хвастаться овсомъ и сѣномъ. Участокъ земли для посѣва овса онъ самъ всегда тщательно обрабатываетъ, съ любовью убираетъ и сѣно. И все это для своихъ любимцевъ-коней... Отецъ подумаетъ-подумаетъ и рѣшитъ, что Юхано правъ: сѣна и овса, дѣйствительно, запасено чуть не на двѣ зимы. И онъ перестаетъ ворчать и въ уединеніи проситъ у Бога счастья сыну.

Но у старика есть и еще забота. Это двадцати-двухъ лѣтняя дочка Хильда. Давно бы ей пора замужъ, а она отказываетъ женихамъ, и Давидъ знаетъ, что дѣлаетъ она это только ради него. Давидъ Мартиненъ овдовѣлъ давно, и кто бы сталъ вести хозяйство, еслибы Хильда покинула родительскій домъ? Всякій

разъ съ какимъ-то особенно скорбнымъ чувствомъ Давидъ думаетъ о судьбѣ дочери, и чѣмъ больше онъ объ этомъ думаетъ, тѣмъ большей нѣжностью проникается къ дѣвушкѣ. Одно только обстоятельство не веселитъ старика: Хильда не особенно религіозна, рѣдко посѣщаетъ кирку и совсѣмъ не читаетъ духовныхъ книгъ. Книгъ у Хильды много, но все это — свѣтскія книги. Имѣетъ Хильда пристрастіе и къ газетѣ, интересуется дѣлами сейма и нерѣдко говоритъ съ своими друзьями о политикѣ и о жизни трудящихся. Давидъ Мартиненъ иногда заглядываетъ въ книги дочери, читаетъ внимательно, а когда старческіе глаза устанутъ, отложитъ книгу, вздохнетъ и подумаетъ:

„А все правду пишутъ въ этихъ книгахъ!.. Истинную правду!“

И только потомъ, послѣ размышленія о содержаніи свѣтскихъ книгъ, Давидъ вернется къ своимъ постояннымъ думамъ и скажетъ:

— А все-же безъ Бога не проживешь ты, Хильда! Не проживешь...

Дѣвушка серьезно посмотритъ на отца и промолчитъ. Она избѣгаетъ говорить съ нимъ о Богѣ и о религіи.

Когда Давидъ Мартиненъ узналъ, что сынъ его пристрастился къ картамъ, это его сильно опечалило. Съ нахмуренными бровями и съ сердитымъ выраженіемъ въ глазахъ подошелъ онъ къ кругу играющихъ и рѣзко сказалъ:

— Юхано, домой!..

Игравшіе съ удивленіемъ посмотрѣли на старика, но никто изъ молодежи не вздумалъ засмѣяться. Давида Мартинена всѣ уважаютъ и любятъ. Безъ злобы посмотрѣлъ на отца и Юхано и сказалъ:

— Почему домой? Еще рано... лошади у меня убраны...

— Не дѣломъ ты занялся!—приподнявъ къ небу руку, продолжалъ старикъ.—Карты, это—пагуба!.. Это—преступленіе противъ церкви и Бога! Иди домой!

Сынъ не послушался. Въ эту ночь Давидъ Мартиненъ долго молился, прося Бога о просвѣтленіи ума Юхано. Когда вернулся Юхано, онъ съ грустью посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Утянутъ эти карты тебя въ бездну! И лошадей ты своихъ можешь проиграть!

Сынъ только разсмѣялся. Какъ будто отецъ не знаетъ, что̀ значатъ для Юхано лошади! Развѣ онъ можетъ ихъ проиграть?

Уговаривала Юхано бросить карты и Хильда, и говорила:

— Нѣтъ у тебя, Юхано, любви къ книгамъ и газетамъ, а это такъ интересно!

— Давно я прочелъ твои книжки! — отмахивался братъ.— А газеты я читаю въ чайной.

Чайная близъ станціоннаго вокзала также внушала Давиду отвращеніе и злобу. Многимъ было извѣстно, что въ этой чайной по секрету продаютъ русскую водку, а съ водкой Давидъ Мартиненъ никогда не примирится. Въ молодости, когда вся Финляндія отравлялась страшнымъ зельемъ, онъ не пилъ, и теперь съ душевнымъ прискорбіемъ смотритъ на тѣхъ, кто пьетъ. Вмѣстѣ съ другими благоразумными гражданами боролся онъ съ пьянствомъ въ тѣ памятные годы, а теперь онъ часто говоритъ:

— Еслибы была моя власть, я смертной казни предалъ бы и тѣхъ, кто пьетъ, и тѣхъ, кто приготовляетъ поганое зелье.

Юхано особенной склонности къ водкѣ не имѣлъ, но иногда возвращался домой навеселѣ. За чайной у станціи водились и еще кое-какіе грѣшки. Ни для кого не было тайной, что содержатель чайной водится съ русскими сыщиками и нерѣдко у него находятъ пріютъ какія-то темныя личности. Давиду Мартинену и это не нравилось, и онъ говорилъ сыну:

— Смотри, Юхано, ухо держи остро!

Юхано улыбался и отвѣчалъ со смѣхомъ:

— Ха-ха!.. Чортъ отмѣтилъ имъ рожи!.. Кто ихъ не знаетъ...

Не любилъ старикъ Мартиненъ и русскихъ дачниковъ, хмурилъ брови и ворчалъ:

— Портятъ они молодежь! Ой, какъ портятъ!..

Съ каждымъ годомъ все больше и больше дачники пріобрѣтали участки земли, строили дома на берегахъ тихихъ, задумчивыхъ озеръ, у полотна дороги и даже въ глуши лѣсовъ. Къ этому „злу жизни“ Мартиненъ относился особенно чувствительно. Въ бесѣдѣ съ крестьянами, особенно съ тѣми, которые подумывали о продажѣ своихъ участковъ, старикъ нервничалъ, сверкалъ глазами и съ неудовольствіемъ выкрикивалъ:

— Что вы дѣлаете! У насъ столько бѣдныхъ торпарей, у нихъ земли нѣтъ, а тутъ со стороны чужіе люди пріѣзжаютъ и все скупаютъ!

Безземельные торпари постоянно были особой заботой Мартинена. Отправляясь на выборы депутатовъ въ сеймъ, онъ постоянно думалъ о томъ, что сеймъ прежде всего долженъ устроить этихъ несчастныхъ людей, а потомъ уже заниматься политикой.

Политики Мартиненъ не боялся, но считалъ, что, кромѣ политики, есть и еще важные вопросы въ жизни. Замѣчая нерадѣніе молодежи къ церкви, онъ обращался душою къ тому же

сейму и молилъ депутатовъ, за которыхъ клалъ бюллетени, побудить сеймъ издать скорѣе законы, укрѣпляющіе въ народѣ религіозность.

Съ этой цѣлью онъ вступилъ и въ члены религіознаго союза „Свободная церковь“. Увлекали его передъ выборами своими программами и члены крестьянскаго союза, и агитаторы рабочей партіи, но старикъ оставался вѣрнымъ своимъ религіознымъ исканіямъ...

Въ приходѣ, гдѣ жилъ Давидъ Мартиненъ, членовъ „Свободной церкви“ можно было насчитать не больше десяти, но старикъ зналъ, что гдѣ-то тамъ, въ Гельсингфорсѣ или въ Або, къ союзу примыкаютъ сильные проповѣдники и есть среди членовъ богатые и знатные aatelismiehiä (дворяне) и даже бароны, но довольствовался сближеніемъ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ и ревностно выполнялъ правила союза.

— Да кто знаетъ, правда ли это? — спрашивалъ онъ самъ себя, считая „господъ“ плохими радѣтелями религіи.

Съ весны Мартиненъ сталъ часто посѣщать домъ лавочника Райвойнена, гдѣ обыкновенно собирались члены союза. Разговоры все время велись о предстоящихъ выборахъ въ сеймъ. Старики однихъ съ Давидомъ лѣтъ говорили о предстоящей работѣ, какъ о большомъ дѣлѣ своей совѣсти, и съ энтузіазмомъ восклицали:

— Проведемъ въ сеймъ нашихъ!.. Пусть установятъ религію!.. Натерпѣлись мы горя!..

И старики, подогрѣтые въ своихъ чувствахъ краснорѣчіемъ Райвойнена, начинали длинный разговоръ о несчастьяхъ, которыя переживаетъ страна, и все потому, что народъ забылъ о религіи. Слушая стариковъ, Давидъ часто вспоминалъ свои разговоры и споры съ дочерью Хильдой.

Хильда добродушно посмѣивалась надъ отцомъ и говорила:

— Отецъ, не потому людямъ плохо живется, что они мало молятся... Торпарь Хоттиненъ цѣлыя ночи молится, а какъ день придетъ, то ему надо идти на работу къ лавочнику Райвойнену... къ вашему проповѣднику...

— Райвойненъ — хорошій человѣкъ! — обижался за друга Давидъ.

— Я знаю, онъ очень хорошій: хитрый какъ лисица и жирный какъ свинья,—продолжала дѣвушка, и въ ея голубыхъ глазахъ вспыхивали искорки...

Дѣвушка вздохнула, провела по глазамъ рукою и добавила:

— Хоттиненъ молится всю ночь, а Райвойненъ подсчитываетъ барыши... Днемъ ему тоже некогда молиться...

Старикъ пряталъ отъ дочери глаза, молчалъ и думалъ:

„Да... да... Хоттинену плохо живется, а Райвойнену нѣтъ времени молиться...“

Это противорѣчіе, ясное для старика, являлось какимъ-то страннымъ скачкомъ въ его міросозерцаніи, но онъ все-же соглашался съ дочерью. Къ остальнымъ выводамъ Хильды онъ относился съ какимъ-то сомнѣніемъ и точно не довѣрялъ дочери.

А дѣвушка, съ воодушевленіемъ въ голосѣ, говорила:

— Надо дать земли торпарямъ и работы — безработнымъ! Надо уменьшить рабочій день!..

— Ага... да... да... надо! — соглашался старикъ: — торпарямъ земли надо... Мы — христіане, они — наши братья, — соглашался старикъ; но только онъ не зналъ, какъ же все это совершится, кто же сможетъ сдѣлать такое большое христіанское дѣло?

Разговоры о судьбѣ безземельныхъ людей велись и на собраніяхъ союза. По представленію единомышленниковъ Давида выходило такъ, что когда во всей Финляндіи распространятся и окрѣпнутъ союзы „Свободной церкви“, то именно эти союзы-то и сдѣлаютъ что̀ нужно...

— Но какъ? Какъ это сдѣлать? — спрашивалъ Давидъ и самого себя, и союзныхъ ораторовъ. И всѣ они одинаково безнадежно задумывались надъ этимъ роковымъ вопросомъ и не знали, какъ же торпари вдругъ станутъ людьми съ землею?

Когда на собраніяхъ союза заходила рѣчь о выступленіяхъ на предстоящихъ выборахъ, всѣ въ одинъ голосъ говорили, что безземельныхъ торпарей и бѣдныхъ крестьянъ надо объединить однимъ общимъ кличемъ: „Вся земля для истинныхъ христіанъ!“

А когда потомъ въ руки Давида попалъ длинный избирательный листокъ, въ которомъ перечислялись кандидаты въ депутаты отъ всѣхъ партій, онъ убѣдился, что религіозные союзы выставили своимъ лозунгомъ фразу: „Объединеніе христіанской бѣдноты!“

Это обстоятельство очень обрадовало старика. Вернувшись домой, онъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства показалъ Хильдѣ избирательный листокъ и воскликнулъ:

— Хильда, ты вотъ все смѣешься надъ стариками! Читай — развѣ мы не заботимся о бѣдныхъ людяхъ!?

Дѣвушка звонко расхохоталась.

— Отецъ! да развѣ это случится?.. Развѣ можетъ случиться такъ, что депутаты отъ вашего союза захотятъ подѣлиться землею

съ бѣдными! Ты же самъ говорилъ, что у васъ въ союзѣ много помѣщиковъ и бароновъ!.. Возможно ли то, на что ты надѣешься?..

Сомнѣнія дочери прокрались въ его сознаніе и тамъ, на днѣ души, отложились также сомнѣніемъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это тоже что-то неладное выходитъ, — думалъ старикъ: — захотятъ ли помѣщики передать землю торпарямъ?..“

О другихъ своихъ сочленахъ, кто бы они ни были, онъ судилъ по себѣ. Если онъ въ глубинѣ души рѣшилъ, что безземельные торпари должны имѣть землю и депутаты сейма объ этомъ будутъ заботиться, то онъ ни на минуту не сомнѣвался, что и другіе члены союза и ихъ будущіе депутаты рѣшатъ такъ же.

„А вдругъ этого не случится? — думалъ онъ. — Можетъ быть, и правду говоритъ Хильда: помѣщики и бароны только показываютъ видъ, что заботятся о бѣдныхъ. Надо же чѣмъ-нибудь привлечь голоса на выборахъ...“

Вынашивая въ себѣ зерно такихъ сомнѣній, Давидъ уже не такъ довѣрчиво относился къ своимъ пріятелямъ-союзникамъ, хотя среди нихъ не было ни бароновъ, ни помѣщиковъ. Правда, лавочникъ Райвойненъ—богатый человѣкъ, земли у него много. И о немъ могъ бы сказать Давидъ: „а что для тебя бѣдные люди? ты хорошо живешь!“ Но онъ боялся думать такъ. Съ какой-то наивной, дѣтской вѣрой относился Мартиненъ къ своимъ собратьямъ по союзу и вѣрилъ имъ больше, чѣмъ самому себѣ...

Наканунѣ выборовъ депутатовъ Давидъ Мартиненъ возвращался домой поздно ночью.

Молчаливая бѣлая ночь не навѣвала на него тихихъ думъ о молитвѣ и жизни, какъ раньше, а какъ будто тревожила въ немъ что-то новое, что было въ немъ съ молодости, но истлѣло съ годами.

Беззвѣздное, бѣлое, безоблачное небо... Гдѣ-то далеко еще горитъ вечерняя зорька. На смѣну ей скоро загорится заря восхода. Молчаливый лѣсъ стоитъ и не шелохнетъ листвою. Пыльная дорога безлюдна и пустынна. Надъ болотами поднимается туманъ и жмется къ лѣсу.

Давидъ Мартиненъ осматривался по сторонамъ и думалъ о минувшемъ днѣ. Истекшимъ днемъ онъ остался доволенъ.

Послѣ обѣда онъ пошелъ на собраніе въ лѣсъ, верстахъ въ шести отъ дома. Предвыборное собраніе устраивала рабочая партія, но извѣстно было также, что на этомъ собраніи высту-

питъ и ораторъ отъ крестьянскихъ союзовъ. А этихъ ораторовъ Мартиненъ всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ. Ихъ рѣчи о положеніи крестьянской бѣдноты всегда растрагивали старика, и онъ говорилъ:

— Вотъ это хорошо! Это—настоящее... То, что надо... Главное, о торпаряхъ не забываютъ, о нихъ заботятся...

Собраніе въ лѣсу было шумное и оживленное. На обширной полянѣ среди сосноваго лѣса до начала рѣчей шумными группами двигались люди. Тутъ были дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, какъ на праздникѣ, пойги, солидные крестьяне и старики въ возрастѣ Мартинена. Молодежь бродила толпами по откосу берега шумной лѣсной рѣчки. Волны рѣчки съ безпрерывнымъ плескомъ перекатывались по камнямъ. Мѣстами шумѣли водопады и ихъ ровный шумъ сливался въ общій хоръ съ говоромъ и смѣхомъ оживленныхъ людей.

Подъ кустами у рѣчки юноши съ красными ленточками въ петлицахъ продавали партійныя книжки и листки и открытки всевозможнаго содержанія. Въ отдаленіи, за густой порослью елокъ, размѣстился походный буфетъ. Длинный и узкій столъ, прикрытый бѣлой скатертью. На столѣ—бутерброды, бутылки съ лимонадомъ, стаканы чаю, апельсины, конфекты. На груди распорядительницы стола красовались букетики гвоздики. Дѣвушки съ оживленіемъ заманивали пойгъ сластями и бутербродами и около буфета было шумно и весело. Кое-гдѣ бродили любопытствующіе дачники.

До открытія собранія толпа была настроена по праздничному. Но вотъ, на возвышеніи, сооруженномъ изъ бревенъ и досокъ, появился ораторъ, и гулъ голосовъ постепенно затихъ. Около оратора тѣснѣе сжалось кольцо изъ слушателей.

Давидъ Мартиненъ протискался къ самой трибунѣ, потому что плохо слышалъ. Но онъ внимательно, съ напряженіемъ слушалъ и старался не проронить ни слова изъ рѣчи оратора.

Когда говорилъ представитель рабочихъ, по лицу старика бродила умильная улыбка и онъ мысленно твердилъ: „да, да... это правда“... Представителя рабочихъ смѣнилъ крестьянскій ораторъ, и на лицѣ старика снова бродила умильная улыбка и онъ опять говорилъ себѣ: „да, да... это правда“...

Рѣчь господина въ очкахъ, оратора отъ младофинновъ, толпа слушателей выслушала со вниманіемъ, но когда онъ кончилъ рѣчь, въ толпѣ жидко зааплодировали, тогда какъ рѣчи обоихъ предыдущихъ ораторовъ потонули въ гулкомъ всплескѣ аплодисментовъ и возгласовъ.

Во время рѣчи младофинна Мартиненъ улыбался и негромко говорилъ:

— Ну, ну... говори... такъ тебѣ мы и повѣрили!..

Въ толпѣ шутили и вызывали на трибуну оратора отъ старофинновъ. Но никто изъ ораторовъ этой партіи не выступилъ. Очевидно, они еще не забыли, что во время предыдущихъ выборовъ на этой же полянѣ, былъ осмѣянъ помѣщикъ Соннинен, вздумавшій побрататься съ ораторами отъ народа.

Въ началѣ собранія Мартиненъ пожалѣлъ-было о томъ, что на трибунѣ не появится ораторъ отъ ихъ союза.

„Какъ же это такъ? Ни слова не скажутъ?“—думалъ онъ, но потомъ вниманіе его сосредоточилось на рѣчахъ и онъ забылъ о своемъ союзѣ. То, что онъ услышалъ на собраніи, захватило его и наполнило душу до краевъ.

Съ этимъ впечатлѣніемъ онъ и ушелъ изъ лѣса, когда загремѣлъ оркестръ музыки и молодежь пустилась въ танцы. Бредя въ одиночествѣ, по пустынной дорогѣ, въ молочномъ свѣтѣ бѣлой ночи, онъ перебиралъ въ памяти цѣлыя фразы изъ рѣчей, вспоминалъ отдѣльныя слова и чувствовалъ, какъ тускнѣютъ передъ смысломъ этихъ словъ его молитвенныя думы, съ которыми онъ явился на собраніе.

На собраніи онъ повстрѣчался съ дочерью. Съ красной ленточкой на кофточкѣ она ходила въ толпѣ и продавала листки и открытки въ пользу партіи.

— Ну что, отецъ, доволенъ, что со мною пошелъ?—спросила она.

Онъ моргнулъ глазами, улыбнулся и купилъ у дочери какой-то листокъ. И сдѣлалъ онъ это такъ, безотчетно. Ему было весело и отрадно въ шумной толпѣ, а тутъ подошла къ нему Хильда. Красная ленточка на ея груди показалась ему чѣмъ-то такимъ особеннымъ и значительнымъ.

„Вотъ она какая у меня, Хильда-то!.. Партія ей довѣряетъ...“

И ему захотѣлось стать ближе къ дочери и раздѣлить съ нею общіе интересы.

Остатокъ ночи Давидъ Мартиненъ провелъ плохо. Ему не спалось, а думы, все новыя думы осаждали голову. Онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то раздвоеніе. Какое-то колебаніе въ мысляхъ не давало ему заснуть. Раньше его увлекали своими разговорами друзья по союзу, и онъ вѣрилъ всему, о чемъ они говорили. А теперь ему представляется, что кто-то взялъ эти слова въ руки, нажалъ ихъ и выдавилъ изъ нихъ всѣ соки. И слова поблекли, какъ блекнутъ скошенные цвѣты на лугахъ.

То, о чемъ онъ всегда думалъ, ближе къ небу и къ Богу, но далеко отъ жизни и отъ людей. А то, о чемъ говорилъ ораторъ отъ крестьянъ, то—сама повседневная жизнь, въ которой и самъ Мартиненъ барахтается какъ навозный жукъ, положенный на спинку.

Утромъ онъ проснулся поздно, выпилъ два стакана кофе и, молча любуясь своей Хильдой, чистившей картофель къ обѣду, думалъ о предстоящемъ путешествіи въ школу, гдѣ должны были произойти выборы депутатовъ.

Пережитыя имъ колебанія еще давали о себѣ знать, точно тонкой иглой касались его совѣсти, и она ныла...

„Какъ же такъ измѣню я своимъ?“—думалъ онъ, но потомъ думы эти уступали новымъ настроеніямъ.

Вручивъ предсѣдателю собранія свой бюллетень съ отмѣткой противъ фамиліи крестьянскаго кандидата, онъ вышелъ изъ зданія школы съ поникшей головою и думалъ:

„Богъ не взыщетъ... По совѣсти я поступилъ“...

Вас. Брусянинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

Н. И. КОСТОМАРОВѢ

Когда я прочла въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ воспоминанія А. Л. Костомаровой, мнѣ ярко и живо вспомнились нѣсколько недѣль, проведенныхъ мною у Костомаровыхъ въ Дѣдовцахъ. Это было въ 1880-мъ или 1881-мъ году.

Мѣстность, гдѣ находится усадьба, гориста и красива. Съ одной стороны дома — обширный дворъ со службами, съ воротами, открывавшимися на дорогу, обсаженную тополями, и, за ней, на поля и нивы; видъ съ балкона, съ другой стороны дома, описанъ Алиной Леонтьевной; громадный вишневый садъ, окружавшій домъ, былъ довольно запущенъ и потому живописенъ; его отдѣлялъ отъ сосѣдняго сада заборъ съ деревянной высокой калиткой—„форткой“, какъ тамъ говорятъ,—заросшей зеленью. Изъ сада велъ спускъ къ рѣчкѣ, съ полуразрушеннымъ мостомъ; за нимъ—небольшой холмъ, съ котораго открывался роскошный видъ на утопающія въ зелени деревню, церковь и усадьбу. Господскій домъ былъ простой, но удобный и помѣстительный.

Въ этомъ домѣ вѣяло чѣмъ-то повышеннымъ надъ обыкновенной жизнью большинства людей.

Н. И. Костомаровъ былъ тогда уже старъ и боленъ, но умъ его былъ ясенъ и свѣжъ, рѣчь блестяща, память поразительна; глаза горѣли жизнью.

Мы были цѣлый день вмѣстѣ, и ни одинъ разговоръ съ нимъ не проходилъ для меня даромъ: всегда получала я новыя и новыя свѣдѣнія, всегда пробуждались во мнѣ новыя мысли, выяснялись новые взгляды на вещи. Какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, въ немъ былъ тотъ же интересъ къ общественнымъ дѣламъ, къ наукѣ и искусству, та же терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, то же спокойное отношеніе къ враждебности и инсинуаціямъ. Почти тѣми же словами, какъ и во время моей юности, отвѣтилъ онъ однажды, на наше возмущеніе направленною противъ него статьею Каткова: „И вы говорите о свободѣ! Да какая же это свобода, какая справедливость, если вы сердитесь на то, что человѣкъ высказываетъ свой взглядъ, свое убѣжденіе?“

Между серьезными разговорами Н. И. часто переходилъ на шутки, разсказывалъ анекдоты, читалъ наизусть комическія стихотворенія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя было его не заслушаться. Алина Леонтьевна была очень умная, отзывчивая женщина, съ оттѣнкомъ юмора. У нея была высоко-поэтическая, художественная натура, но судьба сломила ея жизнь, заставила заниматься самыми прозаическими дѣлами. Сломила ея жизнь, но не ея духъ. Благодаря своему ясному уму и твердому характеру, А. Л. примирилась съ неизбѣжнымъ, сдѣлалась превосходной хозяйкой, практической женщиной; но огонь поэзіи не потухъ въ ея душѣ и продолжалъ горѣть, пока не нашелъ себѣ исхода въ заботахъ о любимомъ человѣкѣ. „Если я не могла быть счастливой съ нимъ въ молодости,—говорила она,—то хоть успокоить его старость; вѣдь и это великое счастье!“

„Бѣда мнѣ съ моимъ „старьемъ“! — жаловалась она мнѣ полушутя:—ни на минуту не отпускаетъ отъ себя! Въ Петербургѣ, повѣрите ли, не могу пойти шляпу купить! Поручаю кому-нибудь. Читаю, читаю ему дни и ночи! Онъ себѣ заснетъ, а я—читай! Если остановлюсь, сейчасъ проснется: „Что жъ вы перестали? Такъ-то вы интересуетесь?“ Иной разъ злость беретъ!“

— Вы сами избаловали его, какъ капризнаго ребенка.—

Она помолчала и взяла меня за руку: „Знаете, я иногда смотрю на него, и вдругъ, черта какая-нибудь, нотка въ голосѣ, движенье такъ напомнитъ его молодымъ!.. Такъ дохнетъ прежнимъ!..“

Дѣйствительно избаловала А. Л. своего стараго ребенка! Бывало, на минуту выйдетъ она изъ комнаты, а онъ ужъ обрываетъ разговоръ: „А гдѣ моя барыня?“ И начинаетъ въ волненіи ходить по комнатѣ, держа въ вытянутой рукѣ носовой платокъ и крича: „Барыня, барыня!“

— Да что̀, Богъ съ вами, что̀ вамъ отъ нея надо?

„А куда же мнѣ платокъ дѣвать?“

— Господи, да дайте мнѣ!—говорю я, вынимая изъ рукъ ненужный платокъ.

„Мнѣ все равно мою „барыню“ нужно... Не могу безъ моей „барыни“ быть!“

За обѣдомъ всегда были исторіи: того не можетъ ѣсть, это не такъ приготовлено, зачѣмъ въ морковь горчицы не положили... „Да кто же, помилуйте, въ морковку горчицы кладетъ?“

— По вашему не надо, а по моему надо; по вашему не кладутъ, а по моему кладутъ.—

Потомъ онъ, конечно, все ѣлъ, находилъ, что все очень вкусно, но это предварительное брюзжаніе, которое только смѣшило насъ съ Софьей Марковной, младшей дочерью Алины Леонтьевны, до слезъ иногда огорчало такъ старавшуюся угодить ему жену. Она какъ-то была нездорова и должна была пролежать два дня въ постели. „Вотъ увидите—говорили мы ей,—какой у насъ Н. И. будетъ шолковый. Это вы его избаловали, при васъ только онъ такой“. И принялись же мы за него за обѣдомъ! Чуть Н. И. сдѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе, мы обѣ сейчасъ: „По вашему надо, а по нашему не надо... По вашему не такъ, а по нашему такъ“, до тѣхъ поръ, пока Н. И. не расхохотался до слезъ. „Что̀? Теперь не будете больше капризничать съ вашей бѣдной „барыней“?“

— Не буду капризничать! Никогда не буду!—говорилъ онъ сквозь смѣхъ.

„То-то же! Будете помнить, какъ *мы* съ вами обращались!“

Смѣялась и А. Л., слыша насъ изъ своей комнаты. И сладки дѣлались этой самоотверженной женщинѣ ея труды, когда „капризникъ“ становился передъ ней на колѣни, припадалъ къ ней, цѣловалъ ея руки и говорилъ: „Какъ это я могъ жить безъ тебя!“

Среди этихъ двухъ стариковъ стояла молодая, свѣжая, полная жизни дѣвушка, Софья Марковна. Открытое милое лицо, бѣлые зубы, загорѣлыя, напоминающія персикъ щеки, большіе умные, смѣющіеся глаза... Она дразнила Н. И., писала на него комическія стихотворенія, которыя приводили его въ восторгъ, но, подъ шуткой, сквозили наблюдательность и постоянная забота о немъ. Чудесной любовью окружали старика эти двѣ женщины, и, надо сказать, онъ стоилъ этой любви. Глядя на нихъ, освѣжалась душа.

Жизнь въ Дѣдовцахъ протекала для меня восхитительно.

Утромъ рано... Но здѣсь я опять должна сдѣлать отступленіе въ область „капризовъ“. Н. И. любилъ купаться, и это было ему предписано врачами, купаться же можно было въ верстахъ пяти отъ дома, гдѣ былъ большой прудъ съ протечною водой. Н. И. ѣздилъ туда ежедневно въ пять часовъ утра; въ другое время онъ не желалъ купаться. И вдругъ онъ разъ объявилъ, что ему скучно ѣздить одному, и что если А. Л. или С. М. не будутъ съ нимъ ѣздить, онъ совсѣмъ броситъ это леченье. С. М. на отрѣзъ отказалась такъ рано вставать, А. Л. только и пользовалась утромъ для хозяйства; главное, ѣзда была ей вредна, что̀ признавалъ и Н. И.

— Я буду съ вами ѣздить, хотите?—сказала я.

Нахмуренное лицо немного прояснилось: „Да вы не будете“.

— Почему?—

„Чтобъ вы встали въ пять часовъ? Это невозможно“.

— Вотъ увидите.—И я стала ѣздить съ нимъ.

Въ какомъ-то раззоренномъ имѣніи былъ прудъ, къ которому мы ѣздили. Онъ былъ прелестенъ: съ разными заливчиками, съ нависшими надъ нимъ ивами, съ двумя, далеко находящимися другъ отъ друга, посѣрѣвшими отъ времени купальнями. Дорожка, ведшая къ пруду, среди могучихъ деревьевъ, была крайне живописна. Н. И. любезно предоставлялъ мнѣ ближнюю купальню, а самъ отправлялся въ дальнюю. Онъ долго купался; я же, быстро окунувшись въ довольно холодную воду, принималась за этюдъ. Я оставляла работу, когда Костомаровъ, освѣженный и довольный, возвращался; иногда, впрочемъ, онъ садился около меня, интересуясь моей работой, и терпѣливо ждалъ ея окончанія. Засимъ мы непремѣнно заѣзжали въ Прилуки, купить горячихъ бубликовъ, и возвращались къ ожидавшему насъ чаю.

Вскорѣ открывалась живописная „фортка“ и являлась сосѣдка — Марья Петровна Совченко, приходившая каждый день читать Николаю Ивановичу вслухъ (въ то время—Тэна). Этимъ временемъ пользовалась А. Л. для своихъ дѣлъ; я отправлялась на этюды, а иногда мы съ С. М. забирались въ садъ „попастись“, то-есть поѣсть сочныхъ вишень.

Послѣ вкуснаго обѣда я обыкновенно немного отдыхала, а при закатѣ мы отправлялись на наши поэтическія прогулки. Почти всегда мы шли на любимую гору, откуда открывался чудный видъ во всѣ стороны: на усадьбу, на безконечныя поля золотистаго хлѣба, съ разбросанными вдали селами и церквами, съ живописными малороссійскими крылатыми мельницами на первомъ планѣ.

Въ деревнѣ ждала насъ сотня дѣтей всѣхъ возрастовъ, чтобы сопровождать насъ. Придя на гору, мы усаживались противъ заката, ребята становились въ кружокъ и начинали пѣть тѣ чисто-народныя или старинныя пѣсни, которыя указывалъ имъ Костомаровъ. Управляемый двѣнадцатилѣтней дѣвочкой, дѣтскій хоръ былъ прекрасный, свидѣтельствующій о музыкальныхъ способностяхъ малорусскаго народа.

Красота природы, прелесть дѣтскихъ голосовъ, мелодичныя пѣсни, комментаріи къ нимъ Костомарова—это былъ просто восторгъ!..

По окончаніи концерта, артистамъ раздавали конфекты и пряники, и веселая толпа провожала насъ до дома.

„Вотъ, послушайте-ка,—говорилъ дорогой Н. И.—что они будутъ пѣть по своему выбору. Ну, дѣти, пойте теперь что сами хотите!“

Шумно раздались не столько пѣнье, какъ выкрики какихъ-то солдатскихъ и лакейскихъ частушекъ.

„Вотъ какъ пропадаетъ все народное, все самобытное!“ — замѣчалъ онъ съ грустью. Мы долго сѣтовали о томъ, что теряется красота народныхъ костюмовъ, ручныхъ работъ, пѣсень, что граціозная въ плахтѣ, обтягивающемъ ея стройную фигуру, въ развѣвающихся лентахъ и вѣнкахъ на головѣ, хохлушка дѣлается неуклюжей и некрасивой въ нѣмецкомъ платьѣ. Къ счастью, въ Дѣдовцахъ еще носили народную одежду, и я, къ удовольствію Н. И., написала съ дивчинъ нѣсколько этюдовъ.

Вечеромъ мы всѣ, съ М. П. Совченко, усаживались за большой столъ съ лампой, и Н. И. читалъ намъ „Мазепу“, надъ которымъ тогда работалъ. Тутъ опять шли самые интересные разговоры; своими разсказами объ описываемомъ времени Н. И. иллюстрировалъ написанный текстъ.

А. Л. иногда дѣлала вѣскія замѣчанія, которыя принималъ къ свѣдѣнію Н. И. Вообще А. Л. много помогала ему въ его работахъ.

Въ воскресенье мы съ Н. И. обязательно бывали въ церкви. Всѣ крестьянскія дѣвушки приходили съ букетиками цвѣтовъ, которые клали передъ образомъ Божьей Матери, такъ что передъ нимъ возвышалась цѣлая горка цвѣтовъ.

Я часто думаю, что, кромѣ религіозности, привлекала Костомарова, можетъ быть и безсознательно, къ церковнымъ службамъ ихъ художественная сторона, а также связанныя съ ними воспоминанія о первыхъ вѣкахъ христіанства и о всей нашей исторіи.

Ѣздили мы съ Костомаровыми къ нашему общему другу Н. Н. Ге, который тогда еще не былъ толстовцемъ, и къ В. В. Тарновскому. Сильный контрастъ съ простой обстановкой жизни Ге представляла роскошь Коченовки. У Ге Анна Петровна сама занималась обѣдомъ; кушанье подавала босоногая, веселая хохлушка; за столомъ сидѣли близкіе друзья, затрогивавшіе свободно и искренне всѣ предметы разговоровъ; царила уютность. Около оконъ небольшого дома росли мальвы; аллея, между густыми ветлами, вела въ поле, гдѣ, довольный ею, Н. Н. показывалъ намъ свою новую молотилку. Въ свѣтлой мастерской валялись кипы этюдовъ и прямо противъ входа стояла безъ рамы на полу картина Ге: „Въ Геѳсиманскомъ саду“. Никогда эта картина, видѣнная мною на выставкахъ, не производила на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ тутъ, гдѣ вдумчивое лицо Христа приходилось на уровнѣ съ моимъ лицомъ, въ простой комнатѣ, гдѣ ничего не было лишняго, гдѣ все было въ соотвѣтствіи съ картиной. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собой живого человѣка, печальные глаза котораго смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ и упрекомъ.

Въ Коченовкѣ—масса нарядныхъ гостей, толпа лакеевъ, серебромъ и цвѣтами убранный столъ, шикарные экипажи цугомъ, громадный домъ, садъ съ вычурными фонтанами и насыпанными горками. Но и здѣсь было много интереснаго для меня: собранный В. В. Тарновскимъ музей украинскихъ древностей; историческіе споры по его поводу, такъ какъ Н. И. не признавалъ автентичности нѣкоторыхъ вещей и откровенно высказывалъ это; въ стилѣ восемнадцатаго вѣка старый садъ, соблазнившій меня хоть карандашемъ набросать нѣкоторые его уголки. Я должна сознаться, что и катанье по стриженому газону аллей на нѣсколько сотъ десятинъ растянувшагося парка, на хорошихъ лошадяхъ, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Наконецъ, въ Коченовкѣ гостилъ К. Маковскій съ семьей, писалъ тамъ, въ зелени листьевъ, свою красавицу-жену и очаровательныхъ малютокъ, а по вечерамъ развлекалъ насъ своимъ веселымъ нравомъ и превосходнымъ пѣньемъ. Онъ пожелалъ также написать портретъ Николая Ивановича, и я наслаждалась быстротой и ловкостью его работы.

Окончу разсказъ о столь пріятно и содержательно проведенномъ мною времени въ Дѣдовцахъ описаніемъ одного изъ послѣднихъ вечеровъ моего пребыванія среди дорогой семьи Костомаровыхъ. Въ усадьбу пришелъ кобзарь Вересай. Была чудная, благовонная украинская ночь. На крыльцѣ одной изъ службъ, на

ступенькахъ, сидѣлъ со своей бандурой слѣпой древній старикъ; около него расположились мы, а деревенскія дивчины стояли, оперевшись о деревянныя колонки или обнявшись другъ съ другомъ. Вся группа была залита сіяніемъ луны, покрывавшимъ какъ бы снѣгомъ обширный дворъ.

Н. И. говорилъ Вересаю, какія пѣть былины. И старецъ пѣлъ... Трудно словами дать понятіе объ этомъ пѣніи или, вѣрнѣе, декламаціи, перемѣшанной съ пѣніемъ. Начинается былина вступленіемъ на кобзѣ, потомъ идетъ нѣчто похожее на речитативъ, переходящій въ простой, но полный паѳоса разсказъ; подъ конецъ строфы—какой-то странный гортанный припѣвъ подъ аккомпаниментъ. Въ трагическихъ мѣстахъ, вмѣсто этого припѣва, старецъ издавалъ долгіе звуки, похожіе на причитанія бабъ, звуки плача и рыданія. Это было поэтично, ново для меня, дѣйствовало на нервы, затрогивало душу... Мнѣ кажется—*такъ* пѣлъ Гомеръ...

Е. Юнге.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ
ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ
ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Радикалы и ихъ вожди.

I.

На судьбу общественныхъ и политическихъ движеній оказываетъ большое вліяніе то взаимоотношеніе, въ какомъ стоятъ вожди къ массѣ своихъ послѣдователей. Существуютъ движенія стихійныя, и въ нихъ вожди почти совсѣмъ растворяются въ массѣ; безымянная масса является и иниціаторомъ движенія, и его свершителемъ. Трудно указать лицъ, которыя въ такихъ случаяхъ даютъ первый толчокъ, и если даже такія лица могутъ быть найдены, то они—лишь наиболѣе нервные и воспріимчивые выразители стихійной силы. Ихъ личная воля въ плѣну у стихіи, и если они стремятся обуздать ее или мнятъ себя сильными не ею, а личнымъ вліяніемъ — они въ большинствѣ случаевъ гибнутъ подъ ея тяжестью.

Но есть и другія движенія, въ которыхъ роль руководителя имѣетъ огромное значеніе, не смотря на зависимость его отъ условій времени, т.-е. отъ тѣхъ же назрѣвшихъ въ массѣ потребностей, духовныхъ и матеріальныхъ, удовлетворить которымъ онъ призванъ. Такія движенія—при которыхъ масса группируется вокругъ вождей, ждетъ отъ нихъ не только указаній, но и приказаній, охотно переноситъ ихъ, иной разъ, деспотическое давленіе —

отличаются отъ движеній стихійныхъ главнымъ образомъ силою идейнаго элемента. Движенія стихійныя, уравнивающія героя и толпу, имѣютъ почти всегда своимъ источникомъ недовольство извѣстными матеріальными условіями жизни, недовольство, непосредственно ощущаемое массой, и потому столь неудержимое въ своемъ развитіи. Такое недовольство матеріальной стороной жизни можетъ, конечно, принимать и идейную окраску, и идея религіозная, національная или даже сословная, съ дозой романтической идеологіи, можетъ иногда покрывать собою чисто практическіе разсчеты и соображенія. Но всетаки въ движеніяхъ стихійныхъ главный импульсъ исходитъ не отъ идеи, а отъ тѣхъ матеріальныхъ нуждъ, которыя обладаютъ способностью соединять и сливать людей въ единомъ желаніи и единомъ дѣйствіи.

Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ — поскольку имъ были охвачены интеллигентные слои общества—было несомнѣнно движеніемъ идейнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя самый фактъ поворота русской жизни со старой дороги на новую совершился несомнѣнно подъ давленіемъ многихъ силъ матеріальныхъ.

Существуетъ мнѣніе (и оно числитъ немалыхъ сторонниковъ), которое силится объяснить программы различныхъ партій и круговъ того времени сословными, т.-е., въ извѣстномъ смыслѣ, стихійными тенденціями ихъ сторонниковъ. Въ отношеніи консервативной партіи, партіи правительственной и нѣкоторыхъ группъ партіи либеральной, такое „сословное“ толкованіе общественныхъ программъ допустимо: люди этихъ партій, прежде чѣмъ быть партійными людьми, были въ огромномъ большинствѣ случаевъ дворянами-помѣщиками — носителями вѣковыхъ опредѣленныхъ традицій. Правовѣрному послѣдователю сословнаго толкованія общественной эволюціи можетъ показаться лишь страннымъ то обстоятельство, что всѣ эти люди, принадлежащіе къ единому сословію, иногда такъ расходились въ своихъ убѣжденіяхъ.

Но если и признать, что круги консерваторовъ, охранителей и многихъ либераловъ отъ предразсудковъ касты не освободились, то о такихъ сословныхъ тенденціяхъ радикальной группы говорить рискованно.

Люди, стремящіеся во что бы то ни стало привести идейныя потребности человѣка въ прямую связь съ его матеріальнымъ положеніемъ, готовы объяснить направленіе тогдашней радикальной мысли и радикальной воли психикой того пресловутаго и всемогущаго „разночинца“, который въ шестидесятыхъ годахъ, въ

числѣ другихъ своихъ побѣдъ, будто бы захватилъ литературу и положилъ конецъ дворянскому въ ней вліянію. Что въ шестидесятыхъ годахъ въ интеллигентный кругъ вошло большое количество лицъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ и классовъ общества—это несомнѣнно; что въ литературѣ количественный перевѣсъ оказался на сторонѣ лицъ недворянскаго происхожденія—это тоже вѣрно, какъ несомнѣненъ и тотъ фактъ, что качественная сила таланта оставалась попрежнему за писателями изъ дворянскаго круга. Что же касается зависимости, въ какой будто бы образъ мыслей писателей разночинцевъ находился отъ ихъ матеріальнаго положенія—то это утвержденіе едва-ли можно отстаивать съ успѣхомъ. Едва-ли разночинецъ думалъ и дѣйствовалъ такъ или иначе только потому, что онъ былъ „разночинецъ". Всѣ характерныя черты въ психикѣ радикаловъ, вышедшихъ изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не отличаются отъ психическихъ движеній той „дворянской" души, которая въ шестидесятыхъ годахъ примкнула къ радикальному движенію. Пусть радикализмъ среди разночинцевъ имѣлъ большее число сторонниковъ, но онъ самъ, по существу своему, достояніемъ опредѣленнаго общественнаго слоя не былъ и распространенію его способствовала историческая динамика, а не сословная статика. Какъ на особую черту разночинца указываютъ часто на его демократическій гнѣвъ обездоленнаго и много страдавшаго человѣка. Но этотъ гнѣвъ нельзя назвать новинкой. Недовольство условіями общественной и политической жизни—отличительная черта нашей литературы съ очень давняго времени, и поскольку позволяли цензурныя условія, оно и въ дворянскій періодъ русской словесности прорывалось наружу съ большой силой. Правда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, на короткій срокъ, свирѣпость цензуры смягчилась и обличитель могъ дать большій просторъ своему гнѣву; но нельзя забывать, что среди этихъ новыхъ обличителей и отрицателей самые сильные—Писаревъ и Салтыковъ—разночинцами не были.

Есть впрочемъ одна черта, довольно характерная для группы радикаловъ того времени, допускающая извѣстное „сословное" толкованіе. Это—та угловатая и грубая откровенность, съ какой радикалы высказывали свои мнѣнія, вели свою полемику—откровенность, которую они часто выставляли на показъ какъ подкрѣпленіе своей правоты и образецъ искренняго, прямого отношенія къ вопросамъ и людямъ. На эту грубость молодыхъ людей часто жаловались люди старшіе, и она несомнѣнно свидѣтельствовала о томъ, что весьма многіе радикалы, щеголявшіе ею, не имѣли случая или возможности получить хорошее вос-

питаніе. Но эта грубость во внѣшнемъ проявленіи мыслей и чувствъ, въ тѣ нервные и тревожные годы, была достояніемъ не однихъ лишь радикаловъ. Быть можетъ, въ домашнемъ обиходѣ она именно у радикаловъ давала себя всего яснѣе чувствовать; но вѣдь обильные примѣры публичнаго поведенія на распашку могутъ быть найдены въ журналистикѣ всѣхъ тогдашнихъ партій. И въ данномъ случаѣ разночинецъ бывалъ невѣжливъ и рѣзокъ не потому, что онъ былъ разночинецъ, а потому что онъ былъ сыномъ своей эпохи, молодымъ человѣкомъ, обозлившимся на приличныхъ и корректныхъ людей, благородство манеръ которыхъ уживалось со страшнымъ гражданскимъ попустительствомъ.

Въ одномъ только смыслѣ сословное начало давало себя непосредственно чувствовать. Съ появленіемъ въ интеллигентномъ кругѣ большого числа лицъ различныхъ сословій многія стороны русской дѣйствительности, остававшіяся въ тѣни, попадали наконецъ въ полосу свѣта. Разночинецъ приносилъ съ собой знаніе быта, очень испытанное знаніе, вынесенное изъ близкаго знакомства съ самыми неприглядными уголками русской жизни. Объ этихъ уголкахъ онъ говорилъ часто, и устно, и въ печати, и такой притокъ свѣдѣній имѣлъ, конечно, свою стоимость въ тѣ годы, когда такъ много толковали объ оздоровленіи и просвѣщеніи разныхъ темныхъ царствъ. Эти бытовыя картины изъ жизни столицъ, провинціальныхъ городовъ и деревни вносили въ литературу большое оживленіе. Но сравнительно съ писателями старшаго поколѣнія, которые также успѣли собрать немало наблюденій надъ темными углами жизни—молодые этнографы и бытописатели радикальной окраски были, какъ художники, всетаки силой второстепенной.

Итакъ, приводить психику радикаловъ въ прямую связь съ тѣми особенностями сословной жизни, изъ нѣдръ которой они вышли—едва-ли возможно. Въ ихъ образѣ мыслей и въ порядкѣ ихъ чувствъ сословный элементъ могъ, конечно, прорываться при случаѣ наружу, но признать его за одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ всей ихъ психики было бы ошибкой. Масса, которая входила въ составъ этихъ радикальныхъ группъ, была именно разночинная, всесословная; въ ней сливались и скрещивались тенденціи, привычки, традиціи всевозможныхъ слоевъ общества—отъ типично дворянскаго до крестьянскаго,—не говоря уже о племенной розни въ ихъ средѣ. Не стихійное чувство безправныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ влекло ихъ по тому пути, который они избрали; ими руководила почти исключительно идея, завладѣвшая ихъ умами и вызвавшая въ нихъ сразу сильное на-

пряженіе чувствъ и смѣлый подъемъ воли. Идея ихъ скрѣпила и, не смотря на принадлежность ихъ къ разнымъ племенамъ и сословіямъ, придала ихъ мыслямъ, стремленіямъ и поступкамъ цѣльность и единство.

II.

При всемъ несходствѣ взглядовъ на отдѣльные вопросы философскіе, нравственные, общественные и политическіе—какъ они рѣшались въ разныхъ кружкахъ радикальнаго лагеря—одна мысль или, правильнѣе, одна вѣра собирала всѣхъ этихъ крайнихъ вокругъ единаго знамени. Это была цѣпкая вѣра человѣка въ почти чудотворную силу своей личности.

Въ старое доброе время сентиментализма и романтизма молодежь основывала свою вѣру въ себя частью на вѣрѣ въ Бога, частью на поэтической вѣрѣ въ возвышенное призваніе человѣка вообще. Энтузіастъ-мечтатель былъ убѣжденъ въ томъ, что его помыслы и поступки находятся подъ прикрытіемъ благого міропорядка, не имъ установленнаго, но имъ отгаданнаго. Онъ чувствовалъ на себѣ санкцію какихъ-то высшихъ началъ, которыми предначертанъ ходъ жизни, и онъ вѣрилъ въ силу своей личности, такъ какъ былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ въ духѣ этого предвѣчно установленнаго гармоничнаго міропорядка. Въ содружествѣ съ такой таинственной силой онъ сознавалъ себя и правымъ, и крѣпкимъ.

Тѣмъ же сознаніемъ былъ силенъ и молодой философъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда онъ мѣнялъ сентиментально романтическія мечты на схемы философскаго идеализма. Пріобрѣтя, какъ онъ думалъ, ключъ ко всѣмъ тайнамъ мірозданія и опредѣливъ точно свое собственное назначеніе въ мірѣ, онъ могъ спокойно повышать стоимость своей личности. Она не была одинока въ мірѣ; она думала и дѣйствовала также подъ охраной неизмѣнныхъ предвѣчныхъ истинъ, которыя въ немъ, въ ихъ смиренномъ служителѣ, находили себѣ временное воплощеніе. Философъ чувствовалъ на себѣ лучъ мірового разума, чувствовалъ въ себѣ движеніе міровой души и воли, и эта связь съ трансцендентнымъ міромъ утверждала въ немъ сознаніе правоты и силы его идей и стремленій.

Радикалъ шестидесятыхъ годовъ находился въ особомъ положеніи. Тяготѣнія къ религіозному міропониманію въ немъ совсѣмъ не было; трансцендентные міры были ему очень подозрительны и на всѣ попытки человѣка проникнуть въ ихъ тайны

онъ смотрѣлъ какъ на безплодное занятіе любопытствующаго ума; романтизмъ во всѣхъ видахъ вызывалъ въ немъ не то презрѣніе, не то насмѣшку. Онъ хотѣлъ стоять обѣими ногами твердо на „реальной“ земной почвѣ; онъ старался выработать въ себѣ своего рода религіозное отношеніе къ факту, и мысль о всякихъ санкціяхъ, не людьми установленныхъ, была отъ него далека. Онъ признавалъ одну лишь санкцію „трезвой“ мысли и „свободнаго“, „здороваго“ чувства, въ мельчайшихъ оттѣнкахъ и изгибахъ которыхъ онъ могъ отдать себѣ полный и ясный отчетъ. Былъ ли онъ правъ или неправъ въ такомъ отрицаніи недоказуемыхъ духовныхъ началъ жизни—это вопросъ иной; въ данномъ случаѣ важно, что такое реалистическое міровоззрѣніе взваливало всю отвѣтственность за мысли и дѣянія всецѣло на безстрашнаго исповѣдника трезвыхъ взглядовъ.

Личность „реалиста“, независимая и гордая, стояла на совершенно обнаженной позиціи, безъ прикрытія какихъ-либо предустановленныхъ началъ, опираясь на которыя реалисты могли бы сказать, что они правы не только передъ самими собою, но и передъ всѣмъ міропорядкомъ. Отрицатели сверхчувственнаго, они отлично понимали опасность такой позиціи и думали найти въ философіи матеріализма, въ позитивизмѣ и въ естественныхъ наукахъ все то, что̀ теряли въ отрицаніи идеализма. Въ извѣстномъ смыслѣ они, конечно, были вознаграждены, но агностицизмъ во всѣхъ его формахъ и теорія строгой эволюціи, какъ ее подтверждала наука объ естествѣ, могли только поколебать въ нихъ вѣру въ силу ихъ личности. Увѣренность въ этой силѣ должна была убывать въ нихъ по мѣрѣ того, какъ знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ въ разработкѣ исторіи, политической экономіи и соціологіи все яснѣе и убѣдительнѣе доказывало имъ, сколь ничтожна роль отдѣльной особи и какъ сильна закономѣрность процесса эволюціи, которая во взаимной связи явленій не позволяетъ выпадать ни одному звену и не признаетъ никакихъ скачковъ въ переходѣ отъ прошлаго къ настоящему и будущему.

Романтикъ и философъ-идеалистъ имѣли для каждаго порыва своего ума, чувства и воли готовое оправданіе въ таинственной сущности этихъ порывовъ. „Реалистъ“ принужденъ былъ быть болѣе осторожнымъ въ такомъ самооправданіи, и мысль о зависимости отъ среды, отъ условій историческихъ далекаго и близкаго прошлаго, мысль о нерасторжимомъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій могла и должна была смирять въ немъ излишнее довѣріе къ силѣ своего ума и чувства.

Но какое бы рѣшеніе ни подсказывала „реалистамъ“ ихъ теоретическая мысль, они оставались неизмѣнны въ своей вѣрѣ—глубокой фанатичной вѣрѣ въ силу своей личности, своего личнаго вліянія на ходъ событій, призвавшихъ ихъ самихъ къ жизни. Они въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличались отъ столь нелюбимыхъ ими идеалистовъ и романтиковъ, и разница была только въ томъ, что эту вѣру въ себя радикалы не могли формулировать такъ глубокомысленно и такъ восторженно, какъ это дѣлали ихъ предшественники. Но это не мѣшало имъ вѣрить, вѣрить безъ разсужденія въ возможность произвести крутую ломку всей окружавшей ихъ жизни. И единственной силой, которая могла произвести такой переломъ, была—по ихъ убѣжденію—свободная отъ всякихъ предразсудковъ личность, свободно выработавшая новый взглядъ на міръ и на человѣка и свободно установляющая новыя нравственныя отношенія между людьми.

Вѣра въ быстрые и плодотворные результаты такого вторженія заново воспитанной и образованной личности въ среду обветшалыхъ понятій и отживающихъ условій жизни—была той идейной связью, которая объединяла всѣхъ разночинныхъ и разноплеменныхъ членовъ радикальнаго лагеря.

III.

Итакъ, въ разныхъ городахъ Россіи — преимущественно, конечно, въ столицахъ,—стали формироваться кружки людей молодыхъ, обоего пола, весьма различныхъ по семейнымъ традиціямъ, воспитанію и образованію, людей различныхъ слоевъ и классовъ общества, разныхъ вѣроисповѣданій, разной національности; объединяла ихъ всѣхъ ясно сознанная мысль о необходимости перемѣнить тѣ условія жизни, въ которыхъ они выросли и которыя грозили имъ въ дальнѣйшемъ. Это недовольство существующимъ и, конечно, неразрывно съ нимъ связанная туманная мечта о лучшемъ — вотъ та первичная несложная психика, которая легла въ основаніе всѣхъ сложныхъ душевныхъ движеній русскаго радикала шестидесятыхъ годовъ.

Въ первые годы новаго царствованія этихъ будущихъ радикаловъ совсѣмъ нельзя выдѣлить изъ той большой массы лицъ, которыя провожаютъ минувшее царствованіе съ чувствомъ душевнаго облегченія. За весь короткій срокъ взаимнаго довѣрія между обществомъ и властью радикалы теряются въ толпѣ либераловъ разныхъ оттѣнковъ и отличаются отъ старшаго поколѣнія лишь

вполнѣ понятнымъ нетерпѣніемъ, въ которомъ нѣтъ пока еще никакой нетерпимости.

Но эволюція мыслей и чувствъ въ молодыхъ кругахъ интеллигентнаго общества совершается съ поразительной быстротой въ сторону радикализма. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ они рѣшительно и рѣзко порываютъ свой союзъ съ либералами, не смотря на приближающееся осуществленіе обѣщанныхъ реформъ. Либераловъ они обвиняютъ въ медлительности, требуютъ отъ нихъ рѣшительнаго дѣла — не опредѣляя, впрочемъ, въ точности, въ чемъ это дѣло должно заключаться: становится ясно, что въ своемъ недовольствѣ либералами они руководятся не какой-нибудь опредѣленной программой, а тѣмъ органическимъ чувствомъ недовѣрія, какое уже сформировавшійся радикалъ питаетъ ко всѣмъ людямъ не его лагеря. Ко времени осуществленія первой реформы они находятся уже на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, являются выразителями оппозиціи, не идущей ни на какое соглашеніе, и часть ихъ не останавливается даже передъ открытыми революціонными актами. Когда затѣмъ правительство начинаетъ усилять свою опеку, они все рѣшительнѣе и смѣлѣе ведутъ свою радикальную проповѣдь, стремясь создать боевые кадры изъ интеллигентныхъ единицъ, въ надеждѣ, что такая армія „новыхъ“ людей будетъ въ силахъ оказать успѣшное сопротивленіе правительственной реакціи. Когда надежды эти оказываются тщетными, они, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, обращаются за помощью къ народной массѣ.

Все это развитіе радикальной мысли и радикальнаго настроенія совершалось съ головокружительной быстротой.

IV.

Помимо неожиданной быстроты, съ какой вскипалъ русскій радикализмъ въ шестидесятыхъ годахъ, онъ въ своемъ развитіи обнаружилъ еще одну характерную черту. Онъ жилъ и размножался безъ дисциплины. Уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на то, насколько въ немъ волевой элементъ преобладалъ надъ чисто идейнымъ.

Всякая доктрина, хотя бы и самая анархическая, требуетъ извѣстнаго порядка, извѣстной дисциплины въ своемъ развитіи. Прежде, чѣмъ переходить въ жизнь, доктрина должна быть разработана хотя бы въ основныхъ своихъ частяхъ, должна точно и ясно отвѣчать на вопросы, поставленные даннымъ историческимъ

моментомъ, должна, наконецъ, имѣть проводниковъ болѣе или менѣе сильныхъ, учителей теоретиковъ и практиковъ, вокругъ которыхъ могли бы группироваться наростающіе кадры послѣдователей. Исторія показываетъ намъ, что всякое идейное общественное движеніе имѣло свои священныя книги и своихъ вождей, и чѣмъ опредѣленнѣе были догмы такихъ книгъ и чѣмъ яснѣе проповѣдь вождей, тѣмъ жизнеупорнѣе само ученіе.

Радикальная доктрина шестидесятыхъ годовъ стояла въ данномъ случаѣ въ совсѣмъ особыхъ условіяхъ.

Во-первыхъ, она была лишена возможности развиваться открыто при гласномъ, всестороннемъ обсужденіи ея основоположеній. Если цензурныя условія при новомъ порядкѣ вещей и были нѣсколько мягче, чѣмъ въ дореформенное время, то идеи крайнія этой льготой во всякомъ случаѣ не могли пользоваться. Правильное идейное развитіе доктрины было заторможено и затѣмъ пріостановлено; не могло быть и рѣчи о какой-нибудь открытой пропагандѣ доктрины, объ открытомъ выступленіи вождей, насаждающихъ это ученіе, громко сказаннымъ словомъ и ни отъ кого не скрываемымъ дѣйствіемъ. Съ первыхъ же дней своей жизни радикализму пришлось не договаривать, усваивать себѣ иносказательную рѣчь и быть осторожнымъ въ подборѣ даже частныхъ аудиторій. Но кромѣ этихъ неблагопріятныхъ условій чисто внѣшняго характера, были еще и иныя, характера внутренняго, которыя еще рѣшительнѣе налагали на радикальное движеніе свой отпечатокъ и обусловили его необычную судьбу.

Прежде всего этотъ радикализмъ не имѣлъ корней въ прошломъ нашей общественной жизни. Когда онъ появился въ шестидесятыхъ годахъ и началъ высказываться, онъ, прежде чѣмъ разсердить несогласныхъ съ нимъ, удивилъ ихъ какъ явленіе, которому въ прошломъ нельзя было подобрать аналогіи. Всѣ партіи имѣли свою исторію, и ультраконсервативная, и оффиціально-правительственная, и славянофильская, и либерально-конституціонная, и либеральная безъ опредѣленной политической идеи. Не уходя вглубь старины, можно было съ начала XIX вѣка, во времена либеральныхъ реформъ и плановъ императора Александра Павловича, найти въ изобиліи зерна любой политической и общественной мысли, которая въ царствованіе Николая Павловича давала ростки и побѣги, а въ шестидесятыхъ годахъ—уже первый цвѣтъ.

Что касается лѣваго крыла, то пристегнуть его тенденціи и программы къ идеямъ и настроеніямъ въ прошломъ было очень трудно. Движеніе декабристовъ, о которомъ радикалы

всегда вспоминали съ нѣжной благодарностью, едва-ли можетъ быть названо первоисточникомъ русскаго радикализма. Оно было движеніемъ сословнымъ, и возмущеніе, къ которому оно привело, имѣло больше сходства со старыми дворцовыми переворотами, чѣмъ съ натискомъ общественной мысли и общественнаго настроенія на установившійся порядокъ. Да и радикализма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ декабрьскомъ движеніи не было, если не считать случайныхъ вспышекъ террористической мысли, не приведенной, однако, въ исполненіе. Кромѣ того, тотъ религіозный сентиментализмъ или та сентиментальная религіозность, которою было пропитано міросозерцаніе большинства участниковъ декабрьскаго движенія, проводила рѣзкую разграничительную черту между психикой радикала и духовной сущностью романтика въ политикѣ.

Въ тѣхъ молодыхъ кружкахъ, гдѣ ютилась либеральная мысль въ царствованіе Николая Павловича, настоящаго радикализма во взглядахъ и чувствахъ также не было. Московскіе кружки тридцатыхъ годовъ числили въ своей средѣ юныхъ идеалистовъ-философовъ, въ большинствѣ аристократовъ и по рожденію, и по духу, лицъ, заходившихъ въ своихъ мечтахъ и теоретическихъ выкладкахъ иногда далеко влѣво, но неизмѣнно сохранявшихъ душевную уравновѣшенность, съ яснымъ тяготѣніемъ къ религіи и къ эстетикѣ. Петербургскій кружокъ петрашевцевъ—тотъ нѣсколько отошелъ отъ идеологіи и готовъ былъ вступить на путь проповѣди утопическаго соціализма, о которомъ мечтали и москвичи; но дѣятельность этого кружка была прервана въ самомъ началѣ. И сказать опредѣленно, во что разрѣшилось бы движеніе петрашевцевъ въ дальнѣйшемъ—трудно. Въ ихъ программѣ, насколько можно судить по самому процессу, во всякомъ случаѣ не было послѣдовательнаго отрицанія всѣхъ устоевъ старой жизни, отъ личной до государственной, отъ идейной до матеріальной.

Какъ народились наши радикалы—кто могъ отвѣтить? Они образовались въ тиши, въ нѣдрахъ частныхъ провинціальныхъ семей, въ среднихъ и высшихъ школахъ свѣтскихъ и духовныхъ, и когда они выдвинулись какъ опредѣленная общественная сила—никто не могъ установить ихъ прямой генеалогіи.

То обстоятельство, что радикалы собственно не имѣли исторіи и должны были начинать собою совсѣмъ новое движеніе въ русской жизни, затрудняло во многомъ ихъ задачу. По наслѣдству отъ старой жизни имъ ничего не осталось, кромѣ поэтическаго воспоминанія о людяхъ, которые не боялись плыть противъ те-

ченія и которые погибли и разсѣялись. Эти отцы или старшіе братья не передали дѣтямъ никакой доктрины, никакой тактики. Новымъ людямъ приходилось устраиваться на новомъ мѣстѣ, хотя и освященномъ нѣкоторыми традиціями, но совершенно незащищенномъ. Все надо было создать заново: заново выработать доктрину, составлять новые кадры и, самое главное, найти новыхъ вождей.

V.

Дѣйствительно, если положеніе радикаловъ затруднялось тѣмъ, что въ прошломъ они не имѣли поддержки и общество было совсѣмъ неподготовлено къ ихъ появленію и ихъ пропагандѣ, то трудность эта увеличивалась тѣмъ, что имъ пришлось жить и дѣйствовать почти не имѣя въ своей средѣ лицъ, которыя могли бы выполнить роль настоящихъ вождей и крѣпко сплотить одинаково настроенныхъ, но разно мыслящихъ и разно чувствующихъ людей.

Старшее поколѣніе такихъ вождей дать не могло въ силу особенностей его душевнаго склада и его образа мыслей. Вождемъ могъ еще стать Герценъ; онъ и былъ имъ на короткій срокъ. Но жилъ онъ за предѣлами Россіи, и, какъ уже сказано, сильный въ постановкѣ вопросовъ, онъ не давалъ тѣхъ отвѣтовъ, которыми радикалы могли бы удовлетвориться. Всѣ данныя для вождя были и у Бакунина, но во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ жилъ въ Сибири и только въ 1861-мъ году появился на горизонтѣ, и то въ Лондонѣ. Дѣйствовать могъ онъ также лишь на разстояніи и, притомъ, въ сферу его вліянія попадали лишь исключительныя натуры.

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, старшее поколѣніе не могло выставить ни одного полководца. Оставалось ждать пока они появятся въ средѣ самихъ радикаловъ, среди тѣхъ юнцовъ, которые сами въ нихъ нуждались. Дѣйствительно, такіе вожди появились, и на первый взглядъ можетъ показаться, что лучше, чѣмъ они выполнили свою роль, выполнить ее при данныхъ условіяхъ было невозможно. Давно уже имена этихъ вождей причислены къ самымъ яркимъ именамъ нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Радикальная партія шестидесятыхъ годовъ располагала многими талантливыми силами въ разныхъ областяхъ духовной и практической дѣятельности. Но среди этихъ силъ найдется немного такихъ, которыя обладали бы способностями руководящими,

а не исполнительными, могли бы стоять на посту административномъ, а не служебномъ. Большинство годилось на работу спеціальную и рѣдко кто обладалъ самымъ нужнымъ и цѣннымъ даромъ организатора. Если судить по силѣ вліянія отдѣльнаго лица на массу, то такихъ организаторовъ и вождей, учителей и руководителей было въ шестидесятыхъ годахъ только четверо—Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ и Лавровъ. Они одни имѣли болѣе или менѣе широкую аудиторію и могли говорить если не о своихъ партіяхъ, то о своихъ послѣдователяхъ. На нихъ легла трудная работа критической оцѣнки всѣхъ старыхъ устоевъ нашей жизни и выработка программы образованія и воспитанія „новаго" человѣка. Весь свой трудъ и свое дарованіе отдали эти люди на выполненіе такой задачи и дали все, что они могли дать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія были поставлены.

Позволительно, однако, спросить, достаточно ли было ихъ силъ для организаціи цѣлой новой партіи, призванной дѣйствовать безъ поддержки традицій, среди условій крайне враждебныхъ ея свободному развитію и при наличности совершенно недисциплинированныхъ молодыхъ умовъ и характеровъ, среди которыхъ эта партія почти исключительно вербовала своихъ членовъ? Та путаница, тѣ недоразумѣнія, тѣ явныя ошибки теоретическія и тактическія, какія допустила эта партія въ развитіи своего ученія и своей практической программы — не объясняются ли они во многихъ случаяхъ тѣмъ, что какъ масса, такъ и вожди этого движенія сами находились въ періодѣ бореній умственныхъ и душевныхъ и какъ бы ощупью искали новаго пути?

Положеніе вождей было несомнѣнно трагическое, и къ тому же судьба была къ нимъ безжалостна. Всѣ они сошли съ арены въ самомъ расцвѣтѣ силъ, иногда даже наканунѣ этого расцвѣта, унесенные то смертію естественной, то смертію гражданской.

Добролюбовъ и Писаревъ умерли не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста. Не пройдя никакой серьезной школы научной,— которая въ тѣ годы и не существовала,—они должны были, образовывая и просвѣщая другихъ, заботиться о самообразованіи. Они взяли на себя роль руководителей партіи тогда, когда ихъ образованіе не только не было закруглено, но находилось еще въ подготовительной стадіи. Имъ пришлось говорить и писать о чрезвычайно сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ отвлеченныхъ и практическихъ, которые для нихъ самихъ были новинкой. Ихъ часто обвиняли за подобную дерзость и они сами сознавали вѣроятно свою вину, но сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность молчать, такъ какъ никто не говорилъ за нихъ

и никого не было около нихъ, кто могъ бы эту отвѣтственную задачу выполнить лучше. Ждать же, пока накопятся знанія, было невозможно—невозможно потому, что упустить удобнаго времени не хотѣлось въ интересахъ общаго блага, а также и потому, что молодость ждать не привыкла, въ особенности когда она чувствуетъ за собой силу. А молодые проповѣдники новаго міровоззрѣнія и новой житейской практики чувствовали за собой несомнѣнно такую силу. Ихъ слушали, ими зачитывались; иногда они сами могли видѣть, какъ ихъ взгляды входили въ практику жизни. Все это льстило ихъ самолюбію и могло укрѣплять ихъ въ сознаніи правоты того, что они проповѣдывали за свой личный страхъ. Но всетаки, отдавая должное ихъ колоссальной способности усвоенія, ихъ уму и литературному таланту, признавая, что нѣкоторыя мысли и чувства, вполнѣ законныя и для тогдашняго историческаго момента очень плодотворныя, были ими глубоко продуманы, прочувствованы и укрѣплены въ ближнихъ—можно всетаки поставить вопросъ: а не страдало ли новое ученіе отъ того, что самимъ учителямъ приходилось учиться? Категоричность и рѣзкость въ скороспѣлыхъ отвѣтахъ на очень трудные вопросы могла сердить людей, которые охотно во многомъ бы согласились съ молодыми проповѣдниками, еслибы за ихъ словами могли предположить достаточное количество знаній и серьезное, осмотрительное отношеніе къ предмету. Поспѣшность, съ какой эти люди работали надъ собственнымъ образованіемъ, при необходимости немедленно дѣлиться своей работой съ другими—не позволяла имъ позаботиться объ архитектоникѣ ихъ ученія. Ихъ статьи и рѣчи представляли собой рядъ случайныхъ трактатовъ, въ которыхъ попадались въ перемежку мысли на самыя разнообразныя темы, что, конечно, очень вредило единству впечатлѣнія. Читатель былъ мало подготовленъ къ самостоятельной умственной работѣ и ему было трудно изъ массы статей самаго пестраго содержанія выжать необходимую сущность, вычитать стройное міровоззрѣніе и стройную программу поведенія, въ которыхъ онъ очень нуждался.

Чернышевскій стоялъ, конечно, въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ Добролюбовъ и Писаревъ. Онъ годами былъ старше и располагалъ большимъ количествомъ разнообразныхъ знаній, когда взялся за перо. И умъ его былъ болѣе глубокій и болѣе вышколенный, и вообще какъ личность онъ былъ крупнѣе другихъ. Какъ вождь, руководитель и организаторъ онъ былъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ—что подтверждается и тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, какое онъ имѣлъ на свое поколѣніе. Но именно сила этого

вліянія и заставила правительство поскорѣй изъять его изъ обращенія, и онъ пересталъ существовать для своей партіи въ моментъ, когда онъ былъ ей всего нужнѣе, въ самый трудный моментъ ея жизни, въ дни разгара реакціи, въ минуту унынія и усталости, наступившей послѣ бурныхъ лѣтъ легковѣрной и смѣлой молодости. Романъ, написанный Чернышевскимъ въ тюрьмѣ — это своеобразное руководство къ теоретическому познанію жизни и практическому ея устройству, оставленное имъ въ наслѣдство всѣмъ вѣрующимъ въ него,—конечно, не могъ замѣнить его личность. Но и въ тѣ годы, когда Чернышевскій дѣйствовалъ на свободѣ, когда обдумывалъ то, что потомъ въ лицахъ представилъ въ романѣ, онъ былъ, частью по доброй волѣ, частью въ силу необходимости, лишенъ возможности отдать свои силы всецѣло на воспитаніе и образованіе новаго человѣка. Во-первыхъ, цензура принуждала его къ молчанію по вопросамъ самымъ существеннымъ; затѣмъ его личные широкіе умственные интересы заставляли его отдавать много времени на работы въ высшей степени полезныя, но все-таки такія, плодами которыхъ могли пользоваться не столько молодые люди, сколько старшее поколѣніе. Чернышевскій любилъ разрабатывать чисто теоретическіе вопросы, требовавшіе отъ читателя большой подготовки; онъ потратилъ очень много труда и времени на пересказъ извѣстныхъ на Западѣ сочиненій по новѣйшей исторіи, которыя несомнѣнно имѣли общеобразовательное значеніе, но на прямые вопросы русской жизни не отвѣчали; онъ велъ въ „Современникѣ“ отдѣлъ иностранной политики, гдѣ, конечно, намековъ на русскую дѣйствительность было немало, но гдѣ ихъ приходилось вылавливать съ немалымъ трудомъ. На его же плечахъ лежалъ и журнальный отдѣлъ по крестьянскому вопросу и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ отдавалъ этой работѣ весь свой трудъ и талантъ. Эта работа, удивительная по теоретической силѣ и по количеству знаній—несомнѣнно историческій памятникъ большой цѣны; но она была разсчитана не на молодую, неподготовленную аудиторію. Неподготовлена была аудиторія и къ тѣмъ научнымъ изслѣдованіямъ въ области политической экономіи, которыя прославили имя Чернышевскаго за предѣлами Россіи. Надо было быть спеціалистомъ въ этихъ вопросахъ, чтобы вникать въ нихъ со всей подобающей имъ серьезностью, какъ надо было имѣть вообще широкое образованіе, чтобы разобраться въ историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ нашего автора. Для прямой задачи воспитанія и обученія „новаго“ человѣка работы Чернышевскаго были слишкомъ

спеціальны и учены, и тѣ немногія общедоступныя публицистическія статьи, которыя имъ были написаны одновременно съ этими серьезными изслѣдованіями, не пополняли пробѣла. Самъ Чернышевскій понималъ это, когда въ романѣ „Что дѣлать?“ принялся за популяризацію своей философской и соціальной доктрины.

Лаврова можно было бы и не зачислять въ ряды вождей поколѣнія шестидесятниковъ, такъ какъ вліяніе его ученія стало замѣтно лишь позднѣе—послѣ выхода въ свѣтъ его „Историческихъ писемъ“ (1868—70). Самъ онъ принадлежалъ, однако, къ шестидесятникамъ перваго призыва, и можно только пожалѣть, что онъ такъ долго вполнѣ не высказывался и что въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось высказываться, онъ не выходилъ изъ области трудныхъ философскихъ вопросовъ, о которыхъ онъ, вдобавокъ, говорилъ и очень труднымъ языкомъ. Среди всѣхъ своихъ сверстниковъ онъ былъ, пожалуй, единственный настоящій философскій умъ, съ большимъ философскимъ образованіемъ и съ несомнѣннымъ даромъ творчества въ области чистой мысли. Для той эпохи, которая съ философскими вопросами обходилась довольно небрежно, аналитическая и синтетическая работа мысли Лаврова могла бы принести большую пользу въ дѣлѣ дисциплины мышленія. Но Лавровъ, какъ и Чернышевскій, слишкомъ опережалъ своихъ слушателей и читателей, которые на первыхъ порахъ нуждались въ элементарномъ руководствѣ, а не въ ученыхъ трактатахъ.

Всѣ эти указанныя особенности въ положеніи вождей среди массы отнюдь не умаляютъ ихъ большого вліянія на тѣхъ, кто въ нихъ вѣрилъ, и отнюдь не уменьшаютъ ихъ культурной заслуги. Но въ общей оцѣнкѣ эпохи мы не должны упускать изъ виду, какъ несистематично и неполно развивалась доктрина радикализма. Лишь тѣ немногочисленные люди, которые съ учителями стояли въ личныхъ сношеніяхъ, могли пройти болѣе систематическую школу. Остальная масса была осуждена на очень отрывочное теоретическое, общественное и политическое воспитаніе. А изъ этой-то массы и надлежало выйти тѣмъ „новымъ“ людямъ, которые должны были произвести ожидаемый радикальный переворотъ во всемъ строѣ нашей жизни.

VI.

Была, однако, возможность пополнить до извѣстной степени недочетъ въ образованіи, вызываемый такимъ положеніемъ дѣлъ.

Если въ предѣлахъ Россіи учительская каѳедра не давала всего того, чего требовала минута, то можно было обратиться за помощью на Западъ, который неоднократно выручалъ насъ въ подобныя трудныя минуты. Западъ могъ дать либо живой урокъ, либо урокъ книжный.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ европейскія страны, за исключеніемъ развѣ Италіи, не могли, однако, стать примѣромъ для нагляднаго обученія. Послѣ волненій 1848-го года реакція была въ полномъ ходу, и среди своихъ недавнихъ враговъ и недоброжелателей Россія была, пожалуй, единственной страной съ ясно обозначившейся либеральной тенденціей въ своемъ государственномъ развитіи. Но если радикалы не могли разсчитывать на поддержку самой жизни на Западѣ, то западная наука, публицистика и литература были всегда къ ихъ услугамъ. Въ этихъ областяхъ иноземнаго духовнаго творчества радикализмъ могъ найти себѣ сильныхъ союзниковъ. Недостатокъ въ учителяхъ русскихъ могъ быть, такимъ образомъ, восполненъ. И дѣйствительно, начиная со средины пятидесятыхъ годовъ мы замѣчаемъ большое оживленіе переводной литературы. Цензура служитъ и въ данномъ случаѣ большой преградой, но при помощи разныхъ хитростей переводчики ее обходятъ или просто не считаются съ ней, распространяя свои переводы въ рукописныхъ спискахъ. Молодое поколѣніе получаетъ, такимъ образомъ, возможность ознакомиться со многими трудами по всѣмъ отраслямъ науки, и преимущественно науки естественно-исторической. Всѣ эти науки, столь слабо представленныя у насъ въ дореформенное время, кружатъ молодежи голову; она набрасывается на нихъ съ большимъ рвеніемъ и желаніемъ ихъ осилить, тратитъ много времени на этотъ трудъ, но, за неимѣніемъ подготовки, устаетъ быстро, и это научное самообразованіе сводится очень часто къ усвоенію лишь самыхъ послѣднихъ обобщающихъ выводовъ, близкихъ къ гипотезѣ. За нѣкоторыми исключеніями большинство остается на той ступени полуобразованности, которая такъ часто мѣшаетъ человѣку стать вполнѣ образованнымъ. Такъ какъ научныхъ традицій у насъ въ тѣ годы было мало и сразу войти въ кругъ европейской научной образованности мы не могли, то такая замѣна органическаго научнаго развитія готовой иностранной книгой могла имѣть свою вредную сторону.

Но то, что̀ терялось въ смыслѣ солидности и неполноты образованія, уравновѣшивалось, какъ мы увидимъ, тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, какое западная наука — историческая, экономическая, политико-соціальная, философская и естественно-истори-

ческая — производила вообще на психику радикальной молодежи. Настроеніе радикальной группы во многомъ зависѣло отъ ея наскоро составленнаго міровоззрѣнія, которое, какъ ей казалось, имѣло за собой нерушимую научную санкцію, европейскимъ умомъ установленную.

Итакъ, въ дѣлѣ воспитанія и образованія радикальная молодежь шестидесятыхъ годовъ была во многомъ предоставлена себѣ самой, при весьма небольшомъ количествѣ учителей въ предѣлахъ Россіи и при большомъ выборѣ иностранныхъ книгъ, къ чтенію которыхъ ояа была мало подготовлена.

VII.

Вербовалась эта молодежь, какъ мы знаемъ, изъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества, отъ низкихъ до высокихъ. Движимая силой идейной, образовала она ту армію волонтеровъ, которая рѣшилась, почти безъ поддержки другихъ оппозиціонныхъ партій, оказать упорное сопротивленіе дисциплинированной правительственной силѣ.

Идея, одушевлявшая молодыхъ людей, не была выработана какимъ-нибудь долгимъ трудомъ мысли: она сразу овладѣла ихъ умомъ, чувствомъ и волей, и сводилась она къ несложному и ясному убѣжденію въ томъ, что личность, сознающая свою умственную и нравственную правоту, можетъ обладать огромной силой воздѣйствія на окружающую ее среду. Эти юноши, молодыя дѣвицы и дамы, входившіе въ составъ радикальной группы, были увѣрены, что добрая воля отдѣльныхъ единицъ, способна повернуть жизнь цѣлаго народа на новую дорогу. Съ недавней стариной они порвали безпощадно, отрицая многое, что̀ можно было бы и не отрицать. Передъ ними носился образъ „новаго“ человѣка, новаго гражданина и новой гражданки, — на новыхъ, разумныхъ началахъ воспитанныхъ, вооруженныхъ послѣднимъ словомъ науки. Эти новые люди должны были служить оплотомъ противъ всякой попытки жизни вернуться вспять, противъ всякаго насилія и опеки надъ свободно развивающейся личностью. Союзъ такихъ свободно развившихся личностей обѣщалъ быстрое торжество новаго уклада жизни личной и гражданской. Все зависѣло отъ ихъ стойкости, прямолинейности, отъ способности устоять передъ соблазномъ компромисса. И имъ нужны были учителя, чтобы привести ихъ кратчайшимъ путемъ къ намѣченной цѣли. Изъ ихъ среды пришло имъ на помощь нѣ-

сколько сильныхъ людей, но обстоятельства сложились такъ, что эти люди, по разнымъ причинамъ, не могли способствовать ихъ воспитанію и образованію въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо. Въ трудной задачѣ выработки теоретическихъ взглядовъ и ихъ проведенія въ жизнь молодые умы и сердца были во многомъ предоставлены самимъ себѣ. Они и занялись ревностно самовоспитаніемъ и самообразованіемъ, использовавъ все, что имъ могли дать русскіе учителя, и пополняя недочеты своего образованія усернымъ чтеніемъ иностранныхъ книгъ по всѣмъ отраслямъ науки. Для огромнаго большинства изъ нихъ это чтеніе было довѣрчивое и безсистемное, и если въ общемъ великъ былъ для нихъ приростъ знаній, то столь же велика была опасность поспѣшныхъ выводовъ.

Всѣ эти трудности и неловкости въ общественномъ положеніи радикальной группы не помѣшали ей выполнить въ движеніи шестидесятыхъ годовъ особую культурную роль. Эта роль измѣряется не столько количествомъ и качествомъ пущенныхъ въ оборотъ мыслей, сколько повышеніемъ общественнаго настроенія и темперамента, повышеніемъ въ обществѣ сознанія своего права на самоопредѣленіе, на свободный выборъ пути, который долженъ былъ привести къ полной ликвидаціи стараго порядка, формально отмѣненнаго, но въ дѣйствительности еще живого.

VIII.

Исторія идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ за періодъ ихъ возникновенія и первыхъ лѣтъ ихъ дѣятельности въ шестидесятыхъ годахъ можетъ быть раздѣлена, для удобства ея обозрѣнія, на слѣдующіе общіе отдѣлы.

I. Первое, что̀ надлежитъ выяснить, это — міросозерцаніе и психику тѣхъ сильныхъ людей, которые, выйдя изъ нѣдръ самихъ радикальныхъ круговъ, стали ихъ учителями и вождями. Обзоръ литературной и общественной дѣятельности Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева и Лаврова долженъ открыть собою исторію этой долголѣтней борьбы радикальныхъ элементовъ русскаго общества съ тѣми силами, которыя стремились либо затормозить, либо умѣрить ростъ прогрессивныхъ идей и агрессивнаго настроенія.

II. Надлежитъ затѣмъ опредѣлить, что̀ дали радикальнымъ группамъ западная наука и литература, и какъ усвоеніе вновь открытыхъ научныхъ истинъ и соприкосновеніе съ западной

жизнью въ мечтѣ и дѣйствительности отразились на ихъ міропониманіи и на ихъ настроеніи.

III. Наконецъ, нужно воскресить самый обликъ массовой жизни этихъ людей, постараться раскрыть тотъ образъ мыслей, какого держалась масса, и слѣдить за ней въ проявленіяхъ ея настроенія и темперамента при разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной и личной.

IV. Въ совсѣмъ особый отдѣлъ можно выдѣлить такъ называемый „женскій вопросъ“, который въ радикальныхъ кругахъ былъ такъ открыто поставленъ въ теоріи и на практикѣ.

Несторъ Котляревскій.

КОНСТАНТИНЪ ПЕККЕРЪ

Страница изъ исторіи соціалистической мысли во Франціи.

I.

Конецъ 30-хъ и начало 40-хъ гг. XIX в. являются однимъ изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи развитія соціалистической мысли во Франціи. Соціалисты и соціальные философы начала XIX в., оказавшіе опредѣляющее вліяніе на теоріи послѣдующихъ соціалистовъ, къ этому времени сошли со сцены; Фурье, Сенъ-Симона и Сисмонди уже не было въ живыхъ. Изъ соціалистовъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. Базаръ умеръ, Анфантэнъ уѣхалъ изъ Франціи и прекратилъ свою соціалистическую пропаганду и агитацію; ортодоксальный сенъ-симонизмъ вообще былъ убитъ менильмонтанскимъ процессомъ. Продолжали работать Бюшезъ, Консидеранъ и Бланки. Въ концѣ 30-хъ гг. къ нимъ почти одновременно присоединилась цѣлая плеяда молодыхъ теоретиковъ соціализма: Прудонъ, Луи Бланъ, Пеккеръ, Кабе и Дезами. Ими кончается классическій періодъ развитія соціалистической мысли во Франціи. Потомъ эта мысль какъ бы изсякла: ни февральская революція, ни эпоха второй имперіи не дали ничего оригинальнаго въ области теоретическаго соціализма. Новое пробужденіе ея наступаетъ лишь въ 70-хъ гг., подъ прямымъ вліяніемъ теоріи Маркса и Энгельса и практики Международнаго Общества рабочихъ.

Пеккеръ не пользовался большимъ практическимъ вліяніемъ. Какъ практическій дѣятель и публицистъ, онъ совершенно стушевывается передъ крупными фигурами Прудона, Луи Блана,

Кабе, Бланки. Напротивъ, въ области теоріи у него есть серьезныя заслуги. Недаромъ Бенуа Малонъ называлъ его „отцомъ современнаго коллективизма“. Во многихъ вопросахъ Пеккеръ является непосредственнымъ предшественникомъ Маркса; многія идеи современнаго соціализма или высказаны, или развиты впервые Пеккеромъ. Поэтому ознакомленіе съ его соціалистическими воззрѣніями представляетъ не только историческій интересъ.

Пеккеръ умеръ сравнительно недавно, въ 1887 г.; однако, послѣ революціи 1848 г. онъ ничего не печаталъ. Его соціалистическая система цѣликомъ изложена въ трехъ его первыхъ произведеніяхъ: „Economie sociale. Des intérêts du commerce, de l'industrie et de l'agriculture“ (1837, 2 тома); „Des améliorations matérielles dans leur rapport avec la liberté“ (1839); „Théorie nouvelle d'économie sociale et politique“ (1842). Послѣдующіе его трактаты и журнальныя статьи, поскольку онъ касался въ нихъ вопросовъ соціализма, представляютъ собою лишь повтореніе идей, высказанныхъ въ этихъ трехъ его основныхъ работахъ.

Въ области критики современнаго общественнаго строя почти всѣ соціалисты исходятъ изъ интересовъ личности, полноты удовлетворенія ея потребностей, обезпеченности условій ея физическаго и духовнаго развитія. Исключеніемъ являются Платонъ и находившіеся подъ его вліяніемъ Кампанелла и отчасти Родбертусъ. Со временъ Т. Мора, этого перваго соціалиста новаго времени, признаніе правъ личности на удовлетвореніе ея потребностей и всестороннее развитіе является одной изъ основныхъ идей соціализма. Анализируя современный общественный строй съ точки зрѣнія интересовъ личности, соціалисты находятъ, что потребности широкихъ слоевъ населенія остаются въ немъ неудовлетворенными, и массы лишены условій, необходимыхъ для ихъ физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они видятъ, что причина общественнаго зла и народныхъ бѣдствій кроется не въ испорченности человѣческой природы, не въ грѣхопаденіи человѣка, не въ прирожденной ему наклонности ко злу, а въ плохомъ общественномъ устройствѣ, главнымъ образомъ—въ господствѣ права частной собственности, порождающаго имущественное неравенство, роскошь однихъ и нищету другихъ. Начиная съ XVI в. идея детерминизма, соціальной обусловленности моральной личности человѣка проникаетъ всю соціалистическую литературу, является одной изъ руководящихъ идей соціалистической критики современнаго общества. Человѣкъ не имѣетъ ни врожденныхъ идей, ни врожденныхъ

наклонностей; его идеи и склонности являются продуктомъ соціальной среды, въ которой онъ живетъ. Если при плохомъ общественномъ устройствѣ человѣкъ преступенъ и золъ, то при хорошемъ онъ будетъ добръ и ласковъ. Главной причиной зла является имущественное неравенство, порождаемое частной собственностью. Поэтому, принципу частной собственности соціалисты противополагаютъ принципы коллективной собственности болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ.

При до-капиталистическомъ строѣ хозяйства, въ обществѣ мелкихъ производителей, вредъ частной собственности состоитъ въ томъ, что, при разной плодовитости отдѣльныхъ семей, однѣ изъ нихъ, мало плодовитыя, оказываются съ избыткомъ обезпеченными землею и другими средствами производства, тогда какъ въ семьяхъ съ большимъ количествомъ дѣтей воцаряются нищета и голодъ. Каждый пользуется продуктами одного лишь своего труда; но трудъ хорошо обезпеченнаго средствами производства приноситъ богатые плоды, трудъ неимущаго—скудные. Въ этой неравной оборудованности труда, а не въ эксплуатаціи имущимъ неимущаго,—главное зло до-капиталистическихъ формъ частной собственности и источникъ порождаемаго ею имущественнаго неравенства. Когда соціалисты XVI—XVIII вв. говорятъ объ эксплуатаціи трудящихся, они имѣютъ въ виду почти исключительно до-капиталистическія формы этой эксплуатаціи, феодальные поборы и повинности или государственные налоги. Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній производства главное значеніе пріобрѣтаетъ эксплуатація труда наемныхъ рабочихъ. Въ настоящее время вопросъ о разной плодовитости различныхъ семей утратилъ свое былое общественное значеніе: даже французскіе крестьяне научились регулировать число рождающихся дѣтей. Этимъ объясняется, что моментъ, игравшій такую видную роль въ соціалистической литературѣ XVIII в., совершенно позабытъ современными французскими соціалистами. Пеккеръ послѣдній упоминаетъ о немъ. При капиталистическомъ способѣ производства зло частной собственности состоитъ въ томъ, что она позволяетъ капиталисту, собственнику средствъ производства, эксплуатировать трудъ наемныхъ рабочихъ, взимать съ нихъ особый налогъ, называемый прибылью или рентой. Сисмонди первый сосредоточиваетъ все свое вниманіе на критикѣ капиталистическихъ отношеній найма, достигшихъ въ его время въ Англіи высокой степени развитія. Пеккеръ, какъ и Сисмонди, строитъ свою критику капиталистическаго строя на анализѣ основного экономическаго понятія — цѣнности. По его мнѣнію,

цѣнности создаются только трудомъ. „Реальная и денежная цѣнность всякаго продукта—говоритъ онъ—должна была бы опредѣляться только количествомъ труда, затраченнаго на его производство. Слѣдовательно, цѣнность двухъ продуктовъ, стоившихъ одинаковаго количества труда, одинакова при справедливомъ обмѣнѣ, какова бы ни была ихъ относительная отдѣлка или талантъ, вложенный въ каждый изъ нихъ". Количество труда, затраченное на производство того или другого продукта, исчисляется не только временемъ: необходимо принять во вниманіе еще напряженность труда. Цѣнность вещи опредѣляется не „по времени и издержкамъ, затраченнымъ на ея производство, даже не по количеству часовъ работы человѣка; ибо нервная сила можетъ быть израсходована въ одинъ часъ, на данной работѣ, въ такомъ количествѣ, въ какомъ она не будетъ затрачена въ шесть часовъ на работѣ другого рода. Продолжительность труда является, слѣдовательно, ложнымъ мѣриломъ, неспособнымъ служить единицею мѣры для всѣхъ родовъ труда и занятій... Въ одинъ часъ можно затратить больше умственной и физической силы на производство одной вещи, чѣмъ въ два и даже въ четыре часа — другой". Пеккеръ отрицаетъ способность земли и капитала создавать новыя цѣнности. Эта творческая способность принадлежитъ только человѣку, его рабочей силѣ, его труду. „Капиталъ самъ по себѣ ничего не приноситъ, ничего не создаетъ, ничего не воспроизводитъ; создаетъ и воспроизводитъ тотъ, кто его примѣняетъ — кредитуемый или заемщикъ. Онъ одинъ даетъ капиталисту прибыль, порожденную его потомъ, его трудомъ, его воспроизводительной силой, имъ затраченною. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, капиталъ? Инертная матерія — и ничего больше; эта матерія получаетъ способность воспроизводить другія полезности лишь при условіи, что человѣкъ приложитъ къ ней свой трудъ, т.-е. свой разумъ, свою силу, свою волю, наконецъ—свое я... Поэтому нехорошо, безнравственно, если кто-либо вынужденъ, вопреки своему желанію, отдавать другому, и безъ того имѣющему больше его, какую бы то ни было часть плодовъ своего труда". Такимъ образомъ, Пеккеръ рѣшительно отрицаетъ цѣнностеобразовательную способность у земли и капитала. Цѣнности создаетъ одинъ лишь человѣкъ своимъ трудомъ, затратою своихъ мускульныхъ и нервныхъ силъ. Онъ исходитъ въ этой теоріи изъ противоположенія человѣческой личности, человѣческаго я всей прочей природѣ, всему, что не я. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагаетъ полную равноцѣнность всѣхъ я: каждая человѣческая личность равноцѣнна

всякой другой, трудъ каждаго человѣка равноцѣненъ труду всякаго другого. Въ основѣ теоріи трудовой цѣнности Пеккера, слѣдовательно, лежитъ идея этической равноцѣнности всѣхъ людей [1]).

Признаніе исключительнаго значенія трудового начала въ области производства матеріальныхъ цѣнностей неизбѣжно вызываетъ дальнѣйшій вопросъ — о значеніи этого начала въ области обмѣна и распредѣленія. Экономисты придаютъ большое значеніе вліянію трудовыхъ затратъ на мѣновую цѣнность товаровъ. Ихъ примѣру слѣдуютъ нѣкоторые соціалисты, напр. Марксъ; большинство же соціалистовъ интересуется главнымъ образомъ значеніемъ трудового начала въ области распредѣленія народнаго дохода между отдѣльными классами общества. Поэтому соціалистическія теоріи трудовой цѣнности всегда развертываются въ теоріи прибавочной цѣнности. Пеккеръ совершенно не касается вопроса объ образованіи мѣновыхъ цѣнностей въ капиталистическомъ строѣ, о вліяніи трудовой цѣнности на рыночныя цѣны. Его интересуетъ исключительно анализъ отношеній распредѣленія въ капиталистическомъ строѣ съ точки зрѣнія теоріи трудовой цѣнности. Основнымъ моментомъ, вліяющимъ на распредѣленіе доходовъ, является распредѣленіе собственности на средства производства. „При современномъ порядкѣ вещей,—говоритъ Пеккеръ,—многіе люди не располагаютъ средствами производства въ такой же мѣрѣ (au même titre), какъ и другіе, ибо получаютъ ихъ лишь при условіи добраго на то согласія другихъ людей и могутъ, слѣдовательно, совершенно быть ихъ лишены. Вслѣдствіе этого матеріальныя блага не добываются равномѣрно, на одинаковыхъ условіяхъ, всѣми людьми; многіе изъ нихъ находятся, по отношенію ко второму элементу всякаго богатства—средствамъ производства, въ полной зависимости отъ другихъ, вслѣдствіе чего они могутъ быть совершенно ихъ лишены,—что̀ повлекло бы за собою ихъ голодную смерть или жестокія лишенія. Послѣ нищеты самымъ крупнымъ зломъ, вытекающимъ изъ этого радикальнаго и основного неравенства, является необходимость для лицъ, не обладающихъ средствами производства, становиться въ полную зависимость отъ тѣхъ, кто владѣетъ этимъ вторымъ условіемъ всякаго матеріальнаго богатства. Они соглашаются на эту зависимость вовсе не сознательно: къ ней толкаетъ ихъ сила

[1]) По словамъ Маркса, „равенство и равноцѣнность всѣхъ работъ, потому что и поскольку онѣ являются вообще трудомъ человѣка, могли быть обнаружены лишь послѣ того какъ понятіе равенства всѣхъ людей пріобрѣло прочность народнаго предразсудка“ („Das Kapital“, I, изд. 1890, стр. 26).

экономическихъ отношеній, установленныхъ съ незапамятныхъ временъ". Владѣніе средствами производства позволяетъ собственникамъ взимать „десятину съ чужого труда", брать въ свою пользу разность между издержками производства и продажною цѣною продукта, — разность, которую Пеккеръ, по примѣру Сисмонди, называетъ прибавочною цѣнностью (plus-value). Въ первыхъ своихъ экономическихъ сочиненіяхъ Сисмонди называетъ избыточною цѣнностью (mieux-value) всякій приростъ цѣнности, откуда бы онъ ни происходилъ — отъ земледѣльческихъ меліорацій, роста цѣнъ, роста производительности труда вслѣдствіе помощи усовершенствованныхъ орудій производства. Въ этомъ же смыслѣ употребляетъ Марксъ этотъ терминъ (Mehrwert) въ 1842 г. Въ первомъ изданіи „Nouveaux principes d'économie politique" (1819) мы находимъ робкую попытку обозначить этимъ терминомъ нетрудовыя формы дохода: Сисмонди указываетъ здѣсь, что дифференціальная рента является одною изъ формъ избыточной цѣнности. И лишь въ „Etudes sur l'économie politique" (1837) мы находимъ понятіе прибавочной цѣнности (plus-value) въ современномъ значеніи этого термина: онъ говоритъ о прибавочной цѣнности продукта труда рабовъ, крѣпостныхъ и мелкихъ арендаторовъ-земледѣльцевъ надъ стоимостью ихъ содержанія. Вложивъ въ понятіе новое содержаніе, перенеся его изъ области производства въ область распредѣленія, Сисмонди нашелъ нужнымъ измѣнить и терминологію. Пеккеръ принимаетъ и развиваетъ теорію прибавочной цѣнности Сисмонди. По его наблюденіямъ, „вся прибыль, составляющая разность между издержками производства и реализованною продажною цѣною, идетъ въ настоящее время въ пользу одной изъ договаривающихся сторонъ, безъ всякаго вознагражденія другой. Отсюда—внезапныя раззоренія однихъ, внезапныя обогащенія другихъ". Эта подать или прибавочная цѣнность, взимаемая капиталистами съ рабочихъ, является причиною неравенства, нищеты и всего соціальнаго зла, отъ котораго страдаетъ современное общество. „Самой общей и постоянной причиной неравенства въ богатствѣ, знаніяхъ и нравственности среди людей является не собственность, не капиталъ, даже не право изслѣдованія, а прибыль, воспроизводительная сила, присущая капиталу, и присвоеніе въ полную частную собственность орудій труда, источниковъ и матеріальныхъ условій богатства... Постояннымъ и серьезнымъ препятствіемъ благосостоянію народныхъ массъ является не индивидуальная собственность, не накопленіе средствъ потребленія человѣкомъ, создающимъ ихъ своимъ трудомъ, даже не право наслѣдованія, а прибыль на разъ накоплен-

ный капиталъ, прибыль, дающая этому капиталу безграничную воспроизводительную силу въ ущербъ не имѣющимъ его, и присвоеніе въ частную собственность орудій труда". Другою причиною бѣдности является недостаточное развитіе производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ.

Такимъ образомъ, въ основѣ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ строѣ общества лежитъ частная собственность на средства производства. Партикуляризація средствъ производства, принадлежность ихъ частнымъ лицамъ создаетъ отсутствіе планомѣрности, организованности общественнаго процесса производства. Анархія производства, въ свою очередь, вызываетъ конкурренцію, борьбу каждаго противъ всѣхъ. „Упускали изъ виду—говоритъ Пеккеръ,—или не рѣшались признать, что конкурренція, имѣющая столь важное общественное значеніе, является лишь слѣдствіемъ индивидуальнаго и произвольнаго присвоенія орудій труда. Конкурренція выражаетъ собою не что иное, какъ возможность обмѣна, который, въ свою очередь, есть ближайшее и логическое слѣдствіе индивидуальнаго права произвольно пользоваться средствами всякаго производства. Эти три, сливающіеся въ одинъ, экономическихъ момента—право произвольнаго пользованія, свобода обмѣна и произвольная конкурренція,—ведутъ къ слѣдующимъ слѣдствіямъ: каждый производитъ что̀ хочетъ, какъ хочетъ, когда хочетъ, гдѣ хочетъ; производитъ хорошо или дурно, слишкомъ много или недостаточно, слишкомъ рано или слишкомъ поздно, слишкомъ дорого или слишкомъ дешево; никто не знаетъ, продастъ ли онъ свой продуктъ, какъ продастъ, когда продастъ, гдѣ продастъ, кому продастъ; въ подобномъ же невѣдѣніи находится и покупатель. Производитель не знаетъ ни потребностей и средствъ потребителя, ни спроса и предложенія. Онъ продаетъ когда хочетъ, когда можетъ, гдѣ хочетъ, кому хочетъ, по какой ему угодно цѣнѣ. И покупаетъ онъ точно такъ же. Во всемъ этомъ онъ постоянно находится въ полной власти случая, въ рабской зависимости отъ воли наиболѣе сильнаго, наименѣе спѣшащаго, наиболѣе богатаго... Отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, постоянство и всеобщность банкротствъ, обманутые разсчеты, внезапныя раззоренія и обогащенія, торговые кризисы, безработица, періодическое перепроизводство или недопроизводство, неустойчивость и паденіе заработной платы и прибыли, огромная потеря и растрата богатствъ, времени и силъ на аренѣ изступленной конкурренціи".

Но эта борьба всѣхъ противъ всѣхъ не развивается въ классовую борьбу. Какъ вѣрный ученикъ Сенъ-Симона, Пеккеръ вѣ-

ритъ въ гармонію интересовъ труда и капитала. Сенъ-Симонъ считалъ совершенно нормальнымъ дѣленіе общества на классы; соціальныя неравенства не вызываютъ въ немъ протеста. Предприниматели, по его мнѣнію, являются „естественными и неизмѣнными руководителями народа", „истинными вождями народа", рабочіе — ихъ „подчиненные". Интересы капиталистовъ вовсе не противоположны, а, напротивъ, солидарны съ интересами трудящихся: руководители промышленныхъ работъ являются прирожденными покровителями рабочаго класса. „Если рабочіе въ Англіи ломаютъ станки, то только потому, что собственники мануфактуръ разсчитываютъ на военную силу, чтобы ихъ сдерживать, и недостаточно заботятся о томъ, чтобы сдерживать ихъ буйныя страсти путемъ уясненія имъ ихъ истинныхъ интересовъ; благодаря незнанію, въ которомъ они держатъ рабочихъ относительно ихъ политическихъ и частныхъ интересовъ, радикалы нашли средства вызвать ихъ возстаніе, такъ что власти вынуждены были избить ихъ въ Манчестерѣ". Слѣдовательно, „истинные" интересы рабочихъ солидарны съ интересами предпринимателей; Сенъ-Симонъ отрицалъ борьбу классовъ въ современномъ пониманіи этой борьбы, болѣе или менѣе уже установленномъ Бабёфомъ, Фурье и Сисмонди. Какъ Сенъ-Симонъ, такъ и сенъ-симонисты Базаръ и Бюшезъ и бывшіе подъ прямымъ вліяніемъ доктрины сенъ-симонизма Пеккеръ и Луи Бланъ, признавая дѣленіе современнаго общества на классы, совершенно отрицаютъ борьбу классовъ. Въ силу странной непослѣдовательности, отрицаніе классовой борьбы не мѣшало сенъ-симонистамъ признавать классовый характеръ современнаго права и правительства [1]).

До развитія фабричной промышленности соціалистамъ была чужда идея экономическаго прогресса, роста производительныхъ силъ. Соціалисты и соціальные философы XVIII в. видѣли въ экономическихъ отношеніяхъ измѣненія и перемѣны, но совсѣмъ не замѣчали внутренней преемственности въ этихъ измѣненіяхъ, развитія, эволюціи. Развитіе крупной промышленности сдѣлало очевиднымъ, что въ области матеріальнаго производства происходятъ не только перемѣны, но и движеніе впередъ. Въ 1808 г. Фурье формулировалъ идею экономическаго прогресса, выражаю-

---

[1]) Bazard, „Exposition de la doctrine Saint-Simonienne", изд. 1854 г., стр. 170; Buchez, „Introduction à la science de l'histoire", стр. 9—10; Pecqueur, „Des améliorations matérielles", стр. 333—4, 336; L. Blanc, „Organisation du travail", изд. 1848 г., стр. 270.

щагося въ ростѣ производительныхъ силъ [1]). Для соціалистовъ XVI—XVIII вв. соціализмъ былъ исключительно вопросомъ распредѣленія; Фурье, поставивъ вопросъ о недостаточности народнаго дохода, о необходимости, для уничтоженія народной бѣдности, развитія производительныхъ силъ общества, показалъ, что теорія соціализма не можетъ ограничиваться одними вопросами распредѣленія, а должна охватить также вопросы производства, всю хозяйственную жизнь общества въ цѣломъ. Пеккеръ также считаетъ одною изъ причинъ народной бѣдности недостаточное развитіе производительныхъ силъ: по его мнѣнію, „не трудно доказать, что ни въ одной странѣ міра нѣтъ, не производится достаточно матеріальныхъ полезностей, чтобы, при равномѣрномъ ихъ распредѣленіи между всѣми членами общества, каждый имѣлъ бы достаточно и могъ бы себя считать свободнымъ, даже дѣлая изъ нихъ самое лучшее употребленіе, даже пользуясь ими только для удовлетворенія своихъ первыхъ потребностей“. Развитіе производительныхъ силъ и крупнаго производства приводитъ къ концентраціи богатства на одномъ полюсѣ современнаго общества, и нищеты — на другомъ. Уже Фурье даетъ краснорѣчивое описаніе преимуществъ крупнаго производства надъ мелкимъ [2]). Сисмонди далъ теорію борьбы крупныхъ предпріятій съ мелкими, формулировавъ законъ абсолютной, ничѣмъ не ограниченной концентраціи производства; въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ признавалъ, однако, одно ограниченіе этого закона — жизнеспособность мелкихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. Пеккеръ также признаетъ, что въ современной конкурренціи, въ борьбѣ каждаго противъ всѣхъ, побѣждаютъ болѣе сильные, богатые. Постепенно мелкое производство уступаетъ мѣсто крупному, мелкая собственность — крупной. Процессъ концентраціи производства чрезвычайно ускоренъ новѣйшими техническими изобрѣтеніями. „Не въ наше время и не съ изобрѣтеніемъ паровой машины начинается крупное производство и соединеніе большого числа рабочихъ въ одной мастерской. Давно уже существуютъ торговыя общества и компаніи; но нужно признать, что они были исключеніями, значенія, будущности и соціальныхъ и экономическихъ выгодъ которыхъ не понимали; къ тому же, они не выходили изъ области торговли и никогда не учреждались для производства; все это

[1]) „Théorie des quatre mouvements“, 1808, изд. 1846 г., стр. 218, 221; „Théorie de l'unité universelle“, 1822, изд. 1843 г., I, стр. 96, 138.

[2]) Тюрго, Кондорсэ и Сенъ-Симонъ видѣли прогрессъ лишь въ области знанія, науки.

создаетъ огромную разницу между старыми и новыми компаніями. Лишь съ момента, когда стали примѣняться большія машины, изобрѣтенныя въ новѣйшее время, начинается эра ассоціацій и крупнаго производства. Земледѣліе, одно составляющее половину всего матеріальнаго производства и непосредственно производящее самыя необходимыя, если не самыя многочисленныя матеріальныя блага, въ которыхъ нуждается человѣкъ, также призвано воспользоваться всѣми этими выгодами (а съ нимъ и всѣ безчисленные потребители), если оно перейдетъ къ крупному производству. Сдѣлаетъ ли оно это? Это другой вопросъ. Но оно можетъ это сдѣлать" [1]). Такова основная тенденція въ развитіи экономическихъ предпріятій—тендеція къ концентраціи. Она встрѣчаетъ, однако, противодѣйствующія вліянія. Такъ, „мелкое земледѣліе можетъ меньше опасаться конкурренціи крупнаго производства, чѣмъ мелкая промышленность. Мелкіе земельные участки во многихъ случаяхъ даютъ столь же хорошій доходъ, какъ и крупные". Подобная же жизнеспособность извѣстнаго рода мелкихъ предпріятій наблюдается также въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ. „Индивидуальная конкурренція, изолированная и чахлая, найдетъ себѣ, въ концѣ концовъ, убѣжище почти исключительно въ мелкой розничной торговлѣ, въ торговлѣ предметами домашняго потребленія, а также въ весьма обширной категоріи либеральныхъ профессій и тонкихъ и замысловатыхъ ремеслъ, удовлетворяющихъ подвижнымъ и постоянно мѣняющимся капризамъ моды и утонченнымъ требованіямъ изящныхъ искусствъ и вкуса. Здѣсь мелкое производство сохранится на вѣчныя времена, ибо для этой категоріи работъ и продуктовъ никогда нельзя будетъ установить другого, болѣе экономнаго способа производства, чѣмъ индивидуальное, основанное на личномъ вдохновеніи и отдѣльномъ исполненіи каждой работы и вещи. Къ числу такихъ предметовъ принадлежатъ граверныя работы, драгоцѣнныя и серебряныя издѣлія, предметы моды, туалета, украшенія, меблировки и т. д. Человѣкъ всегда долженъ будетъ налагать печать своей индивидуальности на массу полезныхъ и пріятныхъ предметовъ, которые на первыхъ порахъ не будутъ поддаваться механическимъ способамъ произ-

[1]) „Des intérêts du commerce, de l'industrie et de l'agriculture", 1837, изд. 1839 г., I, стр. 61—62. Книга эта написана Пеккеромъ на тему, предложенную академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ: „какое вліяніе могутъ оказать на матеріальную экономію, на гражданскую жизнь, на общественный строй и могущество націй двигательныя силы и транспортныя средства, распространяющіяся въ настоящее время какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ".

водства въ крупныхъ размѣрахъ". Такимъ образомъ, концентрація производства и торговли въ крупныя предпріятія никогда не будетъ всеобъемлющею; въ извѣстныхъ отрасляхъ экономической дѣятельности навсегда сохранятся мелкія, индивидуальныя предпріятія.

Наряду съ концентраціей производства происходитъ концентрація богатства и пролетаризація трудящихся массъ. По мнѣнію соціалистовъ XVI—XVIII вв., единственною причиною бѣдности однихъ было богатство другихъ. Идея развитія производительныхъ силъ осложнила вопросъ. Принявъ эту идею, соціалисты XIX в. не могли уже считать, что бѣдность рабочаго класса зависитъ исключительно отъ способа распредѣленія народнаго дохода въ современномъ обществѣ; на положеніе рабочихъ вліяетъ также производительность общественнаго труда. Съ развитіемъ капитализма растетъ не только норма эксплуатаціи труда, но и величина народнаго дохода; поэтому, ростъ нормы прибавочной цѣнности можетъ сопровождаться не только пониженіемъ, но и повышеніемъ уровня жизни рабочаго класса. Равнодѣйствующая этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій можетъ быть найдена лишь путемъ статистическаго изученія экономическаго положенія рабочихъ на различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго способа производства. Фурье полагалъ, что бѣдность рабочихъ всегда остается одною и тою же, а весь прогрессъ производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ идетъ въ пользу имущихъ классовъ. Базаръ, напротивъ, думалъ, что съ развитіемъ капитализма положеніе рабочихъ улучшается. Сисмонди утверждалъ, что съ ростомъ матеріальнаго богатства общества растетъ нищета трудящихся массъ. Особенно вредно на положеніи рабочихъ отражается прогрессъ техники, развитіе машиннаго производства за счетъ ручного. Оно не только понижаетъ уровень заработной платы, но губитъ и тѣлесныя, и духовныя силы рабочихъ. Пеккеръ признаетъ правильность наблюденій Сисмонди. Борьба за сбытъ вынуждаетъ предпринимателей вводить машины и сокращать число рабочихъ, а у оставшихся — понижать заработную плату. Слѣдовательно, „конкурренція, въ той формѣ, въ какой она производится въ Европѣ со времени уничтоженія средневѣковыхъ учрежденій, стремится къ пониженію заработной платы; введеніе же машинъ ведетъ все болѣе и болѣе къ обезцѣненію и упраздненію труда или участія рабочихъ въ общемъ національномъ производствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что нищета и пауперизмъ наемныхъ рабочихъ были бы общимъ состояніемъ, къ которому непреоборимо стремились бы всѣ націи

и, въ особенности, тѣ, которыя предаются главнымъ образомъ мануфактурной промышленности и внѣшней торговлѣ, еслибы вліяніе другихъ мощныхъ факторовъ не создавало противовѣса разлагающему вліянію эгоистической и произвольной конкурренціи". Насколько велико соціальное неравенство и нищета трудящихся массъ въ современномъ обществѣ, показываютъ данныя о распредѣленіи народнаго дохода между различными классами населенія во Франціи и Англіи. Относительно Франціи Пеккеръ приводитъ таблицу Бальби, цитированную у Фурье; еще болѣе показательны статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи народнаго дохода въ Англіи. Приводимъ сообщаемую Пеккеромъ таблицу въ сокращенномъ видѣ:

1— 7-й	классы. . . .	19.415	ч.,	доходъ. . . .	211	фр.	85	с. въ день.
8—14-й	„	258.545	„	„	35	„	76	„ „
15—22-й	„	1.428.955	„	„	7	„	67	„ „
23—26-й	„	5.000.000	„	„	1	„	09	„ „
27—28-й	„	8.000.000	„	„	0	„	38	„ „

Нищета деморализуетъ народныя массы, порождаетъ преступленія. „Статистика побѣдоносно доказала, что покушенія на жизнь и имущество и, вообще, всѣ преступленія, порождаемыя нуждой въ матеріальныхъ благахъ, совершаются въ прямой зависимости отъ нищеты, соединенной съ невѣжествомъ. Въ Испаніи, гдѣ народная самодѣятельность не имѣетъ общественнаго приложенія, гдѣ потребности не находятъ себѣ удовлетворенія и гдѣ образованіе и воспитаніе находятся въ полнѣйшемъ загонѣ, убійства и покушенія на убійство совершаются въ 45 разъ чаще, чѣмъ во Франціи, и въ 27 разъ чаще, чѣмъ въ Англіи. Квалифицированныя воровства происходятъ тамъ втрое чаще, чѣмъ въ послѣднихъ двухъ странахъ. Въ значительной степени эти воровства могутъ тамъ объясняться лишь лишеніями и нищетой, а исключительно большое число убійствъ вызывается, какъ показываетъ статистика, дѣятельной и весьма распространенной въ Испаніи контрабандой; но именно контрабанда является слѣдствіемъ и служитъ доказательствомъ нищеты тѣхъ, кто рѣшается ею заниматься". Причина нищеты и преступленій, слѣдовательно, лежитъ въ современной организаціи производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ, а не въ злой волѣ отдѣльныхъ личностей и классовъ. „Мы не думаемъ нападать ни на одинъ классъ, — говоритъ Пеккеръ, — и возлагать отвѣтственность на личности за то, что̀ является слѣдствіемъ данной общественной организаціи, которой никто въ отдѣльности не создалъ, которую всѣ приняли невольно и которой всѣ, въ большей или меньшей

степени, являются жертвами". Исходя изъ этой общности страданій всѣхъ классовъ, хотя и въ разной мѣрѣ, Пеккеръ удѣляетъ очень мало вниманія дѣленію современнаго общества на классы и никакого — происходящей между ними борьбѣ. Идея соціальнаго детерминизма даетъ ему поводъ, такимъ образомъ, игнорировать одно изъ основныхъ соціальныхъ явленій современнаго общественнаго уклада. Лишь въ теоріи Маркса находимъ мы правильную оцѣнку общественнаго значенія классовой борьбы.

По мнѣнію Пеккера, существующая въ капиталистическомъ обществѣ тенденція къ обнищанію народныхъ массъ нейтрализуется другими вліяніями. Онъ думаетъ, что, не смотря на эту тенденцію, пауперизація въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста. Напротивъ, количество нищеты въ обществѣ относительно уменьшается. Сравнивая положеніе рабочихъ въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка съ положеніемъ трудящихся въ средніе вѣка, Пеккеръ приходитъ къ заключенію, что съ теченіемъ времени положеніе трудящихся массъ улучшилось и продолжаетъ улучшаться. „Сколько крошекъ — восклицаетъ онъ — падаетъ для нихъ со столовъ во время пира, безпрерывно продолжающагося въ высокихъ сферахъ богатства". Въ общемъ и въ цѣломъ онъ вполнѣ согласенъ съ Базаромъ, что въ обществѣ наблюдается скорѣе разсѣяніе богатствъ, ихъ болѣе справедливое распредѣленіе, чѣмъ ихъ концентрація и приближеніе къ промышленному феодализму, наступленіе котораго предсказывалъ Фурье.

Очевидно, этотъ спорный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ лишь путемъ тщательнаго изученія фактическихъ измѣненій въ положеніи рабочихъ, вызываемыхъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Пользуясь собранными французской „Office du travail" данными, мы можемъ, принимая отношеніе заработной платы, получавшейся рабочими въ 1806 г., къ стоимости ихъ жизни за 100, составить слѣдующую таблицу, довольно вѣрно изображающую измѣненія въ уровнѣ жизни французскихъ рабочихъ въ XIX-мъ вѣкѣ [1]).

1806 г.	0,100
1820 „	96,3
1830 „	93,0
1840—45 г.	98,3
1853 „	114,0
1860 „	103,0
1873 „	120,1
1880 „	138,2
1892 „	155,1

[1]) Вычислено по даннымъ E. Levasseur, „Questions ouvrières et industrielles

Слѣдовательно, для начала XIX в. правъ былъ Сисмонди, утверждавшій, что положеніе рабочихъ ухудшается съ развитіемъ капитализма. Въ 40-хъ годахъ и позже, начиная съ 60-хъ годовъ, съ момента развитія современнаго рабочаго движенія, въ экономическомъ положеніи рабочихъ наблюдается положительное улучшеніе. Съ этого времени теорія пауперизаціи рабочихъ, формулированная Сисмонди, становится анахронизмомъ.

II.

Основнымъ выводомъ, къ которому приходятъ всѣ соціалисты въ своей критикѣ современнаго общественнаго строя, является положеніе, что источникъ всего общественнаго зла лежитъ не въ злой или испорченной природѣ человѣка, а въ плохой общественной организаціи, главнымъ образомъ въ частной собственности на землю и другія средства производства. Принципу частной собственности они противополагаютъ принципъ коллективной собственности болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ. Беря ту или другую существующую въ современномъ обществѣ форму коллективной собственности и экономической организаціи,—напр. земельную или дворовую общину, производительныя ассоціаціи, промышленныя предпріятія современнаго государства, экономическія организаціи пролетаріата,—соціалисты развивали ея принципы въ систему, охватывающую все общество. Такъ были созданы различные соціалистическіе идеалы. Подобно тому какъ „лучшее государство“ Платона представляетъ собою идеализацію существовавшихъ въ Спартѣ и на Критѣ общихъ трапезъ, коммунизмъ Т. Мора, Морелли и Бабёфа является идеализаціей дворовыхъ общинъ средневѣковыхъ крестьянъ, ассоціативный соціализмъ Фурье, Бюшеза и Луи Блана—идеализаціей производительныхъ ассоціацій ремесленниковъ и крестьянъ новаго времени, государственный соціализмъ Бюшеза, Пеккера и Маркса — идеализаціей государственныхъ промышленныхъ предпріятій новѣйшаго времени. Конечно, каждый соціалистъ по-своему идеализируетъ и развиваетъ далѣе ту или иную форму коллективной собственности. Поэтому, каждая соціалистическая система несетъ на себѣ печать индивидуальности своего творца. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ соединить всѣ со-

---

en France“, 1907, стр. 555, 569. Таблица эта, само собою разумѣется, не можетъ претендовать на математическую точность; она носитъ лишь показательный характеръ,

ціалистическія системы въ нѣсколько группъ, по экономическимъ организаціямъ, лежащимъ въ ихъ основѣ. Нѣкоторые соціалисты прямо указываютъ на земные корни своихъ соціалистическихъ идеаловъ. Такъ, въ своемъ извѣстномъ романѣ Верассъ д'Алэ говоритъ, что установленіе коммунистическаго строя персомъ Севарисомъ было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что племена, населявшія Австралію, жили большими семьями или дворовыми общинами; осмазіи, организованныя Севарисомъ, представляютъ собою расширенныя и нѣсколько развитыя большія семьи туземцевъ или ихъ дворовыя общины, и носятъ то же названіе (communautés) [1]). По мнѣнію Фурье, экономисты „должны, оставивъ всѣ другія дѣла, поставить себѣ главной задачей и наиболѣе спѣшнымъ занятіемъ изученіе ассоціаціи. Она является основаніемъ всей хозяйственной жизни: зародыши ея разсѣяны во всемъ соціальномъ механизмѣ, начиная съ могущественныхъ компаній, какова, напр., компанія индійская, и кончая бѣдными обществами сельчанъ, соединяющихся для какого-либо спеціальнаго производства. У горцевъ Юры мы встрѣчаемъ это соединеніе въ производствѣ сыровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ грюйеръ: двадцать или тридцать хозяйствъ приносятъ каждое утро свое молоко сыровару или фабриканту, и въ концѣ лѣта каждое изъ нихъ получаетъ плату сыромъ, пропорціонально принесенному имъ количеству молока, ежедневно отмѣчаемому. Такимъ образомъ, мы повсюду, и въ маломъ, и въ великомъ, находимъ зародыши добра, необдѣланные алмазы, которые наука должна отшлифовать. Проблема состоитъ въ томъ, чтобы развить въ единый, всеобъемлющій и сложный механизмъ эти обрывки ассоціаціи, разсѣянные во всѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ они возникали случайно и подъ вліяніемъ инстинкта“ [2]). Аналогичное замѣчаніе мы находимъ и у Пеккера. Онъ прямо ссылается на промышленныя предпріятія современнаго государства, какъ на матеріальную основу своихъ соціалистическихъ идей. „Табачная, пороховая и соляная монополіи и управленіе мостами и шоссейными дорогами, представляющія собою крупныя промышленныя предпріятія съ огромнымъ числомъ наемныхъ рабочихъ; управленіе хозяйственною жизнью арміи; управленіе тюрьмами, которыя становятся настоящими общественными мастерскими, конкуррирующими съ частнымъ производствомъ; вся совокуп-

[1]) „L'histoire des Sevarambes“, 1677 — 1679, ч. II, т. I, стр. 82, 119, 123, 136, 139.

[2]) „Théorie de l'unité universelle“, 1822, изд. 1843 г., I, стр. 37; также „Le nouveau monde industriel“, 1829, изд. 1848 г., стр. 6—7.

ность административныхъ учрежденій, начиная съ министерствъ и кончая полевыми сторожами; исполненіе солдатами общественныхъ работъ; недавно реформированныя сберегательныя кассы, получившія возможность вкладывать въ промышленныя предпріятія накопившіеся въ нихъ капиталы или обращать ихъ на исполненіе большихъ общественныхъ работъ подъ управленіемъ какого-либо общественнаго учрежденія; сбереженія собственниковъ, передаваемыя въ формѣ вѣчныхъ вкладовъ государству, какъ довѣряются ему временно сбереженія рабочихъ; таможни, налоги и проч., — всѣ эти хозяйственныя функціи государства являются, въ глазахъ вдумчивыхъ людей, несомнѣнными зародышами грядущей роли правительства въ организаціи труда, замѣны правительствомъ нынѣшнихъ неорганизованныхъ промышленниковъ, непосредственно заинтересованныхъ въ результатахъ предпріятія“ [1]). Жоресъ, напротивъ, полагаетъ, что не промышленная дѣятельность государства, а рабочее движеніе создаетъ „зародыши соціализма, разсѣянные на капиталистической почвѣ“, „учрежденія, подготовляющія и намѣчающія будущее общество“ [2]).

Итакъ, современной анархіи производства Пеккеръ противопоставляетъ государственную организацію всей экономической жизни. „Въ принципѣ, въ каждой странѣ долженъ быть только одинъ собственникъ, одинъ предприниматель, одинъ хозяинъ, одинъ капиталистъ-заимодавецъ, одно кредитное учрежденіе, а именно—государство, народъ, въ лицѣ своихъ представителей. Каждый производитель, каждый торговецъ, каждый держатель обрабатываемыхъ матеріаловъ долженъ быть должностнымъ лицомъ національной ассоціаціи“. Все производство и распредѣленіе матеріальныхъ цѣнностей должно быть сосредоточено въ рукахъ государства. „Матеріальное и духовное существованіе общества можетъ быть обезпечено лишь постольку, поскольку въ немъ есть регулирующій центръ, который знаетъ всѣ потребности и всѣ средства ихъ удовлетворенія, который завѣдуетъ производствомъ всѣхъ полезностей, который располагаетъ этими полезностями, чтобы имѣть возможность распредѣлять ихъ по разнымъ мѣстностямъ въ достаточномъ количествѣ и въ нужное время для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія. Изолированные производители, свободные производить что хотятъ и

---

[1]) Ср. Fr. Vidal, „Projets, voies et moyens des réformes sociales“, 1848, стр. 14—15.

[2]) „Etudes socialistes“, 1902, стр. LXVII; „Congrès de Toulouse“, 1908, стр. 340, 347.

сколько хотятъ, неизбѣжно должны производить безъ пользы, расточать матеріальныя блага и свое время. Они не могутъ знать ни размѣровъ общаго потребленія, ни количества продуктовъ, произведеннаго ихъ конкуррентами. Въ принципѣ производители не должны имѣть права ни рѣшать самостоятельно, какого характера, какого качества, какое количество продуктовъ они произведутъ, ни въ какое время, съ какими людьми они ихъ будутъ производить, ни располагать этими продуктами, ни забирать сырые матеріалы, гдѣ пожелаютъ, ни, наконецъ, производить обмѣнъ продуктовъ, произведенныхъ ими". Все это должна рѣшать, всѣмъ этимъ должна завѣдывать центральная правительственная власть.

Въ этой системѣ огосударствленной промышленности нѣтъ мѣста самодѣятельности рабочихъ — нѣтъ мѣста ни кооперативамъ, ни профессіональнымъ союзамъ, ни экономическимъ предпріятіямъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Государственный соціализмъ знаетъ только одну организацію: государство. Очевидно, эта система представляетъ собою обобщеніе, распространеніе на всю область народнаго хозяйства тѣхъ производственныхъ отношеній, которыя наблюдаются въ принадлежащихъ государству промышленныхъ предпріятіяхъ. Конечно, превращеніе капиталистическихъ государственныхъ предпріятій въ соціалистическую организацію всего общественнаго производства предполагаетъ радикальное измѣненіе соціальной сущности государства: изъ орудія господства класса буржуазіи оно должно превратиться въ слугу трудящихся массъ. Но это уже вопросъ политики. Демократизація государственнаго устройства является, по этой концепціи, гранью, отдѣляющею государственный соціализмъ отъ государственнаго капитализма. Разъ эта грань перейдена, соціализація производства совершается путемъ концентраціи въ рукахъ государства всѣхъ средствъ матеріальнаго производства, путемъ экспропріаціи современныхъ собственниковъ, съ вознагражденіемъ или безъ него. Пеккеръ первый, среди французскихъ соціалистовъ, является сторонникомъ этого способа развитія коллективной собственности. До него соціалисты требовали лишь уничтоженія права наслѣдованія, напр. Бабёфъ и Базаръ; Бабёфъ допускалъ принудительную экспропріацію лишь въ томъ случаѣ, если собственникъ не обрабатываетъ свои земли. Напротивъ, самая идея государственнаго соціализма принадлежитъ не Пеккеру, а Базару [1]). Пеккеръ лишь развилъ въ

[1]) См. „Exposition de la doctrine Saint-Simonienne", изд. 1854 г., стр. 139, 338—9.

стройную систему идеи, высказанныя впервые Базаромъ. Огосударствленіе всей промышленной дѣятельности общества превращаетъ всѣхъ предпринимателей и рабочихъ въ должностныхъ лицъ государства. „Всякое положеніе,—говоритъ Пеккеръ,—всякое мѣсто, всякое ремесло, всякая профессія, всякая служба, всякое промышленное, торговое, земледѣльческое, домашнее, научное или артистическое занятіе, словомъ, всякій видъ соціальной дѣятельности долженъ разсматриваться какъ общественная функція. Всякая функція предполагаетъ полезный или производительный для общества трудъ. Каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ быть чиновникомъ: въ націи должны быть только должностныя лица или работники, уполномоченные производить какую-либо общественную полезность. Ни одна функція, ни одна должность не должна быть ни наслѣдственной, ни пожизненной. Другими словами, всѣ чиновники смѣняемы. Должностное лицо, къ какому бы разряду функцій оно ни принадлежало, не должно имѣть никакого права собственности на инструменты, относящіеся къ его дѣятельности". Такимъ образомъ, всѣ члены общества должны находиться на службѣ у правительства. „Подобно тому, какъ законодатель не имѣетъ права продавать законы, имъ издаваемые; какъ судья не имѣетъ права продавать въ свою пользу свои приговоры, т.-е. общественныя полезности, вытекающія изъ его функціи; какъ священникъ не можетъ продавать религіозныя чувства и моральныя правила, которыя онъ прививаетъ молодежи; какъ генералъ и его солдаты не продаютъ одерживаемыя ими побѣды и дѣлаемыя ими завоеванія; какъ полиція не продаетъ проступки и преступленія, ею предупреждаемые или открываемые—точно также и земледѣлецъ, ставъ должностнымъ лицомъ государства, не будетъ имѣть права продавать въ свою пользу продукты земли, которую онъ обрабатываетъ; должностное лицо или чиновникъ, занятый въ обрабатывающей промышленности,—продукты, получаемые имъ путемъ обработки сырыхъ матеріаловъ, которые онъ преобразуетъ своимъ трудомъ и своимъ разумомъ; торговецъ-чиновникъ—полезности или сырые матеріалы, которые онъ уполномоченъ перевезти изъ одного мѣста въ другое. Природа полезностей—матеріальныхъ у однихъ, духовныхъ у другихъ—не мѣняетъ сущности дѣла. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это функціи и полезности, одинаково необходимыя для существованія національной общины". Всѣмъ матеріальнымъ производствомъ управляетъ „центральная власть, судья, который регулируетъ все и постановляетъ, по мѣрѣ надобности, какія потребности и въ какой

степени будутъ удовлетворяться. Дабы дать власти основанія для ея постановленій, каждый гражданинъ долженъ будетъ представлять округу или центру, къ которому онъ принадлежитъ, каждый округъ—высшему округу и, въ послѣднемъ счетѣ, національному центру, списокъ своихъ потребностей на каждый годъ и на каждое время года". Производство, слѣдовательно, будетъ планомѣрно организовано государственною властью. Напротивъ, въ потребленіи своего заработка каждый будетъ совершенно свободенъ; каждый „будетъ свободенъ потреблять въ мѣру своихъ заработковъ, ускорять или сокращать свое потребленіе и свои расходы, словомъ—каждый будетъ имѣть возможность накоплять, сберегать для болѣе или менѣе близкаго будущаго, чтобы доставить себѣ отдыхъ или удовольствіе, дѣлать подарки, предпринимать путешествія, организовывать праздники, развлеченія и т. д.".

Эта свобода или индивидуализація потребленія является одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ соціалистическихъ системъ XIX в., ассоціативнаго и государственнаго соціализма, отличающею ихъ отъ коммунистическихъ системъ XVI—XVIII вв. и даже XIX в. Коммунистическій соціализмъ, дитя средневѣкового строя жизни, отрицавшаго право личности на самоопредѣленіе, характеризуется полнымъ поглощеніемъ личности общиною, государствомъ. Въ немъ нѣтъ мѣста ни индивидуальнымъ вкусамъ, ни индивидуальнымъ дарованіямъ. Однообразіе, шаблонъ царятъ и въ производствѣ, и въ потребленіи. Развитіе крупной промышленности и капитализма въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX ст., развивъ производительныя силы общества, уничтожило стаціонарный характеръ производства и традиціонный—потребленія, убило общинное равенство и однообразіе, открыло просторъ развитію личныхъ дарованій и вкусовъ, создало соціальный индивидуализмъ новаго времени. Этимъ индивидуализмомъ, въ противоположность коммунизму, проникнуты и соціалистическія системы XIX в., порожденныя развитіемъ капитализма.

Отношенія распредѣленія, по концепціи государственнаго соціализма, регулируются слѣдующимъ принципомъ: „каждый гражданинъ имѣетъ право на трудъ и, слѣдовательно, право на существованіе и на общественную должность. Каждый человѣкъ, въ качествѣ моральнаго существа, имѣетъ право на существованіе безъ труда—въ дѣтствѣ, въ старости, въ случаѣ болѣзни, немощи или неспособности къ труду". Всѣ члены общества дѣлятся, слѣдовательно, на двѣ категоріи: трудоспособные имѣютъ право на трудъ и заработокъ, неспособные къ труду—право на общественное содержаніе. Заработокъ лицъ трудоспособныхъ опре-

дѣляется количествомъ затраченныхъ ими трудовыхъ единицъ. „Трудящіеся имѣютъ право—говоритъ Пеккеръ—на равную заработную плату. И въ самомъ дѣлѣ, моя работа стоитъ столько же, сколько твоя—ни больше, ни меньше, ибо моя личность равна твоей, ибо передъ Богомъ, передъ обществомъ, передъ собою самимъ, я стою столько же, сколько и ты. Поэтому, если я работаю столько же часовъ, сколько и ты, я имѣю право на ту же заработную плату, что и ты, на удовлетвореніе моихъ потребностей, равное удовлетворенію твоихъ. Не говорите, что вещь, сработанная болѣе талантливо, вамъ больше нравится и имѣетъ безконечно большую цѣнность для другихъ: что мнѣ до того, какую цѣнность представляетъ она въ вашихъ глазахъ—вопросъ лишь въ томъ, какую цѣнность я въ нее вложилъ. И вотъ, я знаю, что я положилъ на эту вещь столько же пота и утомленія, сколько и ты, и что я равенъ тебѣ; и оба мы знаемъ, что соціальныя отношенія между тобою и мною могутъ опредѣляться лишь согласно самому строгому равенству... Принципъ, позволяющій приписывать продуктамъ неравную цѣнность или, точнѣе, давать неравное вознагражденіе за продукты неравнаго совершенства, потребовавшіе, однако, одинаковаго количества труда, непосредственно вытекаетъ изъ догмы неравенства или низшей природы нѣкоторыхъ расъ: это—языческая традиція, т.-е. традиція народовъ, дѣлившихся на касты и имѣвшихъ рабовъ. Отвергайте же, свободные народы, отвергайте всякій законъ, имѣющій это происхожденіе“. Въ разныхъ отрасляхъ производства трудъ требуется различной напряженности. Поэтому, при равной заработной платѣ, рабочій день въ различныхъ профессіяхъ долженъ быть различной длины. Въ каждомъ занятіи будетъ опредѣлено число часовъ, „которое работники средней силы въ каждомъ родѣ труда могутъ, также въ среднемъ, быть занимаемы ежедневно на данной работѣ, безъ ущерба для ихъ здоровья; затѣмъ будетъ установлено отношеніе равенства между опредѣленными такимъ способомъ единицами работы въ различныхъ категоріяхъ труда, и назначено для каждой изъ этихъ единицъ одно и то же вознагражденіе, совершенно одинаковое для всѣхъ,—и это окончательно опредѣлитъ относительную цѣнность разныхъ категорій труда или функцій... Лица, обладающія силой выше или ниже средняго уровня, будутъ имѣть при подобной оцѣнкѣ одни—выгоду, другіе—убытокъ, измѣряемые разстояніемъ, отдѣляющимъ ихъ способности или силы отъ установленнаго средняго уровня, ибо одни будутъ отдавать меньше времени и труда на исполненіе своей работы, другіе же, напротивъ, больше“.

Слѣдовательно, равная заработная плата за равный трудъ: болѣе способные работаютъ меньше часовъ въ день, но получаютъ ту же плату. Иначе, еслибы болѣе сильный, болѣе талантливый производилъ больше и, слѣдовательно, зарабатывалъ бы больше, мы вернулись бы опять къ экономическому неравенству, къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. „Работники, работающіе быстрѣе другихъ, могутъ кончать свою ежедневную работу гораздо раньше, чѣмъ остальная масса рабочихъ, и отъ нихъ, однако, нельзя будетъ требовать сверхурочной работы; но точно такъ же и они, въ свою очередь, не будутъ имѣть права, по этой причинѣ, всегда и при всякомъ положеніи вещей производить сверхъ установленной нормы, съ цѣлью увеличить свой заработокъ. Эта возможность должна быть строго и совершенно воспрещена всякій разъ, когда она могла бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ повредить той или иной профессіональной группѣ рабочихъ, что̀ почти всегда будетъ имѣть мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждой отрасли производства ежегодно нужно только опредѣленное количество продуктовъ, чтобы удовлетворить потребности данной націи или всей вселенной. Чтобы заработная плата всѣхъ могла постоянно уравновѣшиваться или уравниваться, это количество подлежащихъ производству продуктовъ должно, въ принципѣ, быть равными частями распредѣлено между всѣми трудящимися—на каждый день, каждый мѣсяцъ и каждый годъ жизни гражданъ, ибо всѣ они имѣютъ одинаковое право на одинаковый трудъ. Поэтому, еслибы каждый имѣлъ право производить столько, сколько онъ можетъ въ одинъ день, въ одинъ мѣсяцъ или въ теченіе цѣлаго года, не считаясь съ суммой нуждъ потребленія и съ числомъ рабочихъ, участвующихъ въ общемъ производствѣ,—тогда тѣ, кто обладаетъ бо̀льшей силой, бо̀льшей ловкостью или большей скоростью въ трудѣ, вырабатывали бы болѣе высокую заработную плату въ ущербъ своимъ товарищамъ: весь избытокъ производства первыхъ былъ бы взятъ съ той части, которая первоначально предназначалась бы послѣднимъ. Равенство было бы, такимъ образомъ, нарушено, и весь строй былъ бы расшатанъ... Въ виду этого, никто не будетъ имѣть права производить сверхъ своей доли въ теченіе дня, мѣсяца или года. Все, что онъ сдѣлаетъ сверхъ этого, будетъ безплатно и будетъ зачтено въ равной долѣ всѣмъ его товарищамъ по работѣ“. Эта мысль объ ограниченіи права на трудъ заимствована Пеккеромъ у Прудона [1]); она представляетъ собою по-

[1]) Proudhon, „Qu'est-ce que la propriété?“, 1841, стр. 130—31.

пытку втиснуть коммунистическую идею абсолютнаго равенства въ систему, построенную на началахъ полной свободы личныхъ дарованій и личныхъ вкусовъ. Гдѣ трудъ является обязанностью, какъ въ коммунистическихъ системахъ, тамъ его регламентація необходима; но гдѣ трудъ—право, тамъ подобное регулированіе теряетъ смыслъ и представляетъ собою внутреннее противорѣчіе. Забота о предупрежденіи перепроизводства въ обществѣ съ планомѣрно-организованнымъ хозяйствомъ внушена, очевидно, кризисами перепроизводства, происходящими при современномъ, основанномъ на конкурренціи строѣ жизни. Но планомѣрная организація производства, хотя бы и не вполнѣ проведенная, совершенно исключаетъ возможность промышленныхъ кризисовъ. Къ тому же, и въ капиталистическомъ строѣ уклоненія отдѣльныхъ рабочихъ отъ средней нормы въ силѣ, ловкости и быстротѣ никоимъ образомъ не могутъ считаться одною изъ причинъ періодическихъ кризисовъ. Уклоненія отъ средней въ одну сторону всегда уравновѣшиваются уклоненіями въ другую сторону; каждый сильный и ловкій рабочій имѣетъ, по другую сторону средней линіи, соотвѣтствующаго ему слабаго и неумѣлаго рабочаго; все дѣло, слѣдовательно, въ правильномъ исчисленіи среднихъ величинъ. Вниманіе, удѣляемое Прудономъ и Пеккеромъ этому пустому вопросу объ ограниченіи и регулированіи права на трудъ въ цѣляхъ охраненія всеобщаго равенства, представляетъ собою любопытный примѣръ живучести традиціонныхъ идей и формулъ. Эта идея принадлежитъ до-капиталистической концепціи соціализма, коммунизму. Съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній производства коммунизмъ умеръ, уступивъ свое мѣсто ассоціативному и государственному соціализму. Однако, отдѣльныя его идеи и формулы, утративъ свои первоначальные смыслъ и содержаніе, продолжали по традиціи жить далѣе, какъ своего рода живыя ископаемыя въ новой идейной формаціи. Такіе чужеродные элементы, нарушая цѣльность соціалистическихъ системъ, чрезвычайно затрудняютъ проникновеніе въ ихъ сущность.

Итакъ, способные къ труду члены общества, по мысли Пеккера, будутъ имѣть равное право на трудъ. Кромѣ того, имъ будетъ обезпеченъ минимумъ средствъ существованія, исчисленный соотвѣтственно „обычной цѣнѣ основного гигіеническаго минимума; никакая должность не будетъ оплачиваться выше уровня этого минимума, прежде чѣмъ онъ не будетъ обезпеченъ всѣмъ гражданамъ общимъ достояніемъ національной ассоціаціи“. Неспособные къ труду будутъ содержаться не на счетъ своихъ

способныхъ къ труду родственниковъ, а на счетъ государства. Къ этой категоріи относятся дѣти, старики, больные. Воспитаніе дѣтей будетъ или общественнымъ, или частнымъ, семейнымъ, но за счетъ государства. „Жена перестанетъ быть на иждивеніи своего мужа, поскольку дѣло касается средствъ ея существованія, а дѣти обоего пола—на иждивеніи своихъ отцовъ и матерей въ отношеніи какъ содержанія и воспитанія, такъ и подготовки къ профессіи и будущей дѣятельности. Каждая брачная пара будетъ имѣть возможность сама заботиться на первыхъ порахъ о своихъ новорожденныхъ дѣтяхъ и даже продолжать, если она того пожелаетъ, воспитывать и содержать ихъ и руководить ими до возраста, установленнаго народнымъ собраніемъ; въ такомъ случаѣ ей будетъ выдаваться на каждаго ребенка опредѣленная сумма, или же она будетъ имѣть право на всѣ полезности, отпускаемыя на пропитаніе, содержаніе и гигіену ранняго дѣтства. Но въ принципѣ ассоціація беретъ на себя обязанность давать всѣмъ дѣтямъ, безъ всякаго различія, воспитаніе, работу, личное обезпеченіе, а впослѣдствіи — средства и условія моральнаго, интеллектуальнаго и физическаго развитія. Въ виду этого, въ каждой коммунѣ для родителей, которые этого пожелаютъ, будутъ устроены всѣ приспособленія для содержанія и ухода за новорожденными до установленнаго народнымъ собраніемъ возраста“. Что касается содержанія стариковъ, утратившихъ трудоспособность, то получаемая ими пенсія, по предположеніямъ Пеккера, должна находиться въ зависимости отъ высоты ихъ трудового заработка и числа лѣтъ участія въ общественныхъ работахъ. „Съ доли каждаго въ годовомъ доходѣ ассоціаціи будетъ взиматься извѣстная часть, и сумма назначаемой каждому пенсіи будетъ зависѣть отъ общей суммы взносовъ, выплаченныхъ имъ въ продолженіе его трудовой жизни“. Слѣдовательно, Пеккеръ придерживается, въ пенсіяхъ на дожитіе, принципа личныхъ счетовъ.

Такъ какъ въ соціалистической системѣ Пеккера каждый членъ общества долженъ получать отъ общества опредѣленную заработную плату или содержаніе, и воленъ пріобрѣтать на эти средства любые продукты изъ государственныхъ складовъ, то, слѣдовательно, при огосударствленіи всей промышленности, сохраняется покупка продуктовъ частными лицами у государства; должны быть, слѣдовательно, и цѣны товаровъ — только не рыночныя, устанавливаемыя на рынкѣ двусторонней конкурренціею продавцовъ и покупателей, а продажныя, установленныя хозяйственной администраціей. Эта продажная цѣна должна опредѣляться главнымъ образомъ количествомъ труда или рабочей силы, затрачен-

нымъ на производство продукта. „Не желаніе или нужда сторонъ должны опредѣлять продажную или относительную цѣнность обмѣниваемыхъ полезностей, а трудъ, вложенный въ каждую изъ нихъ. Однако, такъ какъ спросъ на извѣстныя полезности можетъ безгранично превышать средства производства, и такъ какъ принципы равенства и свободы не позволяютъ отдавать какое-либо предпочтеніе однимъ любителямъ полезности, которой не хватитъ на всѣхъ, передъ другими, то регулирующимъ моментомъ, которымъ должно руководствоваться національное управленіе при распредѣленіи разныхъ полезностей этого рода, должно быть опредѣленіе продажной цѣны отношеніемъ спроса къ предложенію, производства—къ потребленію. Но здѣсь этотъ законъ обмѣна совершенно свободенъ отъ неудобствъ, свойственныхъ ему при свободномъ обмѣнѣ между частными лицами. Вся выгода, проистекающая изъ разности между издержками производства и реализованной продажною цѣной, идетъ въ настоящее время исключительно въ пользу одного изъ контрагентовъ, безъ всякаго вознагражденія другого. Отсюда—внезапныя раззоренія однихъ, внезапныя обогащенія другихъ. При національной организаціи обмѣна, напротивъ, вся прибыль, реализованная благодаря этой искусственной прибавочной цѣнности, или вся потеря, вызванная пониженіемъ цѣнъ (въ случаѣ внезапнаго обезцѣненія какой-либо полезности, ранѣе произведенной въ предвидѣніи соотвѣтствующаго на нее спроса), распредѣляется поровну между всѣми членами общины". Правильное распредѣленіе этихъ относительно рѣдкихъ вещей, — количество которыхъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ желающихъ,—достижимо исключительно путемъ повышенія ихъ продажной цѣны выше ихъ трудовой цѣнности и, слѣдовательно, соотвѣтствующаго сокращенія спроса. „Отпускать все по цѣнѣ издержекъ производства невозможно, потому что превосходныя, но слишкомъ рѣдкія вещи немедленно спрашивались, расхватывались и потреблялись бы небольшимъ числомъ потребителей въ ущербъ большинству. Это было бы какъ въ театрахъ, гдѣ лучшія мѣста достаются пришедшимъ первыми,—что̀ несправедливо". Другимъ необходимымъ отступленіемъ отъ трудовой цѣнности является не-включеніе въ продажную цѣну продуктовъ издержекъ по ихъ перевозкѣ. „Никто не можетъ быть закономѣрно наказуемъ обществомъ—говоритъ Пекеръ—за то, что онъ живетъ въ одной части территоріи ассоціаціи, а не въ другой, разъ онъ тамъ поселился, чтобы выполнять какую-либо общественную функцію. А между тѣмъ къ этому-то и приводитъ на каждомъ шагу законъ свободнаго обмѣна и обу-

словливаемое имъ нормированіе продажной цѣны. Бордоское вино обходится дороже обитателямъ Лилля, чѣмъ жителямъ Бордо. Это—несправедливо. Въ будущемъ этого не будетъ: общія издержки ассоціаціи по транспорту будутъ распредѣляться между всѣми полезностями или, если угодно, между всѣми членами ассоціаціи, въ какой бы части территоріи они ни жили". Такимъ образомъ, и въ соціалистическомъ строѣ продажная цѣна товаровъ должна опредѣляться, съ одной стороны, не только трудовыми затратами, а съ другой — не всѣмъ затраченнымъ количествомъ труда.

Современное рабочее движеніе до сихъ поръ считаетъ идеальною цѣлью своихъ стремленій государственную организацію народнаго хозяйства, намѣченную Базаромъ и разработанную Пеккеромъ. Этому весьма способствовало отсутствіе у концепціи государственнаго соціализма (или, какъ ее обычно называютъ, коллективизма) классовой основы. Коммунистическій соціализмъ представляетъ собою идеалъ средневѣковаго крестьянина, ассоціативный соціализмъ — идеалъ ремесленника и крестьянина новаго времени; государственный соціализмъ, напротивъ, представляетъ собою идеализацію не тѣхъ или иныхъ формъ хозяйственной жизни опредѣленнаго общественнаго класса, а современныхъ государственныхъ предпріятій—учрежденій, лишенныхъ классовой основы и лишь эксплуатируемыхъ классовымъ государствомъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Разъ государство, путемъ политической реформы или революціи, утратитъ свой классовый характеръ, экономическая дѣятельность его перестанетъ носить капиталистически-предпринимательскій характеръ и можетъ превратиться въ форму соціализаціи народнаго хозяйства. Такой абстрактный — отвлеченный отъ классовой основы — характеръ учрежденій, идеализируемыхъ государственнымъ соціализмомъ, позволилъ современному рабочему движенію усвоить, подъ прямымъ вліяніемъ Маркса, этотъ соціалистическій идеалъ. Конечно, взгляды Маркса во многихъ пунктахъ расходятся съ воззрѣніями Пеккера; но основные принципы будущаго строя—именно организація всего народнаго хозяйства изъ единаго національнаго или интернаціональнаго центра,—у нихъ одни и тѣ же. Эта популярность основныхъ идей Пеккера въ современномъ рабочемъ движеніи представляетъ собою, по нашему мнѣнію, преходящее явленіе. Та самая особенность концепціи государственнаго соціализма, которая сдѣлала возможнымъ ея усвоеніе передовымъ пролетаріатомъ нашего времени,—ея внѣ-классовый характеръ,—дѣлаетъ неизбѣжнымъ, на болѣе высокой ступени раз-

витія пролетарскаго движенія и пролетарской мысли, отказъ отъ этой концепціи: соціалистическій идеалъ долженъ пріобрѣсти классовый характеръ. Въ какомъ направленіи будетъ развиваться далѣе соціалистическая мысль — показываютъ отчасти взгляды Жореса, который видитъ „зародыши соціализма“ не въ государственныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, а въ современныхъ формахъ рабочаго движенія.

III.

Въ XVI—XVIII вв. соціалистамъ была чужда идея историческаго развитія; поэтому, они могли вѣрить во всесилье политической власти и ждали осуществленія соціализма или отъ просвѣщеннаго монарха, или отъ народнаго возстанія, которое передастъ политическую власть въ руки истинныхъ друзей народа. Послѣ великой французской революціи, обнаружившей безсиліе политической власти въ области соціально-экономическихъ отношеній, соціалисты, проникнувшись историческою точкою зрѣнія на ходъ соціальнаго развитія, начинаютъ поиски соціальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ современномъ обществѣ и способныхъ преобразовать его, замѣнить капиталистическій строй общественныхъ отношеній соціалистическою организаціей народнаго хозяйства. Ассоціативные соціалисты видѣли подобную силу, стихійно увлекающую современное общество по пути къ соціализму, въ ассоціативномъ движеніи ремесленниковъ и крестьянъ. Опираясь на производительныя ассоціаціи, спонтанейно развивающіяся въ современномъ общественномъ строѣ, они хотѣли лишь „ускорить“ своимъ вмѣшательствомъ ходъ соціальнаго развитія, „перепрыгнуть“ черезъ ближайшія фазы общественнаго развитія, въ одно поколѣніе исполнить работу нѣсколькихъ столѣтій. Попытки ассоціативныхъ соціалистовъ въ этомъ направленіи кончились, однако, полной неудачей. Первые государственные соціалисты, Базаръ и Пеккеръ, считали подобною силою мирную пропаганду, которая сформируетъ общественное мнѣніе и съ его помощью принудитъ государственную власть осуществить реформу. Но вѣдь не всякую же идею можно съ успѣхомъ пропагандировать. Успѣхъ пропаганды показываетъ, что идея отвѣчаетъ жизненнымъ интересамъ вліятельныхъ соціально-политическихъ группъ. Поэтому, пропаганда сама по себѣ представляетъ столь же неудачное разрѣшеніе вопроса объ искомыхъ соціально-политическихъ силахъ общественнаго прогресса, какъ и надежды ассоціативныхъ соціалистовъ

на ускореніе развитія кооперативнаго движенія съ помощью меценатовъ, буржуазіи или государства. Творческою силою исторіи являются лишь реальные интересы различныхъ соціальныхъ группъ, борьба которыхъ опредѣляетъ направленіе и ходъ общественнаго развитія. Послѣдующіе государственные соціалисты, Бланки, Марксъ, Энгельсъ, Гэдъ, исходятъ именно изъ этой точки зрѣнія; они видятъ путь осуществленія соціализма въ борьбѣ классовъ и считаютъ пролетаріатъ тою соціальною силой, которая соціализируетъ общественный строй.

Придавая рѣшающее значеніе мирной пропагандѣ и организаціи общественнаго мнѣнія въ цѣляхъ воздѣйствія на государственную власть, Пеккеръ очень низко цѣнитъ различныя формы самодѣятельности рабочихъ. Исключеніе составляютъ лишь общества взаимопомощи, которыя необходимы ему для организаціи пособій утратившимъ трудоспособность членамъ общества. „Общества взаимной помощи, образовавшіяся за послѣднія тридцать лѣтъ, должны разсматриваться какъ весьма несовершенное еще выраженіе солидарности, которая установится впослѣдствіи между всѣми рабочими одной и той же профессіи, сходныхъ или подобныхъ отраслей сельскохозяйственной, фабричной и торговой промышленности". Съ теченіемъ времени эта несовершенная организація взаимной помощи уступитъ мѣсто болѣе совершенной, государственной формѣ взаимнаго страхованія. Повидимому, на Пеккера произвело сильное впечатлѣніе развитіе обществъ взаимопомощи въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Голландіи въ первыя десятилѣтія XIX в. Какъ сторонникъ идеи солидарности „истинныхъ" интересовъ рабочихъ и предпринимателей, онъ совершенно равнодушенъ къ стачкамъ и профессіональнымъ союзамъ и ни словомъ не упоминаетъ о нихъ. Пеккеръ знакомъ съ сыроваренными и молочными товариществами, съ артелями рыболововъ и китолововъ, но не придаетъ имъ никакого соціальнаго значенія. Онъ такъ далеко идетъ въ своемъ равнодушіи къ соціальнымъ особенностямъ кооперативовъ, что отождествляетъ ассоціаціи съ капиталистическими акціонерными компаніями, хотя уже Фурье строго ихъ различалъ. Напротивъ, фабричное законодательство, какъ форму регулирующаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь, Пеккеръ ставитъ очень высоко. „Прекрасный примѣръ—говоритъ онъ—вполнѣ правомѣрнаго вмѣшательства государственной власти въ организацію труда былъ данъ Франціи два года тому назадъ Англіей и повторенъ совсѣмъ недавно Пруссіей. Законодатели въ этихъ странахъ положили, наконецъ, предѣлъ или внесли смягченіе въ

варварскій торгъ малолѣтними бѣлыми пролетаріями, ибо именно этимъ именемъ нужно назвать тяжкій трудъ, которому подвергали дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ; повидимому, извѣстные классы общества не могутъ чувствовать себя счастливыми, не поработивъ значительную часть себѣ подобныхъ, бѣлыхъ или черныхъ". Напомнимъ, что эта положительная оцѣнка фабричнаго законодательства дана Пеккеромъ въ концѣ 30-хъ годовъ.

Какъ соціалистъ, Пеккеръ придаетъ главное значеніе соціальнымъ преобразованіямъ, политическія же реформы считаетъ средствомъ для достиженія соціально-экономическихъ цѣлей. По его мнѣнію, „чтобы понять болѣе важное значеніе соціальнаго вопроса, достаточно принять во вниманіе, что люди гораздо больше живутъ въ семьѣ и въ мастерской, чѣмъ въ публичныхъ собраніяхъ, что они гораздо больше питаются нѣжными привязанностями и матеріальнымъ благополучіемъ, чѣмъ правами. Производить и потреблять, продавать и покупать—вотъ на что уходитъ три четверти жизни большинства людей. Регулируйте же прежде всего эти отношенія. Къ измѣненію характера политической власти слѣдуетъ стремиться главнымъ образомъ лишь въ цѣляхъ измѣненія соціальной среды. Но вѣдь ясно, что мы можемъ раздѣлить наши усилія и преслѣдовать двойную цѣль, что, борясь съ формой, мы одновременно должны вести борьбу и противъ сущности. Послѣдняя тактика является наиболѣе цѣлесообразной въ странѣ, гдѣ свобода слова, печати и мнѣній составляетъ уже прочное завоеваніе. Гласность, пропаганда, убѣжденія будутъ, конечно, болѣе медленно, но зато болѣе надежно содѣйствовать прогрессу идей и нравовъ. И еслибы всѣ эти усилія поддерживались содѣйствіемъ прогрессивной власти, то трудно выразить, какъ великъ, неминуемъ и скоръ былъ бы достигнутый результатъ. Какъ бы то ни было, до настоящаго времени гораздо больше занимались политическими реформами, чѣмъ экономическими улучшеніями. Наступило время заняться и послѣдними, не пренебрегая, однако, также вопросомъ о политическихъ формахъ и личностяхъ".

Еще болѣе опредѣленно высказывается Пеккеръ въ 1842 г.: „Вліятельные голоса—говоритъ онъ—совѣтовали направить всѣ усилія на осуществленіе избирательной реформы, вмѣсто того чтобы бороться за эту реформу одновременно съ реформой соціальной. Въ этомъ спорѣ необходимо прежде всего договориться относительно самой постановки вопроса. Избирательная реформа есть лишь средство, орудіе; реформа соціальная—цѣль, сущность. Орудіе реформъ—это власть, законодатель; сущность реформъ—

это-права и обязанности, отношенія человѣка къ человѣку, какъ напр. законы объ отношеніяхъ между людьми, о вознагражденіи труда; наконецъ, это организація и механизмъ промышленности, науки, изящныхъ искусствъ и воспитанія". Слѣдовательно, реформа избирательнаго права является лишь средствомъ соціальнаго преобразованія, измѣненія соціальныхъ отношеній. Матеріальною силою, которая создастъ соціалистическій строй, Пеккеръ считаетъ государственную власть. Поэтому необходима опредѣленная организація этой власти—такая организація, которая сдѣлала бы ее орудіемъ соціальной реформы.

Въ противоположность всѣмъ предшествовавшимъ соціалистамъ, Пеккеръ рѣшительно высказывается за всеобщее избирательное право, какъ средство освобожденія пролетаріата отъ ига капитализма. Большинство французскихъ соціалистовъ смотрѣло весьма скептически на способность народныхъ массъ къ политической самодѣятельности. Одни изъ нихъ, считавшіе основнымъ факторомъ историческаго прогресса развитіе человѣческаго разума и знаній и видѣвшіе невѣжество трудящихся массъ, полагали, что эти необразованныя массы не могутъ быть творцами историческаго и соціальнаго развитія, неспособны къ соціальному творчеству. Таковы Сенъ-Симонъ, Сисмонди, Прудонъ до февральской революціи. Другіе—и ихъ подавляющее большинство—въ своемъ отрицаніи всеобщей подачи голосовъ исходили изъ представленія о развращающемъ вліяніи современнаго строя. По ихъ мнѣнію, народъ, воспитанный на отношеніяхъ экономическаго неравенства, неспособенъ уничтожить это неравенство и создать новый, совершенный общественный строй. Современный соціальный порядокъ порождаетъ нищету, невѣжество и деморализацію трудящихся классовъ; поэтому массы лишены творческихъ способностей, безсильны играть въ исторіи роль прогрессивнаго фактора. Этихъ взглядовъ держались Бабёфъ, Буонаротти, Консидеранъ, Прудонъ съ 1848 г. [1]), Дезами, Бланки. Пеккеръ первый изъ соціалистовъ призналъ за всеобщимъ избирательнымъ правомъ положительное значеніе. До него мы встрѣчаемъ лишь отдѣльные намеки на возможное соціальное значеніе политической самодѣятельности массъ. Такъ, Сисмонди выражалъ опасенія, что „просвѣщенная воля" собственниковъ можетъ преслѣдовать собственные эгоистическіе интересы, а не интересы общества въ цѣломъ. Буонаротти, по классовымъ соображе-

[1]) За исключеніемъ краткаго періода въ 1849 — 50 гг., когда онъ ждалъ отъ примѣненія всеобщаго избирательнаго права положительныхъ результатовъ.

ніямъ, высказывался въ 1830 г. за всеобщее избирательное право, потому что богачъ не можетъ защищать интересовъ бѣдняка; но онъ не видѣлъ во всеобщей подачѣ голосовъ силы, способной реформировать общественный строй. Пеккеръ идетъ несравненно дальше. Народъ можетъ принудить государственную власть защищать его интересы или путемъ возстанія и бунта, или путемъ законной и мирной подачи бюллетеня; весь вопросъ, по мнѣнію Пеккера, заключается въ выборѣ между этими двумя путями воздѣйствія на власть. Но та или другая форма воздѣйствія является необходимымъ условіемъ для защиты и осуществленія интересовъ народа законодательнымъ путемъ. Возражаютъ, что народъ „невѣжественъ и нищъ; но именно потому-то—отвѣчаетъ Пеккеръ—народъ и долженъ обладать избирательнымъ правомъ, что онъ бѣденъ и невѣжественъ, такъ какъ единственнымъ хотя нѣсколько надежнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ избавиться отъ невѣжества и нищеты является для него участіе въ народномъ представительствѣ, которое создаетъ учрежденія, обезпечивающія ему воспитаніе, образованіе, средства производства и справедливую долю въ продуктахъ труда... Все, что можно противопоставить участію народныхъ массъ въ выборахъ, это то, что онѣ пошлютъ въ палаты большинство, постояннымъ стремленіемъ котораго будетъ провести, наконецъ, законы, благопріятные большинству народа. Гдѣ же тутъ зло? Вы имѣете пріобрѣтенныя права; имъ нужно ихъ пріобрѣсти. Всѣ возраженія, которыя можно было бы сдѣлать противъ представительства пролетаріевъ, падаютъ передъ тѣмъ фактомъ, что масса, что народъ лишенъ представительства своихъ матеріальныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ, что онъ не признанъ, забытъ законодательствомъ. Народъ будетъ имѣть свое представительство лишь тогда, когда онъ пошлетъ своихъ представителей наряду съ представителями бывшаго третьяго сословія, нынѣ всемогущаго и всѣхъ эксплуатирующаго“. Пеккеръ, такимъ образомъ, не даетъ прямого отвѣта на возраженія противниковъ всеобщаго избирательнаго права, а лишь обходитъ ихъ: вопросъ не въ томъ, нужно ли народу это право, а въ способности народа, при его нищетѣ, невѣжествѣ и деморализаціи, надлежащимъ образомъ использовать всеобщую подачу голосовъ въ своихъ интересахъ. Указывая на возможное соціальное значеніе всеобщаго избирательнаго права, Пеккеръ, однако, вовсе не разсматриваетъ условія его примѣненія въ современномъ строѣ. Поэтому его взгляды на этотъ вопросъ носятъ въ значительной мѣрѣ отвлеченный, теоретическій характеръ.

Итакъ, неопредѣленная, туманная мысль Базара объ осуществленіи соціальныхъ реформъ правительствомъ пріобрѣла у Пеккера довольно ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя очертанія. Служеніе правительства интересамъ народа, а не имущихъ классовъ, обезпечивается введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. Тогда соціальное преобразованіе совершится мирнымъ, не-революціоннымъ путемъ, безъ насилія и борьбы.

Въ области соціальныхъ отношеній этотъ мирный путь эволюціи, по мнѣнію Пеккера, тѣмъ болѣе необходимъ, что для созрѣванія соціальныхъ реформъ требуется много времени. „Поскольку это возможно,—говоритъ онъ,—необходимо, чтобы прогрессъ не совершался скачками. Ибо, чтобы улучшенія всякаго рода могли осуществляться и быть прочными, они должны проводиться послѣдовательно, съ благоразуміемъ и осмотрительностью. Часто окольные пути, едва даже замѣтные для прямолинейныхъ умовъ и узко и грубо понимаемыхъ интересовъ, скорѣе и успѣшнѣе ведутъ къ цѣли, чѣмъ рѣзкія, прямыя и открытыя дѣйствія. Къ тому же, время — необходимый элементъ соціальныхъ и психологическихъ перемѣнъ".

Итакъ, всеобщее избирательное право позволитъ мирнымъ путемъ, безъ борьбы и насилія, осуществить соціальныя реформы. Но какъ достичь введенія всеобщаго избирательнаго права?

На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта у Пеккера. Въ вопросѣ о силахъ соціальнаго развитія онъ, признавъ способность трудящихся массъ къ соціальному творчеству, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ по сравненію со своими предшественниками; однако, мы не находимъ у него законченной теоріи соціальной эволюціи, частнымъ случаемъ которой явится уничтоженіе современнаго строя общественныхъ отношеній и замѣна его соціалистическимъ режимомъ. Современная ему соціальная дѣйствительность не давала никакихъ указаній на силы, способныя трансформировать весь строй современной жизни.

Тѣмъ не менѣе, мы находимъ у Пеккера одно замѣчаніе, заключающее въ себѣ нѣкоторый намекъ на правильное разрѣшеніе этого вопроса. Съ распространеніемъ паровыхъ машинъ и фабричнаго производства рабочіе „получаютъ въ обширныхъ мастерскихъ предпріятій съ паровыми двигателями какъ бы мѣсто для свиданій... Вотъ они собраны по 100, 200, 400, 800 человѣкъ въ обширныхъ заведеніяхъ; отъ нихъ требуютъ точности въ исполненіи своихъ обязанностей, совершенства въ производствѣ работъ, единства дѣйствій и направленія, промышленной дисциплины и порядка, согласія, которыхъ и въ поминѣ нѣтъ въ

механизмѣ труда и производства нашего времени. Собранные, чтобы совмѣстно работать и встрѣчаться другъ съ другомъ на каждомъ шагу своей частной жизни, часто помѣщаясь въ одномъ зданіи или живя массами въ одной мѣстности, они тѣсно соприкасаются другъ съ другомъ и въ своихъ страстяхъ“ [1]). Изъ этого общенія выростаетъ коллективное сознаніе рабочихъ, ихъ коллективная воля. Появленіе этой новой соціальной силы ускоритъ развязку. „Не очевидно ли,—спрашиваетъ Пеккеръ,—что новое развитіе, данное промышленности всеобщимъ примѣненіемъ паровыхъ двигателей, скопленіе, съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленное, трудящихся массъ въ одномъ предпріятіи и то моральное сближеніе, которое вызывается соприкосновеніемъ чувствъ, идей, страстей, лишь ускорятъ развязку—вызовутъ или ужасные безпорядки, или примиреніе, т.-е. какое-либо соглашеніе, которое обезпечитъ рабочему улучшеніе его участи“?

Мы видимъ, что Пеккеръ вплотную подошелъ къ вопросу о той соціальной силѣ, которая можетъ и должна насадить соціалистическій строй; но онъ такъ и остановился передъ этимъ вопросомъ, не найдя въ себѣ силъ не только разрѣшить его, но даже поставить. Намѣченныя здѣсь Пеккеромъ возможности были развиты впослѣдствіи въ стройную концепцію Марксомъ.

Не слѣдуетъ забывать, что насъ отдѣляютъ отъ Пеккера семьдесятъ лѣтъ соціальнаго развитія. Все современное рабочее движеніе во Франціи и вообще на континентѣ Европы сложилось и развилось уже послѣ Пеккера. Его соціалистическія теоріи принадлежатъ еще до-пролетарскому періоду въ развитіи соціалистической мысли. Тѣмъ не менѣе, многія идеи, впервые высказанныя Пеккеромъ или развитыя имъ, до сихъ поръ не утратили своего значенія, и многія страницы его трактатовъ все еще могутъ быть прочтены съ большимъ интересомъ.

С. Прокоповичъ.

---

[1]) „Des intérêts du commerce“, I, стр. 272—3.

МОДЕРНИЗМЪ
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

I.

Пути и перепутья творчества.

Валерій Брюсовъ все болѣе и болѣе становится признаннымъ главою современнаго русскаго „модернизма“. У него уже есть школа, къ нему относятся какъ къ „учителю“. Онъ тѣмъ интереснѣе для литературно-критическаго анализа, что въ его поэзіи—множество напластованій, соотвѣтствующихъ разнымъ періодамъ его эстетическихъ исканій. Недаромъ онъ самъ двумъ первымъ сборникамъ своихъ стихотвореній далъ выразительное заглавіе: „Пути и перепутья“.

Мы болѣе чѣмъ далеки отъ преклоненія передъ всѣми зигзагами скитаній современнаго модернизма и декадентства, которыя диктовала „затѣйливая мода“, передъ его искусственностью и манерностью, часто заставляющими вспоминать слова одного изъ щедринскихъ персонажей: „Нѣтъ необходимости, другъ мой, столь вяще изломиться“. Но мы равно далеки и отъ того огульнаго отрицанія, которымъ современное литературное старовѣрство встрѣчаетъ все исходящее изъ Назарета модернизма. И потому мы съ большимъ интересомъ присматривались и присматриваемся къ „путямъ и перепутьямъ“ модернистскаго творчества вообще и творчества его вождя, Валерія Брюсова, въ частности.

Вслѣдъ за двумя томами „Путей и перепутій", въ печати были объявлены „Всѣ напѣвы" Брюсова. Пока эта книга не появлялась въ свѣтъ, казалось, что уже самымъ заглавіемъ ея поэтъ рѣзко противополагаетъ свое творчество послѣднихъ лѣтъ—исканіямъ и блужданіямъ прежняго времени. Казалось, что въ новомъ сборникѣ поэтъ предстанетъ передъ нами, какъ нѣчто устоявшееся, уравновѣшенное и въ то же время развернувшееся во всю величину своихъ силъ, владѣющій „всѣми напѣвами" своей лиры, въ то время какъ въ первыхъ сборникахъ онъ весь—въ броженіи, въ процессѣ роста, „im Werden", какъ говорятъ нѣмцы. Здѣсь—свободно и широко разлившееся озеро; тамъ—пробивающійся съ трудомъ изъ-подъ земли ручей, лишь медленно вбирающій въ себя растущія силы водной стихіи и прокладывающій себѣ свое русло...

Обѣщанный сборникъ вышелъ въ свѣтъ... Но самъ авторъ во-время замѣтилъ, что и по кругу тѣхъ темъ, которыя въ немъ затрагиваются, и по методу ихъ разработки „Всѣ напѣвы"—не разливъ во всю широту стихіи таланта, а только небольшой затонъ, въ которомъ онъ можетъ отдохнуть, чтобы двинуться въ новый путь, брать новыя преграды и прорывать новое, болѣе широкое русло — конечно, если ему не угрожаетъ опасность изсякнуть... И вотъ, Брюсовъ превращаетъ „Всѣ напѣвы" въ новый, третій томъ „Путей и перепутій". „Этимъ я хотѣлъ указать" — говоритъ онъ въ предисловіи,—„что во многомъ этотъ сборникъ завершаетъ мои прежнія начинанія, или, вѣрнѣе, что онъ лучше рѣшаетъ тѣ же задачи, за которыя, безъ достаточной подготовки, я брался и раньше". Не всѣ читатели согласятся съ этой сравнительной оцѣнкой, и, вѣроятно, не на одного меня новый сборникъ въ цѣломъ произвелъ болѣе блѣдное впечатлѣніе, чѣмъ, скажемъ, „Στέφανος" или „Urbi et Orbi". Во „Всѣхъ напѣвахъ" мелькнуло слишкомъ много *перепѣвовъ*... „Во всякомъ случаѣ" — продолжаетъ Брюсовъ, — „третій томъ я считаю *послѣднимъ* томомъ „Путей и перепутій". Эти „пути" пройдены мною до конца". Въ будущемъ поэту мечтаются совершенно новые горизонты, и въ нихъ „безконечное число задачъ, никѣмъ не рѣшенныхъ, темъ, почти никѣмъ не затронутыхъ, и средствъ совершенно неиспользованныхъ". Полный разливъ поэту рисуется весь въ будущемъ...

Критика уже отмѣчала, какою неувѣренностью, какимъ блужданіемъ ощупью запечатлѣны стихотворенія перваго періода творчества Брюсова. Многое въ нихъ было справедливо высмѣяно — и критикой, и, напримѣръ, остроумными пародіями

Вл. Соловьева. Въ нихъ много пробъ, много попытокъ въ такихъ направленіяхъ, которыя впослѣдствіи поэтомъ были оставлены. Мелькающіе передъ нимъ образы порою оказывались блуждающими болотными огоньками, грозящими завести въ трясину. Въ исканіи новыхъ аккордовъ часто слышались диссонансы. Въ жаждѣ избѣжать банальности терялось чувство мѣры.

Ты вновь со мной! ты—та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочутъ дьяволы на стражѣ
И аллебарды ихъ—въ крови!

—

Ходятъ, стоятъ, преклоняются ницъ
(Словно обычные люди!),
Рѣютъ рядами чудовищныхъ птицъ,
Лепечутъ привѣты и шепчутъ угрозы —
Предъ утромъ бродячія грезы!
О, дымъ на безжизненномъ прудѣ!
О, окрики демоновъ! ваши свистки, паровозы!

—

Члены пыткой злой обезсилены.
Я во прахѣ кровавомъ, какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія фплины,
Опустившись на ближній уступъ.

—

Какъ лица женщинъ въ синемъ свѣтѣ
Обнажены, углублены!
Взметайте яростныя плети
Надъ всѣми, дѣти Сатаны!

—

Свѣтъ озарилъ насъ и странно погасъ,
Сжались пзвивы объятій,
Стрѣлка часовъ обозначила „часъ“
На роковомъ циферблатѣ!

Но поэтъ неутомимъ въ исканіяхъ новой красоты, въ исканіяхъ болѣе совершенной формы. Онъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ.

Впередъ, мечта, мой вѣрный конь!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Стихи Брюсова, если взять ихъ съ перваго періода, въ самомъ дѣлѣ носятъ слѣды упорной и требовательной къ себѣ работы. Только въ самомъ началѣ они отличаются непосредственной, юношеской увѣренностью и поспѣшностью, дышатъ вызовомъ установившимся формамъ, охотно щеголяютъ экстравагантностями. „Многое въ ней — пишетъ въ предисловіи самъ

авторъ о своей юношеской поэзіи — показалось мнѣ наивнымъ и невѣрнымъ, многіе пріемы творчества — безсильными и неудачными". То, что казалось раньше легкимъ — добыть „золотое руно" новой красоты — привело поэта къ длинному и трудному пути, на которомъ „все каменнѣй ступени, все круче, круче всходъ". Ядовитый скептицизмъ колебалъ прежнюю увѣренность и самонадѣянность. Но онъ же толкалъ впередъ. Претенціозность первыхъ попытокъ изглаживалась, творчество становилось болѣе твердымъ и увѣреннымъ. Озираясь на зигзаги пройденнаго пути, на его восходящія ступени, поэтъ уже можетъ спокойно и раздумчиво спросить себя: „ужель въ быломъ ступала на всѣ нога моя?" Прежній путь вспоминается лишь „какъ въ полуснѣ недавній день..."

Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Теперь кругомъ и тишь, и тѣнь.
Далеко первая ступень —
Пять бѣглыхъ лѣтъ, какъ пять столѣтій!

Метаморфоза, пережитая Брюсовымъ, дѣйствительно велика. „Еслибы захотѣлъ я выбрать изъ всего, напечатаннаго мною въ стихахъ за первыя десять лѣтъ литературной работы только то, что теперь удовлетворяетъ мой художественный вкусъ, мнѣ пришлось бы ограничиться небольшой книжкой въ 10—20 страницъ",—сознается онъ самъ. И, въ виду этого, невѣрной нотою, напрасной данью прошлому звучатъ продиктованныя самолюбіемъ слова поэта: „Менѣе всего пришлось мнѣ руководиться указаніями критики, такъ какъ она—какъ всѣмъ еще памятно—при появленіи моихъ первыхъ стиховъ твердила одно: что она ихъ не понимаетъ". Послѣ того какъ онъ самъ исключилъ изъ сборника своихъ стиховъ такія вещи, которыхъ „не понимала" критика, въ родѣ пресловутыхъ „Тѣнь несозданныхъ созданій", „О, закрой свои блѣдныя ноги" и т. п.; послѣ того, какъ въ редактируемыхъ Брюсовымъ „Вѣсахъ" стали подвергаться суровому и безпощадному осмѣянію декадентскія кривлянія многихъ молодыхъ поэтовъ, въ сущности идущихъ на тѣ же „перепутья", на которыя когда-то ступала и нога самого Брюсова; послѣ того, какъ Валерій Брюсовъ, вернувшись во многомъ къ Пушкину, къ его классической естественности и простотѣ, и обновивъ ее вновь найденными красками и формами, сталъ всѣми признаннымъ крупнымъ поэтомъ — это запоздалое сведеніе счетовъ съ прежнею критикой отдаетъ ненужной мелочностью. Но съ подобными невѣрными нотами мы у автора еще встрѣтимся...

Форма не далась Валерію Брюсову разомъ. Въ процессѣ упорной борьбы выработалъ онъ тотъ чеканный стихъ, который составляетъ силу и прелесть лучшихъ его стихотвореній. Въ этомъ отношеніи—да и не только въ этомъ—онъ представляетъ прямую противоположность своему „другу и брату", К. Бальмонту. Тотъ — баловень Музы. Его стихи и риѳмы льются легко — порою слишкомъ легко, — какъ изъ переполненнаго сосуда. Но балованныя дѣти слишкомъ часто бываютъ небрежны. Переливающійся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, искрометный, вѣчно и неустанно бьющій фонтанъ поэзіи Бальмонта—увы! все больше и больше заставляетъ опасаться за будущее его необыкновенной плодовитости. Все чаще начинаютъ чувствоваться въ его стихахъ повторенія, все чаще встрѣчаются поблѣднѣвшія копіи прежнихъ яркихъ оригиналовъ. Угрозой встаетъ перспектива упадка творчества. Возьмемъ хотя бы послѣдніе сборники стихотвореній Бальмонта, гдѣ, какъ въ „Жаръ-Птицѣ", онъ опускается въ непочатые родники народной поэзіи и перерабатываетъ ея мотивы въ звучные, цвѣтистые чисто бальмонтовскіе стихи. Нѣтъ спора, и здѣсь Бальмонтъ даетъ иногда настоящіе перлы, усвоивая, претворяя идею и смыслъ народнаго мотива въ самостоятельный и стильный образъ. Но на каждое изъ такихъ удавшихся произведеній наберется всегда добрый десятокъ такихъ, изъ которыхъ лишь видно, какъ легко „набившему руку" поэту написать переложеніе, даже стихотворный подстрочный переводъ съ народнаго языка на бальмонтовскій. И такіе, не претворенные, а лишь переведенные и переложенные темы и образы народной поэзіи, утратившіе всю прелесть непосредственности, принаряженные въ стилѣ moderne, невольно заставляютъ вспомнить крылатыя слова Шекспира о людяхъ, имѣющихъ несчастную слабость

Расписывать цвѣтъ лиліи прелестной,
И золото скрывать подъ позолотой,
И ароматомъ окроплять фіалку,
И ледъ лощить, и къ радуги цвѣтамъ
Цвѣтъ прибавлять, и ясный неба сводъ
Огнемъ свѣчей надѣяться украсить, —
Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха!

Еще неудачнѣе въ этомъ отношеніи послѣдняя книжка Бальмонта: „Зовы древности"...

Недостатокъ *значительнаго содержанія* въ стихахъ Бальмонта заставляетъ ихъ нерѣдко скользить мимо читателя, не задѣвая его глубоко и лишь слегка лаская слухъ то чистымъ пе-

резвономъ серебряныхъ колокольчиковъ, то звучно-бархатнымъ кимвальнымъ бряцаніемъ, то пѣвучестью нѣжныхъ струнъ... Совершенно иное—въ стихахъ Брюсова. Послѣдняго скорѣе можно обвинять иногда въ холодномъ резонерствѣ: такъ много у него обдуманности, такъ все взвѣшено, такъ значителенъ замыселъ, такъ пригнана къ содержанію форма, такъ строгъ и отчетливъ кованый стихъ. Въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ Бальмонту, Брюсовъ самъ проводитъ между нимъ и собою эту параллель. Вѣчно вольный и вѣчно юный, какъ весна, безотчетный, какъ ласкающій все кругомъ себя вѣтерокъ—вотъ образъ Бальмонта, которому нашъ авторъ желаетъ только еще больше этой элементарной стихійности: „будь покоренъ, будь безпеченъ, будь подобенъ облакамъ“,—этимъ легкимъ, перистымъ облакамъ, для которыхъ „все равно, куда ихъ двинетъ вѣтеръ, вѣющій кругомъ“; „будь же тучкой безполезной, какъ она, лови закатъ“ и т. д. Въ этой чертѣ Брюсовъ видитъ преимущество Бальмонта, какъ поэта, надъ собою и всѣми другими: „дара высшаго не требуй, дара высшаго и нѣтъ“. На первый взглядъ даже можетъ закрасться подозрѣніе—не скрыто ли здѣсь немного вольной или невольной иронiи. Но нѣтъ, такое впечатлѣніе ошибочно. Настроеніе Брюсова искренно и цѣлостно.

Ты не нашъ—ты только Божій.
Мы—весь годъ, ты—краткій май.
Будь единый, непохожій,
Нашей силы не желай.

Не ищи, гдѣ жаждетъ поле,
На раздумья сновъ не трать.
Намъ забота. Ты на волѣ!
На тебѣ ея печать!

Можетъ—наши сны глубоки,
Голосъ нашъ—вѣкамъ завѣтъ.
Какъ и ты, мы одиноки,
Мы—пророки... Ты—поэтъ!

И здѣсь, и дальше у Брюсова вырываются ноты глубокаго, искренняго преклоненія передъ талантомъ Бальмонта, признаніе его первенства: „намъ къ тебѣ не досягнуть“... Помните ли вы пушкинскаго Сальери, который „провѣрилъ алгеброй гармонію“ и съ бою, упорными трудами, вырвалъ у своей богини-Музыки нѣкоторые изъ ея секретовъ — рядомъ съ болѣе счастливымъ избранникомъ капризной богини, съ „гулякой праздным“, геніальнымъ Моцартомъ? Въ приведенныхъ стихахъ Брюсовъ какъ

будто устанавливаетъ между своимъ и бальмонтовскимъ талантомъ то же разстояніе, которое отдѣляло Сальери отъ Моцарта...

Но если въ первые годы, годы смутныхъ исканій Брюсова, годы, когда онъ еще далеко не нашелъ самого себя, эта параллель могла походить на правду, то теперь — не то. Тогда Брюсовъ былъ на распутьѣ, тогда его не созрѣвшій, не успѣвшій развернуться талантъ искалъ образцовъ; тогда Бальмонтъ имѣлъ на него большое вліяніе, а „своего пути“ у поэта еще не было. Тогда не онъ владѣлъ „новою красотою“, раскрывшейся ему въ мірѣ смѣлыхъ откровеній символизма и особой музыки слова, особыхъ своеобразныхъ звуковыхъ сочетаній, составляющихъ тайну новаго стихотворнаго импрессіонизма; нѣтъ, онъ самъ „былъ владѣемъ“ предчувствіемъ новой красоты, и со всѣмъ пыломъ литературнаго бунтарства поднималъ знамя „декадентской“ поэзіи, щеголяя всѣми ея крайностями, „на зло“ старымъ, къ тому времени порядочно застоявшимся поэтическимъ традиціямъ. Но въ то время какъ Бальмонтъ шелъ разъ выбранною дорогою все дальше и дальше, развивъ въ себѣ своеобразную манерность настолько, что она, повидимому, стала его второю природою и обратиться къ простотѣ и естественности теперь для него значило бы „ломаться“ и быть неестественнымъ — Брюсовъ своротилъ на другой путь и постепенно отдѣлялся отъ своихъ собратій по оружію. Уже довольно рано — еще до „Tertia Vigilia“ — онъ подпалъ подъ вліяніе тонкой пѣвучести Тютчева, у котораго, правда, многіе штрихи являются какъ бы предвосхищеніемъ или зародышевой формой методовъ современнаго символизма; но образецъ Тютчева показалъ ему, что возможенъ синтезъ того, что мы въ русской поэзіи назвали бы пушкинскимъ классицизмомъ, съ „модернистскими“ вѣяніями Запада. Этотъ синтезъ былъ труденъ. Онъ требовалъ гораздо болѣе серьезной и упорной работы, чѣмъ направленіе, предрѣшенное капризной прихотливостью Бальмонта. Вотъ почему образъ Сальери здѣсь не годится, вотъ почему въ особомъ характерѣ брюсовской работы смѣшно было бы видѣть элементъ ремесленности, противорѣчащій свободному полету генія. Да и вообще исторія происхожденія лучшихъ, классическихъ произведеній нашихъ величайшихъ поэтовъ показываетъ намъ, что есть доля правды и въ извѣстномъ парадоксѣ: „геній есть терпѣніе“. Такой мастеръ стиха, какъ Бодлэръ, въ своемъ обычномъ, наполовину ироническомъ, наполовину серьезномъ тонѣ говорилъ: „Il sera toujours utile de faire voir aux gens du monde quel labeur exige cet objet de luxe qu'on nomme poésie“. Наиболѣе плавными, легко и свободно льющимися обычно кажутся тѣ

стихи, на обработку и переправку которыхъ было затрачено всего болѣе труда. Отсюда и другой крылатый парадоксъ Бодлэра: „вдохновеніе есть долгая и непрерывная гимнастика“... Какъ всѣ парадоксы, и этотъ заключаетъ въ себѣ частичную истину, которой лишь придана, для большей выпуклости, универсальная, всеобъемлющая форма.

Какъ бы кто ни относился къ „модернистскому“ теченію въ поэзіи, странно было бы отрицать, что оно несетъ съ собою опредѣленныя пріобрѣтенія, завоеванія въ области пріемовъ творчества. Даже такой заклятый врагъ декадентства, какъ Гюйо, говоритъ: „Именно для того, чтобы создать иллюзію, скрывающую пустоту содержанія, декаденты доводятъ до самой крайней степени обработку формы“ [1]). Нужно быть крайнимъ литературнымъ старовѣромъ, оскопляющимъ всѣ порывы къ новому, чтобы не замѣтить той красивой изысканности, печатью которой отмѣчены творенія модернистовъ, той утонченности въ исканіи нюансовъ, оттѣнковъ, порою почти неуловимыхъ намековъ для выраженія наименѣе поддающихся осязанію и взвѣшиванью, наиболѣе смутныхъ или сложныхъ душевныхъ переживаній. Въ поэзіи есть мѣсто даже для того гипертрофированнаго стремленія ко всему, что носитъ на себѣ очарованіе недосказанности, намека, дышащаго тайной неяснаго силуэта, которое такъ хорошо выражено у Верлена:

De la musique avant toute chose,
Et pour cela préfère l'impair
Plus vague et plus soluble dans l'air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Il faut aussi que tu n'ailles point
Choisir tes mots sans quelque méprise:
Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'indécis au précis se joint...

Car nous voulons la nuance encor,
Pas la couleur, rien que la nuance!
Oh! la nuance seule fiance
Le rêve au rêve et la flûte au cor...

Само собою разумѣется, что и здѣсь, какъ во всемъ, можно дойти до уродливыхъ крайностей и средство превратить въ цѣль. Поскольку въ глубинахъ нашей души, въ нашихъ интимнѣйшихъ переживаніяхъ существуютъ, дѣйствительно, почти неуловимые

[1]) Guyau, „L'art au point de vue sociologique“, Парижъ, 1897, стр. 362.

„нюансы“, которымъ болѣе отвѣчаетъ музыка, своею непередаваемою въ отчетливыхъ словахъ мелодичностью и гармоніей, постольку законны и попытки создать спеціальную музыку стиха, которая подборомъ звуковъ дополняетъ значеніе словъ и даетъ то недостающее, чего тщетно пытались бы мы достигнуть работой надъ идейнымъ содержаніемъ стихотворенія. Обработка формы съ этой спеціальной стороны, стремленіе одною ею, одною звуковою стороной стиха создать извѣстное настроеніе, достаточно тонкое и даже неопредѣленное — болѣе чѣмъ законно въ поэзіи. И только тогда, когда опредѣленное и ясное намѣренно дѣлаютъ неяснымъ и загадочнымъ, когда присущій самой природѣ поэзіи „символизмъ“ вырождается въ искусственный и туманный *аллегоризмъ*, когда вмѣсто стиховъ намъ подносятъ гіероглифы, которые нужно расшифровывать и для пониманія которыхъ потребовались бы особые комментаріи — только тогда мы выступаемъ противъ этого, какъ противъ проявленія литературнаго декаданса. Изобразительная сила поэта должна дѣлать его творенія доступными всѣмъ, способнымъ чувствовать прекрасное. Пусть въ нихъ, какъ въ ихъ великой матери — природѣ, одни будутъ цѣнить легко осязаемыя красоты, другіе, избранные, будутъ находить красоты болѣе тонкія, улавливать смыслъ болѣе глубокій; но поэзія вырождается, когда она въ цѣломъ дѣлается понятной только узкому кружку посвященныхъ и недоступной остальному міру. Намѣренная „неуловимость“ и загадочность требуютъ труда расшифровки, нарушающей цѣлостность и непосредственность художественнаго впечатлѣнія.

Итакъ, менѣе всего склонны мы чуждаться новшествъ и осуждать попытки найти неиспробованные пути для произведенія художественнаго впечатлѣнія. Въ области поэзіи, какъ и въ жизни, мы готовы привѣтствовать всякое дѣйствительно обновляющее начало. Человѣческая психика находится въ процессѣ непрестаннаго развитія. Старыя слова, старые пріемы все менѣе и менѣе способны проникать до тѣхъ глубинъ души, гдѣ становится „холоденъ и жалокъ бѣдный нашъ языкъ“. Да, недаромъ сказано, что „нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова“. Еще Тютчевъ съ глубокой, раздумчивой меланхоліей спрашивалъ: „Какъ сердцу высказать себя? Другому какъ понять тебя?“ Въ самыхъ интимныхъ уголкахъ нашей души, гдѣ все въ вѣчномъ движеніи, гдѣ „количество“ медленно и незамѣтно „переходитъ въ качество“, гдѣ опредѣленные, легко схватываемые словомъ результаты даются безконечнымъ переходомъ, превращеніемъ

цѣлой гаммы оттѣнковъ, гдѣ комбинаціи душевныхъ элементовъ безконечно сложны и безконечно разнообразны — мыслимо ли иначе, какъ частично и несовершенно, дать понятіе о своемъ внутреннемъ мірѣ, во всей индивидуальной цѣлостности и живомъ своеобразіи его аккордовъ? „Мысль изреченная есть ложь“ — съ глубокою тоскою заключалъ Тютчевъ. Только чуткость воспринимающаго порою можетъ одолѣть эту „ложь“ и по словамъ, какъ по грубымъ вѣхамъ, найти дорогу въ святое святыхъ переживаній. И это несоотвѣтствіе между мыслью, переживаніемъ и словеснымъ выраженіемъ есть вѣчный стимулъ къ развитію, усовершенствованію нашей способности передавать другимъ свои настроенія, заражать ими другихъ. А искусство, поэзія — одни изъ самыхъ сильныхъ средствъ такого психическаго зараженія, умѣнья „заставить сердца вибрировать по симпатіи такъ же, какъ вибрируютъ инструменты или голоса“ (Фулье).

И въ этомъ—огромное соціальное значеніе поэзіи, значеніе, присущее ей по самой ея природѣ, а не сообщенное извнѣ, какъ посторонняя цѣль, которой поэзія должна „подчиниться“. Этимъ свойствомъ своей внутренней сущности поэзія проникаетъ въ заповѣдную область чувствованій, въ область, которая казалась исключительнымъ достояніемъ индивидуальности, царствомъ самаго полнаго и абсолютнаго субъективизма. Здѣсь она прививаетъ одному добытое другимъ; здѣсь она вырываетъ личность изъ узкихъ рамокъ ея замкнутаго бытія и ставитъ въ соприкосновеніе ея интимный міръ съ интимнымъ міромъ другихъ людей, обогащаетъ ограниченный эмоціональный кругозоръ одного данными болѣе богатаго, болѣе разнообразнаго эмоціональнаго кругозора другого человѣка — а этому другому даетъ огромное удовлетвореніе: удовлетвореніе творчествомъ.

Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны, и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!
Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать,
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

Подобно тому, какъ внутренняя сущность *науки* есть соціализація *истины мышленія*, подобно тому, какъ смыслъ *морали* заключается въ соціализаціи *воль* — сущность, природа *искусства* заключается въ соціализаціи *чувствованій*, *переживаній*. И потому искусство имѣетъ свою особую, независимую область, подчиняющуюся своимъ особымъ нормамъ и законамъ. Его міръ есть міръ красокъ, звуковъ, образовъ. Умѣнье тонко ощущать, съ неоскудѣвающей свѣжестью чувствованій схватывать

въ обычномъ, всѣми видимомъ нѣчто новое, цѣлостное, гармоничное, скрытое отъ поверхностнаго взгляда, умѣнье съ глубокою воспріимчивостью жить одною жизнью съ природой и людьми, и силою творчества постигать и воспроизводить жизнь во всѣхъ ея многочисленныхъ и разнообразныхъ видахъ, формахъ, проявленіяхъ—все это драгоцѣнныя, рѣдкія свойства, которыя дѣлаютъ поэтовъ и художниковъ дѣйствительно властителями сердецъ, настолько же, насколько мыслители являются властителями нашихъ думъ. И поскольку поэтъ не *копируетъ* дѣйствительность (къ чему намъ простое *удвоеніе* ея въ поэтической фотографіи?), а извлекаетъ изъ нея то, что наиболѣе способно затрогивать самыя чувствительныя струны нашего сердца, поскольку, словомъ, онъ *конденсируетъ* жизнь, исходя изъ спеціальныхъ эстетическихъ требованій—постольку поэтъ является творцомъ, создателемъ нѣкотораго новаго, идеальнаго міра, всеобщаго и универсальнаго по замыслу, по охвату, и въ то же время чисто субъективнаго, запечатлѣннаго печатью индивидуальной оригинальности и своеобразія, по способу преломленія сквозь призму авторскаго творчества лучей, исходящихъ отъ окружающаго. Въ этомъ смыслѣ поэтъ, претворяя всеобщее въ горнилѣ своей индивидуальности, пріобщаясь самъ къ универсальной жизни какъ міра природы, такъ и человѣческаго міра, ведетъ къ тому же и своихъ читателей; изъ темной кельи эмоціональной жизни онъ выходитъ въ открытое море жизни, разлитой во всей вселенной, уча постигать ея біеніе всюду, откликаясь живымъ сердцемъ на все, что „проситъ у сердца отвѣта“... И въ этомъ смыслѣ у всякаго истиннаго поэта должно быть сознаніе своего „служенія цѣлому“: силою „прозвучавшаго навѣкъ“ стиха

Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу,
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ! я незримо стѣны рушу
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ,

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,—
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

Внутренняя самоцѣнность искусства, поэзіи—вотъ что всегда будетъ, поэтому, чувствоваться всѣми поэтическими натурами, и въ этомъ онѣ будутъ глубоко правы.

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья, ожерелья и слова,

Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

А потому и критерій для оцѣнки поэтическихъ произведеній, разумѣется, долженъ быть извлеченъ изъ внутренняго существа поэзіи. Онъ не долженъ быть чѣмъ-то чуждымъ для нея, чѣмъ-то взятымъ изъ другой области, какъ бы ни была значительна и цѣнна эта область — будь то политика, мораль или что угодно другое. Эта самостоятельность, независимость, самоцѣнность искусства для Брюсова есть великій завѣтъ, во имя котораго онъ никогда не устаетъ ломать копья,—и кстати, и некстати.

Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
И что бы ни задумалъ я спѣть—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ, что я—поэтъ!
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть,
Не знаю самъ, какая—и все жъ я міру вѣсть!

Здѣсь затронутъ—и нѣсколько неосторожно, ибо слишкомъ бѣгло и по необходимости поверхностно — все тотъ же стародавній споръ между защитниками „свободы творчества“ или „искусства для искусства“ и поборниками идейнаго искусства. Споръ столько же старый, сколько безплодный, и менѣе всего мы хотѣли бы въ него вмѣшиваться. Да и какъ же вмѣшаться въ него, когда съ самаго начала этотъ споръ поставленъ на неправильную плоскость, когда спорящія стороны говорятъ на разныхъ языкахъ, когда положенія ихъ несоизмѣримы?

Въ самомъ дѣлѣ, глубоко поучительна судьба этого спора. Пока копья ломались по теоретическому вопросу о томъ, какова должна быть поэзія, сторонники идейнаго искусства обычно оказывались у насъ гораздо лучше вооруженными и наносили своимъ противникамъ пораженіе за пораженіемъ. Теоретическій багажъ ихъ оказывался гораздо значительнѣе; въ то время какъ они аргументировали, пользуясь данными философіи, соціологіи, этики—сторонники искусства для искусства были беззащитны. Они аппеллировали къ непосредственному чувству, впадали въ декламацію, на аргументы отвѣчали восклицаніями. Но реваншъ ихъ нерѣдко бывалъ близокъ... Побитые теоретически, они часто блестяще побѣждали практически—созданіемъ художественныхъ произведеній, неотразимо говорящихъ за себя. И въ то же время авторы, пробовавшіе творить по указкѣ защитниковъ идейной поэзіи, слишкомъ часто оказывали плохую услугу своимъ учите-

лямъ. Нѣтъ сомнѣнія, они перекладывали въ стихи очень благородныя мысли; нѣтъ сомнѣнія, имъ часто удавалось даже въ безупречныя по размѣру, въ очень прилично риѳмованныя строки вмѣщать всѣ наиболѣе жгучіе лозунги дня, даже не слишкомъ злоупотребляя фатальною риѳмой „свободу — народу“. Г. Танъ во-время сумѣлъ вмѣстить въ риѳмованныя строки: „и учредительный да здравствуетъ соборъ!“ Г. Минскій пошелъ еще дальше, изобрѣтя не менѣе во-время размѣръ, въ который, съ грѣхомъ пополамъ, при нѣкоторой свободѣ и щедрости въ разстановкѣ удареній, можно было вложить, въ качествѣ первой строчки, знаменитое „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ Можетъ быть, для „учредительнаго собора“ и даже для дѣла „пролетаріевъ всѣхъ странъ“ это было и не безъ нѣкоторой маленькой пользы, но позволительно было спросить—при чемъ тутъ поэзія? „Что имъ Гекуба? Что она для нихъ?“ Вѣдь и учебникъ географіи можно, при извѣстномъ версификаторскомъ навыкѣ, изложить въ размѣренныхъ и риѳмованныхъ строчкахъ...

Значитъ ли это, однако, что изъ поэзіи должны быть изгнаны „гражданскіе“ мотивы для того, чтобы она осталась „чистой“, истинной поэзіей? Нисколько не значитъ. Эмиль Верхарнъ доказалъ смѣлымъ примѣромъ, что для поэзіи нѣтъ запретныхъ темъ, что она можетъ браться за вопросы и сюжеты, на первый взглядъ принадлежащіе къ области прозы и только прозы—прозы философской, соціологической, исторической. Онъ доказалъ, что это возможно безъ всякаго смѣшенія областей поэзіи и философіи, поэзіи и соціологіи и т. д. Не въ темахъ разница между этими областями, а въ способахъ обработки и въ сторонѣ явленій, на которой останавливается вниманіе мыслителя, въ отличіе отъ вниманія поэта. Для перваго въ каждой темѣ, въ рѣшеніи каждаго вопроса существенъ обнаженный отъ всего посторонняго *логическій скелетъ* даннаго рѣшенія. Но вѣдь это „чистое мышленіе“ не есть реальный жизненный фактъ: это только абстракція. Холодная стальная цѣпь чисто логической аргументаціи въ ея чистомъ видѣ не есть конкретно переживаемый нами процессъ, которымъ мы фактически доходимъ до рѣшенія: нѣтъ, это лишь элементы нашего духа, выдѣляемые послѣдующей рефлексіей изъ цѣлостнаго комплекса пережитыхъ нами умонастроеній. Мышленіе, волевые импульсы, чувствованія—все это лишь разныя стороны цѣлостнаго психическаго процесса, открываемыя въ немъ благодаря различнымъ точкамъ зрѣнія, на которыя мы попеременно становимся, условно отвлекаясь отъ другихъ. Обезкровленный логическій остовъ опредѣленныхъ переживаній не есть полная

правда жизни, а лишь искусственное построеніе. Въ дѣйствительности мысли не только продумываются нами, а и *переживаются*, въ полномъ и глубокомъ смыслѣ этого слова; мы вызываемъ ихъ актами воли, въ мышленіи проявляется дѣятельная сторона нашего духа; эти мысли имѣютъ для насъ всегда опредѣленную сенситивную окраску; чувствованія ни на минуту не исчезаютъ изъ нашего сознанія, вѣчно освѣщая какъ бы изнутри потокъ нашихъ воспріятій и представленій. Да, мы не можемъ не *перечувствовать* и не *прочувствовать* нашихъ мыслей. Разница лишь въ томъ, что у людей со слабымъ, холоднымъ, вялымъ темпераментомъ это умѣнье *прочувствовать* и *дѣятельно пережить* процессъ своего мышленія доведено до minimum'а; они влагаютъ въ мышленіе больше привычнаго автоматизма, чѣмъ страстной воли, больше холодной регистраціи, чѣмъ горячаго чувства. Но есть другіе темпераменты, для которыхъ волевой и чувственный тонъ переживаемыхъ мыслей звучитъ ясно и громко, для которыхъ въ серіи силлогизмовъ удовлетворяется кипучая жажда дѣятельности, напрягается и переливается всѣми цвѣтами радуги стремительная, живая воля. Для нихъ отдѣльныя звенья свершающей свои завоеванія, уходящей въ безконечность логической цѣпи—огромныя *событія* психической жизни, поднимающія цѣлую гамму чувствованій, входящихъ въ самыя разнообразныя сочетанія со всѣмъ міромъ интимнѣйшихъ и глубочайшихъ душевныхъ переживаній... Для такихъ людей „пурпурной воли", для такихъ „верхарновскихъ" темпераментовъ существуетъ во всей своей силѣ и величинѣ *поэзія мышленія*, и они могутъ безстрашно брать для поэтическаго творчества любыя, самыя сложныя философскія и общественныя темы. Имъ не грозитъ опасность потонуть въ прозаизмахъ, нарядить въ сшитую бѣлыми нитками поэтическую одежду простую газетную передовицу или отрывокъ изъ философскаго трактата. Касаясь любой темы, они удержатся въ области субъективной стороны духа, въ области, законно принадлежащей поэзіи; они будутъ учить другихъ воплощать абстрактныя мысли въ живыя, трепещущія, полныя огня и страсти психическія силы, одухотворенныя, дѣятельныя монады внутренняго міра. Они будутъ обогащать, усложнять психику другихъ людей, внося гармонію и единство туда, гдѣ современная цивилизація создала разрывъ, гдѣ она разсѣкла живого человѣка на безжизненныя части; путемъ высшаго синтеза они возвратятъ человѣка его первоначальной цѣлостности, обогащенной, однако, всѣми пріобрѣтеніями эпохи всеразлагающаго анализа и сложной дифференціаціи. Но не всякому

дано обрѣсти этотъ высшій поэтическій синтезъ жизни—и вотъ почему „гражданская„ поэзія такъ богата переложенными въ риѳмованныя строки газетными передовицами, удовлетворяющими только весьма неприхотливые вкусы. И вотъ почему истинное искусство, истинно поэтическое творчество до сихъ поръ чаще и легче удается въ области болѣе элементарныхъ темъ, какъ міръ вѣчныхъ и какъ міръ разнообразныхъ. Однимъ изъ неисчерпаемыхъ источниковъ этого творчества служитъ общеніе съ матерью-природой, другимъ—„das ewig Weibliche“ и любовь. И вотъ почему создался предразсудокъ, что „чистое“ искусство есть все-таки, въ концѣ концовъ, искусство, изъ котораго изгнаны всякія морально-политическія, соціальныя и гражданскія „злобы дня“ — и не только „злобы дня“, но и болѣе глубокія, менѣе скоропреходящія „злобы вѣка“...

Вотъ откуда происходятъ многочисленные безсмертные реваншы „чистаго искусства“. И вотъ въ чемъ *практически* оказывался слабый пунктъ, Ахиллесова пята его антагонистовъ. Въ стремленіи—совершенно законномъ—къ расширенію области поэзіи на все поприще „проклятыхъ вопросовъ“ человѣчества и происходящихъ вокругъ нихъ соціальныхъ битвъ сторонникамъ идейнаго искусства слишкомъ часто поневолѣ приходилось грѣшить забвеніемъ собственно поэтической мѣрки. Имъ приходилось порою искусственно принижать уровень своихъ эстетическихъ требованій, чтобы подбирать крупицы и проблески поэтическаго вдохновенія у поэтовъ съ гражданскими мотивами—и въ то же время порой, подобно Одиссею, затыкать уши ближнихъ размягченнымъ воскомъ, чтобы предохранить ихъ отъ сладкихъ, обольстительныхъ звуковъ сиренъ чистаго искусства. Конечно, нападеніе Писарева на Пушкина возможно было лишь „на зарѣ туманной юности“ сторонниковъ идейнаго искусства, какъ „на зарѣ туманной юности“ Брюсовской поэзіи было возможно стихотвореніе „О, закрой свои блѣдныя ноги!“. Но развѣ не къ тому же разряду явленій принадлежатъ многія другія, менѣе яркія событія русской литературы? Развѣ былъ, напримѣръ, оцѣненъ какъ слѣдуетъ нашею критикой Ѳ. И. Тютчевъ? Развѣ образъ крѣпостника Шеншина, тягающагося на судѣ съ потравщиками-мужиками, не заслонялъ очень долго отъ той же критики воздушной, дѣтски-непосредственной музы А. Фета? Развѣ, перескакивая къ позднѣйшему времени, не видѣли мы одно время сплошного, огульнаго гоненія противъ всего „модернизма“? Развѣ даже нѣкоторыя изъ крайностей современнаго декадентства не были дерзкой реакціей противъ упрямаго непризнанія

всего „идущаго изъ Назарета“? И развѣ сплошь во всемъ неправы были первые наши декаденты, когда они составляли одинъ боевой враждебный лагерь противъ литературнаго старовѣрія и чувствовали себя аргонавтами, пустившимися смѣло въ невѣдомый путь со всей силой энтузіазма и вѣры въ будущія завоеванія? Этими боевыми кличами полны и первыя произведенія Брюсова:

Я знаю бѣглость Ночи и Зимы,
Молюсь увѣренно Веснѣ и Маю.
Что нѣкогда восторжествуемъ мы—
Я знаю.

Въ мірѣ широкомъ, въ морѣ шумящемъ
Мы—гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящимъ,
Предчувствіемъ пѣсни полны.

Радуйтесь, братья, вѣрнымъ побѣдамъ!
Смотрите на даль съ вышины!
Намъ чуждо сомнѣнье, намъ трепетъ невѣдомъ,—
Мы—гребень встающей волны.

Смѣшныя и уродливыя стороны увлеченій декадентства были ярки, они бросались въ глаза даже и поверхностному взгляду. Но представители „новаго теченія“ въ поэзіи—по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ—чувствовали, что у нихъ есть за душой что-то кромѣ этихъ дерзкихъ и смѣшныхъ выходокъ. Болѣе того: иногда они отваживались на эти выходки только благодаря тайному сознанію своей силы. Отсюда вѣра въ свое будущее, не смотря на всеобщее осмѣяніе, которому они первое время подвергались. И теперь, конечно, ясно, что они вправѣ были считать себя не просто безобразными недоносками, уродливыми выкидышами поэзіи, безъ всякой будущности, а „гребнемъ встающей волны“. И вотъ почему — какъ пора критикамъ забыть о первыхъ, слабыхъ, неувѣренныхъ, ложныхъ шагахъ творчества крупнѣйшихъ современныхъ „модернистовъ“, такъ и этимъ послѣднимъ пора встать выше счетовъ со старою критикой: это значитъ, въ сущности, встать только выше собственнаго прошлаго. Помѣшать этому можетъ только либо ложное самолюбіе, либо та цѣпкая власть прошлаго, которая выражается въ извѣстномъ изреченіи: le mort saisit le vif. Кончилась ли эта власть прошлаго? Или еще нѣтъ?

Старая критика была безусловно права, когда ополчалась

противъ разрыва искусства съ жизнью. Внутренняя самоцѣнность искусства не есть еще его „самодовлѣніе“. Что̀ бы ни говорили и какъ бы ни говорили объ искусствѣ для искусства, но безпристрастная истина свидѣтельствуетъ о томъ, что искусство — какъ и наука, какъ и мораль—есть явленіе *соціальное*, что и по происхожденію, и по существу своему оно является одною изъ чрезвычайно важныхъ въ соціологическомъ отношеніи формъ *общенія людей*. Произведеніе тѣмъ художественнѣе, чѣмъ съ болѣе магическою силой способно оно заставлять души другихъ людей настраиваться въ унисонъ съ настроеніемъ автора или вызывать въ представленіи другихъ людей, какъ живые, тѣ образы, которые выносилъ онъ въ своей фантазіи. Итакъ, въ сущности, степень вліянія на другихъ людей—одновременно сила и широта, интенсивность и экстенсивность этого вліянія—есть критерій, есть мѣрило художественности. Искусство, конечно, есть нѣчто совершенно отличное отъ морали, отличное уже потому, что мораль обращается къ волѣ и рисуетъ то „прекрасное“, которое *надо* реализовать, а искусство имѣетъ своимъ предметомъ уже существующее, наблюденное, найденное въ мірѣ прекрасное. Мораль стремится *осуществить* нѣкоторую всеобщую гармонію; искусство *подмѣчаетъ* элементы гармоніи или „прекраснаго“, разлитые въ мірѣ и либо соединяемые фантазіей, либо уже имѣющіеся на лицо въ видѣ цѣлостнаго образа или картины. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что искусство рисуетъ только нравственно-прекрасное; нѣтъ, оно можетъ схватывать и уродливое, рисуя его съ такою степенью изобразительной силы, что уродливость этого „уродливаго“ встаетъ „какъ живая“, и даже еще болѣе живая, цѣлостная, не загроможденная мелкими деталями, не засоренная случайными аксессуарами, какъ это бываетъ въ жизни. Но только у плохихъ художниковъ (или у хорошихъ художниковъ, но больныхъ людей) прекрасное можетъ выглядѣть блѣднымъ и скучнымъ, а уродливое—привлекательнымъ и соблазнительнымъ. Въ этомъ, такимъ образомъ, сказывается одновременно и глубокая *косвенная* связь, и не менѣе глубокое *прямое* отличіе между областями искусства и морали. Искусство не должно быть непремѣнно морализирующимъ, чтобы быть глубоко моральнымъ. Еще Михайловскій, въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній: „Что такое прогрессъ?“, провелъ рѣшительное разграниченіе между искусствомъ *тенденціознымъ* и искусствомъ глубоко, внутренно *идейнымъ*. Стоитъ только лучше вдуматься въ это различіе, чтобы

понять, насколько мало затрогивается нашими воззрѣніями дѣйствительная „свобода“ и „чистота“ искусства.

Художники и поэты, однако, слишкомъ часто не различаютъ этихъ вещей. Нерѣдко простую ограниченность своего кругозора, влекущую за собою скудость темъ и бѣдность содержанія твореній, они склонны возводить въ принципъ, во имя все той же „свободы“ отъ тенденціи. Нѣтъ спора, иные литературные старовѣры и вульгаризаторы подаютъ имъ для такого смѣшенія достаточно поводовъ. Но странно, когда приверженцы *свободы* искусства находятся въ такой *зависимости* отъ вульгаризаторовъ принципа „идейнаго искусства“, что за искаженіемъ извѣстной истины не могутъ разглядѣть ея настоящаго свѣтлаго лика. И еще страннѣе, когда, изъ боязни *подчинить* искусство, къ его искаженію и вреду, какой-либо не менѣе *частной* области жизни—напр. политикѣ—они готовы оторвать его отъ жизни въ цѣломъ и, наоборотъ, все, вплоть до жизни въ ея цѣломъ, подчинить одной ограниченной отрасли и части великаго цѣлаго: искусству. А даже такой умный представитель модернизма, какъ Брюсовъ, доходитъ до такихъ, напр., мотивовъ:

Быть можетъ, все въ мірѣ—лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ...

Трудно не обратить вниманія на внутреннее родство этихъ строфъ съ приведеннымъ нами выше восторженнымъ гимномъ „весенней“ элементарности и стихійности таланта Бальмонта, переполненнымъ горячими пожеланіями ему еще больше этой безпечной, безотчетной стихійности. Но это—роковыя пожеланія. Ихъ осуществленіе несетъ съ собою дѣйствительныя узы таланту. Въ самомъ дѣлѣ, всякое дарованіе имѣетъ, такъ сказать, два измѣренія. Съ одной стороны—важна *изобразительная сила*: въ ней — интенсивность таланта. Съ другой стороны—не менѣе важенъ *охватъ* этой изобразительной силы, кругъ явленій, на который она простирается; въ этомъ — *экстенсивность* таланта. Только соединеніе двухъ этихъ чертъ даетъ настоящаго мірового поэта. Изобразительная сила Бальмонтовскаго таланта простирается на слишкомъ ограниченный кругъ явленій; его талантъ скованъ узкимъ поприщемъ родныхъ духовному облику поэта мотивовъ; въ предѣлахъ этого узкаго поприща онъ можетъ давать настоящіе перлы. Конечно, если признать, что этотъ узкій кругъ для него фаталенъ, можно отъ всей души пожe-

лать ему не выходить за его предѣлы. Но говорить по этому поводу: „дара высшаго не требуй, дара высшаго и нѣтъ“ — значитъ либо золотить пилюлю, либо глубоко обманываться самому. Не тотъ же ли самый Брюсовъ въ недавней рецензіи на одну изъ послѣднихъ книжекъ стиховъ Бальмонта, хотя и въ очень мягкомъ тонѣ, отмѣчаетъ у своего „друга и брата“ частые перепѣвы, повторенія, ослабленныя копіи прежнихъ, болѣе оригинальныхъ и яркихъ мотивовъ? А это неизбѣжно при ограниченности круга творческаго постиженія и творческой переработки дѣйствительности. И развѣ самъ Бальмонтъ не чувствуетъ этого? Развѣ въ инстинктивномъ стремленіи расширить поле своей поэзіи онъ не рыщетъ сѣрымъ волкомъ по полю и не растекается мыслью по древу? Когда онъ то бросается къ народному эпосу славянъ, то прислушивается къ „зовамъ древности“, къ сказаніямъ, сохранившимся среди бретонскаго и норвежскаго крестьянства, среди горцевъ сѣверной Испаніи, къ древнему эпосу грековъ, римлянъ, даже китайцевъ — что̀ руководитъ имъ, какъ не стремленіе обогатить новымъ содержаніемъ грозящій истощиться арсеналъ своей поэзіи? Правда, изъ этого получается только стилизація на разные лады все тѣхъ же, вѣчныхъ, сравнительно элементарныхъ мотивовъ. Кто только теперь не стилизуетъ! Стилизація теперь въ модѣ; стилизація порою какъ будто даже угрожаетъ поглотить самостоятельное творчество; стилизація—послѣднее убѣжище тамъ, гдѣ угрожаетъ — говоря словами того же Брюсова—„бѣдность горькая опустошенныхъ думъ“. И если Бальмонтъ чаще, чѣмъ нужно, обращается къ этому убѣжищу, то только потому, что для него кончилась неудачей другая попытка выбиться изъ заколдованнаго круга темъ, въ которыхъ онъ былъ „не какъ весь годъ, а лишь̀ какъ краткій май“. Эта попытка — стихи Бальмонта на гражданскія и революціонныя темы, собранныя въ изданномъ за границей сборникѣ „Пѣсни Мстителя“. Врядъ ли возможны два мнѣнія относительно достоинства этихъ стиховъ. Преобладаніе искусственной взвинченности, внутренній холодъ внѣшняго паѳоса, чрезмѣрная фразистость и неумѣстность даже внѣшне-красивыхъ фіоритуръ—все это бьетъ въ глаза и показываетъ, что поэтъ лишь отдалъ дань вѣянію времени, но самъ, внутренно, далеко не проникся этими мотивами; они были для него внѣшнимъ налетомъ, а не сдѣлались внутренней сущностью. Большей глубины, а не красивой беззаботности нужно было пожелать Бальмонту; въ этомъ направленіи можно было ждать дальнѣйшаго развертыванія его таланта. Тогда у него удались бы

и „гражданскія“ стихотворенія; тогда они были бы проникнуты глубокой внутренней идейностью, а не внѣшней тенденціозностью.

Болѣе всѣхъ должно быть это понятно Валерію Брюсову, который на собственномъ опытѣ научился цѣнить продуманность творчества и обогащеніе его путемъ теоретической подготовки: „тѣсно я приникъ къ стоцвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ и увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья“... Правда, Валерій Брюсовъ взываетъ къ Бальмонту: предоставь намъ глубину вѣщихъ сновъ, пусть нашъ голосъ будетъ „вѣкамъ завѣтъ“, ибо „мы—пророки, ты—поэтъ“. Но тотъ же Валерій Брюсовъ вдохновенно восклицаетъ:

Художникъ быть не можетъ не пророкомъ,
И рабства съ творчествомъ соединить нельзя...

Правда, Валерій Брюсовъ готовъ все въ мірѣ сдѣлать „лишь средствомъ для ярко пѣвучихъ стиховъ“—но тотъ же Валерій Брюсовъ написалъ превосходныя строфы о томъ глубоко-освободительномъ вліяніи поэзіи, которое открываетъ „мечтамъ—всѣ степи, и волямъ—дали всѣхъ дорогъ“ для того времени, „когда мы сбросимъ цѣпи съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ“...

Правда, Валерій Брюсовъ готовъ „служенье Богу“—и только его—видѣть даже „въ своемъ самохваленьи“; правда, онъ самъ склоняется предъ понятой имъ „неизбѣжностью случайныхъ думъ своихъ“ и предлагаетъ всѣмъ такъ же склониться предъ нею, доходя до окрика, болѣе подобающаго непризнанному и раздраженному школьному учителю, чѣмъ тому, „кто въ жизнь пришелъ поэтомъ, предъизбранъ былъ судьбой“:

А вамъ—молчать и слушать! вникать въ напѣвы вамъ!

Но тотъ же самый Валерій Брюсовъ прекрасно понимаетъ, что его „сокровенныя думы“ требуютъ и другой оцѣнки, кромѣ признанія ихъ „случайной неизбѣжностью“.

Есть думы свѣтлыя, какъ ангелъ Божій,
Затерянныя мной въ холодныхъ дняхъ.
Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
Но осквернённыя притворствомъ и игрой.
Есть думы—женщины, глядящія такъ строго,
Есть думы—карлики съ изогнутой спиной...

И если Валерій Брюсовъ съ отчасти законной гордостью говоритъ: „Не знаю самъ, какая, но все-жъ я міру вѣсть“, то передъ нами, читателями, дѣйствительно, послѣ ознакомленія съ блужданіями Брюсова по его „путямъ и перепутьямъ“, возникаетъ интересная проблема: какая „вѣсть“ содержится для насъ въ содержаніи его измѣнчивой и разнообразной поэзіи?

Викторъ Черновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДЖЕМСЪ И ТЕОРІЯ ПРАГМАТИЗМА

Наука понесла недавно крупную утрату въ лицѣ американскаго философа и психолога Уильяма Джемса. Въ послѣдніе годы его имя стало извѣстно и популярно даже у насъ въ Россіи, гдѣ не очень скоро отзываются на новѣйшія теченія общечеловѣческой мысли. Его сочиненія стали переводиться и читаться не только въ виду ихъ научныхъ и литературныхъ достоинствъ, но, какъ думается, еще больше изъ-за соотвѣтствія нѣкоторыхъ идей Джемса новымъ теченіямъ въ русской интеллигенціи.

Въ краткой замѣткѣ невозможно дать характеристику всѣхъ научныхъ заслугъ Джемса. Одно прежде всего бросается въ глаза въ личности мыслителя: это былъ умъ истинно свободный, въ высшемъ смыслѣ слова. Онъ не боялся идти новыми путями, не зналъ никакихъ предразсудковъ — ни традиціонныхъ, ни научныхъ; онъ подходилъ съ строгимъ анализомъ къ изученію такихъ явленій, которыя одними принимались на вѣру слѣпо и огульно, а другими такъ же огульно отвергались и осмѣивались. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, сдѣлавшихъ спиритизмъ предметомъ серьезнаго научнаго изслѣдованія—достаточно припомнить труды Society for psychical researches (общества психическихъ изслѣдованій),—и въ то же время въ своихъ лекціяхъ по психологіи тщательно держался только общепризнанной несомнѣнной истины. Читатель, знакомый съ другими его трудами, можетъ оцѣнить не только научное, но и нравственное достоинство этой крайней осторожности, этой боязни внести что-либо спорное, субъективное въ преподаваніе науки. Намъ придется, при разборѣ его труда по прагматизму, отмѣтить опасность его теоріи для малоподготовленной къ серьезному мы-

шленію публики; но Джемсъ самъ лучше всѣхъ понималъ это и большую часть своихъ трудовъ посвятилъ именно закладыванію твердаго фундамента научнаго знанія, сдѣлавъ его доступнымъ широкимъ кругамъ читателей, благодаря своему выдающемуся таланту популяризатора. Остается только пожелать, чтобы знакомство съ американскимъ мыслителемъ не ограничилось у насъ бѣглымъ прочтеніемъ маленькой его книжки о прагматизмѣ.

Начинать изученіе Джемса нужно съ его лекцій по психологіи, переведенныхъ и на русскій языкъ. Помимо нѣкоторыхъ спеціальныхъ отдѣловъ—напримѣръ ученія объ эмоціяхъ,—составляющихъ вкладъ Джемса въ науку, достоинствомъ его курса является пріемъ обработки матеріала: онъ не анатомируетъ для микроскопическаго анализа человѣческую душу, а всегда имѣетъ ее передъ собою, какъ цѣльный предметъ. Отсюда яркость, жизненность изслѣдованія, незамѣтно увлекающаго читателя въ самую глубь вопроса. Большое мѣсто отводитъ Джемсъ вопросу о свободѣ воли и, склоняясь самъ на сторону положительнаго отвѣта, не высказываетъ его, однако, догматически, а очерчиваетъ границы, въ которыхъ строгая наука можетъ допускать эту свободу. Даже не соглашаясь съ личнымъ взглядомъ Джемса, можно извлечь большую пользу изъ самой постановки имъ вопроса, благодаря производимой имъ расчисткѣ почвы отъ метафизическихъ словопреній.

Болѣе спеціально Джемсъ занимался одной областью психологіи—проявленіями религіозныхъ исканій. Имъ посвященъ его обширный и глубокій трудъ: „Многообразіе религіознаго опыта“ (русскій переводъ въ изд. ред. „Русской Мысли“). Менѣе всего склонный проповѣдывать самъ какую-нибудь догму (догматики, напротивъ, могутъ упрекнуть его въ излишнемъ эклектизмѣ), Джемсъ включаетъ въ свое изслѣдованіе даже пресловутую американскую секту Mind-curer и не останавливается передъ возможностью признанія множественности религіозныхъ началъ. Здѣсь, какъ и въ „Прагматизмѣ“, онъ гораздо болѣе психологъ, чѣмъ философъ; но заслуги его, какъ психолога, огромны: какъ и въ лекціяхъ по психологіи. Достаточно припомнить разсужденія его „о святости“, дающія новое освѣщеніе психологическаго матеріала, который до сихъ поръ подносился намъ совсѣмъ въ иной формѣ и потому оставался намъ чуждъ. Если читатель признаётся (какъ это фактически случалось), что Джемсъ разъяснилъ ему его собственные, смутные, странные ему самому порывы, то это—высшая похвала, для автора: онъ достигъ той цѣли, какую себѣ ставилъ.

Любимой областью изслѣдованій Джемса, куда его видимо тянуло, была какъ разъ та темная область безсознательной, точнѣе—внѣ-сознательной психической жизни, которой онъ придавалъ огромное значеніе и для изученія которой такъ много сдѣлалъ именно потому, что шелъ туда вооруженный всѣми методами современнаго точнаго знанія, съ умомъ, открытымъ для всякой новой истины, какъ бы ни противорѣчила она установленной научной традиціи. Только такіе мыслители могутъ прокладывать новые пути и находить разрѣшеніе проблемъ, кажущихся неразрѣшимыми.

I.

Вѣковѣчный вопросъ стоитъ передъ человѣчествомъ. Новѣйшее теченіе философской мысли пытается дать ему новую постановку. Прагматизмъ не столько раскрываетъ содержаніе истины, сколько опредѣляетъ, что собственно надо понимать подъ этимъ словомъ. Блестящій литературный талантъ Джемса дѣлаетъ книгу его о прагматизмѣ интересной даже для тѣхъ, кто не согласится съ его выводами; самый же прагматизмъ заслуживаетъ вниманія не только какъ одна изъ попытокъ освѣтить, если не рѣшить, міровые вопросы, но еще болѣе какъ знаменіе нашего времени.

Что такое прагматизмъ? „Прагматическій методъ—это прежде всего методъ улаживанья философскихъ споровъ, которые безъ него могли бы тянуться безъ конца. Представляетъ ли собою міръ единое или многое? Лежитъ ли въ основѣ его матеріальный принципъ или духовный? Царитъ ли въ немъ свобода или необходимость? Все это—одинаково правомѣрныя точки зрѣнія на міръ. Прагматическій методъ пытается истолковать каждое мнѣніе, указывая на его практическія слѣдствія. Какая получится практическая разница, если принять за истинное именно это мнѣніе, а не другое? Если мы не въ состояніи найти такую разницу, то оба противоположныхъ мнѣнія означаютъ по существу одно и то же, и всякій дальнѣйшій споръ безполезенъ. Чтобы добиться полной ясности въ нашихъ мысляхъ о какомъ-нибудь предметѣ, мы должны разсмотрѣть, какихъ можно ожидать отъ него ощущеній и къ какого рода реакціямъ съ своей стороны мы должны подготовиться. Что измѣнилось бы въ мірѣ, еслибы изъ конкурирующихъ точекъ зрѣнія была вѣрна та или другая? Метафизики довѣряютъ словамъ, которыя будто бы даютъ намъ принципъ міра

и объясненіе его, на которомъ и можно успокоиться. Напротивъ, прагматизмъ извлекаетъ изъ каждаго слова его наличную цѣнность (cash-value), разсматриваетъ его скорѣе не какъ рѣшеніе, а какъ программу дальнѣйшей работы. Теоріи становятся для него только орудіями: онѣ полезны потому, что суммируютъ старые факты и ведутъ къ новымъ; это — „логическая стенографія". Прагматисты „не успокоиваются въ сладкой бездѣятельности": теоріи постоянно видоизмѣняются опытомъ, становятся менѣе тугими, болѣе приспособляемыми къ новымъ даннымъ. Отъ разныхъ принциповъ и категорій прагматизмъ обращаетъ насъ къ результатамъ, фактамъ. Онъ „означаетъ собою открытый воздухъ, все многообразіе живой природы, противопоставленное догматизму, искусственности, притязаніямъ на законченную истину".

Въ этомъ прагматизмъ не новъ: то же говорятъ и эмпирики, но, по мнѣнію Джемса, прагматизмъ радикальнѣе и менѣе уязвимъ для нападокъ. Прагматизмъ опирается на опытъ, но и даннымъ опыта не придаетъ абсолютной цѣнности. То, что приходитъ къ намъ въ опытѣ, не есть еще истина; истина — то, „*что мы говоримъ* о немъ". Старыя истины постепенно, не безъ борьбы замѣняются новыми и перерабатываютъ ихъ, въ свою очередь, въ процессѣ жизни. Всякая истина есть посредникъ между старымъ и новымъ опытомъ. „*Мысли наши становятся истинными ровно постольку, поскольку онѣ помогаютъ намъ приходить въ удовлетворительное отношеніе къ другимъ частямъ нашего опыта*— утверждаетъ Джемсъ вслѣдъ за Шиллеромъ и Дьюи. Истинность нашихъ мыслей—это ихъ способность „работать" на насъ. Для прагматиста нѣтъ Истины съ прописной буквы, а есть лишь рядъ истинъ; „истина для него—родовое названіе для всѣхъ видовъ опредѣленныхъ рабочихъ цѣнностей въ опытѣ". Абстрактная истина—такое же условное словесное обозначеніе, какъ напр. законъ, въ смыслѣ родового понятія для конкретныхъ законовъ и постановленій.

Такова „инструментальная" теорія истины, сводящая ее къ ряду относительно справедливыхъ и практически полезныхъ для человѣка ученій, изъ которыхъ ни одно не представляетъ точной копіи дѣйствительности. Этимъ прагматизмъ противополагается позитивизму, признающему истинность и обязательность для человѣка выводовъ науки, основанной на точномъ внѣшнемъ опытѣ и логической аргументаціи. Противъ него прагматисты выдвигаютъ „гуманистическую" теорію происхожденія истины. Всѣ аксіомы, способы разсужденія, нашъ житейскій „здравый смыслъ"—все это создано человѣкомъ постепенно. Міръ представляется для

ребенка хаосомъ разрозненныхъ явленій, для дикаря — смѣсью дѣйствительности и грезъ. Связать постоянно совпадающую по мѣсту и времени группу явленій понятіемъ „вещь", установить извѣстныя категоріи, какъ напр. время, пространство, сущность, отношеніе—все это работа вѣковъ; это—идеи, которыя были открытіями геніальныхъ людей до-историческаго времени, какъ наши новыя идеи — открытія Беркли, Дарвина и другихъ. „Наши предки могли въ извѣстные моменты случайно напасть на такіе методы мышленія, до которыхъ они вѣроятно никогда не додумались бы путемъ логическаго мышленія. Но разъ это было сдѣлано, разъ фактъ произошелъ, наслѣдственность вступила въ свои права". „Мы можемъ затѣвать какія угодно измѣненія въ нашемъ домѣ, но основной планъ перваго архитектора остается". Теперь мы уже не можемъ идти иначе, какъ по проторенной дорогѣ: самый языкъ ведетъ насъ по ней. „Всѣ наши существительныя и прилагательныя—это гуманизированное наслѣдіе предковъ". Въ изслѣдованіи мы руководимся нашими человѣческими чувствами и потребностями. Правда, намъ данъ извѣстный матеріалъ, не отъ насъ зависящій: во-первыхъ — наши ощущенія, во-вторыхъ—отношенія между ними, въ-третьихъ—накопленный старый опытъ, съ которымъ мы постоянно должны считаться. Но мы имѣемъ возможность выбора и координируемъ этотъ матеріалъ по своему произволу. Такимъ образомъ мы сами создаемъ истину и, слѣдовательно, дѣйствительность. По выраженію Эйкена, мы, можетъ-быть, повышаемъ этимъ цѣнность находимаго нами бытія, не только вносимъ нѣчто новое въ нашъ субъективный міръ, но и оставляемъ слѣдъ въ объективномъ мірѣ, участвуемъ въ творческомъ процессѣ мірозданія, которое раціоналистъ считаетъ навѣки законченнымъ. Именно это не дозволяетъ принять прагматистамъ монистическаго объясненія вселенной. Быть-можетъ, въ ней есть нѣсколько началъ; быть-можетъ, нельзя опредѣлить судьбу ея однимъ приговоромъ погибели или спасенія; быть-можетъ, нѣкоторыя части ея осуждены на гибель; быть-можетъ, только часть міра можетъ быть „спасена", объединена. Съ прагматизмомъ мы лишаемся того спокойствія, какое даетъ намъ монизмъ, но за то повышаемъ творческую роль человѣка, хотя и подверженную риску неопредѣленности. Волѣ человѣка мы придаемъ значеніе мірового агента: наши идеалы — не абстрактности, а живыя возможности; при извѣстныхъ условіяхъ и при собственномъ нашемъ усиліи идеалы обращаются въ реальные факты; почему же не можемъ мы приписать себѣ участія въ творчествѣ міра, разъ мы творимъ

истины о немъ? Допущеніе этого и признаніе нѣсколькихъ разнородныхъ началъ, т.-е. *плюрализма* міра, ведетъ къ еще болѣе широкимъ предположеніямъ: быть-можетъ, мы въ своей дѣятельности касаемся дѣятельности другихъ силъ, относимся къ нимъ, какъ касательныя къ кругу, или, по болѣе вульгарному, но наглядному сравненію Джемса, какъ наши комнатныя собаки и кошки относятся къ нашей жизни, въ которой принимаютъ участіе, не понимая ея содержанія?

Все это опредѣляетъ позицію прагматизма по отношенію къ одному изъ способовъ объясненія проблемы міра, а именно — къ религіи. Прагматизмъ признаетъ истиной только то, что̀ „служитъ“ человѣку, но за то признаетъ безотговорочно всѣ такія „рабочія“ истины, какимъ бы образомъ онѣ ни были добыты. „Прагматизмъ не знаетъ никакихъ предубѣжденій, никакихъ стѣсняющихъ свободное изслѣдованіе догматовъ, никакихъ неизмѣнныхъ каноновъ и критеріевъ. Онъ считается со всякой гипотезой, прислушивается ко всякимъ аргументамъ... готовъ слѣдовать за логикой или за чувствомъ и считаться съ самыми скромными, самыми личными переживаніями. Прагматизмъ готовъ считаться и съ мистическимъ опытомъ, если онъ имѣетъ практическія слѣдствія. Онъ готовъ признать Бога, живущаго въ глубочайшей тьмѣ личной жизни, если только окажется, что здѣсь можно найти его“. „*Если окажется, что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то, съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого. Что касается вопроса о томъ, можно ли имъ приписать бо̀льшую мѣру истинности, то рѣшеніе его будетъ цѣликомъ зависѣть отъ ихъ отношеній къ другимъ истинамъ, которыя тоже должны быть признаны*“... „Еслибы вѣра въ какую-нибудь идею помогала намъ вести лучшій образъ жизни, тогда дѣйствительно было бы *для насъ лучше* вѣрить въ эту идею,— *исключая, разумѣется, тотъ случай, когда вѣра въ нее пришла бы въ столкновеніе съ другими, болѣе важными, жизненными интересами*“.

Далѣе, однако, Джемсъ высказывается уже не условно, а положительно и находитъ преимущество прагматизма передъ эмпиризмомъ въ томъ, что первый свободенъ отъ матеріализма и удовлетворяетъ нашей неискоренимой потребности въ нравственномъ міропорядкѣ. Картина механическаго дѣйствія законовъ природы и конечной неизбѣжной гибели живущаго способна погрузить человѣка въ бездну отчаянія, между тѣмъ какъ идея Бога „гарантируетъ идеальный и вѣчный міропорядокъ“. „Тамъ, гдѣ есть Бо-

жество, трагедія носитъ только временный и частичный характеръ; финальный крахъ и гибель здѣсь—не конецъ всего". Однако онъ прибавляетъ: „наше *окончательное* мнѣніе о Богѣ можетъ быть установлено лишь тогда, когда всѣ истины придутъ въ гармоническое сочетаніе". Въ заключеніе Джемсъ даетъ такое опредѣленіе: „Посреди двухъ крайностей—грубаго натурализма съ одной стороны и трансцендентальнаго идеализма съ другой—лежитъ то, что̀ я рѣшаюсь назвать прагматическимъ или меліористическимъ типомъ теизма".

II.

Итакъ, Джемсъ не приходитъ ни къ чему, кромѣ гадательныхъ предположеній. Прагматизмъ — не новое міровоззрѣніе, а лишь путь къ выработкѣ его, даже не путь, а скорѣе вѣха въ началѣ пути, ведущаго въ сторону отъ проторенныхъ тропинокъ. Позиція, занятая Джемсомъ, не удовлетворитъ ни сторонниковъ научнаго міросозерцанія, ни приверженцевъ религіозныхъ воззрѣній. Г. Юшкевичъ полемизируетъ противъ Джемса съ научной точки зрѣнія, предполагая, что прагматизмъ можетъ проложить мостъ къ религіознымъ вѣрованіямъ. Но г. Юшкевичъ не поколебалъ главнаго положенія Джемса относительно гуманистическаго происхожденія истины. Если первый утверждаетъ, что описательныя истины представляютъ „копіи" дѣйствительности (напр. утвержденіе, что въ Сахарѣ есть горы), то это показываетъ, что онъ не понялъ существа ученія Джемса: самая необходимость выражать истину человѣческимъ языкомъ накладываетъ на эту „копію" человѣческій отпечатокъ, суживаетъ, обезцвѣчиваетъ явленіе. Даже географическая карта представляетъ не копію, а лишь весьма условное обозначеніе мѣстности, которое надо умѣть дешифрировать. Казалось бы, что̀ больше заслуживаетъ названія точной копіи, какъ не фотографія? Но фотографія, снятая съ лунныхъ горъ въ телескопъ, даетъ лишь рядъ черныхъ пятенъ, въ которыхъ неопытный глазъ не разберетъ горъ и равнинъ. Фотографія копируетъ точно, но только одну сторону предмета—свѣтъ и тѣни, а самый свѣтъ есть лишь впечатлѣніе отъ предполагаемыхъ волнъ эѳира на сѣтчаткѣ человѣческаго глаза. То же въ сущности представляютъ и всѣ наши научныя понятія: всѣ наши слова и идеи, какъ и наши инструменты, могутъ охватить предметъ изученія лишь съ одной стороны, притомъ не непосредственно, а въ формѣ реакцій на нихъ человѣческихъ чувствъ; по реакціямъ этимъ мы только и судимъ о

мірѣ, поправляя ошибки одной реакціи другими, но никогда не будучи увѣрены, что поправили ихъ до конца. Наука можетъ устанавливать свои выводы только путемъ разобщенія естественно связанныхъ между собою сторонъ явленія, анатомируя ихъ и тѣмъ самымъ теряя непосредственное чувство жизни. Поэтому она никогда не можетъ охватить всего богатства жизненныхъ явленій; ея выводы всегда относительны и къ каждому отдѣльному случаю должны примѣняться не иначе какъ съ оговоркой. Стремиться научнымъ путемъ постигнуть или хотя бы „скопировать“ жизнь—все равно, что желать обнять призракъ, облачко, тающее при приближеніи къ нему или окутывающее путника непроницаемой для глазъ пеленой. Вотъ почему, съ философской, критической точки зрѣнія, иногда вся жизнь кажется призракомъ. Г. Юшкевичъ весьма кстати припоминаетъ слова какого-то философа, который говорилъ, что Божество мыслитъ конкретными фактами, а не отвлеченно, дискурсивно, какъ мы; но, не восходя уже къ божественному разуму, мы видимъ примѣръ непосредственнаго мышленія образами въ человѣческомъ творчествѣ, именно—въ художественномъ, и очень характерно, что оно называется *творчествомъ*. Конечно, оно ограничено въ своихъ силахъ; оно даетъ не настоящую дѣйствительность, а только тѣнь ея—однако мы признаемъ истинность этой тѣни, ея соотвѣтствіе съ жизнью, и истинность эта подтверждается не лабораторнымъ путемъ и не логическими дедукціями. Есть люди, которые и къ ней относятся пренебрежительно, для которыхъ поэзія — пустыя бредни, музыка—простой шумъ; но приговоръ всего человѣчества былъ иной, искусству отведено видное мѣсто въ исторіи культуры, и прагматисты будутъ правы, если поставятъ въ заслугу искусству его „полезность“, понимая ее, конечно, не въ грубомъ, лавочномъ смыслѣ слова. Въ оцѣнкѣ произведеній искусства много субъективнаго, однако великихъ мастеровъ цѣнятъ всѣ: большинство человѣчества находитъ въ нихъ одинаковый откликъ на свои переживанія. Конечно, большинство судитъ субъективно, руководствуясь переживаніями; но вѣдь и научная достовѣрность основывается также на переживаніяхъ, на внутреннемъ чувствѣ соотвѣтствія новаго опыта со старымъ или на „правильности“ логической конструкціи, т.-е. на чувствѣ соотвѣтствія данной цѣпи посылокъ и слѣдствій съ установленнымъ методомъ мышленія.

Но противники прагматизма правы, когда указываютъ на то, что онъ создаетъ полный произволъ и не даетъ намъ никакого руководящаго начала въ дѣлѣ установленія истины. Мы пола-

гаемъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ, что могутъ быть иные методы изслѣдованія истины, кромѣ извѣстныхъ нынѣ; мы даже согласны, что человѣчество въ теченіе вѣковъ остановилось не на самыхъ лучшихъ методахъ—но тѣмъ не менѣе нельзя отвергать методы и добытые ими результаты однимъ указаніемъ на возможность лучшихъ. Дайте это лучшее—и человѣчество пойдетъ за нимъ, какъ бы ни ворчали на это рутинеры и догматики. Затѣмъ, критерій полезности неудовлетворителенъ и потому, что сама полезность нуждается въ критеріи. Вѣдь полезность тоже бываетъ различнаго рода и разной степени. Награды и наказанія могутъ казаться полезны учителю, вызывая въ ученикахъ рвеніе или спасительный страхъ; однако современная педагогія все болѣе возстаетъ противъ нихъ. То же примѣнимо и ко взрослымъ. „Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“; но полезно ли поддерживать вѣрованіе, побуждающее народъ подчиняться принципу, „полезному“ для государственной власти? Полезно ли расписывать народу блага всеобщаго голосованія такими красками, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Прагматисты скажутъ, что все это — возраженія вульгарныя, а не философскія; но вѣдь они хотятъ окунуться въ жизнь, и потому, чтобы сдѣлать свою теорію доступной всѣмъ, они должны отвѣчать и на вульгарныя возраженія. Чѣмъ ихъ философская „полезность“ отличается отъ „вульгарной“? И чѣмъ предупредятъ они печальныя ошибки отъ игры словъ? Да и въ области самыхъ основныхъ философскихъ проблемъ, нужно ли во что бы то ни стало „оправдывать жизнь“, какъ къ тому склонны прагматисты? Или дозволительно придти къ выводу о конечной негодности всего міра? Какая же, однако, „польза“ можетъ быть отъ такой идеи? Чѣмъ можетъ она служить жизни, которую все-таки надо пережить? А если заранѣе исключить такую оцѣнку міра, то это значило бы предрѣшить отвѣтъ на самый основной и интересный намъ вопросъ, т.-е. подорвать довѣріе къ самому изслѣдованію. Истины полезны, но только до тѣхъ поръ, пока мы вѣримъ, что онѣ—истины, какъ молитва сильна только для вѣрующаго въ ея силу.

Нѣчто подобное могутъ возразить Джемсу и представители религіознаго міровоззрѣнія. Джемсъ говоритъ, что „доказательства въ пользу признанія Бога коренятся прежде всего въ нашемъ внутреннемъ, личномъ опытѣ“. Религія познаетъ дѣйствительность своеобразнымъ методомъ, который обыкновенно называютъ вѣрованіемъ; но оно совершенно отлично отъ простого довѣрія къ фактамъ науки, напр. къ существованію горъ въ

Африкѣ или къ біографіи Юлія Цезаря: здѣсь мы просто довѣряемъ путешественникамъ или лѣтописцамъ, самые факты для насъ безразличны и мертвы. Религіозныя истины — разумѣется, если онѣ не восприняты механически изъ учебника или катехизиса—представляютъ собою цѣнности, освѣщающія весь остальной міръ; утвержденіе ихъ основано на личномъ, непосредственномъ, интуитивномъ чувствѣ реальности. Можно сколько угодно критиковать достовѣрность его, но для человѣка, считающаго себя обладателемъ религіозной истины, логическіе аргументы будутъ такъ же неубѣдительны, какъ для человѣка, вооруженнаго житейскимъ здравымъ смысломъ, неубѣдительны доводы критической философіи, доказывающіе ему условность всѣхъ обычныхъ нашихъ понятій. Противъ свидѣтельства нашего опыта, хотя бы не внѣшняго, а внутренняго, недѣйствительно и возраженіе, что результаты его представляютъ абсурдъ. Развѣ не абсурдомъ казалось нашимъ предкамъ существованіе антиподовъ— и развѣ не абсурдомъ могли бы показаться нашимъ отцамъ явленія, связанныя съ радіемъ?

Особенность религіозныхъ идей—въ томъ, что онѣ представляются живыми фактами, болѣе значительными, чѣмъ всѣ данныя внѣшняго опыта. „Именемъ Бога живого“ властно говорятъ пророки; изъ этого основного факта вытекаетъ весь міръ явленій, имъ объясняется онъ и оправдывается. Это — истина по преимуществу, Истина съ прописной буквы, и въ этомъ ея отличіе отъ джемсовскихъ „служебныхъ“ истинъ. Есть тонкая разница оттѣнка между „вѣрю“ и „вѣрую“; она указываетъ тотъ пунктъ, на которомъ сбивается аргументація прагматизма. Не безъ причины называютъ религіозно-психологическій процессъ „переживаніемъ“, ибо въ немъ одинаково участвуетъ и сознаніе, и подсознательная сфера; оттого-то и получается такая сила впечатлѣнія, которая становится руководящею для человѣка во всемъ его жизненномъ поведеніи. Гдѣ имѣется только „гипотеза Бога“, тамъ нѣтъ и тѣни религіи, а есть лишь метафизическая теорія, открытая всѣмъ возраженіямъ, приводимымъ противъ метафизики и ея ученій. Религія сильна только абсолютностью своего вѣрованія, какъ монета можетъ ходить только при увѣренности въ томъ, что она сдѣлана изъ золота или серебра; если на этотъ счетъ возникаетъ сомнѣніе, она теряетъ всякую цѣнность. Ничего средняго, никакой „гипотезы“ здѣсь быть не можетъ. Абсолютность факта представляется человѣку независимо отъ роли этого факта въ жизни. Религія несомнѣнно играетъ огромную и, какъ правильно полагаетъ Джемсъ, въ большинствѣ случаевъ

полезную роль въ человѣческой жизни,—но лишь поскольку она признается монетой чистой чеканки: всякое сомнѣніе обезцѣниваетъ ее немедленно. Инстинктивное сознаніе полезности заставляетъ иногда слабыхъ людей цѣпляться за религію, независимо отъ ея истинности; но не такова была религія людей, шедшихъ на крестъ или на костеръ за свои вѣрованія—а вѣдь они-то и двигали вѣру, создавали церкви, воодушевляли толпу. Даже слабымъ людямъ, разъ у нихъ подорвана вѣра, недолго удается обманывать самихъ себя — и тѣмъ трагичнѣе, вплоть до самоубійства, бываетъ развязка. Не на такомъ шаткомъ фундаментѣ построена многовѣковая исторія религіозныхъ движеній человѣчества. Истинность чего-нибудь можно доказывать лишь опираясь на нѣчто болѣе твердо установленное, чѣмъ то, что надлежитъ доказать. Оправдывать полезностью то, что можетъ принести человѣку пользу только въ томъ случаѣ, если оно предварительно принято человѣкомъ за высшую правду, которая сама оправдываетъ все существующее въ мірѣ — въ этомъ заключается не только психологическій, но даже логическій абсурдъ.

Выработается ли въ религіозной области своего рода точный методъ, свяжутся ли когда-нибудь отрывочные плоды вдохновенія, „откровенія“ религіозныхъ геніевъ общимъ и прочнымъ цементомъ твердаго критерія и непрерывной послѣдовательности, хотя и иной природы, чѣмъ методы и критеріи точной науки — это вопросъ будущаго. Достоинство прагматизма—въ томъ, что онъ не закрываетъ дороги къ установленію новыхъ критеріевъ: онъ протестуетъ противъ догматизма и нетерпимости, расчищаетъ человѣчеству всѣ пути, на какихъ только можно найти истину. Какъ бы ни сжились мы съ теперешнимъ способомъ мышленія, какъ бы ни дорога была намъ нынѣшняя наука—magis amica veritas. Да восторжествуетъ истина, какими бы путями и какой бы цѣной мы ни дошли до нея! Прагматизмъ призываетъ къ дѣятельной работѣ, къ погруженію въ кипучій потокъ жизни; онъ стремится покончить съ пустыми словопреніями; онъ внушаетъ намъ бодрость и вѣру, что мы сами творцы дѣйствительности, если не міровой, то по крайней мѣрѣ той, которая окружаетъ насъ и имѣетъ для насъ значеніе. Жизнь — не сонъ, потому что мы можемъ до нѣкоторой степени направлять своей волей ея сновидѣнія. Прагматизмъ — нѣчто среднее между научнымъ, поэтическимъ и религіознымъ творчествомъ; онъ раскрываетъ намъ новые горизонты въ области познанія, несетъ въ себѣ задатки новыхъ *возможностей*. Въ человѣкѣ всегда жила смутная вѣра въ свою творческую силу. Прагматизмъ оживляетъ ее снова,

и этимъ онъ „полезенъ“, говоря его же словами. Но эта польза—въ будущемъ. Пока прагматизмъ не даетъ ничего твердаго; какъ настоящій сынъ нашего вѣка, онъ стоитъ на перепутьѣ всѣхъ дорогъ, пытается составить амальгаму всѣхъ вѣрованій, по выраженію г. Юшкевича—создать посредническую, но пока довольно посредственную философію. Этимъ онъ интересенъ, но этимъ же онъ и опасенъ: современники—и въ особенности мы, русскіе,—и безъ того крутятся въ хаосѣ противорѣчивыхъ идей и настроеній. Прагматизмъ насъ изъ него не выведетъ, а иныхъ можетъ окончательно сбить съ толку своимъ основнымъ тезисомъ: „истина есть полезность“.

Н. Евѣрскій.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

ВЪ ЕГО РѢЧАХЪ И ДѢЛАХЪ

I.

Наиболѣе яркій выразитель монархическаго начала въ современной Европѣ, Вильгельмъ II является не только центральною фигурою новѣйшей международной политики, но и чрезвычайно интересною индивидуальностью, заслуживающею серьезнаго изученія. Мы видимъ въ немъ сочетаніе характерныхъ чертъ и традицій мистическаго монархизма, прусской разсчетливой государственности и нѣмецкой просвѣщенной культурности. Эти разнородныя черты и традиціи, отчасти находящіяся между собою въ противорѣчіи, объединяются твердымъ сознаніемъ долга и отвѣтственности предъ страною и исторіею,—сознаніемъ, пріобрѣвшимъ силу и значеніе наслѣдственнаго инстинкта въ семьѣ Гогенцоллерновъ.

Природная живость, предпріимчивость и энергія способствовали развитію въ немъ качествъ, соединеніе которыхъ рѣдко встрѣчается среди лицъ, выросшихъ на ступеняхъ трона. Безусловно честный и правдивый по натурѣ, замѣчательно добросовѣстный въ трудѣ, въ житейскихъ привычкахъ и наклонностяхъ, общительный по воспитанію и по принципу, гордо увѣренный въ своемъ великомъ призваніи, онъ обнаруживаетъ удивительную потребность постояннаго публичнаго дѣйствія. Вильгельмъ II представляетъ собою новый типъ активнаго, самостоятельно дѣйствующаго, путешествующаго и говорящаго монарха. Частыя передвиженія его по сушѣ и по морю имѣютъ большею частью опре-

дѣленную политическую цѣль; его тосты и рѣчи, произносимыя въ разныхъ пунктахъ страны, горячо обсуждаются и комментируются въ печати всего міра. Собраніе его рѣчей, изданное извѣстною лейпцигскою фирмою Реклама въ трехъ компактныхъ томахъ, даетъ богатый матеріалъ для анализа и оцѣнки его своеобразной психики.

Чтобы понять сущность его міровоззрѣнія, надо вспомнить, при какихъ исключительныхъ обстоятельствахъ онъ провелъ дѣтство и молодость. Онъ родился и выросъ въ періодъ необыкновеннаго національнаго подъема и возвеличенія Пруссіи; семилѣтнимъ мальчикомъ онъ пережилъ годъ торжества надъ Австріею, когда положено было начало объединенію Германіи по системѣ „крови и желѣза“; позднѣе онъ испыталъ на себѣ чарующее вліяніе военныхъ побѣдъ, приведшихъ къ созданію новой прусско-германской имперіи. Онъ достигъ зрѣлаго возраста въ эпоху величайшаго могущества и авторитета Германіи, при полномъ расцвѣтѣ славы его дѣда и отца—престарѣлаго короля-императора и знаменитаго кронпринца, съ ихъ блестящими „паладинами“. Имя Бисмарка гремѣло въ Европѣ, но для молодого принца оно заслонялось внушительною личностью оффиціальнаго повелителя, первымъ слугою котораго считался канцлеръ. Сохранить умственное равновѣсіе въ такой легендарной военно-политической и въ то же время семейной атмосферѣ было слишкомъ трудно. Родители принца Вильгельма благоразумно рѣшили помѣстить его въ скромную провинціальную гимназію, чтобы пріучить его къ общенію съ людьми разныхъ слоевъ общества; онъ нѣсколько лѣтъ обучался, такимъ образомъ, въ Касселѣ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ своего воспитателя, д-ра Гинцпетера, и въ январѣ 1877-го года выдержалъ надлежащій выпускной экзаменъ, на равныхъ правахъ съ другими учениками, послѣ чего посѣщалъ лекціи въ Боннскомъ университетѣ. Одновременно онъ проходилъ и военную службу, которой отдавался съ особеннымъ стараніемъ, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе своему дѣду Вильгельму I. Въ мартѣ 1888-го старый императоръ умеръ; въ іюнѣ того же года, послѣ мучительной болѣзни, скончался и императоръ Фридрихъ III. Эти тяжкія утраты, послѣдовавшія одна за другою въ короткое время, наложили свою печать на умъ и настроеніе Вильгельма II. Великій дѣдъ остался для него на всю жизнь недосягаемымъ образцомъ правителя-полководца, героемъ національной легенды, достойнымъ благоговѣйнаго поклоненія; отецъ, императоръ Фридрихъ, былъ только близкимъ участникомъ этой славы и слишкомъ недолго царствовалъ самостоятельно, чтобы

оставить сыну прочное наслѣдіе своихъ личныхъ благородныхъ идей и стремленій. Могущественныя семейныя и политическія вліянія опредѣлили собою тотъ идеалъ монарха, который такъ ярко отражается въ рѣчахъ Вильгельма II.

Какъ ораторъ, Вильгельмъ II отличается нѣкоторою высокопарностью и напыщенностью тона, но онъ всегда высказывается искренно и вращается постоянно въ кругѣ однихъ и тѣхъ же понятій и чувствъ. Нѣкоторые взгляды повторяются имъ много разъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Все міросозерцаніе его покоится на религіозной основѣ, но сама религія понимается имъ весьма своеобразно, какъ служебная сила по отношенію къ Пруссіи и ея династіи. Въ одной изъ своихъ раннихъ рѣчей, въ февралѣ 1892-го года, Вильгельмъ II выразилъ „незыблемое убѣжденіе, что союзникъ по Россбаху и Денневицу не покинетъ Пруссію, ибо послѣ безконечныхъ заботъ о старой Бранденбургской маркѣ и о домѣ Гогенцоллерновъ нельзя предположить, что всѣ эти труды предприняты безцѣльно и напрасно“. Не сразу можно было бы догадаться, что „старый союзникъ“ Пруссіи, доставившій ей побѣду при Россбахѣ и неустанно хлопотавшій о Бранденбургѣ и Гогенцоллернахъ, есть не кто иной, какъ самъ Господь Богъ. „Богъ всегда былъ вѣренъ Прусской землѣ и всему нѣмецкому отечеству“ — говоритъ императоръ въ 1897-мъ году, при обращеніи къ войскамъ. „Я увѣренъ, что мы всегда будемъ побѣдителями, хотя бы со всѣхъ сторонъ насъ окружали враги, ибо живъ могущественный союзникъ, нашъ старый, добрый Богъ на небѣ, который еще со временъ великаго курфюрста и великаго короля былъ всегда на нашей сторонѣ“ (1901 г.).

Это фамильярное обращеніе съ творцомъ вселенной, какъ съ „старымъ союзникомъ“, истекаетъ не изъ сознательнаго неуваженія къ религіи, а изъ крайне высокаго представленія о божественномъ характерѣ прусской королевской власти. Гогенцоллерны, какъ „избранныя орудія неба“, дѣйствуютъ на землѣ „по уполномочію свыше“ и даже на небесахъ занимаютъ особое, почетное мѣсто, гдѣ производятъ смотры явившимся частямъ арміи и принимаютъ доклады и отчеты отъ бывшихъ подданныхъ. „Взоры моихъ предковъ обращены на меня съ того свѣта, — говоритъ Вильгельмъ II въ первомъ приказѣ по арміи, по вступленіи на престолъ—и я обязанъ буду отдать имъ отчетъ о славѣ и чести арміи“. „Взоръ великаго императора покоится на васъ, какъ и на всей арміи, — повторяетъ онъ въ обращеніи къ рекрутамъ, восемь лѣтъ спустя;—дай Богъ, чтобы при небесномъ призывѣ

мы могли предстать предъ нимъ въ достойномъ видѣ!" „Вы знаете—заявляетъ онъ своимъ „бранденбуржцамъ" въ февралѣ 1891-го года,—что все мое положеніе и мою задачу я разсматриваю какъ назначенныя мнѣ небомъ и что я призванъ по порученію свыше". Городъ безсмертнаго Канта—Кенигсбергъ—„пріобрѣлъ крупное значеніе для всей современной жизни тѣмъ однимъ фактомъ, что здѣсь его величество усопшій императоръ Вильгельмъ I вновь провозгласилъ королевство Божіею милостью и выразилъ это торжественно въ дворцовой церкви предъ цѣлымъ свѣтомъ"; это „королевство Божіею милостью означаетъ, что мы, Гогенцоллерны, получаемъ свою корону только отъ неба и за лежащія на ней обязанности должны отвѣчать предъ небомъ" (рѣчь 15-го мая 1890 г.). Предъ глазами оратора неизмѣнно стоитъ образъ его царственнаго дѣда „въ тотъ моментъ, когда онъ, въ качествѣ короля Божіею милостью, съ скипетромъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, отдавалъ честь только Богу и отъ него принималъ корону; этимъ онъ сдѣлался не только избраннымъ орудіемъ, но и образцомъ для всѣхъ потомковъ, которые, подобно ему, должны сознавать, что они могутъ достигнуть чего-нибудь только черезъ своего Бога и въ единеніи съ своимъ Богомъ, назначившимъ ихъ на должность" (рѣчь въ память двадцатипятилѣтія франкфуртскаго мира, въ маѣ 1896-го года). Вильгельмъ I вступилъ на царство „какъ избранное орудіе Господа" и самъ признавалъ себя такимъ орудіемъ. „Для всѣхъ насъ и прежде всего для государей—восклицаетъ его внукъ въ августѣ 1897-го года—онъ поднялъ высоко драгоцѣнность и увеличилъ ея блескъ, драгоцѣнность, которую и намъ слѣдуетъ держать высоко и свято: королевство Божіею милостью, королевство съ его тяжелыми обязанностями, съ его нескончаемыми, непрерывно продолжающимися трудами и заботами, съ его страшною отвѣтственностью передъ однимъ Творцомъ, отъ которой никакой человѣкъ, никакой министръ, никакая палата депутатовъ не можетъ освободить государя". Членамъ имперскаго сейма, въ маѣ 1898-го года, предлагается всегда помнить, что „каждый, кто бы онъ ни былъ, долженъ стараться быть готовымъ по небесному призыву явиться съ чистою совѣстью предъ своимъ Богомъ и своимъ старымъ императоромъ, и когда его спросятъ, работалъ ли онъ отъ чистаго сердца для блага имперіи, открыто сказать: да!"

Старому императору уже прямо отводится здѣсь какая-то властная роль и на небѣ, рядомъ съ „старымъ, добрымъ Богомъ"... „Я представляю собою королевство Божіею милостью, подобно моему царственному дѣду",—говоритъ Вильгельмъ II

въ сентябрѣ 1894-го года. „Король царствуетъ Божіею милостью, — пишетъ онъ въ „золотой книгѣ“ одной иллюстрированной газеты, на рубежѣ новаго столѣтія,—и потому онъ отвѣтственъ только передъ Господомъ Богомъ. Онъ долженъ избирать свой путь и свои дѣйствія только съ этой точки зрѣнія. Эта страшно тяжелая отвѣтственность, которую несетъ король за свой народъ, даетъ ему также право на вѣрное содѣйствіе подданныхъ. Каждый человѣкъ изъ народа долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что на немъ лично лежитъ извѣстная доля отвѣтственности за благосостояніе отечества“. Наконецъ еще недавно, въ августѣ текущаго года, на банкетѣ въ Кенигсбергѣ, Вильгельмъ вновь подтвердилъ, что прусскіе короли носятъ корону по собственному праву, помимо всякихъ парламентовъ и народныхъ собраній, и исполняютъ свои правительственныя и королевскія функціи въ качествѣ высшихъ органовъ Провидѣнія на землѣ, не обращая вниманія на „мнѣнія и взгляды текущаго дня“.

II.

Если задать себѣ вопросъ, въ чемъ собственно заключается реальное содержаніе этого божественнаго права королей и какіе должны быть сдѣланы изъ него практическіе выводы, то отвѣта мы не найдемъ въ рѣчахъ Вильгельма II. Мы имѣемъ только прямыя указанія на то, что̀ *не* входитъ въ составъ этого права, не противорѣчитъ ему и не задѣвается имъ.

Во-первыхъ, король Божіею милостью признаетъ себя безусловно обязаннымъ соблюдать конституцію, уважать законы и права народнаго представительства. Въ своей первой тронной рѣчи, при открытіи имперскаго сейма, 25-го іюня 1888-го года, Вильгельмъ II торжественно заявилъ, что важнѣйшая задача германскаго императора въ области внутреннихъ дѣлъ—надзоръ за исполненіемъ имперскихъ законовъ; „высшій изъ этихъ законовъ—имперская конституція; охранять и ограждать ее, во всѣхъ правахъ, которыя она обезпечиваетъ обоимъ законодательнымъ учрежденіямъ имперіи и каждому нѣмцу, а также императору и отдѣльнымъ союзнымъ государствамъ и ихъ правителямъ—главнѣйшее право и обязанность императора“. Въ прусской палатѣ депутатовъ, 27-го іюня того же года, онъ далъ требуемое конституціею формальное обѣщаніе „твердо и неукоснительно соблюдать конституцію королевства и управлять въ согласіи съ нею и съ законами“. „Соотвѣтственно данному обѣщанію—ска-

залъ онъ по этому случаю—я буду вѣрно и добросовѣстно уважать и охранять законы и права народнаго представительства и съ одинаковою добросовѣстностью ограждать и осуществлять конституціонныя права короны, чтобы когда-нибудь передать ихъ безъ урѣзокъ моимъ преемникамъ на престолѣ... Я приступаю къ поставленной мнѣ Божіимъ промысломъ задачѣ съ твердымъ сознаніемъ долга, памятуя слово великаго Фридриха, что въ Пруссіи король есть первый слуга государства".

И дѣйствительно, Вильгельмъ II за все время своего царствованія не совершалъ и не допускалъ никакого покушенія на права народнаго представительства, хотя ему не разъ приходилось встрѣчать упорные отказы парламента въ осуществленіи самыхъ излюбленныхъ его проектовъ; въ такихъ случаяхъ онъ подчинялся необходимости и откладывалъ свои планы или отказывался отъ нихъ окончательно. Нигдѣ въ его рѣчахъ мы не видимъ намека на отрицательное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства или на какой-либо принциніальный антагонизмъ между властью и народомъ; напротивъ, всегда предполагается, что органы власти существуютъ для пользы и блага народа и что само государство есть только высшее воплощеніе народныхъ правъ и интересовъ.

Служеніе государству, съ точки зрѣнія Вильгельма II, есть въ то же время служеніе народу. „Мы должны жить и трудиться для народа, для общихъ цѣлей прогрессивной культуры и для поддержанія мира"—говоритъ онъ въ мартѣ 1897-го года. „Мои силы принадлежатъ отечеству; всѣ мои стремленія и всѣ мои труды направлены къ тому, чтобы видѣть мое отечество великимъ, могущественнымъ и уважаемымъ. Воодушевляемый этой мыслью, я вступилъ на престолъ; въ этихъ мысляхъ я живу, и если задача кажется мнѣ иногда тяжелою, и я иногда начинаю думать, что она мнѣ не по силамъ, то поддержкою и поощреніемъ къ дальнѣйшей дѣятельности служитъ выражаемое мнѣ довѣріе" (рѣчь во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ декабрѣ 1889-го года). „Во главѣ арміи служить отечеству—такова моя воля и таково было главнѣйшее желаніе всѣхъ моихъ предковъ". „Въ скорби и радости, въ войнѣ и побѣдѣ король и народъ Пруссіи связаны неразрывно, твердо проникнутые одной идеею—служить отечеству" (1901 г.). „Въ довѣрчивомъ расположеніи моего народа я всегда буду видѣть лучшую награду за мои труды; мои усилія будутъ неустанно направлены къ тому, чтобы укрѣпить основы успѣшнаго дальнѣйшаго развитія во всѣхъ областяхъ общественной жизни и двинуть отечество впередъ на мирномъ пути" (1902 г.).

Въ этихъ и подобныхъ имъ указаніяхъ на задачи и стремленія королевской власти чувствуется уже нѣчто другое, чѣмъ въ гордыхъ ссылкахъ на божественное право и на полномочія свыше. Если источникъ могущества королей находится на небѣ, а не на землѣ, то зачѣмъ имъ грозныя, разорительныя для народовъ арміи? Противъ полномочій свыше были бы безсильны всякія конституціонныя гарантіи, и никакая конституція не устояла бы предъ лицомъ посланника небесъ. „Солдаты и армія, а не парламентскія рѣшенія, создали имперію“, — замѣчаетъ Вильгельмъ II въ одной изъ своихъ рѣчей за 1891-ый годъ; но солдаты и армія не представляютъ собою божественнаго начала и не могутъ претендовать на полномочія свыше. Солдаты и армія—это „вооруженный народъ“, котораго нельзя противопоставлять тому же народу, выражающему свою коллективную волю въ парламентѣ. Въ устахъ прусскаго короля, возведеннаго въ санъ германскаго императора побѣдами національныхъ нѣмецкихъ войскъ, „королевство Божіею милостью“ не имѣетъ и не можетъ имѣть значенія враждебнаго или чуждаго національнымъ правамъ и интересамъ; оно указываетъ скорѣе на священный характеръ королевскихъ обязанностей, чѣмъ на силу и объемъ королевскихъ правъ.

Во-вторыхъ, монархія „Божіею милостью“ въ лицѣ Вильгельма II фактически не умаляетъ правъ общественной свободы, не ограничиваетъ и не стѣсняетъ оппозиціи и вполнѣ уживается съ широкимъ правомъ публичной критики. Печать всегда безпрепятственно обсуждала заявленія и дѣйствія короля-императора, затрагивая нерѣдко и его интимную жизнь. „Ежедневныя газеты моей столицы—жаловался онъ въ октябрѣ 1888-го года—вовлекаютъ въ кругъ своихъ сужденій обстоятельства моей фамиліи въ такомъ тонѣ, какого никогда не потерпѣло бы частное лицо“. Печать, по его словамъ, перетолковываетъ его мнѣнія вкривь и вкось, „забывая старое правило, высказанное нѣкогда старымъ императоромъ (Рудольфомъ Габсбургскимъ), что императорскимъ словомъ не слѣдуетъ вертѣть въ разныя стороны“ (1890 г.). Когда въ мартѣ 1901-го года было совершено на него покушеніе въ Бременѣ, онъ заявилъ, что этотъ инцидентъ не можетъ оказать никакого вліянія на его мнѣнія и намѣренія: „всѣ комбинаціи и предположенія, высказываемыя по этому поводу въ печати относительно моего настроенія, основаны на полномъ незнаніи и лишены всякой почвы“. „Я остаюсь тѣмъ же, какимъ былъ,—говорилъ онъ далѣе, при пріемѣ президіума прусской верхней палаты,—и никогда не допущу, чтобы подобныя

происшествія могли отклонить меня отъ пути, по которому я считаю себя обязаннымъ слѣдовать. Въ своихъ путешествіяхъ я сталкиваюсь со всѣми слоями населенія и очень хорошо знаю, что̀ обо мнѣ говорятъ и думаютъ въ народѣ. Но сильно ошибается тотъ, кто повѣритъ, что случившееся можетъ отразиться на моихъ общихъ предположеніяхъ и мѣропріятіяхъ". Вильгельмъ II не поколебался въ убѣжденіи, что общественная свобода есть необходимое условіе всякихъ культурныхъ и государственныхъ успѣховъ. „Велики заслуги нѣмцевъ въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, велики способности ихъ къ организаціи и дисциплинѣ. Свобода для отдѣльной личности, стремленіе къ развитію индивидуальности, присущее германскому племени, обусловлены подчиненіемъ цѣлому для блага всѣхъ... Свобода для мысли, свобода для дальнѣйшаго развитія религіи и свобода для научнаго изслѣдованія—такова свобода, которой я желаю нѣмецкому народу и которую я хотѣлъ бы завоевать для него, а не свобода плохо управлять собою по произволу" (ноябрь 1902 г.). Прусскій король „стоитъ выше всякихъ партій и партійныхъ счетовъ"; онъ съ одинаковымъ вниманіемъ и „съ равною заботливостью относится ко всѣмъ и къ каждому въ отдѣльности"— по крайней мѣрѣ въ принципѣ; на практикѣ онъ, конечно, чувствуетъ свою близость къ поземельной аристократіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что общій взглядъ на міръ и на людей имѣетъ у Вильгельма II какія-то странныя, средневѣковыя черты: современныя событія и отношенія, личности королей и императоровъ переносятся въ искусственныя, условныя рамки и окрашиваются фантастическимъ свѣтомъ. Настойчивыя, однообразно повторяемыя усилія возвеличить до небесъ стараго императора и присвоить ему титулъ „Великаго" должны вызывать непріятное чувство среди нѣмецкихъ патріотовъ уже потому, что рядомъ съ этимъ несправедливо принижается или даже замалчивается великая роль Бисмарка. Знаменитый канцлеръ упорно низводится на степень „вѣрнаго слуги", простого исполнителя мудрыхъ предначертаній и плановъ монарха; онъ зачисляется въ рядъ тѣхъ „почтенныхъ и дѣловитыхъ совѣтниковъ, которые имѣли честь осуществлять мысли своего повелителя, оставаясь только орудіями его возвышенной воли" (1897 г.). Въ теченіе будущихъ столѣтій „величавая личность" Вильгельма I „будетъ такъ же окружена легендами, такъ же высоко стоять надъ всѣми въ нѣмецкомъ народѣ, какъ нѣкогда образъ императора Барбароссы". „Еслибы онъ родился въ средніе вѣка, онъ былъ бы признанъ святымъ, и толпы пилигримовъ приходили бы изъ раз-

ныхъ странъ, чтобы молиться надъ его прахомъ. Слава Богу, что и теперь это происходитъ: дверь его могилы всегда открыта, ежедневно съѣзжаются туда вѣрные подданные и приводятъ своихъ дѣтей; иностранцы являются, чтобы порадоваться лицезрѣніемъ этого великаго старца и его статуй". Для современниковъ этотъ легендарный монархъ былъ воплощеніемъ прусской военной выправки и добродушной корректности; Бисмаркъ откровенно приписывалъ ему міросозерцаніе „средняго прусскаго офицера", соединенное съ природнымъ упорствомъ, которое иногда трудно было преодолѣть. Святой и великій мудрецъ-властелинъ, объединившій Германію при помощи „вѣрныхъ слугъ", принадлежитъ къ области той національно-патріотической миѳологіи, которая владѣетъ умомъ и воображеніемъ Вильгельма II.

III.

Эта миѳологія Вильгельма II сказывается и въ его частыхъ историческихъ параллеляхъ и примѣрахъ, и въ удивительныхъ разсужденіяхъ о „небесномъ союзникѣ", и даже въ оцѣнкѣ добродѣтелей и заслугъ отдѣльныхъ классовъ народа. Дворянъ-аграріевъ онъ принимаетъ за искреннихъ представителей интересовъ крестьянства; „я неустанно думаю о томъ, какъ бы вамъ помочь — говоритъ онъ ихъ делегатамъ, — но вы должны меня поддерживать не шумною агитаціею, которую вы такъ справедливо ставите въ вину оппозиціи, а довѣрчивымъ обращеніемъ къ своему суверену; моя дверь во всякое время открыта для каждаго изъ моихъ подданныхъ, и я охотно готовъ выслушать всякаго". Каждый подданный — конечно, только изъ разряда тѣхъ привилегированныхъ счастливцевъ, предъ которыми дѣйствительно во всякое время откроется дверь къ королю-императору. Къ представителямъ крупно-землевладѣльческаго „союза сельскихъ хозяевъ" Вильгельмъ II обращается со словами: „изъ того, что я принялъ васъ, вы видите, насколько мнѣ близки нужды и потребности нашихъ крестьянъ, и насколько серьезно мое заявленіе, что моя дверь открыта для каждаго изъ моихъ подданныхъ" (1895 г.). Въ роли „каждаго" изъ подданныхъ, и притомъ изъ крестьянъ, фигурировалъ въ данномъ случаѣ дворянинъ фонъ-Плетцъ, съ товарищами по президіуму союза. На банкетѣ бранденбургскаго провинціальнаго сейма, въ февралѣ 1895-го года, король опять-таки утѣшаетъ дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ бѣдствующихъ представителей крестьянскаго землевладѣнія, и

совѣтуетъ имъ не требовать осуществленія утопій, ибо „ни одно сословіе не можетъ претендовать на то, чтобы получать особыя преимущества предъ другими“. Другими словами, рѣчь идетъ о непомѣрныхъ требованіяхъ привилегированныхъ аграріевъ, а вовсе не о нуждахъ крестьянства. Короля особенно огорчаетъ недовольство и оппозиція близкихъ ему круговъ дворянства: „оппозиція прусскихъ дворянъ есть нелѣпость,—она только тогда имѣетъ оправданіе, когда во главѣ ея стоитъ король“. Это значитъ, что дворянство, по своему вліянію и связямъ, можетъ успѣшно достигать своихъ цѣлей при помощи власти, не прибѣгая къ открытой оппозиціи, и что, слѣдовательно, оно поставлено по отношенію къ коронѣ совершенно иначе, чѣмъ другіе разряды подданныхъ.

Оппозиція буржуазныхъ прогрессистовъ и соціалъ-демократовъ должна была бы считаться вполнѣ естественною, но тѣмъ не менѣе она вызываетъ далеко не столь благодушные и снисходительные отзывы, какъ оппозиція дворянская. Недовольство низшихъ и среднихъ классовъ объясняется не какими-либо разумными и основательными причинами, а злонамѣренностью, враждебными интригами и агитаціею. „Духъ непокорности крадется по странѣ; облеченный въ соблазнительно-сіяющія одежды, онъ пытается произвести замѣшательство въ умахъ моего народа и смутить преданныхъ мнѣ людей; онъ употребляетъ океанъ печатныхъ чернилъ и бумаги, чтобы скрыть тѣ пути, которые должны быть ясны для всякаго, кто знаетъ меня и мои принципы. Это меня однако не останавливаетъ,—продолжаетъ король-императоръ:—мы должны стремиться впередъ, мы должны работать и бороться; а для успѣховъ цѣлаго неизбѣжно въ отдѣльныхъ случаяхъ жертвовать частными интересами. Наши нынѣшнія партіи построены на интересахъ и часто слишкомъ односторонне преслѣдуютъ ихъ, каждая для себя. Великая заслуга моихъ предковъ — въ томъ, что они никогда не становились на сторону какой-либо партіи, а всегда стояли надъ партіями, и имъ удавалось объединять ихъ для блага цѣлаго“ (1891 г.). Между тѣмъ самъ Вильгельмъ II много разъ заявлялъ, что чувствуетъ себя солидарнымъ только съ консерваторами и аграріями и относится отрицательно къ прогрессивно-радикальнымъ партіямъ. Духъ недовольства и оппозиціи представляется ему чѣмъ-то ненормальнымъ, чуть-ли не граничащимъ съ измѣною. „Къ сожалѣнію—замѣчаетъ онъ,—у насъ вошло теперь въ обычай осуждать и перетолковывать все, что исходитъ отъ правительства. Подъ ничтожнѣйшими предлогами разстраивается спокойствіе

людей и отравляется ихъ радость существованія, ихъ сознаніе жизни и процвѣтанія нашего великаго германскаго отечества. Изъ этихъ кривотолковъ и этой травли возникаетъ у многихъ мысль, что наша страна — самая несчастная въ мірѣ, что она управляется наихудшимъ образомъ и что жить въ ней — одно мученіе. Мы всѣ знаемъ, что это не такъ. Но тогда не лучше ли было бы, еслибы эти недовольные ворчуны отряхнули нѣмецкій прахъ съ ногъ своихъ и поскорѣе удалились отъ нашихъ бѣдственныхъ и жалкихъ условій? Это помогло бы имъ и доставило бы намъ большое удовлетвореніе“ (1892 г.). Такъ какъ къ числу недовольныхъ принадлежитъ огромное число рабочаго класса, то удаленіе ихъ было бы едва-ли удобно для высшихъ сословій; „ворчуны“ и отрицатели осмѣливаются думать, что имѣютъ такое же, если не большее, право на прочное существованіе въ родной странѣ, какъ и самодовольные и удовлетворенные элементы прусскаго юнкерства.

Противъ активной оппозиціи трудящихся выдвигается на словахъ угроза военной расправы. Въ ежегодныхъ обращеніяхъ къ рекрутамъ гвардейскихъ полковъ, при принесеніи ими присяги въ Потсдамѣ, король неизмѣнно проводитъ ту мысль, что присягнувшіе солдаты принадлежатъ ему лично, въ качествѣ безотвѣтныхъ исполнителей его воли. Особенно рѣзко выразилъ онъ эту идею въ ноябрьской рѣчи 1891-го года: „отнынѣ, послѣ присяги, вы становитесь моими солдатами, вы отдались мнѣ душой и тѣломъ, и если при нынѣшнихъ соціалистическихъ волненіяхъ я вынужденъ былъ бы—чего Боже упаси—приказать вамъ стрѣлять въ вашихъ близкихъ родныхъ, въ братьевъ и даже родителей, вы должны бы исполнить это безпрекословно“. Извѣстно, что въ началѣ своего царствованія Вильгельмъ II разошелся съ Бисмаркомъ именно изъ-за того, что не допускалъ и мысли объ „устройствѣ кровопролитія среди своего собственнаго народа“; тогда онъ еще надѣялся на свои собственные способы благополучнаго рѣшенія соціальной проблемы, на почвѣ христіанскихъ чувствъ, при помощи международныхъ конференцій и соглашеній, разсчитывая отвлечь рабочія массы отъ соціалъ-демократіи. „Для меня—заявлялъ онъ въ 1889-мъ году—всякій соціалъ-демократъ есть врагъ имперіи и отечества“. „Я смотрю на соціалъ-демократію какъ на преходящее явленіе,—говорилъ онъ въ 1900-мъ году:—она сама себя исчерпаетъ“. При пріемѣ рабочихъ депутацій онъ обыкновенно убѣждалъ ихъ не вѣрить соціалъ-демократамъ и полагаться болѣе на заботливыя мѣры правительства. „Годами продолжалась въ нашей средѣ

агитація соціалистовъ,—объяснялъ онъ рабочимъ въ Бреславлѣ,—и вы давали себя увѣрить, что еслибы вы не принадлежали къ этой партіи и не признавали себя ея членами, вы не имѣли бы никакого значенія и не были бы въ состояніи добиться, чтобы ваши справедливые интересы принимались во вниманіе для улучшенія вашего положенія. Это—грубая ложь и тяжелая ошибка. Вмѣсто того, чтобы быть объективными вашими представителями, агитаторы пытались возстановить васъ противъ вашихъ хозяевъ, противъ другихъ сословій, противъ тропа и алтаря, и въ то же время безпощадно васъ эксплуатировали, терроризировали и порабощали, чтобы увеличить свое могущество. И на что употреблялось это могущество? Не для возвышенія вашего благосостоянія, а для того, чтобы сѣять вражду между классами и распространять постыдныя клеветы, для которыхъ не осталось ничего святого... Съ такими людьми вы, какъ честные работники, не можете и не должны имѣть никакого дѣла. Посылайте намъ въ составъ народнаго представительства вашихъ друзей и товарищей изъ вашей среды, скромныхъ людей изъ мастерскихъ, простыхъ рабочихъ, пользующихся вашимъ довѣріемъ. Пусть они отстаиваютъ ваши желанія и интересы, и мы будемъ радостно привѣтствовать ихъ, какъ трудовыхъ представителей нѣмецкаго рабочаго класса, но не какъ соціалъ-демократовъ. Съ такими представителями рабочаго сословія, сколько бы ихъ ни было, мы будемъ охотно работать совмѣстно для блага народа и страны“ (1902 г.).

Само собою разумѣется, что эти тихіе и скромные рабочіе имѣли бы мало шансовъ попасть въ прусскій парламентъ при существующей трехклассной избирательной системѣ, и готовность привѣтствовать ихъ тамъ, какъ депутатовъ, „сколько бы ихъ ни было“, имѣетъ видъ горькой иронія; но еслибы даже ихъ оказалось много въ имперскомъ сеймѣ, они безъ общаго сознательнаго руководства никогда не составили бы той могущественной партіи, какою признаетъ ихъ теперь самъ Вильгельмъ II. Тихіе и скромные избранники рабочихъ, попавшіе, съ соизволенія хозяевъ и господъ, въ составъ народнаго представительства, находились бы въ томъ же незавидномъ положеніи, въ какомъ находятся смиренные нѣмецкіе крестьяне, за спиною которыхъ устраиваютъ свои дѣла мнимые представители и защитники ихъ, дворяне-землевладѣльцы. Что касается вопроса, зачѣмъ нужно рабочей партіи могущество, то вмѣсто отвѣта можно спросить: почему такой вопросъ не ставится относительно аграріевъ или промышленниковъ? Вліятельное положеніе соціалъ-демократиче-

ской группы въ парламентѣ несравненно вѣрнѣе обезпечиваетъ заботливое вниманіе правительства къ рабочему классу, чѣмъ добрая воля высокопоставленныхъ лицъ. Посѣтивъ одно изъ своихъ помѣстій близъ Эльбинга, въ іюнѣ 1899-го года, императоръ нашелъ, что помѣщеніе для скота составляетъ настоящій дворецъ сравнительно съ жилищами для рабочихъ: „необходимо позаботиться, чтобы свиные хлѣвы не были лучше тѣхъ построекъ, гдѣ помѣщаются рабочіе". Вполнѣ естественно, что духъ недовольства растетъ въ трудящемся населеніи, вынужденномъ жить хуже скота даже въ королевскихъ помѣстьяхъ. Организованная соціалъ-демократія развивается и крѣпнетъ именно для того, чтобы охрана правъ и интересовъ рабочихъ массъ не зависѣла отъ благорасположенія отдѣльныхъ распорядителей и отъ разныхъ случайностей. По мѣрѣ роста и усиленія рабочей партіи исчезаетъ и наивная надежда на возвратъ ея къ идеаламъ тихихъ и скромныхъ тружениковъ, привыкшихъ терпѣливо переносить всякія невзгоды въ ожиданіи лучшихъ временъ; вмѣстѣ съ тѣмъ смягчаются прежнія угрозы противъ соціалистовъ и становятся менѣе настойчивыми призывы къ совмѣстной борьбѣ буржуазно-консервативныхъ партій противъ идеи соціальнаго переворота. Грозныя слова легко сходили съ устъ Вильгельма II, но не переходили въ дѣло. Въ мартѣ 1890-го года, на банкетѣ бранденбургскаго сейма, онъ неожиданно обѣщалъ „сокрушить тѣхъ, кто станетъ ему поперекъ дороги въ его работѣ", но съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени никого еще не сокрушилъ. За всѣ двадцать два года его правленія ни разу прусскія войска не были поставлены въ необходимость употребить оружіе противъ рабочихъ и соціалъ-демократовъ; можно быть увѣреннымъ, что и въ будущемъ ничего подобнаго не произойдетъ. Король-императоръ по существу стоитъ за прогрессивное рабочее законодательство и за удовлетвореніе законныхъ соціально-экономическихъ потребностей рабочаго класса; онъ очень много и хорошо разсуждаетъ о рабочемъ вопросѣ, но упорно отказывается понимать соціалъ-демократію.

IV.

Фантастическій элементъ отпадаетъ въ заявленіяхъ Вильгельма II по текущимъ вопросамъ внутренней и особенно внѣшней политики. Онъ вполнѣ здраво говоритъ о важности прочнаго мира, опирающагося на сильную армію, и о необхо-

димости создать могущественный флотъ для расширенія и поддержки международной торговли и колоніальныхъ интересовъ Германіи. Онъ не вѣритъ въ возможность полнаго устраненія войнъ путемъ общихъ взаимныхъ соглашеній между великими націями. „Это, конечно, великое начинаніе — установить миръ для всѣхъ народовъ, но въ логическихъ предпосылкахъ этой идеи допущена ошибка. Пока неискупленный грѣхъ господствуетъ въ человѣчествѣ, до тѣхъ поръ будутъ возникать война и вражда, зависть и раздоръ, и люди будутъ стараться одерживать верхъ другъ надъ другомъ; а что составляетъ законъ между людьми, то примѣнимо и къ народамъ. Поэтому по крайней мѣрѣ мы, германцы, должны держаться вмѣстѣ, какъ крѣпкая скала, и объ эту скалу нѣмецкаго народа разобьется далеко на морѣ и у насъ дома въ Европѣ всякая угрожающая миру волна“ (февраль 1899 г.). „Прежде чѣмъ теоріи вѣчнаго мира получатъ всеобщее примѣненіе, пройдетъ еще не одно столѣтіе, а пока вѣрнѣйшею охраною мира служитъ Германская имперія, ея государи и предводимая ими армія“ (сентябрь того же года). Извѣстная фраза Бисмарка: „мы, нѣмцы, никого не боимся кромѣ Бога“ цитируется множество разъ, хотя и безъ указанія автора; но предпринимать войну безъ крайней надобности было бы безуміемъ, и Вильгельмъ II выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ мира, подъ условіемъ неустанныхъ мирныхъ завоеваній и пріобрѣтеній. „Наука, искусство и языкъ Германіи распространяютъ свою власть въ мірѣ, и къ такому именно владычеству стремится германскій духъ“ (1902 г.). О всемірной монархіи иного рода никто и не думаетъ въ наше время. „Я далъ себѣ зарокъ, на основаніи моего знакомства съ исторіею, никогда не стремиться къ пустому и безплодному міровому господству. Что осталось отъ такъ называемыхъ міровыхъ имперій? Александръ Великій, Наполеонъ первый, всѣ эти великіе полководцы,—они плавали въ крови и оставили послѣ себя порабощенные народы, которые тотчасъ же вновь возстали и привели созданныя имперіи къ распаденію. Міровая власть, о которой я мечталъ,—говоритъ далѣе Вильгельмъ II—должна заключаться въ томъ, что Германская имперія прежде всего будетъ пользоваться абсолютнѣйшимъ довѣріемъ, въ качествѣ спокойнаго, честнаго, мирнаго сосѣда, и что если когда-нибудь въ исторіи будетъ идти рѣчь о нѣмецкой міровой имперіи или о міровомъ владычествѣ Гогенцоллерновъ, то эта имперія и это владычество будутъ основываться не на завоеваніяхъ мечомъ, а на взаимномъ довѣріи націй, стремящихся къ одинаковымъ цѣлямъ, чтобы, по

выраженію поэта, мы были „ограничены извнѣ и безграничны внутри“ (мартъ 1905 г.). „Каждый объективный наблюдатель событій на нашемъ земномъ шарѣ невольно замѣчаетъ, что солидарность между народами культурныхъ странъ дѣлаетъ безспорные успѣхи въ различныхъ областяхъ. И эти области расширяются; эта солидарность незамѣтно, но неудержимо переходитъ какъ въ программу правителей государствъ, такъ и въ мысли самоуправляющихся мирныхъ гражданъ. Эта солидарность питается и поддерживается разными способами,—то въ серьезныхъ политическихъ совѣщаніяхъ, то на конгрессахъ, то въ состязаніяхъ и играхъ. И въ этомъ отношеніи можно сказать, что въ дѣтскихъ играхъ заключается глубокій смыслъ“ (іюнь 1904 г.).

При такомъ широкомъ взглядѣ на международныя отношенія теряетъ почву узкій національнзмъ, несвойственный вообще германскому народу. Имперія создалась изъ многихъ народностей и племенъ, сохраняющихъ свои автономныя черты, но связанныхъ политическимъ единствомъ и общностью культуры. Въ германской арміи — сказано въ одномъ изъ военныхъ приказовъ 1902-го года— соединяются традиціи многихъ племенъ и областей; имперское правительство считаетъ своимъ долгомъ беречь эти традиціи, такъ какъ въ нихъ отражается исторія страны. Принципы самоуправленія свободно примѣняются повсюду, даже въ завоеванныхъ у французовъ пограничныхъ земляхъ Эльзаса и Лотарингіи, гдѣ исключительныя полномочія администраціи окончательно отмѣнены въ маѣ 1902-го года. Только относительно поляковъ продолжаются старыя усилія внѣшней германизаціи, но — какъ неоднократно подчеркивалось Вильгельмомъ II — безъ ущерба для религіозной свободы и внутренняго культурнаго развитія. „Прусское королевство состоитъ изъ многихъ народностей, которыя гордятся своею прошлою исторіею и своими мѣстными особенностями. Это, однако, не мѣшаетъ имъ быть вѣрными пруссаками. Такъ должно быть и здѣсь: воспоминанія и традиціи могутъ спокойно существовать, но они составляютъ исторію и принадлежатъ прошлому. Теперь мы знаемъ только пруссаковъ“ (1902 г.). Господство нѣмецкаго элемента „означаетъ господство культуры, свободы для всѣхъ, какъ въ религіи, такъ и въ настроеніи и дѣятельности“ (1905 г.). Величайшая заслуга и хвала прусской администраціи, съ точки зрѣнія императора— въ умѣніи заслужить спокойное довѣріе и расположеніе различныхъ слоевъ населенія, пріобрѣсти и поддерживать репутацію безупречной добросовѣстности, умѣлости и пониманія (1903 г.).

О политикѣ обузданія и устрашенія подданныхъ ничего не знаютъ и не слыхали въ Пруссіи.

Съ замѣчательною энергіею и настойчивостью проводитъ Вильгельмъ II ту идею, что „будущность Германіи—на моряхъ и океанахъ“ (сентябрь 1898 г.) и что „сильный германскій флотъ есть дѣло горькой необходимости“ (октябрь 1899 г.). Событія въ Китаѣ, въ связи съ убійствомъ германскаго посла въ Пекинѣ, дали императору случай наглядно демонстрировать практическое значеніе флота для Германіи. Въ іюлѣ 1900-го года нѣмцы впервые вынуждены были отправить экспедицію въ далекія страны для огражденія чести и достоинства своей имперіи. „Всѣ могли убѣдиться—говорилъ по этому поводу Вильгельмъ II,—какъ могущественно ударяютъ волны океана въ ворота нашего дома и заставляютъ насъ, въ качествѣ великаго народа, занять подобающее намъ мѣсто въ мірѣ,—однимъ словомъ, толкаютъ насъ къ міровой политикѣ. Океанъ необходимъ для величія Германіи. Но океанъ доказываетъ также, что на немъ и за нимъ, безъ Германіи и безъ германскаго императора, не можетъ и не должно быть принято ни одно рѣшеніе“. „Я не успокоюсь, пока Китай не будетъ наказанъ и пока всѣ кровавыя злодѣянія не будутъ отомщены—такъ напутствовалъ онъ моряковъ уходившей эскадры.—При встрѣчѣ знайте: пощады нѣтъ, плѣнныхъ не берутъ. Дѣйствуйте такъ, чтобы черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣлился косо взглянуть на нѣмца“. Послѣ этихъ жестокихъ, чисто языческихъ изреченій императоръ произнесъ религіозную проповѣдь на своей яхтѣ „Гогенцоллернъ“, исполняя, по обыкновенію, роль священника; онъ взялъ тему изъ ветхаго завѣта и доказывалъ цитатами изъ священнаго писанія, что рядомъ съ безпощадными проявленіями „бронированнаго кулака“ должны возноситься къ „старому Богу“, „старому союзнику“, смиренныя молитвы объ успѣхѣ и благополучіи отечественныхъ войскъ (29 іюля 1900 г.). Въ августѣ того же года, при отъѣздѣ графа Вальдерзее на Дальній Востокъ, Вильгельмъ II сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о Россіи, по иниціативѣ которой состоялось назначеніе прусскаго фельдмаршала главнокомандующимъ соединенными отрядами великихъ державъ въ Китаѣ. О Россіи и русскомъ правительствѣ онъ оффиціально отзывался всегда въ самыхъ сердечныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ. Къ Японіи онъ относился сперва съ замѣтнымъ недовѣріемъ, такъ какъ она принадлежала къ тому грозному и загадочному монгольскому міру, отъ котораго, по его мнѣнію, предстояли великія опасности для Европы. Извѣстенъ рисунокъ импе-

ратора, изображавшій это мнѣніе, съ надписью: „народы Европы, оберегайте самыя священныя свои блага!“ Прошло нѣсколько лѣтъ—и неожиданныя событія привели къ переоцѣнкѣ достоинствъ Японіи и Россіи. Въ мартѣ 1905-го года Вильгельмъ II говорилъ уже о геройскихъ подвигахъ японцевъ, объ ихъ любви къ отечеству и объ ихъ великолѣпной дисциплинѣ, а въ маѣ указывалъ на „безнравственность и пьянство“ русскихъ офицеровъ и солдатъ, какъ на главную причину русскихъ пораженій. Въ ноябрьской тронной рѣчи того же года, прочитанной въ имперскомъ сеймѣ, выражалось сочувствіе Японіи по поводу вступленія ея въ число великихъ державъ, съ „искренними пожеланіями успѣха мирной культурной миссіи этого высоко-одареннаго народа“.

Въ дѣлахъ практической международной политики Вильгельмъ II является свободнымъ отъ всякаго подобія мистики: мечтательныя соображенія о „небѣ“ и о прусскомъ христіанствѣ исчезаютъ, и на сцену выступаетъ трезвый, тонко разсчетливый умъ, обладающій удивительною способностью оцѣнивать событія и схватывать надлежащій моментъ для совершенія нужнаго шага. Все, что̀ дѣлалъ онъ въ этомъ родѣ—напр. въ Марокко или Турціи, или по боснійскому вопросу—сдѣлано безошибочно, рукою мастера: это уже дѣйствительный талантъ „Божіею милостью“.

Л. Слонимскій.

ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ

«Giovanna», von Sophus Michaëlis.

Городокъ расположенъ въ волнообразной мѣстности. Дорога къ нему ведетъ черезъ рядъ холмовъ, которые такъ поросли оливковыми лѣсами, что кажутся затканными сѣрозеленымъ шелкомъ. Когда дорога поднимается вверхъ, городъ пропадаетъ въ долинѣ между холмами, и только однѣ его башни привѣтствуютъ путника. Тогда вмѣсто города виднѣется лишь каменная корона, глубоко надвинутая на голову одной изъ возвышенностей. Затѣмъ дорога извивается, и городъ совершенно исчезаетъ изъ виду. То поднимаясь, то опускаясь, всадникъ ищетъ глазами этой короны, которая служитъ ему маякомъ.

Вблизи кажется, что какая-то твердая рука опустилась съ неба на этотъ лѣсъ каменныхъ столбовъ. Башни словно расщеплены непогодой, шапки словно сбиты у нихъ съ головы. Только на одной башнѣ сохранился еще кровельный шлемъ, опирающійся на четыре столба; подъ сводомъ его виситъ колоколъ. Но металлическій языкъ безмолвствуетъ.

Наконецъ всадникъ у городской стѣны. Ворота благосклонно открываютъ передъ нимъ свою черную пасть, и онъ попадаетъ въ лабиринтъ узкихъ улицъ, гдѣ подъ конскими копытами шумно гремитъ мостовая. Каменныя стѣны отзываются въ отвѣтъ, и средніе вѣка охватываютъ всадника своимъ ледянымъ дыханіемъ. Изъ угловатыхъ оконъ обдаетъ холодомъ и спертымъ воздухомъ. Двери дышатъ мракомъ, словно ведутъ къ высѣченнымъ въ скалахъ гробницамъ. Не склонивъ головы нельзя переступить ни одного порога. Городъ выложенъ каменными плитами, напоми-

нающими чешую на брюхѣ допотопнаго чудовища. Лѣниво лежитъ тѣнь на улицѣ, наполняя холодомъ каждое отверстіе. Только наверху, на высокихъ башняхъ, царствуетъ солнце, но ему не удается до дна проникнуть въ холодную тьму города.

Что означаютъ всѣ эти башни, которыя возносятся къ небу, словно приносящіе клятву пальцы окаменѣлой руки? Онѣ не имѣютъ въ виду достигнуть до неба, но стремятся перерости другъ друга, служа выразителями мелкаго тщеславія, которымъ полны человѣческія сердца.

Было время, когда одинъ изъ могущественныхъ гражданъ этого городка пришелъ къ убѣжденію, что жилище его слишкомъ низко. Онъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ какъ орелъ въ клѣткѣ, за желѣзной рѣшеткой. Большія окна въ нижнемъ этажѣ закрывались сѣткой изъ желѣзныхъ прутьевъ. Сидя за ними, онъ желтыми, завистливыми глазами видѣлъ, какъ сосѣдъ его, жившій напротивъ, важно шествовалъ въ соборъ, сіяя словно павлинъ съ развернутымъ хвостомъ, увѣшанный цѣпями и драгоцѣнными каменьями—а между тѣмъ всѣ знали, что онъ нажился ростовщичествомъ. Когда жена и дочь шли вмѣстѣ съ нимъ, онѣ были одѣты въ такую твердую парчу, что она стояла вокругъ нихъ словно бочка; онѣ могли бы поднять ноги съ земли и не упали бы. И этотъ надутый дуракъ ходилъ ежедневно въ церковь, гдѣ купилъ себѣ одинъ изъ придѣловъ и заказалъ сіенскому художнику дорогую картину, чтобы помѣстить ее надъ алтаремъ.

Но орла въ желѣзной клѣткѣ не тѣшила мысль о пышной гробницѣ. Онъ принадлежалъ къ сильному и знатному роду Сальвуччи, на который всегда могъ положиться императоръ въ своей борьбѣ съ властолюбивымъ папой. Онъ хотѣлъ еще при жизни вознести голову надъ этимъ хвастливымъ и завистливымъ городомъ и открыть себѣ болѣе широкій видъ на окрестности, чѣмъ тѣ глупцы, которые своими шелковыми мантіями сметали грязь съ каменныхъ плитъ. Такъ понемногу выросла его башня. Она росла какъ стволъ пальмы, а вмѣстѣ съ нею поднималось вверхъ и орлиное гнѣздо. Теперь орлу уже не нужно было сидѣть за рѣшеткой и мозолить себѣ глаза наблюденіемъ за сосѣдомъ. Онъ жилъ теперь достаточно высоко, чтобы слѣдить за всѣмъ, что сосѣдъ дѣлалъ у себя на дворѣ.

Внизу Ардингелли съ насмѣшкой слѣдили за тѣмъ, какъ росла башня, и думали: все это хорошо, если башня не дастъ трещинъ и въ одинъ прекрасный день не свалится внизъ, какъ неоперившійся аистъ. Но они такъ долго смотрѣли вверхъ, что

у нихъ заболѣли шейные позвонки, и они захотѣли сами посмотрѣть, на что ихъ соперникъ глазѣетъ съ своей высоты. Любопытство уступило мѣсто раздраженію, когда они вышли за городъ и увидѣли на зубцахъ башни знамя Сальвуччи, между тѣмъ какъ не было флаговъ даже на домѣ подесты. Городъ принадлежалъ вѣдь не однимъ Сальвуччи, хотя они и чванились своимъ величіемъ.

И вотъ, начала подниматься вверхъ башня Ардингелли. Такъ какъ строили не по точной отвѣсной линіи, то башни слегка наклонялись другъ къ другу черезъ улицу, какъ два быка, грозящіе другъ другу рогами. Сальвуччіо сидѣлъ на верху своей башни и насмѣшливо смотрѣлъ на своего соперника, какъ на презрѣннаго нищаго, который, задыхаясь, взбирается наверхъ.

Враждующія семейства въ теченіе многихъ лѣтъ не обмѣнивались ни единымъ звукомъ, пока Ардингелло не достроилъ своей башни до той же высоты, на какую взобрался Сальвуччіо. Орудія для постройки были отложены въ сторону, и лѣса съ одной стороны удалены. Ардингелло ожидалъ момента, ради котораго воздвигъ башню. Но ему долго пришлось ждать непріятеля. Лишь около заката солнца голова Сальвуччіо показалась въ дверяхъ. Ардингелло едва сдерживался, пока добирался до верху.

— Сальвуччіо, запрещаю вамъ бросать навозъ на мою землю!

— А я, Ардингелло, запрещаю вамъ говорить со мною на моей землѣ!

— Вы же видите, что я стою на своей землѣ.

— Врядъ-ли. Мнѣ кажется, что ваши лѣса склонились черезъ-чуръ на мою сторону. Вамъ слѣдовало бы выпрямить вашу кривую шею.

— Позаботьтесь о томъ, чтобы я не выпрямилъ вашей!

— Копеечникъ!

— Вѣтренникъ!

— Ростовщикъ!

— Измѣнникъ отечества!

Капли этого словеснаго потока брызгами летѣли внизъ на улицу. Любопытство охватывало людей все болѣе и болѣе. Съ какою цѣлью были выстроены эти башни? Открывался ли оттуда видъ на отдаленныя владѣнія ихъ обладателей? Или же они со своей высоты тайно обмѣнивались сигналами съ непріятелемъ?

Мало-по-малу по ихъ примѣру всѣ важнѣйшіе въ городѣ роды полѣзли кверху, состязаясь въ постройкѣ башенъ. Мѣсто обмѣна пріятными и непріятными сообщеніями было перенесено въ высшія сферы. Иные продолжали постройку даже ночью,

чтобы сосѣди на другой день увидѣли, что ихъ опередили. Происходилъ постоянный споръ между цѣлымъ рядомъ башенъ, которыя точно дрались между собою и дразнили другъ друга яркими флюгерами. Неистовство дошло до такихъ размѣровъ, что городской совѣтъ, по требованію подесты, долженъ былъ положить ему предѣлъ. Было постановлено, что ни одна постройка не должна превосходить вышиною самой древней башни. Еще выше возносилась только башня самой коммуны. Многочисленныя башни должны были склонить передъ нею головы, какъ сломанные цвѣты. Но вражда между семьями Сальвуччи и Ардингелли не прекратилась. У нихъ была вынужденная обстоятельствами общая собственность—колодецъ. Чтобы не сталкиваться около него, онѣ завели себѣ колеса и длинныя цѣпи для поднятія воды—правда, въ одномъ и томъ же ведрѣ, такъ какъ колодецъ не могъ вмѣстить въ себѣ бо̀льшаго количества ведеръ. Случалось, что враждующіе стояли каждый у своей цѣпи и спорили о томъ, кому прежде пить.

Однажды двое молодыхъ людей вздумали вытащить изъ колодца не воду, а нѣчто иное. Пользуясь дномъ пустого ведра, они обмѣнивались нѣжными словами любви. Въ маленькое письмецо они вкладывали цѣлое море любви. Въ одинъ прекрасный день отецъ дѣвушки перехватилъ письмо молодого человѣка изъ ненавистнаго рода. Онъ отдалъ приказаніе своимъ домочадцамъ никогда больше не черпать воды изъ колодца, а письмо прибилъ ко дну ведра, ощупавъ его предварительно ядовитыми пальцами ненависти. И въ сосѣдней семьѣ многіе заболѣли и умерли потому только, что письмо попало не въ тѣ руки, въ которыя предназначалось.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе ста лѣтъ. Каждое изъ враждующихъ семействъ уже давно соорудило себѣ собственный колодецъ, а старымъ сообща пользовалось какъ ямой для стока фамильной ненависти. Онъ разрушился; мраморные края его обломались. Вода все больше уходила вглубь. Тотъ, кто смотрѣлъ въ колодецъ, не видѣлъ тамъ отраженія своей головы на клочкѣ голубого неба, а видѣлъ некрасивый дернъ съ зелеными пятнами, на которомъ расли разнообразные блѣдные мхи и качающіяся травы, боящіяся свѣта, образуя какой-то дикій, топкій лѣсъ. Внизу зіяла и постепенно увеличивалась ядовитая лужа; кислый запахъ распространялся изъ проклятаго колодца.

Всякій разъ, когда кондотьеръ Леоне деи-Сальвуччи возвращался въ свой дворецъ, онъ инстинктивно, еще сидя на конѣ,

плевалъ въ открытое отверстіе колодца. Онъ привыкъ дѣлать это съ дѣтства, потому что слѣдовалъ примѣру отца. Никогда не случалось ему спрашивать о настоящей причинѣ этого обыкновенія. Онъ думалъ, что это само собою разумѣется, какъ разумѣется само собою, что, войдя въ церковь, надо опустить руку въ сосудъ со святой водою.

Городъ съ красивыми башнями пришелъ въ упадокъ. Этимъ онъ былъ обязанъ враждѣ родовъ, которые нѣкогда были причиной его процвѣтанія. Башни давно уже были сломаны. Многіе смотрѣли на нихъ лишь какъ на кучи камней, которыми можно было пользоваться для починки старыхъ домовъ. Заброшенная крѣпость города поросла травою. На развалившихся бастіонахъ лежали старыя метательныя орудія и, какъ муміи, только сохраняли видъ прежняго величія. Никто уже не поднималъ знамя на верху крѣпости. Надъ независимымъ нѣкогда городомъ развѣвалась то красная лилія Флоренціи, то желтые шарики Медичи, привѣтствуя чужое владычество.

Леоне деи-Сальвуччи нерѣдко отлучался изъ города. Онъ научился военному ремеслу у фамиліи Сфорца въ Миланѣ, лучшіе годы своего зрѣлаго возраста прослужилъ наемникомъ въ чужихъ государствахъ и всегда выбиралъ болѣе выгодную службу, находя, что золото всегда пахнетъ правымъ дѣломъ. Но правое дѣло оказывалось непрочнымъ и невѣрнымъ — и Леоне всякій разъ становился на сторону другого. Онъ умѣлъ держать въ повиновеніи пришлыхъ со всѣхъ сторонъ наемниковъ, покупая ихъ души за золото, звенѣвшее на кожѣ барабановъ. Онъ пріобрѣталъ ихъ преданность хладнокровіемъ, съ какимъ онъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ радикальному средству. Для него не было ничего вѣрнѣе смерти. Смерть за упорство, за непослушаніе, за малѣйшій звукъ, изданный мятежнымъ языкомъ. Смерть, по мнѣнію Леоне, была самымъ испытаннымъ помощникомъ, величайшимъ и надежнѣйшимъ изъ всѣхъ благодѣтелей человѣчества. Слѣдомъ за нею шло много хорошаго: она порождала счастье и благосостояніе. Служить всего выгоднѣе было послѣ кровопролитной битвы, и всего легче дышалось, когда смерть хорошенько опустошала какой-нибудь городъ. Стоило только дать ей время, и она не измѣняла. Леоне свернулъ шею своимъ злѣйшимъ врагамъ, и при достаточно долгой жизни могъ возложить на могилы своихъ ярыхъ противниковъ примиряющіе цвѣты вѣчности. Дайте только время! только время! Леоне нигдѣ и никогда такъ не молился, какъ на мраморной плитѣ,

подъ которою покоился его врагъ; влажными глазами взиралъ онъ на золотую надпись: „Молитесь за его душу!“

Возвращаясь въ свой родной городъ и плюнувъ въ колодецъ, Леоне всякій разъ спрашивалъ, кто умеръ. Рѣдко задавалъ онъ этотъ вопросъ напрасно. Всегда среди населенія происходило нѣкоторое опустошеніе, и Леоне могъ чистосердечно отвѣтить: „Значитъ, все обстоитъ благополучно“! Кладбища украшались, въ церквахъ появлялись прекрасныя эпитафіи, служились заупокойныя обѣдни, на которыя шло множество свѣчей, колокола торжественно гудѣли, продавались имѣнія, освобождались должности, исчезали непріятныя лица: въ самомъ дѣлѣ, все шло хорошо!

Но настало время, когда уже не жилось хорошо безпокойному и подвижному военному человѣку. Въ государствахъ наступилъ миръ. Всѣ внѣшнія войны прекратились. Необходимую войну доставляли себѣ сами граждане, безъ посторонняго вмѣшательства. Кондотьеръ не могъ зарабатывать себѣ на хлѣбъ насущный. Уличная чернь просто вырывала камни изъ мостовой и дралась хлѣбными ножами и сапожными шилами. Не было больше потребности въ воинахъ по ремеслу. Леоне ѣздилъ изъ одного государства въ другое и не находилъ работы. Синьоріи посылали его къ чорту. Онѣ вычеркнули изъ своихъ расходныхъ книгъ счета кондотьеровъ.

Старый и сѣдой, но все еще ретивый въ своемъ дѣлѣ, Леоне объѣзжалъ на конѣ всѣ окрестныя большія дороги. Онъ довольствовался тѣмъ, что̀ выпадало на его долю. Онъ нанимался даже на недѣлю, когда надо было по всѣмъ правиламъ искусства напасть на какую-нибудь ненавистную шайку разбойниковъ, отстоять границу, оказать полицейскую услугу, отправить подъ конвоемъ товары изъ одного мѣста въ другое.

Никогда не удавалось заработать ни гроша въ городѣ съ красивыми башнями. Туда онъ пріѣзжалъ только потому, что это была родина его отцовъ и тамъ жила его дочь, выросшая въ старомъ, высокомъ дворцѣ, какъ нѣжная, трепещущая мимоза на тонкомъ слоѣ земли, который время отложило на старой каменной стѣнѣ. Тамъ жилъ онъ въ мертвыя времена года. Лѣто онъ проводилъ въ своей деревенской виллѣ близъ Поджибонзи.

Однажды онъ возвращался верхомъ изъ Пизы. Онъ оказалъ ей услуги въ борьбѣ съ контрабандистами и воспользовался случаемъ контрабандой привезти съ собою для дочери всевозможныя драгоцѣнныя вещи, между прочимъ—фламандскую парчу и восточные алмазы.

Дорогой ему захотѣлось посмотрѣть, достаточно ли созрѣлъ

для сбора виноградъ въ Поджибонзи. Онъ любилъ эти извилистыя дороги, которыя изобиловали всякими неожиданностями. Надъ возвышенностями всплывали стѣны и шпицы виллъ, окруженныхъ темными кипарисами, какъ торжественною почетною стражей. На самыхъ красивыхъ мѣстахъ выростали передъ глазами монастыри, съ ихъ жилыми помѣщеніями и колокольнями. Тамъ и сямъ виднѣлось слабое деревцо, одиноко дрожавшее вдали на фонѣ золотистаго полуденнаго неба.

Черный какъ мавръ, Леоне тяжело сидѣлъ на своемъ сѣдлѣ. Онъ надвинулъ на затылокъ красный беретъ, изъ-подъ котораго выбивались скудныя пряди сѣдыхъ волосъ. На лбу и у угловъ рта виднѣлись словно вырѣзанныя на деревѣ борозды. Глубокая морщина залегла между маленькими голубовато-сѣрыми глазами, смотрѣвшими вдаль. Линіи вокругъ рта казались окаменѣлыми ругательствами и угрозами. На шеѣ вздувались жилы, подобныя крученымъ веревкамъ.

Двое оруженосцевъ ѣхали сзади, каждый со своею вьючною лошадью, нагруженною ящиками и отнятымъ оружіемъ. Къ сѣдлу были привѣшаны шлемы; на плечахъ лежали желѣзныя пики.

Передъ самой виллой Леоне приказалъ имъ ѣхать впередъ. Они не имѣли права ни на отдыхъ, ни на глотокъ вина.

Леоне ходилъ одинъ по своимъ виноградникамъ и ощупывалъ спѣлыя ягоды. Виноградныя вѣтки свѣшивались безжизненно, какъ груди, отдавшія все свое молоко потомству. Гроздья винограда тяжело висѣли на лозахъ. Что-то зашуршало на высокой стѣнѣ. Леоне обернулся и увидѣлъ человѣка, собиравшагося перескочить черезъ нее. Леоне сорвалъ съ пояса мечъ и бросилъ его по направленію къ длиннымъ желтымъ чулкамъ. Широкій клинокъ со звономъ отскочилъ отъ камня.

— Остановись же, чортъ тебя возьми!

Но чулки не спѣшили скрыться. Они уже спускались внизъ по стѣнѣ.

— Трусливый воръ!

Чулки соскочили, и обладатель ихъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Леоне тотчасъ же узналъ младшаго члена дома Ардингелли — двадцатилѣтняго юношу въ синей курткѣ, съ вышитыми на ней бѣлыми сердцами, съ длинными фестонами по бокамъ и длинными разрѣзными рукавами. Волосы падали ему на глаза, а носъ торчалъ вверхъ, какъ одна изъ старыхъ башенъ.

— Теперь, мессеръ Леоне, вы наконецъ дадите *мнѣ* отчетъ и отвѣтъ!—сказалъ онъ съ яростью.

— Конечно, я поговорю съ тобою и намажу тебѣ мой

отвѣтъ на спинѣ одною изъ лозъ, съ которыхъ ты хотѣлъ полакомиться виноградомъ.

— Вы лжете, Леоне! Вы знаете прекрасно, что я не ворую.

— А зачѣмъ же ты перелѣзаешь на своихъ желтыхъ цыплячьихъ ногахъ черезъ мою стѣну?

— Я надѣялся увидѣть вашу дочь, а не вашу проклятую рожу. Пока вы держите ее въ городѣ за замкàми и за рѣшетками, я долженъ стараться увидѣть ее въ деревнѣ.

— Такъ я постараюсь свернуть голову негодной птицѣ, попавшейся въ мой силокъ,—сказалъ Леоне безъ всякаго раздраженія.—Я тебя повѣшу, какъ вора.

— Я не кралъ.

— Ты вломился ко мнѣ.

— Только для того, чтобы увидѣть ту, которую я люблю.

— Никогда ты не увидишь ея, клянусь святымъ Рохомъ.

— Я буду говорить съ нею, хотя бы мнѣ пришлось вломиться въ вашъ дворецъ. Клянусь честью вашей дочери!

Кондотьеръ отвѣчалъ ударомъ, нанесеннымъ плашмя и заставившимъ противника опуститься на колѣни. Одною рукой Леоне держалъ обѣ руки юноши, какъ въ тискахъ, пока не связалъ ихъ оторванными отъ его одежды крыльями рукавовъ. Леоне привязалъ молодого человѣка къ своей лошади и выѣхалъ изъ виллы. Плѣнникъ, стиснувъ зубы, терпѣлъ боль, скрывая злобу, и безъ единой жалобы мчался по дорогѣ въ облакѣ пыли. Скоро онъ началъ задыхаться; лицо его побагровѣло.

Передъ воротами сосѣдняго двора стояло двое молодыхъ людей. Они подбѣжали къ лошади.

— Въ чемъ провинился этотъ человѣкъ? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Онъ мой плѣнникъ.

— Но онъ все-таки не ваша лошадь.

Своимъ кинжаломъ одинъ изъ молодыхъ людей разрѣзалъ веревку, которою юноша былъ привязанъ къ сѣдлу, между тѣмъ какъ товарищъ его держалъ лошадь подъ уздцы. Прежде чѣмъ пораженный Леоне успѣлъ вытащить оружіе или позвать своихъ оруженосцевъ, которые уже далеко уѣхали впередъ, молодые люди скрылись въ отверстіе воротъ и готовились запереть ихъ.

Кондотьеръ сталъ ломиться въ ворота, чтобы помѣшать юношамъ запереть ихъ.

— Этого вамъ не слѣдовало бы дѣлать, если вы сами не имѣете охоты попасть въ ловушку. Мы запремъ васъ, какъ только вы ворветесь въ ворота.

— Разбойники! Отдайте мнѣ сейчасъ же моего плѣнника!

— Мы не разбойники, а честные флорентинцы. Если хотите жаловаться на насъ, то жалуйтесь синьоріи нашего города. Но мало чести въ томъ, что вы хотѣли благороднаго человѣка загнать на смерть, какъ животное.

Они заперли ворота на засовъ, не обращая вниманія на угрозы Леоне. Онъ долго кричалъ и шумѣлъ передъ воротами, толкалъ ногами балки и звякалъ оружіемъ. Молодые люди, поддерживая своего гостя, отправились въ домъ. Одинъ предложилъ ему сѣсть на каменную скамью, другой пошелъ за виномъ.

Молодой Ринальдо дельи Ардингелли еще не произнесъ ни слова. Онъ стоналъ и вздыхалъ, стараясь свободно перевести духъ. Къ сердцу его снова прилила кровь. Онъ понемножку глоталъ вино, которое налилъ ему одинъ изъ молодыхъ господъ.

Затѣмъ онъ всталъ и глубоко поклонился каждому изъ нихъ.

— Добрые, благородные господа, я еще не настолько оправился, чтобы поблагодарить васъ отъ всей полноты сердца.

— Дорогой господинъ,—отвѣчалъ тотъ, который освободилъ его,—вы уже достаточно благодарили насъ. Не спрашивая васъ ни о родинѣ, ни объ имени, приглашаю васъ погостить въ моемъ имѣніи, которое я недавно получилъ въ наслѣдство, и куда я самъ въ первый разъ пріѣхалъ. Прошу васъ быть моимъ гостемъ вмѣстѣ съ этимъ превосходнымъ и великолѣпнымъ молодымъ художникомъ изъ Флоренціи, Доменико Бигорди, который находится на пути въ Санъ-Джиминьяно, гдѣ будетъ украшать церкви своимъ прекраснымъ талантомъ. Самъ я тоже флорентинецъ, и зовутъ меня Джентиле Кавальканти.

Они обнялись. Ринальдо такъ сильно жалъ руки своего хозяина, что вдавилъ себѣ въ палецъ перстень, который носилъ Джентиле. Ринальдо взялъ его руку и сталъ любоваться кольцомъ. Въ отвѣтъ на это Джентиле молча снялъ перстень и, улыбаясь, надѣлъ его на палецъ своего новаго друга. Ринальдо въ восхищеніи заставлялъ крупный алмазъ переливаться на солнцѣ разными цвѣтами. Потомъ онъ сталъ разсматривать флорентинскаго художника, словно диковиннаго звѣря.

Доменико отличался важнымъ спокойствіемъ движеній. Короткая верхняя одежда изъ темнокраснаго бархата ложилась красивыми складками на грудь и падала ниже пояса. Маленькая шапочка изъ той же матеріи сидѣла на густыхъ, совершенно черныхъ волосахъ, мягко спускавшихся на широкія синеватыя щеки. Когда онъ взглядывалъ куда-нибудь, онъ всякій разъ поднималъ подбородокъ и немного склонялъ голову на бокъ. Но онъ не

глядѣлъ прямо въ глаза, какъ другіе; глаза его бѣгали въ вѣчномъ безпокойствѣ.

Ринальдо смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Еще болѣе ослѣпительнымъ казался ему молодой хозяинъ. Джентиле Кавальканти такъ сгибалъ свою голову, словно каждое его движеніе было выраженіемъ придворной любезности. Онъ такъ раскрывалъ свои красивыя губы, какъ будто благозвучіе его словъ сдѣлало его ротъ столь привлекательнымъ. Онъ не улыбался, но изъ прозрачныхъ и блестящихъ свѣтло-карихъ глазъ его сіяла искренняя доброта, распространявшаяся на всѣ черты его лица. Взглядъ его, полный ясности и теплоты, казался лаской, солнечнымъ лучомъ, не имѣя въ себѣ ничего вкрадчиваго, а напротивъ, возбуждая довѣріе. Красивый изгибъ лба виднѣлся подъ густыми темно-каштановыми волосами, вившимися на вискахъ. Даже шапочка надѣта была повидимому для того только, чтобы завершить чистое очертаніе головы. Цвѣтъ его скромной куртки, съ высокимъ воротомъ, съ тонкой полотняной каймой наверху, а также цвѣтъ его узкихъ суконныхъ панталонъ были лишь оттѣнками цвѣта его волосъ.

Передъ тонкой флорентинской культурой Ринальдо почувствовалъ себя варваромъ. Его волосы, торчавшіе на лбу пучками, шевелились при каждомъ рѣзкомъ движеніи головы. Порывистыя движенія его рукъ составляли противоположность мягкимъ и граціознымъ движеніямъ флорентинцевъ. Но глаза его горѣли, когда онъ разсказывалъ, съ какою цѣлью онъ хотѣлъ проникнуть въ виллу кондотьера.

— Клянусь святой Финой,—сказалъ художникъ,—она должна быть прекрасна. Не можете ли вы описать намъ ее?

— Описать? Это невозможно!

— Почему?

— Я никогда ея не видѣлъ.

— Почему же вы знаете, что она такъ хороша?

— Клянусь красотою Джіованны, я заключаю о красотѣ ея изъ того, что этотъ скряга скрываетъ ее отъ всего міра.

Леоне деи-Сальвуччи мчался въ городъ въ безумномъ волненіи. Онъ не могъ на этотъ разъ тотчасъ же самъ добиться своихъ правъ, какъ дѣлалъ обыкновенно. Оба оруженосца должны были наблюдать за вьючными лошадьми и за товарами, которые онѣ несли на себѣ. Леоне скакалъ такъ, что пыль взвивалась до самыхъ его ушей. Онъ слышалъ, какъ конь его жуетъ удила,

словно ѣстъ рубленое желѣзо. И не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже остановился у городскихъ воротъ и проклиналъ медлительность, съ какою сторожъ отворялъ ихъ.

Въ узкихъ улицахъ царилъ уже полумракъ. У темныхъ дверей домовъ сидѣли городскіе жители и желали ему добраго вечера. Онъ не отвѣчалъ имъ. Лошадь несла его по улицѣ; она знала дорогу. Онъ очутился передъ своимъ дворцомъ, съ его двойными башнями.

Всякій разъ, когда онъ возвращался домой, сердце его начинало колотиться въ груди при видѣ этихъ крутыхъ каменныхъ стѣнъ, съ единственными узкими воротами, съ немногочисленными и рѣдкими отверстіями оконъ, которыя напоминали глубоко сидящіе въ своихъ впадинахъ внимательные глаза.

Всякій разъ, когда онъ останавливалъ коня передъ этими стѣнами, ему казалось, что тамъ лежитъ и ждетъ его покойникъ. Въ былыя времена онъ отдалъ одну недѣлю послѣ свадьбы личному счастью, но потомъ снова взялся за свое ремесло. Когда онъ вернулся, жена его уже цѣлый мѣсяцъ лежала въ гробу, и его привѣтствовалъ плачъ слабаго ребенка. Съ этихъ поръ каждый разъ, когда онъ останавливался передъ своимъ домомъ, изъ глубокихъ оконъ вѣяло на него могильнымъ холодомъ, и ему казалось, что кто-то плачетъ за толстыми стѣнами.

Леоне плюнулъ въ колодецъ, и взоръ его скользнулъ по стѣнамъ дворца вверхъ, до самыхъ башенныхъ зубцовъ, еще слегка позолоченныхъ заходящимъ солнцемъ. И вдругъ онъ улыбнулся, увидѣвъ, что маленькая женская рука словно приласкала старую темницу. На всѣхъ выступахъ развела она растенія и разставила горшки съ цвѣтами. Одинъ крошечный балконъ весь заросъ ползучими растеніями. Подъ однимъ окномъ, высовываясь надъ пропастью, на головокружительной высотѣ расли стройныя лиліи. Въ самомъ низу сквозь прутья желѣзной рѣшетки пробивались жизнерадостные побѣги согнутой нееріи. Изъ оконъ верхняго этажа свѣшивались пестрые восточные ковры. Онъ зналъ, что все это дѣлала маленькая бѣлая ручка. Только это и зналъ городъ о его дочери. Скрытая въ глубинѣ высокой оконной ниши, она бросала робкіе взгляды на нѣмой городъ, которому сама не была видна.

Мало-по-малу запахъ тлѣнья исчезъ изъ стараго каменнаго дома передъ дыханіемъ жизни, таившимся во всѣхъ этихъ растеніяхъ. Тѣнь смерти скрылась передъ тѣмъ блескомъ, какой распространяла вокругъ себя молодая дѣвушка. Кондотьеръ зналъ, что во дворцѣ его предковъ живетъ свѣтлое, тонкое и невинное

существо, нѣжные пальцы котораго заставили зацвѣсти старыя твердыя стѣны. И оно обовьетъ загорѣлую шею отца своими молодыми руками, словно вѣнками изъ розъ.

Никто не узналъ бы Леоне деи-Сальвуччи въ этихъ стѣнахъ. Тамъ всѣ когти его втягивались, всѣ морщины становились менѣе рѣзкими. Левъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы тонкіе пальчики трепали его бороду. Страшная маска воина снималась. Онъ говорилъ вполголоса. Передъ входомъ въ домъ онъ приказывалъ снять съ себя шпоры. Въ стѣнахъ дворца не допускалось никакого остраго оружія. Леоне на цыпочкахъ прокрадывался въ свою комнату, чтобы умыться прежде, чѣмъ она узнаетъ о его прибытіи. Онъ теръ свои жесткія руки пемзой, чтобы онѣ стали чистыми.

Но Джіованна узнала стукъ копытъ его коня и выбѣжала къ нему навстрѣчу, чтобы обнять его.

— Не трогай меня! — прошепталъ онъ жалобнымъ голосомъ. — Я весь въ пыли, какъ свинья. Побереги свои руки и свое платье. — Но она поцѣловала его прямо въ его горячее и грязное лицо.

Джіованна почти не видѣла людей, кромѣ своего отца и своей кормилицы. Тѣмъ не менѣе она обладала врожденнымъ умѣньемъ держать себя, столь же безсознательнымъ, какъ благоуханіе и нѣжныя краски цвѣтка, когда онъ во-время распускается изъ своего бутона.

По гладкимъ каменнымъ плитамъ пола она ступала мягко, какъ кошка. Невидимые башмаки ея не производили никакого шума. Голова ея держалась высоко и граціозно, какъ цвѣтокъ на стеблѣ. Блестящіе волосы лежали гладко по обѣ стороны пробора и на вискахъ были густы, какъ твердые пучки коричневаго шелка; на уши они падали въ безпорядкѣ и слегка вились; отдѣльныя нити свертывались кольцами и отливали золотомъ. Тонкія брови оттѣняли открытый взглядъ ея большихъ карихъ глазъ. Носъ сохранялъ еще дѣтскую мягкость формъ и не отличался опредѣленностью линій. Губы выдѣлялись своей блѣдной и влажной розовой окраской. Яркое ожерелье изъ крупныхъ красныхъ коралловъ дѣлало еще болѣе замѣтной дѣвственность рта и нѣжной кожи. Грудь замѣтна была на узкомъ бѣломъ платьѣ только по легкому подъему, отъ котораго натягивались и чуть-чуть шуршали зашнурованные розовые рукава.

Такою увидѣли ее и трое молодыхъ людей, когда Джіованна, нѣсколько дней спустя, пріѣхала верхомъ, въ сопровожденіи отца,

въ Поджибонзи, чтобы присутствовать при сборѣ винограда. Молодые люди выглядывали изъ-за стѣны, окружавшей виллу Джентиле.

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть на нее, когда она краснѣетъ,— сказалъ Доменико, и усѣлся на стѣну верхомъ, какъ на сѣдло.

— Она не можетъ покраснѣть — возразилъ Джентиле. — Краснѣютъ только отъ безстыдныхъ мыслей.

— Такъ я заставлю ее покраснѣть, хотя бы мнѣ пришлось въ полночь проникнуть въ ея комнату!—воскликнулъ Ринальдо.

— Отъ такихъ словъ вы сами должны были бы покраснѣть,— сказалъ Джентиле. — Женская красота существуетъ для того, чтобы на нее молиться, а не для оскорбленій.

— Но и для того, чтобы наслаждаться ею, какъ виномъ, которое явился собирать нашъ кровожадный сосѣдъ.

Со всѣхъ сторонъ сборщики винограда устремились къ винограднику кондотьера. Они принесли лѣстницы, большія корзины и разсыпались по саду, какъ птицы по вѣтвямъ дерева. Корзины наполнялись спѣлыми ягодами, сокъ которыхъ уже готовъ былъ брызнуть изъ-подъ тонкой, блестящей кожицы. Леоне руководилъ сборомъ, какъ полководецъ сраженіемъ. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы добыча попадала въ надлежащіе сосуды. Босыя женщины и дѣвушки приходили съ полными корзинами на головѣ и опорожняли ихъ. Леоне зорко слѣдилъ за ними и старался замѣтить каждую испорченную или не вполнѣ созрѣвшую виноградину, которая могла попасть въ общую массу. Негодныя ягоды онъ бросалъ сборщицамъ въ лицо съ такою силой, что разлетались брызги. Около него стояла Джіованна и своими маленькими бѣлыми руками укладывала кисти, тихо чистила ягоды и выбрасывала плохія, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ ихъ замѣтить.

Виноградные листья на облегченныхъ стебляхъ начали раскачиваться отъ вѣтра. На темносинемъ небѣ появились маленькія бѣлыя облачка. Работники обливались потомъ въ душномъ воздухѣ. Солнце уже опустилось низко и просвѣчивало сквозь высоко нагроможденныя въ корзинахъ кисти винограда, какъ сквозь полупрозрачные алмазы. Изъ колодца накачали воды, и мужчины начали смывать пыль со своихъ загорѣлыхъ ногъ.

Наступало время выжиманія сока. У Леоне былъ только одинъ мраморный сосудъ, переходившій изъ рода въ родъ черезъ безчисленный рядъ поколѣній. Сосудъ былъ наполненъ самыми лучшими и крупными ягодами, черная кровь которыхъ свѣтилась, какъ свѣтятся шлифованные камни.

— Джіованна, милая дочка,— сказалъ Леоне и поднялъ ее

на руки,—теперь ты должна освятить мой сборъ и нажать мнѣ вино столь же чистое и прекрасное, какъ ты сама.

Она привыкла къ этому обычаю съ двухлѣтняго возраста. Но теперь она въ первый разъ пришла сюда въ длинной одеждѣ, переставъ быть дѣвочкой. Служанкамъ пришлось подвязать ей юбки. Ей обнажили ноги до колѣнъ; отецъ поднялъ ее черезъ край мраморнаго чана и отошелъ въ сторону. Ея тонкія икры погружались и исчезали въ синевато-черномъ виноградѣ. Устремивъ глаза на красную кровь винограда, струившуюся у нея изъ-подъ ногъ, она принялась мять ягоды ногами. Шаги ея мало-по-малу начали принимать ритмическій характеръ, она дѣлала два шага впередъ и два шага назадъ. Дѣвушки стояли вокругъ нея и пѣли старую пѣсню о сборѣ винограда.

Въ чанѣ было много ягодъ, больше чѣмъ во всѣ предыдущіе годы. Джіованна усердно и безъ устали мяла виноградъ, пока кровь не прилила къ ея щекамъ и она покраснѣла отъ усилія.

Кондотьеръ смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Больше, чѣмъ сотню побитыхъ враговъ, любилъ онъ эту чистую дѣвушку, выжимавшую для него первое вино. Онъ думалъ о флорентинскихъ деспотахъ и о ихъ нелѣпыхъ, сквернымъ играхъ, которыми, какъ шла молва, они забавлялись на своихъ виллахъ: собирали своихъ непотребныхъ дѣвицъ, раздѣвали до нага и бросали каждую изъ нихъ въ чанъ съ виноградомъ, гдѣ онѣ валялись, какъ дикія нимфы, и выжимали своимъ любовникамъ вино, которому и давалось соотвѣтственное названіе: вино Джилетты, вино Нонны, вино Симонетты. Это было осквернеміемъ чистыхъ источниковъ Вакха тѣлами падшихъ женщинъ. Нѣтъ, здѣсь была сама невинность, которая освящала собою дѣвственный виноградъ и краснѣла отъ радости, обращая въ вино богатый урожай отца.

Онъ поднялъ ее изъ чана и передалъ на руки дѣвушкамъ. Онѣ съ тріумфомъ носили ее на плечахъ, словно это былъ самъ Вакхъ, и цѣловали виноградную кровь, которая ручьями текла по ея бѣлымъ ногамъ.

Леоне самъ опустилъ свой серебряный кубокъ на дно бочки и наполнилъ его крѣпкимъ сокомъ, созрѣвшимъ на солнцѣ.

Вслѣдъ затѣмъ мужчины съ сильными смуглыми ногами начали давить виноградъ въ другихъ чанахъ. Урожай былъ раздавленъ; потекло молодое вино. И со всѣхъ сторонъ зазвучали радостныя, горячія пѣсни.

Въ сосѣдней виллѣ сидѣли трое молодыхъ людей. Они взобрались на самый высокій каменный балконъ и внимательно

смотрѣли въ ту сторону, откуда неслось пѣніе. Они знали, что прекрасная Джіованна находится въ этой толпѣ, и хотя разстояніе было слишкомъ велико, чтобы различить ее среди пестрой толпы сборщиковъ винограда, но они все-таки думали только о ней, о ея молодомъ тѣлѣ, болѣе дѣвственномъ, чѣмъ только что выжатое вино, о ея эластичныхъ ступняхъ, о ея поднятыхъ рукахъ, срывавшихъ ягоды, о тѣхъ счастливыхъ ягодахъ, которыя падали въ сокровенную тайну ея неразвившейся груди.

Имѣнье Джентиле Кавальканти находилось въ забросѣ. У него не было тщательно обработанныхъ виноградниковъ. Виноградъ его одичалъ и висѣлъ недозрѣлый и заглушенный слишкомъ буйно разросшимися вязами. Въ этотъ теплый вечеръ трое юношей помѣстились подъ тяжелымъ, густымъ покровомъ листьевъ виноградника, зажгли костеръ, улеглись, завернувшись въ плащи, вокругъ огня и ѣли понемногу кислый виноградъ, свѣшивавшійся надъ ихъ головами.

Разговоръ шелъ о любви.

Ринальдо недавно вернулся изъ Венеціи, гдѣ познакомился съ головокружительными и таинственными любовными похожденіями. Онъ разсказывалъ о поѣздкахъ по узкимъ каналамъ, о глазахъ, сверкавшихъ въ тѣни изъ-подъ занавѣсокъ гондолъ, о дамахъ, сидѣвшихъ подъ тростниковыми навѣсами, словно сіяющія райскія птицы въ открытыхъ клѣткахъ, о мимолетномъ соприкосновеніи одной гондолы съ другою, напоминавшемъ прикосновеніе одной руки къ другой во время бѣгства. Жаркіе взоры изъ-подъ черныхъ масокъ... Молніеносные взгляды съ балконовъ, откуда на корму гондолы падаютъ розы... Плескъ волнъ, столь же мягкій, какъ поцѣлуй... Стройные мавры, украшенные страусовыми перьями, управляющіе гондолой при помощи пурпуроваго весла... На мосту Ріальто потоки людей, ищущихъ любовныхъ приключеній... Ночныя серенады въ тѣни мрачныхъ дворцовъ... Луна, нѣмой наблюдатель, въ надлежащій моментъ прикрывающій глаза серебристо-бѣлыми облаками... Вотъ веревочная лѣстница ударяетъ по водѣ... Качаясь, влѣзаешь на балконъ... Ринальдо никогда не оставлялъ безъ вниманія ни одной брошенной розы, не оставлялъ безъ отвѣта ни одного взгляда.

Доменико улыбался, слушая его разсказы.

— Ты такъ говоришь, Ринальдо, что можно принять тебя за хищнаго звѣря... Жизнь имѣетъ иныя цѣли, кромѣ побѣдъ надъ женщинами. Каждая одержанная тобою побѣда отнимаетъ у тебя часть твоей жизненной силы. Такъ какъ наши красивыя женщины и дѣвушки живутъ праздно, въ то время какъ мы,

мужчины, работаемъ, то онѣ всегда будутъ имѣть больше стремленія къ любви, чѣмъ мы въ силахъ удовлетворить. Надо знать мѣру, Ринальдо. Хуже подпасть подъ власть женщины, чѣмъ подъ власть вина. Пей столько, чтобы ты могъ протрезвиться за ночь—не больше. А женщинамъ никогда не отдавай больше, чѣмъ то время, которое остается свободнымъ отъ работы.

Джентиле лежалъ, склонившись впередъ и подперевъ голову обѣими руками. Прищуренными глазами онъ уставился на огонь, отблескъ котораго падалъ на его длинныя шелковистыя рѣсницы. Онъ смотрѣлъ на огонь костра сквозь кисть винограда и видѣлъ, что косточки кажутся темными и окруженными пурпуровымъ сокомъ. Потомъ онъ тихо промолвилъ:

— Зачѣмъ вы говорите о любви, какъ о товарѣ, продающемся на рынкѣ? По моему, нельзя называть любовью того, что подбирается случайно, какъ роза, упавшая съ балкона, или считать, что любовь подобна бутылкѣ рѣдкаго вина, которую уносишь въ свою комнату, чтобы въ ночной тиши насладиться драгоцѣннымъ напиткомъ. Любовь—не ласка, какую всякій можетъ найти на улицѣ. Любовь—не то, что̀ можетъ получить всякій, что̀ можно завоевать красивой одеждой, ловкими манерами, мѣшкомъ съ дукатами, бряцаньемъ на мандолинѣ или льстивыми рѣчами надъ ухомъ кокетливой дамы, подобными шуму въ пустой морской раковинѣ. Не думайте, что Амуръ—богъ черни, расточающій свои дары передъ толпою. Не называйте любовью того, что̀ щекочетъ вашу чувственность или возбуждаетъ ваше тщеславіе. Не считайте любовью того, что̀ вы испытали и чѣмъ на другое утро хвастались. Не называйте любовью того, что̀ заставляетъ васъ расхаживать по площадямъ въ красивыхъ одеждахъ, напоминающихъ павлина съ длиннымъ хвостомъ. Не думайте, что любовь—источникъ гордости и хвастовства, соревнованія и жажды побѣдъ. Не любовь—все то, что̀ мужчины охотно повѣряютъ мужчинамъ, а женщины женщинамъ. Кто употребляетъ священное названіе любви, говоря о сходящихся животныхъ? Какъ смѣете вы говорить о любви, когда вы поочередно пользуетесь благосклонностью одной и той же дамы? Взгляните на эти ягоды—кто изъ васъ станетъ ѣсть ихъ съ удовольствіемъ, если другой сотретъ съ поверхности ихъ бархатистый иней? Кто возьметъ въ ротъ косточки, выплюнутыя другимъ? Всѣ плоды любви, какіе выпадаютъ на вашу долю, съ червоточиной или надкусаны чужими зубами. Вы смотрите на царство Венеры какъ на общедоступный рынокъ непотребныхъ женщинъ, гдѣ все подъ-рядъ попадаетъ вамъ въ ротъ или въ ваши объятія. Словомъ любовь злоупотребляютъ

для выраженія чувствъ черни, которая страдаетъ вѣчнымъ голодомъ по тѣлу падшихъ женщинъ. На томъ мѣстѣ, куда хоть одинъ разъ ступилъ настоящій Амуръ, трава больше не растетъ. Но на васъ всѣхъ, знающихъ одну чувственность, еще никогда не падало ни единой пылинки съ крыльевъ бога любви. Ибо эта пылинка была бы зерномъ, которое заглушило бы всякое другое растеніе.

Джентиле совсѣмъ закрылъ глаза. Доменико смотрѣлъ на него сбоку спокойнымъ, испытующимъ взоромъ.

— Можно подумать, что вы ходили по небеснымъ селеніямъ, гдѣ божественный Данте видѣлъ Беатриче, и собирали цвѣты въ небесныхъ садахъ. Итакъ, вы думаете, что истинная любовь существуетъ только въ мечтахъ?

— Я думаю, что въ такихъ мечтахъ и грезахъ больше истинной любви, чѣмъ во всѣхъ побѣдахъ Ринальдо въ Венеціи и во Флоренціи.

— Цѣломудренный Джентиле! —засмѣялся Ринальдо.—Зачѣмъ вы прикидываетесь томящимся мученикомъ въ застѣнкѣ маленькаго бога Амура? Ужъ не собираетесь ли вы отрицать, что вы испытываете иныя чувства, чѣмъ мы, къ прекрасной Джіованнѣ, которая сегодня давила виноградъ отца своими блестящими бѣлыми ногами? Теперь это вино еще похоже на сахарную воду, которая меня не привлекаетъ. Но черезъ нѣкоторое время, когда оно побродитъ, оно станетъ вкуснѣе и на него будетъ больше спросу. Съ любовью дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ хорошимъ виномъ. Не пейте ея слишкомъ рано!

— Я никогда не любилъ, — сказалъ Джентиле и поднялъ глаза на огонь костра.—Я не люблю и Джіованну деи-Сальвуччи.

— Хорошо, что вы это говорите, — сказалъ Доменико. — По вашему собственному ученію вы именно ее-то и любите, потому что вы это отрицаете.

Когда окончился сборъ винограда и вино въ первый разъ перебродило, кондотьеръ отправился вмѣстѣ съ дочерью верхомъ обратно въ Санъ-Джиминьяно.

Трое мужчинъ вышли навстрѣчу лошадямъ, держа въ рукахъ большія кисти винограда, съ виноградною зеленью на рукавахъ и на шапкахъ.

Леоне узналъ Ринальдо и поскакалъ-было на него, чтобы схватить его, но увидѣлъ, что Джіованна остановила свою лошадь, и невольно сдѣлалъ то же самое.

Трое молодыхъ людей низко склонились передъ ея лошадью, и пока двое другихъ продолжали стоять съ опущенными головами, Доменико поднялъ свои умные глаза и взглянулъ на нее.

— Не сердитесь, мадонна, что трое молодыхъ людей поклоняются красотѣ на большой дорогѣ. Не наша это вина, а вина вашего достойнаго отца, который два раза прогонялъ насъ изъ своей виллы и отказался принять выраженіе нашего почтенія.

— Клянусь Богомъ, кажется дерзость нынче пребываетъ на большой дорогѣ!—сказалъ Леоне, подскакивая къ дочери.—Грабитель, вломившійся ко мнѣ, и его товарищи осмѣливаются еще разъ попасться мнѣ на глаза. Но теперь, клянусь святымъ Рохомъ, вы всѣ трое отвѣтите мнѣ за это!

— Мессеръ Леоне,—продолжалъ Доменико, спокойно хлопая лошадь по шеѣ,—мы вѣдь готовы отвѣчать вамъ. Ваша прекрасная дочь можетъ увидѣть, отъ какихъ грабителей вы скрываете ее за семью замками.

Леоне хотѣлъ отвѣтить. На лбу его надулась большая жила, словно толстый синій червякъ. Но Джіованна схватила его сжатый, поднятый кулакъ и перебила его:

— Если вы желаете, чтобы я считала васъ вѣжливыми и благородными людьми, то вы не должны начинать съ клеветы на моего дорогого отца. Онъ мнѣ не тѣлохранитель и не тиранъ. Я сама по своей свободной волѣ не желаю имѣть знакомства съ врагами моей семьи.

— Да здравствуетъ гордая и прекрасная Джіованна!—воскликнулъ Ринальдо и прикрѣпилъ свои виноградныя кисти къ широкой подпругѣ ея лошади, которую она пришпорила. Доменико накинулъ свою зелень на гриву коня, а Джентиле, еще не поднимавшій головы, бросилъ свои ягоды подъ его копыта. Джіованна ни одному изъ нихъ не поклонилась.

Подъѣхавъ къ своему дворцу, Леоне въ первый разъ забылъ плюнуть въ колодецъ. Онъ помогъ дочери сойти съ лошади, подалъ ей у дверей связку ключей и сказалъ:—Впредь, Джіованна, ты можешь собственной волей входить во дворецъ и выходить изъ него. Ты чище и мягче меня, но гордость твоя достойна твоего отца.

Весь городъ сдѣлался теперь собственностью Джіованны. Она отправлялась въ соборъ не по обыкновенной дорогѣ, а по кривымъ улицамъ и закоулкамъ. Отецъ водилъ ее ко всѣмъ воротамъ города. Скоро она даже одна стала выходить за городъ, спокойно и увѣренно. У подножія мирныхъ городскихъ стѣнъ она вбирала въ себя золотые лучи осенняго солнца. Солнечный свѣтъ

дрожалъ словно теплый паръ надъ травою, среди которой виднѣлись еще мелкіе желтые цвѣточки; дѣти называли ихъ фіалками святой Фины. Когда Джіованна сидѣла на травѣ, со всѣхъ сторонъ сбѣгались полунагіе и полудикіе мальчишки. Усердные пальцы искали цвѣты въ травѣ и складывали ихъ ей на колѣни, чтобы только имѣть право коснуться ея парчевой юбки съ вышитыми по темнокрасному фону золотыми пальмами, точно это Божья Матерь сошла съ соборнаго алтаря. Какъ шаловливые козлята или непривязанные жеребята, дѣти скатывались внизъ по склону горы. Тутъ же недалеко расли оливковыя деревья. Они сгибались подъ тяжестью влѣзавшихъ на нихъ дѣвушекъ, едва одѣтыхъ въ какія-то жалкія юбки. Онѣ взлѣзали и на каменныя стѣны, гоняясь за ящерицами, которыя бѣгали вверхъ по отвѣсному скату.

Здѣсь, за городомъ, Джіованна часто думала о бѣдной маленькой святой Финѣ. Она, несчастная, не могла ходить на валъ въ расшитыхъ золотомъ платьяхъ и собирать свои собственные желтые цвѣточки. Она лежала тамъ, въ сыромъ и холодномъ городѣ, въ плохомъ и темномъ помѣщеніи, хромая и жалкая калѣка; при смерти больная, она, лежа на своей жесткой постели, исцѣляла другихъ, касаясь ихъ своими бѣдными, увядшими руками. Когда Джіованна снова вступала въ городъ и чувствовала подъ ногами твердыя каменныя плиты, ей навстрѣчу словно вѣялъ воздухъ изъ комнаты святой Фины. Изъ дверей и оконъ узкихъ переулковъ, какъ изъ глубокой нездоровой пропасти, несло холодомъ и мракомъ. Солнце вѣнчало дворцы и башни золотыми коронами, но глубоко внизу, въ сѣрой тѣни каменныхъ стѣнъ, куда не проникало солнце, притаились, боязливо скрываясь отъ свѣта, зараза и нищета. Въ тѣсныхъ каморкахъ не мало лежало больныхъ грудью. Джіованна слышала, какъ раздавался кашель, какъ его повторяло эхо отъ каменныхъ стѣнъ; она видѣла, какъ красные, воспаленные, постоянно гноящіеся глаза пристально вглядывались въ темноту, видѣла изъѣденныхъ ракомъ и полуживыхъ нищихъ, осаждавшихъ церковныя двери, такъ что ей приходилось почти наступать на ихъ изсохшія ноги, чтобы проникнуть въ церковь. Всѣ болѣзни святой Фины процвѣтали въ городѣ, но не было больше маленькой блѣдной святой, чтобы совершать чудеса; она лежала въ соборѣ въ своей мраморной гробницѣ, и лишь немногіе вѣрующіе черпали утѣшеніе въ ея часовнѣ. Еще меньше было такихъ, которые такъ сильно вѣрили, что вѣра ихъ исцѣляла.

Джіованна долго лежала на каменныхъ плитахъ передъ алтаремъ святой Фины. Она молилась до тѣхъ поръ, пока не чувствовала въ себѣ всепобѣждающее желаніе дѣлать добро всѣмъ больнымъ и калѣкамъ города. Съ опущенными глазами, словно не желая расточать безъ нужды своей силы, она выходила изъ часовни, входила въ тѣсныя и вонючія каморки, прикладывала свои руки къ влажнымъ лбамъ, касалась изсохшихъ членовъ, подавала питье людямъ, лежавшимъ въ горячкѣ, чистыми бѣлыми пальцами удаляла гнойныя капли изъ больныхъ глазъ. Прикасаясь такимъ образомъ къ больному члену, она могла, закрывъ глаза, воображать себя святой Финой или ея посланной. Изъ горячихъ концовъ ея пальцевъ истекала цѣлительная сила глубокой вѣры.

Но руки ея не совершали чудесъ. Прикосновеніе ея могло облегчить, но не излечить страданія. Джіованна думала, что вѣра ея недостаточно сильна. Надо было имѣть терпѣніе. Ей приходилось много разъ навѣщать больного прежде чѣмъ онъ замѣчалъ ея желаніе исцѣлить его. Чума и зараза были подобны грѣху: безъ ежедневнаго сопротивленія раны все больше разъѣдали тѣло. Она часто уставала и чувствовала отвращеніе къ лохмотьямъ нищеты и къ зловонію болѣзней. Выходя изъ церкви, она иногда вдругъ широко раскрывала глаза и, видя, какъ блестятъ золотыя нити ея одежды, вспоминала, кто она. Тогда она отходила въ сторону, не рѣшаясь касаться грязныхъ нищихъ, ползавшихъ у ея ногъ, и быстро бросала имъ монеты, словно онѣ уже напередъ были загрязнены тѣми руками, которыя ихъ ловили.

Кондотьеръ покачивалъ головою при видѣ ея стремленія дѣлать добро. По его мнѣнію, болѣзни и нищета, вонь и гнойныя раны были неразрывно связаны съ жилищами бѣдняковъ. Онъ не понималъ, какъ можно добровольно отыскивать грязныя мѣста. Грязи довольно было передъ дверьми всѣхъ домовъ. Надо было радоваться, что къ своей собственной двери можно было подъѣзжать, высоко сидя на лошади.

Молодые люди въ городѣ смотрѣли на Джіованну такими внимательными и упорными взглядами, что она думала, ужъ не въ безпорядкѣ ли ея одежда, и начинала оправлять свои волосы или ощупывать ожерелье на шеѣ. Многіе кланялись ей, но она никогда не отвѣчала на поклоны иначе, чѣмъ едва замѣтнымъ кивкомъ. У Ринальдо, повидимому, не было никакого другого дѣла, какъ съ утра до вечера искать случая встрѣтиться съ нею. Особенно усердно онъ ходилъ вокругъ нея, когда она

сидѣла на городскомъ валу и играла съ оборванными ребятишками. Онъ приближался къ ней, какъ шмель къ подсолнечнику.

— Зачѣмъ вы постоянно ходите за мною, мессеръ?—спросила она однажды, чувствуя себя храброй среди дѣтей.

— Наконецъ,—сказалъ онъ,—на мою долю выпалъ одинъ взглядъ, котораго я такъ давно жажду. Наконецъ хоть одно слово услышалъ голодный.

Джіованна засмѣялась мягкимъ, гортаннымъ смѣхомъ.

— Вы смѣетесь, мадонна?

— Да, смѣюсь. Въ первый разъ слышу эти безсмертныя слова о голодѣ и жаждѣ, которыя, какъ разсказывала мнѣ моя кормилица, употребляютъ молодые влюбленные.

— Развѣ это такъ смѣшно?

— А какъ же иначе? Молодой человѣкъ, съ золотыми перстнями на всѣхъ пальцахъ и въ шелковой одеждѣ, говоритъ о голодѣ и жаждѣ. Почему вы говорите объ этомъ мнѣ, мессеръ? Вѣдь я не хозяинъ гостинницы. Но я дамъ вамъ хорошій совѣтъ со словъ моей кормилицы. Прежде чѣмъ говорить о любовномъ голодѣ, попробуйте-ка день или два поголодать на самомъ дѣлѣ, а потомъ беритесь пожалуй за нищенскій посохъ Амура.

— Ваша кормилица уже научила васъ своей стародѣвичьей мудрости. Ахъ, вы не знаете, что̀ такое любовь!

— Но зато вы знаете это, опытный господинъ. Это замѣтно по вашимъ рукавамъ. Вы знаете, какъ сильно дѣйствуютъ на другихъ яркія краски, напр. зеленые вышитые листья клевера на бѣлой курткѣ, какое обаяніе имѣетъ помада, пахнущая ванилью, или длинные ногти. Ахъ, ищите себѣ болѣе достойной цѣли, добрый господинъ!

— Вы для меня солнце, мадонна,—сказалъ онъ, по возможности пронизывая ее глазами.

— Солнце заходитъ, и я иду домой — безъ провожатаго, какъ и солнце,—сказала она и встала.

— Но каждую ночь, мадонна, каждую ночь моя любовь возносится къ вашему балкону, когда вы слышите мою игру.

— Ахъ, мессеръ, не сердитесь на меня за то, что я ночь употребляю для сна, и что мой балконъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить вашу любовь. На немъ можетъ помѣститься только одинъ цвѣточный горшокъ.

Въ спальнѣ Джіованны передъ образомъ Мадонны теплился маленькій красный огонекъ. Онъ горѣлъ слабо: при его свѣтѣ

выдѣлялся только фонъ за ликомъ Богоматери, и въ висящемъ металлическомъ сосудѣ поблескивала святая вода. Но Джіованна отлично находила всякій предметъ, точно при яркомъ дневномъ освѣщеніи. На небольшомъ, словно дѣтскомъ столѣ, покрытомъ скатертью съ бѣлой бахромой, лежалъ открытый молитвенникъ, съ сіяющими золотыми заглавными буквами. Маленькій часовой стаканчикъ вытягивалъ нить времени изъ сыплющагося песку. Она поднесла стаканчикъ къ уху, прислушиваясь къ его жужжанію. Потомъ взяла графинъ съ его обычнаго мѣста на стѣнномъ шкафу, гдѣ онъ стоялъ около трехъ-четырехъ книгъ съ металлическими застежками, подошла къ окну и напоила свои цвѣты. Передъ рѣшеткой въ выпукломъ сосудѣ стояла драгоцѣнная перистая гвоздика, подаренная ей отцомъ. Она касалась оконной рамы такъ нѣжно, какъ надушенное перо. Тутъ же былъ миртъ, съ твердою, торчащею зеленью. Джіованна потерла свои руки о листья и подумала о своей матери, съ мраморной могилы которой этотъ миртъ былъ принесенъ въ видѣ маленькаго побѣга.

Потомъ она вышла на свой крохотный, узкій балкончикъ. Шелъ мелкій, беззвучный дождь, точно сквозь сито. Она вынесла цвѣты на балконъ, послѣ чего нельзя уже было закрыть двери. Но она успокоилась при мысли о цвѣткахъ, которые стояли точно стражами при входѣ. Она улыбнулась въ темнотѣ и взглянула на мрачный сосѣдній домъ. Онъ стоялъ слишкомъ далеко, чтобы можно было перескочить черезъ улицу. Сюда могли забраться развѣ только легкія ласточки, которыя гнѣздились въ высѣченной изъ камня оконной рамѣ.

Она долго стояла подъ дождемъ. Волосы ея, словно растенія, высасывали себѣ пищу изъ дождя. Она чувствовала въ темнотѣ, что все растетъ. Ночь казалась вѣчною. Она связывала прошедшее съ будущимъ. Джіованна, стоя подъ дождемъ, мысленно цѣловала свою мать, которой никогда не видала. Изъ невидимаго и необъятнаго пространства ночи она удалилась въ свою комнатку, раздѣлась и легла на свое низкое ложе между длинными копьями, поднимавшимися вверхъ подобно стеблямъ лилій и поддерживавшими легкій фестончатый пологъ надъ постелью.

Нѣкоторое время она лежала и смотрѣла, какъ блеститъ золото за чернымъ ликомъ Мадонны. Потомъ она встала, взяла сосудъ со святою водою и обрызгала свою постель и полъ. Послѣ этого она потушила свѣчку и въ глубокомъ мракѣ спокойно заснула.

Не спали однѣ только кошки. Но не спали также два глаза,

не принадлежавшіе кошкѣ. Когда Ринальдо увидѣлъ, что потухъ скудный огонекъ по ту сторону улицы, фантазія его разыгралась. Онъ сидѣлъ болѣе часа и прислушивался, положивъ мандолину на колѣни, къ тихому звуку падающаго дождя. Вдругъ неожиданно выглянулъ изъ-за тучъ мѣсяцъ и ярко озарилъ своимъ бѣлымъ свѣтомъ противоположную каменную стѣну.

Мѣсяцъ словно говорилъ Ринальдо: „Видишь, какъ я беру приступомъ домъ. Отчего ты не имѣешь такой же храбрости, какъ я?“

Онъ не колебался больше. Онъ вышелъ изъ дому и очутился на улицѣ между двумя запертыми дверями. Мѣсяцъ надъ головой его словно насмѣхался надъ нимъ. Ринальдо перепрыгнулъ черезъ улицу, какъ черезъ подъемный мостъ, почти не касаясь каменныхъ плитъ мостовой. Свѣтъ бѣлою полосою лежалъ на балконѣ. Мѣсяцъ, какъ воръ, пробирался къ Джіованнѣ и цѣловалъ своими блѣдными поцѣлуями ея закрытые глаза. Мѣсяцъ стыдилъ его: „Найди къ ней дорогу, найди дорогу! Полѣзай по водосточной трубѣ, прицѣпись къ карнизу. Для смѣлаго любовника все возможно!“ И все оказалось возможнымъ для Ринальдо. Онъ тотчасъ же открылъ, какъ ему попасть наверхъ. Ему надо было подняться отъ колодца на узкій каменный мостикъ, который подходилъ къ верхней части воротъ и соединялъ между собою выступы двухъ флигелей. Оттуда уже нетруденъ былъ доступъ къ маленькому балкону.

Ринальдо ощупалъ сумку, висѣвшую у него на поясѣ. Да, веревочная лѣстница была на своемъ мѣстѣ. Это обезпечивало ему благополучное возвращеніе даже въ случаѣ самаго опаснаго подъема.

Теперь надо было изслѣдовать, достаточно ли прочны старыя, сотни лѣтъ тому назадъ сооруженныя приспособленія для поднятія воды изъ колодца. Ринальдо вскочилъ на край проклятаго колодца и потянулъ за цѣпь. Сверху ему отвѣчалъ ржавый металлическій смѣхъ: ясно, что цѣпь цѣла. Итакъ, впередъ! Ринальдо началъ медленно взбираться на верхъ. Шероховатое желѣзо рѣзало ему пальцы. Цѣпь опускалась подъ его тяжестью въ видѣ колеблющейся, звенящей дуги. Онъ задерживалъ дыханіе, словно стараясь сдѣлаться легче, и осторожно лѣзъ все выше и выше, точно думалъ, что старая цѣпь можетъ проснуться и почувствовать свою собственную ветхость. Но она держала его, она его держала! Ринальдо схватился за перила и вскочилъ на мостикъ. И вотъ онъ ѣхалъ верхомъ по воздуху, какъ сова по краю башни. Онъ надушилъ свои руки благовонною водою,

которая всегда была у него въ карманѣ, снялъ со спины мандолину и началъ бряцать на ней, потомъ вдругъ вспомнилъ о веревочной лѣстницѣ и прикрѣпилъ ее. Нѣсколько разъ онъ открывалъ ротъ, чтобы запѣть, но чувствовалъ, что голосъ его какъ-то странно хрипитъ, а въ горлѣ такъ сухо, что онъ издаетъ звуки, напоминающіе сдерживаемый крикъ, между тѣмъ какъ мандолина чирикала такъ же весело и легко, какъ днемъ.

Самъ Ринальдо сидѣлъ въ тѣни и слѣдилъ за движеніемъ луннаго свѣта, падавшаго на балконъ. Ринальдо думалъ, что свѣтъ проходилъ черезъ запертыя двери, сквозь щели и стекла, проникая, куда ему вздумается. Онъ переложилъ нѣмой лунный свѣтъ на музыку, и слабые звуки понеслись ввысь, какъ жужжаніе насѣкомаго, увѣренно и рѣзко пронизывающее тишину, пока не достигнетъ слуха спящаго. Золотистый звукъ струнъ висѣлъ въ воздухѣ, словно крылья пчелы, пронзенной невидимою иглою и остановившейся въ своемъ полетѣ. Музыка при лунномъ свѣтѣ пріобрѣтала какую-то трепещущую назойливость, разгоняя тишину. Когда Ринальдо былъ влюбленъ, то въ чувствѣ его было лишь одно теченіе: желаніе, вожделѣніе. Взоръ его тогда имѣлъ лишь одно направленіе, жизнь—одно назначеніе, кровь—одно стремленіе. Все его сознаніе, вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ, неудержимо устремлялось внутрь дома, за предѣлы балкона. Онъ игралъ, словно желая передать свой жаръ струнамъ. Играя, онъ чувствовалъ себя все ближе и ближе къ своей цѣли. Глаза его подъ вліяніемъ музыки стали видѣть яснѣе. Онъ увидѣлъ, какъ трепещутъ листья перистой гвоздики. Онъ увидѣлъ, какъ при лунномъ свѣтѣ вдругъ загорѣлся маленькій красный цвѣтокъ, выглядывавшій изъ-за одной колонны. Онъ приподнялся и наклонился впередъ. И вдругъ ему показалось—или нѣтъ... Край двери дѣйствительно виднѣлся за цвѣтами; дверь была открыта—побѣда! Онъ больше не колебался. Забросивъ нѣсколько разъ неудачно крючки своей веревочной лѣстницы, онъ наконецъ достигъ того, что они зацѣпились за край балкона. Ринальдо взвился кверху по веревкамъ, нѣкоторое время колебался въ воздухѣ, потомъ взобрался наверхъ и наконецъ проникъ на балконъ, отдѣленный отъ спальни только нѣсколькими цвѣточными горшками—защитой, достойной Венеры.

Онъ едва осмѣливался переводить дыханіе. Мандолина висѣла у него на спинѣ, но звонъ струнъ все еще струился въ воздухѣ. Этотъ звонъ дрожалъ при лунномъ свѣтѣ. Ринальдо старался унять его и осторожно наклонился надъ перистыми листьями гвоздики, которые щекотали ему лицо.

Во снѣ Джіованна видѣла яркій солнечный свѣтъ. Сонъ ея не былъ вызванъ звуками мандолины. Онъ возникъ изъ ея собственнаго безсознательнаго существа, какъ бѣлая точка въ черную ночь. Вся облитая солнечными лучами, она сидѣла у ручья въ Поджибонзи, со множествомъ цвѣтовъ на колѣняхъ, и проводила рукою по водѣ, по направленію теченія. Вода, словно нити твердаго жемчуга, скользила у нея между пальцами.

Вдругъ теченіе воды прекратилось. Джіованна подняла руку, но вода послѣдовала за нею и, казалось, обдавала ее нѣжными поцѣлуями. Горячій вѣтерокъ дунулъ ей въ лицо. Она проснулась при свѣтѣ луны, увидѣла, что на грудь ея падаютъ густые черные волосы, и почувствовала жаркіе поцѣлуи на своей рукѣ, которую она, въ видѣ защиты, положила себѣ на сердце.

Джіованна не упала въ обморокъ. Она не вскрикнула, не потеряла присутствія духа. Она вспомнила о дождѣ, объ открытой балконной двери и узнала гриву Ринальдо. Рѣзко отдернувъ руку, она сказала, не поднимая головы съ подушки:

— Вы, кажется, съ ума сошли, любезный?

Ринальдо приподнялся и почти приложился лицомъ къ ея лицу:

— Джіованна, моя возлюбленная! Благодарю васъ, что вы не заперли двери. Проснитесь же и посмотрите, кто пришелъ къ вамъ.

— Это я отлично вижу,—возразила она громко.—Скорѣе васъ слѣдовало бы разбудить. Мнѣ стоитъ сказать только одно слово, и вамъ не избѣжать смерти.

— Жизнь или смерть въ твоихъ объятіяхъ, Джіованна! Я не оставлю тебя.

Онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Но она схватила его за волосы, точно она была Юдиѳью, которая срываетъ Олоферну съ плечъ отсѣченную голову. Однимъ прыжкомъ выскочила она изъ кровати и толкнула дверь. Ему казалось, что пронзительный крикъ ея раздается у него въ ушахъ. Но она только холодно и рѣшительно сказала въ дверь тихимъ голосомъ:—Беритола! Беритола! Вставай и разбуди немедленно мессера Леоне!

Онъ слышалъ, что рядомъ кто-то возится.—Джіованна! Джіованна! Опомнись! Посмотри, кто у тебя!

— Придите сами въ себя, мессеръ, и исчезайте тѣмъ же путемъ, какимъ вы сюда явились. Вы не успѣете оглянуться, какъ уже будетъ слишкомъ поздно.

Сквозь дверную скважину доносились шумъ и крики. По полу,

сверхъ полосъ луннаго свѣта, побѣжали длинныя полосы огня. Ринальдо слышалъ тяжелый топотъ ногъ, производимый точно дикими звѣрями, и узналъ страшныя боевыя проклятія кондотьера. Страхъ охватилъ его, когда дверь отворилась и появился полунагой кондотьеръ, размахивая своимъ широкимъ мечомъ, какъ орудіемъ казни.

Ринальдо отпустилъ Джіованну, съ бѣшеной поспѣшностью бросился на балконъ, ударился ногою о цвѣточные горшки такъ сильно, что боль проникла до самаго колѣна, перекинулся черезъ перила и успѣлъ уже одною рукой схватиться за веревочную лѣстницу, когда кондотьеръ нагналъ его и обоюдоострый отточенный мечъ прожужжалъ надъ его головою. Онъ наклонился. Лезвее ударило въ темноту и отскочило отъ каменнаго края балкона. Леоне не зналъ, попалъ ли онъ, но услышалъ крикъ—впереди или сзади раздался онъ? Посмотрѣвъ внизъ, Леоне увидѣлъ, какъ человѣческая фигура исчезала, тяжеловѣсно спускаясь по лѣстницѣ. Обѣими руками Леоне схватилъ веревочную лѣстницу, отцѣпилъ крюки и выбросилъ ихъ въ темноту. Что-то слабо шлепнулось на землю и раздался вопль, какъ отъ страшной боли:—Моя рука, моя рука, моя рука!

Кормилица держала факелъ между Леоне и его дочерью, когда кондотьеръ обернулся. Вся кровь отлила отъ лица Джіованны. Такимъ она видѣла отца въ первый разъ; такимъ онъ былъ, вѣроятно, въ разгарѣ битвы. Пламя его глазъ обжигало ей лицо. Жилы налились на его черепѣ, какъ распухшія змѣи. Она закрыла глаза. Она дрожала и чувствовала потребность издать пронзительный крикъ, отъ котораго она до сихъ поръ удерживалась. Но вдругъ она увидѣла свои помятые цвѣты. Миртъ былъ растоптанъ. Сломанная гвоздика безжизненно свѣшивалась съ балкона, словно упорно глядя во слѣдъ злодѣю. Джіованна сдѣлала шагъ впередъ и нагнулась черезъ перила. Ея голая нога скользнула по какому-то мягкому и теплому предмету, который точно согнулся подъ ея тяжестью. Снявъ съ него ногу, она увидѣла при свѣтѣ факела отрубленную кисть руки. Содрогнувшись, она закрыла лицо руками, вошла въ свою спальню и бросилась на постель. А кондотьеръ схватилъ отрубленную руку, и пока все слабѣе и слабѣе становились стоны, доносившіеся изъ глубины темной, узкой улицы, онъ разсматривалъ при свѣтѣ факела всѣ блестѣвшіе на ней перстни.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни весь городъ ходилъ взадъ и впередъ передъ дворцомъ Сальвуччи, чтобы смотрѣть на отрубленную руку, которая торчала на палкѣ на высокомъ балконѣ. Въ солнечныхъ лучахъ на желтыхъ пальцахъ сверкали и блестѣли кольца.

Обладатель этой руки лежалъ больной въ каморкѣ напротивъ дворца, откуда можно было видѣть кровавый трофей. Ослабѣвъ отъ потери крови, онъ едва дотащился домой, гдѣ ему перевязали рану. Вражда между обоими домами разгорѣлась опять съ прежнею силою. Мать Ринальдо подала на Леоне деи-Сальвуччи жалобу въ судъ. Но судьи оправдали его, такъ какъ онъ защищалъ свой домъ и свою дочь отъ ночного нападенія. Тогда она судебнымъ порядкомъ стала требовать возвращенія руки Ринальдо. Кондотьеръ отказывался вернуть ей руку, находя заслуженнымъ наказаніемъ вора выставленіе на публичный позоръ его дерзкой руки на самомъ мѣстѣ преступленія. Время шло. Высохшая рука представляла небольшой интересъ, но семья Ардингелло добивалась возвращенія драгоцѣнныхъ перстней, и Леоне деи-Сальвуччи обвиняли въ незаконномъ присвоеніи себѣ чужихъ драгоцѣнностей. Кондотьеръ предложилъ суду посѣтить его домъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что кольца оставались нетронутыми на рукѣ вора. Пусть удовлетворено будетъ правосудіе: когда само время отдастъ эти кольца, то собственники ихъ могутъ поднять ихъ съ улицы, какъ упавшіе плоды.

Отрубленная рука продолжала торчать на прежнемъ мѣстѣ. Леоне былъ могущественъ и упрямъ, и слово его имѣло большой вѣсъ въ совѣтѣ. Но чѣмъ дольше высохшая рука держала золотыя кольца и драгоцѣнные каменья, тѣмъ болѣе расла жадность тѣхъ, кому они принадлежали. Птицы небесныя или воры могли украсть законное достояніе семьи Ардингелло. Однажды раннимъ утромъ дядя Ринальдо сталъ стрѣлять въ руку изъ лука, и одинъ за другимъ сбилъ съ нея всѣ пальцы, а потомъ подобралъ ихъ.

Джіованна была напугана. Она больше не выходила изъ дома. Ей не хотѣлось слышать, какъ граждане говорятъ о ней на улицѣ, не хотѣлось видѣть, какъ изъ оконъ и дверей показываютъ на нее пальцами. Никто не могъ видѣть, весела она или печальна, никто не могъ истолковывать выраженіе ея лица. Въ прежнюю свою комнату она больше не входила.

Мысль о балконной двери заставляла ее вздрагивать. Кондотьеръ, по ея желанію, приказалъ заколотить эту дверь. Сама она переселилась ниже, въ большой мрачный покой, освѣщаемый

только однимъ окномъ. Здѣсь цвѣты не могли цвѣсти. Да и не было больше у Джіованны такихъ цвѣтовъ, за которыми она могла бы ухаживать. Когда отецъ приносилъ ей новыя дорогія, махровыя гвоздики, она отстраняла ихъ: ей казалось что отъ нихъ пахло кровью. Ничего не должно было расти въ ея большой кельѣ, изъ угловъ которой нельзя было выгнать тьму. Джіованна не рѣшалась даже близко подходить къ рѣшеткѣ окна, боясь встрѣтить любопытные взоры, устремленные вверхъ въ надеждѣ ее увидѣть. Она слышала, что во Флоренціи, въ глубокихъ ямахъ съ гладкими мраморными стѣнами, содержатся дикіе львы, когти которыхъ отскакиваютъ отъ гладкаго камня; въ этихъ ямахъ устроены дверцы съ выдвижной рѣшеткой, и надменные господа могли щекотать свои истрепанные нервы зрѣлищемъ безсильныхъ прыжковъ, совершаемыхъ несчастными животными. У Джіованны было такое чувство, что злоба и клевета толпятся передъ ея собственной клѣткой, чтобы глумиться надъ нею, какъ только она подойдетъ къ рѣшеткѣ.

Въ ея дѣвическомъ чувствѣ что-то было смято, не успѣвъ расцвѣсть. Раньше въ ней все было свѣтло и свѣжо, все было открыто для солнца юности, счастья и любви, которое должно было взойти надъ ея головой. Теперь она стала робка, какъ человѣкъ, тронувшій гадюку вмѣсто цвѣтка, который собирался сорвать.

Въ ея шутливомъ отстраненіи Ринальдо и его нѣжныхъ изліяній заключалась доля тайнаго любопытства: чувства его казались ей фальшивыми и лживыми. Теперь она знала, что любовь—не пустая игра, а властная сила, горячая жажда, прерывающая дыханіе и заставляющая произносить безумныя слова. Джіованна слышала отъ Беритолы, что̀ говорили въ городѣ о бѣдномъ Ринальдо, такъ дорого поплатившемся изъ-за молодой недотроги. Ринальдо разсказывалъ въ свое оправданіе, что его смѣлость была возбуждена открытою дверью балкона и кивающими цвѣтами.

Вотъ какое опасное и тяжкое наказаніе постигло ее за молодость и довѣрчивость! Такъ люди истолковывали дѣтское безстрашіе! Такъ мстилъ отвергнутый любовникъ молодой дѣвушкѣ, которая совершила только одно преступленіе—на его желаніе отвѣтила отказомъ! Обжегшееся дитя боится огня. Но Джіованна вѣдь не протянула къ опасному огню и одного пальца. Огонь этотъ проникъ извнѣ въ ея цѣломудренное невѣдѣніе и уничтожилъ, какъ перышко, ея молодую довѣрчивость.

Когда Джіованна сидѣла въ полутьмѣ, задумавшись надъ

своимъ вышиваньемъ по мягкому бархату, она вспоминала юнаго флорентинца, вилла котораго находилась рядомъ съ виллою ея отца въ Поджибонзи, — вспоминала его добрые каріе глаза, его бѣлый дѣвическій лобъ подъ маленькой шапочкой. Когда она встрѣчала его въ узкомъ переулкѣ, онъ отходилъ въ сторону, чтобы ей не пришлось отступать къ стѣнѣ. Онъ склонялся передъ нею, положивъ правую руку на сердце. Волосы падали ему на лицо, и ей не видно было его глазъ, которые были опущены, какъ сама она опускала глаза, когда мимо нея въ церкви проносили Святое Святыхъ. Неужели и это мягкое, прекрасное благоговѣніе было обманомъ? Неужели его рука удерживала бьющееся сердце, чтобы ее не обожгло его пламя? Она разглядѣла его губы. Хотя онѣ молчали, но на нихъ, казалось, дрожало милое, непроизнесенное слово—его собственное имя: Джентиле. Джентиле—какъ бы онъ произнесъ его?

Иначе держалъ себя молодой Доменико. Онъ пріѣхалъ, чтобы изобразить красками легенду о святой Финѣ въ ея собственной церкви. На своихъ длинныхъ, прямыхъ ногахъ онъ выступалъ по мостовой, словно журавль по лугу въ весеннюю пору. У него былъ смѣлый взглядъ, похожій на взглядъ орла, измѣряющаго разстояніе между собою и своей добычей. Волосы его были волнисты, какъ ночная тьма; черный пушокъ обрамлялъ подбородокъ и губы словно тѣнью, отъ которой нельзя было избавиться. Когда Джіованна проходила мимо него, губы его складывались какъ для поцѣлуя. Глаза его не переставали смотрѣть на нее, а рукою онъ описывалъ дугу, словно водилъ кистью по полотну.

Джіованна сидѣла въ своей клѣткѣ и рѣшалась выглянуть черезъ улицу лишь настолько, чтобы видѣть лоджію дворца подесты и уголъ церкви. Зима тянулась долго и однообразно. Когда снѣгъ покрылъ площадь собора словно бѣлою простынею, передъ окномъ стало свѣтло, точно небо упало на землю, то самое небо, котораго Джіованна такъ давно не видѣла. Снѣгъ цѣлыми днями лежалъ на улицѣ, какъ бѣлая сверкающая сказка.

Молодые громкіе голоса смѣялись внизу. Трое молодыхъ людей шли по снѣгу, прикрѣпивъ высокія деревянныя сандаліи къ ногамъ, обтянутымъ въ длинные чулки-панталоны. Они небрежно накинули свои плащи на гордыя плечи. Джіованна узнала Доменико по его походкѣ, по упертой въ бокъ лѣвой рукѣ и по смѣлому изгибу плаща. Двое другихъ были вѣроятно его братомъ и зятемъ. Они боролись на снѣгу. Снѣжки перекрещивались, летая по воздуху. Одинъ снѣжный комокъ ударился объ ея окно, разлетѣлся въ мелкіе кусочки и въ видѣ хлопьевъ пробивался

сквозь желѣзные прутья рѣшетки. Дрожа отъ холода въ своихъ мѣхахъ, она слѣдила глазами за бѣлыми хлопьями, которыя прилипали къ окну, подобныя пуху изъ крыльевъ огромнаго, сильнаго лебедя, который облеталъ города и села. Какъ всѣ они были свободны и веселы внизу! Они бѣжали по сверкающему снѣгу до самыхъ церковныхъ воротъ, а затѣмъ исчезли въ церкви.

Но можно ли было послѣдовать за ними въ маленькую часовню, гдѣ они стояли и расписывали стѣны? Отъ Беритолы Джіованна знала, что художники стояли тамъ все свѣтлое время дня и наносили на свѣжештукатуренную стѣну фигуры, живо изображавшія смерть и похороны святой Фины. Они ходили тамъ за рѣшеткой не какъ нищіе, преклонявшіе колѣно и осѣнявшіе себя крестомъ, а высоко держа голову, какъ близкіе друзья святой, создавшіе для нея новое жилище.

Отецъ Джіованны разсказывалъ ей объ этомъ удивительномъ художникѣ. Онъ такъ изображалъ епископа и мальчиковъ, прислуживавшихъ при алтарѣ, что они казались осязаемыми, а хоругви точно двигались на картинѣ. Молодой флорентинецъ самъ просилъ у кондотьера позволенія написать его голову и помѣстить его между членами совѣта, стоящими вокругъ гроба Фины. Онъ сдѣлалъ набросокъ головы Леоне такъ сильно и живо, что, казалось, видишь передъ собою самого кондотьера.

Однажды, когда снѣгъ уже сталъ и свѣтъ погасалъ на хмуромъ небѣ, Джіованна, закутавшись въ плащъ съ капюшономъ, одна пробралась въ соборъ. Она отправилась въ капеллу святой Фины, которую надѣялась найти пустою въ столь пасмурную погоду. Но рѣшетка была заперта, а за нею она увидѣла на лѣстницѣ одинокую фигуру въ широкомъ черномъ одѣяніи, съ длинными кистями въ рукѣ.

Джіованна раскаялась въ своемъ любопытствѣ и, стоя на колѣняхъ передъ рѣшеткой, молила святую Фину простить ей этотъ проступокъ. Она глядѣла вверхъ и видѣла золотыя точки звѣздъ на темно-синемъ небѣ позади Мадонны съ порхающими ангелами.

„Святая Фина,—молилась Джіованна,—ты, чей духъ живетъ въ этомъ мѣстѣ, научи меня быть сильной смиреніемъ и отойти отъ тлѣннаго бытія въ жизнь вѣчную у престола Всевышняго Бога. Какъ и ты, я привязана къ этому грубому и тѣсному городку, я не могу отдѣлаться отъ своей душевной слабости и вознестись надъ нею, мои здоровыя руки не имѣютъ силы твоихъ увядшихъ рукъ, но научи меня...“

Рѣшетка вдругъ звякнула. Ее медленно отодвинули, и Джіо-

ванна услышала, какъ странный серебристый голосъ прошепталъ: „Войдите, мадонна, если хотите быть ближе къ вашей святой".

Она не подняла глазъ, вставая и направляясь въ капеллу. Весь полъ былъ заставленъ ведрами и горшками съ краской. На мраморныхъ плитахъ блестѣло просыпанное сусальное золото.

Боясь снова уступить любопытству, она ни на что не хотѣла глядѣть. Она опустилась на колѣни на послѣдней ступенькѣ алтаря и подняла глаза на нижній край алтаря, отдѣланный въ видѣ длиннаго ряда раковинъ. Потомъ она закрыла глаза и опять хотѣла молиться. Но всѣ ея мысли безсвязно роились въ головѣ; она понимала значеніе только отдѣльныхъ словъ, и молитвы у нея не выходило. Желаніе взглянуть на работу художника мѣшало ея молитвенному настроенію. Она обернулась. Онъ стоялъ наверху, на лѣстницѣ, прислонившись къ стѣнѣ, и безмолвно работалъ, точно не было ничего на свѣтѣ, кромѣ маленькаго пространства, по которому двигалась его кисть. Джіованнѣ стало стыдно за себя, и она стала смотрѣть на противоположную стѣну.

Не расширилось ли передъ ней поле зрѣнія? Не упала ли стѣна? Не видѣніе ли посѣтило ее?

Сквозь оконную щель прорывался свѣтъ голубого дня, освѣщая гору, покрытую деревьями. На длинномъ деревянномъ столѣ, на заднемъ планѣ, стояли фрукты и графинъ съ водою, а впереди пластомъ лежала Фина на своей доскѣ; длинныя ноги ея были словно вырѣзаны изъ дерева, руки сложены на молитву; сіяніе окружало блѣдную тонкую голову съ длинными свѣтлыми распущенными волосами, которую слегка поддерживала ея кормилица, чтобы она могла видѣть фигуру папы Григорія, окруженнаго головами ангеловъ и возвѣщавшаго маленькой святой скорую и блаженную кончину.

Джіованна ползала на колѣняхъ по холодному мраморному полу и съ невѣдомымъ ей дотолѣ удивленіемъ молилась этому лицу, ожившему на полотнѣ словно по волшебству. Джіованна не знала ничего болѣе таинственнаго. Маленькая святая буквально дышала на стѣнѣ; папа виднѣлся словно облако; гора высилась точно на разстояніи многихъ миль отъ оконнаго ставня. И это можно было исполнить на плоской церковной стѣнѣ! Старыя картины въ кораблѣ церкви висѣли на сводахъ и колоннахъ, словно вытканныя изображенія ярко-коричневаго и зеленаго цвѣта. Но здѣсь стѣна расширяла церковь, и казалось, что по ней двигаются живыя фигуры.

За спиною дѣвушки раздались шаги по каменнымъ плитамъ. Художникъ длинною палкой отворилъ ярко разрисованное стеклянное окно, въ которое ворвался холодный зимній свѣтъ. —Простите, мадонна,—опять сказалъ мягкій, серебристый голосъ, — простите, если здѣсь станетъ холодно, но мнѣ нуженъ свѣтъ для моей работы.—Не взглянувъ на нее, онъ подвинулъ лѣстницу и влѣзъ на высоту открытаго окна. Онъ выглянулъ изъ окна, потомъ посмотрѣлъ на стѣну, и кисть его начала заполнять красками контуръ башни.

Джіованна встала, чтобы осмотрѣть другую стѣну. Здѣсь картина была готова лишь наполовину, но и тутъ художникъ сумѣлъ ясно представить небо надъ постелью изъ золотой парчи, на которой лежала почившая Фина. Джіованна узнала парчевой покровъ, узнала мальчиковъ, прислуживавшихъ въ церкви, одѣтыхъ въ короткія бѣлыя рубашки и стоявшихъ съ хоругвями и съ длинными восковыми свѣчами въ ногахъ усопшей. Она узнала на заднемъ планѣ среди членовъ совѣта лицо своего отца, а надъ ихъ головами увидѣла небо, которое начинало покрываться башнями. Да, это Санъ-Джиминьяно возвышался за мраморной нишей, въ которой святая Фина лежала на своемъ великолѣпномъ ложѣ и совершала чудеса даже послѣ своей смерти. Джіованна увидѣла старуху, которая выздоровѣла, коснувшись рукъ усопшей, увидѣла бѣднаго слѣпого мальчика, который съ вѣрою молился на колѣняхъ у ногъ святой, прижимая ихъ къ своимъ глазамъ до тѣхъ поръ, пока они не прозрѣли.

Джіованна не замѣчала холода, струившагося изъ окна. Она видѣла, какъ рѣзкій профиль художника быстро, словно голова птицы, поворачивался то въ ту, то въ другую сторону. Она видѣла, что его длинная бѣлая рука увѣренно и мягко водила кистью. Глазъ и рука жили одною жизнью и вмѣстѣ творили! Уходя, она сказала едва слышно:

— Благодарю васъ, маэстро, за то счастье, какое мнѣ доставило ваше великолѣпное искусство.

Онъ на мгновеніе остановилъ кисть и поглядѣлъ на нее сбоку, слегка кивнувъ ей.

— Во всякое время, мадонна, приходъ вашъ будетъ мнѣ пріятенъ, когда бы вы ни оказали моей работѣ честь взглянуть на нее.

— А я не мѣшаю вамъ, маэстро?

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Когда я пишу, мнѣ не помѣшало бы даже появленіе самой

Матери Божьей. Вашъ взглядъ дѣлаетъ мой собственный взглядъ болѣе проницательнымъ.

Онъ снова отвернулся къ стѣнѣ. Она еще нѣсколько мгновеній прислушивалась къ тихому шуршанію кисти по известковой стѣнѣ.

Идя домой по узкой улицѣ, она уже не смотрѣла, какъ прежде, въ черныя отверстія жилищъ. Святая Фина уже больше не лежала за этими дверьми больная, въ холодѣ и въ нищетѣ. Она воскресла для вѣчной жизни и вѣчнаго преображенія на церковной стѣнѣ. Послѣ продолжительнаго глухого страха передъ жизнью Джіованна наконецъ свободно вздохнула при мысли, что есть силы болѣе могущественныя, чѣмъ любовь и страсть, чѣмъ насиліе и вожделѣніе,—что есть творческія силы, какъ тѣ, которыя таились въ живыхъ рукахъ Доменико, въ быстро двигавшейся головѣ его.

Она уже больше не желала обладать чудесною силою Фины. Болѣзнь и нужда на свѣтѣ растутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ можетъ исцѣлить ихъ чья-либо рука. Но она желала обладать силой такъ же живо и ярко грезить, какъ молчаливый художникъ въ капеллѣ святой Фины.

Фрески Доменико мѣшали молитвѣ Джіованны, но молитвенное настроеніе художника не было нарушено ея посѣщеніемъ. Онъ продолжалъ работать съ тѣмъ же неутомимымъ усердіемъ и повидимому почти не замѣчалъ ея присутствія. Онъ раскладывалъ свои картоны, мѣшалъ краски, отмѣрялъ и наносилъ окончаніе своей композиціи на сырую известь, не удостаивая Джіованну ни словомъ, ни взглядомъ.

Джіованнѣ казалось, что капелла святой Фины—самое уединенное и спокойное мѣсто на свѣтѣ. Она принимала участіе въ работѣ Доменико, какъ почти невидимый зритель. Она видѣла, какъ картина растетъ, какъ постепенно изъ игры свѣта и тѣней на бѣлой извести рождается жизнь. Глаза ея слѣдовали за безмолвной работой творящихъ рукъ. Она была увѣрена, что художникъ ни на мгновеніе не проникъ мысленно въ ея внутреннюю сущность.

Но въ одинъ прекрасный день художникъ очутился передъ нею въ ея жилищѣ. Кондотьеръ за руку подвелъ его къ ней и сказалъ: „Доменико Бигорди, прославившійся уже по всей Тосканѣ своимъ великолѣпнымъ искусствомъ, пожелалъ изобразить твое лицо, Джіованна. За это я буду ему весьма признателенъ, и надѣюсь, что таково же будетъ и твое чувство“.

Джіованнѣ пришлось одѣться въ то самое свѣтлое платье съ розовыми рукавами, которое было на ней въ тотъ день, когда Доменико впервые ее увидѣлъ. Она позировала ему въ теченіе нѣсколькихъ свѣтлыхъ дней ранней весны, которая чувствовалась подъ холщевымъ навѣсомъ на высокой терассѣ, гдѣ Доменико писалъ ее.

Глаза его безпрепятственно скользили по ея лицу. Она чувствовала ихъ, какъ два мягкихъ солнечныхъ пятна, отъ которыхъ она не могла отдѣлаться, которыя останавливались то на ея лбѣ, то на глазахъ, то, словно согрѣвая ее, устремлялись на ея влажныя губы. Она чувствовала пытливое движеніе этихъ черныхъ глазъ по ея подбородку, по ея шеѣ. Она чувствовала, какъ эти взоры изслѣдовали всѣ линіи ея лица. Лишь изрѣдка приближались они къ ея глазамъ, пробѣгали вдоль края ихъ и потомъ внезапно устремлялись въ глубину ея взгляда. Тогда затуманивалось ясное зеркало ея глазъ, и мракъ глубокаго, остраго взора заслонялъ отъ нея свѣтъ. Его голосъ продолжалъ звучать тѣмъ же мягкимъ, серебристымъ тономъ. Онъ разсказывалъ все, что̀ случайно приходило ему въ голову, говорилъ о дракахъ на улицѣ, передавалъ исторіи о монахахъ и о дуэляхъ между художниками, описывалъ празднества во Флоренціи, массу цвѣтовъ на Арно въ весеннее время, служеніе молодыхъ людей избраннымъ ими дамамъ. Онъ разсказалъ ей о молодомъ человѣкѣ, заказавшемъ свой портретъ для той, къ которой онъ обращался съ словами: Tu mihi causa doloris. Никто, кромѣ нея, не долженъ былъ видѣть этого портрета; но красавица показывала его всѣмъ своимъ подругамъ. Доменико поднялся, чтобы со своимъ тихимъ смѣхомъ поправить что-то около головы Джіованны. Онъ осторожно прикоснулся къ ея щекамъ своими прохладными руками и повернулъ ея лицо къ свѣту. На мгновеніе онъ остановился и взглянулъ на ея губы. И словно задумавшись, онъ нагнулся и поцѣловалъ ихъ, закрывъ глаза. Затѣмъ онъ спокойно вернулся на мѣсто, схватилъ кисть и продолжалъ писать. Начавъ искать глазами Джіованну, онъ увидѣлъ, что ея уже больше нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: она стояла отвернувшись около лѣстницы.

— Мадонна,—сказалъ онъ съ мягкимъ, непритворнымъ удивленіемъ,—не больны ли вы? Почему вы отвернулись?

Онъ наклонился надъ нею. Губы ея дрогнули и выдали ее. Доменико съ улыбкой спохватился при видѣ этого вспыхнувшаго рта.—Бѣдный маленькій невинный ротикъ,—сказалъ онъ,—неужели онъ въ претензіи на меня за то, что я поцѣловалъ его подъ вліяніемъ такого же побужденія, какое заставляетъ эти

губки поцѣловать розу? — Онъ снова приблизилъ свои уста къ ея губамъ. Но она уклонилась и сухо сказала:

— Доменико, вы забываетесь!

— Это правда, мадонна, я все забываю, когда гляжу на васъ; но я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ. Простите, что я поступилъ не такъ, какъ слѣдовало. Я еще никогда не цѣловалъ розы, въ вѣнчикѣ которой заключенъ былъ шипъ.

Онъ сказалъ это съ такой искренностью, что она не могла не улыбнуться. Онъ воспользовался этой улыбкой, чтобы снова приняться за работу. Джіованна опять сѣла, хотя и неохотно. По дрожащимъ губамъ ея было видно, что она удерживала слезы.

— Видите ли, мадонна,—опять зазвучалъ его мягкій, серебристый голосъ, и глаза его по обыкновенію глядѣли испытующе:— я не понимаю, какъ вы еще не чувствуете желанія отдаться счастью молодости и красоты. Вѣдь вы никогда не видѣли розы, которая, вмѣсто того, чтобы раскрыться, ушла бы въ себя, словно думая: „я не могу доставить другимъ радости видѣть, какъ распустится мой цвѣтокъ; лучше ужъ я завяну и замерзну въ своемъ зеленомъ покровѣ“. Распуститесь же, мадонна, и взгляните на свою собственную прелесть, которая мнѣ открыта. Нельзя наказывать пчелу, которую манитъ къ себѣ цвѣтокъ. Намъ присуще испытывать любовь, мадонна. Изъ любви проистекаетъ все, что̀ мы можемъ сдѣлать. Что̀ можетъ быть естественнѣе встрѣчи юныхъ губъ? Я придаю этому не больше значенія, чѣмъ вдыханію аромата цвѣтка. Любовь для меня—не опьяненіе, а источникъ всяческой силы. Я не принадлежу къ числу глупцовъ, которые готовы сломать себѣ шею, гуляя въ лунныя ночи по крышамъ подобно мяукающимъ котамъ. У меня нѣтъ, впрочемъ, лишней руки, которую я могъ бы положить на алтарь Венеры. Но Венера налагаетъ свою руку на всякую мою работу. Она водитъ моей кистью. Неужели вы считаете симпатію разсчетомъ или торгомъ? Для меня поцѣлуй молодого мужчины имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ поцѣлуй молодой женщины. Но вы, мадонна, повидимому, высоко цѣните любовь, и я замѣчаю, что одинъ вашъ поцѣлуй пожалуй стоитъ шеи и головы человѣка.

— Да, мессеръ Доменико, мой первый поцѣлуй стоитъ не меньше, чѣмъ вы сказали. Онъ въ тѣмъ бо̀льшей степени недоступенъ, чѣмъ менѣе цѣнится вашъ собственный. Вы просто ошиблись, коснувшись моихъ устъ, и въ своемъ недомысліи предложили мнѣ то, что̀ обыкновенно даете всѣмъ другимъ отъ избытка чувствъ.

Доменико поклонился и сказалъ нѣсколько уязвленнымъ тономъ, медленно произнося слова, словно желая начертать передъ собою каждое изъ нихъ на деревянной доскѣ:

— Повторяю вамъ, мадонна, что Венера выбираетъ за меня. Я горжусь тѣмъ, что любилъ только красивыхъ женщинъ.

— Было бы больше чести для васъ, мессеръ Доменико, еслибы вы любили хоть одну некрасивую.

— А для васъ было бы больше радости, еслибы вы имѣли здоровыя и естественныя чувства и еслибы для васъ любовь не была лишь мечтою безъ словъ, какъ для нѣкоторыхъ молодыхъ и красивыхъ юношей. Они дрожатъ отъ робости, когда обожаемая женщина смотритъ на нихъ. Они думаютъ, что въ самомъ воздухѣ, сквозь который она прошла, остается сіяніе счастья и благоговѣнія. Они думаютъ, что однимъ ея шагомъ освящается земля, по которой она ходитъ. Они думаютъ, что поцѣлуй унижаетъ, что объятія оскверняютъ чувство. Они шепчутъ о своей любви только нѣжному зефиру и молятъ его отнести ихъ жалобы на острова блаженныхъ. Они опускаютъ очи, какъ передъ солнцемъ, когда ихъ возлюбленная проходитъ мимо. Они не видятъ неудовлетворенности въ ея глазахъ, они не слышатъ страсти въ ея вздохѣ. Они слѣпы, и глухи, и нѣмы; они не понимаютъ, что возлюбленной хочется, чтобы ею и рано, и поздно любовались, и чтобы ее цѣловали, и чтобы ей говорили о любви.

— Да, да,—прошептала Джіованна, закрывъ лицо руками, словно прислушиваясь къ тому, что̀ въ ней происходитъ и внимая первымъ проблескамъ жизни въ дремлющемъ сердцѣ. — И поэтому, Доменико, вы меня поцѣловали?

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами, пораженный измѣненнымъ звукомъ ея голоса.

— Поэтому? Мадонна, на что̀ вы намекаете?

Она подняла на него глаза. Во взглядѣ ея горѣло пламя, словно свѣтъ, зажженный впервые.

— Доменико, вы хотѣли сказать мнѣ, что вы...

Она не рѣшилась произнести этого слова.

Доменико долго смотрѣлъ на нее. Казалось, что вся кровь его сосредоточилась въ двухъ красныхъ пятнахъ, горѣвшихъ на его щекахъ. Онъ въ первый разъ трепеталъ передъ необходимостью облечь свои чувства въ слова. Губы его раскрывались и смыкались какъ бы для того, чтобы говорить. Наконецъ, онъ овладѣлъ собою и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Джіованна, вамъ я не могу лгать. Я поцѣловалъ васъ для того, чтобы видѣть, не выступитъ ли краска на вашихъ

блѣдныхъ губахъ, чтобы видѣть, какъ вы покраснѣете въ первый разъ. И я это увидѣлъ. Но и мои щеки горятъ сильнѣе, и я не смѣю больше оставаться возлѣ васъ.

Онъ быстро поклонился и вышелъ. Онъ ушелъ, не окончивъ картины, ушелъ отъ Джіованны, отъ самого себя. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ города, дрожа какъ должникъ, пристыженный какъ легкомысленный волокита, заклейменный выраженіемъ глазъ Джіованны.

Раннею весною кондотьеръ отправился съ дочерью въ Поджибонзи. Она ничего не сказала отцу о причинѣ внезапнаго отъѣзда Доменико. Но, хорошо зная грубыя стороны жизни и безпредѣльно обожая свое дитя, онъ понималъ то, чего не видѣлъ, и видѣлъ все, чего не понималъ. Онъ съ радостью испепелилъ бы Санъ-Джиминьяно, еслибы это могло доставить Джіованнѣ удовольствіе. Но она ничего не желала, и онъ самъ долженъ былъ придумывать ей желанія.

Съ наступленіемъ весны онъ опять надолго отлучился. Но вилла хорошо охранялась надежными людьми, и Джіованна могла спокойно двигаться въ ея границахъ. О внѣшнемъ мірѣ она и не спрашивала. Беритола разсказала ей, что въ сосѣдней виллѣ поселился молодой Джентиле Кавальканти и часто проѣзжаетъ мимо на соколиную охоту; но она утаила, что къ нему пріѣхалъ Ринальдо дельи-Ардингелли, который держалъ повода въ лѣвой рукѣ, а самъ былъ желтый и мрачный.

Леоне деи-Сальвуччи, наконецъ, вернулся домой изъ Флоренціи и сидѣлъ за столомъ въ крытой галлереѣ. Онъ весело шутилъ съ Джіованной, обѣщалъ сообщить ей хорошее извѣстіе за дессертомъ и отгонялъ воробьевъ отъ раскрошеннаго хлѣба. Но одинъ воробей продолжалъ летѣть прямо впередъ, и только когда онъ вонзился въ грудь Леоне, глаза послѣдняго замѣтили, что на стѣнѣ блеснулъ лукъ.

Кондотьеръ тяжело упалъ на стулъ. Изъ угловъ его рта сочилась кровь.

Когда слуги подняли его и хотѣли внести въ домъ, онъ покачалъ головою. Они должны были принести его на террассу и положить на каменную скамью, освѣщенную солнцемъ, подложить ему подъ голову подушки и повернуть въ ту сторону, откуда нанесенъ былъ ударъ. Нѣсколько разъ Леоне погрозилъ кулакомъ по направленію къ стѣнѣ. Джіованна плакала, тихо причитая надъ отцомъ. Когда открыли его куртку и хо-

тѣли перевязать рану, онъ отстранилъ отъ себя всѣ руки, судорожно сжимая рану своею собственною рукою, такъ что кровь капала у него между пальцами. Онъ приподнялся, услышавъ недалеко отъ себя голосъ Ринальдо: „Не потребуется ли еще, Леоне Сальвуччи? Вы мнѣ все-таки оставили одну руку. Она ждетъ только вашего слова, чтобы еще разъ послать въ вашу хищную грудь благодарность за ваше гостепріимство“.

Кровь лилась струей изо рта Леоне. Онъ открылъ глаза: они посинѣли, какъ гнилое мясо, но блистали гнѣвомъ, когда онъ обратилъ взоръ на Ринальдо. Голосъ его изгибался, какъ дуга моста надъ рѣкою. „Убійца!“—еще могъ онъ воскликнуть; потомъ арка рухнула и голосъ захрипѣлъ, словно развалина.

Въ отвѣтъ раздался звонкій насмѣшливый хохотъ. Ринальдо вызывающе высунулъ обрубокъ своей руки, ударяя длиннымъ рукавомъ по воздуху.

Прежде чѣмъ посинѣлые глаза Леоне закрылись, они увидѣли наклоненное надъ ними лицо Джіованны. Горячія слезы падали на глаза Леоне Губы дѣвушки трепетали отъ сдерживаемаго крика.

— Мнѣ плохо, маленькая Джіованна,—прошепталъ онъ съ улыбкой, которая на мгновеніе стерла кровь съ его устъ.—Кусокъ желѣза, застрявшій у меня въ груди, лишилъ меня возможности говорить, и все-таки желѣзо говоритъ яснѣе всякихъ словъ. Это награда за твою добродѣтель, Джіованна, награда за то, что я защитилъ тебя, защитилъ честь твою въ такое время, когда стыдливость молодыхъ дѣвушекъ подвергается насмѣшкамъ, и отецъ не смѣетъ защищать свою плоть и кровь, не возбуждая ненависти дикихъ уличныхъ звѣрей. Куда дѣвалась строгость нашихъ отцовъ, которые выбирали своимъ дочерямъ честныхъ мужей и учили ихъ, что безъ добродѣтели нѣтъ чести для женщины, а безъ чести не можетъ быть и любви? Ты проливаешь надо мной обильныя слезы, Джіованна. Ты хочешь, чтобы я молчалъ, и чтобы слова мои вытекли вмѣстѣ съ моею кровью. Нѣтъ, ты услышишь ихъ, хотя бы они были залиты кровью. Ты должна знать, что я думалъ о твоемъ благополучіи прежде, чѣмъ настало время умирать. Сегодня я былъ во Флоренціи и выбралъ для тебя мужа по своему и по твоему сердцу, которое отвергаетъ всякую ложь и мишуру. Я выбралъ человѣка одного закала со мною, который не считаетъ городъ сборищемъ домовъ разгула, а въ молодыхъ дѣвушкахъ видитъ не только стаю дикихъ птицъ, находящихъ удовольствіе въ преслѣдованіи, коршуновъ и соколовъ. Я выбралъ человѣка, который сооружаетъ

свой домъ, подобно крѣпости, и бережетъ свою жену, какъ сокровище, какого не найти на большой дорогѣ. Этотъ человѣкъ выбираетъ себѣ въ жены ту, которая умѣетъ хранить свою честь и не дѣлаетъ изъ брака ширмы для своего распутства. Я выбралъ его для тебя, Джіованна, думая, что ты сама изберешь его. Жизнь—не забава, не игра чувствами. Жить—значитъ бороться острымъ оружіемъ, сооружать укрѣпленія вокругъ себя и своей семьи. Я погибаю на валу, который воздвигъ вокругъ тебя, но отдаю свою власть въ твои руки и знаю, что ты устоишь. Ты покажешь этимъ оскорбителямъ женщины, этимъ грабителямъ, которые жертвуютъ жизнью для того, чтобы соблазнять и обманывать, ты покажешь имъ, что уважающая себя женщина по собственному побужденію признаетъ обязанности по отношенію къ себѣ самой и къ своему роду.

Каждое слово этой рѣчи стоило кондотьеру крови, но онъ упорно говорилъ, словно передъ битвой и не ожидая отвѣта. Глаза его глубоко ввалились. Онъ чувствовалъ, что губы дочери касаются его лба. Она отерла кровь, сочившуюся у него изо рта. Она сжимала его слабѣющія руки, и онъ не требовалъ отъ нея болѣе сильныхъ обѣщаній.

Его охватило безпредѣльное презрѣніе къ тому, что̀ онъ покидалъ въ этомъ мірѣ. Сердце его истощилось. Онъ чувствовалъ, что земля — это огромный погребъ, наполненный мясомъ, гдѣ приходится отстаивать свою жизнь, избивая другихъ, если самъ не желаешь погибнуть. Онъ видѣлъ въ своей жизни слишкомъ много тѣла для того, чтобы вѣрить въ воскресеніе плоти. Конецъ всего—это гнилая, безыменная падаль. Даже кусочекъ мрамора надъ его костями разсыплется въ прахъ въ нѣсколько мгновеній вѣчности.

Умирающая воля его еще разъ приподняла вѣки надъ потухающими глазами, чтобы оцѣнить и измѣрить міръ, который будетъ существовать безъ него. Сквозь окрашенный кровью покровъ своего нѣкогда столь сильнаго лица онъ увидѣлъ холодное и безчувственное небо и проклялъ его за то, что оно не низвергается и не губитъ вмѣстѣ съ нимъ все остальное. Словно отъ бури, надъ нимъ качались листья акаціи. Взоръ его, какъ пожирающій огонь, скользнулъ по виноградникамъ и оливковымъ рощамъ. Ему казалось, что онъ погружается въ болото, полное падали. Сколько еще времени будутъ люди копошиться въ немъ, подобно безкрылымъ мяснымъ мухамъ? Вдругъ онъ вспомнилъ о пятистахъ червонцахъ, которые остался ему долженъ городъ Пиза. Почему эти деньги не принеслись по воз-

духу и не опустились на леденѣющія руки? Но развѣ было тепло въ золотѣ, въ этомъ дьявольскомъ металлѣ, изъ-за котораго дрались и ссорились люди? Еслибы золото всего міра посыпалось на него, то это не могло бы избавить его отъ огромнаго погреба, въ которомъ одинаково плохо пахнутъ и царь, и нищій. Онъ видѣлъ, какъ корабли, словно воздушные шары, скользятъ по морю, какъ купцы кричатъ на рынкѣ какъ векселя и расписки шелестятъ на столахъ мѣнялъ. Вездѣ кипитъ жизнь. Но подождите! Подождите! Развѣ лѣто и зима не проносятся надъ землею съ бѣшеной быстротою? Развѣ не для того краснѣютъ цвѣты, чтобы тотчасъ увянуть, не для того поспѣваетъ виноградъ, чтобы сгнить въ скоромъ времени? Развѣ смерть, подобно чумѣ, не перелетаетъ отъ человѣка къ человѣку? Развѣ она не кружится надъ головою всякаго, кто гордится своею жизнью? Мимо! Мимо!

Леоне деи-Сальвуччи хрипѣлъ такъ, какъ будто силился приподнять земную кору со своей груди. Весь міръ, сіявшій передъ его глазами, обратился для него въ крышку, плотно закрывавшую огромный погребъ. Крышка хлопала, то открываясь, то закрываясь. И она раздавила его въ то мгновеніе, когда онъ проклиналъ жизнь, остававшуюся послѣ него, и когда въ головѣ его проносилась послѣдняя ужасная мысль, что его никогда и не было, что онъ выбрасывается въ ничто, какъ капля, которая никогда не найдетъ сама себя въ морѣ.

Перев. съ нѣм. М. Чепинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

I.

L'apaisement.

L'apaisement, умиротвореніе—эта новая политическая директива, впервые прозвучавшая въ Перигорѣ, гдѣ Бріанъ, предсѣдатель совѣта министровъ, произнесъ свою первую руководящую рѣчь, и затѣмъ повторенная и углубленная въ министерской декларації передъ новой палатой—открываетъ ли она новую полосу внутренней политики во Франціи, и если открываетъ, то какую?

Едва-ли надо доказывать, что слова и лозунги, какъ бы содержательны и опредѣленны они ни были, поддаются разнообразнѣйшей интерпретаціи. Логическій и грамматическій смыслъ словъ рѣдко соотвѣтствуетъ ихъ политическому смыслу; исторія знаетъ немало случаевъ, когда черная реакція прикрывалась благороднѣйшими и даже прогрессивнѣйшими лозунгами, а съ другой стороны жесткія, грубыя и злыя слова не мѣшали людямъ работать, подъ ихъ флагомъ, на благо человѣчества. Поэтому, при оцѣнкѣ политическаго значенія провозглашаемыхъ лозунговъ, надо прежде всего выяснить себѣ, въ какой исторической обстановкѣ, кто и съ какою цѣлью ихъ выдвигаетъ.

Итакъ, въ какой исторической обстановкѣ, кѣмъ и съ какою цѣлью провозглашена во Франціи политика умиротворенія?

Третья республика, прочно установившаяся только съ крушеніемъ послѣдней попытки монархической реставраціи, совершенной Брольи и Фурту, пережила съ тѣхъ поръ двѣ эпохи. Въ теченіе первой власть принадлежала преимущественно оппортунистамъ-республиканцамъ, во

имя возстановленія государственной силы и военнаго могущества Франціи отказавшимся отъ осуществленія старой республиканской программы: оміріцвленія государствъ и соціальныхъ реформъ. Въ теченіе второй эпохи, начавшейся въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, у власти стояли радикалы. Центральное мѣсто въ ихъ политикѣ заняла борьба съ клерикализмомъ; въ этой сферѣ они выполнили старую республиканскую программу. Что касается соціальныхъ реформъ, то, конечно, радикалы никогда не рѣшались послѣдовать примѣру Гамбетты, объявившаго, на митингѣ въ Бельвиллѣ, что „соціальнаго вопроса не существуетъ", и обозвавшаго протестовавшихъ противъ этого утвержденія рабочихъ „пьяными рабами". Напротивъ, часть радикаловъ присоединила къ имени своей партіи кличку „соціалистической"—что̀ свидѣтельствовало, какъ извѣстно, не о преданности ихъ принципамъ коллективизма, а о рѣшимости осуществить глубокія соціальныя реформы. Радикалы-соціалисты исполнили это обязательство лишь въ слабой степени: Франція, демократическая Франція, въ области соціальнаго законодательства и соціальной политики занимаетъ далеко не первое мѣсто. Однако, кое-что было сдѣлано, и именно за послѣднее время; частичный выкупъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, пенсіи для престарѣлыхъ рабочихъ; право стачекъ, право синдикатовъ группироваться въ конфедераціи, включеніе рабочихъ, не имѣющихъ ценза, въ списки присяжныхъ засѣдателей, наконецъ, прошедшій въ палатѣ законопроектъ о подоходномъ налогѣ.

Эта антироялистская, антиклерикальная и умѣренная соціальная политика, осуществляемая радикальной буржуазіей, утвердившейся у власти, создала ей враговъ справа и слѣва.

Составъ правой оппозиціи очень сложенъ, и упреки, дѣлаемые ею третьей республикѣ, весьма разнообразны. Мы находимъ здѣсь всѣ остатки монархическихъ режимовъ, смѣнявшихся во Франціи въ теченіе XIX-го вѣка; всѣ они упрекаютъ республику за то, что она—республика. Это—принципіальная оппозиція, но слабая численно. Дальше идутъ католики-клерикалы, ожесточенные враги свѣтской республики, ставящіе условіемъ своего примиренія съ нею если не возвратъ къ конкордату, то возвращеніе церкви храмовъ, школъ, государственныхъ субсидій, имуществъ, а также допущеніе въ страну конгрегацій. Какъ видно, и это—принципіальные противники дѣйствующаго режима, но, къ счастью для него, тоже не очень многочисленные.

Слѣдующую ступень занимаютъ монархисты и католики, „присоединившіеся" къ республикѣ. Присоединеніе это совершалось по различнымъ мотивамъ и не очень искренно. Одни не хотѣли прать противъ рожна; другіе завидовали тѣмъ благамъ, которыя сыпались въ руки республиканцевъ со стола правительства и которыхъ лишена

была вся принципіальная оппозиція. Мѣста, оклады, ленточки въ петлицы, табачныя лавочки, пенсіи, субсидіи всякаго рода—все это были житейскіе соблазны, противъ которыхъ принципы не всегда могли устоять. И вотъ, „присоединялись“. Но „франкъ-масоны“ не всегда признавали формально присоединившихся и продолжали устранять ихъ отъ общественнаго пирога. Съ другой стороны, ходъ событій принималъ все болѣе непримиримо-радикальный характеръ, и союзъ съ безбожной и радикальной республикой становился не подъ силу оппортунистамъ монархіи и католицизма. Изъ этого-то лагеря по адресу радикальной республики посылались упреки въ томъ, что она недостаточно справедлива, не безпристрастна, не либеральна,—упреки непринципіальные, но именно поэтому, быть можетъ, труднѣе отразимые.

Граница, отдѣляющая „присоединившихся“ отъ умѣренныхъ республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, отъ оппортунистовъ чистой воды, не всегда ясна и опредѣленна. И неудивительно, что на правомъ крылѣ республиканской партіи съ теченіемъ времени образовались политическія группы, въ которыхъ—искренно и неискренно—республиканскіе и не-республиканскіе элементы смѣшались между собою чрезвычайно тѣсно. Этому смѣшенію сильно содѣйствовала общность, у буржуазіи и у состоятельныхъ классовъ вообще, экономическихъ интересовъ, прикрывающая различія въ политическихъ и религіозныхъ взглядахъ. Поэтому среди умѣренныхъ республиканцевъ, враждебно относящихся къ „соціальнымъ экспериментамъ“ радикаловъ, немало тайныхъ монархистовъ и вѣрующихъ католиковъ. Еще больше ихъ среди „прогрессистовъ“, и они составляютъ большинство среди „либераловъ“. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ соединяетъ въ одну большую и многочисленную армію боязнь краснаго призрака—съ одной стороны, излишняго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь страны, съ другой—желаніе сохранить не только существующій экономическій строй, но и всѣ экономическія выгоды, которыя доставляетъ экономическое господство.

Такова сложная и разносоставная правая оппозиція, ведущая атаку противъ республиканцевъ-радикаловъ по двумъ линіямъ: монархисты и католики защищаютъ церковь и интересы религіи, умѣренные—экономическіе интересы буржуазіи.

Лѣвую принципіальную оппозицію представляютъ въ парламентѣ соціалисты, въ странѣ—соціалисты и синдикалисты.

Соціалистическая партія во Франціи — если не считать сравнительно малочисленной группы марксистовъ, съ Гедомъ во главѣ,—обладаетъ достаточной гибкостью и пропитана скорѣе эволюціонными, чѣмъ революціонными тенденціями. Ея принципіальная оппозиція буржуазному радикализму въ области идей не исключала „въ добрыя старыя времена“ возможности практическаго сотрудничества съ радикалами.

Примѣръ—соціалистически-радикальный блокъ во времена Комба. Но эти времена прошли, и однимъ изъ факторовъ, разорвавшихъ кратковременный союзъ республиканцевъ-коллективистовъ и республиканцевъ-индивидуалистовъ, явилось синдикалистское движеніе.

Внѣшней, формальной особенностью синдикализма является его строго профессіональный характеръ и аполитизмъ. Но аполитизмъ этотъ вытекаетъ не изъ равнодушія къ политическимъ формамъ жизни, а изъ исторически воспитаннаго недовѣрія ко всѣмъ формамъ буржуазной государственности.

— Къ чорту ихъ республику и ихъ парламентаризмъ!—говорилъ мнѣ Пато.—Въ шкурѣ рабочаго больше республиканскихъ пуль, чѣмъ королевскихъ или императорскихъ. И ужъ это одно доказываетъ, что дѣло—не въ формѣ государства. Мы не хотимъ имѣть надъ собой палку. Мы сами хотимъ управлять собою. —

Можно допустить, что масса синдикалистовъ не столь рѣшительна въ своихъ антигосударственныхъ тенденціяхъ; тѣмъ не менѣе синдикализмъ дѣйствительно окруженъ атмосферой вражды къ государству и парламентаризму. Идеологической надстройкой экономическаго синдикализма во Франціи является своеобразная и новая концепція общественной организаціи. Для идеологовъ синдикализма нормальнымъ общественнымъ устройствомъ является федерація самостоятельныхъ профессіональныхъ организацій. Всѣ общественныя службы исполняются ассоціаціями работниковъ, профессіональными синдикатами. Органами, завѣдующими устройствомъ и координированіемъ отдѣльныхъ общественныхъ службъ, являются особыя делегаціи синдикатовъ. Не правительству, дѣйствующему по уполномочію національнаго представительства, и не этому послѣднему принадлежитъ власть, а всему коллективу трудящихся, организованному въ рабочіе синдикаты и въ всеобщую ихъ федерацію.

Можно оспаривать достоинство такой общественной концепціи, можно съ ней и соглашаться. Но и оспаривая, и соглашаясь, нельзя не видѣть того вліянія, которое она оказала на общественное мнѣніе страны и на тактику партій.

По мѣрѣ того, какъ ряды соціалистовъ пропитывались синдикалистскими элементами, для соціалистической партіи все менѣе возможнымъ становилось сотрудничество съ партіями буржуазными. И именно благодаря этому пропитыванію во Франціи теперь совершенно невозможенъ формальный блокъ съ радикалами. Соціалистическій міръ подвинулся влѣво.

Съ другой стороны, „элементы порядка“, буржуазные государственники, видятъ въ синдикализмѣ революціонное теченіе, а въ „Всеобщей

конфедераціи труда"—организацію, готовящуюся опрокинуть государство, чтобы самой занять его мѣсто.

Когда, поэтому, буржуазная пресса говоритъ о синдикализмѣ, о всеобщей конфедераціи труда, — она не только не жалѣетъ эпитетовъ, характеризующихъ анархическую природу этихъ теченій и организаціи, но временами категорически требуетъ разрушенія, законодательнаго упраздненія конфедераціи.

Когда съ такими пожеланіями обращались къ Клемансо, онъ всегда рѣзко и ядовито обрывалъ:

— Это—никогда!

Но годъ идетъ за годомъ, и именно послѣдніе годы обострили оба отмѣченныя мною оппозиціонныя теченія: буржуазно-консервативное и синдикалистско-революціонное. И не случайно, а и отражая теченіе, ярко опредѣлившееся среди имущихъ и консервативныхъ классовъ, написалъ Поль Бурже въ прошломъ году свою „Баррикаду". Это былъ зовъ боевой трубы, скликающей войска передъ битвой. И вызванъ онъ былъ растущимъ сознаніемъ, что часъ жаркихъ столкновеній между третьимъ и четвертымъ сословіями близится.

Этотъ часъ могъ бы быть отсроченъ, а быть-можетъ и надолго устраненъ, только энергичной работой соціальныхъ реформаторовъ,— въ настоящій моментъ исторіи, конечно, буржуазныхъ. Но, какъ я уже подробно излагалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ [1]), партія соціальныхъ реформъ, радикально соціалистическая партія переживаетъ именно теперь глубокій внутренній кризисъ. Часть ея, слѣдуя внушенію классовыхъ интересовъ, тормозитъ осуществленіе программы соціальныхъ реформъ; другая, оберегая свои политическіе интересы, тормозитъ дѣло реформъ политическихъ. Лишенная единства, лишенная активности, радикально-соціалистическая партія теряетъ въ странѣ моральный авторитетъ и позицію суперъ-арбитра въ соціальномъ спорѣ. Она не можетъ воспрепятствовать образованію въ странѣ широкаго соціально-консервативнаго теченія. Она безсильна остановить ростъ, въ общественныхъ низахъ, чувства недовольства. По обѣ стороны баррикады собираются враждующія силы, вѣютъ знамена, раздаются бранные клики. И вдругъ надъ всѣмъ этимъ воинственнымъ шумомъ слышится вѣское и авторитетное слово: „l'apaisement!" Въ данной исторической обстановкѣ оно должно бы было имѣть одинъ смыслъ: смыслъ приглашенія соціальныхъ антагонистовъ къ соглашенію, къ отказу отъ крайнихъ требованій. Его политическимъ эквивалентомъ должна была бы явиться политика соціальныхъ реформъ, строго послѣдовательная, широкая и, скажемъ,

[1]) „Вѣстникъ Европы", январь 1910 г.

въ то же время умѣренная,—другими словами, послѣдовательно осуществленная программа соціалистической партіи. Между тѣмъ...

Между тѣмъ рѣчи Бріана объ умиротвореніи были и радикально-соціалистической партіей, и всей правой оппозиціей, и крайними лѣвыми, т.-е. большинствомъ страны, поняты если не какъ разрывъ съ радикалами, то какъ ударъ по нимъ, какъ попытка повести страну по новой линіи. По новой линіи, ведущей страну—куда? Здѣсь начинается разноголосица. Наиболѣе подозрительные изъ лѣвыхъ утверждаютъ, что Бріанъ идетъ прямо въ объятія черной реакціи и клерикализма; радикалы-комбисты на послѣднемъ конгрессѣ радик.-соціалистической партіи слѣдующимъ образомъ формулировали политику кабинета Бріана:—Бывшіе соціалисты хотятъ заставить радикаловъ дѣлать политику прогрессистовъ... Наконецъ, вся правая оппозиція въ одинъ голосъ одобряетъ Бріана и начавшуюся при немъ эру справедливости и истиннаго либерализма.

Не будемъ, однако, останавливаться на этихъ субъективныхъ оцѣнкахъ и постараемся опредѣлить новый курсъ по объективнымъ даннымъ. Ихъ достаточно, чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ.

Составляя свой кабинетъ, Бріанъ передалъ портфель министра финансовъ не Кальо, проектъ котораго о подоходномъ налогѣ, одобренный палатой, подлежалъ обсужденію въ сенатѣ, а Кошри, финансисту иной школы, чѣмъ Кальо. И Кошри, и самъ Бріанъ въ рѣчи при открытіи новой палаты, высказавшись въ принципѣ за подоходный налогъ, указали, что онъ долженъ быть очищенъ отъ инквизиціонныхъ элементовъ и быть свободнымъ, въ процессѣ исчисленія и взиманія, отъ притѣснительныхъ пріемовъ. Общественное мнѣніе истолковало эти замѣчанія въ смыслѣ уступки требованіямъ буржуазіи, протестовавшей противъ обязательства объявлять сумму общаго дохода. Пусть налогъ взыскивается съ отдѣльныхъ доходныхъ статей,—говорила буржуазія. Общій доходъ—это часто коммерческій секретъ.

Въ области соціальнаго законодательства Бріанъ обѣщалъ предложить на обсужденіе палатъ проектъ коллективнаго договора, обязательнаго арбитража, и другой проектъ, предоставляющій синдикатамъ права гражданскихъ лицъ, а слѣдовательно и ихъ отвѣтственность. Этимъ открывалась возможность вчинать противъ синдикатовъ, въ случаяхъ стачекъ, начатыхъ по ихъ иниціативѣ, иски объ убыткахъ. „Программа соціальнаго консерватизма“ — такъ можно было бы характеризовать эти обѣщанія.

Но, кромѣ министерской программы, есть еще практика управленія. Эта практика отличается при Бріанѣ большою мягкостью по отношенію къ консерваторамъ и большою суровостью по отношенію... къ палатамъ.

При предшественникахъ Бріана, даже при властномъ Клемансо, вліяніе палаты депутатовъ не только въ ея собственной, законодательной области, но и въ области управленія, достигло высокой степени. Вошло въ обычай, что депутаты являлись ходатаями передъ правительствомъ за различные частные и общіе интересы, сопровождали депутаціи, представлявшіяся министрамъ, являлись ихъ проводниками и помощниками, оказывали на министерство, частнымъ образомъ и по частнымъ вопросамъ управленія, вліяніе, соотвѣтствующее значенію ихъ и ихъ группъ въ палатѣ. Такой порядокъ давалъ, конечно, мѣсто злоупотребленіямъ — но въ то же время онъ устанавливалъ тѣсное общеніе между представительствомъ и исполнительною властью, и говорилъ о супрематіи парламента. Бріанъ рѣшительно пошелъ противъ этого обычая. Онъ два раза отказался принять вліятельныхъ депутатовъ, сопровождавшихъ депутаціи, и рѣшительно указалъ представительству на его мѣсто и сферу дѣятельности—законодательство. Такимъ образомъ въ его соціально-консервативную программу вошелъ новый тезисъ—сильной и независимой исполнительной власти.

Наконецъ, въ правительственныхъ программахъ важно не только то, что въ нихъ заключается, но еще и то, чего въ нихъ нѣтъ. Нѣтъ въ Бріановской програмѣ ни дальнѣйшаго выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, ни расширенія государственныхъ монополій. Онъ сошелъ, такимъ образомъ, съ линіи, по которой двигались его радикально-соціалистическіе предшественники, смотрѣвшіе на выкупъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ какъ на начало огосударствленія сначала путей сообщенія, потомъ страховыхъ операцій и т. д.

Неудивительно, поэтому, что консервативная буржуазія увидѣла въ Бріанѣ своего друга и объявила его политику разумной, твердой и національной.

Быть-можетъ, однако, эта радость консервативныхъ круговъ преждевременна, какъ преждевременно и смущеніе радикальныхъ круговъ? Быть-можетъ, Бріанъ просто взвѣсилъ силу различныхъ общественныхъ теченій и увидѣлъ, что Франція нуждается въ соціально-реформаторской передышкѣ, чтобы потомъ съ новыми силами идти дальше? Никакого поворота назадъ, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ, что такое самъ Бріанъ, какова его общественно-политическая физіономія, къ чему стремится онъ и какими путями привыкъ ходить?

Свою политическую карьеру Бріанъ началъ въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ качествѣ анархиста. Занимаясь адвокатурой въ Сенъ-Назэрѣ, онъ велъ среди портовыхъ и кораблестроительныхъ рабочихъ революціонную агитацію и нажилъ среди мирныхъ и буржуаз-

ныхъ обитателей небольшого городка такую репутацію, хуже которой трудно выдумать. Вслѣдствіе романа съ замужней женщиной, принявшаго для Бріана скандальный оборотъ и приведшаго его на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности, Бріанъ долженъ былъ не только покинуть Сенъ-Назэръ, но и выйти изъ числа адвокатовъ, чтобы предупредить исключеніе изъ сословія, уже поставленное на очередь совѣтомъ.

Переселившись въ Парижъ, Бріанъ зарабатывалъ средства къ жизни репортажемъ въ „L'Aurore". Попытка записаться въ сословіе парижскихъ адвокатовъ окончилась неудачей. Совѣтъ, ознакомившись съ его сенъ-назэрскимъ дѣломъ и съ мнѣніями его старыхъ товарищей по адвокатурѣ, отказалъ ему въ пріемѣ, въ очень рѣзкой формѣ. Эти неудачи не помѣшали, однако, Бріану понемногу выдвинуться въ соціалистическомъ мірѣ. Проработавъ недолго въ анархистскихъ газетахъ, Бріанъ тѣсно сблизился съ синдикалистами и только-что возникшей Биржей Труда. Здѣсь, среди революціонно-настроенныхъ рабочихъ, онъ нашелъ идею, давшую ему извѣстность и навсегда во Франціи связанную съ его именемъ: идею всеобщей революціонной стачки.

Бріанъ былъ всегда практическимъ человѣкомъ, человѣкомъ съ широкимъ дѣловымъ смысломъ. Его не удовлетворялъ, поэтому, метафизическій апархизмъ; революціонный бланкизмъ, съ заговорами и конспираціями, казался ему простой растратой силъ; парламентаризмъ марксистовъ вызывалъ въ немъ презрѣніе; уже много лѣтъ спустя онъ злобно высмѣивалъ Геда, говоря, что „Гедъ считаетъ избирательный бюллетень лучшей пулей въ ружьѣ возставшаго рабочаго". Поссибилизмъ и эволюціонный соціализмъ не удовлетворяли въ Бріанѣ бойца. Стачка, ставшая изъ частичной — всеобщею, изъ экономической — революціонною, казалась ему средствомъ, противъ котораго буржуазное общество и буржуазное государство устоять не могутъ. Она дѣйствуетъ непосредственно на жизненный нервъ капиталистическаго общества, и въ то же время выводитъ рабочаго изъ-подъ дѣйствія пуль и ядеръ. Она, такимъ образомъ, рѣшительное средство, требующее только одного: организаціи рабочихъ, сплоченія ихъ въ революціонные синдикаты. Этой организаціонной работѣ и отдался Бріанъ, послѣ того какъ на марсельскомъ соціалистическомъ конгрессѣ провелъ резолюцію о всеобщей стачкѣ.

Въ половинѣ девяностыхъ годовъ мы уже видимъ Бріана секретаремъ объединенной соціалистической партіи, редакторомъ „Humanité", вліятельнымъ вождемъ соціалистическаго движенія, далеко подвинувшимся вправо отъ былого анархизма, но еще не порвавшимъ связи съ синдикализмомъ. Въ порядкѣ идей онъ принадлежитъ къ лѣвому крылу соціалистической партіи, къ ея революціонному крылу;

однимъ изъ его ближайшихъ друзей является Густавъ Эрвэ, антимилитаристъ и „sans patrie“. Но на границѣ новаго вѣка въ Бріанѣ намѣчается новый переломъ. Имѣетъ ли соціалистъ право входить въ составъ буржуазнаго министерства? Вопросъ этотъ практически поставилъ передъ французскимъ соціалистическимъ міромъ Мильеранъ, вошедшій министромъ почтъ и телеграфовъ въ составъ кабинета Вальдека-Руссо. Министеріальный соціализмъ есть одно изъ отвѣтвленій реформизма, и едва-ли надо здѣсь указывать на рядъ общихъ и глубокихъ причинъ, выдвинувшихъ въ наши дни теоретическій и практическій реформизмъ рядомъ съ революціоннымъ соціализмомъ, разсчитывавшимъ на катастрофическую смерть капиталистическаго строя. Во Франціи, къ тому же, въ концѣ XIX-го вѣка дѣйствовалъ рядъ частныхъ и мѣстныхъ причинъ, оправдывавшихъ сотрудничество радикальныхъ и соціалистическихъ элементовъ. Неудивительно, поэтому, что рядъ соціалистовъ взялъ Мильерана подъ свою защиту. Потребовалось четыре года, чтобы рѣшить поставленный имъ практическій вопросъ принципіально.

Во время этого долгаго спора Бріанъ почти два года занималъ выжидательное положеніе и отмалчивался. Если Жоресъ, эволюціонный соціалистъ, легко могъ найти оправданіе для Мильерана, то Бріанъ не могъ примкнуть къ нему, не порвавъ съ своими революціонными идеями. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, обращаться къ рабочимъ на синдикалистскомъ собраніи съ воззваніемъ къ мятежу, и вмѣстѣ съ тѣмъ одобрять соціалиста, вступающаго въ буржуазное министерство. Въ 1899-мъ году Бріанъ съ митинговой трибуны говорилъ: „Идите въ бой, вооружившись пиками, ломами, пистолетами, ружьями; я буду счастливъ занять мѣсто въ вашихъ рядахъ“... Въ 1900 г. онъ защищалъ уже министеріабельный соціализмъ.

Разрывъ съ прошлымъ произошелъ, однако, не сразу. Въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, склоняясь постепенно къ реформизму, Бріанъ временами распускалъ старое знамя. Защищая въ 1901 г. Эрвэ, обвинявшагося въ антимилитаристической агитаціи, Бріанъ обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, въ которой сказалъ:

— Я являюсь передъ вами, господа присяжные, не въ качествѣ адвоката, но въ качествѣ соціалиста и революціонера. Усердно прошу васъ не дѣлать между мной и моимъ товарищемъ Эрвэ того различія, которое обыкновенно дѣлается между обвиняемымъ и его защитникомъ. Всѣ идеи Эрвэ раздѣляются мною. Не ожидайте, поэтому, что я буду въ моей защитѣ апеллировать къ смягчающимъ обстоятельствамъ. Подобно Эрвэ, я радъ воспользоваться каждымъ случаемъ, который будетъ мнѣ предоставленъ любезностью военнаго министра, чтобы развить передъ столь многочисленной аудиторіей наши анти-

милитаристическія идеи. Подобно Эрвэ, я думаю, что мы не должны при этомъ ограничиваться критикой такихъ институтовъ, какъ напр. постоянныя арміи, но, чтобы нанести дѣйствительный ударъ бѣдственному милитаризму, должны разрушить самый корень зла—иначе говоря, разрушить то, что буржуазія называетъ идеей отечества...

Но всѣ эти страшныя слова были въ 1901-мъ году только отзвуками уходящихъ грозовыхъ тучъ. Бріанъ по привычкѣ повторялъ привычныя рѣчи, но внутренно былъ далекъ отъ нихъ.

— Граждане!—говорилъ онъ 13-го ноября того же 1901-го года на банкетѣ, данномъ въ честь оправданія Эрвэ.—Граждане! Дебаты, которые только что прошли передъ нами, и вердиктъ, постановленный присяжными, не только дѣлаютъ честь вашему департаменту, но и открываютъ передъ нами свѣтлыя перспективы и возбуждаютъ надежды на скорое осуществленіе нашего идеала...

Отмѣтивъ, далѣе, паденіе духа солдатчины, растущую организованность рабочихъ, распространеніе соціалистическихъ идей среди просвѣщенной буржуазіи, уступки министерства Вальдека-Руссо рабочимъ при одной угрозѣ всеобщей стачкой, — Бріанъ заключаетъ, что соціальная революція близится.

— Эта революція — продолжаетъ онъ—вовсе не должна быть по необходимости насильственной. Она можетъ быть мирной, гуманной по формѣ, какъ и по существу. Возможно, что вовсе не будетъ надобности въ примѣненіи грубой силы. Все лучшее, что есть среди буржуазіи, ея отборъ, будетъ нашимъ союзникомъ. Благодаря ихъ соучастію съ нами, мы увидимъ, какъ сломится классовый эгоизмъ, и трудящійся людъ пойдетъ приступомъ лишь на остатки капитализма: тогда капиталъ принужденъ будетъ передать свою власть въ руки трудящихся...

Это—реформизмъ. Реформизмъ своеобразно-идеалистическій, подъ которымъ Бернштейнъ едва-ли подпишется,—но тѣмъ не менѣе реформизмъ, такъ какъ побѣда пролетаріата предполагается въ видѣ мирнаго и моральнаго подчиненія буржуазіи. Со стороны бывшаго анархиста, бывшаго grève-generale'иста, бывшаго революціоннаго синдикалиста и революціоннаго же соціалиста, это — крупный шагъ направо.

Въ 1902-мъ году Бріанъ былъ выбранъ депутатомъ отъ округа Сентъ-Этьеннъ (въ деп. Луары) и вошелъ въ составъ соціалистической фракціи. Въ первое время своей парламентской работы онъ является ея украшеніемъ. Послѣ неудавшейся стачки рудокоповъ (въ 1903-мъ году) онъ говоритъ блестящую рѣчь, въ которой доказываетъ неизбѣжность роста стачечнаго движенія и объединенія капитала — и заключаетъ отсюда о неизбѣжности и всеобщей стачки.

Останавливать этотъ естественный ходъ вещей или регулировать его законодательнымъ путемъ — напрасный трудъ. Правительство, разсчитывающее, что оно справится съ явленіемъ, вытекающимъ изъ экономической необходимости, готовитъ себѣ горькое разочарованіе. Оно мечтаетъ о гармоніи между трудомъ и капиталомъ. Но это—столь же химерическая мечта, какъ и мечта о философскомъ камнѣ или вѣчномъ движеніи. Установить соціальную гармонію можно только путемъ уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, путемъ осуществленія освобождающаго коммунизма...

Черезъ три года послѣ этой рѣчи, отрицающей за правительствомъ роль реальнаго фактора въ дѣлѣ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, Бріанъ, пройдя черезъ постъ докладчика парламентской коммиссіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, вошелъ въ составъ правительства. Онъ принялъ постъ министра безъ согласія и не по иниціативѣ партіи,— и тѣмъ самымъ, въ виду окончательнаго постановленія партійнаго конгресса по дѣлу Мильерана, вычеркнулъ себя изъ партійныхъ списковъ.

Дѣятельность Бріана въ качествѣ министра (сначала народнаго просвѣщенія и исповѣданій, потомъ юстиціи), а затѣмъ премьера, служитъ доказательствомъ того, что и въ лагерѣ радикаловъ, куда онъ перешелъ, онъ задержался не надолго, и что этотъ, быть можетъ, наиболѣе измѣнчивый изъ политическихъ дѣятелей Франціи не закончилъ еще своей эволюціи. Но и теперь можно опредѣлить ея характеръ и направленіе. Она была безостановочнымъ передвиженіемъ съ самаго лѣваго фланга политическаго гемицикла — направо. Ни разу до сихъ поръ Бріанъ не отодвинулся налѣво, продвинувшись передъ тѣмъ направо. И эта правильность движенія, эта неизмѣнность въ разъ принятомъ порядкѣ переходовъ, заставляетъ насъ видѣть въ немъ выраженіе дѣйствія глубокихъ причинъ. Какихъ? Ихъ надо искать въ комбинированномъ дѣйствіи личныхъ свойствъ Бріана и тѣхъ соціально-политическихъ условій, въ которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Бріанъ — человѣкъ большого дѣйствія, политическій человѣкъ по существу; онъ всегда стремился опираться на массу и идти по равнодѣйствующей общаго движенія. Онъ недолго, поэтому, оставался среди мечтателей-анархистовъ, числящихся десятками или, много, сотнями — и перешелъ къ синдикалистамъ, организовавшимъ рабочія массы. Пропитывая, затѣмъ, соціалистическую партію синдикалистской идеей всеобщей стачки, онъ достигъ возможно полнаго объединенія лѣвой принципіальной оппозиціи — объединенія, долженствовавшаго сломить капиталистическое государство. Въ процессѣ этой работы онъ убѣдился, что организація революціонныхъ рабочихъ массъ идетъ медленно

и что армія его станетъ реальной и самостоятельной лишь въ концѣ долгаго историческаго процесса. А такъ какъ въ то же время въ рядахъ соціалистической партіи возникло стремленіе дѣйствовать въ союзѣ съ радикальной буржуазіей, то переходъ былого революціонера къ реформизму открывалъ для него возможность опереться на этотъ блокъ. Но блокъ распался съ отставкой Комба. Соціалистическая партія вернулась къ тактикѣ безотвѣтственной оппозиціи. Передъ Бріаномъ стояла альтернатива: или возвратиться въ темные и невліятельные ряды соціалистовъ, или перейти къ радикаламъ, оказавшимся господами положенія, такъ какъ выборы 1906 г. дали имъ подавляющее большинство.

Вѣрный себѣ, своему стремленію опираться на преобладающее въ данный моментъ и наиболѣе обѣщающее теченіе, Бріанъ покинулъ радикаловъ въ 1909—1910 гг., въ эпоху упадка ихъ вліянія, и началъ нащупывать для себя почву вправо отъ нихъ, среди умѣренныхъ, рѣшившихся бороться за сохраненіе statu-quo, за остановку.

На мѣсто, которое занимаетъ теперь Бріанъ, онъ приведенъ, такимъ образомъ, стремленіемъ чувствовать за собою общественную силу, относительною слабостью революціонныхъ элементовъ, разложеніемъ радикальной партіи и подъемомъ, наблюдаемымъ въ средѣ умѣренныхъ буржуазныхъ элементовъ.

Поставленный жизнью передъ баррикадой, по обѣ стороны которой сбираются бойцы-антагонисты, Бріанъ, опредѣляя свое мѣсто въ соціальной драмѣ, рѣшилъ, что партія, играющая роль суперъ-арбитра въ спорѣ, невліятельна, что пролетаріатъ слабъ и неорганизованъ—и занялъ, поэтому, мѣсто въ рядахъ защитниковъ общества. Но составъ этихъ защитниковъ пестръ. Мы видимъ здѣсь остатки былыхъ режимовъ, республиканцевъ поневолѣ и, наконецъ, искреннихъ буржуазныхъ республиканцевъ. Ихъ объединяетъ экономическій интересъ, но раздѣляетъ многое, и прежде всего режимъ притѣсненія переспубликанскихъ элементовъ. Если невозможно примиреніе вчерашнихъ враговъ и конкурентовъ, то нужно стремиться къ „умиротворенію“. Отсюда новый лозунгъ — l'apaisement. Его дѣйствительное политическое содержаніе — союзъ всѣхъ правыхъ противъ крайней лѣвой, консервативной буржуазіи противъ пролетаріата.

II.

La Grève Générale.

„Останавливать естественный ходъ вещей, или регулировать его законодательнымъ путемъ—напрасный трудъ. Правительство, разсчитывающее, что оно справится съ явленіемъ, вытекающимъ изъ экономической необходимости, готовитъ себѣ горькія разочарованія“.

Съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, прошло семь лѣтъ, и то обстоятельство, что Бріанъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свои взгляды—въ который разъ?—тѣмъ менѣе, конечно, могло отразиться на ходѣ вещей, обусловленномъ экономической необходимостью.

Этотъ ходъ вещей велъ съ одной стороны къ уплотненію рабочей желѣзнодорожной организаціи, съ другой—къ настойчивому требованію улучшенія матеріальнаго положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ. Начальное жалованье низшаго желѣзнодорожнаго служащаго равняется 3 фр. 75 сант.; отъ этого уровня идетъ скàла повышеній. А жизнь между тѣмъ дорожаетъ. Особенно рѣзко поднялась стоимость жизни этой осенью, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ, фруктовъ и овощей, въ общемъ — процентовъ на 15. Отсюда требованіе, нашедшее себѣ краткую и яркую формулу: „Nos cent sous!"—пять франковъ въ день низшему персоналу и соотвѣтственное увеличеніе его на высшихъ ступеняхъ.

Далѣе ставится вопросъ о рабочихъ пенсіяхъ. Вотированному нѣсколько лѣтъ тому назадъ закону о пенсіяхъ желѣзнодорожнымъ служащимъ не дано обратнаго дѣйствія. Люди, имѣющіе за собой двадцать—двадцать пять лѣтъ службы, не имѣютъ надеждъ на пенсію. Наконецъ, идетъ еще рядъ требованій — объ одномъ днѣ отдыха въ недѣлю, объ урегулированіи движенія по службѣ и т. д.

Уже два года тому назадъ между служащими и компаніями начались переговоры по этимъ пунктамъ; но, кромѣ ничтожныхъ частичныхъ уступокъ рабочимъ, они не привели ни къ чему. Весною нынѣшняго года въ дѣло вмѣшался національный синдикатъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и предъявилъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ списокъ общихъ и единообразныхъ требованій, поставивъ въ извѣстность объ этомъ шагѣ и правительство. Компаніи, выразивъ сочувствіе улучшенію матеріальнаго положенія своихъ служащихъ, заявили о готовности вступить въ переговоры съ синдикатами служащихъ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ группъ — каждая компанія съ синдикатомъ своихъ служащихъ,—но признали для себя невозможнымъ посредничество національной организаціи и, такимъ образомъ, сами перенесли споръ съ строго экономической на политическую почву. Національный синдикатъ—установленіе, существующее легально; коалиціонное право — одно изъ самыхъ дорогихъ завоеваній рабочаго класса. Отказываясь вступать въ соглашеніе съ коалиціей синдикатовъ, компаніи наносили ударъ не только классовымъ интересамъ рабочихъ, но и ихъ классовому самолюбію и чувству права. Отвѣтомъ былъ всеобщій крикъ:—Стачка! Всеобщая желѣзнодорожная стачка!

Началась дѣятельная агитація синдикалистовъ среди несиндицированныхъ рабочихъ, митинги, объѣздъ провинцій, референдумы. Въ

результатѣ движенія синдикатъ, куда начался массовый приливъ членовъ, организовалъ тайный стачечный комитетъ и оффиціально предоставилъ ему право назначить день стачки, а самъ вступилъ въ новые переговоры съ правительствомъ, прося его взять на себя роль посредника. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Бріанъ и Мильеранъ обѣщали переговорить съ компаніями. Въ сентябрѣ,—20-го числа,—они объявили представителямъ національнаго синдиката о неудачѣ своихъ шаговъ предъ компаніями. Тѣмъ не менѣе спокойствіе не нарушалось. Синдикатъ служащихъ, объединившійся въ одну дѣловую организацію съ синдикатомъ машинистовъ и шоферовъ, медлилъ со стачкой, не будучи увѣренъ въ ея успѣхѣ.

Вопросъ о правѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ на стачку не ставился вовсе. Это право во Франціи никѣмъ не отрицается; здѣсь нѣтъ и законодательнаго ограниченія стачекъ въ предпріятіяхъ общественнаго значенія. Всего два года тому назадъ, во время преній въ сенатѣ, Клемансо, тогда первый министръ, и Барту, нынѣшній министръ юстиціи, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ признали это право. Дѣло было, слѣдовательно, не въ правѣ, а въ цѣлесообразности. Изъ 300 съ небольшимъ тысячъ желѣзнодорожныхъ служащихъ синдицированы только 70.000 человѣкъ, изъ 25.000 машинистовъ и шоферовъ — 16.000. Это, конечно, крупное ядро, но пойдетъ ли за нимъ неорганизованная масса? Конечно, пять франковъ въ день полезны всѣмъ; но, съ другой стороны, рабочіе ждали сильныхъ репрессій со стороны правительства и, рискуя многимъ, не рѣшались открывать военныя дѣйствія.

Прорвалась стачка, какъ извѣстно, неожиданно. Мелкая стачка въ желѣзнодорожномъ парижскомъ депо разрослась, вопреки желанію національнаго синдиката, въ стачку всей сѣверной сѣти, постановленную делегаціей всѣхъ службъ ея, — и затѣмъ была поддержана національнымъ синдикатомъ. Чрезвычайно характерны эта сдержанность такъ называемыхъ революціонныхъ организацій—и возбужденность массъ. Уже отсюда можно было заключить, что стачка не имѣетъ политическаго характера. Это былъ актъ экономической борьбы, не ставившій себѣ политическихъ, тѣмъ болѣе—революціонныхъ цѣлей. Хотѣли пяти франковъ въ день, хотѣли ретроактивнаго дѣйствія закона о пенсіяхъ, но не думали ни свергать правительство, ни измѣнять форму государственнаго строя. Идея о синдикализированномъ государствѣ не сыграла руководящей роли въ житейской борьбѣ. Эту роль играли простые, понятные и настоятельно дѣйствующіе факторы: cent sous и пенсіи.

Объ экономическомъ характерѣ забастовки свидѣтельствовали и всѣ прокламаціи и манифесты, опубликованные какъ синдикатомъ,

такъ и Всеобщей Конфедераціей Труда. На лицо имѣлась, такимъ образомъ, не та революціонная grève générale, о которой мечталъ и въ пользу которой десять лѣтъ работалъ Бріанъ, а обыкновенная стачка, охватившая только цѣлую промышленную область.

Конечно, буржуазные круги могли отнестись къ ней только враждебно. Желѣзнодорожная забастовка глубоко разстраиваетъ всю экономическую жизнь страны, и уже по этому одному буржуазная мысль не можетъ съ ней помириться. Лозунгъ, данный правительству изъ буржуазныхъ круговъ, былъ, поэтому, простъ и ясенъ:

— Во что бы то ни стало раздавить забастовку.

Но правительство? Его положеніе, какъ естественнаго суперъ-арбитра въ соціальныхъ конфликтахъ, было сложнѣе. Двѣ трудно согласимыя обязанности лежали на немъ: во-первыхъ, обезпечить порядокъ и національные интересы; во-вторыхъ, обезпечить дѣйствіе права. Совмѣстное разрѣшеніе обѣихъ задачъ могло быть достигнуто однимъ лишь путемъ: путемъ соглашенія враждующихъ сторонъ. Дѣйствительно, другого выхода нѣтъ. Задавить легальную стачку — значитъ сойти съ почвы права; предоставить ей свободное теченіе—значитъ нанести глубочайшій ущербъ экономическимъ интересамъ населенія. Было ли соглашеніе возможно? Національный синдикатъ желѣзнодорожниковъ и федерація машинистовъ заявили въ первый же день стачки, что они готовы немедленно приступить къ согласительнымъ переговорамъ. А компаніи? Вѣроятно и онѣ не отказались бы, особенно въ случаѣ давленія на нихъ со стороны независимаго правительства. И, по всей вѣроятности, стачка могла бы быть очень скоро ликвидирована—но, конечно, путемъ компромисса съ рабочими.

Такого исхода Бріанъ не пожелалъ. Не будемъ искать объясненій для этого рѣшенія. Всякій человѣкъ находитъ для своихъ дѣйствій достаточно „достаточныхъ основаній“, и въ самомъ дѣлѣ имѣетъ ихъ. Имѣло ихъ, конечно, и правительство Бріана. Остановимся, поэтому, на другой сторонѣ разыгравшейся передъ нашими глазами драмы и постараемся выяснить ея общественное значеніе.

Первымъ актомъ правительства было объявленіе стачки незаконною, неправильно объявленною и революціонною. Незаконной являлась она, по объясненію правительства, вслѣдствіе того, что началась во время хода переговоровъ, въ которыхъ приняло участіе правительство — переговоровъ незаконченныхъ и обѣщавшихъ дать благопріятные результаты. Революціонной она была объявлена безъ всякаго серьезнаго основанія. Это было нужно для оправданія крайнихъ мѣръ—милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и привлеченія организаторовъ стачки къ отвѣтственности по ст. 16, 17 и 18-ой закона 1845 г., карающаго драконовски строго лицъ, виновныхъ въ поврежденіи желѣзныхъ дорогъ

и разстройствѣ движенія, а также моральныхъ участниковъ и иниціаторовъ этихъ преступленій. Послѣдовали многочисленные аресты стачечниковъ, членовъ стачечнаго комитета, секретарей и членовъ синдикатовъ и т. д.

Сразу же возникъ — и до сихъ поръ не разрѣшенъ — вопросъ о легальности этихъ мѣръ. Значительное число юристовъ утверждаетъ, что законъ предвидитъ мобилизацію желѣзнодорожнаго персонала только въ военное время. Законъ 1845 г. — законъ умершій фактически. Въ свое время онъ былъ изданъ противъ грабителей и бандитовъ, и воскрешеніе его въ наше время и въ совершенно другихъ условіяхъ представляется юридической нелѣпостью. Аресты за моральное соучастіе нелѣпы уже по одному тому, что тогда прежде всего арестованъ долженъ быть самъ Бріанъ — „отецъ всеобщей стачки“.

Эта нелишенная основательности критика правительственныхъ мѣропріятій не могла, конечно, не подорвать моральнаго ихъ значенія. Беззаконіе однихъ убиваетъ чувство законности въ другихъ; незаконное давленіе вызываетъ реакцію, возбуждаетъ сопротивленіе, разнуздываетъ людей, особенно въ такіе острые моменты, какъ моменты стачки. Въ результатѣ—значительное число желѣзнодорожниковъ не отвѣтили на мобилизаціонный призывъ. Это было больше чѣмъ неповиновеніе—почти мятежъ, оправдывавшій репрессіи.

Съ другой стороны, на линіяхъ начался саботажъ.

— Саботажъ! — говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ синдикалистовъ: — мы противъ саботажа, противъ порчи пути, грозящей не только поѣздамъ, но и людямъ, и мы громко объ этомъ заявили. Но что подѣлаешь! Лепинъ (префектъ полиціи) тоже вѣдь заявляетъ, что онъ противъ избіенія полиціей арестованныхъ въ участкахъ, однако тамъ on les passe en tabac! Точно такъ же и среди стачечниковъ есть люди, которые не могутъ не перерѣзать телеграфной или сигнальной проволоки. Но бомбы! Ищите бомбистовъ въ другомъ мѣстѣ, а не среди насъ!

И дѣйствительно, бомбистовъ—а бомбъ было подложено во время забастовки около десяти—надо искать въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ? Правительство говоритъ, что среди анархистовъ и эрвэистовъ. Но общественное мнѣніе добавляетъ: и среди полиціантовъ.

Дѣйствительно, что-то странное творилось съ этими бомбами. Во-первыхъ, только три покушенія были направлены противъ желѣзныхъ дорогъ. Сначала, какъ сообщали газеты, было взорвано полотно за пять минутъ до проѣзда экспресса Калэ — Парижъ. Тѣмъ не менѣе экспрессъ прошелъ, не останавливаясь, по этому полотну. Слѣдовательно дорога не была испорчена. Потомъ въ пригородномъ поѣздѣ

были найдены фитильныя бомбы — но фитиль не горѣлъ. И только одинъ разъ взрывомъ были разворочены рельсы. Остальныя бомбы были бо̀льшею частью чисто бутафорскаго характера. Такъ, въ школѣ малолѣтнихъ (!) нашли бомбу, наполненную угольнымъ порошкомъ; въ Fontenay-sous-bois—сардиночную коробку, полную песку, съ вставленной веревочкой вмѣсто фитиля. Три взрыва въ Парижѣ имѣли мѣсто—но совершенно нельзя понять смыслъ и цѣль этихъ взрывовъ. Два раза были попорчены ими окна частныхъ лицъ, а одна взорвалась у дверей редактора „Patrie", Массара, бывшаго крайняго революціонера, теперь—націоналиста. Никто отъ взрывовъ не пострадалъ. Неудивительно, что многимъ всѣ эти покушенія, всѣ эти толки объ анархистскомъ заговорѣ кажутся вздоромъ. — Просто правительство фабрикуетъ должный антуражъ для репрессій,—говорятъ они.

А репрессіи идутъ дѣйствительно необычныя для Франціи. Массовые аресты, массовые разсчеты стачечниковъ компаніями. Массовыя привлеченія къ судебной отвѣтственности. Стачка раздавлена, и vae victis!

Стачка раздавлена Бріаномъ, бывшимъ анархистомъ и синдикалистомъ, десять лѣтъ проповѣдовавшимъ революціонную всеобщую забастовку. Это обстоятельство придаетъ особую остроту и безъ того болѣзненному процессу и углубляетъ пропасть, отдѣляющую міръ буржуазіи отъ міра пролетаріата.

Если до послѣдняго времени эти два міра были настроены другъ къ другу враждебно, то теперь, послѣ столкновенія „на баррикадѣ" и пораженія пролетаріевъ буржуазный міръ полонъ торжества и рѣшимости взнуздать мятежниковъ. Если до послѣдняго времени кредитъ правительства былъ невеликъ среди пролетаріата, то теперь онъ въ полномъ ущербѣ.

Съ другой стороны, кредитъ министерства Бріана и самого Бріана среди имущихъ, среди промышленныхъ круговъ, благодаря проявленной энергіи и рѣшительному подавленію „мятежнаго движенія", поднялся высоко.

Связи съ соціальной правой у Бріана окрѣпли; послѣднія связи съ соціальной лѣвой—порвались. Вотъ это-то обстоятельство и опредѣлитъ окончательно содержаніе того „apaisement", которое составляетъ его программу.

Конечно, Бріанъ не бросится въ объятія черной реакціи. Для этого онъ слишкомъ уменъ. Онъ знаетъ границу, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя переходить во Франціи. Не черной реакціи надо, поэтому, ожидать, а буржуазной концентраціи направо.

Франція вступаетъ въ полосу соціальнаго консерватизма—конечно въ томъ случаѣ, если радикально-соціалистическая партія въ послѣд-

пюю минуту не одумается и не свернетъ съ опаснаго пути, въ преддверіи котораго стоитъ и она, и вся внутренняя политика страны. Радикально-соціалистическая партія имѣетъ большинство въ палатѣ. Отказавъ Бріану въ довѣріи, она фактически въ силахъ положить конецъ политикѣ d'apaisement, принявшей такой двусмысленный оборотъ. Но очень невелико число тѣхъ, которые надѣются или опасаются такого ея шага.

Не даромъ „Matin", обыкновенно хорошо информированный, пишетъ: „Никогда положеніе кабинета г. Бріана не было такъ прочно, какъ теперь".

Бѣлоруссовъ.

ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ

(Изъ научной лѣтописи 1909 года [1])

Истекшій годъ въ области науки не разъ называли годомъ юбилеевъ. Эта особенность его отразилась и на тѣхъ съѣздахъ, международныхъ и національныхъ, которые начинаютъ играть все болѣе и болѣе выдающуюся роль въ жизни науки. Бальтимора, Кэмбриджъ, Виннипегъ, Лилль, Зальцбургъ, Москва; Томсонъ, Рутерфордъ, Пуанкаре, Кайзеръ, Павловъ поочередно сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе ученаго міра, и въ то же время новыя завоеванія науки становятся достояніемъ болѣе широкихъ круговъ, подводятся итоги ближайшему прошлому, поминаются заслуги великихъ ученыхъ, съ именами которыхъ неразрывно связаны господствующія черты современнаго научнаго движенія.

Канунъ нашихъ шестидесятыхъ годовъ—1859-ый годъ былъ отмѣченъ въ европейской наукѣ двумя научными открытіями совершенно исключительной важности. Первое изъ нихъ—одно изъ широчайшихъ обобщеній, когда-либо высказанныхъ въ области научной мысли—дарвинизмъ, оказавшій вліяніе на всѣ отрасли человѣческаго знанія отъ космографіи до соціологіи и этики. Второе—спектроскопія—явилось новымъ разительнымъ доказательствомъ, что въ наукѣ открытіе новаго пріема, новаго метода изслѣдованія не менѣе важно, чѣмъ самое широкое теоретическое обобщеніе. Спектроскопъ пролилъ

[1]) Обзоръ этотъ предназначался для одной изъ первыхъ книжекъ „Вѣстника Европы" 1910-го года, но продолжительная болѣзнь вынудила меня отложить его на нѣсколько мѣсяцевъ.

новый свѣтъ на всю совокупность доступныхъ человѣку предметовъ научнаго изслѣдованія — отъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ космоса до основныхъ явленій жизни на нашей планетѣ.

Намъ, людямъ шестидесятыхъ годовъ, свидѣтелямъ восторженнаго пріема этихъ двухъ открытій, отрадно пробѣгать въ памяти вызванное ими полувѣковое научное движеніе, представлять себѣ его дальнѣйшій ростъ, особенно при видѣ попытокъ попятнаго шествія, невольно наводящихъ порою на мысль о временномъ упадкѣ научнаго духа подъ натискомъ возрождающихся метафизическихъ и мистическихъ вѣяній. Пишущему эти строки привелось самому принять скромное участіе въ этихъ обоихъ движеніяхъ и выпало особое счастіе видѣть вблизи его великихъ піонеровъ. Какъ біологъ-критикъ, я уже черезъ пять лѣтъ послѣ появленія книги Дарвина выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ и толкователемъ этого ученія, а какъ физіологъ-экспериментаторъ, я по свойству предпринятой мною задачи долженъ былъ воспользоваться геніальнымъ методомъ Бунзена и Кирхгофа, съ которымъ при первой возможности въ концѣ шестидесятыхъ годовъ поспѣшилъ ознакомиться подъ руководствомъ самихъ его творцовъ и затѣмъ примѣнилъ его къ задачамъ физіологіи. Недавно мнѣ пришлось прочесть мнѣніе, что мое отношеніе къ Дарвину односторонне восторженно и что я недостаточно, будто бы, цѣню новѣйшія дополненія и поправки. На это обвиненіе я могу отвѣтить, что ни одинъ дарвинистъ не позволялъ себѣ такой рѣзкой критики того, что̀ являлось въ дарвинизмѣ ошибочнымъ и въ чемъ значительно позднѣе онъ самъ сознался, но что вызвало и продолжаетъ вызывать похвалы многихъ его сторонниковъ—именно его гипотезы о пангенезисѣ [1]). Точно такъ же еще съ начала семидесятыхъ годовъ я указывалъ на то направленіе, въ которомъ долженъ далѣе развиваться дарвинизмъ, и снова имѣлъ счастіе не только узнать изъ позднѣе появившейся переписки, что именно таково было въ послѣдніе годы мнѣніе Дарвина, но и убѣдиться па дѣлѣ, что именно въ этомъ направленіи успѣшно двигалась и продолжаетъ двигаться современная біологія. Но объ этомъ далѣе.

Истекшій 1909-ый годъ былъ не только юбилейнымъ годомъ двухъ великихъ открытій, отмѣтившихъ новую эпоху въ области положительнаго знанія, но и годомъ столѣтнихъ поминокъ великихъ дѣятелей изъ области не только науки и литературы, но и жизни.

Наибольшее число ихъ выпало на долю англо-саксонской расы и

---

[1]) За то Де-Фризъ и теперь отзывается о ней съ восхищеніемъ, такъ какъ самъ пытался ее развить, доходя при этомъ до абсурда (его наслѣдственное размноженіе капли клѣточнаго сока).

самыми выдающимися изъ нихъ были, конечно, Дарвинъ и Гладстонъ. Годичный обозрѣватель одного изъ лучшихъ современныхъ научно-популярныхъ изданій—американскаго „Popular Science Monthly“,—останавливаясь на этихъ двухъ именахъ, говоритъ, что въ нихъ выразилась самая выдающаяся черта столѣтней исторіи Англіи, которую въ свою очередь можно выразить двумя словами: *„наука и демократія“*. Я бы добавилъ отъ себя, что въ этихъ словахъ заключается лозунгъ культурнаго развитія не только англійскаго народа, но и всего цивилизованнаго человѣчества. Мысль эта подтверждается и въ обратномъ порядкѣ: разлагающаяся буржуазія все болѣе и болѣе сближается съ отживающей свой вѣкъ метафизикой, не брезгуетъ вступать въ союзъ и съ мистикой [1]), и съ воинствующей церковью, послѣднюю попытку которой вступить въ борьбу съ положительной наукой такъ вѣрно предсказалъ талантливый физикъ, физіологъ и наконецъ историкъ—Дрэперъ—еще въ то время, когда побѣда научнаго мышленія казалась окончательною.

Если англо-саксонская раса чествовала своего Дарвина [2]), то французы совершенно справедливо вспомнили о своемъ Ламаркѣ и отмѣтили столѣтіе со времени выхода его замѣчательнаго произведенія открытіемъ памятника знаменитому ученому въ Jardin des Plantes. Это, конечно, дало поводъ къ многочисленнымъ параллелямъ между Ламаркомъ и Дарвиномъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, высказались французскій шовинизмъ и продолжающее скрыто тлѣть старое враждебное отношеніе къ Дарвину. Особенно неудачно пытался доказать не только право на первенство, но и превосходство Ламарка передъ Дарвиномъ извѣстный зоологъ Ледантекъ. Трудно было бы собрать въ маломъ объемѣ одной краткой статьи столько поверхностныхъ сужденій и прямо неправды, сколько собралъ этотъ, какъ онъ самъ себя величаетъ, философъ двадцатаго вѣка. Для сообщенія себѣ еще большаго авторитета онъ даже называетъ себя физикомъ; но конечно тѣ, кто желаетъ знать мнѣніе о дарвинизмѣ физиковъ, обратятся къ физикамъ Гельмгольцу, Больцману, Рэлею или къ математику Пирсону, а не къ зоологу. Для подтвержденія своего безнадежнаго тезиса о превосходствѣ Ламарка передъ Дарвиномъ Ледантекъ считаетъ позволительнымъ прибѣгать даже къ такому полемическому пріему: онъ предупреждаетъ, что вмѣсто идей Ламарка будетъ предъявлять свои

---

[1]) Любопытно, что мистицизмъ пробирается даже въ математику.

[2]) Началось это чествованіе съ 1-го января на съѣздѣ Американской Ассоціаціи. Самымъ выдающимся моментомъ былъ, конечно, международный съѣздъ въ Кэмбриджѣ, о которомъ было говорено на страницахъ „Вѣстника Европы“. Заключительнымъ аккордомъ долженъ былъ быть Московскій съѣздъ въ декабрѣ. Комитетъ съѣзда возложилъ на меня обязанность произнести рѣчь, но болѣзнь мнѣ помѣшала ее исполнить.

собственныя, такъ какъ увѣренъ, что Ламаркъ долженъ былъ думать какъ онъ, а вмѣсто идей самого Дарвина будетъ разбивать идеи его узко односторонникъ послѣдователей, не скрывая, что Дарвинъ самъ отъ нихъ отказался бы [1]). Критика Ледантека главнымъ образомъ сосредоточивается на разборѣ Вейсмановскаго развитія гипотезы пангенезиса. Объ этой гипотезѣ, черезъ три года послѣ ея появленія, я, дарвинистъ, высказался, что она „ненаучна въ основѣ, безплодна въ послѣдствіяхъ“, и черезъ двадцать лѣтъ узналъ съ удовольствіемъ изъ писемъ Дарвина, что онъ произнесъ надъ ней такой строгій приговоръ: „It is all rubbish to have speculated as I have done“ [2]). И вотъ этотъ-то „мусоръ“, размазанный нѣмецкими зоологами и безжалостно осужденный самимъ Дарвиномъ, Ледантекъ признаетъ существенной частью дарвинизма и побѣдоносно разбиваетъ. Относительно естественнаго отбора Ледантекъ ссылается на какое-то свое изрѣченіе сомнительнаго остроумія—именно, что изъ этого ученія можно сдѣлать только тотъ выводъ, что „все обстоитъ такъ, какъ обстоитъ, а не иначе“ [3]). Далѣе онъ утверждаетъ: только Спенсеръ понялъ истинный смыслъ этого процесса, назвавъ его „сохраненіемъ приспособленнаго“; для Дарвина это былъ только процессъ уничтоженія неприспособленнаго. Говоря это, Ледантекъ, очевидно, разсчитываетъ на полное невѣжество читателей, не знающихъ, что въ заглавіи „Происхожденія видовъ“ за словомъ natural selection стоитъ поясненіе: „or the *preservation* of *favoured races*“ [4]). Но этотъ непохвальный пріемъ необходимъ Ледантеку для его главнаго доказательства превосходства Ламарка передъ Дарвиномъ. Для этого онъ снова напоминаетъ читателю о своей также, будто бы, глубокомысленной теоріи, по которой организмы въ періодъ размноженія должны считаться „мертвыми“ [5]). Отсюда побѣдоносный выводъ: такъ какъ въ основѣ теоріи Дарвина лежатъ факты размноженія, то это—*теорія смерти*, а такъ какъ Ламаркъ мало интересовался явленіями размноженія и сосредоточивалъ свое вниманіе на вегетативномъ періодѣ жизни, то его ученіе—теорія *жизни*; что и требовалось доказать [6]).

---

[1]) „Les neo-darwiniens ont été plus loin que leur maître; ils ont affirmé des choses qu'il n'avait pas affirmées; ils ont nié des choses qu'il n'avait pas niées“... „Si Darwin avait vécu, il aurait peut-être refusé de suivre ses disciples“.

[2]) „Эти спекулятивныя идеи, которыя я себѣ позволилъ—просто мусоръ“.

[3]) Дѣйствительный физикъ Гельмгольцъ называетъ естественный отборъ „творческой идеей“.

[4]) „Или сохраненіе благопріятствуемыхъ расъ“.

[5]) Car le phénomène sexuel est un phenomène *non vital* (курсивъ самого Ледантека)... le phenomène sexuel est, *comme nous le savons*, *un phenomène de mort* (курсивъ мой).

[6]) Попутно Ледантекъ высказываетъ еще двѣ совершенно ложныя мысли. Онъ

Такова блестящая діалектика этого, какъ онъ себя величаетъ, философа двадцатаго вѣка, а хотѣлось бы думать — его послѣдняго схоластика. Болѣе умѣреннымъ въ своемъ восхваленіи Ламарка оказался другой французскій зоологъ, Делажъ [1]), отказавшійся отъ безнадежной задачи отстаивать превосходство Ламарка передъ Дарвиномъ; но и онъ отводитъ Ламарку несоотвѣтственно важную роль, въ качествѣ предшественника Дарвина, такъ какъ не объясняетъ, почему Дарвинъ обезпечилъ побѣду эволюціонному ученію, а авторъ „Philosophie Zoologique“ отталкивалъ отъ себя всѣхъ серьезныхъ ученыхъ отъ Кювье до Фохта [2]) и понятно еще больше отталкиваетъ ихъ послѣ того, какъ Дарвинъ показалъ, какъ ученые должны браться за разрѣшеніе самаго широкаго вопроса въ области біологіи. Если такъ отнеслись къ Дарвину нѣкоторые французскіе зоологи, то понятно, что французскіе соціологи обнаружили еще менѣе пониманія. Укажу только на извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы“ примѣръ. Вормсъ въ своей статьѣ приходитъ къ окончательному выводу, что Дарвинъ не объяснилъ факта *приспособленія* организмовъ (а Ламаркъ, будто бы, объяснилъ!). Между тѣмъ всякому извѣстно, что Дарвину его противники даже ставили въ укоръ, что его ученіе именно объясняетъ происхожденіе *приспособленій* (а не видовъ). Да и самое слово *adaptation* вошло въ обиходъ науки только благодаря Дарвину. Вотъ съ какимъ легкимъ багажемъ свѣдѣній до сихъ поръ считается возможнымъ пускаться въ критику дарвинизма. Что касается до вопроса объ авторѣ „Philosophie Zoologique“, какъ типѣ, то еще тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ основательнаго изученія этой книги, я далъ на него отвѣтъ, неоднократно повторялъ его и не имѣю ни малѣйшаго повода измѣнять своего мнѣнія [3]). Это—

утверждаетъ, что Ламаркъ былъ правъ, принимая, что сохраняются только признаки, общіе обоимъ родителямъ (это въ наше время процвѣтанія менделизма!), и также легкомысленно утверждаетъ, что „Darwin ne s'est jamais demandé quelle est la cause des variations des êtres vivants“. Между тѣмъ всякому извѣстно, что Дарвинъ на первыхъ же страницахъ своей книги высказываетъ по этому поводу мысли, сохранившія полное значеніе и до сихъ поръ, такъ какъ онѣ основаны на оцѣнкѣ массовыхъ наблюденій, а не на схоластическихъ философствованіяхъ о „живой и мертвой жизни“.

[1]) Но можетъ быть въ этомъ выразился только извѣстный антагонизмъ этихъ двухъ ученыхъ, чуть не доведшій ихъ до оригинальнаго способа разрѣшенія научныхъ разногласій—до дуэли.

[2]) И болѣе всего Лайэля, отвергшаго Ламарка послѣ тщательнаго анализа его книги. Отсюда понятно справедливое негодованіе Дарвина на послѣдовавшій уже послѣ появленія его книги ничѣмъ не мотивированный поворотъ въ отношеніи Лайэля къ Ламарку.

[3]) „Дарвинъ какъ типъ ученаго“, 1878; „Историческій методъ въ біологіи“, 1889; „Дарвинъ“, 1909.

всѣмъ имѣющимъ представленіе о французской литературѣ восемнадцатаго вѣка [1]) знакомый типъ философствующаго литератора, за неимѣніемъ фактовъ прибѣгающаго къ расплывчатымъ философствованіямъ, а когда и для нихъ не хватаетъ почвы, пускающагося въ праздныя догадки, вплоть до самыхъ нелѣпыхъ. Ламаркъ порою превосходилъ въ этомъ отношеніи своего смѣлаго предшественника де-Малье (Тальямеда). Вотъ почему содержаніе этой книги производило на всѣхъ серьезныхъ ученыхъ XIX-го вѣка впечатлѣніе чего-то архаическаго. Вотъ почему эта книга не имѣла значенія для науки XIX-го вѣка и, понятно, еще менѣе для науки XX-го. Кромѣ краткой рѣчи Ива Делажа, при открытіи памятника Ламарку произнесли обстоятельныя рѣчи академики: зоологъ Перье и ботаникъ Гиньяръ. Они отказались отъ неблагодарной задачи какихъ-нибудь сравненій и ограничились безотносительными указаніями на тѣ дѣйствительныя научныя заслуги Ламарка, которыхъ совершенно достаточно для того, чтобы заставить насъ чтить его память, и которыя сохранили свое значеніе и до сихъ поръ. Перье тактично обошелъ молчаніемъ несчастную мысль Ламарка о вліяніи психики на организацію, на образованіе новыхъ формъ—мысль, пришедшуюся по вкусу нѣкоторымъ современнымъ нѣмецкимъ натуралистамъ и доведенную ими до абсурда въ ученіи о панпсихизмѣ. Къ сожалѣнію, наоборотъ, Гиньяръ не выдвинулъ впередъ самую плодотворную мысль „Philosophie Zoologique“, а именно указанія на *наблюдаемую* [2]) въ природѣ связь между формой растеній и обитаемой средой. Гиньяръ за то очень кстати напомнилъ о двухъ другихъ датахъ, совершенно забытыхъ при современныхъ юбилеяхъ [3]). Ровно за сто лѣтъ до появленія книги Дарвина (въ 1759-мъ году) въ Тріанонѣ, на грядкахъ разбитаго для Людовика XV-го ботаническаго садика, Бернаръ Жюссье (къ числу учениковъ котораго долженъ быть отнесенъ и Ж.-Ж. Руссо) въ первый разъ въ живыхъ формахъ, подъ открытымъ небомъ начерталъ свою „естественную систему“, т.-е. наглядно выразилъ тотъ основной фактъ „сродства“, для объясненія котораго и потребовались всѣ послѣдовавшія (въ томъ числѣ и Ламарковы) попытки установленія родственной связи организмовъ. А ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1789-мъ году, по преданію—подъ грохотъ пушекъ, громившихъ Бастилію, королевская типографія выпустила въ

---

[1]) Конечно, оно болѣе основательно, чѣмъ то, которое обнаружилъ одинъ русскій писатель, недавно поучавшій своихъ читателей, что колоссальная „Encyclopédie méthodique“ (Панкука)—„изслѣдованіе“ одного человѣка: Ламарка.

[2]) Подчеркиваю эту подробность, такъ какъ мысль объ *экспериментальномъ* осуществленіи этого факта—новѣйшаго происхожденія.

[3]) Я, впрочемъ, напомнилъ о нихъ въ статьѣ: „Первый юбилей Дарвинизма“, въ 1908 г., въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

свѣтъ „Genera Plantarum“—произведеніе племянника Бернара—Антуана Лорана Жюссье, въ которомъ идеи дяди были подробно развиты въ изящной, убѣдительной формѣ и навсегда положили конецъ искусственнымъ классификаціямъ, замѣнивъ ихъ новой задачей раскрытія естественной системы, приведшей въ концѣ концовъ къ ученію объ эволюціи.

Забыли только французы помянуть того великаго своего соотечественника, который болѣе всѣхъ ученыхъ и мыслителей заслуживаетъ по праву быть признаннымъ предвозвѣстникомъ *дарвинизма*, т.-е. единственной до сихъ поръ выдерживающей критику теоріи эволюціи. Онъ одинъ вполнѣ опредѣленно высказалъ идею естественнаго отбора. Недавно появилась очень интересная брошюра: „*Біологическая философія Огюста Конта*“ [1]), авторъ которой указываетъ на цѣлый рядъ воззрѣній Конта, ставшихъ достояніемъ современной біологіи, но, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ, упускаетъ изъ виду то самое замѣчательное мѣсто, которое сорокъ пять лѣтъ тому назадъ я избралъ эпиграфомъ для своего перваго очерка дарвинизма. Вотъ эти замѣчательныя и всѣми забытыя слова: „Sans doute chaque organisme déterminé est en relation nécessaire avec un système de circonstances extérieures. Mais il n'en résulte nullement que la première de ces deux forces corrélatives ait dû être produite par la seconde, pas plus qu'elle n'a pu la produire; il s'agit seulement d'un équilibre mutuel entre deux puissances hétérogênes et indépendantes. Si l'on conçoit que tous les organismes possibles soient successivement placés pendant un temps convenable dans tous les milieux imaginables, la plupart de ces organisations finiront de toute nécessité par disparaitre pour ne laisser subsister que ceux qui pouvaient satisfaire aux lois générales de cet équilibre fondamental; c'est probablement d'après une suite d'éléminations analogues que l'harmonie biologique a dû s'établir peu a peu sur notre planète où nous la voyons encore en effet se modifier sans cesse d'une manière semblable“ (A. Comte. „Cours de Philosophie Positive“, t. III, p. 396). Здѣсь въ поразительно лаконической формѣ не только высказывается основная мысль „естественнаго отбора“, т.-е. дается объясненіе гармоніи органическаго міра путемъ устраненія (élimination) всего негармоническаго, но въ то же время объясняется односторонность нео-дарвинистовъ и нео-ламаркистовъ. Между тѣмъ какъ первые все приписываютъ организаціи, вторые приписываютъ все средѣ; между тѣмъ какъ первые оставляютъ безъ объясненія происхожденіе того матеріала, которымъ пользуется отборъ—вторые, приписывая все средѣ, оставляютъ безъ объясненія основной фактъ орга-

[1]) „La Philosophie Biologique d'Auguste Comte“, par Raoul Mourgue, 1909.

ической гармоніи, т.-е. приспособленія путемъ устраненія всего неприспособленнаго [1]). Только дарвинизмъ, объяснившій гармонію органическаго міра какъ результатъ устраненія всего негармоничнаго естественнымъ отборомъ, только дарвинизмъ, по мѣткому выраженію Франсиса Дарвина, отвѣтилъ на вопросъ quo modo, т.-е. какимъ путемъ осуществляется эволюціонный процессъ; въ этомъ заключается его отличіе отъ всѣхъ ранѣе *и позднѣе* сдѣланныхъ попытокъ объясненія и его неизмѣримое превосходство передъ ними. Хотя строгія дедуктивныя доказательства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ постоянной наличности процесса отбора въ природѣ, тѣмъ не менѣе профессоръ Лотси былъ правъ, говоря, что настоятельной задачей современнаго дарвинизма является накопленіе конкретныхъ примѣровъ непосредственнаго проявленія этого процесса.

Въ своей прошлогодней рѣчи я указалъ на одинъ блестящій примѣръ подобнаго изслѣдованія въ работѣ профессора Уельдона. Мнѣ былъ и тогда уже извѣстенъ другой, даже болѣе обстоятельный примѣръ. Благодаря любезности профессора Н. В. Цингера, мнѣ уже въ 1905-мъ году были извѣстны результаты его крайне интересной работы, но такъ какъ ея печатаніе въ изданіяхъ Петербургской академіи наукъ затянулось до 1909 г., я не считалъ себя въ правѣ предвосхитить впечатлѣніе, которое она должна была вызвать при своемъ появленіи.

Этотъ замѣчательный трудъ молодого русскаго ботаника весь проникнутъ духомъ великаго англійскаго ученаго; каждая фраза глубоко продумана; нигдѣ не натолкнешься на противорѣчія или непослѣдовательность мысли, столь обычныя въ скороспѣлыхъ новѣйшихъ произведеніяхъ; каждый доводъ является только стройнымъ сцѣпленіемъ фактовъ, тщательно разысканныхъ въ литературѣ или установленныхъ собственными наблюденіями и талантливо поставленными опытами. Какъ всякій трудъ, потребовавшій многолѣтнихъ изслѣдованій, онъ трудно подвергается сжатому переложенію; попытаюсь въ краткихъ словахъ передать только его руководящую мысль [2]). Между посѣвами

---

[1]) Нѣкоторые современные натуралисты, не зная этой мысли Конта, предлагали замѣнить слова „естественный отборъ“ словомъ „элиминація“; но если оба процесса по существу совпадаютъ, выраженіе Дарвина слѣдуетъ предпочесть: оно указываетъ на результатъ процесса (гармонію), а выраженіе Конта указываетъ только на его содержаніе.

[2]) Крайне спеціальное названіе книги не даетъ повода подозрѣвать ея глубокое научное значеніе: „*О засоряющихъ посѣвы льна видахъ Camelina и Spergula и ихъ происхожденіи*“ (303 страницы текста и 9 таблицъ фотографическихъ снимковъ. Петербургъ, 1909). Николай Васильевичъ Цингеръ, профессоръ ботаники въ Новой Александріи—сынъ извѣстнаго математика и ботаника В. Я. Цингера.

льна встрѣчается нѣсколько видовъ [1]) растеній, получившихъ видовое названіе linicolae. Это исключительное ихъ мѣстонахожденіе на культурныхъ площадяхъ обнаруживаетъ ихъ историческое и, какъ показываетъ авторъ, сравнительно недавнее историческое происхожденіе. Тщательными литературными изслѣдованіями, авторъ устанавливаетъ фактъ, что нигдѣ, исключая льняныхъ посѣвовъ, въ естественномъ состояніи виды эти не встрѣчаются. Это дѣлаетъ несомнѣннымъ, что именно въ этой обстановкѣ они возникли и внѣ ея не могутъ существовать. Сравнительное изученіе представителей рода Camelina (Рыжикъ) приводитъ къ заключенію, что изучаемый видъ могъ произойти изъ ближайшихъ къ нему видовъ путемъ превращенія въ направленіи отъ такъ называемыхъ „сухолюбивыхъ“ растеній къ растеніямъ „влаголюбивымъ“, способнымъ существовать лишь въ условіяхъ достаточной влажности и затѣненія, т.-е. тѣхъ именно условіяхъ, которыя даны льняными посѣвами, чѣмъ и объясняется фактъ, почему, возникнувъ въ той средѣ, новый видъ не могъ разселиться за ея предѣлы, гдѣ не встрѣтилъ такихъ же условій и гдѣ продолжали существовать его предки сухолюбы. Но почему этотъ новый видъ, а не его предки, пробрался на эту богатую культурную площадь? Отвѣтъ очень простъ: эта форма, вступивъ въ борьбу съ человѣкомъ, сумѣла его перехитрить. Человѣкъ, ограждая свои посѣвы отъ вторженія сорныхъ травъ, въ томъ числѣ и Рыжика (Camelina), придумалъ для этого сортировки и отборныя машины, которыя, пропуская черезъ свои рѣшета мелкія сѣмена сорныхъ травъ, отбираютъ крупныя сѣмена льна. Только тѣ представители Рыжика, которые производили крупныя сѣмена, какъ у льна, обманули бдительность человѣка и проникли вмѣстѣ со льномъ въ благопріятныя условія его культуры. Изслѣдованіе Н. В. Цингера любопытно не только потому, что представляетъ убѣдительный примѣръ возникновенія вида путемъ естественнаго отбора одного полезнаго свойства организма — это мы видѣли и въ изслѣдованіи Уельдона; оно доказываетъ вѣрность еще другого положенія, выдвинутаго Дарвиномъ. Дарвину не разъ возражали, что отборъ можетъ объяснить только сохраненіе приспособленій, т.-е. признаковъ полезныхъ (въ настоящемъ случаѣ крупныхъ сѣмянъ), но видовые признаки часто бываютъ совершенно безразличны. Дарвинъ отвѣтилъ на это возраженіе своимъ принципомъ correlation— соотношенія, въ силу котораго признаки безразличные, находясь въ связи съ полезными, будутъ передаваться вмѣстѣ съ ними. Н. В. Цингеръ блистательно доказалъ, что цѣлый рядъ признаковъ изучаемыхъ

[1]) Видовъ настоящихъ, установленныхъ ранѣе другими ботаниками, а не произведенныхъ въ этотъ рангъ ad hoc самимъ авторомъ, какъ въ пресловутыхъ „Энотерахъ“ Де-Фриза.

растеній, на основаніи которыхъ установленъ видъ, находится въ причинной связи съ тѣмъ единственнымъ признакомъ, который опредѣляетъ естественный отборъ этихъ формъ, т.-е. съ величиной ихъ сѣмянъ, или, какъ онъ очень удачно выражается: „всѣ видовые признаки являются функціей одной перемѣнной — именно величины сѣмянъ", которая въ свою очередь является рѣшающимъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ успѣхъ естественнаго отбора.

Можно сказать съ увѣренностью, что замѣчательный трудъ нашего молодого ботаника, увидавшій свѣтъ въ годъ двойного юбилея Дарвина и дарвинизма, доставилъ бы великому ученому болѣе удовольствія, чѣмъ многочисленныя похвальныя слова, раздававшіяся на протяженіи всего года въ различныхъ точкахъ земного шара.

Такимъ образомъ „естественный отборъ", существованіе котораго неотразимо доказывается дедуктивнымъ путемъ, успѣшно провѣряется и на тщательно изученныхъ конкретныхъ случаяхъ. Дарвинизмъ, какъ единственное объясненіе quo modo эволюціоннаго процесса, въ концѣ перваго полувѣка своего существованія является единственнымъ ученіемъ, обосновывающимъ эволюціонное ученіе на почвѣ фактическаго изученія природы, а не на зыбкой почвѣ праздныхъ догадокъ.

Но за вопросомъ quo modo, на который отвѣтилъ дарвинизмъ, выдвигается еще другой вопросъ—quibus auxiliis, въ отвѣтѣ на который должно заключаться ближайшее развитіе эволюціоннаго ученія, если не собственно дарвинизма. Я это пророчилъ двадцать лѣтъ тому назадъ и мое пророчество съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе оправдывалось. Въ своей рѣчи „*Факторы органической эволюціи*" [1]), произнесенной въ 1890-мъ году, на съѣздѣ натуралистовъ въ Петербургѣ, я высказалъ слѣдующій рядъ соображеній. Дарвинизмъ объяснилъ основную особенность органическаго міра — его гармонію съ условіями существованія—ученіемъ о приспособленіи путемъ отбора. Дальнѣйшее развитіе біологіи должно заключаться въ болѣе глубокомъ анализѣ двухъ основныхъ свойствъ организмовъ, отъ которыхъ дарвинизмъ отправляется какъ отъ данныхъ: въ анализѣ измѣнчивости и наслѣдственности, и прежде всего первой, какъ самаго первичнаго фактора эволюціи. Я привелъ цѣлый рядъ указаній, что такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Дарвинъ, съ оговоркой, что „Дарвинъ могъ интересоваться явленіями измѣнчивости, хотя изученіе ихъ не составляло необходимой части дарвинизма". Еслибъ у кого-нибудь еще могло возникнуть сомнѣніе въ виду такихъ категорическихъ заявленій, какъ заявленіе Ледантека: „Darwin ne s'est jamais demandé

[1]) „*Насущныя задачи современнаго естествознанія*".

quelle est la cause des variations des êtres vivants", то напомню слова Дарвина въ письмѣ къ Гёкели: „Кой чортъ измѣняетъ формы если это не внѣшнія условія". Далѣе, собравъ въ одну картину отрывочныя экспериментальныя изслѣдованія ботаниковъ, я пришелъ въ своей рѣчи къ заключенію: „Рядомъ съ физіологіей процессовъ уже зарождается физіологія формъ; рядомъ съ экспериментальной физіологіей возникаетъ *экспериментальная морфологія*", которая, пробиваясь одинокими струйками во второй половинѣ девятнадцатаго, сольется въ широкій потокъ уже за порогомъ двадцатаго". Предсказаніе мое вполнѣ оправдалось и предложенное мною названіе для новаго отдѣла біологіи привилось [1]). Однимъ изъ позднѣйшихъ, менѣе удачныхъ произведеній въ этомъ направленіи была *Экспериментальная зоологія* [2]) Моргана, русскій переводъ которой появился въ 1909-мъ году. Не могу обойти молчаніемъ неприличной выходки редактора русскаго перевода этой книги, профессора Зографа. Профессоръ Зографъ не только воображаетъ, что онъ первый узналъ объ этомъ новомъ направленіи въ біологіи, но и позволяетъ себѣ сдѣлать оскорбительный выговоръ всѣмъ русскимъ біологамъ, призывая быть свидѣтелями ихъ позора тѣни Менделѣева, Ковалевскаго и т. д. Вотъ его слова (курсивъ мой): „*горько сознаться*, что страна, давшая въ недавнее время Менделѣева, Бутлерова, Александра Ковалевскаго, Мечникова и другихъ, *просмотрѣла это новое научное направленіе*, обѣщающее важныя измѣненія въ нашемъ научномъ міровоззрѣніи". Не только не „просмотрѣла", но даже предсказала его появленіе, дала ему названіе и сдѣлала это въ собраніи всѣхъ русскихъ натуралистовъ. Что же касается до напрасно потревоженныхъ тѣней Ковалевскаго и Менделѣева, то и въ этомъ отношеніи г. Зографъ можетъ быть спокоенъ: во время моей рѣчи Александръ Онуфріевичъ сидѣлъ прямо противъ меня въ первомъ ряду, а Дмитрій Ивановичъ даже придвинулъ свой стулъ вплотную къ каѳедрѣ, чтобы не упустить ничего изъ заинтересовавшей его рѣчи. Просмотрѣлъ что-то только самъ московскій зоологъ, запоздавшій со своею неприличной проповѣдью ровно на двадцать лѣтъ. Это „горькое сознаніе" при немъ и остается; „страна" не несетъ за это никакой отвѣтственности.

Изъ ученыхъ, особенно успѣшно выступавшихъ въ этой новой области изслѣдованія—въ „экспериментальной морфологіи", слѣдуетъ отмѣтить гейдельбергскаго профессора, ботаника Клебса. Черезъ два

---

[1]) А. Н. Бекетовъ въ своей „Географіи Растеній" указываетъ, что это выраженіе принадлежитъ мнѣ.

[2]) Морганъ очевидно долженъ былъ остановиться на этомъ неудачномъ названіи, такъ какъ названіе *Экспериментальная морфологія* уже было предвосхищено другимъ американскимъ ученымъ—Давенпортомъ.

года послѣ моей рѣчи, въ которой я далъ возможно полную картину вызванныхъ экспериментально глубокихъ морфологическихъ измѣненій вегетативныхъ органовъ, Клебсъ обнародовалъ замѣчательное изслѣдованіе, въ которомъ показалъ возможность подчинить себѣ экспериментально и сферу явленій размноженія, то совершенно устраняя эту функцію и заставляя организмъ вести въ теченіе неограниченнаго времени чисто растительную жизнь, то, по желанію, вызывая тотъ или другой процессъ безполаго или полового размноженія. Эта первая его работа касалась простѣйшихъ растеній — водорослей и грибовъ; но когда Пфефферомъ ему было сдѣлано возраженіе, что эти выводы могутъ оказаться вѣрными только въ примѣненіи къ простѣйшимъ и не оправдаться надъ высшими, онъ отвѣтилъ цѣлымъ рядомъ работъ и надъ цвѣтковыми [1]).

Разбирая выпущенную по случаю чествованія Дарвина въ Кэмбриджѣ книгу „Darwin and modern science“ [2]), я указалъ на статью Клебса, какъ на самую оригинальную въ сборникѣ, такъ какъ она указывала на дѣйствительно новое, широкое и плодотворное направленіе, которое принимаетъ эволюціонное ученіе. Повидимому такъ же отнеслись къ Клебсу и англійскіе ученые, такъ какъ Королевское Общество пригласило его въ настоящемъ году прочесть свою Круніанскую лекцію, обыкновенно посвящаемую выдающимся вопросамъ современной науки [3]).

Засвидѣтельствованное всѣмъ ученымъ міромъ торжество идей Дарвина наводитъ на мысль и совершенно обратнаго порядка — на мысль объ отвѣтственности генія передъ потомствомъ. Къ сожалѣнію, не только его великія идеи, но и вскользь брошенная неудачная мысль оставляетъ по себѣ слѣдъ. „Провизуарная гипотеза“ Дарвина—пангенезисъ,—которую онъ самъ такъ безжалостно заклеймилъ, надолго привилась въ нѣмецкой наукѣ (благодаря Вейсману въ зоологіи и Де-Фризу въ ботаникѣ) и только мало-по-малу начинаетъ выходить изъ моды. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать о заключительныхъ словахъ его послѣдняго труда: „Способность растенія къ движенію“, отъ которыхъ онъ, по болѣе внимательномъ обсужденіи, вѣроятно такъ же отрекся бы, какъ и отъ своего пангенезиса. Они оказали вредное вліяніе на многихъ ботаниковъ, въ томъ числѣ и на его сына и сотрудника по этому изслѣдованію, Франсиса [4]).

[1]) Одну изъ этихъ работъ: „Произвольное полученіе растительныхъ формъ“ я перевелъ еще въ 1903 году, снабдивъ переводъ своими примѣчаніями.

[2]) „Русск. Вѣд.“, май 1909.

[3]) Могу добавить, что на дняхъ предсѣдатель зоологической секціи Британской Ассоціаціи, указывая на необходимость развитія экспериментальной морфологіи, указывалъ зоологамъ, какъ на примѣръ для подражанія, на дѣятельность Клебса.

[4]) На кэмбриджскомъ банкетѣ, въ кругу молодыхъ талантливыхъ ботаниковъ,

Въ этихъ словахъ Дарвинъ высказалъ неудачную мысль, что кончикъ корня у растенія можно уподобить мозгу (brain), такъ какъ по его удаленіи извѣстныя искривленія растущей части корня не проявляются или, скорѣе, проявляются не такъ рѣзко. Метафора эта (не представляющая даже никакой аналогіи въ животномъ организмѣ) была противна той основной мысли Дарвина, которая побудила его сосредоточить въ послѣдніе годы своей жизни всю свою научную дѣятельность на растеніи, такъ какъ именно надъ нимъ онъ могъ показать существованіе отбора безъ наличности сознанія [1]). Эта несчастная метафора, одна изъ тѣхъ, надъ которыми такъ зло подсмѣивался Гейне, говоря, что каждый добрый христіанинъ долженъ молиться „избави насъ отъ лукаваго — и отъ метафоръ“,—пришлась очень по вкусу современнымъ соотечественникамъ поэта, до сихъ поръ не удостоившагося памятника на родной землѣ. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ ботаниковъ пытался развить мысль Дарвина о сознаніи корня — откуда явилось ученіе объ органахъ чувствъ у растенія и наконецъ о его душѣ. Самымъ горячимъ защитникомъ этого ученія выступилъ у нѣмцевъ Франсе, у насъ — академикъ Фаминцынъ, Франсе — ничѣмъ не заявившій о себѣ въ наукѣ, даже мало талантливый и плохо освѣдомленный популяризаторъ, выступилъ въ прошломъ году — повидимому, по приглашенію редакціи извѣстнаго итальянскаго журнала „Revista di Scienza“ [2]) — съ защитой своей излюбленной теоріи; но имъ не представлено ни одного аргумента, который не былъ бы мною въ свое время предусмотрѣнъ и отраженъ [3]). Главнымъ доводомъ является все тотъ же аргументъ отъ непрерывности, который еще съ такимъ блескомъ примѣняли греческіе софисты: человѣкъ состоитъ изъ твердаго вещества; твердое происходитъ изъ жидкаго, жидкое — изъ воздушнаго; но человѣкъ сознаетъ — значитъ и воздухъ сознаетъ. Идеи Франсе нашли себѣ отголосокъ и на Московскомъ съѣздѣ — въ нѣсколькихъ словахъ, высказанныхъ въ его защиту академикомъ Бородинымъ.

И вотъ, въ этотъ моментъ, когда ботаники безо всякаго къ тому повода на мѣсто строгаго опытнаго метода пытаются выдвинуть без-

---

которыми теперь такъ богата Англія, я, не стѣсняясь, высказывалъ мысль: „Много званныхъ, но много ли избранныхъ? Даже самъ Франсисъ, по моему мнѣнію (особенно послѣ его прошлогодней президентской рѣчи)—не настоящій дарвинистъ“.

[1]) На первыхъ порахъ ему дѣлали вздорное возраженіе, что естественный отборъ понятенъ еще въ примѣненіи къ животному, обладающему сознаніемъ, но совершенно непонятенъ въ примѣненіи къ растенію.

[2]) Къ слову сказать—съ твердой почвы положительной науки все болѣе переби-рающагося на скользкую почву метафизики.

[3]) Въ моей университетской актовой рѣчи, въ 1901-мъ году: „Столѣтніе итоги физіологіи растеній“.

почвенныя, безсодержательныя психологическія параллели, пустыя догадки о „памяти“, какъ основномъ свойствѣ организованнаго вещества [1]), о способности растенія „учиться“ и дѣйствовать соотвѣтственно съ пріобрѣтенными знаніями, о зависимости процесса роста органовъ отъ „мозга корня“—примѣра чему не встрѣчается и у животныхъ,—въ этотъ моментъ раздается въ Москвѣ авторитетный голосъ И. П. Павлова, призывающаго физіологовъ на приступъ послѣдняго оплота психологовъ, призывающаго естествознаніе отказаться отъ послѣдней своей непослѣдовательности. Вотъ вступительныя слова его рѣчи, оригинальной и знаменательной начиная съ самаго заглавія: „Естествознаніе и мозгъ“.—„Можно съ правомъ сказать, что неудержимый со времени Галилея ходъ естествознанія впервые замѣтно пріостанавливается передъ высшимъ отдѣломъ мозга, или, общѣе говоря, передъ органомъ сложнѣйшихъ отношеній животныхъ къ внѣшнему міру. И казалось, что это не даромъ, что здѣсь дѣйствительно критическій моментъ естествознанія, такъ какъ мозгъ, который въ высшей его функціи — человѣческаго мозга — создавалъ и создаетъ естествознаніе, самъ становится объектомъ этого естествознанія“.

„Но подойдемъ къ дѣлу ближе. Уже давно физіологъ неуклонно и систематически, по строгимъ правиламъ естественно-научнаго мышленія, изучаетъ животный организмъ. Онъ наблюдаетъ происходящія передъ нимъ во времени и въ пространствѣ жизненныя явленія и старается посредствомъ эксперимента опредѣлить постоянныя и элементарныя условія ихъ существованія и ихъ теченія. Его предвидѣніе, его власть надъ жизненными явленіями такъ же постоянно увеличивается, какъ растетъ на глазахъ у всѣхъ могущество естествознанія надъ мертвой природой. Когда физіологъ имѣетъ дѣло съ основными функціями нервной системы, съ процессомъ нервнаго раздраженія и проведенія,—пусть эти явленія до сихъ поръ продолжаютъ быть темными въ ихъ натурѣ, — физіологъ остается естествоиспытателемъ, изслѣдуя послѣдовательно разнообразныя внѣшнія вліянія на эти общіе нервные процессы. Больше того. Когда физіологъ занимается низшимъ отдѣломъ центральной нервной системы—спиннымъ мозгомъ, когда онъ изслѣдуетъ, какъ организмъ, черезъ посредство этого отдѣла, отвѣчаетъ на тѣ или другія вліянія, т.-е. изучаетъ закономѣрныя измѣненія живого вещества подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣш-

[1]) Однимъ изъ разительныхъ примѣровъ безплодной нелогичной замѣны физіологическихъ понятій психологическими должно признать берущее свое начало отъ Геринга, а теперь представляемое Земономъ ученіе о „*мнемѣ*“. Рекомендую помѣщенную въ той же „Rivista di Scienza“ статью Земона, какъ образчикъ современной схоластики. На протяженіи всей статьи не встрѣтишь ни одного факта, а порою просто ломаешь себѣ голову, о чемъ же наконецъ идетъ рѣчь.

нихъ агентовъ, онъ остается все тѣмъ же естествоиспытателемъ. Эту закономѣрную реакцію животнаго организма на внѣшній міръ, осуществляющуюся при посредствѣ низшаго отдѣла центральной нервной системы, физіологъ зоветъ рефлексомъ. Этотъ рефлексъ, какъ и надо ожидать съ естественно-научной точки зрѣнія, строго специфиченъ: извѣстное внѣшнее явленіе обусловливаетъ только опредѣленныя измѣненія въ организмѣ.

„Но вотъ физіологъ поднимается до высшихъ отдѣловъ центральной нервной системы, и характеръ его дѣятельности сразу и рѣзко мѣняется. Онъ перестаетъ сосредоточивать вниманіе на связи внѣшнихъ явленій съ реакціями на нихъ животнаго и вмѣсто этихъ фактическихъ отношеній начинаетъ строить догадки о внутреннихъ состояніяхъ животныхъ по образцу своихъ субъективныхъ состояній. До тѣхъ поръ онъ пользовался общими естественно-научными понятіями. Теперь же онъ обратился къ совершенно чуждымъ ему понятіямъ, не стоящимъ ни въ какомъ отношеніи къ его прежнимъ понятіямъ—къ психологическимъ понятіямъ; короче—онъ перескочилъ изъ протяженнаго міра въ непротяженный. Шагъ, очевидно, чрезвычайной важности. Чѣмъ вызванъ онъ? Какія глубокія основанія побудили къ нему физіолога? Какая борьба мнѣній предшествовала ему? На всѣ эти вопросы приходится дать совершенно неожиданный отвѣтъ: передъ этимъ чрезвычайнымъ шагомъ въ научномъ мірѣ рѣшительно ничего не происходило. Естествознаніе въ лицѣ физіолога, изучающаго высшіе отдѣлы центральной нервной системы, можно сказать безсознательно, незамѣтно для себя, подчинилось ходячей манерѣ думать о сложной дѣятельности животныхъ по сравненію съ собой, принимая для ихъ дѣйствія тѣ же внутреннія причины, которыя мы чувствуемъ и признаемъ въ себѣ.

„Итакъ, физіологъ въ данномъ пунктѣ оставилъ твердую естественно-научную позицію. И что онъ пріобрѣлъ вмѣсто нея? Онъ взялъ понятія изъ того отдѣла человѣческаго умственнаго интереса, который не смотря на свою наибольшую давность, по заявленію самихъ его дѣятелей, не получилъ еще права называться наукой. Психологія, какъ познаніе внутренняго міра человѣка, до сихъ поръ сама ищетъ свои истинные методы. А физіологъ взялъ на себя неблагодарную задачу гадать о внутреннемъ мірѣ животныхъ.

„Послѣ этого нетрудно понять, что изученіе сложнѣйшей нервной дѣятельности высшихъ животныхъ почти не трогается съ мѣста. А этому изслѣдованію уже около ста лѣтъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія работа надъ высшимъ отдѣломъ мозга получила было сильный толчокъ, но и онъ не вывелъ изслѣдованіе на широкую и торную дорогу. Получено было нѣсколько капитальныхъ фактовъ

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ изслѣдованіе опять остановилось. Предметъ, очевидно, такъ огроменъ, а темы работъ вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ повторяются все рѣже; однако новаго очень мало. Безпристрастный физіологъ современности долженъ признать, что физіологія высшаго мозга находится сейчасъ въ туманѣ. *Итакъ, психологія въ качествѣ союзницы не оправдала себя передъ физіологіей*“ [1]).

Психологія не оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Физіологіи прежде всего необходимо освободиться отъ ненадежной союзницы даже въ сферѣ изученія функцій головного мозга, и впредь придерживаться области точнаго опыта—того опыта, который доставилъ профессору Павлову всемірную извѣстность. Суровый приговоръ надъ психологіей, исходящій изъ такого авторитетнаго источника, какъ результатъ его многолѣтней научной дѣятельности, невольно приводитъ на память пророческія слова, раздававшіяся въ теченіе цѣлаго столѣтія. Вспоминаются краснорѣчивыя страницы И. М. Сѣченова: „Кому и какъ разрабатывать психологію“. Вспоминается лозунгъ: „Nemo psychologus nisi physiologus“ главы величайшей физіологической школы прошлаго вѣка. Вспоминаются, наконецъ, краснорѣчивыя страницы и того великаго мыслителя, который еще въ тридцатыхъ годахъ защищалъ права физіологіи отъ притязаній психологіи и пророчилъ замѣну этой послѣдней физіологіей мозга, основанной на тщательномъ изученіи локализаціи его отдѣльныхъ функцій. Вотъ нѣкоторыя изъ мыслей, разбросанныхъ на страницахъ „Philosophie Positive“, посвященныхъ этому вопросу, и сохраняющія и теперь полное значеніе. „Раздѣлъ всей области доступнаго уму знанія между методомъ метафизическимъ и методомъ положительнымъ, предложенный Декартомъ и до сихъ поръ служившій основой для притязаній психологовъ, былъ только безотчетной уступкой духу времени и результатомъ полученнаго воспитанія. Такой радикальный антагонизмъ не вяжется съ нормальнымъ состояніемъ человѣческаго ума“. „Послѣдовательные метафизики“, продолжаетъ Контъ, „будутъ вынуждены, наоборотъ, по примѣру Де-Местра, требовать подчиненія теолого-метафизическому методу и тѣхъ областей знанія, въ которыхъ уже съ давнихъ поръ свободно утвержденъ методъ положительный“. „Очевидная нелѣпость такого исхода несомнѣнно доказываетъ, что дѣлежъ, намѣченный Декартомъ, имѣлъ то важное послѣдствіе, что предоставилъ позитивному методу свободу, необходимую для его развитія до той поры, пока ему стало подъ силу овладѣть и тѣмъ единственнымъ предметомъ, который былъ объявленъ для него запретнымъ, что̀ и случилось

[1]) Курсивъ мой.

въ нашъ вѣкъ" (1837). Ставя свой тезисъ о томъ, что наступило время замѣнить психологію физіологіей мозга, основанной на тщательномъ изученіи локализаціи его отдѣльныхъ функцій, Контъ, не смотря на крайнюю скудость современныхъ ему знаній, оптимистически считаетъ вопросъ этотъ разрѣшеннымъ для умовъ, „стоящихъ на уровнѣ своего вѣка". „Одинъ методъ", продолжаетъ онъ, „смѣняется другимъ не путемъ словопрепій, а въ силу свободной конкурренціи, на столько ясно выраженной, что человѣческій разумъ можетъ безповоротно высказать свое предпочтеніе тому изъ нихъ, который сумѣетъ дать успѣшное направленіе относящимся сюда изслѣдованіямъ. Приговоръ уже произнесенъ окончательно и метафизики перешли изъ положенія властвующихъ въ положеніе протестующихъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ ученыхъ, которые могли бы и не тревожиться этой безсильной оппозиціей, являющейся признакомъ упадка, еслибъ только она не тормозила умственнаго развитія всего общества".

Задачу, которую великій мыслитель считалъ разрѣшенной въ началѣ девятнадцатаго вѣка, нашему знаменитому ученому во всеоружіи своихъ успѣховъ приходится защищать въ двадцатомъ. Если не оправдался оптимизмъ Конта, то оправдалась его проницательность: то, что не можетъ болѣе тревожить ученыхъ, „продолжаетъ тормозить умственное развитіе общества". Профессоръ Павловъ заключилъ свою рѣчь призывомъ къ московскимъ меценатамъ, приглашая ихъ оказать содѣйствіе такъ успѣшно начатому имъ дѣлу, придти на помощь основанной имъ и уже извѣстной далеко за предѣлами нашей страны научной школѣ. Рѣчь его оказалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мало того. По какой-то ироніи судьбы газеты вскорѣ оповѣстили, что меценатъ нашелся, явилось крупное пожертвованіе для постройки института, но не для „великаго физіолога земли русской", а для одного изъ московскихъ психологовъ-метафизиковъ—институтъ, который долженъ быть въ вѣдѣніи филологическаго факультета и организованъ по образцу института профессора Вундта. Невольно припоминаются передававшіеся между работавшими въ лабораторіи Гельмгольца отзывы великаго ученаго о Вундтѣ: „можетъ-быть онъ хорошо сдѣлалъ, что перешелъ на психологію; онъ видѣлъ, что физіолога изъ него не выйдетъ". И не является ли этотъ случай новой иллюстраціей къ высказанному мною въ другомъ мѣстѣ мнѣнію о внутренней связи между современнымъ декадансомъ буржуазіи и реставраціей метафизики [1]).

К. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) „Насущныя задачи современнаго естествознанія". Съ радостью узналъ я, что

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Тихо, неслышно прошли сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ обществѣ интересъ къ земскому дѣлу совершенно упалъ. Провинціальныя газеты удѣлили земскимъ собраніямъ бѣглыя, невнятныя строки. Неинтересно... Столбцы газетъ заполнены волнующими извѣстіями о португальской революціи, объ успѣхахъ авіаціи, о новыхъ театральныхъ пьесахъ и такъ далѣе. Конечно, въ нынѣшнихъ земствахъ интереснаго и веселаго мало. Но какъ бы ни были земства сжаты, укорочены и обезлюжены, все же у нихъ на рукахъ осталось громадное хозяйство внутренней крестьянской Россіи. Здѣсь народныя школы, медицина, ветеринарія, агрономія. Все это такія сваи національнаго фундамента, отъ состоянія которыхъ въ значительной степени зависитъ судьба страны. Крѣпнутъ сваи или разрушаются? Впередъ идетъ, не смотря ни на что, крестьянская Россія—или все ползетъ и ползетъ по наклону развала? Заботливое, серьезное обслѣдованіе этихъ вопросовъ составило бы немалую заслугу провинціальныхъ газетъ, и очень жаль, что онѣ, увлекаясь внѣшней городской суетой, удѣляютъ этой области мало времени и вниманія.

Какъ и въ прошломъ году, уѣзднымъ собраніямъ пришлось снова обсуждать телеграмму предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина о предпочтительной помощи отъ земства хуторянамъ и отрубникамъ. Къ хуторской реформѣ правительство, видимо, сохраняетъ прежнее исключительное довѣріе, соединенное съ упрямой увѣренностью въ ея спасительности для деревенской Россіи. Сколько въ прошломъ году ни писали въ журналахъ и газетахъ и сколько уѣздныя и губернскія земства ни постановляли рѣшеній, доказывающихъ, что въ государственномъ и земскомъ смыслѣ было бы неправильно и несправедливо выдѣлять изъ среды всѣхъ плательщиковъ небольшую, искусственную кучку и ей давать исключительную помощь изъ общенародныхъ средствъ,—всетаки глава министерства снова призываетъ земства къ той же антигосударственной несправедливости. Изъ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій можно заключить, что многія земства

Москва успѣла отчасти отклонить отъ себя нареканія въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ успѣхамъ науки, которыми страна имѣетъ право гордиться. Комитетъ, дѣйствующій на основаніи завѣщанія Леденцова, откликнулся на призывъ профессора Павлова.

отвѣтили теперь на министерскую телеграмму съ меньшей нерѣшительностью и меньшей деликатностью, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ Твери сообщаютъ „Русскому Слову“: „По поводу циркулярной телеграммы, съ которой П. А. Столыпинъ обратился къ предводителямъ дворянства, тверской уѣздный предводитель дворянства г. Трубниковъ отвѣтилъ, что тверское уѣздное земство, намѣтивъ рядъ мѣропріятій по улучшенію сельскаго хозяйства, имѣло въ виду содѣйствовать подъему экономическаго состоянія всего населенія уѣзда и не предполагаетъ оказывать преимущественное вниманіе хуторянамъ“. Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Вятки: „Уѣздное земское собраніе, заслушавъ телеграфное предложеніе П. А. Столыпина объ оказаніи агрономической помощи хуторянамъ, постановило оказывать помощь вообще всѣмъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и хуторянамъ. Выяснилось, что въ Вятскомъ уѣздѣ имѣется всего два крестьянскихъ хутора“. Въ крестьянскомъ вятскомъ земствѣ особенно странной показалась сановная просьба изъ Петербурга объ исключительной заботѣ, посвященной, вѣроятно, двумъ хуторянамъ! Въ симферопольскомъ земскомъ собраніи,—судя по мѣстнымъ газетамъ,—телеграмма П. А. Столыпина вызвала нѣкоторыя пренія. „Гласный Конради указалъ, что это повтореніе прошлогодняго предложенія, и собраніе уже высказало свой взглядъ, что отрубныхъ хозяйствъ въ уѣздѣ мало и земство не видитъ необходимости оказывать помощь однимъ хуторянамъ, а не всему населенію. На это возражалъ гласный М. Е. Серебряковъ: „Въ теченіе послѣдняго времени число хуторскихъ хозяйствъ достигло шестисотъ. Я не согласенъ, что этой формѣ землевладѣнія мы должны оказывать такое же вниманіе, какъ и другимъ. Въ этой новой формѣ землевладѣнія и землепользованія заключаются всѣ надежды на прогрессъ и преуспѣяніе нашего сельскаго хозяйства“. Гласный Муравьевъ поддерживалъ взглядъ В. В. Конради, доказывая, что почвенныя и климатическія условія Крыма не создаютъ благопріятной почвы для индивидуальнаго веденія хозяйства, и индивидуалисты избираютъ путь средній, прибѣгая къ содѣйствію общины. Частновладѣльческихъ земель у насъ сколько угодно, но то, что создается закономъ 9 ноября, у насъ не прививается, и было бы несправедливо, удѣляя хуторянамъ особое вниманіе, поощрять то, что у насъ не прививается. Оставляя принципіальную точку зрѣнія, можно сказать, что одни мѣстныя условія должны насъ удержать отъ этого. Это прекрасно доказывается тѣмъ, что хуторское хозяйство у насъ не прививается, не смотря на то, что этимъ заняты землеустроительныя коммиссіи и крестьянскій банкъ. Намъ нужно остаться при прежнемъ рѣшеніи. В. В. Конради оспариваетъ цифры, приведенныя Серебряковымъ: отрубниковъ и хуторянъ не наберется и

сотни. Серебряковъ предлагаетъ навести справки о положеніи хуторянъ у землеустроительныхъ коммиссій, такъ какъ избранная земствомъ коммиссія, составившаяся изъ противниковъ единоличнаго владѣнія, ничего не сдѣлала для уясненія вопроса. М. К. Муравьевъ протестуетъ противъ отказа отъ своихъ земскихъ органовъ: изберемъ другую земскую коммиссію, если настоящая неудовлетворительна, но не надо спрашивать у землеустроительной коммиссіи. Собраніе помирило спорящихъ: оно приняло предложеніе В. В. Конради повторить прошлогодній отвѣтъ, но въ то же время, согласно предложенію Серебрякова, рѣшило просить землеустроительную коммиссію представить докладъ о положеніи хуторского хозяйства въ уѣздѣ". Изъ этого краткаго газетнаго отчета видно, что указъ 9 ноября внесъ раздоръ не только въ среду крестьянъ, но и въ земскіе круги. Упрямая настойчивость правительства въ хуторской проповѣди видимо вызываетъ въ нѣкоторыхъ земцахъ совершенно обратные результаты: противъ хуторской системы и противъ самихъ хуторянъ начинаютъ чувствовать раздраженіе. Земцы отказываются слѣдить за ходомъ хуторской реформы; земскіе гласные не могутъ даже приблизительно сказать, сколько хуторянъ имѣется въ ихъ собственномъ уѣздѣ, а коммиссія, спеціально избранная для этой цѣли, не выполняетъ своей прямой работы, потому что состоитъ „изъ противниковъ единоличнаго владѣнія". Это говоритъ, конечно, не въ пользу симферопольскихъ земцевъ. Какъ бы ни было, а свое уѣздное хозяйство они должны знать; нѣтъ основаній оказывать хуторянамъ и отрубникамъ исключительное вниманіе, но несправедливо оставлять ихъ совершенно внѣ земской заботы. Они—земскіе плательщики, и на равное съ общинниками попеченіе земства имѣютъ всѣ права. Но вмѣстѣ съ тѣмъ досада и раздраженіе земцевъ вполнѣ понятны. Это—неизбѣжное слѣдствіе бюрократическаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь. Измышленная въ петербургскихъ канцеляріяхъ реформа естественно не прикладывается ко многимъ и разнообразнымъ условіямъ жизни на мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ хуторская реформа можетъ быть въ томъ или другомъ смыслѣ удобна для введенія въ крестьянскій бытъ, въ другомъ—совершенно неподходяща, въ третьемъ — пріемлема на половину или на треть, съ различными приспособленіями къ мѣстнымъ условіямъ. Земскимъ работникамъ, разумѣется, должно быть досадно, что изъ Петербурга, ничего не видя и многаго не понимая, учатъ ихъ земскому хозяйству на придуманныхъ циркулярныхъ началахъ.

Какъ и въ прошломъ году, нѣкоторыя земства примѣнили хитроумный выходъ изъ положенія, созданнаго телеграммой П. А. Столыпина. „Псковское уѣздное собраніе признало необходимость планомѣрныхъ и обширныхъ агрономическихъ мѣропріятій, если прави-

тельство дастъ ссуду въ 44.000 рублей, о чемъ и постановлено по телеграфу сообщить П. А. Столыпину". Въ такомъ же родѣ рѣшеніе владимірскаго уѣзднаго собранія. Оно послало двѣ телеграммы: въ одной выражаетъ готовность „идти на встрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ", въ другой же сообщаетъ, что собраніемъ постановлено „учредить агрономическую участковую организацію въ четыре участка, если ходатайство земства предъ правительствомъ о принятіи на счетъ казны половины расходовъ на агрономовъ будетъ удовлетворено".

Не рискуя большой ошибкой, можно сказать, что надежда на щедрыя казенныя субсидіи значительно повліяла и на рѣшенія тѣхъ земствъ, которыя безъ оговорокъ выразили почтительное сочувствіе казенно-земельной реформѣ. Въ крестьянскомъ населеніи, помимо хуторскихъ и отрубныхъ тенденцій, за послѣдніе годы обнаружился широкій интересъ къ совѣтамъ и опытамъ ученой агрономіи. Земства—и правыя, и прогрессивныя—охотно пошли навстрѣчу запросамъ деревни. Но такъ какъ обычная скудость земскихъ кассъ не позволяла дѣлать большихъ шаговъ на этомъ пути, то правительственное увлеченіе земельной политикой явилось очень кстати. Правительство охотно даетъ деньги на агрономовъ и агрономическіе опыты, полагая, что все это очень способствуетъ излюбленной хуторской реформѣ; земства охотно берутъ казенныя деньги, а населеніе—и хуторяне, и отрубники, и общинники, которыхъ почти вездѣ подавляющее большинство, — съ охотой пользуются совѣтами агрономовъ, слушаютъ ихъ разъѣздныя лекціи, присматриваются къ опытнымъ полямъ, покупаютъ на льготныхъ условіяхъ изъ земледѣльческихъ складовъ сѣмена, плуги и другія орудія. Эта сторона правительственнаго увлеченія земельной реформой, несомнѣнно, приноситъ населенію косвенную, но значительную пользу. Даже изъ такихъ, напримѣръ, краткихъ газетныхъ сообщеній видно, что въ этой области жизнь идетъ довольно бойко впередъ: „Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, работа земскаго склада сельско-хозяйственныхъ орудій быстро возросла. За первую половину 1910-го года продано орудій на 12,538 рублей, т.-е. больше, чѣмъ за весь прошлый годъ. Какъ и повсюду, собраніе ходатайствуетъ о правительственной ссудѣ". Есть губерніи въ родѣ Самарской, о которой мѣстные люди съ гордостью говорятъ, что въ ней за послѣдніе годы въ крестьянскомъ хозяйствѣ произошелъ цѣлый переворотъ. Вѣковая соха почти исчезла съ крестьянскихъ полей; земство наводнило губернію усовершенствованными плугами, и крестьянство вообще втягивается постепенно въ иной, улучшенный ходъ полевого хозяйства. Конечно, Самарская губернія не представляетъ особаго исключенія въ ряду другихъ. Тѣмъ или другимъ темпомъ жизнь

въ этомъ смыслѣ почти вездѣ во внутренней Россіи идетъ впередъ. Нѣкоторыя земства не пожелали, даже и въ чаяніи правительственной помощи, прикрывать, въ отвѣтѣ на телеграмму П. А. Столыпина, широкое значеніе земской агрономіи независимо отъ хуторскихъ и отрубныхъ опытовъ. Рязанское земство, напримѣръ, отвѣтило министерству: „Земство вполнѣ сознаетъ необходимость оказанія широкой агрономической помощи всему сидящему на землѣ населенію. Подтверждая прошлогоднее постановленіе управы по тому же вопросу, которымъ признано необходимымъ оказывать агрономическую помощь одинаково какъ лицамъ, оставшимся при общинномъ владѣніи, такъ и перешедшимъ къ хуторскому хозяйству, земство, для удовлетворенія все возростающей нужды въ агрономическихъ мѣропріятіяхъ, только-что приняло проектъ введенія въ уѣздѣ участковой агрономіи, по которому, взамѣнъ одной существующей должности агронома, учреждаются четыре. Кромѣ того, земство осуществляетъ и другія мѣропріятія — устраиваетъ зерноочистительные пункты и т. д. Земство охотно пойдетъ навстрѣчу широкому развитію мелкаго кредита для улучшенія крестьянскихъ жилищъ и приданія имъ огнестойкости".

Рязанское земство представляетъ не исключеніе, а, такъ сказать, норму нынѣшняго земскаго настроенія. Многія уѣздныя земства идутъ по тому же пути. Тамъ, гдѣ лѣтъ пять назадъ на весь уѣздъ съ трудомъ держали одного земскаго агронома, мрачно косясь на него, теперь вводится участковая агрономія, т.-е. въ уѣздѣ уже водворяется по четыре, по шести агрономовъ. И, кажется, правыя земства работаютъ въ этомъ направленіи ретивѣе прогрессивныхъ. Получается нѣсколько странная и на первый взглядъ загадочная картина: вѣковѣчные противники — крестьяне и помѣщики — нашли неожиданную точку соприкосновенія для совмѣстной работы. Почему-то оба міра—и крестьянскій, и помѣщичій — почувствовали интересъ и довѣріе къ агрономіи. Между тѣмъ эта странность представляется естественнымъ послѣдствіемъ недавней революціи. Практическій умъ мужика изъ всѣхъ пережитыхъ потрясеній и пораженій вынесъ, видимо, одно прочное убѣжденіе: нельзя больше въ темнотѣ жить, надо учиться, всему учиться. А такъ какъ подъ рукой оказалась агрономія, то деревня взялась и за агрономію. Для помѣщиковъ революція вынесла другой урокъ: крестьянинъ оголодалъ и озлобился на своей тощей, постылой землѣ. Онъ не перестанетъ смотрѣть на сосѣдскую помѣщичью землю жадными, полными вражды глазами. Надо найти способъ прикрѣпить мужика къ его крестьянской землѣ, заставить его полюбить ее и сдѣлать эту тощую землю плодородной и достаточной для удовлетворенія аппетита жаднаго мужика. Такимъ образомъ народилась сначала казенная мечта въ видѣ указа 9-го ноября, который долженъ

былъ научить мужика сладкому сознанію собственности, а рядомъ съ ней явилась и вторая, общепомѣщичья мечта—научить мужика, посредствомъ агрономіи, брать отъ земли богатые урожаи. Тутъ кстати явились легенды о трудолюбивыхъ китайцахъ, которые выдѣлываютъ со своей землей чудеса, получаютъ урожаи самъ-триста, самъ-четыреста и съ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженъ собираютъ злаковъ больше, чѣмъ наши неразумные мужики съ нѣсколькихъ десятинъ. Выплыли на общественную сцену краснорѣчивые проповѣдники волшебной грядковой культуры. Принялись ахать надъ глупостью русскаго мужика, который имѣетъ „слишкомъ много“ земли и, по своему невѣжеству, нищенствуетъ около несмѣтнаго богатства. Наивными бываютъ не только отдѣльные люди: въ наивность могутъ впадать цѣлые общественные классы. Наивной можетъ быть цѣлая историческая полоса. И вотъ, такой наивный періодъ земельной политики суждено пережить теперь Россіи. Наивность заключается не въ частной собственности и не въ грядковой культурѣ; на своемъ мѣстѣ можетъ быть превосходна и грядковая культура. Наивность—въ томъ, что по кабинетному измышленію, не считаясь ни съ историческими, ни съ государственными, ни съ національными, ни съ климатическими условіями, хотятъ совершить крутой переворотъ въ народномъ хозяйствѣ. Китаецъ сдѣлался китайцемъ не сразу, а въ теченіе вѣковъ, подъ вліяніемъ китайскихъ условій жизни. Русскій крестьянинъ въ теченіе вѣковыхъ условій своей жизни сдѣлался тѣмъ, что̀ онъ теперь собою представляетъ. И сдѣлать его похожимъ на китайца, можетъ-быть, и можно, но не сразу и не такъ просто... Наивны также старанія нѣкоторыхъ правыхъ помѣщиковъ убѣдить мужиковъ, что много земли имѣть вредно, въ то время какъ они сами крѣпко держатся за свои тысячи десятинъ, не считая ихъ для себя вредными и всячески обороняясь отъ призраковъ отчужденія. Младенческая вѣра въ младенческую глупость мужика... И всетаки повальное увлеченіе агрономіей, вѣроятно, ничего кромѣ значительной пользы не принесетъ крестьянской Россіи. Если агрономы не создадутъ изъ мужика китайца или излюбленнаго правительствомъ хуторянина-собственника, то потокъ спеціальныхъ знаній и спеціальнаго научнаго опыта, пролившійся въ деревню, дастъ иные результаты, естественные и благотворные. Жизнь сумѣетъ приспособить къ своимъ нуждамъ научную агрономическую помощь, помимо казенно-сословныхъ подсказовъ и подталкиваній.

Кромѣ агрономіи, правительство стало въ послѣднее время поощрять начальное народное обученіе, давая многимъ земствамъ съ этой цѣлью значительныя субсидіи. Казенныя деньги упали какъ оживляющій дождь на нѣкоторыя земскія нивы. Въ балашовскомъ

земскомъ собраніи предсѣдатель смѣтной коммиссіи, Н. Н. Львовъ, говорилъ: „Обороты земства быстро расширились, увеличились. Недавно намъ приходилось учитывать каждую копейку, теперь же мы имѣемъ значительныя средства, даже избытокъ. И мы, считаясь съ запросами населенія, должны умѣло ихъ использовать. Требованія жизни растутъ. Большой спросъ на школы; нужно больничное строительство". Предсѣдатель управы К. Б. Веселовскій обрисовалъ цифрами состояніе земскаго хозяйства: „Смѣта увеличена на 30 процентовъ и достигла милліонной суммы. На слѣдующій годъ увеличеніе предполагается еще большее — на 553 тысячи рублей, т.-е. она достигнетъ 1.300.000 рублей. Ростъ смѣты объясняется тѣмъ, что правительство стало приходить на помощь земству; напримѣръ, министерство народнаго просвѣщенія дало пособіе въ 140 тыс. руб., министерство земледѣлія—около 15 тыс. рублей. Обороты земской кассы мелкаго кредита на текущій годъ предполагались въ 30 тыс., теперь же предположены въ 140 тыс. руб.; обороты сельско-хозяйственнаго склада въ прошломъ году предполагались въ 190 тыс. руб., въ текущемъ году они достигли 400 тыс. рублей, на будущій годъ они будутъ равны 425 тыс. руб.". Конечно, не одно балашовское земство попало въ такое счастливое положеніе. Во многихъ земствахъ дѣло начальнаго обученія сильно двинулось впередъ, приближаясь ко всеобщему. Однако нужно отмѣтить, что имѣются почему-то и обойденныя земства. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ вольской уѣздной управы, прочитанномъ въ собраніи, есть такія строки: „По принятому вольскимъ земствомъ министерскому проекту о всеобщемъ обученіи, земство должно было построить въ 1909 и 1910-мъ годахъ 29 школъ, съ 51 комплектомъ. По неотпуску министерствомъ средствъ открыта только одна школа". И это въ одной и той же Саратовской губерніи! Одно уѣздное земство, благодаря щедротамъ казны, имѣетъ въ средствахъ „даже излишекъ", другое—въ два года не могло ничего получить изъ обѣщанныхъ на школы суммъ. Очевидно, въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ царитъ по прежнему значительный сумбуръ.

Если петербургскіе циркуляры, при всемъ ихъ реформаторскомъ жарѣ, оказываютъ слабое или смутное вліяніе на крестьянскій бытъ, то есть среда, въ которой тѣ же циркуляры производятъ магическое, почти чудотворное дѣйствіе. Въ прошломъ году, послѣ циркулярной телеграммы П. А. Столыпина, чуть ли не всѣ губернаторы мгновенно превратились въ ревностныхъ агрономовъ и произносили при открытіи земскихъ собраній вдохновенныя агрономическія рѣчи, поучая изумленныхъ сельскихъ хозяевъ, какъ нужно правильно сѣять рожь и пшеницу. Въ нынѣшнемъ году инспектора народныхъ училищъ также внезапно сдѣлались ревностнѣйшими проповѣдниками

военной гимнастики и шагистики. „Саратовскій Листокъ“ даетъ, напримѣръ, такой отчетъ о вольскомъ земскомъ собраніи, гдѣ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ ярко проявилъ свое новое увлеченіе. „Читается длинный докладъ управы о введеніи въ сельскихъ школахъ Вольскаго уѣзда обученія гимнастикѣ и военному строю. Озабочиваясь проведеніемъ въ школьную жизнь опредѣленно-выраженной Высочайшей воли и встрѣчая на пути къ достиженію указанной цѣли недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, инспекторъ народныхъ училищъ проситъ земскую управу, не найдетъ ли она возможнымъ внести въ смѣту расходовъ по народному образованію на 1911-ый годъ необходимую сумму на преподаваніе военнаго строя и гимнастики въ начальныхъ земскихъ и министерскихъ училищахъ уѣзда. Сверхъ того, инспекторъ высказалъ въ своемъ докладѣ слѣдующее соображеніе. Занятія гимнастикой должны происходить на открытомъ воздухѣ, въ продолженіе всего теплаго времени весною, осенью и лѣтомъ. Длинное вакаціонное время въ начальныхъ школахъ настолько утомительно и однообразно, и досуга въ это время, особенно въ межработицу и по частымъ праздничнымъ днямъ, такъ много, что представляется полная возможность утилизировать это время для обученія строю и гимнастикѣ. Въ видахъ болѣе широкаго осуществленія этого полезнаго дѣла и въ цѣляхъ придать ему наибольшую практическую жизненность, можно, съ согласія лицъ, причастныхъ къ обученію, приглашать къ совмѣстнымъ занятіямъ и подростковъ, бывшихъ школьниковъ, и даже небывшихъ школьниковъ, лишь бы молодые люди не приносили вреда своимъ участіемъ. Въ школьныхъ отрядахъ должна быть введена дисциплина, а послѣ занятій необходимо производить смотры, для чего можно ходатайствовать передъ военнымъ начальствомъ о командированіи офицеровъ изъ мѣстныхъ войскъ. Земская управа, докладывая о вышеизложенномъ земскому собранію, доводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія, что къ очередному собранію разработать столь важнаго вопроса управа не успѣла, и проситъ собраніе передать разработку этого вопроса въ училищную коммиссію совмѣстно съ вольской земской управой. *Графъ Уваровъ.* Конечно. Необходимо передать въ коммиссію. Пусть министерство устроитъ эту самую гимнастику. По моему мнѣнію, устроить ее невозможно. Но... ничего. Пусть дастъ намъ образецъ. Мы на слѣдующемъ очередномъ собраніи его разсмотримъ. *Инспекторъ Павленко.* Подобная передача равносильна отказу. Я бы попросилъ господъ гласныхъ высказаться. Въ данное время всѣ ученые авторитеты Востока и Запада пришли къ единогласному выводу о пользѣ гимнастики. Ждать съ этимъ дѣломъ нельзя. Необходимо приступать немедленно. Министерство не можетъ вводить обученіе строю на свои деньги. Для этого потребовались бы милліоны.

Слѣдовательно, необходимо обратиться къ мѣстнымъ средствамъ. Если этого не будетъ, я прямо, въ исполненіе Высочайшей воли, долженъ завести обученіе гимнастикѣ на свои средства. Всѣ авторитеты науки, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, пришли къ общему выводу, что школа должна давать не только образованіе. Чему учитъ наша школа? Писать, читать, ну, скажемъ, немного ариѳметикѣ. Но это не важно. Важно воспитаніе. А воспитаніе состоитъ въ возбужденіи и сохраненіи патріотическаго чувства. Эта стройная маршировка, эти флаги, развѣвающіеся по воздуху, это пѣніе военныхъ пѣсенъ! Все это должно въ высокой степени развивать патріотическое чувство. Рѣшительно заявляю, что я долженъ буду устроить обученіе на свой собственный счетъ. *Графъ Уваровъ.* Гимнастику то вводили, то опять уничтожали. По моему, вводить эту гимнастику въ теперешней русской школѣ совершенно безцѣльно и не нужно. Приглашать какихъ-то неизвѣстныхъ унтеровъ. Они будутъ пьянствовать, да еще, пожалуй, бить дѣтей, вотъ и все. Какая гимнастика на воздухѣ въ нашемъ климатѣ, да когда зимой три четверти ребятъ бѣгаетъ въ школу въ отцовскихъ полушубкахъ и безъ валенокъ? А лѣтомъ крестьянскимъ ребятишкамъ приходится дѣлать такую всестороннюю гимнастику, о которой авторитеты западной и восточной науки врядъ-ли имѣютъ понятіе. Цѣлыми днями они косятъ, сгребаютъ сѣно, жнутъ, убираютъ и пасутъ скотину, боронуютъ. Въ праздникъ имъ врядъ отдохнуть да хоть выкупаться. *Инспекторъ Павленко.* Нужно развивать патріотическое чувство, отвратить грядущую бѣду, предупредить преступленія. Нужно вспомнить о гибели нашего флота, объ японской войнѣ. *Графъ Уваровъ.* Право, не понимаю, при чемъ тутъ флотъ и японская война. Деревенскимъ дѣтямъ прежде всего необходимо, чтобы ихъ накормить досыта". Послѣ преній собраніе единогласно постановило передать вопросъ въ коммиссію, т.-е., иными словами, деликатно отклонило настойчивую просьбу инспектора. Петровское уѣздное собраніе (Саратовской губерніи) также отклонило предложеніе о введеніи обученія гимнастикѣ и военному строю. Но въ нѣкоторыхъ земствахъ вопросъ повернулся иначе, такъ какъ его сумѣли обставить поискуснѣе. Корреспондентъ „Южнаго Края" разсказываетъ о полтавскомъ земскомъ собраніи: „Достойно быть отмѣченнымъ предложеніе правыхъ гласныхъ о введеніи въ земскихъ школахъ уѣзда обученія военному строю. Застрѣльщикомъ выступилъ извѣстный лидеръ правыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, непремѣнный членъ губернской землеустроительной коммиссіи К. А. Невіандтъ. Ссылаясь на успѣхи бахмутскаго инспектора народныхъ училищъ Луцкевича, гласный настойчиво рекомендовалъ чуть-ли не всѣхъ школьниковъ уѣзда превратить въ по-

тѣшное войско. Управа, въ лицѣ предсѣдателя Е. П. Ганько, энергично возражала. Но ни голосъ предсѣдателя, бывшаго военнаго офицера, ни протестующій голосъ другого гласнаго-военнаго не помогли. Гласный Невіандтъ доказывалъ, что обученіе школьниковъ военному строю и патріотично, и ведетъ ко благу родины, и, конечно, никто изъ гласныхъ не осмѣлился баллотировать противъ „патріотизма". Неудовольствіе гласныхъ вызвалъ слѣдующій неудобный пріемъ гласнаго Невіандта, поставившаго втупикъ гласныхъ, особенно изъ крестьянъ. Когда Невіандтъ увидѣлъ, что собраніе склоняется къ провалу его предложенія о „потѣшныхъ", онъ обратился главнымъ образомъ къ гласнымъ-крестьянамъ и сказалъ: „Луцкевичъ получилъ Высочайшее одобреніе обученія школьниковъ военному строю, и вы, господа, сомнѣваетесь въ цѣлесообразности этого патріотическаго метода воспитанія?" Послѣ этихъ словъ, какъ намъ заявили гласные, многіе считали для себя неудобнымъ баллотировать противъ потѣшныхъ. На приглашеніе инструкторовъ ассигновано 1.500 рублей въ годъ. Инструкторовъ предположено вербовать изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей".

Итакъ, новая петербургская мечта, опыты съ которой будутъ производиться по всей Россіи: превратить сиволапое крестьянство въ строевиковъ и патріотовъ. Мечта эта, впрочемъ, не новая. Помнится, мнѣ самому, лѣтъ двадцать тому назадъ, приходилось маршировать на школьномъ дворѣ подъ команду унтера, который потѣшалъ насъ своими восклицаніями: „Ать, два! Отставить! Вопять сначала!" и т. д. Кромѣ потѣхи, ничего тогда во всѣхъ школахъ не вышло изъ этой затѣи, и въ этомъ смыслѣ были мы всѣ, дѣйствительно, „потѣшные". Теперь, видимо, хотятъ приняться за тотъ же опытъ съ большей энергіей. Но результаты будутъ, вѣроятно, такіе же „потѣшные". И даже съ инспекторовъ народныхъ училищъ, навѣрное, усердіе быстро соскочитъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, съ ними серьезно спорить и доказывать, что даже для военныхъ цѣлей въ двадцатомъ вѣкѣ съ одной шагистикой далеко не уйдешь. И какъ разъ японская война дала намъ въ этомъ смыслѣ жестокій урокъ. Пока наши безграмотные солдаты безпомощно бродили среди маньчжурскаго гаоляна да по цѣлымъ мѣсяцамъ не могли научиться стрѣлять изъ пушекъ новаго образца, японскіе солдаты дѣйствовали съ планами въ карманахъ, съ подготовкой и точнымъ разсчетомъ. Культура и наука даютъ теперь народамъ побѣдное оружіе на мирномъ и на бранномъ полѣ, а не шагистика. Конечно, отлично знаютъ это и инспектора народныхъ училищъ, но, памятуя счастливую карьеру инспектора Луцкевича, съ паѳосомъ, да какъ можно погромче, чтобы въ Питерѣ слышали,

говорятъ на земскихъ собраніяхъ о чрезвычайной и спасительной важности военной гимнастики и военнаго строя.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Похороны С. А. Муромцева, какъ „признакъ времени“.—Засѣданіе 15-го октября въ Государственной Думѣ.—Результаты „охранной политики“ (Москва, Кіевъ) и новый ея манифестъ (Нижній Новгородъ).—Юбилей „академическаго союза“ и рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Правила о сектантскихъ собраніяхъ.—Начало думскихъ преній о начальной школѣ.—Юбилей П. Д. Боборыкина.

Съ тѣхъ поръ, какъ проснулась въ Россіи общественная жизнь, погребеніе тѣхъ, кто высоко поднимался надъ среднимъ уровнемъ и оставилъ глубокій слѣдъ въ народномъ сознаніи, получаетъ характеръ событія и соединяетъ въ одномъ чувствѣ, хотя бы на нѣсколько часовъ. толпы людей, въ другое время идущихъ каждый своей дорогой. И по мѣрѣ того, какъ растетъ и ширится интересъ къ общему дѣлу, увеличивается значеніе немногихъ моментовъ, заставляющихъ забыть о мелкой злобѣ дня, о будничной прозѣ. Въ первый разъ, если мы не ошибаемся, обычный типъ похоронной процессіи, съ участіемъ однихъ только родственниковъ и знакомыхъ покойнаго, былъ нарушенъ полвѣка тому назадъ, когда умеръ геніальный актеръ Мартыновъ. Годъ спустя за гробомъ Добролюбова слѣдовали, вмѣстѣ съ сотрудниками его и друзьями, поклонники его идей и его таланта. Время было мрачное, смутное; понимавшихъ всю тяжесть понесенной потери было сравнительно немного; но въ памяти тѣхъ, кто пережилъ этотъ пасмурный ноябрьскій день 1861-го года, осталось ощущеніе чего-то новаго, небывалаго въ Россіи. Не большею задушевностью, но гораздо большею торжественностью отличались, шестнадцать лѣтъ спустя, похороны Некрасова. Еще величественнѣе было зрѣлище, представленное похоронами Достоевскаго (1881), Тургенева (1883), Салтыкова (1889). Что-то особенное, предвѣщавшее бурю, носилось въ воздухѣ во время похоронъ Шелгунова (1891). У всѣхъ еще свѣжо въ памяти впечатлѣніе, произведенное погребеніемъ кн. Сергѣя Трубецкого (1905). При похоронахъ С. А. Муромцева повторилась та же картина, но, по видимому, въ размѣрахъ еще болѣе широкихъ. Напрасны усилія услужливыхъ перьевъ уменьшить важность того, что происходило въ Москвѣ въ знаменательный день 7-го октября. Нельзя въ

какіе-нибудь два дня поставить на ноги цѣлый городъ, нельзя создать настроеніе, поражавшее именно своимъ единодушіемъ, исключавшее всякую мысль о разогрѣваніи или поддѣлкѣ. Въ погребальной процессіи не было ничего внѣшне-привлекательнаго, тѣшащаго слухъ или зрѣніе; не было ни музыки, ни знаменъ, ни блестящихъ мундировъ. Чтобы ожидать ее на улицѣ въ теченіе цѣлыхъ часовъ или идти за нею черезъ всю Москву, недостаточно было простого любопытства: нужно было сердечное уваженіе къ почившему—или сочувствіе тому, что̀ составляло смыслъ его жизненной работы. Въ большинствѣ случаевъ, дѣйствовало, переплетаясь въ разныхъ сочетаніяхъ, и то, и другое. Благодаря первому, похороны С. А. Муромцева не были демонстраціей изъ числа тѣхъ, при которыхъ имя даннаго лица отступаетъ на задній планъ, мало кого интересуетъ, мало даже кому извѣстно; благодаря послѣднему, онѣ получили символическій характеръ и служатъ признакомъ времени.

Воспоминаніямъ о С. А. Муромцевѣ посвящены другія страницы въ настоящей книжкѣ нашего журнала; мы коснемся здѣсь только одной стороны его жизни. Его выдающіяся умственныя силы признаютъ всѣ, даже его противники—за исключеніемъ тѣхъ, которые не постыдились бросать грязь на его свѣжую могилу, загрязняя, конечно, только самихъ себя. Между тѣмъ, сколько разъ онъ былъ удаляемъ съ дороги, на которую его влекло призваніе, на которой онъ могъ сослужить государству и народу самую полезную службу! Превосходный профессоръ, любимый и уважаемый слушателями, возведенный товарищами, не смотря на молодые годы, на отвѣтственный постъ проректора, онъ вытѣсняется изъ университета, на основаніи какихъ-то закулисныхъ обвиненій, безъ предоставленія ему возможности сказать что-либо въ свое оправданіе. Онъ старается найти суррогатъ каѳедры въ юридическомъ обществѣ, вкладываетъ массу труда въ веденіе засѣданій и въ изданіе органа общества; его дѣятельность въ этой области сначала урѣзываютъ на половину, подчиняя „Юридическій Вѣстникъ“ предварительной цензурѣ и обрекая его тѣмъ самымъ на добровольную смерть—а потомъ прекращаютъ ее вовсе, закрывая, изъ-за самаго ничтожнаго повода, юридическое общество. Для Муромцева остается открытой только адвокатура, и онъ быстро занимаетъ въ ней видное мѣсто; но не къ ней тяготѣла его природа, и онъ увеличиваетъ собою число тѣхъ адвокатовъ malgré eux, которыхъ немало у насъ создалъ старый режимъ. Одною изъ особенностей этого режима было вообще неумѣнье или нежеланье ставить the right men in the right places, предоставлять каждому свободу дѣйствія именно тамъ, гдѣ онъ могъ бы всего шире развернуть свои дарованія. По истинѣ неисчислимо количество силъ, именно

потому не нашедшихъ примѣненія, напрасно растраченныхъ, безслѣдно угасшихъ. Всѣмъ памятна судьба Сперанскаго, Николая Милютина, кн. Черкасскаго, Пирогова (какъ государственнаго дѣятеля), Головнина, Виктора Арцимовича, Лорисъ-Меликова; всѣмъ понятно значеніе потерь, понесенныхъ высшей школой въ лицѣ Кавелина, Спасовича, Пыпина, Костомарова, Драгоманова, Дмитріева, Чичерина; но это только небольшая часть именъ, которыя могли бы быть внесены въ синодикъ своеобразнаго россійскаго мученичества. Теперь старое преданіе воскресло въ новой, еще худшей формѣ. Уже не отдѣльныя лица, а цѣлыя категоріи лицъ систематически устраняются отъ дѣятельности, составляющей ихъ настоящее призваніе — дѣятельности, благодаря которой ихъ жизнь могла бы быть счастливой и полной, а государство могло бы пріобрѣсти или сохранить немало преданныхъ и способныхъ работниковъ. Неудачно редактированная и тенденціозно истолкованная статья закона закрываетъ доступъ въ Государственную Думу, въ земство, въ городское общественное управленіе не только для тѣхъ, кто подвергся, по суду, ограниченію политическихъ и гражданскихъ правъ, но и для тѣхъ, кто *могъ* подвергнуться ему, потому что обвинялся въ проступкѣ, *иногда* влекущемъ за собою подобное ограниченіе. Можно подумать, что у насъ талантами и знаніями мощены улицы, что предложеніе ихъ далеко превышаетъ спросъ и для бережнаго отношенія къ нимъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія— тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ этой сферѣ наблюдается скорѣе бѣдность, чѣмъ богатство. Однимъ процессомъ выбрасываются за бортъ десятки людей, которыми дорожила бы всякая другая страна, которыхъ даже нашъ современный судъ не нашелъ достойными суровой кары. Еслибы не пресѣклась преждевременно жизнь Муромцева, онъ все же былъ бы потерянъ, на неопредѣленное число лѣтъ, для активной политики, какъ потеряны для нея многіе изъ лучшихъ ораторовъ первой Государственной Думы, многіе земскіе и общественные дѣятели, заслуги которыхъ стоятъ внѣ всякаго спора. Намъ кажется, что смерть Муромцева должна напомнить о необходимости пересмотрѣть роковой пунктъ 1-ый ст. 10-ой положенія о выборахъ въ Государственную Думу—необходимости, сознанной даже октябристами, когда думское большинство признало А. М. Колюбакина потерявшимъ право на званіе члена Думы. Трудно предположить, конечно, чтобы такой пересмотръ привелъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, къ желанной цѣли: ему не преминуло бы помѣшать большинство Государственнаго Совѣта. Нравственное обязательство Думы сохраняетъ, тѣмъ не менѣе, всю свою силу: она должна протестовать противъ порядка, санкціонирующаго вопіющую несправедливость. Нельзя примириться съ закономъ, при дѣйствіи котораго человѣкъ, вышедшій изъ суда безъ вся-

каго ущерба для своей правоспособности, является, de facto, политически безправнымъ.

Символическое значеніе похоронъ Муромцева можно выразить немногими словами: это была какъ бы реабилитація первой Государственной Думы. Для многихъ, конечно, въ такой реабилитаціи не было надобности. Кто слѣдилъ безпристрастно за дѣятельностью первой Думы, кто не перешелъ, вслѣдъ за ея роспускомъ, на сторону побѣдителей, кто умѣлъ разобраться въ обвиненіяхъ, обрушившихся на побѣжденныхъ, тотъ составилъ себѣ и раньше точное понятіе о мѣстѣ, какое долженъ занять въ нашей исторіи первый опытъ народнаго представительства; но можно было думать, что взглядъ меньшинства не совпадаетъ съ впечатлѣніемъ, оставшимся въ широкихъ массахъ. Теперь стало ясно, что разница между тѣмъ и другимъ во всякомъ случаѣ невелика. Это не значитъ, что всецѣло одобряется все сдѣланное, предпринятое или намѣченное первой Думой. Не настолько распространено всестороннее знакомство съ ея дѣятельностью, не настолько и единодушна оцѣнка наиболѣе важныхъ ея моментовъ: разногласія здѣсь всегда были и всегда будутъ. Мы имѣемъ въ виду только *настроеніе*, которое чувствовалось съ самой первой вѣсти о смерти Муромцева и съ яркостью, не оставляющею мѣста для сомнѣній, выразилось въ день его похоронъ. Первая Дума дорога многимъ, очень многимъ — дорога, во-первыхъ, своимъ составомъ, во-вторыхъ своей программой. Ея составъ давалъ хотя и неполную, но, въ главныхъ чертахъ, вѣрную картину населенія имперіи, со всѣми его народностями, со всѣми его сословіями и классами, со всѣми существующими въ немъ теченіями. До извѣстной степени то же самое можно сказать и о составѣ второй Думы; но въ немъ больше были замѣтны постороннія, случайныя вліянія, коренившіяся, съ одной стороны, въ разъясненіяхъ Сената, съ другой — въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за роспускомъ первой Думы. Не со второй Думой, притомъ, невольно сравниваютъ первую, а съ третьей — и это сравненіе чрезвычайно выгодно для первой Думы. Пробѣламъ и искусственнымъ комбинаціямъ, создавшимъ право-октябристское большинство, естественно противополагается избирательная система, меньше шедшая въ разрѣзъ съ жизнью, меньше расходившаяся съ условіями и предпосылками истинно народнаго представительства. Что касается до программы, выставленной первою Думою въ отвѣтѣ на тронную рѣчь, то и ее освѣщаетъ новымъ свѣтомъ дѣятельность третьей Думы. Поразителенъ контрастъ между тѣмъ, что̀ считала нужнымъ сдѣлать Дума 1906-го года, и тѣмъ, что̀ сдѣлано—и не сдѣлано—Думой 1907-10 гг. Поразителенъ контрастъ между смѣлымъ, но необходимымъ движеніемъ впередъ — и робкимъ

топтаніемъ на одномъ мѣстѣ, переходящимъ, по временамъ, въ прямое отступленіе.

Съ точки зрѣнія, только что установленной нами, понятнымъ становится происшедшее въ Думѣ въ засѣданіи 15-го октября. Торжествующее большинство не могло и не можетъ питать къ предсѣдателю первой Думы иныхъ чувствъ, кромѣ вражды, упорной и рѣзкой у однихъ, болѣе или менѣе смягченной у другихъ, но идущей изъ одного и того же источника. Тѣнь первой Думы лежитъ на ея преемникахъ; воспоминаніе о ней служитъ имъ невольнымъ упрекомъ—а между этимъ воспоминаніемъ и именемъ Муромцева существуетъ неразрывная связь. Конечно, именно отсюда если не все большинство, то болѣе умѣренные его элементы могли бы вывести заключеніе иного рода, чѣмъ то, на которомъ они остановились: они могли бы сказать, что смерть обезоруживаетъ, примиряетъ, заставляетъ забыть о былой непріязни и помнить только достоинства противника. Придти къ такому заключенію было, казалось, тѣмъ легче, что никто не требовалъ и не ожидалъ отъ Думы похвальнаго слова Муромцеву; рѣчь шла только о безмолвномъ знакѣ уваженія къ его памяти, въ какомъ никогда не отказываютъ преемники—предшественнику, работавшему на той же почвѣ. Не только крайніе правые, но и націоналисты не захотѣли, однако, понять, чего требовали отъ нихъ обстоятельства. Оставляя въ сторонѣ заявленіе, поданное предсѣдателю Думы представителями крайнихъ правыхъ—заявленіе, содержаніе и форму котораго предугадать нетрудно,—посмотримъ, какъ мотивировала свою рѣшимость партія націоналистовъ. Почитаніе со стороны Думы памяти Муромцева являлось бы, по ея словамъ, „актомъ противогосударственнымъ. Дума могла бы почтить память усопшаго или какъ предсѣдателя первой Государственной Думы, или какъ политическаго дѣятеля. Между тѣмъ дѣятельность первой Государственной Думы, а потому, конечно, и ея руководителя-предсѣдателя, была признана явно незаконной съ высоты Престола, во всенародно объявленномъ Высочайшемъ манифестѣ отъ 9-го іюля 1906 года, политическая же дѣятельность С. А. Муромцева въ частности была признана преступной судебною властью, вынесшею по этому поводу приговоръ, вошедшій въ законную силу и приведенный въ исполненіе. Такимъ образомъ, еслибы Государственная Дума, будучи законодательнымъ учрежденіемъ, какимъ-либо актомъ выразила иное отношеніе къ явно незаконной и преступной дѣятельности С. А. Муромцева, то тѣмъ самымъ Государственная Дума вступила бы на путь посягательства на прерогативы Верховной власти и подорвала бы авторитетъ суда“.—Въ громкихъ и „страшныхъ“ словахъ здѣсь нѣтъ недостатка, но они не усиливаютъ выраженной въ нихъ мысли. Одно дѣло—оцѣнка учрежденія подъ угломъ зрѣнія такъ или

иначе понимаемыхъ требованій минуты; другое дѣло—отношеніе къ нему, когда, говоря словами поэта, для него „настаетъ потомство". Одно дѣло—задача суда, имѣющаго передъ собою опредѣленный конкретный фактъ и обязаннаго приложить къ нему столь же опредѣленную статью закона; другое дѣло—задача общества передъ только что закрытой могилой. Первая Дума была распущена, приговоръ надъ подписавшими выборгское воззваніе былъ постановленъ и исполненъ; и то, и другое стало достояніемъ исторіи и не можетъ быть разсматриваемо какъ злоба дня. Почтивъ память Муромцева, Дума не затронула бы ни прерогативъ верховной власти, ни авторитета судебныхъ учрежденій; въ ея молчаливомъ вставаньѣ не было бы ни малѣйшаго указанія на то, что лучше было бы не распускать первую Думу и не предавать суду бывшихъ ея членовъ. Выйдя изъ тюрьмы, Муромцевъ не былъ другимъ, чѣмъ раньше; судимость, лишеніе свободы—все это осталось позади него, какъ тучка, исчезающая съ горизонта... Опасаясь навлечь на себя неудовольствіе въ настоящемъ, большинство Думы забыло объ отвѣтственности передъ будущимъ.

Какъ, однако, образовалось это большинство? Судя по газетнымъ извѣстіямъ, октябристы готовы были принять предложеніе фракціи народной свободы, поддержанное всѣми остальными оппозиціонными группами. На лицо имѣлось, такимъ образомъ, несомнѣнное большинство за предложеніе; имѣлся и товарищъ предсѣдателя (С. И. Шидловскій), изъявившій готовность внести его отъ своего имени. Почему же случилось иначе? Предсѣдательствовавшій въ Думѣ, князь В. М. Волконскій, объяснилъ свой образъ дѣйствій въ слѣдующихъ словахъ: „не касаясь нисколько имени того, кого предлагаютъ почтить, позвольте мнѣ высказать по этому поводу свой взглядъ. Если нѣтъ полнаго единодушія, я не считаю себя въ правѣ почитать память кого бы то ни было. Если къ гробу усопшаго подходить споря и толкаясь, то лучше совсѣмъ не подходить. Въ настоящее же время у меня не только есть сомнѣніе въ этомъ единодушіи, но у меня есть полная увѣренность въ неединодушіи. Этому у меня есть письменное доказательство; вотъ почему я не считаю себя въ правѣ дѣлать это заявленіе Государственной Думѣ". Въ добрыхъ намѣреніяхъ кн. Волконскаго нѣтъ повода сомнѣваться, и способу выраженія ихъ нельзя отказать въ тактичности и деликатности; но отъ этого не измѣняется характеръ его образа дѣйствій, явно нарушающаго права большинства въ угоду меньшинству. Ничто не мѣшало націоналистамъ и правымъ остаться сидѣть, когда, на приглашеніе почтить память усопшаго, всѣ остальные члены Думы отозвались бы вставаніемъ. Исполнилось бы желаніе обѣихъ сторонъ; обнаружились бы съ достаточною ясностью оба противоположные взгляда, безъ всякаго насилія надъ

чьей бы то ни было волей. Само собою разумѣется, что при этомъ обязательно было бы только одно: полнѣйшее спокойствіе, отсутствіе выходокъ, неумѣстныхъ передъ лицомъ смерти. Очевидно, что кн. Волконскій имѣлъ въ виду именно возможность такихъ выходокъ, когда говорилъ, что ко гробу нельзя подходить споря и *толкаясь*; но неужели онъ не могъ повліять своимъ авторитетомъ на близкія ему группы и склонить ихъ къ такой простой и легкой вещи, какъ молчаніе и спокойствіе въ теченіе одной минуты? Если имъ было сдѣлано, въ этомъ смыслѣ, все отъ него зависѣвшее, но усилія его оказались тщетными, то отвѣтственность переходитъ на тѣхъ, кто еще разъ доказалъ свою несдержанность, свою некультурность, свое пренебреженіе къ элементарнымъ требованіямъ приличія. Иначе, можетъ быть, устроилось бы дѣло, еслибы болѣе настойчивости проявили октябристы, еслибы они, напримѣръ, заявили прямо и открыто, что присоединяются къ предложенію конституціоналистовъ-демократовъ; тогда не могло бы получиться такое впечатлѣніе, что за кн. Волконскимъ стоитъ большинство Думы... П. Н. Милюковъ, судя по оффиціальному отчету, воскликнулъ, послѣ рѣчи кн. Волконскаго: „третья Дума сама себя осудила!“ Она неоднократно осуждала себя и прежде, и притомъ еще ярче, еще сильнѣе: достаточно вспомнить, напримѣръ, весь ходъ думскихъ преній о такъ называемомъ обще-имперскомъ законодательствѣ. Совершенно вѣрно, однако, что день 15-го октября ничего не прибавитъ къ ея престижу. Съ бо̀льшимъ соблюденіемъ формъ и приличій, она послѣдовала печальному примѣру с.-петербургской городской думы, баллотировавшей, въ засѣданіи 6-го октября, вопросъ о томъ, надлежитъ ли почтить вставаніемъ память Муромцева и разрѣшившей его отрицательно 55 голосами противъ 44... Вообще господствующая группа нашихъ „отцовъ города“ все больше и больше уподобляется большинству третьей Государственной Думы, утрируя его характерныя свойства и обращаясь какъ бы въ кривое зеркало, въ которомъ оно можетъ узнать свои типичныя черты...

Историку нашего времени трудно будетъ повѣрить, что Государственная Дума, хотя бы и избранная подъ знакомъ 3-го іюня, въ теченіе трехъ лѣтъ не успѣла разсмотрѣть законопроекты о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи. Такую медленность нельзя было бы оправдать даже тогда, еслибы въ государствѣ фактически царило право, царила свобода—нельзя было бы потому, что никто не можетъ ручаться за завтрашній день, за продолжительность порядка, основаннаго не на законѣ, а на усмотрѣніи. У насъ, въ настоящую минуту, она совершенно неизвинима. Благо-

даря ей продолжаютъ дѣйствовать правила, несостоятельность которыхъ, открыто признанная еще при старомъ режимѣ, обостряется массою злоупотребленій, сплошь и рядомъ возводимыхъ въ систему; благодаря ей—и въ виду реакціонныхъ настроеній, такъ ярко проявляющихся и въ средѣ министерства, и въ средѣ Государственнаго Совѣта, — нелегко даже предвидѣть наступленіе конца все болѣе и болѣе нестерпимой аномаліи. Нѣсколько времени тому назадъ могло казаться, что „успокоеніе“ страны повлечетъ за собою если не отказъ отъ всѣхъ видовъ охраны, то, по меньшей мѣрѣ, уничтоженіе ея эксцессовъ, созданныхъ практикою послѣднихъ лѣтъ. Возникали слухи о предстоящемъ удаленіи должностныхъ лицъ, съ именами которыхъ общество привыкло соединять представленіе о худшихъ крайностяхъ произвола; находили вѣру извѣстія о томъ, что дѣяніями градоправителей въ Одессѣ или Ялтѣ, Вологдѣ или Тамбовѣ, переполнена, наконецъ, чаша терпѣнія центральной власти. Сравнительно небольшой дозы оптимизма было достаточно для того, чтобы ожидать устраненія хотя бы самыхъ вопіющихъ контрастовъ между словомъ и дѣломъ, между обѣщаніемъ и исполненіемъ. Ожиданія эти, однако, не оправдались—и еслибы наше „представительство“ было „народнымъ“ не только по имени, самой насущной его задачей было бы признано проведеніе закона о гарантіяхъ, безъ которыхъ немыслимо нормальное развитіе страны.

Между такими гарантіями одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ свобода печати. Если у насъ ея теперь нѣтъ, то это обусловливается не столько дефектами спеціальныхъ о ней постановленій, сколько тѣмъ же господствомъ все охватывающей и всюду проникающей „охранной политики“. Именно охранной политики, а не законовъ объ охранѣ. Первая идетъ гораздо дальше послѣдняго, идетъ иногда даже прямо въ разрѣзъ съ нимъ. При дѣйствіи усиленной охраны администрація не получаетъ, собственно говоря, никакихъ особыхъ правъ по отношенію къ печати; судьба періодическихъ изданій ставится въ зависимость отъ мѣстной власти только объявленіемъ чрезвычайной охраны. На практикѣ мы видимъ теперь совсѣмъ не то. Одному изъ правилъ объ усиленной охранѣ (ст. 15 пун. 1) дается распространительное толкованіе, явно противное его буквальному и внутреннему смыслу. Въ обязательныя постановленія, мотивируемыя необходимостью предупреждать нарушеніе общественнаго порядка и государственной безопасности, включаются статьи, дающія возможность карать дѣятелей печати продолжительнымъ арестомъ и крупными денежными штрафами. Что законъ не имѣлъ въ виду ничего подобнаго—это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ его текстѣ: онъ говоритъ объ обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ

управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія, о способахъ этого наблюденія, о порядкѣ опредѣленія и смѣщенія лицъ, на которыхъ возлагается наблюденіе—и *тому подобномъ*. Очевидно, что нѣтъ и не можетъ быть никакого подобія между владѣльцами или ихъ управляющими—и редакторами періодическихъ изданій, между конкретными, точно опредѣленными мѣрами надзора—и выраженіемъ мнѣній или оглашеніемъ фактовъ путемъ печати. Насколько легко доказать, напримѣръ, фактъ непрописки вновь пріѣхавшаго лица, настолько трудно установить значеніе газетнаго сообщенія. Насколько несомнѣнно, что полиція, въ смутное время, должна имѣть свѣдѣнія о вновь прибывшихъ, настолько очевидна несостоятельность полицейскаго контроля надъ печатнымъ словомъ. Появленіе, въ данной мѣстности, „опаснаго“ лица можетъ считаться важнымъ съ точки зрѣнія охраны; но не ей подобаетъ судить о важности той или другой газетной статьи. Если въ содержаніи послѣдней есть признаки преступленія, раскрыть его и принять дальнѣйшія мѣры—задача другой власти, болѣе компетентной, другой процедуры, болѣе сложной. Непосредственно угрожать общественному порядку и государственной безопасности печатное слово можетъ развѣ въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ общимъ закономъ—и не ихъ, конечно, имѣла въ виду приведенная нами статья положенія объ усиленной охранѣ. Вложивъ въ нее то, о чемъ не думалъ законодатель, административная практика пришла и приходитъ къ поразительно-страннымъ результатамъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ мы и хотимъ остановиться.

Распоряженіемъ московскаго градоначальника подвергнутъ аресту на три мѣсяца, безъ замѣны штрафомъ, редакторъ „Русскаго Слова“, Ѳ. И. Благовъ, „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности должностныхъ лицъ“ (т.-е. объ образѣ дѣйствій полицейскихъ чиновъ во время похоронъ С. А. Муромцева). Само собою разумѣется, что при полнѣйшемъ спокойствіи, господствующемъ въ Москвѣ, при самообладаніи, только что обнаруженномъ ея населеніемъ, никакія сообщенія о дѣйствіяхъ полиціи не угрожали ни малѣйшей опасностью ни общественному порядку, ни государственной безопасности, и не могли, слѣдовательно, вызвать репрессій со стороны полиціи, хотя бы и была доказана ихъ невѣрность, даже лживость. Но развѣ можетъ быть рѣчь о доказанности, когда карательная мѣра принимается вслѣдъ за появленіемъ статьи, безъ истребованія объясненій отъ обвиняемаго, сразу обращающагося въ осужденнаго, безъ разспроса постороннихъ, безпристрастныхъ свидѣтелей, на основаніи—нужно полагать—одного только оффиціальнаго донесенія, никѣмъ не провѣреннаго и ничѣмъ не подтвержденнаго? Развѣ начальникъ,

обращающій свою дискреціонную власть въ способъ защиты своихъ подчиненныхъ, не является судьею въ собственномъ дѣлѣ? Когда обвиненіе кого-либо въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній доходитъ до суда, на обязанности послѣдняго лежитъ не только установленіе факта, составляющаго предметъ сообщенія, но и опредѣленіе виновности или невиновности подсудимаго, въ зависимости отъ того, вѣрилъ ли онъ въ точность оглашенныхъ имъ данныхъ и какія основанія имѣлъ для такой вѣры. Этому элементарному требованію справедливости не соотвѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать административное распоряженіе, принимаемое ab irato, подъ впечатлѣніемъ минуты. Совершенно немотивированною и необъяснимою представляется и его крайняя суровость—избраніе формы наказанія, наиболѣе обременительной для даннаго лица, и притомъ въ самой высшей ея мѣрѣ. Если въ замѣткѣ „Русскаго Слова“ заключалось явное и намѣренное искаженіе истины, ничто не мѣшало возбудить противъ газеты судебное преслѣдованіе; если все сводилось къ *оцѣнкѣ* фактовъ, дѣйствительно происшедшихъ, нападенію можно и должно было противопоставить защиту, но отнюдь не уголовную кару. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящемъ случаѣ имѣлось на лицо именно и только различіе *мнѣній*: ненужное и неумѣстное съ точки зрѣнія однихъ—другимъ казалось позволительнымъ и даже похвальнымъ. Апологетомъ полиціи выступилъ „Голосъ Москвы“, хотя имѣлъ уже передъ собою кару, разразившуюся надъ „Русскимъ Словомъ“: отстаивая образъ дѣйствій полицейскихъ чиновъ во время похоронъ С. А. Муромцева, октябристская газета отстаивала тѣмъ самымъ карательное распоряженіе градоначальника, отстаивала произволъ, вопреки лучшимъ традиціямъ русской печати. Другое дѣло, еслибы столкновенію противоположныхъ взглядовъ не предшествовало вмѣшательство „властной руки“; тогда оно могло бы оказаться лучшимъ средствомъ къ раскрытію правды. „Голосъ Москвы“ говоритъ о „чрезвычайной корректности“ полиціи и объ обнаруженномъ ею „полномъ спокойствіи духа“; „Русское Слово“, ссылаясь на письменное свидѣтельство лицъ, стоявшихъ около могилы и слышавшихъ слово: „долой“, которымъ прерывались надгробныя рѣчи, задаетъ вопросъ, можно ли считать это слово выраженіемъ „полнаго спокойствія духа“? А что, если указаніе „Русскаго Слова“ подтвердится? Что, если разслѣдованіе, съ котораго надлежало начать, будетъ произведено — хотя и не оффиціально, но съ достаточнымъ безпристрастіемъ и достаточною полнотою, — послѣ суммарной расправы? Не станетъ ли хоть тогда ясной необходимость положить конецъ порядку вещей, невозможному даже въ зачаточно-правовомъ государствѣ?

Какъ ни возмутительно лишеніе свободы, постигшее редактора

„Русскаго Слова“, но хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что оно не отразилось и не отразится на судьбѣ газеты. Далеко не всегда административныя кары проходятъ такъ благополучно для періодическихъ изданій. Глубокое негодованіе возбуждаетъ оглашенная въ печати исторія небольшой, копеечной кіевской газеты: „Огни“ [1]). Ее штрафовали каждый мѣсяцъ (въ полгода—шесть штрафовъ на 1.200 рублей); теперь редактирующая ее госпожа Прохаско арестована, не смотря на болѣзненное состояніе, въ административномъ порядкѣ. О трехъ предметахъ ее хотѣли заставить молчать: о евреяхъ, о рабочихъ и о духовенствѣ. „Я на это не шла—восклицаетъ она—и не пойду. Отъ христіанства, отъ церкви я не отходила, и отъ тѣхъ, кто меня караетъ, я оберегаю христіанство, оберегаю православіе. Отъ евреевъ я была далека, друзей у меня между ними не было до 1905-го года. Въ 1905 г. я была свидѣтельницей погромовъ. Я видѣла, какъ съ именемъ Христа на устахъ мучили людей. Нетрудно вѣдь рѣшить, съ кѣмъ Христосъ—съ тѣми, кто Его именемъ творитъ убійства, или съ убиваемыми... Я чувствую, что правы боящіеся насъ. Мы, которые должны прежде всего любить ихъ, какъ братьевъ, мы для нихъ—дикіе волки... Въ первыя времена христіанства христіане много терпѣли гоненій, ихъ мучили, но ихъ мученіями росла вѣра христіанская. И еслибы меня замучили въ конецъ подъ арестомъ и меня бы не стало, то, положа руку на сердце, скажу: это величайшее для меня счастье! Я, значитъ, совершила все, что могла; послѣ меня, нѣтъ сомнѣнія, найдутся десять, двадцать на мое мѣсто и будутъ продолжать мое дѣло, ибо я погибну за Христа и за людей-братьевъ... Я говорю, говорю честно, открыто. Я не позволяю себѣ даже укрыться за ту ширму, которая есть къ услугамъ всѣхъ редакторовъ. Не прикрываюсь чужой спиной, несу отвѣтъ за все. У насъ есть судъ. Хорошъ ли, плохъ ли онъ, не будемъ объ этомъ говорить; во всякомъ случаѣ, это—судъ. Пускай меня судятъ. Но нѣтъ, мнѣ говорятъ: мы васъ душить будемъ — и душатъ, и душатъ“. Неужели и этотъ вопль отчаянія не будетъ услышанъ?

Не менѣе знаменательны, чѣмъ дѣйствія администраціи, тѣ наставленія, съ которыми она иногда обращается къ представителямъ печати. Такова, напримѣръ, недавняя рѣчь новаго нижегородскаго губернатора Хвостова, нѣсколько знакомаго нашимъ читателямъ по помѣщеннымъ у насъ статьямъ о вологодской административной ссылкѣ. Великодушно предоставляя газетамъ полную свободу выраженія мнѣній и партійныхъ взглядовъ, ничего не имѣя противъ указанія ошибокъ мѣстной администраціи и его собственныхъ, онъ счелъ

[1]) См. „Рѣчь“, № 267.

нужнымъ предупредить, что не позволитъ отрицательно относиться къ самодержавію и православной вѣрѣ. Желательно было бы знать, какимъ путемъ и въ силу какого права онъ будетъ осуществлять свою угрозу? И что̀ понимаетъ онъ подъ именемъ отрицательнаго отношенія къ самодержавію и православію? Подойдетъ ли сюда, напримѣръ, тотъ взглядъ на самодержавіе, на которомъ остановилось большинство Государственной Думы—третьей Думы!—въ памятный день первыхъ ея преній объ адресѣ? Какъ совмѣстить съ полицейской охраной православія не отмѣненный до сихъ поръ указъ 17-го апрѣля 1905-го года? Какимъ закономъ губернаторъ присоединенъ къ числу цензурныхъ органовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточенъ надзоръ надъ печатью? Никакимъ толкованіемъ, никакимъ даже перетолкованіемъ положенія объ охранѣ нельзя доказать, что дѣйствіе его не исчерпывается „предупрежденіемъ нарушеній общественнаго порядка и государственной безопасности"—нарушеній, къ числу которыхъ конечно не принадлежитъ выраженіе „несогласнаго" образа мыслей по вопросамъ политическимъ и религіознымъ... Мы готовы предположить, что слова г. Хвостова переданы въ печати не совсѣмъ точно; вѣдь не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, грозить *закрытіемъ* газетъ, когда даже въ правилахъ о чрезвычайной охранѣ говорится только о ихъ *пріостановкѣ*. Такое же недовѣріе возбуждаетъ въ насъ газетная передача другой рѣчи г. Хвостова, съ которою онъ, вступая въ управленіе губерніей, обратился къ подвѣдомственнымъ ему должностнымъ лицамъ. Ему приписывается выраженіе желанія и готовности „отражать натискъ враговъ единой недѣлимой Россіи, враговъ откровенныхъ—какъ революціонеры, и *пресмыкающихся* — какъ ка-деты". Мы не думаемъ, чтобы самое „превозмогающее усердіе" могло довести оффиціальное лицо до грубаго оскорбленія, въ оффиціальной рѣчи, группы людей, законно и открыто дѣйствующихъ въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Такъ могутъ говорить о партіи народной свободы несдержанные на языкъ ораторы Таврическаго дворца, знающіе, что ихъ въ правѣ остановить предсѣдатель, что имъ тотчасъ же отплатятъ противники той же монетой, только болѣе тонкаго чекана; такъ могутъ выражаться публицисты „Россіи" и однородныхъ съ нею изданій, безотвѣтственные, часто безъименные и, притомъ, все же не вполнѣ огражденные отъ отвѣтныхъ нападеній—но едва ли по ихъ стопамъ можетъ идти губернаторъ, обращающійся къ своимъ подчиненнымъ и именно потому обязанный взвѣшивать каждое свое слово...

Если мы ошибаемся, если содержаніе обѣихъ рѣчей г. Хвостова вѣрно передано въ печати, то объяснить ихъ можно только тѣмъ партійнымъ наклономъ, который все больше и больше замѣтенъ въ дѣятельности правительства. Что многія должностныя лица, изъ числа

вліятельныхъ и облеченныхъ широкою властью, не скрываютъ—или даже прямо признаютъ — свою принадлежность къ одной изъ крайнихъ правыхъ партій—это давно извѣстно: но явные признаки солидарности съ реакціонными группами можно найти, въ послѣднее время, и въ болѣе высокихъ сферахъ. Ничтожный самъ по себѣ фактъ—празднованіе первой годовщины такъ называемаго академическаго студенческаго союза—недаромъ обратилъ на себя общее вниманіе. Не интересами науки и не интересомъ къ наукѣ созданъ этотъ союзъ. Правильный ходъ занятій въ высшей школѣ возстановился уже давно, и возстановился не благодаря, а скорѣе вопреки „академистамъ", вносившимъ, своими претензіями, своимъ показнымъ усердіемъ, раздраженіе въ среду студентовъ. Покровителями академистовъ сразу выступили люди того направленія, для котораго существуетъ только казенная, „обезвреженная" наука, которому страшна и ненавистна всякая мысль объ истинной академической свободѣ. Своихъ пѣвцовъ, какъ и слѣдовало ожидать, союзъ нашелъ въ лагерѣ открыто или прикровенно реакціонной печати. Вотъ, напримѣръ, какіе хвалебные гимны раздаются въ ихъ честь на страницахъ пресловутаго „частнаго изданія": „Союзъ академистовъ имѣетъ значеніе такого единенія русской учащейся молодежи, которое, совершенно оставляя въ сторонѣ политику, партійныя распри, тѣмъ болѣе—партійное политиканство, сосредоточивается исключительно на одной мысли: дѣло учащейся молодежи—учиться, мужать, воспитывать въ себѣ здоровое тѣло и здоровую волю". Врагами академическаго союза, „все болѣе и болѣе привлекающаго къ себѣ симпатіи русскаго общества", провозглашаются „всѣ тѣ, кто настаиваетъ на обязанности учащейся молодежи отдавать себя въ распоряженіе политическимъ искателямъ приключеній, хотя бы въ качествѣ революціоннаго матеріала. Его друзья—всѣ тѣ, кто принципіально не допускаетъ ни въ какой школѣ, а слѣдовательно и въ высшей, никакого политиканства". Все это—прямая противоположность истинѣ. Основа академическаго союза—именно политиканство, въ самомъ невысокомъ смыслѣ этого слова. Его друзья видятъ въ немъ орудіе борьбы, тѣмъ болѣе удобное, чѣмъ менѣе оно сознательно. Его враги—если только можно говорить о враждѣ къ такому противнику—ставятъ ему въ вину кощунственное отношеніе къ наукѣ, злоупотребленіе ея именемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто, съ самаго провозглашенія автономіи, всего болѣе стремился къ умиротворенію высшей школы, къ торжеству ея великихъ задачъ, къ осуществленію ея вѣчныхъ цѣлей? Кто убѣждалъ молодежь трудиться, пріобрѣтать знанія, недостаточное распространеніе и углубленіе которыхъ — одинъ изъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія? Конечно — профессора, лучшіе профессора, боровшіеся съ теченіемъ, ставившіе на карту

свою популярность, лишь бы только опять закипѣла настоящая академическая жизнь: достаточно назвать обоихъ братьевъ Трубецкихъ, достаточно вспомнить по истинѣ геройскія усилія ректора московскаго университета. Обстоятельства долго оставались неблагопріятными; происходившее за стѣнами высшей школы слишкомъ сильно отзывалось въ ней самой, да и длинный рядъ предшествовавшихъ годовъ—годовъ гнета, всемѣрно поддерживавшаго отчужденіе между студентами и профессорами—кидалъ свою тѣнь на новую дорогу. Съ каждымъ семестромъ, однако, препятствія, коренившіяся въ средѣ самого студенчества, теряли свою силу, и если положеніе дѣлъ въ высшей школѣ все еще не можетъ быть названо нормальнымъ, то исключительно потому, что до сихъ поръ ненормальны общія условія русской жизни.

Присмотримся поближе къ *друзьямъ* „академическаго союза“; вѣдь и къ нему примѣнима старинная поговорка: dis-moi qui tu hantes—je te dirai qui tu es“. Первое мѣсто между этими друзьями занимаетъ г. Пуришкевичъ—и одно его имя опрокидываетъ пирамиду похвалъ, такъ тщательно возведенную „Россіей“. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть въ „прославленномъ“ бессарабскомъ депутатѣ олицетвореніе политиканства—именно политиканства, т.-е. примѣненія къ политикѣ мелкихъ средствъ, неразборчивыхъ пріемовъ, вызывающихъ выходокъ, огульныхъ заподозриваній, бездоказательныхъ обвиненій. Меньше всего подходитъ къ г. Пуришкевичу какая бы то ни было „академическая“ роль, въ настоящемъ значеніи этого слова; меньше всего можно видѣть въ немъ борца за просвѣщеніе, искателя истины, цѣнителя науки. Примыкая, всѣми своими симпатіями и антипатіями, къ теченію, издавна служившему и до сихъ поръ служащему тормазомъ всѣхъ свѣтлыхъ начинаній, гасителемъ всѣхъ добрыхъ порывовъ, онъ вноситъ въ него только обостренную грубость формъ, небывалый цинизмъ рѣчи. И вотъ чью дружбу „Россія“ вноситъ въ активъ „академическаго союза“! Ab uno disce omnes: по этому типичному другу можно судить о всѣхъ остальныхъ. На празднествѣ, о которомъ мы упомянули выше, вторую роль игралъ г. Замысловскій, болѣе сдержанный, чѣмъ г. Пуришкевичъ, но въ сущности вполнѣ достойный идти съ нимъ рука объ руку. Не нарушалось впечатлѣніе картины и присутствіемъ гг. Гололобова, Крупенскаго, гр. А. А. Бобринскаго. Въ своей рѣчи г. Пуришкевичъ подчеркнулъ, между прочимъ, полное отсутствіе тѣхъ, которые должны были бы идти впереди академистовъ—представителей профессуры. Да, это отсутствіе знаменательно, но не въ томъ смыслѣ, какъ полагаетъ ораторъ. Оно прямо указываетъ на то, что „академическаго“ въ союзѣ—только имя. Стремленіе молодежи объединиться

на истинно научной почвѣ не могло бы не встрѣтить сочувствія и поддержки среди тѣхъ, кто не переставалъ, при самой неблагопріятной обстановкѣ, отстаивать призваніе высшей школы, тѣхъ, благодаря кому теперь выше чѣмъ когда-либо поднятъ уровень университетскихъ и институтскихъ занятій. Если никто изъ профессоровъ не явился на праздникъ союза, это можетъ быть объяснено только двоякимъ образомъ: или ихъ вовсе не приглашали устроители празднества, сознавая, что оно посвящено не наукѣ, а политикѣ, и притомъ политикѣ менѣе всего имѣющей общаго съ высшей школой—или это поняли профессора и пришли къ заключенію, что имъ не подобаетъ занять мѣсто рядомъ съ настоящими героями торжества.

На празднествѣ академическаго союза присутствовалъ предсѣдатель совѣта министровъ. Его привѣтствовалъ и выразилъ ему глубокую благодарность г. Пуришкевичъ, признающій за собою, слѣдовательно, право говорить отъ имени союза. П. А. Столыпинъ отвѣтилъ (цитируемъ его слова по „Россіи"), что хотя онъ и не думалъ совсѣмъ говорить, но не можетъ удержаться, чтобы не сказать, какъ онъ радъ, что побывалъ на этомъ праздникѣ и могъ порадоваться на зарю пробужденія русской молодежи. „Я вѣрю—сказалъ онъ—въ силу русскаго духа, вижу проявленіе его въ васъ, вижу, какъ въ жизненной борьбѣ вы закаляетесь закаломъ вѣры въ Бога, любви къ Царю, закаломъ добра и чести и русской доблести". „Уходя съ праздника,—такъ закончилъ предсѣдатель совѣта министровъ,—говорю: не прощайте, а здравствуй, зарождающаяся новая, крѣпкая молодая Россія". Не будемъ говорить о томъ, въ какой степени—или въ какомъ смыслѣ—названіе: *русскій* примѣнимо къ духу, проявляемому „академическимъ союзомъ"; не будемъ разбирать, какого сорта „закалъ" молодежь можетъ получить подъ руководствомъ и вліяніемъ г. Пуришкевича. Спросимъ себя только, свободно ли было торжество, такъ сильно обрадовавшее П. А. Столыпина, отъ рѣзко-партійнаго характера? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ; столь же несомнѣнно и то, что партія, авангардомъ или летучимъ отрядомъ которой служитъ „академическій союзъ", меньше всего расположена къ поддержкѣ государственнаго строя, представителемъ которой являлся на „академическомъ" праздникѣ П. А. Столыпинъ. Съ внѣпартійностью, которую не разъ признавало для себя обязательною министерство, стоящее у власти, несовмѣстимо яркое выраженіе сочувствія къ питомцамъ союзовъ „русскаго народа" и „Архангела Михаила". Правда, свободнымъ отъ партійной окраски кабинетъ П. А. Столыпина не былъ никогда; иначе не могло бы быть и рѣчи о приравненіи партій—къ обществамъ, объ отказахъ въ легитимаціи партій, о преданіи суду за простую принадлеж-

ность къ партіи. Все же, однако, наклонъ къ партійности раньше не былъ такъ силенъ и не шелъ такъ далеко влѣво.

До какой степени ненормально всякое сближеніе министерства съ крайней правой — сближеніе, которое, въ сущности, не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ подчиненія колеблющихся и побѣдѣ прямолинейныхъ,—объ этомъ можно судить по слѣдующему, мало замѣченному факту, совпавшему, по времени, съ празднествомъ академическаго союза. Вновь назначенный управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія—Л. А. Кассо, бывшій директоръ московскаго лицея цесаревича Николая,—произнесъ, при прощаньѣ съ лицеистами, небольшую рѣчь, въ которой провелъ параллель между древнимъ Римомъ и Россіей. „Если Римъ“ — воскликнулъ онъ — „былъ силенъ своей цивилизаціей и своимъ сознаніемъ права, то и Россія также нуждается въ молодыхъ силахъ, которыя проводили бы въ жизнь правовое юридическое начало“. Указавъ, затѣмъ, на портретъ Александра II-го, министръ выразилъ надежду, что „образъ царя-освободителя будетъ постоянно напоминать питомцамъ лицея о неообходимости культурной дѣятельности на благо Россіи“. Правовое начало, культурная дѣятельность—какъ это далеко отъ завѣтовъ г. Пуришкевича и его единомышленниковъ! Все поведеніе крайнихъ правыхъ въ Думѣ и внѣ Думы идетъ въ разрѣзъ съ „сознаніемъ права“, которое г. Кассо считалъ себя обязаннымъ насаждать въ своихъ слушателяхъ. „Академическій союзъ“, въ его настоящемъ видѣ, неизбѣжно долженъ стать помѣхой на пути новаго руководителя академической жизни—если только онъ, какъ министръ, останется тѣмъ, чѣмъ былъ въ качествѣ педагога. Увѣренности въ послѣднемъ имѣть нельзя. Кабинетъ П. А. Столыпина не всегда достигаетъ единодушія, но всегда къ нему стремится — и если линія его дѣйствій по прежнему будетъ уклоняться въ сторону безправія, то министру народнаго просвѣщенія трудно будетъ стоять на стражѣ культуры и права. При настоящемъ положеніи дѣлъ не имѣетъ, слѣдовательно, существеннаго значенія и уходъ г. Шварца. Знаменуя собою, быть можетъ, кое-какія перемѣны къ лучшему въ проектахъ уставовъ университетскаго и гимназическаго, онъ едва ли внесетъ новую, живую струю въ область народнаго образованія. Въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ, расцвѣтъ можетъ наступить лишь при свѣтѣ истинной свободы и правильнаго пониманія общенародныхъ нуждъ.

Какъ далеко еще до этого свѣта—доказательствомъ тому служатъ, между прочимъ, правила о сектантскихъ собраніяхъ, утвержденныя недавно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Мотивируемыя, отчасти, желаніемъ устранить затрудненія, встрѣчаемыя иногда сектантами

при устройствѣ молитвенныхъ и богослужебныхъ собраній, правила эти установляютъ цѣлый рядъ стѣсненій, отъ которыхъ, при господствующихъ теперь административныхъ привычкахъ и пріемахъ, только одинъ шагъ до мѣръ запретительнаго свойства. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Тамъ, гдѣ нѣтъ регистрированной религіозной общины, объ устройствѣ богослужебнаго или молитвеннаго собранія могутъ заявлять лица (въ числѣ не менѣе 25), исповѣдующія *извѣстное правительству вѣроученіе*. Отсюда возможность противопоставлять многимъ ходатайствамъ такую fin de non recevoir, бороться съ которою будетъ нелегко. Какъ доказать, въ самомъ дѣлѣ, что данное ученіе извѣстно — или должно быть извѣстно — правительству (т.-е., въ сущности, тому должностному лицу или присутственному мѣсту, которому подается заявленіе)? И если правительство отвѣтитъ, что ученіе, исповѣдуемое заявителями, ему неизвѣстно, то какія, для ознакомленія съ нимъ, должны быть представлены матеріалы? И какъ долго можетъ продолжаться процессъ ихъ изученія? Обо всемъ этомъ въ правилахъ не сказано ни слова... „Не допускается“,—читаемъ мы дальше,—подъ видомъ богослужебнаго или молитвеннаго собранія, собраній для сообщеній, чтеній и собесѣдованій, не имѣющихъ характера собственно богослуженія или молитвословія“. А если лица, исповѣдующія опредѣленное ученіе, собираются именно для чтенія и собесѣдованія, замѣняющаго имъ богослуженіе и молитвословіе? Чѣмъ будетъ руководствоваться администрація при проведеніи демаркаціонной линіи между понятіями, столь близкими и родственными? И возможно ли предупредить произволъ въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, не всегда ясныхъ даже при близкомъ знакомствѣ съ данною сектою?.. Особое опасеніе внушаютъ, по видимому, молитвенныя или богослужебныя собранія для несовершеннолѣтнихъ, принадлежащихъ къ семействамъ, исповѣдующимъ данное вѣроученіе; правила о нихъ, „въ виду чрезвычайнаго разнообразія сектантскихъ ученій, будутъ установлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по мѣрѣ возбужденія о томъ особыхъ ходатайствъ“. Нелегко понять причины этой предосторожности. Вѣдь собранія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, устраиваются только для несовершеннолѣтнихъ, принадлежащихъ къ сектантскимъ семействамъ; отъ какихъ же вліяній предполагается ихъ предохранять, и какимъ путемъ? Нельзя же думать, что „особыми правилами“ будетъ введено нѣчто въ родѣ состязательнаго процесса, т.-е. обязательное участіе въ собраніи, рядомъ съ сектантскими учителями, представителей православной церкви... Мѣстной административно-полицейской власти предоставляется „назначать для присутствованія въ богослужебныхъ и молитвенныхъ собраніяхъ компетентное

должностное лицо, обязанное наблюдать за тѣмъ: а) чтобы подъ видомъ богослужебнаго или молитвеннаго собранія не устраивалось собраніе иного рода; б) чтобы на собраніи не происходило поруганія или поношенія догматовъ, обрядовъ и установленій православной церкви и не проявлялось непристойнаго отношенія къ ней или къ предметамъ ея вѣрованій, а равно не допускалось призыва къ отпаденію отъ православія. Въ первомъ случаѣ должностное лицо, по двукратномъ предупрежденіи, своею властью закрываетъ собраніе; во второмъ же, по составленіи протокола, доводитъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія подлежащей власти для привлеченія виновныхъ къ уголовной отвѣтственности“ [1]). Изъ какой среды будутъ избираться эти *компетентныя* должностныя лица? Если изъ числа полицейскихъ чиновниковъ, то болѣе чѣмъ сомнительной будетъ ихъ компетентность; если изъ среды спеціалистовъ по православному вѣроученію (напр. свѣтскихъ миссіонеровъ, учителей духовныхъ училищъ и семинарій, секретарей консисторіи и т. п.), то къ отсутствію ручательства въ компетентности прибавится почти несомнѣнное пристрастіе. Представимъ себѣ, далѣе, сектантовъ, вынужденныхъ молиться, проповѣдывать, изливать самыя задушевныя свои чувства въ присутствіи лица, въ лучшемъ случаѣ—равнодушнаго и холоднаго, въ худшемъ—предубѣжденнаго и враждебно-настроеннаго; вѣдь положеніе ихъ будетъ, пожалуй, хуже, чѣмъ въ тѣ времена, когда они были вынуждены собираться тайно, опасаясь каждую минуту нашествія полицейской власти. А право командированнаго должностного лица прерывать ходъ богослуженія или молитвословія и даже закрывать собраніе? Чрезвычайно тягостное для участниковъ обыкновеннаго, свѣтскаго собранія, оно будетъ совершенно невыносимо для людей, пришедшихъ на богослуженіе или на молитву... Подозрительность, которою внушены новыя правила, явно противорѣчитъ духу указа 17-го апрѣля и послѣдующихъ вѣроисповѣдныхъ узаконеній. Спорнымъ, въ добавокъ, представляется и самое право административной власти принимать общія мѣры, соприкасающіяся на каждомъ шагу съ областью законодательства.

Въ первомъ же послѣ открытія сессіи засѣданіи Государственной Думы началось обсужденіе законопроекта о низшей школѣ — и сразу обнаружилось коренное, непримиримое разногласіе между двумя коммиссіями, за которымъ стоитъ такое же разногласіе между партіями. Коммиссія по народному образованію высказывается за

---

[1]) Въ связи съ этимъ установлено правило, требующее увѣдомленія полицейской власти о часахъ богослужебныхъ и молитвенныхъ собраній.

объединеніе всѣхъ безъ изъятія начальныхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; коммиссія по дѣламъ православной церкви отстаиваетъ обособленность церковно-приходской школы. Къ какому изъ этихъ мнѣній склоняется нашъ журналъ—это не требуетъ объясненія. Съ самаго изданія правилъ 1884-го года мы не переставали выражать отрицательное отношеніе наше къ церковной школѣ, возвращаясь къ этому вопросу при разборѣ каждаго новаго отчета синодальнаго оберъ-прокурора, при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, раскрывавшемъ неудобство и опасность двоевластія въ области начальнаго обученія. Еще недавно можно было думать, что въ обновленномъ государственномъ строѣ не останется мѣста для такой вопіющей аномаліи, какою является самостоятельная церковно-приходская школа; теперь увѣренность въ этомъ далеко не столь тверда. Если и допустить, что центръ Думы не покинетъ своихъ вождей [1]), не разбредется въ разныя стороны и проведетъ, вмѣстѣ съ лѣвыми, основное начало законопроекта, то до побѣды будетъ еще далеко: слишкомъ вѣроятно противодѣйствіе Государственнаго Совѣта, систематически парализующаго немногіе шаги впередъ, дѣлаемые Государственною Думой... Отлагая подробный разборъ думскихъ преній до другого раза, ограничимся немногими замѣчаніями. По мнѣнію В. Н. Львова (докладчика коммиссіи по дѣламъ православной церкви), принципу единовластія „приносится въ жертву исторически образовавшаяся связь между школою и церковью—а въ случаѣ нарушенія этой связи все дѣло народнаго образованія пойдетъ по наклонной плоскости, какъ это было въ семидесятыхъ годахъ". Трудно представить себѣ увѣреніе, болѣе расходящееся съ дѣйствительностью. Именно тогда, когда въ народѣ, освобожденномъ отъ рабства, возникло и стало осуществимымъ стремленіе къ образованію, никакой связи между церковью и школой на лицо не оказалось. Предоставленная собственнымъ силамъ, церковь почти ничего не сдѣлала для начальнаго обученія; немногочисленныя церковно-приходскія школы, основанныя въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, влачили жалкое существованіе или только числились на бумагѣ. Въ это самое время сложилась и быстро окрѣпла земская школа, въ семидесятыхъ годахъ не только не спускавшаяся внизъ по наклонной плоскости, но, наоборотъ, двигавшаяся впередъ, не смотря на цѣлую сѣть неблагопріятныхъ условій. Ростъ церковно-приходской школы — гораздо болѣе количественный, чѣмъ качественный, — начался только тогда, когда ее взяла подъ свое покровительство свѣтская власть, обильно затрачивавшая на нее средства

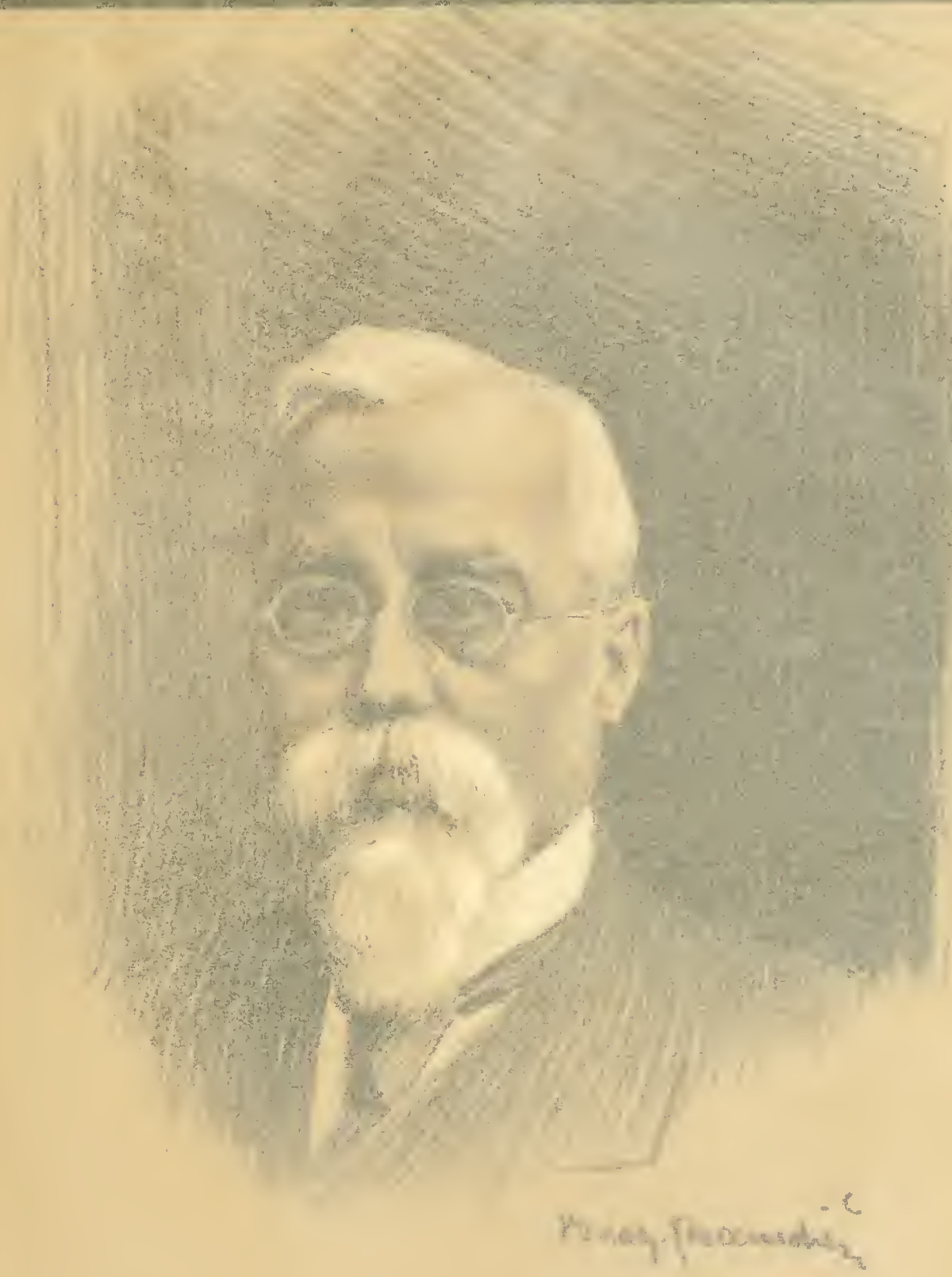
[1]) Докладчиками коммиссіи по народному образованію выступили В. К. фонъ-Анрепъ и Е. П. Ковалевскій, оба—видные члены союза 17-го октября.

государственнаго казначейства... „Отдѣленіе религіи отъ начальнаго образованія“—говоритъ г. Львовъ—„есть идея ложная, какъ это показалъ опытъ всѣхъ западныхъ государствъ“. На этотъ счетъ существуютъ весьма различныя мнѣнія; но еслибы и былъ правъ г. Львовъ, то вѣдь въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь не объ исключеніи религіи изъ школы, а только о сосредоточеніи школьнаго дѣла въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. „Страшныя слова“, слѣдовательно, здѣсь совершенно неумѣстны. „Всѣ остальныя вѣроисповѣданія, существующія въ Россіи“,—читаемъ мы дальше въ изложеніи рѣчи г. Львова,—„сохраняютъ за собою право имѣть свои школы; только православная церковь, по какой-то странной непослѣдовательности, оказывается въ менѣе выгодномъ положеніи“. Это совершенно невѣрно: православная церковь не лишается права учреждать, *на свои средства*, свои школы, но онѣ, наравнѣ съ школами другихъ исповѣданій, подчиняются, на общемъ основаніи, вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія... По удачному выраженію одного изъ октябристскихъ ораторовъ (деп. Леонова), „свобода церкви не заключается въ томъ, чтобы брать деньги у государства на школы и въ то же время держать эти школы внѣ всякаго контроля со стороны правительственной власти“.

Значительная часть произведеній П. Д. Боборыкина—къ литературному юбилею котораго съ такимъ сочувствіемъ отнеслись, двѣ недѣли тому назадъ, и общество, и печать,—увидѣла свѣтъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Первымъ изъ нихъ былъ романъ: „Полжизни“ напечатанный въ 1873-мъ году. Начиная съ 1881-го года немного можно насчитать лѣтъ, когда бы имя Петра Дмитріевича не появлялось на страницахъ нашего журнала. Ему онъ отдалъ такія крупныя вещи, какъ „Китай-городъ“ (1882), „Изъ новыхъ“ (1887), „На ущербѣ“ (1890), „Василій Теркинъ (1892), „Перевалъ“ (1894),“ „Ходокъ“ (1895), „Княгиня“ (1896), „По другому“ (1897), „Тяга“ (1898), „Куда идти“ (1899), „Исповѣдники“ (1902), „Братья“ (1904), „Карты на столъ“ (1906), „Побѣжденныхъ не судятъ“ (1910). Въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены и нѣкоторые изъ лучшихъ общественныхъ и литературно-критическихъ этюдовъ Петра Дмитріевича („Аѳинская республика“, 1881; „Этюды по психологіи творчества“, 1885; „Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи“, 1886).

Къ оцѣнкѣ художественнаго дарованія П. Д. Боборыкина, помѣщенной ниже, мы хотѣли бы прибавить нѣсколько словъ объ отношеніи его къ русской политической жизни. Отличительной его чертой часто признается объективизмъ, доходящій до „полнаго уничтоженія авторской личности“. Еще на дняхъ, въ одной изъ лучшихъ статей,

вызванныхъ юбилеемъ П. Д., мы прочли, что „въ глубинѣ его души жили и сочувствіе, и негодованіе — и этимъ объясняется выборъ темъ для его романовъ,—но въ свою беллетристическую дѣятельность онъ не допускалъ ихъ". Самъ П. Д. неоднократно высказывался противъ „направленства" (имъ, кажется, и нущено въ ходъ это слово). И все же мы думаемъ, что обычный взглядъ требуетъ поправки или оговорки. Правда, мы не найдемъ у П. Д. лирическихъ изліяній, какихъ, напримѣръ, такъ много у Диккенса или Додэ; правда, онъ не говоритъ прямо отъ своего лица, избѣгаетъ отступленій, сентенцій, вводныхъ замѣчаній; но это еще не значитъ, что его произведеніямъ чужда субъективная окраска. Помимо выбора темъ, она чувствуется въ выборѣ положеній, въ выборѣ и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Неужели, послѣ прочтенія одного изъ лучшихъ разсказовъ П. Д.: „Поумнѣлъ", можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ сочувствіе автора--на сторонѣ приспособляющихся и примиряющихся, или на сторонѣ стойкихъ и вѣрныхъ? Неужели неясно, скорбитъ ли авторъ объ *ущербѣ*, изображаемомъ въ романѣ того же имени, или равнодушно констатируетъ его признаки? Неужели для рѣшенія этого вопроса недостаточно хотя бы картины обѣда, за которымъ, среди натянутости и неловкости, вызванной присутствіемъ ренегата, прорывается, наконецъ, законное чувство презрѣнія и гнѣва? Неужели ничего, кромѣ наблюдательности, не слышится въ изображеніи бюрократическихъ пренонъ, встрѣчаемыхъ „ходокомъ" за голодающихъ крестьянъ? Еще рельефнѣе, быть-можетъ, взгляды автора отразились въ „Тягѣ", въ „Исповѣдникахъ", въ „Куда идти". Въ самыхъ послѣднихъ романахъ П. Д. незамѣтно даже тѣхъ сдержекъ, которыя онъ налагалъ на себя раньше, отчасти въ силу излюбленнаго имъ взгляда, отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. И если теоріи автора не всегда, съ занимающей насъ точки зрѣнія, соотвѣтствовала его практика, исполненіе, то мы, конечно, ставимъ ему это не въ вину, а въ заслугу. Именно потому его романы надолго сохранятъ значеніе не только лѣтописи русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій, но и яркаго вклада въ исторію теченій, волновавшихъ русскую мысль.



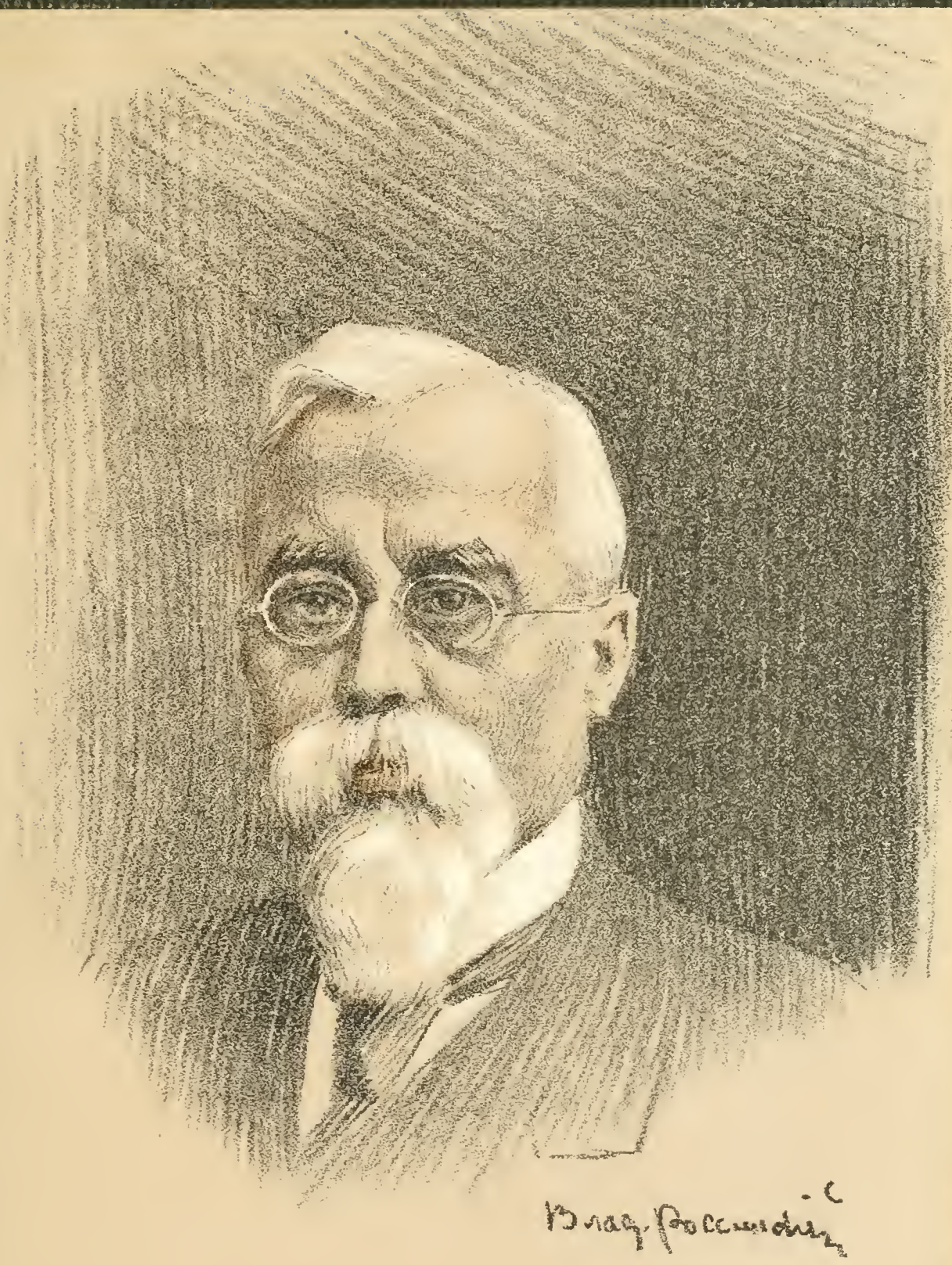
Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

(23 сент. 1850 г.—4 окт. 1910 г.)

Автолитографія В. И. Россинскаго.

«Вѣстникъ Европы», 1910 г.

[illegible]ныхъ юбилеемъ П. Д., мы прочли, что „въ глубинѣ его души жили и сочувствіе, и негодованіе — и этимъ объясняется выборъ темъ для его романовъ, — но въ свою беллетристическую дѣятельность онъ не допускалъ ихъ". Самъ П. Д. неоднократно высказывался противъ „направленства" (имъ, кажется, и пущено въ ходъ это слово). И все же мы думаемъ, что обычный взглядъ требуетъ поправки или оговорки. Правда, мы не найдемъ у П. Д. лирическихъ изліяній, какихъ, напримѣръ, такъ много у Диккенса или Додэ; правда, онъ не говоритъ прямо отъ своего лица, избѣгаетъ отступленій, сентенцій, [illegible]одныхъ замѣчаній; но это еще не значитъ, что его произведеніямъ чужда субъективная окраска. Помимо выбора темъ, она чувствуется въ выборѣ положеній, въ выборѣ и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Неужели, послѣ прочтенія одного изъ лучшихъ разсказовъ П. Д., „Поумнѣлъ", можетъ остаться сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ сочувствіе автора — на сторонѣ приспособляющихся и примирившихся, или на сторонѣ стойкихъ и вѣрныхъ? Неужели неясно, [illegible] изображаемомъ въ романѣ того же имени, или равнодушно констатируетъ его признаки? Неужели для рѣшенія этого вопроса недостаточно хотя бы картины обѣда, за по[illegible] присутствіемъ [illegible] презрѣнія и [illegible] [illegible], кромѣ наблюдательности, не слышится въ изображеніи бюрократическихъ препонъ, встрѣчаемыхъ „ходокомъ" за голодающихъ крестьянъ? Еще [illegible], быть-можетъ, взгляды автора [illegible] въ „[illegible]", въ „Переходникахъ", въ „Куда идти". Въ [illegible] романахъ П. Д. незамѣтно даже тѣхъ сдержекъ, которыя онъ налагалъ на себя раньше, отчасти въ силу [illegible] имъ взгляда, отчасти подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. И если теоріи автора не всегда, съ занимающей насъ точки зрѣнія, соотвѣтствовала его практика, исполненіе, то мы, конечно, ставимъ ему это не въ вину, а въ заслугу. Именно потому его романы надолго сохранятъ значеніе не только лѣтописи русскаго общества на рубежѣ двухъ столѣтій, но и яркаго вклада въ исторію теченій, волновавшихъ русскую мысль.



СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ МУРОМЦЕВЪ

(Опытъ его характеристики.)

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди моего поколѣнія! Два года назадъ мы хоронили Чупрова. Не стало и Муромцева. Оба они встаютъ въ моей памяти, какъ необходимое восполненіе другъ друга. Чупровъ—это безпредѣльная любовь ко всему живущему, сердечное участіе къ страждущимъ и обремененнымъ. Это—во время данный мудрый и добрый совѣтъ, въ крайнемъ случаѣ—молчаливое рукопожатіе, бодрящее и потому благотворное. Разумъ, согрѣтый чувствомъ, ученость, отдавшая себя на служеніе всякому полезному начинанію — таковъ былъ незабвенный, всѣмъ равно доступный, никогда не щадившій своихъ силъ, добрѣйшій изъ добрѣйшихъ Александръ Ивановичъ.

Экономистъ-философъ и художникъ родного слова, Чупровъ училъ, воспитывалъ, будилъ совѣсть и временно уснувшія добрыя чувства у ряда поколѣній русской молодежи. Его благотворное вліяніе не разъ испытывали и его ровесники. Онъ умѣлъ сказать имъ правду въ глаза, не задѣвая ихъ самолюбія, но заставляя, въ то же время, задуматься, всмотрѣться въ самихъ себя, осудить собственное поведеніе и по возможности исправить невольно или сознательно сдѣланное ими зло. По истинѣ это былъ не только мудрецъ, но и святой.

Муромцевъ—это мужъ совѣта, это соборный человѣкъ, это знаменосецъ нарождающейся въ Россіи новой гражданственности. Его внѣшній видъ вызываетъ въ умѣ представленіе объ античной красотѣ и выступающей наружу внутренней гармоніи.

Онъ на первый взглядъ кажется холоднымъ и безстрастнымъ. Жизнь научила его владѣть собою, не подчиняться временнымъ настроеніямъ, избѣгать столько же увлеченій, сколько и разочарованности. Десятки лѣтъ онъ идетъ все одной и той же дорогой, не столько исповѣдуя, сколько служа однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ. Сами эти убѣжденія подсказаны ему не чувствомъ, а холоднымъ разумомъ. Они—выводъ изъ научнаго изученія прошлаго и изъ объективнаго наблюденія надъ дѣйствительностью. Съ юныхъ лѣтъ, изучая право въ процессѣ его образованія, онъ проникся увѣренностью, что ничто не достигается безъ борьбы и никакой порядокъ не можетъ считаться вѣчнымъ; разъ измѣнились породившія его условія, онъ падаетъ, уступая мѣсто но-

вому укладу, болѣе приспособленному къ измѣнившейся средѣ. Это чередованіе формъ политической жизни и правовыхъ институтовъ можетъ принять характеръ мирнаго и поступательнаго хода, иначе говоря—прогресса, если найдутся люди, творчество которыхъ будетъ направлено на ускореніе и облегченіе переживаемой обществомъ трансформаціи. Отсюда увѣренность Муромцева въ высокомъ призваніи юристовъ и его убѣжденность въ томъ, что свою въ нѣкоторомъ смыслѣ провиденціальную миссію они могутъ исполнить лишь подъ условіемъ никогда не порывать связи съ жизнью.

Юристъ долженъ дать себѣ отчетъ въ ея требованіяхъ и отвѣтить на нихъ приспособленіемъ къ нимъ старыхъ порядковъ, а если это немыслимо, то возведеніемъ новаго зданія по возможности на старомъ фундаментѣ. Эту истину сознавали еще римскіе правовѣды; „консерватизмъ римскаго права“, изученію котораго Муромцевъ посвятилъ одну изъ своихъ работъ, означалъ именно это рѣдкое умѣнье „вливать вино новое въ мѣха старые“, хотя бы для этого потребовалась нѣкоторая предварительная ихъ чинка.

Юристъ подготовляетъ переходъ къ высшимъ формамъ жизни, прививая обществу вкусъ къ извѣстнымъ новшествамъ, вполнѣ отвѣчающимъ измѣнившимся условіямъ народнаго быта. Эти новшества могутъ быть взяты на прокатъ, заимствованы у болѣе передовыхъ обществъ и пріурочены къ потребностямъ того, которому дѣлается прививка. Убѣдительнымъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить та рецепція римскаго права германо-романскими племенами, исторію которой Муромцевъ представилъ въ другомъ своемъ сочиненіи, прямо посвященномъ этому предмету.

Но заимствованіе далеко не составляетъ обычнаго хода развитія права. Оно всего чаще представляетъ собою естественный ростъ, а этотъ послѣдній рисуется Муромцеву, какъ и всей той школѣ сравнительно-историческаго изученія юридическихъ институтовъ, главой которой одно время былъ его учитель Іерингъ, въ формѣ постепеннаго образованія все новыхъ и новыхъ правовыхъ наслоеній подъ вліяніемъ прогрессивнаго теченія народной жизни. „Гражданское право древняго Рима“—этотъ, какъ выразился одинъ изъ учениковъ Муромцева, „монументальный трудъ“ покойнаго юриста,—должно было служить иллюстраціей нормальнаго хода развитія права. Муромцевъ, быть можетъ, недостаточно оцѣнивалъ вліяніе, оказанное на эту трансформацію тѣми „потоками подражанія“, источниками которыхъ въ разное время были древняя Грецiя, Сирія и Египетъ. Работы такихъ ученыхъ, какъ напримѣръ лейпцигскій профессоръ Миттейсъ, въ этомъ отношеніи заполнили оставленные Муромцевымъ пробѣлы. Но они нисколько не опровергли его общей схемы — самопроизволь-

наго юридическаго творчества, на почвѣ измѣнлющихся жизненныхъ отношеній, какъ главнаго фактора, обусловливающаго собою ростъ права.

Въ этомъ творчествѣ юристамъ вообще и судьямъ въ частности принадлежитъ, по мнѣнію Муромцева, роль, мало чѣмъ уступающая роли законодателя. Эта мысль—прямое отраженіе англійской и американской практики—была еще новинкой въ Германіи и отчасти въ Россіи въ то время, когда она была высказана Муромцевымъ. Она все болѣе и болѣе проникаетъ въ юридическое сознаніе германскихъ народовъ и наложила свою печать на кодификаціонныя работы новѣйшаго времени, всего болѣе на гражданскій кодексъ Швейцаріи—работу мѣстнаго юриста Губера.

У Муромцева практика всю жизнь шла рука въ руку съ теоріей. Проникнутый сознаніемъ той истины, что юристъ призванъ будить въ своихъ соотечественникахъ чувство законности и стремленіе къ созданію высшихъ формъ жизни, онъ съ юности, въ роли профессора, редактора научнаго журнала и предсѣдателя юридическаго общества, сталъ проповѣдывать обновленіе нашего обветшалаго строя, столько же гражданскаго, сколько и политическаго. Окруживъ себя единомышленниками, въ родѣ Гольцева, Іоллоса, Пржевальскаго, и раздѣливъ тяжесть руководительства юридическимъ обществомъ съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ, предсѣдателемъ статистическаго его отдѣленія, Муромцевъ съумѣлъ обратить органъ московскихъ юристовъ въ вѣстникъ обществознанія и одновременно въ истолкователя земскихъ и городскихъ запросовъ къ правительству. Онъ самъ весьма вѣрно опредѣлилъ характеръ дѣятельности юридическаго общества въ годы своего предсѣдательствованія, сказавъ въ рѣчи, прочитанной имъ на торжественномъ засѣданіи 13-го марта 1888-го года: „мы не теряемъ надежды на то, что можетъ быть не въ очень далекомъ будущемъ русскія общественныя силы будутъ призваны къ большему, чѣмъ нынѣ, участію въ государственной жизни. Было бы легкомысленно, въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, оставлять себя безъ надлежащей къ нему подготовки. Если лучшему будущему дѣйствительно суждено наступить, то оно не должно застигнуть насъ въ расплохъ. Тогда нѣкогда будетъ раздумывать, когда придется сразу передѣлывать то, что должно бы было, при иномъ порядкѣ вещей, передѣлываться постепенно, въ теченіе десятилѣтій. На представителяхъ русской общественной мысли и силы лежитъ обязанность теперь же приступать къ выработкѣ опредѣленныхъ предположеній... ...Юридическое общество признало, что задача его состоитъ въ проведеніи въ публику политическихъ идей, усвоеніе которыхъ требуется современнымъ обществен-

нымъ состояніемъ Россіи. Оно взялось далѣе за дѣло трудное, но важное — за подробную разработку нѣкоторыхъ преобразованій, въ которыхъ нуждается наше законодательство“ [1]). Вѣрный этой программѣ, Сергѣй Андреевичъ еще съ 1881-го года самъ работаетъ и заставляетъ работать другихъ надъ такими задачами, какъ выработка проекта закона о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, проекта основныхъ положеній фабричнаго устава, проекта правилъ объ участіи служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. Одновременно общество было занято разборомъ выработаннаго коммиссіей Таганцева новаго уголовнаго уложенія, и эта работа была произведена такъ тщательно, что коммиссія, по заявленію самого Таганцева, „много разъ пользовалась съ величайшей выгодой для себя указаніями и замѣчаніями московскаго общества“ [2]).

Въ какомъ духѣ производилась вся эта далеко не легкая работа, объ этомъ говоритъ самъ Муромцевъ въ своей уже приведенной рѣчи. Вотъ подлинныя его слова:

„Изслѣдованіе закона въ связи съ нуждами жизни, внимательное отношеніе къ народному творчеству, сказывающемуся въ обычномъ правѣ и въ дѣятельности суда присяжныхъ, возможно полное огражденіе общества отъ преступленій, въ связи съ гуманнымъ отношеніемъ къ преступнику, укрѣпленіе суда по совѣсти въ сферѣ гражданскаго правосудія, огражденіе жизни, здоровья, умственнаго и нравственнаго развитія рабочаго противъ эгоизма предпринимателей, споспѣшествованіе международному правовому общенію, въ области же чистой науки — признаніе закономѣрности явленій общественно-правовой жизни и познаваніе ихъ путемъ историко-сравнительнаго изслѣдованія: вотъ задачи, которыя юридическое общество дерзало рекомендовать современному ученому, государственному и судебному дѣятелю и къ разрѣшенію которыхъ оно приложило свои посильные труды“ [3]).

Можно судить, послѣ всего сказаннаго, какъ болѣзненно отозвались въ душѣ Муромцева слѣдовавшія на близкомъ разстояніи другъ отъ друга сперва удаленіе съ занимаемой имъ каѳедры, затѣмъ закрытіе „Юридическаго Вѣстника“, существованіе котораго временно было продолжено, въ другомъ видѣ, цѣною личныхъ усилій и денежныхъ пожертвованій самого редактора и его ближайшихъ сотрудниковъ, наконецъ закрытіе юридическаго общества, въ возмездіе за то, что его предсѣдатель не отступилъ передъ мыслью связать съ памятью Пушкина протестъ противъ „властной опеки“ надъ личностью.

---

[1]) „Статьи и рѣчи“, выпускъ II, стр. 24 и 25.
[2]) Ibid., стр. 27.
[3]) Ibid., стр. 28.

Муромцевъ героически переносилъ удары судьбы и на новомъ поприщѣ присяжнаго повѣреннаго скоро сдѣлался руководителемъ работъ молодыхъ юристовъ. Какъ исполнялъ онъ эту добровольно принятую на себя обязанность, развивая самодѣятельность своихъ юныхъ товарищей и охотно „учась“ при случаѣ у тѣхъ, кого онъ призванъ былъ обучать, объ этомъ сказано было много вѣрнаго и цѣннаго надъ его свѣжей могилой нынѣ хорошо извѣстнымъ московскимъ адвокатомъ—Малянтовичемъ.

Тяжелый трудъ присяжнаго повѣреннаго не мѣшалъ Муромцеву посвящать часть своего времени исполненію обязанностей земскаго гласнаго, одинаково въ Тульской и Московской губерніяхъ, и участвовать въ засѣданіяхъ городской думы. О его дѣятельности въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія можно судить отчасти по тѣмъ „Письмамъ изъ Москвы“, которыя онъ печаталъ сперва въ „Порядкѣ“, газетѣ, издававшейся, въ 1881—2 гг., М. М. Стасюлевичемъ, а затѣмъ, съ 1885-го по 1886-ой годъ, въ „Вѣстникѣ Европы“. Его близко интересовали, въ періодъ наступившей уже реакціи вопросы о пересмотрѣ земскаго положенія и рано возникшія сомнѣнія насчетъ того, чтобы „мечтанія“ и „иллюзіи“, содержаніе которымъ давали еще недавніе слухи объ обще-земской Думѣ, скоро получили осуществленіе. Терзала его также мысль о томъ, что студенческія волненія и порождаемая ими „университетская смута“ не найдутъ желаннаго разрѣшенія въ „нѣкоторыхъ преобразованіяхъ болѣе широкаго свойства“, въ дарованіи русскому обществу свободы собраній и союзовъ. „Профессоръ—писалъ онъ—будетъ только профессоромъ, студентъ—только студентомъ... когда эти лица будутъ увѣрены, что для удовлетворенія прочихъ своихъ потребностей они найдутъ полный просторъ внѣ своихъ профессій, въ качествѣ обыкновенныхъ гражданъ“ [1]).

Муромцевъ еще въ 1882-мъ году былъ въ числѣ тѣхъ, кто не вѣрилъ въ цѣлебную силу „корпоративныхъ привилегій и изъятій изъ общаго закона“ и требовалъ реформы послѣдняго въ сторону развитія и укрѣпленія системы личной и общественной самодѣятельности“.

Успѣхи реакціи не въ состояніи были сломить его здороваго оптимизма, воспитаннаго изученіемъ историческаго прошлаго опередившихъ насъ народовъ и государствъ. Онъ зналъ, что часъ свободы необходимо придетъ и чувствовалъ себя еще настолько молодымъ и свѣжимъ, чтобы не отчаяваться въ возможности стать самому свидѣтелемъ великихъ событій.

И его надежды оправдались, правда не такъ скоро, какъ онъ разсчитывалъ. Пришлось ждать цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ

[1]) „Статьи и рѣчи“, вып. III, стр. 55.

обстоятельства позволили ему съ высоты президентскаго кресла сказать въ обращеніи къ депутатамъ перваго созыва: „Совершается великое“. Подъ этимъ великимъ онъ разумѣлъ зарожденіе русскаго народнаго представительства. Въ эту минуту его мысль не тревожила еще возможность потери „государственной грамотки“ и замѣны всенародныхъ мужей „ставленниками землевладѣльцевъ“.

Прошло пятилѣтіе; новыя надежды оказались новыми „иллюзіями“; но и заканчивая свое поприще, Сергѣй Андреевичъ смѣло смотрѣлъ въ будущее, охотно принося ему въ жертву свое личное благополучіе.

И за это неизмѣнное служеніе идеалу свободной личности, поставленной подъ защиту безстрастнаго закона и суда и призванной къ широкой общественной дѣятельности, потомство воздастъ должное первому предсѣдателю первой русской Государственной Думы. Намъ же, его современникамъ и товарищамъ, приличествуетъ провозгласить „вѣчную память“ такъ преждевременно покинувшему насъ вождю.

Максимъ Ковалевскій.

Къ пятидесятилѣтію литературной дѣятельности П. Д. БОБОРЫКИНА

Исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина.

Она была обширна и разнообразна. Петръ Дмитріевичъ выступалъ какъ романистъ, драматургъ, теоретикъ искусства, критикъ, публицистъ.

На нижеслѣдующихъ страницахъ я буду имѣть въ виду только *романы* и *повѣсти* П. Д. Боборыкина,—не съ тѣмъ, чтобы представить оцѣнку ихъ объективнаго значенія, какъ вклада въ русскую литературу, а съ цѣлью дать посильную характеристику *художественнаго дарованія* писателя.

Итоги художественной работы П. Д. Боборыкина еще не подведены. Несомнѣнно одно: она вошла въ исторію русской литературы, гдѣ будущій историкъ отведетъ ей видное и почетное мѣсто.

Оцѣнка его дарованія (я говорю объ оцѣнкѣ объективной, всесторонней, справедливой) еще не сдѣлана. Несомнѣнно одно: Боборыкинъ — *призванный и большой художникъ-наблюдатель и бытописатель.*

Это опредѣленіе, совершенно правильное, но слишкомъ общее,

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.
«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

...ства позволили ему съ высоты президентскаго кресла сказать въ обращеніи къ депутатамъ перваго созыва: „Совершается великое“. Подъ этимъ великимъ онъ разумѣлъ зарожденіе русскаго народнаго представительства. Въ эту минуту его мысль не тревожила еще возможность потери „государственной грамотки“ и замѣны всенародныхъ мужей „ставленниками землевладѣльцевъ“.

Прошло пятилѣтіе; новыя надежды оказались новыми „иллюзіями“; но и заканчивая свое поприще, Сергѣй Андреевичъ смѣло смотрѣлъ въ будущее, охотно принося ему въ жертву свое личное благополучіе.

И за это неизмѣнное служеніе идеалу свободной личности, поставленной подъ защиту безстрастнаго закона и суда и призванной къ широкой общественной дѣятельности, потомство воздастъ должное первому предсѣдателю первой русской Государственной Думы. Намъ же, его современникамъ и товарищамъ, приличествуетъ провозгласить „вѣчную память“ такъ преждевременно покинувшему насъ вождю.

Максимъ Ковалевскій.

Къ пятидесятилѣтію литературной дѣятельности П. Д. БОБОРЫКИНА

Исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина. Она была обширна и разнообразна. Петръ Дмитріевичъ выступалъ какъ романистъ, драматургъ, теоретикъ искусства, критикъ, публицистъ.

На нижеслѣдующихъ страницахъ я буду имѣть въ виду только *романы* и *повѣсти* П. Д. Боборыкина,—не съ тѣмъ, чтобы представить оцѣнку ихъ объективнаго значенія, какъ вклада въ русскую литературу, а съ цѣлью дать посильную характеристику *художественнаго таланта* писателя.

Итоги художественной работы П. Д. Боборыкина еще не подведены. Несомнѣнно одно: она вошла въ исторію русской литературы, гдѣ будущій историкъ отведетъ ей видное и почетное мѣсто.

Оцѣнка его дарованія (я говорю объ оцѣнкѣ объективной, всесторонней, справедливой) еще не сдѣлана. Несомнѣнно одно: Боборыкинъ — *признанный и большой художникъ-наблюдатель и бытописатель*.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.

Это опредѣленіе, конечно, слишкомъ общее,

должно быть дополнено указаніемъ на тѣ индивидуальныя черты, въ силу которыхъ въ ряду нашихъ художниковъ-наблюдателей и бытописателей П. Д. Боборыкинъ занялъ особое, *свое*, лишь ему одному принадлежащее мѣсто.

Подобно большинству нашихъ выдающихся художниковъ-наблюдателей, отъ Пушкина до Писемскаго, Боборыкинъ—строгій и послѣдовательный *реалистъ* въ искусствѣ. Быть реалистомъ въ искусствѣ, значитъ отправляться не отъ идеи, а отъ факта и осмотрительно переходить отъ видимости вещей къ скрытому въ нихъ смыслу, отъ конкретныхъ явленій къ обобщающей ихъ идеѣ, отъ внѣшняго человѣка къ внутреннему. Какъ и въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ это—столбовой путь индуктивнаго познанія.

Этимъ-то путемъ всегда и шелъ П. Д. Боборыкинъ. Достаточно извѣстны мастерство и точность, съ какими онъ описываетъ физіономію, манеру, походку, повадку, костюмъ—вообще внѣшняго человѣка. Часто (какъ это дѣлаютъ всѣ художники-реалисты) онъ писалъ прямо съ натуры. П. Д. Боборыкинъ — признанный мастеръ въ искусствѣ рисовать внѣшность человѣка. Но вотъ черта, на которую критика, кажется, не обратила должнаго вниманія: внѣшность сама по себѣ не представляетъ для Боборыкина самостоятельнаго интереса, и въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается бѣглымъ абрисомъ, наброскомъ, не выписывая фигуру полностью. Его описанія мѣстъ, вещей, обстановки, обличья людей почти всегда сжаты, кратки, отрывочны,—я готовъ сказать (и это—не упрекъ): *спѣшны*. Набросавъ рисунокъ, намѣтивъ нѣсколько чертъ, онъ спѣшитъ дальше—и переходитъ отъ видимости вещей къ ихъ смыслу, отъ внѣшняго человѣка къ внутреннему. Черты внѣшности, которыя онъ такъ экономно воспроизводитъ, почти всегда имѣютъ у него опредѣленное психологическое значеніе. Въ самомъ способѣ рисовать внѣшность сказывается не рисовальщикъ, *а психологъ*.

П. Д. Боборыкинъ, по преимуществу, *реалистъ-психологъ*. Въ каждомъ выведенномъ лицѣ онъ стремится установить и освѣтить различныя черты, изъ которыхъ слагается его психика: тутъ и признаки наслѣдственной классовой психологіи, и навыки среды, и черты, создавшіяся подъ вліяніемъ воспитанія и обстоятельствъ личной жизни. Психологія пола и возраста занимаетъ видное мѣсто въ романахъ и повѣстяхъ Боборыкина, и многія фигуры, имъ созданныя, безспорно являются цѣннымъ документомъ для психолога. Діагнозъ натуры, темперамента, ума, страстей, настроенія лицъ всегда отличается обстоятельностью и точностью, исключающими у читателя возможность двухъ мнѣній о данномъ лицѣ. И лицо не только стоитъ передъ нами „какъ живое“, но оно *объяснено*, оно, можно сказать, *исчерпано* до

дна души, до сокровенныхъ помысловъ и инстинктивныхъ побужденій. *Изобразительные пріемы искусства здѣсь сочетались съ глубокою интуиціею прирожденнаго психолога и съ методическою точностью натуралиста.*

Я настаиваю на этомъ потому, что до сихъ поръ эта рѣзкая индивидуальная особенность творчества П. Д. Боборыкина не была оцѣнена. Напомню, напр.. великолѣпныя фигуры Василія Теркина и Серафимы Ефимовны—натуры сложныя, представляющія для психологическаго анализа большія трудности. Какъ онѣ правдивы и ясны въ изображеніи Боборыкина—и какой „человѣческій документъ“ представляютъ онѣ для психолога!

Вспомнимъ типы „Китай-города“, гдѣ выведено московское купечество новой формаціи. Передъ нами рядъ лицъ, рѣзко и опредѣленно очерченныхъ—и весь интересъ этой яркой бытовой картины сводится именно къ психологіи среды и ея отдѣльныхъ представителей, къ изображенію и художественному истолкованію новыхъ замоскворѣцкихъ типовъ, явившихся на смѣну типамъ Островскаго. Черты наслѣдственности, навыки, ставшіе инстинктомъ, сквозятъ изъ-подъ налета неглубокаго просвѣщенія, новыхъ культурныхъ началъ, вѣяній „духа времени“,—и эта амальгама истолкована исчерпывающимъ образомъ. То же самое нужно сказать и о представителѣ этой новой буржуазіи въ романѣ „Перевалъ“—Кумачевѣ: великолѣпный московскій типъ, въ своемъ родѣ пророческій...

Возьмемъ—на удачу—произведеніе, относящееся по идеѣ и фабулѣ къ другой области: повѣсть „*Поумнѣлъ*“. Здѣсь опять мы имѣемъ исчерпывающій психологическій анализъ героя; до дна раскрывается весь душевный процессъ, приведшій героя къ тому печальному факту, что онъ „поумнѣлъ“. Этотъ процессъ не только объясненъ, но и оцѣненъ съ моральной точки зрѣнія, чему содѣйствуетъ параллель между душевной исторіей мужа и душевной драмой жены, которая не „поумнѣла“ и упрямо осталась при прежнемъ идеализмѣ...

Не умножая примѣровъ, напомню только, что у Боборыкина есть вещи, написанныя спеціально на психологическія темы, гдѣ все внѣшнее и бытовое, да и сама фабула занимаютъ второстепенное мѣсто, *и гдѣ суть дѣла—въ разработкѣ и рѣшеніи психологической задачи и въ моральной оцѣнкѣ данныхъ явленій.* Таковы по-истинѣ превосходные разсказы: „*Безъ мужей*“, „*Съ убійцей*“, „*Трупъ*“, „*Безвѣстная*“.

Перехожу къ другой особенности, придающей художественному дарованію П. Д. Боборыкина большую цѣнность. Это — его разносторонность или широта района, на который простирается дѣйствіе его психологической интуиціи. Понимать людей интимно и проникно-

венно—дѣло не изъ легкихъ, и у различныхъ художниковъ мы находимъ, такъ сказать, спеціализацію человѣческаго пониманія; въ такихъ случаяхъ говорятъ, что писатель умѣетъ истинно-художественно воспроизводить такую-то среду, не обнаруживая подобнаго же умѣнья въ изображеніи другой, и часто, при этомъ, ссылаются на то, что данная среда хорошо знакома автору съ дѣтства, что онъ выросъ въ ней или изучалъ ее въ теченіе долгихъ лѣтъ. Вопросъ сложнѣе, чѣмъ кажется. П. Д. Боборыкинъ, сколько мнѣ извѣстно, не изучалъ спеціально и долго среду и бытъ телеграфистовъ—а между тѣмъ посмотрите, съ какою проникновенностью изобразилъ онъ людей изъ этой среды въ разсказѣ „Юзъ и Морзъ“. Дворянинъ по происхожденію, изъ старинной помѣщичьей семьи, интеллигентъ по преимуществу, онъ воспроизводитъ купцовъ, мѣщанъ, интеллигентовъ-разночинцевъ, актеровъ, актрисъ, балетныхъ танцовщицъ, акушерокъ, гувернантокъ, боннъ, прислугу—такъ, что читателю, какъ бы онъ ни отнесся къ тому или другому произведенію въ цѣломъ и въ частностяхъ, прежде всего бросаются въ глаза сила и проницательность психологической интуиціи писателя. Прошу читателя вспомнить — *съ этой стороны* — изображеніе лицъ разнаго званія и состоянія въ большихъ романахъ, а также укажу на такіе разсказы, какъ „По чужимъ людямъ“, „Три афиши“, „Голубой лифъ“, „Безвѣстная“, „У плиты“—и читатель убѣдится въ томъ, что сила психологической интуиціи у Боборыкина не ограничивается кругомъ тѣхъ явленій, съ которыми онъ сроднился съ дѣтства или которыя онъ долго изучалъ. Какъ въ самой жизни, въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, такъ и въ художественномъ творчествѣ видная роль принадлежитъ *отгадкѣ:* можно двадцать лѣтъ знать человѣка и всетаки не понимать его, пока случайное обстоятельство или моментальное прозрѣніе не откроетъ вамъ душу этого человѣка. Мы не столько узнаемъ, сколько угадываемъ людей. У П. Д. Боборыкина этотъ даръ отгадки поистинѣ изумителенъ, и зачастую онъ обходится безъ—всегда могущественной—помощи личнаго опыта, какъ въ смыслѣ собственныхъ переживаній, такъ и въ смыслѣ методическихъ, повторенныхъ и провѣренныхъ наблюденій.

Но у него этотъ цѣнный даръ—угадывать чужую и чуждую душу—имѣетъ другого „помощника“, которому имя—„*симпатическое воображеніе*“. Безъ симпатическаго воображенія немыслимо художественное творчество, но у разныхъ художниковъ оно имѣетъ различную силу и — главное — *различную субъективную окраску основнымъ чувствомъ.* Это—одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ психологіи творчества и также столь родственной ей психологіи пониманія человѣка человѣкомъ, прозрѣнія въ чужую душу.

Въ дѣйствіи симпатическаго воображенія нужно различать двѣ

стороны. Писатель до извѣстной степени самъ переживаетъ чувства, настроенія, страсти изображенныхъ лицъ — гнѣвъ одного, горе другого, радость третьяго и т. д. Эти переживанія я называю „фиктивными чувствами", и это—только одна сторона явленія. Другую его сторону образуетъ основное субъективное чувство, у разныхъ художниковъ различное и всегда глубоко индивидуальное, съ которымъ художникъ фиктивно переживаетъ психологію и жизнь выведенныхъ лицъ. У Пушкина этимъ основнымъ чувствомъ была гуманность, у Гоголя — чувство скорбнаго юмора, у Тургенева — чувство мягкой и красивой грусти, у Достоевскаго—художническая жестокость (по удачному опредѣленію Михайловскаго) и т. д. — Какъ опредѣлимъ мы этотъ камертонъ симпатическаго воображенія у П. Д. Боборыкина?

Писателя нельзя только почитывать: его нужно перечитывать и изучать. Кто вчитывался въ художественныя произведенія Боборыкина, кто изучалъ ихъ, тотъ, полагаю, согласится со мною, что личнымъ, основнымъ чувствомъ, съ какимъ онъ переживаетъ психологію созданныхъ лицъ, должно быть признано своеобразное *чувство жалости*, я бы сказалъ: *созерцательной и потенціальной жалости*. Это—особое чувство, отличное отъ жалости въ собственномъ и обычномъ смыслѣ, хотя и родственное ей. Трудно подобрать для него точный терминъ; приходится прибѣгать къ описательнымъ выраженіямъ, въ родѣ, напр., такого: это—предчувствіе возможной жалости, это—готовность, когда будетъ поводъ, пожалѣть человѣка, и даже пожалѣть и безъ всякаго повода, „просто такъ-себѣ", „по-человѣчеству", въ минуту раздумья.

Это тонкое, часто едва уловимое чувство шевелится у вдумчиваго читателя при чтеніи романовъ и повѣстей Боборыкина весьма часто, даже тогда, когда лицо или сцена, по существу дѣла, не могутъ вызывать жалости. Тѣмъ явственнѣе обозначается оно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для этой послѣдней, для жалости въ обычномъ смыслѣ, есть поводъ. Поводъ представляется нерѣдко, и мотивъ жалости къ людямъ — къ своимъ и чужимъ, къ близкимъ и далекимъ, къ себѣ самому—звучитъ то громче, то тише въ большинствѣ художественныхъ произведеній Боборыкина, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаетъ до той высоты, на которой онъ становится тѣмъ, что можно назвать *пафосомъ* творчества. Не даромъ этимъ *пафосомъ жалости* запечатлѣнъ шедѣвръ Боборыкина — романъ „*Василій Теркинъ*", одно изъ тѣхъ произведеній, которыми, по праву, гордится русская литература.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.

Сезонъ въ Московскомъ Художественномъ театрѣ открылся 12-го октября инсценировкой „Братьевъ Карамазовыхъ“. Задолго до спектакля эта рискованная попытка вызывала оживленные толки, и весьма многіе критики и театралы пророчили ей провалъ. Справедливо указывалось на то, что техника романа и драмы совершенно различны по самой природѣ своей; приспособить романъ къ сценѣ значитъ, собственно говоря, создать совсѣмъ новое литературное произведеніе, и чѣмъ талантливѣе и глубже романъ, тѣмъ больше таланта и глубины требуется отъ приспособителя—а гдѣ же теперь найдется талантъ, равный автору „Братьевъ Карамазовыхъ“? Припоминался цѣлый рядъ прежнихъ попытокъ выкроить драмы изъ романовъ Достоевскаго и Тургенева; припоминалась антихудожественность всѣхъ такихъ передѣлокъ безъ исключенія. Правда, Художественный театръ заявлялъ, что онъ не дерзнетъ измѣнить ни одного слова въ великомъ произведеніи Достоевскаго и ставитъ не передѣлку „Братьевъ Карамазовыхъ“, а лишь инсценировку нѣкоторыхъ частей романа, сохраняя текстъ въ полной неприкосновенности. Но скептики не унимались. Мыслимо ли, говорили они, втиснуть необъятное содержаніе романа въ рамки хотя бы и двухъ вечеровъ, какъ то дѣлаетъ Художественный театръ? Не останутся ли отъ романа одни жалкіе клочки, не будетъ ли въ корень разрушена вся сложная концепція его, не получится ли нѣчто досадное и даже оскорбительное для всѣхъ, почитающихъ и любящихъ проникновенную трагедію Карамазовской семьи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти возраженія были хорошо извѣстны руководителямъ Художественнаго театра, были обдуманы и взвѣшены, и если театръ все-таки рискнулъ ставить „Братьевъ Карамазовыхъ“, то, значитъ, надѣялся достигнуть нѣкоторыхъ художественныхъ цѣнностей, не упраздняемыхъ разсужденіями скептиковъ. Въ чемъ состоятъ эти цѣнности—догадаться было нелегко, и потому спектакли 12-го и 13-го октября пріобрѣтали особенно жгучій интересъ для всякаго, кому близка судьба сценическаго искусства и дорого творчество Достоевскаго.

Достаточно было пробѣжать программу обоихъ спектаклей, гдѣ

перечислены всѣ инсценируемые отрывки, чтобы сразу же понять, что театръ совсѣмъ не задается цѣлью показать на сценѣ не то что ужъ весь романъ, но даже хотя бы основные моменты его. Причины такого рѣшенія были разнообразны, но совершенно понятны.

Прежде всего, въ дѣло впуталась мертвящая десница драматической цензуры, которая категорически возбранила театру всякое прикосновеніе къ самой душѣ романа—къ богословскому и религіозному основному стержню его. Старецъ Зосима и весь монастырь, т.-е. то самое, во что Достоевскій вложилъ свою главную идею, должно было исчезнуть безслѣдно; изъ дальнѣйшихъ сценъ романа исчезли всѣ разговоры о вѣрѣ въ Бога и въ безсмертіе, о Христѣ и Голгоѳѣ, объ оправданіи міра и непріятіи его и т. д. Невыразимо тяжела эта заскорузлая и близорукая политика нашего цензурнаго вѣдомства, не оправдываемая ни исторически, ни психологически. Руководители вѣдомства какъ будто не знаютъ, что нашъ театръ начался съ мистерій, т.-е. съ инсценировки сюжетовъ изъ священнаго писанія и изъ житій святыхъ, что въ средніе вѣка, въ пору наиболѣе горячей религіозной вѣры, въ пору наиболѣе ревниваго обереганія уваженія къ святынѣ, на театральныхъ подмосткахъ появлялись святые угодники, ангелы и самъ Христосъ—и это не только не оскорбляло религіознаго чувства, но наоборотъ, сама церковь всячески поощряла именно такія представленія, надѣясь при помощи ихъ отвлечь свою паству отъ народнаго, скоморошескаго театра. Такъ было на Западѣ, такъ было и въ старой Руси, при тишайшемъ и благочестивомъ царѣ Алексѣѣ, при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Такъ до сихъ поръ, разъ въ десять лѣтъ, стекаются несмѣтныя тысячи людей со всѣхъ концовъ свѣта въ баварскій Оберъ-Аммергау посмотрѣть на инсценировку евангельской повѣсти о страстяхъ Христовыхъ; тутъ являются передъ публикой на подмосткахъ апостолы, Матерь Божія и самъ Спаситель, изображаемые столярами и горшечниками. И смѣю увѣрить, что люди вѣрующіе, которые въ немаломъ числѣ вкраплены въ пеструю толпу, наполняющую оберъ-аммергаускій театръ, не только не оскорбляются „Представленіемъ Страстей“, но наоборотъ, вы можете иной разъ услыхать рядомъ съ собою тихій, умиленный плачъ. Этимъ примѣромъ я хочу только показать, что между театральными подмостками и религіознымъ чувствомъ нѣтъ той враждебной противоположности, которую утверждаетъ наша драматическая цензура, — и даже возможенъ союзъ, плодотворный и для вѣры, и для искусства.

Менѣе всего понятенъ цензурный запретъ для Достоевскаго вообще и для „Братьевъ Карамазовыхъ“ въ частности. „Не хула Іисусу, а хвала“—вотъ что такое этотъ романъ. Человѣкъ великой и

искушенной вѣры, Достоевскій въ живомъ дѣйствіи, въ живомъ подвигѣ задумалъ изобразить борьбу абсолютной для него правды Христовой съ тѣми временными, антихристіанскими правдами, которыя имѣли силу среди его современниковъ, имѣютъ силу и доселѣ. Съ поразительнымъ безстрашіемъ истиннаго и незыблемаго убѣжденія, Достоевскій выдвинулъ все, что сказано было противъ Христа, съ щедростью генія прибавилъ къ этому все, что̀ подсказывало ему его глубокое сердцевѣдѣніе, и затѣмъ побѣдилъ „правду міра сего“ правдою христіанства. Онъ прошелъ черезъ неслыханную „силу отрицанія Бога“, отвѣтилъ на нее „всѣмъ романомъ“ и утвердилъ свою вѣру, такимъ путемъ, на базисѣ, которому не страшенъ уже никакой скептицизмъ, ибо все, что можетъ скептицизмъ возразить, онъ уже заранѣе предвидѣлъ и переспорилъ въ своей душѣ. Въ своемъ творчествѣ Достоевскій дѣлаетъ всѣхъ насъ участниками пережитаго имъ процесса укрѣпленія вѣры. А цензура отнимаетъ у насъ все это. Почему?..

Такимъ образомъ, вся религіозно-философская сторона романа, волею цензуры, отпала. Исчезла вмѣстѣ съ нею и въ высшей степени необходимая сцена скандала, учиненнаго Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ въ монастырѣ—сцена, являющаяся существеннѣйшимъ моментомъ въ общей художественной и психологической конструкціи романа. Исчезъ, далѣе, центральный діалектическій пунктъ—„Легенда о Великомъ инквизиторѣ“ и весь разговоръ Ивана съ Алешей въ трактирѣ. Наконецъ, скомкана и сцена суда надъ Митей, потому что цензура, какъ оказывается, не допускаетъ на подмостки не только монаховъ, но и судей.

Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ купюрахъ повинна не одна драматическая цензура: онѣ вынуждались и самымъ существомъ дѣла, т.-е. разницей художественной техники въ романѣ и въ драмѣ.

Когда вы читаете книгу, то діалогъ двухъ братьевъ въ трактирѣ, постоянно переходящій въ монологъ Ивана, исполненъ захватывающаго интереса. Но попробуйте воспроизвести эти сорокъ двѣ страницы убористой печати на сценѣ—и получится нѣчто совершенно невозможное. Во-первыхъ, этотъ разговоръ займетъ не менѣе двухъ часовъ времени, что̀ уже само по себѣ нестерпимо. Во-вторыхъ, львиная доля этого времени падетъ на монологи Ивана, и какъ бы выразительно ни произносилъ ихъ артистъ, они утомятъ вниманіе зала; даже сверхчеловѣческаго напряженія зрителей не хватитъ, чтобы съ достаточной интенсивностью воспринять глубокую философскую діалектику Ивана. Нѣчто въ корень антисценическое получится и отъ полнаго отсутствія дѣйствія въ этой сценѣ, и отъ неизбѣжной длительной манекенности слушающаго и безмолвствующаго Алеши. Со всѣми

этими обстоятельствами, конечно, была бы безсильна справиться самая утонченная сценическая техника.

Въ сценѣ суда несоотвѣтствіе романа и драмы сказывается съ другой стороны. Тутъ Достоевскій даетъ въ діалогической формѣ лишь нѣкоторые особенно выпуклые моменты, главную же массу происшествій изображаетъ въ повѣствовательной формѣ, и, слѣдовательно, инсценировка всего суда абсолютно невозможна безъ коренной передѣлки текста, даннаго Достоевскимъ.

По той же причинѣ, какъ и разговоръ въ трактирѣ, т.-е. по полной антисценичности, исчезла и столь важная для характеристики Мити „исповѣдь горячаго сердца", отлившаяся у Достоевскаго въ огромный монологъ, занимающій свыше двадцати страницъ и произносимый Митенькой передъ безмолвствующимъ и бездѣйствующимъ Алешей. Условія сцены заставили отказаться и отъ другихъ главъ, весьма важныхъ для характеристики Мити и исполненныхъ драматическаго напряженія, а именно отъ отчаяннаго метанія его за деньгами въ день катастрофы и отъ сцены „въ темнотѣ", когда „слезы матери" спасаютъ Митю отъ отцеубійства, а злой случай подставляетъ подъ его пестикъ старика Григорія. Нельзя было показать и „дѣтвору", ибо неудалось подыскать исполнителей для Коли Красоткина, Смурова и прочихъ мальчиковъ.

Что же—спросите вы—осталось послѣ этого отъ романа? Отъ романа, какъ отъ цѣльнаго замысла, отъ цѣльнаго, весьма сложнаго, но стройнаго произведенія, не осталось ровно ничего. Однако съ этой точки зрѣнія безплодно было бы и подходить къ спектаклю 12—13 октября. Театръ не задавался цѣлью инсценировать романъ, хотя бы и съ большими купюрами, но съ соблюденіемъ основныхъ его архитектурныхъ и психологическихъ линій. Не сокращенный романъ предложенъ былъ нашему вниманію, а „отрывки изъ романа". Подъ этимъ угломъ зрѣнія и надо судить новую постановку Художественнаго театра. Разъ театръ ясно сознавалъ, что невозможно хоть сколько-нибудь исчерпать на сценѣ бездонное и огромное содержаніе романа, разъ онъ сознательно и заранѣе отказался отъ этой задачи, то совершенно безплодно толковать о томъ, что онъ этой задачи не исполнилъ. Вопросъ для меня локализуется вотъ на чемъ: дала ли инсценировка немногихъ отрывковъ изъ романа,—быть можетъ даже не самыхъ существенныхъ въ общемъ замыслѣ Достоевскаго,—дала ли она что-нибудь художественно цѣнное, и если дала, то насколько значительны эти цѣнности, стоило ли ради нихъ цѣлой труппѣ работать до изнеможенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, вынести до 180 репетицій, потратить бездну ума, энергіи, таланта, изобрѣтательности, и стоитъ ли публикѣ отдавать два вечера, чтобы посмотрѣть не очень-то ласково

встрѣченные критикой, непритязательные „отрывки изъ романа Ѳ. М. Достоевскаго“, какъ обозначаетъ спектакль программа.

Изъ 96-ти главъ романа постановка Художественнаго театра использовала всего 23, т.-е. менѣе одной четвертой части. Въ первый вечеръ идутъ отрывки изъ 3-ей—8-й книгъ романа. Изъ 3-ей книги взята сцена въ домѣ Ѳедора Павловича (разговоры Смердякова о мученичествѣ за вѣру и буйство Мити, главы 7—9), Грушенька у Катерины Ивановны (гл. 10), ночной разговоръ Мити съ Алешей подъ ракитой (гл. 11). Изъ 4-й книги взяты разговоры Алеши съ отцомъ (гл. 2), съ Лизой Хохлаковой (гл. 4), „надрывъ въ гостиной“ (гл. 5), „надрывъ“ у капитана Снѣгирева (гл. 6 и 7). Изъ 5-й книги инсценированъ только разговоръ Смердякова съ Иваномъ (гл. 6), изъ 7-й—только ночной визитъ Алеши къ Грушенькѣ (гл. 3), изъ 8-й—только появленіе окровавленнаго Мити въ квартирѣ Грушеньки и у Перхотина (гл. 5). Второй день начинается поразительной сценой кутежа въ Мокромъ и затѣмъ допроса Мити (кн. 8, гл. 7—8, и кн. 9, гл. 3—5); далѣе слѣдуютъ четыре отрывка изъ 11-й книги: мучительный разговоръ Лизы Хохлаковой съ Алешей (гл. 3), „Не ты... не ты...“ (гл. 5), послѣднее свиданіе Ивана съ Смердяковымъ (гл. 8) и кошмаръ Ивана Карамазова (гл. 9). Спектакль кончается отрывкомъ сцены въ судѣ—показаніе Ивана и второе показаніе Катерины Ивановны (кн. 12-я, гл. 5).

Отрывки, повидимому, подобраны такимъ образомъ, чтобы, пользуясь матеріаломъ, доступнымъ для сцены, дать по возможности отчетливыя характеристики главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ романа,—характеристики, конечно, только психологическія, ибо вскрывающаяся у Достоевскаго за индивидуальной психологіей общая метафизическая проблема должна была, въ виду изложенныхъ выше обстоятельствъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, исчезнуть. Удались ли однако хоть такія характеристики? Невсѣ и не вполнѣ, и по причинамъ разнообразнымъ.

Г. Лужскій даетъ интересный, но не исчерпывающій образъ главы Карамазовской „семейки“. Изступленное сладострастіе старика передано превосходно, но шутъ и приживальщикъ исчезли совсѣмъ—а вѣдь эта сторона не менѣе существенна для пониманія послѣдующей трагедіи, чѣмъ Карамазовское сладострастіе. Вѣдь какъ разъ приживальство, лакейство Ѳедора Павловича есть первоисточникъ его гибели. Смердяковъ—лакей, чортъ Ивана—тоже лакей, приживальщикъ, гаеръ. У обоихъ братьевъ эта черта есть органическая черта, полученная по наслѣдію отъ отца, въ крови коренящаяся. Смердяковъ весь сотканъ изъ лакейства, трусливаго и вмѣстѣ наглаго. Въ Иванѣ лакейство борется съ другими, благородными инстинктами, но въ иныя

минутки беретъ верхъ. И вотъ, въ одну изъ такихъ минутокъ два лакея вступаютъ въ союзъ и рѣшаютъ убійство своего отца, котораго оба до кровомщенія ненавидятъ, одинъ—какъ источникъ своего соціальнаго униженнаго положенія, другой—какъ источникъ столь отвратительнаго для него внутренняго лакея — „чорта“. Я не имѣю возможности сейчасъ подробно развить эту тему, и только ограничиваюсь указаніемъ на весьма существенный психологическій узелъ, правильное пониманіе котораго освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ цѣлый рядъ фактовъ въ романѣ. И вотъ этотъ-то узелъ исчезъ совсѣмъ на сценѣ Художественнаго театра. Вина тутъ, впрочемъ, не на г. Лужскомъ: вѣдь шутовская ипостась старика-Карамазова дана Достоевскимъ какъ разъ въ сценѣ въ монастырѣ, которую похерила цензура. Но мнѣ кажется, что хотя въ намекахъ г. Лужскій могъ бы показать эту черту и на томъ матеріалѣ, который попалъ на сцену. Слѣдовало бы, кромѣ того, больше выдержать фигуру старика Карамазова въ томъ тонѣ нервической суетливости и раскидистости, который мѣстами такъ хорошо данъ г. Лужскимъ; необходимо отказаться отъ тѣхъ барскихъ, даже благородныхъ минъ и позъ, которыя изрѣдка, можетъ быть безсознательно, даетъ артистъ Карамазову-отцу: этихъ нотъ Достоевскій нигдѣ не приписываетъ ему. Психологически невѣрна спокойная жесткость, допускаемая г. Лужскимъ въ началѣ послѣдняго разговора съ Алешей: тутъ у старика, конечно, проявляется та самая нервическая злость, для передачи которой артистъ, нѣсколько минутъ спустя, находитъ такія экспрессивныя средства.

Митю играетъ г. Леонидовъ. И этой фигурѣ отсутствіе сцены въ монастырѣ много вредитъ. Теперь приходится начинать роль съ того момента, когда Митя врывается къ отцу и, на глазахъ братьевъ и слугъ, бьетъ его. Технически почти немыслимо актеру взять такую сильную сцену прямо, безъ всякой возможности предварительно „разыграться“. Да и воспріятіе зрителя, хотя бы и въ совершенствѣ знакомаго съ романомъ, всетаки остается тоже неподготовленнымъ къ этой бурѣ, слишкомъ внезапной безъ предварительныхъ порывовъ въ кельѣ старца Зосимы и безъ муки „исповѣди горячаго сердца“. Вѣроятно, по этимъ причинамъ первое появленіе Мити на сценѣ вышло какимъ-то деревяннымъ и ровно ничего не дало зрительному залу. Также мало тронулъ и разговоръ съ Алешей подъ ракитой. Стали даже поговаривать о полномъ провалѣ роли, и многіе съ этимъ выводомъ и ушли изъ театра въ первый вечеръ. Но меня отъ такого заключенія удержала послѣдняя картина, въ которой Митя опять, хотя и ненадолго, показывается на сценѣ, сначала на кухнѣ у Грушеньки, затѣмъ у Перхотина: сложные перебои настроеній, которые здѣсь раздираютъ Митину душу, переданы были г. Леонидовымъ съ

несомнѣннымъ подъемомъ, съ точной, гибкой и яркой экспрессіей. Но настоящую и безспорную побѣду одержалъ г. Леонидовъ въ началѣ слѣдующаго вечера, въ сценѣ кутежа, „бреда“ и допроса въ Мокромъ. Тутъ Митина душа явлена намъ была во всей силѣ и сложности своей Карамазовской сущности. Сначала робкій, кроткій и готовый „устраниться“, потомъ радостно недоумѣвающій, потомъ охваченный безудержно-радостнымъ порывомъ, то коноводъ буйной оргіи, то молитвенно созерцающій Грушеньку, сладострастный звѣрь, смиряемый тайной истинной любви, безпредѣльно счастливый и вдругъ раздавленный воспоминаніемъ о пролитой крови, молящійся о чудѣ, какъ ребенокъ, и еще переходы, переливы, оттѣнки безъ конца, и черезъ всю эту бурю переживаній красной нитью—дѣтски чистая, благородная основа Митиной души. Для всего нашелъ г. Леонидовъ и тонкость художественнаго воспріятія, и огромный артистическій темпераментъ, и совершенно исключительную гибкость, разнообразіе, экспрессивность изобразительныхъ средствъ. А затѣмъ допросъ—яркая антитеза Митина благородства и искренности съ юридической деревянностью судейскихъ тупицъ, его благоговѣйная благодарность Богу при вѣсти о спасеніи Григорія, доброжелательная откровенность со слѣдователемъ, смѣняемая потомъ то яростью оскорбленнаго человѣка, то глубочайшимъ презрѣніемъ къ душевной скудости допрашивающихъ, — и ослѣпительными молніями сверкающія порыванія къ Грушенькѣ... Передъ нами не было ни сцены, ни актера: неистовствовала, мучилась, восторгалась сама душа многограннаго Карамазовскаго первенца, постоянно помрачаемая, но въ основѣ своей неизмѣнно богоподобная. Смѣло скажу: артистъ шелъ вровень съ авторомъ. При такомъ исполненіи сцены въ Мокромъ характеристику Мити можно было бы считать исчерпывающей даже и при отсутствіи всѣхъ другихъ сценъ. До сихъ поръ мы знали г. Леонидова какъ артиста хорошаго, но не выдающагося; теперь въ немъ вскрылась художественная индивидуальность первостепеннаго калибра.

Г. Качаловъ отважился на роль Ивана. Да и кому же, какъ не этому тонкому и глубокому артисту, было браться за столь отвѣтственную задачу? Но подумайте только, что̀ оставалось отъ Ивана при упраздненіи всей метафизической и религіозной стороны романа? Человѣкъ, связанный загадочными нитями съ Катериной Ивановной и еще болѣе загадочными — съ Лизой Хохлаковой, а болѣе всего — безсознательный участникъ отцеубійства. Но, говоря безотносительно, вѣдь и это много, очень много, гораздо больше, чѣмъ даютъ самыя напряженныя психологическія прозрѣнія современныхъ нашихъ драматурговъ. И г. Качаловъ, въ отведенныхъ ему рамкахъ, далъ образцы изумительнаго мастерства. Невозможно вложить больше изящества и

проникновенности въ сцену объясненія Ивана съ Катериной Ивановной передъ лицомъ Алеши, нельзя вообразить болѣе сложную и выразительную мимику во время вслушиванія въ темныя рѣчи Смердякова о поѣздкѣ въ Чермашню. Конецъ этой сцены сдѣланъ Качаловымъ безподобно: въ точномъ соотвѣтствіи съ указаніями Достоевскаго, онъ завершаетъ ее неожиданнымъ смѣхомъ, значительность и загадочность котораго Достоевскій рѣзко подчеркиваетъ. И вотъ, у г. Качалова самый характеръ этого смѣха, и особенно сопровождающіе его мимика и жесты, таковы, что на минуту изящный, сильный и умный Иванъ исчезаетъ и передъ вами стоитъ кто-то другой, чуть ли не тотъ самый чортъ, въ котораго потомъ Иванъ запуститъ стаканомъ. И вы начинаете понимать, откуда взялась невысказанная интимность Ивана съ Смердяковымъ, съ одной стороны, и горячая убѣжденность Алеши въ невинности Ивана — съ другой. Ослѣпительно яркой молніей сверкаетъ связь этого момента съ кошмаромъ Ивана и внезапно освѣщаетъ затаеннѣйшія глубины въ концепціи романа. Иванъ второго дня ведется съ такимъ же мастерствомъ и достигаетъ вершинъ творчества въ сценѣ кошмара, гдѣ г. Качаловъ отваживается на задачу неслыханной трудности—и выходитъ побѣдителемъ.

Какъ было ставить сцену кошмара? Посадить Ивана и чорта другъ противъ друга и заставить ихъ разговаривать? Но это было бы невозможной аляповатостью, ибо вѣдь чортъ—галлюцинація Ивана. Для избѣжанія такой явной несообразности, г. Качаловъ рѣшилъ превратить діалогъ въ монологъ, т.-е. говорить самому и за чорта, и за Ивана, только легкими оттѣнками выдѣляя эти два голоса, препирающіеся въ смятенной душѣ безсознательнаго отцеубійцы. Я не скажу, чтобы уже на первомъ представленіи г. Качаловъ вполнѣ овладѣлъ всѣми деталями этого небывалаго до сихъ поръ на сценѣ пріема; кое-гдѣ переходъ отъ одного голоса къ другому стушевывается, но общій контуръ намѣченъ съ удивительной силой и вѣрностью, впечатлѣніе получается огромное и сразу же становится ясно, что, сыгравъ свою роль нѣсколько разъ, артистъ безъ труда доработаетъ все, чего еще не хватало на первомъ представленіи. Силѣ впечатлѣнія содѣйствуетъ и тонкая постановка этой картины. Рампа совершенно потушена, сцена освѣщается только невѣрнымъ, колеблющимся пламенемъ одинокой свѣчи на столѣ передъ самоваромъ, отъ котораго на заднюю стѣну падаетъ причудливая, человѣкообразная тѣнь. Входитъ Иванъ, проходитъ между свѣчой и стѣной—и опять по стѣнѣ ползетъ гигантская, шатающаяся тѣнь отъ него. И вся сцена кажется заполненной колеблющимися тѣнями; среди нихъ еле намѣчается контуръ кресла, на которомъ Ивану мерещится

чортъ, и вы не видите, есть на томъ креслѣ кто-нибудь, или нѣтъ никого. Жутко и кошмарно, путанно все какъ-то, въ полномъ соотвѣтствіи съ кошмарной психикой Ивана. Особенной силы достигаетъ настроеніе въ концѣ картины, когда, взволнованный мечтой о человѣко-богѣ, Иванъ выпрямляется во весь ростъ, слабый отблескъ свѣчи едва освѣщаетъ его торсъ, а плечи, руки и голова тонутъ во мракѣ, и оттуда несется проникающій въ душу голосъ, исполненный мрачной гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ—послѣдняго отчаянія и тоски... Эта картина по силѣ замысла и совершенству воплощенія прямо примыкаетъ къ сценѣ въ Мокромъ. Послѣ нея уже мало прибавляетъ монологъ Ивана въ судѣ, хотя проведенный съ рѣдкимъ мастерствомъ и богатствомъ нюансовъ.

Лицо, которое Достоевскій называетъ настоящимъ героемъ своимъ, Алеша—не удался совсѣмъ. Не угаданъ, прежде всего, его внѣшній обликъ. Забыли, что Алеша ростомъ выше средняго, хорошо сложенъ, красивъ и краснощекъ, что онъ — тоже Карамазовъ и преисполненъ „изступленной“ силой жизни, что его обаяніе—не обаяніе фанатика-аскета или изможденнаго юродиваго, а власть жизнерадостности, ласковой любви и всепрощающаго пониманія, основаннаго на способности *все* пережить, перечувствовать и все побѣдить не эпитиміею, а кроткой любовностью. Передъ нами, въ лицѣ г. Готовцева, явился худощавый, съ намекомъ на изможденность, елейный субъектъ, не безъ дьячковства, субъектъ совершенно незначительный и теряющійся рядомъ съ остальными фигурами, созданными Художественнымъ театромъ. Исчезла и многогранность Алешиной психики, его *настоящая* влюбленность въ Лизу Хохлакову (помните, какъ онъ краснѣетъ, когда Лиза съ нимъ заигрываетъ передъ старцемъ Зосимой), доступность для него карамазовскаго сладострастія и бунта, его тяжкія боренія послѣ „тлетворнаго духа“, пошедшаго отъ старца Зосимы. Хоть бы дали главу: „Такая минутка“, гдѣ Алеша бунтуетъ противъ Бога своего и соглашается дѣлать все, что̀ ни подскажетъ ему Ракитинъ. Вѣдь эта глава стоитъ въ органической связи съ послѣдующей „Луковкой“, инсценированной Художественнымъ театромъ, и мысль о постановкѣ ея подсказывается сама собой; иначе и позиція Алеши у Грушеньки, и пережитый имъ тамъ переломъ и восторгъ остаются непонятными. Но, повидимому, театръ прямо таки не понялъ Алешу и ограничилъ его участіе въ драмѣ простыми и незначительными репликами. Не поняли, что тутъ передъ нами попытка возродить подвигъ Христовъ въ условіяхъ бурной русской дѣйствительности, поставить человѣколюбца кроткаго лицомъ къ лицу съ человѣколюбцемъ революціонеромъ (вѣдь Иванъ—будущій дѣятель 1-го марта), заставить его, безгрѣшнаго, взять на себя грѣхъ братьевъ своихъ и добровольно

взойти на Голгоѳу. Правда, все это должно было разыграться во второмъ, „настоящемъ", ненаписанномъ романѣ, къ которому написанный былъ только предисловіемъ, только „эпизодомъ изъ ранней юности героя". Но уже и въ юности сказались черты будущаго великаго подвижника, и онѣ даны въ романѣ, но не были подхвачены и истолкованы въ инсценировкѣ.

Таковы успѣхи и недочеты Художественнаго театра въ характеристикѣ главныхъ героевъ Достоевскаго. Объ остальныхъ лицахъ я ограничусь краткими замѣчаніями. Смердяковъ очень вѣрно данъ въ первый вечеръ г. Вороновымъ, уловившимъ безпримѣсное хамство этой души, амальгаму трусости и наглости, логической изворотливости и нравственной тупости. Въ предсмертномъ разговорѣ съ Иваномъ г. Вороновъ сильно „сдалъ" и только ослабилъ впечатлѣніе, оставленное предыдущей игрой. Безподобный типъ создаетъ г. Москвинъ изъ капитана Снѣгирева. Съ высоко-художественной правдивостью передано имъ порывчатое и злобное гаерство оскорбленнаго жизнью и людьми человѣка—и восхитителенъ по чуткости переходъ къ откровенности, когда Снѣгиревъ начинаетъ чуять кроткую любовность Алеши. Разсказъ у камушка про Илюшечку, постоянно прерываемый мужественно подавляемыми всхлипываніями, вполнѣ достоинъ Достоевскаго, выявляя основную его идею о той красотѣ, которую изъ самой исковерканной и озлобленной души можетъ вызвать ласка. Г. Москвину мѣнять въ своемъ исполненіи нечего: это вполнѣ законченное художественное цѣлое, насквозь, до мельчайшихъ деталей дышащее органической жизненной правдой. Превосходно передаетъ инсценировка и „нѣдра" Снѣгирева—его семью, дочерей, жену, Илюшечку: всего на нѣсколько минутъ мелькаютъ передъ зрителемъ эти лица, но онъ ихъ никогда уже не забудетъ. Удачно воплощены и еще многія эпизодическія лица: Ракитинъ, судебный слѣдователь, всѣ фигуры въ сценѣ въ Мокромъ.

Далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ героинями романа. Г-жѣ Гзовской, вообще врядъ ли подходящей къ стилю Художественнаго театра, совсѣмъ не слѣдовало браться за психологически труднѣйшую роль Катерины Ивановны. Тутъ ничего не сдѣлаешь развитой техникой, тщательнымъ обдумываніемъ, упорной работой—всѣми тѣми качествами, которыми обладаетъ въ высшей степени эта артистка, и благодаря которымъ она снискала немало симпатій на сценѣ Малаго театра и во время петербургскихъ гастролей. Тутъ надо художественное проникновеніе и способность непосредственныхъ творческихъ переживаній,—то, что̀ совершенно чуждо артистической индивидуальности г-жи Гзовской. Въ результатѣ и вышло то, что должно было выйти: изъ Катерины Ивановны на сценѣ Художественнаго

театра не получилось ровно ничего, не сложилось никакой фигуры, ни вѣрной, ни невѣрной.

Очень неровно ведетъ роль Грушеньки г-жа Германова. Издѣвательство „инфернальной женщины" надъ Катенькой совсѣмъ пропало; гораздо лучше прошло покаяніе передъ Алешей, съ искренними и трогательными нотами; но вѣнцомъ игры г-жи Германовой оказалась все та же сцена въ Мокромъ, гдѣ артистка нашла выраженія для многихъ струнъ въ сложной душѣ Грушеньки и была достойнымъ партнеромъ г. Леонидова.

Съ особой похвалой долженъ я отмѣтить молодое, но богатое дарованіе г-жи Кореневой. Она насъ заинтересовала уже нѣкоторыми нотками въ прошломъ году, играя Вареньку въ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ". Теперь, въ трудной и отвѣтственной роли Лизы Хохлаковой, она нашла совершенно неожиданные и въ высокой степени примѣчательные тона для передачи этого причудливаго созданія Достоевскаго. Обѣ сцены ея съ Алешей — и дѣтски-наивная, и недѣтски-мучительная — были истолкованы г-жей Кореневой съ равной содержательностью и убѣдительностью непосредственнаго переживанія. Наоборотъ, Хохлакова-мать въ исполненіи г-жи Раевской сдѣлана въ совершенно невѣрныхъ тонахъ: изъ молодой, „еще красивой" и истерической дамы получилась какая-то грузная, спокойная фигура съ медлительной рѣчью и медлительными движеніями. Сущее недоразумѣніе.

Итакъ, въ смыслѣ характеристики типовъ, созданныхъ Достоевскимъ, постановка Художественнаго театра, при нѣкоторыхъ, иногда существенныхъ неудачахъ, дала всетаки цѣлый рядъ прекрасныхъ достиженій, и притомъ такихъ, которыя не могли бы получиться ни на какомъ другомъ матеріалѣ. Во всей русской драматической литературѣ нѣтъ типовъ такой глубины, силы и сложности, какъ у Достоевскаго. Въ этомъ отношеніи съ нимъ рядомъ можетъ стать и въ міровой литературѣ только Шекспиръ; но, конечно, сейчасъ невозможно собрать русскую труппу, которая воплотила бы образы Шекспира съ той степенью совершенства, съ какой Художественный театръ воплотилъ образы Достоевскаго. Кто изъ нашихъ драматурговъ, современныхъ или прежнихъ, ставитъ артистамъ столь благородныя и огромныя задачи, требуетъ отъ нихъ такого творческаго напряженія, такъ до дна исчерпываетъ ихъ талантъ, какъ это видѣли мы на инсценировкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ"? И вполнѣ понятно, что артисты, смутно чувствующіе въ своей душѣ еще неявленныя возможности, цѣлые пласты, нетронутые предыдущей работой, ищутъ требовательнаго художника, могущаго потрясти ихъ еще неиспытаннымъ восторгомъ, вызывающаго ихъ на творенія красоты и значительности еще небывалой. Если театръ духовно переросъ драматур-

говъ, то естественно, что онъ идетъ къ романистамъ, тоже далеко оставившимъ за собою драматическую литературу въ смыслѣ проникновенія въ тайники страстей человѣческихъ. Кто же будетъ спорить, что отъ такого ненормальнаго посягновенія сцены на романъ получается нѣчто архитектурно нескладное, что вмѣсто стройнаго цѣлаго передъ нами лежатъ какіе-то обломки. Но и обломки античныхъ статуй всетаки безмѣрно выше, чѣмъ новенькія съ иголочки рыночныя подѣлки въ витринѣ эстампнаго магазина на Невскомъ проспектѣ или Кузнецкомъ мосту.

Но не только отдѣльныя индивидуальныя характеристики цѣнны въ новой постановкѣ Художественнаго театра. Сцена въ Мокромъ, огромная, длящаяся почти полтора часа, колоссально значительна въ смыслѣ, такъ сказать, симфоническомъ. Тутъ достигнута неслыханная въ русскомъ театрѣ напряженность и сконцентрированность драматизма и даже трагизма. Кто сомнѣвается въ трагической сущности дарованія Достоевскаго, тотъ пусть посмотритъ эту сцену въ исполненіи Художественнаго театра. Раскаленные потоки противорѣчивыхъ страстей съ головокружительной быстротой мчатся, сталкиваются, кружатся въ водоворотѣ, вздымаются къ небесамъ, низвергаются въ бездны, стономъ и воплемъ, осанной и изступленіемъ потрясаютъ весь душевный составъ человѣческій. Достоевскій, видимо, заразилъ всю труппу, и исполненіе идетъ все время вровень съ замысломъ. Всѣ, отъ первыхъ персонажей до послѣднихъ статистовъ, захвачены этимъ бѣшенымъ ураганомъ: и сѣрые понятые, и оргійная, жуткая толпа развернувшихся во всю парней и дѣвокъ,—не декадентски, а по-русски, по-деревенски оргійная, не столько виномъ, сколько ярилинымъ хмѣлемъ пьяная. Прямо не хватаетъ словъ, чтобы передать потрясающее впечатлѣніе отъ этихъ визжащихъ пѣсенъ, отъ возни любострастной, но отнюдь не пошлой, отъ Митина и Грушенькина рисунка на этомъ фонѣ, то безпредѣльно мощнаго, то обаятельно тонкаго. Ревущая симфонія бреда то наростаетъ, то утихаетъ, перемежаясь съ нѣжной лирикой двухъ влюбленныхъ душъ. И вдругъ безмолвіе, и какъ громовой ударъ — глаза слѣдователя, глядящаго черезъ очки за занавѣску, гдѣ притихли въ истомѣ счастья Митя съ Грушенькой. Моментъ перелома. Начинается другая ритмика—хожденіе Мити по мытарствамъ... Да, и это обломокъ, но такой, за который нежалко отдать всю современную нашу драматургію, ибо онъ есть великое обѣтованіе, пророчество о томъ, чѣмъ можетъ быть и будетъ грядущая русская трагедія и грядущій русскій театръ.

Я не отмѣтилъ бы одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ въ новомъ опытѣ Художественнаго театра, еслибы не упомянулъ о совершенно своеобразной внѣшней постановкѣ „Братьевъ Карамазо-

выхъ". Основной характеръ этой постановки — абсолютная простота, полное отреченіе отъ полноты сценической иллюзіи, откровенная условность. Во-первыхъ, спектакль начинается и нѣсколько разъ прерывается простымъ чтеніемъ. Чтецъ, г. Званцевъ, тутъ же, на глазахъ у всѣхъ: для него отгорожена лѣвая (считая отъ публики) четверть сцены, превращенная въ темную нишу, обитую черно-зеленой тканью и освѣщенную слабой электрической лампочкой на пюпитрѣ. Чрезвычайно просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчиво и проникновенно, какъ бы житійно, онъ читаетъ по книгѣ разсказъ о томъ, какъ старецъ Зосима посылаетъ Алешу изъ монастыря къ отцу и братьямъ. Чтецъ умолкаетъ. Находящаяся рядомъ съ нимъ темно-зеленая занавѣска на колечкахъ, скрывающая остальную часть сцены, медленно отодвигается, и вы видите нѣчто не претендующее ни на какую иллюзію: близко придвинутый къ рампѣ свѣтлый сѣровато-зеленоватый фонъ, передъ нимъ два-три предмета изъ меблировки, едва намѣчающіе обстановку Карамазовской залы, и просто распланированныя фигуры—Ѳедоръ Павловичъ, Иванъ, Смердяковъ, Григорій. Двѣ-три секунды все неподвижно и безмолвно, затѣмъ начинается разговоръ, къ которому васъ вплотную подвелъ чтецъ. Тотъ же самый фонъ остается и во всѣхъ безъ исключенія остальныхъ картинахъ, — мѣняются только предметы, намѣчающіе обстановку, и всегда число ихъ отпущено крайне скупо: это — два-три предмета, то богатыхъ (у Хохлаковыхъ и Катеньки), то мѣщанскихъ (у Грушеньки), то нищенскихъ (у Снѣгирева). Та же скупость остается и при дѣйствіи на открытомъ воздухѣ. Встрѣча Алеши съ Димитріемъ обставлена одной только ракитой, стволъ которой идетъ наискосокъ посередь сцены, а листва раскинулась длинной линіей наверху. Декорація „надрыва на чистомъ воздухѣ": большой камень, возлѣ него заборъ, который какъ-то незамѣтно сводится на нѣтъ въ двухъ саженяхъ отъ камня. Декорація разговора Ивана со Смердяковымъ: ворота и возлѣ нихъ лавочка; больше ничего. И такъ во всѣхъ сценахъ. Но эта простота далась, очевидно, нелегко. Посмотрите, съ какимъ непогрѣшительнымъ вкусомъ подобраны всѣ красочныя пятна, всѣ линіи. А затѣмъ сколько мудрости въ этой бѣдности: ничего лишняго, но ровно столько, что, окинувъ сцену бѣглымъ взглядомъ, вы сразу получаете совершенно точное знаніе того, гдѣ именно, въ какой обстановкѣ и атмосферѣ происходитъ дѣйствіе. И дальше вамъ уже нечего больше дѣлать съ обстановкой, все ваше вниманіе цѣликомъ сосредоточивается на лицахъ, на ихъ словахъ и переживаніяхъ: фонъ данъ моментально, остается слѣдить за узоромъ, который на немъ ткется.

Въ этой мудрой простотѣ сказывается черезвычайно любопытная

эволюція, переживаемая Художественнымъ театромъ—если только не театромъ вообще, ибо уже и за границей производятся опыты въ этомъ же самомъ направленіи. Нѣчто подобное мнѣ доводилось видѣть у Рейнгардта въ Берлинѣ и въ Мюнхенскомъ Künstlertheater. У московскихъ же художниковъ такая эволюція особенно поучительна. Вѣдь они начали съ неслыханно реалистическихъ постановокъ хотя бы Чеховскихъ пьесъ—а теперь, очевидно, исчерпавъ эту манеру до конца, почувствовали необходимость иного пріема, выдвигающаго рельефно экспрессію словъ и фигуръ и достигающаго такимъ путемъ особенно тонкихъ и сконцентрированныхъ эффектовъ. Даже и Чехова они теперь иногда исполняютъ въ обстановкѣ простой гостиной, безъ всякихъ сценическихъ аксессуаровъ, при чемъ идутъ тутъ еще дальше въ смыслѣ упрощенія, сводя игру и даже мимику до намекающихъ жестовъ и пользуясь почти исключительно экспрессіей дикціи. И какое это получается обаятельное, высокохудожественное зрѣлище! Послѣ него обычная постановка начинаетъ казаться уже слишкомъ матеріальной, почти грубой.

Чрезвычайно удачна мысль примѣнить къ инсценировкѣ Достоевскаго пріемъ упрощенной постановки. Вѣдь Достоевскій и самъ весьма мало обращаетъ вниманія на декорацію: онъ всегда обозначаетъ ее парой штриховъ, а потомъ и совсѣмъ про нее забываетъ, увлеченный психическими переживаніями своихъ героевъ.

Въ конечномъ итогѣ, вопросъ: „стоило-ли?“ рѣшается, я думаю, самъ собою: плюсы въ новомъ опытѣ Художественнаго театра столь огромны, столь многочисленны и столь поучительны, что прямо даже неохота думать и говорить о тоже значительныхъ и тоже многочисленныхъ минусахъ. Великая радость и великая благодарность—вотъ настроеніе, съ которымъ покидаешь Художественный театръ послѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“,—и еще преклоненіе передъ труппою, которая обладаетъ не только творческой талантливостью, но и благородной и безпредѣльной дерзновенностью неустаннаго исканія, истиннымъ безстрашіемъ передъ самыми, казалось бы, безнадежными рисками. Бросаются въ бездны, за то достаютъ настоящіе жемчуга.

С. Адріановъ.

НѢСКОЛЬКО НОВѢЙШИХЪ КНИГЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Я не пишу систематическаго обзора по исторіографіи французской революціи за ближайшее время: для этого потребовалась бы, конечно, болѣе обширная и обстоятельная статья, а не маленькая, такъ сказать, летучая замѣтка о нѣкоторыхъ книгахъ, съ которыми я познакомился приблизительно за послѣдній годъ и которыя, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе достойны быть отмѣченными въ общей печати для любителей историческаго чтенія.

Общимъ трудомъ по исторіи революціи является книга П. Кропоткина: „La grande révolution“, вышедшая въ свѣтъ въ 1909 г., кромѣ французскаго языка, на нѣмецкомъ и англійскомъ. Объ этой книгѣ мною написана большая статья [1]). Здѣсь, поэтому, ограничусь немногими словами. Особенность книги — та, что авторъ поставилъ себѣ задачею восполнить нѣкоторые пробѣлы въ обычномъ представленіи о ходѣ французской революціи, справедливо замѣчая, что экономическая сторона революціи еще сравнительно мало изслѣдована. Впрочемъ, онъ, собственно говоря, занимается самъ въ своей книгѣ не экономическими отношеніями и порядками эпохи, а тѣми событіями, тою борьбою, которыя имѣютъ преимущественное отношеніе къ экономическимъ причинамъ и условіямъ. Понятно, что послѣднія касаются главнымъ образомъ выступленія народныхъ массъ, а потому авторъ и слѣдитъ больше всего за этими выступленіями и за проявленіями въ нихъ соціальныхъ идей (въ частности — анархизма и коммунизма). Черезъ всю книгу проводится мысль о двойственности революціи: во-первыхъ, въ ней, по мнѣнію автора, была идейная сторона, имѣвшая свой источникъ въ буржуазіи, а во-вторыхъ, активная сторона, выступленія народныхъ массъ. Обыкновенно ихъ связываютъ съ дѣятельностью якобинцевъ, но авторъ въ этой партіи республиканскихъ государственниковъ видитъ враговъ народныхъ движеній, его интересующихъ. Хронологическіе предѣлы въ книгѣ — 1789 и 1793 годы, съ бо̀льшимъ освѣщеніемъ того, что̀ ближе къ 1793-му, а не 1789-му году. Весь трудъ основанъ на старомъ матеріалѣ, которымъ авторъ пользовался въ Британскомъ музеѣ, на вновь опубликованныхъ архивныхъ источникахъ и на работахъ другихъ историковъ.

[1]) „Русское Богатство“, IX и X кн. за 1910 г.

Очень существенныя поправки къ изображенію въ книгѣ Кропоткина событія 10-го августа 1792 г. даетъ спеціальное изслѣдованіе объ этомъ событіи, сдѣланное Ф. Саньякомъ (Ph. Sagnac) въ книгѣ: „La chute de la royauté", тоже вышедшей въ прошломъ году. Этотъ историкъ—прекрасный спеціалистъ по эпохѣ французской революціи; его „Législation civile de la révolution française" (1898) пользуется заслуженною репутаціею очень солиднаго труда. Теперь проф. Саньякъ подвергъ критикѣ разсказы историковъ о 10-мъ августа 1792 г., когда совершилось паденіе конституціи 1791 г., а съ нею и монархіи во Франціи, и произвелъ самый тщательный разборъ свидѣтельствъ современниковъ этого событія, чтобы дать свой разсказъ о томъ, какъ и кѣмъ было подготовлено и какъ, собственно, происходило возстаніе 10-го августа. Общее значеніе событія проф. Саньякъ опредѣляетъ такъ: „14-ое іюля разрушило—но только въ упованіи—старый порядокъ, и съ 1789 по 1792 г. Франція жила въ неизвѣстности относительно будущаго. 10-ое августа положило конецъ этой ужасной неопредѣленности и, вмѣстѣ съ битвами при Вальми и Жемаппѣ, окончательно обезпечило новый порядокъ". Это—выводъ, съ которымъ въ общемъ долженъ былъ бы согласиться и Кропоткинъ, хотя ему и пришлось бы кое-что передѣлать въ изображеніи самыхъ фактовъ.

Идейная сторона французской революціи тѣсно связана съ вопросомъ объ отношеніи ея къ просвѣтительной философіи XVIII в. На эту тему большой трудъ издалъ въ нынѣшнемъ году Жозефъ Фабръ (Joseph Fabre), подъ заглавіемъ: „Les pères de la révolution—de Bayle à Condorcet" и съ посвященіемъ памяти Гамбетты. Авторъ самъ называетъ свой трудъ „патрологіей революціи" и ставитъ своею задачею подробно изслѣдовать генезисъ и эволюцію идей, подъ знаменемъ которыхъ происходила революція. Тема не новая, и въ развитіи ея тоже новаго мало, такъ какъ авторъ болѣе излагаетъ, нежели анализируетъ идеи „отцовъ революціи". Съ гораздо бо̀льшимъ интересомъ, нежели глава о Руссо въ книгѣ Фабра, читается небольшой трудъ Эдма Шампіона (Edme Champion): „J.-J. Rousseau et la révolution française", вышедшій въ свѣтъ въ прошломъ году. Уже раньше авторъ оспаривалъ мнѣніе, осуждающее Руссо, какъ предшественника террористовъ, и возвращается къ этой темѣ въ виду новѣйшихъ нападокъ на Руссо и вообще въ виду существованія „прискорбной маніи воплощать въ одномъ человѣкѣ такое событіе, какъ французская революція". Книга Шампіона—далеко не панегирикъ Руссо, хотя ей и поставлена апологетическая цѣль, а критическій разборъ мнѣній историковъ и вообще потомства и отношеній, въ какихъ стояли къ Руссо дѣятели революціи. Не такъ давно Іеллинекъ, въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи „Декларацiи правъ че-

ловѣка и гражданина", доказалъ, что ея основныя идеи—американскаго происхожденія, а вовсе не были навѣяны чтеніемъ Руссо. Нѣкоторые французскіе ученые съ этимъ не хотѣли согласиться. Болѣе всего въ этомъ отношеніи возражалъ нѣмецкому ученому Бутми. Касаясь этого вопроса, Шампіонъ находитъ, что Бутми преувеличилъ вліяніе Руссо. Самому автору книги кажется, что изъ французскихъ писателей скорѣе нужно было бы говорить здѣсь о Вольтерѣ, а не о Руссо. Декларація, по мнѣнію Шампіона, и безъ Руссо была бы, въ сущности, тѣмъ же самымъ, чѣмъ теперь. Шампіонъ опровергаетъ, дальше, исключительное вліяніе Руссо на идеологію и тактику якобинизма. Въ томъ же 1909 г. вышла въ свѣтъ книга Анри Родэ (Henri Rodet): „Le contrat social et les idées politiques de J. J. Rousseau", въ которой подчеркивается, что мышленіе Руссо переполнено („fourmille") неожиданными контрастами. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ идеяхъ Руссо есть существенныя противорѣчія, и потому, по всей вѣроятности, еще долго будутъ оцѣнивать противорѣчиво политическую теорію Руссо и вліяніе ея на революцію [1]). Нужно ожидать, что близкая двухсотая годовщина рожденія Руссо (1912 г.) еще болѣе оживитъ интересъ къ этой незаурядной личности.

По исторіи религіи или, вѣрнѣе, католической церкви въ эпоху французской революціи предпринялъ большой трудъ П. Де-ла-Горсъ (Pierre de la Gorce). Первый томъ его книги: „Histoire religieuse de la révolution française" появился въ прошломъ году, охватывая эпоху учредительнаго собранія, съ изображеніемъ „привилегированной церкви" при старомъ порядкѣ. Авторъ собирается довести свое изложеніе до заключенія конкордата 1801 г., болѣе ста лѣтъ регулировавшаго отношенія церкви и государства во Франціи. Книга издана фирмой Plon-Nourrit et C-ie, извѣстной своими католическими (и прям клерикальными) публикаціями [2]); но каковы бы ни были симпатіи и антипатіи автора, ему нельзя отказать ни въ желаніи всесторонне освѣтить исторію католической церкви во Франціи въ эпоху рево-

---

[1]) Книгѣ предпослана, въ видѣ предисловія, статья о ней Э. Фагэ, появившаяся сначала въ „Revue des deux mondes". О книгѣ Родэ онъ отзывается, какъ „un livre essentiel, de première valeur, original, encore que le sujet ait été traité cent fois, et inspiré de l'esprit le plus juste, le plus impartial, le plus vraiment scientifique que je sache". Текстъ книги занимаетъ 430 страницъ, а въ приложеніи дается богатая библіографія.

[2]) Консервативная пресса Франціи встрѣтила книгу Де-ла-Горса самыми большими похвалами. „Revue du clergé Française" привѣтствовала ее, напримѣръ, такими словами: „то, что Тэнъ и Сорель сдѣлали для соціальной и дипломатической исторіи революціи, Де-ла-Горсъ дѣлаетъ теперь для исторіи религіозной". Но періодическія изданія другого лагеря тоже отмѣчаютъ выдающіяся достоинства книги.

люціи, ни въ стремленіи къ безпристрастію. Изображая состояніе духовенства передъ революціей, Де-ла-Горсъ останавливается очень долго и на недостаткахъ, его характеризовавшихъ. Равнымъ образомъ, онъ вполнѣ понимаетъ мотивы, заставившіе низшій клиръ стать на сторону демократическихъ требованій; по его словамъ, „presque inconsciemment l'esprit de révolte s'est glissé jusque dans les meilleures âmes". Особенно долго останавливается авторъ на секуляризаціи церковной собственности, но очень важный вопросъ о распродажѣ бывшихъ имуществъ духовенства у него, къ сожалѣнію, едва затронутъ, хотя это — одна изъ очередныхъ задачъ исторической науки. Еще больше мѣста посвящено въ книгѣ гражданскому устройству духовенства, разборъ котораго нельзя не назвать очень обстоятельнымъ и въ общемъ справедливымъ, ибо, прежде всего, не дѣло государственной власти создавать церковное устройство, и притомъ учредительное собраніе въ этомъ взятомъ на себя дѣлѣ руководствовалось совершенно противорѣчивыми стремленіями. Интересны страницы, на которыхъ авторъ говоритъ о томъ, какіе взгляды насчетъ церковной реформы высказывались въ наказахъ духовенства, хотя и можно при этомъ пожалѣть, что эта тема не разработана имъ подробнѣе. Любопытна по своимъ подробностямъ глава объ отношеніи папы Пія VI и короля Людовика XVI къ гражданскому устройству духовенства. Много въ книгѣ и подробностей о томъ, какъ это устройство проводилось въ жизнь.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одной полемикѣ. Въ 1907 г. извѣстный историкъ французской революціи А. Оларъ (Aulard) издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Taine, historien de la révolution Française", составившуюся изъ ряда статей его въ журналѣ „La révolution Française" [1]). Она вызвала большую полемику, о которой коекакія подробности сообщилъ самъ Оларъ въ статьѣ своей, заключающей изложеніе имъ самимъ главныхъ выводовъ о Тэнѣ и написанной спеціально для „Современнаго Міра". Недавно вышли въ свѣтъ двѣ работы, посвященныя книжкѣ Олара о Тэнѣ. Одна изъ нихъ написана А. Кошеномъ (Cochin) и носитъ заглавіе: „La crise de l'histoire révolutionnaire". Извѣстно, что Оларъ отнесся крайне сурово—и невсегда справедливо—къ труду Тэна, признавъ его почти безполезнымъ для исторической науки. Кошенъ защищаетъ Тэна и даже прямо возвеличиваетъ его надъ другими историками, во многихъ случаяхъ прямо оспаривая фактическую вѣрность нападокъ на него Олара; но въ иныхъ отношеніяхъ онъ ставитъ, наоборотъ, Тэна, къ которому отно-

[1]) О ней я написалъ небольшую замѣтку въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1908 г.

сится вообще безъ симпатіи, выше Олара. Для него одинъ долженъ дополнять другого: у Тэна факты являются тѣмъ менѣе объяснимыми (и тѣмъ менѣе имъ объясненными), чѣмъ болѣе онъ ихъ накопилъ; у Олара есть объясненіе, которое, однако, допускаетъ умолчанія и смягченія. Будущимъ историкамъ и тотъ, и другой могутъ сослужить службу лишь подъ условіемъ отказа отъ привычки или возмущаться, или преклоняться передъ народомъ въ качествѣ революціоннаго фетиша. „Обыкновенная исторія—говоритъ Кошенъ—приводитъ къ объясненію, исторія революціи въ девяти случаяхъ изъ десяти—къ вердикту... Акты, революціи для однихъ имѣютъ характеръ скандаловъ, которые ими прикрываются, какъ почтительными сыновьями, тогда какъ другіе относятся къ нимъ съ судейскою строгостью; но никто не думаетъ разсматривать ихъ въ интересѣ простой любознательности“ (en curieux).

Другая работа о книгѣ Олара—брошюра Яр. Кулжинскаго и П. Ардашева подъ заглавіемъ: „Новая критика Тэна“, вышедшая въ свѣтъ въ 1910 г., нѣсколько раньше книжки Кошена. Собственно, первый изъ двухъ авторовъ только излагаетъ мнѣнія Олара, а приговоръ о нихъ высказываетъ второй. Проф. Ардашевъ, авторъ двухтомнаго труда: „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“, извѣстенъ какъ хорошій спеціалистъ по исторіи эпохи, весьма благожелательно встрѣченный французской критикой [1]), и взглядъ его, какъ человѣка, много работавшаго въ архивахъ, на Тэна и Олара заслуживаетъ, поэтому, быть отмѣченнымъ. „Научное значеніе сочиненія Тэна,—говоритъ онъ,—несомнѣнно было въ свое время переоцѣнено“. Въ томъ, что Тэнъ недостаточно критически относился къ своимъ источникамъ и даже не всегда точно воспроизводилъ приводимые имъ тексты, проф. Ардашеву „пришлось лично убѣдиться“, когда онъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, началъ самъ работать въ парижскомъ Національномъ архивѣ надъ тѣми же бумагами, которыми пользовался Тэнъ. Тѣмъ не менѣе критику Олара онъ считаетъ слишкомъ пристрастною, недостаточно объективною, не всегда справедливою. Отмѣтивъ въ ней нѣсколько мѣстъ, вызывающихъ возраженія, онъ указываетъ на то, что сама „книга проф. Олара заслуживала бы такой же тщательной провѣрки, какой онъ подвергъ сочиненіе Тэна“. И русскій ученый отмѣчаетъ, что научная объективность „покамѣсть недостижима для французскихъ историковъ революціонной эпохи, столькими живыми и чувствительными

---

[1]) Ср. мой отзывъ объ этомъ трудѣ въ „Отчетѣ о XIII присужденіи (Академіей наукъ) премій митрополита Макарія“, вышедшій въ свѣтъ и отдѣльно.

нитями связанныхъ съ политическими злобами для французской современности“ [1]).

Н. Карѣевъ.

ПАМЯТИ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ

(1846 — 1910)

На протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ польская литература потеряла двухъ писательницъ, издавна стоявшихъ въ первыхъ рядахъ польскаго національнаго творчества: вслѣдъ за Элизой Ожешко скончалась Марія Конопницкая. Было много общаго въ ихъ дарованіяхъ и въ ихъ литературномъ развитіи. Жизненные пути ихъ скрестились въ самомъ началѣ. Въ одномъ изъ варшавскихъ пансіоновъ онѣ провели вмѣстѣ одинъ годъ, конкуррируя въ писаніи сочиненій для своихъ подругъ. Встрѣтились пути ихъ снова въ важную для Конопницкой минуту ея жизни: первую ея книгу издала Ожешко.

Марія Конопницкая, урожденная Василовская, дочь чиновника судебнаго вѣдомства, родилась и первые годы жизни провела въ г. Сувалкахъ. Мать Конопницкой умерла рано, и ея воспитаніемъ, какъ это было и съ Ожешко, занялся отецъ, страстно любившій свою дочь. Отецъ училъ ее, какъ передаетъ она сама, „любить Христа, друга печальныхъ и угнетенныхъ людей“; онъ читалъ съ нею полные грозныхъ символовъ псалмы Давида, часть которыхъ онъ самъ перевелъ; онъ ознакомилъ ее съ польской литературой и научилъ любить родную словесность, прочитавъ съ нею произведенія Кохановскаго, Бродзинскаго, Мицкевича, Словацкаго. На ряду съ Саллюстіемъ и Цицерономъ онъ познакомилъ ее съ сочиненіями Паскаля, передъ которымъ преклонялся. Конопницкая не получила прочнаго школьнаго образованія, если не считать одного года, проведеннаго ею въ варшавскомъ пансіонѣ. И въ будущемъ, почти во всю свою жизнь, Конопницкая не могла пополнить своихъ знаній систематической ра-

[1]) Прибавлю, что изданіе матеріаловъ по исторіи французской революціи идетъ своимъ чередомъ. Самое новое предпріятіе въ этой области представляетъ собою „Collection des documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française“, о нѣкоторыхъ томахъ которой мною даны краткія замѣтки въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института“. Новѣйшія работы русскихъ ученыхъ по эпохѣ революціи заслуживаютъ быть разсмотрѣнными особо и подробнѣе.

ботой надъ своимъ самообразованіемъ, что̀ съ такимъ блескомъ исполнила Ожешко, менѣе одаренная отъ природы.

Въ 1862 г. Конопницкая вышла замужъ и поселилась въ имѣніи своего мужа въ Калишской губ. Въ домѣ мужа велась шумная, безпорядочная жизнь на старопольскій барскій ладъ; мужъ часто отсутствовалъ изъ дому по дѣламъ, и Конопницкая чувствовала себя одинокой среди суеты, порождаемой присутствіемъ отца ея мужа и его младшихъ братьевъ.

Одиночество толкнуло Конопницкую на ознакомленіе съ жизнью деревни и ея обитателей, и это ознакомленіе наложило неизгладимую печать на всю ея жизнь, на всю ея литературную дѣятельность: она стала пѣвцомъ деревни, изобразителемъ крестьянскихъ нуждъ, горя, печали, радостей, тоски, ожиданій. Уже въ эту раннюю пору передъ нею всталъ тотъ тяжелый контрастъ между рядомъ стоящими крестьянской избой и барской усадьбой, который преслѣдовалъ ее всю жизнь и нашелъ такое яркое выраженіе въ ея произведеніяхъ. „Почему—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ раннихъ стихотвореній—та пропасть, которая раздѣляетъ братьевъ на угнетенныхъ и угнетателей, такъ безбрежна, какъ океанъ, такъ страшна, какъ открытая рана?“ Уже въ эту пору увидала она зоркими очами поэта, что „отъ убогихъ хатъ три пути лежатъ: къ міроѣду, въ кабакъ, на кладбище; про иные не слыхать въ народѣ“. Уже тогда она стала тосковать: „Кто жъ укажетъ путь, гдѣ бъ душѣ вздохнуть, — путь широкій къ свѣту и свободѣ?“

На одинъ изъ поворотовъ по этому пути Конопницкая случайно натолкнулась въ домѣ своего мужа: на чердакѣ стараго шляхетскаго дома она нашла библіотеку, состоящую изъ произведеній французскихъ писателей конца XVIII вѣка, и съ жадностью стала впитывать въ себя найденныя сокровища человѣческой мысли. Другой поворотъ, который вывелъ писательницу на широкій путь беззавѣтнаго служенія народу, она нашла уже значительно позже, когда всецѣло отдалась своему литературному призванію, примкнувъ къ охватившему тогда польскую молодежь,—говоря русскимъ терминомъ,—народническому движенію.

Первыя пятнадцать лѣтъ своего замужества Конопницкая почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, если не считать двухъ поѣздокъ для развлеченія въ Германію и одной—въ прикарпатскій курортъ Щавницы для поправленія здоровья. Эта послѣдняя поѣздка, относящаяся къ 1875 г., произвела сильное впечатлѣніе на Конопницкую. Величавая красота Карпатскихъ горъ разбудила дремлющій талантъ писательницы, и вскорѣ въ варшавскомъ „Bluszcz“ и въ провинціаль-

номъ „Kaliszanin“ появляются ея первыя стихотворенія изъ цикла: „Въ горахъ“.

Начало литературной дѣятельности совпало у Конопницкой съ рѣзкой перемѣной во внѣшнихъ обстоятельствахъ ея жизни. Имѣніе мужа было продано, и писательница съ мужемъ и шестью дѣтьми переѣхала изъ тихой деревни въ шумную Варшаву. Здѣсь она съ головой погружается въ литературную дѣятельность, здѣсь же и опредѣляется ея литературная индивидуальность. Въ 1881 г. выходятъ въ Вильнѣ ея драматическіе отрывки („Изъ прошлаго“, изд. Ожешко), а въ Варшавѣ—первая книжка ея стихотвореній. Въ 1884 г. она получаетъ за свою новеллу „Войцехъ Запало“ премію; въ 1888 г. появляются ея „Четыре новеллы“, въ 1893 г.—„На дорогѣ“, въ 1897 г.—„Новеллы“.

Первыя произведенія Конопницкой отнюдь не являются совершенными; излишества романтизма, преувеличенный сентиментализмъ и реторическое изложеніе охлаждающимъ образомъ дѣйствуютъ на читателя. Недостатки эти, однако, съ каждымъ новымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто тѣмъ чудеснымъ качествамъ, которыя съ теченіемъ времени доставили Конопницкой мѣсто въ ряду великихъ писателей польской литературы. Качества эти—поразительная простота языка, мощь и сила поэтическихъ образовъ, концентрація живого чувства, яркая искренность настроенія.

Почти всѣ ея произведенія носятъ скорбный, трагическій характеръ. „Къ тебѣ иду я плакать, человѣкъ“,—говоритъ писательница въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній—и эти слова стали ея поэтическимъ лозунгомъ, душою ея поэтическаго творчества. Скорбнымъ и вмѣстѣ свѣтлымъ героемъ произведеній Конопницкой является польскій крестьянинъ, польская деревня. Города писательница не любитъ; съ подозрѣніемъ и рѣшительнымъ недовѣріемъ относится она къ культурѣ большихъ городовъ, которые кажутся ей „чудищами, развращающими людей“. Пѣсня ея носитъ сельскій характеръ. Ни у кого изъ польскихъ писателей до Конопницкой нѣтъ такого чистаго, яснаго, простого и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго народнаго языка, какой находимъ въ ея стихотвореніяхъ. Но сельскій характеръ идетъ вглубь ея творчества. Начавъ говорить отъ имени крестьянина, отъ имени „его сердца“, она стала „сама его сердцемъ“. Въ польской литературѣ и до Конопницкой изображали крестьянина и его горе, но только въ ея пѣснѣ, ея устами заговорилъ этотъ „свободный рабъ“ (wolny najmyt) своимъ подлиннымъ языкомъ, потребовалъ подлиннаго вниманія къ себѣ, къ своей грустной жизни. Во имя этого „свободнаго раба“, который сталъ „ея сердцемъ“, Конопницкая жила и работала, изъ-за него готова была вступить въ конфликтъ со всѣмъ міромъ, съ

самимъ небомъ. „Всевышней волей—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ произведеній—сосчитана каждая слеза, падающая изъ глазъ страдальца... Какъ? Сосчитана и не утерта?..“

Съ 1890 г. Конопницкая жила за границей и послѣднія пятнадцать лѣтъ своей работы посвятила, главнымъ образомъ, созданію большой поэмы, подъ названіемъ „Бальцеръ въ Бразиліи“, которая печаталась по частямъ. Поэма эта изображаетъ жизнь и мытарства польскихъ крестьянъ, эмигрировавшихъ въ Бразилію, и, по единодушному признанію польской критики, является великимъ произведеніемъ, народнымъ эпосомъ, какого не знала польская литература со времени „Пана Тадеуша“ Мицкевича.

Кромѣ разсказовъ и стихотвореній, Конопницкой принадлежитъ нѣсколько томовъ дорожныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ ею изъ путешествій по западной Европѣ, а также многочисленные переводы французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ произведеній. Выступала Конопницкая и на стезю журнальной работы, ставъ въ 1884 г. во главѣ изданія „Swit“, посвященнаго интересамъ женскаго движенія; но по прекращеніи этого изданія она больше не возвращалась къ журналистикѣ.

Въ 1902 г. польское общество и польская литература торжественно праздновали 25-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Конопницкой. Празднества сосредоточились во Львовѣ и Краковѣ. Всѣ слои общества прислали къ знаменитой писательницѣ своихъ представителей съ адресами, рѣчами и поздравленіями, толпы народа дефилировали передъ скромной квартирой ея; въ даръ отъ народа, на средства, собранныя по подпискѣ, она получила сельскую усадьбу съ обширнымъ паркомъ.

Русскимъ читателямъ Конопницкая стала извѣстна съ 90-хъ годовъ, когда ея стихотворенія и разсказы появились въ переводахъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ ея стихотворенія печатались въ переводахъ М. Гербановскаго и А. Колтоновскаго.

М. Славинскій.

ТРАГЕДІЯ ВОЛИ

(О бывшихъ ссыльныхъ.)

Исторію мытарствъ политическихъ ссыльныхъ обыкновенно считаютъ оконченною съ возвращеніемъ ихъ изъ ссылки. Довольно часто удѣляютъ вниманіе ссылкѣ, но судьба сдѣлавшихся „вольными гражданами“ мало кого интересуетъ. Между тѣмъ, первое время воли является непосредственнымъ продолженіемъ періода изгнанія. Исковерканные, изломанные люди не могутъ сразу стать такими же, какими были раньше. По словамъ бывшаго шлиссельбуржца Новорусскаго, онъ долгое время чувствовалъ себя неудобно, терялся въ большомъ обществѣ; даже на улицѣ ему была нужна нянька. То же бываетъ и съ ссыльными. Искусственная изоляція въ предѣлахъ глухого села или „города“ лишь по имени настолько калѣчитъ людей, что воля кажется имъ страшной. Въ 1905-мъ году, въ самомъ началѣ освободительнаго движенія, покончилъ съ собой Прохоровъ, въ Архангельской губерніи. Онъ испугался амнистіи! Онъ былъ уже освобожденъ и не зналъ, что̀ ему дѣлать, вернувшись! Ссылка оказывается великолѣпнымъ институтомъ калѣченія и смерти; не даромъ графъ Игнатьевъ сказалъ, что она „для бѣднаго и физически слабаго человѣка является особой формой медленной смертной казни“...

Теперь, въ такъ называемые конституціонные дни, возвращающіеся ссыльные страдаютъ не только отъ собственной изломанности: не радуетъ и окружающая дѣйствительность. Предоставимъ слово цѣлому ряду тѣхъ, кто самъ узналъ „трагедію воли“. Бывшіе товарищи по ссылкѣ не разъ писали мнѣ, и у меня накопилось достаточное количество матеріала. Никто изъ нихъ не предполагалъ, что ихъ строки могутъ появиться въ печати. Какъ товарищу, какъ другу разсказывали они мнѣ всѣ свои неурядицы и безпокойства. Думаю, они не будутъ въ претензіи на мою нескромность.

Вотъ что пишетъ конторщикъ К. И—нъ, вернувшійся домой, въ одинъ изъ небольшихъ городковъ Костромской губерніи. „Съ первыхъ же дней я сталъ себя чувствовать здѣсь неважно. Да и не мудрено. Какъ бы тамъ ни было, а для меня не только окружающая посторонняя пу-

блика, но свои кажутся какъ бы совершенно чужими... Все время живу въ такой обстановкѣ, гдѣ не только пахнетъ мертвечиной, но буквально мертво все и вся. Конечно, за это время, даже противъ желанія, развелась масса знакомствъ, которыя не только не оставляютъ впечатлѣнія, а хотя бы ихъ присутствіе могло на минуту вывести изъ того оцѣпенѣнія, въ какомъ я нахожусь все время! И это было бы много, но увы!.. Какъ-то становится не въ моготу это ничего недѣланіе, а поступить куда бы то ни было совершенно невозможно: близко гдѣ-нибудь не возьмутъ, да и некуда, а ѣхать куда дальше—не выдавали паспорта; когда же первое время наводили обо мнѣ различныя справки, такъ прямо предложили не выѣзжать". Мытарства съ военной службой И—нъ описываетъ такъ: „5-го марта явился въ присутствіе и меня, раба Божьяго, начали свидѣтельствовать. Хотя эта процедура продолжалась не болѣе 15-ти минутъ, но мнѣ такъ все это опротивѣло—прямо не зналъ, что̀ дѣлать (другой мясникъ не осматриваетъ при покупкѣ такъ скотину, какъ эти коновалы ворочали меня); а когда я сказалъ, что боленъ катарромъ желудка, то разсмѣялись; все-таки отправили въ больницу, гдѣ подтвердилась справедливость моихъ словъ; и тутъ не повѣрили даже врачу, который написалъ свидѣтельство, снова назначили коммиссію; такъ повторялось раза три, пока, наконецъ, рѣшили дать отсрочку по болѣзни до осени. И вотъ теперь я опять въ своихъ краяхъ, опять все та же картина. Что̀ теперь дѣлать—не знаю!.. Живу одинъ, какъ отшельникъ. Хорошо, что у меня дома нашлось нѣсколько книгъ Ибсена и Успенскаго, за ними только и отдыхаю душой; ужъ очень мнѣ нравится Ибсенъ". Послѣ этого письма прошло довольно много времени, пока я узналъ, что И—нъ только на дняхъ пріобрѣлъ право на жительство. „Почти два мѣсяца—пишетъ онъ—я странствовалъ по волнамъ жизни и никакъ не могъ пристать ни къ одному изъ береговъ. Только еще недѣлю, какъ пристроился къ подрядчику по доставкѣ грузовъ на фабрики, приказчикомъ. Жалованье еще не знаю сколько, но, думаю, рублей тридцать. За это время побывалъ кое-гдѣ. Ѣздилъ въ Кострому къ Т., но неудачно, въ Ярославль—тоже, и еще въ нѣсколько мѣстъ—съ тѣмъ же результатомъ. Уже собрался-было домой, но вотъ случай—и я сдѣлался приказчикомъ. Должность хоть и аховая, но приходится мириться. Еще на Пасхѣ или вскорѣ тутъ какъ-то поступилъ дома къ судебному слѣдователю и ужъ думалъ остаться, какъ вдругъ говоритъ тотъ: „Вы, знаете, намъ не годитесь". Ну, конечно, никакихъ объясненій я не спрашивалъ, а сложилъ свои пожитки и убрался". Въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ И—нъ нашелъ службу, онъ также чувствовалъ себя нехорошо. За время неволи онъ много читалъ, занимался; интересы глухой провинціи оказались ему чужды. Въ одномъ изъ своихъ

писемъ онъ жалуется мнѣ: „Окружающая обстановка такова: ежедневно подъ моими окнами вечеромъ до поздней ночи слышатся пьяные голоса, что̀, конечно, наводитъ еще больше на тоску. При этомъ вспоминается картина другихъ сходокъ — прежнихъ, не пьяныхъ... За послѣднее время я могъ сойтись съ рабочими очень близко. Они не то, что̀ года четыре тому назадъ, много сознательнѣе, но и гораздо хуже. Ихъ теперь уже ничто больше не интересуетъ. Они прямо говорятъ: „Что̀ дѣлать? Бороться? Но мы не хотимъ унаваживать собою землю для какого-то будущаго поколѣнія, а сами все равно ничего не получимъ! Мы жить хотимъ!“ И вотъ ихъ жизнь: день работаютъ, ночью—вино, карты и женщины, и ничего больше; такъ поступаютъ наши прежніе товарищи“.

Воинская повинность доставляетъ много непріятностей бывшимъ ссыльнымъ. Но въ иныхъ случаяхъ неблагонадежныхъ не берутъ. Такъ было, напримѣръ, въ Николаевѣ съ С. К—вымъ, „29-го апрѣля—пишетъ онъ—я предсталъ передъ засѣданіемъ коммиссіи. Во время начала засѣданія было принято четыре человѣка, я же оказался послѣднимъ. Когда очередь дошла до меня, по телефону потребовали жандармскаго ротмистра и полиціймейстера. Наконецъ, зовутъ меня, помѣряли, посмотрѣли; конечно—„негоденъ“... Мнѣ кажется, что два телефонныхъ администратора помогли мнѣ освободиться“... Въ глуши все сводится къ произволу, въ центрахъ соблюдаютъ законность, но затѣмъ не считаются уже ровно ни съ чѣмъ. Съ Ф., напримѣръ, произошелъ слѣдующій инцидентъ. Будучи единственнымъ сыномъ въ семьѣ, онъ не долженъ былъ отбывать воинскую повинность вовсе. Но, находясь въ этапѣ, Ф. не могъ подать соотвѣтствующаго заявленія. Его отецъ не зналъ, гдѣ находится сынъ и даже—что̀ съ нимъ. Поэтому льгота оказалась утраченной. Тщетно хлопоталъ Ф. о возстановленіи права на нее. Въ министерствѣ ему заявили: „Кто же виноватъ, если вы были въ ссылкѣ! Вы говорите, что не могли подать заявленія,—не надо было попадать въ ссылку“!.. Интересный разговоръ имѣлъ Ф. съ письмоводителемъ воинскаго присутствія, который, на вопросъ, освобождаетъ ли преподавательская дѣятельность въ воскресной школѣ отъ солдатчины, съ увѣренностью заявилъ: „Васъ не утвердятъ!“—Ф. изумился: „Какъ же вы, считая меня безусловно неблагонадежнымъ, хотите все-таки взять въ солдаты?“—Письмоводитель усмѣхнулся.—„Ничего, тамъ за вами будетъ строгій надзоръ“. Лишь цѣною погибшихъ отъ туберкулеза, изъѣденныхъ тюрьмою и ссылкою легкихъ Ф. купилъ свое избавленіе отъ военной службы.

Въ плохихъ условіяхъ оказываются евреи, всюду гонимые—всегда, а послѣ ссылки въ особенности. Бухгалтеръ Д—ій, очутившись на югѣ, сообщаетъ мнѣ свои злоключенія. „На дняхъ получились бумаги изъ Елисаветграда, что такой-то (я) разыскивается. Ко мнѣ пріѣхала по этому поводу мать, которая вò-время меня предупредила. Я въ тотъ же день выписался изъ полиціи. По какому поводу разыскиваюсь—не знаю и понять не могу. Имѣлъ здѣсь поступить на службу въ одно коммиссіонное дѣло на 150 рублей въ мѣсяцъ, но помѣшало именно то, что не могу прописаться". Послѣ выяснилось, что администрація предлагаетъ ему выѣхать за границу! Въ результатѣ „свободный гражданинъ" пишетъ: „Живу здѣсь нелегально. Ужъ такова судьба". Отбывшій срокъ, легализовавшійся окончательно человѣкъ долженъ пользоваться фальшивымъ паспортомъ. Таково положеніе бывшаго ссыльнаго на волѣ!

Еще хуже живется выброшеннымъ на улицу съ грудными ребятами. Судьба супруговъ К—выхъ очень характерна. Мужъ долго оставался безработнымъ. Заводъ отказалъ ему, мотивируя тѣмъ, что онъ прежде „очень запачканъ". Съ полгода бились они изо всѣхъ силъ. Наконецъ, страшная, безысходная нужда заставила жену К. отправиться къ матери въ Пензу. Вотъ ея жизнь: „Я часто собиралась писать вамъ—такъ начинается письмо, — но всегда откладывала. Настроеніе постоянно скверное, мысль не вяжется, такъ я никому и не пишу, кромѣ мужа. Ужъ мѣсяцъ, какъ живу въ Пензѣ. Изъ Николаева пришлось уѣхать. Теперь сижу у матери въ подвалѣ. Ужасная квартира. Мнѣ и камеры въ тюрьмѣ не приходилось встрѣчать такой. Я вамъ говорила, что мнѣ послѣ ссылки, возможно, ѣсть будетъ нечего; такъ и случилось. Я теперь хуже, чѣмъ на казенномъ пайкѣ. Это все благодаря Соничкѣ (грудной ея ребенокъ). Не будь ея, я сама принялась бы за работу; былъ бы вѣрный кусокъ хлѣба, какъ и прежде, а теперь—не повернешься свободно. Прежде богатыя тетушки звали меня: „Послѣ ссылки ты къ намъ, пожалуйста; отдохнешь, и мы будемъ рады",—а когда написала, что у меня есть ребенокъ, получаю сухіе отвѣты и ни слова о томъ, что пріѣзжай. Ужасно скучаю. Сижу абсолютно одна. Постоянный крикъ матери на дѣтей страшно раздражаетъ. Сергѣю писать всего не хочу, онъ окончательно потеряетъ голову; и безъ того совсѣмъ плохо себя чувствуетъ... Я теперь ничего не читаю, даже мѣстной газетки. Отъ города далеко, чтобы къ кому-нибудь ходить читать, хоть въ библіотеку. Тащить съ собою ребенка тоже нельзя. А дѣвочка славная, шустрая, вся въ Сергѣя. Ужъ больно я живу невзрачно"... С. К—ву черезъ нѣкоторое время все-же удалось поступить на мѣсто. Жена вернулась къ нему; Соничка была жива.

Не всѣмъ послѣ ссылки воля улыбается хотя бы и настолько.

Б. П—нъ и Ек. Б., которую мы всѣ привыкли звать просто Катей, полюбили другъ друга въ ссылкѣ. Онъ окончилъ реальное училище; она была умной дѣвушкой, простой работницей. Для нихъ эта разница была несущественной и незамѣтной. По интеллигентности—не той, которая измѣряется дипломами, а той, которая имѣется на лицо въ дѣйствительности — они стояли на одномъ уровнѣ. Совмѣстный этапъ и ссылка сблизили ихъ. Что, по видимому, могло помѣшать чистой, хорошей любви, основанной на дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ? Родные Б. П—на иначе взглянули на дѣло: они считали, что „фабричная" заѣла его жизнь. Пока они еще находились въ ссылкѣ, этого какъ бы не замѣчали. Но по возвращеніи бѣдную Катю встрѣтили такъ, что она ушла, въ морозъ, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, на улицу. Своими оскорбленіями родственники П—на довели Катю до того, что она предложила мужу полную свободу. Онъ оказался порядочнымъ человѣкомъ и не отшатнулся отъ жены; они стали бѣдствовать вмѣстѣ. Безъ заработка скитались несчастные по Петербургу; даже пристанища имъ невозможно было найти, такъ какъ охранное отдѣленіе категорически запретило имъ жительство въ столицѣ. Уѣхать—но куда, да и нужны деньги, которыхъ у нихъ не было. Грудной ребенокъ, мальчикъ, по имени Вадимъ, не выдержалъ такой жизни: заболѣлъ и скоро умеръ. Катя тоже свалилась, а самъ П—нъ ходилъ по городу, обогрѣваясь у костровъ... Весной охранное отдѣленіе смилостивилось и разрѣшило изстрадавшимся людямъ жить въ Петербургѣ. Но куда ни обращался П—нъ въ поискахъ за мѣстомъ, все было безрезультатно. Гдѣ просто его не пускали, гдѣ производилъ странное впечатлѣніе и пугалъ видъ тощаго человѣка въ черной рубахѣ, сильно нервничающаго и съ бѣгающими глазами. Катя устроилась работницей въ переплетной, и они существовали вдвоемъ на ея жалкій заработокъ, рублей въ 20—25 въ мѣсяцъ. Сама она постоянно хворала. Приходилось удивляться, какъ худенькая и блѣдная женщина можетъ долгіе часы задыхаться въ мастерской. Мысль о погибшемъ, почти замерзшемъ сынѣ никогда не покидала ее.

Однажды ко мнѣ зашелъ П—нъ, съ которымъ мы довольно часто встрѣчались. Разговоръ коснулся—а можетъ быть мой собесѣдникъ и самъ перевелъ на эту тему—самоубійствъ. Помнится, полусерьезно, съ обычной манерой тѣхъ, кто говоритъ со смѣхомъ именно для того, чтобы не разрыдаться, онъ сказалъ: „Катя упорно уговариваетъ меня отправиться ad patres!"—Я давно уже чувствовалъ ихъ настроеніе, но теперь, какъ почти всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, подалъ видъ, будто и не предполагалъ этого. „Я самъ борюсь изо всѣхъ силъ съ ея настроеніемъ—продолжалъ П—нъ,—но не могу отрицать, что она

разсуждаетъ вполнѣ логично. Ужасная гибель Вадимки какимъ-то призракомъ стоитъ передъ нами. Люди мы окончательно изломанные. Жизнь до ссылки какъ будто не существуетъ для насъ, и самымъ лучшимъ воспоминаніемъ является Яренскъ! Подумайте сами. Жалѣть о томъ, что мы не заброшены на далекій сѣверъ, что свободны! Развѣ это нормально? Потомъ Катя—человѣкъ совершенно разбитый, больной; я въ концѣ изнервничался. Предположимъ, найду заработокъ и мы устроимся въ матеріальномъ отношеніи. Гдѣ прежняя вѣра въ общественный подъемъ? Чѣмъ жить? На что надѣяться? Скажите, посовѣтуйте, что дѣлать?"

Конечно, въ отвѣтъ П—ну мнѣ пришлось сказать заѣзженныя фразы о жизни, которая впереди, о возможности въ будущемъ общественнаго дѣла и т. д. Но какими жалкими и худосочными мнѣ самому казались эти аргументы! Послѣ пережитой жизненной драмы никчемныя слова утѣшенія прямо смѣшны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я понималъ, что огромное значеніе имѣетъ и кошмарное настроеніе, переживаемое послѣ ссылки, та трагедія воли, которой я посвящаю свою статью. Когда Борису я говорилъ свои пустыя слова, мнѣ было стыдно передъ самимъ собой.

Рѣдко кто изъ возвращавшихся не кидался изъ стороны въ сторону, не узналъ всю горечь освобожденія, какимъ парадоксомъ ни звучатъ эти слова. Вотъ корректоръ П., высланный вновь изъ Петербурга, гдѣ у него родные, знакомые, связи; вотъ граверъ Б., который, не находя заработка по возвращеніи, покончилъ съ собой... Товарищи разсказываютъ, что одинъ бывшій ссыльный сдѣлался суфлеромъ, другой — ловитъ рыбу: часть ѣстъ самъ съ семьей, часть продаетъ. И много еще такихъ примѣровъ.

Ссылка кончается съ возвращеніемъ, но она замѣняется не менѣе ужасной трагедіей воли. Прошлое нельзя вычеркнуть изъ своей жизни,—тѣмъ болѣе такое тяжелое. Если человѣкъ и выходитъ изъ повседневной борьбы съ лишеніями неискалѣченнымъ физически, то духовно онъ почти всегда перерождается. Въ глазахъ изгнанниковъ остается на всю жизнь какой-то странный отпечатокъ грусти. Будущее неминуемо подернуто дымкой печали.

Говорятъ, ссылка нужна, такъ какъ она исправляетъ. Это неправда. Калѣча, ссылка озлобляетъ. Кто, какъ не люди неоднократно подвергавшіеся политическимъ репрессіямъ, были вождями такъ называемыхъ революціонныхъ партій?...

Поэтому мы скажемъ снова—Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ...

Борисъ Фромметтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Паденіе монархіи въ Португаліи.—Парламентскія битвы во Франціи: министерство Бріана и его противники.—Турецкіе займы и французская дипломатія.—Греческій кризисъ.—Персидскія дѣла.

Въ концѣ сентября неожиданно произошла революція въ Португаліи, и молодой король долженъ былъ удалиться съ матерью въ Англію. Королевскій домъ Браганца, занимавшій до конца восьмидесятыхъ годовъ и императорскій тронъ въ Бразиліи, увеличилъ собою число тѣхъ бывшихъ владѣтельныхъ фамилій, которыя въ разное время находили убѣжище въ британскихъ владѣніяхъ.

Послѣ трагической смерти короля Донъ-Карлоса и его старшаго сына при проѣздѣ ихъ по улицамъ Лиссабона, въ январѣ 1908-го года, было уже ясно, что положеніе монархіи въ Португаліи крайне шатко. Тяжелое бремя отвѣтственности за дальнѣйшее управленіе государствомъ возложено было на юнаго Мануэля и его мать, вдовствующую королеву Амалію. Король понялъ свое назначеніе соотвѣтственно своему возрасту и традиціямъ: онъ сталъ наслаждаться жизнью на государственный счетъ безъ всякихъ стѣсненій, проводилъ время съ интересными шансонетными пѣвицами, а заботу о государственныхъ дѣлахъ предоставилъ своей матери, довѣрявшей лишь іезуитамъ и разнымъ аферистамъ консервативнаго лагеря. За два съ половиною года смѣнено было пять или шесть министерствъ, но эта частая смѣна правящихъ лицъ вызывалась не какими-либо политическими причинами, а откровенными заботами о распредѣленіи государственныхъ благъ между возможно большимъ количествомъ кандидатовъ. Одна общественная группа уступаетъ мѣсто другой до тѣхъ поръ, пока не насытятся всѣ—и тогда тотъ же очередной порядокъ повторяется вновь. Эта наивно-хищническая система управленія послѣдовательно проводилась на практикѣ, подъ именемъ круговой или „ротативной“. Народъ не могъ проникнуться любовью и признательностью къ подобнымъ правителямъ; оппозиція усиливалась, и республиканское движеніе все болѣе возростало въ странѣ. На выборахъ въ парламентъ, въ августѣ текущаго года, республиканцы одержали побѣду въ Лиссабонѣ и въ другихъ крупныхъ городахъ. При открытіи кортесовъ, въ сентябрѣ, прогрессисты и ихъ

союзники демонстративно отсутствовали во время чтенія тронной рѣчи королемъ. Недовольство распространялось и въ арміи, и во флотѣ. Отдѣльные случайные факты могли только ускорить взрывъ. Одинъ изъ новыхъ республиканскихъ депутатовъ, профессоръ психіатріи Бомбарда, былъ убитъ 3-го октября (нов. ст.) въ своемъ кабинетѣ какимъ-то офицеромъ, бывшимъ его паціентомъ. Вѣсть объ этомъ убійствѣ послужила сигналомъ къ настоящему возстанію. Часть войскъ сразу присоединилась къ революціи. На улицахъ разгорѣлись кровавыя стычки; стоявшая въ гавани эскадра открыла бомбардировку, направивъ свои выстрѣлы въ правительственныя зданія и, между прочимъ, въ зданіе дворца, гдѣ находился король. Правительство растерялось, и вскорѣ въ разныхъ пунктахъ города былъ поднятъ республиканскій флагъ. Королевской фамиліи оставалось только искать спасенія въ бѣгствѣ.

Республика была оффиціально провозглашена 5-го октября. Временное правительство составилось изъ популярныхъ оппозиціонныхъ дѣятелей, съ Теофилемъ Брага во главѣ. Новые министры—большею частью ученые писатели и профессора, послѣдователи философіи Огюста Конта. Самъ президентъ, Теофиль Брага, считается отличнымъ знатокомъ португальскаго фольклора. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернардино Машадо, былъ долго профессоромъ философіи, одно время занималъ постъ министра публичныхъ работъ, затѣмъ разошелся съ монархистами и сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ республики. Обладая независимымъ состояніемъ и разнообразными талантами пропагандиста, онъ много содѣйствовалъ успѣху республиканскихъ идей, но всегда высказывался противъ всякихъ революціонныхъ насилій. По его убѣжденію, переворотъ долженъ былъ совершиться мирно, конституціоннымъ путемъ. Теофиль Брага, Бернардино Машадо и ихъ коллеги производятъ впечатлѣніе искреннихъ идеалистовъ и теоретиковъ, довольно далекихъ отъ требованій современной политической практики; это видно уже изъ того, въ какомъ серьезномъ тонѣ они заявляютъ о своемъ позитивизмѣ и съ какой довѣрчивостью они сообщаютъ иностраннымъ правительствамъ о „неописуемомъ восторгѣ“ населенія по поводу торжества лиссабонской революціи. Конечно, далеко не всѣмъ правительствамъ могло доставить удовольствіе это сообщеніе о неописуемомъ восторгѣ, съ какимъ португальцы низвергли свою династію.

Для великихъ европейскихъ державъ паденіе монархіи въ Португаліи не представляетъ большого практическаго интереса. Ближе оно касается Испаніи, гдѣ условія существованія династіи мало чѣмъ отличаются отъ португальскихъ. Чрезмѣрное развитіе монашества, владычество духовенства надъ массою населенія, искусственно

поддерживаемое невѣжество народа, страшная отсталость въ наукахъ и искусствахъ, въ промышленности и торговлѣ — все это одинаково замѣчается въ Испаніи, какъ и въ Португаліи. Тѣмъ не менѣе испанскій монархизмъ допускаетъ еще мирное конституціонное развитіе и даетъ еще возможность проводить желательныя внутреннія реформы, чего нельзя было уже ожидать въ злосчастной маленькой странѣ, гдѣ царство придворной камарильи прочно утвердилось съ давнихъ поръ. Исторія Португаліи за послѣднее столѣтіе есть сплошная цѣпь бѣдственныхъ для народа событій, династическихъ междоусобій, насильственныхъ актовъ и переворотовъ. Король Донъ-Карлосъ погибъ изъ-за беззаконій своего фаворита Франко; его наслѣдникъ потерялъ власть, потому что не умѣлъ и не желалъ пользоваться ею для блага страны. Эти неудачные правители не возбуждаютъ сочувствія даже среди убѣжденныхъ консерваторовъ другихъ странъ. Въ „Revue des deux Mondes“ — журналѣ вообще консервативномъ, не чуждомъ клерикальныхъ тенденцій—мы находимъ весьма любопытныя замѣчанія о португальской революціи. „Нужно сказать прямо,—говоритъ политическій обозрѣватель и главный редакторъ журнала, академикъ Франсисъ Шармъ,—что монархію въ Португаліи погубили сами монархисты. Нѣкоторыя газеты усматриваютъ въ происшедшемъ переворотѣ слѣды внѣшнихъ интригъ, британскихъ или германскихъ; но смѣшно вѣрить этимъ нелѣпымъ сказкамъ. Надо еще удивляться тому, что португальская монархія существовала такъ долго при тѣхъ условіяхъ, при какихъ она дѣйствовала. Весь правительственный строй въ Португаліи прогнилъ насквозь. Продажность, хищенія, внутренняя порча истощали государство отъ верхнихъ его органовъ до низшихъ. Это была уродливая каррикатура на тѣ злоупотребленія, какія случаются въ другихъ странахъ... Постоянно изобрѣтались новыя должности, чтобы удовлетворить новые аппетиты. Нѣкоторыя изъ этихъ должностей были довольно забавны; такъ, если вѣрить газетнымъ разсказамъ, одна дама получила мѣсто содержательницы кошекъ, предназначенныхъ для истребленія крысъ въ казенныхъ амбарахъ... Смѣнявшіяся министерскія партіи назывались то прогрессистами, то обновителями; но не ищите смысла въ этихъ кличкахъ: онѣ ничего не значатъ, не соотвѣтствуютъ никакой опредѣленной программѣ, а означаютъ только то, что существовали двѣ смѣны для поочереднаго исполненія тѣхъ же плохихъ дѣлъ и для полученія за нихъ установленнаго жалованья. Публичные нравы естественно оказывали разлагающее вліяніе и на частную дѣятельность. Финансовые скандалы умножались, и въ нихъ почти всегда замѣшаны были политическіе дѣятели. Зло принимало такіе размѣры, что казалось неизлечимымъ... Природа вещей сама собою приводитъ къ торжеству справедливости.

Если оставить въ сторонѣ личности короля и королевы-матери, то нельзя сожалѣть о судьбѣ португальской монархіи. Ея смерть была настоящимъ самоубійствомъ, и республиканцамъ оставалось лишь оттолкнуть уже разлагающійся трупъ". Для такого умѣреннаго и осторожнаго журнала, какъ „Revue des deux Mondes", эти рѣзкіе отзывы представляются въ высшей степени характерными. Очевидно, династія Браганца, связанная близкимъ родствомъ съ Орлеанскими принцами, не можетъ уже питать какія-либо надежды на возвратъ потерянаго счастья. Впрочемъ, бывшій король и его мать, имѣя обезпеченный годовой доходъ въ двѣсти или триста тысячъ франковъ, едва ли нуждаются въ чьемъ-либо сожалѣніи или сочувствіи: они сохранили способность наслаждаться жизнью и избавились отъ разныхъ оффиціальныхъ стѣсненій и тревогъ, которыя иногда, быть-можетъ, мѣшали имъ спокойно пользоваться благами міра въ Лиссабонѣ.

Неудавшійся опытъ всеобщей желѣзнодорожной забастовки во Франціи оставилъ крупный слѣдъ въ политической жизни страны—измѣнилъ группировку партій, усилилъ и объединилъ сознательные буржуазные элементы, внесъ разстройство и разладъ въ ряды передовыхъ радикаловъ и соціалистовъ. Въ напечатанномъ выше письмѣ изъ Парижа приводятся интересныя подробности о рѣшительной борьбѣ, разыгравшейся между руководителями желѣзнодорожнаго синдиката и главою кабинета Бріаномъ. Борьба перешла на парламентскую арену и закончилась послѣ горячихъ, необыкновенно шумныхъ и продолжительныхъ преній, въ которыхъ Жорѣсъ игралъ роль главнаго обвинителя. Бріанъ побѣдилъ, но съ значительнымъ ущербомъ для своей политической репутаціи и для своего нравственнаго авторитета. Въ засѣданіи 30 (17) октября палата приняла формулу, выражающую довѣріе правительству.

Соціалисты чрезвычайно рѣзко выступали противъ Бріана, обвиняя его въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ, въ буржуазномъ честолюбіи и оппортунизмѣ. Положеніе министерства относительно синдикатовъ было съ самаго начала фальшивое: самъ Бріанъ и двое его коллегъ, министръ публичныхъ работъ Мильеранъ и министръ труда Вивіани, принадлежали номинально къ соціалистической партіи и принципіально всегда высказывались въ пользу неограниченнаго права стачекъ; а между тѣмъ имъ приходилось дѣйствовать противъ стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ и даже принимать крутыя мѣры для ея ограниченія и прекращенія. Бріанъ былъ еще недавно энергическимъ проповѣдникомъ и защитникомъ идеи всеобщей политической забастовки, а теперь онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ военной силѣ

для противодѣйствія желѣзнодорожной забастовкѣ. Давно уже извѣстно, что люди мѣняются при переходѣ отъ оппозиціи къ министерскимъ портфелямъ—и мѣняются вовсе не по мотивамъ вульгарнаго честолюбія, а въ силу особаго чувства отвѣтственности, связаннаго съ занятіемъ министерскаго поста. Бріанъ, какъ частное лицо, можетъ стоять за полную свободу стачекъ и признавать цѣлесообразность всеобщей забастовки, какъ способа разрѣшенія соціальнаго вопроса; но, какъ министръ и какъ глава правительства, онъ не могъ допустить, чтобы произвольнымъ рѣшеніемъ отдѣльныхъ руководителей рабочаго класса былъ остановленъ ходъ огромной общественной машины, непрерывное дѣйствіе которой есть необходимое условіе нормальной экономической жизни страны.

Остановка желѣзнодорожнаго движенія съ 11-го октября на пять дней причинила неисчислимые убытки не только Франціи и французамъ, но и другимъ націямъ, доставляющимъ свои товары во Францію; и эта остановка, съ точки зрѣнія правительства, не оправдывалась ни экономическими, ни политическими требованіями рабочихъ. Для синдиката дѣло шло о томъ, чтобы показать свою силу желѣзнодорожнымъ компаніямъ и побудить ихъ къ уступкамъ на будущее время; въ то же время это былъ опытъ политической забастовки желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлью показать всей вообще буржуазіи фактическое могущество рабочаго класса. Министры, хотя и соціалисты, неизбѣжно должны были смотрѣть на дѣло съ другой стороны; они взвѣшивали интересы рабочихъ сравнительно съ затронутыми общественными и національными интересами и старались достигнуть компромисса, безобиднаго для тѣхъ и другихъ. Правительство взяло на себя посредничество между желѣзнодорожными обществами и ихъ рабочими для мирнаго улаженія возникшаго спора; переговоры еще продолжались, когда объявлена была забастовка. Министры утверждаютъ, что чисто-экономическія требованія рабочихъ—объ увеличеніи заработной платы и о пенсіяхъ—обсуждались въ миролюбивомъ духѣ и не давали повода къ забастовкѣ. Если забастовка имѣла политическое значеніе, какъ актъ борьбы противъ буржуазіи; то она была безцѣльна, ибо не была разсчитана на достиженіе какого-либо опредѣленнаго положительнаго результата; устраивать же всеобщую желѣзнодорожную забастовку, безъ сознательной общей цѣли—значитъ безпричинно вредить народу и государству. Въ сущности, между теоріею всеобщей политической забастовки и отрицаніемъ произвольной желѣзнодорожной стачки нѣтъ внутренняго логическаго противорѣчія. Бріанъ могъ бы сказать, что онъ и теперь стоитъ за всеобщую забастовку, какъ за единственный вѣрный путь къ окончательной побѣдѣ рабочаго пролетаріата надъ промышленною буржуа-

зіею, но что онъ рѣшительно противъ напрасной траты народныхъ силъ и средствъ такими частными забастовками, какъ только-что законченная, не оставившая послѣ себя ничего кромѣ колоссальныхъ убытковъ, всеобщихъ огорченій и непріятностей.

Жорѐсъ и его союзники изображали Бріана какимъ-то предателемъ, врагомъ рабочей демократіи, достойнымъ суроваго возмездія; Бріанъ въ свою очередь говорилъ въ такомъ тонѣ, точно онъ выступалъ въ роли спасителя общества отъ великой соціальной катастрофы. Обѣ стороны должны были тутъ же въ парламентѣ отказываться отъ нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженій: Жорѐсъ объяснилъ, что вовсе не думалъ допускать въ своей газетѣ мысль объ употребленіи насилія противъ министра-президента, а Бріанъ доказывалъ, что его фраза о готовности нарушить законы для спасенія общества не имѣла того страшнаго смысла, какой въ ней находили. Пятидневный парламентскій бой, который пришлось выдержать главѣ кабинета при обсужденіи запроса соціалистовъ о забастовкѣ, представлялъ собою нѣчто совершенно исключительное: самые страстные и сильные ораторы лѣвыхъ партій неустанно громили правительство, нападая особенно на Бріана и отчасти на Мильерана—а Бріанъ своими энергическими и самоувѣренными отвѣтами доводилъ противниковъ до такого возбужденія, что они бросались съ угрожающими возгласами къ трибунѣ, и личнымъ друзьямъ министра только съ трудомъ удавалось оградить его отъ оскорбленій.

Бріанъ остался на высотѣ положенія, какъ ораторъ, но авторитетъ его, какъ государственнаго человѣка, поколебался. Онъ не обнаружилъ того спокойнаго самообладанія, которое казалось свойственнымъ ему въ моменты кризиса и борьбы; онъ слишкомъ явно оттолкнулъ отъ себя прежнихъ единомышленниковъ, не укрѣпивъ своихъ связей съ другими республиканскими группами, и его министерство можетъ очутиться въ зависимости отъ настроенія центра и правыхъ. Послѣдняя парламентская побѣда Бріана принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя равносильны пораженію.

Въ послѣднее время французское правительство проявило иниціативу въ такихъ дѣлахъ, которыя прежде устраивались помимо его активнаго участія, путемъ непосредственныхъ переговоровъ между заинтересованными лицами. Недавно венгерское министерство финансовъ предполагало заключить на парижской биржѣ крупный заемъ въ 560 милліоновъ кронъ (около 230 милл. рублей). При обычныхъ условіяхъ французскіе капиталисты охотно оказали бы кредитъ представителямъ страны, которая по своимъ финансовымъ рессурсамъ и

по своей аккуратности въ платежахъ не возбуждаетъ ни въ комъ никакихъ сомнѣній. Но австрійскія газеты имѣли неосторожность объяснить, что заключеніе венгерскаго займа въ Парижѣ сохранило бы капиталы вѣнской биржи для крупныхъ денежныхъ операцій, необходимыхъ для Австріи на военныя надобности и на сооруженіе новыхъ броненосцевъ. Такимъ образомъ французскіе капиталы нужны были для усиленія арміи и флота великой державы, находящейся въ тѣсномъ союзѣ съ Германіею и обязанной при извѣстныхъ обстоятельствахъ направить свое оружіе противъ Франціи или ея союзниковъ. Французская дипломатія тотчасъ же вмѣшалась въ дѣло, и устройство венгерскаго займа въ Парижѣ было отклонено на томъ формальномъ основаніи, что по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ были допущены австрійскими властями прямыя нарушенія французскихъ интересовъ.

Точно также французское правительство отнеслось критически къ проекту новаго турецкаго займа въ Парижѣ; оно ставило свои условія, требовало назначенія французскихъ должностныхъ лицъ для участія въ постоянномъ контролѣ надъ турецкими финансами, долго вело объ этомъ переговоры съ прибывшимъ изъ Константинополя министромъ финансовъ Джавидъ-беемъ и наконецъ признало себя вынужденнымъ прервать ихъ, когда условія его не были приняты Портою. Само собою разумѣется, что конституціонная Турція, управляемая отвѣтственнымъ министерствомъ, имѣетъ гораздо больше правъ на финансовое довѣріе, чѣмъ Турція султана Абдулъ-Гамида или Абдулъ-Азиса; поэтому заимодавцы не требуютъ уже реальнаго обезпеченія займа таможенными или иными поступленіями, а довольствуются гарантіями правильнаго денежнаго хозяйства и счетоводства. Однако младо-турецкая Порта находила и эти гарантіи излишними, такъ какъ надѣялась получить нужныя средства въ другомъ мѣстѣ. Германія и Австро-Венгрія воспользовались этимъ случаемъ, чтобы закрѣпить съ обновленною Турціею тѣ связи, которыя удалось Вильгельму II установить съ Турціею дореформенною, при Абдулъ-Гамидѣ. Возбужденныя берлинскимъ кабинетомъ надежды дали туркамъ смѣлость отказаться отъ соглашенія съ французскими капиталистами; но послѣдствія показали, что эти надежды были значительно преувеличены. Австро-германскіе банки предложили, вмѣсто заключенія займа, выдать авансъ въ размѣрѣ до шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или шестидесяти милліоновъ рублей за 6%, сверхъ коммиссіонныхъ, подъ векселя или обязательства срокомъ на шесть мѣсяцевъ. Такая краткосрочная ссуда, конечно, не избавитъ Турцію отъ займа по истеченіи срока, а обойдется она гораздо дороже заемной операціи, такъ какъ французы давали деньги за 4% на долгій срокъ, въ обмѣнъ

на процентныя бумаги. Правда, краткосрочныя обязательства могутъ быть по желанію возобновлены на новый срокъ, но при этомъ и невыгоды сдѣлки увеличатся, и для турецкаго казначейства австро-германская комбинація не представляетъ никакого облегченія. Оказывается, что нѣмецкіе и австрійскіе банки не обладаютъ достаточными силами для успѣшнаго соперничества съ парижскимъ денежнымъ рынкомъ, который былъ и остается богатѣйшимъ вмѣстилищемъ свободныхъ капиталовъ на материкѣ Европы. Туркамъ не миновать обращенія къ Франціи, и политическій престижъ Германіи и Австро-Венгріи нисколько не поднимется въ глазахъ младотурецкаго правительства подъ вліяніемъ всей этой странной исторіи. Въ денежномъ отношеніи французская республика все еще могущественнѣе тройственнаго союза, и она имѣетъ право и возможность ставить свои условія кредиторамъ. Она можетъ контролировать употребленіе капиталовъ, даваемыхъ ею взаймы иностраннымъ государствамъ, и это молчаливо признаваемое право контроля уже не разъ практиковалось, хотя и въ крайне корректныхъ и вѣжливыхъ формахъ, по отношенію къ союзной Россіи. Франція обыкновенно выговариваетъ въ пользу своей промышленности предоставленіе ей извѣстной доли русскихъ военныхъ заказовъ, что̀ впослѣдствіи вызываетъ негодующіе протесты нашихъ патріотовъ-націоналистовъ; но что̀ же дѣлать, если французы заранѣе включаютъ эти заказы въ условія русскаго займа? Они охотно давали намъ средства на увеличеніе нашихъ военныхъ силъ вдоль нашихъ западныхъ границъ, въ виду возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій въ неопредѣленномъ будущемъ; они не скрывали своего неудовольствія по поводу того, что наши западныя пограничныя области очищались отъ прежней массы войскъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ нашихъ западно-русскихъ крѣпостей предназначены были къ упраздненію. Французы интересуются этимъ въ качествѣ нашихъ союзниковъ и кредиторовъ; они, конечно, не стали бы снабжать насъ капиталами на новыя предпріятія на Дальнемъ или Ближнемъ Востокѣ или на какія-либо другія рискованныя дѣла, могущія ослабить наше положеніе въ Европѣ. Россія, съ своей стороны, должна избѣгать дальнѣйшихъ иностранныхъ займовъ, чтобы сохранить независимость своей внѣшней политики и не доводить народныхъ средствъ до истощенія.

Въ Греціи политическій кризисъ вышелъ изъ періода опасныхъ увлеченій, связанныхъ съ вопросомъ о судьбѣ Крита и о возможной войнѣ съ Турціею. Критскіе и греческіе патріоты перестали думать о насильственномъ освобожденіи острова отъ турецкаго владычества,

которое въ сущности остается лишь номинальнымъ и нисколько не мѣшаетъ фактической автономіи жителей. Мысли и заботы грековъ направились въ другую сторону—къ вопросу о судьбѣ самой Греціи, о жалкомъ и почти безнадежномъ политическомъ состояніи страны, о безконечныхъ раздорахъ и интригахъ своекорыстныхъ парламентскихъ партій. Изъ среды арміи выдѣлилась передовая часть офицерства и образовала военную лигу, которая поставила себѣ цѣлью оживить и поднять политическій духъ націи, способствовать проведенію необходимыхъ реформъ и вести борьбу противъ всякихъ партійныхъ дѣльцовъ и интригановъ; но военная лига, присвоивъ себѣ фактически диктаторскую власть, еще болѣе усложняла и запутывала общее положеніе дѣлъ своимъ произвольнымъ и не всегда удачнымъ вмѣшательствомъ. Чтобы заставить военную лигу отказаться отъ диктатуры, придуманъ былъ проектъ созыва національнаго собранія, которому предстояло бы съ подобающимъ авторитетомъ опредѣлить способы національнаго возрожденія Греціи.

Популярнѣйшимъ пропагандистомъ этой идеи и наиболѣе выдающимся дѣятелемъ реформаторскаго движенія является представитель и избранникъ Крита, Венизелосъ, выборный глава исполнительной власти на островѣ. Король Георгъ, тронъ котораго былъ сильно поколебленъ военными возстаніями и офицерскими домогательствами, сразу присоединился къ новой патріотической программѣ и нашелъ твердую точку опоры въ общественномъ мнѣніи. Парламентъ принялъ резолюцію о созывѣ національнаго собранія, съ тѣмъ, чтобы основы существующаго конституціоннаго строя сохранили свою силу и чтобы только второстепенныя постановленія конституціи подверглись пересмотру, какъ это установлено 107-ою статьею конституціонной хартіи. Необходимость пересмотра, согласно той же статьѣ, „считается въ достаточной степени установленной, если палата испрашиваетъ разрѣшеніе этого пересмотра въ двухъ послѣдовательныхъ законодательныхъ сессіяхъ, посредствомъ спеціальныхъ резолюцій, принятыхъ большинствомъ трехъ четвертей общаго числа ея членовъ и опредѣляющихъ границы пересмотра“. На этотъ разъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, было рѣшено довольствоваться однимъ постановленіемъ палаты. Выборы въ національное собраніе производились при общемъ подъемѣ настроенія. Казалось, что старые партійные счеты забыты, парламентскіе дѣльцы сложили оружіе и ждутъ обновленія родины отъ новыхъ людей.

Національное собраніе было открыто въ Аѳинахъ 14 (1)-го сентября. Въ прочитанной королемъ Георгомъ тронной рѣчи выражалась увѣренность, что представители народа съумѣютъ вывести страну на путь спасительныхъ преобразованій и усовершенствованій. Вени-

зелосъ, избранный въ депутаты въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Греціи въ качествѣ греческаго подданнаго, сложилъ съ себя званіе главы критскаго правительства, чтобы войти въ составъ палаты; трое остальныхъ представителей Крита, избранныхъ населеніемъ и не обладающихъ правами греческаго гражданства, отказались отъ своихъ полномочій, чтобы не давать повода къ протестамъ со стороны Турціи. Среди членовъ національнаго собранія замѣчались существенныя разногласія: одни изъ депутатовъ требовали, чтобы собраніе признано было учредительнымъ; другіе заявляли, что собраніе, будучи по закону только ревизіоннымъ, должно пользоваться, однако, особыми правами и не можетъ быть распущено королемъ; третьи предлагали приступить къ работѣ, не задаваясь предварительными принципіальными обсужденіями. Вожди прежнихъ партій, Θеотокисъ, Мавромихалисъ и Раллисъ, давали всѣмъ чувствовать свое присутствіе и вліяніе въ палатѣ. Коалиціонное министерство Драгумиса не могло удержаться и должно было выйти въ отставку.

Общественное мнѣніе единодушно указывало на Венизелоса, какъ на единственнаго свѣжаго и независимаго дѣятеля, свободнаго отъ традицій и нравовъ греческаго парламентаризма и способнаго внести новый духъ въ политическую жизнь страны. Венизелосъ сдѣлался въ короткое время любимцемъ греческаго народа; повсюду его встрѣчали шумныя выраженія симпатіи и довѣрія. Онъ привлекалъ къ себѣ умы и сердца искренностью своего тона, прямотою и ясностью своей натуры, внутреннею убѣжденностью и чистотою своихъ стремленій—тѣми особыми качествами, которыя рѣзко отличаютъ его отъ опытныхъ парламентскихъ дѣльцовъ и профессіональныхъ патріотовъ Греціи. Король Георгъ, имѣвшій возможность близко изучить нѣсколько поколѣній греческихъ политиковъ и политикановъ, также, повидимому, повѣрилъ въ призваніе Венизелоса и отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Венизелосъ принялъ предложеніе образовать новое министерство, послѣ того какъ старые партійные вожди обѣщали ему соблюдать нейтралитетъ. Явившись въ національное собраніе 21-го октября, въ качествѣ министра-президента, онъ сразу встрѣтился съ обычными лукавыми пріемами парламентской интриги. Нѣкоторые депутаты, ссылаясь на сообщенія газетъ, предлагали премьеру высказаться по вопросу о томъ, можетъ ли національное собраніе быть распущено королемъ; другіе совѣтовали прежде всего рѣшить, признается ли собраніе учредительнымъ или ревизіоннымъ. Послѣ долгихъ споровъ Венизелосъ поставилъ вопросъ о довѣріи. Когда соотвѣтственная формула была внесена однимъ изъ депутатовъ, всѣ приверженцы Раллиса и Мавромихалиса, вмѣстѣ съ группою „независимыхъ“ сторонниковъ учредительныхъ полномочій, тотчасъ же

покинули собраніе. Довѣріе было вотировано большинствомъ, но число присутствовавшихъ депутатовъ оказалось недостаточнымъ для составленія надлежащаго кворума, и потому состоявшееся постановленіе признано было недѣйствительнымъ. Венизелосъ заявилъ королю о своей отставкѣ, въ виду того, что въ собраніи не составилось законнаго большинства для выраженія ему довѣрія; но король уговорилъ его остаться и добиться голосованія при законномъ комплектѣ палаты. Собраніе высказалось, затѣмъ, въ пользу кабинета большинствомъ 208 голосовъ противъ 31, при 27 воздержавшихся; но подача голосовъ сопровождалась такими заявленіями и оговорками, что Венизелосъ ясно видѣлъ невозможность разсчитывать на прочную поддержку палаты при данномъ ея составѣ. Премьеръ призналъ необходимымъ распустить собраніе, и король послѣдовалъ его совѣту: декретомъ 24-го октября назначены новые выборы, на 28-ое ноября. Открытіе сессіи новаго собранія предстоитъ 8-го января будущаго года (нов. ст.).

Старыя парламентскія партіи находятъ распущеніе національнаго собранія незаконнымъ, такъ какъ конституція не даетъ королю подобнаго права, и на этомъ основаніи отказываются отъ участія въ выборахъ; но страна могла бы только выиграть отъ такого уклоненія, еслибы оно осуществилось въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, трудно надѣяться на безкорыстную самоотверженность старыхъ партій, и Греція едва ли скоро дождется того обновленія, о которомъ мечтаетъ Венизелосъ.

Положеніе дѣлъ въ Персіи вызываетъ справедливыя опасенія не только въ дипломатическихъ сферахъ, но и въ русскомъ обществѣ. Наши войска занимаютъ еще часть персидской территоріи, хотя они, кажется, исполнили уже свою задачу и обезпечили спокойствіе и безопасность иностранцевъ въ занятыхъ областяхъ. Персидское правительство давно уже хлопочетъ о прекращеніи этой оккупаціи, первоначальные мотивы которой перестали существовать; переговоры ведутся настойчиво, но безуспѣшно, и съ разныхъ сторонъ повторяются по адресу нашей дипломатіи хорошо знакомыя намъ обвиненія.

Говорятъ, что Россія соглашается удалить свои войска изъ сѣверной Персіи только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы персидское правительство возобновило концессію на разработку мѣдныхъ рудниковъ въ Карадагскомъ округѣ, близъ кавказской границы, и предоставило русскимъ эксплуатацію автомобильнаго движенія по сооруженной ими дорогѣ между Рештомъ и Тегераномъ. Первая изъ этихъ концессій не могла быть использована предпринимателями до истеченія срока, вслѣдствіе существовавшихъ въ странѣ безпорядковъ, и потому воз-

обновленіе ея было бы только дѣломъ справедливости по отношенію къ лицамъ, затратившимъ свои средства на это предпріятіе. Точно также требованіе права на эксплуатацію дороги, проведеніе которой обошлось русскому правительству около трехъ милліоновъ рублей, является вполнѣ естественнымъ и цѣлесообразнымъ. Но удобно ли связывать эти спеціальныя частныя требованія съ исполненіемъ обязательства очистить персидскую территорію отъ русскихъ войскъ?

Неоднократно было заявлено нашими и британскими представителями, что русскія войска уйдутъ изъ Персіи тотчасъ по миновании въ нихъ надобности. Теперь никто не отрицаетъ, что въ странѣ достигнуто прочное успокоеніе и что присутствіе нашихъ военныхъ отрядовъ въ Тавризѣ, Казвинѣ и Ардебилѣ не вызывается уже необходимостью. Вліятельныя лондонскія газеты, несомнѣнно расположенныя къ Россіи, ясно давали намъ понять, что мы не должны настаивать на усвоенной нами точкѣ зрѣнія и что такая тактика не можетъ разсчитывать на поддержку и сочувствіе Англіи. Между тѣмъ само британское правительство недавно обратилось къ Персіи съ оффиціальною угрозою занять ея южныя мѣстности англо-индійскими полицейскими отрядами, если по истеченіи трехъ мѣсяцевъ не будетъ обезпечена безопасность южныхъ торговыхъ дорогъ отъ разбойниковъ. Эта грозная октябрьская нота значительно измѣняетъ положеніе вопроса о русской оккупаціи и ставитъ на очередь весьма щекотливыя международно-политическія задачи, едва ли соотвѣтствующія современнымъ условіямъ и потребностямъ Россіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ III. Современники. Выпускъ III. Мистики и богоискатели. М., 1911.

„Богоискательство“, еще недавно скрытое въ тиши кабинетовъ и тѣсныхъ кружковъ немногочисленныхъ адептовъ, вышло въ шумную жизнь улицы и вступило въ открытый споръ съ современностью, во имя обновленія общественно-политической жизни религіозно-мистическимъ началомъ. И нельзя сказать, чтобы это теченіе, увлекшее, въ качествѣ пророковъ, нѣсколькихъ несомнѣнно талантливыхъ людей, не возбуждало интереса, не имѣло нѣкотораго успѣха. Мистическія настроенія,

касающіяся самаго интимнаго, что есть въ человѣкѣ, его вѣчно загадочной судьбы, его безпомощности предъ неизбѣжнымъ и непознаваемымъ, обладаютъ особой заразительностью въ то время, когда широкіе круги общества и народа лишены возможности дѣятельной творческой работы надъ земной своей участью. И мистики влекутъ за собою людей въ міръ заманчиваго „возвышающаго обмана“ и самообмана. Поэтому голосъ писателя, подходящаго къ „богоискателямъ“ съ серьезнымъ разборомъ ихъ претензій и стремленій имѣетъ немалую цѣнность, хотя бы это былъ разборъ чисто полемическій, какъ въ книгѣ г. Когана. Авторъ исходитъ изъ представленія о литературѣ, какъ выразительницѣ настроеній и идеологіи опредѣленныхъ слоевъ и группъ. Взглядъ—нѣсколько упрощенный и не во всѣхъ случаяхъ объясняющій литературныя явленія, въ данномъ случаѣ, но пригодный, такъ какъ онъ даетъ возможность рельефно выставить отрѣшенность отъ жизни и внутреннее безплодіе современнаго богоискательства. Въ книгѣ г. Когана три статьи посвящены Мережковскому, одна—Андрею Бѣлому, одна—Вячеславу Иванову. Первая статья—какъ бы введеніе къ остальнымъ и говоритъ о методѣ Мережковскаго, о незаконномъ смѣшеніи научнаго метода и вѣры, проникающемъ всѣ построенія богоискателей. Въ остальныхъ статьяхъ болѣе или менѣе ярко обрисованы противорѣчія, къ которымъ приводитъ это смѣшеніе методовъ у разбираемыхъ авторовъ. Характеризуется спутанность ихъ мысли, непонятная туманность повторяющихся образовъ и трагическое безсиліе дать ясную форму какимъ-то невѣдомымъ тайнамъ, будто-бы усмотрѣннымъ символистами. „Тотъ тупикъ, въ который уперся мистицизмъ въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей, является лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ трудно ожидать обществу съ этой стороны отвѣта на свои запросы“. Дѣйствительно, не отрицая за символистами знаній и таланта, нельзя не признать, что эти достоинства тонутъ отдѣльными яркими блестками въ общей картинѣ безнадежныхъ усилій постичь непостижимое—усилій, часто сбивающихся на истерическую раздраженность, а иногда на банальность.

— Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый“. Книга статей. Книгоиздательство „Альціона“. Москва, 1910. Ц. 1 р.

„Книга статей“ г. Бѣлаго приглашаетъ читателя прогуляться по „лугу зеленому“ русской литературы. Однако, эта прогулка подъ руководствомъ выдающагося символиста—дѣло совсѣмъ не легкое, прежде всего потому, что трудно понимать мало вразумительную рѣчь г. Бѣлаго, пересыпанную метафорами и уподобленіями, пышную и рето-

рическую. Хоть кого могутъ напугать безпрестанные и уже давно избитые „перегибы отъ буддійской онѣмѣлости и величаваго холода къ золотисто-закатному, винному пожару діосиніанства“, и „знойные потоки солнечной свѣтозарности“. Рѣжутъ ухо и пріемы характеристикъ г. Бѣлаго. Особо цѣнимые имъ писатели продѣлываютъ необыкновенныя вещи. Мережковскій усѣлся „въ облакахъ съ подзорной трубкой. Опредѣлите-ка его, кто онъ!“ Соллогубъ — „Ахъ ты фокусникъ-покусникъ! Покусничаетъ волшебникъ, надѣлъ армянскій халатъ, двумя бутылочками помахиваетъ... Посматриваетъ армяшка, застращиваетъ!“. Брюсовъ тоже похожъ на колдуна: „сейчасъ—прямо такой, какой стоитъ съ телефонной трубкой и въ застегнутомъ сюртукѣ, провалится сквозь полъ или улетитъ въ трубу на шабашъ“; не смотрите, что онъ — „талантливѣйшій изъ русскихъ поэтовъ современности, еще и умнѣйшій, корректнѣйшій изъ нихъ“. Бальмонтъ—„залетная комета“: сейчасъ сидѣлъ на деревянномъ пѣтушкѣ, „завтра встанетъ онъ съ пѣтушка, надменно взлетитъ къ лицу надменное его пенснэ, и—пафъ, пафъ, пафъ! Уйдетъ въ синіе свои, синіе, синіе, синіе просторы. Надѣнетъ шляпу, запоетъ интерпланетный маршъ и... нѣтъ его: пошелъ описывать рейсы: земля—луна—солнце—земля!“ Однако, за г. Бальмонтомъ водится большой грѣхъ: „жизнь не соединилъ онъ съ творчествомъ въ символѣ цѣнности (?) и безцѣльно носится въ міровыхъ пустыняхъ небытія“. Вообще, у г. Бѣлаго метафоры такъ и сыплются, вплоть до увеселительной неожиданности: „некрасовская гражданственность должна утвердиться на діонисическомъ стержнѣ“, — точно турокъ на колу. Словомъ, въ крикливо-фамильярной манерѣ г. Бѣлаго, въ неудержимомъ его словоизверженіи, лишенномъ вкуса и нестерпимо притязательномъ, данъ неистощимый матеріалъ для пародіи. Что же скрыто за этой внѣшностью, за стилемъ, смахивающимъ на развинченные жесты неврастеника? Какъ теоретикъ символизма, г. Бѣлый мѣстами довольно скроменъ: „всякая теорія символизма, появляющаяся въ наши дни, въ лучшемъ случаѣ есть лишь набросокъ плана, по которому надлежитъ выстроить зданіе“. Гораздо чаще символизмъ просто возглашается какъ обрѣтенный особый родъ познанія, противополагаемый познанію логическому. Послѣднее выражается раціоналистическими способами, тогда какъ символическій методъ есть методъ творческаго художественнаго воспріятія, проникающій въ сущность вещей, отображающій символами непознаваемое. Центръ тяжести переносится при этомъ на мнимое постиженіе непостижимаго и на таинственное „пресуществленіе искусства въ религію жизни“. „Прошлое литературы—пѣсня (?), будущее—религія жизни“. Ручьи поэзіи „переливаются въ теургію и магію“. Вершина символизма—„соединеніе творчества и религіи въ сотвореніи художникомъ

религіи, въ теургіи". Сотворили ли уже русскіе символисты религію, не видно, хотя словъ на эту тему, невразумительныхъ и темныхъ, говорится г. Бѣлымъ великое множество. Многорѣчивый панегирикъ Брюсову сводится на хвалебный гимнъ внѣшней формѣ его стиха и его личности; что касается содержанія, мы узнаемъ только, что Брюсовъ борется въ выборѣ между жизнью и смертью. „Но онъ глянулъ сквозь формы въ Жизнь Цѣнную. Отнынѣ образъ Крылатаго Меченосца (нѣкто, усмотрѣнный поэтомъ въ глубинахъ небесныхъ) не оставитъ его, пока онъ не выберетъ пути Жизни или Смерти". Этими непонятными вѣщаніями заканчивается статья о Брюсовѣ; въ заключительной же статьѣ книги г. Бѣлаго мы неожиданно прочли о томъ же единственномъ Брюсовѣ, что онъ устроилъ, пока что, только какое-то „паровое воскресеніе мертвыхъ", т.-е. учинилъ нѣчто въ родѣ фальсификаціи вмѣсто теургіи! Временами въ словоизверженіяхъ г. Бѣлаго слышны ноты анархическаго протеста, во вкусѣ Морриса, противъ техническаго прогресса, во имя призыва къ „зеленому лугу". Иногда звучитъ отголосокъ чего-то въ родѣ народничества, появляются апокалипсическія предвидѣнія, ощущается ароматъ „пунцовыхъ лампадокъ". Съ достаточной смѣлостью символизмъ объявляется непосредственнымъ преемникомъ Пушкина, Лермонтова и т. д.

Ради справедливости хотѣлось бы отмѣтить отдѣльныя красивыя мѣста, точно чужой рукою вставленныя, критическое чутье, раскрывшее въ бытѣ чеховскаго творчества (въ статьѣ о Чеховѣ) глубокую печаль и символы тщеты бытія. Но общее раздражающее впечатлѣніе литературной манеры г. Бѣлаго, совсѣмъ не гармоническій визгъ его души-ласточки (его собственное сравненіе), взвинченный пророческій экстазъ—менѣе всего могутъ примирить съ нимъ не-модерниста, не мистика.

— Чеховскій юбилейный сборникъ. 1860—17 января—1910. Москва, 1910.

Весь доходъ отъ настоящаго изданія поступаетъ въ фондъ на постройку Учительскаго Дома въ Москвѣ. Издатели задались цѣлью собрать воедино по возможности все, что появилось въ періодической печати по случаю юбилея Чехова. Къ сожалѣнію, какъ во всякой „юбилейной литературѣ", и въ чеховской оказывается много хлама, который, конечно, не стоилъ такого вниманія, какое оказали ему составители. Таковы, напр., въ первую голову напечатанныя въ отдѣлѣ „Лепестки", вымученныя и вялыя вирши газетныхъ фельетонистовъ и др. Таковы же и многія замѣтки, старательно собранныя по газетамъ и маленькимъ журналамъ. При этомъ составители все же не могли достигнуть дѣйствительной полноты, за которою погнались, и,

напр., совершенно обошли провинціальную печать; а между тѣмъ именно здѣсь и появилось кое-что новое о Чеховѣ (южныя газеты). Въ обиліи вялыхъ повтореній и варіацій на давно данный тонъ о прекрасной душѣ Чехова, среди писаній псевдонимовъ, анонимовъ и Брендеровъ съ Норвежскими, тонутъ немногія вдумчивыя статьи и воспоминанія, дающія нѣчто оригинальное и цѣнное: „Братъ человѣческій“ Мережковскаго, „Посмертный ликъ Чехова“ Л. Гуревичъ, воспоминанія Авиловой, статья Тана „На родинѣ Чехова“, призывъ редакціи „Русскаго Слова“ сдѣлать національной собственностью ялтинскую дачу Чехова. Кромѣ перепечатокъ, въ сборникѣ дано нѣсколько раннихъ разсказовъ Чехова, „Мысли, избранныя изъ сочиненій“, съ обычными недостатками подобныхъ хрестоматій, и рядъ снимковъ съ героевъ пьесъ Чехова въ воспроизведеніи московскаго Художественнаго театра. Эти снимки много оживляютъ пустынныя страницы объемистаго сборника. Впрочемъ, ради того хорошаго, что̀ имѣется въ сборникѣ, и въ виду его дешевизны (1 р. 25 к. за книгу въ 540 стр.) и благой цѣли, надо пожелать, чтобы изданіе не обмануло ожиданій его составителей.

— Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Выпускъ I. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія (1878—1910). Выпускъ II. На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юридическомъ обществѣ (1875 — 1910). Выпускъ III. Изъ общественной хроники (1880—1886).

Три выпуска статей и рѣчей только что скончавшагося С. А. Муромцева закрѣпятъ въ сознаніи читателей тѣ величественныя черты мужа гражданственности, въ какихъ узнала его родина въ качествѣ предсѣдателя первой, великой русской Государственной Думы. Статьи его, рѣчи, самыя короткія выступленія носятъ печать какой-то особенной законченности, зрѣлой мысли и непоколебимой увѣренности въ правотѣ сказаннаго. Его некрологи и привѣтствія — иногда въ полстранички, выкованные, безъ одного лишняго слова,—звучатъ какъ ударъ въ могучій колоколъ, ударъ, властно пробуждающій душу и настраивающій ее на высокій ладъ. Таково, напр., знаменитое привѣтствіе, произнесенное имъ въ юбилейные пушкинскіе дни (1899) и послужившее поводомъ къ закрытію московскаго юридическаго общества. Это художественное въ своемъ родѣ произведеніе когда-нибудь будетъ разучиваться въ школахъ какъ настоящій образецъ „высокаго“ стиля. И хотя самъ Муромцевъ скромно оговаривался, что это привѣтствіе—„совмѣстный трудъ членовъ Бюро Юридическаго Общества“, печать личности автора всецѣло лежитъ на этихъ строкахъ: „Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неиз-

гладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражавшаго чуткую совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ, звучалъ героическій гимнъ, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнутый съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка, не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силою выстраданнымъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону. Но этотъ стонъ былъ стономъ почуявшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго Возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиною жизни и властной опеки".

Борьбу съ рутиной и властной опекой составляла и та сторона жизни Муромцева, которая представлена во второмъ и третьемъ выпускахъ его произведеній, т.-е. дѣятельность его въ юридическомъ обществѣ, и его публицистика, относящаяся къ самому глухому періоду недавней нашей общественности; къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Въ его „письмахъ изъ Москвы" хроника столицы—лѣтопись мѣстной земской жизни, городского самоуправленія, разныхъ формъ общественности—поднята до высоты общерусскихъ вопросовъ. Посильному разрѣшенію ихъ Муромцевъ много послужилъ (говоря словами Гоголя, процитированными въ его рѣчи 26-го апрѣля 1909 г.) „непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя". Эти качества сохранены для потомства въ рѣчахъ и статьяхъ покойнаго.

— Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 г.г. Выпускъ I. Спб., 1910.

Литература мемуаровъ, воспоминаній, автобіографій издавна составляетъ любимый родъ историческаго чтенія для широкой публики. Русская литература можетъ похвалиться нѣсколькими высокохудожественными произведеніями въ этомъ родѣ. Таковы „Семейная хроника" и „Дѣтскіе годы" С. Аксакова, „Былое и Думы" Герцена, „Записки современника" Короленка. Гораздо многочисленнѣе мемуары, лишенные творческой силы воспроизведенія, но тѣмъ не менѣе влекущіе къ себѣ личностью авторовъ, правдивымъ пересказомъ пережитаго и видѣннаго ими. Таковы и воспоминанія И. И. Янжула. Первый

выпускъ ихъ обнимаетъ время отъ поступленія автора, въ 1864-мъ году, въ московскій университетъ до 1887-го года. Читатель не найдетъ здѣсь широкихъ картинъ русской жизни или характеристики умственныхъ теченій въ русскомъ обществѣ за это время. Цѣль автора гораздо скромнѣе: онъ вспоминаетъ лично имъ прожитое и людей, съ которыми приходилось встрѣчаться на жизненномъ пути, вспоминаетъ иногда не безъ мелочей, мало интересныхъ. Но за то этотъ путь рисуется безъ всякой преднамѣренности, какъ настоящій и серьезный *трудовой* путь. Въ этомъ—наиболѣе симпатичная черта воспоминаній г. Янжула. Они даютъ также много данныхъ для характеристики московскаго университета и отдѣльныхъ его представителей. Любопытны страницы, изображающія литературные кружки Москвы начала семидесятыхъ годовъ; въ особенности интересенъ кружокъ, образовавшійся около органа С. Юрьева „Бесѣда“, гдѣ И. И. Янжулъ писалъ подъ именемъ Всеволода Юрганова. Подробно разсказана заграничная жизнь И. И. въ годы приготовленія къ каѳедрѣ и первыхъ ученыхъ трудовъ. Въ послѣдней главѣ идетъ рѣчь о много нашумѣвшей службѣ Янжула въ должности фабричнаго инспектора, въ первые годы существованія фабричной инспекціи. Безъискусственный и благодушный разсказъ живо обрисовываетъ все, что приходилось одолѣвать студенту, желающему посвятить себя наукѣ, затрудненія учащагося за границей (между прочимъ характерны страницы, разсказывающія о бездушно-формальномъ отношеніи къ русскимъ за границей нашихъ посольствъ), терніи, которыя ожидаютъ у насъ ученаго, желающаго примѣнить свои знанія къ живому дѣлу. Изъ отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ говорится на страницахъ книги, назовемъ А. И. Чупрова, Стороженка, Владиміра Соловьева, Писемскаго, Муромцева, Мильгаузена, Боголѣпова.

Ч. В—скій.

— Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Изданіе Товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб., 1910.

Талантливый и многосторонне образованный художникъ-критикъ, послѣ многихъ лѣтъ изученія „Русской Версали“, къ которому онъ привлекъ огромный литературный и архивный матеріалъ, создалъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію искусства XVIII-го вѣка. Съ глубокою любовью къ старому искусству, грандіознымъ памятникомъ котораго является Царское Село, съ увлеченіемъ и изяществомъ стиля, удачно совмѣщающимся съ самой точной и кропотливой документальностью, Ал. Бенуа разсказалъ про золотой вѣкъ Царскаго Села, когда Елисавета Петровна перенесла въ свою любимую резиденцію все созданное европейскимъ искусствомъ середины XVIII столѣтія въ области архи-

тектуры, домовой и садовой, и украшенія жилищъ. Изслѣдованіе Бенуа тѣмъ цѣннѣе, что выдвигаетъ сдѣланное въ елисаветинскій періодъ, тихій и скромный въ сравненіи съ блестящимъ екатерининскимъ царствованіемъ, но безконечно больше давшій архитектурному искусству, въ особенности въ Царскомъ Селѣ. Постройки этой эпохи поражаютъ не столько монументальностью, сколько необыкновенною детальностью украшеній. Отъ разсѣянныхъ въ книгѣ безчисленныхъ снимковъ и рисунковъ трудно бываетъ оторваться. Общую физіономію елисаветинскаго Царскаго авторъ рисуетъ живыми и тонкими чертами. Кокетливый архитектурный стиль, яркія краски, обиліе позолоты, все это придавало Царскому сказочный видъ: „вблизи оно, быть можетъ, шокировало вкусъ, исправленный эстетическими теоріями, но на людей простыхъ и въ особенности на народъ оно производило самое радостное, прямо умилительное впечатлѣніе... Царское Село скоро сдѣлалось популярнѣйшимъ, общеизвѣстнымъ мѣстомъ, и, навѣрное, вызывавшіяся имъ впечатлѣнія сыграли не послѣднюю роль въ окончательной побѣдѣ изящной западной культуры надъ московскимъ варварствомъ. Превосходство Запада здѣсь являлось въ доступной, ясной формѣ и съ оттѣнкомъ того самаго варварства, надъ которымъ праздновалась побѣда“. Тотъ же самый оттѣнокъ варварства окрашивалъ и бытовую придворную жизнь, описанную авторомъ въ особой главѣ— эту смѣсь новой европейской культуры съ застарѣлой азіатчиной, такую странную среди этихъ садовъ и прихотливыхъ дворцовъ, съ „Рафаилами Урбино“ на стѣнахъ.

Авторъ очень позаботился объ украшеніи книги, и съ нимъ эту задачу раздѣлили такіе выдающіеся художники, какъ Е. Е. и Н. Е. Лансере, Альб. Бенуа, Митрохинъ, Сомовъ, Добужинскій, Яремичъ. Изъ украшающихъ царскосельскіе чертоги Елисаветы работъ старинныхъ мастеровъ въ книгѣ переданы произведенія Паоло Веронезе, Ватто, А. П. Брюллова, Дункера, Дж. Б. Скотти, Ротари, Растрелли, Теніерса. Даны виды Царскаго, чертежи, планы, изображенія мебели, бронзы, воспроизведены архитектурныя детали, старинныя гравюры— всего около двухсотъ иллюстрацій въ текстѣ и шестидесяти на отдѣльныхъ листахъ, при чемъ использованы всѣ лучшіе способы воспроизведенія: и фототипія, и автотипія-duplex, и хромолитографія, и геліогравюра, и трехцвѣтная печать. Такія вещи, какъ рисунки Сомова, Е. Лансере, братьевъ Бенуа, проникнуты глубокой исторической интуиціей. Рядомъ съ художникомъ-авторомъ и художниками-иллюстраторами надо поставить типографа-артиста Б. Г. Скамони, вкусъ и старанія котораго сдѣлали изъ книги настоящій шедевръ типографскаго искусства. Съ внѣшней стороны изданіе поражаетъ строгимъ и величавымъ, до мелочей выдержаннымъ единствомъ стиля и непошлой,

серьезной роскошью. Правда, и стоитъ оно дорого (100 руб.), но возможность исполнить такую работу въ Россіи нельзя не счесть отраднымъ фактомъ, и самое существованіе такихъ книгъ у насъ, высоко поднимая типографское дѣло, не можетъ не отразиться вообще на русской книгѣ. Желательно, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ и выпустилъ другую книгу — о Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ и Александрѣ.

— Словарь литературныхъ типовъ. Вып. IV: Грибоѣдовъ. Подъ ред. Н. Д. Носкова. Спб., 1910. Ц. 1 руб.

Это изданіе, ставшее популярнымъ въ качествѣ пособія для школы и для самообразованія (раньше вышли выпуски, посвященные Тургеневу, Гоголю, Лермонтову и С. Аксакову), очень полезно и болѣе широкому читательскому кругу. Всѣ тѣ разбросанныя черты, которыми характеризуютъ тѣ или иные литературные типы ихъ создатели и критики, тщательно суммируются, словно лучи, собранные въ одномъ фокусѣ, и благодаря этому искусственному пріему характеристики пріобрѣтаютъ особенную выпуклость. Составители добросовѣстно стараются давать себѣ самимъ поменьше воли и по возможности говорить о типическихъ обликахъ словами ихъ авторовъ. Такимъ образомъ получаются портреты внѣ ихъ обычной перспективы, оторванные отъ фона, на которомъ ихъ представили ихъ творцы, но тѣмъ не менѣе вѣрные и своеобразно-яркіе. Конечно, пользованіе „словаремъ“ возможно только при условіи знакомства съ его основнымъ матеріаломъ; но именно „словарь“, многое приводя на память и подчеркивая, облегчаетъ читающему дальнѣйшее, болѣе сложное и глубокое усвоеніе тѣхъ или другихъ типовъ. Въ настоящемъ выпускѣ, посвященномъ Грибоѣдову, согласно вообще принятому редакціей методу, находимъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ, съ краткой хронологической „канвой“, исторію созданія его произведеній, ихъ перечень, съ обстоятельными историко-литературными справками, указанія на наиболѣе крупные источники для ихъ изученія, и самый словарь—расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ характеристики созданныхъ авторомъ типовъ, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, „Горе отъ ума“, хотя не забыты и второстепенныя произведенія. Особое вниманіе удѣлено образамъ Чацкаго, Софьи, Фамусова и Молчалина, прекрасно разработаннымъ и по самой комедіи, и по отзывамъ критиковъ. Жаль, что при этомъ составители не обратили вниманія на интересныя статьи И. А. Гриневской: „Оклеветанная дѣвушка“ и „Кого любитъ Софья Павловна?“ („Ежемѣс. Сочиненія“, 1901 г., октябрь и ноябрь). Критическая литература о Грибоѣдовѣ такъ, въ общемъ, невелика, что не

слѣдовало игнорировать эти этюды, въ которыхъ, къ тому же, проводится оригинальный взглядъ на главную героиню „Горя отъ ума“. Мнѣніе г-жи Гриневской о Софьѣ, кое въ чемъ сходящееся съ отзывомъ Гончарова, слѣдовало привести въ качествѣ противовѣса мнѣніямъ Бѣлинскаго и Айхенвальда. Очерчивая Фамусова, составители смѣло могли отбросить поверхностную его характеристику, принадлежащую Незеленову, и вмѣсто нея использовать гораздо болѣе цѣнную статью С. Васильева: „Къ характеристикѣ Фамусова“ („Русск. Обозр.“, 1890, сентябрь). Библіографія могла бы быть нѣсколько распространеннѣе и составлена тщательнѣе. Вмѣсто дорогого и недоступнаго большинству читателей суворинскаго изданія изслѣдованія П. Е. Щеголева объ отношеніяхъ Грибоѣдова къ декабристамъ лучше было бы рекомендовать „грибоѣдовскій“ № „Литерат. Вѣстника“ (1904 г., кн. 2), гдѣ это изслѣдованіе впервые напечатано. Для знакомства съ близкими Грибоѣдову Катенинымъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ слѣдовало рекомендовать также полезную въ библіографическомъ отношеніи работу С. Бертенсона о первомъ и И. А. Кубасова и Б. А. Лезина — о второмъ. Приписанная Пушкину эпиграмма на Булгарина, по поводу его отношеній къ Грибоѣдову: „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь“... принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому; странно говорить о гордомъ и самолюбивомъ Пушкинѣ-юношѣ, что онъ „пристроился“ къ кружку Зеленой Лампы. „Сводъ нарицательныхъ именъ и выраженій“, вошедшихъ въ литературную и повседневную рѣчь изъ „Горя отъ ума“, поражаетъ embarras de richesses: къ „нарицательнымъ“ индивидуально-грибоѣдовскимъ выраженіямъ отнесены такія общія, какъ „бить баклуши“, „будетъ гонка“, „прямой чурбанъ“ или восклицаніе Софьи: „ребячество!“. Но все это мелочи въ сравненіи съ прекраснымъ, въ общемъ, исполненіемъ задачи. Понимая ее съ строгой широтою и требовательностью, составители внимательно прослѣдили всю біографическую литературу о Грибоѣдовѣ, положительно до послѣднихъ дней, и въ рядѣ выдержекъ изъ мемуарной литературы представили „Грибоѣдовскую Москву“—историческій фонъ „Горя отъ ума“. Какъ и другія части „Словаря литературныхъ типовъ“, книга о Грибоѣдовѣ далеко вышла за предѣлы простого справочника и даетъ систематизированный сводъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, полезный для разносторонняго изученія великаго писателя.—Н. Л.

— Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. Спб., 1910.

Этотъ сборникъ статей посвященъ памяти павшаго 5 марта 1908 г., отъ руки убійцы, депутата-трудовика второй Государственной Думы, врача А. Л. Караваева. Онъ составился изъ статей, написанныхъ

подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго событія; но вслѣдствіе „независящихъ обстоятельствъ“, играющихъ столь выдающуюся роль въ нашей жизни, выходъ его въ свѣтъ задержался на цѣлые два года. Не смотря на спѣшность составленія, разсматриваемое изданіе ярко рисуетъ любвеобильную и преданную народу личность Караваева; а такъ какъ послѣдній отличался, вмѣстѣ съ тѣмъ, незаурядной энергіей и становился въ центрѣ прогрессивной общественной работы того мѣста, куда его забрасывала судьба, то описаніе дѣятельности Караваева можетъ служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріаломъ для новѣйшей исторіи нашей общественности. А. Л. Караваевъ принадлежалъ къ тому общественному направленію, которое именуется у насъ народничествомъ. Онъ выступилъ—еще студентомъ—на арену общественной дѣятельности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ того какъ русская молодежь сдѣлала первый опытъ массоваго сближенія съ народомъ, съ цѣлью подвинуть его на революціонныя выступленія, испытала въ этомъ неудачу, остановилась передъ вопросомъ о путяхъ болѣе длительнаго и прочнаго вліянія на массы—и выступила затѣмъ на путь прямой, насильственной борьбы съ властью. Караваевъ твердо усвоилъ основную практическую идею народничества семидесятыхъ годовъ — идею о томъ, что политическое и экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ только рукъ самого народа, а задача интеллигенціи заключается въ пробужденіи народныхъ массъ и подготовленіи ихъ къ выполненію великаго дѣла. Не испытавъ очарованія и разочарованія своихъ старшихъ единомышленниковъ въ практическомъ примѣненіи этой идеи, онъ не поддался и тому психическому настроенію, которое толкало энергичныхъ дѣятелей народничества конца 70-хъ годовъ на путь непосредственной борьбы; онъ не уклонился отъ основной усвоенной имъ идеи и сталъ только искать новыхъ формъ и путей просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ. По натурѣ своей Караваевъ не могъ поработиться догмѣ партіи и узкой политикѣ. Онъ былъ также слишкомъ реалистъ для того, чтобы ожидать — при обстановкѣ того времени—прочныхъ успѣховъ отъ подпольной дѣятельности по организаціи народныхъ массъ. Родившись въ крестьянской семьѣ, не разрывая съ народомъ и въ годы своего ученія, онъ хорошо позналъ его жизнь, горе и страданія, „научился понимать народъ, не идеализируя его, и, видя всѣ темныя стороны, полюбилъ его той глубокой любовью, которой не измѣнилъ до конца дней своихъ“. Любовь къ ближнему составляла вообще характерную черту покойнаго, а любовь такой энергичной и дѣятельной натуры не могла не вести къ попыткамъ облегчить горе и нужду, которыя такъ били въ глаза всякому, соприкасающемуся съ бытомъ трудящихся массъ.

Указанными выше чертами предопредѣлялся характеръ общественной дѣятельности Караваева. Онъ начиналъ съ того, что приходилъ къ народу со средствами медицинскаго пособія, продолжалъ тѣмъ, что становился утѣшителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ окружающихъ въ ихъ горѣ и нуждахъ, а заканчивалъ организаціей мѣстной интеллигенціи, а по возможности и крестьянъ или рабочихъ (смотря по мѣсту жительства), для систематической помощи нуждающимся и для культурно-просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ, удовлетворяя этимъ въ предѣлахъ возможнаго одновременно и своимъ филантропическимъ чувствамъ, и завѣтной идеѣ просвѣщенія народа, развитія его самосознанія и самодѣятельности, какъ предварительнаго условія осуществленія идеи освобожденія народа усиліями самого народа. „На культурно-просвѣтительную дѣятельность и свое участіе въ ней онъ всегда смотрѣлъ, какъ на одно изъ средствъ къ политическому просвѣщенію массъ".

Такова была дѣятельность Караваева въ годы безвременья и политической спячки русскаго общества. Отъ подготовительныхъ мѣръ онъ переходилъ къ прямой политической работѣ, когда въ обществѣ возникали соотвѣтствующія стремленія. Онъ принималъ участіе въ „Союзѣ Освобожденія", находился во главѣ общественныхъ выступленій въ Екатеринославѣ въ 1904 и 1905 гг., стараясь въ то же время войти въ близкія отношенія съ деревней, а когда на арену политическихъ исканій выступили крестьяне, сдѣлался дѣятельнымъ членомъ крестьянскаго союза. Послѣ октябрьскихъ событій ему пришлось оставить Екатеринославъ; время первой Государственной Думы онъ провелъ въ Петербургѣ, принимая дѣятельное участіе въ организаціи и работахъ трудовой группы. При выборахъ во вторую Думу, проходившихъ въ Екатеринославѣ при болѣе свободныхъ внѣшнихъ условіяхъ, онъ былъ намѣченъ кандидатомъ и избранъ въ депутаты голосами интеллигентныхъ и демократическихъ круговъ этого города. Послѣ роспуска второй Думы, осенью 1907 г., мы находимъ А. Л. Караваева опять въ Екатеринославѣ, за той же просвѣтительной работой, которой была посвящена вся его жизнь. Политическое значеніе этой просвѣтительной работы было хорошо понято не только друзьями, но, увы, и темными врагами новаго порядка вещей. Черныя души давно намѣтили Караваева, какъ своего злѣйшаго врага, и грозили ему смертью. Караваевъ вѣрилъ въ эту угрозу и, отправляясь вечеромъ по воскреснымъ днямъ въ поселокъ Амуръ для чтенія лекцій просившимъ его о томъ рабочимъ, высказывалъ предположеніе, что, быть можетъ, ему и не вернуться назадъ живымъ. Угроза была приведена въ исполненіе: Караваевъ погибъ отъ пули. Ни онъ самъ, ни другіе не сомнѣвались, что черный замыселъ зародился въ средѣ „союзниковъ". Новѣйшія данныя,

повидимому, подтверждаютъ это предположеніе; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ имѣть увѣренности въ томъ, что дѣло, возбужденное родственниками убитаго, пройдетъ всѣ полагающіяся по закону стадіи и что участіе черной организаціи въ политическихъ убійствахъ будетъ еще разъ доказано судебнымъ разбирательствомъ.—В. В.

— П. Г. Виноградовъ, профессоръ Оксфордскаго и Московскаго Университетовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ. Изданіе А. А. Карцева. Москва, 1910.

Новая книга проф. П. Г. Виноградова посвящена одному изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ исторіи. Рецепція римскаго права въ западной Европѣ, вторичная жизнь права, не павшаго съ древнимъ Римомъ, не погребеннаго подъ его развалинами, мощнаго въ своемъ послѣдующемъ вліяніи—проблема, давно уже привлекавшая вниманіе изслѣдователей, какъ юристовъ, такъ и историковъ. Внимательному изученію и пытливой критикѣ подвергались источники; появлялись и появляются спеціальныя работы, посвященныя тому или другому отдѣльному вопросу; возникали ученые споры и контроверзы; дѣлались и попытки общихъ построеній, бо̀льшая ихъ часть теперь уже устарѣла. За послѣднее время открыты и новые источники, выяснились новыя исходныя точки зрѣнія; но дать общій очеркъ рецепціи римскаго права, стоящей на современномъ научномъ уровнѣ, представляло задачу нелегкую и отвѣтственную. Новый трудъ проф. Виноградова блестяще выполняетъ эту задачу. Исчерпывающая эрудиція въ области исторической и историко-правовой литературы, глубина и тонкость медіэвиста-аполитика, широкій размахъ историка сравнительнаго права, строгая форма и логичность юриста, общія перспективы историка культуры—все это счастливо сочетается въ проф. Виноградовѣ. Какъ и предыдущія его работы, книга о рецепціи римскаго права въ средніе вѣка займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ.

Въ основу книги легли лекціи, читанныя по приглашенію Лондонскаго университета и первоначально появившіяся на англійскомъ языкѣ (см. нашъ обзоръ исторической литературы въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы“). Первая лекція трактуетъ объ упадкѣ римскаго права. Здѣсь авторъ даетъ яркую картину конца римской имперіи, когда сначала просачивавшіеся, а затѣмъ хлынувшіе мощной волною чужеземные элементы разрушили римскій міръ. Римское право подвергалось искаженіямъ и произвольнымъ интерпретаціямъ въ варварскихъ государствахъ. Проф. Виноградовъ подробно останавливается на римскомъ законѣ вестготовъ (Breviarium Alaricianum) и на рэ-

тійской кодификаціи—Lex Romana Curiensis, въ которыхъ отразились характерныя черты постепеннаго паденія римскаго права. Переходя къ правовымъ обычаямъ ранняго средневѣковья, авторъ отмѣчаетъ непрерывающееся существованіе отрывочныхъ и искаженныхъ нормъ, заимствованныхъ болѣе или менѣе непосредственно изъ римской правовой системы; это положеніе иллюстрируется рядомъ примѣровъ изъ исторіи франковъ, готовъ и лангобардовъ. Во второй лекціи даются основные моменты возрожденія юриспруденціи, закончившагося пышнымъ расцвѣтомъ Болонской школы. Изъ предшественниковъ Болонскаго возрожденія отмѣчены представители южно-французской юриспруденціи („Exceptiones Petri"), ломбардскіе юрисконсульты и ученые Равеннской школы. Особенно подробно характеризуется великая Болонская школа, при чемъ авторъ все время вскрываетъ историческую почву расцвѣта итальянскаго правовѣдѣнія. Третья, четвертая и пятая лекціи посвящены рецепціи римскаго права во Франціи, Англіи и Германіи. Въ отдѣлѣ, отведенномъ Франціи, особенно интересенъ анализъ недавно-открытаго южно-французскаго памятника „Lo Codi", составленнаго для провансальскихъ судей и являющагося наиболѣе любопытнымъ вкладомъ Франціи въ возрожденіе римскаго права. Главное мѣсто въ третьей лекціи занимаетъ Бомануаръ, знаменитый французскій юристъ—составитель „Coutume de Beauvaisis". Проф. Виноградовъ подробно останавливается на отношеніи Бомануара къ римскому праву и способѣ пользованія имъ. Въ главѣ о римскомъ правѣ въ Англіи блестящъ и остроуменъ разборъ юридическаго ученія Брантона, въ твореніяхъ котораго проф. Виноградовъ раньше открылъ много новаго (въ „Villainage in England" и въ статьѣ о текстѣ Брантона въ первой книжкѣ „Law Quarterly Review"). Въ лекціи о римскомъ правѣ въ Германіи разсмотрѣны своеобразныя проявленія воспріятія римскаго права въ нѣмецкихъ земляхъ. Германская разновидность рецепціи даетъ характернѣйшій образецъ мощнаго значенія правового фактора, круто измѣнившаго къ худшему соціальное положеніе низшихъ классовъ (крестьянская оппозиція юристамъ: Juristen sind böse Christen).—И. Бороздинъ.

— І. М. Кулишеръ. „Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы". Изданіе второе. 1910 г.

Существуетъ значительное число курсовъ всеобщей исторіи, и въ то же время нѣтъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ работы, которая охватывала бы исторію хозяйственнаго быта Европы. Дѣло въ томъ, что экономическая сторона жизни народовъ стала разрабатываться лишь недавно. До послѣдняго времени историки занимались, глав-

нымъ образомъ, политическими учрежденіями, юридическимъ бытомъ, состояніемъ литературы, искусства, науки. Объ экономическихъ явленіяхъ они говорили лишь мимоходомъ, отрывочно, какъ бы не считая ихъ важными для пониманія хода человѣческой жизни. Правда, были глубокіе мыслители, какъ Лэнге въ концѣ XVIII ст., Сенъ-Симонъ въ началѣ XIX, высказывавшіе, что экономическая сторона общественной жизни—самая главная, что ею, по преимуществу, обусловливаются и политическія учрежденія, и юридическій бытъ, и нравы, понятія, идеи, а слѣдовательно литература и искусство. Но эти мысли долго находили мало послѣдователей. Лишь труды Штейна, Маркса и Энгельса дали сильный толчокъ къ ихъ распространенію, За послѣднее время разработка экономической исторіи ведется весьма энергично. Собираются матеріалы, появляется большое число монографій, изслѣдующихъ ту или другую область хозяйственной жизни или экопомическую жизнь вообще того или другого отдѣльнаго народа. Все это позволяло ожидать появленія общаго курса экономической исторіи. И такой курсъ явился. І. М. Кулишеръ напечаталъ прочитанныя имъ въ Петербургскомъ университетѣ „Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы“. За разошедшимся, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, первымъ изданіемъ книги потребовалось второе. Авторъ даетъ общій обзоръ экономическаго развитія западной Европы со времени жизни германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ — германцевъ эпохи Цезаря и Тацита—и заканчиваетъ характеристикой хозяйственнаго строя наканунѣ великой французской революціи. Наиболѣе полно и обстоятельно разработана экономическая исторія Германіи и Англіи. Хозяйственная эволюція въ романскихъ странахъ—Франціи, Италіи и Испаніи—изложена съ достаточной полнотой лишь со времени образованія городского хозяйства, т.-е. съ XIII-го вѣка. Намъ кажется, что автору слѣдовало бы дать очеркъ тѣхъ хозяйственныхъ порядковъ IV-го и V-го вѣковъ, какіе находили германцы, поселяясь въ Римской имперіи, а также обратить бо̀льшее вниманіе на выясненіе взаимодѣйствія германскихъ и римскихъ хозяйственныхъ укладовъ.—И. Иванюковъ.

— Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. 1910 г. Т. I-й: Старый порядокъ и революція.

Книга г. Борового представляетъ собою обширное изслѣдованіе вопроса, о которомъ, повидимому, писано было уже немало и который все же не исчерпанъ. Она потребовала отъ молодого ученаго многолѣтнихъ занятій въ Національной библіотекѣ Парижа; они производились на моихъ глазахъ и, какъ видно изъ самаго сочиненія, коснулись многихъ смежныхъ вопросовъ.

Первый томъ свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора въ новѣйшей литературѣ по исторіи французской революціи; она въ рѣдкихъ случаяхъ выходитъ за предѣлы самой этой литературы; тѣмъ не менѣе надо сказать, что для одного вида матеріаловъ, а именно для наказовъ 89 г., какъ и для дебатовъ Учредительнаго Собранія, г. Боровой сдѣлалъ отступленіе отъ своего правила держаться литературной обработки предмета. Онъ обратился къ изслѣдованію источниковъ первыхъ рукъ, но, разумѣется, только обнародованныхъ, а не рукописныхъ; послѣднее вышло бы за предѣлы тѣхъ разумныхъ требованій, какія можно поставить не мѣстному изслѣдователю, строго отмежевавшему ту частную сферу, въ которой онъ намѣренъ выступить во всеоружіи знаній, а историку личной свободы во Франціи, имѣющему въ виду обнять вопросъ во всѣхъ его взаимоотношеніяхъ съ общимъ ходомъ общественныхъ и политическихъ событій и притомъ на разстояніи не одного—двухъ лѣтъ, а ряда десятилѣтій. Пробѣгая длинный списокъ сочиненій, прочитанныхъ авторомъ, и провѣряя дѣлаемыя имъ ссылки, приходишь къ заключенію, что имъ едва ли упущено что-либо существенное въ той обширной литературѣ, какую вызвало во Франціи съ одной стороны оживленіе интереса къ вопросамъ туземнаго права, а съ другой—спеціальная разработка по документамъ общественной, политической и правовой стороны великаго переворота, послѣдствіемъ котораго было полное обновленіе страны. Если сравнивать книгу г. Борового съ обычнымъ типомъ диссертацій, какъ онъ сложился одинаково и въ Германіи, и во Франціи, то нельзя не придти къ тому заключенію, что она нимало не отвѣчаетъ представленію объ ученической работѣ, пробѣ пера выступающаго впервые передъ публикой изслѣдователя, а является обширнымъ разсужденіемъ историко-догматическаго характера, въ основу котораго положено рѣдкое знакомство съ литературой какъ по предмету, которому оно непосредственно посвящено, такъ и по всей той эпохѣ, среди которой происходитъ развитіе изучаемыхъ теорій и учрежденій. Какъ ни разнообразна начитанность автора, но, разумѣется, и къ нему можетъ быть предъявлено обычное возраженіе о неполнотѣ списка работъ по затронутымъ имъ вопросамъ. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ его темъ, разбираемую въ первомъ томѣ. На страницахъ 66 и слѣд. поднятъ вопросъ о знаменитыхъ lettres de cachet; изъ ссылокъ видно, какъ обстоятельно авторъ познакомился съ этимъ предметомъ, не лишеннымъ и теперь жизненнаго интереса, если не во Франціи, то въ Россіи—и все же авторъ не все прочелъ и не все цитировалъ изъ имъ прочитаннаго. Прочелъ ли онъ прекрасныя статьи, написанныя, на основаніи источниковъ первыхъ рукъ, моимъ учителемъ Бутарикомъ, покойнымъ профессоромъ школы хартій въ Па-

рижѣ? Результаты его изслѣдованія сообщались намъ на лекціяхъ и тутъ же демонстрировались представленіемъ самыхъ документовъ, т.-е. тѣхъ lettres de cachet, на основаніи которыхъ послѣдовало задержаніе столькихъ духовныхъ вождей Франціи, а рядомъ съ этимъ сыновей-расточителей, оскорбителей семейной чести и всякаго рода проходимцевъ? Можно думать, что авторъ не прочелъ этихъ статей, но въ этомъ, разумѣется, полъ-бѣды, такъ какъ то, что̀ въ нихъ новаго—проникло въ послѣдующую литературу. По этому поводу не могу воздержаться отъ желанія отмѣтить всю неосновательность обычнаго пріема критики, пускаемаго въ ходъ по отношенію къ магистерскимъ диссертаціямъ. Отъ нихъ, согласно закону и установившейся практикѣ, можно требовать обстоятельнаго знакомства съ предметомъ. Подъ это понятіе подводится запросъ на прочтеніе авторомъ всего написаннаго раньше его по затронутымъ имъ темамъ. Въ большинствѣ случаевъ это оказывается неосуществимымъ, да и безполезнымъ, такъ какъ всякое новое изслѣдованіе обыкновенно включаетъ въ себя результаты предыдущихъ. Еслибы книга была посвящена детальному освѣщенію какого-нибудь тѣсно ограниченнаго вопроса, еще можно бы было настаивать на прочтеніи всего относящагося къ предмету, т.-е. столько же источниковъ первыхъ рукъ, сколько монографій и статей въ научныхъ журналахъ. Но возможно ли это въ обширныхъ разсужденіяхъ, дающихъ отвѣты на рядъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый во Франціи или Германіи послужилъ бы темой для самостоятельной диссертаціи. Нѣтъ другого выбора, какъ или требовать отъ диссертанта изслѣдованія по мелкому вопросу, ограниченнаго тѣсными рамками опредѣленной эпохи и мѣстности, или отказаться отъ обычнаго пріема нападенія на неполноту использованной имъ литературы и разсматривать его разсужденіе съ точки зрѣнія обоснованности выводовъ и логической зависимости ихъ другъ отъ друга.

Становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія, можно придти къ тому заключенію, что въ первомъ томѣ авторъ всесторонне освѣтилъ вопросъ о такъ называемыхъ lettres de cachet. На страницѣ 107 онъ подводитъ итогъ всему сказанному имъ ранѣе и говоритъ: „lettres de cachet были широко распространенной формой административнаго ареста, сохранившагося во Франціи и по сію пору, хотя, конечно, въ иныхъ формахъ и иныхъ размѣрахъ. Lettres de cachet исторгали преступника изъ рукъ судьи и отдавали его въ руки вездѣсущей администраціи. Административныя взысканія, по единодушному отзыву современниковъ, были несравненно мягче безжалостныхъ приговоровъ судовъ старой монархіи. Поэтому на lettres de cachet смотрѣли нерѣдко какъ на знакъ особой королевской милости, такъ какъ они

позволяли смягчить наказаніе". Что на такую точку зрѣнія становились современники, авторъ доказываетъ, ссылаясь на отзывы такихъ лицъ, какъ Люсэ, сказавшій, что въ эпоху жестокаго, безчеловѣчнаго законодательства lettre de cachet давала возможность смягчить наказаніе для лицъ скорѣе слабыхъ, чѣмъ преступныхъ. Чѣмъ-то знакомымъ звучитъ для насъ заявленіе, къ которому нерѣдко прибѣгали власти стараго порядка. Въ слѣдственномъ матеріалѣ нѣтъ, молъ, уликъ, чтобы преслѣдовать обвиняемаго въ уголовномъ порядкѣ, но не мѣшало бы посадить его въ тюрьму, испросивъ для этого lettre de cachet. Параллели съ современностью такъ и навязываются, но авторъ тщательно избѣгаетъ ихъ, желая придать своему сочиненію характеръ объективнаго, научнаго изслѣдованія.

Г. Боровой вполнѣ даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что по вопросу о lettres de cachet далеко не сказано послѣднее слово. Имѣется, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ писателей, представленіе, что рядомъ съ именными указами о задержаніи имѣлись и такіе, въ которыхъ имя задержаннаго не прописывалось (lettres de cachet en blanc). Лицо, получившее отъ начальства такого рода приказъ, могло подвергнуть задержанію любого человѣка по собственному его выбору. Спрашивается, насколько распространена была такая система, граничащая съ полнымъ произволомъ. Г. Боровой съ научной добросовѣстностью говоритъ, что разрѣшеніе вопроса представляетъ серьезныя трудности въ виду незначительности и сомнительной достовѣрности матеріала, съ которымъ приходится оперировать (стр. 96). Онъ справедливо замѣчаетъ на стр. 98: „можно ли говорить о широкой распространенности „бланкетныхъ" приказовъ, если архивъ учрежденія, спеціально вѣдавшаго всѣ дѣла по lettres de cachet, не могъ зарегистрировать ни одного случая пользованія ими"? Такимъ учрежденіемъ одинъ изъ изслѣдователей вопроса, Функъ-Брентано, считаетъ Бастилію. Чтобы опредѣлить удѣльный вѣсъ только что упомянутаго мнѣнія, г. Боровой задается послѣдовательно вопросомъ: можно ли искать именно въ бастильскомъ архивѣ такихъ бланкетныхъ приказовъ о задержаніи, и приходитъ къ отрицательному выводу, что̀, разумѣется, въ концѣ концовъ колеблетъ положеніе тѣхъ, кто отрицаетъ самый фактъ существованія lettres de cachet en blanc. Не обходя ни одного сомнѣнія и дѣлая посильныя попытки къ ихъ разрѣшенію, авторъ не обольщается мыслью о прочной установленности своего окончательнаго вывода: „вопросъ о томъ, какъ часто прибѣгали къ lettres de cachet en blanc, остается неразрѣшимымъ; на него можетъ отвѣтить только разработка матеріаловъ въ провинціальныхъ архивахъ". Свое заключеніе авторъ излагаетъ въ условной формѣ: считая фактъ существованія lettres de cachet en blanc вполнѣ доказаннымъ, онъ въ то же время признаетъ

голословнымъ то утвержденіе, что они доступны были всѣмъ и каждому, такъ какъ ими производима была торговля. И это положеніе поддерживается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній, свидѣтельствующихъ о большой осторожности г. Борового и его желаніи держаться въ рамкахъ того матеріала, который имѣется въ рукахъ изслѣдователя, и никогда не утверждать ничего, что̀ бы не находило себѣ положительнаго подтвержденія въ этомъ матеріалѣ.

Я потому и остановился съ нѣкоторой подробностью на вопросѣ о lettres de cachet, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ доселѣ высказываются рѣзко противоположныя воззрѣнія. Авторъ не счелъ возможнымъ присоединиться прямо къ тому или иному изъ нихъ и сохранилъ полную научную самостоятельность.

Я не имѣю, конечно, возможности слѣдить за его выкладками шагъ за шагомъ; перейду прямо къ вопросу, что̀ сдѣлано было для обезпеченія личной свободы учредительнымъ собраніемъ 1789 г. Объ этомъ вопросѣ писано было немало. Изъ общихъ трактатовъ по конституціонному праву Франціи Росси и Рихтеръ, можетъ быть, дали наиболѣе полные отчеты всего, что по этому предмету высказано было дѣятелями 1789 г. Но и ихъ работа является менѣе полной, чѣмъ произведенная русскимъ изслѣдователемъ. Я поставлю ему въ заслугу, что въ сочиненіяхъ современниковъ и непосредственныхъ предшественниковъ революціи онъ счелъ нужнымъ искать выраженія постепенно сложившихся взглядовъ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ окончательное рѣшеніе выпало на долю Конституанты. Расширяя свою задачу, авторъ, можетъ быть, напрасно останавливается съ такой подробностью на событіяхъ, предшествовавшихъ созыву генеральныхъ штатовъ; это придаетъ меньшую цѣльность его сочиненію, но легко объясняется тѣмъ, что на этомъ періодѣ съ меньшей подробностью останавливались русскіе писатели, въ томъ числѣ и я, въ сочиненіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ сторонамъ французской революціи. За послѣднее время было обнародовано много матеріаловъ и появилось много монографій, касающихся этой эпохи, и я вполнѣ объясняю себѣ желаніе молодого ученаго затянуть свою работу и пожертвовать личными интересами съ цѣлью подарить читателя любопытными главами, посвященными періоду мало затронутому еще, по крайней мѣрѣ русскими изслѣдователями. И въ этомъ отдѣлѣ выступаетъ большая начитанность автора; она, можно сказать, является роскошью для такого историко-юридическаго изслѣдованія, какимъ по самому своему предмету должна быть „Исторія личной свободы во Франціи“. Но эти главы, которыхъ могло бы и не быть въ работѣ, привлекутъ къ ней многихъ читателей: такъ интересно и полно изложены событія, предшествовавшія наступленію освободительнаго движенія и непо-

средственно его подготовившія. Авторъ пользуется нерѣдко не только монографической литературой, но и политическими брошюрами послѣдней четверти XVIII вѣка, хранимыми въ Національной библіотекѣ (см., напр., стр. 188). Мемуары этого времени изучены имъ съ большой обстоятельностью и провѣрены сопоставленіемъ приводимыхъ ими данныхъ съ свидѣтельствами, отличающимися менѣе субъективнымъ характеромъ. Если автору можетъ быть сдѣланъ какой-нибудь упрекъ, то не въ недостаткѣ, а скорѣе въ излишествѣ того, что имъ сдѣлано при изображеніи ближайшей обстановки, среди которой развернулась законодательная дѣятельность французскихъ учредителей по вопросу о гарантіяхъ личной свободы. Очевидно, интересъ событій, имъ описываемыхъ, былъ такъ великъ, что авторъ не могъ освободиться отъ нѣкотораго увлеченія и отвелъ имъ бо̀льшее число главъ и страницъ, чѣмъ это дѣлается обычно въ книгахъ, подобныхъ его собственной. Если первая глава второго отдѣла могла бы быть короче безъ ущерба для всего сочиненія, то слѣдующая за ней не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека въ излишнемъ развитіи темы.

Рѣчь въ ней идетъ о тѣхъ указаніяхъ, какія законодатели Франціи могли найти при рѣшеніи вопроса о гарантіяхъ личной свободы въ наказахъ своихъ избирателей. Исчерпывающаго вопросъ изложенія нельзя найти ни въ одномъ сочиненіи, посвященномъ разбору наказовъ, хотя бы уже потому, что не проходитъ не только года, но, можно сказать, мѣсяца, чтобы литература по этому вопросу не обогатилась изданіемъ не столько новыхъ монографій, сколько сырого матеріала по этому вопросу. По приблизительному разсчету число приходскихъ наказовъ не менѣе 30.000; нужно ли говорить, что еще не всѣ они обнародованы? Съ тѣхъ поръ, какъ къ этому дѣлу привлечено министерство народнаго просвѣщенія во Франціи и государственный бюджетъ покрываетъ связанныя съ нимъ издержки, нѣсколько десятковъ толстыхъ и тонкихъ томовъ прибавилось къ ранѣе изданнымъ, и все же дѣло далеко еще не приблизилось къ концу. Можно сказать, что г. Боровой не использовалъ всего этого матеріала, и этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, еслибы его работа была посвящена исключительно вопросу о томъ, какъ понимаютъ наказы 1789 г. природу и средства обезпеченія личной свободы. Впрочемъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ болѣе близкое знакомство съ тѣми наказами, которые вышли изъ приходовъ, едвали бы много прибавило къ тому солидному матеріалу, какой накопленъ въ этой главѣ г. Боровымъ. Дѣло въ томъ, что когда составители этихъ документовъ говорятъ о необходимости ввести во Франціи англійскую систему Habeas Corpus, они только воспроизводятъ готовые образцы, присланные имъ изъ столицы. Французскій крестьянинъ, разумѣется,

еще мало разбирался въ этихъ вопросахъ, и все, что было сказано дѣльнаго на этотъ счетъ, принадлежитъ тѣмъ составителямъ наказовъ отъ бальяжей и сенешоссей, которые вербовались изъ среды пишущей братіи, адвокатовъ или тѣхъ членовъ судебно-служилаго дворянства, которые были извѣстны въ то время подъ названіемъ „nobles de robe". Эти общіе наказы отпечатаны съ достаточной полнотою и въ сборникѣ Лорана и Мовидаля, которымъ главнымъ образомъ пользовался г. Боровой; но при пользованіи этимъ сборникомъ онъ никогда не терялъ изъ виду тѣхъ совѣтовъ, какіе заключаетъ въ себѣ по адресу изслѣдователей превосходная работа Бретта и служащая солиднымъ дополненіемъ къ ней монографія русскаго изслѣдователя Ону. Ссылками на нихъ покрыты страницы, входящія въ составъ этой второй главы. Слѣдуя Бретту, г. Боровой пользуется съ большой осторожностью тѣмъ матеріаломъ, какой даютъ ему наказы, и, можетъ быть, относится къ нимъ съ чрезмѣрнымъ скептицизмомъ. Совпаденіе требованій, заявленныхъ наказами разныхъ бальяжей по отношенію къ реформамъ, связаннымъ съ личной свободой и ея гарантіей, разумѣется, не всегда вызываемо было списываніемъ готовыхъ образцовъ, а иногда и единствомъ установившейся на этотъ счетъ доктрины. Съ 245-ой страницы г. Боровой переходитъ къ ознакомленію съ самымъ содержаніемъ тѣхъ требованій, какія наказы заключаютъ въ себѣ по интересующему автора вопросу, и на стр. 248-ой справедливо говоритъ, что наказы были вѣрнымъ снимкомъ ходячихъ въ то время взглядовъ; но онъ прибавляетъ, что сами эти взгляды въ достаточной степени расходились между собою; этимъ объясняется, что хотя центральное мѣсто въ изложеніи требованій и занимаетъ недовольство lettres de cachet, но многіе наказы, особенно дворянскіе, говорятъ о возможности примѣненія ихъ и въ будущемъ къ цѣлому ряду случаевъ; то, что было ненавистнымъ произволомъ для однихъ—замѣчаетъ онъ,—то сохраняло силу для другихъ, и это утвержденіе подкрѣпляется затѣмъ выписками изъ цѣлаго ряда наказовъ; выписки же эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ существованія серьезнаго разномыслія. Другой вопросъ, не менѣе часто поднимаемый наказами,—вопросъ объ установленіи законныхъ формъ ареста,—разрѣшается этими документами различно, и тѣмъ не менѣе можно придти къ тому заключенію, что въ большинствѣ мѣстностей Франціи законными поводами для ареста и заключенія наказы признаютъ лишь судейскій приказъ и поимку преступника на самомъ мѣстѣ преступленія (стр. 253).

Авторъ умѣетъ, такимъ образомъ, разобраться въ рядѣ противорѣчивыхъ, повидимому, заявленій и указать если не общую, то преобладающую тенденцію. Первый томъ заключаетъ въ себѣ разборъ

созидательной дѣятельности только первыхъ двухъ законодательныхъ собраній эпохи революціи—Учредительнаго и Законодательнаго. Авторъ сообщаетъ много интересныхъ подробностей о томъ, какъ возникла „Декларація правъ человѣка и гражданина“, каковы были близкіе и отдаленные ея предки. Въ спорѣ между Еллинекомъ и Бутми по этому вопросу онъ, повидимому, не присоединяется всецѣло ни къ одному изъ предложенныхъ рѣшеній и приходитъ къ тому выводу, что французская Декларація впитала въ себя множество историческихъ струй, чѣмъ объясняется и пестрота ея содержанія, и несомнѣнныя противорѣчія. Эта точка зрѣнія близка къ той, какую мнѣ приходилось защищать неоднократно; я готовъ принять и то, что г. Боровой говоритъ на 293 стр. своей книги: „она (Декларація) была компромиссомъ между признаніемъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ личности и идеей народнаго суверенитета“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ показываетъ, въ какой мѣрѣ обѣщанія Декларацiи приведены въ исполненіе конституціей 1791 г., и указываетъ существенные пробѣлы новаго законодательства. Очевидно, мы не имѣемъ возможности слѣдовать за нимъ въ этой части его книги; мы можемъ лишь отмѣтить и полноту передачи имъ не только законовъ, но и правительственныхъ инструкцій, и правильность общаго вывода, что „конституанта была на высотѣ своей задачи, разрушая старое, но что ей не подъ силу оказалось созиданіе новаго“ (стр. 355).

Справедливъ, не смотря на свою суровость, и выводъ автора по отношенію къ смѣнившему конституанту Законодательному Собранію. Онъ гласитъ буквально слѣдующее: „казалось, легислатива должна была облечь въ плоть и кровь начала, завѣщанныя конституантой, и утвердить на прочныхъ основаніяхъ гарантіи личной свободы; на дѣлѣ вышло иначе: мы не только не знаемъ новаго законодательства, которое обратило бы наконецъ слова декларацiи въ реальную дѣйствительность, но видимъ, наоборотъ, какъ легислатива фактически отмѣняетъ декларацію рядомъ чрезвычайныхъ законовъ, лишающихъ свободу всякихъ дѣйствительныхъ гарантій“ (стр. 468).

Трудно заподозрить автора въ сентиментальномъ или принципіальномъ пристрастіи къ революціоннымъ палатамъ. Слѣдуя несомнѣнному призванію историка—давать объясненія столько же неудачамъ, сколько и успѣхамъ, — авторъ указываетъ затѣмъ причины неудачи, говоря: „легислатива жила въ атмосферѣ борьбы и ненависти; она была несвободна, ею руководила улица, руководили партіи и клубы, руководили трибуны; ея законодательныя мѣропріятія не могутъ быть, поэтому, приравнены къ спокойной органической работѣ“.

Почти 500 страницъ потребовалось г. Боровому для обоснованія всѣхъ этихъ положеній, и притомъ страницъ, которыя точнѣе можно назвать in quarto, чѣмъ in octavo; казалось бы, что, исполнивъ такой трудъ, авторъ въ правѣ былъ представить его въ любой юридическій факультетъ для полученія степени магистра, но авторъ счелъ нужнымъ продолжить свою работу и присоединить новый томъ къ прежнему. До поры до времени мы воздержимся отъ оцѣнки этого второго и самостоятельнаго сочиненія; оно заслуживаетъ такого же внимательнаго отношенія, какъ и разсмотрѣнная уже нами книга.

Г. Боровой влагаетъ въ свои сочиненія немало труда и старается въ то же время придать самому разсказу легкую и увлекательную форму; мы не сомнѣваемся, поэтому, въ успѣхѣ автора и въ широкомъ распространеніи его дѣльной и полезной монографіи. — Максимъ Ковалевскій.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовичъ, Н. Я.—Художники и мыслители. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Аданъ, Поль.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. Декорація жизни. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Александрова, О. Н.—Борьба жизни со смертью. Вып. V и VI. Спб., 1910 г. Цѣна выпуска 40 коп.

Амфитеатровъ, А. В.—Княжна. Романъ-хроника. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Жаръ-птица. Фантастическій романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Антоновъ, Н. Р., священникъ.—Храмъ Божій и церковныя службы. Учебникъ богослуженія для средней школы. Спб., 1910 г. Цѣна 90 коп.

Ауэрбахъ, Ф.—Эктролизмъ или физическая теорія жизни. Перев. съ нѣм. І. М. Бикермана. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Барацъ, Г. М.—Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Барашковъ, С. А.—Паспортъ. Драма изъ народнаго быта. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Березинъ, Н. И.—Персія. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

——— Уралъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Благовидовъ, Ѳ. В., проф.—Отчетъ о состояніи Тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за первый (1909—1910) учебный годъ. Тифлисъ, 1910 г.

Богдановъ, А., и *Степановъ*, И.—Курсъ политической экономіи. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Богородицкій, В. А.—Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань, 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Общій курсъ русской грамматики. Казань, 1907 г. Цѣна 2 р.

——— Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія. Казань, 1909 г. Ц. 1 р.

——— Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань, 1910 г. Цѣна 2 р.

——— Сравнительно-грамматическій комментарій къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Вып. I. Санскритъ. Казань, Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Брюсовъ, Валерій.—Земная ось. Изд. 2-е. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 20 к.

Бузескулъ, В., проф.—Историческіе этюды. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

——— О лекціяхъ В. Ф. Цыха, проф. Харьковскаго университета въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Харьковъ, 1910 г.

Бѣлый, Андрей.—Лугъ зеленый. Книга статей. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Бѣльскій, С.—Новая земледѣльческая Россія. Очерки землеустройства. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вагнеръ, Владиміръ.—Біологическія основанія сравнительной психологіи. Томъ I. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Вагнеръ, А.—Новый курсъ въ біологіи. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Вознесенскій, Н., прот.—Анатэма. Разборъ трагедіи Л. Андреева. Благовѣщенскъ. 1910 г. Цѣна 30 коп.

Галуновъ, Александръ. — Сосуды скудельные. Трилогія. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Гернъ, Б. А.—Учебникъ физики. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 20 коп.

Глазуновъ, Н. Л.—Комедіи, шутки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Грузенбергъ, Семенъ.—Очерки современной русской философіи. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Грушевскій, Мих., проф. — Кіевская Русь. Т. I. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства. Извлеченіе изъ 2-го украинскаго изданія. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Гуревичъ, Исидоръ.—Бархатные когти. Юмористическіе разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Дорингъ, Дмитрій.—Стихи. Полусны. Спб., 1910 г. Цѣна 65 коп.

Дружининъ, Модестъ. Стихи. Спб., 1909 г. Цѣна 30 коп.

——— Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

——— Стихотворенія. Спб., 1909 г. Цѣна 25 коп.

Закржевскій, Александръ.—Подполье. Психологическія параллели. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ибаньесъ, Бласко. — Полное собраніе сочиненій. Т. II. Кровь и песокъ. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Имшенецкій, А.—Борисъ Шанго. Драма. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Кабановъ, Н.—Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. Физіологія отдѣльныхъ органовъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Кирова, Е.—Картины жизни. Уфа, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Кневенагель, Э.—Руководство къ практическимъ занятіямъ по качественному анализу и неорганической химіи. Перев. съ нѣм. Н. Л. Глинки, съ пред. Н. Д. Зелинскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Князьковъ, С. А., и *Сербовъ*, Н. И.—Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. Подъ ред. проф. С. В. Рождественскаго. Москва, 1910 г.

Козьминъ, Н. Н.—Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Кулаковскій, Юліанъ.—Исторія Византіи. Томъ I (395—518). Кіевъ, 1910 г. Цѣна 3 р.

Лосскій, Н.—Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мищенко, Атэ.—Три побѣдителя. Книга счастья. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мультатули.—Богъ хочетъ милости, а не жертвы. Разсказъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 Цѣна 8 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас.—Цари биржи. (Каинова племя въ наши дни). Романъ. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Оствальдъ, Вильгельмъ. — Исторія электрохиміи. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пименова, Э. К. — Около южнаго полюса. Послѣднее путешествіе къ южному полюсу Шекльтона. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

——— Природа и люди Африки. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна 45 коп.

Плаутъ, Германъ.—Грамматика японскаго разговорнаго языка. Русскій переводъ Владиміра Исаковича. Спб., 1910 г.

Рейнботъ, Э. В.—Стихотворенія. Изъ сочиненій 1883—1908 г. Спб., 1909 г.

Рэйсбрукъ Удивительный. — Одѣяніе духовнаго брака. Вступит. статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Сабинина, М.—По горамъ и пустынямъ Средней Азіи. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Свирскій, А.—Разсказы. Т. II. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сидоровъ, Юрій.—Стихотворенія. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Соболевъ, М. Н.—Таможенная политика Россіи во 2-й половинѣ XIX вѣка. Томскъ, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Сургучевъ, Илья.—Разсказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сысоевъ, И. П., народный учитель. — Путешествіе въ Америку. Москва, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Танъ, В. Г.—Собраніе сочиненій. Т. III. Жертвы дракона. Романъ изъ первобытной жизни человѣчества. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чарская, Л. А.—Евфимія Старицкая. Историческій романъ. Изд. 2-е. Спб., Цѣна 1 р.

Эренбургъ, И.—Стихи. Парижъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Я., П. (П. Якубовичъ-Мельшинъ). — Стихотворенія. Т. I. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Стихотворенія. Т. II. Изд. 4-е. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ѳирсовъ, Н. Н.—Императоръ Александръ I и его душевная драма. Спб., 1910 г. Цѣна 35 коп.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Годъ 14-й. Харьковъ, 1910 г.

— Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Годъ 16-й. Тобольскъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Здоровый столъ. Руководство къ приготовленію кушаній и діэтетикѣ при здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Составлено подъ редакціей д-ра П. Кащенко. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— „Земля“. Сборникъ четвертый. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. I. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°.“ Москва, 1910 г.

— Народная Энциклопедія. Т. IV. Сельское хозяйство. 1-й полутомъ: Животноводство. 2-й полутомъ: Земледѣліе. Москва, 1910 г.

— Отчетъ комитета о пятомъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ харьковскимъ земельнымъ банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Харьковъ, 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности родительскаго комитета Александровской мужской гимназіи за 1908—1909 годъ. Царицынъ, 1910 г.

— Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритныхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Вып. 2-й. Москва, 1910 г.

— Отчетъ совѣта общества содѣйствія устройству сельскихъ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Томской губ. за 1908—1909 гг. Томскъ, 1910 г.

— Почтово-телеграфная статистика за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 131. Переписка Императора Николая Павловича съ великимъ княземъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Томъ I. 1828—1829 г. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

— Сборникъ постановленій Олонецкаго Губ. Зем. Собранія сессій 1901—1909 гг. Составилъ С. А. Левитскій. Петрозаводскъ, 1910 г.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1910 годъ. Книга XXXII. Спб., 1910. Ц. 1 р.

— Сельскохозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ. (По даннымъ анкеты 1909 года). Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

— Словарь литературныхъ типовъ. Вып. VI: Грибоѣдовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1907 годъ. Спб., 1910 г.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1909 годъ. Уфа, 1910 г.

— Энциклопедическій словарь. 7-е совершенно переработанное изданіе подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°.“ Томъ I. А—Актуарій. Москва, 1910 г.

Corredor La Torre, Jorge.—L'église romaine dans l'Amérique latine. Paris, 1910. Prix. 4 fr. 50 c.

Maude, Aylmer.—The life of Tolstoy later years. London, 1910. Price 10 s. 6 d.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави, движение на корабитѣ по пристанищата, пазарни цѣни въ по-главнитѣ градови прѣзъ второто тримѣсечие отъ 1910 година. София, 1910 г.

— Дѣло. Кн. VI и VII. Софія, 1910 година.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Памяти С. А. Муромцева. — Первая Дума и ея символъ. — Закрытая баллотировка петербургской городской думы. — Отклики смерти С. А. Муромцева. — Сыскъ. — Близка ли реформа органовъ самоуправленія?—Событіе дня: экзаменаціонная двойка, полученная студентомъ-союзникомъ.

„Не только намъ, товарищамъ почившаго, депутатамъ первой Думы, но и многимъ присутствовавшимъ въ Таврическомъ дворцѣ въ день ея открытія, конечно памятенъ тотъ моментъ, когда дряхлый старецъ, представитель стараго режима, уступилъ свое кресло на предсѣдательской трибунѣ представителю новаго порядка—Муромцеву. Въ этихъ двухъ лицахъ исторія, казалось, раскрывала встрѣчу прошедшаго и будущаго, отмирающаго съ оживающимъ, покорности судьбѣ съ увѣренностью въ будущемъ. Эти двѣ фигуры—Фришъ и Муромцевъ—съ удивительной яркостью олицетворяли передъ глазами зрителя тотъ государственный строй, который они представляли на думской трибунѣ“.

Эти строки принадлежатъ перу И. И. Петрункевича и написаны въ день смерти С. А. Муромцева. Да, вѣрно: Муромцевъ былъ олицетвореніемъ, символомъ. Муромцевъ олицетворялъ новый строй на думской трибунѣ, въ предсѣдательскомъ кабинетѣ Таврическаго дворца, на пріемахъ въ Царскомъ Селѣ и въ Петергофѣ. И такимъ же олицетвореніемъ, живымъ символомъ—но уже рухнувшихъ надеждъ и несбывшихся ожиданій,—Муромцевъ былъ въ Выборгѣ, потомъ на скамьѣ подсудимыхъ передъ особымъ присутствіемъ судебной палаты, затѣмъ въ тюрьмѣ и, наконецъ, въ сумеркахъ той охранной воли, которая смѣнила мимолетно-недолгую гражданственность. Въ этихъ сумеркахъ ему—первому гражданину торжественно возвѣщенной гражданственности—не нашлось другого мѣста, кромѣ мѣста лишеннаго политическихъ правъ „бывшаго человѣка“... При первой вѣсти о кончинѣ Муромцева, лидеръ трудовиковъ первой Думы, И. В. Жилкинъ, вспомнилъ, какъ „полтора года назадъ, на гоголевскомъ московскомъ торжествѣ многотысячная толпа въ громадномъ университетскомъ залѣ встала, какъ одинъ человѣкъ, когда надъ трибуной обрисовалась сѣдая голова С. А. Муромцева... Долго перекатывались, не стихая, апплодисменты. И рядомъ со мной незнакомый человѣкъ, со слезами внезапнаго умиленія на глазахъ, горячо убѣждалъ меня:—Вѣдь это живой символъ! А? Вѣдь это первая Дума!...“

27-го апрѣля 1906 г. представитель стараго режима, прежде, чѣмъ на впервые воздвигнутой предсѣдательской трибунѣ перваго русскаго парламента уступить мѣсто представителю новаго, выражалъ счастье, что „въ настоящій великій и торжественный для всей Россіи день“ ему предоставлена „высокая честь привѣтствовать избранниковъ русскаго народа“. „Вамъ, господа,— говорилъ тихимъ голосомъ старецъ съ потухшими глазами, одѣтый въ залитый золотомъ мундиръ,—предстоитъ историческая задача“... „Вамъ выпала счастливая доля работать при полномъ свѣтѣ публичности и гласности и при полной свободѣ слова“... „Да воодушевитъ васъ Господь истинною любовью къ русскому народу, дабы сердцами вашими познать всѣ многообразныя нужды обширной нашей родины“. „Да просвѣтитъ Онъ васъ мудростію своею“... Такъ привѣтствовалъ представитель режима, уходившаго въ прошлое, тотъ государственный строй, который вступалъ въ свои права.

Избранники народа громомъ аплодисментовъ встрѣтили С. А. Муромцева, когда онъ медленной, твердой поступью взошелъ на трибуну и величественно пронизывающимъ взоромъ властно окинулъ залу. Безъ тѣни малѣйшаго смущенія, гордо закинувъ голову, онъ обратился къ Думѣ. Въ его позѣ, въ характерныхъ поворотахъ головы, въ каждомъ движеніи и въ каждомъ звукѣ голоса чувствовались сила и рѣшимость. Высоко надъ депутатскими скамьями стоялъ тоже убѣленный сѣдинами, но не согбенный подъ тяжестью лѣтъ старецъ, а пышущій жизнью человѣкъ съ глазами, полными энергіи и блеска. Избранники народа увидѣли передъ собой и надъ собой такого же, какъ они, чуждаго уходившему режиму представителя, посланнаго народной волей и народной нуждой, не украшеннаго ни мундиромъ, ни орденами. Ему съ привѣтствіемъ уступилъ мѣсто дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, назначенный исполнить обрядъ открытія Думы. „Совершается великое дѣло—сказалъ Муромцевъ спокойно, весь проникнутый сознаніемъ историческаго значенія минуты:—воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго, законодательнаго учрежденія“. „Великое дѣло—продолжалъ онъ—налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду. Пожелаемъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало достаточно силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избравшаго насъ народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ самой природы народнаго представительства“.

И съ этой минуты Муромцевъ слился съ первой Думой. Второй такой предсѣдатель едва ли когда будетъ стоять во главѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Въ смыслѣ техническомъ, Муромцевъ обладалъ исключительнымъ даромъ руководить преніями и вести засѣданія. Первой Думѣ на каждомъ шагу приходилось преодолѣвать трудности. У нея не было и естественно не могло быть ни обычаевъ, ни прецедентовъ. Правила наказа нужно было впервые устанавливать. У Думы не было даже канцеляріи. Смѣшно сказать, но когда понадобилось написать какую-то бумагу въ сенатъ, то въ президіумѣ было образовано чуть не формальное совѣщаніе съ участіемъ юристовъ для рѣшенія вопроса о заголовкѣ бумаги и объ адресѣ на конвертѣ. Муромцевъ предвидѣлъ, что на немъ Дума остановитъ свой выборъ, и тщательно изучилъ западную парламентскую технику. Будучи предсѣдателемъ, онъ продолжалъ работу, просиживая въ Таврическомъ дворцѣ до глубокой ночи,—вѣрнѣе, до ранняго весенняго утра. Въ громадномъ большинствѣ засѣданій онъ предсѣдательствовалъ лично. Его пріемы постановки на голосованіе предложеній и поправокъ создали образецъ, по которому постановляетъ рѣшенія не пожелавшая почтить его память третья Дума.

Предсѣдателемъ первой Государственной Думы Муромцевъ былъ какъ внутри стѣнъ Таврическаго дворца, такъ, еще болѣе ярко и неизмѣнно, и внѣ этихъ стѣнъ. Съ министрами и на пріемахъ онъ держался величественно и гордо. Онъ отказался первымъ сдѣлать визитъ премьеръ-министру И. Л. Горемыкину. Извѣстенъ анекдотическій разсказъ, какъ онъ потребовалъ для себя карету на вокзалѣ въ Царскомъ Селѣ. Также извѣстенъ его отвѣтъ газетному интервьюеру: „Предсѣдатель Государственной Думы не можетъ бесѣдовать съ корреспондентами“. Муромцевъ не былъ гордецомъ по натурѣ. Въ немъ гордъ и величественъ былъ не человѣкъ, а предсѣдатель Государственной Думы. Онъ считалъ, что величественна и горда должна быть Дума, а онъ—ея предсѣдатель—никогда и ни въ чемъ не имѣетъ права отдѣлять себя отъ Думы. Достоинство перваго законодательнаго собранія Муромцевъ оберегалъ педантично. И вслѣдъ за нимъ высоко цѣнила свое достоинство сама Дума. Въ третьей Думѣ часто вспоминали тотъ тяжелый эпизодъ изъ времени первой Думы, когда лѣвая половина кричала и не дала раскрыть рта представителю военнаго министра, генералу Павлову. Правая печать много разъ возвращалась къ этому эпизоду и по поводу смерти Муромцева. „Съ искаженными лицами, съ вытянутыми кулаками, сѣрые, неуклюжіе, плохо одѣтые люди спотыкались по ступенямъ думскаго амфитеатра. Словно грязный потокъ стекалъ съ суровыхъ вершинъ; словно сточныя воды размывали мостовую. Я отлично помню психологію этого мо-

мента, рѣшившаго участь первой Думы". Такъ писалъ въ статьѣ, вызванной смертью Муромцева, г. Рогдай въ „Новомъ Времени". Если онъ такъ помнитъ психологію момента, то онъ ея тогда не понялъ. Онъ не зналъ и, сидя въ ложѣ представителей печати, не могъ знать, какъ ударило по этимъ „сѣрымъ, неуклюжимъ, плохо одѣтымъ людямъ" слово „недопустимо", сказанное правительствомъ въ отвѣтъ на то, что̀ выразила Дума въ адресѣ, обращенномъ къ монарху. „Сѣрые, неуклюжіе люди" услышали въ этомъ словѣ не столько отказъ въ ихъ завѣтной мечтѣ, сколько униженіе достоинства Думы. И не видъ генерала Павлова исказилъ ихъ лица, не его возраженія противъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, а фактъ приведенія въ исполненіе ряда смертныхъ приговоровъ послѣ того, какъ Дума просила, впредь до принятія закона, пріостановить казни.

Въ глазахъ первой Думы министры были только представителями исполнительной власти. А Дума—элементомъ власти законодательной. И въ этомъ разграниченіи, въ самостоятельности и въ полной фактической независимости отъ министровъ, первая Дума, а съ нею Муромцевъ—или, быть можетъ, Муромцевъ, а съ нимъ Дума—полагали достоинство палаты представителей народа. Муромцевъ не допускалъ остротъ и прибаутокъ съ предсѣдательской трибуны; министръ на ораторской каѳедрѣ былъ для него такимъ же ораторомъ, какъ и членъ Думы. Муромцевъ не пользовался услугами интервьюеровъ, на чашки чая не ѣздилъ, вездѣ требовалъ себѣ перваго мѣста. Руководимое имъ представительство органически не могло стать „послушной" Думой, Думой-декораціей.

Муромцевъ олицетворялъ собою не только первую Думу. Сама Дума была и посейчасъ осталась въ народномъ сознаніи символомъ того стремленія къ обновленію, къ свободѣ и къ свѣту, къ праву, къ благу населенія, особенно обездоленнаго крестьянства, которое, неизмѣнно наростая въ русской жизни со дня 19 февраля 1861 года, послѣ сорока слишкомъ лѣтъ борьбы, вылилось въ освободительное движеніе и получило признаніе 17-го октября 1905-го года. Черезъ первую Думу Муромцевъ символизировалъ долгую борьбу конституціонной идеи и ея такъ быстро минувшее торжество. Отбывшій трехмѣсячное тюремное заключеніе, лишенный политическихъ правъ и исключенный изъ дворянскаго собранія, Муромцевъ символизировалъ также послѣконституціонную реакцію, не знающую границъ въ подсказанной страхомъ злобной мстительности. Отсюда понятны и тѣ тысячи народа, которыя провожали его тѣло въ Москвѣ, и та безпримѣрная по неприличію вакханалія, которую подняла черная сотня вокругъ свѣжей могилы. Смерть Муромцева не могла не быть исключительно крупнымъ событіемъ. Черная сотня на его похоронахъ уви-

дѣла, какъ жизненно то, что олицетворялъ покойный: она увидѣла обликъ первой Думы. Кошмарнымъ ужасомъ вѣетъ на нее отъ этого облика. Она настойчиво увѣряла и себя увѣрила въ томъ, что этотъ обликъ исчезъ безвозвратно, что его до конца затмили союзническія чайныя, клубъ академистовъ, всероссійскій національный союзъ, думская вермишель, октябристское послушаніе, автомобильныя гонки и аэропланы: на похоронахъ Маціевича вѣдь тоже были тысячи народа, а день 17-го октября поминали только въ двухъ-трехъ ресторанахъ, да и то одни потерявшіе документъ октябристы...

Первой по времени отличилась петербургская городская дума. Въ засѣданіи 6 октября гласный Казицынъ потребовалъ, чтобы предложеніе почтить память Муромцева вставаніемъ, „какъ вопросъ личнаго характера“, было подвергнуто закрытой баллотировкѣ. И предсѣдатель Думы, С. В. Унковскій, написалъ слѣдующую редакцію „вопроса“, нигдѣ, думаемъ, и никогда не красовавшагося надъ баллотировочнымъ ящикомъ: „Угодно ли с.-петербургской городской думѣ принять предложеніе гласнаго Добровольскаго о почтеніи памяти скончавшагося въ Москвѣ бывшаго предсѣдателя первой Государственной Думы С. А. Муромцева вставаніемъ“.—„Считаю позорнымъ такую баллотировку!“—вырвалось у гласнаго Коробки, когда „вопросъ“ былъ оглашенъ. П. А. Потѣхинъ пытался усовѣстить стародумцевъ. „Я давно сижу въ думѣ,—говорилъ онъ,—но никогда еще не было у насъ случая, чтобы обсуждался и баллотировался вопросъ о почтеніи памяти кого-либо вставаніемъ. Позвольте мнѣ, какъ старому гласному, предостеречь думу отъ увлеченія и просить не оскорблять общественнаго учрежденія постановкой на баллотировку такого вопроса“. Ничто, однако, не помогло. „Гласные не дѣти — закричалъ г. Казицынъ:— нужно же когда-нибудь поднять забрало и дѣйствовать открыто!“ И дѣйствуя „открыто“ при посредствѣ закрытой баллотировки, петербургская городская дума отвѣтила на „вопросъ“ отрицательно.

Политическій смыслъ этого, во всякомъ случаѣ оскорбительнаго для общественнаго учрежденія голосованія поторопились сейчасъ же подчеркнуть гг. Меньшиковъ и Пуришкевичъ. Первый выразилъ думѣ, руководимой членами комитета всероссійскаго національнаго союза, гг. Унковскимъ, Глазуновымъ и Демкинымъ, одобреніе. Второй объявилъ городскому головѣ благодарность за „мужественное“ поведеніе думы... Не понимаемъ, зачѣмъ взывалъ г. Казицынъ къ забралу, которое „нужно же когда-нибудь поднять“? Черная сотня давно его подняла и давно скинула съ своего лица послѣдніе остатки стыда. Всѣ разсужденія о томъ, что предложеніе было внесено внезапно и что старо-

думцы прибѣгли къ закрытой баллотировкѣ, дабы оградить себя отъ „нравственнаго насилія", само собою разумѣется, суть только разсужденія. Въ угарѣ реакціоннаго упоенія черная сотня безудержна. Для политическихъ противниковъ—живыхъ или мертвыхъ, все равно—у нея нѣтъ пощады. Прилична или нѣтъ данная форма отказа въ пощадѣ — это ее остановить не можетъ. Вѣдь радовалась же правая пресса, на этотъ разъ—кромѣ „Новаго Времени", когда редакторъ „Русскаго Слова", за неодобрительный отзывъ о какомъ-то чинѣ полиціи въ описаніи похоронъ С. А. Муромцева, былъ арестованъ градоначальникомъ на три мѣсяца!

Легко представить себѣ, какъ подъ бойкимъ перомъ г. Меньшикова перевернулись бы разсужденія о „внезапности" и о „нравственномъ насиліи", еслибы умеръ, скажемъ, крупный чиновникъ—дѣятель реакціи—и еслибы желаніе почтить память покойнаго исходило изъ рядовъ нынѣ торжествующаго политическаго теченія. Съ нашей точки зрѣнія могила все примиряетъ. Когда люди видятъ гробъ или встрѣчаютъ погребальную процессію, они снимаютъ шляпы и крестятся, не справляясь о политическихъ убѣжденіяхъ умершаго. Поэтому мы, осуждая голосованіе петербургской думы, готовы всегда осудить и тѣхъ, кто отказался бы почтить вставаніемъ память крупнаго чиновника или хотя бы убитаго на посту городового. Но вотъ что любопытно: возьметъ ли подъ свою защиту реакціонная пресса вышневолоцкаго, тверской губ., дворянина, г. Алексѣева, которому грозитъ исключеніе изъ дворянскаго собранія за то, что онъ не всталъ въ уѣздномъ дворянскомъ собраніи въ тотъ моментъ, когда другіе поднялись въ знакъ уваженія къ памяти нѣкоего В.? О томъ, что въ Твери хотятъ кого-то, путемъ исключенія изъ дворянскаго собранія, лишить избирательныхъ правъ, нѣсколько времени назадъ было напечатано въ телеграммахъ. Но ни имя, ни поводъ сообщены не были. Теперь мы прочли въ „Вышневолоцкомъ Голосѣ" (№ 26) письмо г. Алексѣева съ подробнымъ изложеніемъ какъ фактической стороны эпизода, такъ и мотивовъ, которые руководили иниціаторовъ предложенія о его исключеніи. И если въ предстоящемъ тверскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи найдется изъ присутствующихъ двѣ трети единомышленниковъ петербургскихъ стародумцевъ, то г. Алексѣева навѣрное исключатъ, ибо онъ—кадетъ, и этого не скрываетъ.

Въ ряду общественныхъ учрежденій—земскихъ собраній и городскихъ думъ—петербургская дума, отказавшаяся почтить память Муромцева, осталась въ одиночествѣ. Ея примѣръ, вызвавшій авторитетное одобреніе Меньшикова и начальническую благодарность Пуришкевича, оказалъ гораздо бо̀льшее воздѣйствіе на предсѣдателей учрежденій, гдѣ возникали предложенія вставаніемъ отдать долгъ

почтенія покойному, нежели на самыя учрежденія. Но въ ряду правыхъ политическихъ союзовъ и со стороны черносотенцевъ-добровольцевъ она встрѣтила дружную поддержку. 21 октября, въ Кіевѣ, въ залахъ купеческаго клуба, состоялось собраніе членовъ всѣхъ мѣстныхъ правыхъ организацій. На собраніи присутствовали генералъ-губернаторъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, исполняющій обязанности командующаго войсками и два епископа. Былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего генералъ-губернаторъ объявилъ собраніе открытымъ. Первую рѣчь произнесъ архимандритъ Адріанъ. И хотя собраніе было созвано по случаю высокоторжественнаго царскаго дня, но онъ говорилъ не объ этомъ днѣ. Онъ говорилъ о козняхъ враговъ православія, о ихъ неповиновеніи властямъ и упомянулъ о панихидахъ въ разныхъ городахъ по Муромцевѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Невѣрующіе во Христа торжественно устраиваютъ панихиды по предсѣдателѣ первой Думы. Но что такое Дума? Что такое Совѣтъ? По повелѣнію Царя они созваны, по повелѣнію его могутъ быть распущены. Нечего торжествовать невѣрующимъ“ (см. „Рѣчь“, № 290).

Дальше всѣхъ другихъ городовъ въ черносотенной экспансивности, вѣрнѣе—въ подогрѣтомъ экстазѣ, ушла, конечно, „истинно-русская“ Одесса. Здѣсь за „дѣло“ взялись добровольцы. Одинъ изъ достойныхъ героевъ резины и погромовъ, увидѣвъ въ окнѣ магазина выставленный портретъ Муромцева, пустилъ въ него камнемъ, разбилъ зеркальное стекло и сбросилъ портретъ съ мольберта. Въ театрѣ-кинематографѣ такіе же добровольцы сорвали представленіе. Заимствуемъ изъ мѣстныхъ газетъ слѣдующее описаніе успѣшной выходки хулигановъ: „На экранѣ, подъ звуки шопеновскаго марша, демонстрировалась картина похоронъ предсѣдателя первой Государственной Думы С. А. Муромцева. Едва на экранѣ показался портретъ покойнаго предсѣдателя, какъ раздался неистовый шумъ, свистъ и крики: „Уберите эту собаку! Долой картину!“ и т. п. Завѣдующій сценой опустилъ занавѣсъ. Когда страсти немного улеглись, сидѣвшій въ публикѣ студентъ обратился къ шумѣвшимъ съ предложеніемъ прекратить шумъ, но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ поднялся протестующій крикъ и многіе изъ кричавшихъ подбѣжали съ угрозами къ оторопѣвшему студенту. Одинъ изъ нападавшихъ, какъ передаютъ, въ формѣ коммерческаго училища, схватилъ студента за воротъ и нанесъ ему звонкую пощечину. Околоточнымъ надзирателемъ буяны были отправлены въ участокъ, гдѣ обо всемъ составленъ протоколъ. Послѣ составленія протокола виновные вновь прибыли въ иллюзіонъ“.

Что касается „истинно-русской“ печати, то она сочла долгомъ вокругъ могилы С. А. Муромцева развить сыскъ. „Нашелся—писала одна газета—либеральный епископъ, который не только хоронилъ

Муромцева, но взволнованнымъ голосомъ сказалъ прочувствованное слово, охарактеризовавъ покойнаго какъ выдающагося представителя науки, какъ человѣка долга и общественнаго дѣятеля". „Тѣло С. А. Муромцева провожалъ на кладбище одинъ изъ губернаторовъ"—кивала, къ сожалѣнію не зная фамиліи „виновнаго", другая. Третья—требовала лишенія камергерскаго званія предводителя дворянства, который не только допустилъ въ земскомъ собраніи выраженіе почтенія памяти С. А. Муромцева вставаніемъ, но самъ это предложилъ. Противъ новаго министра народнаго просвѣщенія, г. Кассо, начатъ былъ, оборванной его рѣчью въ Думѣ, формальный походъ за то, что онъ осмѣлился посѣтить могилу своего покойнаго товарища по профессорской каѳедрѣ... Вслѣдъ за газетнымъ начался сыскъ и оффиціальный. Какъ телеграфировалъ въ „Русское Слово" казанскій корреспондентъ газеты, старшій предсѣдатель судебной палаты вызывалъ для объясненій члена палаты Боронина, товарища предсѣдателя окружнаго суда Попова и членовъ того же суда Марка и Новикова по поводу участія названныхъ лицъ, какъ гласныхъ, въ засѣданіи городской думы, когда была почтена вставаніемъ память предсѣдателя Государственной Думы С. А. Муромцева.

Чего же, однако, больше во всей этой вакханаліи и въ этомъ сыскѣ, захватившемъ даже „храмину правосудія"—„независимый", стоящій внѣ (!) политики судъ: — силы или безсилія? Конечно, безсилія. На сторонѣ реакціи—фактическая сила. Но идейно она безсильна. Смерть и похороны Муромцева это лишній разъ доказали. Не будь фактической силы въ рукахъ реакціи, вся Россія отъ Финляндіи до Туркестана, отъ Варшавы до Владивостока, отъ столицъ до глухой деревни, какъ одинъ человѣкъ, встала бы, чтобы отдать долгъ почтенія памяти Муромцева, памяти первой Думы и тѣхъ завѣтовъ, которые принесли съ собой первые избранники народа. И реакція это знаетъ...

Въ сентябрѣ, въ Одессѣ, происходилъ съѣздъ дѣятелей по благоустройству городовъ. „На секціонномъ засѣданіи съѣзда, при обсужденіи доклада кіевскаго делегата Демченко о финансовомъ кризисѣ городовъ, представитель администраціи запретилъ обсужденіе тезиса доклада, гласящаго, что улучшеніе финансовъ, благоустройства и санитаріи городовъ немыслимо безъ измѣненія городового положенія и закона о выборахъ въ городскія думы въ смыслѣ демократизаціи городского управленія. Обсужденіе доклада Демченко пріостановлено до полученія личнаго распоряженія градоначальника". Такъ гласила телеграмма, напечатанная въ петербургскихъ газетахъ 19 сентября. Черезъ нѣсколько дней пришли въ Петербургъ мѣстныя газеты, и въ

нихъ мы прочли, какое получилось личное распоряженіе градоначальника. Генералъ Толмачевъ призвалъ предсѣдателя съѣзда и объявилъ ему, что если будутъ продолжаться доклады „революціоннаго характера", то онъ съѣздъ закроетъ. Одинаковая судьба постигла въ общемъ собраніи докладъ Д. Д. Протопопова: „О необходимыхъ мѣрахъ по жилищному вопросу". Все, такъ или иначе касавшееся реформы городового положенія, распространенія избирательнаго права на всѣ классы городского населенія и снятія съ городовъ опеки администраціи, было тщательно вычеркнуто изъ текста доклада и изъ тезисовъ помощникомъ полиціймейстера, который не допустилъ не только обсужденія „революціонныхъ" положеній докладчика, но даже оглашенія ихъ.

Итакъ, обсужденіе на оффиціально разрѣшенномъ съѣздѣ той реформы, которая въ 1904 г., когда еще почиталась преступной даже мечта о „конституціи", была признана монархомъ неотложной, „для упроченія правильнаго въ отечествѣ Нашемъ хода государственной жизни", и въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, которые были намѣчены въ указѣ 12 декабря,—такое обсужденіе нынѣ не допустимо, какъ „революціонное" посягательство, и оно было изъято изъ предметовъ занятій съѣзда подъ угрозой его закрытія. Скажутъ: „нельзя обобщать; все это происходило въ Одессѣ, гдѣ властвуетъ ген. Толмачевъ" и т. д. Едва ли, однако, обобщеніе здѣсь неумѣстно. Ген. Толмачевъ очень хорошо знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Онъ это многажды доказывалъ и снова доказалъ блестящей побѣдой надъ г. Малиновскимъ, главнымъ врачебнымъ инспекторомъ, командированнымъ изъ Петербурга въ Одессу для борьбы съ чумой. И полную умѣстность обобщенія подтвердилъ отвѣтъ, который почти одновременно былъ данъ петербургской городской думѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ дѣловыхъ залежахъ петербургской думы имѣется съ 1906 г. докладъ особо избранной коммиссіи о городской реформѣ. Гласные-обновленцы въ одномъ изъ весеннихъ засѣданій потребовали, чтобы докладъ былъ поставленъ на повѣстку. Дума рѣшила предварительно запросить о положеніи вопроса министерство. Министерство отвѣтило, что никакихъ законодательныхъ предположеній о реформѣ городского самоуправленія оно не имѣетъ и что въ этомъ направленіи никакихъ работъ не производится. Значитъ, на томъ, что̀ въ 1904-мъ году было признано „неотложнымъ", въ 1910-мъ году поставленъ крестъ. Если, такимъ образомъ, исчезъ вопросъ о городской реформѣ, то, конечно, исчезъ и вопросъ о реформѣ земской.

Отъ добра добра не ищутъ. Города тонутъ въ грязи, задыхаются отъ пыли и вони. Здоровой воды въ однихъ городахъ нѣтъ вовсе, въ другихъ—она по цѣнѣ составляетъ предметъ роскоши. Холера три года

уноситъ на кладбища петербургскую бѣдноту. Изъ Одессы не хочетъ уходить чума. Въ земствѣ все замерло. Денегъ нѣтъ. Въ больницу крестьяне ходятъ за двадцать верстъ. Дѣти въ деревнѣ мрутъ, какъ мухи... Но развѣ это не пустяки? Развѣ можно надъ этимъ даже задумываться, когда „для упроченія правильнаго хода государственной жизни“ есть безропотное послушаніе, готовность дворянъ-землевладѣльцевъ давать крестьянскіе рубли на стражниковъ и на полицію,— когда о сотрудничествѣ въ области сыска исполнительнымъ органамъ самоуправленія не надо ни напоминать, ни намекать. Былъ въ Петербургѣ исаакіевскій скверъ, кому-то не понравился—и нѣтъ его. Вступила въ свои обязанности въ Петербургѣ новая училищная коммиссія—вѣрное отраженіе избирательной системы,—и первое ея рѣшеніе—произвести разслѣдованіе, кто изъ учителей и учительницъ какъ себя велъ въ 1905-мъ году. За одинъ отказъ почтить память Муромцева развѣ нельзя помириться и съ холерой, и съ клоакой вмѣсто фильтровъ? Правда, за послушаніе, за усердіе въ готовности, за сотрудничество въ сыскѣ и за неудовлетвореніе потребностей населенія неизбѣжно предстоитъ тяжелая экономическая расплата. Но стоитъ ли думать о будущемъ, когда настоящее дало такое блестящее „успокоеніе“, что еще немного—и придется усердствующимъ говорить одно слово: „полегче“?!..

Есть темное пятно въ земскомъ и городскомъ благополучіи: угольныя, дровяныя, бѣльевыя и иныя панамы и жадность къ общественному пирогу. На Руси такъ повелось, что усердствующіе всѣмъ хороши, только на руку не чисты. Но и съ этимъ состоялось примиреніе. Въ Петербургѣ чуть было не крахнула система кормленія гласныхъ. Стародумцы не подѣлили жирныхъ и тощихъ кусковъ, перессорились, и дума отняла жалованье отъ исполнительныхъ коммиссій. Особое по дѣламъ города присутствіе такое „революціонное“ постановленіе отмѣнило. Тѣмъ временемъ кормящіеся и прикармливающіеся столковались, и одной коммиссіи, водопроводной, уже не только дали, но даже прибавили жалованье. Черезъ недѣлю или двѣ дадутъ съ прибавкой и другимъ. Но пройдетъ два года—вдругъ избиратели отчета спросятъ? Опасность, по примѣру послѣднихъ выборовъ, была. Была — и нѣтъ ея. Общества обывателей и избирателей закрыты. Умѣло и строго спрашивать будетъ некому... Что бы ни говорили юристы сената, присутствія градоначальства и министерства, а закрытіе обывательскихъ обществъ есть логическій результатъ того креста, который водруженъ на вопросѣ о реформѣ городского и земскаго самоуправленія...

Уволенный за неуспѣшность студентъ Сырокомля-Сопоцько—характернѣйшее знаменіе времени. Его двойка на экзаменѣ въ военно-медицинской академіи сдѣлалась событіемъ чуть не государственной важности. Сотни студентовъ получаютъ каждый годъ на экзаменахъ двойки и, кромѣ нихъ самихъ да, пожалуй, ихъ родственниковъ, никого это не волнуетъ. Получилъ двойку г. Сопоцько—и въ событіе вовлечены печать, начальникъ академіи, профессора, никакого касательства къ злосчастной двойкѣ не имѣвшіе, завѣдующіе студентами штабъ-офицеры, тверской губернаторъ, военный министръ. О его двойкѣ—пишутъ, говорятъ, спорятъ. По поводу ея пришелъ въ движеніе даже судебно-слѣдственный аппаратъ. По приказанію военнаго министра, о двойкѣ г. Сопоцьки производилъ разслѣдованіе военный судья, генералъ Шебеко. Какъ результатъ разслѣдованія, ожидается—писали газеты—„отмѣна“ двойки.

Имя г. Сопоцьки не впервые появляется на страницахъ „Вѣстника Европы“. Мы упоминали въ апрѣльской хроникѣ о его, полномъ брани, открытомъ письмѣ военному министру съ требованіемъ, чтобы изъ академической читальни былъ убранъ бюстъ Льва Толстого. Онъ писалъ, что двѣнадцать студентовъ, увѣренные въ одобреніи ихъ поступка, „поклялись разбить проклятый идолъ“. Мы тогда назвали г. Сопоцьку „невѣдомымъ“. Оказывается, онъ далеко не новичокъ въ оригинальныхъ,—чтобы не сказать другого слова,—выступленіяхъ. „Лѣтъ пять тому назадъ,—разсказываетъ въ „Русскомъ Словѣ“ (№ 240) Григорій Петровъ,—если не ошибаюсь, въ Тулѣ, а можетъ-быть въ Тамбовѣ, былъ такой случай. Заѣзжій фокусникъ давалъ представленіе, показывалъ обычныя штуки: вынималъ изъ уха, изъ глаза серебряные рубли, ловилъ въ воздухѣ живыхъ рыбъ, перемѣщалъ изъ шкатулки въ шляпу и обратно разные предметы. Черезъ нѣсколько дней въ мѣстномъ духовномъ журналѣ появилась грозная статья съ вопросомъ къ властямъ: — Что онѣ позволяютъ? Въ христіанскомъ государствѣ вьявь чародѣй силою дьявола морочитъ православныхъ, потому что развѣ мыслимы штуки фокусника, если послѣднему не помогалъ бы самъ сатана? Авторомъ этой статьи былъ нынѣшній студентъ-союзникъ М. Сопоцько“. Судьба непосредственно сталкивала Гр. Петрова съ г. Сопоцько еще раньше—въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Тогда синодъ собирался отлучить Л. Толстого. „Въ Петербургѣ — пишетъ Гр. Петровъ—было устроено многолюдное совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ покойнаго нынѣ придворнаго духовника, протоіерея Янышева. На собраніи было одно духовенство. Въ видѣ рѣдкаго исключенія, изъ мірянъ были допущены и говорили только двое. Одинъ былъ синодальный миссіонеръ В. Скворцовъ, другой—введенный подъ ручательствомъ Скворцова М. Сопоцько. Сопоцько буквально ошеломилъ

все почтенное собраніе столичнаго духовенства, хотя ему и не удалось даже кончить первой фразы. Онъ началъ такъ: — „Азъ, окаянный, страдавшій болѣзнью, такъ-то именуемою...“ И наименованіе болѣзни, и рѣчь о ней такъ огорошили отцовъ, что всѣ закричали:— „Довольно, довольно! Замолчать!“

Думаемъ, что приведенныхъ двухъ эпизодовъ изъ прошлаго г. Сопоцьки совершенно достаточно, чтобы было ясно, какому субъекту двойка помѣшала стать врачомъ. Прибавимъ развѣ слышанный нами разсказъ о происхожденіи этой двойки. Одинъ студентъ военно-медицинской академіи сообщалъ намъ, что дѣло было такъ. На экзаменѣ профессоръ предложилъ г. Сопоцькѣ сдѣлать на трупѣ трахеотомію. Онъ разрѣзалъ горло поперекъ. Тогда профессоръ сказалъ, что такъ рѣжутъ только барановъ, и отказался поставить ему удовлетворительный баллъ. Но что значатъ для г. Сопоцьки „странности“ сужденій о фокусникѣ, двойка и отсутствіе элементарныхъ познаній въ медицинѣ? Онъ „истинно-русскій“ союзникъ, онъ клялся разбить бюстъ Толстого. Этимъ все сказано. Кто смѣетъ оспаривать его право быть врачомъ? И—что уже прямо трагично—онъ врачъ, онъ даже до „отмѣны“ двойки врачуетъ въ старицкомъ уѣздѣ тверской губерніи. Г. Сопоцько этого не скрываетъ. Въ „Русскомъ Знамени“ — за подписью: „Исп. об. врача с. Мологина, Михаилъ Сырокомля-Сопоцько“,—были напечатаны слѣдующія строки: „Хотя оный помпадуръ (тверской губернаторъ, г. Бюнтингъ) меня и не утвердилъ, а я три съ половиной мѣсяца эти обязанности съ успѣхомъ исполнялъ. да—сказать ли по секрету?—исполняю и сейчасъ“. Будь на мѣстѣ г. Сопоцьки свѣтило медицины, но безъ свидѣтельства о полицейской благонадежности, онъ, при неутвержденіи губернаторомъ, и трехъ дней не могъ бы быть земскимъ врачомъ. А для рѣжущаго людскія горла убойнымъ способомъ губернаторское неутвержденіе—ничто.

Въ заключеніе приведемъ безпримѣрную по тону и по содержанію похвальбу „героя нашего времени“: „Бюнтингъ извивается, какъ ужъ, желая оправдаться въ глазахъ общественнаго мнѣнія (?!), но это ему не удалось, и теперь его незаконномѣрныя по отношенію ко мнѣ дѣйствія подлежатъ обсужденію перваго департамента правительствующаго сената, а извѣстное мнѣ высокопоставленное лицо, во имя правды, я надѣюсь, доложитъ о нихъ самому Государю Императору. Вотъ въ сенатѣ мы съ Бюнтингомъ и побесѣдуемъ“... „Что касается моего увольненія изъ академіи, о которомъ сообщалъ Бюнтингу Данилевскій (бывшій начальникъ военно-медицинской академіи), то слѣдствіе генерала Шебеко возстановитъ мои попранныя права, а самъ Данилевскій уже вылетѣлъ въ отставку. Думаю, что то же случится и съ Бюнтингомъ, послѣ суда и рѣшенія правительствую-

щаго сената"... Кто поручится, что г. Сопоцько не выйдетъ изъ исторіи съ двойкой полнымъ побѣдителемъ—на благо несчастныхъ крестьянъ, которыхъ онъ „съ успѣхомъ" рѣжетъ и лечитъ? Прошли тѣ времена, когда Сопоцьки довольствовались половинными побѣдами...

ОТВѢТЪ ГР. ПЕРОВСКОМУ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО

Составитель „общественной хроники" „Вѣстника Европы" получилъ отъ гр. Перовскаго-Петрово-Соловово письмо, вызванное хроникой, напечатанной въ октябрьской книжкѣ. „Предоставляю вамъ—пишетъ гр. Перовскій—отозваться на это письмо, если сочтете для себя удобнымъ, въ той формѣ, въ какой пожелаете". Полагаю, что самая подходящая форма—отвѣтъ на тѣхъ самыхъ страницахъ, которыя дали поводъ автору письма упрекнуть меня въ непослѣдовательности и поставить мнѣ нѣсколько вопросовъ.

Мою непослѣдовательность гр. Перовскій усматриваетъ въ томъ, что, неоднократно отмѣчая „обычный отвратительно-кровожадный крикъ" г. Маркова 2-го и его думскихъ единомышленниковъ: „мало",—я, „повидимому", упускаю изъ виду, „что въ первый разъ стали кричать это „мало" на скамьяхъ крайней лѣвой (кадетскихъ „друзей слѣва") въ первой Думѣ, во время рѣчи П. А. Столыпина, въ которой онъ приводилъ цифры, относившіяся къ числу убитыхъ и раненыхъ полицейскихъ". Далѣе гр. Перовскій пишетъ, что онъ просмотрѣлъ по моей книгѣ „Изъ эпохи освободительнаго движенія" то, что я писалъ въ свое время о первой Думѣ, и „никакихъ комментарій къ этому тоже отвратительно-кровожадному, казалось бы, крику, да кажется и самаго упоминанія о немъ не нашелъ". Отсюда сдѣланъ выводъ: „Слѣдовательно, въ то время никакого особеннаго впечатлѣнія этотъ крикъ на васъ не произвелъ. Но стоило ему раздаться изъ ненавистныхъ вамъ рядовъ Думы, притомъ по адресу уже не скромныхъ служителей долга, а завѣдомыхъ убійцъ и грабителей,—какъ онъ васъ возмутилъ настолько, что вы постоянно къ нему возвращаетесь".

Прочтя приведенныя строки, я, прежде всего, сталъ вспоминать, дѣйствительно ли въ первой Думѣ оглашеніе числа убитыхъ и раненыхъ полицейскихъ было встрѣчено крикомъ: „мало". Моя память этого факта не сохранила. Отмѣтки въ стенограммахъ о

такомъ крикѣ во время рѣчи П. А. Столыпина я не нашелъ. А потому позволяю себѣ думать, что гр. Перовскій ошибся въ фактическомъ утвержденіи, послужившемъ ему главной посылкой для вывода. Но если въ первой Думѣ и не раздавалось „отвратительно-кровожаднаго" крика: „мало", то все же—можетъ сказать гр. Перовскій—на мнѣ остается упрекъ въ томъ, что я тогда не реагировалъ на страницахъ „Вѣстника Европы" на террористическіе акты, жертвами которыхъ ежедневно падали „скромные служители долга".

Можетъ быть, я по данному вопросу въ хроникѣ „Вѣстника Европы" и не писалъ—опять навѣрное не помню, хотя кажется, что и въ этомъ гр. Перовскій впалъ въ ошибку. Но во всякомъ случаѣ такой упрекъ былъ бы несправедливъ, какъ въ отношеніи журнала, такъ и въ отношеніи меня. „Вѣстникъ Европы" никогда не скрывалъ совершенно опредѣленно отрицательнаго отношенія къ террору вообще и къ убійству чиновъ полиціи, въ частности. Изъ того, что мною было написано въ 1906 г. въ другихъ органахъ печати по поводу стрѣльбы въ городовыхъ, приведу слѣдующій отрывокъ изъ отвѣта на письмо нѣкоей писавшей мнѣ невѣсты городового „Маши": „Стыдитесь прежде всего, Маша, думать, что если бы вы пришли ко мнѣ или написали за полной подписью и съ указаніемъ адреса, то васъ ухлопали бы потому, что вы невѣста городового. Я, какъ и вашъ женихъ, „никого не тронулъ за всю жизнь". И ничего общаго не имѣемъ съ убійствами и съ убійцами не я одинъ, а мы всѣ, требовавшіе и требующіе отмѣнить смертную казнь. Скажите, затѣмъ, вашему жениху, что я никогда не говорилъ, что городовыхъ жалѣть нечего и что ихъ убивать можно и слѣдуетъ. И опять—не я одинъ. У всѣхъ насъ кровью обливается сердце при каждомъ новомъ извѣстіи объ убійствѣ городового. И если мы требуемъ отмѣны смертной казни для „господъ, что зовутъ народъ на смуту и на живодерство", то именно для того, чтобы прекратились убійства и городовыхъ". Этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ 28-го іюня 1906 г. въ газетѣ „XX вѣкъ" („Изъ эпохи освободительнаго движенія", т. II, стр. 343). Кромѣ того, сошлюсь на рѣчи, которыя я произнесъ въ первой Думѣ 18-го мая и 19-го іюня 1906 г. и затѣмъ 13-го марта 1907 г.—во второй.

Въ оффиціальной стенографической записи послѣдней рѣчи (Госуд. Дума. Второй созывъ. Отчеты. Т. I, стр. 503—505) есть слѣдующія мѣста: „Если нужно, чтобы я исповѣдалъ свою вѣру, я скажу, что рѣшительнымъ образомъ осуждаю убійство съ лѣвой стороны: я осуждаю всякую кровь! Въ моихъ жилахъ такъ же точно холодѣетъ кровь, какъ и въ жилахъ преосвященнаго Евлогія, каждый разъ, когда приходится слышать о новыхъ проявленіяхъ ужаса, о новой смерти, о новой бомбѣ, о новыхъ выстрѣлахъ. Но кровь моя точно

также стынетъ и тогда, когда я узнаю о погромахъ. Я также протестую противъ убійства Герценштейна, какъ противъ убійства каждаго должностного лица, — вся душа моя протестуетъ противъ этого... Преосвященный Евлогій призывалъ насъ къ признанію. Извольте, мы признаемъ. Первую Думу упрекали за то, что она не осудила политическихъ убійцъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Когда я вступилъ въ первый разъ на эту каѳедру, отстаивая необходимость уничтоженія смертной казни, я говорилъ Государственной Думѣ слова осужденія политическимъ убійцамъ, и мои слова вызвали въ залѣ апплодисменты. Но вы требуете невозможнаго... Вы, господа, ставите правительство на одну доску съ преступниками, вы разрушаете всю идею государственности, весь строй, основу государства и законности... Ужасъ положенія въ томъ, что мы дѣйствительно, фактически, имѣемъ двѣ борющіяся стороны. И то, что мы имѣемъ двѣ какъ бы равныя стороны, вырываетъ почву изъ-подъ ногъ каждаго, осуждающаго,—я это повторяю и раньше говорилъ много разъ,—осуждающаго политическія убійства. Вы вырываете—не вы, а факты, обстоятельства вырываютъ у насъ почву изъ-подъ ногъ! Мы видимъ, что страна катится по наклонной плоскости—и вы думаете это остановить казнями, карами? Нельзя никогда забывать человѣческой психологіи. Люди управляются своими мыслями. Вы можете механически вырвать человѣка, но идею вырвать нельзя. Каждый вырванный человѣкъ тѣмъ, что онъ механически вырванъ, уничтоженъ—чѣмъ рѣзче, тѣмъ хуже — производитъ бо̀льшее впечатлѣніе, бо̀льшее психическое воздѣйствіе на общество, чѣмъ онъ могъ бы своими дѣйствіями причинить вреда"...

Цитата вышла нѣсколько длинна. За это прошу извиненія. Но ею я не только хотѣлъ доказать, что въ отношеніи меня упрекъ гр. Перовскаго несправедливъ. Мнѣ, какъ убѣжденному борцу противъ смертной казни, гораздо важнѣе было выяснить другое. Именно—что, высказываясь и въ настоящее время, и въ 1905-1907 гг. противъ убійства человѣка человѣкомъ, людей людьми—кто бы они ни были,—я, дѣйствительно, не становлюсь и никогда не становился на точку зрѣнія гр. Перовскаго. Его точка зрѣнія — полная параллель между преступнымъ убійствомъ и смертной „казнью". Для него крикъ „мало" изъ устъ г. Маркова 2-го и одинаковый крикъ изъ устъ „кадетскихъ друзей слѣва" (если такой крикъ раздавался или еслибы когда-либо раздался) равноцѣнны. Разница лишь въ томъ, что первый его адресуетъ „завѣдомымъ убійцамъ и грабителямъ", а вторые—людямъ, ни въ чемъ не повиннымъ, „скромнымъ и честнымъ служителямъ долга". Для меня же преступное дѣяніе и закономѣрный актъ государственной власти суть явленія разнаго порядка, и устанавливать параллель между ними я считаю недопустимымъ. Въ этомъ у насъ разномыслiе

коренное. Для меня одинъ „отвратительно-кровожадный крикъ“ есть призывъ къ убійству государствомъ—призывъ въ убійству по закону, черезъ палача. А другой—призывъ къ убійству преступному. Отсюда—глубокое различіе въ ихъ юридической и, особенно, этической оцѣнкѣ.

Въ концѣ письма гр. Перовскій пишетъ: „За отмѣну смертной казни вы ломаете копья неустанно. Но спрошу васъ: а много ли вами написано строкъ, въ которыхъ указывалось бы на мизерность того пособія, которое государство выплачиваетъ вдовамъ и дѣтямъ его вѣрныхъ слугъ, потерявшихъ жизнь“?

Опять неукладывающійся въ моей головѣ параллелизмъ. Но безотносительно къ сопоставленію того, чего нельзя сопоставлять, не могу не сказать, что гр. Перовскій по существу своего вопроса—не по его обращенію ко мнѣ, конечно,—правъ. Что вышло изъ милліона, спеціально ассигнованнаго два слишкомъ года назадъ на помощь жертвамъ террора? Мнѣ лично извѣстна одна изъ такихъ жертвъ. Человѣкъ былъ раненъ бомбой въ январѣ 1908-го года. Бомба сдѣлала его калѣкой. Скоро минетъ три года. Онъ все ходитъ, проситъ, стучится во всѣ двери—и голодаетъ. Отвѣты старые, давно извѣстные: или что вѣдомства еще между собою не снеслись, или что законъ неясенъ, или что документы не въ порядкѣ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

Въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ подъ стихотвореніями: „Ронделли“ по ошибкѣ пропущена подпись автора, В. Бородаевскаго.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

СТРАН.

П. Д. БОБОРЫКИНЪ и С. А. МУРОМЦЕВЪ.

I. СЛѢПЫЕ.—Повѣсть.—**Георгія Чулкова** 3

II. ИСКРЫ.—I-IX.—Стихотворенія.—**А. Ѳедорова** 56

III. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. — Маленькіе разсказы: I. Сирень.—II. Тяга.—III. Кладъ. **Евгенія Чирикова** 60

IV. СЕЛЬСКІЕ СОНЕТЫ.—I-V.—**А. Колтоновскаго** 80

V. П. Л. ЛАВРОВЪ О СЕБѢ САМОМЪ.—II.—Окончаніе. 83

VI. КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА.—Отрывки изъ автобіографіи.—I-VIII.—**Ал. Лугового.** 104

VII. ВЪ СТРАНѢ ОЗЕРЪ. — Изъ лѣтнихъ скитаній по Финляндіи.—II. Кузьма изъ Чембара. — III. Давидъ Мартиненъ. — **Вас. Брусянина** 132

VIII. ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.—**Е. Юнге.** . . 151

IX. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. — Радикалы и ихъ вожди.— **Нестора Котляревскаго** 158

X. КОНСТАНТИНЪ ПЕККЕРЪ.—Страница изъ исторіи соціалистической мысли во Франціи.—**С. Прокоповича** 177

XI. МОДЕРНИЗМЪ ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.—I. Пути и перепутья творчества.—**Виктора Чернова** 209

XII. ДЖЕМСЪ И ТЕОРІЯ ПРАГМАТИЗМА.—**Н. Езерскаго** . . 229

XIII. ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ВЪ ЕГО РѢЧАХЪ И ДѢЛАХЪ.—**Л. З. Слонимскаго.** 241

XIV. ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ. - „Giovanna“, von Sophus Michaëlis.—Перев. съ нѣм. **М. Чепинской** 258

XV. Хроника.—Письмо изъ Парижа.—I. L'apaisement.—II. La Grève Générale.—**Бѣлоруссова.** 298

XVI. ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ. — Изъ научной лѣтописи 1909 года.—**К. А. Тимирязева** 315

XVII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **И. В. Жилкина** . . 332

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Похороны С. А. Муромцева, какъ „признакъ времени“.—Засѣданіе 15-го октября въ Государственной Думѣ.—Результаты „охранной политики“ (Москва, Кіевъ) и новый ея манифестъ (Нижній Новгородъ). — Юбилей „академическаго союза“ и рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣ-

СТРАН.

щенія.—Правила о сектантскихъ собраніяхъ.—Начало думскихъ преній о начальной школѣ.—Юбилей П. Д. Боборыкина . . . 342

XIX. СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ МУРОМЦЕВЪ.—Опытъ его характеристики.—**Максима Ковалевскаго** 363

XX. КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ П. Д. БОБОРЫКИНА.—**Д. Н. Овсянико-Куликовскаго**. 368

XXI. ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.—**С. А. Адріанова**. 373

XXII. НѢСКОЛЬКО НОВѢЙШИХЪ КНИГЪ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—**Н. И. Карѣева** 387

XXIII. ПАМЯТИ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. — 1846 — 1910. — **М. А. Славинскаго** 392

XXIV. ТРАГЕДІЯ ВОЛИ.—О бывшихъ ссыльныхъ.—**Бориса Фроммметта** 396

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Паденіе монархіи въ Португаліи.—Парламентскія битвы во Франціи: министерство Бріана и его противники.—Турецкіе займы и французская дипломатія.—Греческій кризисъ.—Персидскія дѣла 402

XXVI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—П. Коганъ. Очерки по ист. нов. русск. лит., т. III, Современники, вып. III, Мистики и богоискатели.—Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый“. Книга статей, книгоиздательство „Альціона“.—Чеховскій юбилейный сборникъ.—1860—17 января—1910.—Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Вып. I-III.—Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864-1909 гг. Вып. I.—**Ч. В—скаго.**—Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.—Словарь литературныхъ типовъ. Вып. IV: Грибоѣдовъ, подъ ред. Н. Д. Носкова. — **Н. Л.** — Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. — **В. В.** — П. Г. Виноградовъ, проф. Оксфордскаго и Московскаго университетовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ, изд. А. А. Карцева.—**И. Бороздина.**—І. М. Кулишеръ, „Лекціи по исторіи экономическаго быта зап. Европы“, изд. 2-е. — **И. Иванюкова.** — Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. Т. I: Старый порядокъ и революція.—**Максима Ковалевскаго.**—Новыя книги и брошюры . 413

XXVII. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Памяти С. А. Муромцева.—Первая Дума и ея символъ.—Закрытая баллотировка петербургской городской думы. — Отклики смерти С. А. Муромцева.—Сыскъ.—Близка ли реформа органовъ самоуправленія?—Событіе дня: экзаменаціонная двойка, полученная студентомъ-союзникомъ. 439

XXVIII. ОТВѢТЪ гр. ПЕРОВСКОМУ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО. — **В. Д. Кузьмина-Караваева** 451

XXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 457

XXX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Объявленіе о Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ; 2) Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы“.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX В.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, С. М. Блекловъ, проф. М. И. Боголѣповъ, проф. М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, прив.-доц. В. Ф. Каганъ, В. Я. Канель, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, М. Невѣдомскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. Л. Омелянскій, М. Н. Покровскій, Н. А. Рожковъ, С. Ѳ. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Л. А. Тарасевичъ, проф. К. А. Тимирязевъ, прив.-доц. В. М. Фриче, С. Я. Цейтлинъ, В. И. Чарнолускій, проф. М. П. Чубинскій, Г. И. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель и др.

СОДЕРЖАНІЕ. **ЧАСТЬ I. ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССІЯ. Томъ I.** Введеніе. Россія въ концѣ XVIII вѣка. 1. Павелъ Петровичъ. 2. Александръ I. 3. Декабристы. 4. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 5. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. 6. Финансовая политика Канкрина. 7. Государственные крестьяне при Николаѣ I. 8. Польша въ первой половинѣ XIX в. **Томъ II.** 9. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 11. Русская литература до Пушкина. 12. Очеркъ Пушкинскаго періода. 13. Русская литература во второй четверти вѣка. 14. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Библіографія къ первой части. **ЧАСТЬ II. ЭПОХА РЕФОРМЪ. Томъ III.** 1. Крымская война. 2. Крестьянская реформа. 3. Земская реформа. 4. Судебная реформа. 5. Польское возстаніе. **Томъ IV.** 6. Городъ и городовое положеніе 1870 г. 7. Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ. 8. Расколъ въ первой половинѣ XIX вѣка. 9. Начальное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Средняя школа. 11. Университеты. 12. Русская литература 60-хъ годовъ. 13. Украинская литература. 14. Пластическія искусства въ первой половинѣ вѣка. 15. Русская музыка въ первой половинѣ вѣка. Библіографія ко второй части. **ЧАСТЬ III. ЭПОХА РЕАКЦІИ. Томъ V.** 1. Общая политика правительства 1866—1892 гг. 2. Земское самоуправленіе и реформа 1890 г. 3. Крестьянское общественное управленіе. 4. Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ. 5. Городская контръ-реформа 1892 г. 6. Расколъ и сектантство во второй половинѣ вѣка. 7. Завоеваніе Кавказа. **Томъ VI.** 8. Восточный вопросъ отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса. 9. Государственное хозяйство Россіи до 1892 г. 10. Крестьянское и народническое движеніе. 11. Развитіе промышленности и рабочее движеніе до 1892 г. 12. Судьба судебной реформы. 13. Польскій вопросъ послѣ 1863 г. 14. Развитіе научной мысли въ первой половинѣ вѣка. **Томъ VII.** 15. Пробужденіе естествознанія въ 3-й четверти вѣка. 16. Русская литература съ 70-хъ по 90-ые годы. 17. Украинская литература во второй половинѣ вѣка. 18. Начальное образованіе во второй половинѣ вѣка. 19. Средняя школа. 20. Пластическія искусства во второй половинѣ вѣка. 21. Русская музыка во второй половинѣ XIX вѣка. Библіографія къ третьей части. **ЧАСТЬ IV. КОНЕЦЪ ВѢКА. Томъ VIII.** 1. Государственное хозяйство въ концѣ вѣка. 2. Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 г. 3. Общественная медицина въ связи съ условіями жизни народа. **Томъ IX.** 4. Литература въ послѣдней четверти вѣка. 5. Развитіе научной мысли въ послѣдней четверти вѣка. 6. Жизнь русской школы въ концѣ вѣка. 7. Внѣшняя политика. Библіографія къ четвертой части.

„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ составитъ 9 томовъ или 35 выпусковъ въ 80 стр. большого формата, въ общей сложности около 2.800 стр. текста; основное иллюстрированное изданіе ея, кромѣ того, будетъ заключать до 200 художественно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ картинъ и скульптуръ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ до 50 **геліогравюръ** англійскаго типа (Rembrandt-Intaglio) и нѣмецкихъ.

Къ 1 ноября 1910 г. ВЫШЛО ВОСЕМЬ ТОМОВЪ (34 выпуска).

Цѣна тома основного (иллюстрированнаго) изданія—**4 р. 50 к.**, въ роскошномъ переплетѣ (по рисункамъ акад. живоп. Л. О. Пастернака) — **5 р. 50 к.**, **удешевленнаго** (неиллюстрированнаго) изданія — **3 р.**; цѣна **выпуска**, при подпискѣ на все изданіе, — **1 р. 20 к.**, въ отдѣльной продажѣ — **1 р. 35 к.**

Томы оплачиваются по мѣрѣ полученія, но по соглашенію съ конторою **допускается широкая разсрочка.**

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Б. Никитская, 5.

Отдѣленія: С.-Петербургъ, Моховая, 37.—Одесса, Софіевская, 23.

Педагогическая Академія

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и МОНОГРАФІЯХЪ

(„ВОСПИТАНІЕ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ“)

подъ общей редакціей профес. **Алекс. Петр. Нечаева.**

ВЪ 15-ти томахъ:

НЕОБХОДИМОЕ НАСТОЛЬНОЕ изданіе для *родителей, воспитателей,* общественныхъ дѣятелей и вообще лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу воспитанія.

ВЫШЛИ ЧЕТЫРЕ ТОМА:

1. **Дѣтская литература.** *Н. В. Чехова* съ прил. „Библіографіи по вопросамъ дѣт. литературы и дѣт. чтенія“, сост. *А. Е. Корольковымъ* М. XVI+256 стр. съ 107 илл.

2. **Методы первоначальнаго обученія.** Часть I. (Русскій языкъ, начальная математика, новые языки и исторія). *Н. К. Кульмана, С. И. Шохоръ-Троцкаго, В. К. Петровой и С. Ф. Знаменскаго.* М. 255 стр. съ 47 илл. и библіограф. указателями.

3. **Душевная жизнь дѣтей.** Очерки по педагогической психологіи. Подъ редакц. проф. *А. Ф. Лазурскаго* и проф. *А. П. Нечаева.* М. 282 стр. съ 91 рис.

4. **Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи** до эпохи реформъ Александра II. *С. А. Князькова* и *Н. И. Сербова* подъ редакц. *С. В. Рождественскаго.* Съ рис. и портретами. М. IV+240 стр.

Печатается:

5-ый томъ: Дѣтскія болѣзни. Врача *Л. В. Писаревой* подъ ред. проф. *Г. В. Хлопина.* Съ рис. и таблицами.

Готовятся къ печати:

Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. ▲ Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ. ▲ Методы первоначальнаго обученія. Часть II. ▲ Физическое развитіе дѣтей. ▲ Гигіена умственнаго и физическаго труда. Подвижныя игры, гимнастика, спортъ, ручной трудъ. ▲ Нервно-больныя дѣти въ семьѣ и школѣ. (Педагогическая невро-и психо-патологія). ▲ Главные моменты въ развитіи школы въ Западной Европѣ и Америкѣ. ▲ Современная школа въ Западной Европѣ и Америкѣ. ▲ Современныя теченія педагогической мысли. ▲ Дѣтскіе сады. Наглядныя пособія. Педагогическіе музеи. Организація экскурсій.

Изданіе будетъ снабжено рисунками, портретами, діаграммами, таблицами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Продолжается подписка.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 2 р.; при полученіи каждаго изъ первыхъ 12 томовъ по 1 р. 35 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и по 1 р. 50 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи; при полученіи 13-го, 14-го и 15-го томовъ, доставляемыхъ одновременно, 1 р. 80 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ, 2 р. съ пересылкой въ другіе города Россіи и за границу. Изданіе можно получать и въ коленкоровыхъ съ золотымъ тисненіемъ переплетахъ по цѣнѣ 30 коп. за переплетъ каждаго тома. За наложенный платежъ по 10 коп. при каждой посылкѣ.

Проспектъ безплатно.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій переулокъ д. № 21.

Универсальная библіотека.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ:

Адамъ. Византія. № 83.
Амичисъ. Учительница рабочихъ. (2-е изд.). № 20.
Аннунціо. Дѣвственницы. № 225.
— Джіоконда. № 170.
— Джованни Эпископо. № 127.
— Дочь Іоріо. (2-е). № 17.
— Дѣвственная земля. № 314.
— Корабль. (2-е). 58-9.
— Мертвый городъ. № 155.
— Наслажденіе. № 287-90.
— Перевозчикъ и др. 281.
— Сильнѣе любви. (2-е) № 48.
— Слава. № 204.
— Сонъ весенняго утра. Сонъ осенняго заката. № 179.
— Факелъ подъ мѣрой. 171.
Анценгруберъ. Нашла коса на камень. № 115.
Банъ. Безнад. погибающіе. № 209-11.
— Избранныя новеллы. 230.
— Таинственные разсказы. № 178.
Барбэ д'Оревильи. Дьявольскія маски. № 126.
Батайль. Дѣва неразумная. № 286.
Берістремъ. Карэнъ Борнеманъ. № 120.
Бетхеръ. Шквалъ. (2-е). № 38.
Блечфордъ. Страна чудесъ. № 43-4.
Бурже. Ученикъ. № 221-3.
Бьернсонъ. Свыше силъ. Ч. I. (2-е). № 7.
— Свыше силъ, ч. II. (2-е). № 8.
Вассерманъ. Сестры. № 217-8.
Верхарнъ. Зори. № 69.
— Монастырь. № 60.
Вилье де-Лиль-Адамъ. Жестокіе разсказы. № 137.
— Тайна эшафота и др. № 125.
Винниченко. Купля и др. № 320.
Войничъ. Оводъ. № 242-5.
Гальбе. Юность. № 108.
Гамсунъ. Вечерняя заря. № 121.
— Викторія. (2-е). № 64.
— Воинствующая жизнь. № 183
— Въ сказочной странѣ № 301-2.
— Голодъ. (3-е). № 99-100.
— Драма жизни. № 203.
— Мечтатель. № 146.
— Мистеріи. № 255-8.
— Панъ. (3-е). № 54-5.
— Подъ осен звѣздами. № 129-30.
— Подъ полумѣсяцемъ. № 185.
Гамсунъ. Поросль. № 164-5.
— Редакторъ Люнге. № 153-4.
— Сьеста. № 201-2.
— У вратъ царства. № 101.
— Царица Тамара. № 215.
Гарборгъ. Проповѣдникъ. № 173.
Гаукландъ. Бѣлыя ночи. № 187.
Гауптманъ. Бобровая шуба. № 303.
— Геншель. (2-е). № 22.
— Заложница Карла Велик. № 195-6.
— Михаэль Крамеръ. (2-е). № 37.
— Одинокіе люди. (2-е). № 25.
— Передъ восход. солнца. (2-е). № 9.
— Потонув. колоколъ. (2-е) № 49-50.
— Праздникъ мира. (2-е). № 51.
— Роза Берндъ. (2-е). № 14.
— Стрѣлочникъ Тиль. Апостолъ. № 249.
— Эльга. (2-е). № 15.
Геббель. Юдиѳь (2-е). № 57.
Гедберіъ. Іуда. (2-е). № 75-6.
Гейберіъ. Балконъ. Тетя Ульрика. № 220.
— Трагедія любви. № 150.
Гейермансъ. Всѣхъ скорбящихъ. (2-е). № 23.
Гейерстамъ. Книга о маленькомъ братцѣ. № 161-2.
Гейзе. Марія изъ Магдалы. (2-е). № 35.
Гольдони. Хозяйка гостиницы. № 237.
Гонкуръ. Элиза. № 176-7.
Гофмансталь. Авантюристъ и пѣвица. № 139.
— Женщина въ окнѣ. Глупецъ и смерть. № 68.
— Свадьба Зобеиды. (2-е). № 28.
— Смерть Тиціана. Вчера. (2-е). № 29.
— Эдипъ и Сфинксъ. № 90.
Гофманъ. Дожъ и Догаресса. Автоматъ. № 219.
Гурмонъ. Цвѣта. № 268.
Гюю. Послѣдн. день осужденн. № 156.
Делле-Граціэ. Катастрофа. (2-е). № 30.
Додэ. Письма съ моей мельницы. № 193-4.
— Тартаренъ изъ Тараскона. № 145.
Дрейеръ. Семнадцатилѣтніе. (2-е). № 67.
Жеромскій. Лѣсные отголоски. (2-е) № 18.
Жулавскій. Ійола. № 296-7.
— Эросъ и Психея. № 266-7.
Золя. Осада мельницы и др. № 163.
Зудерманъ. Іоаннъ. № 77.
— Огни Ивановой ночи. № 236.

Зудерманъ. Родина. № 246.
Ибаньесъ. Двойной выстрѣлъ. № 315.
Ибсенъ. Борцы за престолъ. № 213-4.
— Брандъ. 148-9.
— Врагъ народа. (3-е). № 2.
— Гедда Габлеръ. (3-е). № 4.
— Джонъ Габріэль Боркманъ. № 147.
— Дикая утка. № 80.
— Женщина съ моря. (2-е). № 6.
— Кесарь и Галилеян. ч. I. (2-е). № 52-3.
— Кесарь и Галил. ч. II. № 110-1.
— Когда мы мертвые проснемся. (2-е). № 34.
— Кукольный домъ. (3-е). № 1.
— Маленькій Эйольфъ. № 87.
— Привидѣнія. (3-е). № 3.
— Росмерсхольмъ. (3-е). № 13.
— Союзъ молодежи. № 216.
— Столпы общества. № 66.
— Строитель Сольнесъ. (3-е). № 5.
— Фру Ингеръ изъ Эстрота. № 175.
Келлерманъ. Ингеборгъ. № 251-3.
Килландъ. Маленькія новеллы. № 208.
Конопницкая. Пром. и Сизифъ. № 186.
Коппе. Северо Торелли. (2-е). № 42.
Краіъ. Ночныя тѣни. № 238.
Красинскій. Придіонъ. № 234-5.
Кюрэль. Новый кумиръ. № 31.
Лагерлефъ. Деньги г-на Арнэ. № 105.
— Королевы въ Кунгахэллѣ. № 307.
— Легенда одной усадьбы. (2-е). № 65.
— Легенды. № 275.
— Легенды о Христѣ. № 292-3.
— Чудеса Антихриста. № 271-4.
Левертинъ. Рококо. № 269.
Лемонье. Мертвецъ и др. (2-е). № 36.
Леконтъ де-Лиль. Эриніи. № 40.
Ленгіель. Тайфунъ. № 306.
Лоти. Матросъ. № 304-5.
Лилонасъ. Тролль. № 239.
Лусъ. Человѣкъ въ пурпурѣ. № 248.
Манъ, Г. Актриса. № 188.
— Голосъ крови. № 197-9.
— Діана. № 316-8.
— Злые. № 291.
— Флейты и кинжалы. № 114.
Манъ, Т. Тристанъ. № 224.
— Фіоренца № 319.
Меримэ. Жакерія. № 93-4.
— Карменъ. № 86.
Метерлинкъ. Аглавена и Селизетта. № 104.
— Жуазель. № 128.
— Монна Ванна. (3-е). № 11.
— Пелеасъ и Мелизанда. № 82.
— Принцесса Малэнъ. № 158.
— Семь принцессъ. Аладина и Паломидъ. № 200.
Метерлинкъ. Сестра Беатриса. Смерть Тентажиля. (2-е). № 19.
— Синяя птица. № 241.
— Слѣпые Тамъ внутри. Непрошенная. (2-е). № 62
— Чудо Святого Антонія. Аріана и Синяя Борода. (2-е). № 47.
Мирбо. Голгоѳа. № 278-80.
— Очагъ. № 259-60.
Мультатули. Письма любви. № 135.
Мюссе. Сынъ Тиціана. Мушка. № 189.
Нѣмоевскій. Письма ненормальнаго человѣка. № 276-7.
Обстфельдеръ. Крестъ. № 151.
Ожешко и др. Изъ одного русла. № 32-3.
Ожье. Клерикалы. № 180.
Омптеда. О смерти и др. 181.
Поленцъ. Деревенскіе разсказы № 261.
Понтоппиданъ. Молодая любовь. № 122.
Прево. Женскія письма. № 299.
— Куколка. № 184.
— Мѣщаночка. № 212.
Пшибышевскій. Андрогина. Аметисты. № 169.
— Вѣчная сказка (2-е). № 24.
— День Суда. № 226-9.
— De profundis. № 152.
— Дѣти сатаны. № 167-8.
— Homo Sapiens. (2-е). № 140-3.
— Надъ моремъ. № 247.
— Обрученіе. № 103.
— Пляска любви и смерти. (2-е). № 73.
— Ради счастья. Мать. (2-е). № 45.
— Requiem aeternam. Стезею Каина. Тиртей. № 166.
— Синагога Сатаны. № 254.
— Снѣгъ. (2-е). № 12.
— Сыны земли. № 112-3.
Рейтеръ. Женскія души. № 192.
Роденбахъ. Звонарь. № 159-60.
Мертвый Брюгге. № 118.
Розеггеръ. Молитва плотника. № 174.
Седерберіъ. Гертруда. (Любовь все). № 119.
Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ и др. № 172.
Сигурдъ. Исторія одной жизни. № 132-3.
Стендаль. Ченчи и др. № 308-9.
Стриндберіъ. Графиня Юлія. (2-е). № 79.
— Любовь и хлѣбъ и др. № 310.
— На шхерахъ. № 311-3.
— Отецъ. (2-е). № 61.
— Пепелище. № 88.
— Товарищи (2-е). № 74.
Таро. Слава Дингли. № 96.
Твэнъ. Жизнь на Миссисипи. № 294.
Тетмайеръ. Ангелъ смерти. № 262-5.
— Бездна. (2-е). № 78.
— Орлицы и др. разск. № 298.

Тетмайеръ. Разсказы и фантазіи. № 123.
Уайльдъ. Вѣеръ леди Уиндермайръ. (2-е). № 41.
— De profundis. № 182.
— Женщина, о которой говорить не стоитъ. № 295.
— Идеальный мужъ. № 144.
— Какъ важно быть серьезн. № 300.
— Портретъ Доріана Грея. № 205-7.
— Саломея. (3-е). № 21.
Уэллсъ. Борьба міровъ № 190-1.
— Война въ воздухѣ. № 282-5.
Фибихъ. Бабья деревня. (2-е). № 26-7.
— Борьба за мужчину. (2-е). № 89.
Флоберъ. Иродіада и др. № 84.
Франсъ. Источн. св. Клары. (2-е). № 71-2.
Франкъ. Спасители нравственности. (2-е). № 81.
Шиллеръ. Марія Стюартъ. № 240.
Шницлеръ. Анатоль. № 136.
— Безъ запрета. № 102.
— Графиня Мицци. № 233.
— Греческая танцовщица. № 134.
Шницлеръ. Жена мудреца. № 97.
— Забава. № 98.
— Зеленый попугай. (2-е). № 10.
— Интермеццо. № 109.
— Крикъ жизни. № 124.
— Маріонетки. № 106.
— Одинокій путь.
— Покрывало Беатриче. № 116-7.
— Поручикъ Густль. (2-е). № 46.
— Послѣдняя воля. № 157.
— Сказка. (2-е). № 16.
— Смерть. № 70.
— Сумеречныя души. (2-е). № 39.
— Фрау Берта Гарланъ. № 91-92.
— Часы жизни. № 95.
Шоу. Промыселъ г-жи Уорренъ. (2-е). № 56.
— Фарисеи. (2-е). № 63.
— Цезарь и Клеопатра. № 250.
Энгель. Надъ пучиной. № 138.
Эркманъ-Шатріанъ. Рейнскіе разсказы. № 270.
Эчегарай. Великій Галеотто. № 107.
Яничекъ. Женщина. (2-е). № 85.

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и желѣзнодорожныхъ кіоскахъ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Выписывающіе изъ Главной Конторы не менѣе 10 номеровъ за пересылку не платятъ.

При требованіи выпусковъ достаточно указать одни номера.

Кн-во „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер. д. № 21.

ИНОСТР. КНИЖН. МАГАЗИНЪ
КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
Авг. Дейбнеръ
(съ 1859 года).
— Морская, д. 12, уг. Невскаго, къ аркѣ. —

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ
50 к. отд. книжка
70 к. съ перес.

Издат. „Нов. Журн. для Всѣхъ“ (годъ изд. IV)
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на новый большой безпартійный журналъ

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ
4 р. 50 к. въ годъ
2 р. 50 к. на ½ г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Журналъ литературы, искусства, науки и общественной жизни.

Идя на встрѣчу давно назрѣвшей потребности въ большомъ идейномъ журналѣ, который, **включая всѣ отдѣлы дорогихъ толстыхъ ежемѣсячниковъ**, былъ бы въ то же время доступенъ по цѣнѣ широкому кругу читателей, издательство **„Нов. Журнала для всѣхъ“ (годъ изд. IV-й)**: будетъ выпускать журналъ **„Новая Жизнь“** при подписной цѣнѣ въ **4 р. 50 к. въ годъ.**

Въ журналѣ будутъ широко поставлены отдѣлы: 1) **Художественной литературы**, 2) **Критики и библіографіи**, 3) **Научно-популярный**, 4) **Искусства**, 5) **Общественно-политическій**, 6) **Отдѣлъ художественно исполненныхъ репродукцій** съ извѣстныхъ картинъ. **„Новая Жизнь“** будетъ выходить ежемѣсячно книжками большого формата, до 12 печатныхъ листовъ (200—240 стр.) въ художеств. обложкѣ, съ иллюстраціями **на отдѣльныхъ листахъ веленевой бумаги.**

Годовые подписчики получаютъ **безплатное приложеніе: собр. сочиненій Н. Добролюбова** (юбилейное изданіе по случаю 50-ти-лѣтія со дня смерти знаменитаго критика).

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, Николай Архиповъ, И. Бунинъ, А. Блокъ, К. Бальмонтъ, А. Боане, В. Брюсовъ, В. Вересаевъ. М. Горькій, С. Гусевъ-Оренбургскій, С. Городецкій, В. Гофманъ, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, А. Каменскій, Вл. Кохановскій, С. Кондурушкинъ, В. Ладыженскій, Б. Лазаревскій, В. Ленскій, В. Муйжель. Н. Олигеръ, А. Ремизовъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Свирскій, гр. Ал. Н. Толстой, Н. Тимковскій, А. Ѳедоровъ, Танъ, Н. Фалѣевъ, Е. Чириковъ, Георгій Чулковъ, Дм. Цензоръ, С. Юшкевичъ, Г. Яблочковъ и др.

КРИТИКА, НАУКА, ПУБЛИЦИСТИКА: проф. Е. Аничковъ, К. Арабажинъ, Ю. Айхенвальдъ, Б. Агафоновъ, П. Берлинъ, Ѳ. Батюшковъ, А. Бенуа, С. Венгеровъ, Л. Василевскій, И. Гинзбургъ, А. Дживилеговъ, А. Измайловъ, академикъ Н. Котляревскій, проф. Н. Карѣевъ, Л. Клейнбортъ, А. Луначарскій, М. Лемке, Н. Морозовъ, академикъ Д. Овсянико-Куликовскій, И. Рѣпинъ, Н. Рерихъ, Н. Рубакинъ. проф. В. Святловскій, Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, проф. И. Озеровъ, М. Энгельгардъ и др.

Матеріальную отвѣтственность передъ подписчиками „Новой Жизни“ принимаетъ на себя издательство „Нов. Журнала для всѣхъ“ (годъ изд. IV-й).

Подписной годъ начинается съ Декабря 1910 по Декабрь 1911 г.

Подписная цѣна: на 1 г.—4 р. 50 к., на ½ г.—2 р. 50 к., за границу—6 р., отдѣльная книжка—50 к., пробн. № высыл. за десять 7 коп. мар. Подписная плата марк. не принимается. Комиссія книжн. маг.: годов.—20 к., ½ год.—10 к.

Адресъ конт. и ред. „Новой Жизни“: С.-Петербургъ, Фонтанка, 38.

Редакторъ Николай Архиповъ.

УЧИТЕСЬ языкамъ безъ помощи учителя. Вышли изъ печати исправлен. и дополнен. самоучители, по которымъ въ два мѣсяца каждый можетъ научиться читать, писать и говорить по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-латински. Цѣна каждаго 1 р. съ пересылкой. Продаются въ книжномъ магазинѣ „СѢВЕРЪ“—С.-Петерб., Нет. стор., Больш. пр., № 3. Высылаются наложеннымъ платежемъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, за исключеніемъ іюня и іюля. Подписка принимается на годъ съ 15-го ноября 1909-го года и на полгода съ 15-го апрѣля 1910-го года. Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи 2 руб. въ годъ и 1 руб. 10 коп. на полгода.

Въ первомъ полугодіи въ журналѣ были помѣщены СТАТЬИ: **проф. А. Э. Вормса**—О правѣ женщинъ на выдѣлъ по указу 9-го ноября, Признаніе крестьянъ расточителями; **В. П. Дроздова** — О новыхъ порядкахъ владѣнія крестьянъ землею, Пьяный вопросъ, Кустари и ихъ нужды; **Н. М. Іорданскаго** — Мѣстный судъ и его реформа; **И. В. Ильинскаго** — Объ условномъ осужденіи; **проф. А. А. Кауфмана** — О переселеніи въ Сибирь, О ходачествѣ; **А. Е. Кулыжнаго** — Крестьяне и кооперація; **А. П. Левицкаго** — Земскіе налоги и оцѣнка; **проф. А. А. Мануилова** — Указъ 9-го ноября; **Ал. Ал. Мануилова** — Продажа хлѣба и хлѣбные элеваторы, Экономическая сторона крестьянской реформы; **С. П. Мельгунова**—Паденіе крѣпостного права; **В. Ф. Тотоміанца**—Сбытъ хлѣба кредитными и сельскохозяйственными товариществами; **В. Я. Уланова**—Народное образованіе въ Россіи; **А. В. Чаянова**—Народныя сбереженія; **О. А. Шкапскаго**—Переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ; **Н. В. Якушкина** — Государственный бюджетъ, и др. ФЕЛЬЕТОНЫ: **П. Булыгина**—Обида, Война; **академ. Ив. Бунина**—Стихотвореніе „Сиротка“; **Г. В. Вернадскаго** — Для души, Крѣпостное право на Руси: **В. Всеволодова**—Кометы; **Игоря Ильинскаго**—Двѣ старухи, И. С. Тургеневъ о крѣпостномъ правѣ; **А. Мухина**—А. П. Чеховъ; **В. Г. Сахновскаго** — А. В. Кольцовъ; **Юл. Семенова** — Какъ люди летаютъ; **С. Т. Семенова**—Именинникъ и др. ОТЧЕТЫ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ и ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ и СООБЩЕНІЯ. ЖИЗНЬ РОССІИ. (Жизнь деревни. Письма изъ деревни). ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ. (Статьи: **Н. П. Губскаго, А. Г. Іоллоса, А. Руданова, А. В. Чаянова** и др.). СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. (Статьи: **В. Э. Брунста, М. Н. Вонзблейна, Д. И. Деларова, М. Е. Шатерникова** и др.). ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ. КНИГИ И О КНИГАХЪ. ТОРГОВЛЯ.

Пробный нумеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ редакціи: Москва, Ново-Слободская, домъ № 85, кв. 11.

Редакторъ-издатель *В. П. Дроздовъ.*

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ

М. М. Стасюлевича

(Существуетъ съ 1872 г.)

Спб., Вас. остр., 5 л. собств. д. 28.

Телефонъ № 408-30.

Телеграммы: Петербургъ Типскладъ.

1-го іюля 1910 года выпущенъ **новый полный каталогъ** Склада (224 страницы), въ которомъ у каждой книги обозначены офиціальныя одобренія, рекомендаціи и допущенія со стороны всевозможныхъ вѣдомствъ, всѣ рекомендаціи самыхъ разнообразныхъ указателей лучшихъ книгъ для самообразованія, дѣтскаго чтенія и пр., а также рецензіи въ журналахъ и газетахъ. Такимъ образомъ каждому дѣлается ясно, съ какими изданіями онъ имѣетъ дѣло.

Изъ подсчета всѣхъ этихъ данныхъ видно, что изъ **953** вошедшихъ въ каталогъ основныхъ номеровъ

треть (32%) названій одобрена, рекомендована и допущена различными вѣдомствами;

двѣ трети (65%) названій рекомендованы наиболѣе солидными и извѣстными программами для самообразованія и указателями лучшихъ книгъ и

половина (51%) названій лестно отмѣчена различными критиками, спеціалистами и библіографами.

Складъ обращаетъ вниманіе на **дѣтскій отдѣлъ** своего каталога. Въ развитіи этого отдѣла за послѣдніе годы Складомъ все время руководитъ одна основная мысль: дать, по содержанію, хорошую, умную и сердечную книгу для дѣтей всѣхъ возрастовъ, а по внѣшности—книгу вполнѣ здоровую для глазъ, съ крупными шрифтами, красивую и вмѣстѣ недорогую. По массѣ лестныхъ рекомендацій и отзывовъ видно, каково содержаніе этого отдѣла.

Дополнительные каталоги будутъ выпущены Складомъ 1 сентября и 1 ноября 1910 года и 1 января, 1 марта и 1 мая 1911 года. Въ нихъ будутъ указаны всѣ книги, вновь выходящія въ свѣтъ и поступающія въ Книжный Складъ, а также свѣдѣнія о печатающихся изданіяхъ. Въ особомъ отдѣлѣ «Извѣстія Склада» приводятся новыя рецензіи, одобренія, допущенія и пр.

Каталогъ высылается безплатно; на пересылку—7 к. марку.

Открыта подписка на новое изданіе т-ва „МІРЪ“:

ИТОГИ НАУКИ

ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

При участіи: маг. В. К. Агафонова, проф. Д. Н. Анучина, проф. В. М. Арциховскаго, прив.-доц. М. В. Бернацкаго, Л. Л. Брейтфуса, прив.-доц. М. Н. Гернета, проф. Д. А. Гольдгаммера, проф. де-Греефа, прив.-доц. К. М. Дерюгина, проф. А. С. Догеля, проф. Д. К. Заболотнаго, проф. И. И. Калугина, проф. Н. М. Книповича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Г. А. Кожевникова, прив.-доц. В. Л. Комарова, прив.-доц. С. П. Кравкова, проф. Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова, прив.-доц А. В. Немилова, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. М. А. Рейснера, прив.-доц. М. Н. Римскаго-Корсакова, К. М. Тахтарева, проф. Н. А. Холодковскаго, проф. Л. А. Чугаева, проф. В. М. Шимкевича и др.

Содержаніе: Отдѣлъ I. **Мертвая природа**. А. 1. Механическіе процессы: міръ молекулъ и атомовъ. Эоиръ. Электроны. 2. Химическіе процессы. 3. Вселенная: механика и химія неба. В. **Современная техника**. 1) Торжество машины. 2) Техническія завоеванія въ области добычи и обработки вещества. 3) Техника въ борьбѣ съ неблагопріятными атмосферными вліяніями. 4) Побѣда надъ разстояніемъ. 5) Техника на службѣ духовныхъ интересовъ человѣчества. 6) Техника на службѣ силы. 7) Перспективы будущаго.—Отдѣлъ II. **Жизнь**. А. Теоретическая біологія: 1) Происхожденіе жизни на землѣ и аналогія между явленіями живой и мертвой природы. 2) Функціи растительной и животной жизни. 3) Строеніе и жизнь клѣтки. 4) Одноклѣточныя и многоклѣточныя растенія и органы послѣднихъ. 5) Одноклѣточныя и многоклѣточныя животныя. 6) Особь и колонія. 7) Развитіе и размноженіе растеній. 8) Размноженіе и развитіе животныхъ. 9) Наслѣдственность. 10) Взаимоотношеніе организмовъ между собой и съ окружающимъ міромъ. 11) Измѣнчивость организмовъ. 12) Образованіе видовъ. 13) Происхожденіе растеній въ связи съ ученіемъ объ ископаемыхъ формахъ. 14) Происхожденіе животныхъ и ихъ ископаемые предки. 15) Происхожденіе человѣка и его доисторическіе предки. В. Прикладная біологія: 1) Культурныя растенія, ихъ происхожденіе и значеніе для человѣка. 2) Культурныя животныя, ихъ происхожденіе и польза для человѣка. 3) Друзья и враги человѣка.—Отдѣлъ III. **Психическій міръ**: 1) Психическая эволюція до человѣка. 2) Душа и мозгъ. 3) Основные психическіе элементы и процессы. 4) Сложныя душевныя явленія. 5) Происхожденіе ума: мысль и слово. 6) Эмоціи. 7) Воля. 8) Психологическія основы этики, эстетики и логики. В. Педагогика. Отдѣлъ IV. **Общество**: А. 1) Основные законы развитіе об-ва. 2) Происхожденіе семьи, рода, племени, собственности и государства. 3) Происхожденіе языка, художественнаго творчества и религіи. В. 1) Эволюція экономическихъ отношеній. 2) Эволюція гражданско-правовыхъ отношеній. 3) Преступленіе, его происхожденіе и борьба съ нимъ. 4) Государство: а) механизмъ и функціи, б) государство и общественные союзы. 5) Эволюція международныхъ отношеній.

„Итоги науки въ теоріи и практикѣ“ составятъ около 220 печатныхъ листовъ большого формата, т.-е. около 3500 страницъ. Изданіе будетъ выходить книгами приблизительно по 8 листовъ, т.-е. 128 страницъ каждая (всего 25—30 книгъ), будетъ богато иллюстрировано многочисленными рисунками въ текстѣ и, сверхъ того, будетъ содержать около 200 художественно выполненныхъ репродукцій, въ томъ числѣ около **150 меццотинто-гравюръ** съ портретовъ выдающихся ученыхъ и до **20 цвѣтныхъ снимковъ** съ рисунковъ **спеціально изготовленныхъ** для настоящаго изданія. Первая книга выйдетъ въ ноябрѣ 1910 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

при подпискѣ уплачивается **2** руб. и при полученіи каждой книги по **1** руб. **60** к. и, сверхъ того, по **10** к. за переводъ платежа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ Т-ва „МІРЪ“:

Исторія всеобщей литературы XIX в.: 1. **Исторія русской литературы XIX в.** Подъ редакціей академика **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго**. 2. **Исторія западной литературы XIX в.** Подъ редакціей проф. **О. Д. Батюшкова**. **Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго. Карусъ Штерне. Эволюція міра.** Съ дополнит. статьями проф. **Н. А Умова** и **Н. А. Морозова. Современная скульптура.** 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ **Сергѣя Маковскаго. Проспекты безплатно** Главная конт. изданій т-ва „Міръ“: **Москва, Знаменка, 13.**

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ЕЯ ПРОБЛЕМЫ)

подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Изданіе имѣетъ цѣлью—въ связи съ изложеніемъ важнѣйшихъ событій текущаго десятилѣтія дать отчетливое представленіе объ очередныхъ задачахъ, надъ которыми работаетъ общественная и научная мысль культурнаго міра.

Оно распадается на слѣдующія основныя части:

1. **СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА:** (Франція; Бельгія; Италія; Англія; Швейцарія; Голландія; Скандинавія; Германія; Австрія; славянскія государства Балканскаго полуострова; Турція; Греція; Испанія; Португалія).

2. **ДАЛЬНІЙ ЗАПАДЪ** и **ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ:** (Соединенные Штаты Сѣверной Америки; остальныя государства Америки; Австралія; Японія; Китай; Персія; Индія; остальная Азія; Африка).

3. **СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ:** (Итоги аграрнаго развитія въ пореформенное время; промышленный капитализмъ, его тенденціи и требованія; общественное движеніе въ пореформенное время; предвѣстники перелома; режимъ Плеве; русско-японская война; революціонный годъ; рабочее движеніе; крестьянское движеніе; первая Дума; диктатура объединеннаго дворянства; вторая Дума; третья Дума; эволюція соціальныхъ и хозяйственныхъ отношеній).

4. **СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА** и **СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО:** (Литература; пластическія искусства; музыка; театръ).

5. **СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:** I. **Точныя науки:** (Астрономія; физика; химія; геологія; біологія: ботаника, зоологія; физіологія; микробіологія; антропологія; основныя черты современнаго состоянія точныхъ наукъ). II. **Прикладныя знанія:** (Техника; Медицина). III. **Общественныя науки:** (Современная философія и ея направленія; соціологія; политическая экономія; экономическія проблемы настоящаго времени; соціальныя проблемы).

Отдѣлъ, посвященный Россіи, выйдетъ въ концѣ изданія.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Э. Бернштейнъ, С. Н. Блажко, С. М. Блекловъ, Бѣлоруссовъ, де-Витъ, В. В. Водовозовъ, проф. Э. Вандервельдъ, Діонео, Инсаровъ, проф. М. М. Ковалевскій, Л. Крживицкій, З. Л. Ленскій, Л. Мартовъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. Л. Омелянскій, М. Осоргинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. А. С. Посниковъ, С. И. Рапопортъ, проф. Е. В. де-Роберти, Н. С. Русановъ, проф. А. Ѳ. Самойловъ, Р. С. Стрѣльцовъ, А. К. Тимирязевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, М. Хилкитъ (Morris Hilquitt, New-York), маг. А. С. Щепотьевъ, Ю. Д. Энгель и др.

„ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“ составитъ приблизительно около 40 выпусковъ въ 80 стран. большого формата или около 10 томовъ, которые будутъ въ сложности заключать около 3.200 страницъ текста. Изданіе будетъ иллюстрироваться художественно выполненными снимками съ портретовъ выдающихся дѣятелей, съ картинъ современныхъ художниковъ, видами, типами и сценами изъ жизни различныхъ странъ; художественныя приложенія частью будутъ выполнены **англійской геліогравюрой** Rembrandt-Intaglio.

ЦѢНА выпуска при предварительной подпискѣ на все изданіе—**1 руб.; Условія подписки:** при подпискѣ уплачивается по **2 руб.** и при полученіи каждаго выпуска по **1 руб.;** за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости; задаточные два руб. засчитываются при доставкѣ послѣднихъ двухъ выпусковъ изданія.

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Б. Никитская, 5.

Отдѣленія: С.-Петербургъ, Моховая, 37.— Одесса, Софіевская, 23.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ“ и К°.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Въ седьмомъ изданіи „Энциклопедическаго Словаря“ будутъ помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ: Б. В. Авилова, Ю. И. Айхенвальда, Н. И. Аммона, лектора Коммерч. Институ. В. П. Анисимова, академ. Д. Н. Анучина, прив.-доц. А. І. Бачинскаго, докт. геогр. Л. С. Берга, доц. М. В. Бернацкаго, ассист. астр. С. Н. Блажко, С. М. Блеклова, проф. С. М. Богданова, В. Д. Бончъ-Бруевича, прив.-доц. А. А. Борового, А. Н. Бѣликова, проф. Э. Вандервельда, прив.-доц. Д. В. Викторова, В. В. Водовозова, прив.-доц. А. Э. Вормса, проф. Е. Ф. Вотчала, проф. А. П. Гавриленко, проф. Ю. С. Гамбарова, прив.-доц. М. Н. Гернета, д-ра Ю. О. Гольдендаха, прив.-доц. Г. Н. Гулинова, Ф. Дана, А. К. Дживилегова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. В. В. Завьялова, поч. акад. Н. Н. Златовратскаго, Н. Ѳ. Золотницкаго, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, А. В. Игельстрома, И. Н. Игнатова, доц. В. Р. Идельсона, д-ра І. С. Идельсона, проф. П. А. Каблукова, прив.-доц. В. Ф. Кагана, Л. Б. Кафенгауза, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Г. А. Кожевникова, проф. А. Н. Краснова, Людв. Кржвицкаго, прив.-доц. А. А. Крубера, проф. А. Е. Крымскаго, проф. П. А. Лаврова, проф. Н. Н. Ланге, М. Е. Ландау, проф. Л. К. Лахтина, проф. Э. Г. Лейста, З. Л. Ленскаго, проф. А. П. Лидова, А. Н. Максимова, Л. Мартова, проф. С. А. Муромцева (†), М. М. Нечаева, проф. Я. Я. Никитинскаго, Н. М. Никольскаго, К. М. Оберучева, В. П. Обнинскаго, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. А. Л. Погодина, М. Н. Покровскаго, С. Н. Прокоповича, прив.-доц. П. Г. Риттера, Н. С. Русанова, проф. А. Н. Савина, проф. Л. В. Самойлова, прив.-доц. А. Р. Свирщевскаго, А. И. Смирнова, Е. Смирнова, прив.-доц. В. Д. Соколова, Р. С. Стрѣльцова, прив.-доц. Л. А. Тарасевича, Н. Г. Тарасова, К. М. Тахтарева, проф. К. А. Тимирязева, прив.-доц. Ю. Ю. Форсмана, проф. А. Ф. Фортунатова, прив.-доц. В. М. Фриче, проф. О. Д. Хвольсона, В. И. Чарнолускаго, проф. М. П. Чубинскаго, проф. В. Н. Ширяева, Г. И. Шрейдера, маг. А. С. Щепотьева, Ю. Д. Энгеля, инж. П. К. Энгельмейера, прив.-доц. Н. В. Ястребова и друг.

Изданіе составитъ приблизительно **40 томовъ** объемомъ въ сложности около 25.000 столбцовъ; кромѣ пояснительныхъ рисунковъ въ текстѣ, **Словарь** будетъ заключать около **800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую** страницу; по отдѣлу анатоміи человѣка будутъ даны **складныя модели; географическія карты** государствъ и русскихъ губерній **составляются** заново **спеціально для этого изданія.** Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія выходитъ удешевленное изданіе, безъ иллюстрацій.

Условія предварительной подписки: при подпискѣ вносится **2 р.** и при полученіи тома полнаго изданія (безъ переплета)—**2 р.**, тома въ переплетѣ—**2 р. 50 к.**, либо тома удешевленнаго изданія—**1 р. 40 к.** и сверхъ того за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости. Задаточные **2 р.** засчитываются при высылкѣ послѣдняго тома. **По выходѣ 4-го тома цѣна будетъ повышена.**

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Б. Никитская, 5.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Моховая, 37. — Одесса, Софіевская, 23.

Вышла въ свѣтъ НОВАЯ КНИГА

Юбилейный Сборникъ Литературнаго фонда.

Съ тремя фототипіями. Ц. 3 р.

Содержаніе:

С. В. Отъ редакціи. Корниловъ, А. А. Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. Общій очеркъ. Списокъ членовъ-учредителей. Списокъ членовъ комитета со времени основанія Общества. Л. Пантелѣевъ. Изъ исторіи первыхъ лѣтъ существованія Литературнаго Фонда. Левъ Толстой. Единая заповѣдь. Н. Костомаровъ. Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ Съ замѣткой В. Г. Котельникова. Кольцовъ. Неизданное письмо къ Бѣлинскому и дума „Неразгаданная истина“. О. Чюмина. Онъ погибъ въ бою великомъ Мих. Альбовъ. Разгадка впереди. Отрывки изъ неоконченной повѣсти. Петръ Быковъ. Изъ настроеній. Въ степи. Ал. Будищевъ. Въ дѣтской. Вл. Лихачовъ. Изъ весеннихъ думъ. В. Котельниковъ. Земля и наука. Сельскохозяйственный этюдъ. А. Федоровъ. Вечеръ. А. Федоровъ. Кукушка. Ал. Будищевъ. Только вечеръ затеплится синій. Л. Шестовъ. Изъ книги „Великіе кануны“. З. Гиппіусъ. Женское. Вѣнокъ. С. Надсонъ. Къ тихой пристани. Незаконченная юношеская повѣсть. Сообщила М. В. Ватсонъ. П. Соловьева. (Allegro). Въ дорогѣ. Вечеръ. Утро. Ивановъ-Разумникъ. Творчество и критика. (Отрывокъ изъ письма). Валерій Брюсовъ. Въ моей странѣ. С. Венгеровъ. Дружининъ. К. Фофановъ. Поэзія - богъ. Александръ Блокъ. Осенній день. Ѳ. Воропоновъ. Нѣсколько словъ о В. П. Гаевскомъ. Д. Мережковскій. Люблю иль нѣтъ, легка мнѣ безнадежность. Л. Пантелѣевъ. В. П. Ковалевскій, первый предсѣдатель Комитета Литературнаго Фонда. Д. Ратгаузъ. Изъ книги „Тоска бытія“. Ѳ. Батюшковъ. Завѣты Литературнаго Фонда. Сергѣй Городецкій. Отданіе молодости. Н. Карѣевъ. Традиціи Литературнаго Фонда. В. А. Манассеинъ, какъ выразитель ихъ. А. Лукьяновъ. Въ городѣ. Дмитрій Цензоръ. Въ большомъ домѣ. Н. Карѣевъ Я. Г. Гуревичъ. Добролюбовъ. Дневникъ 1857 г. Съ замѣткой С. Венгерова. А. Купринъ. Кляча. К. Арсеньевъ. Н. А. Бѣлоголовый и Г. А. Джаншіевъ. Ал. Луговой. Въ тихіе ясные дни. Лебединая пѣснь. Ѳедоръ Сологубъ. Отчего боятся дѣти. Н. Карѣевъ. Что дѣлалось на свѣтѣ въ годъ основанія Литературнаго Фонда. Изъ переписки В. П. Острогорскаго. I. Письмо Тургенева. II. Три письма Гончарова. Сообщилъ Н. В. Ельмановъ. Ольга Шапиръ. Одна изъ многихъ. Пушкинъ. Неизвѣстная эпиграмма его. Сообщилъ П. Морозовъ. Н. В. Шелгуновъ. Изъ воспоминаній. Сообщилъ В. И. Семевскій. А. Горнфельдъ. Объ одной фамиліи у Льва Толстого. Несторъ Котляревскій. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. Н. Минскій Безъ отчизны, безъ семьи. Николай Морозовъ. Сѣверный Вѣнецъ (Изъ звѣздныхъ пѣсенъ). Вл. Короленко. На Свѣтлоярѣ. Н. Минскій. Изъ Верлэна. А. Посниковъ. Чернышевскій и его комментарій къ „Политической экономіи“ Милля. Н. Златовратскій. Изъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ. Влад. Набоковъ. Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. Левъ Толстой. Разговоръ съ прохожимъ. Вас. Немировичъ-Данченко. Цвѣтокъ Великаго океана. Отрывокъ. М. Ватсонъ. Съ итальянскаго. Ал. Луговой. Манассеинъ. С. Дрожжинъ. Пѣсни и думки. С. Дрожжинъ. Въ деревнѣ. Георгъ Брандесъ. Рѣчь. Переводъ съ датскаго В. Спасской. Гр. Градовскій. Капитанъ Копѣйкинъ. Вл. Ладыженскій. Въ комнатѣ тихо. Сижу безъ огня. Максимъ Ковалевскій. Баденскій періодъ жизни Тургенева. Левъ Толстой. Пѣсни на деревнѣ. Н. Аненскій. Памяти Н. К. Михайловскаго. Празднованіе юбилея Литературнаго Фонда. Привѣтствія, полученныя Литературнымъ Фондомъ 8 ноября 1909 года.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ДЕКАБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

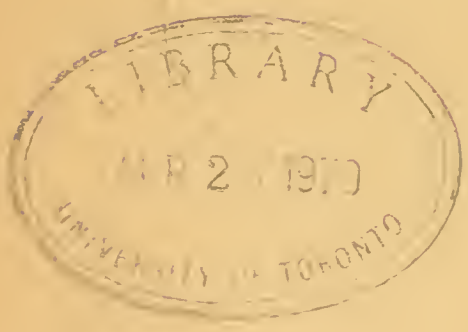
Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВІЧА
В. О. 3 Л. 28

4131


LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO

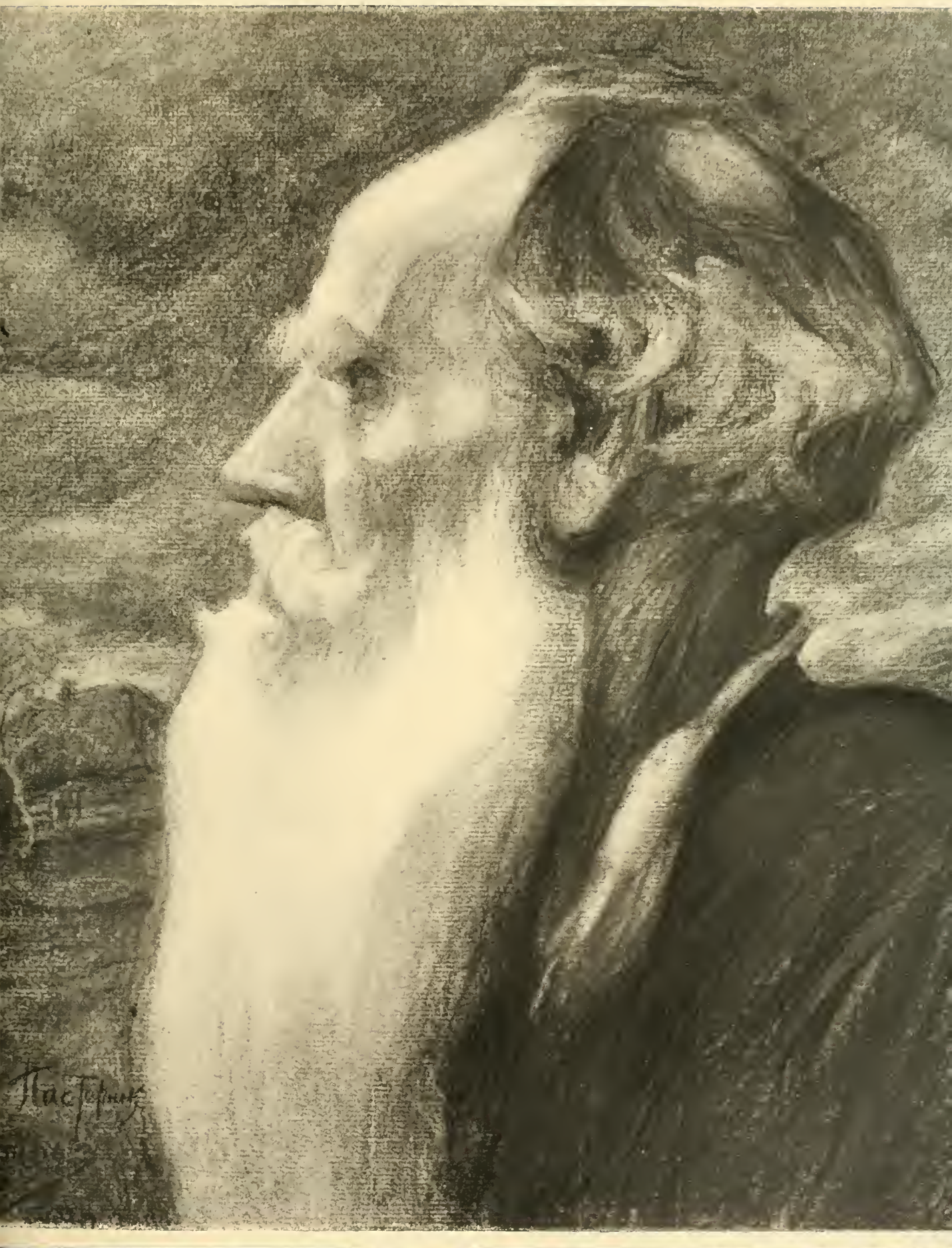
Левъ Николаевичъ Толстой.

Портретъ воспроизведенъ съ акварели академика живописи Л. О. Пастернака.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

Портретъ воспроизведенъ съ акварели заслуженнаго живописца Л. О. Пастернака.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.


Пастернак

ПАМЯТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО

Глубокую скорбь вызвала смерть Толстого во всемъ цивилизованномъ мірѣ: умеръ геніальный художникъ и великій другъ человѣчества, писатель, творенія котораго давно уже вошли въ міровую литературу и котораго цивилизованный міръ давно призналъ *своимъ*.

Но онъ прежде всего—*нашъ*. Онъ—нашъ не только потому, что былъ русскій, родился и жилъ въ Россіи и писалъ по-русски, а главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что нашъ національный укладъ, такъ называемый „національный геній", выразился въ немъ съ необычайною яркостью и силой,—какъ ни у кого изъ нашихъ великихъ людей. Въ ряду русскихъ великихъ писателей онъ—*самый русскій*.

И прежде всего, характерное для русскаго національнаго уклада *совмѣщеніе реализма мышленія съ идеализмомъ настроенія* проявилось у него въ формѣ, которую также приходится признать „русскою по преимуществу".

Эта форма, какъ все національное, съ трудомъ поддается точному и сжатому опредѣленію. Попробуемъ описать, охарактеризовать ее. Тутъ прежде всего вспоминается намъ одно изъ геніальнѣйшихъ художественныхъ созданій Толстого — Платонъ Каратаевъ, который для Пьера Безухова явился „олицетвореніемъ духа простоты и правды".

Для всѣхъ насъ и для всего міра Толстой во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, отъ первыхъ повѣстей до предсмертныхъ писемъ, является олицетвореніемъ духа простоты и правды.

У Каратаева это—черта скорѣе народная, чѣмъ національная; она дана здѣсь въ наивномъ, можно сказать—архаическомъ выраженіи. У Толстого она возведена на высшую ступень и выявилась какъ черта національная, обнаруживающаяся во всемъ: въ способѣ мышленія, въ отношеніяхъ художника и мыслителя къ вещамъ и людямъ, въ самоанализѣ, въ манерѣ письма, въ языкѣ и стилѣ.

Ею характеризуется и реализмъ, и идеализмъ Толстого. Она же явилась тою закваскою, силою которой сочетаніе реализма мысли съ идеализмомъ настроенія, вообще свойственное русскому національному характеру, получило столь ярко-національное выраженіе и предстало передъ міромъ въ обличьи глубоко-русскомъ.

Толстой-художникъ открылъ міру простоту и правду въ искусствѣ, доведенныя до тѣхъ предѣловъ, гдѣ искусство становится *безыскусственнымъ*. У Толстого нѣтъ совсѣмъ *сочинительства* въ творчествѣ—грѣха, въ который вольно и невольно впадали всѣ, даже величайшіе, художники. Толстой никогда не писалъ, да и не умѣлъ писать *красиво*. Нѣтъ у него ни литературныхъ *фразъ*, ни *позъ*, — тѣхъ условностей письма, отъ которыхъ не свободна никакая литературная школа, не исключая и реалистической. Къ художественному творчеству Толстого не примѣнимы выраженія: „литературное направленіе“, „школа“. Онъ выше всѣхъ направленій и школъ, и поэтому не создалъ ни школы, ни направленія. Великій геній въ искусствѣ, и притомъ геній по преимуществу русскій, онъ, силою художественной простоты и правды, создалъ огромныя художественныя цѣнности, которыя навсегда останутся достояніемъ человѣчества.

Толстой-художникъ сталъ религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ-проповѣдникомъ. И здѣсь, читаемъ ли мы „Исповѣдь“, или „Въ чемъ моя вѣра“, или „Чѣмъ люди живы“ и т. д.,— мы чувствуемъ вѣяніе все того же духа простоты и правды... И, какъ бы мы ни относились къ „ученію“ Толстого, нельзя отрицать одного: благодаря именно этому духу простоты и правды, его ученіе привлекло къ себѣ вниманіе во всемъ мірѣ и стало одною изъ силъ, по-своему движущихъ человѣчество къ лучшему будущему...

Но область религіознаго и моральнаго творчества — далеко не то, что творчество художественное, хотя и соприкасается съ этимъ послѣднимъ на многихъ пунктахъ. Элементы художественнаго мышленія входятъ въ составъ религіознаго и моральнаго, но религія и мораль имѣютъ свои особенности и задачи, для

которыхъ духъ простоты и правды, даже въ его геніальномъ проявленіи, оказывается недостаточнымъ.

Въ религіозной жизни и дѣятельности человѣчества, какъ проявляются онѣ и въ національныхъ религіяхъ, и въ религіяхъ міровыхъ, и въ многочисленныхъ сектахъ, первенствующая роль принадлежитъ такимъ факторамъ и элементамъ, какъ сила традиціи, символика, вѣра по принципу „credo quia absurdum", мистика. Все это — чуждо Толстому. Внушенія духа простоты и правды привели его къ раціонализму въ религіи, къ своеобразному истолкованію и упрощенному изложенію Евангелія, которое въ этой формѣ вышло весьма далекимъ отъ настоящаго, къ созданію вѣроученія, которымъ онъ думалъ реставрировать первобытное христіанство временъ апостольскихъ, но которое такъ же мало походитъ на это христіанство, какъ Сютаевъ — на апостола Павла.

Но оставимъ религіозную сторону въ ученіи Толстого. Центръ тяжести этого ученія не здѣсь, а въ морали.

Обращаясь къ чисто-моральной дѣятельности Толстого, отмѣтимъ, прежде всего, все тѣ же внушенія духа простоты и правды. Толстой исходитъ изъ этики Евангелія и, „очищая" ее ото всего, что представляется чуждымъ духу Евангелія, кладетъ въ основу современной морали — или, вѣрнѣе, морали будущаго — евангельскій принципъ любви къ ближнему. И въ геніальной простотѣ души онъ выводитъ оттуда моральныя предписанія, заключающія въ себѣ зерно великой нравственной правды, но неосуществимыя частью теперь, частью и вообще — въ той категорической формѣ, въ которой они высказаны имъ.

Толстой — *моральная натура*. Но для моральнаго творчества недостаточно быть моральной натурой. Мораль творятъ праведники и грѣшники. Толстой не былъ ни тѣмъ, ни другимъ... Но кромѣ этого — героическаго — пути моральнаго творчества, есть и другой — не творчества, а развитія морали: это — путь воспитанія поколѣній въ духѣ гуманности, это — путь постепеннаго накопленія новыхъ навыковъ совѣсти и постепеннаго отмиранія старыхъ нормъ морали и пережитковъ былого варварства. На этомъ — эволюціонномъ — пути моральныя предписанія и даже наглядные, живые примѣры святости, подвижничества, покаянія и т. д. не имѣютъ большого значенія. Тутъ рѣшающая роль принадлежитъ иного рода факторамъ: улучшенію матеріальнаго быта массъ, подъему благосостоянія, оздоровленію города и деревни, больницѣ, школѣ, распространенію просвѣщенія, облагораживающему вліянію науки...

На этомъ поприщѣ національный геній народа можетъ создать нѣчто цѣнное и прочное только въ томъ случаѣ, если онъ овладѣетъ орудіями общечеловѣческаго прогресса—на всѣхъ поприщахъ, всею, такъ сказать, „техникою“ цивилизаціи, стремящейся къ усовершенствованію жизни, матеріальной и духовной, къ созданію культуры высшаго порядка.

Толстой въ своихъ моральныхъ исканіяхъ исходилъ изъ отрицанія всей этой „техники“, этой всемірной цивилизаціи. Тутъ сказались внушенія все того же духа простоты и правды. Уже въ раннихъ повѣстяхъ, потомъ въ великихъ эпопеяхъ „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ Толстой художественно и морально осуждалъ все фальшивое, лживое и условное въ человѣческихъ отношеніяхъ, въ понятіяхъ и нравахъ. И можно сказать, что именно путемъ художественнаго познанія добра и зла человѣческаго пришелъ Толстой къ отрицанію цивилизаціи, прогресса, всѣхъ установившихся междучеловѣческихъ отношеній—юридическихъ, экономическихъ, общественныхъ—и къ проповѣданію замѣны ихъ отношеніями чисто-моральными, основанными на завѣтахъ Евангелія, какъ онъ его понималъ.

На этомъ новомъ поприщѣ онъ развилъ изумительную дѣятельность. Онъ изучилъ греческій текстъ Евангелія, онъ ознакомился съ еврейскимъ текстомъ Ветхаго Завѣта, онъ переработалъ Евангеліе, онъ старался проникнуть въ суть религіозныхъ ученій Востока, а главное — онъ трудился надъ мудреной и едвали разрѣшимой задачей: обосновать на предпосылкахъ человѣческаго разума, разсуждающаго въ духѣ простоты и правды, почти совпадающаго съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, строгую истину морали евангельской и аскетической и утопію возрожденія всего человѣчества путемъ личнаго совершенствованія всѣхъ и каждаго.

И все вмѣстѣ—Евангеліе въ истолкованіи Толстого, проповѣдь абсолютной любви къ ближнему и отрѣшенія отъ всѣхъ общественныхъ связей, своеобразный „анархизмъ“, ученіе о непротивленіи злу насиліемъ, наконецъ глубоко-русская идея „недѣланія“,—все это явилось передъ изумленнымъ міромъ въ русскомъ національномъ обличьи, съ характернымъ русскимъ реализмомъ мысли, радикализмомъ выводовъ, утопизмомъ идеологіи. И міръ принялъ это созданіе русскаго національнаго генія не какъ нѣчто экзотическое, а какъ свое, міровое, какъ новое слово, сказанное великимъ человѣкомъ человѣчеству. Такъ всегда выходитъ, когда національный геній народа воплощается въ индивидуальномъ геніи великаго человѣка. Что будетъ дальше, какъ

воспользуется человѣчество ученіемъ и утопіей Толстого — это покажетъ время.

Пока мы видимъ одно: по твореніямъ нашего Толстого на Востокѣ и Западѣ люди учатся гуманности и высшимъ требованіямъ человѣчности, не смотря на то что тамъ, въ особенности на Западѣ, было и есть немало своихъ мудрецовъ — учителей гуманности, апостоловъ человѣчности.

Между Востокомъ и Западомъ находится Россія — страна, гдѣ многое, что̀ давно извѣстно старой культурѣ Востока и новой цивилизаціи Запада, кажется юродствомъ. Тамъ, гдѣ давно упрочилась настоящая культура, все равно—восточная или западная, утопіи, одушевленныя любовью къ человѣчеству и отмѣченныя печатью генія, пріемлются не къ исполненію (которое по существу дѣла невозможно), а къ свѣдѣнію, и это дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ настоящей культуры, ни восточной, ни западной, великія утопіи человѣчества разсматриваются слишкомъ многими какъ опасное покушеніе на существующій порядокъ вещей и не пріемлются—даже къ свѣдѣнію. Онѣ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и о ихъ воспитательномъ значеніи говорить не приходится...

Толстой—въ Россіи не пророкъ. И не потому собственно, что Россія — его отечество, а потому, что въ ней все еще царитъ всяческая „бѣдность да бѣдность“ (какъ говорилъ Гоголь), матеріальная и духовная скудость, да еще неразлучные съ нею „жестокіе нравы“. При такомъ положеніи вещей, утопія—роскошь.

Но придетъ время, когда мы переступимъ ту грань, за которою начинается настоящая культура, въ странѣ водворяется минимумъ благосостоянія, возникаютъ духовныя потребности высшаго порядка и великія утопіи человѣчества становятся орудіемъ воспитанія. Тогда нашъ Толстой, который—нашъ и не нашъ—отъ насъ ушелъ въ міръ, вернется къ намъ...

Д. Овсянико-Куликовскій.

Куинджи. Березовая роща.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

«Вестник Европы» 1910 г.
Книжная периферия 1910 г.

Куинджи. Послѣ грозы.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

«ВЕСЕЛКА» ГВЯЗДИЦЯ» ЗДОЛ Г.
КАМЯНЕЦ ПОДІЛЬСЬКИЙ

Шишкинъ. Утро въ сосновомъ лѣсу.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

«Вестникъ Европы» 1910 г.
Типография А. А. Карцевой. Мясн.

Левитанъ. Послѣ дождя.
«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

«Вестник Европы» 1910 I
Типография Имп. Поспѣлова.

Айвазовскій. Черное море.

«Вѣстникъ Европы» 1910 г.

«Весенний гвоздь» 1910 г.
Александр Лентулов

МОЛОДНЯКЪ

ОЧЕРКИ

I.

Бѣды Ивана Кириллыча Саламатина.

Въ грустной задумчивости сидѣлъ Иванъ Кириллычъ у окна и размышлялъ о томъ, что старыя деревенскія бабы, съ ихъ старозавѣтной мудростью и глубокомысленными изреченіями на всякіе случаи жизни, пожалуй и правду говорятъ: „пришла бѣда, отворяй ворота“... Раньше онъ немало воевалъ съ этими бабьими суевѣріями, но теперь, когда на него самого бѣды сыплются одна за другой, по неволѣ приходится примириться съ деревенскимъ фатализмомъ и терпѣливо ждать въ будущемъ и „тюрьмы“, и „сумы“, и „кольевъ“, и „мяльевъ“, и прочихъ неожиданностей, которыми такъ богата бѣдная русская жизнь.

Началось это съ того, что Иванъ Кириллычъ поссорился съ сельскимъ учителемъ, Михаиломъ Денисычемъ, когда-то первымъ другомъ и наставникомъ, а теперь соперникомъ и злѣйшимъ врагомъ. Какъ могло произойти столь невѣроятное событіе— Иванъ Кириллычъ и самъ хорошенько не зналъ, но, обдумывая всю эту исторію и въ сотый разъ перебирая въ умѣ подробности ссоры, онъ почти пришелъ къ убѣжденію, что всему причиной была Варвара Бутягина. Когда эта злокозненная особа сидѣла еще съ нимъ на одной партѣ и за обильныя веснушки на миловидной рожицѣ называлась не Варварой Михѣвной, а по-просту — „Варькой-воробьиное яйцо“ — все шло какъ слѣ-

дуетъ и на горизонтѣ не было ни одной тучки. Михаилъ Денисычъ благоволилъ къ нимъ обоимъ, считалъ ихъ лучшими своими учениками и всячески поощрялъ въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію и любовь къ книжной премудрости. Но вотъ Варька вдругъ выровнялась, перестала драться съ школярами, заплела свои желтые вихры въ аккуратную косичку — и картина совершенно перемѣнилась... Еще тогда Иванъ Кириллычъ замѣтилъ, что Михаилъ Денисычъ, разговаривая съ Варварой, какъ-то особенно поджимаетъ губы, но ему и въ голову не приходило подумать что-нибудь дурное. Никакихъ подозрѣній не возникало у него и послѣ того, какъ Михаилъ Денисычъ устроилъ Варвару учительницей раньше Ивана Кириллыча. Правда, немножко обидно было, что его обошли, но по простотѣ души онъ скоро объ этомъ и думать позабылъ и даже порадовался за Варьку, что судьба ея такъ счастливо устроилась. Не ожидалъ онъ, что впослѣдствіи изъ этого выйдетъ цѣлая исторія, и по прежнему ходилъ къ Михаилъ-Денисычу за книжками, просилъ у него совѣтовъ въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни и считалъ его лучшимъ изъ людей, какихъ дай Господи побольше...

При этой мысли Ивану Кириллычу стало такъ грустно, и обидно, и жалко себя, что у него даже слезы навернулись на глаза. Онъ съ испугомъ оглянулся и поспѣшно ихъ вытеръ, чтобы, Боже сохрани, кто-нибудь не замѣтилъ, хотя замѣтить рѣшительно было некому, кромѣ развѣ двухъ свиней, которыя валялись подъ окномъ въ грязной лужѣ. Успокоившись немного, Иванъ Кириллычъ снова устремилъ грустный взоръ на пустынную улицу и возвратился къ своимъ мыслямъ.

Оно правда, скрывать тутъ нечего, Варвара ему всегда нравилась,—нравилась даже и тогда еще, когда они дрались между собою въ большую перемѣну и дразнили другъ друга разными обидными прозвищами. Потомъ она стала нравиться ему еще больше, и между ними, вмѣсто дѣтской вражды, завязалась самая нѣжная дружба. Удивительнаго въ этомъ рѣшительно ничего не было... во-первыхъ, потому, что ихъ дворы стояли рядомъ, и они часто видѣлись; во-вторыхъ, оба они любили читать и разбирать прочитанныя книжки, а въ-третьихъ... да что тутъ „въ-третьихъ“!.. просто, обоимъ имъ было хорошо вмѣстѣ — и больше ничего. Когда же оба они сдѣлались учителями въ школахъ грамотности, то сблизились еще больше. Между ними шло соревнованіе, и они любили похвастаться другъ передъ другомъ своими педагогическими успѣхами. Случались у нихъ и маленькія ссоры, но онѣ всегда кончались примиреніемъ, и послѣ того дружба ихъ стано-

вилась еще тѣснѣе. И вотъ однажды, когда они, стоя на улицѣ, бесѣдовали о своихъ школьныхъ дѣлахъ, при чемъ Иванъ Кириллычъ держалъ зачѣмъ-то Варвару за руку,—вдругъ мимо нихъ прошелъ Михаилъ Денисычъ и такъ странно взглянулъ на бесѣдующую чету, что у обоихъ кровь бросилась въ голову... И вѣдь еслибы еще они о чемъ-нибудь нехорошемъ говорили, ну тогда все-таки не такъ бы было обидно, а то вѣдь нѣтъ, ничего дурного между ними не было, и Иванъ Кириллычъ просто разсказывалъ Варварѣ о томъ, какую задачу онъ сегодня задавалъ ученикамъ и какъ ловко они ее рѣшили. Но злой взглядъ сдѣлалъ свое дѣло, и деревенскіе педагоги въ глубокомъ смущеніи поспѣшили разойтись въ разныя стороны.

Вскорѣ послѣ этого случая Ивану Кириллычу понадобилось быть у Михаила Денисыча. Пришелъ, смотритъ... тотъ человѣкъ да не тотъ, словно кто-нибудь подмѣнилъ имъ учителя! Глядитъ—и не глядитъ, глаза какіе-то косые стали, говоритъ странно,—не то сквозь зубы, не то въ носъ,—ничего не разберешь... Иванъ Кириллычъ оробѣлъ, взялъ книжки и хотѣлъ поскорѣе домой идти, какъ вдругъ Михаилъ Денисычъ его остановилъ:

— Вотъ что, Иванъ...—началъ онъ, а самъ мнется и исподлобья смотритъ. — Я тебя спросить хотѣлъ (по старой памяти онъ говорилъ съ ученикомъ своимъ на „ты“):—Скажи пожалуйста, ты у Варвары Бутягиной часто бываешь?

— Нѣтъ... а что? — вымолвилъ Иванъ Кириллычъ и еще больше оробѣлъ.

— Ничего, такъ къ слову пришлось. Я полагалъ,—часто.

— Да гдѣ же мнѣ часто бывать, Михаилъ Денисычъ! — какъ бы оправдываясь, заговорилъ Иванъ Кириллычъ. — Развѣ только по праздникамъ, когда изъ хуторовъ къ своимъ прихожу. А то когда же? За шесть верстъ каждый день не набѣгаешься...

— Да нѣтъ, нѣтъ, я ничего... чего ты волнуешься?—сказалъ Михаилъ Денисычъ, а у самого глаза такъ и бѣгаютъ, словно мыши. — Я, видишь ли, только предупредить тебя хотѣлъ... Ты самъ знаешь, что Варвара—дѣвушка молодая... народъ у насъ ехидный — особенно бабы... пойдутъ по селу сплетни разныя... Неловко!

— Господи, да вѣдь я... Да что же? — забормоталъ Иванъ Кириллычъ.

— Ну да, ну да,—вотъ я только объ этомъ и хотѣлъ тебѣ сказать! Ты самъ отлично понимаешь, въ чемъ дѣло. Вы теперь съ нею учителя... надо себя такъ теперь держать, чтобы никто ничего дурного не подумалъ. Самъ знаешь, какъ и твои, и ея

родные были противъ того, чтобы вы подѣлались учителями. И вдругъ какая-нибудь неосторожность... сплетни... нехорошо, нехорошо будетъ... особенно для нея, то-есть для Варвары. Ну вотъ, я предупредилъ. Теперь можешь идти...

Опѣшенный, растерянный, вышелъ Иванъ Кириллычъ отъ учителя и всю дорогу думалъ объ его словахъ. Но Варварѣ онъ ничего не сказалъ... почему-то очень стыдно было. И когда въ слѣдующее воскресенье они снова, идя по улицѣ, нечаянно встрѣтились съ Михаилъ-Денисычемъ—Иванъ Кириллычъ такъ покраснѣлъ, что ему даже жарко стало, не смотря на двадцатиградусный морозъ.

Въ такихъ неопредѣленныхъ волненіяхъ прошла зима, а весной начались уже настоящія придирки. Михаилъ Денисычъ чуть не каждый день повадился къ нему на Епихины хутора, ревизовалъ учениковъ и жестоко распекалъ учителя. Прежде все было хорошо, теперь стало и то не такъ, и это не такъ. Прежде Михаилъ Денисычъ нахвалиться не могъ его учениками, а теперь и читаютъ-то они плохо, и пишутъ — ничего не разберешь, и объяснить ничего не умѣютъ. И еслибы еще все это говорилось наединѣ, ну, какъ-нибудь перенесъ бы, а то вѣдь при ученикахъ, и самыми обидными словами... Ивана Кириллыча стала разбирать злость, но человѣкъ онъ былъ смирный и притомъ такъ глубоко уважалъ своего бывшаго учителя, что по всей вѣроятности никогда не осмѣлился бы дать ему отпоръ, не замѣшайся опять тутъ Варвара Бутягина. Случилось это такъ: въ прощеный день на масляницу зашелъ онъ къ Варварѣ за баснями Крылова, которыя она брала у него читать,—глядь, а въ избѣ Михаилъ Денисычъ сидитъ. Свѣту не взвидѣлъ Иванъ Кириллычъ, — впору хоть сквозь землю провалиться, — да дѣлать было уже нечего. Сѣлъ и онъ, въ землю уставился и чувствовалъ, что не быть добру изъ всего этого. Михѣй, Варваринъ отецъ, водочки ему налилъ, блинами угощаетъ, а какіе ужъ тутъ блины, когда въ глазахъ все потемнѣло! И вдругъ Михаилъ Денисычъ съ этакой змѣиной улыбкой начинаетъ при всѣхъ, а главное при Варварѣ, его на всѣ корки раздѣлывать. И лѣнтяй-то онъ, и избаловался, и учить не умѣетъ, и то, и сё... Будь это въ школѣ, при ученикахъ—опять, можетъ-быть, Иванъ Кириллычъ стерпѣлъ бы, но при Варварѣ... нѣтъ, при Варварѣ онъ не могъ. Что-то горячее ударило его въ мозги, загорѣлось въ немъ сердце, и, самъ не зная какъ, онъ рѣзко и грубо сказалъ Михаилу Денисычу:

— Да что это вы на меня взъѣлись, Михаилъ Денисычъ?

Я вѣдь вамъ не мальчикъ дался шпынять-то.. и какое вамъ до меня дѣло? Вотъ пріѣдетъ ревизоръ, пускай онъ меня отчитываетъ, коли учу плохо, а васъ-то я и слушать не хочу... И вовсе я вамъ не „Иванъ“ и не „ты“... я такой же учитель, и не желаю, чтобы меня тыкали, вотъ вамъ и сказъ.

Михаилъ Денисычъ весь посинѣлъ и дико посмотрѣлъ на своего бывшаго ученика, котораго онъ еще такъ недавно видѣлъ тихимъ, услужливымъ мальчикомъ, съ нѣмымъ обожаніемъ глядѣвшимъ ему въ глаза. Но черезъ минуту онъ оправился и съ усмѣшкой сказалъ:

— Вотъ какъ ты нынче сталъ поговаривать... а еще учитель! Впрочемъ чего же и ожидать отъ дурака...

— Отъ дурака слышу! — отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ, уже совсѣмъ не помня себя.

Михаилъ Денисычъ поднялся и вышелъ изъ избы, ни съ кѣмъ не простившись. Иванъ Кириллычъ съ кривой улыбкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ, но въ душѣ у него все похолодѣло, точно въ погребѣ, и онъ почувствовалъ, что теперь онъ совсѣмъ пропалъ. Тутъ на него всѣ накинулись съ упреками; Михѣй, его жена, Варвара начали бранить его за дурной характеръ и, напротивъ, хвалили и оправдывали учителя. Это было уже совершенно нестерпимо, и Иванъ Кириллычъ „со смертью въ душѣ“, но сохраняя на лицѣ побѣдоносную улыбку, ушелъ отъ Бутягиныхъ и отправился къ себѣ на Епихины хутора.

За воротами его нагнала встревоженная Варвара.

— И что ты надѣлалъ, Ваня, а? Что ты, дуракъ, надѣлалъ? — заговорила она, хватая его за рукавъ. — Вѣдь теперь онъ насъ съ тобой со свѣту сгонитъ, а тебѣ, Ваня, вотъ помяни мое слово,—не миновать кутузки!

Но Иванъ Кириллычъ и слушать не сталъ: онъ выдернулъ свой рукавъ изъ рукъ Варвары, величественно, точно совершилъ какой-нибудь подвигъ, прослѣдовалъ по селу и только ужъ у себя, на полатяхъ, залился горькими слезами. Такъ онъ проплакалъ до самаго вечера... и не отъ страха онъ плакалъ, не отъ кутузки, которая угрожала ему впереди, а отъ жалости, что кончилось въ его жизни все хорошее и что самый лучшій человѣкъ, „какихъ дай Господи побольше“, оказался совсѣмъ не лучшимъ.

Черезъ недѣлю Ивана Кириллыча судили у земскаго начальника за оскорбленіе словами сельскаго учителя, Михаила Прокудина, и земскій начальникъ топалъ на него ногами, совалъ ему въ носъ какую-то бумагу и кричалъ на всю камеру: „Мужикъ!..

невѣжа!.. Я тебя проучу!.. Я тебя упеку!..“ Подъ конецъ онъ приговорилъ Ивана Кириллыча къ семидневному аресту при волостномъ правленіи, и какъ разъ на самое Благовѣщеніе на Епихины хутора явился сотскій, отвелъ бѣднаго учителя въ „одноглазку“, и Иванъ Кириллычъ просидѣлъ тамъ на хлѣбѣ и водѣ цѣлую недѣлю. Когда послѣ отсидки онъ вернулся къ себѣ въ школу, ему показалось, что онъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, что жизнь его теперь окончательно испорчена, и что ученики поглядываютъ на него насмѣшливо, и Варвара его презираетъ, и весь свѣтъ измѣнился къ худшему. Иванъ Кириллычъ притихъ, безвыходно засѣлъ на хуторахъ и рѣшилъ никуда больше не показываться... Но новая бѣда стерегла его на порогѣ и вверхъ дномъ перевернула всѣ его благія намѣренія.

Произошло это сегодня утромъ. По случаю воскреснаго дня Иванъ Кириллычъ отдыхалъ передъ окномъ за чтеніемъ біографіи Никитина, какъ вдругъ на улицѣ показался хорошо знакомый ему сотскій, который водилъ его въ одноглазку. Эта роковая въ деревенской жизни фигура не предвѣщала ничего добраго, и у Ивана Кириллыча невольно ёкнуло сердце. Между тѣмъ сотскій приближался, отмахиваясь бадикомъ отъ злыхъ хуторскихъ псовъ, потомъ вошелъ въ школу, порылся за пазухой и протянулъ Ивану Кириллычу какую-то бумагу.

— Вотъ... отъ сельскаго старосты!—объявилъ онъ.

Ужъ одинъ видъ этой сѣрой, запечатанной рыжимъ сургучомъ бумаги имѣлъ въ себѣ нѣчто зловѣщее, и Иванъ Кириллычъ не сомнѣвался больше, что къ нему вмѣстѣ съ нею пришло новое несчастіе. Онъ отодралъ рыжую печать, носившую слѣды чьего-то громаднаго пальца, и прочелъ:

„Г. Учителю хутора Епихина параллельнаго отдѣленія Ивану Кириллову Саламатину — Сельскаго старосты хутора Епихина, Ивана Косаренкова—Приказъ. Вслѣдствіе послѣдовавшаго предписанія г. завѣдующаго параллельнымъ отдѣленіемъ Муравлевскаго начальнаго земскаго училища Михаила Денисова Прокудина отъ 7 апрѣля сего мѣсяца о томъ, что съ 7 сего апрѣля въ нашемъ Епихинскомъ младшемъ параллельномъ отдѣленіи ученіе прекращается по случаю увольненія вашего, т.-е. Ивана Саламатина. Въ виду этого предлагаю вамъ родъ занятій въ этомъ отдѣленіи болѣе не продолжать. Апрѣля 9 дня 190... г. Иванъ Косаренковъ“.

— Такъ-съ!..—проговорилъ задумчиво Иванъ Кириллычъ и почесалъ въ затылкѣ.

— На чаекъ бы съ тебя слѣдовало, Кирилычъ! — сказалъ

сотскій.—Въ этакую грязюку столько верстовъ перъ... брюхо озябло! Истинно!

Иванъ Кириллычъ пошарилъ въ карманѣ, разыскалъ какой-то завалявшійся пятакъ и отдалъ сотскому. И вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ пятакомъ онъ какъ будто отдалъ все, что было у него въ жизни хорошаго. Жалко было ему своей убогой школы, жалко учениковъ...

Сотскій ушелъ. Посидѣвъ въ раздумьѣ еще нѣсколько минутъ надъ бумагой, Иванъ Кириллычъ, наконецъ, сообразилъ, что дѣлать ему здѣсь больше нечего и что надо идти домой, въ Муравлевку. Онъ собралъ свои бѣдные пожитки въ узелокъ, простился съ хозяевами и вышелъ. На улицѣ по лужамъ съ звонкими криками шлепали ребятишки; тутъ же скакали и его ученики, которые кланялись ему и кричали вслѣдъ: „Дяденька-Кирилычъ, когда же въ училишшу-то приходить?“ Ивану Кириллычу было тоскливо до слезъ, и онъ, ничего не отвѣчая ученикамъ, чтобы не разревѣться, торопливо зашагалъ впередъ. А впереди его ждали новыя непріятности: дома будутъ пилить, мать начнетъ ворчать, отецъ скажетъ съ насмѣшкой: „Что, братъ, научительствовалъ? Получилъ благодарность въ загривокъ? Нѣтъ, видно, сколько стригуну ни бѣгать, а хомута не миновать... Ступай-ко-сь лучше пахать“!

Иванъ Кириллычъ вышелъ за околицу. По небу послѣ дождя плыли разорванныя, теплыя тучи, а изъ нихъ по временамъ падали на землю крупныя, теплыя слезы. Черныя, влажныя поля, казалось, дышали; на вспухшихъ межахъ весело выпрыгивала зеленая травка. Мокрые грачи дѣловито рылись длинными носами въ рыхлой пашнѣ и, шурша отяжелѣвшими крыльями, перелетали на другое мѣсто. Пахло землей, прѣлой травой и еще какимъ-то особымъ весеннимъ запахомъ. „Ну, что-жъ, пахать такъ пахать“...—подумалъ Иванъ Кириллычъ.

II.

Варвара Бутягина.

Варварѣ Бутягиной недавно сравнялось семнадцать лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо старше, потому что была высокаго роста, съ широкими плечами, полной грудью и большими крѣпкими руками. У нея были густые, соломеннаго цвѣта волосы, большіе каріе глаза и яркій румянецъ, котораго не пор-

тили даже знаменитыя желтыя веснушки, служившія когда-то предметомъ насмѣшки для ея школьныхъ товарищей, дразнившихъ ее „воробьинымъ яйцомъ“. Подросткомъ Варвара любила пофрантить и въ подражаніе взрослымъ дѣвкамъ заплетала косу въ восемь пасмъ, дѣлала себѣ начесы на виски, втыкала за уши утиныя перья, носила коты съ разноцвѣтными сафьянными наличниками и ссорилась съ матерью изъ-за ожерелковъ, лентъ, корсетки съ позументами. Но кончивъ курсъ въ школѣ съ похвальнымъ листомъ, она вдругъ остепенилась, стала чесаться съ прямымъ рядочкомъ, носить платья изъ старушечьихъ ситчиковъ, голову покрывала неизмѣнно чернымъ платкомъ и въ то время, какъ ея сверстницы начали собираться „на линію“, чтобы заработать себѣ приданое, Варвара ходила читать по покойникамъ псалтырь или учила сосѣдскихъ ребятишекъ грамотѣ. Подруги отнеслись къ этой перемѣнѣ съ большимъ удивленіемъ и сначала подняли Варвару на смѣхъ, называя ее „чернохвосткой“ и монашенкой.

— Слышь, дѣвки, Варька-то у насъ въ монашки записалась!—говорили онѣ между собою.—Да ей-Богушки правда: на улицу не ходитъ, косу по-бабьи заплетаетъ и все съ книжкою, все съ книжкою, — совсѣмъ черничка! Того и гляди, въ монастырь закатится.

Удивлялась и Варварина мать, Трохимовна, и часто выговаривала мужу:

— Михѣй, а Михѣй, да что же это у насъ Варвара-то дѣлаетъ? Аль она въ вѣковушахъ хочетъ сидѣть? Небось, ей давно замужъ пора, а она все въ училище ходитъ, да по покойникамъ читаетъ. Ты бы ее потазалъ!

— Да Господь съ ней!—отвѣчалъ Михѣй, мужикъ смирный, серьезный и самъ очень любившій грамоту, хотя читалъ съ трудомъ, а писать и вовсе не умѣлъ.—За что ее тазать,—пущай читаетъ! Это тоже дѣло не плохое.

— Да что же это она—такъ на нашей шеѣ и будетъ весь свой вѣкъ сидѣть? Ну ужъ это я не согласна! И такъ дѣвокъ полна изба, а тутъ еще большуху корми... За нее женихи сватаются! Вонъ намедни Петровна мнѣ говоритъ: „эка у васъ Варвара-то ядреная какая стала,—вотъ бы моему Васяткѣ...“ Варюха, слышишь, аль нѣтъ?

— Ну, слышу!—отзывалась Варвара.—Такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? Небось, тебѣ замужъ-то выходить—не мнѣ!

— Не пойду за Васятку, — съ спокойнымъ равнодушіемъ отвѣчала Варвара.

— Да что же это, матушки мои, за дѣвка! — вскрикивала Трохимовна, всплескивая руками.—Что же ты дѣлать-то будешь, а? На что надѣешься? На отцовой шеѣ весь вѣкъ не просидишь, онъ вѣдь у тебя не милліонщикъ, а васъ у него и такъ семь душъ...

Она долго ворчала и причитывала, но Варвара всегда въ этихъ случаяхъ отмалчивалась, и въ ея молчаніи было столько затаеннаго упорства, а каріе глаза смотрѣли на мать съ такою непоколебимой твердостью, что Трохимовна, наконецъ, плевалась и отходила прочь.

— У, лупоглазая этакая! Хоть объ печку ее бей, она все по-своему будетъ ладить... Ступа деревянная! Идолъ!

Молчаливое упорство Варвары, однако, сдѣлало свое дѣло. Мать поругалась-поругалась, сосѣди посудачили-посудачили, а потомъ все какъ-то и наладилось. Варвару все чаще и чаще стали звать читать псалтырь, находя, что старая черничка, Прасковеюшка, ужъ и видитъ плохо, и вычитываетъ не такъ внятно, а у Варюхи и голосокъ звончѣй, и читаетъ она словно бисеръ нижетъ. За свое чтеніе Варвара кое-что получала — то чулки шерстяные, то конецъ холста, то яичекъ, а богатые даже и деньгами иногда давали. Сердце Трохимовны умягчилось, и она перестала донимать дочку, хотя нѣтъ-нѣтъ, да и заведетъ разговоръ о томъ, какой, напримѣръ, хорошій женихъ—Тишка Сухаревъ, или сообщитъ извѣстіе, что Жеденевы свою Зинку вчера просватали. Но всѣ эти хитрости не достигали цѣли, и Варвара выслушивала материны намеки по прежнему съ видомъ „деревянной ступы“.

Когда позапрошлой осенью въ селѣ вдругъ открыли новую школу, потому что въ старой стало ужъ черезчуръ тѣсно, и Варвара Бутягина по желанію Михаила Денисыча начала ходить туда учить ребятъ, этому никто особенно не удивился, и только самые старые старики выразили нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, можетъ ли „дѣвочка“ хорошо учить. Однако, къ великому удивленію всѣхъ муравлевцевъ, въ первую же зиму ребятишки выучились читать и писать, какъ и у самаго настоящаго учителя, и Варвара очень поднялась въ мнѣніи односельчанъ. „Смотри ты, какая вострая! — говорили они. — Что-жъ, пущай учитъ... стало-быть, ей ужъ это отъ Бога дадено“... А нѣкоторыя либеральныя бабы прибавляли къ этому: „И самое милое дѣло, что замужъ не пошла, — тоже вѣдь и замужемъ-то не сладко... Извѣстно, наша сестра потуль и человѣкъ, покуль не баба, а ужъ коли бабой назвалась, такъ хоть въ соху запрягайсь!

Весной въ Муравлевку пріѣхалъ инспекторъ ревизовать школы, и послѣ его отъѣзда Михѣй Бутягинъ долго разсказывалъ съ гордостью и торжествомъ, какъ онъ былъ у Варвары и какъ хвалилъ ее за хорошее ученье. И всѣ этому радовались, и всѣмъ было пріятно, что простая деревенская дѣвочка вышла на линію настоящей учительницы.

Вторая зима прошла такъ же благополучно, но къ веснѣ надъ Варвариной школой стали собираться какія-то сумрачныя тучи. За нѣсколько дней до того, какъ Иванъ Кириллычъ получилъ извѣстную бумагу о прекращеніи „рода занятій“ въ Епихинской школѣ, Михѣй зачѣмъ-то ходилъ въ волостное правленіе и вернулся оттуда съ удивительнымъ извѣстіемъ, что „вышнее начальство“ приказало будто бы закрыть всѣ земскія школы, учителей уволить, книжки пожечь, а вмѣсто того ребятъ опять будутъ учить дьякона въ церковныхъ сторожкахъ и отставные солдаты. При этомъ извѣстіи у Варвары похолодѣло въ груди, но она все-таки сначала не повѣрила.

— Можетъ, еще врутъ, батя?—сказала она съ тревогой.— Какъ это такъ — всѣхъ уволить! И Михаила Денисыча, сталобыть, уволятъ? Ни за что не повѣрю, зря болтаютъ!

— Да нѣтъ, дочка, вѣрно, сказываютъ! Самъ староста говорилъ. Потому, сказываютъ, отъ учителей одна смута и безпорядокъ, и церковныя книги ребята разучились читать, а теперь вотъ опять по часослову будутъ учить, да по четьи-минеямъ! Ишь ты, дѣло-то какое!

— А что-жъ?—вмѣшалась Трохимовна, которая все время внимательно прислушивалась къ разговору Михѣя съ дочерью.— И хорошее дѣло будетъ, когда опять дьячки да солдаты учить зачнутъ! Ужъ какой это порядокъ, когда дѣвочки учатъ? Одна колюта, больше ничего! Ребята—народъ озорной, нешто они станутъ дѣвочку слухать? Тутъ вотъ когда свои взго́лчатся, и то не знаешь, куда дѣваться, а вѣдь въ школѣ ихъ пятьдесятъ душъ! Пройти-то мимо и то жуть беретъ,—галдежь, гомо́нъ,—не приведи ты, Господи, а она тамъ одна... Нѣтъ, и хорошее дѣло!

— Много ты понимаешь!—возразилъ ей Михѣй.

— Да ужъ много ли, мало ли, а что безпорядокъ, то безпорядокъ! Виданое ли дѣло, чтобы дѣвки учили ребятъ? Совсѣмъ это не дѣвичье дѣло. У самой еще молоко на губахъ не обсохло, а туда же за указку... Нѣтъ, ты сама сначала своихъ народи, а тогда ужъ и чужихъ учи. А то больно заумничались,—выше головы норовятъ прыгнуть...

— Ну, зазудѣла!..—сказалъ Михѣй и вышелъ изъ избы, зная, что жена не скоро слѣзетъ съ своего любимаго конька.

Прошло около недѣли, все шло по прежнему, и Варвара начала успокаиваться. „Наврали, должно быть!—думала она.—Наши деревенскіе горазды брехать. Ужъ еслибы правда была, давно бы Михаилъ Денисычъ оповѣстилъ". Раза два встрѣтилась она съ Михаилъ-Денисычемъ на улицѣ, и ей очень хотѣлось подойти къ нему и спросить:—правда ли, что закрываютъ земскія школы? Но послѣ непріятнаго случая на масляницѣ ей было какъ-то неловко подходить къ учителю, да и онъ видимо посматривалъ на нее очень косо. „Ну, пускай, что будетъ, то и будетъ!"—рѣшила Варвара и стала ждать.

Въ воскресенье Михѣй опять былъ въ волостномъ и, придя оттуда, сказалъ:

— А вѣрно, что школы-то разгоняютъ! Епихину, говорятъ, ужъ разогнали.

— Кто тебѣ сказывалъ?—спросила Варвара, поблѣднѣвъ.

— Въ волостномъ говорятъ. Бумага, говорятъ, какая-то пришла. Сотскій будетъ съ бадикомъ ходить и всѣхъ учениковъ разгонять.

— Стало быть, и моихъ тоже разгонятъ?

— Да что-жъ, и разгонятъ! Супроть начальства, дочка, ничего не подѣлаешь.

Трохимовна позвала ихъ обѣдать, и они прекратили этотъ разговоръ. Такъ у нихъ часто бывало: по молчаливому соглашенію отецъ съ дочерью не во всѣ свои дѣла посвящали болтливую и безтолковую Трохимовну. Они уже по опыту знали, что наговоритъ она съ три короба, всѣхъ разстроитъ, все перепутаетъ, а дѣлу ничуть не поможетъ.

Послѣ обѣда Варвара вышла на крыльцо посидѣть и обдумать свое положеніе. На душѣ у нея было смутно и неспокойно, и мысль о томъ, что, можетъ-быть, завтра и ея школу будутъ разгонять, вызывала въ ней болѣзненное чувство злости и обиды. Даже и самое слово-то „разгонять" было обидное! За что? Почему? Что такого дурного въ томъ, что они учили, какъ умѣли, деревенскихъ ребятъ? У Варвары даже слезы навернулись на глаза. Она привыкла къ школѣ, ей нравилось это дѣло, и вдругъ всему конецъ, и опять ходить читать псалтырь, опять мать будетъ приставать съ женихами. А ей замужъ вовсе еще не хочется, да и наглядѣлась она хорошо на жизнь деревенской бабы... Не нравится ей эта жизнь: цѣлый день въ работѣ, въ руготнѣ; ругаетъ мужъ, ругаетъ свекровь, ругаютъ деверья, золовки; угла

своего въ домѣ нѣтъ, пошить на себя, почитать некогда и негдѣ, ходи грязная, рваная, а захочешь вокругъ себя чистоту соблюдать—опять ругань и насмѣшки. Все это Варвара знаетъ, и потому замужество ее нисколько не прельщаетъ. Она любитъ чистоту, тишину, хорошую книжку, хорошее обращеніе, а вѣдь мужу ничего этого не нужно; ему нужно только, чтобы жена работала съ утра до вечера, какъ лошадь, а не захочешь работать—въ зубы кулакомъ. Нѣтъ, Богъ съ нимъ и съ замужествомъ, въ дѣвкахъ лучше. Еслибы еще кто-нибудь нравился изъ деревенскихъ парней, ну, пожалуй, можно бы еще подумать; но до сихъ поръ во всей Муравлевкѣ не было ни одного человѣка, который привлекъ бы на себя вниманіе Варвары. Даже къ Ивану Кириллычу, съ которымъ ее сближали общіе интересы и любовь къ школѣ и къ книжкѣ,—даже къ нему Варвара не питала никакихъ особенно нѣжныхъ чувствъ, хотя догадывалась, что нравится ему, и по-своему немножко съ нимъ кокетничала. Къ учителю же, Михаилу Денисычу, она еще со школьной скамьи привыкла относиться съ такимъ благоговѣйнымъ страхомъ и уваженіемъ, что даже и представить себѣ его не могла въ видѣ жениха. И сколько она ни думала о своемъ будущемъ, сидя на крыльцѣ отцовской избы,—ничего не могла придумать хорошаго, и впереди ясно рисовались только два исхода: или идти замужъ, или сдѣлаться черничкой, въ родѣ Прасковѣюшки, и всю свою жизнь провозиться съ покойниками, питаясь доброхотными даяніями и остатками поминальныхъ обѣдовъ.

„Нѣтъ, не хочу!—подумала Варвара и рѣшительно покачала головой.—Ни замужъ не хочу, ни въ чернички... Ну, а коли нѣтъ, такъ чего же еще? Больше-то вѣдь и дѣлать нечего. Эхъ, тоска какая! Хоть бы Иванъ пришелъ,—и чего сидитъ тамъ у себя на хуторахъ? Бывало, и въ будни бѣгаетъ, а теперь въ праздникъ носу не кажетъ. Вѣдь это ему, должно быть, послѣ одноглазки стыдно... Этакій дурачокъ, передо мной-то стыдиться... Небось, мы люди свои, оба—несчастные горе-учителя!“

III.

Горе-учителя.

Иванъ Кириллычъ былъ легокъ на поминѣ, и не успѣла Варвара подумать о немъ свою думу, какъ онъ самъ, своей персоной, показался на улицѣ. Шелъ онъ тихо, едва передвигая

ноги въ грязныхъ сапогахъ; ушастая шапка была надвинута на глаза, точно ему было тошно глядѣть на свѣтъ божій, а за плечами, на палкѣ, у него болтался какой-то узелокъ, изъ котораго выглядывали счеты и книжки. По его растерянному виду и унылой фигурѣ Варвара сейчасъ же догадалась, что съ нимъ случилось несчастье, и подумала: „ну вотъ, стало быть правда... школу-то, видно, закрыли!“

— Иванъ, куда это ты?—окликнула она его.—Ко дворамъ что-ли?

Иванъ Кириллычъ остановился, поглядѣлъ на нее взглядомъ побитой собаки, и Варварѣ стало его жаль.

— Что это ты, Ваня, какой?—ласково спросила она.

— Прогнали!..—глухо вымолвилъ Иванъ Кириллычъ и такъ неловко махнулъ узелкомъ, что счеты и книжки посыпались изъ него прямо въ грязь. Варвара бросилась помогать ему подбирать.

— Прогнали?—переспросила она.

— Окончательно въ отдѣлку! Вотъ я тебѣ сейчасъ бумагу... Гдѣ она у меня?.. Эхъ ты, Господи!—воскликнулъ онъ и опять уронилъ книжки въ грязь.

— Да ты чего на дорогѣ-то топчешься?—сказала Варвара, видя полную безпомощность и разстройство своего товарища.—Иди на крыльцо, здѣсь разскажешь. Совсѣмъ ты какой-то вареный сталъ.

— Будешь вареный... — съ горечью пробормоталъ Иванъ Кириллычъ.

Но на крыльцѣ онъ нѣсколько пришелъ въ себя и передалъ Варварѣ все, что произошло съ нимъ сегодня. Варвара внимательно прочла бумагу, и румяныя щеки ея опять побѣлѣли.

— Ну, стало быть, батенька-то правду сказывалъ!—прошептала она. — Теперь всѣ школы закроютъ, такой приказъ вышелъ.

— Нѣтъ, это все Михалъ-Денисычевы штуки!—со злостью воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.—Это онъ отмещаетъ мнѣ за „дурака“! Мало ему, что на все село осрамилъ, такъ вотъ еще и изъ школы выгналъ! Ну, погоди, я ему этого не оставлю! Я ему...

— Постой, Ваня!—съ нетерпѣніемъ перебила его Варвара.— Это ты все зря говоришь. Къ чему ты Михаилъ-Денисыча припуталъ? Онъ самъ человѣкъ подначальный, безъ приказа никого уволить не посмѣетъ...

— Вонъ ты какъ!—съ злой усмѣшкой, исказившей его добро-

душное лицо, произнесъ Иванъ Кириллычъ. — За Михалъ-Денисыча заступаться? Стало быть, вы съ нимъ за одно? Снюхались? Это ничего... ловко! Выходитъ, это я во всемъ виноватъ! Можетъ, и въ одноглазку-то я самъ себя посадилъ, а Михаилъ Денисычъ тутъ ни при чемъ?.. Ишь ты, голубь какой, подумаешь... во всѣхъ статьяхъ онъ чистъ, а я выхожу дуракъ-дуракомъ!..

Варвара поглядѣла ему въ глаза и звонко расхохоталась.

— Дуракъ ты и есть! — проговорила она сквозь смѣхъ. — Ну, чего ты мелешь, чего мелешь, даже слушать тебя тошно! Когда это я съ Михаилъ-Денисычемъ снюхалась? Да я съ нимъ съ самой масляной ни единымъ словечкомъ не перекинулась! И совсѣмъ это мнѣ ни къ чему! Обалдѣлъ ты, Ваня, съ горя обалдѣлъ, вотъ и несешь околесицу.

— Да вѣдь ты же сама говоришь...

— Чего я говорю? Только и говорю, что отъ батеньки слыхала. Говорятъ, въ волостное бумага пришла; высшее начальство приказываетъ всѣ школы закрыть. А ты на Михаила Денисыча!

Иванъ Кириллычъ погасъ такъ же скоро, какъ и вспыхнулъ, и снова взглянулъ на Варвару взглядомъ побитой собаки.

— Всѣ школы закроютъ?..—повторилъ онъ.—А что же мы теперь съ тобой дѣлать-то будемъ, Варя?

— Да что? Ничего...—сдержанно и повидимому совершенно спокойно отвѣчала Варя. Она умѣла владѣть собою.

— Ахъ ты, Господи!—вздыхалъ Иванъ Кириллычъ.—Теперь домой хоть и не показывайся... Отецъ заѣстъ. Прямо хоть въ воду кидайся!

— Ты бы поумнѣе чего выдумалъ! — насмѣшливо сказала Варвара.—Въ воду-то всякій дуракъ съумѣетъ влѣзть, а мы съ тобой ученые! Неужто въ двѣ головы ничего не придумаемъ?

— А что-жъ придумаешь-то? Не знаю, какъ твоя голова, а моя прямо разскочиться хочетъ. Эхъ, Варя, горе мы съ тобой учителя!

Пока Иванъ Кириллычъ ахалъ, стоналъ и разливался въ потокѣ жалобныхъ словъ, Варя молчала и, крѣпко стиснувъ губы, что-то обдумывала. Толстый веснущатый носикъ ея забавно сморщился, брови были нахмурены, а въ карихъ глазахъ появилось то самое выраженіе упрямства и своеволія, которое всегда бывало у нея, когда мать начинала говорить ей о женихахъ.

— Ну, будетъ тебѣ скулить, только тоску наводишь!—сказала она.—Дай-ка мнѣ бумагу-то, я еще погляжу!

И просмотрѣвъ бумагу во второй разъ, Варвара добавила:

— Ничего не поймешь,—вотъ ужъ можно сказать: писалъ писака, а читать будетъ собака! Да и собака не всякая разберетъ. Про школу ничего не сказано, а выходитъ, будто увольняетъ тебя отъ должности самъ Михаилъ Денисычъ. Ужъ и вправду не онъ-ли это подстроилъ?

— Вотъ видишь! Вотъ видишь! — обрадовался Иванъ Кириллычъ.—Я вѣдь такъ сначала и подумалъ, а ты на меня...

— Постой! Знаешь, что̀ бы я на твоемъ мѣстѣ сдѣлала?

— А что?

— Ступай въ городъ. И прямо къ этому... какъ его? Ну, помнишь, у котораго ты лѣтомъ былъ? Ты мнѣ тогда разсказывалъ!

— Къ рыжему? Въ управѣ служитъ? Ну-ну-ну?

— Ну, такъ вотъ и ступай. Онъ тебѣ все разскажетъ. Можетъ, еще все это и вранье; можетъ, тутъ Михаилъ Денисычъ со зла нарочно путаетъ. А если правда, что школы закрыть велѣно, все-таки онъ что-нибудь посовѣтуетъ. Они тамъ въ городѣ-то лучше нашего все знаютъ.

— И то правда, надо пойти. И какъ это мнѣ сразу въ голову не пришло? Молодецъ ты, Варя, ты всегда ловко придумаешь! А я вотъ не могу: чуть бѣда какая—у меня сейчасъ и руки и ноги отвалятся, и ничего не соображу, и башка-то сдѣлается въ родѣ пузыря бараньяго—болтается на плечахъ, а толку изъ нея нѣтъ!—съ огорченіемъ сказалъ Иванъ Кириллычъ и потрясъ головой съ такимъ видомъ, какъ будто дѣйствительно у него была не голова, а бараній пузырь.

Легкая усмѣшка пробѣжала по губамъ Варвары, и она снисходительно посмотрѣла на Ивана Кириллыча.

— Ты, Ваня, нечаянно мужикомъ родился,—вымолвила она шутливо.—Тебѣ бы дѣвкой быть, а я на твое мѣсто!

— Ну ужъ, расхвасталась!—обиженно возразилъ Иванъ Кириллычъ.—Поглядѣлъ бы я, что бы ты на моемъ мѣстѣ сдѣлала, кабы на тебя этакъ земскій начальникъ зыкнулъ! Небось, тоже хвостъ-то поджала бы!

— А почемъ ты знаешь, можетъ, не поджала бы, а распушила!—подзадорила его Варя и сейчасъ же сама себя перебила:—Э, да что зря болтать, все равно не Богъ, себя не передѣлаешь! Такъ пойдешь въ городъ-то?

— Пойду, завтра же соберусь и пойду. Онъ, членъ этотъ, Никифоръ Петровичъ, хорошо меня тогда принималъ. Чаемъ поилъ и за руку видался, какъ слѣдуетъ; я у него сидѣлъ, какъ будто у дяди Михѣя, право! Простой господинъ, хорошій. Тогда

еще у него какой-то важный изъ губерніи былъ,—защитникъ что-ли, по судамъ разъѣзжаетъ,—тоже ничего, все меня разспрашивалъ, какія книжки читаю, почему въ учителя пошелъ... Хорошіе господа... пойду! Ей Богу, пойду!

— Ну, иди. Все какъ есть разспроси хорошенько, да запомни, чтобы все до словечка мнѣ разсказать. Деньги-то есть на дорогу? А то у меня возьми.

— Зачѣмъ у тебя?... я разживусь. Да и много ли ихъ нужно, денегъ-то? До города пѣшкомъ дойду, а тамъ у знакомаго дворника остановлюсь. Изъ дому хлѣба возьму—вотъ опять расходу никакого. Ну, утѣшила ты меня, Варюха, теперь пойду къ своимъ старикамъ. Они, небось, ужъ все знаютъ... вотъ жару-то насыпятъ, ой-ой-ой!... А твои какъ? Ничего?

— Мать все зудитъ, — сказала Варвара, улыбнувшись.—А батя-то у меня хорошій. Кабы всѣ такіе мужики были, какъ мой батя, можетъ и въ городъ бы не нужно было идти. Ну, прощай!

— Прощай, Варя. Давай руку на счастье!

Варвара, смѣясь, протянула ему руку, и какъ разъ въ это самое время изъ-за угла показалась длинная фигура Михаила Денисыча и направилась прямо на нихъ. Варвара вся вспыхнула и хотѣла-было вырвать у Ивана Кириллыча свою руку, но тотъ крѣпко ее стиснулъ, и такъ они оба остались стоять, рука съ рукой, съ смущенными и счастливыми лицами, на виду у всей улицы. А Михаилъ Денисычъ подвигался впередъ съ нарочитой медленностью, и брезгливая усмѣшечка ползала у него подъ усами. Поровнявшись съ молодыми людьми, онъ какъ-то особенно выпятилъ впередъ нижнюю губу, окинулъ ихъ съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ и, не поклонившись, прослѣдовалъ мимо.

— Ахъ ты, чортъ подлый!—воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.—Вотъ выскочилъ, какъ домовой изъ трубы! Вѣдь это онъ, Варя, за нами подслѣживаетъ... Вѣрно тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты выдумаешь!—возразила Варвара.—Нехорошо такія слова про него говорить... все-таки онъ намъ учитель.

— Былъ учитель, а теперь мучитель! Помнишь, какъ мы на клиросѣ-то, бывало, въ страшну́ю субботу пѣли: „гонителя мучителя подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы“!... — запѣлъ онъ жиденькимъ, но пріятнымъ теноркомъ. А Варвара съ серьезнымъ лицомъ и просіявшими глазами подпѣла ему густымъ контральто: „но мы яко отроковицы Господеви поимъ: славно бо прославися!...“

Погода разведрилась; сѣрыя, грязныя тучи всѣ куда-то исчезли, точно ихъ вымели съ неба; крыши, мокрая земля, лужи, верхушки деревьевъ—все порозовѣло; надъ ветлякомъ гомонили вороны; всюду радостно журчали струйки воды, и этотъ весенній шумъ, и звонъ, и розовый свѣтъ возбуждали въ молодыхъ людяхъ радость жизни и надежды на лучшее будущее. Они взглянули другъ другу въ лица, освѣщенныя зарей, и засмѣялись.

— Дураки еще мы съ тобой, Ваня! — сказала Варвара. — Надо дѣло дѣлать, а мы ирмосы поемъ. Чисто маленькіе!

— А чтожъ и не спѣть? Я люблю ихъ. Помнишь, какъ мы съ тобой, бывало, до свѣту встанемъ и на перегонки къ заутрени бѣжимъ? Хорошо было.

— Ну, будетъ, будетъ, домой иди. Тебѣ завтра рано вставать надо.

„Горе-учителя“ еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

IV.

Въ городѣ.

Дѣло было уже подъ вечеръ, когда Иванъ Кириллычъ подходилъ къ городу. Солнце сѣло, и на закатѣ одиноко сіяла бѣлая звѣзда; небо, зеленовато-желтое, прозрачное, стало глубже, ушло какъ будто выше, и городъ, раскинутый подъ горою, съ своими темными домами и домишками, съ крошечными желтыми огоньками, казался маленькимъ и жалкимъ подъ этимъ огромнымъ зеленымъ небомъ съ таинственно сверкающею одинокою звѣздою. Иванъ Кириллычъ остановился на горѣ и призадумался. Сколько такихъ городовъ, сколько селъ разсыпано по всей землѣ, и вездѣ теперь огоньки горятъ, вездѣ люди живутъ, — копошатся, чего-то ищутъ, ссорятся, мирятся... зачѣмъ? Все равно, придетъ смерть, и ничего не будетъ нужно, и тѣ, которые теперь копошатся тамъ внизу, продаютъ, покупаютъ, строятъ, зажигаютъ огни—всѣ они когда-нибудь, можетъ-быть очень скоро, лягутъ на тихихъ кладбищахъ, и на мѣсто ихъ придутъ другіе, неизвѣстные, и тоже будутъ копошиться, и какой-нибудь другой Иванъ Кириллычъ будетъ вотъ такъ же стоять на горѣ и думать, а его, теперешняго Ивана Кириллыча, уже не будетъ на свѣтѣ, и никогда больше онъ ничего не увидитъ, не услышитъ, не почувствуетъ... Иванъ Кириллычъ постарался пред-

ставить себѣ это — и никакъ не могъ... а бѣлая звѣзда все смотрѣла прямо ему въ лицо, такая далекая, такая холодная и страшная. Ивану Кириллычу стало жутко и жалко себя, и чтобы не думать больше объ этихъ страшныхъ и непонятныхъ вещахъ, онъ сталъ спускаться съ горы. И только на постояломъ дворѣ, у знакомаго дворника, къ которому они съ отцомъ всегда заѣзжали, когда возили въ городъ на продажу сѣно и хлѣбъ, Иванъ Кириллычъ почувствовалъ, какъ у него гудутъ отъ усталости ноги и подошвы горятъ, точно обожженныя. Отъ Муравлевки до города было 45 верстъ, а онъ промахалъ ихъ почти безъ отдыха, только на одномъ хуторкѣ, гдѣ у него были знакомые, похлебалъ немного горячихъ щецъ.

На утро, по деревенской привычкѣ, Иванъ Кириллычъ всталъ спозаранку, и такъ какъ идти къ Никифору Петровичу было еще не время, онъ пошелъ отъ нечего дѣлать побродить по городу. Городъ былъ скучный, сонный и весь какой-то сѣрый. На базарной площади въ сѣрыхъ дощатыхъ балаганахъ сидѣли сѣрые купцы и отъ скуки пили мутный чай изъ грязныхъ стакановъ, заѣдая его сѣрымъ ситникомъ. Покупать было некому, но они все-таки по привычкѣ сидѣли и зѣвали, изрѣдка перекидываясь лѣнивыми и совершенно ненужными фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— И что это, Мартьянъ Иванычъ, пью-пью чай, семой чайникъ опоражниваю, а все брюхо холодное!

Или:

— Къ чему это я нонѣ горохъ во снѣ ѣлъ? Къ снѣгу что-ли?

Когда на площади появлялся какой-нибудь пьяненькій мужичокъ и, чертя сапогами по землѣ, шарахался отъ одного балагана къ другому, базаръ на мгновеніе оживлялся, и во всѣхъ дверяхъ появлялись красныя, возбужденныя лица, съ растянутыми до ушей ртами, хохочущія, кричащія, улюлюкающія... Но пьяный человѣкъ благополучно достигалъ, наконецъ, какой-нибудь тихой пристани — забора или канавы—и снова сѣрая скука и тишина повисала надъ базаромъ. Единственными живыми людьми на улицахъ были школяры, которые съ галчинымъ гамомъ и пискомъ сыпались въ школы, таща на плечахъ сумки съ книжками, тетрадками и грифельными досками. Иванъ Кириллычъ остановился и съ удовольствіемъ полюбовался на нихъ. „Ишь, молодняк-то разошелся!“ подумалъ онъ и вспомнилъ своихъ собственныхъ учениковъ, Епихины хутора, роковую ссору съ Михаилъ-Денисычемъ, затѣмъ бумагу и увольненіе, и то неопре-

дѣленное положеніе, въ которомъ онъ теперь находился. И вдругъ ему показался нелѣпымъ и неумѣстнымъ его приходъ въ городъ, а надежды, какія они съ Варей возлагали на члена управы — странными и неосуществимыми...

Никифоръ Петровичъ Лукачевъ былъ еще молодой человѣкъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, учился когда-то въ гимназіи, но дальше, по независящимъ обстоятельствамъ, не пошелъ, рано женился, засѣлъ въ деревнѣ и скоро былъ выбранъ въ гласные. Въ своемъ уѣздѣ онъ считался однимъ изъ передовыхъ, слѣдилъ за литературой, выписывалъ журналы, устраивалъ народныя чтенія, а во время холеры и голода выдвинулся какъ умѣлый организаторъ дешевыхъ столовыхъ и даровой помощи крестьянскому населенію. Его замѣтили, и когда старая управа, послѣ нѣкоторыхъ обнаружившихся въ ней неурядицъ, была смѣщена, Лукачевъ попалъ въ составъ новой управы. Онъ принялъ въ свое вѣдѣніе народное образованіе и очень много работалъ для него. По его иниціативѣ было открыто въ уѣздѣ много новыхъ школъ, увеличено жалованье сельскимъ учителямъ, организована учительская библіотека и большое вниманіе было обращено на учрежденіе училищъ, въ которыхъ, подъ наблюденіемъ сельскихъ учителей, первоначальнымъ обученіемъ занимались бывшіе ученики сельскихъ школъ. Иванъ Кириллычъ познакомился съ Никифоромъ Петровичемъ еще въ прошломъ году, когда у нихъ съ Михаилъ-Денисычемъ были хорошія отношенія, и онъ ѣздилъ къ Лукачеву съ порученіемъ отъ него. Михаилъ Денисычъ далъ ему тогда письмо, въ которомъ, должно быть, было что-нибудь особенно лестное для Ивана Кириллыча, потому что Лукачевъ встрѣтилъ его необыкновенно любезно и не отослалъ въ кухню, какъ это водится, а напротивъ пригласилъ къ себѣ въ комнаты, не смотря на то, что Иванъ Кириллычъ былъ въ лаптяхъ, въ деревенскомъ халатѣ и домашней бѣлой рубахѣ. У него сидѣли гости, между прочими — одинъ адвокатъ изъ губернскаго города, и всѣ они относились къ Ивану Кириллычу съ большимъ участіемъ и разспрашивали его о деревенскихъ дѣлахъ. Но Иванъ Кириллычъ отъ конфуза почти ничего не могъ говорить, не зналъ, куда дѣвать свои руки и ноги, которыя казались ему необыкновенно громадными, и когда вышелъ отъ Никифора Петровича, то былъ весь мокрый, точно изъ бани.

Теперь все это вспомнилось Ивану Кириллычу, и онъ заранѣе уже начиналъ обливаться потомъ, представляя себѣ, какъ онъ явится къ Лукачеву не съ чужимъ порученіемъ, а съ соб-

ственной просьбой. Это послѣднее обстоятельство особенно приводило его въ смущеніе, и ему было впору хоть бы и не идти... Однако идти было надо, и, скрѣпя сердце, Иванъ Кириллычъ зашагалъ къ дому, гдѣ жилъ Лукачевъ.

„Эхъ, Варя, Варя, кабы не ты—ни за что бы не пошелъ!“—подумалъ онъ и, зажмуривъ глаза, съ храбростью отчаянія, потянулъ звонокъ.

Никифоръ Петровичъ только что всталъ и, прохаживаясь по кабинету, на ходу прихлебывалъ изъ стакана горячій чай. На видъ онъ былъ довольно угрюмый господинъ, весь заросшій густыми рыжеватыми волосами, и вдобавокъ въ огромныхъ темныхъ консервахъ, которые придавали ему еще больше мрачности и недоступности. Но на самомъ дѣлѣ это былъ именно только одинъ „видъ“: Лукачевъ былъ добръ и мягокъ до слабости, въ просьбахъ почти никогда не отказывалъ и даже часто дѣлалъ промахи въ этомъ отношеніи. Его часто обманывали и злоупотребляли его добротой, такъ что Никифоръ Петровичъ даже глаза свои пряталъ въ очки не потому, что у него было слабое зрѣніе, а для того, чтобы придать своей наружности угрюмую свирѣпость, которой въ сущности у него совсѣмъ не было.

Увидѣвъ на порогѣ Ивана Кириллыча, Лукачевъ сначала не узналъ его и, думая, что это кто-нибудь изъ мужиковъ по дѣлу, спросилъ разсѣянно:

— Ты что, любезный?

— Я, Никифоръ Петровичъ, къ вамъ... — робко сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Я съ Епихиныхъ хуторовъ... учитель!... Вы меня забыли?

Лукачевъ вглядѣлся въ него пристальнѣе и, поставивъ стаканъ на подоконникъ, протянулъ ему руку.

— А!... Да, да... Нѣтъ, какъ же, я помню. Епихины хутора? Саламатинъ? Помню, помню... Садитесь пожалуйста. Что скажете?

— Да вотъ, Никифоръ Петровичъ, школу-то мою закрыли. Теперь не знаю, что дѣлать... Извольте бумагу поглядѣть.

Лукачевъ мелькомъ пробѣжалъ бумагу, усмѣхнулся и возвратилъ ее Ивану Кириллычу.

— Любопытный документикъ, вы его поберегите. А школы, дѣйствительно, приказано закрыть. Теперь церковно-приходскія будутъ вмѣсто нашихъ школъ грамотности.

— Почему же такъ, Никифоръ Петровичъ? Что же мы—плохо учили?

Лукачевъ пожалъ плечами и снова усмѣхнулся.

— Ничего вамъ не могу сказать. Распоряженіе идетъ свыше: находятъ, что земскія школы грамоты неудобны, а почему — не знаю.

— Такъ... — со вздохомъ произнесъ Иванъ Кириллычъ. — Стало быть, это идетъ отъ высшаго начальства... А я вѣдь полагалъ, что тутъ не иначе, какъ Михаилъ Денисычъ орудуетъ, мнѣ въ отместку.

— Съ какой стати? — удивился Лукачевъ. — Насколько мнѣ извѣстно, Михаилъ Денисычъ былъ о васъ самаго лучшаго мнѣнія, онъ такъ всегда хлопоталъ за васъ, — зачѣмъ же ему теперь васъ преслѣдовать?

— Да потому, Никифоръ Петровичъ... дѣло такое вышло. Разладились мы съ Михаилъ-Денисычемъ вдребезги... т.-е. какъ огонь съ водой, въ этомъ родѣ... какъ встрѣнемся, такъ и зашипимъ!

— Какъ такъ? Почему?

Иванъ Кириллычъ, волнуясь, разсказалъ Лукачеву всю исторію своей ссоры съ Прокудинымъ, вплоть до одноглазки. Никифоръ Петровичъ выслушалъ внимательно, потомъ нахмурился и зашагалъ по комнатѣ.

— Жаль, очень жаль!.. Скверно! — проговорилъ онъ. — Я очень уважаю Михаила Денисыча и никогда этого отъ него не ожидалъ. Хотя, долженъ сказать, вы тоже поступили не совсѣмъ хорошо. Онъ вашъ наставникъ, вы ему много обязаны... зачѣмъ же такъ грубо, такъ дерзко... Нехорошо!

Иванъ Кириллычъ сидѣлъ весь красный, потный, разстроенный.

— Господи Боже мой, Никифоръ Петровичъ, да развѣ я... да я бы ни за что! — воскликнулъ онъ чуть не плача. — Вѣдь я его какъ отца родного почиталъ, а онъ меня этакъ разобидѣлъ! Дуракомъ при всѣхъ обкладываетъ... не могъ я этого стерпѣть! За что? Чѣмъ я это заслужилъ? Да я за него жизни готовъ былъ рѣшиться, а онъ меня — дуракомъ...

— Жаль, очень жаль! — повторилъ Лукачевъ. — Нехорошо-съ. Я васъ обоихъ такъ цѣнилъ и уважалъ; оба вы изъ крестьянъ, оба работали для общаго дѣла... Я разсчитывалъ, что вы внесете свѣтъ въ темную крестьянскую массу — и вдругъ такія мелкія, неприличныя дрязги... Непріятно!

Онъ опять забѣгалъ по комнатѣ, ероша свою густую бороду и хмурясь. Ему дѣйствительно было непріятно; онъ гордился тѣмъ, что у нихъ въ уѣздѣ много интеллигентныхъ крестьянъ, всячески поощрялъ ихъ къ общественной дѣятельности, возлагалъ

большія надежды на эту новую, свѣжую силу, идущую изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ народной массы — и вдругъ такая глупая и самая обыкновенная мужицкая ссора, съ мужицкой руганью, чуть не съ мордобитіемъ и, въ заключеніе, съ судебнымъ разбирательствомъ и кутузкой! Было отъ чего огорчиться. Ивана Кириллыча онъ еще прощалъ, потому что въ его глазахъ Иванъ Кириллычъ былъ почти мальчишка и вчерашній мужикъ; но поведеніе Михаила Денисыча было для него совершенно непонятно. Человѣкъ учился въ учительской семинаріи, отлично зналъ свое дѣло, десять лѣтъ прослужилъ въ земской школѣ и всегда былъ на самомъ лучшемъ счету: что̀ такое могло съ нимъ случиться? Неужели деревенская жизнь, съ ея невѣжествомъ, грубостью, темнотой, способна такъ засасывать самыхъ лучшихъ своихъ представителей и возвращать ихъ въ первобытное состояніе? Къ чему же тогда вся ихъ культурная работа въ земствѣ, всѣ эти школы, библіотеки, чтенія, книжки? Лукачеву вдругъ припомнился читанный имъ когда-то разсказъ о негрѣ, который окончилъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался миссіонеромъ и поѣхалъ просвѣщать своихъ сородичей... а черезъ нѣсколько лѣтъ въ дикомъ весельѣ, совершенно голый, плясалъ вокругъ костра воинственную пляску вмѣстѣ съ своими духовными чадами...

Они долго молчали. Лукачевъ ходилъ, погрузившись въ свои мысли, и совсѣмъ позабылъ объ Иванѣ Кириллычѣ, а тотъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился и, робко откашлявшись, спросилъ:

— Такъ что же вы теперь мнѣ посовѣтуете, Никифоръ Петровичъ?

— А? Что такое? — откликнулся Лукачевъ, останавливаясь.

— Да я вотъ насчетъ этого... какъ мнѣ, стало быть, бросить это дѣло, больше ничего?

— Какое дѣло? Съ Михаиломъ Денисычемъ? Конечно, бросить... зачѣмъ ссориться.

— Да я не про ссору, Никифоръ Петровичъ...: Я насчетъ школы. Теперь ужъ, значитъ, это дѣло оставить надо? А я было-привыкъ... Жалко мнѣ это дѣло бросить.

— Ахъ, да, вы о школѣ! — Лукачевъ сѣлъ и задумался.— Да, да... что же дѣлать, какъ видите, школы грамоты у земства отняты. А въ земскую школу мы васъ назначить не можемъ, потому что у васъ нѣтъ свидѣтельства на званіе сельскаго учителя. Вотъ еслибы вы сдали экзаменъ... Постойте! Отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не подготовиться и не сдать экзамена на учителя?

— Да какъ же это?—растерянно произнесъ Иванъ Кириллычъ.—Да я бы, Никифоръ Петровичъ, всей душой... но какъ же я могу? Надо учиться, а у меня никакой возможности нѣту... Дома жить—и учиться, я этого, Никифоръ Петровичъ, никакъ не могу...

— Ну, положимъ, можно бы, еслибы вы не поссорились съ Михаилъ-Денисычемъ. Онъ бы васъ, конечно, великолѣпно подготовилъ! Но теперь, послѣ ссоры, разумѣется, этого ужъ нельзя. Онъ не захочетъ, да и вамъ... неловко! Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

— Да ужъ... пропасть! Двадцать второй пошелъ.

— Да... поздно! Въ семинарію васъ не примутъ, а то мы могли бы стипендію вамъ дать. Ужъ и не знаю, не знаю, что съ вами дѣлать... А хотѣлось бы помочь. Я помню, у васъ школа очень хорошо шла, инспекторъ обратилъ вниманіе. Видно, что вы это дѣло любите... Ваше домашнее положеніе какое?

— Да какое мое домашнее положеніе, Никифоръ Петровичъ!—безнадежно отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ.—Положеніе самое плохое! Если я дома буду жить и учиться, отецъ меня сгонитъ. Прямо сгонитъ въ шею, да и шабашъ. А такъ жить тоже вовсе не при чемъ. Хозяйства у насъ никакого нѣтъ, отецъ землю давно заложилъ, живемъ такъ себѣ, ни то, ни се, ни мужики, ни дворяне... Одно остается — въ работники идти надо, да больше ничего.

— Отчего же это у васъ такъ случилось?

— Да такъ... совсѣмъ раззорились. То голодные года были, то холера — вотъ оно все и расшаталось. Насъ трое братьевъ было, ну и хорошо жили; потомъ одного брата въ солдаты взяли, другой въ холеру померъ,—остались старики да я. Какое ужъ это хозяйство, Никифоръ Петровичъ, когда лошади даже нѣту!

Лукачевъ съ участіемъ смотрѣлъ на Ивана Кириллыча изъподъ своихъ свирѣпыхъ очковъ и думалъ, теребя бороду. Передъ нимъ былъ одинъ изъ представителей нарождающагося деревенскаго пролетаріата, и жалостливое сердце Никифора Петровича горѣло желаніемъ помочь ему выбиться на дорогу. Вдругъ онъ вскочилъ, осѣненный какой-то мыслью.

— Постойте! Я попробую кое-что для васъ сдѣлать... Что еслибы вамъ отправиться въ губернскій городъ и подыскать себѣ какую-нибудь работу? Понимаете, чтобы вы и существовать могли, и въ то же время готовиться къ экзамену? Постойте, постойте... Я напишу одному своему знакомому... Помните, вы, кажется, его у меня видали лѣтомъ? Черненькій такой, маленькій,

адвокатъ. Ну вотъ, отправляйтесь вы къ нему и передайте отъ меня письмо. Онъ попробуетъ найти вамъ занятіе. Если удастся— хорошо; не удастся — что-нибудь еще придумаемъ. Деньги у васъ есть?

— Съ рублевку есть...—краснѣя, отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ.

— Рублевка — это мало. Я васъ ссужу; когда заработаете, отдадите... И сегодня же поѣзжайте. Онъ какъ разъ въ это время въ городѣ; въ другое его не застанете. Онъ человѣкъ очень добрый и, если можно, все для васъ сдѣлаетъ. Въ большомъ городѣ работу легче найти, чѣмъ здѣсь. А на обратномъ пути пожалуйста зайдите ко мнѣ разсказать, какъ тамъ у васъ все это устроится.

Часа черезъ два Иванъ Кириллычъ опять шагалъ по грязной дорогѣ на желѣзно-дорожную станцію, гдѣ долженъ былъ сѣсть на поѣздъ, идущій въ городъ Z. Въ карманѣ у него было пять цѣлковыхъ денегъ и письмо къ присяжному повѣренному, Валерьяну Дмитріевичу Булыжникову, а въ головѣ—тысячи самыхъ радужныхъ плановъ. И шлепая по лужамъ, онъ то начиналъ декламировать изъ Некрасова: „Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Не стыдися, что за дѣло? Это многихъ славныхъ путь“... то восторженно восклицалъ: „Господи, люди-то, люди-то какіе на свѣтѣ бываютъ, а? Ангелы, а не люди!..“ Съ телеграфныхъ столбовъ на него смотрѣли востроносыя галки въ сѣрыхъ чепчикахъ, чрезвычайно похожія на деревенскихъ просвирень, и насмѣшливо каркали ему вслѣдъ: „крра-крра, дурракъ-дурракъ!“— но Иванъ Кириллычъ не слышалъ ихъ насмѣшливыхъ криковъ и, самоувѣренно размахивая палкой, шелъ впередъ. Не смотря на то, что вчера онъ отмахалъ сорокъ пять верстъ, а теперь предстояло пройти еще верстъ пятнадцать, онъ не чувствовалъ ни усталости, ни отчаянія. Онъ былъ счастливъ, потому что вѣрилъ, а вѣрилъ потому, что былъ еще въ такомъ возрастѣ, когда всѣ люди кажутся ангелами и всѣ дороги—ведущими къ счастью.

V.

Первыя неудачи и разочарованія.

Утренній поѣздъ Z-й желѣзной дороги примчалъ Ивана Кириллыча въ Z. около шести часовъ утра и, выбросивъ его на платформу, запруженную народомъ, умчался дальше. Растерянная фигура муравлевскаго учителя, въ странномъ кожухѣ, съ таліей подъ

мышками, въ грязныхъ сапогахъ и ушастой шапкѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе, и серьезный жандармъ очень вѣжливо посовѣтовалъ этой фигурѣ убраться куда-нибудь подальше. Иванъ Кириллычъ хотѣлъ-было спросить его—какъ пройти въ городъ, но, взглянувъ попристальнѣе въ его сверхчеловѣчески-неподвижную, точно изъ желѣза сдѣланную физіономію, рѣшилъ ужъ лучше ни о чемъ не спрашивать и поспѣшно юркнулъ въ толпу. Потолкавшись туда-сюда, онъ примазался, наконецъ, къ кучкѣ бабъ, которыя такъ же, какъ и онъ, растерянно тѣснились у рѣшетки платформы, очевидно не зная, куда идти.

— Вы, тетушки, куда идете?—спросилъ онъ.

Бабы подозрительно на него воззрились, но, увидѣвъ его кожухъ съ таліей и распознавъ въ немъ своего деревенскаго, перемигнулись между собою, о чемъ-то перемолвились, и одна изъ нихъ отвѣчала:

— Мы-то къ угоднику. А ты куда?

— Да вотъ пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ, а куда идти—не знаю.

— Да мы, парень, и сами не знаемъ. Мы впервой.

— Ничего, пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣсти!—весело сказала маленькая, курносая бабенка, но товарки такъ строго на нее посмотрѣли, что она сразу осѣклась. Богомолки, идя къ угоднику, были такъ благоговѣйно и торжественно настроены, что всякая шутка казалась имъ неумѣстной.

Они спустились съ платформы и, миновавъ толпу извозчиковъ, которые рвали на части пріѣзжихъ пассажировъ, вышли на широкую, пустынную улицу, обсаженную высокими тополями. Время было еще раннее, и городъ спалъ; ѣхали только извозчики съ пассажирами и чемоданами, да утренній благовѣстъ разливался въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. Богомолки крестились.

— Къ утреной попадемъ въ самый разъ,—сказала одна изъ нихъ, сердитая старуха, которая видимо верховодила всей артелью.

— А ты, паренекъ, тоже къ угоднику? — спросила Ивана Кириллыча курносая баба.

— Нѣтъ, я по другому случаю. Да еще рано, я тоже съ вами въ монастырь пойду. Ни разу не доводилось бывать здѣсь.

— Помолись, помолись передъ начатіемъ дѣла!—вымолвила наставительно сердитая старуха. — А то вы, молодые, совсѣмъ нынче Бога-то забыли! Избаловался народъ въ отдѣлку, оттого Господь и наказанія посылаетъ.

Иванъ Кириллычъ хотѣлъ-было возразить, но курносая баба

смѣшливо подмигнула ему—дескать, не замай ее!—и онъ промолчалъ.

На встрѣчу имъ стали попадаться кухарки съ корзинками, изъ которыхъ торчали рыбьи хвосты, морковь, караваи хлѣба. Старуха остановила одну и, придавъ своему суровому лику самое умильное выраженіе, спросила ее, какъ надо пройти къ угоднику.

— Идите, матушка, все прямо, прямо, а потомъ спросите, вамъ укажутъ!—отвѣчала кухарка и бойко засѣменила впередъ.

Они опять пошли. Старуха все вздыхала и что-то бормотала, потомъ вдругъ опять обратилась къ Ивану Кириллычу:

— Ты грамотный?

— Грамотный.

— Ну-ну! Такъ ты вотъ чего, запиши намъ грамотку—одну за здравіе, а другую за упокой, къ угоднику подать. Да не охальничай, не набреши тамъ пустяковины какой ни-то! А то вѣдь вы рады надъ темнымъ человѣкомъ шутейничать!

— Зачѣмъ же, тетенька, шутейничать?—возразилъ Иванъ Кириллычъ.

— То-то, то-то, я вижу, ты не изъ такихъ, обличье-то у тебя смиренное. А то бываютъ такіе странники—бѣда! На Святыхъ горахъ вотъ этакъ же попросила я одного заздравную грамотку мнѣ записать, а онъ, жеребецъ, возьми, да такихъ сквернымъ словъ мнѣ насажай, что и меня-то чуть было въ три шеи изъ церкви не выгнали! Ужъ монахъ-то читальщикъ плевался-плевался... „Ахъ ты, говоритъ, дура старая, нешто не видишь, что подаешь? да за этакія слова тебя не токмо изъ церкви Божіей, а изъ трактира съ барабаннымъ боемъ выставятъ!“ Что ты подѣлаешь, бываютъ же такіе мазурики безбожные! А я еще ему отъ всего сердца двѣ копѣйки дала за написаніе...

— Ну, тетенька, ты не бойся, я тебѣ этакого не сдѣлаю и денегъ не возьму!—успокоилъ ее Иванъ Кириллычъ.

— Ахъ ты мое дитятко милое, вотъ спасибо, я тебя за это въ молитвахъ помяну!—сказала смягченная старуха.

— Вотъ и хорошо, что вмѣстѣ пошли, вотъ человѣкъ-то и пригодился!—подхватила курносая баба.

Ивану Кириллычу она очень понравилась, и онъ старался держаться къ ней поближе. По дорогѣ она разсказала ему, что онѣ всѣ — старооскольскія, были по обѣщанію въ Кіевѣ, а теперь идутъ къ угоднику, а отъ угодника пойдутъ къ Тихону Задонскому.

— Такъ все и странствуете?—спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Такъ и странствуемъ... Что-жъ дѣлать-то, парень, по

крайности свѣтъ увидишь, окромя того, что душѣ спасеніе. Кабы угодниковъ не было, я тебѣ скажу, милый, нашей сестрѣ-бабѣ деревенской одно остается: пропадомъ пропадать...

Между тѣмъ впереди засинѣли главы монастыря, усѣянныя золотыми звѣздами, и бабы закрестились, охваченныя благоговѣйнымъ молчаніемъ. Въ широкомъ полутемномъ коридорѣ за прилавками стояли монахи и продавали образки, крестики, шапочки отъ мощей; у стѣнъ толпились нищіе и съ поклонами протягивали руки къ мимоидущимъ богомольцамъ. По дощатымъ мосткамъ широкаго монастырскаго двора неслышно скользили черныя фигуры монаховъ, распространяя отъ своихъ одеждъ запахъ ладана, кипарисnаго дерева и старинныхъ церковныхъ книгъ... странный, неживой запахъ, возбуждавшій въ умѣ мысль о смерти, тлѣніи, могильной тишинѣ... Этотъ запахъ, эти скользящія темныя тѣни—все это казалось отраженіемъ какого-то нездѣшняго міра, и лица людей, вступавшихъ въ уголокъ этого міра, принимали выраженіе отрѣшенности отъ земли и жизни.

Богомолки прошли черезъ дворъ и очутились въ главной церкви. Шла утренняя служба, и хоръ пѣвчихъ глухо гудѣлъ подъ обширными сводами храма. Въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго утра, глядѣвшаго въ высокія окна, огни лампадъ и свѣчей передъ иконостасомъ казались маленькими тусклыми звѣздочками. Золоченыя, узорчатыя ризы отсвѣчивали розовымъ блескомъ на образѣ Божіей Матери съ Младенцемъ, и цѣлые пуки свѣчей, оплывая, теплились передъ нимъ въ громадныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Къ иконѣ безпрестанно подходили все новые и новые богомольцы, зажигали свѣчи и ставили ихъ на мѣсто оплывшихъ. Сердитая старуха остановилась и долго копалась у себя за пазухой; потомъ достала оттуда холщевый мѣшокъ, туго завязанный, изъ мѣшка вынула тряпицу, изъ тряпицы кожаный кошелекъ, добыла изъ него нѣсколько мѣдяковъ и, купивъ свѣчей у ларя, сунула всѣмъ бабамъ по свѣчкѣ. Когда свѣчи всѣ были водружены передъ иконою Богоматери, старуха повела своихъ спутницъ къ ракѣ угодника, передъ которой на возвышеніи стоялъ сѣдой монахъ. Упавъ на колѣни, женщины долго лежали на полу. Свѣчи съ легкимъ трескомъ тихо мерцали; сизый дымокъ кадильницъ тонкой прозрачной пеленой разстилался надъ головами молящихся; нѣжные, немного заглушенные звуки хора растекались по храму тихоструйною волной... Казалось, поютъ не на клиросѣ, а гдѣ-то высоко вверху.

Послѣ утренней службы толпа окружила раку, и начались молебны. Старый монахъ дребезжащимъ голосомъ читалъ ака-

ѳистъ; при пѣніи хора толпа падала ницъ съ шорохомъ, напоминающимъ испуганное трепетаніе лѣса, когда надъ нимъ внезапно проносится вѣтеръ. Народъ, наполнявшій церковь, былъ преимущественно сѣрый—деревенскіе мужики, бабы, монахини; но были и городскіе. Толстый купецъ съ румяными щеками и глазами на выкатѣ истово крестился, потряхивая головой, рядомъ съ старухой въ бѣломъ чекунѣ и лаптяхъ. Молодой мастеровой, съ чахоточными пятнами на скулахъ и въ красномъ шарфѣ на тонкой костлявой шеѣ, молился съ какой-то страстью, стукаясь лбомъ въ полъ и судорожно втягивая въ себя воздухъ вмѣстѣ съ словами молитвы. Хорошенькая барышня, вся въ завиткахъ, въ модной вуалеткѣ и съ голубыми сережками въ розовыхъ ушахъ, непрерывно опускалась на колѣни, не жалѣя своего новенькаго костюма, и со слезами на глазахъ что-то быстро шептала. Но особенно Ивана Кириллыча поразила одна женщина въ бурнусѣ съ стеклярусной отдѣлкой, въ черномъ платкѣ, надвинутомъ на лобъ, съ красивыми, хотя и поблекшими чертами лица и громадными сверкающими глазами. Она какъ будто ничего не видѣла и не слышала; ее толкали, она не замѣчала, и, вонзивъ свои пылающіе глаза въ образъ Божіей Матери, она словно хотѣла прожечь его насквозь огнемъ своей страдающей души. А бѣлый старикъ въ черномъ клобукѣ безстрастнымъ голосомъ все читалъ слова акаѳиста, и всѣ эти люди, охваченные общимъ чувствомъ религіознаго экстаза, изливали свои скорби, свои радости, свои болѣзни у подножія великолѣпной раки, въ которой почивалъ смиренный монахъ, при жизни отказавшійся отъ всѣхъ почестей и благъ земныхъ, а по смерти сдѣлавшійся посредникомъ между Богомъ и людьми, жаждавшими именно этихъ земныхъ благъ.

Молебны кончились, и молящіеся начали прикладываться къ мощамъ святителя. Сердитая старуха этимъ не ограничилась и долго еще ходила по церкви, прикладываясь ко всѣмъ иконамъ и передъ каждой отбивая безчисленное множество земныхъ поклоновъ. Ей какъ будто совсѣмъ не хотѣлось уходить изъ храма; она старалась вобрать въ себя какъ можно больше святости. Но ея молодыя и легкомысленныя спутницы уже устали и робко напоминали своей коноводкѣ, что пора идти.

— Молитвенница она у насъ! — шепнула курносая баба Ивану Кириллычу.—Съ молоду, говорятъ, дюже нравная была, двухъ невѣстокъ поѣдомъ заѣла, одинъ сынъ въ бѣгахъ, другой въ проруби утопъ... вотъ теперича и замаливаетъ!

Иванъ Кириллычъ взглянулъ въ сухое лицо старухи, изсту-

пленно крестившейся передъ каждымъ образомъ, и ему вспомнились слова псалма: „нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего и нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ“... Дѣйствительно, такъ жадно молиться могъ только человѣкъ, ищущій „исцѣленія“ и „мира“ своей душѣ, отягченной жестокими грѣхами.

Наконецъ старуху удалось вытащить изъ церкви, и богомолки вышли на паперть. Весенній день, душистый и свѣжій, ослѣпилъ и опьянилъ ихъ послѣ сумрака и кадильныхъ благовоній, наполнявшихъ храмъ. Птицы беззаботно чирикали въ красныхъ, гибкихъ вѣтвяхъ еще обнаженныхъ деревьевъ; солнечные лучи дробились въ лужицахъ воды, застоявшихся въ пескѣ, которымъ былъ усыпанъ внутренній дворъ монастыря. И призрачныя тѣни монаховъ все такъ же неслышно скользили по мосткамъ, равнодушныя и безучастныя къ этому радостному шуму и сверканію жизни, разлитой вокругъ.

— Удостоилась! Слава тебѣ, Царица Небесная, удостоилась!— шептала старуха.

Вдругъ въ толпѣ богомольцевъ, выходившихъ изъ церкви, произошло какое-то смятеніе. Всѣ сгрудились въ одномъ мѣстѣ и о чемъ-то разсуждали, ахая и удивляясь. Крикливые женскіе возгласы, глухіе голоса мужчинъ странно и непріятно звучали въ этомъ тихомъ уголкѣ, созданномъ для мирныхъ размышленій и молитвъ.

Курносая баба встрепенулась, и ея живые глаза загорѣлись.

— Что-й-то тамъ такое? Пойтить посмотрѣть...—сказала она и устремилась впередъ.

— Куда, куда,—эка вѣдь шишига востроносая!..—заворчала было старуха, но бабье любопытство превозмогло, и она тоже заковыляла къ толпѣ. За нею послѣдовали и ея товарки, и Иванъ Кириллычъ.

— Родимые, что это тутъ такое? — взывала курносая баба, протискиваясь сквозь толпу.

— Дитё!.. Вишь, дитё подкинули,—послышались сдержанные голоса.—Гле-ко-сь, что дѣлаютъ... Ахъ ты, Господи!.. И грѣха не боятся...

На мосткахъ подъ деревомъ лежалъ какой-то сѣрый комочекъ, и изъ него исходилъ тоненькій, жалобный пискъ. Никто не рѣшался взять его въ руки, и всѣ эти люди, еще такъ недавно объединенные общимъ чувствомъ благоговѣнія къ святому человѣку, отказавшемуся отъ всѣхъ благъ земли ради любви къ Богу

и человѣчеству, теперь боязливо жались и сторонились отъ этого живого, плачущаго комочка, валявшагося въ грязи.

— Мать-то, мать-то подлая!..—ворчали старухи. — Въ этакомъ мѣстѣ бросила... Да ее бы за этакое дѣло...

— Безобразничаетъ народъ!—сказалъ жирный лавочникъ.— Ни стыда, ни грѣха на нихъ нѣту. Нагуляетъ по панелямъ, а потомъ родитъ, да и подъ заборъ...

— Городъ!—задумчиво и смущенно замѣтилъ бородатый мужикъ.—Нужда!..

А комочекъ все пищалъ надрывисто и тоскливо... Внезапно курносая баба, все время смотрѣвшая на него въ какомъ-то оцѣпенѣніи, растолкала сосѣдей локтями и ринулась къ ребенку.

— Что ты, что ты, ай сдурѣла?—зашипѣла на нее старуха, вцѣпляясь ей въ зипунъ.

— Ничего не сдурѣла, а что же ему на землѣ-то валяться? Не котенокъ, чай!—сказала курносая баба и, поднявъ ребенка, стала привычнымъ движеніемъ укачивать его. — Родимушка ты моя!.. Сынушка мой! Шш... шшъ!..—приговаривала она.

— А ты ему сиську дай! — участливо посовѣтовалъ бородатый мужикъ.

— Дура! Брось, тебѣ говорятъ! Бѣды еще съ тобой наживешь... — выходила изъ себя сердитая старуха, и лицо у нея опять стало злое и жестокое.

— Какъ это такъ брось? Выдумали!.. Теперича не лѣто, онъ и такъ весь заколѣлъ. Гляди-ка, синій-разсиній! Ахъ ты, крошечка моя, ахъ ты, несчастненькій!.. — причитала курносая баба, проворно разворачивая тряпки и свидѣтельствуя младенца.

Изъ тряпокъ высунулись посинѣлыя, тонкія ручки, и крючковатые пальчики судорожно ловили воздухъ. Всѣ тѣснѣе сдвинулись вокругъ ребенка.

— Мальчикъ... Господи, жалко-то какъ!.. Крещеный... Мать-то подлюга гдѣ теперь?.. А можетъ, и правда—нужда!..

Въ эту минуту на мосткахъ показался низенькій, кудлатый послушникъ, дѣловито попросилъ публику посторониться и, опытнымъ взглядомъ окинувъ ребенка, сказалъ безъ всякаго удивленія:

— Опять подкинули? Давай его сюда!

— Куда вы его?—спросила курносая баба, не давая ребенка.

— Въ пріютъ. Куда же еще? Если всѣхъ на воспитаніе брать, это и мѣста въ обители не хватитъ.

— А у васъ развѣ часто?—спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Да постоянно! На прошлой недѣлѣ въ церкви оставили. Просто бѣда! Ну, давай что-ли, если себѣ не хочешь оставить!

Баба неохотно отдала ему ребенка, который пригрѣлся у нея на рукахъ и пересталъ плакать. Послушникъ взялъ его и пошелъ къ выходу; народъ хлынулъ за нимъ, жужжа какъ пчелиный улей.

— Ну, дѣла! ну, дѣла! — говорили богомольцы, и въ голосахъ ихъ слышались тревога и смущеніе. Крошечный человѣчекъ, такъ неудачно вступившій въ жизнь, разсѣялъ торжественно-благоговѣйное настроеніе, и всѣ ощутили въ сердцахъ своихъ смутное безпокойство и грызущую тоску встревоженной совѣсти. Всѣмъ казалось, что нужно было что-то сдѣлать, и всѣ сознавали, что это нужное не было сдѣлано, и оттого каждый чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ—и передъ плачущимъ комочкомъ, и передъ тѣмъ, кому еще такъ недавно, въ дыму кадилъ, въ блескѣ свѣчей, возносились горячія молитвы.

За оградой монастыря послушникъ кликнулъ извозчика и послалъ его за полицейскимъ. Полицейскій не замедлилъ явиться, ловко принялъ подкидыша изъ рукъ послушника и, крикнувъ извозчику: „пошелъ!“—скоро исчезъ изъ виду. Богомольцы стали расходиться; курносая баба плакала.

— Жалко-то какъ! — твердила она, всхлипывая и сморкаясь.—Кабы своихъ не было, взяла бы, а то какъ безъ мужа возьмешь? Приди-ка-сь домой съ робенкомъ — онъ те всыпетъ!

— И слѣдуетъ!—брюзжала сердитая старуха.

— Ну, вы теперь куда пойдете? — спросилъ ее Иванъ Кириллычъ.

— А мы въ странній домъ пойдемъ. Вотъ тутъ одна бабочка къ намъ прибилась, бывалая такая, мы ужъ съ ней.

— А тамъ всякому можно пристать?

— А чего нельзя? Извѣстно, можно!—затрещала „бабочка“, сухая, вертлявая старушонка съ птичьимъ носомъ.—Тамъ всѣхъ странныхъ принимаютъ, — дюже хорошо! Положишь въ кружку сколько-нибудь—и живи!

— Ну, ладно, я послѣ приду, а теперь по дѣламъ, — сказалъ Иванъ Кириллычъ и пощупалъ свой карманъ. Въ ту же минуту на лицѣ его выразился ужасъ.

— Батюшки! Обокрали! Деньги вытащили!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Родимые вы мои, да что ты?—взвыла курносая баба.—Какъ же это ты, парень, этакъ опростоволосился? Много ли денегъ-то было?

— Почитай пять цѣлковыхъ... всѣ вытащили до копейки!

Ивана Кириллыча обступили, ахали, соболѣзновали, ощупы-

вали его, выворачивали карманы наизнанку — денегъ не было. Иванъ Кириллычъ, весь блѣдный, растерянный, поворачивался изъ стороны въ сторону и, какъ вѣтряная мельница, нелѣпо размахивалъ руками. На шумъ за ограду вышелъ опять кудлатый послушникъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, равнодушно почесалъ свои желтыя патлы.

— Это у насъ постоянно!—сказалъ онъ и удалился.

— Ну, и городъ! Ну, и народъ отчаянный!—говорила курносая баба. — Ахъ ты, сердечный, что ты теперича дѣлать-то будешь?

— Ужъ и не знаю. И деньги-то чужія... взаймы взялъ.

— Постой, парень...—баба покосилась на сердитую старуху и, ловко вывернувъ откуда-то пятиалтынный, застѣнчиво сунула его Ивану Кириллычу. На-ка вотъ тебѣ серебрушку... а то какъ же безъ денегъ-то на чужой сторонѣ?

— Спасибо, милая, — сказалъ Иванъ Кириллычъ, тронутый добротой бабы.—Береги для себя, а я, можетъ, достану. У меня знакомые тутъ есть.

Онъ распростился съ богомолками и, огорченный своими первыми неудачами и разочарованіями въ городѣ, пошелъ разыскивать Валеріана Дмитріевича Булыжникова.

VI.

Горизонтъ начинаетъ проясняться.

Булыжниковъ жилъ на Краснослободской улицѣ, въ нижнемъ этажѣ съ парадnымъ подъѣздомъ на улицу, и солидная мѣдная доска, прибитая на дверяхъ, гласила, что присяжный повѣренный такой-то принимаетъ отъ такихъ-то и до такихъ-то часовъ, при чемъ бѣдныхъ безплатно. Все это вмѣстѣ—и парадный подъѣздъ, и доска, и выгравированные на ней часы пріемовъ—все имѣло видъ внушительный, располагало къ довѣрію и указывало, что здѣсь живетъ не шантрапа какая-нибудь, а настоящій дѣлецъ, дѣлающій настоящія дѣла. Такъ же солидно и внушительно была обставлена квартира и внутри. Кабинетъ со шкафами, до верху набитыми книгами, мягкіе ковры, тяжелые занавѣсы, картины въ золоченыхъ рамахъ, массивные дубовые стулья—все говорило, что хозяинъ умѣетъ жить, умѣетъ и дѣла дѣлать. Дѣйствительно, Булыжниковъ имѣлъ хорошую практику и считался однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ въ городѣ. Очень ловкій, самоувѣренный, бойкій

на языкъ, онъ обладалъ кромѣ всего этого особымъ профессіональнымъ нюхомъ, нѣкоторою литературной начитанностью и умѣньемъ прибѣгать къ внѣшнимъ эффектамъ, когда не хватало аргументаціи. Его рѣчи трогали и волновали чувствительныхъ людей не столько искренностью, сколько звонкой и красивой фразой, а самоувѣренность его дѣйствовала на противниковъ ошеломляющимъ образомъ и сбивала съ толку самыхъ хладнокровныхъ представителей обвиненія. Эти качества помогали Булыжникову преуспѣвать и въ то время, какъ многіе его товарищи, гораздо болѣе даровитые, застыли въ одномъ положеніи, Валеріанъ Дмитріевичъ гремѣлъ, и его имя было извѣстно уже не въ одной провинціи. Таковъ онъ былъ и въ университетѣ: всюду лѣзъ впередъ, кричалъ, обращалъ на себя вниманіе, и между тѣмъ какъ другіе принуждены были уходить, не кончивъ курса, онъ оказывался цѣлъ и невредимъ и на самомъ лучшемъ счету у начальства... Но происходило это вовсе не оттого, что онъ, подобно щедринскому либералу, дѣйствовалъ „примѣнительно къ подлости“, а просто оттого, что, пламенно увлекаясь, онъ скоро и остывалъ, и такъ весь перегоралъ въ собственныхъ рѣчахъ, что на дѣло у него ничего уже не оставалось. Поэтому онъ до сихъ поръ сохранилъ за собою репутацію вполнѣ честнаго, порядочнаго человѣка, и его бывшіе товарищи относились къ нему съ уваженіемъ. Правда, онъ чрезвычайно рѣдко исполнялъ то, что̀ обѣщалъ, но за то никогда ни отъ чего не отказывался и въ обѣщаніяхъ своихъ былъ такъ же пылокъ и стремителенъ, какъ и въ рѣчахъ. За это ему многое прощали.

Въ своей личной жизни Булыжниковъ былъ не совсѣмъ счастливъ. Онъ женился рано и повидимому удачно, по любви и на очень богатой дѣвушкѣ; но жена его послѣ первыхъ родовъ какъ-то захирѣла, вѣчно лечилась и все свое время проводила или въ клиникахъ, или въ курортахъ, не выздоравливая и не умирая. Булыжниковъ остался соломеннымъ вдовцомъ и одиноко жилъ въ своей роскошной квартирѣ.

Наружность его немножко не гармонировала съ громкимъ именемъ и солидностью положенія. Онъ былъ маленькаго роста, смуглый какъ цыганъ, взъерошенный и вдобавокъ косой. Это производило непріятное впечатлѣніе. Многіе кліенты, видя его въ первый разъ, подозрительно поглядывали на его разбѣгающіеся глаза и думали: „Богъ шельму мѣтитъ!..“ Но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ примирялись и находили даже, что это очень оригинально. Особенно дамы были въ восторгѣ отъ Валеріана Дмитріевича и въ своемъ кругу сравнивали его

съ Ричардомъ Третьимъ, который, какъ извѣстно всѣмъ, читавшимъ Шекспира, былъ хотя и горбатъ, и хромъ, но все-таки—неотразимъ!

Валеріанъ Дмитріевичъ только что всталъ и пилъ кофе, когда въ передней звякнулъ нерѣшительный звонокъ. Такъ звонили бѣдные кліенты, и Булыжниковъ поморщился.

— Баринъ, васъ тамъ какой-то мужикъ спрашиваетъ!—доложила хорошенькая горничная въ изящномъ фартучкѣ и буклящкахъ.

— А, ч-чортъ!—пробормоталъ Булыжниковъ.—Ну чтожъ, проводи его въ пріемную, пусть подождетъ.

— Онъ говоритъ, у него какое-то письмо къ вамъ.

— Ну, возьми письмо, дай сюда!.. Навѣрное, какой-нибудь пріятель подсудобилъ, черти бы его взяли...—прибавилъ онъ уже для себя, по опыту зная, что пріятели любятъ запутанныя дѣла сваливать съ своихъ плечъ на чужія. Вотъ и этотъ мужикъ... непремѣнно явился съ запутаннымъ дѣломъ „насчетъ землицы", и непремѣнно его прислалъ какой-нибудь пріятель.

Горничная возвратилась съ обезкураженнымъ видомъ.

— Онъ письма не отдаетъ!—объявила она.—Говоритъ, въ собственныя руки велѣно отдать.

— Экая дурацкая привычка мужицкая! „Въ собственныя руки"... удивительно нужно его письмо! Ерунда какая-нибудь...

И запахивая полы халата, онъ вышелъ въ пріемную. У порога, совершенно подавленный окружающимъ великолѣпіемъ, стоялъ Иванъ Кириллычъ, и по лицу его видно было, что ему ужасно хочется провалиться сквозь землю.

— Что такое? Ты отъ кого?—глядя на сапоги Ивана Кириллыча, спросилъ Валеріанъ Дмитріевичъ.

Иванъ Кириллычъ тоже посмотрѣлъ на свои сапоги и, удрученный ихъ безобразнымъ видомъ, окончательно растерялся.

— А вотъ... Никифоръ Петровичъ письмо вамъ...—пролепеталъ онъ, доставая изъ шапки скомканный конвертъ.

„Ну, я такъ и зналъ!"—подумалъ Булыжниковъ и нетерпѣливо распечаталъ конвертъ. Но, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, онъ поглядѣлъ уже не на сапоги, а на самого Ивана Кириллыча и воскликнулъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Саламатинъ? Тотъ самый, который?.. Батенька мой, да что же это вы такъ... сразу не сказали! Вѣдь я васъ не узналъ—вотъ комическое положеніе! Какъ же, какъ же... Саламатинъ—очень хорошо помню! Садитесь пожалуйста. Да нѣтъ, постойте, вы чай пили? Нѣтъ еще? Такъ пойдемте въ столовую, тамъ у меня са-

моварчикъ грѣется и коньякъ имѣется... ха-ха! Что такое? Сапоги грязные? Э, пустяки, батенька, пойдемте!

Иванъ Кириллычъ еще разъ съ упрекомъ взглянулъ на свои сапоги и, осторожно ступая на цыпочкахъ по коврамъ, послѣдовалъ за хозяиномъ. „Книгъ-то, книгъ-то сколько!“ — подумалъ онъ, проходя мимо шкафовъ. „А портреты-то... все, должно быть, писатели“... Но въ эту минуту взглядъ его упалъ на картину, гдѣ была изображена дама, снимавшая съ себя рубашку, и Иванъ Кириллычъ скромно потупился, не желая конфузить своего гостепріимнаго хозяина.

— Садитесь!—говорилъ между тѣмъ Валеріанъ Дмитріевичъ, подвигая ему стулъ и наливая чай.—Ну, какъ же это вы такъ, а? Никифоръ Петровичъ пишетъ, что васъ уволили. Это ужасно непріятно. Я совершенно не понимаю, что̀ у насъ въ Россіи дѣлается. Закрываютъ, сокращаютъ, ломаютъ, — помилуйте, это какая-то бѣлая революція! Гдѣ, въ какой странѣ вы слыхали о „рецидивѣ безграмотности“? А у насъ онъ есть, потому что нѣтъ школъ, нѣтъ библіотекъ, нѣтъ книгъ для народа, нѣтъ учителей... Ничего не понимаю—зачѣмъ, почему, что̀ такое?

Иванъ Кириллычъ сидѣлъ, оглушенный этимъ потокомъ словъ, и тоже ничего не понималъ. Осторожно, стараясь производить какъ можно меньше шума, онъ отгрызалъ отъ сахара крошечные кусочки и, запивая ихъ чаемъ, думалъ: „Говоритъ-то, говоритъ какъ, прямо какъ книга! Вѣдь наградитъ же Богъ этакимъ даромъ слова,—говоритъ и не зацѣпится! А нашъ братъ зачнетъ мусолить, ужъ мнетъ-мнетъ — слушать тошно, словно во рту-то не языкъ, а рукавица!“

Наговорившись всласть, Булыжниковъ немного помолчалъ, перечиталъ письмо Лукачева и обратился къ Ивану Кириллычу.

— Скажите пожалуйста, а что же такое вышло у васъ съ земскимъ учителемъ?

Иванъ Кириллычъ сразу вспотѣлъ и сбивчиво, проклиная себя въ душѣ, сталъ разсказывать о своихъ злоключеніяхъ. Булыжниковъ постоянно перебивалъ его негодующими возгласами: „Вотъ подлость!“ „Ахъ, негодяй!“ —и когда Иванъ Кириллычъ кончилъ, онъ былъ уже воспламененъ и весь красный, взъерошенный, носился по комнатѣ, развѣвая полами халата. Этотъ деревенскій парень въ кожухѣ, съ такой настойчивостью стремящійся къ образованію, былъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересною новинкой, и Валеріанъ Дмитріевичъ заранѣе представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ его вездѣ показывать, какъ устроитъ его судьбу и какой эффектъ произведетъ появленіе овчиннаго кожуха на фонѣ изящной гостиной.

— Скажите, какая мерзость!—кричалъ онъ.—Въ кутузку... Ха-ха-ха! Ну, мы покажемъ имъ кутузку! Вотъ положеніе нашихъ тружениковъ-учителей! Скудное жалованье, сырость, темнота и въ заключеніе — изъ школы въ кутузку. Или, какъ вы говорите, въ „одноглазку"? Ха-ха-ха... c'est le mot, это надо записать. Это, я вамъ скажу, прямо въ печать, въ печать просится! Этакій комизмъ... Но вы не унывайте, милѣйшій, мы васъ устроимъ. Никифоръ Петровичъ пишетъ, чтобы я вамъ помогъ... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ! Вы хотите подготовиться въ сельскіе учителя? Прекрасное дѣло. И сущіе пустяки, я васъ увѣряю. Мы васъ такъ устроимъ, что вы будете зарабатывать и въ то же время учиться. Устроимъ, устроимъ, я все это обдумаю... Кстати: щекотливый вопросъ... Вамъ сейчасъ не нужно ли денегъ?

Иванъ Кириллычъ вспыхнулъ и почувствовалъ, что во рту у него не языкъ, а рукавица.

— У меня всѣ деньги сейчасъ въ монастырѣ вытащили...— сказалъ онъ.

— Какъ вытащили?

Иванъ Кириллычъ разсказалъ все про младенца, про курносую бабу и про то, какъ его обокрали. Булыжниковъ расхохотался.

— Вотъ комичное положеніе! Вамъ, батенька, не везетъ. Но это ничего, это все поправимо. Вотъ вамъ пока (онъ сунулъ Ивану Кириллычу какую-то бумажку)... Ну, а теперь мы съ вами должны разстаться, мнѣ нужно по дѣламъ. Вы приходите сюда къ четыремъ часамъ—прямо обѣдать... Что? Въ кожухѣ неловко? Вздоръ! Что такое—кожухъ? Кожухъ—это одна прелесть! „И въ рубищѣ почтенна добродѣтель!.." Ха-ха-ха! Ну, до свиданья. Въ четыре часа жду.

Иванъ Кириллычъ вышелъ отъ Булыжникова совершенно очарованный, не чуя подъ собою ногъ отъ радости. „Люди-то, люди-то какіе на свѣтѣ!—думалъ онъ.—А все Варя-молодецъ придумала. Небось, сидитъ тамъ въ Муравлевкѣ, и не снится ей, какія у меня тутъ дѣла! Эхъ! только бы мнѣ здѣсь за маленькій крючочекъ зацѣпиться, а тамъ я ужъ изъ рукъ не выпущу. Какъ-ни-какъ, а въ учителя выйду. И тебя, Варюха, выведу. А книжищъ-то у него сколько—я сроду этакой громадины и не видалъ. Ученый человѣкъ, а какой простой... Бываютъ же этакіе люди на свѣтѣ!.."

VII.

Еще одна сочувствующая душа и неожиданныя осложненія.

Проводивъ Ивана Кириллыча, Булыжниковъ одѣлся, взялъ извозчика и черезъ четверть часа звонилъ у подъѣзда, на дверяхъ котораго была прибита карточка Маргариты Андреевны Киндѣевой. Это была молодая вдовушка, недавно схоронившая своего мужа, полкового врача, и теперь вновь жаждавшая выйти замужъ, чтобы отдохнуть отъ перваго, очень неудачнаго супружества. Булыжниковъ познакомился съ ней недавно на литературномъ вечерѣ у своего хорошаго знакомаго, предсѣдателя контрольной палаты, Курандина, и ему понравилась ея хорошенькая рожица, бойкій язычокъ, а главное — нескрываемое восхищеніе передъ его ораторскимъ талантомъ. Изъ разговора выяснилось, что Маргарита Андреевна была любительницей уголовныхъ дѣлъ и не пропускала ни одного судебнаго засѣданія, гдѣ защитникомъ выступалъ Валеріанъ Дмитріевичъ. Это ему польстило, и онъ еще больше заинтересовался вдовушкой. Она показалась ему очень умненькой, начитанной и съ большимъ тяготѣніемъ къ общественнымъ вопросамъ, что̀ выгодно выдѣляло ее изъ сѣрой толпы провинціальныхъ дамъ, которыя умѣли только говорить взасосъ о модныхъ выкройкахъ, о скверной прислугѣ и объ интимныхъ дѣлахъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Булыжниковъ сталъ довольно часто посѣщать свою новую знакомую, и такъ какъ во время этихъ визитовъ говорилъ больше онъ, а она только слушала, то оба оставались очень довольны другъ другомъ. Притомъ всегда выходило какъ-то такъ, что Маргарита Андреевна во всемъ была согласна съ Валеріаномъ Дмитріевичемъ, и это заставило его думать, что онъ нашелъ въ ней „родственную душу“. Вдовушка не разочаровывала его въ этомъ и своими хорошенькими пальчиками тонко и умѣло пряла вокругъ Булыжникова такую же невидимую паутину, въ какой нѣкогда запутался покойный полковой врачъ.

Передъ приходомъ Валеріана Дмитріевича Маргарита Андреевна примѣряла новую кофточку и капризничала, находя, что спинка морщитъ, хотя портниха всѣми богами клялась въ противномъ. Заслышавъ звонокъ и по звуку его догадавшись, что звонитъ Булыжниковъ, Маргарита Андреевнапо спѣшно сбросила кофточку, пригладила передъ зеркаломъ свои завитые, но

какъ будто натурально вьющіеся волосы и, схвативъ со стола книжку новаго журнала, сдѣлала видъ, что совершенно углублена въ чтеніе. Въ такой позѣ и засталъ ее Булыжниковъ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, стремительно подходя къ ней.—Вотъ хорошо, что вы дома!

— Ахъ, это вы?—воскликнула Маргарита Андреевна, взглядывая на него затуманенными глазами, какъ будто она вся была еще въ той книгѣ, которую держала въ рукахъ.—Какая интересная статья... о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ! Вы читали?

— Что такое? Нѣтъ, не читалъ,—разсѣянно отвѣчалъ Булыжниковъ.

Маргарита Андреевна сейчасъ же поняла, что онъ занятъ чѣмъ-то другимъ, и отложила книгу въ сторону.

— Валеріанъ Дмитріевичъ, съ вами что-то случилось,— сказала она, нѣжно прикасаясь пальчиками къ его рукаву.— Вы озабочены.

— Какая вы наблюдательная, Маргарита Андреевна! — съ удовольствіемъ сказалъ Булыжниковъ. — Отъ васъ ничего не скроешь,—вы читаете въ моей душѣ... Да, я озабоченъ. Именно— озабоченъ!

— Ну, что же это? Какое-нибудь интересное дѣло въ судѣ?

— Очень интересное дѣло, но не въ судѣ, и вы должны мнѣ помочь. Вы ничѣмъ не заняты? Тогда я попрошу у васъ капельку вашего вниманія.

— Ахъ, пожалуйста, Валеріанъ Дмитріевичъ! Вы знаете, какъ меня интересуетъ все, что съ вами и у васъ. Все это такъ свѣжо, оригинально... не похоже на другихъ.

Булыжниковъ расцвѣлъ и ласково посмотрѣлъ на вдову.

— Да, случай не совсѣмъ обыкновенный,— началъ онъ.— Представьте, сижу сегодня утромъ за кофе, вдругъ является ко мнѣ нѣкто... Любопытный экземпляръ, я вамъ скажу! Великолѣпный экземпляръ! Но позвольте, я лучше по порядку... Въ прошломъ году былъ я въ городѣ N на выѣздной сессіи и остановился у своего бывшаго товарища, члена управы, Лукачева. Однажды возвращаюсь изъ суда и вижу такую картину: за столомъ сидитъ этакій благообразный парень, волоса въ скобку, зипунъ, лапти, все какъ слѣдуетъ, и чай съ Лукачевымъ пьетъ. Я, конечно, воззрился, а Лукачевъ его мнѣ представляетъ: учитель Саламаткинъ... или Саламатовъ, не помню хорошенько, но это все равно. Понимаете: учитель! Въ зипунѣ, въ лаптяхъ—учитель...

— Въ лаптяхъ? Ахъ, какъ это интересно!

— Да... Разговорились мы съ нимъ. Оказывается, исторія не обыденная; такія не каждый день случаются, особенно въ нашей россійской имперіи. Простой парень, мужичокъ форменный, учился въ земской школѣ, потомъ почти самоучкой занимался, урывками читалъ книги — гдѣ-нибудь въ овинѣ или въ избѣ, съ телятами, съ поросятами. Ну, разумѣется, его за виски трепали, можетъ-быть даже сѣкли... и вдругъ говоритъ съ вами о Тургеневѣ, о Добролюбовѣ, о Достоевскомъ—не правда ли, оригинально? И при всемъ томъ — имѣетъ страстное призваніе къ педагогической дѣятельности, понимаете, просто весь горитъ, трепещетъ, школу свою любитъ до безумія... Я забылъ сказать, что земство назначило его учителемъ школы грамотности. Вы, конечно, имѣете понятіе объ этихъ школахъ?

— Ахъ, конечно! Это что-то въ родѣ воскресныхъ школъ?

— Ну... не совсѣмъ, но пожалуй... Занимался, говорятъ, прекрасно, и вообще все шло отлично,—вдругъ циркуляръ: закрыть школы грамотности! И вотъ человѣкъ выброшенъ за бортъ, безъ мѣста, въ полномъ отчаяніи...

— Боже мой, такъ ему надо помочь! — пылко воскликнула Маргарита Андреевна.—Непремѣнно помочь!

— Въ томъ-то и штука, Маргарита Андреевна, но какъ?

— Постойте... Хотите, я сейчасъ поѣду къ директору народныхъ школъ и попрошу его, чтобы вашему мужичку дали мѣсто въ другой школѣ?

— Нельзя, дорогая моя, въ томъ-то и штука, что нельзя! У него нѣтъ диплома, а безъ этого мѣста ему нигдѣ не дадутъ. Надо ему подготовиться, выдержать экзаменъ на сельскаго учителя, тогда другое дѣло.

Маргарита Андреевна поняла, что она что-то перепутала, и осторожно молчала. Булыжниковъ продолжалъ:

— Въ деревнѣ ему оставаться нельзя никоимъ образомъ; тамъ онъ не подготовится, да и съ учителемъ у него какія-то непріятности. Заглохнетъ онъ въ деревнѣ, больше ничего. А паренекъ способный, и этакая, понимаете, жажда къ книгѣ... Жаль, очень жаль, если пропадетъ, намъ будетъ стыдно...

— А что если стипендію ему выхлопотать?—нерѣшительно замѣтила Маргарита Андреевна.

— Стипендію? Но гдѣ? Кто дастъ ему стипендію?

— Ну, конечно, земство...

— Объ этомъ и думать нечего. Лукачевъ мнѣ подробно пишетъ. Земство даетъ стипендіи только тѣмъ, которые находятся въ учебныхъ заведеніяхъ, а этотъ паренекъ никуда не

можетъ поступить, изъ лѣтъ вышелъ. Нѣтъ, я вотъ что думаю: надо ему найти такое мѣсто, чтобы онъ и заниматься могъ, и въ то же время зарабатывалъ бы что-нибудь.

— Ахъ, это прекрасно!—воскликнула Маргарита Андреевна и захлопала въ ладоши. — Мѣсто, мѣсто, конечно мѣсто! Вы—геніальный человѣкъ, Валеріанъ Дмитріевичъ, какъ вы всегда хорошо придумаете...

Булыжниковъ взъерошилъ волосы и самодовольно прошелся по гостиной.

— Такъ-съ, мѣсто! — повторилъ онъ. — Но вотъ вопросъ: какое? Въ писцы куда-нибудь?

— А къ Курандину? Попросить Курандина...

— Вотъ-вотъ-вотъ!.. Ну, какая же вы догадливая, Маргарита Андреевна, вѣдь я и забылъ совсѣмъ о Курандинѣ. Конечно, къ нему, въ контрольную палату. Тамъ у нихъ всякая дрянь напихана, кого-нибудь можно и въ шею... Курандинъ — очень хорошій человѣкъ, либералъ и народникъ, онъ долженъ сочувствовать. Не откажетъ онъ, какъ вы думаете?

Но Маргарина Андреевна не успѣла отвѣтить, что она думаетъ, потому что раздался новый звонокъ, и въ гостиную вошелъ низенькій, толстенькій человѣкъ съ подстриженными бобрикомъ волосами, въ очкахъ и съ ядовитою улыбкой на тонкихъ губахъ. Это былъ управляющій имѣніемъ одного богатаго помѣщика, бывшій петровецъ, по фамиліи Кулаковскій.

— Ахъ, какъ вы кстати, Семенъ Александровичъ!—сказала Маргарита Андреевна.—Идите, идите, мы тутъ обсуждаемъ одно очень-очень важное дѣло!..

— Что такое? Колонію малолѣтнихъ преступниковъ? Или пріютъ глухонѣмыхъ?

— Ахъ, вы все смѣетесь! Садитесь и слушайте...

Кулаковскаго усадили и разсказали ему сначала исторію Ивана Кириллыча, при чемъ самую главную роль въ разсказѣ играли опять лапти и кожухъ. Кулаковскій слушалъ и ехидно улыбался. Онъ не раздѣлялъ народническихъ восторговъ, да и плохо имъ вѣрилъ; онъ былъ человѣкъ практическій, человѣкъ-дѣлецъ и никакихъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ мужичку не питалъ. По его мнѣнію, любить людей вообще, а мужика въ особенности, можно было только издали, и онъ всегда совѣтовалъ своимъ увлекающимся знакомымъ не подходить къ мужику близко, чтобы не разочароваться.

— Ну, что скажете, Семенъ Александровичъ? — спросила

Маргарита Андреевна, когда разсказъ о злополучномъ Иванѣ Кириллычѣ былъ конченъ.

Кулаковскій погладилъ себя по бобрику и сдѣлалъ безмятежное лицо.

— Что я скажу? Да ничего не скажу. Это меня не касается.

— Какъ? Васъ это не трогаетъ? Лапти, кожухъ...

— Кожухъ очень нехорошо пахнетъ,—невозмутимо сказалъ Кулаковскій.—А лапти—учрежденіе совершенно отжившее.

— Вы право ужасный! Человѣкъ погибаетъ, ему надо помочь—и такое равнодушіе!

— Да вы помогайте, я развѣ мѣшаю? Ну, а меня ужъ увольте, я въ филантропіи ничего не смыслю.

Булыжниковъ, который все время слушалъ молча, вдругъ запылилъ и заскакалъ.

— Какая тутъ филантропія, батенька, тутъ человѣческая душа гибнетъ, понимаете—гибнетъ, гибнетъ!—закричалъ онъ.

— Ну, если вашъ мужичокъ не кислятина, то не погибнетъ, не безпокойтесь,—спокойно сказалъ Кулаковскій.—А кислятину никакія ваши филантропіи не спасутъ. Кромѣ того, долженъ вамъ замѣтить, странный вы способъ выдумали человѣка осчастливить! Вотъ вы хотите его въ писцы контрольной палаты упечь, а спросите меня, я не знаю, почему писцу лучше живется, чѣмъ мужику?

Булыжниковъ при этихъ словахъ немножко остылъ и посмотрѣлъ на Кулаковскаго внимательнѣе. Ему показалось, что онъ, пожалуй, и правъ.

— Гм... да! Но вѣдь это мы только пока... это временно, понимаете, временно, чтобы дать ему возможность подготовиться!

— Да никогда онъ въ писцахъ не подготовится! Будетъ строчить съ утра до вечера и окончательно обалдѣетъ.

— Обалдѣетъ, вы думаете? Чортъ... дѣйствительно!—Послушайте, Семенъ Александровичъ, въ такомъ случаѣ возьмите вы его къ себѣ, а? Вѣдь нужны же вамъ въ экономіи люди, вотъ вы его и возьмите.

Лицо Кулаковскаго сдѣлалось серьезнымъ.

— Ну ужъ это позвольте подумать!—сказалъ онъ.—Какъ это такъ „возьмите“? Во-первыхъ, я его совершенно не знаю: можетъ-быть, онъ никуда не годится, а во-вторыхъ, вѣдь у меня и мѣстъ нѣтъ свободныхъ сейчасъ, куда же я его дѣну?

— Какъ не годится?—подпрыгнула Маргарита Андреевна.—Интеллигентный крестьянинъ, школьный учитель, а вы говорите—не годится?

— Да если хотите, тѣмъ хуже, что онъ учитель! Мнѣ рабочій нуженъ, понимаете, простой рабочій, чтобы онъ могъ работать какъ волъ, а вы мнѣ рекомендуете учителя! Спрашивается, на что мнѣ вашъ учитель? Мнѣ нужно прежде всего, чтобы человѣкъ дѣло дѣлалъ, а вашъ этотъ интеллигентный мужичокъ будетъ книжки читать, да еще, пожалуй, начнетъ тамъ что-нибудь проповѣдывать насчетъ равенства и братства... Покорно васъ благодарю, мнѣ это невыгодно! Ну, представьте себѣ, Маргарита Андреевна, вдругъ ваша кухарка будетъ о положеніи рабочаго класса читать и потребуетъ себѣ три восьмерки—что вы тогда будете дѣлать? Кушать-то, кушать-то что будете, а?

Маргарита Андреевна на минутку смутилась и прикусила язычокъ, но сейчасъ же снова воспламенилась и съ новой энергіей ринулась въ аттаку.

— Ахъ, вы невозможны! Что вы сравниваете? То кухарка, а то... совсѣмъ другое дѣло! И притомъ вѣдь это фиктивно... Вы придумайте для него что-нибудь такое, гдѣ бы онъ могъ и ничего не дѣлать, и жалованье получать, и въ учителя готовиться... Неужели это такъ трудно?

— Очень трудно,—усмѣхнулся Кулаковскій.—Платить человѣку жалованье за то, что онъ ничего не будетъ дѣлать... такого мѣста, я думаю, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ.

— А вы придумайте, если нѣтъ! Создайте!

— Не-могу-съ. Вы забываете, что я не хозяинъ въ чужомъ имѣньѣ, а такой же рабочій и долженъ отдавать отчетъ въ каждой копейкѣ. И потомъ какъ это такъ „фиктивно“? Значитъ, обманывать и себя, и другихъ? Благодѣтельствовать на чужой счетъ? Въ такомъ случаѣ, лучше ужъ прямо собрать деньги въ его пользу, отдать ему, и пусть онъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Булыжниковъ.—Все, что хотите, только не это! Даровая помощь подѣйствуетъ на него растлѣвающе! Для молодого человѣка нѣтъ ничего хуже, когда деньги достаются ему легко. Онъ излѣнится, избалуется, привыкнетъ брать—и не отдавать...

— И потомъ ничего изъ этого не выйдетъ,—поддержала его Маргарита Андреевна.—Гдѣ вы въ нашемъ городѣ соберете такъ много денегъ? Будутъ давать гроши, я ужъ это по опыту знаю, потомъ начнутся разныя подозрѣнія, сплетни, разговоры... ахъ, это ужасно!

Долго спорили, шумѣли и кричали, не слушая другъ друга, наконецъ Булыжниковъ убѣдилъ Кулаковскаго взять Ивана Ки-

риллыча пока на испытаніе, и если онъ окажется малый дѣльный, то дать ему какую-нибудь работу за небольшое вознагражденіе. Валеріанъ Дмитріевичъ почему-то особенно настаивалъ на небольшомъ вознагражденіи и, совершенно позабывъ о томъ, что Ивану Кириллычу нужно готовиться въ учителя, съ увлеченіемъ рисовалъ идиллическія картины его житья въ качествѣ рабочаго.

— Я увѣренъ, что ему будетъ у васъ отлично, — говорилъ онъ. — Да и вы навѣрное останетесь имъ довольны. Честный, грамотный рабочій — вѣдь это идеалъ для сельскаго хозяина! Ужъ онъ васъ не обокрадетъ, не запьетъ, и притомъ на Западѣ уже давно доказано, что трудъ интеллигентнаго рабочаго гораздо продуктивнѣе, чѣмъ трудъ рабочаго неразвитого!

— Положимъ, на Западѣ также говорятъ, что die dummsten sind die besten Arbeiter!—посмѣиваясь, сказалъ Кулаковскій.— Но ничего, пусть, я его возьму,—кстати у меня на дняхъ освободится мѣсто ночного сторожа, старый что-то баловаться началъ. Только мнѣ все-таки надо сначала посмотрѣть вашего интеллигентнаго мужичка. И затѣмъ еще одинъ пунктъ: вы знаете, что я безъ своего принципала не смѣю кухарки прогнать—таково условіе. Такъ вотъ я долженъ къ нему сходить сегодня и сообщить о наймѣ новаго сторожа. Чувствуете?

На этомъ разстались, вполнѣ довольные другъ другомъ и условившись вечеромъ сойтись у Булыжникова, чтобы поглядѣть на „учителя въ лаптяхъ“.

VIII.

Дѣло осложняется еще больше.

Заѣхавъ въ судъ и еще кое-куда по своимъ дѣламъ, Булыжниковъ къ четыремъ часамъ вернулся домой. Въ столовой уже, какъ всегда въ это время, былъ накрытъ столъ и все готово для обѣда. Булыжниковъ любилъ хорошо поѣсть, придавалъ ѣдѣ большое значеніе и чрезвычайно заботился о томъ, чтобы этотъ актъ былъ обставленъ изящно и красиво. Поэтому обѣденный столъ у него убирался очень нарядно: каждая подробность сервировки должна была сама по себѣ ласкать взоры и возбуждать аппетитъ. Бѣлая скатерть была тщательно выглажена и благоухала розами; серебро сверкало; разныя тарелочки, стаканчики, блюдца, рюмки и рюмочки—все имѣло свое особое назначеніе и стояло на своемъ мѣстѣ. Одинъ конецъ стола занимала

закуска: изящный графинчикъ съ водкой, какіе-то пузатые флаконы, икра въ фарфоровой банкѣ, розовая семга, грибки въ хрустальныхъ судкахъ и проч. При одномъ взглядѣ на всѣ эти прелести у зрителя начинало пріятно сосать подъ ложечкой, а челюсти поводило легкой судорогой. Но на этотъ разъ Валеріанъ Дмитріевичъ оглядѣлъ свой столъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и подумалъ: „Гм... водку-то, пожалуй, надо убрать... нехорошо! А то пойдетъ тамъ у себя въ деревнѣ разсказывать: однако, молъ, интеллигенты-то каждый день водку лущатъ, не то что нашъ братъ мужики, которые только по праздникамъ... Да и закуска тоже... икра, напримѣръ... все это предметы роскоши. Надо поскромнѣе, поскромнѣе!“

Онъ позвонилъ. Вошла горничная.

— Что у насъ сегодня къ обѣду?—спросилъ Булыжниковъ.

— Супъ, рыба заливная, жаркое дичь, салатъ. Потомъ кремъ сливочный.

„Гм... Вотъ тоже кремъ и дичь — совсѣмъ это лишнее при мужичкѣ. Скажетъ: ну и жрутъ же господа-то... Неловко какъ-то. Да и на него будетъ имѣть развращающее вліяніе. Какъ это говорится въ Евангеліи: аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, уне бо тому“...

— Каша гречневая... у насъ есть?—спросилъ онъ вслухъ.

— Каша? — съ удивленіемъ спросила горничная, поднимая брови.—Не знаю... Я пойду спрошу.

— Постойте... Если есть, принесите послѣ супа кашу... а кремъ и дичь не нужно, не подавайте. Потомъ вотъ что еще... уберите эти закуски и водку тоже. Я пить сегодня не буду.

— Хорошо,—сказала горничная съ недоумѣніемъ.—Я сейчасъ уберу, только сбѣгаю на минутку въ кухню насчетъ каши.

„Ну, а я все-таки пока хлопну рюмочку!“ — подумалъ Булыжниковъ и только что налилъ себѣ водки, какъ въ передней позвонили. Валеріанъ Дмитріевичъ наскоро выпилъ рюмку, чуть не поперхнулся, сунулъ поспѣшно графинчикъ въ буфетъ и съ физіономіей, еще носившей на себѣ впечатлѣніе отъ проглоченной водки, вышелъ въ пріемную. „Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!“—думалъ онъ, вытирая заслезившіеся глаза платкомъ и стараясь принять самый невинный видъ.

Въ передней слышались осторожное покашливанье и шарканье вытираемыхъ ногъ, затѣмъ на порогѣ показался и самъ Иванъ Кириллычъ. Кожухъ свой онъ снялъ и остался въ одной бѣлой холщевой рубахѣ съ красными ластовицами и тканымъ пояскомъ, на которомъ висѣлъ гребешокъ. Комната немедленно

наполнилась особымъ деревенскимъ запахомъ, — смѣсью дегтя, дубленой овчины и кислаго ржаного хлѣба. Булыжниковъ потянулъ носомъ.

„Какъ отъ него пахнетъ!“ — подумалъ онъ. — „Правду давеча Кулаковскій сказалъ... а я раньше этого не замѣтилъ. Странный запахъ!“

— Ну, еще здравствуйте!—сказалъ Иванъ Кириллычъ, застѣнчиво протягивая Булыжникову руку.

— Здравствуйте, здравствуйте, милѣйшій! Садитесь пока, сейчасъ обѣдать будемъ.

— Покорно васъ благодарю,—я ужъ почти что пообѣдалъ.

— Какъ такъ пообѣдали?

— Да тамъ на подворьѣ съ богомольцами закусили.

— Ну, это закусили, а обѣдать само собой будемъ. Нельзя безъ обѣда. И что вы тамъ закусывали,—я думая, постное, болтушку какую-нибудь! Впрочемъ, вы какъ: скоромное-то вкушаете?

— Да отчего же, мнѣ все равно. Я этого фанатизма не придерживаюсь.

— И отлично дѣлаете! Фанатизмъ, батенька, это ржавая цѣпь, которая стѣсняетъ высокіе порывы духа; человѣкъ долженъ быть свободенъ!

„Говоритъ-то, говоритъ-то какъ!“ — въ восхищеніи подумалъ опять Иванъ Кириллычъ.

— Ну-съ, батенька!—продолжалъ Булыжниковъ.—А я почти что васъ устроилъ. Тутъ пріѣхалъ одинъ мой знакомый изъ имѣнья, и ему нуженъ ночной сторожъ. Вы какъ, ничего не имѣете противъ этого?

— То-есть, это насчетъ чего?—спросилъ Иванъ Кириллычъ, не понимая, какое отношеніе имѣетъ къ нему то, что кому-то понадобился ночной сторожъ.

— Да вотъ, чтобы поступить на это мѣсто. Мой знакомый—человѣкъ гуманный, и вамъ у него будетъ великолѣпно. Будете получать жалованье, конечно, на всемъ готовомъ, потребности у васъ небольшія, скопите что-нибудь, подготовитесь въ это время, а затѣмъ подавайте прошеніе и держите экзаменъ.

Иванъ Кириллычъ смотрѣлъ на него круглыми глазами, и этотъ взглядъ, полный недоумѣнія и тоски, началъ почему-то раздражать Булыжникова.

„Чего онъ наивничаетъ, — не понимаетъ что-ли?“ — думалъ онъ. „И глаза какіе-то бараньи сдѣлалъ,—удивительно!..“ А Иванъ Кириллычъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя въ положеніи ба-

рана, котораго на веревкѣ волокутъ рѣзать, и душа находилась въ полномъ смятеніи. Что такое? Какъ это такъ въ сторожа, а изъ сторожей—въ учителя? Чудно что-то.

— А жалованья сколько?—спросилъ онъ, наконецъ, робко.

„Однако онъ небезкорыстный!“—съ непріятнымъ чувствомъ отмѣтилъ про себя Булыжниковъ.—„Сейчасъ уже и объ жалованьѣ заговорилъ... А я считалъ его за идеалиста“...

— Дѣло не въ жалованьѣ,—сухо сказалъ онъ.—Это ужъ я не знаю... Вѣдь вамъ что̀, главное, нужно: освободиться отъ деревенскаго гнета и быть поближе къ городу, чтобы подготовиться къ экзамену—не такъ ли?

— Такъ-то такъ...—уныло согласился Иванъ Кириллычъ.—Да вѣдь когда же это я готовиться-то буду, ежели въ ночные сторожа наймусь?

— Какъ когда? Въ вашемъ распоряженіи будетъ масса времени. Ночью вы будете сторожить, а днемъ—готовиться...

— А спать-то когда же?—еще унылѣе спросилъ Иванъ Кириллычъ.

„Тьфу!“—мысленно плюнулъ Булыжниковъ. Иванъ Кириллычъ началъ ему нравиться гораздо меньше, чѣмъ давеча утромъ.

Горничная доложила, что обѣдъ готовъ, и, стѣсненный своими грязными сапогами, Иванъ Кириллычъ неловко сѣлъ за столъ. Нарядная горничная въ кудряшкахъ казалась ему барышней, и его очень смущало, что она подавала ему кушанья. Встрѣчаясь взглядомъ съ ея лукавыми глазами, онъ краснѣлъ, терялся и дѣлалъ не то, что̀ было нужно. Отъ этого съ нимъ произошелъ цѣлый рядъ несчастій: во-первыхъ, онъ обжегся супомъ, и отъ нестерпимой боли уронилъ ложку къ себѣ на колѣни; потомъ изъ рукъ какъ-то вывернулась проклятая вилка и, три раза перевернувшись въ воздухѣ, воткнулась въ полъ, а когда онъ бросился ее поднимать, то изо всѣхъ силъ треснулся лбомъ объ уголъ стола. Въ заключеніе онъ потянулся за солью и опрокинулъ стаканъ съ пивомъ на скатерть. Это его совсѣмъ доконало̀, и онъ до смерти былъ радъ, когда обѣдъ кончился. Ему было уже не до ѣды, и онъ даже не помнилъ хорошенько, что такое онъ ѣлъ и пилъ въ этотъ несчастный день его жизни.

Послѣ обѣда Булыжниковъ прилегъ на диванѣ въ кабинетѣ, а Ивану Кириллычу предложилъ что-нибудь почитать. Иванъ Кириллычъ досталъ изъ шкафа Некрасова и погрузился въ чтеніе „Русскихъ женщинъ“, но ему не пришлось дочитать и до половины, потому что пришелъ Кулаковскій.

— Лежите, лежите, пожалуйста!—закричалъ онъ, входя въ

кабинетъ и махая рукой на Булыжникова.—Я самъ, знаете, въ деревнѣ люблю этакъ послѣ обѣда немножко соснуть... Мы вотъ лучше пока съ молодымъ человѣкомъ побесѣдуемъ,—прибавилъ онъ, съ любопытствомъ поглядывая на Ивана Кириллыча.

— Нѣтъ, у меня ужъ и сонъ прошелъ,—сказалъ Булыжниковъ, вставая и закуривая папиросу.—Сейчасъ чай будемъ пить. Ну, разсказывайте, что у васъ новенькаго?

— Да ничего утѣшительнаго. Представьте, какая исторія вышла... Являюсь я къ своему принципалу и, между прочимъ, говорю ему, что вотъ, молъ, мнѣ нуженъ ночной сторожъ, что желаю я нанять на это мѣсто одного человѣка, ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Глубокомысленно выслушалъ и спрашиваетъ: „А кто такой?“ Я ему и ляпни сдуру: очень, молъ, прекрасный юноша, былъ въ сельскихъ учителяхъ, но гонимъ превратною судьбой и все въ этомъ родѣ. Мой принципалъ даже посинѣлъ весь... „Какъ? Сельскій учитель? Въ ночные сторожа?.. Пусть представитъ свидѣтельство о благонадежности!“ Ей-Богу, я ему чуть въ физіономію не плюнулъ. Ну, не идіотъ ли? А вѣдь либераломъ считается и даже статьи благородныя въ газетахъ пишетъ...

— Н-да! — задумчиво протянулъ Булыжниковъ, чувствуя какое-то смутное безпокойство и душевную усталость отъ всей этой возни съ Иваномъ Кириллычемъ. И то, что давеча утромъ казалось ему такъ легко и просто, теперь уже начинало его тяготить и разстраивать ему нервы.—Да... это очень непріятно. И зачѣмъ вы ему такъ откровенно говорили?

— Да вѣдь чортъ же его зналъ! Я именно этимъ и хотѣлъ его пронять; думаю-себѣ—либералъ, „Русскую Мысль“ выписываетъ, расчувствуется... а онъ, извольте, что выдумалъ,—свидѣтельство о благонадежности... Это—въ ночные сторожа-то—ха-ха-ха! Съ стукушкой ходить да усадьбу отъ воровъ караулить—свидѣтельство о благонадежности...

— Дѣйствительно, положеніе комическое!—усмѣхнулся Булыжниковъ и крикнулъ Ивану Кириллычу:—Слышите, батенька? Не выгорѣло наше дѣло...

— Э, ну, зачѣмъ пугать заранѣе?—перебилъ его Кулаковскій и подсѣлъ къ Ивану Кириллычу.—Не выгорѣло здѣсь, выгоритъ въ другомъ мѣстѣ, а унывать во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ. Не больно ужъ какая сласть за три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ барское добро сторожить. Можно найти дѣло получше. Скажите, молодой человѣкъ, вы собственно какого бы мѣста хотѣли?—обратился онъ къ Ивану Кириллычу, ощупывая его своими острыми, живыми глазками.

— Да я... право не знаю...—пробормоталъ Иванъ Кириллычъ, не подготовленный къ такому быстрому и рѣшительному натиску.

— Ну, все-таки? Напримѣръ, въ конторщики—можете?

— Не могу сказать—не пробовалъ.

— Считаете, пишете хорошо?

— Пишу... Кто его знаетъ какъ... Въ сельской школѣ учился...

„Парень-то, видать, честный, да ужъ больно, кажется, простоватъ... Врядъ ли куда-нибудь годится!“—подумалъ Кулаковскій и продолжалъ:

— Жаль, значитъ, конторщикомъ вы быть не можете. Ну, а если простымъ рабочимъ—этого не желаете?

— Да чтожъ... мнѣ все равно... въ батраки-то идти. Что у васъ, что въ деревнѣ—все одно батрачить. Готовиться въ учителя некогда будетъ.

— Да ужъ это, конечно, некогда. Но, насколько я понялъ Валеріана Дмитріевича, ваша цѣль пока именно уйдти изъ деревни, заработать гдѣ-нибудь на сторонѣ денегъ и потомъ уже готовиться въ учителя. Вѣдь такъ?

„А шутъ меня знаетъ, такъ или не такъ,—я теперь и самъ что-то ничего не разберу!“—подумалъ Иванъ Кириллычъ и тяжко вздохнулъ.

— Такъ-съ! — отвѣчалъ за него Кулаковскій и еще глубже вонзилъ въ своего собесѣдника испытующій взглядъ. — А если такъ, то я съ удовольствіемъ вамъ въ этомъ помогу. Мѣсяца черезъ два мнѣ будутъ нужны рабочіе, и тогда—милости просимъ. Жалованья вы будете получать шестьдесятъ рублей въ годъ, харчи хозяйскіе, жить въ людской избѣ. Харчъ у меня хорошій, я самъ слѣжу за этимъ, и гнилой солонины, затхлаго хлѣба, капусты съ червями вы у меня не увидите. Я люблю, чтобы рабочій былъ сытъ и здоровъ, потому что сытый и здоровый человѣкъ вдвое больше сработаетъ. Но... предупреждаю васъ, что вы будете для меня только простой рабочій и больше никакихъ. Понимаете? Я совершенно забываю, что вы—учитель. Я вамъ буду говорить *ты*. Вы должны будете стоять передо мной безъ шапки и безпрекословно исполнять всѣ мои приказанія. Однимъ словомъ, какъ другіе, такъ и вы: никакихъ привилегій, никакой фамильярности. Потому что мнѣ прежде всего нуженъ рабочій, а не учитель, не компаньонъ и не совѣтникъ, понимаете? Согласны ли вы на такія условія?

Иванъ Кириллычъ былъ совершенно подавленъ. Онъ не зналъ,

что отвѣчать; ему хотѣлось встать и какъ можно скорѣе уйти отъ этихъ острыхъ, холодныхъ глазъ, пронизывающихъ его насквозь, отъ этого маленькаго, самоувѣреннаго человѣчка, каждое слово котораго било его точно молоткомъ по лбу. Душа Ивана Кириллыча замерзала.

IX.

Иванъ Кириллычъ сходитъ со сцены.

Кулаковскій такъ и не дождался отвѣта отъ Ивана Кириллыча, потому что какъ-разъ въ эту минуту появилась Маргарита Андреевна, вся въ ароматахъ, въ кружевахъ, въ шуршащихъ шелковыхъ юбкахъ, и наполнила квартиру Булыжникова запахомъ „trèfle incarnat“, пискомъ, щебетаньемъ и серебристымъ смѣхомъ. Объ Иванѣ Кириллычѣ на время забыли, и онъ уже подумывалъ какъ-нибудь незамѣтно улизнуть, но вдругъ Маргарита Андреевна пошепталась о чемъ-то съ Булыжниковымъ, оглядѣла комнату и, увидѣвъ Ивана Кириллыча, поспѣшно приставила къ глазамъ лорнетъ.

— Вотъ онъ какой!—прошептала она разочарованно, разсматривая бѣднаго епихинскаго учителя. — Представьте, я его совсѣмъ не такимъ воображала. Лицо не интеллигентное... и даже не въ лаптяхъ! Гдѣ же лапти?

Булыжниковъ въ смущеніи взъерошилъ волосы.

— Ну, что же, сдѣлали для него что-нибудь?—продолжала вдова.

Ей разсказали о неудачной попыткѣ Кулаковскаго пристроить Ивана Кириллыча въ ночные сторожа. Маргарита Андреевна пришла въ негодованіе.

— Фу, какая гадость! — воскликнула она. — Это возмутительно... Семенъ Александровичъ, вашъ принципалъ—презрѣнный трусъ, я давно это говорила.

— Не помню, когда вы это говорили,—возразилъ ей Кулаковскій.—Напротивъ, вы такъ восхищались его статьями, а когда я васъ увѣрялъ, что это онъ все вретъ, вы мнѣ чуть голову не откусили.

— Не смѣйте говорить мнѣ дерзости! Ахъ, бѣдный, бѣдный!— она опять приложила лорнетъ къ глазамъ и посмотрѣла на Ивана Кириллыча.—Нѣтъ, онъ ничего... онъ начинаетъ мнѣ нравиться! У него красивые волосы... я очень люблю красивые волосы! Бѣдный!.. Но вы утѣшьтесь, господа: сейчасъ сюда пріѣдетъ

Дмитрій Дмитріевичъ Курандинъ. Ахъ, вотъ человѣкъ! Я у него была, все разсказала, и онъ ужасно сочувствуетъ. Вѣдь вы знаете, онъ самъ такой народникъ! Ему только до пенсіи немного дослужить, и онъ сейчасъ же сядетъ на землю. Это его мечта! Онъ такъ и говоритъ всегда: „сѣсть на землю—это моя мечта“!

— А всетаки прежде пенсію выслужитъ!—замѣтилъ Кулаковскій.

— Ахъ, Боже мой, безъ этого нельзя! Какъ же безъ средствъ? Вѣдь чтобы сѣсть на землю, прежде всего нужны средства!

Кулаковскій хотѣлъ-было сказать, что̀ нужно для того, чтобы сѣсть на землю, но вспомнилъ, что при дамѣ это будетъ неудобно, и усмѣхнулся. Маргарита Андреевна приняла это на свой счетъ и разсердилась.

— Невѣрующій! Скептикъ! Вы все смѣетесь, для васъ нѣтъ ничего святого. Но я не позволю вамъ смѣяться надъ Дмитріемъ Дмитріевичемъ! Это самый лучшій, самый благороднѣйшій человѣкъ во всемъ городѣ! Я его глубоко уважаю, глубоко преклоняюсь передъ нимъ... Ахъ, да вотъ и онъ!

Въ комнату входилъ новый гость. Это и былъ Дмитрій Дмитріевичъ Курандинъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ во всемъ городѣ. Высокій, довольно тучный, съ розовымъ, безъ всякой растительности, круглымъ лицомъ, съ рѣденькими и тонкими, какъ пухъ, бѣлокурыми волосами, сквозь которые просвѣчивала кожа, съ маленькими прищуренными глазками и толстыми, красными губами, онъ напоминалъ католическихъ монаховъ, какими обыкновенно изображаютъ ихъ художники—гдѣ-нибудь въ прохладномъ погребкѣ, передъ громадными бочками вина: пьяненькихъ, хохочущихъ, забавныхъ... Но это было только наружное сходство: на самомъ дѣлѣ Курандинъ не имѣлъ ничего общаго съ этими веселыми монахами. Онъ велъ жизнь строгую и аскетическую, не пилъ ничего, кромѣ воды и молока, не курилъ, не ѣлъ мяса и любилъ много говорить о вредѣ пиршествъ и о пользѣ воздержанія. Впрочемъ, были люди, которые весьма двусмысленно посмѣивались, когда рѣчь заходила о добродѣтеляхъ Курандина, а въ нѣкоторыхъ вольнодумныхъ кружкахъ даже ходили темные слухи, что Курандинъ въ свое время пожилъ и очень-таки недурно пожилъ; если же теперь и разыгрываетъ изъ себя постника, то просто потому, что все уже ему пріѣлось—что называется, „не лѣзло въ горло“, да и кондрашки онъ сильно побаивался. Но такое мнѣніе о Курандинѣ существовало только среди немногихъ—главнымъ образомъ среди его подчиненныхъ,

которые почему-то терпѣть его не могли; въ своемъ же кругу Дмитрій Дмитріевичъ пользовался репутаціей безупречно честнаго человѣка и слылъ за яраго народника. По его собственнымъ словамъ, онъ сильно тяготился своей службой и часто съ печальной улыбкой на устахъ говорилъ, что вотъ только бы ему кончить всю эту „ложь“, и онъ сейчасъ же пріобрѣтетъ себѣ маленькій клочокъ земли, выстроитъ хату, разведетъ огородъ и будетъ жить трудами рукъ своихъ и въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой. Объ этомъ онъ говорилъ уже лѣтъ пятнадцать, и нѣкоторые его знакомые такъ привыкли къ его вѣчнымъ стремленіямъ „сѣсть на землю“, что уже считали это какъ бы совершившимся фактомъ. По крайней мѣрѣ, когда Курандинъ праздновалъ свой двадцатипяти-лѣтній юбилей, на парадномъ обѣдѣ его чествовали не столько какъ чиновника, безпорочно и непостыдно дослужившагося до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но главнымъ образомъ какъ человѣка, который призванъ посѣять плодотворныя зерна культуры на вспаханной его собственными руками нивѣ. И хотя всѣ очень хорошо знали, что Курандинъ и не пахалъ никогда, да и зеренъ никакихъ у него не было, но это нисколько не мѣшало всеобщему умиленію, и на эту тему было произнесено множество чувствительныхъ рѣчей, которыя обильно поливались слезами и шампанскимъ. А на другой день Дмитрій Дмитріевичъ засѣдалъ, какъ всегда, на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ въ контрольной палатѣ и, подписывая бумаги, всѣмъ своимъ грустнымъ и покорнымъ видомъ какъ будто говорилъ: „вотъ погодите, когда я кончу всю эту ложь, я непремѣнно и сейчасъ же сяду на землю...“

Войдя въ кабинетъ Булыжникова, Дмитрій Дмитріевичъ сначала тщательно протеръ надушеннымъ батистовымъ платочкомъ свое пенсне, потомъ вскинулъ его на носъ и тогда только пошелъ со всѣми здороваться, подолгу и какъ-то особенно нѣжно задерживая въ своей рукѣ руки гостей. Когда очередь дошла до Ивана Кириллыча, изнывавшаго отъ тоски въ самомъ темномъ углу комнаты, Булыжниковъ съ особымъ удареніемъ сказалъ:

— А вотъ это, Дмитрій Дмитріевичъ, тотъ самый, который...

— А? Да, да...—вымолвилъ Курандинъ, ласково глядя на Ивана Кириллыча своими узенькими глазками.—Здравствуйте, здравствуйте, молодой человѣкъ... я очень радъ, очень радъ съ вами познакомиться.

Голосъ у него былъ тонкій, сиповатый, и говорилъ онъ немного въ носъ, растягивая слова, что̀ придавало его рѣчи ка-

кую-то особенную слащавость. Иванъ Кириллычъ приподнялся и почтительно пожалъ пухлую генеральскую руку.

— Слышалъ, слышалъ о васъ...—продолжалъ Курандинъ съ большимъ участіемъ.—Хотите быть сельскимъ учителемъ? Святое дѣло!.. Но не увлекайтесь, молодой человѣкъ, не увлекайтесь! Поприще сельскаго учителя благородно и свято, и душа моя наполняется умиленіемъ, когда я представляю себѣ этихъ святыхъ тружениковъ, среди ужасовъ нищеты, въ тѣсныхъ и жалкихъ лачужкахъ, съ самоотверженіемъ и любовью дѣлающихъ великое дѣло просвѣщенія народнаго... Но не отрывайтесь отъ земли, молодой человѣкъ!.. Не уходите въ городъ... Городъ—это язва, разъѣдающая здоровую душу народа, это—могила красоты, какъ сказалъ Джонъ Рёскинъ. Вы счастливы, юноша, своей простой жизнью, своей бѣдностью: я глубоко завидую вамъ. Вы уже осуществили то, о чемъ я только мечтаю; вы—свободный пахарь, а я—жалкій рабъ 20-го числа. Не увлекайтесь же, молодой человѣкъ, и не стремитесь къ матеріальнымъ благамъ и легкой жизни. Пашите, сѣйте хлѣбъ, учите и учитесь, но не мудрствуйте лукаво. Не ищите мудрости, но ищите кротости... И поменьше книгъ—не въ книгахъ счастье, а въ трудѣ. Вашу руку, молодой человѣкъ,—руку свободнаго пахаря!.. О, какъ бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ!—

И еще разъ крѣпко пожавъ руку Ивана Кириллыча, онъ отошелъ въ сторону и сталъ вытирать душистымъ платочкомъ заслезившіеся отъ волненія глаза. Иванъ Кириллычъ, разинувъ ротъ, смотрѣлъ ему вслѣдъ. У него въ головѣ точно пчелы жужжали; столько всего онъ насмотрѣлся и наслушался сегодня, что, наконецъ, пересталъ понимать самого себя и совершенно забылъ, зачѣмъ онъ здѣсь, и что̀ собственно ему было нужно.

— Ну какъ, Дмитрій Дмитріевичъ?—спросилъ Булыжниковъ, подхватывая Курандина подъ руку.—Что вы скажете объ этомъ юношѣ?

— Прекрасный молодой человѣкъ! Я въ восторгѣ!—съ чувствомъ воскликнулъ Курандинъ.—Какая у него рука!.. Какія плечи!.. Настоящій сынъ Микулы Селяниновича... Отъ него землей пахнетъ... зеленой травкой... цвѣтущей рожью!

„Ну, поѣхалъ!“—съ нетерпѣніемъ подумалъ Булыжниковъ и, еще нѣжнѣе прижавъ къ себѣ руку Курандина, сказалъ вслухъ:

— Я очень радъ, что онъ вамъ понравился. Значитъ, можно разсчитывать, что у васъ въ палатѣ найдется для него подходящее мѣстечко?

— У меня въ палатѣ?—съ удивленіемъ вымолвилъ Курандинъ, и слезы умиленія высохли на его глазахъ.—Почему именно у меня въ палатѣ?

— Но вѣдь Маргарита Андреевна вамъ говорила... Видите ли, ему нужно найти въ городѣ какое-нибудь занятіе, чтобы подготовиться къ экзамену, и я думалъ...

— Не одобряю!—перебилъ его Курандинъ. — Совершенно не одобряю! Пусть ѣдетъ къ себѣ въ деревню и тамъ готовится, а въ городѣ—ни-ни, пальцемъ не шевельну для того, чтобы онъ остался въ городѣ. Это противъ моихъ убѣжденій!

„Чортъ бы тебя подралъ!“—мысленно выругался Булыжниковъ и уже почти съ недоброжелательствомъ поглядѣлъ въ сторону, гдѣ торчала жалкая фигура Ивана Кириллыча.—„Ну что я теперь буду съ нимъ дѣлать? Куда его дѣвать? Ишь, разсѣлся тутъ, какъ бревно, а ты изъ-за него распинайся... Ну ужъ удружилъ Никифоръ Петровичъ, вѣкъ не забуду...“

Иванъ Кириллычъ неожиданно его выручилъ. Онъ уже понялъ, что дѣло его здѣсь окончательно проиграно, и, поймавъ на себѣ недружелюбный взглядъ Булыжникова, подошелъ къ нему.

— Ну, Валеріанъ Дмитричъ... я ужъ пойду...—сказалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.—Пора ужъ мнѣ.

У Булыжникова точно камень свалился съ сердца.

— Уходите?—почти радостно воскликнулъ онъ, но сейчасъ же, спохватившись, прибавилъ:—Но... куда же вы теперь?

— Да ужъ ко дворамъ... Переночую на постояломъ, а завтра чуть свѣтъ и на чугунку. Не выйдетъ, должно быть, мое дѣло, Валеріанъ Дмитричъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Булыжниковъ поглядѣлъ въ его убитое лицо—и почувствовалъ что-то въ родѣ раскаянія и жалости.

— Нѣтъ, нѣтъ... вы не того... вы не отчаявайтесь, голубчикъ!—торопливо заговорилъ онъ, провожая Ивана Кириллыча до передней.—Теперь не вышло, потомъ выйдетъ, я васъ увѣряю! Я сдѣлаю для васъ все, что могу, и если удастся, немедленно извѣщу васъ черезъ Никифора Петровича. Вы надѣйтесь! Не унывайте... Я попробую... у меня тутъ еще есть одна комбинація... Непремѣнно, непремѣнно я васъ устрою!

— Покорно васъ благодарю, Валеріанъ Дмитричъ... Счастливо оставаться!—сказалъ Иванъ Кириллычъ и, нахлобучивъ свою ушастую шапку, вышелъ. Когда его тяжелые шаги затихли на лѣстницѣ, Булыжниковъ съ облегченіемъ вздохнулъ и, уже не чувствуя никакихъ угрызеній совѣсти, вернулся къ гостямъ.

Они сидѣли въ кабинетѣ, который Маргарита Андреевна особенно любила, потому что, по ея словамъ, тамъ даже отъ стѣнъ „пахло геніальностью“. Хорошенькая горничная подала чай, и Дмитрій Дмитріевичъ, полулежа на бархатной оттоманкѣ и макая въ свой стаканъ сахарный сухарикъ, говорилъ Маргаритѣ Андреевнѣ:

— Да, да... это противъ моихъ убѣжденій! Посмотрите на этого цвѣтущаго деревенскаго юношу и подумайте, что̀ вы хотите изъ него сдѣлать? Вы хотите отнять его отъ земли... Отъ труда (онъ прихлебнулъ изъ стакана)... отъ простой, здоровой пищи (онъ, смакуя, пососалъ сухарикъ)... Нѣтъ, это преступленіе! Вы его видѣли? Не правда ли, какъ онъ милъ теперь въ своей домотканной рубашкѣ, съ своими кудрями, подстриженными въ скобку, съ своимъ румянцемъ и застѣнчивой улыбкой? А посмотрите, что̀ изъ него будетъ, когда вы перетащите его въ городъ. Да черезъ годъ вы его и не узнаете! Онъ „спинжакъ“ надѣнетъ, волосы острижетъ „подъ польку“, цыгарку въ зубы, въ руки гармошку, и когда вы встрѣтитесь съ нимъ на улицѣ, онъ нахально засвищетъ вамъ въ лицо, пожалуй еще толкнетъ, обругаетъ какъ-нибудь... вамъ это нравится?

— Ахъ нѣтъ, это было бы ужасно!—воскликнула Маргарита Андреевна и вся брезгливо содрогнулась, какъ избалованная кошечка, которую погладили противъ шерстки.

— Именно ужасно! — подтвердилъ Курандинъ. — Эти ситуайены, оторванные отъ сохи и вкусившіе гнилого плода цивилизаціи, это—самый отвратительный типъ въ мірѣ. Я ихъ не выношу. По моему мнѣнію, этихъ господъ надо истреблять, какъ вредныхъ насѣкомыхъ, ссылать ихъ куда-нибудь, учредить для нихъ принудительныя работы, а не поощрять и не культивировать ихъ собственными руками, какъ мы это дѣлаемъ на свою собственную погибель.

— Вотъ это правильно!—сказалъ Кулаковскій.—Совершенно согласенъ съ вами, ваше превосходительство! Душить, душить надо этихъ негодяевъ, душить безъ всякаго милосердія, иначе вѣдь они, нахалы этакіе, чего добраго, наше мѣсто займутъ и вмѣсто того, чтобы на насъ работать, потребуютъ себѣ и чаю съ сахаромъ, и сладкихъ пироговъ, и еще, пожалуй... оперетку!

Курандинъ подозрительно покосился на Кулаковскаго, но ничего ему не отвѣтилъ и продолжалъ, обращаясь къ Маргаритѣ Андреевнѣ:

— Нѣтъ, я рѣшительно противъ этого! Пусть этотъ мальчикъ остается такимъ, какъ есть... добрымъ русскимъ мужич-

комъ, въ своихъ липовыхъ лаптяхъ, въ рубахѣ съ ластовицами, въ святой простотѣ и наивности! Пусть онъ пашетъ, коситъ, сѣетъ и ѣстъ, à la sueur de son front, свой простой черный хлѣбъ... Въ этомъ счастье!

— Ахъ, вы правы!—подтвердила Маргарита Андреевна.—Вы всегда правы... слушать васъ—наслажденіе!

— Боже мой!—спохватился вдругъ Булыжниковъ.—Дмитрій Дмитріевичъ, вѣдь вы со сливками пьете? Стеша, что же это вы—дайте сливокъ!

Стеша принесла сливокъ.

— Спасибо, милая,—сказалъ Курандинъ, беря съ подноса сливочникъ, до верху наполненный густыми сливками, и ласково глядя на Стешу.—Да, я теперь всему предпочитаю молоко... Это самый здоровый, самый естественный напитокъ... мы всѣ черезчуръ удалились отъ природы!

И наливъ до краевъ свой стаканъ сливками, онъ прихлебнулъ, почмокалъ своими толстыми губами и снова началъ медленно и тягуче:

— Да... такъ вотъ я и говорю: мы, интеллигенты, дѣлаемъ колоссальную ошибку, отрывая крестьянина отъ земли! Это все равно, что пересадить деревцо изъ лѣса въ сухую и каменистую почву городскихъ мостовыхъ. Тамъ, въ лѣсу, оно цвѣло и зеленѣло, а здѣсь оно захиритъ и погибнетъ... если же и останется жить, то приметъ уродливыя формы, оскорбляющія наше зрѣніе...

— Дмитрій Дмитріевичъ, да вы поэтъ!—въ восхищеніи сказала Маргарита Андреевна, всплескивая руками.

— Послушайте, куда вы своего мужичка дѣвали?—спросилъ Кулаковскій, отводя Булыжникова въ сторону.

— Ушелъ!—сказалъ тотъ и махнулъ рукой.

— Да ну? Молодецъ! А мнѣ онъ такимъ разгильдяемъ показался. Нѣтъ, молодецъ, ей Богу... смекнулъ, что отъ насъ ему, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Почему? Что такое?—съ неудовольствіемъ проговорилъ Булыжниковъ.—Здѣсь къ нему такъ хорошо отнеслись, желали ему добра...

— Ну, знаете, за этакое добро и въ физіономію можно наплевать, это какъ кому!—съ усмѣшкой сказалъ Кулаковскій.

Не смотря на эту маленькую размолвку, вечеръ прошелъ очень весело и закончился ужиномъ, за которымъ, между прочимъ, были съѣдены дичь и кремъ, припрятанные отъ Ивана Кириллыча. Всѣ были очень оживлены и довольны; Марга-

рита Андреевна мило щебетала о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; Булыжниковъ говорилъ, что слѣдуетъ почаще собираться вмѣстѣ вотъ такъ, какъ сегодня, и что интеллигенціи давно пора объединиться на какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ. А виновникъ этого „объединенія“ лежалъ въ это время на грязныхъ нарахъ монастырской ночлежки, и отъ духоты, отъ усталости и неудачъ ему снились страшные сны.

X.

Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Въ тотъ же день, какъ Иванъ Кириллычъ совершалъ свои неудачные визиты къ „сочувствующимъ народникамъ“, въ судьбѣ Варвары Бутягиной произошла неожиданная и счастливая перемѣна.

Въ Муравлевкѣ было два священника и, какъ всегда это бываетъ не знаю почему,—и въ жизни, и въ повѣстяхъ,—одинъ священникъ былъ хорошій, а другой—нѣтъ, и поэтому оба были недовольны другъ другомъ и часто ссорились. Впрочемъ въ повѣстяхъ обыкновенно бываетъ такъ, что нехорошій священникъ принадлежитъ къ старому поколѣнію, а хорошій—къ молодому; но такъ какъ мы пишемъ не романъ, а очерки дѣйствительной жизни, то у насъ было совершенно наоборотъ: молодой батюшка былъ нехорошій, а старый—хорошій. Старый батюшка, отецъ Георгій, былъ замѣчательно добрый человѣкъ, хотя немножко робкій и нерѣшительный. Овдовѣвъ очень рано и оставшись съ двумя дѣтьми—дочерью и сыномъ,—онъ какъ-то замкнулся въ себѣ, затихъ, оробѣлъ, да такимъ и остался на всю жизнь. Мужики очень любили своего „папашу Ягорія“, хотя онъ ничего самостоятельно не дѣлалъ для того, чтобы заслужить эту любовь. Онъ просто былъ по-евангельски добръ и кротокъ, никогда никого не притѣснялъ, просящему не отказывалъ и дѣлалъ все это такъ же естественно, какъ свѣтитъ солнце, какъ благоухаетъ цвѣтокъ и поетъ птица. Мужики это чувствовали и безъ стѣсненія несли къ нему всѣ свои затрудненія въ разныхъ случаяхъ жизни. У нихъ даже поговорка на этотъ счетъ сложилась: „у кого бѣда да горе, иди къ попу Ягорью“. И дѣйствительно, двери о. Георгія были всегда и для всѣхъ открыты. Онъ и лечилъ по малости, и совѣты юридическіе давалъ, и прошенія писалъ, и все это дѣлалъ совершенно безвозмездно,

ничего не требуя взамѣнъ. Но и крестьяне не оставались у него въ долгу, и когда о. Георгію требовалось что-нибудь „по домашности“, они безъ всякаго зова и напоминанія съ его стороны являлись къ нему „поработаться“ или привозили соломки на топку, убоинки, если рѣзали скотину, и т. д. „Простой у насъ папаша“, говорили они,—„ему не принеси, такъ онъ голодомъ насидится!“ Молодому батюшкѣ, о. Агафонику, это очень не нравилось, и онъ не вѣрилъ въ простоту о. Георгія: ему самому приходилось вести такія жестокія баталіи съ мужиками изъ-за каждаго ковша крупъ или куска свинины, что онъ подозрѣвалъ о. Георгія въ заговорѣ съ муравлевцами и считалъ его необыкновенно хитрымъ политикомъ, чуть не іезуитомъ. На этой почвѣ у нихъ происходили иногда очень непріятныя столкновенія, и хотя о. Георгій по привычкѣ своей больше отмалчивался, но это не только не умиротворяло о. Агафоника, а напротивъ, еще больше распаляло въ немъ зависть и досаду.

Дѣтей, какъ мы сказали, у о. Георгія было двое: сынъ его кончилъ курсъ въ университетѣ и давно уже служилъ земскимъ врачомъ, а дочь кончила епархіальное училище и въ настоящее время училась на Рождественскихъ курсахъ. Звали ее Анночкой, и вотъ эта-то самая Анночка и играла роль судьбы въ жизни Варвары Бутягиной. Когда-то въ дѣтствѣ онѣ были пріятельницами и вмѣстѣ бѣгали по деревенскимъ улицамъ; потомъ Анночка выросла и поступила въ епархіальное училище, а Варька начала франтить и бѣгать по хороводамъ. Это ихъ разъединило, и онѣ охладѣли другъ къ другу. Но когда Варвара остепенилась, Анночка сильно заинтересовалась ея превращеніемъ, и дружба ихъ опять возобновилась. Въ каждомъ письмѣ къ отцу Анночка освѣдомлялась о своей подругѣ, совѣтовала что̀ ей читать, иногда сама присылала книги; въ свою очередь Варька писала Анночкѣ неуклюжія посланія, повѣряла ей свои мечты и надежды и съ нетерпѣніемъ ждала ея пріѣзда на каникулы. Анночка въ ея глазахъ стояла такъ же высоко, какъ и Михаилъ Денисычъ, съ той разницей только, что Михаила Денисыча она уважала и побаивалась, Анночку же любила и нисколько передъ ней не стѣснялась.

На другой день послѣ ухода Ивана Кириллыча въ городъ была закрыта и школа Варвары Бутягиной. Это произошло немножко не такъ, какъ въ Епихиныхъ хуторахъ, но, пожалуй, еще обиднѣе: въ школу явился самъ Михаилъ Денисычъ, объявилъ ученикамъ, что занятія по распоряженію начальства прекращаются и, даже не поздоровавшись съ Варварой, не ска-

завъ ей ни одного ободряющаго слова, приказалъ выносить парты и доску. Варвара стояла ошеломленная, и когда ученики со смѣхомъ и говоромъ подхватили доску и торжественно понесли ее черезъ всю площадь въ земское училище, у Варвары точно сердце оторвалось, и она горько заплакала. Михаилъ Денисычъ поглядѣлъ на нее, и на губахъ его появилась ехидная улыбочка.

— Ну-съ, пожалуйте... здѣсь вамъ больше дѣлать нечего!— сказалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью и показалъ ей на дверь.

Отъ этихъ словъ и, особенно, отъ этого жеста у Варвары слезы высохли на глазахъ. Она повернулась къ Михаилу Денисычу, заглянула ему прямо въ лицо и съ ненавистью сказала:

— Чему радуетесь... Эхъ вы!.. А еще учитель...

Отъ неожиданности Михаилъ Денисычъ оторопѣлъ и пока собирался отвѣтить, Варвары уже и слѣдъ простылъ. Съ кислымъ лицомъ вернулся онъ въ училище и цѣлый день ходилъ злой, растерянный и какъ будто побитый. Ему все мерещился презрительный взглядъ Варвары, и онъ чувствовалъ, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей ревности и злости. Невольно вспоминалось недавнее прошлое, когда эти самые глаза смотрѣли на него съ наивнымъ довѣріемъ и восторгомъ. И хотѣлось вернуть это прошлое, хотѣлось все заново передѣлать... но было поздно, и было скучно, и было такъ одиноко на душѣ.

Приблизительно то же самое переживала и Варя, возвращаясь домой изъ своей разгромленной школы. Нѣсколько разъ на ходу она принималась плакать; встрѣчные прохожіе съ удивленіемъ на нее смотрѣли. Навѣрное они ничего не знали объ ея горѣ, но ей казалось, что теперь уже все село говоритъ о ней и смѣется надъ ея униженіемъ. Проходя мимо церкви, она увидѣла попову работницу и хотѣла-было проскользнуть мимо, но та замѣтила ее и замахала руками. Варвара остановилась.

— А наша питерская-то пріѣхала!—закричала работница весело.

— Да ну? Когда?—спросила Варвара, и ей тоже стало весело.

— Только сейчасъ. Приходи повидаться-то, она ужъ объ тебѣ спрашивала!

— Ладно, приду.

Когда Варвара пришла домой, Трохимовна сейчасъ же замѣтила ея заплаканные глаза и спросила:

— Ай ты ревѣла? Съ чего это?

— Школу закрыли.

— Вотъ дурища-то, нашла объ чемъ плакать!—насмѣшливо

воскликнула Трохимовна. — Закрыли — и хорошее дѣло; тебѣ-то что? Чѣмъ хвосты трепать, сиди лучше дома. Все тятька-баловникъ; отстегать бы васъ обоихъ хорошенько и съ тятькой-то!

— Про волка разговоръ, а волкъ и самъ на дворъ! Чѣмъ тятька провинился?—спросилъ Михѣй, входя въ избу.

Увидѣвъ отца, Варвара опять немножко всплакнула и разсказала о томъ, какъ закрывали ея школу. Теперь, когда все это уже прошло, поведеніе Михаила Денисыча казалось ей особенно страннымъ. Отчего онъ не прислалъ ей бумагу, какъ Ивану Кириллычу? Просто ему хотѣлось осрамить ее передъ учениками, и онъ нарочно пришелъ самъ, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ плакать, когда ее будутъ выгонять изъ школы.

— И съ чего онъ такъ разсерчалъ? — задумчиво сказалъ Михѣй, посасывая трубочку.—Какой парень былъ смирный; бывало, придетъ въ избу, наговоришься съ нимъ, словно меду наѣшься. А вѣдь вотъ поди ты: испортился!

— Заучился, оттого и испортился! — вмѣшалась Трохимовна.—Грамота—она человѣка ѣстъ, чисто ржа желѣзо! Такъ вотъ и Варюшка наша; говорила тебѣ, Михѣй, на свою голову ты дѣвчонку учишь!

Отецъ съ дочерью переглянулись и тихо улыбнулись. Потомъ Варвара вытерла фартукомъ глаза и сказала другимъ тономъ:

— А знаешь, батя, Анночка попова изъ Питера пріѣхала! Надо къ ней пойтить.

— Это еще зачѣмъ?—заворчала Трохимовна. — Что она тебѣ подружка?

Варвара промолчала, но послѣ обѣда накинула шубенку, покрылась чернымъ платочкомъ и побѣжала къ о. Георгію. Она застала ихъ за чаемъ: Анночка разливала и что-то разсказывала, а батюшка, сіяющій и довольный, расхаживалъ по комнатѣ со стаканомъ въ рукахъ и издавалъ только односложныя восклицанія, поощряя ими дочь къ дальнѣйшему разсказу. Онъ вообще былъ очень молчаливый и сдержанный человѣкъ; за то Анночка, должно быть, вышла не въ него. Худенькая, стройная, съ огромною косой, большими блестящими глазами и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, она была страшная хохотушка и, по ея собственнымъ словамъ, такъ любила говорить, что могла выпускать по тысячѣ словъ въ одну секунду. Въ училищѣ и потомъ на курсахъ ее звали „волчкомъ“, потому что когда она что-нибудь дѣлала, ходила и говорила—это было какое-то непрерывное мельканіе и звонъ. Но Анночка не ограничивалась одною только болтовней: слова у нея всегда сопровождались дѣйствіемъ, и она

терпѣть не могла „мямлить“. Во всѣхъ дѣтскихъ шалостяхъ она была и зачинщицей, и исполнительницей, и отвѣтчицей; эти же свойства сохранились у нея и теперь. Нерѣшительность была совершенно не въ ея характерѣ, и если Анночка забивала себѣ что-нибудь въ голову, то уже не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы осуществить задуманное. При этомъ она еще отличалась необыкновеннымъ прямодушіемъ и имѣла очень рѣзкій язычокъ, который часто пускала въ дѣло. За это многіе ее не долюбливали, и въ числѣ ея враговъ былъ между прочимъ и о. Агафоникъ, который за глаза называлъ ее „еретицей“ и послѣ каждой ссоры съ о. Георгіемъ пророчествовалъ, что „Аннѣ Златокудровой не сносить своей головы“.

При входѣ Варвары Анночка вскочила такъ быстро, что чуть было не опрокинула самоваръ, и бросилась цѣловать пріятельницу. Варвара была очень обрадована и смущена такой горячей встрѣчей, но очень сдержанно отвѣтила на поцѣлуи Анночки и, освободившись изъ ея рукъ, подошла къ о. Георгію подъ благословеніе.

— Ахъ ты, монашка! — разсмѣялась Анночка.—Все такая же... и платочекъ черненькій, и ротикъ сердечкомъ, — настоящая мать-Манефа! Ну что, учительствуешь? Садись, разсказывай...

— Да что же разсказывать?—степенно сказала Варвара.— У насъ разсказывать нечего, а вотъ вы лучше про себя разскажите.

— Это что еще за „вы“ такое?—съ сердитымъ изумленіемъ воскликнула Анночка.—Ну ужъ, матушка моя, ты эти фокусы оставь—терпѣть я этого не могу! Я тебѣ не игуменья, чтобы мнѣ „вы“ говорить!

— Да какъ же, Анночка, вѣдь вы теперь питерская...

— Ну, и питерская, такъ что жъ такое? Что же меня въ Питерѣ-то въ генералы что-ли произвели? Какъ была Анночка, такъ и осталась Анночка, и не смѣй меня „выкать“ и чтобы все было по прежнему, а то лучше и не приходи. Чаю хочешь?

И не дожидаясь отвѣта, она быстро налила чашку и подвинула ее къ Варварѣ. Варвара смотрѣла на нее съ восхищеніемъ.

— А ты въ Питерѣ-то и вправду ни чуточки не перемѣнилась!—сказала она.—Вотъ только нешто съ лица сдалась немножко, похудала.

— А, да, да! Есть!—подтвердилъ батюшка и съ нѣжностью посмотрѣлъ на дочь.

— Ну, это ничего! Папаша, пожалуйста не дѣлай страш-

ныхъ глазъ, не люблю! Здѣсь я живо растолстѣю, можете успокоиться. Ну, Варя, разсказывай, разсказывай, что̀ у васъ тутъ дѣлается!

— Да ничего не дѣлается. Вотъ школы наши закрыли.

— Какъ закрыли? А говоришь—ничего нѣтъ... Почему закрыли? Кто? Когда?

Варвара по порядку разсказала все происшедшее, не забыла даже и того, какъ Иванъ Кириллычъ сидѣлъ въ одноглазкѣ, какую бумагу получилъ и какъ отправился въ городъ.

— Вотъ такъ исторіи у васъ!—восклицала взволнованная Анночка.—Значитъ, вы съ Ваней на бобахъ остались, и дѣваться некуда?.. Но каковъ Михаилъ Денисычъ-то, а? Ну, не ожидала я отъ него; ну ужъ и отчитаю же я его! Молодецъ Ваня, что дуракомъ его назвалъ! Къ земскому начальнику жаловаться полѣзъ,—ахъ, ренегатъ этакій, ахъ, подхалюза! Папаша, ты слышишь? Михаилъ Денисычъ-то...

— Кто ихъ тамъ разберетъ!—задумчиво сказалъ о. Георгій.

— Какъ кто разберетъ? Вотъ я разберу. Слушай, Варя, нѣтъ, я просто ушамъ своимъ не вѣрю! Тотъ самый Михаилъ Денисычъ, который намъ про Добролюбова разсказывалъ, про „Грозу“, про Катю Кабанову... Помнишь, бывало, подъ колокольней на бревнахъ мы сидѣли?

Варя очень хорошо помнила и колокольню, и бревна, и задушевные разсказы Михаила Денисыча, и при этомъ воспоминаніи къ горлу у нея снова подступили горячія, злыя слезы. Но она проглотила ихъ и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Вотъ вѣдь оттого-то, Анночка, пуще всего мнѣ и обидно, что это Михаилъ Денисычъ сдѣлалъ! Кабы другой какой человѣкъ, такъ и горевать бы нечего... а то вѣдь Михаилъ Денисычъ... вѣдь мы съ Ваней на него, какъ на бога, молились!

Она украдкой вытерла глаза кончикомъ своего чернаго платка и докончила твердымъ голосомъ:

— Ну, да Богъ съ нимъ! Видно, чего потерялъ, того не воротишь! Былъ Михаилъ Денисычъ, а теперь нѣту... теперь объ немъ, какъ объ упокойникѣ, молиться надо!

— Хорошо! Вотъ это хорошо сказано!—похвалилъ о. Георгій.

— Э, папаша, ничего хорошаго нѣту! — съ нетерпѣніемъ сказала Анночка.—Этакъ если за всѣхъ подлецовъ молиться, ихъ столько разведется, что и житья не будетъ! Нѣтъ, по моему, за покойниковъ молись, а съ живыми борись, вотъ какъ надо! Выдумали тоже: покойникъ! Покойники никому зла не дѣлаютъ, а

вашъ Михаилъ Денисычъ вонъ какія штуки выкидываетъ, значитъ, живъ-живехонекъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Анночка... ты не спорь!—возразилъ о. Георгій.—Варвара... она глубокое слово сказала... у-у, какое глубокое! Не живъ онъ... то-есть тѣломъ живъ, а духъ въ немъ мертвъ... понимаешь—духъ...

— Какой тамъ духъ... все это, папаша, одна метафизика! И кромѣ того, о. Георгій, позвольте вамъ замѣтить — вы проповѣдуете ересь; хорошо еще, что Агафоникъ далеко и ничего не слышитъ. Вы говорите: духъ мертвъ! Какъ такъ мертвъ? Духъ-то? Вѣдь онъ безсмертенъ! Духъ живетъ вѣчно; онъ былъ, когда и насъ съ вами еще не было,—вы забыли, о. Георгій? „И духъ носился надъ водами“...

— Ну, занеслась, затрещала!.. — съ улыбкой произнесъ о. Георгій и махнулъ рукой.

Дверь пріотворилась, и въ нее просунулась веселая, рябая физіономія работницы.

— Папаша!—таинственно позвала она.—Тамъ къ тебѣ Кубариха пришла.

— А? Кубариха? Которая?

— О, Господи, да энта, которая дитё-то надысь родила! Пупочекъ у него чего-й-то гноится!

— А, да, да... знаю! Сейчасъ, сейчасъ!—сказалъ о. Георгій и поспѣшно вышелъ.

— Милый мой батя, онъ ужъ, кажется, акушерить здѣсь началъ!—воскликнула Анночка.—Охъ, скорѣй бы ужъ мнѣ выучиться, а то время идетъ, идетъ, а я все еще ничего не знаю, ничего не дѣлаю!..

— А много еще осталось?—спросила Варвара.

— Три года, матушка моя, три года! Ну, да я-то ужъ какъ-ни-какъ на дорогѣ, а вотъ что мы съ тобой-то, Варя, будемъ дѣлать, а?

— Да что дѣлать, я ужъ и не знаю! — печально проговорила Варвара.—Должно, за прялку опять приниматься надо, чего же еще? Нашего брата не очень-то, значитъ, уважаютъ, ходу не даютъ! Не лѣзь, стало быть, съ суконнымъ рыломъ, да въ калашный рядъ...

— Ну ужъ нѣтъ! Это мы еще увидимъ... Постой, Варя, ты носа-то не вѣшай! Я не я буду, если тебя въ учительницы не выведу! Пряхъ-то, матушка моя, въ деревнѣ много, да учить-то ихъ некому, вотъ въ чемъ наша бѣда деревенская! Конечно, это *имъ* на руку, я это очень хорошо знаю; *они* этого и хотятъ,

чтобы мужикъ весь свой вѣкъ въ грязи сидѣлъ, но извините пожалуйста, это *имъ* не удастся...

Кто были эти таинственные *они* — Анночка и сама хорошенько не знала, но при живости своего воображенія она сейчасъ же представила себѣ, что тамъ гдѣ-то сидятъ какіе-то невѣдомые враги, которые только и думаютъ о томъ, чтобы помѣшать Варюхѣ Бутягиной сдѣлаться учительницей. И воинственная Анночкина душа уже заранѣе пламенѣла желаніемъ вступить съ этими врагами въ бой.

— Да, это мы еще посмотримъ! — продолжала она, перемывая посуду съ такой энергіей, что ложки и стаканы такъ и дребезжали въ ея рукахъ.—Это еще мы увидимъ—кто кого! *Они* желаютъ, чтобы мужичокъ грамотѣ не зналъ, они мужичка изъ школы выгоняютъ,—отлично, пусть! А мы вотъ на это не поглядимъ, да по своему и сдѣлаемъ,—вотъ вамъ и все.

— Что сдѣлаемъ-то?—спросила Варвара, усмѣхаясь.

— А ужъ я знаю что! Ты, Варя, не безпокойся, твое дѣло не пропащее. Есть у меня въ городѣ одинъ человѣчекъ знакомый,—вотъ я ему нынче же письмо напишу, а черезъ недѣлю, Варвара, укладывай свои пожитки, ты сама въ городъ поѣдешь.

— Какъ въ городъ? Зачѣмъ? — растерянно проговорила Варвара.

— Вотъ тебѣ и разъ—да учиться! Къ будущей веснѣ настоящей учительницей будешь, и дадутъ тебѣ настоящую земскую школу. Тогда ужъ извините, никакой Михаилъ Денисычъ ничего съ тобою не подѣлаетъ.

Варвара поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, схватилась за голову и засмѣялась.

— О, Господи!—прошептала она.—Ажно голова закружилась... Анночка, да что же это, правду ты говоришь, аль нѣтъ?

— Ну ужъ, матушка, я сроду не врала! — отозвалась Анночка.—Слава Богу, мы съ тобой не первый день знакомы,—когда же я тебя обманывала?

Варвара поднялась, глубоко вздохнула, точно у нея съ плечъ сняли тяжкую ношу и, приблизившись къ Анночкѣ, съ робкой нѣжностью поцѣловала ее въ розовую щеку.

— Анночка, милая ты моя...—вымолвила она, запинаясь отъ волненія.—Сказала бы я тебѣ, да не умѣю... Вѣдь ты меня... вѣдь еслибы я... да ты, небось, и сама знаешь!.. Ишь вѣдь языкъ-то какой у меня глупый,—чего надо, ни за что не скажетъ!—прибавила она съ застѣнчивой улыбкой.

— Да потому что и говорить ему сейчасъ нечего!—сказала Анночка.—Давай-ка вотъ лучше посуду въ шкафъ поставимъ.

— А что если я и тамъ этакъ буду?—озабоченно вымолвила Варвара.—Страшно мнѣ что-то, Анночка... ну какъ вдругъ я тамъ никуда не гожусь?

— Э, глупости! Пошла теперь перебирать—то да се, тпру да ну... терпѣть этого не могу! Нечего заранѣе придумывать; придетъ время, все само собой устроится. А покуда сиди и жди, да знай себѣ — помалкивай, а то, не дай Богъ, Трохимовна узнаетъ, она меня загодя поѣдомъ заѣстъ. А, скажетъ, это все Анютка попова-овца верченая, выдумала! Помнишь, какъ она меня хворостиной отъ своего двора гоняла? Кричитъ, бывало, на всю улицу: „ну, погоди, верченая овца, я не погляжу, что ты попова дочка,—я тебѣ всѣ косы оболтаю"!.. Ухъ, и сердитая была!—со смѣхомъ закончила Анночка.

— Да она и сейчасъ такая же,—сказала Варвара и вздохнула.—Житье-то ей, Анночка, плохое! Я вотъ тоже иной разъ разсерчаю на нее, когда она ужъ очень разворчится, а потомъ погляжу-погляжу, да и жалко станетъ.

— Ну, конечно, жалко!—согласилась Анночка. — Одиннадцать дѣтей родить, да изъ нихъ шесть похоронить — это вѣдь не шуточка! Хуже нѣтъ бабьяго житья—этакая тьма-тьмущая, прямо вѣдь ни зги не видно! Съ мужикомъ еще можно какъ-нибудь столковаться, ну а ужъ съ бабой—ни за что, я пробовала! Говоришь съ ней, она будто и слушаетъ, а отвернись—она все по своему сдѣлаетъ.

— Учить было некому... — какъ бы извиняясь за бабъ, проговорила Варвара.

— Ну, вотъ ты теперь будешь учить. Эхъ, Варюха!—воскликнула Анночка и, схвативъ подругу за плечи, начала ее тормошить. — Кабы намъ побольше этакихъ, какъ ты, вотъ бы мы армію-то двинули!

Варвара не успѣла возразить, потому что вернулся о. Георгій и съ разстроеннымъ лицомъ обратился къ дочери.

— Вотъ вѣдь глупая-то какая, а? Этакая глупая баба, что надѣлала! Ты послушай, Анночка: далъ я ей примочки для ребенка, а она возьми, да привяжи вмѣсто нея какую-то наговоренную нитку! Что же ты думаешь, вѣдь у ребенка-то, пожалуй, антоновъ огонь, а? Почернѣло все и запахъ такой... нехорошій запахъ! Послалъ ее къ доктору, да забылъ записку написать, а вѣдь она безъ записки-то не пойдетъ. Ребенка жалко... этакій ребеночекъ славный... Надо записку!

Онъ ушелъ писать записку, и подруги снова остались однѣ.

— Да, вотъ тебѣ и армія! — задумчиво сказала Анночка, прохаживаясь по комнатѣ.—Покуда мы ее соберемъ, да въ эту тьму-то-тьмущую двинемъ—сколько вотъ этакихъ славныхъ ребеночковъ на тотъ свѣтъ отправится! Ну, а все-таки лучше вѣрить, чѣмъ не вѣрить! Умремъ или побѣдимъ... правда, Варюха? „Побѣда! Побѣда!“—запѣла она вдругъ изъ „Руслана и Людмилы“ и сейчасъ же сама себя остановила, приложивъ палецъ къ губамъ.—Фу, что это я, совсѣмъ съ ума сошла... великій постъ, а я ору... Папа огорчится! Вотъ на Святой соберемся опять подъ колокольней, тамъ ужъ я себѣ душу отведу. Напоемся мы съ Валентинычемъ! А кстати, какъ вся наша колокольная компанія поживаетъ? Валентинычъ—живъ? А Ѳомка-косорукій?

— Ѳомка ничего, все рисуетъ, а вотъ съ Валентинычемъ несчастье: глазъ себѣ прострѣлилъ?

— Что ты? Какъ прострѣлилъ?

— Да спьяну, должно быть. Передъ масляницей пошелъ волковъ стрѣлять на гумно, да вмѣсто волка себѣ въ глазъ попалъ. Въ городъ, въ больницу возили, цѣлый мѣсяцъ лежалъ, ну, ничего не помогло. Глазъ вынули, а на мѣсто его стеклянный вставили. Теперь его мужики одноглазымъ дразнятъ.

— Экій дуракъ какой!—сердито сказала Анночка.—И все пьетъ?

— Какъ изъ города вернулся, еще пуще началъ пить. Недавно попу Агафонику всѣ окна переколотилъ, Агафоникъ на него жаловаться хочетъ.

— А папаша мнѣ и не писалъ ничего! Ну, милые мои, скверно у васъ что-то въ деревнѣ! Валентинычъ спился, Михаилъ Денисычъ въ подлости ударился, школы ваши позакрыли... плохо! Какъ я сюда рвалась изъ Петербурга... прямо, точно въ рай! А пріѣхала... и радости никакой нѣтъ. Но погодите, я васъ всѣхъ къ рукамъ приберу! Распустились вы тутъ безъ меня, раскисли,—я васъ подтяну, голубчики!..

Она долго еще кипятилась и угрожала перевернуть вверхъ дномъ всю Муравлевку, а Варвара сидѣла, слушала, и что-то доброе, сильное, смѣлое вливалось въ ея душу, точно живая вода въ сказкахъ. Ушла она отъ Анночки совершенно успокоенная и радостная. Она вѣрила, что ужъ если Анночка за что̀ нибудь взялась, то такъ и будетъ.

XI.

Иванъ Кириллычъ опять дома.

Варвара начала уже безпокоиться объ Иванѣ Кириллычѣ, когда на третій день къ вечеру на Муравлевскомъ „планту“ снова показалась его печальная фигура, въ томъ же кожухѣ съ таліей подъ мышками, въ той же ушастой шапкѣ и съ бадикомъ въ рукѣ. Шествовалъ онъ далеко не такъ увѣренно, какъ три дня тому назадъ, и во всѣхъ его движеніяхъ, въ опущенной долу головѣ, въ колеблющейся походкѣ чувствовались глубокое уныніе и усталость. Онъ даже весь осунулся, точно послѣ тяжкой болѣзни; щеки его ввалились, глаза потухли. Варя, давно уже поджидавшая его на крыльцѣ, первая замѣтила знакомый кожухъ и ушастую шапку и перехватила Ивана Кириллыча между своимъ дворомъ и его воротами.

— Ну что, Ваня?—спросила она торопливо.

Иванъ Кириллычъ безнадежно махнулъ рукой. По одному этому движенію Варвара поняла, что всѣ ихъ планы рухнули.

— Плохо наше дѣло! — сказала она. — И здорово же ты раскисъ!

— Да!.. — отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ кисло и даже немножко враждебно. — Хорошо тебѣ тутъ сидѣть-то... попробовала бы сама!

Варварѣ стало его жаль и захотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить.

— А знаешь, Ваня, Анночка-то пріѣхала!—весело сообщила она.

Иванъ Кириллычъ очень любилъ и уважалъ Анночку, но теперь, послѣ удручающихъ городскихъ впечатлѣній, онъ даже и къ ней потерялъ довѣріе, и поэтому Варины слова не произвели на него никакого впечатлѣнія.

— Пріѣхала?— равнодушно сказалъ онъ. — Ну такъ что-жъ!

— Какъ „что-жъ“? Она объ тебѣ спрашивала и безпремѣнно просила къ ней придти, когда изъ города вернешься.

— Нечего тамъ у ней дѣлать-то!.. — пробурчалъ Иванъ Кириллычъ.

Варвара посмотрѣла на него и покачала головой.

— Ну, съ тобой, видно, сейчасъ не сговоришь! Поди домой, прочухайся хорошенько, а потомъ къ батюшкѣ приходи. Тамъ потолкуемъ. Я тебѣ хорошую штуку скажу!

Но Ивану Кириллычу казалось, что теперь для него уже

никакихъ хорошихъ штукъ не можетъ быть на свѣтѣ, и онъ, какъ пришибленный, побрелъ домой. Онъ чувствовалъ себя такимъ униженнымъ и такъ глубоко былъ оскорбленъ въ своемъ достоинствѣ, что даже самому себѣ представлялся ничтожнымъ, жалкимъ, никому ненужнымъ человѣчишкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто онъ такой? Мужичишка, темный деревенскій парень, котораго всякій можетъ толкнуть въ спину, сказать: „пошелъ вонъ, скотина!“—взять за шиворотъ и посадить въ одноглазку, наконецъ завтра же разложить и выдрать въ волостномъ... И этакое-то ничтожество полѣзло къ господамъ и вбило себѣ въ башку, что такъ вотъ его сейчасъ и посадятъ рядомъ съ собой, какъ равнаго, и будутъ съ нимъ обращаться какъ съ человѣкомъ... Иванъ Кириллычъ никогда еще такъ ясно не представлялъ себѣ, какая глубокая пропасть лежитъ между нимъ и этими великолѣпными господами, которые смотрѣли на него свысока и читали ему разныя нотаціи, какъ надо себя держать и что̀ дѣлать. Особенно Ивану Кириллычу врѣзались въ память насмѣшливые глазки господина, который нанималъ его въ рабочіе, и сладкій голосъ Курандина, совѣтовавшаго ему возвращаться въ деревню и пахать. А эта барыня даже въ лорнетку его разсматривала, точно онъ какое-то чудище заморское!.. Небось, еслибы тотъ же Михаилъ Денисычъ былъ на его мѣстѣ — ему бы нотацій не читали и въ ночные сторожа его бы не посылали, а вотъ Ивана Кириллыча такъ посылали, и издѣвались надъ нимъ всячески, и онъ все это выслушивалъ, какъ дуракъ, и только глазами хлопалъ. Теперь онъ отлично понималъ, какого дурака разыгралъ у Булыжникова, и жгучій стыдъ, обида, злость ѣли его нутро. Ему даже стыднѣе было теперь, чѣмъ тогда, когда земскій начальникъ топалъ на него ногами и совалъ въ носъ какую-то бумагу. Земскій начальникъ—такъ онъ и есть земскій начальникъ, и ждать отъ него больше нечего, потому что онъ уже привыкъ считать мужика немножечко получше свиньи. А вѣдь *ты*—совсѣмъ другое; къ тѣмъ Иванъ Кириллычъ шелъ съ довѣріемъ, съ надеждой, съ открытой душой, и они такъ унизили его и оплевали. Эхъ, дуракъ, дуракъ, и зачѣмъ только онъ ходилъ въ городъ! Все Варька выдумала... Сама, небось, не пошла, его послала, вотъ теперь и раздѣлывайся. Иванъ Кириллычъ былъ такъ убитъ своими приключеніями въ городѣ, что на обратномъ пути даже къ Никифору Петровичу не заходилъ. Все теперь представлялось ему въ черномъ свѣтѣ и всѣ люди казались одинаковыми. Что тамъ ни говори, а баринъ такъ бариномъ всегда и останется, и ни съ какой стороны его къ мужику не прилѣпишь, — все будетъ

видно, что оба изъ разнаго тѣста сдѣланы. Вотъ и выходитъ опять, что деревенскія бабы правду говорятъ: „сколько въ воду масла ни лей, оно все по̀верху плавать будетъ...“

Съ этими мрачными мыслями Иванъ Кириллычъ вступилъ подъ крышу родной избы и заранѣе приготовился къ домашней бурѣ. Но сверхъ всякаго ожиданія его встрѣтили безъ обычной ругани, а мать даже собрала ему пообѣдать и достала чистую рубаху перемѣниться. Такой ласковый пріемъ подѣйствовалъ на Ивана Кириллыча ободряюще, а когда онъ въ первый разъ за всѣ эти три дня поѣлъ и отдохнулъ какъ слѣдуетъ, міръ показался ему уже не такимъ чернымъ, и розовая вечерняя заря, пылавшая на небѣ, возбудила въ немъ такія же розовыя чувства. „А надо вѣдь къ Анночкѣ пойти!“—подумалъ онъ, и ему стало весело при мысли о хорошенькой поповнѣ, съ которой они когда-то въ дѣтствѣ играли въ „кашу“ и разсказывали сказки, сидя на бревнѣ подъ колокольней.

О. Георгій былъ у вечерни и Анночка сидѣла дома одна. Она встрѣтила Ивана Кириллыча съ шумной радостью, сейчасъ же усадила его за самоваръ, налила ему чаю и принялась разспрашивать о городѣ. Потомъ пришла Варвара, и когда они всѣ втроемъ усѣлись вокругъ чайнаго стола, въ уютномъ поповскомъ домикѣ, Иванъ Кириллычъ снова ожилъ, отогрѣлся и почувствовалъ себя уже не чудищемъ заморскимъ, а человѣкомъ. Языкъ у него развязался, руки уже не висѣли, какъ ненужныя тряпки, и когда онъ разсказывалъ о своихъ городскихъ похожденіяхъ, у него все это выходило и остроумно, и занимательно. Варвара, Анночка и онъ самъ хохотали до слезъ надъ его разсказами, но потомъ, нахохотавшись вдоволь, всѣ трое вдругъ призадумались, а Варя угрюмо насупилась.

Первая заговорила Анночка.

— Ну ужъ гадины, такъ гадины! — воскликнула она, вскакивая и мелькая по комнатѣ.—Ну, я бы на твоемъ мѣстѣ, Ваня, ихъ отдѣлала! Ужъ такъ бы отдѣлала, что они и до сихъ поръ бы это чувствовали. Да что, ты мямля! Разнюнился, небось, и слюни распустилъ... Ахъ, отцы! Ахъ, благодѣтели! Хороши благодѣтели: человѣкъ учиться хочетъ, а они его въ сторожа... И какъ это ты утерпѣлъ, какъ это ты ихъ всѣхъ къ чорту не послалъ за это?

Иванъ Кириллычъ сталъ оправдываться.

— Да вѣдь кто же ихъ зналъ-то? Вѣдь этотъ господинъ Булыжниковъ сначала ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ... Ну я и повѣрилъ сдуру, а вышла одна насмѣшка... Чѣмъ же я виноватъ? Ты въ городѣ жила, ты, Анночка, ихъ знаешь, а вѣдь я сроду

и не видалъ, какіе-такіе господа бываютъ. Мнѣ что ни попъ, то и батька!

— Ну, и попы тоже вѣдь разные бываютъ,—вонъ мой батя и Агафоникъ. А это ужъ твое счастье такое, что ты на этакихъ господъ налетѣлъ. Булыжникова-то я знаю, слыхала про него, болтунъ извѣстный, что ни слово скажетъ, то совретъ! Его такъ и въ городѣ зовутъ: звонарь съ пустой колокольни! Ну, а про этого, про другого-то что-то не слыхала. Толстый, ты говоришь? Мягкій? Ну, и видать, что мягко стелетъ, да жестко спать! И третьяго тоже не знаю, кто онъ такой. Ты хоть бы фамиліи-то ихнія запомнилъ.

— Да шутъ ихъ разберетъ... они какъ всѣ на меня насѣли, я и свою-то фамилію забылъ. Одинъ съ одного боку, другой съ другого,—пекли-пекли, я ужъ думалъ, что и живой не выйду. А тутъ еще барыня въ четыре глаза смотритъ... ну, прямо хоть караулъ кричи, ей-Богу! Нечаянно посмотрѣлъ на себя въ зеркало, такъ даже не узналъ—не то я, не то не я. Рыло красное, глаза полоумные, ротъ во всѣ стороны разъѣхался... страмотища! Не даромъ она на меня уставилась—небось, сроду этакихъ дурней не видывала!

— А ея фамилія какъ? Не помнишь?—спросила Анночка.

— Да я и не зналъ. Называли ее какъ-то при мнѣ... мудреное такое имя—въ родѣ Маргариты.

— Стой, стой, стой!.. Маргарита Андреевна! Киндѣева! Знаю, знаю, у нея одна моя подруга, епархіалка, въ компаньонкахъ лѣтомъ живетъ. Какъ же, помню ее, видала! Либералка такая, и все охаетъ: „Ахъ, народъ! Ахъ, мужичокъ! Ахъ, голодающіе!..“ А придетъ къ ней нищенка—она ей старую кофту отдастъ, да и то сначала пуговицы отпоретъ,—самой пригодятся. Жадная до смерти! И все притворяется: сама цѣлый день на кушеткѣ лежитъ, конфекты ѣстъ да романы читаетъ, а моей подругѣ, бывало, всѣ глаза протычетъ: „работать, моя милая, надо, работать — человѣкъ созданъ для труда“!.. Лицемѣрка ужасная. Ну ужъ и влетѣлъ ты, батюшка мой, нечего сказать, повезло тебѣ!

— Да, Анна Егоровна,—со вздохомъ сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Вотъ какія мои похожденія!

— Очень глупыя! Нашелъ куда соваться—къ Маргаритѣ Андреевнѣ! Ты бы еще къ губернаторшѣ разскакался, тебя бы оттуда еще не такъ выставили. Нѣтъ, вотъ ужъ съ Варварой этого не случится! Варюха, да что ты на меня быкомъ смотришь?

— Страшно въ городъ ѣхать,—угрюмо вымолвила Вар-

вара.—Ишь, тамъ какъ нашего брата-то принимаютъ... словно мы обезьяны!

— Ну, это Ивана Кириллыча такъ принимали, а съ тобой другой разговоръ будетъ. Да ты что, или мнѣ не вѣришь? А? Это что за новости такія? Гляди мнѣ въ глаза сейчасъ!

Варвара посмотрѣла на Анночку и улыбнулась.

— Ну, то-то! Чтобы я этакихъ кислыхъ рожъ у тебя больше не видала. Знаешь ты меня, Варя: что̀ я сказала, то и будетъ. А я что сказала? Черезъ недѣлю укладывай свои пожитки, въ городъ поѣдешь.

— А я-то какъ же останусь? — сказалъ Иванъ Кириллычъ, изумленный и опечаленный.

Варвара и Анночка взглянули на него, и имъ стало его жаль.

— Ну, что же дѣлать, Ваня, ужъ придется тебѣ подождать,— сказала Анночка въ раздумьѣ. — Сразу васъ обоихъ я не могу въ городѣ пристроить. Можетъ-быть, потомъ какъ-нибудь... Да ты что? Никакъ ужъ раскисъ?

— Да вѣдь какъ же, Анночка... вѣдь одинъ я останусь... Совсѣмъ пропаду... Только на кулачкахъ драться останется.

— Глупости! Объ кулачкахъ ты и думать не смѣй. Зачѣмъ пропадать? Мы тебѣ будемъ письма писать, я книгъ пришлю. Читай побольше, а тамъ видно будетъ. Да и какъ это ты одинъ останешься? А Ѳомка-то косорукій?

— Ѳомка тоже въ городъ собирается. Тамъ, говорятъ, есть училище такое, гдѣ рисовать задаромъ учатъ, вотъ онъ и наладилъ туда идти. Разбредутся всѣ, а мнѣ, стало-быть, крышка... Ишь ты вѣдь, какъ сразу все перевернулось: и школы нѣтъ, и ничего нѣтъ... Остается одно—въ батраки наниматься!

Ни Анночка, ни Варя ничего не могли сказать ему въ утѣшеніе. И всѣ трое грустно задумались въ грустной тишинѣ умирающаго дня.

В. І. Дмитріева.

ПРОБУЖДЕНІЕ

Какая боль вѣковъ въ одномъ мгновеньѣ,
Когда въ душѣ моей подъемлютъ споръ
Сонъ, тихо умирающій, и бдѣнье.
Какъ скорбенъ ихъ безсловный разговоръ.

Я никогда еще не пробуждался
Съ сознаніемъ блаженнымъ: я живу.
Послѣдній сонъ мнѣ на душу спускался,
Какъ злой туманъ на блеклую траву.

А тамъ, въ душѣ, далеко отъ сознанья,
Прекрасенъ, тихъ, невиненъ и жестокъ,
Скрывая дрожь и радость прозябанья,
Таился смерти дремлющій цвѣтокъ.

Какая боль вѣковъ въ одномъ мгновеньѣ,
И голосъ мой дрожалъ, въ слезахъ звеня;
„О, подожди, земное пробужденье,
О, встань, заря таинственнаго дня!“

П. Соловьева.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи *).

(Окончаніе.)

VIII.

Съ аттестатомъ зрѣлости въ карманѣ я пріѣхалъ изъ Пскова въ Казань, разсчитывая поступить тамъ на историко-филологическій факультетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ занять первенствующее положеніе въ веденіи отцовскихъ дѣлъ.

Но прошло нѣсколько недѣль—и я убѣдился, что мы съ отцомъ вмѣстѣ ужиться не можемъ. Мы разно понимали жизнь и людей и оба отличались большой стойкостью взглядовъ. И я рѣшилъ опять уѣхать въ Петербургъ, чтобы идти своей дорогой.

Отецъ ни за что не хотѣлъ отпускать меня, я ни за что не хотѣлъ остаться. Но я не просилъ у него теперь никакихъ средствъ къ существованію; я взялъ заимообразно двадцать пять рублей у двоюроднаго брата и съ этими деньгами поѣхалъ въ Петербургъ. Я былъ молодъ, я хотѣлъ доказать, что обойдусь теперь безъ посторонней помощи, и, конечно, всего менѣе думалъ о помощи Божіей. У меня были золотые часы съ цѣпочкой: я ихъ заложилъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ за пятьдесятъ рублей и изъ нихъ сорокъ запечаталъ въ конвертъ, чтобы сохранить ихъ нетронутыми для взноса въ университетъ за слушаніе лекцій, десять рублей заплатилъ за мѣсяцъ впередъ

*) См. ноябрь, стр. 104.

за меблированную комнату, а оставшіеся еще рубли отъ взятыхъ на дорогу заплатилъ за газетныя объявленія о томъ, что ищу уроковъ. И затѣмъ—голодалъ.

Я уже три дня не обѣдалъ, когда по счастливой случайности получилъ мѣсто репетитора въ очень хорошей семьѣ, съ полнымъ пансіономъ и всего съ семью рублями въ мѣсяцъ жалованья: мнѣ предложили то, что получалъ мой предшественникъ. Я былъ на седьмомъ небѣ, я считалъ себя совершенно обезпеченнымъ.

Разныя соображенія заставили меня въ то время измѣнить мое первоначальное намѣреніе поступить на историко-филологическій факультетъ. Я поступилъ въ Технологическій. Эта зима была для меня суровой школой жизни и работы.

Какъ нѣкогда латинскій языкъ, такъ теперь увлекала меня математика,—увлекала своей отвлеченностью, стройностью, незыблемостью формулъ. Знакомство съ высшими отдѣлами математики открывало мнѣ путь къ небу, сближало меня съ міромъ хотя и видимымъ, но недосягаемымъ. Я какъ будто чувствовалъ, что, только изощряя умъ въ отвлеченныхъ выводахъ математическихъ теорій, и только измѣряя повидимому неизмѣримыя міровыя пространства, можно постичь все величіе того Невѣдомаго, кому имя можетъ быть *Богъ*. Какъ это всегда со мной бывало—ближайшее, практическое интересовало меня меньше, чѣмъ далекое, отвлеченное, ненужное. Меня охватила страсть къ астрономіи. Въ Технологическомъ не преподавали ея, и я всѣ свободные часы, какими могъ располагать, проводилъ въ Публичной библіотекѣ, перечитывая „Космосъ“ Гумбольдта, поверхностно мнѣ знакомый уже съ дѣтства, и читая вновь—какъ вѣрующій читалъ бы Евангеліе—„Mécanique céleste“ Лапласа. Я не читалъ въ этой „небесной поэмѣ“ всего по порядку, не читалъ многихъ подробностей, имѣвшихъ спеціально научный характеръ,—я читалъ избранныя мѣста, то, что меня захватывало, какъ великая повѣсть о жизни вѣчныхъ свѣтилъ. Я находилъ въ этомъ удовлетвореніе тому чувству, которое охватило меня еще въ Псковѣ, когда я готовился къ послѣднему гимназическому экзамену и былъ увлеченъ космографіей. Космографія и тригонометрія открыли мнѣ уже тогда тѣ тайны, съ помощью которыхъ человѣкъ получаетъ о жизни неба такія же свѣдѣнія, какъ о томъ, что совершается на землѣ. Въ дѣтскіе годы, когда я читалъ Бюхнера и отвергалъ Бога, я принималъ науку еще только на вѣру. Тогда я тому, что говорятъ ученые, долженъ былъ довѣрять такъ же слѣпо, какъ вѣрующіе въ священное

писаніе довѣряютъ тѣмъ пророкамъ и апостоламъ, которые говорятъ о бывшемъ имъ божественномъ откровеніи. Теперь я зналъ, что точность вычисленія разстояній между звѣздами несомнѣнна, и что я самъ, при помощи данныхъ инструментовъ, могу измѣрить эти разстоянія такъ же точно, какъ величину моего стола и лежащей на немъ книги. Чрезъ спектральный анализъ я зналъ, что я дѣйствительно могу опредѣлить, какіе металлы находятся въ расплавленной массѣ солнца. Я зналъ, кромѣ того, что это далеко еще не все, что̀ человѣчество можетъ знать и рано или поздно узнаетъ, и что откровеніе, которое нисходитъ на людей науки, отличается отъ откровенія богослововъ и пророковъ тѣмъ, что однажды открывшаяся научная истина становится доступной, осязательной для всѣхъ: каждый можетъ ее *провѣрить*. И я былъ страшно гордъ этимъ.

Въ числѣ предметовъ, преподававшихся въ Технологическомъ, было и богословіе. Какъ добросовѣстный студентъ, пошелъ на одну лекцію и я. Я былъ тамъ въ числѣ тѣхъ десяти человѣкъ, которые изъ нѣсколькихъ сотъ первокурсниковъ заглядывали туда иногда изъ любопытства. Но послѣ этой единственной лекціи я уже всѣ часы богословія отдавалъ какимъ-нибудь другимъ занятіямъ. И худо ли это, хорошо ли—не сужу, но долженъ сознаться, что я и посейчасъ не знаю, въ чемъ состоитъ богословіе, которое преподается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я только хорошо помню, что никто изъ знакомыхъ мнѣ товарищей по курсу не интересовался ни этимъ богословіемъ, ни религіозными вопросами вообще. И когда я, просидѣвъ, бывало, въ Публичной библіотекѣ два-три часа за „Mécanique céleste“, выходилъ оттуда въ такомъ возвышенномъ настроеніи, точно я провелъ это время въ молитвѣ, въ храмѣ, мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться этимъ настроеніемъ,—я переживалъ его одинъ.

Но если самое это настроеніе я могу назвать религіознымъ, то слова: *нашъ* Богъ, *наша* вѣра—приходили мнѣ тогда на умъ скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ благоговѣйномъ смыслѣ. Научное ознакомленіе съ величіемъ вселенной заставляло меня понять все ничтожество человѣка въ ряду всего существующаго и всю сказочность религіозныхъ домысловъ о происхожденіи міра и появленіи первыхъ людей на землѣ, объ общеніи боговъ съ людьми и объ исполненіи богами людскихъ просьбъ, о божьихъ карахъ за людскія прегрѣшенія. А въ то же время я проникался благоговѣніемъ предъ величіемъ этого ничтожнаго существа, имя которому — человѣкъ. И я готовъ былъ обоготворить тотъ маленькій комочекъ мозгового вещества, который давалъ

мнѣ возможность постичь весь этотъ необъятный міръ и мое отношеніе къ нему!

Было совершенно естественно, что въ моемъ тогдашнемъ увлеченіи науками *положительными* я не замедлилъ ознакомиться съ *позитивной* философіей, хотя знакомство ограничилось пока чтеніемъ Контова „Катихизиса“ (Cathéchisme positiviste), изъ котораго я извлекъ ученіе о „Религіи Человѣчества“. Правовѣрнымъ контистомъ я не сталъ отъ этого чтенія. Но зато я готовъ былъ тогда же признать, что, за невозможностью пока проникнуть къ *невѣдомому* Богу, обожествленіе *человѣчества* въ его цѣломъ, какъ лучшаго, что̀ намъ извѣстно въ мірѣ—это хорошая морально-практическая религія для позитивиста, не желающаго лишиться надежды на безсмертіе или на подобіе его на землѣ въ сліяніи съ Богомъ-Человѣчествомъ. Я не чувствовалъ потребности примкнуть къ этой религіи и принять ея іерархію,—моя душа хотѣла въ этомъ отношеніи анархической свободы,—но мнѣ казалось, что религіозная схема Конта, какъ переходная ступень прогресса, менѣе другихъ можетъ мѣшать правильному развитію гармоничнаго существованія всѣхъ народовъ міра во взаимномъ мирѣ и любви. Предложенная Контомъ полная замѣна „правъ человѣка“ исключительно „общечеловѣческими обязанностями“ не должна мѣшать расцвѣту отдѣльной личности, разъ *всѣ* будутъ жить *для другихъ*, а не каждый только для себя.

IX.

Технологомъ сдѣлаться мнѣ не пришлось. Не дослушавъ перваго курса, я долженъ былъ опять уѣхать въ Казань по отцовскимъ дѣламъ.

Вскорѣ мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ этимъ формальнымъ совершеннолѣтіемъ, я сдѣлался и фактически самостоятельнымъ, независимымъ гражданиномъ: отецъ далъ мнѣ въ собственность одинъ изъ своихъ винокуренныхъ заводовъ,—тотъ, на которомъ прошло мое дѣтство. Я вступалъ въ новую полосу моей жизни. Мнѣ предстояло на свой рискъ и страхъ вести дѣло, обремененное долговыми обязательствами предъ отцомъ и предъ посторонними кредиторами, дѣло, дававшее за послѣдніе два года убытки. Взяться за него можно было только не имѣя что̀ терять, только въ надеждѣ на молодыя силы. Мнѣ предстояла большая черная работа. И мнѣ было въ

это время уже не до метафизики, не до Бога, хотя бы даже въ контовскомъ воплощеніи его въ Человѣчествѣ. Если еще раньше, живя въ Москвѣ, я подмѣнилъ вопросъ о существованіи Бога и *божескихъ* законовъ вопросомъ *о цѣли жизни* и о законахъ достойнаго *человѣческаго* существованія, то теперь самый вопросъ о цѣли жизни сводился къ ближайшей задачѣ — укрѣпить ту почву, на которую я всталъ для обезпеченія себѣ благосостоянія, для пріобрѣтенія средствъ, которыя дали бы мнѣ возможность быть гражданиномъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Я былъ тогда весь подъ впечатлѣніемъ Некрасова:

„Ахъ, будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ.“

Я былъ купцомъ по роду дѣятельности, я хотѣлъ быть гражданиномъ по сущности.

Живо помню мой пріѣздъ на заводъ въ качествѣ его владѣльца. Я провелъ ночь въ дорогѣ, въ почтовой перекладной телѣжкѣ, почти безъ сна. Пріѣхалъ раннимъ утромъ. Но я и не думалъ спать, не думалъ отдыхать. У меня былъ такой нервный подъемъ, какъ будто мнѣ предстояло сейчасъ идти въ битву, изъ которой я навѣрняка выйду побѣдителемъ. Все, что было въ жизни яркаго, свѣтлаго, что было передумано возвышеннаго, что манило надеждами на какую-то еще мнѣ самому невѣдомую, но непремѣнно значительную дѣятельность, — все сливалось въ какое-то солнце, освѣщавшее мнѣ и прошлое, и будущее такъ ярко, какъ ярко было въ тотъ день іюньское солнце на синемъ небѣ. Была суббота. Я поспѣшилъ обѣгать всѣ торговыя помѣщенія, увидѣть всѣхъ служащихъ, познакомиться съ текущими дѣлами конторы, чтобы не откладывать этого до понедѣльника. И потомъ я ходилъ по дому. О, этотъ старый барскій домъ, въ которомъ, съ сѣнями и передними, было въ общемъ тридцать комнатъ! Каждый уголокъ въ немъ мнѣ былъ хорошо знакомъ, въ каждомъ воскресали дорогія дѣтскія и отроческія воспоминанія. Онъ былъ пустъ теперь; всѣ наши переѣхали жить въ Казань. И мнѣ было такъ пріятно чувствовать себя хозяиномъ этого дома, пріятно занять теперь отцовскій кабинетъ, спать на отцовской кровати, что̀ называлось здѣсь *нашимъ*—назвать *моимъ*. Это чувство собственности освѣщало мнѣ бенгальскимъ огнемъ все, что воскресало въ памяти изъ старыхъ воспоминаній въ этомъ домѣ. На душѣ было радостно и въ то же время какъ-то жутко. Жутко отъ сознанія полной свободы и отъ сознанія

власти—хотя и въ этой ограниченной сферѣ, но власти. Тамъ, гдѣ прежде каждый мой шагъ зависѣлъ отъ отцовской воли, гдѣ я всѣ свои дѣйствія долженъ былъ согласовать съ желаніями и чувствами другихъ — теперь было мое царство. Не только во всемъ моемъ домѣ, не только во всемъ моемъ торговомъ дѣлѣ, но и во всемъ маленькомъ уѣздномъ городкѣ не было никого, кто могъ бы какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь стѣснить свободу моихъ дѣйствій, моихъ чувствъ, мыслей.

Я помню, уже вечерѣло, когда я, все осмотрѣвъ, все припомнивъ, мысленно многое переживъ, стоялъ въ свѣтломъ настроеніи у открытаго окна, облокотившись на старый рояль, съ которымъ у меня было связано столько дорогихъ воспоминаній о миломъ нѣмцѣ Б. Я смотрѣлъ на зеленѣвшій передъ домомъ лугъ, на расходившіяся въ небѣ перистыя облачка—и можетъ-быть былъ близокъ къ религіозному настроенію. И вдругъ, среди полной тишины, какая только можетъ быть въ тихій лѣтній вечеръ на окраинѣ уѣзднаго городка, раздался тихій, меланхоличный ударъ колокола, къ вечернѣ:

— Бо-о-ммъ!..

Я никогда не думалъ прежде, что отраженіе старыхъ чувствъ можетъ еще быть такъ сильно чрезъ такой большой промежутокъ времени.

Точно кто ударилъ меня въ спину: я вздрогнулъ отъ неожиданности удара, сердце сжалось, точно оно въ самомъ дѣлѣ замерло отъ этого благовѣста. Все, что я пережилъ въ дѣтствѣ, когда этотъ благовѣстъ отрывалъ меня отъ рыбной ловли, отъ музыки, всѣ жуткія ощущенія тогдашняго сознанія своего безсилія предъ чужой волей, безпощадно влекущей отъ пріятнаго къ непріятному, все униженіе безправія младшаго предъ старшимъ, вся ненависть къ путамъ, которыя во имя формы сковываютъ свободное проявленіе духа, — все воскресало въ памяти. А церковный колоколъ посылалъ ударъ за ударомъ:

— Бо-о-ммъ!.. бо-о-ммъ!..

Нервное, почти болѣзненное состояніе охватило меня.

И это впечатлѣніе неизгладимо сохранилось у меня до сихъ поръ.

Я зналъ, что никто уже не потащитъ меня ни ко всенощной, ни къ обѣднѣ. Я зналъ, что теперь, въ качествѣ владѣльца завода, я буду приглашать поповъ по обычаю въ началѣ и концѣ винокуренія, попы эти будутъ приходить ко мнѣ на Рождество и на Пасху, но никто не обязываетъ меня присутствовать при этомъ: принять ихъ можетъ за меня, по довѣренности, управ-

ляющій. Встрѣчу стараго попа—поговорю съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ безъ всякихъ разсужденій о Богѣ, о вѣрѣ, объ обрядахъ. Если будетъ новый попъ, будетъ то же самое, или вовсе не будетъ никакого знакомства. Я зналъ все это, — но еще долго, и въ поздніе годы, церковный благовѣстъ вызывалъ во мнѣ болѣзненное чувство. Я когда-то читалъ, что Валленштейнъ, уже будучи великимъ полководцемъ, боялся пѣнія пѣтуха и дрожалъ, заслышавъ его. И я не разъ вспоминалъ Валленштейна, когда знакомое „бо-о-ммъ!“ вызывало у меня нервный трепетъ.

X.

Моя жизнь въ Царевококшайскѣ въ качествѣ заводовладѣльца была непохожа на ту, которую велъ здѣсь когда-то отецъ. Вмѣсто прежнихъ большихъ доходовъ, приходилось думать, какъ бы свести концы съ концами. И я опростился. Я сшилъ себѣ пиджачную пару изъ сѣраго солдатскаго сукна, совершенно такую же, какую сшилъ прислуживавшему мнѣ въ комнатахъ крестьянскому мальчику; я надѣлъ высокіе сапоги, упростилъ весь складъ моей жизни и отказался отъ всякихъ нужныхъ или ненужныхъ знакомствъ съ мѣстными жителями. Сначала это у многихъ возбудило недовольство. Подыскивали всякія объясненія моей нелюдимости. Потомъ къ этому привыкли. Одни смѣялись надъ тѣмъ, что я рисуюсь, другіе считали меня чудакомъ, третьи—дѣльнымъ человѣкомъ. А я просто только былъ увлеченъ сознаніемъ необходимости работать. Я всей своей дѣятельностью подчеркивалъ, что всякое самое простое, грубое дѣло почтенно. Я работалъ и въ конторѣ въ качествѣ конторщика или кассира, работалъ нерѣдко заполночь и до разсвѣта, работалъ и въ кузницѣ съ мѣдниками и кузнецами, работалъ и съ плотниками; я, какъ печникъ, лазилъ въ узкіе дымовые прогары, когда надо было осмотрѣть неисправность паровика. Не было такой работы, за которую я не взялся бы въ первую голову, если нужно показать примѣръ. Я не хотѣлъ быть ни мужикомъ, ни рабочимъ, потому что я умѣлъ дѣлать многое другое, чего не умѣли они; но я хотѣлъ и самому себѣ, и рабочимъ показать, что еслибы я не умѣлъ быть ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ нихъ, я несъ бы ихъ трудъ если не съ охотой, то съ покорностью, и если не съ такой же выносливостью, то съ такимъ же умѣньемъ, какъ они.

Но напряженная дѣловая жизнь не мѣшала мнѣ находить время, чтобы по прежнему читать, читать, читать. Я устроилъ при конторѣ для своихъ служащихъ библіотеку, въ которую выписывалъ газеты, журналы и разнообразныя книги. Въ то время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печаталась „Анна Каренина“. Я любилъ Толстого за его „Войну и миръ“ и помнилъ, какъ я плакалъ надъ нѣкоторыми страницами этой эпопеи. Съ такимъ же увлеченіемъ принялся я теперь за „Анну Каренину“. Но романъ совсѣмъ не удовлетворилъ меня. Мнѣ, опростившемуся не столько по идейнымъ побужденіямъ, сколько по необходимости, всѣ разсужденія Левина казались несерьезными, барскими. Почти одновременно съ „Анной Карениной“ прочелъ я „Вѣчнаго жида“ Сю. Романъ забавлялъ меня своей фабулой, и я сталъ читать его только въ видѣ отдыха отъ утомлявшихъ меня занятій бухгалтеріей. Но совершенно неожиданно я вынесъ изъ него идею, ставшую съ тѣхъ поръ одною изъ тѣхъ задачъ, которыя я во всю мою жизнь стремился осуществить въ той или другой формѣ. Описаніе фабрики одного изъ „благородныхъ героевъ“ романа навело меня на мысль придать и моему заводскому дѣлу подобіе кооперації. И въ теченіе всего времени, пока я владѣлъ моимъ заводомъ, эта мысль не выходила у меня изъ головы. Я мечталъ организовать дѣло такъ, чтобы одна треть чистой прибыли поступала въ мое распоряженіе, другая треть присоединялась къ основному капиталу, подраздѣленному на оборотный и запасный, а послѣдняя треть раздавалась бы въ дивидендъ между всѣми безъ исключенія служащими и рабочими, пропорціонально получаемому каждымъ жалованью. Я встрѣтилъ въ моемъ управляющемъ ревностнаго сторонника этого проекта, и мы подробно обсуждали его. И если осуществить эту идею намъ не удалось, то только потому, что у меня-то самого въ сущности не было никакого капитала, а только рядъ долговыхъ обязательствъ, обезпеченныхъ имуществомъ и дѣломъ. Проведеніе новшествъ въ это старое дѣло могло по тому времени отразиться на моей кредитоспособности гораздо болѣе неблагопріятно, чѣмъ еслибы я проигрывалъ деньги въ карты. Были и другія, не зависѣвшія отъ меня причины, по которымъ я не могъ выполнить задуманное. Но зато кооперативное начало во всякомъ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ вошло съ тѣхъ поръ однимъ изъ членовъ въ символъ моей житейской вѣры.

Я владѣлъ царевококшайскимъ винокуреннымъ заводомъ почти четыре года. Работа на заводѣ была только зимняя; лѣтомъ я имѣлъ возможность путешествовать. Я побывалъ въ эти годы въ

Германіи и Италіи, во Франціи и въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ. Богатство впечатлѣній, которыя давала мнѣ и художественная, и общественная, и экономическая жизнь этихъ странъ, заставляло меня думать больше о земномъ, чѣмъ о небесномъ: впечатлѣнія религіознаго характера были случайными, побочными. И когда я вернулся изъ своей американской поѣздки домой, я уже сознательно и надолго отстранился отъ всякихъ религіозныхъ вопросовъ. Я сказалъ себѣ: дѣлая обыкновенное житейское дѣло, какъ мнѣ подсказываетъ дѣлать его моя *совѣсть*, я дѣлаю дѣло Божіе, я служу Невѣдомому Богу такъ, какъ это только и доступно мнѣ въ данное время. Такъ думаютъ вѣрующіе и молящіеся, призывая благословеніе Бога на свой трудъ; такъ хотѣлъ думать и я, отказываясь отъ вѣры и молитвы.

И вотъ, одна изъ задачъ, подсказанныхъ мнѣ *совѣстью*— мечта устроить мое винокуренное дѣло на кооперативныхъ началахъ,—оказалась несбыточной. А какъ дѣло только ради доходовъ—оно уже не могло удовлетворить меня. Производство спирта и торговля водкой, на какихъ бы прекрасныхъ началахъ я ни велъ ее, не располагали къ тому, чтобы придавать этой дѣятельности общественное экономическое значеніе. И я уже думалъ о продажѣ завода на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ, чтобы развязаться съ винокуреннымъ дѣломъ и извлечь изъ этой продажи хотя небольшой капиталъ для начала какой-нибудь другой дѣятельности, гдѣ я могъ бы себѣ сказать: ты служишь своей родинѣ и своему народу какъ настоящій гражданинъ.

Не чувствуя никакого влеченія къ дѣятельности разрушительной, я, какъ подвига, всегда жаждалъ дѣятельности созидательной. Теорія „малыхъ дѣлъ“, имѣвшая такое широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ впослѣдствіи, была мнѣ тогда по душѣ. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ я хотѣлъ, чтобы создаваемое мною хорошее на любомъ поприщѣ моей дѣятельности неизмѣнно вытѣсняло все, что мѣшало прогрессу русской жизни. Въ этомъ заключалась моя вѣра того времени; хотя тогда я еще не читалъ Маркса, и марксистскія идеи не были распространены въ русскомъ обществѣ, но уже и тогда я, какъ купецъ, признавалъ, что въ жизни народовъ главная основа — экономическій фундаментъ, а все остальное — легковѣсная надстройка надъ нимъ. Но въ то же время, художникъ въ душѣ, я признавалъ, что самое существованіе экономическаго фундамента только и нужно для того, чтобы возвести надъ нимъ эту легковѣсную надстройку, что если не для нея, такъ самъ по себѣ фундаментъ ни для чего не нуженъ. Слѣдовательно, весь во-

просъ въ томъ, что̀ это за надстройка. И я желалъ явиться въ роли строителя народной жизни и приложить свои силы къ заложенію прочнаго экономическаго фундамента — но фундамента только для такихъ надстроекъ, которыя я считалъ достойными. Я хотѣлъ для себя и для другихъ благосостоянія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, благосостоянія матеріальнаго и духовнаго. Я хотѣлъ богатства, чтобы расточать это богатство на развитіе высокой духовной жизни родного народа. Я видѣлъ у него не только отсутствіе, но и непониманіе культурныхъ потребностей. А моимъ девизомъ были въ то время слова Лассаля изъ его „Книги для рабочихъ“: „Развѣ довольствоваться малымъ дурно? Вѣдь это добродѣтель? Да, передъ проповѣдникомъ христіанской морали ограниченность потребностей — добродѣтель. Это добродѣтель индійскаго факира и христіанскаго монаха, но для историка и экономиста добродѣтель заключается не въ этомъ. Имѣть *какъ можно больше потребностей*, но удовлетворять имъ *честнымъ и пристойнымъ образомъ* — вотъ добродѣтель нашего экономическаго времени“.

Таково было мое настроеніе, когда въ апрѣлѣ 1877-го года была объявлена восточная война. Всѣмъ памятенъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ она была встрѣчена русскимъ обществомъ. Всѣмъ памятно добровольческое движеніе въ Сербію еще задолго до войны, охватившее всѣ слои народа. Оно не осталось безъ вліянія и на меня. Въ 1874-мъ году я подлежалъ призыву по только-что введенной тогда всеобщей воинской повинности; у меня была по семейному положенію льгота перваго разряда, и я въ солдаты не попалъ. Но послѣ объявленія восточной войны я рѣшилъ записаться вольноопредѣляющимся.

Однако идти на войну не значило идти на вѣрную смерть, не значило отречься отъ надежды на пользованіе въ будущемъ всѣми плодами побѣды. И, разумѣется, я хотѣлъ для этого будущаго сохранить и тѣ средства, какія могъ извлечь изъ моего завода. Значитъ, прежде чѣмъ надѣть солдатскую шинель, надо было ликвидировать свои дѣла и выполнить свои долговыя обязательства по отношенію къ отцу и другимъ лицамъ. Какъ ни старался я сдѣлать это спѣшно, дѣло затягивалось, подходящаго покупателя не находилось, и только къ осени это мнѣ кое-какъ удалось: торопясь развязаться съ заводомъ во что бы то ни стало, я продалъ его своему двоюродному брату, человѣку безденежному, на такихъ условіяхъ, что полная ликвидація, а слѣдовательно и полученіе хотя части денегъ, безъ которыхъ я никуда не могъ двинуться, откладывалась до 1-го марта. А между тѣмъ 19-го февраля

1878-го года былъ заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ. На войну я не попалъ.

XI.

Санъ-Стефанскій договоръ засталъ меня, однако, вполнѣ готовымъ къ отъѣзду изъ Царевококшайска. Не только я не жалѣлъ о томъ, что проявившаяся во мнѣ воинственность заставила меня бросить дававшее мнѣ хорошій доходъ дѣло—напротивъ, я былъ благодаренъ этому настроенію, безъ котораго я, можетъ-быть, не такъ бы скоро осуществилъ свое намѣреніе найти себѣ другой родъ дѣятельности.

Послѣ заключенія мира поступать въ военную службу для меня не имѣло уже никакого смысла. Я охладѣлъ и къ общеславянской миссіи русскаго народа. Вмѣсто того, чтобы „прибить Олеговъ щитъ на вратахъ Цареграда“ и водрузить крестъ на Айя-Софіи мы пошли въ Каноссу—на берлинскій конгрессъ. Крушеніе этой мечты заставило меня подвергнуть пересмотру и многія другія изъ юношескихъ моихъ мечтаній. Меня потянуло къ свѣту, къ центру умственной жизни — въ Петербургъ. Разставшись съ заводомъ и Царевококшайскомъ, я рѣшилъ разстаться и съ Казанью. Были еще и особенныя причины, чтобы „покинуть отчій домъ“ навсегда. И уже 1-го марта 1878 года я былъ въ Петербургѣ.

Я начиналъ новую жизнь. Мнѣ было двадцать пять лѣтъ. У меня была обезпеченная рента въ 1.200 рублей въ годъ и полная независимость отъ кого бы то ни было и отъ чего бы то ни было. Я рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности. Еще въ гимназіи я писалъ стихи, писалъ разсказы, театральныя рецензіи, переводилъ Бокаччіо. Все это было только *для себя*. Теперь я рѣшилъ писать уже для печати.

Но первая же моя попытка въ этомъ смыслѣ заставила меня самому себѣ поставить вопросъ: что я хочу сказать тѣмъ или другимъ произведеніемъ, которое я напишу? Сказать непремѣнно *свое*, сказать не то, что я вычиталъ у другихъ писателей разныхъ категорій, а что-нибудь такое, что составляло бы результатъ дѣйствительно пережитого, передуманнаго, наблюденнаго и осмысленнаго. Разсказать просто что-нибудь видѣнное, какъ бы оно ни было интересно, для меня было недостаточно. Непремѣнно нужно указать даже въ обыденномъ явленіи что-нибудь такое, чего не видали въ немъ другіе, о чемъ не говорили другіе. И мнѣ казалось, что я знаю страшно мало, что я

ничего не видалъ. Я самому себѣ показался провинціаломъ. А у меня была большая вѣра въ авторитетъ какого-то особеннаго столичнаго міровоззрѣнія, стоящаго выше міровоззрѣнія провинціальнаго. „Дѣло писателя—дѣло великое и не подъ силу инымъ", твердилъ я самому себѣ. И я рѣшилъ временно отступить и, пока-что, приглядѣться къ столичной жизни, приглядѣться не поверхностно, а проникнувъ въ ея среду.

Ближе всего мнѣ была знакома среда купеческая, жизнь торговаго міра. Я предполагалъ, что, описывая его, я могу что-нибудь сказать новое объ этомъ мірѣ, объ этихъ людяхъ. И чтобъ ознакомиться съ нимъ и въ столицѣ, я поступилъ на службу къ одному богатому фабриканту.

Въ первый мѣсяцъ у меня въ конторѣ было столько свободнаго времени, что я, сидя за конторкой, написалъ разсказъ. Но скоро случилось нѣчто, на что я не разсчитывалъ: я получилъ отъ моего хозяина командировку по торговымъ дѣламъ за границу, и на занятія литературой у меня уже не осталось времени. Мой первый разсказъ остался и донынѣ въ рукописи, а я помимо желанія и воли *втянулся* въ торговлю. И черезъ два года службы въ экспортномъ дѣлѣ, тяготясь служебнымъ положеніемъ, самъ сдѣлался экспортеромъ хлѣбныхъ и льняныхъ товаровъ изъ Россіи за границу.

Эта моя торговая дѣятельность, кончившаяся крупной торговой несостоятельностью, длилась четыре года. Я потерялъ въ ней не только все, что имѣлъ, не только время, силы и здоровье, но и вышелъ изъ нея обремененный неоплатнымъ долгомъ. Но наблюденія и переживанія, которыя мнѣ дали эти четыре года, были для меня чрезвычайно цѣнны. По самому характеру торговли мнѣ приходилось ежегодно предпринимать поѣздки во Францію, въ Англію, въ Германію, а зимой—поѣздки въ самыя глухія села сѣверовосточной Россіи. Я долженъ былъ постоянно соприкасаться съ экономической жизнью народа, съ русскимъ крестьяниномъ, съ русскими мелкими скупщиками, прасолами, съ богатыми купцами, съ пароходчиками, съ биржевиками. Это—съ одной стороны, дома; а съ другой—съ тѣмъ же торговымъ міромъ во Франціи, Англіи и Германіи. Я невольно ознакомился непосредственно съ бытомъ тамошнихъ рабочихъ, тамошнихъ фабрикантовъ, коммиссіонеровъ, банкировъ, портовыхъ рабочихъ, грузчиковъ, перевидалъ немало матросовъ и капитановъ морскихъ пароходовъ. Эта дѣятельная торговая жизнь чрезвычайно увлекала меня. Въ передвиженіи зерновыхъ и льняныхъ товаровъ изъ глухихъ уголковъ Россіи на заграничные рынки было для меня

много своеобразной поэзіи. Лихорадочная работа, съ которой часто совершается все это движеніе, заставляла нервы напрягаться до послѣдней степени, вызывала энергію, подъемъ духа. Для этой поэзіи практической дѣятельности я на время забылъ мечту о дѣятельности литературной, сталъ менѣе внимателенъ къ наукѣ. Я изучалъ жизнь въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ. Но хотя можетъ-быть и нѣсколько меньше, чѣмъ прежде, я все-таки находилъ досугъ, чтобы слѣдить за новинками книжнаго рынка. И этотъ періодъ моей жизни былъ для меня вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ наиболѣе напряженнаго всесторонняго мышленія по поводу встрѣчавшихся на пути явленій.

Повторныя, ежегодныя поѣздки за границу и возвращеніе на родину вызывали у меня неизбѣжное сравненіе убожества жизни русскаго мужика и русскаго рабочаго съ тѣмъ относительнымъ благосостояніемъ, какое я встрѣчалъ, въ громадномъ большинствѣ, у крестьянъ и рабочихъ западной Европы. Встрѣчалъ и тамъ я бѣдность, но крестьянскаго убожества не встрѣчалъ нигдѣ. Нищета тамъ вся какъ будто сосредоточилась только въ столицахъ міра—въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Я твердилъ себѣ тогда только-что вычитанный афоризмъ: „Только вполнѣ сытый человѣкъ можетъ быть духовно свободнымъ, истинно умнымъ, честнымъ и добрымъ“. Голодъ не можетъ способствовать развитію этихъ качествъ, и если острый голодъ не уничтожаетъ ихъ сразу, то хроническій неизбѣжно заставляетъ ихъ атрофироваться. И христіанское ученіе, призывавшее жить какъ птицы небесныя, никогда не казалось мнѣ такимъ вредно дѣйствующимъ на безпечный характеръ русскаго человѣка, какъ въ первый періодъ моей заграничной торговли. Къ русской религіозности я сталъ относиться въ то время съ особеннымъ недружелюбіемъ. Мнѣ приходилось тогда наблюдать религіозность и массъ, и отдѣльныхъ лицъ на Западѣ; но тамъ я какъ-то никогда не замѣчалъ, чтобы она вліяла на бездѣятельность народа. Тамъ—„Божіе Богови, Кесарево Кесареви“. Не то у насъ. Культъ бѣдности, какъ состоянія необходимаго для святости, проникъ у насъ чрезъ писателей, вышедшихъ изъ духовнаго сословія, и чрезъ „кающагося дворянина“ во всю нашу литературу. Если Евангеліе учило вѣрующихъ, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе“, то литература, въ лицѣ ея передовыхъ представителей, учила насъ, что всякій богатый непремѣнно эксплоатируетъ бѣдняковъ. Быть богатымъ было если и не совсѣмъ стыдно, то стыдновато. Богатство было у насъ всегда грѣхомъ, который могъ въ извѣст-

ной мѣрѣ искупаться добродѣтелями, но лучше, еслибъ самого грѣха совсѣмъ не было. Бѣдность была всегда какъ бы удостовѣреніемъ честности,—богатство означало: „оставленъ въ подозрѣніи“. Любимъ Торцовъ, говоря: „бѣдность не порокъ“, въ сущности выражалъ болѣе опредѣленный взглядъ всего православнаго народа русскаго: „бѣдность—добродѣтель, *христіанская* добродѣтель; и если мы стремимся къ богатству, то это по слабости духа нашего, по соблазну дьявольскому“.

Мой умъ, мой характеръ, все мое „я“, сложившееся подъ вліяніемъ воспитанія въ извѣстной средѣ, не мирилось съ такимъ міровоззрѣніемъ. Для меня богатство было благомъ, къ которому каждый долженъ стремиться, чтобъ имѣть возможиость распространять это благо на другихъ и содѣйствовать этимъ другимъ дѣлаться богатыми, а слѣдовательно — и духовно независимыми и совершенными. Для меня это былъ прямой и единственно вѣрный путь къ совершенствованію земной жизни человѣка, къ совершенствованію всего человѣчества. Сословіе богатыхъ, поставившее своей цѣлью не мелкое личное наслажденіе, а идею обожествленія человѣчества по Конту, имѣло бы возможность осуществлять теорію подбора лучшихъ особей въ свое сословіе, а также рожденіе и воспитаніе ихъ въ своемъ сословіи, для того, чтобъ пріобщить къ нему постепенно всѣхъ способныхъ войти въ грядущее царство Бога-Человѣчества. Отголосокъ этихъ тогдашнихъ мечтаній моихъ прозвучалъ у меня потомъ въ бытовой драмѣ моей: „Озими“.

Но если и тогда уже я не закрывалъ глазъ на утопичность такихъ мечтаній, если и тогда уже я понималъ, какія препятствія встрѣтитъ желанный подборъ идеальнаго „сословія богатыхъ“, и какъ легко и незамѣтно можетъ богатство-средство превращаться въ самоцѣль, то съ другой стороны мое отрицательное отношеніе къ религіозности русскаго народа все-таки росло по мѣрѣ того, какъ росли мои наблюденія надъ жизнью. Библія сказала мнѣ, что „избранному народу Божію“ обѣщано владычество надъ міромъ посредствомъ накопленія богатства. Жестокій Богъ „жестоковыйнаго“ Израиля былъ чуждъ мнѣ по духу, его обѣщаніямъ я не придавалъ вѣры, и для меня, какъ не-еврея, всѣ они не имѣли никакого значенія,—но я видѣлъ, какъ богатство, въ чьихъ бы рукахъ оно ни было, захватывало власть надъ міромъ. Это въ своемъ родѣ физическій законъ всеобщаго тяготѣнія. А христіанство, въ его чистомъ видѣ, должно было вести или къ добровольному рабству — къ подчиненію богатству, — или къ бунту противъ богатства, къ разру-

шенію его для освобожденія рабовъ, не признающихъ счастія и свободы внѣ состоянія бѣдности. Меня ничуть не утѣшало, что и Эпиктетъ былъ рабомъ. Я предпочелъ бы, чтобы Эпиктеты были владыками, и Эпафродиты подчинялись ихъ нравственному вліянію, а не ломали имъ ногъ палками. И если самъ Эпиктетъ считалъ свое стоическое ученіе выше христіанскаго, я относился критически и къ максимамъ Эпиктета. Онъ говорилъ, что „власть— это позолоченная цѣпь, которая скоро ржавѣетъ", а я думалъ: отчего бы не сдѣлать ее изъ чистаго золота, изъ золота ума и сердца?

И мнѣ хотѣлось тогда, чтобы среди насъ возсталъ новый пророкъ, который оправдалъ бы предъ всѣмъ міромъ все то добро, которое христіанство и стоицизмъ такъ долго клеймили именемъ зла, и въ то же время, во имя христіанскихъ и стоическихъ началъ, сокрушилъ бы тотъ духъ жестокости, нетерпимости и всяческаго угнетенія, которымъ проникнута каждая страница Ветхаго Завѣта.

Вотъ мысли, которыя занимали меня тогда.

Моя жизнь въ Казанской губерніи, среди татарскаго населенія, дала мнѣ немало случаевъ убѣдиться въ той ходячей истинѣ, что магометанская религія, и не что иное, какъ только религія, а не расовыя особенности, привела жизнь магометанскихъ народовъ въ каталептическое состояніе. Стоитъ вспомнить одного калифа Омара, сжигающаго Александрійскую библіотеку. А рядомъ съ очевиднымъ вліяніемъ магометанства на косность татаръ я постоянно видѣлъ и притупляющее вліяніе многихъ христіанскихъ вѣрованій на русскій народъ. Я видѣлъ, какъ у насъ сумѣли сдѣлать изъ религіи источникъ всякихъ препятствій для правильной работы и правильнаго образа жизни. И наши изнурительные посты въ страдное время, когда изнурительная работа, производимая организмомъ, требовала бы и усиленнаго питанія его; и наши праздники, мѣшающіе производить пахоту или посѣвъ въ то время, когда благопріятствуетъ погода и отодвигающіе эту работу на тѣ дни, когда погода испортилась; и многое другое, что̀ прямымъ или косвеннымъ образомъ вредно вліяетъ на благосостояніе народа; и чисто языческое пьянство и обжорство, отъ котораго люди, подъ вліяніемъ массоваго внушенія, никакъ не могутъ отказаться въ праздничный день—все это заставляло меня тогда относиться къ религіозности русскаго народа съ неизмѣнно возраставшей враждебностью. Многія явленія русской жизни, которыя другихъ способны были при-

вести въ умиленіе, вызывали у меня негодованіе. Вотъ на базарѣ неграмотная, но благочестивая баба предъ плутомъ торговцемъ. Онъ ее обмѣритъ, обвѣситъ, обсчитаетъ. Попробуйте предупредить ее, она вамъ отвѣтитъ: „такъ что-жъ, на ёмъ грѣхъ-отъ будетъ!“ Славянофилы могутъ воскликнуть: „какая вѣра, какая кротость!“ А мнѣ въ такихъ случаяхъ думалось: „какая ничѣмъ непобѣдимая тупость!“ Отъ такой вѣры—одинъ шагъ до отчаяннаго, безсмысленнаго невѣрія. Вотъ картинка. Денно и нощно плачущую бабу въ неутѣшномъ горѣ о покойномъ мужѣ ласково утѣшаетъ сосѣдка: „Ты Богу больше молись“. — А та, вся въ слезахъ, безнадежно махнула рукой: „Молилась... Глаза-то мои не глядѣли бы на Бога-то!“

Каждое лѣто, отправляясь въ тѣ годы за границу, я съ восторгомъ наблюдалъ тамъ все умножавшіяся колоннады фабричныхъ трубъ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи вся жизнь напоминала мнѣ на каждомъ шагу о растущемъ народномъ благосостояніи. Я чувствовалъ на себѣ вліяніе массоваго внушенія труда: я дѣлался энергичнѣе. Предо мной въ нагроможденіи впечатлѣній отъ новѣйшихъ промышленныхъ построекъ какъ-то незамѣтно тонули всѣ старые средневѣковые храмы, не смотря на ихъ бьющую въ глаза грандіозность. Для меня всѣ они вмѣстѣ взятые были только кладбищемъ прошлаго, памятниками духовнаго развитія— и въ то же время духовнаго порабощенія—тѣхъ народовъ, которые ихъ воздвигли. А въ новѣйшей кипучей промышленной жизни и міровой торговлѣ этихъ странъ я видѣлъ колыбель будущаго объединенія всѣхъ народовъ въ одинъ міровой торгово-промышленный союзъ, залогъ общаго мира и благоденствія.

Когда, мѣсяца два-три побывъ за границей, я возвращался потомъ въ Россію, опять—точно тяжелый сонъ—ползли на меня по унылой, плохо воздѣланной равнинѣ ряды покосившихся, крытыхъ соломою избъ... За ними—жалкіе уѣздные города, сонные, неподвижные, бѣдные... И вездѣ, на фонѣ нашего сѣренькаго сѣвернаго пейзажа, красивымъ, но одинокимъ пятномъ, выдѣлялись золоченые кресты, а иногда и золоченые куполы безчисленныхъ и старыхъ и новыхъ церквей. И онѣ раздражали меня, эти церкви: въ нихъ прежде всего, больше всего въ нихъ, я видѣлъ причину нашей бѣдности, нашей неподвижности. За границей я вездѣ слышалъ свистки фабрикъ, гулъ машинъ, стукъ парового молота, а дома—то заунывный благовѣстъ, то какой-то безшабашно удалой трезвонъ. И подъ этотъ звонъ я не разъ думалъ: „лучшая задача всѣхъ друзей человѣчества—разрушеніе

вѣры въ божественное происхожденіе всѣхъ существующихъ религій".

XII.

Но вскорѣ за внѣшними впечатлѣніями, какія давала мнѣ заграничная жизнь, у меня явились впечатлѣнія отъ нея и болѣе глубокія, болѣе обоснованныя. Я узналъ, что и тамъ далеко не все то золото, что блеститъ; я познакомился и съ тяжелыми условіями, въ которыхъ живетъ западно-европейскій пролетаріатъ, и съ положеніемъ женщины на Западѣ, и съ тѣмъ пьянствомъ, которымъ славятся Англія и Ирландія, и съ причинами, его вызывающими, — и тогда, снова вдумываясь въ русскую жизнь, я увидалъ все, что въ ней есть прекраснаго, скрытаго иногда подъ неприглядным обличіемъ русской деревни, какъ бываютъ скрыты подъ грубымъ армякомъ золотое сердце и подъ рваной мужицкой шапчонкой проницательный природный умъ.

Ближайшее изученіе иностранной жизни и ознакомленіе со складомъ ума, съ душевнымъ настроеніемъ народовъ Запада, научило меня не только извинять нѣкоторыя темныя стороны нашего быта и характера русскаго народа, но въ особенности цѣнить и любить то, что называется нашими свѣтлыми сторонами. И теперь—въ числѣ ихъ—на первомъ мѣстѣ была религіозность. Я не могу сказать, что со мной совершился какой-нибудь переломъ, что-нибудь особенно рѣзкое. Нѣтъ, новое отношеніе къ русской жизни создалось какъ-то незамѣтно,—очевидно, подъ вліяніемъ повторнаго наблюденія однихъ и тѣхъ же явленій жизни и дома, и за границей. Я уже не помню случаевъ и поводовъ, вызывавшихъ у меня эти настроенія, но я помню годы, когда я, возвращаясь изъ заграничныхъ поѣздокъ, смотрѣлъ на куполы и кресты нашихъ церквей уже не съ отвращеніемъ, какъ еще недавно, но съ вѣрой въ то, что именно въ этихъ храмахъ кроткій душою русскій человѣкъ находитъ то умиротвореніе, то доступное ему на землѣ тихое, свѣтлое счастіе, какого онъ только и желаетъ и какого не въ состояніи были бы дать ему, на его теперешней ступени развитія, никакія самыя лучшія учрежденія современной западно-европейской культуры.

Помню, возвратился я какъ-то разъ изъ Франціи въ очень мрачномъ настроеніи. Не понравились мнѣ тамъ люди, — не высшіе слои, которые во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе интернаціональны и пестры, а тѣ, кого принято называть *народомъ*. Мнѣ приходилось сталкиваться во Франціи довольно

часто съ простыми рабочими, иногда съ крестьянами; у меня не разъ являлось желаніе проникнуть въ ихъ душу, и почти никогда не находилъ я у нихъ отзывчивости ни на какіе вопросы высшаго порядка. Богъ, нравственность, право, патріотизмъ, взаимныя отношенія народовъ,—о чемъ ни спросишь, всѣ отвѣты съ оттѣнкомъ чисто практическаго отношенія къ жизни: выгода—и притомъ *ближайшая* выгода — на первомъ планѣ.

Я хорошо понималъ, что этотъ матеріализмъ и долженъ былъ оказаться причиной той высокой внѣшней культуры, которая такъ привлекала меня у народовъ западной Европы. Но въ этой богатой красотою культурѣ мнѣ недоставало теперь одного: исканія *связи* всего совершающагося на землѣ съ невѣдомой конечной цѣлью бытія и съ невѣдомой первопричиной ея. Мыслители, поэты, художники — да, между ними вездѣ и всегда есть эти ищущіе; но масса, народъ — нѣтъ. Западные европейцы представлялись мнѣ дальше отъ Невѣдомаго Бога, чѣмъ мы, русскіе. Потому ли, что я ближе зналъ русскую жизнь, *родное* чувствовалъ ее, или, дѣйствительно, западный человѣкъ черствѣе сердцемъ, но я нигдѣ не находилъ тамъ, въ чужихъ краяхъ, той мятущейся души народной, которая неуловимо касалась моей души въ такихъ явленіяхъ русской жизни, гдѣ предъ лицомъ вѣчности всѣ важныя мелочи нашего существованія кажутся большими ничтожностями. Бываютъ минуты, когда всякое достигнутое земное благополучіе начинаетъ казаться ненужнымъ, если только оно не находится въ связи съ тѣмъ, что можно и нужно предположить вѣчнымъ. Всѣ религіи — только попытка создать эту связь. Но уже одно разнообразіе религій показываетъ, что настоящая связь и до сихъ поръ не найдена. Пока она только и можетъ быть въ исканіи и въ неопредѣленномъ желаніи жить по Божьи, жить по тому закону Божію, который называется человѣческой совѣстью. И вотъ, когда мнѣ, по роду моей торговой дѣятельности, приходилось теперь часто сталкиваться съ простонародьемъ и, рядомъ съ явленіями отрицательнаго характера, встрѣчать въ народной массѣ, еще не проникнутой никакимъ просвѣщеніемъ, это широко развитое чувство совѣсти, выраженное словами: „по Божески“,—я часто, очень часто не могъ не отдавать убогой мѣщанкѣ—русской народной жизни—предпочтеніе передъ изящной дамой—культурной Европой. И теперь фабричныя трубы европейскихъ промышленныхъ городовъ уже не радовали меня, какъ символъ высшаго благополучія, какого можетъ достигнуть человѣчество, а русскіе

храмы, которые еще недавно возмущали меня своимъ множествомъ, теперь уже не казались мнѣ такими ненужными, какъ прежде.

Мнѣ лично молитвенное настроеніе въ обычномъ смыслѣ слова было и въ тѣ годы совершенно несвойственно; я только понималъ, признавалъ и уважалъ его у другихъ, когда я былъ увѣренъ въ его искренности, чистотѣ и непосредственности. Но мнѣ было трудно дать себѣ отчетъ, почему мнѣ стала вдругъ такъ близка именно *русская* религіозность. Вѣдь искреннее молитвенное настроеніе знакомо и народамъ западной Европы. Почему же мнѣ казалось, что ихъ религіозное чувство нѣсколько иного порядка, чѣмъ то же чувство у русскаго народа? Подыскивая опредѣленіе разницы между этими двумя оттѣнками чувства, я не нашелъ болѣе яснаго выраженія моего отношенія къ нимъ, какъ взявъ сравненіе съ настроеніями, какія могутъ возбудить два рода картинъ: съ одной стороны — жанръ, съ другой — пейзажъ.

Жанровая картина можетъ дать очень сильное настроеніе, но всегда одно, всегда строго опредѣленное — то, которое соотвѣтствуетъ ея *ограниченному* содержанію. Пейзажъ, напротивъ, даетъ настроеніе болѣе мягкое, менѣе сильное и опредѣленное, но зато болѣе широкое, болѣе свободное. Жанръ можетъ подчинить себѣ — пейзажъ вызываетъ въ душѣ то, что именно этой душѣ индивидуально свойственно. Жанръ — это жизнь человѣческая, такая, какою она создается самими людьми, такая, какая можетъ быть измѣнена людьми въ ту или другую сторону. Пейзажъ — это сама природа, неизмѣнная, вѣчная; это непосредственная связь души человѣческой съ божествомъ.

Вотъ такая-то разница настроеній всегда чуялась мнѣ и въ религіозности христіанъ Запада при сравненіи ея съ религіозностью простого русскаго человѣка.

Помню, вернувшись изъ-за границы съ такими мыслями и сразу же попавъ по своимъ торговымъ дѣламъ на базары въ селахъ и деревняхъ, я какъ-то на одной изъ станцій, въ ожиданіи, пока перепрягали лошадей, зашелъ изъ любопытства въ сельскую церковь. Благовѣстили къ вечернѣ. Но священника еще не было, и только одинъ за другимъ начали собираться молящіеся. Въ небольшой церкви было всего нѣсколько человѣкъ. Церковный сторожъ ходилъ отъ иконы къ иконѣ, зажигая свѣчи. Какая-то женщина молилась на колѣняхъ предъ иконой Божіей Матери. Была ранняя осень, начало сентября, было еще тепло, а молившаяся женщина была въ полушубкѣ, хотя раз-

стегнутомъ и распахнутомъ. На головѣ бѣлый бумажный платокъ. Блѣдная, худая, она казалась больной. Выразительные темные глаза были подняты къ высоко висѣвшему надъ ея головой образу. Она крестилась истово, медленно, губы ея что-то шептали. И мнѣ вспомнились Некрасовскія строки:

„Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжелѣ стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.“

Я былъ тогда вообще подъ сильнымъ вліяніемъ Некрасова, но никогда я не чувствовалъ такъ всю глубину его чисто русской поэзіи и истинной любви къ народу, какъ въ эту минуту. Я не всталъ на колѣни, я не бился челомъ о мраморныя плиты,—я былъ увѣренъ, что и самъ Некрасовъ этого не сдѣлалъ,—но я чувствовалъ, что въ словахъ поэта нѣтъ ни одного преувеличенія. Мое внутреннее духовное „я“ въ это время было распростерто ницъ рядомъ съ этой молящейся женщиной и вмѣстѣ съ ней и за нее взывало къ небу объ утоленіи ея скорби.

Я пробылъ въ храмѣ дольше, чѣмъ хотѣлъ, и, выходя изъ него, я чувствовалъ, что мое сердце было полно любви къ моему родному народу, любви именно за то, что еще такъ недавно казалось мнѣ его слабой стороной, казалось тѣми чертами его характера, которыя мѣшали ему идти впередъ, въ ногу съ другими народами.

Когда, немного спустя, я трясся въ своемъ тарантасѣ по скверной проселочной дорогѣ, гдѣ недавно разведенная осенними дождями грязь уже успѣла засохнуть въ кочки, а незначитель-

ное число проѣзжающихъ здѣсь телѣгъ и экипажей еще не успѣло укатать ее, я, подпрыгивая на мало-упругихъ дрогахъ, опять проклиналъ нашу русскую жизнь, нашу скверные порядки, нашу некультурность, и опять вспоминалъ Некрасова:

„О мечты! О волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы—
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй...“

Мы всѣ немножко „рыцари на часъ“. Въ стремленіи ли побѣдить міръ и раздвинуть наши границы до океана, въ стремленіи ли создать благополучіе родного народа, или въ порывахъ къ небу, въ готовности во имя божескихъ идей отбросить всѣ сатанинскія приманки земной культуры и, ища единенія съ Невѣдомымъ, погрузиться въ „недѣланіе“, мы всѣ — „рыцари на часъ“. Является какой-нибудь внѣшній толчокъ — мы уже свернули съ колеи, мы „ребенка слабѣй“...

Я только-что молился духовной красотѣ простой русской жизни, а уже сейчасъ же я былъ готовъ презирать эту жизнь за то, что она, именно она, съ своей духовной красотой, красотой мужицкой простоты, не даетъ мнѣ ни шоссейныхъ дорогъ, ни другихъ удобствъ культурной жизни. Настроеніе некрасовское смѣнилось настроеніемъ щедринскимъ.

XIII.

Въ этотъ годъ мнѣ предстояло жениться. Необходимо было свидѣтельство объ исповѣди и причастіи. Со времени пребыванія въ гимназіи я ни разу не исполнялъ этого обряда. Нужно было сдѣлать это теперь. Я въ это время находился въ Петербургѣ. Мнѣ сказали, что въ томъ соборѣ, куда я по мѣсту своей квартиры долженъ былъ быть причисленъ прихожаниномъ, не потребуется никакого говѣнія, а все здѣсь сдѣлается по-петербургски просто: приходите въ среду на Страстной на исповѣдь, а затѣмъ дьяконъ выдастъ вамъ свидѣтельство съ приложеніемъ церковной печати. И все тутъ. Даже къ причастію можно не ходить: никто не замѣтитъ. Я такъ и рѣшилъ.

Мнѣ было все-таки не по себѣ. Невѣрующій, я шелъ на совершеніе религіознаго обряда, требующаго вѣры. Я не видѣлъ

въ этомъ ни кощунства, ни обмана, потому что я дѣлалъ это не съ худой цѣлью, не по своей волѣ и никому не въ ущербъ. Я не видѣлъ возможности избѣжать этого иначе, какъ путемъ отреченія отъ женитьбы и торжественнымъ исповѣданіемъ отрицанія существующихъ паспортныхъ узаконеній, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ моимъ имѣло бы характеръ только неразумнаго и комическаго „подвига“. Мнѣ было извѣстно изъ біографіи Вольтера, что даже онъ, живя уже въ Фернейскомъ замкѣ, въ качествѣ seigneur'a, не считалъ нужнымъ сражаться съ вѣтряными мельницами и однажды, для поддержанія хорошихъ отношеній съ окружающими, не отказался faire ses pâques. Но меня смущало невѣдѣніе того, въ какой формѣ можетъ произойти предстоящая исповѣдь. Я никогда не лгалъ, не могъ бы солгать и на этотъ разъ. И вотъ я представилъ себѣ все, что могло произойти между мной и священникомъ. Я мысленно задавалъ себѣ его вопросы и придумывалъ на нихъ отвѣты, изощряясь придать имъ такую дипломатическую форму, чтобъ избѣжать возможнаго конфликта. Мнѣ вспомнилась исповѣдь Левина въ „Аннѣ Карениной“, и я думалъ: „Хорошо было Толстому писать, что Левинъ признавался попу въ своемъ „сомнѣніи“, невѣріи тожъ, и все таки получилъ отпущеніе грѣховъ. То было въ романѣ, по волѣ автора. А мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ попомъ „на дѣлѣ“. Будь еще это въ Царевококшайскѣ, съ знакомымъ попомъ, спокойнѣе бы...“ И я уже начиналъ подумывать, не отложить ли. Но тѣ, кто ближе меня зналъ, съ какимъ равнодушіемъ относится духовенство большихъ приходовъ къ массѣ исповѣдающихся, смѣялись надъ моими колебаніями.

Чтобы не сдѣлать какой-нибудь неловкости при исповѣданіи по незнанію обряда, я купилъ себѣ требникъ, для ознакомленія съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ дѣлать и какъ отвѣчать.

И я прочелъ о томъ, какъ послѣ семи страницъ предварительныхъ молитвъ начинается самая исповѣдь.

„И тако вопрошаетъ его прилѣжно едино ко единому, и ожидаетъ его, донелѣже отвѣщаетъ противу коегождо вопрошенія.

„Прежде всего вопрошаетъ его о вѣрѣ, глаголя:

„Рцы ми чадо: аще вѣруеши, яко церковь каѳолическая апостольская, на востокѣ насажденная и возращенная, и отъ востока по всей вселеннѣй разсѣянная, и на востокѣ и доселѣ недвижимо, и непремѣнно пребывающая, предаде и научи: и аще не сумнишися въ коемъ преданіи;

„И аще вѣритъ православно, и несумнѣнно, да чтетъ символъ вѣры:

„Вѣрую во единаго Бога...

„И сіе скончавъ, вопрошаетъ его:

„Рцы ми чадо: не былъ ли еси еретікъ, или отступникъ; не держался ли еси съ ними, ихъ капища посѣщая, поученія слушая, или книги ихъ прочитывая; не любиши ли чесого мірскихъ, паче Творца твоего; не лжесвидѣтельствовалъ ли еси; не преступилъ ли еси коего обѣта Богу обѣщаннаго; писанія божественная на кощуны не пріимовалъ ли еси; рцы ми чадо: не растлилъ ли еси дѣвства твоего...“

Далѣе шли такіе вопросы, отъ которыхъ покроется краской стыда бумага любого свѣтскаго изданія, и типографскій шрифтъ, попавъ въ строки, убѣжитъ обратно въ кассы; такія мельчайшія подробности грѣховъ могутъ печататься только въ духовныхъ книгахъ славянскимъ шрифтомъ.

Я читалъ и глазамъ не вѣрилъ. Какъ! Неужели все это должно быть спрошено исповѣдникомъ у исповѣдающагося?..

Я вспомнилъ мои прежнія исповѣди. Ничего подобнаго меня не спрашивали. И слава Богу. То были вѣдь исповѣди дѣтскія, отроческія, а многое, включенное въ эти исповѣдные вопросы, я и теперь-то узнавалъ впервые. И когда я читалъ въ требникѣ еще дальше все новые и новые грѣхи, о какихъ простому человѣку и не догадаться, я понималъ нашихъ священниковъ, которые не соблюдаютъ предписаній требника по исповѣди съ такой точностью, какъ по другимъ обрядамъ, и руководствуются тѣмъ, что предписано тѣмъ же „чиномъ исповѣданія“: „со всякимъ разсуднымъ испытаніемъ смотря различіе лицъ, и потому испытаніе творя: инако бо духовна, инако людина, инако монаха, инако мірска, инако юна, инако старца“. Но я понималъ теперь и то, что слыхалъ раньше про католическое безбрачное духовенство: развращеніе дѣвушекъ начинается иногда съ конфессіонала. Не знаю, какіе вопросы полагается предлагать по католическому требнику, а по православному предписано „отъ женъ вопрошати“, „яко и отъ мужей“, о такихъ вещахъ, о которыхъ имъ самимъ, пожалуй, и не догадаться бы.

Вооруженный этими знаніями изъ требника, я пошелъ на исповѣдь съ чувствомъ еще большей непріязни къ тѣмъ условіямъ гражданскаго общежитія, которыя вынуждали меня пройти чрезъ этотъ ненужный для меня духовный обрядъ; но я шелъ на него уже безъ опасенія конфликта. Я готовъ былъ сказать священнику:

— У васъ не хватитъ духу съ искреннимъ убѣжденіемъ задать мнѣ *всѣ* безъ исключенія вопросы по „чину исповѣданія“—оставьте же на моей совѣсти не отвѣтить на *тѣ*, которые кажутся неудобными мнѣ.

Когда я вошелъ за ширмочку, священникъ, при видѣ изысканно одѣтаго молодого человѣка, повидимому сразу сообразилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ поздоровался со мной за руку, спросилъ имя, отчество и фамилію, и кто я.

Я назвалъ себя и сказалъ, что я купецъ.

— Чѣмъ торгуете?

— Хлѣбомъ, льномъ.

— Гдѣ же?

— Покупаю въ Вятской и Пермской губерніи, а отправляю за границу, во Францію и въ Англію.

— За гра-ни-цу...—съ оттѣнкомъ уваженія въ голосѣ, протянулъ священникъ.—Что же, выгодно?

— Всяко бываетъ. Въ коммерческомъ дѣлѣ, какъ говорятъ, барышъ съ убыткомъ рядомъ ходятъ.

— Такъ... А вы петербургскій?

— Нѣтъ. Казанецъ.

— А!..—обрадовался священникъ.—Я вѣдь тамъ долго жилъ. Вы не знаете ли тамъ помѣщицу М-ву?

— Фамилію слыхалъ, а лично не знакомъ.

— Вотъ хорошая барыня была. Жива и теперь, я думаю, еще. Я у нея въ имѣньѣ, въ селѣ, священникомъ былъ. Года четыре. Хорошо жили. Въ особенности лѣтомъ. Гостей любила. А то бывало и такъ—пріѣдетъ исправникъ, судебный слѣдователь, за мной пошлютъ: цѣлыми днями въ картишки дуемся... Да... Такъ вы не знаете ее?.. Жаль, жаль. Славная барыня. Ну, можетъ, встрѣтитесь, увидитесь, скажите, что я вотъ гдѣ.

Онъ назвалъ свою фамилію.

— Все ей же спасибо. Она сюда хлопотала за меня, а то бы сиди гдѣ-нибудь въ селѣ... Ну, чай, у васъ грѣховъ никакихъ особенныхъ нѣтъ?—прервалъ онъ себя съ довольно равнодушной усмѣшкой:—Скоромное ѣли? Въ церковь не ходите? А можетъ тамъ и по купечеству не все ладно? А?.. Но особеннаго ничего нѣтъ?

Я все время находился въ какомъ-то недоумѣніи и былъ настроенъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ мой исповѣдникъ. Но совершенно равнодушно, такъ же, какъ онъ, я отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— Ну, помолитесь. Встаньте на колѣни.—И, накрывъ меня

епитрахилью, онъ скороговоркой заговорилъ:—Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами своего человѣколюбія, да проститъ ти, чадо, вся согрѣшенія твоя: и азъ, недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Прощаясь съ нимъ, я вручилъ ему три рубля. И онъ еще разъ сказалъ мнѣ:

— Ну, такъ если увидите М-у, кланяйтесь, кланяйтесь ей.

Къ причастію я не ходилъ, а чрезъ день получилъ отъ дьякона свидѣтельство съ приложеніемъ церковной печати.

Мнѣ было невесело, когда я и въ то время, и потомъ думалъ объ этой исповѣди. Я, взрослый человѣкъ, съ опредѣлившимся міровоззрѣніемъ, съ самымъ благимъ желаніемъ быть честнымъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, долженъ былъ сдѣлать нѣчто такое, что̀ вызывало у меня въ душѣ если не стыдъ, то какое-то неопредѣленное, но во всякомъ случаѣ нехорошее чувство и за себя, и за священника, который въ этомъ участвовалъ.

И это мнѣ было непріятно тѣмъ болѣе, что все оказалось совершенно ненужнымъ: моя женитьба тогда не состоялась.

XIV.

Почти черезъ годъ послѣ этого мнѣ пришлось тяжело заболѣть воспаленіемъ легкихъ. Это случилось весной, во время моего пребыванія по дѣламъ въ Казани. Болѣзнь сразу приняла очень серьезный характеръ. Лечилъ меня извѣстный въ Казани профессоръ Хомяковъ. Въ критическую минуту, опасаясь за исходъ болѣзни, онъ предложилъ мнѣ пригласить на консиліумъ еще болѣе извѣстнаго по всему Поволжью профессора же казанскаго университета, Виноградова. Было ясно, что мнѣ можетъ угрожать смерть завтра, послѣзавтра. Надо было подумать о дѣлахъ, сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Я все, что необходимо, дѣлалъ.

Но въ такихъ случаяхъ, въ часъ смертный, приходитъ обыкновенно мысль о душѣ. Человѣкъ вѣрующій призываетъ священника; невѣрующій задумывается, быть-можетъ, надъ своимъ невѣріемъ. Я былъ безусловно равнодушенъ къ этому вопросу. Не думаю, чтобы и отецъ, лично или черезъ моего управляющаго, рѣшился мнѣ напомнить объ исповѣди. Никакіе законы не принуждали меня сдѣлать это, какъ формальность. А для

меня въ эту минуту вопросъ о загробной жизни, о Богѣ, о моей праведности или неправедности не существовалъ. Да не существовало для меня тогда и земныхъ вопросовъ. Мои торговыя дѣла? Они приняли къ тому времени очень крупные размѣры, но шли чрезвычайно неудачно: я былъ наканунѣ банкротства, завѣщать мнѣ было нечего. Заботиться объ остающихся послѣ меня? Не приходилось ни о комъ. Моя дальнѣйшая жизнь, если я не умру? Она не сулила мнѣ—по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ — никакихъ радостей: напротивъ, грозила непріятностями, нищетой. Я готовъ былъ умереть такъ спокойно, какъ лечь спать послѣ дня, измучившаго меня непріятной работой. И пусть изъ меня растетъ лопухъ, а оставшіеся въ живыхъ пусть продолжаютъ свою жизнь млекопитающихъ. Адъ я считалъ безсмыслицей, никакого рая я себѣ не рисовалъ и не желалъ, безсмертія души—тоже. Но смерть сама по себѣ все-таки представлялась чѣмъ-то любопытнымъ. Промѣнять на нее свою обанкротившуюся жизнь я могъ безъ сожалѣнія. Откровеніе тайны смерти, если тутъ какая-нибудь тайна окажется — это было во всякомъ случаѣ самое интересное, что я могъ еще узнать отъ жизни. И насколько мнѣ позволяло мое полубредовое сознаніе, я еще иногда размышлялъ объ этомъ, и былъ совершенно спокоенъ.

Но смерть не пришла. Рѣшительныя мѣры, принятыя профессоромъ Виноградовымъ, скоро поставили меня на ноги. Черезъ мѣсяцъ я былъ уже по своимъ дѣламъ въ Рыбинскѣ, потомъ въ Петербургѣ. А еще черезъ два мѣсяца я умеръ—умеръ какъ купецъ: прекратилъ платежи. Моя болѣзнь отчасти повліяла на подрывъ моего кредита и въ то же время настолько надломила мои физическія силы, что дальнѣйшая борьба съ торговыми неудачами и убытками стала мнѣ непосильной.

Я былъ въ такомъ положеніи, когда люди иного склада ума, чѣмъ я, иного характера, кончаютъ самоубійствомъ. Но какъ не было у меня страха смерти въ критическую минуту болѣзни, такъ не было теперь и мрачныхъ помысловъ о самоубійствѣ въ моментъ торговой несостоятельности. Я встрѣтилъ эту гражданскую — торговую — смерть такъ же спокойно, какъ готовился встрѣтить смерть настоящую. И такъ же, какъ тогда я ожидалъ смерти съ нѣкоторымъ любопытствомъ откровенія тайны, такъ теперь я встрѣчалъ новую жизнь съ любопытствомъ къ ожидаемымъ впечатлѣніямъ.

Кто пережилъ такое положеніе, пойметъ, что такой переходъ расширяетъ кругозоръ. Узнаешь настоящую цѣну друзьямъ,

людямъ, дѣламъ, вообще жизни. А новое мое положеніе уже подзадоривало меня на борьбу съ людскими предразсудками, со всей ложью житейскихъ отношеній въ капиталистическомъ строѣ. Никогда мнѣ не была такъ противна вся условность оцѣнки людей по ихъ богатству, какъ въ моментъ переживанія банкротства... Я зналъ, что тамъ, позади меня, въ торговомъ мірѣ, остались десятки и сотни такихъ же несостоятельныхъ должниковъ, какъ я. Но ихъ несостоятельность еще не обнаружена, и всѣ относятся къ нимъ съ прежнимъ почтеніемъ, какъ къ представителямъ капитала. А въ то же время уже о многихъ изъ нихъ подъ шумокъ говорятъ, какъ о неблагонадежныхъ плательщикахъ. Тѣ, кто поопытнѣе, имъ уже не довѣряютъ, но все-таки относятся къ нимъ какъ къ равноправнымъ коммерческимъ величинамъ. Менѣе опытные или болѣе склонные къ риску, вѣрящіе въ позолоту, какъ въ настоящее золото, или въ то, что эта позолота долго не сойдетъ, продолжаютъ еще оказывать давно несостоятельнымъ фирмамъ кредитъ и даютъ имъ возможность продолжать блистать, какъ настоящимъ звѣздамъ на биржевомъ небѣ. Про нравственныя качества многихъ изъ этихъ звѣздъ говорятъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, но пока ихъ торговая фирма не исключена изъ биржевого списка, всѣ они пользуются вниманіемъ, соотвѣтствующимъ ихъ торговымъ оборотамъ. Наступитъ день—прекращеніе платежей—и тѣ; кто имъ сегодня кланялся съ почтеніемъ, завтра съ пренебреженіемъ отвернутся отъ нихъ. Другіе, наоборотъ, начинаютъ кланяться съ ними еще почтительнѣе, въ ожиданіи, что несостоятельность есть простое „ломаніе рубля“ и что, расплатившись съ кредиторами, по соглашенію, за рубль полтиной, несостоятельный сдѣлается уже *настоящимъ* капиталистомъ и займетъ *прочное* положеніе между равными себѣ. Но если окажется, что у него дѣйствительно ничего нѣтъ, эти люди выкинутъ его изъ своего общества, какъ пустой мѣшокъ. Имъ некогда даже будетъ отвѣтить на его поклонъ: на это у нихъ не найдется времени, ибо каждое движеніе купеческой руки неизбѣжно оцѣнивается въ какую-нибудь сумму...

Все это пришлось испытать отчасти и мнѣ.

Но условія моей несостоятельности были еще достаточно благопріятны.

Мое дѣло держалось на кредитѣ съ самаго начала, на кредитѣ, открытомъ мнѣ заграничными торговыми фирмами. Этотъ кредитъ былъ подорванъ 1-го марта 1881-го года, когда былъ убитъ императоръ Александръ II. Мои заграничные довѣрители

ожидали, что у насъ, вслѣдъ за этимъ, начнется революція и полный разгромъ. Не хотѣли дать ни копейки, пока у насъ все не успокоится. А мнѣ какъ разъ въ то время предстояли огромные платежи за товары, купленные въ разсчетѣ на заграничный кредитъ. Предстояло или объявить себя несостоятельнымъ должникомъ сейчасъ же, или, въ надеждѣ на дальнѣйшую удачу, продолжать свои дѣла, ища кредита въ Россіи. Я избралъ послѣднее. Для этого съ самаго начала пришлось тѣ товары, которые я покупалъ съ разсчетомъ на прибыль, продать съ огромными убытками, и уже въ 1881-мъ году мой пассивъ значительно превышалъ мой активъ. Я продержался однако еще два года. Это были годы большихъ душевныхъ страданій, годы пребыванія въ непрерывномъ ложномъ положеніи. Но я никому не лгалъ и въ это время, какъ это ни трудно было при такихъ условіяхъ; я умѣлъ обходиться умолчаніемъ. Требовать у меня отчета въ моихъ торговыхъ дѣлахъ никто вѣдь не имѣлъ права: коммерческая тайна узаконена,—она ограждала меня отъ обнаруженія состоянія моихъ дѣлъ и ото лжи.

Довѣріе къ моимъ словамъ, какимъ я пользовался при веденіи своихъ дѣлъ, сохранилось ко мнѣ и тогда, когда я прекратилъ платежи. Всѣ вѣрили, что я не утаю ничего, и никто не просилъ судъ объ объявленіи меня несостоятельнымъ должникомъ. Рѣчь шла о мировой сдѣлкѣ. Но тутъ оказалось такъ трудно согласить интересы однихъ кредиторовъ съ интересами другихъ, что я, уставъ отъ безполезной борьбы и чувствуя себя больнымъ, самъ объявилъ Коммерческому суду о своей несостоятельности. Судъ оставилъ меня на свободѣ, и никто изъ семидесяти человѣкъ моихъ кредиторовъ не потребовалъ моего личнаго задержанія, за исключеніемъ Государственнаго Банка, который сдѣлалъ это съ чисто формальной стороны. Коммерческій судъ такъ же формально отказалъ ему въ этомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлись въ виду основанія отнести мою несостоятельность къ разряду несчастныхъ.

Я сдалъ моимъ кредиторамъ все свое имущество, деньги, товары, недвижимость и движимость, все, до мельчайшихъ предметовъ моей домашней обстановки, и получилъ отъ назначеннаго судомъ присяжнаго попечителя на первое время на проживаніе 50 рублей. А по моему торговому балансу выходило, что, за ликвидаціей имущества и за уплатой вырученной суммы кредиторамъ, у меня останется 250.000 рублей долговъ, неоплатныхъ до десятилѣтней давности еще послѣ окончанія конкурса.

Съ этимъ я начиналъ новую жизнь. Я переѣхалъ изъ моей квартиры въ дешевенькую меблированную комнату и сейчасъ же сталъ просить себѣ мѣсто въ той экспортной конторѣ, гдѣ я служилъ раньше. Мѣсто мнѣ дали. Но съ окладомъ уже втрое меньшимъ, чѣмъ прежде.

Въ бѣдно обставленной, но чистенькой комнаткѣ, у хозяйки-нѣмки, я почувствовалъ сразу такую бодрость, такое душевное спокойствіе, какого не зналъ съ тѣхъ поръ какъ былъ студентомъ. Я почувствовалъ себя здѣсь на своемъ мѣстѣ. Точно я послѣ долгаго путешествія, послѣ жизни въ разныхъ дорогихъ отеляхъ, вернулся домой. Ночи не пугали меня безсонницей, утро не приносило мнѣ заботъ о предстоящихъ платежахъ. Мнѣ вспоминался одинъ изъ афоризмовъ Берне, гдѣ онъ говоритъ, что потерялъ свою независимость съ тѣхъ поръ, какъ купилъ впервые фарфоровый сервизъ. Я могъ сказать, что я сталъ независимымъ въ тотъ день, когда у меня всѣ сервизы продали съ аукціона.

Прошло нѣсколько дней послѣ моего заявленія въ судъ. Утромъ, когда я, только-что вставъ, пилъ чай, горничная сказала мнѣ, что меня спрашиваетъ судебный приставъ. По тѣлу у меня пробѣжала нервная дрожь. Все передъ этимъ пережитое дѣлало меня до болѣзненности впечатлительнымъ. Но вошедшій судебный приставъ оказался человѣкомъ очень вѣжливымъ и симпатичнымъ.

— Я принесъ вамъ повѣстку о вызовѣ васъ въ Коммерческій судъ для принятія присяги,—сказалъ онъ, вынимая изъ портфеля бумагу.

Я взялъ бумагу, чтобы расписаться. Предложилъ приставу садиться и предложилъ ему чаю. Отъ чаю онъ отказался; но, принимая отъ меня расписку и объясняя, когда мнѣ явиться и кого спросить въ судѣ, онъ осторожно и деликатно спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, я слышалъ, что вы сдали кредиторамъ наличныя деньги?

— Да,—отвѣчалъ я, не понимая, почему онъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ.—А что?

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, улыбнулся и сказалъ:

— Да такъ, любопытно.

— Почему?

Онъ не то съ усмѣшкой, не то съ уваженіемъ, не то просто съ недоумѣніемъ сказалъ:

— А то, что вотъ я двадцать лѣтъ судебнымъ приставомъ,

а ни въ моей личной практикѣ, ни въ практикѣ моихъ товарищей не знаю случая, чтобы несостоятельные должники сдавали наличныя деньги.

И онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза испытующимъ взглядомъ.

Онъ прочелъ въ нихъ, вѣроятно, спокойную увѣренность, что для меня не могло быть иного образа дѣйствій. А о дѣйствіяхъ другихъ я въ это время не судилъ.

Когда въ назначенный день и часъ я явился въ судъ для принятія присяги, я разсуждалъ, что вотъ опять я иду на такой компромиссъ, какой былъ сдѣланъ мною съ исповѣдью. Я не вѣрилъ въ значеніе присяги и не вѣрилъ во всѣ слова, какія долженъ былъ при этомъ произнести, во всѣ тѣ дѣйствія, которыя долженъ былъ совершить.

Но долженъ ли былъ я отказаться отъ присяги? Почему отказаться? Съ какой цѣлью? Я могъ сказать себѣ, что, присягая, я этимъ укрѣпляю въ умахъ другихъ то, что я считаю предразсудкомъ. Но вѣдь отъ меня въ данномъ случаѣ не требовалось исповѣданія моей вѣры, доказательства моей принадлежности къ извѣстному вѣроисповѣданію. Не требовалось быть примѣромъ для другихъ ни въ какомъ смыслѣ, не поднималось вопроса о положительномъ или отрицательномъ отношеніи моемъ къ обряду, а требовалось просто соблюденіе извѣстной, чисто судебной процедуры. Отказъ отъ присяги могъ возбудить и у суда, и у моихъ кредиторовъ сомнѣніе въ правдивости моихъ показаній относительно моего имущества и хода моихъ дѣлъ. А между тѣмъ для меня доказательство этой правдивости, въ особенности послѣ того, что говорилъ мнѣ судебный приставъ, представлялось съ общественной точки зрѣнія гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ тотъ компромиссъ, на который я долженъ былъ пойти, соблюдая формальность присяганія. Правдивость моихъ показаній была важна для меня не только какъ примѣръ для другихъ, если я могъ послужить кому-нибудь примѣромъ, но и для меня самого. Я не могъ бы себѣ представить спокойной жизни въ дальнѣйшемъ будущемъ, еслибы на душѣ моей была хоть одна ложь. Я могъ въ этотъ моментъ дѣйствительно присягнуть передъ моимъ Богомъ—предъ своей совѣстью,—что каждое мое дальнѣйшее слово, каждое мое дѣйствіе будетъ правдой. Мой Богъ—моя совѣсть—такой присяги отъ меня не требовалъ, но это разумѣлось само собой. А въ *какой* формѣ, въ *какихъ* словахъ это могло выразиться для другихъ—это для меня было совершенно безразлично. Мнѣ эти слова подсказывали, я ихъ произносилъ. Я вступалъ

въ новую жизнь, и это былъ послѣдній компромиссъ, которымъ я покончилъ съ своимъ прошлымъ.

Несостоятельность поставила меня въ такое положеніе, при которомъ всѣ недавнія мечты о богатствѣ, какъ орудіи въ моихъ рукахъ для совершенія добра, разрушались. Я долженъ былъ для моихъ цѣлей выбирать иной путь. Этотъ путь для меня былъ ясенъ: литературная дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я временно отказался отъ нея—теперь она сдѣлалась для меня единственной цѣлью. И теперь я уже не думалъ, какъ тогда, что я еще недостаточно знаю жизнь, что мнѣ еще нечего сказать своего. Если вопросъ о цѣли жизни и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о Богѣ и религіи оставался для меня, какъ и прежде, все еще нерѣшеннымъ, то пройденный жизненный путь давалъ мнѣ уже болѣе опредѣленныя указанія, гдѣ и какъ искать рѣшенія этихъ вопросовъ, которые сами по себѣ сдѣлались цѣлью моей жизни. Вмѣсто богатства, силы и власти, къ которымъ я стремился, не только какъ къ благамъ, общимъ для всѣхъ, но и собственно для себя, я вступалъ теперь въ своей личной жизни на путь лишеній, болѣзни, неудачъ, разочарованій. Но и на путь такихъ духовныхъ радостей, какихъ не зналъ раньше! Съ этого момента всѣ мои силы, всѣ мои помыслы были посвящены литературѣ.

Я сталъ писателемъ.

А вѣрой моей стало исканіе проявленія Невѣдомаго Бога въ жизни и исканіе чрезъ это путей къ Нему и общенія съ Нимъ—внѣ всѣхъ существующихъ религій.

Ал. Луговой.

РАЗСВѢТЪ НА ГАРЦѢ

Ударомъ тяжелаго молота
Расколоты сны золотые.
Пронизаны брызгами золота
Уступы крутые.
Туманы лилово-багряные
Сползаютъ лѣниво по склонамъ
И таютъ, качаясь какъ пьяные,
Надъ лѣсомъ зеленымъ.
И вѣтеръ холодными струями
Ихъ гонитъ все ниже и ниже.
Заря обожгла поцѣлуями...
Придвинулась ближе...
И вдругъ надъ притихшими склонами
Побѣдную пѣсню запѣли:
То—солнце съ веселыми звонами,
То день въ колыбели!

Л. Василевскій.

Земмерингъ.

НА СѢВЕРѢ

Круче срывъ лѣсистыхъ горъ,
Небо Сѣвера блѣднѣе,
Все тоскливѣй, все тѣснѣе
Валуны, слѣды озеръ.

За сиреневой каймой
Тучи сѣро-голубыя.
Таютъ волны, какъ живыя
Ускользая за кормой.

Тамъ—безсонный водопадъ,
Здѣсь—покой и сонъ озерный:
Двухъ стихій чередъ упорный,
Двухъ началъ извѣчный рядъ.

Л. Василевскій.

МОДЕРНИЗМЪ
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

II *).

Между Бодлэромъ и Верхарномъ.

Изъ иностранныхъ поэтовъ двое были главными, великими учителями Брюсова: Бодлэръ и Верхарнъ. Уже въ „Tertia Vigilia“ мы читаемъ:

Радость вторая—въ огняхъ лучезарна!
Строфы поэзіи—смыслъ бытія.
Тютчева пѣсни и думы Верхарна,
Васъ—поклоняясь—привѣтствую я.

Верхарнъ расширилъ содержаніе поэзіи Брюсова. Онъ вырвалъ его изъ узкихъ тропинокъ чисто-индивидуальныхъ переживаній, онъ толкнулъ его къ всемірному, къ общечеловѣческому. Въ этомъ смыслѣ ознакомленіе съ Верхарномъ, и затѣмъ долгая, упорная, строгая къ себѣ работа надъ переводами изъ Верхарна полосою врѣзалась въ исторію творчества нашего автора, стала гранью перелома въ этомъ творчествѣ. Но какъ ни велика была революція, произведенная Верхарномъ, она не была полной. Верхарнъ не смогъ придать поэту своей вдохновенной вѣры въ будущее человѣчества, зажечь его огнемъ боевого энтузіазма во имя этого будущаго и освѣтить этимъ огнемъ всю multiple splen-

*) См. ноябрь, стр. 209.

deur, всю многогранность красоты міра и жизни... Иныя вліянія здѣсь перевѣсили...

Другой великій учитель—Бодлэръ. Строгость его стиха, выточенное изящество формы также создаетъ новую грань въ творчествѣ поэта. „Свободный стихъ", такъ соотвѣтствующій бурному, своевольному темпераменту Верхарна, не привился и не могъ привиться къ Брюсову. Для этого Брюсовъ слишкомъ внутреннохолоденъ, слишкомъ уравновѣшенъ, слишкомъ застегнутъ въ свой длинный черный сюртукъ. Углубленныя мотивами Верхарна думы поэта продолжаютъ оставаться строгими и спокойными. И чеканность бодлэровскаго стиха, вмѣстѣ съ его классической мѣрностью, краткостью и силой, чаще служитъ образцомъ, къ которому стремится Брюсовъ. Конечно, вліяніе Бодлэра не ограничивается формой: бодлэровскій пессимизмъ также налагаетъ свой отпечатокъ на поэзію нашего автора. Но здѣсь вліяніе его—какъ и вліяніе Верхарна—не идетъ до послѣднихъ глубинъ. Вся непосредственность, вся напряженность бодлэровскихъ переживаній ему не передается; его пессимизмъ остается головнымъ. Тамъ, гдѣ Бодлэръ, какъ зачарованный, какъ загипнотизированный, созерцаетъ „цвѣты зла" въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ на днѣ человѣческой души, фиксируя ихъ своими очами—этими огромными увеличительными стеклами,—словомъ, тамъ, гдѣ Бодлэръ умѣетъ *мучительно предчувствовать*, Брюсовъ только скорбно-иронически *раздумываетъ*, иногда даже резонируетъ...

Бодлэръ и Верхарнъ—это живая антитеза, это какъ будто два полюса... И все-таки между ними, въ болѣе зрѣлую эпоху, прокладываетъ свою орбиту поэзія Брюсова. Между ними она колеблется, прежде чѣмъ открыть свою „равнодѣйствующую". Бодлэръ и Верхарнъ—вотъ два великіе образца, вытѣсняющіе постепенно всѣхъ другихъ. „Да не будутъ тебѣ бози иніе"... Эти иные боги—dii minores декадентства—не разъ направляли раньше фантазію поэта въ тупики безсильныхъ пріемовъ творчества. Онъ выбрался, хотя и не безъ труда и не сразу, изъ этихъ тупиковъ. Блужданья по нимъ провели, однако, не легко изгладимыя морщинистыя борозды на ясномъ и красивомъ челѣ его поэзіи...

Кромѣ появившейся недавно „Елены Спартанской", Брюсовъ далъ переводъ около двадцати отдѣльныхъ пьесъ Верхарна, среди которыхъ фигурируютъ такіе шедевры, какъ „Кузнецъ", „Возстаніе", „Банкиръ", „Трибунъ". Брюсовъ не только *первый* познакомилъ русскую читающую публику съ этимъ всемірнымъ поэтическимъ геніемъ: ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежатъ и *лучшіе* изъ переводовъ Верхарна на русскомъ языкѣ.

Въ большей части этихъ тщательно выписанныхъ переводовъ Брюсовъ оказался вполнѣ на высотѣ выпавшей на его долю трудной задачи. Трудной—ибо порывистый, смѣлый, гиперболически-образный и страстно безпорядочный, порою намѣренно неправильный языкъ Верхарна съ трудомъ поддается переводу на нашу сѣверную рѣчь. Если присоединить сюда своеобразную музыку стиха, сочетанія звуковъ, соотвѣтствующихъ темѣ, часто недостижимыя при переводѣ, поражающіе воображеніе эпитеты, а иногда и прозаизмы въ темахъ и терминахъ, которые дерзко беретъ приступомъ геній Верхарна,—то мы составимъ себѣ нѣкоторую приблизительную картину этихъ трудностей.

Брюсовъ, однако, умѣетъ справляться съ ними. Когда же онъ съ ними не справляется—въ видѣ рѣдкаго исключенія,—то объясненіе этому нужно искать въ причинахъ особаго порядка, глубоко заложенныхъ въ психологіи нашего автора...

Такъ, Брюсовъ далъ, въ общемъ, мастерской переводъ верхарновскаго „Кузнеца“. Но въ одномъ пунктѣ, съ одного момента крылья творческой фантазіи переводчика вдругъ неожиданно ослабѣваютъ. Тамъ, гдѣ символическій „кузнецъ“ исповѣдуетъ свои задушевнѣйшія мечты и упованія, нашъ авторъ—вмѣсто вдохновенныхъ картинъ соціалистическаго будущаго человѣчества, восторженно рисуемыхъ Верхарномъ,—даетъ что-то блѣдное, сантиментальное, отдающее прѣсной добродѣтелью прописей... Судите сами—

И ясно предъ собой онъ видитъ эти дни,
Какъ еслибъ, наконецъ, уже зажглись они:
Когда содружества простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ миръ, а жизни—свѣтлый строй...
. . . . . .
Сойдетъ любовь, чья благостная сила
Еще невѣдома въ послѣднихъ глубинахъ,
Съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла
. . . . . .
И люди, лишь себя величащіе нынѣ,
Себялюбивые слѣпцы,
Всѣмъ братьямъ расточатъ свои живые миги,
И будетъ жизнь людей проста, ясна...
. . . . . .
Причастны Цѣлому, съ своимъ удѣломъ скромнымъ
Сроднятся слабые; и тайны вещества,
Быть можетъ, явятъ тайну Божества...

Не нужно думать, будто эти внутренно-слабыя строки принадлежатъ французскому оригиналу, а не русской копіи. Начнемъ хотя бы съ конца.

. . . . la matière
Confessera peut-être, alors, ce qui fut Dieu.

Здѣсь не „небеса повѣдаютъ славу Божію“—на что сильно смахиваютъ туманныя выраженія перевода о „явленіи тайны Божества“ въ „тайнахъ вещества“: здѣсь какъ разъ обратное. „То, что *было* Богомъ“ для людей—тайное, загадочное въ вещахъ и явленіяхъ — это раскроется, объяснится; и разгадку тайному дастъ прозаическая матерія... Ибо вѣдь это пишетъ тотъ же Верхарнъ, который въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ:

Nous apportons, ivres du monde et de nous mêmes,
Des coeurs d'hommes nouveaux dans le vieil univers.
Les Dieux sont loin et leur louange et leur blasphème;
Notre force est en nous et nous avons souffert.

S'il est encor là-bas des caves de mystère
Où tout flambeau s'éteint ou recule effaré,
Plutôt que d'en peupler les coins par de chimères
Nous préférons ne point savoir que nous leurrer.

И не „причастные Цѣлому“, да еще „Цѣлому“ съ большой буквы, примирятся слабые со своимъ *скромнымъ* удѣломъ; нѣтъ, авторъ и здѣсь вкладываетъ въ свои стихи содержаніе гораздо болѣе реальное, конкретное, пусть даже прозаическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ жизненно-боевое: „Le faible aura sa part dans l'existence entière“—провозглашаетъ онъ.

И не только ту банальную вещь утверждаетъ онъ, что „себялюбивые слѣпцы“ тогда полюбятъ ближнихъ своихъ. Нѣтъ, у него какъ разъ здѣсь звучатъ особенно боевыя ноты; его крылатыя строфы здѣсь рѣзко бьютъ въ догматъ безсмертія души, въ которомъ поэтъ видитъ высшее выраженіе эгоистической самовлюбленности, доходящей до чудовищной попытки въ мечтѣ, въ фантазіи увѣковѣчить всякое конкретное ограниченное человѣческое „я“, придавъ ему безсмертное самодовлѣніе... И онъ мечтаетъ о томъ времени,

Quand l'homme, au lieu de croire à l'égoïste effort,
Qui s'éterniserait en une âme immortelle,
Dispensera vers tous sa vie accidentelle.

Наконецъ, сильнѣе, оригинальнѣе, глубже въ подлинникѣ и предыдущее мѣсто—

Ces temps, où fixement les plus simples étiques
Diront l'humanité paisible et harmonique;
. . . . . .
L'amour, dont la puissance encore est inconnue,

Dans sa profondeur douce et sa charité nue,
Ira porter la joie égale aux résignés.

Но вѣдь здѣсь, въ этихъ строкахъ—весь Верхарнъ, въ его самыхъ завѣтныхъ надеждахъ и вѣрованіяхъ, въ „святая святыхъ“ его оцѣнки человѣчества. За то здѣсь же—и наиболѣе чуждая Брюсову сторона верхарновскаго творчества. Не даромъ Брюсовъ обошелъ въ своихъ переводахъ всѣ тѣ стихотворенія Верхарна, гдѣ онъ фигурируетъ какъ философъ и мыслитель, со своей своеобразной позитивной религіозностью или мистическимъ позитивизмомъ, съ враждой къ вѣрѣ въ Бога, въ безсмертіе души, съ почти мистическимъ культомъ разума... Брюсова не можетъ вдохновить эта вѣра. Образцовый переводчикъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ найти для каждаго образа въ подлинникѣ соотвѣтствующій образъ въ переводѣ, даже чуть не каждую строфу передать также не болѣе, чѣмъ въ одной строфѣ—злѣсь безсильно опускаетъ крылья. Брюсову очевидно приходится себя слишкомъ приневоливать, чтобы вслѣдъ за Верхарномъ восторженно рисовать картину будущаго строя, какъ зарю обновленія всѣхъ силъ человѣчества, какъ царство новаго счастья, новой красоты, новаго расцвѣта индивидуальности.

Мы говорили о рѣзкой противоположности между Верхарномъ и Бодлэромъ: здѣсь она достигаетъ своего максимума. Въ противоположность земному, слишкомъ земному идеализму Верхарна, Бодлэръ живетъ идеаломъ безплотнымъ, способнымъ лишь освѣтить своимъ яркимъ факеломъ все пошлое, мелкое, уродливое, дисгармоническое въ нашей жизни. Идеалъ Верхарна—это почти конкретная цѣль, которую нужно осуществить; идеалъ Бодлэра—только мѣрка для обличенія неидеальнаго. Первый родитъ боевой энтузіазмъ, второй—глубокую меланхолію и скорбное ощущеніе несовершенства всего земного. Первый зоветъ впередъ, къ свѣтлому будущему человѣчества, второй—уводитъ изъ граней земного бытія туда, за предѣлы опыта...

Художникъ перерабатываетъ жизнь, конденсируетъ, а не копируетъ ее; онъ, до извѣстной степени, есть творецъ своеобразнаго идеальнаго міра; въ этомъ-то смыслѣ онъ и „не можетъ не быть пророкомъ“; здѣсь именно и сказывается глубокая *косвенная* связь между столь различными областями какъ искусство и мораль. Бодлэръ прекрасно говоритъ объ этомъ—конечно, въ терминахъ своего умонастроенія.

„Чистый Разумъ добивается Истины; Вкусъ указываетъ намъ Красоту; Нравственное Чувство научаетъ насъ Долгу. Правда, что среднее изъ этихъ трехъ чувствъ имѣетъ интимную внутрен-

нюю связь съ двумя крайними; въ частности, отъ Нравственнаго Чувства оно отдѣляется различіемъ столь тонкимъ, что Аристотель не усомнился помѣстить нѣкоторыя изъ наиболѣе высшихъ проявленій этого чувства среди „добродѣтелей“. Въ самомъ дѣлѣ, что болѣе всего возмущаетъ человѣка съ тонкимъ вкусомъ въ зрѣлищѣ порока, такъ это его отталкивающее безобразіе, дисгармоничность. Порокъ покушается одновременно на истину и на справедливость, отталкивающе дѣйствуетъ на разумъ и на совѣсть; но иныя поэтическія сердца онъ въ особенности уязвитъ, какъ диссонансъ, какъ оскорбленіе, нанесенное гармоніи; и я не думаю, чтобы было неумѣстно разсматривать всякое нарушеніе нравственности, нравственной красоты, какъ своего рода преступленіе противъ универсальнаго ритма и всемірной просодіи... Именно это изумительное, это безсмертное чувство прекраснаго даетъ намъ возможность разсматривать землю и зрѣлища ея событій, какъ отраженіе, какъ соотвѣтственныя звенья иного, неземного міра... Ненасытимое тяготѣніе ко всему, что находится по ту сторону жизни, что скрывается ею — есть лучшее доказательство нашего безсмертія. Въ одно и то же время благодаря поэзіи и чрезъ нее, благодаря музыкѣ и чрезъ нее духъ человѣческій провидитъ ослѣпительныя сіянія того, что находится за могилой. И когда чудная поэма вызываетъ на нашихъ глазахъ слезы, эти слезы — вовсе не свидѣтельство избытка радости: нѣтъ, онѣ скорѣе свидѣтельствуютъ о взволнованной меланхоліи, о мольбѣ всѣхъ нашихъ нервовъ, о встревоженномъ существѣ нашей природы, природы существъ, изгнанныхъ въ несовершенный міръ и жаждущихъ немедленно, здѣсь же, на этой землѣ, открывающагося имъ рая“.

Отъ позитивизма Верхарна мы уходимъ здѣсь далеко, далеко въ область чистѣйшаго философскаго идеализма; мы возвращаемся въ сѣдую древность, къ старику Платону... Впрочемъ, еще Лаасъ, въ своемъ „Positivismus und Idealismus“, блестяще доказалъ, что платоновскіе мотивы, въ такъ или иначе видоизмѣненномъ видѣ, варьируясь на всѣ лады, лежатъ въ основѣ всѣхъ идеалистическихъ системъ, вплоть до настоящаго времени. Для платонизма прекрасное есть проявленіе или выраженіе высшаго идеала, а этотъ идеалъ въ то же время есть единственная истинная реальность, умопостигаемый объектъ, который, преломляясь сквозь призму нашихъ чувствъ, даетъ пестрый спектръ *нашего* міра, міра какъ представленія, міра относительнаго, кажущагося, „внѣшняго“. Высшій духовный разумъ, поднимаясь *надъ* грубыми чувствованіями, постигаетъ въ „явленіи міра нашимъ чув-

ствамъ" то, чего чувства не могли бы улавливать: порядокъ, величіе, гармонію, т.-е. нѣчто духовное, сверхчувственное въ вещахъ. Теорія эта тѣсно связывается съ общимъ представленіемъ о нашемъ, чувственномъ мірѣ, какъ о преходящемъ и несовершенномъ состояніи; ему предшествуетъ и за нимъ слѣдуетъ дѣйствительное, истинное, сверхчувственное существованіе; въ этомъ мірѣ человѣкъ, какъ падшій ангелъ, лишь смутно вспоминаетъ о чистомъ идеальномъ мірѣ и лишь провидитъ слабые контуры его будущаго сіянія... Эта „эстетика идеала", по выраженію Буарака, или эстетика объективно-метафизическая, по выраженію Фулье, смѣнилась сначала „эстетикою перцепціи", эстетикой субъективно-психологической, берущей свое начало отъ Канта и подробно развитой Шиллеромъ и англійскою школой. Платонъ требовалъ постиженія истинной реальности, основывая чувство прекраснаго на смутномъ понятіи о мірѣ идеала и гармоніи, объ умопостигаемомъ объектѣ. Кантъ отвергъ знаніе объекта и субъективировалъ все наше мышленіе. Въ частности, онъ субъективировалъ и чувство прекраснаго, перенеся его—какъ и весь міръ—„внутрь" человѣка. Съ этой точки зрѣнія художественное наслажденіе есть слѣдствіе свободнаго и легкаго упражненія нашей способности воспринимать и вызывать въ своемъ представленіи формы явленій. Эта эстетика, по существу своему, глубоко индивидуалистична. Эстетическое наслажденіе становится чѣмъ-то близкимъ къ наслажденію игрой, чѣмъ-то сходнымъ съ легкой гимнастикой интеллекта. Если съ платоновскимъ взглядомъ искусство получало высшее назначеніе—обращать духъ человѣческій отъ чувственнаго къ сверхчувственному, отъ преходящей жизни на землѣ къ тому высшему, что находится „по ту сторону" жизни,—то эстетика кантовская болѣе всего способна была обосновать „искусство для искусства". Но и платоновской, и кантовской эстетикѣ, какъ и любому соединенію ихъ обѣихъ (а такія соединенія — въ большой модѣ) противостоитъ эстетика современная, позитивно-соціальная. Она чужда абсолютнаго, метафизическаго объективизма платоновской эстетики, какъ чужда и абсолютнаго субъективизма эстетики кантовской. Она нашла высшую точку зрѣнія, синтезирующую объективизмъ и субъективизмъ, провозглашающую относительность того и другого, разсматривающую „объективное" какъ обобщенное субъективное, какъ субъективное, „приведенное къ одному знаменателю" въ соціологическомъ процессѣ общенія людей. Ея принципъ—соціализація жизни. Искусство, съ этой точки зрѣнія, принадлежитъ не „потусторонней", а этой, земной жизни; какъ и мораль, какъ

и политика, какъ и наука, искусство вноситъ свой элементъ въ созданіе верховнаго человѣческаго „панидеала“, воплощающаго въ одномъ гармоническомъ единствѣ summum bonum, способное объединить—*соціализировать*—все человѣчество. И поэтому же, съ другой стороны, искусство—не гимнастика, не игра, а часть дѣйственной, активной, устремленной къ будущему, направляемой „панидеаломъ“ *жизни*. Искусство перестаетъ быть высокой иллюзіей, утѣшающей и отвлекающей насъ отъ несовершенствъ грубой житейской дѣйствительности; оно само становится великой преобразующей силой въ этой дѣйствительности.

Всякій художникъ долженъ разрѣшить для себя этотъ вопросъ о смыслѣ искусства, тѣсно связанный съ вопросомъ о смыслѣ жизни. Отношеніе искусства къ идеалу -- рѣшающій моментъ для опредѣленія духовной физіономіи художника. Поэтъ можетъ выработать себѣ опредѣленный глубоко-жизненный идеалъ, который окраситъ собою все его отношеніе къ дѣйствительности, весь характеръ его творческой переработки дѣйствительности. Поэтъ можетъ не найти этого идеала въ области „жизненнаго“ и перенести его „по ту сторону“ жизни. Наконецъ, поэтъ можетъ не найти его ни тамъ, ни здѣсь. Тогда—если только онъ способенъ чувствовать глубоко, а не принадлежитъ къ числу беззаботныхъ нравственныхъ бонвивановъ—его отношеніе къ дѣйствительности неминуемо окрасится въ цвѣтъ универсальнаго пессимизма...

Мы видѣли, что Бодлэръ именно размышленіями объ искусствѣ былъ доведенъ до признанія потусторонняго „міра добра“. И это сознаніе согрѣваетъ и освѣщаетъ глубокій пессимизмъ его отношенія къ дѣйствительности. Мы знаемъ, что Верхарнъ находитъ животворящую силу жизни въ самой жизни, и что это придаетъ его поэзіи такой свѣтлый, жизнерадостный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бурный, боевой характеръ. Какъ же прошелъ Валерій Брюсовъ между Бодлэромъ и Верхарномъ?

Онъ прошелъ путь Бодлэра—и не могъ успокоиться на немъ. Для него одно время и жизнь, и люди — все это было какъ царство тѣней, съ которымъ нужно примириться, которое нужно полюбить, ибо все это скользитъ на грани, за которой—настоящая дѣйствительность, покрытая великимъ очарованіемъ предвѣчной тайны.

И я съ людьми какъ братъ, я все прощаю имъ,
Печальнымъ, вдумчивымъ, идущимъ въ тихой смѣнѣ,
За то, что вмѣстѣ мы на грани сновъ скользимъ,
За то, что и они, какъ я—причастны тѣни.

И вотъ почему очи поэта отвращаются отъ земли.

Не мысли о земномъ и маломъ
Въ дыханьи бури роковой!
Любовью—съ міровымъ началомъ
Роднится духъ безсильный твой.

И наконецъ, совершенно въ тонъ бодлэровскихъ разсужденій о прекрасномъ, написано стихотвореніе „Отрады“, съ его заключительнымъ аккордомъ:

Радость послѣдняя—радость предчувствій,
Знать, что за смертью есть міръ бытія.
Сны совершенства! въ мечтахъ и въ искусствѣ
Васъ—поклоняясь—привѣтствую я.

Радостей въ мірѣ таинственно много,
Сладостна жизнь отъ конца до конца.
Эти восторги—предвѣстіе Бога,
Это—молитва на лонѣ Отца.

Но недолго длилась эта наивно-свѣтлая полоса. Рядъ названныхъ ею стихотвореній, какъ „Дозоръ“, „Пасха, праздникамъ праздникъ“, „Рождество Христово“ — помѣщены поэтомъ въ отдѣлѣ „Книжка для дѣтей“... Другимъ тономъ проникнуты стихотворенія зрѣлой полосы его творчества. „Блаженъ, кто вѣруетъ...“ Но блаженство вѣры отлетаетъ отъ поэта. И наивная, свѣтлая, дѣтская вѣра отцовъ замѣняется не какой-либо другой вѣрою, а только мрачнымъ разочарованіемъ. Гдѣ смыслъ жизни? Здѣсь ли, въ этой жизни, гдѣ человѣкъ, какъ жалкая муха-поденка, промелькнетъ и исчезнетъ, какъ сонъ? Тамъ ли, въ иной жизни— но тогда зачѣмъ все земное, къ чему эта безсмысленная комедія, и не продолженіе ли ея — тамъ, за гробомъ? Вотъ вопросы, которые осаждаютъ поэта и которыхъ онъ не разрѣшилъ.

Ты—въ непстовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ волнъ щепа.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышешь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ.
Что ты видишь, что ты слышишь —
Измѣняетъ каждый мигъ.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О, мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
Если-жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего жъ твой подвигъ стоитъ!
Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!

И вмѣсто „молитвъ на лонѣ Отца“, у поэта зарождается бунтъ противъ него. Онъ „міра не пріемлетъ“, какъ не пріемлетъ и смерти, если она—начало новой жизни, ибо жизнь—жестокая шутка надъ человѣчествомъ кого-то Злого...

Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Такъ, значитъ, за гранью—вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь—только тѣнь и черта?

Такъ, значитъ, за смертью—такой же безплодный,
Такой же безцѣльный, безсмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?

И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла—
Единая, та же, все та же стезя!

Вотъ—тезисъ и антитезисъ. Свѣтлыя эмоціи дѣтства, связанныя съ вѣрою отцовъ, вытравляются новыми мрачными чувствами, поднятыми роемъ неразгадываемыхъ, неразрѣшимыхъ, проклятыхъ вопросовъ. Ядъ скептицизма отравляетъ вѣру; острое, безжалостно-критическое „зачѣмъ?“ подкашиваетъ подъ самый корень нѣжный цвѣтокъ сладостныхъ упованій на „потусторонній“ міръ предвѣчной истины и добра. И какъ только исчезаютъ эти эмоціи, „потусторонній міръ“, какъ чисто-логическое построеніе, не можетъ держаться. Его не нужно добивать—онъ самъ медленно гаснетъ и умираетъ...

Но, свернувши съ этого пути, нашъ авторъ не сталъ и на путь Верхарна. Мимолетнымъ, навѣяннымъ, преходящимъ промелькнулъ живой аккордъ вѣры въ „посюсторонній“ міръ идеала.

Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла.

Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни;
Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.

Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ
Ихъ упоитъ въ безсонной жаждѣ знанья,

И красоты осуществленной ликъ
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.

Этотъ мотивъ—одинокій, случайный въ творчествѣ Брюсова. Это—пересаженное, нежизнеспособное растеніе въ саду его поэзіи. Оно и выглядитъ такимъ—оно не дышетъ могучей внутреннею силою, и хотя съ внѣшней стороны въ немъ „все въ порядкѣ“, но ему недостаетъ чего-то такого, что захватываетъ, проникновенно убѣждаетъ и увлекаетъ. Мы еще увидимъ, какую метаморфозу въ творчествѣ Брюсова суждено претерпѣть „единому Городу“. Столь же мимолетнымъ является и другой верхарновскій мотивъ (напр. въ „L'impossible“)—гимнъ величавой красотѣ вѣчной смѣны идеаловъ, постоянной замѣны однѣхъ цѣлей новыми, высшими, ибо

Жизнь не счастье, но томленіе.
Но прозрѣнья, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью, сквозь гроба!

—

Но что жъ! Пусть такъ! Клони меня, судьба,
Дышать грядущимъ—гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не надо!

Въ концѣ концовъ совсѣмъ не эти мотивы завладѣли творчествомъ поэта, не они окрасили его собою. Это былъ только одинъ изъ чужихъ путей, на который Брюсовъ ступилъ такъ же, какъ ступалъ и на противоположные—всюду въ поискахъ красоты и всюду какъ временный гость. Брюсовъ перепробовалъ много мотивовъ, но ни одинъ мотивъ не былъ настолько властенъ, чтобы покорить его себѣ, чтобы переполнить его собою до совершеннаго сліянія. „Что же ты любишь, дитя маловѣрное? гдѣ же твой идолъ стоитъ?“ Брюсовъ готовъ гордо отвѣтить, что онъ не творитъ себѣ кумировъ. Мы увидимъ, что Брюсовъ остается болѣе чѣмъ безъ кумировъ...

Брюсовъ—этотъ горячій поклонникъ Верхарна, считающій, что „вліяніе его только недавно начало расти, но невозможно предвидѣть, какъ широко распространится оно во всемірной литературѣ“; Брюсовъ, публично заявляющій о „своемъ преклоненіи передъ геніемъ Верхарна“ въ предисловіи къ своимъ переводамъ его стихотвореній; Брюсовъ, самъ на себѣ испытавшій всю силу этого вліянія—въ одномъ пунктѣ остался, однако, совершенно ему недоступнымъ: въ вопросѣ о томъ, гдѣ поставить свой идолъ. Мало того: въ этомъ пунктѣ нашъ почитатель Вер-

харна является, наоборотъ, самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ анти-Верхарномъ. Тамъ, гдѣ его учитель говоритъ (я позволю себѣ привести здѣсь свой собственный переводъ этого мѣста изъ Верхарна) про „новый строй, чудесно вызванный народомъ къ жизни“:

Его узрятъ грядущіе вѣка:
Онъ расцвѣтетъ нѣжнѣй весенняго цвѣтка,
Ликующій, простой, великодушный;
Вѣка кровавой мглы, какъ дымная струя,
Растаютъ въ синевѣ воздушной,
И будетъ новый строй не оболочкой душной,
А чистой сущностью живого бытія—

—тамъ Брюсову рисуется другая, мрачная картина, что-то въ родѣ спенсеровскаго „Грядущаго рабства“.

И, какъ кошмарный сонъ, видѣньемъ безпощаднымъ,
Чудовищемъ размѣренно-громаднымъ,
Съ стекляннымъ черепомъ, покрывшимъ шаръ земной,
Грядущій Городъ-домъ являлся предо мной.
Пріютъ земныхъ племенъ, размѣченный по числамъ,
Обязанъ жизнію—машина изъ машинъ!—
Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,—
Предвидѣлъ я тебя, земли послѣдній сынъ!
Предчувствовалъ я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
Ихъ думы, сжатыя познаньемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя, какъ тѣни,
Весь ужасъ переставшей пустоты!

Вотъ онъ, эпилогъ „комедіи всемірной исторіи“, результатъ многовѣковой борьбы, страданій и жертвъ—

Всѣхъ нашихъ помысловъ обманутая старость,
Срокъ завершившихся временъ.

Послѣ этого становится понятнымъ, почему съ извѣстнаго пункта въ „Кузнецѣ“ брюсовскій талантъ переводчика становится лишь блѣдною тѣнью себя самого. Человѣку, передъ духовнымъ взоромъ котораго носится кошмарное видѣнье „Грядущаго Города-дома“, не легко рисовать своею кистью свѣтлыя видѣнья верхарновскаго „Кузнеца“. Нѣтъ, здѣсь мы вступаемъ совершенно въ другую плоскость, въ область психологіи декаданса цивилизаціи.

Что, если Городъ мой—прообразъ первый, малый
Того, что нѣкогда жизнь явитъ въ полнотѣ,
Что, если міръ, унылый и усталый,
Стоитъ, какъ странникъ запоздалый

Передъ трясиною, на роковой чертѣ?
. . . . . .
И страшная мечта меня въ тѣ дни томила:
Что, если Городъ мой—предвѣстіе вѣковъ?
Что, если пошлость—роковая сила,
И создалъ человѣкъ для рабства и оковъ?

Но это—уже широко распахнутая дверь для бодлэровскихъ мотивовъ, и даже болѣе того: здѣсь—бодлэровскіе мотивы, обобщенные въ цѣлое соціологическое предсказаніе... Помните его „Le Voyage“, съ заключительнымъ аккордомъ:

Amer savoir, celui qu'on tire de voyage!
Le monde, monotone et petit, aujourd'hui,
Hier, demain, toujours, nous fait voir notre
Une oasis d'horreur dans un désert d'ennui!

И вотъ, въ брюсовскомъ „Ennui de vivre“ слышатся нотки бодлэровскаго „Spleen“ и „Le Goût de Néant“, въ „Замкнутыхъ“—„Le Voyage“ и частью „Préface“, и т. д., и т. д. Брюсовъ провозглашаетъ декадансъ всей человѣческой цивилизаціи. И психологія декаданса—психологія больного, изъѣденнаго внутренней червоточиной *типа* развитія, вознесеннаго на крайнюю, высшую, возможную для него *степень* развитія—богато развертывается въ цѣломъ рядѣ его стихотвореній. Красивая и мрачная утонченность, одновременно съ горечью и съ гордостью любующаяся сама на себя, скульптурно выдѣляется въ цѣломъ рядѣ произведеній...

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Просвѣта тщетно жаждемъ мы.
Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души-тюрьмы!

Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ—
Вся сущность человѣка лжетъ!

—

И всѣ мечты—какъ призраки, и всѣ мечтанья—ложь.

—

Великое презрѣніе и къ людямъ, и къ себѣ
Растетъ въ душѣ властительно, царитъ въ моей судьбѣ.

—

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы, какъ звѣри, вгнѣздились въ пещеры.
Жестко наше гранитное ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.
. . . . . .

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже...
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало послѣднее, Боже!

Мы вступили здѣсь въ область больныхъ чувствованій... Касаясь аналогичной психологіи у Бодлэра, съ его полосами глубокой меланхоліи и гипертрофированной возбудимости, Т. Готье даетъ прекрасную характеристику этой индивидуальной „психологіи декаданса“: „Приходитъ неврозъ со всѣми своими странными безпокойствами, безсонницами, полными галлюцинацій, неопредѣленными страданіями, болѣзненными капризами, безпричинной тоской, то безумнымъ порывомъ энергіи, то вялымъ безсиліемъ, съ поисками возбуждающихъ средствъ и отвращеніемъ ко всякой здоровой пищѣ“...

И у Брюсова ярко бросается въ глаза, напримѣръ, это чисто бодлэровское стремленіе взглянуть на дно чаши хотя бы съ самымъ опьяняющимъ жизненнымъ напиткомъ, чтобы, прерывая моментъ экстаза, усмотрѣть тамъ, на днѣ, горькій осадокъ и съ мучительнымъ наслажденіемъ упиться самому и заставить упиться другихъ его горечью.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Помните ли бодлэровскую вещицу—„Une charogne“? Фантазія поэта съ какой-то странной, болѣзненной причудливостью вкуса прерываетъ прогулку съ любимой женщиной внезапною встрѣчей на дорогѣ: они наталкиваются на разлагающійся трупъ женщины, раскинувшей ноги и цинически выпятившей безобразный позеленѣвшій животъ съ копошащимися червями, съ внутренностями, вытекающими въ видѣ ужасной слизи... И съ какой-то неестественной настойчивостью, граничащей съ садизмомъ, поэтъ восклицаетъ:

Et pourtant vous serez semblable à cette ordure,
A cette horrible infection,
Étoile de mes yeux, soleil de ma nature,
Vous, mon ange et ma passion!

И подобное же странное направленіе фантазіи мы встрѣчаемъ у Брюсова, описывающаго мученія родовъ женщины: „кривясь отъ мукъ, она безстыдно обнажала тѣло, и каждый стонъ ея былъ дикій звукъ“... Погасли разумъ и любовь, животная боль

овладѣла всѣмъ существомъ, всѣ въ мірѣ стали гадки и противны, тупая боль и ярость отпечатались на посѣрѣвшемъ, обезображенномъ лицѣ... И съ тою же настойчивостью авторъ бросаетъ въ бодлэровскомъ вкусѣ свое memento mori:

О, дѣвушки! о, мотыльки на волѣ!
Васъ на балу звенящій вальсъ влечетъ,
Вы въ нашей жизни—какъ цвѣты магнолій!

Но каждая узнаетъ свой чередъ,
И, корчась, будетъ припадать на ложе,
Глаза сжимая, искривляя ротъ...

Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

Сочетаніе любви и смерти, любви и мученія или мучительства вообще такъ же часто овладѣваетъ воображеніемъ Брюсова, какъ и Бодлэра. Одно изъ лучшихъ по формѣ стихотвореній Бодлэра — „Une martyre“ — рисуетъ намъ картину послѣ дикаго пира садической страсти: прекрасное, юное тѣло женщины, раскинувшееся въ пластической красотѣ наготы, въ позѣ любовнаго экстаза—и рядомъ отдѣленная отъ туловища голова съ окостенѣвшими глазами и блѣдными, обезкровленными щеками, и кровь, льющаяся изъ шеи и обильно обагряющая подушку...

Валерій Брюсовъ поглощенъ тѣмъ же мотивомъ въ своемъ стихотвореніи „Къ монахинѣ“, гдѣ онъ взываетъ къ этой „лиліи Бога“, „навѣки невѣстѣ Христа“:

Выходи же! Иди мнѣ навстрѣчу!
Я послѣдней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвѣчу!
Но подъ тѣмъ же таинственнымъ звономъ
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно—и все
Будетъ кончено стономъ.

Что касается Бодлэра, то его странное, болѣзненное пристрастіе—силою властной фантазіи примѣшивать къ любовному экстазу ужасающее дуновеніе трупнаго запаха — нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ взглядомъ на женщину, который выразился хотя бы въ его „Le vampire“. Женщина—это вампиръ, съ которымъ человѣкъ связанъ, какъ пьяница съ бутылкой, какъ падаль со своими червями; ядъ и кинжалъ отказываются служить ему противъ этого вампира, ибо знаютъ, что онъ пытался бы

воскресить его своими поцѣлуями. Это—тотъ взглядъ на женщину, къ которому, въ концѣ концовъ, пришелъ Бодлэръ, взглядъ, согласно которому женщина есть врагъ человѣка и одна изъ обольстительныхъ формъ дьявола...

Или у Брюсова:

Ты—женщина, ты—вѣдьмовскій напитокъ!
Онъ жжетъ огнемъ, едва въ уста проникъ,
Но пьющій пламя подавляетъ крикъ
И славословитъ бѣшено средь пытокъ.

И если у Бодлэра—хотя бы, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи, гдѣ онъ говоритъ о ночи, проведенной съ женщиной,—вдругъ врывается это страшное сравненіе:

Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu,

то это сравненіе имѣетъ огромную и странную притягательную силу для Брюсова, повторяющаго его во всевозможныхъ варіаціяхъ:

И ласки юношей, и грязь
Восторговъ старчески-безсильныхъ
Переношу я не томясь,
Какъ трупъ въ объятіяхъ могильныхъ.

—

Я помню боль, я помню ужасъ страсти,
И страшный видъ окровавленныхъ губъ,
И смутный звонъ разорванныхъ запястій!
. . . . . .
Кругомъ свѣтло, въ моихъ объятьяхъ трупъ.

—

Я узналъ безобразіе радостей,
Весь позоръ открываемыхъ губъ,
Но обрѣлъ затаенныя сладости,
Тамъ, гдѣ члены недвижны, какъ трупъ

—

А потомъ замру, застыну,
Буду словно теплый трупъ,
Члены въ сладости раскину,
Яства пышныя для губъ.

—

Я—трупъ пловца, заброшенный на сушу.
Ты—зыбкихъ водъ нептунова дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу,
Въ твоихъ рукахъ я буду мертвъ всю ночь.

—

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Этотъ царящій надо всѣмъ трупный запахъ какъ будто нуженъ больному воображенію, какъ пряное, возбуждающее средство. Такова атмосфера декаданса, въ которую мы теперь вступили. Здѣсь все—утонченное, изощренное, обостренное примѣсью „экзотическихъ“ средствъ, и все—ненормальное, больное...

Гдѣ же Верхарнъ? Верхарнъ, страстный и жизнерадостный, многоцвѣтный, многогранный, тонко-чувствительный ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія, умѣющій впивать въ себя свѣтъ, запахи цвѣтовъ, музыку звуковъ—и въ то же время порывистый, бунтующій, брызжущій энергіей, здоровьемъ и силами, переполняющими черезъ край чашу его жизни? Онъ далеко-далеко, его уже нѣтъ; напѣвы, навѣянные имъ, подкошены подъ корень ядовитымъ скептицизмомъ...

Правда, иногда въ стихахъ Брюсова вдругъ, неожиданно, раздаются его трубные, боевые звуки:

Славлю я день ослѣпительный
(Въ тысячахъ дней неизбѣжный),
Когда средп крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышаетъ свой голосъ мятежный,
Властительный,
Въ безуміп пьяныхъ веселій
Все прошлое топчетъ во прахѣ,
Играетъ, со смѣхомъ, въ кровавыя плахи,
Но, словно влекома таинственнымъ геніемъ
(Какъ рѣчка, свои воды къ просторамъ несущая),
Съ неуклоннымъ прозрѣніемъ
Стремится къ торжественной цѣли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слѣпа,
Открываетъ дорогу въ столѣтья грядущія!

— Славлю я правду твоихъ своеволій,
Толпа!

Это, конечно, Верхарнъ. Настолько Верхарнъ, что если не помнить его очень хорошо—можно удивиться, почему эти строки читаешь на страницахъ „Путей и Перепутій“, а не въ „Стихахъ о Современности“, какъ озаглавилъ Брюсовъ свои переводы изъ Верхарна. Да, это даже слишкомъ Верхарнъ. Это—пересказъ, и даже не слишкомъ вольный, преимущественно изъ „La Révolte“ въ „Les villes tentaculaires“. Здѣсь ярко видно, что Брюсовъ не справился съ Верхарномъ, не претворилъ въ себѣ его бунтарскихъ мотивовъ. Самъ онъ не могъ ихъ вмѣстить—и могъ лишь подражать, лишь копировать, лишь писать „подъ

Верхарна", въ тѣ исключительные моменты русской жизни, когда она сорвалась со своихъ вѣковыхъ цѣпей и гордымъ размахомъ, казалось, взметнулась къ тѣмъ „запредѣльнымъ вершинамъ", о которыхъ мечтаютъ верхарновскіе „избранники", „les élus". И эти случайные проблески мотивовъ „подъ Верхарна" не только затериваются, сиротливо-одинокіе, среди совершенно иныхъ аккордовъ. Нѣтъ, этого мало. Вглядитесь въ нихъ—и вы увидите, что въ нихъ преобладаетъ не элементъ субъективно-лирическій, а элементъ эстетически-созерцательный. Это цѣльно, это красиво, и потому исторгаетъ у поэта красивые звуки. Но холодокъ эстетизма, искусственнаго становленія на данную позицію даетъ себя чувствовать и здѣсь. Не даромъ и въ своихъ переводахъ изъ Верхарна Брюсовъ избиралъ такія пьесы, гдѣ созерцательно-объективный моментъ играетъ большую роль. Такова, въ особенности, у самого Верхарна „La Révolte". Въ „Кузнецѣ", гдѣ подъ конецъ субъективныя ноты такъ гармонически сливаются съ избраннымъ объективнымъ символомъ, входятъ въ него такимъ широкимъ, могучимъ и свѣтлымъ потокомъ, мы уже видѣли ослабленіе творческаго вдохновенія нашего автора. Онъ наполовину чужой переживаемому образу. Вѣдь для него —

Прекрасенъ, въ мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти,
Въ щепы дробящій утлый тронъ.

Такой эстетизмъ не можетъ не отдавать внутреннимъ холодкомъ. Легкость замѣны Ассаргадона его антитезой и обратно, какъ образовъ, покоряющихъ творческую фантазію поэта, скажется на его произведеніяхъ.

Неколебимой истинѣ
Не вѣрю я давно,
И всѣ моря, всѣ пристани
Извѣдалъ я равно.

—

Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

Поэту кажется, что въ этомъ—высшее выраженіе его полной свободы. Онъ можетъ быть то съ тѣми, то съ другими, но самъ онъ—по выраженію друга его Бальмонта—„для всѣхъ и ничей".

Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.

И поэтъ не видитъ, что, можетъ-быть, именно здѣсь—источ-

никъ тѣхъ душевныхъ метаморфозъ, которыя заканчиваются этими, посылающими сѣрую мглу на душу, аккордами:

Мнѣ все равно, мнѣ все равно,—слѣжу игру тѣней.
Я долго жизнь разсматривалъ, я присмотрѣлся къ ней.
Какъ листъ, въ потокъ уроненный, я отдаюсь судьбѣ,
И лишь растетъ презрѣніе и къ людямъ, и къ себѣ.

III.

Во власти „демоновъ пыли".

Брюсовъ — плоть отъ плоти и кость отъ костей соціальной атмосферы „конца вѣка", со всею утонченностью переживаній наверху его соціальной пирамиды, со всею пышною роскошью цвѣтовъ духа, выращенныхъ въ душной и пряной оранжерейной атмосферѣ, нѣжащей и разслабляющей... Брюсовъ — тепличное растеніе, и хотя порою у него чувствуются порывы, на подобіе гаршинской „Attalea princeps", пробить дорогу вверхъ, къ открытому небу, съ его чистымъ воздухомъ, открытымъ небомъ и внезапными бурями, но эти порывы заранѣе отравлены скептицизмомъ. Его бурныя настроенія, достигая высшихъ аккордовъ, все-таки обезпложены пессимизмомъ — пессимизмомъ сына современной культуры, съ его „блазированной" усталостью и красивымъ равнодушіемъ пресыщенности.

Мы сказали бы, что Брюсовъ есть дитя современной нашей цивилизаціи, даже больше — современнаго соціальнаго строя... Но здѣсь насъ останавливаетъ боязнь, чтобы насъ не поняли слишкомъ плоско, вульгарно и грубо.

Слишкомъ много было и есть охотниковъ говорить о „буржуазности" того тонкаго эстетизма, представителемъ котораго является Брюсовъ, и заключающаяся въ этомъ утвержденіи крупица истины слишкомъ искажена и опошлена. Правда, все это дѣлается радикализма ради... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ дешевымъ радикализмомъ, гордымъ своею школьною мудростью. Ибо, въ общемъ, Брюсовъ слишкомъ сложное явленіе, чтобы для измѣренія его было достаточно ученической линейки. Онъ—сынъ своего времени вовсе не въ томъ простомъ, элементарномъ смыслѣ, чтобы для него было „добро зѣло" строеніе всего нашего соціальнаго жизненнаго уклада, чтобы онъ былъ изъ числа довольныхъ его жрецовъ и служителей. Нѣтъ, онъ брезгливо сторонится отъ нихъ:

Довольство ваше—радость стада,
Нашедшаго клочокъ травы,
Быть сытымъ—больше вамъ не надо,
Есть жвачка—и довольны вы!

Несомнѣнно, Валерій Брюсовъ даннаго соціальнаго міра „не пріемлетъ". Но отрицаніе его слишкомъ безпредметно, безплотно, теплично. Наша цивилизація разорвала „духъ" и „тѣло". Она одну часть человѣчества впрягла въ лямку обездушеннаго труда, другую часть вознесла въ эмпиреи обезплоченнаго духа. Брюсову достался второй жребій. Онъ „отрицаетъ" нашу современную дѣйствительность:

Какъ ненавидѣлъ я всей нашей жизни строй,—
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый...

Но есть отрицаніе и отрицаніе. Есть отрицаніе конкретное, чреватое положительнымъ. Это—какъ будто „ограниченное" отрицаніе, ибо вѣдь отрицаніе „всего строя жизни" возможно и болѣе обобщенное, универсальное, одѣвающееся въ плащъ пессимистическаго отношенія къ жизни вообще, развѣнчивающее всякій идеалъ, усматривающее въ немъ черты прѣснаго, застывшаго „мѣщанскаго счастья". И однако... равно отрицая, съ этой абстрактной высоты, *всякій* возможный конкретный строй, оно приведетъ, въ сущности, къ нѣкоторому философскому примиренію съ каждымъ даннымъ реальнымъ строемъ, ибо его муки и болѣзни окажутся свойственными самой „природѣ вещей". Можно примириться съ нимъ не только глядя на него снизу вверхъ, но и глядя сверху внизъ. Но примиреніе остается примиреніемъ, принимая лишь форму то скорбнаго, то ироническаго философскаго безразличія...

Поднявшись *надъ* дѣйствительностью, Брюсовъ остается ея сыномъ именно *безплотностью своего отрицанія*. Переставъ быть сыномъ вѣка сего въ грубомъ, прямомъ смыслѣ этого слова, Брюсовъ не порываетъ болѣе тонкой, но поистинѣ роковой связи. Его отрицаніе остается такимъ же пышнымъ, махровымъ оранжерейнымъ цвѣткомъ—не болѣе...

Всякое болѣе грубое связываніе поэзіи Брюсова съ соціальнымъ укладомъ современности будетъ явною натяжкою. Но такія натяжки дѣлаются. У Брюсова есть стихотвореніе „Міръ", особенно соблазняющее марксистскую литературную критику. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ это—благодарнѣйшій матеріалъ, который самъ плыветъ въ руки критика-марксиста. Поэтъ рисуетъ „міръ, утраченный имъ съ дѣтства"—тотъ міръ, съ ко-

торымъ онъ самъ „когда-то былъ какъ свой, сливался съ нимъ въ одно“. И этотъ міръ оказывается міромъ комедіи Островскаго, мирною заводью патріархальнаго мѣщанства, міромъ „купцовъ въ поддевкахъ синихъ“, монахинь, „юркихъ половыхъ“, „самоувѣреннаго скрипа“ телѣгъ, запаха дегтя, кумача и лампадокъ съ постнымъ масломъ. „Стѣной и вывѣской кончался кругозоръ“ этого мірка, и за каждымъ мелкимъ оживленіемъ слѣдовалъ „снова душный сонъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій“... Я помню этотъ міръ—говоритъ поэтъ—

Я помню формы, звуки, запахъ... О! и запахъ!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы подъ-поломъ, въ грудяхъ земли,
Со сходами, припрятанными въ трапахъ,
Картинки въ рамочкахъ на выцвѣтшей стѣнѣ,
Старинныя скамьи и прочныя конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свѣтъ незоркій,
Лежащій безъ тѣней въ лѣнивой тишинѣ.
И запахъ надо всѣмъ,—нежалящіе когти
Вонзающій въ мечты, въ желанья, въ рѣчь, во все!
Быть-можетъ, выросшій въ веревкахъ или въ дегтѣ,
Иль вползшій, какъ змѣя, въ безлюдное жилье,
Но царствующій здѣсь надъ всѣмъ житейскимъ складомъ,
Проникшій все насквозь, держащій все въ себѣ!
О, позабытый міръ! И я дышалъ тѣмъ ядомъ,
И я причастенъ былъ твоей судьбѣ!

Чего же еще больше нужно для „экономическаго матеріалиста“! Подсудимый самъ сознался, и доказательствъ больше никакихъ не нужно. „У поэзіи Брюсова былъ хозяинъ“ — пишетъ Ю. Каменевъ въ „Литературномъ Распадѣ“ — „и хозяиномъ этимъ былъ—амбаръ. Тотъ самый амбаръ, который такъ рельефно данъ намъ самимъ Брюсовымъ... и о сродствѣ съ которымъ онъ такъ прямодушно повѣдалъ въ вышеприведенныхъ стихахъ“. „Сквозь „пыльное окно“ этого угла жизни взглянулъ Брюсовъ на міръ, и „незоркій свѣтъ“ былъ его огненнымъ столпомъ въ раскрывшейся пустынѣ“.

Трудно найти болѣе яркій примѣръ того, какъ догматизмъ принижаетъ человѣка, не лишеннаго чуткости, и какъ этотъ догматизмъ врывается рѣзкимъ диссонансомъ въ ходъ болѣе вдумчиваго анализа. Г-нъ Ю. Каменевъ способенъ болѣе тонко подмѣчать пружины и мотивы творчества, чѣмъ онъ это дѣлаетъ въ приведенныхъ строкахъ; но онъ боится, что это будетъ недостаточно правовѣрно и прямолинейно. Въ самомъ дѣлѣ, какой аляповатый пріемъ! Тамъ, гдѣ авторъ поднимается *надъ*

мѣщанской Обломовкой — поднимается настолько, что констатируетъ: „и я дышалъ тѣмъ ядомъ“—усматривать доказательство продолженія власти этого „стараго міра“! Какъ будто „тѣмъ ядомъ“ не дышали и не дышутъ всѣ, какъ будто въ современномъ строѣ онъ не разлитъ во всей атмосферѣ, какъ будто мѣщанскими навыками не заражаются до извѣстной степени всѣ, даже наиболѣе „динамическіе“ элементы и силы нашего времени! Разница лишь въ томъ, что одни замѣчаютъ вліяніе „нежалящихъ когтей“, запускаемыхъ мѣщанствомъ „въ желанья, въ мысль, во все“—и потому получаютъ возможность бороться съ нимъ и побѣждать его. Другіе же — поистинѣ „прямодушно“ и простодушно—не замѣчаютъ его и, отдаваясь всецѣло его скрытой власти, воображаютъ себя свободными и ходятъ настоящими имяниниками...

Вѣдь тотъ „міръ“, о которомъ говоритъ здѣсь Брюсовъ, міръ, характеризуемый „незоркимъ свѣтомъ“, „нежалящими когтями“ и „душнымъ сномъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій“—для поэта есть міръ „демоновъ пыли“... Помните это прекрасное стихотвореніе, гласящее, что „есть демоны пыли, какъ демоны снѣга и свѣта“...

Демоны пыли
На шкапахъ притаились, какъ звѣри,
Глаза закрыли,
Но едва распахнутся двери,
Они дрожатъ,
Дико глядятъ;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Гдѣ они побѣдили,
Тамъ покой, тамъ сонъ, сновидѣнья,
Какъ въ обширной могилѣ.
Они дремлютъ, лежатъ безъ движенья,
Притаясь въ углу.
Не смотрятъ во мглу,
Но помнятъ сквозь сонъ, что они побѣдили.

Но и этого мало для характеристики отношенія Брюсова къ „амбарному міру“. Онъ открываетъ его черты вездѣ, открываетъ ихъ въ высшихъ формахъ жизни „Города“, во всѣхъ мыслимыхъ формахъ будущей жизни человѣчества, вплоть до его конца—до рокового финала нашей планеты...

О, демоны пыли!
Ваша власть съ вѣками все шире!
Вашъ день придетъ,—

И все уснетъ
Подъ тихое вѣянье сѣрыхъ воскрылій.

„Ваша власть съ вѣками все шире“... Внѣшность говоритъ другое — но это не смущаетъ поэта. Онъ посѣтилъ знакомыя мѣста, списанныя въ „Мірѣ“ много лѣтъ спустя. Ихъ какъ будто нельзя было узнать. „Тотъ, мнѣ знакомый міръ, былъ тусклъ и нѣмъ,—теперь сверкало все, гремѣло въ гулѣ гулкомъ“. На мѣсто мелко-мѣщанскаго затишья водворилось величье современнаго города—„воздвиглись зданія изъ стали и стекла, дворцы огромные, гдѣ вольно бродятъ взоры, безстрастный свѣтъ вошелъ туда, гдѣ жалась мгла...“ И въ себѣ самомъ поэтъ находитъ такія же перемѣны—„въ душѣ все новое, какъ въ городѣ торговля“—съ ѣдкой ироніей отмѣчаетъ онъ. И побѣды этого „новаго“ онъ отмѣчаетъ какъ „напрасныя“ побѣды...

Да, напрасныя! Ибо для Брюсова мѣняются только формы, но не сущность. Ибо глубокимъ, всепроницающимъ—и въ то же время уравновѣшеннымъ, примиреннымъ съ собою пессимизмомъ запечатлѣна поэзія Валерія Брюсова.

Нашъ современный міръ—міръ городской цивилизаціи—Брюсову кажется одной громадною тюрьмой. „Въ пропасти улицъ закинуты, Городомъ взятые въ плѣнъ“, мы потеряли жизнь, солнце, свободу — все, чѣмъ живетъ даже элементарный міръ природы. „Области солнца задвинуты плитами комнатныхъ стѣнъ“, и вся наша цивилизація уводитъ насъ все дальше и дальше въ эту мертвенную жизнь „въ свѣтѣ искусственномъ, четкомъ, умѣренномъ“, гдѣ „взоры отъ красокъ отучены“, гдѣ только поэзія, искусство — слабый проблескъ, окно къ утерянной жизни и волѣ... И въ то же время къ нимъ нѣтъ возврата — развѣ въ мечтѣ, да еще въ крушеніи цивилизаціи, которое, однако привело бы насъ снова къ исходной точкѣ того же неизбѣжнаго „историческаго круговорота“... И въ этой *неизбѣжности*—примиреніе съ дѣйствительностью: примиреніе не наивное, не самодовольное, а просвѣтленное, умудренное горькимъ сознаніемъ, философское. Надо жить этой жизнью; другой жизни нѣтъ; но, живя этой жизнью, можно видѣть ее не прикрашенной, не позолоченной, а такой, какова она есть, съ одной безотрадной перспективой. „Міръ, унылый и усталый, стоитъ, какъ странникъ запоздалый, передъ трясиною, на роковой чертѣ“...

И все-таки намъ, жалкимъ дѣтямъ „запоздалаго странника“, приходится довольствоваться этимъ даннымъ міромъ и взять отъ него все, что можно...

Здравствуй же, Городъ, всегда озабоченный,
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Въ царственной смѣнѣ сверканій и тьмы!
Сладко да будетъ намъ въ сумракѣ чувственномъ
Этой всемірной тюрьмы!

Какова цѣнность этого пессимизма, завершающагося примиреніемъ? Не есть ли это пессимизмъ усталаго, пресыщеннаго сына современной цивилизаціи, который разочаровался въ ней только потому, что извѣдалъ всѣ самыя утонченныя ея блага, и не находитъ больше средствъ къ изощренію своей притупившейся воспріимчивости? За кажущейся полнотой отрицанія дѣйствительности, „непріятія" даннаго міра, не скрывается ли фактическая невозможность для автора дѣйственно оторваться отъ него, фактическое родство съ даннымъ міромъ? Всѣ эти вопросы законны; но самая постановка ихъ требуетъ предварительнаго пониманія всей широты брюсовскаго отрицанія.

Въ блестящей цивилизаціи Новаго Города мы, для Брюсова, такіе же „замкнутые", такіе же плѣнники, какъ въ „сорной заводи" патріархальной мѣщанской Обломовки. „Замкнутые" — таково названіе цѣлой „сатирической поэмы" Брюсова. Ея герои—все тѣ же „толпы людскія", „въ пропасти улицъ закинуты, Городомъ взятые въ плѣнъ"... И Городъ „замкнутыхъ" — тотъ же Городъ, который „гуломъ сопутственнымъ, лязгомъ желѣзнымъ" нависъ надъ нами, сгрудился въ огромную чуждую силу, со своими „златыми дворцами разврата", „стеклянными башнями газетъ", улицами, „гдѣ съ дерзостнымъ взоромъ и мерзостнымъ хохотомъ предлагаютъ блудницы любовь, гдѣ съ топотомъ, ропотомъ, грохотомъ движутся лицъ вереницы", и гдѣ „летятъ экипажи, какъ строй безразсудный, мимо зеркальныхъ сіяній, мимо рукъ, что хотятъ подаяній, къ сіяющимъ вывѣскамъ наглыхъ огней".

Современная цивилизація, складываясь въ опредѣленный, законченный строй и въ самозащитѣ своей отъ напирающихъ на нее новыхъ, „разрушительныхъ" соціальныхъ силъ ревностно блюдущая свои устои—Брюсову противна, какъ все кристаллизованное, застывшее. На ней тяготѣетъ для него печать „демоновъ пыли", ею „міръ снова замкнутъ безнадежно". Ее постигаетъ судьба всѣхъ отжившихъ общественныхъ укладовъ. Въ законченности ея застывающихъ формъ, въ ея стройности и цѣлостности — ея смерть. Какъ каждый общественный укладъ, вынужденный сосредоточиться въ борьбѣ за свое существованіе, Городъ „замкнутыхъ" Брюсова „угрюмъ и дряхлъ, но гордъ и строенъ".

Передавался трудъ къ потомкамъ отъ отца,
Но каждый камень, взвѣшенъ и размѣренъ,
Ложился въ свой чередъ по замыслу творца,
И линій общій строй былъ строгъ и вѣренъ,
И каждый малый сводъ продуманъ до конца.
Въ стремленьи въ высь, величественно-смѣломъ,
Вершилось зданіе свободнымъ остріемъ,
И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
Спокойно-замкнутымъ въ себѣ самомъ...

Но эта эстетическая цѣлостность и стройность зданія современной цивилизаціи, съ ея демократической государственностью и съ ея торговой и промышленной культурой, не радуетъ сердца Брюсова. Мертвечиной пахнетъ для него эта уравновѣшенная стройность, и все внѣшнее величіе Города заставляетъ его только поставить мучительно-раздумчивый вопросъ: „что, если пошлость—роковая сила, и созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?“ Одна за другой проходятъ передъ Брюсовымъ „надстройки“ нашей духовной культуры, и ни одна не колеблетъ его рокового сужденія.

Для однихъ путеводною звѣздою, факеломъ, освѣщающимъ лабиринтъ жизни, является религія, въ которой „духъ столѣтій смѣло воплотилъ и вѣру въ геній свой, и вѣру въ Бога“. Но вотъ—

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ, то пустынныхъ.
Въ однихъ—все статуи, картины и рѣзьба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ,
Безсмысленно-пустая ворожба!
. . . . . .
Въ другихъ церквахъ восторгъ опустошенья.
На черныхъ стѣнахъ цифры, рядъ страницъ,
Молящіеся, въ чинномъ изступленьи,
Кричатъ псалмы, какъ стаи хищныхъ птицъ...

Другіе нашли новаго бога—въ Наукѣ. Но и здѣсь та же мертвенная, безплодная пустыня—

Я залы посѣщалъ ученыхъ засѣданій
И слышалъ съ ужасомъ размѣрность ихъ рѣчей.
Казалось мнѣ—влекутъ кумиръ огромный знаній
Покорные быки подъ щелканье бичей.
. . . . . .
Однажды ошибясь при выборѣ дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компасъ.
И былъ ихъ трудъ великъ, шаги ихъ были строги—
Но уводилъ ихъ прочь отъ цѣли каждый шагъ...

Есть еще два блага, скрашивающія пошлую прозу существованія: это—свободное, по существу своему, искусство, и столь же

свободная, по существу своему, любовь. Но и на нихъ накладываютъ свою неизгладимую, властную печать рутинныя требованія окаменѣлаго уклада жизни.

Къ художникамъ входилъ я въ мастерскія—
О, бѣдность горькая опустошенныхъ думъ!
. . . . . .
За городомъ былъ паркъ, развѣсистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Тамъ тайно въ сумерки ходили пары—
„Я васъ люблю“—промолвить при лунѣ.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллей былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній...
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать...

Вотъ онъ, заколдованный кругъ мѣщанства, безнадежнаго мѣщанства... какъ прорвать его? Какъ изъ него вырваться? Куда бѣжать? Гдѣ та „пристань“, въ широкомъ смыслѣ этого слова, гдѣ можно „сердце вольностью растрогать“?

Этихъ выходовъ къ „пристани“ можетъ быть нѣсколько, и всѣ они перепробованы Брюсовымъ. Поэтому тема его „Замкнутыхъ“ имѣетъ центральное значеніе для его поэзіи. Изъ нея, какъ изъ центра, расходятся въ разныя стороны лучи его творчества; къ ней, прямо или косвенно, примыкаютъ почти всѣ его мотивы. Кто хочетъ понять Брюсова и его поэзію, по содержанію, какъ нѣчто цѣлостное, долженъ прежде всего ознакомиться съ сердцевиной его умонастроеній, сказавшихся въ этой „сатирической поэмѣ“ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Она особенно ярко рисуетъ современную цивилизацію, какъ міръ, находящійся подъ властью „демоновъ пыли“.

Жизнь, подчиненная привычкамъ и условью,
Елеемъ давности была освящена.
Никто не смѣлъ—ни скорбью, ни любовью
Упиться, какъ виномъ пылающимъ, до дна;
Никто не подымалъ съ лица холодной маски,
И каждымъ взглядомъ лгалъ, и пряталъ каждый крикъ;
Разсчетомъ и умомъ всѣ осквернялн ласки
И берегли свой пафосъ—лишь для книгъ...

Не правда ли, если мы прибавимъ сюда нѣсколько строкъ изъ Бодлэра—

И если ядъ, пожаръ и остріе кинжала
Еще не вышили узоровъ роковыхъ

На нашихъ скудныхъ дняхъ, и пошлыхъ, и пустыхъ,—
Увы—лишь потому, что въ насъ отваги мало!—[1])

то покажется, что мы читаемъ одно и то же стихотвореніе одного и того же автора?

Еще рельефнѣе предстанетъ передъ нами этотъ параллелизмъ темы и настроенія, если мы возьмемъ нѣсколько строфъ изъ бодлэровскаго „Un voyage“, гдѣ авторъ съ скорбною ироніей наблюдаетъ повсюду

На мѣстѣ женщины, съ зари вѣковъ донынѣ,
Самодовольную и пошлую рабу;
Мужчину-деспота, раба своей рабыни,
Съ душой, похожею на сточную трубу.

Лобъ мѣдный палача и жертвы взоръ молящій,
За пиромъ—амброю приправленную кровь;
Власть опьянѣлую, народъ всевыносящій,
Къ кнуту сыновнюю питающій любовь.

Религій множество: подобно нашей, тоже
Всѣ лѣзутъ къ небесамъ... Какъ нѣжный сибаритъ
Подъ пологомъ изъ розъ на ароматномъ ложѣ,—
Блаженно на гвоздяхъ святоша спитъ!

Но ироніа Бодлэра бьетъ еще глубже и дальше... Въ томъ же мірѣ „демоновъ пыли“, какъ его необходимый аксессуаръ, какъ отбрасываемую имъ чужую тѣнь, поэтъ отмѣчаетъ:

Кичливый человѣкъ, ребячески болтливый,
Безумствуя теперь точь въ точь, какъ въ старину,
Взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой:
— О Ты, подобный мнѣ, кляну Тебя, кляну!

А кучка смѣльчаковъ изъ загородки тѣсной,
Отъ стада общаго, живущаго день въ день,
Уходитъ въ оніумъ свободный и чудесный...
— Вотъ шара нашего обычный бюллетень... [2])

Въ картинѣ, рисуемой Бодлэромъ, есть мѣсто и для Брюсова съ его „отрицаньемъ“... Когда Брюсовъ, въ страстной реакціи послѣ былыхъ безмятежныхъ „молитвъ на лонѣ Отца“, „взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой“:

Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?

---

[1]) Пер. П. Я. (П. Якубовича), Стихотворенія, т. II, стр. 116.
[2]) Ibid., стр. 268.

Когда онъ—въ своемъ „Искушеніи“—„подымается, вольный и дикій“, и потрясаетъ молчаніе ночи „хриплыми криками“—послѣ которыхъ ему „дьяволы шепчутъ со смѣхомъ: ты нашъ!“—скорбно-ироническая усмѣшка Бодлэра говоритъ ему: это все та же ребяческая болтовня кичливаго человѣка, безумствующаго и теперь точь въ точь, какъ въ старину...

И когда Брюсовъ, среди своихъ пессимистическихъ раздумій, вдругъ восклицаетъ:

Намъ должно жить! Лучомъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть!

или говоритъ про себя:

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые,—

то та же саркастическая усмѣшка Бодлэра отвѣчаетъ: да, вотъ онъ, особый родъ опіума, создающаго „искусственный рай“, paradis artificiel... Это—необходимый аксессуаръ общей картины, безъ него былъ бы нарушенъ ея ансамбль; это нисколько не выходитъ изъ рамокъ, которыя даетъ „шара нашего обычный бюллетень“.

Въ самомъ дѣлѣ, есть бунтъ и есть борьба. Борьба—удѣлъ свободныхъ людей, бунтъ—удѣлъ рабовъ. Борьба творчески преобразуетъ жизнь по цѣлостному, стройному идеалу. Бунтъ непосредственно ломаетъ и разбиваетъ узы и запоры, безъ сознанія идеала, безъ просвѣтленной вѣры въ лучшее будущее. „Міра Твоего не пріемлю“—дальше этого рабъ нейдетъ, ибо міръ для него всегда останется собственностью другого—или другихъ. „Создамъ *свой* міръ“ или „пересоздамъ міръ по своему идеалу и желанію“—рабу сказать не дано. Рабы—и въ буквальномъ, и въ иносказательномъ, расширенномъ значеніи этого слова—могли выставлять всегда только буйную вольницу, и ея „отрицаніе“ не было и не могло быть чревато ничѣмъ положительнымъ. Они не могли выставить коллективнаго идеала, чтобы во имя его организовать коллективное творческое дѣйствіе; коллективность ихъ дѣйствія была не органической, а механической; она представляла простую сумму индивидуальныхъ бунтарскихъ дѣйствій; вмѣстѣ ломали окостенѣвшіе устои, вмѣстѣ проявляли своевольную жажду выйти изъ проторенной колеи жизни—и только. Въ этомъ смыслѣ бунтъ „вольницы“ не выходитъ изъ рамокъ

стараго міра, не шагаетъ *изъ* него и *чрезъ* него въ новый міръ; онъ—органическая составная часть этого міра; онъ послушно слѣдуетъ за нимъ, какъ его черная тѣнь. Въ этомъ-то смыслѣ бунтъ и есть удѣлъ раба, удѣлъ человѣка, который не освободился изъ-подъ духовной власти этого міра, и, даже враждуя съ нимъ, не можетъ себѣ представить возможности съ нимъ разъ навсегда покончить. Старый міръ тяготѣетъ надъ его сознаніемъ, какъ фатумъ. Вся исторія развитія человѣчества представляется ему какъ роковое удаленіе отъ „золотого вѣка“, лежащаго гдѣ-то далеко, безконечно далеко позади. „Рабы“ всѣхъ временъ и народовъ на землѣ знаютъ только „потерянный рай“. Обрѣсти этотъ рай здѣсь, на землѣ, никто изъ нихъ не смѣетъ и мечтать. Начиная отъ простого деревенскаго старика, наивно вздыхающаго о добромъ старомъ времени, когда и люди были здоровѣе и добрѣе, и жили дольше и лучше, и земли было на всѣхъ достаточно—и кончая рафинированнымъ Брюсовымъ, доходящимъ въ своемъ пессимизмѣ до мечтаній о крушеніи всей нашей цивилизаціи и возвратѣ къ первобытной цѣлостности далекихъ предковъ,—эта черта, варьируясь на всѣ лады, остается неумирающей и одинаковой въ своей основѣ. И вотъ почему Брюсовъ, въ интимнѣйшихъ мотивахъ своей поэзіи, проявляетъ всѣ черты историко-психологическаго типа, получившаго отъ Михайловскаго названіе „вольницы“ и представляющаго собою причудливое сплетеніе явнаго бунта противъ „демоновъ пыли“ и скрытой, безсознательной зависимости отъ „тихаго вѣянія ихъ сѣрыхъ воскрылій“.

Викторъ Черновъ.

ДВѢ МАТЕРИ

(Joséphin Soulary.)

Двѣ матери сошлись на паперти церковной:
Одна за гробикомъ, въ слезахъ, рыдая, шла,
Печали полная, походкою неровной,
И небесамъ укоръ въ душѣ своей несла.

Другая—шла крестить... И первенца, съ улыбкой,
Сіяя гордостью, держала на рукахъ,
И счастья вѣрила волнѣ невѣрно-зыбкой,
И взоръ съ надеждою терялся въ небесахъ.

Окончился обрядъ, и снова у порога
Сошлась двухъ матерей неравная дорога,
И взглядъ ихъ встрѣтился, безмолвный, но живой.

На гробикъ ранній, съ тихою слезою,
Глядитъ счастливая... и, скорбь смиривъ мольбою,
Мать грустная въ отвѣтъ улыбку шлетъ другой!

Е. М. Миличъ.

БЕЗРАБОТИЦА

и

БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АНГЛІИ

I.

Въ Англіи самымъ больнымъ вопросомъ общественной жизни является теперь проблема безработицы. Съ одной стороны несоотвѣтствіе между темпомъ развитія англійскаго производства и эволюціи емкости его рынковъ, угрожающее стать еще болѣе ярко выраженнымъ вслѣдствіе успѣшной конкурренціи со стороны Германіи, создаетъ ту неуравновѣшенность экономической дѣятельности, которая еще съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія была основной причиной рѣшительныхъ выступленій рабочихъ массъ. Съ другой стороны—въ Англіи эти массы все болѣе эволюціонируютъ отъ того духа исключительности и корпоративности, который, по словамъ Веббовъ [1]), ослаблялъ силу рабочаго движенія, и все настойчивѣе требуютъ отъ государства участія въ борьбѣ съ безработицей. Первымъ въ этомъ отношеніи крупнымъ историческимъ фактомъ былъ внесенный рабочими депутатами въ палату общинъ 13-го марта 1908-го года „билль о правѣ на трудъ“ (Right to Work Bill). Быстрый ростъ политической организаціи англійскаго рабочаго класса не только вліяетъ на парламентскія и муниципальныя сферы, но охватываетъ и *обыденную* жизнь, въ ея самыхъ разно-

[1]) См. ихъ „Industrial Democracy“, Лондонъ, 1900.

образныхъ проявленіяхъ. Отсюда необходимость для стоящихъ у власти партій оріентироваться въ этомъ вопросѣ, опредѣлить свою позицію и сообразно съ этимъ выработать программу мѣропріятій.

Задача эта не изъ легкихъ. Явленіе, противъ котораго должна быть направлена энергія законодательныхъ органовъ, настолько сложно и настолько связано съ самыми существенными сторонами современнаго общественнаго строя Англіи, что всякая рѣшительная попытка организовать цѣлесообразную борьбу съ нимъ неизбѣжно должна затронуть кровные интересы значительныхъ слоевъ англійскаго общества. Уже одинъ тотъ фактъ, что основная причина наличности резервной арміи рабочихъ—неорганизованность мѣстнаго и интернаціональнаго торговыхъ рынковъ—значительно съуживаетъ и осложняетъ эту задачу, дѣлаетъ ее почти неразрѣшимою. Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи періоды максимальной безработицы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ падаютъ послѣдовательно на 1858, 1862, 1868, 1879, 1886, 1893 и 1904 г.г.—годы наиболѣе выраженной депрессіи въ производствѣ [1]). Такимъ образомъ государство должно было бы, въ цѣляхъ борьбы съ безработицей, выполнить геркулесову, до сихъ поръ никому непосильную работу организаціи торговыхъ рынковъ. Организація страхованія, какъ компенсація государственнаго безсилья въ борьбѣ съ этой причиной, влечетъ за собой огромные расходы, на которые съ легкимъ сердцемъ „отвѣтственный политикъ“ не рѣшится.

Но — скажутъ, быть-можетъ — помимо этой, общей всѣмъ индустріализированнымъ странамъ и неустранимой въ рамкахъ современнаго экономическаго порядка причины, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, носящихъ преимущественно національный характеръ и менѣе огражденныхъ отъ вліянія государственныхъ мѣропріятій. Наличность ихъ, несомнѣнно, обостряетъ безработицу среди англійскаго пролетаріата. Къ нимъ принадлежатъ, прежде всего, неорганизованность мѣстнаго рабочаго рынка и вырожденіе англійскаго сельскаго хозяйства. Эти причины не связаны необходимо съ капиталистической формой производства. Отъ неорганизованности рабочаго рынка страдаютъ, хотя и не въ одинаковой степени, и предприниматели, и рабочіе. Часто предпринимательскими союзами дѣлаются попытки — напр. въ Германіи — организовать бюро по пріисканію рабочихъ. Мелкое

[1]) 1856-ой годъ былъ послѣднимъ годомъ кризиса и первымъ—начавшагося промышленнаго возрожденія; 1862-ой—послѣднимъ годомъ т.-наз. „хлопкового голода“, а 1868-ой и слѣдующій—послѣдними годами общей депрессіи.

сельское хозяйство существуетъ бокъ-о-бокъ съ крупнымъ повсюду, даже въ Англіи, и нигдѣ, кромѣ Англіи, не наблюдается тенденція къ исчезновенію его. Для крупной индустріи наличность его даже крайне желательна въ силу того, что размѣры потребленія деревни всегда были и будутъ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющимъ степень развитія національнаго производства.

A priori все это совершенно вѣрно. Но въ Англіи обѣ причины не могутъ быть устранены просто и безболѣзненно. Профессіональные союзы, играющіе далеко не послѣднюю роль въ экономической жизни страны, самымъ кровнымъ образомъ заинтересованы въ сохраненіи отвоеванныхъ долгой и упорной борьбою позицій. И если они безъ всякаго сожалѣнія откажутся отъ практикуемаго ими въ широкихъ размѣрахъ подысканія работы для своихъ безработныхъ членовъ, то только на томъ условіи, что государство, принявъ на себя эту функцію, не сыграетъ по отношенію къ организованнымъ рабочимъ роль штрейкбрехерскаго агентства, поставляющаго согласныхъ на любыя условія работниковъ тѣмъ предпринимателямъ, которые, путемъ локаутовъ, ведутъ борьбу съ трэдъ-юніонами. Иначе—принятая парламентомъ мѣра легко вызоветъ серьезныя осложненія или рискуетъ не дать никакихъ практическихъ результатовъ.

Еще труднѣе правильно намѣтить линію поведенія государства по отношенію къ современнымъ аграрнымъ условіямъ. Въ Англіи въ настоящее время преобладаетъ латифундарный характеръ землевладѣнія. Изъ 72.119.961 акра годной къ обработкѣ земли принадлежитъ:

крупнымъ хозяйст.	(свыше 1.000 акр.) . .	51.855.118 акр.	или	72%	всей пл.
среднимъ „	(отъ 100 до 1000 акр.).	15.133.057 „	„	21 „	„ „
мелкимъ „	(„ 1 „ 100 акр.).	4.910.723 „	„	6,8 „	„ „
мельчайшимъ „	(менѣе акра)	118.413 „	„	0,2 „	„ „

Такимъ образомъ *типъ* англійскаго сельскаго хозяйства опредѣляется характеромъ эксплоатаціи латифундій. Въ силу того, что послѣднія, за рѣдкими исключеніями, превращены въ пастбища и пустоши [1])—степень развитія англійскаго сельскаго хозяйства крайне низка, и соотвѣтственно незначителенъ спросъ на рабочія руки.

Мало того. Превращеніе земель въ пустоши — явленіе не

[1]) По даннымъ 1908 г., изъ всего числа акровъ, находившихся во владѣніи крупныхъ собственниковъ, пустовало 73%.

только постоянное, но и *развивающееся*. Въ то время, какъ по даннымъ 1888 г. подъ посѣвами было 21.178.585 акровъ и пустовало 26.698.229 акровъ — въ 1908 г., т.-е. черезъ двадцать лѣтъ, площадь обрабатываемой земли равнялась уже лишь 19.478.399 акровъ, а площадь пустошей — 27.523.562. Иначе говоря, площадь обрабатываемой земли уменьшилась на 8,2%, площадь же пустошей увеличилась на 3%; *при общемъ уменьшеніи годной къ обработкѣ земельной площади на* 1,9%. Это постоянное сокращеніе посѣвной площади и превращеніе ея въ негодные къ обработкѣ участки является одною изъ главнѣйшихъ причинъ обостренности безработицы среди англійскаго пролетаріата. Въ деревняхъ остается лишь та часть населенія, которая можетъ прокормиться либо въ качествѣ labourers (батраковъ), либо въ качествѣ фермеровъ. Остальное населеніе деревни, не имѣя возможности воспользоваться ни арендными предложеніями, ни спросомъ на рабочія руки, принуждено переселяться въ городъ или эмигрировать въ колоніи. За двадцатилѣтній періодъ (съ 1881 по 1901 г.) по даннымъ всеобщаго ценза число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, упало съ 2.574.031 до 2.262.454, или на каждыя 10.000 душъ населенія приходилось лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ:

въ 1881 г. . . .	738	человѣкъ.
„ 1901 „ . . .	546	„

Пониженіе, такимъ образомъ, равно 192 душамъ съ каждыхъ 10.000 душъ всего населенія. Спросъ на рабочія руки въ другихъ отрасляхъ производства поглощаетъ этотъ избытокъ деревенскаго населенія только отчасти. По тѣмъ же даннымъ, на каждыя 10.000 душъ населенія, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, текстильной и металлургической промышленностяхъ, приходилось:

въ 1881 г. . . .	1.428	человѣкъ	
„ 1901 „ . . .	1.255	„	или *менѣе на 1 73 человѣка.*

Эти краснорѣчивыя цифры совершенно опредѣленно подчеркиваютъ крайнюю необходимость мѣропріятій противъ современныхъ аграрныхъ условій. Только вызвавъ въ надлежащемъ объемѣ „тягу изъ городовъ въ деревню“, государство сможетъ достигнуть значительнаго измѣненія размѣровъ резервной арміи и сдѣлать болѣе дѣйствительными другія свои мѣропріятія. Однако, сколько-нибудь существенныя мѣры въ этомъ направленіи неизбѣжно встрѣтятъ ожесточенный отпоръ со стороны землевладѣльческаго класса, показавшаго, въ минувшую легислатуру, до

какой степени онъ цѣнитъ привилегію безконтрольнаго распоряженія землею. Его общественныя и политическія позиціи достаточно устойчивы, чтобы создать значительныя осложненія въ работѣ государственнаго механизма.

Трудность задачи, конечно, не исключаетъ возможности ея рѣшенія. Если пройти мимо проекта „тарифной реформы", этого неудачнаго „praetergea censeo" консервативной партіи, имѣющаго, какъ показываетъ опытъ протекціонистскихъ странъ и, главнымъ образомъ Россіи, развѣ только отрицательное значеніе въ борьбѣ съ безработицей, — то мы въ теченіе перваго десятилѣтія XX-го вѣка можемъ отмѣтить рядъ болѣе или менѣе замѣтныхъ попытокъ рѣшенія этой задачи, какъ со стороны консерваторовъ, такъ, особенно, и со стороны либераловъ и „Рабочей партіи" (Labour Party). Послѣдняя внесла уже упомянутый нами „Билль о правѣ на трудъ", настойчивыми выступленіями В. Грейсона, Кёйръ-Гарди, Макъ-Дональда, В. Торна и Крукса добилась скорѣйшаго разсмотрѣнія проектовъ кабинета Асквита и оказала значительное вліяніе на ихъ характеръ. Консерваторы провели въ 1905 г. „Актъ о безработныхъ" (Unemployed Workmen Act.), а либералы — Labour Exchanges Act, 1909, Small Holdings and Allottment Act, 1907, и почти закончили предварительную работу по организаціи страхованія на случай безработицы.

II.

Собственно говоря, все, что въ Англіи сдѣлано или проектируется сдѣлать въ области борьбы съ безработицей, является максимумомъ, доступнымъ въ настоящее время государству. Страхованіе на случай безработицы, долженствующее компенсировать отсутствіе возможности, въ рамкахъ существующихъ общественныхъ отношеній, предупредить тяжелыя послѣдствія безработицы, затѣмъ организація рабочаго рынка и борьба съ крупнымъ, безплоднымъ, въ хозяйственномъ смыслѣ, землевладѣніемъ — фигурируютъ одинаково и въ программѣ англійскихъ либераловъ, и въ текущей періодической и неперіодической литературѣ, и въ резолюціяхъ послѣдняго Международнаго Соціалистическаго Конгресса. Весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ отвѣчаютъ своему назначенію уже принятыя или проектируемыя мѣры, насколько удовлетворительно онѣ локализируютъ или предупреждаютъ то общественное зло, противъ котораго онѣ направлены.

Съ этой точки зрѣнія актъ 1905 г.—хронологически первая въ Англіи попытка борьбы съ безработицей—слѣдуетъ признать совершенно неудовлетворительнымъ. Сущность его предписаній сводится къ предоставленію муниципалитетамъ права учреждать, во-первыхъ, особые „комитеты по вспомоществованію безработнымъ“ (Distress Committees) и во-вторыхъ—бюро труда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Labour Bureau или Labour Exchanges). Отъ Distress Commitee зависѣлъ выборъ формы вспомоществованія—въ видѣ организаціи общественныхъ работъ, подысканія работъ, помощи на дому натурой (out-door relief) и т. п. „Комитеты вспомоществованія“ поставили во главу угла своей дѣятельности ту мѣру, къ которой англійскіе муниципалитеты время отъ времени прибѣгали и ранѣе: организацію муниципальныхъ работъ. Однако, то, что сравнительно удачно примѣнялось въ 1885 г. въ Бирмингамѣ, а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ — въ качествѣ мѣры ad hoc, спорадической,—не могло не потерпѣть краха въ качествѣ мѣры регулярно примѣняемой. По свидѣтельству „Королевской Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ“, особенно ея эмиссаровъ, К. Джаксона и свящ. Прингля, собравшихъ по этому вопросу огромный матеріалъ, „муниципальную помощь работой слѣдуетъ признать совершенно обанкротившеюся, и банкротство ея только подчеркивается попыткой организовать ее на основаніи акта о безработныхъ“. Исключеніе представлялъ до сихъ поръ только Лондонъ, выбравшій изъ мѣръ, рекомендованныхъ актомъ, главнымъ образомъ подысканіе работы и поставившій это дѣло довольно удачно. Но даже въ Лондонѣ положительная сторона дѣятельности Distress Commitee (организовавшаго Central Unemployed Body—бюро по пріисканію работы для всѣхъ округовъ Лондона) совершенно была уничтожена тѣмъ обстоятельствомъ, что, по смыслу акта 1905 г., всякій рабочій, обратившійся къ комитету за помощью или за работой, заносился въ списки пауперовъ, что̀ влекло за собой потерю гражданскихъ и иныхъ правъ [1]). Конечно, рабочіе не могли не перенести своего отрицательнаго отношенія къ „законамъ о бѣдныхъ“ на актъ 1905 г., устанавливавшій почти такія же ограниченія, какъ и первые. Результаты дѣятельности муниципальныхъ бюро труда, въ большинствѣ случаевъ, къ

[1]) Напомнимъ, что по первоначальному тексту „Акта о пенсіяхъ старости“ (Old Age Pensions Act, 1908), рабочій терялъ, право на пенсію, если былъ занесенъ въ списки въ качествѣ хотя бы разъ получившихъ помощь отъ организованнаго по „законамъ о бѣдныхъ“ (Poor Laws) „наблюдательскаго совѣта“ (Board of Guardians) или отъ иныхъ благотворительныхъ коллективовъ, въ томъ числѣ и Distress Committees.

тому же, ограничившихся подборомъ рабочихъ лишь на муниципальныя работы [1]), въ силу этого были крайне незначительны. За первые три года (1905—1908 гг.) къ ихъ посредничеству обратилось всего 287.894 человѣка, что̀ даетъ ежегодную среднюю въ 95.965 человѣкъ, и лишь когда либеральное министерство, въ концѣ 1908 г., уничтожило правоограниченія, которыя влекло за собою обращеніе къ бюро, цифра эта поднялась до 196.756 въ годъ. Число пристроенныхъ рабочихъ за все время дѣйствія Unemployed Workmen Act едва достигло 88.190 человѣкъ, что̀ составляетъ только 18,2% всего числа обращеній. По сравненію съ данными о дѣятельности германскихъ муниципальныхъ бюро труда цифра эта представляется совершенно ничтожной. Въ Кельнѣ, напр., по даннымъ 1904 г. (годъ промышленнаго кризиса), число пристроенныхъ мѣрами бюро составляетъ 40%, въ Берлинѣ—68%, въ Лейпцигѣ—почти 88% всего числа обратившихся къ бюро рабочихъ [2]).

За этой неудачной попыткой организаціи рабочаго рынка въ Англіи послѣдовала другая, вызванная результатами разслѣдованій уже упомянутой нами „Королевской Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ“. Коммиссія эта была назначена въ 1904 г. консервативнымъ министерствомъ, съ цѣлью обслѣдованія положенія рабочаго класса въ Англіи и указанія практическихъ способовъ къ его улучшенію. Коммиссія, въ цѣломъ, совершенно категорически осудила, послѣ непрерывной пятилѣтней работы, всѣ мѣры, ранѣе принимавшіяся правительствомъ, но къ единогласному выводу относительно мѣръ, которыя слѣдовало бы принять, ей придти не удалось. Большинство членовъ коммиссіи предложило ограничиться кое-какими заплатами на законы о бѣдныхъ. Радикальное меньшинство въ пять человѣкъ [3]) предложило гораздо болѣе послѣдовательную схему проектовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежало планомѣрной организаціи рабочаго рынка. Мнѣніе меньшинства было положено либеральнымъ министерствомъ Асквита въ основу „закона о бюро труда“ (Labour Exchanges Act, 1909), занявшаго первое мѣсто въ рядѣ аналогичныхъ мѣръ.

---

[1]) См. „Report of the Commission on the Poor Laws, Minority Report“, стр. 547.

[2]) См. Philippe de Las-Cases, „L'Assurance contre chomage en Allemagne“, стр. 22—24, а также „Bulletin de l'Office du Travail“, 1910, стр. 505 и сл.

[3]) Кромѣ извѣстной и въ Россіи своими изслѣдованіями по исторіи трэдъ-юніонизма Беатрисы Веббъ, въ меньшинство коммиссіи вошли Россель Вакфильдъ, Фрэнсисъ Чэндлэръ и Джорджъ Лэнсбери—лица, близко стоящія къ Fabian Society, а послѣдній, кромѣ того, членъ Центральнаго Административнаго Совѣта Labour Party.

Основными положеніями этого акта устанавливается организація *безплатныхъ* оффиціальныхъ *бюро по найму рабочихъ* всѣхъ безъ исключенія категорій труда. Для объединенія функціи пріисканія работы въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, актъ подчиняетъ министерству торговли *всѣ* бюро какъ частныя, и общественныя) безразлично, возникли ли они до или послѣ опубликованія акта. Всѣ эти бюро могутъ быть переданы и въ непосредственное административное завѣдываніе министерства, при чемъ самостоятельное существованіе организованныхъ по акту 1905 г. муниципальныхъ бюро ограничивается годичнымъ срокомъ. Администрація переданныхъ въ вѣдѣніе министерства или имъ учрежденныхъ бюро *назначается* министерствомъ и содержится цѣликомъ на средства государства. Въ этомъ отношеніи Labour Exchanges отчасти напоминаютъ муниципальныя бюро Германіи, администрація которыхъ также назначается, а не избирается, какъ во французскихъ bourses du travail [1]). Сходство англійскихъ и германскихъ бюро подчеркивается еще тѣмъ, что какъ въ Германіи извѣстная часть бюро (75 изъ 283) организована по „паритарной системѣ“ (paritätisches System), такъ и въ Англіи министерство имѣетъ право привлекать къ участію въ руководствѣ работой бюро равное число представителей отъ рабочихъ и отъ предпринимателей, составляющихъ вмѣстѣ „совѣщательные промышленные комитеты“ (Advisory Trade Committees).

Въ Англіи законы, выработанные палатой общинъ, весьма часто намѣчаютъ лишь общій духъ устанавливаемыхъ ими распорядковъ. Болѣе подробная регламентація становится дѣломъ соотвѣтствующаго министерства, хотя и подлежитъ одобренію палаты. Необходимость такой регламентаціи предусматривается и актомъ 1909 г.: онъ поручаетъ министерству торговли издать необходимыя правила, опредѣляющія функціи бюро труда, но предписываетъ обязательно внести въ эти правила пунктъ, оговаривающій право рабочаго отказаться—*безъ всякихъ для него послѣдствій* — отъ предложенной работы, если, во-первыхъ, эта работа не принадлежитъ къ его спеціальности, во-вторыхъ если заработокъ и всѣ вообще условія найма, предложенныя предпринимателемъ, ниже нормальныхъ, въ-третьихъ—если на лицо забастовка или локаутъ на фабрикѣ у предложившаго работу.

---

[1]) „Биржа труда“ (bourse du Travail), Labour Exchanges—выраженія идентичныя. Тѣмъ не менѣе мы повсюду переводимъ послѣднее выраженіе словами: „*бюро* труда“ такъ какъ по существу Labour Exchanges болѣе похожи на германскія *бюро*, чѣмъ на французскія *биржи*.

Наиболѣе слабое мѣсто акта—это *необязательность* участія заинтересованныхъ сторонъ въ отправленіи функцій бюро. Вообще весь актъ составленъ въ условныхъ выраженіяхъ: въ немъ равно „предоставляется Board of trade“ (министерство торговли) и учреждать бюро „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно сочтетъ это необходимымъ“, и приглашать заинтересованныя стороны къ участію въ руководствѣ работой. Нѣкоторые факты позволяютъ думать, что необязательные „промышленные комитеты“ будутъ функціонировать при мало-мальски важныхъ бюро. Министерство съ первыхъ шаговъ привлекло къ дѣлу общественныя силы. Завѣдывающимъ центральнымъ бюро труда былъ назначенъ Бевериджъ, авторъ книги „Unemployment — a problem of industry“, заслуженно считающійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ вопроса въ Англіи. Выборъ завѣдующихъ областными и мѣстными Labour Exchanges бюро былъ произведенъ не менѣе тщательно. На 200 вакансій было подано 9 тысячъ прошеній. Подборъ министерство поручило особой коммиссіи, въ составъ которой вошелъ, кромѣ представителя отъ министерства и Бевериджа, извѣстный трэдъ-юніонистъ, предсѣдательствовавшій на прошлогоднемъ ипсвичскомъ конгрессѣ, членъ независимой рабочей партіи (I. L. P.) Давидъ Шакльтонъ. Кромѣ того, въ составъ центральнаго Advisory Committee вошли, въ числѣ представителей отъ рабочихъ, такіе видные дѣятели независимой рабочей партіи, какъ миссъ Макъ-Артуръ, Бовермanъ и О'Грэди (послѣдніе двое—члены парламента).

III.

Актъ 1909 г. долженъ былъ войти въ силу съ 1-го января 1910 г., но въ виду затрудненій въ пріисканіи помѣщеній [1]) оффиціальное открытіе бюро было отложено до 1-го февраля. Къ этому времени министерство торговли издало требуемыя актомъ правила и выработало систему отношеній между бюро различныхъ категорій. Остановимся сперва на послѣдней.

Надлежаще понятое, пріисканіе работы заключается не только въ томъ, чтобы свести предпринимателя съ рабочимъ *въ одной* мѣстности, но и въ томъ, чтобы *организовать миграціонное движеніе рабочихъ по всей странѣ*. Чаще всего паденіе спроса на трудъ

[1]) Пока всѣ бюро помѣщаются въ случайныхъ помѣщеніяхъ: неиспользованныхъ почтовыхъ конторахъ, нанятыхъ спеціально квартирахъ и т. д. Въ теченіе 25-ти лѣтъ проектируется построить спеціальныя зданія.

на данномъ рынкѣ сопровождается повышеніемъ его на нѣкоторыхъ другихъ. Это объясняется во многихъ случаяхъ *мѣстными* кризисами, нисколько не отражающимися на общенаціональной промышленности. Вслѣдствіе такихъ кризисовъ въ Англіи ежегодно теряютъ работу отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ. Неосвѣдомленность потерявшихъ работу рабочихъ, а часто и недостатокъ средствъ на переѣздъ, мѣшаетъ имъ использовать благопріятную коньюнктуру въ другихъ мѣстностяхъ. Задачей бюро труда является въ такомъ случаѣ освѣдомленіе ихъ о положеніи дѣлъ *на всемъ* рабочемъ рынкѣ. Съ этой точки зрѣнія крайне важна правильная координація дѣятельности отдѣльныхъ бюро и своевременная информація ихъ о положеніи спроса и предложенія труда на каждомъ данномъ рынкѣ. Въ этихъ видахъ министерство раздѣлило всю Англію на двѣнадцать округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ есть свое окружное бюро. Окружныя бюро непосредственно связаны съ центральнымъ, куда они еженедѣльно представляютъ общіе доклады и ежедневно сообщаютъ о числѣ и родѣ занятій непристроенныхъ рабочихъ и гдѣ, наконецъ, ежемѣсячно происходятъ съѣзды управляющихъ clearing houses. Подъ контролемъ областныхъ бюро и центральнаго функціонируютъ мѣстныя бюро трехъ классовъ: къ категоріи первоклассныхъ принадлежатъ бюро труда въ 30-ти промышленныхъ городахъ, съ населеніемъ свыше 100 тысячъ человѣкъ, къ числу второклассныхъ — въ 30-ти промышленныхъ городахъ, съ населеніемъ отъ 30 до 100 тысячъ, къ числу третьеклассныхъ — въ остальныхъ мѣстностяхъ. О каждомъ зарегистрированномъ, но непристроенномъ рабочемъ и о каждомъ неудовлетворенномъ мѣстными силами спросѣ на трудъ мѣстныя бюро ежедневно сообщаютъ по телефону въ окружныя, а оттуда свѣдѣнія эти, послѣ попытки областного бюро пристроить рабочаго черезъ другое подчиненное ему бюро, передаются въ центральное бюро. Благодаря такой организаціи *въ каждый данный моментъ областныя бюро*, равно какъ и центральное, *находятся въ курсѣ дѣла* и могутъ, пользуясь свѣдѣніями, передвигать рабочихъ на мѣста, гдѣ на ихъ трудъ существуетъ спросъ.

Система эта уже проведена въ жизнь цѣликомъ [1]). Не учреждены лишь бюро труда въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ. Такой цѣлесообразной организаціи мы не находимъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Координація дѣятельности германскихъ

[1]) Къ 1-му февраля было учреждено 83 бюро. Къ 1-му марта насчитывалось уже 93 бюра, къ 1-му мая — 104. Теперь число бюро доходитъ до 127. См. „Board of Trade Labour Gazette", March—September 1910.

бюро труда не установлена никакимъ закономъ. Существующая въ Германіи федерація обязана своимъ существованіемъ иниціативѣ частной, а не правительственной, и охватываетъ, по даннымъ 1909 г., всего 113 бюро изъ 283 или только 39,9% всего числа [1]). Девять областныхъ федерацій, выполняющихъ ту же задачу въ небольшихъ государствахъ Германіи, также не покрываютъ *всей* арены дѣятельности муниципальныхъ бюро этихъ государствъ. О французскихъ „биржахъ труда" приходится сказать почти то же, что и о германскихъ. Формально объединенныя въ федерацію, центральнымъ органомъ которой является секція биржъ труда при генеральной конфедераціи труда (C. G. T.), на дѣлѣ онѣ лишь крайне слабо связаны другъ съ другомъ и многія отрасли ихъ дѣятельности поставлены далеко не удовлетворительно. Любопытной иллюстраціей разобщенности французскихъ биржъ труда служитъ слѣдующій фактъ, разсказанный секретаремъ секціи биржи труда, Жоржемъ Ивето: когда въ маѣ 1907 г. секретаріатъ секціи предпринялъ анкету о заработкѣ, объ условіяхъ труда, о нуждахъ и о жизни рабочихъ, *ни одна* изъ биржъ не отозвалась на разосланные циркуляры и опросные листы [2]). Такимъ образомъ англійская система является наиболѣе полной и строго координированной системой организаціи рабочаго рынка. Анализъ изданныхъ министерствомъ правилъ не только подтверждаетъ этотъ выводъ, но и даетъ право признать англійскую систему наиболѣе цѣлесообразною.

Правила охватываютъ собою самыя различныя функціи бюро. То обстоятельство, что и самый актъ, и правила, регулирующія его примѣненіе, обязаны своимъ происхожденіемъ дефектамъ разсмотрѣннаго нами выше акта 1905 г., наложило на нихъ извѣстный отпечатокъ. *Правила подчеркиваютъ основную посредническую задачу бюро.* Чиновникъ обязанъ доставлять ищущему работы *всѣ* справки о предлагаемомъ мѣстѣ—о размѣрахъ заработной платы, о взаимоотношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ даннаго предпріятія; онъ тщательно ведетъ регистрацію стачекъ и локаутовъ, сообщать о которыхъ ему *обязаны* какъ предприниматели, такъ и трэдъ-

---

[1]) Кромѣ того, въ федерацію входятъ 20 (изъ 89) бюро, организованныхъ рабочими и предпринимательскими ассоціаціями, но пользующимися въ той или иной мѣрѣ матеріальной поддержкой муниципалитетовъ.

[2]) Франція и Германія обладаютъ, между тѣмъ, *наиболѣе развитой*, по сравненію съ остальными континентальными странами, организаціей бюро по найму рабочихъ. Въ Швеціи существуетъ всего 19 бюро, въ Швейцаріи — 11. Австрія и Россія ровно ничего не сдѣлали въ дѣлѣ организаціи рабочаго рынка, Италія крайне слабо принимаетъ въ немъ участіе.

юніоны; онъ собираетъ копіи коллективныхъ договоровъ и т. п.— и все это представляетъ на разсмотрѣніе ищущихъ работы. *Но въ его задачу не входитъ подача какихъ-либо совѣтовъ рабочему.* Послѣдній самъ долженъ рѣшить, подходятъ ли ему данныя условія, или не подходятъ, тѣмъ болѣе, что и актомъ, и правилами предусмотрѣнъ безпрепятственный отказъ рабочаго отъ предложенной работы. Въ силу этого сама собой отпадаетъ отвѣтственность чиновника или бюро за тотъ или иной поступокъ рабочаго.

Порядокъ регистраціи, установленный правилами, совершенно чуждъ формализма. Всякій желающій получить работу при посредствѣ бюро, обязанъ сдѣлать заявленіе объ этомъ лично, если разстояніе, отдѣляющее его постоянное мѣсто жительства отъ бюро, не превышаетъ трехъ миль, и письменно, по почтѣ—если онъ живетъ на бо̀льшемъ разстояніи. При этомъ онъ долженъ дать чиновнику свѣдѣнія какъ объ адресѣ своемъ, имени, фамиліи и возрастѣ, такъ и о родѣ желательной работы, о предшествовавшемъ заявленію мѣстѣ найма и о времени, когда онъ можетъ поступить на новое мѣсто. Предприниматели, въ свою очередь, *обязаны* сообщать бюро списки требующихся для нихъ рабочихъ. Эти списки предъявляются на разсмотрѣніе всѣхъ ищущихъ работы. Избравшій работу получаетъ отъ бюро карточку—такъ называемую identification card,—съ которой и отправляется къ данному предпринимателю. Если предприниматель нанимаетъ рабочаго, онъ обязанъ подписать карточку послѣдняго и вернуть ее на свой счетъ въ бюро. При неудачѣ, карточка возвращается рабочимъ. Списки непристроенныхъ рабочихъ мѣстное бюро ежедневно сообщаетъ въ окружное, которое, въ свою очередь, увѣдомляетъ о числѣ свободныхъ рабочихъ и о характерѣ желательныхъ работъ всѣ подчиненныя ему бюро. Если зарегистрованный нашелъ работу не въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, а въ другомъ городѣ, бюро имѣетъ право выдать ему заимообразно деньги на проѣздъ. Долгъ этотъ погашается частичными вычетами изъ заработка.

Мы говорили уже, что министерство торговли можетъ привлечь къ участію въ управленіи бюро такъ называемые Advisory Trade Committees. Роль этихъ комитетовъ — не только совѣщательная, какъ это можно было бы предположить судя по ихъ названію. Главной задачей ихъ является рѣшеніе вопросовъ, вытекающихъ изъ практики мѣстнаго бюро. Въ составъ ихъ входятъ въ равномъ количествѣ представители отъ предпринимателей и отъ рабочихъ, предсѣдатель же назначается министерствомъ. Срокъ

полномочій членовъ комитета—трехгодичный. Всѣ текущіе вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; особо важные—требуютъ большинства голосовъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Предсѣдатель не имѣетъ голоса ни въ какомъ случаѣ; когда голоса раздѣляются поровну, онъ долженъ доложить о немъ министерству, при чемъ, если сочтетъ нужнымъ, можетъ высказать и свое мнѣніе.

Не трудно замѣтить, что, по сравненію съ актомъ 1905 г., данный законъ представляетъ большія преимущества. Онъ, прежде всего, рѣзко отдѣляетъ функціи пріисканія работы отъ благотворительныхъ и иныхъ. Обращеніе къ бюро не связано съ потерей какихъ бы то ни было правъ. Предусматривается полное безпристрастіе чиновниковъ бюро, въ извѣстной мѣрѣ поставленныхъ подъ контроль заинтересованныхъ сторонъ и не отвѣтственныхъ за рѣшеніе рабочаго, такъ какъ имъ запрещена подача какихъ-либо совѣтовъ. Наконецъ, законъ создаетъ такую цѣлесообразную и дѣеспособную организацію *всего* рабочаго рынка, какой не существуетъ еще нигдѣ. Всѣ эти преимущества побудили частныя и общественныя организаціи пойти навстрѣчу намѣреніямъ правительства. Мы видѣли, каково было отношеніе къ акту большинства трэдъ-юніоновъ, одинъ изъ лидеровъ которыхъ принялъ непосредственное участіе въ организаціи дѣла. Labour Party голосовала въ палатѣ общинъ *за* проектъ. Отношеніе муниципалитетовъ также не оставляетъ желать ничего лучшаго. Къ 15-му марта всѣ (кромѣ двухъ) учрежденныя на основаніи „акта о безработныхъ“ бюро были переданы муниципалитетами въ вѣдѣніе министерства. Во многихъ городахъ совѣты приняли всѣ мѣры, чтобы популяризировать новыя бюро въ широкихъ кругахъ населенія. Въ Глазго съ этой цѣлью на оборотной сторонѣ трамвайныхъ билетовъ, вмѣсто обычныхъ объявленій, напечатаны, по постановленію городского совѣта, какъ адресъ мѣстныхъ бюро, такъ и краткое изложеніе ихъ задачъ.

Жизнеспособность новаго института ярко проявилась уже въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ дѣятельности бюро. За это время было зарегистрировано 506.250 требованій работы и 184.559 случаевъ спроса на рабочія рукя. Удовлетворенъ былъ спросъ на послѣднія въ 156.369 случаяхъ, т.-е. въ процентномъ отношеніи ко всему:

	Спросу на рабочихъ.	Предложенію труда.
Въ первый мѣсяцъ	59,5%	11,2%
„ второй „	68,6%	22,5%
„ третій „	75,2%	29,2%

	Спросу на рабочихъ.	Предложенію труда.
Въ четвертый мѣсяцъ	70,0%	31,9%
„ пятый „	81,0%	56,5%
„ шестой „	85,0%	46,5%
За полгода .	84,1%	30,6%

Изъ приведенныхъ въ этой таблицѣ данныхъ видно, какъ быстро налаживается работа бюро. За сравнительно короткій срокъ бюро достигли того, что всего 15% спроса на рабочихъ остаются неудовлетворенными. Успѣхъ, можно сказать, поразительный. И наличность его является какъ нельзя болѣе яркимъ аргументомъ въ пользу англійской системы организаціи рабочаго рынка.

IV.

Перейдемъ теперь къ проекту страхованія на случай безработицы, о которомъ широкая публика узнала впервые изъ бюджетной рѣчи Ллойдъ-Джорджа, произнесенной 29 апрѣля 1909 г. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемся съ предложеніемъ меньшинства „Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ“, докладъ котораго въ извѣстной мѣрѣ можно считать комментаріемъ къ соціальной политикѣ кабинета Асквита. Ллойдъ-Джорджъ, говоря о предполагаемыхъ мѣрахъ борьбы съ гибельными послѣдствіями безработицы, предложилъ палатѣ общинъ одобрить принципъ факультативности страхованія, рекомендованный меньшинствомъ коммиссіи. „Мой товарищъ, министръ торговли — сказалъ онъ — раздѣляетъ мнѣніе коммиссіи, и министерство въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ прилагаетъ усилія къ выработкѣ схемы, которая, *поощряя добровольную инициативу трэдъ-юніоновъ*..., распространила бы выгоды страхованія на возможно болѣе широкіе слои рабочаго класса, *включая сюда и представителей неквалифицированнаго труда*“.

Меньшинство коммиссіи предлагало принять ту форму страхованія, которая дала наиболѣе осязательные результаты на континентѣ, а именно форму субвенціональнаго страхованія при посредствѣ трэдъ-юніоновъ [1]). Проектъ его въ основныхъ чертахъ напоминаетъ болѣе всего датскую систему. Отъ французской

[1]) Въ своемъ докладѣ представители меньшинства писали: „Мы полагаемъ, что въ нашей странѣ долженъ быть принятъ проектъ, реализованный повсюду на континентѣ, а именно—проектъ субсидированія трэдъ-юніоновъ изъ общественныхъ фондовъ съ цѣлью помочь имъ расширить ихъ собственное страхованіе“.

онъ отличается тѣмъ, во-первыхъ, что субсидироваться будутъ, по проекту, кассы безработицы профессіональной организаціи, тогда какъ во Франціи получаютъ субсидію исключительно *не*-синдикальныя кассы, а во-вторыхъ, тѣмъ, что на государство предполагается возложить *половину* всѣхъ расходовъ по поддержкѣ безработныхъ членовъ кассы, тогда какъ во Франціи максимальный размѣръ субсидій установленъ въ 20% для мѣстныхъ и въ 30%—для областныхъ кассъ. Отъ гентской системы онъ отличается тѣмъ, что профессіональныя организаціи получаютъ субсидію отъ государства, а не отъ муниципіи.

Считая субвенціонную систему страхованія „наилучшей", меньшинство коммиссіи самымъ категорическимъ образомъ высказалось противъ всеобщности обязательной формы страхованія. Оно „не считаетъ для себя возможнымъ рекомендовать какое-либо обязательное страхованіе въ виду его вѣроятнаго отрицательнаго вліянія на составъ и организацію трэдъ-юніоновъ", которые ведутъ свое происхожденіе отъ кассъ взаимопомощи и до сихъ поръ даютъ большую часть своихъ доходовъ на поддержаніе безработныхъ членовъ [1]). Этотъ аргументъ меньшинства станетъ вполнѣ понятенъ, если мы вспомнимъ характерныя особенности англійскаго профессіональнаго движенія. Англійская трэдъ-юніонистская организація почти всю свою дѣятельность сводитъ къ функціямъ страхованія. Въ отличіе отъ французскихъ синдикатовъ, англійскіе трэдъ-юніоны растутъ, преимущественно, не въ силу сознанія рабочими противоположности ихъ общественныхъ интересовъ интересамъ непроизводительныхъ классовъ, а главнымъ образомъ потому, что англійскому рабочему необходима увѣренность, что про черный день у него имѣется членская карточка, дающая право на опредѣленныя пособія. Введеніе всеобщаго обязательнаго страхованія, помимо и безъ участія трэдъ-юніонистскихъ кассъ, значительно подорвало бы трэдъ-юніонистское движеніе, вызвавъ уходъ изъ союзовъ значительной части рабочихъ, для которыхъ единственнымъ побужденіемъ къ записи въ члены были соображенія матеріальнаго порядка.

Докладъ меньшинства признаетъ, все-таки, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при соблюденіи нѣкоторыхъ условій обязательное страхованіе допустимо. Для этого необходимо, во-первыхъ, чтобы оно примѣнялось исключительно къ наилучше-опла-

[1]) По даннымъ 1908 г., на одного члена каждаго изъ 100 главнѣйшихъ трэдъ-юніоновъ приходилось: расхода на безработныхъ—14 шиллинговъ (или 37,5% *всѣхъ* расходовъ), на увѣчныхъ и больныхъ — 6 ш. 5¾ пенса, на стачечное движеніе — 8 ш. 6 п., на администрацію, издательство и прочее—8 ш. 4½ пенса.

чиваемымъ и наименѣе страдающимъ отъ безработицы слоямъ рабочаго класса, а во-вторыхъ, чтобы функціи страхованія и пріисканія работы были строго координированы. Послѣднее условіе даетъ матеріально заинтересованнымъ правительству и предпринимателямъ возможность свести число безработныхъ среди застрахованныхъ до минимума, а первое обезпечиваетъ бездефицитность кассъ.

Руководясь, въ общемъ, этими соображеніями, министерство Асквита вырабатываетъ теперь схему страхованія на случай безработицы. Субвенціональная система сохраняется имъ для большинства рабочихъ. Въ то же время предполагается установить—въ строгомъ согласіи съ оговорками меньшинства коммиссіи—и обязательное страхованіе для части рабочихъ. Обязательному страхованію—какъ объ этомъ было заявлено въ палатѣ общинъ 19 апрѣля 1909 г. бывшимъ тогда министромъ торговли Черчиллемъ (теперь онъ—статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ)—будутъ подлежать всѣ рабочіе строительнаго производства, затѣмъ рабочіе машино-, корабле- и вагоно-строительныхъ, а также лѣсопильныхъ заводовъ, въ общей сложности отъ $2^1/_4$ до $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ или около 22% всего числа рабочихъ. Страховой капиталъ будетъ составляться изъ равныхъ еженедѣльныхъ взносовъ со стороны предпринимателей, государства и рабочихъ, въ размѣрѣ 2 или $2^1/_2$ пенсовъ на каждаго застрахованнаго. Организація страховыхъ кассъ предполагается нѣсколько необычная: мѣсто самоуправляющейся кассы будетъ занимать знакомое намъ уже бюро труда, откуда застрахованный будетъ получать особую карточку, въ которую онъ и его предприниматель должны еженедѣльно вклеивать спеціальныя марки, обозначающія сумму сдѣланныхъ взносовъ. Предпринимателямъ будетъ предоставлено право оставлять свою карточку въ бюро, чиновникъ котораго будетъ заносить туда сумму сдѣланныхъ предпринимателемъ за всѣхъ рабочихъ взносовъ. Во избѣжаніе попытокъ со стороны предпринимателя компенсировать, путемъ пониженія заработка, новый „непроизводительный“ расходъ, министерство предполагаетъ установить за всякую такую попытку довольно высокій штрафъ.

Немедленно послѣ того какъ застрахованный рабочій потеряетъ работу, онъ долженъ сообщить объ этомъ въ бюро. Первымъ дѣломъ послѣдняго будетъ пріисканіе для него новой работы. Затѣмъ, если застрахованный состоитъ членомъ кассы не менѣе 8-ми мѣсяцевъ, онъ въ теченіе 15-ти недѣль; начиная со второй недѣли безработицы, будетъ получать по 8-ми шиллинговъ въ недѣлю — или соотвѣтственно меньшій размѣръ по-

собія въ теченіе 20-ти недѣль. По истеченіи этого срока онъ теряетъ право на пособіе и долженъ, по вторичной регистраціи, пройти болѣе продолжительный предварительный стажъ.

Государственный расходъ по обязательному и субвенціональному страхованію исчисленъ Черчиллемъ для перваго года въ 1.500.000 ф. ст. (около 14-ти милліоновъ рублей).

Исходя изъ схемы, предложенной меньшинствомъ коммиссіи, министерство, какъ мы видимъ, сдѣлало шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано или проектируется сдѣлать въ области страхованія отъ безработицы на континентѣ — и даже по сравненію, отчасти, и съ самой схемой меньшинства: оно проектируетъ ввести обязательное страхованіе для значительныхъ слоевъ рабочаго класса, болѣе или менѣе остро переживающихъ безработицу. Такой шагъ диктуется не только теоретическими выкладками, но и соображеніями чисто житейскими. Въ Англіи до самаго послѣдняго времени—да и сейчасъ пока еще—функціи страхованія всецѣло находятся въ рукахъ у профессіональной организаціи. Не смотря на то, что Англія по числу организованныхъ рабочихъ занимаетъ второе мѣсто (первое принадлежитъ Германіи, гдѣ организовано 26,6% всѣхъ рабочихъ [1]), всего организовано лишь 19,5% англійскихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, трэдъ-юніонистская система страхованія примѣняется лишькъ одной пятой рабочихъ. Субвенціональная система, въ общемъ нѣсколько повысивъ темпъ развитія профессіональной организаціи, все-таки не въ состояніи достигнуть всеобщности, въ силу того, что развитіе профессіональной организаціи обусловливается законами, ставящими непреодолимыя преграды созданію ея среди наиболѣе страдающихъ отъ безработицы слоевъ рабочаго класса. Это явствуетъ изъ того, что интенсивность безработицы *обратно пропорціональна* уровню техническихъ познаній и высотѣ заработной платы рабочихъ, тогда какъ организованность послѣднихъ и мощь профессіональныхъ союзовъ *прямо пропорціональны* имъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о значеніи этого закона въ Англіи.

[1]) См. „Deutscher Reichsanzeiger“ отъ 10-го декабря 1909 г.

Родъ занятій:	Число трэдъ-юніонистовъ по даннымъ 1909 г. (100 главн. союзовъ):	%-ное отношеніе числа организованныхъ ко всему числу рабочихъ по даннымъ переписи:	Средній % безработныхъ среди трэдъ-юніонистовъ за 1909—1910 гг.:	Сумма ежегоднаго расхода трэдъ-юніонистскихъ кассъ по даннымъ 1909 г.:
1) Строительные рабочіе (безъ раб. по дереву)	238.161	21,0%	11,0%	80.774 ф. ст.
2) Горнорабочіе . . .	529.056	59,5%	6,2%	18.468 „ „
3) Рабочіе по металлу, машинисты, судостроит. рабочіе . .	337.133	26,9%	9,3%	224.950 „ „
4) Рабочіе текстильной промышленности.	246.236	24,4%	?	113.745 „ „
5) Желѣзнодорожные рабочіе.	74.815	24,4%	0,0%	0,0 „ „
6) Типографскіе рабочіе	68.221	23,3%	5,4%	38.690 „ „
7) Остальные рабочіе.	508.134	9,5%	?	39.125 „ „
Всего. . .	2.001 836	19,5%	7,7%	516.125 ф. ст.

Изъ этой таблицы видно, что въ Англіи наиболѣе организованы горнорабочіе, среди которыхъ безработица проявляется значительно менѣе, чѣмъ среди строительныхъ, организованныхъ слабо. Хорошо оплачиваемый и требующій большой технической выучки трудъ типографскихъ рабочихъ самъ по себѣ даетъ гарантію отъ безработицы даже сравнительно слабо организованнымъ работникамъ [1]): среди типографовъ безработица проявляется даже слабѣе, чѣмъ среди горнорабочихъ.

Таково положеніе дѣла среди *организованныхъ* работниковъ. Мы видѣли, что организація тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе страдаютъ ея члены отъ безработицы. Для неорганизованныхъ же рабочихъ безработица является страшнымъ бѣдствіемъ, противъ котораго они не могутъ направить даже сравнительно недостаточно вооруженную профессіональную организацію. По даннымъ „Board of Trade Labour Gazette“, изъ всего числа обращеній къ бюро труда приходилось:

1) Обращеній представителей неквалифицированнаго труда.		54%
а) Приходящей прислуги.	10,4%	

[1]) Въ Германіи и Франціи типографы организованы лучше: въ Германіи они даже занимаютъ по организованности первое мѣсто (всего тамъ организовано 57,2% всѣхъ типографскихъ рабочихъ), во Франціи—третье.

b) Перевозчиковъ тяжестей	18,1%	
c) Чернорабочихъ.	11,4%	
d) Прочихъ представителей неквалифицированнаго труда (лица безъ опредѣленныхъ занятій).	14,1%	
2) Обращеній представителей квалифицированнаго труда [1])		15,2%
3) Прочихъ рабочихъ		30,8%
a) Строительныхъ рабочихъ (чернорабочіе и обученные рабочіе)	12,0%	
b) Машинисты, судостроительные рабочіе и рабочіе по металлу.	14,8%	
c) Торговые служащіе и прочіе	6,0%	
Итого		100%

Ясно, такимъ образомъ, что ни трэдъ-юніонистская, ни субвенціонная система страхованія не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить задачу обезпеченія безработныхъ. Конечно, и проектъ министерства, вводящій страхованіе *всѣхъ* строительныхъ рабочихъ, машинистовъ и т. д., не разрѣшаетъ еще эту задачу. Попрежнему основной контингентъ безработной арміи — чернорабочій людъ—будетъ предоставленъ самому себѣ, хотя именно его-то и слѣдовало бы обезпечить на случай безработицы. Но если отказаться отъ слишкомъ большихъ требованій, то систему страхованія Асквита слѣдуетъ признать огромнымъ шагомъ впередъ. Къ тому же половинчатость, нерѣшительность ея вполнѣ понятны. Дѣло обязательнаго страхованія не только совершенно новое—если не считать крайне неудачнаго и въ силу своей недолговѣчности не имѣющаго практическаго значенія опыта швейцарскаго кантона Сенъ-Галлена, Англія *первая* вводитъ обязательное страхованіе—но и связано съ огромными расходами, что̀, при современномъ отягченіи бюджетовъ непрерывнымъ ростомъ тратъ по вооруженію, даже для богатой Англіи является немаловажнымъ препятствіемъ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о Small Holdings and Allottment Act, чтобы закончить анализъ мѣръ борьбы съ безработицей, принятыхъ кабинетомъ Асквита или вошедшихъ въ его программу.

[1]) Такъ какъ безработица среди строительныхъ рабочихъ вызывается перерывами строительныхъ работъ въ дурную погоду, а среди металлургистовъ—успѣшной конкурренціей германскихъ предпринимателей, сваливающихъ свои фабрикаты на англійскіе рынки по цѣнамъ „себѣ-стоимости“ и даже ниже, то мы выдѣлили эти двѣ категоріи работъ въ отдѣльную рубрику, хотя онѣ принадлежатъ къ квалифицированнымъ работамъ.

Мы видѣли, что англійская деревня переживаетъ періодъ упадка, въ силу чего создается отливъ деревенскаго населенія въ городъ, и основная причина этого — отсутствіе на деревенскомъ арендномъ и рабочемъ рынкѣ соотвѣтствующихъ предложеній труда. Актомъ 1907 г. министерство Асквита сдѣлало попытку вызвать обратную тягу изъ городовъ въ деревни, путемъ облегченія условій аренды и найма земли. Актъ этотъ (Small Holdings and Allottment Act) предоставляетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ (County Councils) право покупать и арендовать землю съ цѣлью сдачи ея въ аренду или продажи мелкими участками, при чемъ имъ допускается даже *принудительное отчужденіе* ея по справедливой оцѣнкѣ. Посредническая дѣятельность органовъ самоуправленія, по смыслу акта, не оплачивается арендаторомъ и покупателемъ, точно также какъ не оплачивается ими и содержаніе особой землеустроительной коммиссіи, на которую актъ возлагаетъ обязанность оказывать техническую помощь муниципіямъ и самостоятельно вырабатывать проекты разбивки намѣченныхъ ею участковъ повсюду, гдѣ органы самоуправленія не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ. Эти расходы государство принимаетъ на себя; въ Bank of England съ этой цѣлью открытъ особый „кредитъ по мелкому хозяйству“ (Small Holdings Account), который въ настоящее время равенъ 100 тысячамъ ф. ст.

Актъ 1907 г., однако, не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ дѣйствія его, правда, были одобрены планы 13.202 участковъ, съ общей площадью въ 185.098 акровъ, а куплено было 11.346 акровъ, арендовано — 10.071. Но по 23 октября 1909 г. количество земли, проданной и арендованной [1]) у муниципій, едва достигло 59.165 акровъ. Такіе ничтожные, сравнительно съ ожидавшимися, результаты показываютъ, что примѣненіе акта не можетъ сколько-нибудь замѣтно разрѣдить резервную армію рабочихъ и тѣмъ ослабить интенсивность безработицы. Мало того: нельзя надѣяться, что въ дальнѣйшемъ темпъ землеустройства измѣнится. Актъ предоставляетъ исключительное право рѣшенія вопроса о необходимости покупки земли въ цѣляхъ насажденія мелкаго хозяйства тѣмъ самымъ органомъ самоуправленія, составъ которыхъ цѣли-

---

[1]) Актъ предоставлялъ органамъ самоуправленія право *продажи и аренды* участковъ. Практика показала, однако, что мелкій фермеръ предпочитаетъ арендовать землю, чѣмъ быть ея собственникомъ. 98% всѣхъ лицъ, обратившихся за землей, ограничилось арендой; только 2% воспользовались правомъ купить участокъ.

комъ находится подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, уже и теперь объявившихъ акту войну [1]).

Таково, въ самомъ общемъ видѣ, положеніе вопроса о борьбѣ съ безработицей въ Англіи. Если сравнить нарисованную нами картину съ тѣмъ, что̀ мы видимъ на континентѣ, то не приходится ли сказать, что Англія является такимъ же піонеромъ въ области борьбы съ безработицей, какимъ долго была въ области фабричнаго законодательства? Англійская демократія прокладываетъ новые пути общественнаго развитія, по которымъ, рано или поздно, придется пойти и другимъ.

А. Чекинъ.

[1]) Недавно герцогомъ Бэдфордскимъ выработанъ проектъ насажденія Small Holdings *безъ участія государства*, исключительно для лицъ, желающихъ *купить* землю. Этотъ проектъ, по мысли его автора, долженъ подорвать „муниципализаторскія тенденціи акта“.

ВЪ ТИХОМЪ УГЛУ

РАЗСКАЗЪ

I.

Габушъ—крохотная крѣпостца на черноморскомъ побережьѣ, глухой и заброшенный уголокъ. Небольшой заливъ со многими песчаными отмелями и крутыми глинистыми скалами-кручами, узкой дугой омываетъ городокъ, а за полуостровомъ начинаются новороссійскія степи. Вокругъ, на десятки верстъ—ни лѣса, ни рощи; гладь земли спокойно стелется ровнымъ просторомъ, и по его пастбищамъ лѣниво бродятъ тысячныя отары овецъ. Стерегутъ ихъ подростки-пастухи. Они босы, вѣчно въ смушковыхъ шапкахъ, и отъ скуки щелкаютъ тонкими кнутовищами длинныхъ бичей и играютъ на „сопѣлкахъ“.

Въ городкѣ, какъ и въ степи, тихо и безмятежно мирно. Пѣтухи, какъ въ деревнѣ, среди бѣла дня раздольно бродятъ по его заросшимъ пустырямъ-улицамъ и, нахохлившись, горланятъ свои несложные мотивы.

И безлюдно тутъ: бо́льшую часть года все населеніе неотлучно занято на неводахъ, у моря, а весь гарнизонъ крѣпостцы состоитъ изъ одной-двухъ ротъ артиллеріи и резервнаго батальона пѣхоты мирнаго состава, со спившимися офицерами и неизмѣнной музыкантской командой.

Леонидъ Лагунинъ, двадцатидвухлѣтній студентъ-филологъ, худощавый брюнетъ въ пенснэ, попалъ сюда на кондиціи еще до весеннихъ экзаменовъ.

У вѣчно нуждающагося, постоянно ищущаго работы Лагунина какъ-разъ теперь обстоятельства сложились такъ, что совершенно не на что стало жить. И вотъ выпалъ случай: подвернулся богатый урокъ, до самой осени.

Репетировать пришлось у коменданта крѣпостцы, готовить его сына въ корпусъ.

Репетитора обставили по-барски: ему отвели цѣлый флигель съ обширной стеклянной верандой. Окна флигелька выходили въ садъ, густой и запущенный.

Урокъ у Лагунина отнималъ мало времени: всего въ день часа два-три, и отъ сытой жизни, сонной тишины и непривычнаго безлюдья студентъ томился и скучалъ.

Въ городкѣ не было ни зрѣлищъ, ни библіотеки, и единственнымъ развлеченіемъ студента были концерты батальоннаго оркестра.

Концерты эти давались въ военные праздники, въ военномъ собраніи, и Лагунину, какъ учителю комендантскаго сына, входъ туда былъ открытъ и свободенъ.

Такъ какъ офицеры чванливо сторонились студента, то на этихъ вечерахъ единственнымъ собесѣдникомъ Лагунина былъ капельмейстеръ музыкантской команды, Викторъ Ивановичъ Вѣтвицкій.

Капельмейстеръ служилъ по вольному найму—и его, какъ штатскаго, военная среда также чуждалась.

Въ буфетѣ во время антрактовъ, длинныхъ и частыхъ, студентъ и капельмейстеръ вмѣстѣ выпивали, вмѣстѣ курили, разговаривали и отъ этого, какъ водится въ захолустьѣ, быстро сошлись.

Батальонный капельмейстеръ, выкрестъ изъ литовскихъ евреевъ, пожилой блондинъ, низко-остриженный и въ бачкахъ котлетками, недавно женатый вторымъ бракомъ на рѣдкой красавицѣ, не довѣрялъ женѣ, считалъ себя обойденнымъ судьбой и одинокимъ.

Жена Вѣтвицкаго, Ирина Александровна, хрупкая и нѣжная, напоминала молодую березку ранней весной на снѣжной полянкѣ.

Высокая, синеглазая, головка какъ у античной скульптуры. Богатые волосы, сплетенные въ пышныя косы, свѣтлой діадемой вѣнчали ея изящный лобъ, бѣлый-бѣлый, точно осіянный.

Въ Габушѣ, гдѣ, какъ и во всякомъ медвѣжьемъ углу, умѣли и любили сплетничать, разсказывали, что за Вѣтвицкаго Ирина Александровна пошла изъ-за нужды. Она рано лишилась матери;

отецъ у нея былъ въ чахоткѣ, и дѣвушкѣ уже съ пятаго класса приходилось бѣгать по урокамъ. Ей платили скудно и неаккуратно.

На восемнадцатомъ году, когда Ирина Александровна была въ выпускномъ классѣ, она встрѣтилась съ Викторомъ Ивановичемъ, недавно овдовѣвшимъ.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ батальонный капельмейстеръ, пораженный необыкновенной красотой сироты-гимназистки, предложилъ ей выйти за него замужъ.

Дѣвушка долго колебалась, но больной отецъ настаивалъ; онъ жалко хныкалъ, заискивающе убѣждалъ дочь не искушать судьбы, не упускать счастья. Нужда донимала—и дѣвушка дала свое согласіе.

Передавали, что въ день свадьбы, чуть ли не за часъ до вѣнца, на невѣсту напало раздумье. Она вновь заколебалась и заявила жениху, что, питая къ нему глубокое уваженіе, она все-же не чувствуетъ къ нему любви. Поэтому она не считаетъ себя въ правѣ сдѣлать послѣдній шагъ: она тревожится, она опасается за будущее.

Вѣтвицкій успокоилъ ее и уговорилъ.

Этимъ эпизодомъ габушскія женщины и объясняли, почему у супруговъ съ перваго же мѣсяца ихъ совмѣстной жизни начались нелады.

Подозрительному отъ натуры Виктору Ивановичу чуть ли не со второго дня послѣ свадьбы стало казаться, что Ирина никогда съ нимъ не была искренна. Она его ловко провела: съ виду скромная, она въ дѣйствительности отчаянная кокетка. И Вѣтвицкому уже мерещилось, что жена питаетъ къ нему скрытую, но глубокую антипатію, какъ къ бывшему еврею, какъ къ старику. Она не ласкова съ нимъ, не цѣнитъ всѣ его заботы о ней, всѣ его хлопоты.

И размолвки участились. И иногда, въ ссорѣ, вспыльчивый Викторъ Ивановичъ бросалъ женѣ грубые укоры. Онъ напоминалъ ей о ея былой бѣдности.

— Онъ взялъ ее голую, босую, голодную!

— Онъ изъ состраданья женился на ней!

Онъ упрекалъ ее въ неблагодарности...

II.

Батальонный капельмейстеръ былъ боленъ ревностью.

То, что офицеры гарнизона держались съ нимъ какъ съ постороннимъ, и задѣвало болѣзненно-самолюбиваго Виктора Ива-

новича, и радовало: оно дало ему возможность внѣ службы не встрѣчаться съ офицерами и такимъ образомъ избавиться отъ назойливыхъ соперниковъ, а жену уберечь отъ искушенія и соблазна.

Вѣтвицкій, поэтому, поддерживалъ со своими сослуживцами только оффиціальныя отношенія. Онъ вообще избѣгалъ лишнихъ знакомствъ, никого не приглашалъ къ себѣ, самъ почти ни къ кому не ходилъ. Семья Вѣтвицкихъ жила на окраинѣ, на степной дачкѣ, жила уединенно и замкнуто.

Все-же уберечь жену отъ знакомства съ посторонними батальонному капельмейстеру не удалось; по необходимости, изъ-за своего служебнаго положенія ему кое-гдѣ пришлось побывать, кое-кого и у себя принимать. Но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, у чужихъ ли, или у себя на дому, Викторъ Ивановичъ устраивался такъ, занималъ такое мѣсто, чтобы ни на минуту не упускать изъ вида жену.

Разговаривая съ гостями, угощая ихъ, притворно-любезно занимая дамъ, встрѣчая пришедшихъ и провожая уходящихъ, капельмейстеръ въ то же время незамѣтно и непрестанно слѣдилъ за Ириной.

Каждый ея шагъ, ея малѣйшее движеніе рѣдко ускользали отъ его напряженнаго глаза. Онъ подмѣчалъ, какъ, кому она подавала руку, какъ улыбалась. Изъ пестраго гула голосовъ его настороженный слухъ выдѣлялъ голосъ жены, старательно пытаясь уловить всѣ ея слова, и все это тщательно собиралось въ больномъ воображеніи.

Порой Викторъ Ивановичъ перехватывалъ переписку Ирины Александровны.

И хотя ему ни разу не случалось находить то, чего онъ опасливо искалъ, но отъ этого его тревожная бдительность только усиливалась. Такъ, возвращаясь домой послѣ занятій въ музыкантской командѣ, Викторъ Ивановичъ, подъ предлогомъ заботливаго безпокойства, осторожно и подробно выпытывалъ у прислуги, не приходилъ ли кто къ барынѣ въ его отсутствіе.

Вѣчно въ тревожномъ ожиданіи, постоянно охваченный безпокойнымъ подозрѣніемъ, волнуемый смутными предчувствіями, больной мозгъ батальоннаго капельмейстера напряженно работалъ въ одномъ и томъ же направленіи: въ каждомъ онъ видѣлъ возможнаго любовника жены, въ любой моментъ ждалъ ея измѣны.

Съ необыкновеннымъ искусствомъ Вѣтвицкому такъ удалось распредѣлить свое время, что онъ почти не разлучался съ женой. Все это онъ продѣлалъ съ обычной ловкостью маніака. И какъ-то

само собой сложилось такъ, что Ирина Александровна стала сопровождать мужа на его занятія, даже сама на это вызвалась.

Молодой женщинѣ долгими часами приходилось просиживать въ угрюмомъ, сараеобразномъ помѣщеніи, гдѣ происходили экзерциціи музыкантской команды.

Съ недѣлю Ирина Александровна покорно терпѣла шумную скуку однообразныхъ упражненій, но оглушительныя гаммы трубачей, сухая и надоѣдливая дробь барабана, визгливый звонъ мѣдныхъ тарелокъ и однообразный пискъ флейтъ больно ударяли по расшатаннымъ нервамъ, томили, разстраивали и мучили. Истерзанная, она запротестовала.

Между супругами произошла тяжелая сцена; отъ волненія Ирина Александровна совершенно расхворалась, и на этотъ разъ Виктору Ивановичу пришлось уступить.

Батальонному капельмейстеру теперь подолгу приходилось оставлять жену безъ надзора.

Терзаемый ревностью, онъ сталъ небреженъ по службѣ: бывало, что въ самый разгаръ экзерциній онъ терялъ необходимое для занятій спокойствіе и становился болѣзненно раздражительнымъ. Паническій страхъ охватывалъ его: ему мерещилось, что какъ разъ теперь, когда Ирина увѣрена въ его долгомъ отсутствіи, тамъ, дома, совершается то неминуемое, чего онъ такъ опасался. И въ воображеніи, распаленномъ похотливымъ испугомъ, рисовались жуткія картины.

Капельмейстеръ вдругъ прерывалъ экзерциціи, сказывался больнымъ, передавалъ руководство оркестромъ старостѣ музыкантовъ и уходилъ домой.

Всю дорогу шагалъ онъ быстро, взволнованной, торопкой ходьбою, но недалеко отъ воротъ своей дачи останавливался, дѣлалъ передышку, зорко и подозрительно осматривался, а затѣмъ быстро и неслышно открывалъ калитку и тихими, шпіонскими шажками крался по двору.

Въ квартиру онъ проникалъ съ чернаго хода, спѣшно переходилъ полутемный коридорчикъ, у дверей спальни вновь останавливался (почему-то у него была увѣренность, что Ирина именно въ этой комнатѣ прячется со своимъ любовникомъ) и, пытаясь унять гулкіе стуки сердца, съ минуту прислушивался. Дверь онъ открывалъ сразу и безъ предупредительнаго стука.

Передъ Ириной онъ появлялся внезапно и неожиданно, и такъ какъ не находилъ у нея воображаемаго соперника, то совѣстился и съ притворнымъ спокойствіемъ называлъ подходящій мотивъ своему преждевременному возвращенію.

По большей части Викторъ Ивановичъ ссылался на сердцебіеніе и головную боль. Волненія ревности дѣйствительно вызывали у него сильный приступъ мигрени.

Мотивы эти, конечно, сначала варьировались, но съ теченіемъ времени у батальоннаго капельмейстера оскудѣла изобрѣтательность, и при своихъ неожиданныхъ возвращеніяхъ онъ, безпокойно глядя на жену, краснѣлъ, конфузился и, слегка заикаясь отъ смущенія, неизмѣнно произносилъ:

— Понимаешь? Опять забылъ ноты.

III.

Изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ батальонный капельмейстеръ только къ одному Леониду Лагунину относился безъ враждебной подозрительности.

По городу шли слухи, что комендантскій репетиторъ—крупный дѣятель тайнаго сообщества, что за агитацію онъ уволенъ изъ университета — и вотъ это именно обстоятельство въ глазахъ Вѣтвицкаго подняло престижъ студента на необычайную высоту.

Дѣло въ томъ, что Викторъ Ивановичъ искренно считалъ себя передовымъ человѣкомъ. Когда ему случалось подвергаться непріятностямъ по службѣ, онъ отчаянно фрондировалъ, выставлялъ себя сторонникомъ самыхъ крайнихъ направленій и при обращеніи къ студенту Лагунину называлъ его не Леонидъ Михайловичъ—по имени и отчеству,—а такъ, какъ принято у соціалъ-демократовъ—„товарищъ“.

И по мнѣнію батальоннаго капельмейстера выходило, что такіе люди, какъ студентъ Лагунинъ, исключительно заняты всякими превыспренними дѣлами. Личной жизни у нихъ нѣтъ, и они совершенно неспособны заниматься „ерундистикой“.

Этимъ терминомъ на языкѣ Виктора Ивановича обозначалась любовь къ женщинѣ, и, въ частности, ухаживаніе за чужими женами.

Сошедшись со студентомъ въ буфетѣ офицерскаго собранія, батальонный капельмейстеръ постепенно сталъ выказывать ему все бо̀льшую и бо̀льшую пріязнь. Онъ съ нимъ часто пускался въ интимные разговоры, изливался предъ нимъ, жаловался на свое одиночество.

Въ добрыхъ чувствахъ къ новому пріятелю подозрительный Вѣтвицкій дошелъ до того, что однажды, желая показать ему, какъ онъ его почитаетъ, сдѣлалъ ему въ присутствіи Ирины Александровны откровенное признаніе.

Произошло это на третьей недѣлѣ послѣ знакомства.

Былъ погожій день начала мая; въ раскрытыя окна дачной веранды, сверкая молодыми травами, привѣтливо глядѣла весенняя степь; снизу изъ-подъ обрыва доносились шипѣніе и плескъ моря. Капельмейстеръ, медленно прихлебывая послѣобѣденный кофе, испытывалъ особенный приливъ благодушія.

Онъ опорожнилъ чашку, скрутилъ папироску, закурилъ, крѣпко затянулся и, мечтательно пуская дымъ колечками, предложилъ Лагунину свой портсигаръ. Затѣмъ Вѣтвицкій неопредѣленно хмыкнулъ, многозначительно прокашлялся и, съ дружеской довѣрчивостью взглянувъ на студента, сказалъ:

— Скрывать нечего: мы тутъ вѣдь всѣ свои.—Онъ какъ-то интимно осклабился, будто смущенно погладилъ свои бачки и сказалъ многозначительнымъ полушепоткомъ: — Я таки немножечко ревнивъ...

Онъ сдѣлалъ паузу, конфузливо поперхнулся и испустилъ глубокій двойной вздохъ.

— Что прикажете дѣлать? Характеръ ужъ у меня такой!

Викторъ Ивановичъ замялся и съ недоумѣніемъ и покаянно пожалъ плечами.

— Такой ужъ характеръ! Несносный характеръ!..

Онъ какъ-то пренебрежительно развелъ руками, отодвинулъ отъ себя пустую чашку и, вдругъ хитро сощуривъ глаза, продолжалъ съ неестественной улыбкой:

— А можетъ и не я виноватъ, а-а? Можетъ тутъ совсѣмъ другіе виноваты, а-а? Какъ вы думаете, Леонидъ Михайловичъ?

— Я-а-а? Собственно я не понимаю, въ какомъ смыслѣ? То-есть я, собственно, ничего не думаю!

Лагунинъ нервно снялъ пенснэ и недоумѣло уставился въ капельмейстера.

— Викторъ! Зачѣмъ ты это!

Ирина Александровна оскорбленно приподнялась со своего мѣста.

— Да господаа-а! Риночка! Леонидъ Михайловичъ! Вы меня совершенно не поняли! Я совершенно въ другомъ смыслѣ!.. Я хочу вамъ выяснить... Хочу, такъ сказать, попросить вашего совѣта... Посовѣтоваться съ вами... вотъ сейчасъ увидите... одну секундочку... только одну секундочку...

Викторъ Ивановичъ задвигался съ озабоченной суетливостью, завертѣлся, замахалъ руками.

— Видите ли... Я буду говорить прямо: ревнивъ! — Вѣтвицкій нервно дернулъ головой—и ко многимъ ревную... Рина вотъ...

она даже утверждаетъ, что я ко всѣмъ ревную, рѣшительно ко всѣмъ... Даже къ... къ... къ неодушевленнымъ предметамъ...

Вѣтвицкій возбужденно всталъ, быстро подошелъ къ Лагунину и дружески положилъ ему на плечо правую руку.

— Рина немножко ошибается...

Капельмейстеръ загадочно закрылъ лѣвый глазъ, лукаво-добродушно улыбнулся и, внезапно сдѣлавъ серьезное лицо, произнесъ раздѣльно и торжественно:

— Вотъ къ вамъ, товарищъ, я не ревную. Нисколько. Увѣряю васъ.

— Какъ это прикажете понять?

Леонидъ Лагунинъ обидчиво и удивленно вскинулъ глазами.

— Очень просто!

Капельмейстеръ осторожно и деликатно обнялъ пріятеля за талію и съ преувеличенной искренностью продолжалъ:

— Очень просто: я считаю, что такой человѣкъ, какъ вы, не станетъ заниматься ерундистикой! Да-а... Вы для мимолетнаго удовольствія не станете играть чужимъ покоемъ... И я думаю: еслибы такой человѣкъ, какъ вы, съ вашими принципами, съ вашими идеями... еслибы вамъ случилось увлечься моей Ириной—вы не пошли бы на подлость, на обманъ, какъ другіе, какъ всякіе шалапаи. Случись это съ вами, вы тотчасъ же признались бы...

Вѣтвицкій спохватился и поправился:

— То-есть, я хочу сказать, вы поступили бы по нашему: тотчасъ же заявили бы откровенно и честно: такъ и такъ, Викторъ Ивановичъ! Да...

Батальонный капельмейстеръ напалъ на свою любимую тему. Онъ необыкновенно оживился, разгорячился, возбужденно бѣгалъ по верандѣ, жестикулировалъ.

— О-о! Я хорошо знаю женскую природу! Умѣлый ловеласъ въ любой моментъ сумѣетъ взять любую женщину! Лу-уч-шу-ю изъ жен-щи-инъ! Дда-а!

— А здѣсь, въ этомъ паршивомъ городишкѣ, сколько шалапаевъ офицеровъ? Фендриковъ всякихъ? А?

— А Рина молода, неопытна, не знаетъ жизни! Оттого я и тревожусь... Только отъ этого!

— Строго говоря, я собственно и не ревную. Развѣ я не понимаю, что ревновать глупо?.. Но меня бѣситъ мысль, что меня могутъ оставить въ дуракахъ! Вотъ собственно что!

Викторъ Ивановичъ еще долго говорилъ объ этомъ больномъ для него вопросѣ и закончилъ самодовольно и увѣренно:

— Но къ вамъ все это не имѣетъ никакого касательства: вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!

IV.

У Лагунина съ Ириной Александровной установились странныя отношенія. Не было между ними ни непринужденности, ни простоты. Какая-то неуловимая неловкость стѣсняла ихъ, отдаляла ихъ другъ отъ друга.

Замѣтно было, что молодая женщина относится къ студенту съ доброжелательной привѣтливостью. Въ ея обращеніи съ нимъ явно сквозила застѣнчивая почтительность, робкое уваженіе. Было въ этомъ много наивнаго, дѣвичьяго, плохо скрытаго благоговѣнія. Вѣтвицкая смотрѣла на студента снизу вверхъ. Она относилась къ нему какъ ученица къ любимому учителю.

Въ первые дни послѣ ихъ знакомства имъ почти не случалось оставаться однимъ, безъ Виктора Ивановича. Но на другой день послѣ того, какъ капельмейстеръ сдѣлалъ студенту свое откровенное признаніе, Викторъ Ивановичъ, очевидно желая на дѣлѣ доказать свое безпредѣльное довѣріе къ пріятелю, оставилъ его наединѣ съ женой.

Какъ только за Вѣтвицкимъ закрылись двери веранды и по песчаной дорожкѣ дачнаго дворика захрустѣли шаги уходящаго, студенту стало не по себѣ. Повидимому, и Ирина Александровна почувствовала себя неважно: во внезапно притихшемъ домѣ молодыми людьми овладѣло тревожное смущеніе. Охваченные однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, они вдругъ поднялись со своихъ мѣстъ и, точно заранѣе сговорившись, молча вышли изъ дачи. Нѣсколько минутъ они въ глубокомъ раздумьѣ постояли у дачки и безмолвно спустились къ морю. Тамъ они долго гуляли по извилистому берегу, медленно бродили по глинистымъ кручамъ залива.

Имъ было хорошо, и все-же ихъ не оставляло неопредѣленное смущеніе.

Вѣтвицкая точно чего-то остерегалась, всю дорогу отъ своего спутника держалась немного поодаль, и только въ тѣснинахъ межъ глинистыхъ скалъ невольно прикасалась къ нему, а при крутыхъ спускахъ да на осыпяхъ брала его подъ руку, брала неохотно, точно подчиняясь неизбѣжному.

Прогулка какъ началась, такъ и кончилась: почти въ полномъ молчаніи.

Впрочемъ, Лагунинъ раза два-три сдѣлалъ попытку занять свою даму разговоромъ; но отъ волненія у него выходило не то, что̀ ему хотѣлось сказать.

Не желая и совершенно некстати студентъ похвалилъ природу. Онъ тотчасъ же почувствовалъ, что сказалъ банальность, оборвалъ себя на полусловѣ и сталъ разспрашивать свою спутницу про ея дѣвичьи годы. Тутъ же онъ вспомнилъ про городскія сплетни о замужествѣ Ирины Александровны, и у него зародилось опасеніе, что его вопросы будутъ сочтены неумѣстными и легкомысленными, быть-можетъ даже дерзкими. Не окончивъ фразы, онъ растерянно остановился.

Лагунинъ смущался, говорилъ нескладно, безтолково, а Ирина Александровна отдѣлывалась короткими, односложными отвѣтами.

Она шла медленно, сосредоточенно-задумчивая. У калитки воротъ своей дачки она пріостановилась, обернулась назадъ, осмотрѣлась.

Живой просторъ полей, весь въ зелени, весь въ блескѣ весенняго дня, яркая синева залива отъ солнечнаго отраженія съ золотымъ мостомъ у горизонта, зыбкимъ и трехугольнымъ, степь и море блаженно утопали въ благостномъ сіяніи...

Ирина быстро скрестила пальцы рукъ, закинула ихъ за голову и, вся взволнованная ароматами весны, воскликнула:

— Ххор-рош-шо!

Разняла руки, обдала юношу свѣтлымъ, ласкающимъ взглядомъ и съ милой застѣнчивостью и неопредѣленной робостью не то спросила, не то утверждала:

— Хорошо жить!..

V.

Съ этого времени у Вѣтвицкихъ непрестанныя ссоры, свары и столкновенія почти прекратились и въ домѣ у нихъ стало значительно тише. Было похоже на то, что Викторъ Ивановичъ совершенно излечился отъ своей болѣзненной ревности; онъ теперь не проявлялъ своей обычной подозрительности, въ немъ исчезла его постоянная настороженность, прекратились его внезапные приходы, его неожиданныя появленія.

Капельмейстеръ бросилъ слѣдить за женой; онъ велъ себя съ нею ровно, спокойно и корректно. Вновь, какъ до женитьбы на Иринѣ Александровнѣ, онъ отдался службѣ, сталъ исправно бывать въ музыкантской командѣ, старательно заниматься оркестромъ.

Виктору Ивановичу стало казаться, что теперь онъ за свое семейное благополучіе можетъ быть спокоенъ. Конечно, онъ замѣтилъ, что вниманіе жены занято его пріятелемъ; но изощренное отъ постояннаго напряженія чувство ревниваго человѣка на этотъ разъ не уловило ничего тревожнаго. Вѣтвицкій былъ доволенъ. Онъ считалъ, что сближеніе со студентомъ отвлечетъ Ирину отъ другихъ, дѣйствительно опасныхъ соперниковъ, а на Лагунина можно положиться: онъ не обманетъ.

И студентъ Лагунинъ сталъ частымъ гостемъ въ степной дачкѣ. Онъ бывалъ тамъ ежедневно. И отъ этого, отъ непрестаннаго общенія съ Вѣтвицкой у Лагунина прошла неловкость. Постепенно и у Ирины Александровны стала проходить застѣнчивая робость: она свыклась со студентомъ, чувствовала себя съ нимъ свободно и хорошо. Порой дѣлилась впечатлѣніями, разсказывала о своемъ прошломъ.

Черезъ двѣ-три недѣли отношенія у молодыхъ людей укрѣпились, упрочились и перешли въ добрую пріязнь, въ чистое молодое товарищество.

Своей дѣтской безпомощностью и милой граціей Ирина Александровна совершенно покорила студента.

Возвращаясь домой съ прогулки, иногда она по дорогѣ заходила къ Лагунину, въ его флигелекъ, прибирала его комнату, что-то переставляла, перемѣщала, что-то чинила, пришивала— и въ ея хлопотахъ, какъ во вниманіи каждой женщины, было много материнства и трогательной заботливости. И отъ этой милой возни Лагунину становилось молитвенно-хорошо.

Вообще съ юношей творилось что-то для него совершенно непонятное.

У себя дома, во время занятій съ ученикомъ, его не покидала свойственная ему спокойная уравновѣшенность и благодушіе. Но это мирное настроеніе длилось только до полудня, до окончанія урока. Едва лишь наступалъ послѣобѣденный часъ, когда студентъ, по установившемуся уже обыкновенію, собирался на дачу къ Вѣтвицкимъ, едва лишь въ сознаніи вставало „пора“, Лагунина охватывало жуткое томленіе, такое, какое находитъ передъ наступленіемъ болѣзни, скорой и неминуемой.

Къ двумъ часамъ Лагунинъ становился тревожно-раздражительнымъ. Его душой овладѣвалъ одинъ импульсъ, сильный и слѣпой, и никакіе доводы разсудка не могли побороть это мощное побужденіе порабощенной воли.

Юноша еще не былъ въ состояніи разобраться, что происходитъ въ тайникахъ его смятенной души, но уже предчув-

ствовалъ, что тамъ зародилось, растетъ и зрѣетъ новое, до сихъ поръ имъ совершенно неизвѣданное.

VI.

Двѣнадцатаго іюня былъ день батальоннаго праздника и, какъ полагалось въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, вечеромъ въ офицерскомъ клубѣ давали балъ съ музыкальнымъ отдѣленіемъ.

Такъ какъ передъ концертомъ Виктору Ивановичу еще предстояло устроить вторую репетицію, то изъ дому онъ ушелъ послѣ вечерняго чая, въ началѣ седьмого часа.

Вскорѣ послѣ его ухода изъ дачи вышли и Лагунинъ съ Ириной Александровной; они отправились погулять.

Погожій день южнаго лѣта, какъ старецъ, безмятежно прожившій вѣкъ свой, отходилъ мирно и безоблачно.

Море, спокойное и ласковое, было подернуто серебристымъ налетомъ, и по нему тонкими золотистыми нитями сквозили отсвѣты заходящаго солнца.

На берегу, близъ рыбачьихъ куреней, у утлыхъ дощатыхъ мостковъ то и дѣло съ разбѣгу причаливали крутобокіе челны. Густо осмоленные и влажные, они отъ огня заката украсились черными сіяющими блестками, а на ихъ коричневыхъ днищахъ, въ мокрыхъ комьяхъ на-спѣхъ собранныхъ сѣтей, тяжело ворошилась только что пойманная, еще живая рыба.

У тоней воровато сновали собаки. Бакланы—бѣлыя, остроклылыя птицы съ тупымъ клювомъ и рулевиднымъ хвостомъ—жадно кружились надъ лодками, хищно стонали.

Бабы перекупщицы, краснощекія и грудастыя, съ подтыканными юбками и оголенными ногами, суетливо перебѣгали отъ куреня къ куреню; онѣ шумно торговались, весело и съ разсчетливымъ кокетствомъ заигрывали со старыми рыбаками, задирали молодыхъ.

Прибрежная сутолока захватила и Ирину Александровну. Обыкновенно сосредоточенная и замкнутая, она теперь рѣзвилась какъ сорванецъ-мальчишка.

Граціозно и кокетливо подбирая юбки, она крохотными шаловливыми прыжками перебѣгала по влажному гравію изрытыхъ волнами песчаныхъ тропъ, перескакивала съ камня на камень, заставляла и Лагунина бѣгать и догонять ее.

Иринѣ везло: нѣсколько разъ ей удалось увернуться отъ студента, проскользнуть подъ самымъ его носомъ.

Длительная бѣготня, однако, скоро утомила не совсѣмъ крѣпкую здоровьемъ женщину—и на пятый разъ юноша ее нагналъ, настигъ и поймалъ.

Когда онъ ее обхватилъ, она блѣдно заалѣлась; мигомъ прошло все ея оживленіе, она проворно освободилась изъ рукъ Лагунина, какъ-то сразу ослабѣла, затихла и, еле внятно проронивъ: „будетъ", торопливо стала взбираться вверхъ по глинистому обрыву.

Лагунинъ задумчиво побрелъ за нею.

Уже вечерѣло. Небо, ясное и нѣжное, глубоко высилось. Тихо стлались поля. Надъ темнѣющимъ просторомъ величаво покоилось молчаніе угасшаго дня, и въ душистомъ воздухѣ грядущихъ сумерекъ сиреневые и тускло-желтые квадраты созрѣвающихъ хлѣбовъ настороженно прислушивались къ загадочному безмолвію степи.

Гдѣ-то раздавались одинокіе голоса; изъ сада какой-то дачки доносился птичій пересвистъ, страстный, замирающій въ сладострастномъ призывѣ... Съ кургана, гдѣ бѣлѣла овечья отара, доносилась жалоба „сопѣлки" пастуха. Она жаловалась и изнывала въ любовномъ томленьѣ.

И сонное дыханіе моря подъ обрывомъ, и слабые отголоски водяныхъ шороховъ въ грудахъ прибрежной гальки, всплески дремлющей волны, шуршаніе и влажное шипѣніе, непрестанное стрекотанье кузнечиковъ во ржахъ — все наполняло атмосферу тревожной истомой.

Ирина и Лагунинъ усѣлись на невысокомъ бугрѣ, сплошь заросшемъ узловатыми стеблями мяты, полевыми васильками и кашкой. Усѣлись. Слушали ночь.

VII.

— Какъ хорошо!

У Ирины восхищеніе вырвалось тихимъ восклицаніемъ; она въ профиль обернулась къ студенту.

— Восхитительно!

Лагунинъ восторженно отозвался; онъ перемѣстился поближе къ Иринѣ.

Помолчали.

— Кажется, вѣкъ бы сидѣла здѣсь... Такъ бы и сидѣла...

Ирина потянулась руками впередъ, точно хотѣла обнять и небо, и степь, и ароматный воздухъ—всю эту ночь, полную истомы и ласки.

Она оправила юбки, подобрала подъ нихъ ноги, слегка тронула прическу.

— Въ жизни не помню такого вечера!

Положила свои руки на согнутыя колѣни и продолжала, медленно и очень тихо:

— Хочется сидѣть здѣсь и не шевелиться... не двигаться... впивать въ себя ночь, и чтобы кто-нибудь близкій говорилъ тебѣ что-нибудь такое хорошее... разсказывалъ бы... ну, сказку, такую чудесную сказку...

Замѣшкалась на мгновенье и съ особой послѣдовательностью, свойственной одпѣмъ только женщинамъ, спросила:

— Мы вѣдь друзья, правда-а?

— Конечно, конечно!.. Я къ вамъ отношусь... то-есть вы для меня...

— Дда-а?

Ирина спѣшно прервала студента:

— Вотъ вы и разскажите мнѣ... что-нибудь такое... интересное... захватывающее...

— Видите ли...—У Лагунина это неопредѣленное слово вырвалось непроизвольно.

Юноша совершенно не былъ въ состояніи говорить. Чарующая истома южной ночи разбудила въ немъ властные инстинкты. Ему хотѣлось сидѣть, и молчать, и слушать голосъ Ирины; но, опасаясь, что его молчаніе ею не будетъ понято, онъ сталъ говорить.

Бойкій ораторъ студенческихъ сходокъ, онъ теперь говорилъ нескладно, съ длинными, спутанными отступленіями и частыми, неловкими паузами: близость Ирины туманила ему голову и путала мысли.

Студенту было жарко и душно. Внезапно оборвавъ начатую фразу, онъ какъ-то по-дѣтски взмолился и сказалъ просто и откровенно:

— Простите, Ирина Александровна! Мнѣ теперь очень трудно разсказывать!.. Болтаю вотъ всякую чепуху!

Онъ пріостановился и, точно извиняясь, смущенно пояснилъ:

— Вѣдь ночь-то какая!

Ирина на это какъ-то особенно улыбнулась: поощрительно и кокетливо вздохнула и вполголоса запѣла, проникновенно и съ тоскующей страстью:

„Ни сло-ваа, о дру-у-угъ м-мой!
Ни зву-ук-кааа!
Мы будемъ съ тобой молчаливы!“

Она скорбно умолкла, поникла головой, спрятала лицо въ сложенныя какъ на молитву ладони.

Лагунинъ безсознательно подался къ ней. Этимъ движеніемъ онъ заразилъ ее; она плотно придвинулась къ нему, и въ то же мгновенье юноша ощутилъ раздражающее прикосновеніе упругаго плеча.

Жуткая робость овладѣла студентомъ: онъ почувствовалъ свои руки, ноги, спину, не зналъ, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣть, боялся шевельнуться и сидѣлъ въ сладкомъ оцѣпенѣніи...

А шуршащая ткань кофточки Ирины щекотала его, а теплота женскаго тѣла обжигала и мучительно дразнила.

VIII.

Были колебанія: желанія боролись, и мгновенія томительно тянулись.

Возбужденіе толкало юношу впередъ, оно обостряло его слухъ, обостряло его зрѣніе: во мглѣ сумерекъ Лагунинъ ясно различалъ, какъ на щекахъ Ирины занимался и рдѣлъ румянецъ, какъ онъ потухалъ, смѣняясь блѣдностью, и вновь зажигался.

Возбужденіе усиливало и учащало біеніе сердца. Юноша порывался обнять Ирину, прижать ее къ себѣ... ужъ онъ шевельнулъ руками...

Вдругъ легкое дуновеніе воздуха принесло далекую волну музыкальныхъ звуковъ. Въ ласковое безмолвіе ночи нѣжно вплелась элегическая мелодія—острая тоска одиночества, безмѣрная жалоба по утраченному была въ ней.

Ирина вздрогнула. Вздрогнулъ и Лагунинъ.

Въ воображеніи студента всталъ клубный залъ офицерскаго собранія, оркестръ, небольшое возвышеніе капельмейстера...

...Вотъ онъ палочкой трижды быстро ударилъ по пюпитру,—сухіе, нервные удары,—пріостановился, въ полуоборотъ и строго осмотрѣлъ музыкантовъ, инструменты и замахалъ палочкой. Плавно, увѣренно.

Волна согласованныхъ звуковъ гармонично поплыла по внимательному залу...

У юноши невольно закрылись глаза, заработала разбуженная память; въ ней нудно засверлило:

— „Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

Разслабляющій холодокъ рѣзко хлеснулъ юношу прямо по сердцу, и въ взбудораженномъ мозгу понеслись обрывки путающихъ чувствованій и трусливыхъ соображеній. И въ этомъ хаосѣ ощущеній и противорѣчивыхъ импульсовъ ярко выдѣлялась одна назойливая мысль:

„Я не буду въ силахъ смотрѣть ему въ глаза...“

И Лагунинъ явственно сознавъ, что, если онъ сейчасъ обниметъ Ирину, то дѣйствительно не будетъ въ силахъ смотрѣть Вѣтвицкому въ глаза...

Тѣлу стало зябко и стихли перебои сердца.

— Свѣжо какъ-то... сыро... Боюсь, какъ бы вамъ не схватить простуды?..

У Лагунина вопросъ вышелъ виновато, прорвался жалкимъ, заискивающимъ шепоткомъ, плохо скрытой, лицемѣрной заботливостью. Въ голосѣ студента была легкая хрипота.

— Пойдемте!—Ирина отвѣтила холодно.

Въ ея интонаціи слышалась изнемогающая усталость, легкій оттѣнокъ брезгливой досады и непріязни.

Ирина вяло поднялась, апатичнымъ жестомъ оправила юбки, прическу и торопливо пошла.

Когда они пришли на дачу, Викторъ Ивановичъ уже былъ дома, и на столѣ, злобно пыхтя, шумѣлъ самоваръ.

Сѣли за чай.

Ирина притворилась возбужденной и съ неестественной торопливостью, будто съ радостной заинтересованностью, стала разспрашивать мужа о вечерѣ въ офицерскомъ собраніи, но, почувствовавъ его встревоженный взглядъ, съ несвойственной ей ловкостью перемѣнила и тему, и тонъ разговора, подсѣла къ Виктору Ивановичу и любовно положила ему голову на плечо.

Не выдержала. Сильный приступъ тоски сдавилъ ей грудь и виски; она пожаловалась на головную боль и, простившись съ Лагунинымъ, ушла къ себѣ въ спальню.

IX.

Съ этого вечера у Лагунина разстроился весь укладъ его несложной, размѣренной жизни. Онъ неаккуратно и разсѣянно занимался съ ученикомъ, безпрестанно курилъ, часто впадалъ въ тяжелую задумчивость и долгими часами апатично валялся на кровати. Встревоженный мозгъ упорно работалъ.

То, что произошло у него съ Ириной въ степи въ ночь на

тринадцатое іюня, не давало Лагунину покоя. Перебирая въ умѣ всѣ подробности этого событія, юноша испытывалъ неопредѣленное, но очень тягостное чувство—какъ бы сожалѣніе о дорогой и невозвратной утратѣ. Онъ пробовалъ уговорить себя, убѣждалъ, доказывалъ себѣ, что по отношенію къ Вѣтвицкой, замужней женщинѣ и женѣ пріятеля, онъ поступилъ такъ, какъ долженъ поступить всякій честный человѣкъ. Убѣждалъ—и не убѣдилъ. Онъ старался и никакъ не могъ отвлечься отъ этихъ назойливыхъ думъ.

Передъ нимъ рѣзко и грубо всталъ спутанный вопросъ—и, безпомощный, онъ не былъ въ силахъ рѣшить его.

Онъ по прежнему продолжалъ бывать у Вѣтвицкихъ, по прежнему въ послѣобѣденные часы бродилъ съ Ириной по берегу залива, по степи; но прогулки эти, которыхъ онъ раньше ждалъ съ сладостнымъ томленіемъ, теперь для него превратились въ сплошное терзаніе.

Въ дорогѣ, во время прогулки, Лагунинъ, всецѣло былъ поглощенъ Ириной. Онъ пытался отвлечь отъ нея свое плѣнное вниманіе: онъ старательно смотрѣлъ на море, на степь, въ небо—тщетно. Вся его душевная сила, весь его умъ, точно направлялись и управлялись кѣмъ-то инымъ: помимо и вопреки волѣ, глаза упорно впивались въ Ирину, неотступно слѣдили за плавными движеніями ея маленькихъ ногъ, за поворотами ея круглыхъ плечъ, за изгибами ея бѣлой шеи.

Съ напряженностью, доходящей порой до одурѣнія, мозгъ юноши наполнялся тяжелой мутью, а въ ушахъ звонко тикала взволнованная кровь.

Была ли это любовь, подлинная, сильная, или просто желаніе здороваго мужчины, Лагунинъ не могъ опредѣлить; онъ не былъ въ состояніи разобраться въ своемъ сложномъ чувствѣ, и это было для него самое мучительное. Онъ нѣсколько разъ былъ близокъ къ признанію, но всегда въ эти мгновенья, какъ впервые въ степи вечеромъ, имъ овладѣвали колебанія и сомнѣнія. Въ душѣ, рядомъ съ властнымъ велѣніемъ проснувшейся страсти, неотступно, какъ тѣнь въ солнечный день, вставалъ образъ капельмейстера и, въ унисонъ мощному голосу крови, въ мозгу сверлило: „Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

И тотчасъ же угасалъ порывъ; тошнотворный холодокъ подкатывался къ сердцу, сохло въ гортани и неповоротливымъ становился языкъ. Находило тупое оцѣпенѣніе. Юноша становился понурымъ и жалкимъ.

Когда Лагунинъ уходилъ отъ Ирины, къ нему отчасти воз-

вращалось самообладаніе, возвращалась способность говорить. По дорогѣ къ себѣ домой онъ останавливался, жестикулировалъ руками и шопотомъ произносилъ страстные монологи. Тутъ, на улицѣ, онъ былъ краснорѣчивъ, какъ на митингахъ въ университетѣ.

Ночью у Лагунина душевное смятеніе возрастало. Онъ сталъ поздно ложиться, въ постели долго ворочался, тоскливо вслушиваясь въ гулкое молчаніе ночи.

Онъ возбужденно думалъ, необузданно фантазировалъ, строилъ планы, все искалъ выхода изъ запутаннаго положенія.

Если на дворѣ было тихо, ему, послѣ двухъ-трехъ часовъ тяжелой безсонницы, все-же удавалось забыться тревожнымъ полусномъ. При вѣтрѣ или дождѣ, когда за окномъ его комнаты ряды тополей и группы каштановъ, грузно сгибаясь обросшими вѣтвями, шумно переговаривались съ непогодой, тогда въ потревоженномъ саду поднималось взволнованное гудѣніе съ свистящими шелестами листьевъ, съ протяжными скрипами стволовъ— и отъ Лагунина уходилъ сонъ.

За окномъ волны звуковъ наростали и падали, мѣняясь въ темпѣ и тонѣ, и въ этой сложной гаммѣ Лагунину чудился знакомый голосъ—голосъ Ирины.

Онъ вскакивалъ съ постели, спѣшно одѣвался, торопливо выбѣгалъ въ садъ. Никого.

Онъ бѣжалъ дальше, въ глубь аллей.

Вотъ, гдѣ-то совсѣмъ близко, слышно пѣнье... ея голосъ... Лагунинъ останавливался, напряженно вслушивался. Нѣтъ. Это только галлюцинація возбужденнаго мозга.

Припадки эти повторялись нѣсколько ночей подрядъ.

На исходѣ пятой ночи, уже передъ самымъ разсвѣтомъ, когда юноша, измученный безсонницей, торопливо бѣжалъ на зовъ знакомаго голоса, сквозь ажурную листву деревьевъ мелькнула стройная женская фигура. Она шла по направленію къ окну комнаты студента, шла медленно, задумчиво...

Студентъ узналъ Ирину и испугался. Тихо, крадучись, онъ сталъ осторожно отъ нея уходить, пробрался въ глубь сада и тутъ остановился. Закрытый широкимъ стволомъ стараго каштана, онъ стоялъ и настороженно смотрѣлъ. Выжидалъ. Его знобило, и онъ весь трясся мелкой дрожью.

Ирина приблизилась къ окну; она подошла къ нему, постояла нѣсколько мгновеній недвижно и подняла руку, видно собиралась постучать, но не постучала. Опустила руку. Обер-

нулась, осмотрѣлась, точно кого-то искала, не нашла и удалилась.

Впрочемъ, на другой день у Лагунина уже не было увѣренности, дѣйствительно ли онъ видѣлъ Ирину, или ему это, по обыкновенію, померещилось.

X.

На дачѣ у Вѣтвицкихъ произошли большія перемѣны. Викторъ Ивановичъ какъ-то весь преобразился. Обыкновенно угрюмый, настороженный и вѣчно недовольный, онъ теперь находился въ приподнятомъ настроеніи, блаженно и многозначительно улыбался, неподдѣльно радовался и сіялъ. Онъ трогательно ухаживалъ за женой, проявлялъ къ ней необычайную нѣжность, искренно заботился о ея покоѣ.

Наоборотъ, Ирина Александровна безпричинно раздражалась, капризничала и на рѣдкія теперь выходки Виктора Ивановича отвѣчала рѣзкими, истерическими вспышками. Случалось, что она сама нападала на присмирѣвшаго мужа, часто плакала, нервничала. Съ нею творилось что-то неладное. Она непрестанно жаловалась на скуку, на тоску. Она забросила свои прогулки, почти не выходила изъ спальни. Запиралась тамъ, никого туда не впускала и цѣлыми часами таинственно возилась тамъ, все что-то примѣряла, кроила, шила.

Ирина нѣсколько разъ угрожала Виктору Ивановичу, что она оставитъ его, немедленно уѣдетъ.

Порой ея рѣшеніе казалось непреклоннымъ, и, быть-можетъ, она и привела бы въ исполненіе свою угрозу, но ей помѣшало одно обстоятельство: Ирина была беременна.

Этимъ и объяснялась перемѣна въ поведеніи Виктора Ивановича... Въ капельмейстерѣ, какъ въ евреѣ, заговорилъ инстинктъ, такъ развитый у его племени—чадолюбіе, и онъ сталъ оберегать и холить будущую мать, мать своего ребенка.

Между тѣмъ лѣто подходило къ концу; у Лагунина истекалъ срокъ кондиціи. Найти какую-либо иную работу въ городкѣ оказалось невозможнымъ—и надо было подумать объ отъѣздѣ.

Лагунинъ медлилъ, все оттягивалъ отъѣздъ, но нужда давала себя знать, и пришлось ускорить сборы.

Съ Ириной студенту удалось проститься наединѣ.

Разставанье было тяжелое. Они волновались и успокаивали другъ друга, убѣждали себя, что разстаются не надолго. Усло-

вились, что какъ только Лагунинъ по пріѣздѣ добудетъ работу, онъ немедленно вышлетъ Иринѣ деньги (конечно, деньги онъ ей дастъ взаймы, иначе она не согласна); тогда она пріѣдетъ, и онъ поможетъ ей устроиться отдѣльно отъ мужа, зажить трудовой, самостоятельной жизнью.

XI.

Какъ большею частью бываетъ въ такихъ случаяхъ, изъ этого плана ничего не вышло. Лагунину, по возвращеніи въ университетъ, не удалось найти сноснаго заработка: ему только изрѣдка перепадала случайная переписка, и какъ въ прежніе годы, онъ еле перебивался, голодалъ, такъ что о немедленномъ пріѣздѣ Ирины нельзя было и думать.

Пришлось отложить дѣло до болѣе благопріятнаго момента, когда обстоятельства улучшатся, а пока что ограничиться перепиской.

Изъ опасеній, чтобы письма какъ-нибудь не попадали къ Виктору Ивановичу, Лагунинъ и Вѣтвицкая приняли самыя строгія предосторожности и писали очень рѣдко.

Тѣмъ временемъ у Лагунина настала предэкзаменаціонная страда. У Ирины близились роды, и переписка между ними прекратилась.

Экзамены длились мѣсяца два. Когда они окончились, Лагунинъ собрался-было возобновить прерванныя сношенія, да все мѣшкалъ: ему было неловко, что онъ такъ долго не справлялся объ Иринѣ, и отъ этого онъ все откладывалъ и откладывалъ.

А время набѣгало, и въ такомъ неопредѣленномъ положеніи прошелъ цѣлый годъ.

Лагунинъ уже сталъ-было привыкать къ тому, что съ Вѣтвицкой у него все покончено, какъ вдругъ получилъ отъ нея письмо. Оно было очень коротенькое, всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Вѣтвицкая извѣщала Лагунина, что у нея открылся наслѣдственный недугъ—чахотка, повидимому скоротечная, и вотъ, она проситъ его, своего единственнаго друга, поспѣшить пріѣхать въ Габушъ, повидаться. Повидаться и проститься.

Письмо сильно встревожило Лагунина. Онъ забѣгалъ по знакомымъ и товарищамъ, бралъ взаймы у кого только могъ, заложилъ все, что можно было заложить, кое-какъ и съ невѣроятными усиліями сколотилъ на проѣздъ.

Въ крѣпость Лагунинъ прибылъ на третьи сутки на разсвѣтѣ.

Когда онъ сошелъ на берегъ, городокъ еще спалъ и улицы были нѣмы и пустынны.

Полагая, что у Вѣтвицкихъ еще не встали, и опасаясь потревожить сонъ больной, студентъ отъ нечего дѣлать отправился бродить. Онъ скоро обошелъ весь городокъ и вышелъ въ степь.

Утро занялось необыкновенно свѣжее и ясное. Иней бѣлой настилкой, шершавой и искристой, прикрылъ низкіе ростки озими и оголенные просторы пара.

Было тихо и немного зябко. Ежась отъ бодрящаго холодка, студентъ шагалъ быстро. И подъ гулкій стукъ его спѣшной ходьбы въ потревоженной памяти роилось минувшее: степь будила воспоминанія...

Заголосило утро, проснулась крѣпость, и Лагунинъ повернулъ обратно въ городъ.

Вотъ и знакомый дворикъ. Изъ-подъ изсиня-бѣлой изморози скромно голубѣютъ тоненькія, ровно окрашенныя дощечки палисада. Оголенный садъ грустно затихъ; поникли вѣтвями тополи; въ мертвой оправѣ льдистыхъ футляровъ онѣ теперь недвижно повисли...

Дверь у подъѣзда раскрыта; отперты ставни.

Вотъ у окна показалось знакомое лицо капельмейстера. Онъ стоялъ прислонившись къ вспотѣвшему стеклу, повидимому высматривалъ кого-то...

Лагунинъ тихо постучался.

XII.

Погода рѣзко измѣнилась. Небо потемнѣло и нахмурилось, закуталось въ тяжелыя осеннія облака. Засѣяло дождемъ.

Было холодно и непріютно. Ирина лежала на обтрепанной оттоманкѣ, зябко куталась въ большую теплую шаль, кашляла.

— Вотъ...

Она слегка приподнялась и оперлась на согнутую руку.

— Бастую.

И она сдѣлала скорбную паузу, потомъ дѣланно-спокойно заговорила, и моментами у нея въ голосѣ прорывались волненіе и растерянность.

— Дѣло рѣшенное: не сегодня-завтра и я поѣду...

Она запнулась, чего-то пошарила въ карманѣ пеньюара.

— То-есть меня повезутъ... на похоронныхъ дрогахъ...

— Ну, полноте!

Лагунинъ съ тревожной ласковостью взялъ ее за руку.

— Вотъ отправимъ васъ въ Италію, на солнышко, на теплыя воды... вы и того... Живо поправитесь! Выздоров...

— Бросьте!

Больная рѣзко прервала студента. Она взволнованно завозилась на своемъ ложѣ, плотнѣе закуталась въ платокъ и заговорила быстро-быстро:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ вы это говорите? Зачѣмъ вы меня успокаиваете? Къ чему этотъ обманъ? Будетъ съ меня! Наглоталась я его за всѣ эти годы... достаточно... Сыта по горло!

Она нервно приложила платокъ къ губамъ, сплюнула краснымъ и продолжала:

— Повѣрьте, Леонидъ Михайловичъ, для меня положеніе мое совершенно ясно. У меня никакихъ иллюзій! Я знаю, что вотъ-вотъ и придется поставить точку... То-есть жизни поставить точку. Я это вполнѣ сознаю и, повѣрьте, не боюсь. Жалко только...

Она оборвала себя, внезапно какъ-то вся съежилась, сгорбилась, всплакнула короткимъ, горькимъ плачемъ, но сдержалась, быстро отерла глаза и заговорила медленнѣе, со скорбной раздумчивостью:

— Вотъ подвожу итоги, жизни своей подвожу итоги, осматриваюсь назадъ—и ни одного свѣтлаго денька, ни одного часа! Жила—для кого? Для другого, чуждаго! Всегда для другого,—всю свою жизнь! Понимаете? всю жизнь!..

— Рина! Тебѣ вредно много говорить! Вѣдь докторъ запретилъ!

Викторъ Ивановичъ пытался успокоить жену; у него въ голосѣ слышался заботливый укоръ и просьба.

— Не перебивай! Дай мнѣ договорить!.. Вѣдь не долго... скоро умолкну... совсѣмъ... навсегда!

Больная гнѣвно задвигалась и съ усиліемъ удержала прорвавшійся кашель.

— Вредно? Хххаа!

Она испустила злобный, ироническій смѣшокъ. Немного успокоилась.

— Вообще нелѣпо какъ-то все сложилось...

Сказала, задумчиво примолкла, пытливо осмотрѣла мужа и продолжала:

— Вотъ, чтобы доставить удовольствіе этому вотъ господину,—она пальцемъ указала въ сторону Виктора Ивановича,—чтобы служить для него утѣхой, я себя блюла... была ему не-

укоснительно вѣрна!.. Я умираю, и я не знаю, я не испытывала, никогда не испытывала и ужъ не испытаю чувства: отдаваться, принадлежать любимому!.. И все это для того, чтобы усладить такого... такого!..

Она брезгливо поморщилась, ее всю передернуло, и вдругъ она ослабѣла и любовно склонилась къ плечу Лагунина, приникла къ нему, но тотчасъ же забезпокоилась и оттолкнулась.

Тяжелый гнѣвъ, смѣшанный съ глубокой обидой, бѣглыми искорками засверкалъ у нея въ глазахъ. Вскинувъ внезапно поблѣднѣвшее лицо, она впилась въ студента острымъ, колючимъ взглядомъ и жестко отчеканила:

— Вы! Вы какъ онъ! Вы такой же! Трусъ вы!

Судорожно схватилась за грудь, зашаталась, закашлялась съ протяжными, мучительными надрывами и въ полномъ изнеможеніи упала на подушки.

XIII.

Отъ Габуша до ближайшей станціи желѣзной дороги верстъ шестьдесятъ надо было ѣхать водой. На другой день послѣ похоронъ Ирины, вечернимъ рейсомъ, Лагунинъ уѣхалъ.

Былъ теплый, ясный вечеръ южнаго сентября. Надъ заливомъ нѣжно рѣяла сосредоточенная задумчивость осеннихъ сумерекъ. Стоялъ почти полный штиль; по рейду тихо зыбились перламутровыя морщинки ряби.

Пароходъ двигался плавно и быстро.

Гулъ машины, однообразный и въ два тона, низкій и высокій, поразительно схожій съ раздѣльнымъ боемъ барабана при военныхъ похоронахъ, мѣрно отбивалъ жуткій тактъ. Сипло, съ глубокими, стонущими интервалами, дышалъ въ трубѣ паръ, подъ аккомпаниментъ густого оханья топокъ и скрипучихъ содроганій корпуса судна. Его носъ размашисто раздвигалъ и стремительно бугрилъ темнозеленую поверхность воды, а она, мгновенно сплетаясь въ пѣнистые жгуты, шуршала, хлюпала и разсыпала искристыя брызги, расплеталась, убѣгала назадъ, быстро сливаясь съ широкимъ слѣдомъ судна, ровнымъ и глубоко взрыхленнымъ острыми лопастями пароходнаго винта.

Лагунинъ былъ на рубкѣ. Короткими, нервными шагами, онъ расхаживалъ по зыбкой площадкѣ. Порой онъ останавливался, впадалъ въ глубокое раздумье и снова безпокойно шагалъ. Наконецъ онъ подошелъ къ трапу; видимо собрался сойти внизъ

въ каюту, чтобы прилечь—но внезапно его охватила глубокая апатія: онъ неопредѣленно махнулъ рукой и устало опустился на свернутый въ круги якорный канатъ.

Онъ сидѣлъ, бездумно слушалъ шумную гамму пароходныхъ стуковъ, бездумно смотрѣлъ на сіяющую равнину водъ, освѣщенную мѣсяцемъ—и вдругъ у него въ памяти всталъ другой просторъ. Степь... іюньскій вечеръ, истомный, весь въ пряныхъ ароматахъ лѣта... Ирина...

Лагунинъ вспомнилъ и тотчасъ же у него въ мозгу нудно и съ издѣвкой засверлило:

„Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

Передъ глазами Лагунина, качаясь, поплыла фигура батальоннаго капельмейстера, самодовольная, увѣренная... И рядомъ Ирина, съ укоромъ въ тоскующихъ глазахъ...

Тошнотворный холодокъ сжалъ сердце Лагунина. Точно подброшенный внезапнымъ толчкомъ, онъ всталъ, ошалѣло осмотрѣлся, и, безнадежно махнувъ рукой, поплелся внизъ, въ каюту.

Н. Осиповичъ.

ЭПИТАФІЯ

Здѣсь сердце мертвое лежитъ.
Любовь и скорбь оно въ себѣ таило...
Не все-ль равно, о чемъ оно грустило,
Какой здѣсь кладъ души зарытъ?..

И черепъ здѣсь... Роятся черви въ немъ...
Не все-ль равно, какія грезы снились,
Куда мечты и думы уносились?..
Уснуло все могильнымъ сномъ...

* * *

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ТОКВИЛЯ

Французскій либерализмъ первой половины XIX вѣка сыгралъ громадную роль въ общественномъ развитіи Франціи. Въ эпоху реставраціи либералы были естественными вождями той новой Франціи, которая возникла въ эпоху революціи и Наполеона, въ борьбѣ съ попыткой возстановить старый порядокъ. Черпая свои силы главнымъ образомъ въ кругахъ просвѣщенной буржуазіи, либерализмъ бралъ подъ свою защиту созданный революціей и консолидированный Наполеономъ безсословный гражданскій строй. Выставляя на своемъ знамени идеалъ гражданской свободы, онъ ополчался противъ средневѣковыхъ тенденцій реакціи, стремившейся добиться безусловнаго подчиненія личности духовнымъ и свѣтскимъ авторитетамъ. Отстаивая свои политическіе и соціальные идеалы, либерализмъ дѣлалъ общенародное дѣло, и парижское населеніе инстинктивно поняло важность торжества либерализма надъ реакціей, когда въ іюльскіе дни 1830-го года выступило въ защиту нарушенной конституціонной хартіи, хотя эта хартія не давала массѣ народа никакихъ политическихъ правъ.

Съ іюльской революціей закончился героическій періодъ либерализма. Одержавъ побѣду, онъ вступилъ въ борьбу съ той самой силой, которая только что доставила ему торжество.

Дѣло въ томъ, что буржуазный либерализмъ 20-хъ годовъ XIX в. вовсе не былъ простымъ повтореніемъ „принциповъ 1789 г.“. И на немъ сказалось вліяніе реакціи. Исходя изъ индивидуалистической концепціи государства, либералы видѣли

въ немъ общественный союзъ, единственной цѣлью котораго является охрана свободы гражданъ. Вспоминая о революціонномъ терроръ, они находили, что предоставленіе политическихъ правъ низшимъ классамъ населенія несовмѣстно съ политической свободой. Обезпечивъ гражданское равенство и организовавъ правительственную власть по англійскому образцу, они строили государство на фундаментѣ высокаго избирательнаго ценза. Новый порядокъ обезпечивалъ буржуазіи привилегированное положеніе, создавалъ изъ нея новую аристократію, и она отнюдь не хотѣла отказаться отъ своего политическаго преобладанія. Доктрина либерализма оказывалась ей выгодна и въ другомъ отношеніи. Признавая принципъ полной свободы труда и промышленности, либералы требовали въ экономической области предоставленія самой широкой самодѣятельности личной иниціативѣ и невмѣшательства государственной власти въ гражданскія отношенія.

Франція совершала въ это время переходъ къ крупному капиталистическому хозяйству. Ученіе о невмѣшательствѣ давало буржуазіи возможность использовать въ своихъ интересахъ новые экономическіе порядки и обрекало низшіе классы общества на экономическое рабство. Пролетаріатъ реагировалъ на свое тяжелое положеніе не прекращавшимся революціоннымъ броженіемъ, и правящій классъ, вмѣсто прежней борьбы съ реакціей во имя правъ личности, началъ теперь борьбу съ демократіей во имя порядка. Подъ предлогомъ защиты гражданской свободы отъ деспотизма черни, онъ отстаивалъ политическое и соціальное господство буржуазіи.

Немудрено, поэтому, что либерализмъ скоро потерялъ свою популярность. Народное движеніе пошло теперь подъ знаменемъ демократическаго радикализма и соціализма. Нападая на привилегированное положеніе буржуазіи, демократы громили вмѣстѣ съ тѣмъ и благопріятное для нея политическое ученіе. Свобода, которой добивались либералы, въ глазахъ демократовъ являлась только привилегіей высшихъ классовъ и источникомъ несправедливаго распредѣленія благъ земныхъ.

Кабэ объявлялъ страсть къ свободѣ „слѣпою"; Луи Бланъ прямо провозглашалъ, что свобода народа состоитъ въ народовластіи. Любовь къ умѣренной свободѣ на англійскій манеръ уступала мѣсто ненависти къ привилегіямъ и страсти къ равенству. Возрождалась якобинская традиція; идеализировались времена конвента и террора. Такой характеръ демократическаго движенія грозилъ, очевидно, не только господству буржуазіи, но и самому существованію свободы. Въ этотъ-то моментъ остраго

кризиса либерализма въ его защиту выступилъ политическій мыслитель, который поставилъ своей задачей перекинуть мостъ черезъ пропасть, образовавшуюся между либерализмомъ и демократіей, примирить въ общемъ синтезѣ идеалъ свободы съ идеаломъ равенства. Это былъ Токвиль. Попытка его при его жизни кончилась неудачей: въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ сталъ свидѣтелемъ крушенія своихъ идеаловъ. Но его ученіе оказало несомнѣнное вліяніе на умы послѣдующихъ поколѣній и помогло торжеству во Франціи свободы и демократіи.

I.

Алексисъ де-Токвиль родился въ 1805 г. и выросъ въ эпоху реставраціи. Его отецъ принадлежалъ къ числу дворянъ, подвергшихся опалѣ во время террора, и спасся отъ смерти только благодаря перевороту 9-го термидора. Его мать была внучкой знаменитаго Мальзерба, защищавшаго Людовика XVI передъ конвентомъ. Все это связывало Токвиля съ традиціями до-революціонной Франціи. Въ соотвѣтственномъ духѣ было направлено и его воспитаніе. Не смотря на это, изъ него не выработался заурядный защитникъ легитимной монархіи и феодальнаго дворянства. Онъ понялъ, что попытка воскресить во Франціи уничтоженныя дворянскія привилегіи—совершенно безнадежное предпріятіе, и съ ранней молодости сталъ увлекаться политической свободой и парламентаризмомъ. Аристократическое происхожденіе и воспитаніе заставляло его иногда съ нѣкоторымъ презрѣніемъ (подчасъ справедливымъ) смотрѣть на буржуазію, бывшую главной опорой французскаго либерализма; но основной принципъ либерализма—вѣра въ свободу самоопредѣляющейся личности, какъ самый могущественный рычагъ прогресса—остался навсегда краеугольнымъ камнемъ его политическаго ученія. „Я провелъ лучшіе годы моей молодости“—пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—„среди общества, которое повидимому дѣлалось великимъ и счастливымъ, становясь свободнымъ. Я воспринялъ въ немъ идею свободы—свободы умѣренной, правильной, сдерживаемой религіею, нравами и законами. Прелести этой свободы тронули меня. Она сдѣлалась страстью моей жизни“.

Исходя изъ принципа свободы личности, Токвиль сразу становится на сторону новой Франціи въ ея борьбѣ съ представителями стараго порядка. Позднѣе, развивая свою основную идею, онъ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи и, вмѣстѣ съ Бенжаме-

номъ Констаномъ, признаетъ принципы народнаго верховенства—съ одной, впрочемъ, существенной оговоркой. Нѣтъ на свѣтѣ—говоритъ онъ—такой власти, которой можно было бы предоставить дѣйствовать безъ контроля и господствовать безъ противовѣса. „Когда я вижу, что государственная власть получаетъ право и возможность все дѣлать,—все равно, называютъ ли ее народомъ или королемъ, аристократіей или демократіей—я говорю: вотъ гдѣ зародышъ тиранніи—и стараюсь уйти, чтобы жить подъ другими законами". Древнія республики были основаны на принесеніи частныхъ интересовъ въ жертву общественному благу. Новое время должно уважать оба интереса—и частный, и общественный. На задачи государства существуютъ два противоположные взгляда. „Должно ли оно охранять личность и заботиться о ея счастьѣ? Или его единственная обязанность—доставлять отдѣльному лицу легкія и вѣрныя средства для самозащиты и для созданія счастливой жизни? Первый взглядъ на задачи общества проще, однообразнѣе, понятнѣе. Второй—сложнѣе и труднѣе для пониманія; но это—единственно истинный взглядъ. Онъ одинъ согласуется съ существованіемъ политической свободы и одинъ способенъ создавать гражданъ и даже вообще людей". Итакъ, Токвиль не только свою личную задачу, но и цѣль государственнаго союза видитъ въ обезпеченіи индивидуальной свободы. Онъ не желаетъ, чтобы государство „заботилось о счастьѣ" человѣка. Онъ не считаетъ государство самобытнымъ организмомъ, самодовлѣющей единицей. Такой единицей для него является свободная личность, и чѣмъ больше будетъ сфера, предоставленная ея самостоятельной иниціативѣ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе будетъ достигнута конечная цѣль всякаго общественнаго союза — общее благо. Такая чисто индивидуалистическая концепція государства—характерная черта всѣхъ либераловъ первой половины XIX-го вѣка, и Токвиль въ данномъ случаѣ является вѣрнымъ адептомъ либерализма. Сходится онъ съ либералами и въ томъ, что лучшей формой правленія, наиболѣе обезпечивающей личную свободу, является въ его глазахъ конституціонная монархія. Но самостоятельность, присущая его уму, позволяетъ ему глубже вдуматься въ жизнь и избѣгнуть нѣкоторыхъ ошибокъ, въ которыя впадали его единомышленники. Онъ не можетъ не замѣтить, что либеральная доктрина есть достояніе однихъ высшихъ классовъ общества, народныя массы чужды уваженію къ правамъ личности, и простой пересадки на французскую почву англійскихъ центральныхъ учрежденій далеко еще недостаточно, чтобы свобода свила себѣ прочное гнѣздо во фран-

цузской общественной жизни. Онъ старается понять ту новую Францію, которая вышла изъ горнила революціи, старается понять, что̀ именно мѣшаетъ установленію въ ней свободы, и выяснить себѣ тѣ средства, которыя могутъ парализовать эти препятствія.

Въ 1831-мъ году Токвиль отправляется въ Америку, чтобы собрать тамъ достаточный запасъ наблюденій для рѣшенія занимающей его проблемы. Монтескьё и Б. Констанъ совершали въ свое время паломничества въ Англію, для изученія англійскаго конституціоннаго строя. Для цѣлей Токвиля, при всемъ его преклоненіи предъ англійскимъ парламентаризмомъ, Англія оказывалась страной неподходящей: въ ней еще слишкомъ сильны были тогда остатки аристократическаго прошлаго. Америка, наоборотъ—единственная страна, гдѣ соединеніе началъ гражданскаго равенства и индивидуальной свободы уже достигнуто и не привело къ гибели свободы. Плодомъ путешествія въ Америку явилась знаменитая книга Токвиля: „De la Démocratie en Amérique“. Это, собственно говоря, трактатъ не объ Америкѣ, а о демократіи вообще. Америка нужна автору только для изученія того общественнаго строя, къ которому съ каждымъ днемъ приближается Европа. Это — школа жизненнаго опыта, которымъ можетъ воспользоваться его родина. „Признаюсь, — говоритъ онъ — что въ Америкѣ я видѣлъ болѣе чѣмъ Америку. Я искалъ въ ней образецъ демократіи вообще, ея наклонностей, ея характера, ея предразсудковъ, ея страстей“. Франція и ея судьбы — вотъ мысль, не оставляющая Токвиля, когда онъ изучаетъ Америку. Онъ хочетъ, чтобы французское общество, прочитавъ его книгу, поняло, какія опасности грозятъ политической свободѣ отъ разростающагося демократическаго движенія, и приняло мѣры для совмѣщенія грядущей демократіи съ свободой.

„Демократія въ Америкѣ“ даетъ окончательную формулировку взглядамъ Токвиля. Выводы, къ которымъ его привело изученіе Америки, онъ пытался примѣнить во Франціи, въ качествѣ политическаго дѣятеля, въ 30-хъ и 40-хъ гг. Когда переворотъ 2-го декабря положилъ конецъ его практической работѣ, онъ все-таки остается вѣренъ своей основной задачѣ. Онъ посвящаетъ послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1859 г.) объясненію историческихъ судебъ своей родины. Своей второй книгой: „Старый порядокъ и революція“, написанной на основаніи архивныхъ данныхъ, онъ создаетъ эпоху въ исторіографіи французской революціи, доказывая, что историческое развитіе фран-

цузской демократіи подготовило ее къ торжеству идеи равенства, но не внушило ей любви къ свободѣ.

Въ виду того, что вся жизнь и дѣятельность Токвиля проникнуты одной основной идеей, мы будемъ при изложеніи его ученія пользоваться не одной только „Демократіей въ Америкѣ", но и другими его сочиненіями.

II.

Демократическія движенія совершаются обыкновенно подъ знаменемъ двухъ началъ—свободы и равенства. Каковы истинныя отношенія между этими обоими принципами? Равенство, дѣлая людей независимыми другъ отъ друга, пріучаетъ ихъ руководствоваться только своей волей, располагаетъ ихъ недовѣрчиво относиться ко всякому авторитету и внушаетъ имъ идею политической свободы. На высшей ступени своего развитія оба эти принципа совмѣщаются. Предположимъ, что всѣ граждане принимаютъ участіе въ управленіи страной, и каждый имѣетъ равное съ другими право на это участіе. Тогда „люди будутъ вполнѣ свободны, потому что они вполнѣ равны, и будутъ вполнѣ равны, потому что они вполнѣ свободны. Къ этому идеалу и стремятся демократическіе народы". Но не всегда равенство и свобода такъ совпадаютъ. Равенство можетъ водвориться въ гражданскомъ обществѣ и не быть признаннымъ въ сферѣ политическихъ отношеній. Можно жить и домогаться богатства одинаковымъ съ другими гражданами способомъ—и не принимать участія въ правленіи, хотя другіе и имѣютъ на то право. Наконецъ, даже въ области политической можно себѣ представить полное равенство безъ свободы. Можно быть равнымъ всѣмъ своимъ согражданамъ, за исключеніемъ одного, одинаково повелѣвающаго всѣми. Стремленіе народовъ къ равенству и стремленіе ихъ къ свободѣ—двѣ различныя, хотя иногда и совпадающія страсти. Свобода являлась людямъ въ разныя времена подъ разными формами. Она не связана ни съ какимъ опредѣленнымъ соціальнымъ строемъ и встрѣчается не только въ демократіяхъ. Наоборотъ, характерная черта, обособляющая демократическій вѣкъ отъ всѣхъ другихъ эпохъ—именно равенство. Равенство привлекаетъ людей прежде всего своей прочностью. Чтобы уничтожить его, нужно измѣнить соціальный строй народа, преобразовать законы, обновить идеи, перемѣнить нравы. А чтобы потерять свободу, надо только не удерживать ее:

она ускользнетъ сама собой. Всякій сознаетъ, къ какимъ эксцессамъ можетъ привести политическая свобода, какъ она можетъ угрожать общественному спокойствію и праву собственности—а вредныхъ послѣдствій равенства обыкновенно не видятъ или не хотятъ видѣть. Наконецъ, полезные плоды свободы замѣчаются только послѣ большихъ промежутковъ времени. Она, правда, доставляетъ высшее удовольствіе, но только по временамъ и только небольшому числу просвѣщенныхъ людей. Между тѣмъ, равенство ежедневно доставляетъ всякому человѣку массу мелкихъ удовольствій и выгодъ. Особенно разгорается въ обществѣ страсть къ равенству въ тѣ эпохи, когда старая общественная іерархія, давно уже подтачиваемая демократическимъ движеніемъ, падаетъ подъ ударомъ демократической революціи. Люди тогда бросаются на равенство, какъ на завоеванное благо, и особенно имъ дорожатъ, боясь вновь его лишиться.

Когда всѣ привилегіи, доставляемыя рожденіемъ или богатствомъ, уничтожены, когда всѣ профессіи открыты для всѣхъ, для честолюбія людей открывается, повидимому, обширная и легкая карьера. Но опытъ скоро обнаруживаетъ противное. Прежде путь заграждали отдѣльныя привилегіи, теперь — всеобщая конкурренція. Выдвинуться становится крайне трудно. Къ тому же полное равенство совершенно неосуществимо. Какъ бы ни было демократично политическое и соціальное устройство страны, всегда каждый найдетъ множество пунктовъ, въ которыхъ онъ уступаетъ тому или другому изъ своихъ согражданъ—и всегда, поэтому, будетъ изо всѣхъ силъ стремиться сравняться съ ними. По мѣрѣ развитія равенства стремленіе къ нему дѣлается все болѣе ненасытнымъ. Люди не могутъ добиться того абсолютнаго равенства, котораго они желаютъ. „Постоянно они думаютъ, что вотъ-вотъ они его настигнутъ—и постоянно оно ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Они видятъ его достаточно близко, чтобы сознавать его прелести, но не приближаются къ нему настолько, чтобы имъ наслаждаться — и умираютъ, не вкусивъ вполнѣ его сладости“. Конечно, и къ свободѣ демократическіе народы имѣютъ естественное влеченіе. „Предоставленные самимъ себѣ, они стремятся къ ней, любятъ ее, страдаютъ отъ ея потери. Но къ равенству они питаютъ пылкую, ненасытную, вѣчную, непобѣдимую страсть. Они ищутъ равенства въ свободѣ—и если не могутъ этого достигнуть, то ищутъ его въ рабствѣ. Они вынесутъ бѣдность, порабощеніе, варварство, но не потерпятъ аристократіи“.

Эта совершенно исключительная любовь демократическихъ

народовъ къ равенству влечетъ за собой важныя послѣдствія. Утвержденіе соціальнаго строя на принципѣ равенства мало-помалу убиваетъ въ народѣ духъ общественности. У аристократическихъ народовъ фамиліи вѣками сохраняютъ свою незыблемость и свое единство. Человѣкъ знаетъ тамъ своихъ предковъ и уважаетъ ихъ; съ любовью относится онъ къ своимъ будущимъ потомкамъ, охотно поступается своимъ личнымъ интересомъ для интереса фамильнаго. Такъ какъ классы разъединены и неподвижны, то всѣ граждане находятся въ строго опредѣленномъ положеніи. Каждый видитъ надъ собой человѣка, въ покровительствѣ котораго нуждается, а подъ собой—людей, нуждающихся въ немъ самомъ. Все это связываетъ другъ съ другомъ и послѣдовательныя поколѣнія, и отдѣльныя категоріи гражданъ. Наоборотъ, въ демократическомъ обществѣ ни лицо, ни фамилія не занимаютъ опредѣленнаго мѣста въ общественномъ строѣ. Родовая связь разрывается. Классы сближаются и смѣшиваются. Ихъ члены становятся взаимно равнодушными и чуждыми. Возрастаетъ число людей съ матеріальнымъ достаткомъ, избавляющимъ отъ необходимости искать чьего-нибудь покровительства, но не дающимъ возможности играть роль покровителей. Все это развиваетъ партикуляризмъ, равнодушіе къ общественной жизни, стремленіе замкнуться въ узкомъ кругѣ интересовъ. „Аристократія составляла изъ всѣхъ гражданъ громадную цѣпь, которая поднималась отъ крестьянина до короля. Демократія разбиваетъ эту цѣпь и отдѣляетъ каждое звено ея отъ другихъ“.

Другой характерной особенностью демократическихъ народовъ является ненасытная страсть къ матеріальному благосостоянію. Въ аристократическомъ обществѣ богатства наслѣдственно принадлежатъ однѣмъ и тѣмъ же фамиліямъ. Эти послѣднія такъ привыкли пользоваться своимъ благосостояніемъ, что не могутъ себѣ представить другого положенія и не имѣютъ особой страсти къ пріобрѣтенію. Въ свою очередь народъ такъ же привыкъ къ бѣдности, какъ меньшинство—къ достатку, и потерялъ надежду пріобрѣсти благосостояніе. Но когда классы смѣшиваются, привилегіи уничтожаются, наслѣдства дѣлятся, просвѣщеніе и свобода распространяются, тогда желаніе пріобрѣсти овладѣваетъ воображеніемъ бѣдняка, а боязнь потерять — умомъ богатаго. Возникаетъ многочисленный средній классъ, собственной энергіи обязанный своимъ обогащеніемъ. Онъ достигаетъ достаточнаго богатства, чтобы съумѣть его оцѣнить, но далеко недостаточнаго, чтобы имъ удовлетвориться. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ средняго класса, страсть къ наживѣ становится преобладающею.

Съ одной стороны она дѣлаетъ человѣка поборникомъ порядка, но съ другой—приводитъ его къ своего рода „честному матеріализму", который не развращаетъ душу, но ослабляетъ ее и въ концѣ концовъ уничтожаетъ всю ея энергію.

Разъ въ людяхъ развилась страсть къ наживѣ, земледѣліе—это обычное занятіе народа въ аристократическій вѣкъ—перестаетъ удовлетворять. Оно пригодно или для богатыхъ, которые уже пользуются излишкомъ, или для бѣдныхъ, которые хотятъ только пропитанія. При помощи его человѣкъ обогащается медленно и съ трудомъ. Теперь выдвигаются болѣе легкія средства обогащенія. Крестьянинъ продаетъ свое поле, переселяется въ городъ и ищетъ заработка въ торговлѣ или промышленности.

Народъ достигаетъ демократическаго соціальнаго строя съ помощью бурныхъ усилій, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ перемѣнъ. Когда эта революція совершилась, долго еще сохраняются революціонныя привычки. Обыкновенно думаютъ, поэтому, что есть органическая связь между равенствомъ и революціями. Это—глубокая ошибка. Демократическій строй вовсе не располагаетъ народъ къ переворотамъ. Если мы станемъ разбирать причины, вызывавшія тѣ или другія революціи, то легко найдемъ, что основной причиной всякой революціи было неравенство между людьми въ томъ или другомъ отношеніи. Между тѣмъ, соціальное устройство демократіи характеризуется именно равенствомъ положеній. Преобладающимъ значеніемъ въ демократіяхъ пользуется средній классъ, который всегда бываетъ страшнымъ врагомъ революцій. Во-первыхъ, всякая революція болѣе или менѣе угрожаетъ собственности. Во-вторыхъ, революція всегда гибельно отражается на успѣхахъ торговли и промышленности, такъ какъ общественный порядокъ и спокойствіе—необходимыя условія ихъ правильнаго развитія. Поэтому демократическое общество высоко цѣнитъ общественный порядокъ и благоустройство и всѣми силами старается избѣгнуть общественныхъ потрясеній.

Итакъ, установленіе демократическаго общественнаго строя приводитъ къ упадку духа общественности, къ развитію страсти къ наживѣ, къ быстрымъ успѣхамъ торговли и промышленности, къ высокой оцѣнкѣ общественнаго спокойствія и порядка. Посмотримъ теперь, къ какимъ политическимъ послѣдствіямъ ведутъ эти наклонности. Въ средѣ аристократическихъ народовъ естественно возникаетъ представленіе о посредствующихъ органахъ власти, стоящихъ между сувереномъ и подданными. Въ ихъ средѣ всегда находятся отдѣльныя лица и фамиліи, какъ бы предназначенныя повелѣвать. Наоборотъ, демократиче-

скому обществу, основанному на принципѣ равенства, свойственно понятіе о единой власти, занимающей центральное мѣсто и одинаково руководящей всѣми гражданами. Равенство требуетъ однообразныхъ нормъ, одинаково примѣняемыхъ ко всѣмъ членамъ общественнаго организма. Всѣ люди являются для него какъ бы снимкомъ съ одного образца. По мѣрѣ того какъ общество демократизируется, отдѣльныя лица, уподобляясь другъ другу, какъ бы теряются въ толпѣ; сохраняется только грандіозный, величественный образъ цѣлаго народа. По общему убѣжденію, власть должна вытекать непосредственно изъ народа и не имѣть границъ. Къ идеѣ всемогущей, единой центральной власти влекутъ демократическое общество и его наклонности. При развитіи партикуляризма люди съ неохотой отрываются отъ своихъ частныхъ интересовъ, чтобы заняться общественнымъ дѣломъ. Они стремятся сложить заботу о немъ на единственнаго видимаго и постояннаго представителя коллективныхъ интересовъ—государство. Съ другой стороны, страхъ предъ общественными потрясеніями и любовь къ общественному спокойствію тоже побуждаютъ ихъ предоставлять центральному правительству все новыя прерогативы, такъ какъ правительство, по ихъ мнѣнію, одно заинтересовано въ борьбѣ съ анархіей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ средства для такой борьбы. Страсть къ равенству возбуждаетъ во всѣхъ гражданахъ неумолимую ненависть къ какимъ бы то ни было привилегіямъ. Человѣкъ не выноситъ, чтобы его сосѣди имѣли передъ нимъ какое-нибудь преимущество. Но онъ охотно подчиняется единой центральной власти, лишь бы эта власть была одинакова по отношенію ко всѣмъ. Это, въ свою очередь, облегчаетъ сосредоточеніе власти въ рукахъ правительства.

Централизація власти—характерная особенность демократическихъ народовъ. Въ средніе вѣка въ государствѣ встрѣчались отдѣльныя лица или цѣлыя корпораціи, пользовавшіяся почти полной независимостью отъ государственной власти. Они творили судъ, собирали и содержали войско, взимали подати и даже издавали законы. Теперь повсюду въ Европѣ привилегіи сеньеровъ, городскія вольности, мѣстное самоуправленіе разрушены или близки къ концу. Всѣ права сосредоточились въ рукахъ центральнаго правительства. Въ прежнее время благотворительными учрежденіями и народнымъ просвѣщеніемъ завѣдывали частныя лица или самостоятельныя корпораціи. Теперь государство кормитъ голодныхъ, помогаетъ больнымъ, даетъ работу тѣмъ, кто ея не находитъ. Оно беретъ ребенка изъ рукъ ма-

тери и поручаетъ его своимъ агентамъ. Оно внушаетъ ему соотвѣтственныя идеи, развиваетъ въ немъ извѣстныя наклонности, водворяетъ въ обученіе полнѣйшее однообразіе. Даже религіи грозитъ подчиненіе государству. Оно не вмѣшивается въ догматы, но отнимаетъ у духовенства его собственность, назначаетъ ему жалованье и, обративъ его въ сословіе чиновниковъ, старается утилизировать въ своихъ видахъ его вліяніе на народъ. Прежде государство довольствовалось доходами съ казенныхъ земель и налогами. Теперь оно прибѣгаетъ еще къ государственнымъ займамъ, становится должникомъ большинства богатыхъ людей. Въ его вѣдѣніе повсюду переходятъ сберегательныя кассы; оно пускаетъ въ оборотъ сбереженія бѣдныхъ. Такимъ образомъ въ его рукахъ скопляются всѣ богатства страны. Развитіе промышленности вызываетъ необходимость сооруженія дорогъ, каналовъ, портовъ и т. д. Государство старается монополизировать всю эту дѣятельность въ своихъ рукахъ. Суды когда-то пользовались самостоятельностью, ихъ права были очень широки. Не посягая прямо на ихъ независимость, правительство старается съузить область ихъ дѣйствія и поручаетъ вѣдѣнію особыхъ, зависящихъ отъ него судовъ всѣ столкновенія администраціи съ населеніемъ.

Итакъ, демократизація общества ведетъ къ централизаціи и къ расширенію функцій государственной власти. Съ перваго взгляда этому противорѣчитъ цѣлый рядъ революцій, приведшихъ или къ ограниченію власти монарховъ, или даже къ сверженію ихъ съ престола. Но это противорѣчіе, по мнѣнію Токвиля, только кажущееся. Революціи произошли потому, что старыя правительства были представителями стараго порядка, основаннаго на соціальномъ неравенствѣ. Всякая демократическая революція, низвергая во имя равенства старое аристократическое правительство, во имя той же идеи увеличивала и расширяла власть новаго правительства.

Сторонники централизаціи видятъ въ ней необходимое условіе правильнаго хода дѣлъ въ государствѣ. Правда, централизація даетъ возможность собрать въ данный моментъ всѣ силы, которыми располагаетъ народъ, одержать побѣду въ часъ битвы. Она даетъ текущимъ дѣламъ правильное теченіе, поддерживаетъ въ обществѣ „родъ спячки, которую администраторы называютъ обыкновенно общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ“. Но она не можетъ дать обществу жизнь и движеніе. Чрезмѣрное ея развитіе приводитъ къ тому, что населеніе становится совершенно индифферентнымъ къ судьбамъ

своего государства. Демократія вообще способствуетъ развитію партикуляризма. Человѣка перестаютъ задѣвать даже интересы его деревни или улицы. Онъ думаетъ, что все это касается не его, а „того могущественнаго чужестранца, который зовется правительствомъ". Произволу власти онъ и не думаетъ сопротивляться: онъ безропотно скрещиваетъ руки и покоряется давленію.

III.

Самымъ важнымъ учрежденіемъ въ демократическихъ государствахъ является законодательное собраніе, состоящее изъ народныхъ представителей. Въ его рукахъ демократіи склонны концентрировать всю общественную силу. „Законодательный корпусъ, какъ власть, наиболѣе непосредственно вытекающая изъ народа, пользуется и наибольшей долей народнаго всемогущества". Власть такого законодательнаго собранія становится безмѣрной. Въ рукахъ той политической партіи, которая добилась большинства на выборахъ, оказывается деспотическая власть. Большинство не только обладаетъ всей полнотой матеріальной государственной власти: оно пользуется, сверхъ того, громаднымъ моральнымъ авторитетомъ. Этотъ авторитетъ основывается, прежде всего, на убѣжденіи, что отъ собранія можно ожидать бо̀льшей просвѣщенности и разумности, чѣмъ отъ одного лица.

Особое значеніе рѣшеніямъ большинства придаетъ и то соображеніе, что интересы бо̀льшаго числа людей должны быть предпочтены интересамъ меньшаго числа. Вотъ почему въ демократіяхъ устанавливается вѣра въ непогрѣшимость большинства; его верховенство признается одинаково всѣми партіями, такъ какъ каждая изъ нихъ надѣется рано или поздно добиться большинства.

Мысль—власть невидимая и неуловимая: она смѣется надъ всѣми тираніями. Самые абсолютные монархи никогда не могли помѣшать возникновенію взглядовъ, враждебныхъ ихъ власти. Въ демократическихъ государствахъ устанавливается извѣстная тираннія даже надъ мыслью. Монархъ обладаетъ только матеріальной силой и можетъ дѣйствовать лишь на поступки людей. Народное большинство обладаетъ, кромѣ того, моральной силой и дѣйствуетъ не только на поступки, но и на желанія людей. Монархи наказывали несогласныхъ съ ихъ видами смертью. „Они, такъ сказать, матеріализировали насиліе. Современныя демократическія республики сдѣлали это насиліе такимъ же духовнымъ,

какъ и человѣческая воля, которую оно хочетъ подавить". Онѣ предоставляютъ людямъ свободу мыслить и за несогласіе съ общими взглядами не лишаютъ жизни или гражданскихъ правъ. Но онѣ объявляютъ человѣка, идущаго въ разрѣзъ съ большинствомъ, какъ бы прокаженнымъ. Онъ не можетъ получить общественную должность, не можетъ даже разсчитывать на простое уваженіе. Даже близкіе люди должны порвать отношенія съ нимъ. При самыхъ абсолютныхъ монархахъ, въ родѣ Людовика XIV, всегда была возможность описывать пороки и смѣшныя стороны современниковъ. Мольеръ осмѣивалъ нравы придворныхъ въ пьесахъ, которыя представлялись предъ этими самыми придворными. Но власть народнаго большинства не позволяетъ, чтобы ею играли. Малѣйшій упрекъ ее оскорбляетъ, малѣйшая обидная истина ее тревожитъ. Ей нужно, чтобы ее безпрерывно превозносили: она живетъ въ постоянномъ самообожаніи.

Такая тираннія надъ мыслью неизбѣжно должна привести къ пониженію духовнаго уровня всего общества. Въ абсолютныхъ монархіяхъ придворные льстятъ страстямъ своего повелителя и преклоняются предъ его капризами; но народная масса подчиняется монарху по слабости, по привычкѣ или по невѣдѣнію, иногда даже въ силу любви къ нему и къ его власти. Въ демократическихъ государствахъ, гдѣ суверенъ-народъ всегда на виду, гораздо болѣе, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, встрѣчается людей, основывающихъ свои разсчеты на слабостяхъ народа-государя. Люди здѣсь не хуже, но искушенія сильнѣе. Деспотическая власть всегда больше портитъ тѣхъ, кто ей подчиняется, чѣмъ тѣхъ, кто ею обладаетъ. Въ абсолютныхъ монархіяхъ король часто отличается большими достоинствами, но придворные—всегда низки. А что такое, какъ не тѣ же придворные—всѣ льстящіе народу и играющіе на его страстяхъ, чтобы выдвинуться и достигнуть власти? Правда, такіе куртизаны не говорятъ своему повелителю „Государь" и „Ваше Величество", но они безпрерывно распространяются о природномъ разумѣ народа. „Они не задаются вопросомъ, какая изъ добродѣтелей ихъ государя наиболѣе заслуживаетъ восхищенія; они увѣряютъ его, что онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями сразу... Они не даютъ ему своихъ женъ и дочерей, чтобы онъ соизволилъ возвысить ихъ до званія своихъ любовницъ; но, принося въ жертву свои убѣжденія, они сами безчестятъ себя".

Такой гнетъ надъ мыслью, такая тираннія общественнаго мнѣнія приводитъ къ тому, что въ демократическомъ государствѣ всегда меньше выдающихся людей, чѣмъ въ аристократическомъ.

А если и попадаются болѣе или менѣе замѣчательные люди, то они обыкновенно держатся въ сторонѣ отъ политики. Съ легкой руки Монтескьё обыкновенно думаютъ, что народъ выбираетъ на общественныя должности самыхъ достойныхъ людей. Этотъ взглядъ ошибоченъ. Народъ совсѣмъ не умѣетъ цѣнить выдающихся общественныхъ дѣятелей. При неудержимой страсти къ равенству, стремящейся нивеллировать общество, всякій возвышающійся надъ обычнымъ уровнемъ возбуждаетъ къ себѣ зависть и недоброжелательство. Способные люди и сами предпочитаютъ уклоняться отъ общественной дѣятельности, такъ какъ для того, чтобы выдвинуться, необходимо льстить народу и приноровляться къ общепринятымъ взглядамъ и теченіямъ. Вотъ почему, при нормальныхъ условіяхъ, въ демократическихъ государствахъ политическіе дѣятели не возвышаются надъ посредственностью, и только въ эпохи національныхъ кризисовъ выдвигаются великіе люди и сильные характеры.

Итакъ, въ демократическихъ государствахъ личность оказывается гораздо болѣе подавленной государствомъ, чѣмъ даже въ абсолютныхъ монархіяхъ. Народное большинство оказывается всемогущимъ. Всемогущество само по себѣ всегда вредно и опасно, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Разъ есть чьенибудь всемогущество, то уже нѣтъ свободы. Но всемогущество большинства въ демократическомъ государствѣ особенно опасно потому, что противъ его злоупотребленій нѣтъ рѣшительно никакихъ гарантій. Когда человѣкъ терпитъ несправедливость, ему не къ кому обратиться за заступничествомъ, если онъ имѣетъ несчастье принадлежать къ меньшинству, а не къ большинству. Общественное мнѣніе создается большинствомъ. Законодательное собраніе выбирается имъ же. Оно же избираетъ главу исполнительной власти. Судъ присяжныхъ—опять то же большинство. Даже судьи, если ихъ должности выборныя—представители все того же большинства. Вотъ почему въ подобной республикѣ „деспотизмъ можетъ сдѣлаться болѣе невыносимымъ, чѣмъ въ любой абсолютной монархіи Европы. Нужно будетъ отправиться въ Азію, чтобы найти что-нибудь на него похожее“.

Такимъ образомъ, демократическое устройство государства и общество легко можетъ привести къ всемогуществу государственной власти, къ тиранніи большинства, къ полному подавленію личности. Правда, при этомъ сохранится участіе народа въ правленіи: всемогущее законодательное собраніе будетъ состоять изъ представителей, выбранныхъ народомъ. Но существованіе политической свободы будетъ крайне непрочно. При упадкѣ духа

общественности, при господствѣ индифферентизма и партикуляризма, отъ тиранніи собранія останется только одинъ шагъ до тиранніи одного лица. Стоитъ только лицу, пользующемуся популярностью, овладѣть властью—и народъ, воспитанный въ безпрекословномъ подчиненіи, покорно склонитъ голову предъ счастливцемъ. „Когда работающіе люди не желаютъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, и нѣтъ класса, который бы взялъ на себя эту заботу, чтобы наполнить свои досуги, мѣсто правительства остается какъ бы пустымъ. Если въ этотъ критическій моментъ ловкій честолюбецъ захочетъ овладѣть властью, онъ найдетъ дорогу открытой для всякихъ узурпацій. Пусть только онъ позаботится нѣкоторое время о процвѣтаніи матеріальнаго благосостоянія народа—и ему легко простятъ остальное“.

Такъ легко можетъ установиться въ демократіи деспотизмъ. Какимъ же характеромъ онъ будетъ отличаться? „Монтескьё сказалъ, что нѣтъ болѣе абсолютной власти, чѣмъ власть государя, смѣнившаго собой республику... Это вѣрно вообще, но особенно примѣнимо къ демократической республикѣ“.

Въ европейской исторіи былъ періодъ, когда государи въ принципѣ имѣли неограниченную власть. Но они ею не пользовались. Привилегіи дворянства, независимость судовъ, права различныхъ корпорацій, провинціальное и городское самоуправленіе,—все это поддерживало въ народѣ, въ извѣстной мѣрѣ, духъ сопротивленія. Помимо этого, религія, привязанность подданныхъ къ государю, честь, семейныя традиціи, старинные обычаи, общественное мнѣніе ограничивали власть государей и заключали ее въ невидимыя границы. „Конституція народовъ была тогда деспотической, но ихъ нравы были свободны. Государи имѣли право всѐ дѣлать, но у нихъ не было къ тому ни возможности, ни охоты“. Теперь всѣ эти „баррьеры“ тиранніи уничтожены. Религія потеряла свое вліяніе на человѣческія души. Революціи лишили государей той любви и уваженія, которыя прежде ихъ окружали. Особыя права городовъ и провинцій исчезли. Дворянство потеряло свои привилегіи. Классы сравнялись и смѣшались; принципъ чести утратилъ свою силу. Фамильныя и корпоративныя традиціи забыты; отдѣльная личность сдѣлалась въ обществѣ совершенно изолированной. Организованной силѣ правительства она можетъ теперь противопоставить только индивидуальную слабость. Поэтому теперь государи легко могутъ соединить въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти и проникнуть въ кругъ частныхъ интересовъ болѣе глубоко, чѣмъ это могли сдѣлать государи прежнихъ временъ. Порабощеніе, угрожающее

демократическимъ народамъ, не походитъ на прежнее. Оно несравненно сильнѣе.

„Я хочу — говоритъ Токвиль — представить себѣ, подъ какими новыми чертами можетъ быть введенъ въ міръ деспотизмъ. И я вижу безчисленную толпу сходныхъ и равныхъ между собою людей, которые безъ отдыха хлопочутъ, чтобы доставить себѣ мелкія, пошлыя удовольствія, заполняющія ихъ душу. Каждый изъ нихъ, замыкаясь въ себѣ самомъ, какъ бы чуждъ судьбѣ другихъ. Его дѣти и личные друзья составляютъ для него все человѣчество. Съ остальными своими согражданами онъ стоитъ рядомъ, но не видитъ ихъ. Онъ къ нимъ прикасается, но не чувствуетъ ихъ. Онъ существуетъ только въ себѣ и для себя. И если у него остается еще семья, то можно сказать, что у него уже нѣтъ отечества. Надъ всѣмъ этимъ возвышается громадная власть, берущая на себя обязанность обезпечить довольство людей и заботиться о ихъ судьбѣ. Она абсолютна, мелочна, регулярна, предусмотрительна и умѣренна. Она походила бы на отцовскую власть, еслибы... ея цѣлью было приготовленіе человѣка къ зрѣлому возрасту. Но, напротивъ, она только и старается о томъ, чтобы удержать человѣка въ дѣтствѣ. Она охотно заботится о счастьѣ гражданъ, но хочетъ быть въ этомъ отношеніи единственнымъ дѣятелемъ и посредникомъ. Она охраняетъ ихъ безопасность и обезпечиваетъ ихъ нужды, облегчаетъ имъ удовольствія, ведетъ ихъ главныя дѣла, направляетъ ихъ промышленность, регулируетъ изслѣдованіе, дѣлитъ результаты. Отчего не можетъ она избавить ихъ совершенно отъ труда мыслить и отъ заботы жить? Съ каждымъ днемъ она дѣлаетъ все менѣе полезнымъ и болѣе рѣдкимъ пользованіе свободой сужденія... Надъ обществомъ она протягиваетъ сѣть сложныхъ, мелочныхъ и однообразныхъ правилъ, исключающихъ возможность проявленія оригинальнаго ума и сильнаго характера... Она не разрушаетъ, но мѣшаетъ созиданію. Она не тиранствуетъ: она стѣсняетъ, сжимаетъ, истощаетъ, заглушаетъ, притупляетъ и обращаетъ, наконецъ, народъ въ стадо боязливыхъ промышленныхъ животныхъ, пастухомъ котораго служитъ правительство“.

IV.

Демократія пугаетъ Токвиля. Индивидуалистъ по убѣжденіямъ, видящій цѣль общежитія прежде всего въ гарантіи личной свободы, считающій политическую свободу высшимъ благомъ, онъ

съ ужасомъ наблюдаетъ, какъ легко охладѣваетъ любовь къ свободѣ въ демократическомъ обществѣ, готовомъ предпочесть демократическій деспотизмъ аристократической свободѣ. Вопреки своимъ аристократическимъ традиціямъ, Токвиль хочетъ быть безпристрастнымъ къ демократіи и указываетъ, наряду съ ея недостатками, и ея достоинства. Онъ отмѣчаетъ, напр., что въ демократическихъ государствахъ законодательство всегда болѣе соотвѣтствуетъ реальнымъ нуждамъ народа, что въ нихъ высоко развито среди гражданъ правосознаніе, что любовь къ родинѣ въ нихъ отличается большей сознательностью и разумностью, что, наконецъ, народъ въ такихъ государствахъ чувствуетъ себя счастливымъ, такъ какъ пользуется матеріальнымъ достаткомъ. Но для осуществленія высшаго блага человѣческаго общества—свободы самоопредѣляющейся личности—аристократическое общество болѣе пригодно, чѣмъ демократическое. Еслибы для современнаго общества былъ возможенъ вполнѣ свободный выборъ между аристократіей и демократіей, еслибы отъ воли людей зависѣло, какую предпочесть форму государственнаго и общественнаго строя, Токвиль, пожалуй, предпочелъ бы аристократію. Но остановить демократизацію общества невозможно. Хотятъ ли этого люди или нѣтъ, все равно развитіе общества приведетъ къ полному торжеству принципа равенства. „Постепенное развитіе равенства положеній—дѣло Провидѣнія и имѣетъ всѣ характерныя черты такого дѣла: оно всеобще, оно продолжительно, оно ускользаетъ съ каждымъ днемъ отъ человѣческой власти; всѣ событія, какъ и всѣ люди, служатъ его распространенію". Пытаться остановить демократію — значитъ бороться съ самимъ Богомъ. Народамъ остается только приспособиться къ тому общественному устройству, которое имъ даетъ Провидѣніе.

Неужели, однако, торжество деспотизма является фатальнымъ результатомъ демократизаціи общества? Неужели нельзя парализовать вредныя наклонности, порождаемыя страстью къ равенству, и научить народъ изъ демократіи и деспотизма выбрать первую, а не послѣдній? Неужели, однимъ словомъ, нельзя примирить свободу и равенство?

Токвилю положеніе дѣлъ не кажется безнадежнымъ. Онъ думаетъ, что бороться съ вредными послѣдствіями равенства еще возможно. Для этого есть только одно дѣйствительное средство: политическая свобода. „Одна свобода можетъ въ демократическихъ обществахъ успѣшно бороться съ свойственными имъ пороками и удержать ихъ на наклонной плоскости, по которой они скользятъ. Она одна можетъ извлечь гражданъ изъ

того состоянія изолированности, въ которомъ удерживаетъ ихъ матеріальная обезпеченность, и заставить ихъ приблизиться другъ къ другу. Она согрѣетъ ихъ душу и ежедневно будетъ соединять ихъ, благодаря необходимости понять и убѣдить другъ друга при выполненіи общаго дѣла. Она одна способна оторвать людей отъ культа денегъ и отъ мелкой будничной сутолоки частныхъ дѣлъ, заставить ихъ ежеминутно чувствовать свою связь съ отечествомъ. Она одна отъ времени до времени замѣняетъ погоню за матеріальной обезпеченностью болѣе энергичными и возвышенными стремленіями, ставитъ честолюбію болѣе значительныя цѣли и творитъ свѣтъ, дающій возможность видѣть и цѣнить добродѣтель. Демократическія общества, лишенныя свободы, могутъ отличаться богатствомъ, изысканностью, блескомъ, даже великолѣпіемъ, могутъ быть сильны вѣсомъ своей однородной массы; въ нихъ можно встрѣтить качества, украшающія частную жизнь—можно встрѣтить хорошихъ отцовъ семейства, честныхъ торговцевъ и весьма почтенныхъ собственниковъ; мы найдемъ въ нихъ даже добрыхъ христіанъ, потому что отчизна христіанъ—не отъ міра сего... Но въ средѣ подобныхъ обществъ—говорю смѣло—никогда не окажется великихъ гражданъ и, тѣмъ болѣе, великаго народа, и я не боюсь утверждать, что общій уровень сердецъ и умовъ никогда не перестанетъ понижаться, пока равенство и деспотизмъ будутъ соединены въ нихъ".

Разъ что свобода является единственнымъ средствомъ противъ торжества демократическаго деспотизма, то нравственная обязанность всякаго общественнаго дѣятеля — помогать дѣлу свободы. Трудно пріучить народъ къ участію въ управленіи, еще труднѣе снабдить его необходимой для того опытностью и возбудить въ немъ соотвѣтственныя наклонности. Но если нѣтъ иного выбора, какъ свободная демократія или деспотизмъ, то необходимо бороться за торжество первой. Не задерживать надобно демократическое движеніе, а направлять его въ русло свободы.

Размышленія надъ судьбами отечества и наблюденія надъ политической жизнью Америки даютъ Токвилю возможность указать тѣ условія, при которыхъ возможно сохраненіе свободы въ государствѣ. Отчасти здѣсь играютъ роль внѣшнія обстоятельства, но главное значеніе имѣютъ учрежденія и нравы.

Такъ какъ политическая свобода состоитъ, прежде всего, въ участіи общества въ управленіи, то ея существованіе возможно только въ конституціонныхъ монархіяхъ и въ республикахъ. Очевидно, что самый характеръ конституціи, на основаніи которой управляется данная страна, не безразличенъ для судьбы свободы

въ ней. Но, въ противоположность большинству своихъ современниковъ, Токвиль не старается подвергнуть всестороннему анализу принципы конституціоннаго права и дать построеніе идеальной конституціи. Больше симпатизируя конституціонной монархіи, онъ и въ республикѣ признаетъ форму правленія вполнѣ подходящую для торжества свободы, и ограничивается немногими замѣчаніями объ устройствѣ центральныхъ органовъ власти. Онъ признаетъ ученіе Монтескьё о раздѣленіи властей, съ тѣми поправками, которыя внесъ въ него Констанъ, и находитъ необходимымъ основать отношенія между властями законодательной и исполнительной на принципѣ равновѣсія. Съ этой точки зрѣнія онъ предпочитаетъ двухпалатную систему — однопалатной. Существованіе верхней палаты оказываетъ существенныя услуги дѣлу свободы: съ одной стороны она предохраняетъ нижнюю палату отъ порабощенія общественнымъ мнѣніемъ и не даетъ ей возможности развить въ себѣ тираническія поползновенія; съ другой стороны верхняя палата является естественной посредницей въ случаяхъ конфликта между нижней палатой и представителемъ исполнительной власти. Что касается избирательнаго права, то въ демократіи можетъ существовать извѣстный цензъ, но въ концѣ концовъ неизбѣжно торжество принципа всеобщаго голосованія, такъ какъ всеобщее избирательное право есть логическій выводъ изъ принципа народнаго суверенитета. Токвиль находитъ, однако, нужнымъ подвергнуть народную волю извѣстной фильтровкѣ и предпочитаетъ прямымъ выборамъ двухстепенные, такъ какъ при прямыхъ выборахъ составъ избранной палаты бываетъ обыкновенно крайне невысокъ, а двухстепенные выборы, наоборотъ, даютъ въ результатѣ собраніе, блещущее талантами.

Значеніе исполнительной власти въ государствѣ опредѣляется, по мнѣнію Токвиля, вовсе не тѣмъ, носитъ ли глава ея титулъ монарха или президента, а тѣмъ, каковы ея дѣйствительныя полномочія и сфера дѣятельности. Вліяніе главы исполнительной власти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество должностныхъ лицъ, которыхъ онъ можетъ назначать или смѣщать по своему усмотрѣнію, чѣмъ выше численность арміи и флота, естественно состоящихъ подъ его командой. Поэтому въ Европѣ, гдѣ въ управленіи господствуетъ бюрократическая централизація и подъ ружьемъ содержатся громадныя арміи, глава государства всегда пользуется гораздо бо̀льшимъ значеніемъ, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, распоряжающійся небольшимъ количествомъ служебныхъ мѣстъ и незначительной арміей. По этой же причинѣ, во избѣжаніе острыхъ конфликтовъ между законодательной и

исполнительной властью, въ Европѣ необходимо существованіе парламентскаго министерства, а Америка можетъ обходиться безъ него. Конфликты между властями законодательной и исполнительной всегда опасны для свободы: какая бы ихъ сторона ни побѣдила, въ государствѣ неизбѣжно установится тираннія. Поэтому всѣми силами надо стараться установить между ними равновѣсіе. Если исполнительная власть слаба, то она легко можетъ быть порабощена законодательною — и тогда необходимо принять мѣры, чтобы создать для главы исполнительной власти независимое положеніе, какъ это сдѣлано, напр., въ Америкѣ. Наоборотъ, если исполнительная власть обладаетъ значительной матеріальной силой, побѣда единоличнаго главы правительства надъ законодательнымъ собраніемъ можетъ привести къ установленію деспотизма. Въ силу этихъ соображеній, въ 1848 г., когда во Франціи вырабатывалась республиканская конституція, Токвиль противился тому, чтобы президентъ республики избирался непосредственно всенароднымъ голосованіемъ. Опасенія его оказались пророческими.

Признавая однимъ изъ основныхъ принциповъ либерализма равновѣсіе властей, Токвиль очень далекъ отъ того, чтобы приписывать этому принципу первенствующее значеніе. Одной либеральной конституціи недостаточно для торжества свободы, особенно когда во всѣхъ сферахъ общественной жизни, кромѣ законодательной, проводится принципъ всепоглощающей государственной опеки и строжайшей централизаціи власти. Въ такомъ случаѣ, думаетъ Токвиль, граждане выходятъ изъ зависимости только на одну минуту, чтобы выбрать себѣ господина. Хартія 1830-го года, соединявшая торжество парламентаризма съ бюрократической централизаціей, казалась ему, поэтому, „придѣлываніемъ головы свободы къ тѣлу раба“, и онъ предсказывалъ ей скорый конецъ. Нельзя допустить, чтобы либеральное, энергичное и мудрое правительство могло явиться результатомъ голосованія народа рабовъ. „Конституція—восклицаетъ Токвиль—республиканская вверху (par la tête) и ультра-монархическая во всемъ остальномъ всегда казалась мнѣ недолговѣчнымъ уродствомъ“ (un monstre éphémère).

V.

Правильная организація конституціонныхъ властей должна сопровождаться соотвѣтственнымъ устройствомъ другихъ сферъ государственной жизни. На первомъ планѣ въ этомъ отноше-

ніи надо поставить мѣстное самоуправленіе. Въ государственной жизни Токвиль различаетъ централизацію правительственную и административную. Есть интересы, общіе всей націи, какъ напр. изданіе законовъ или сношенія съ иностранными державами. Завѣдываніе ими должно находиться въ рукахъ центральной власти. Такая правительственная централизація является conditio sine qua non единства государства. Но совершенно излишне сосредоточивать въ рукахъ центральной власти завѣдываніе чисто мѣстными интересами и проводить административную централизацію. Такая централизація, обезпечивая внѣшнюю видимость порядка, обезсиливаетъ общество и отучаетъ его и отъ самостоятельности, и отъ любви къ свободѣ. Участіе гражданина въ мѣстномъ самоуправленіи возбуждаетъ въ немъ интересъ къ государственной жизни, развиваетъ въ немъ тотъ инстинктъ общественности, который является лучшимъ залогомъ силы государства. Самоуправленіе пробуждаетъ дѣйствительный патріотизмъ. Гражданинъ привыкаетъ смотрѣть на интересы своего отечества, какъ на свои собственные. Слава отечества становится его славой. Въ успѣхахъ, достигнутыхъ государствомъ, онъ узнаетъ свой собственный трудъ и гордится ими. Онъ научается вѣрить въ самого себя, полагаться на свой разумъ и свою волю.

Являясь такимъ убѣжденнымъ сторонникомъ мѣстнаго самоуправленія, Токвиль готовъ раздвинуть его рамки до возможныхъ предѣловъ и лучшей формой государственнаго общенія считаетъ федеративное устройство государства. Какъ Монтескьё и Руссо, онъ убѣжденъ, что небольшія государства самой природой созданы для свободы, а въ большихъ, наоборотъ, свободу сохранить трудно. Федерація представляется ему удачной формой соединенія преимуществъ какъ малыхъ, такъ и большихъ государствъ. Въ торжествѣ федеративнаго принципа онъ видитъ одну изъ самыхъ прочныхъ гарантій существованія свободы въ Америкѣ.

Правильная организація судовъ обезпечиваетъ законность. Свобода въ государствѣ можетъ быть обезпечена только при господствѣ законности. Громадная заслуга суда состоитъ въ томъ, что онъ обезпечиваетъ повиновеніе законамъ путемъ моральнаго, а не матеріальнаго принужденія и замѣняетъ принципъ силы принципомъ права. Но эту пользу судъ можетъ принести только тогда, когда обладаетъ достаточной силой и независимостью. Независимость суда достигается несмѣняемостью его членовъ или замѣщеніемъ судебныхъ мѣстъ путемъ народнаго выбора, на извѣстный срокъ. Суду должно принадлежать право объявлять законы неконституціонными. Подсудными суду должны быть не

только частныя, но и всѣ должностныя лица. Именно такая система принята въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря чему судебные приговоры являются тамъ прекраснымъ противовѣсомъ тиранническимъ тенденціямъ законодательной власти. Найдется очень немного законовъ, которые въ теченіе значительнаго промежутка времени не были бы затронуты судебными рѣшеніями. Разъ что судьи откажутся принять какой-нибудь законъ, онъ скоро потеряетъ значеніе, и законодательная власть принуждена будетъ его отмѣнить. Право суда объявлять законы неконституціонными можетъ показаться, съ перваго взгляда, опаснымъ для государства. На самомъ дѣлѣ оно было бы опасно только въ томъ случаѣ, еслибы судьи прямо могли посягать на законодательство вообще. Между тѣмъ, судебныя рѣшенія постановляются всегда относительно даннаго, частнаго случая, а не относительно общихъ принциповъ. Законъ затрогивается случайно и теряетъ свою силу постепенно, подъ цѣлымъ рядомъ ударовъ, наносимыхъ ему судами. Въ силу этого судъ рѣдко даже можетъ увлечься партійными интересами. Онъ вовлекается въ область политики какъ бы противъ воли. Онъ судитъ законъ, потому что разбираетъ процессъ и не можетъ уклониться отъ постановленія приговора, такъ какъ это было бы отказомъ въ правосудіи. Такое тѣсное соединеніе обязанности съ правомъ дѣлаетъ его болѣе безпристрастнымъ.

Право суда объявлять законы неконституціонными предохраняетъ гражданъ отъ тиранніи законодательныхъ учрежденій. Отъ произвола исполнительной власти ихъ обезпечиваетъ подсудность должностныхъ лицъ обыкновеннымъ судамъ. Современные юристы, говоритъ Токвиль, находятъ нужнымъ наряду съ обыкновенной юстиціей существованіе особой административной юстиціи; ей должны подлежать всѣ процессы, гдѣ государство является заинтересованной стороной. Въ защиту такого взгляда приводятъ принципъ раздѣленія властей. На самомъ дѣлѣ существованіемъ административной юстиціи вовсе не достигается раздѣленіе властей. Суды, правда, больше не вторгаются въ область администраціи, за то администрація дѣйствуетъ въ области суда. Произволъ администраціи часто остается безнаказаннымъ и получаетъ, вдобавокъ, внѣшній видъ законности. При свободномъ образѣ правленія въ государствѣ административная юстиція является nonsens'омъ. При ея существованіи гражданинъ для защиты отъ произвола частныхъ лицъ обращается въ обыкновенные суды, къ несмѣняемымъ судьямъ — а для защиты противъ администраціи онъ долженъ обращаться къ судьямъ, пред-

ставляющимъ эту же самую администрацію. Когда его противникъ слабъ, и нечего опасаться пристрастія судей, то въ его распоряженіи независимый судъ. Наоборотъ, когда его противникъ—администрація—силенъ, онъ долженъ прибѣгать къ зависимому суду, гдѣ можно быть почти увѣреннымъ въ пристрастіи судей. При существованіи свободнаго образа правленія необходимо, поэтому, предоставить каждому гражданину право обвинять должностныхъ лицъ предъ обыкновенными судами, а судамъ—право ихъ наказывать. Только такимъ способомъ можно обезпечить свободу гражданъ отъ произвола администраціи. Напрасно думаютъ, что отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ обыкновенными судами ослабляетъ авторитетъ государственной власти. Наоборотъ, она только увеличиваетъ его, такъ какъ должностныя лица будутъ стараться избѣгнуть привлеченія къ суду и, слѣдовательно, дѣйствовать строго законнымъ путемъ.

Кромѣ независимости суда громадную пользу для торжества въ государствѣ свободы приноситъ существованіе суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ всегда является, по духу, республиканскимъ учрежденіемъ, такъ какъ передаетъ въ руки народа дѣйствительное руководство обществомъ. По этой-то причинѣ абсолютные монархи обыкновенно стремятся уничтожить или по крайней мѣрѣ ослабить его. Судъ присяжныхъ—такой же логическій выводъ изъ принципа народнаго суверенитета, какъ всеобщее избирательное право. Присяжные представляютъ собою часть народа, обязанную обезпечивать исполненіе законовъ, точно такъ же, какъ палаты представляютъ часть народа, обязанную ихъ издавать. Но серьезное значеніе судъ присяжныхъ можетъ имѣть только тогда, когда онъ, кромѣ уголовнаго судопроизводства, распространенъ и на гражданское. Только тогда онъ проникаетъ въ жизненныя привычки и сливается, такъ сказать, съ самой идеей правосудія. Онъ распространяетъ во всѣхъ классахъ любовь къ законности, уваженіе къ суду и къ идеѣ права. Онъ пріучаетъ гражданъ къ отвѣтственности за свои поступки и внушаетъ имъ сознаніе долга по отношенію къ обществу. Наконецъ, онъ является какъ бы безплатной школой, гдѣ народъ знакомится съ своими правами, изучаетъ законы страны, получаетъ по тому или другому поводу объясненія отъ болѣе свѣдущихъ лицъ—постоянныхъ судей. „Не знаю,—восклицаетъ Токвиль—полезенъ ли судъ присяжныхъ для тѣхъ, кого судятъ, но онъ очень полезенъ для тѣхъ, которые судятъ. Я вижу въ немъ лучшее средство воспитанія народа“.

Свобода печати, и при томъ самая неограниченная — одно

изъ необходимыхъ условій существованія свободнаго государства. Конечно, неограниченная свобода легко можетъ перейти въ произволъ. Но можно ли установить для печати положеніе, среднее между абсолютной свободой и полнымъ порабощеніемъ? Предположимъ, что правительство, возмущаясь злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ, хочетъ подчинить его извѣстному порядку. Съ этой цѣлью преступленія печати сначала подчиняютъ суду присяжныхъ. Но присяжные выносятъ оправдательные приговоры— и то, что составляло прежде мнѣніе одного человѣка, распространяется по всему государству. Тогда преступленія печати подчиняютъ коронным судамъ. Но суды, прежде чѣмъ наказать писателя, должны его выслушать — и мысли, за которыя онъ привлекается къ отвѣтственности, опять-таки дѣлаются достояніемъ общественнаго мнѣнія. Цѣль, слѣдовательно, всетаки не достигнута. Тогда подчиняютъ печать цензурѣ. Но вѣдь политическая трибуна остается свободной. Слова, сказанныя съ нея какимъ-нибудь извѣстнымъ ораторомъ, сейчасъ же распространяются въ обществѣ и часто имѣютъ большее значеніе, чѣмъ тысячи журнальныхъ статей. Остается лишь запретить не только свободно писать, но и свободно говорить. „Тогда — говоритъ Токвиль—вы у цѣли: всѣ молчатъ. Но чего вы достигли? Вы начали съ преслѣдованія злоупотребленій прессы, а оказались подъ властью деспотизма!“.

Въ странѣ, гдѣ народъ участвуетъ въ управленіи, цензура не только опасна, но и безсмысленна. Народный суверенитетъ и свобода печати неразрывно связаны другъ съ другомъ. Разъ за гражданиномъ признаютъ право на участіе въ отправленіи верховной государственной власти, то какъ можно отказать ему въ возможности всесторонне знакомиться съ государственной жизнью и въ правѣ свободно выражать свои мысли? Безъ сомнѣнія, полная свобода печати можетъ приводить къ наглому и грубому произволу, можетъ оказывать на народъ деморализующее вліяніе. Но это неизбѣжно, и съ этимъ зломъ надо примириться, въ виду тѣхъ ни съ чѣмъ несравнимыхъ благъ, которыя она приноситъ. Политическая пресса является главнымъ органомъ общественнаго мнѣнія и требуетъ къ отвѣту государственныхъ дѣятелей. Она содѣйствуетъ организаціи партій, распространяетъ политическую жизнь по всѣмъ уголкамъ государства и является первой по могуществу силой послѣ самого народа. „Чтобы обезопасить личную независимость, — говоритъ Токвиль — я не полагаюсь ни на большія политическія собранія, ни на права парламента, ни на провозглашеніе народнаго суверенитета. Все

это примиряется, въ извѣстной мѣрѣ, съ рабствомъ личности. Но это рабство не можетъ быть полнымъ, если пресса свободна. Пресса—по преимуществу демократическое орудіе свободы!"

Признавая за человѣкомъ свободу распоряжаться самимъ собой, естественно признать за нимъ право соединять свои силы съ силами ему подобныхъ и дѣйствовать сообща. „Право вступать въ ассоціаціи—говоритъ Токвиль—кажется мнѣ столь же неотчуждаемымъ отъ природы человѣка, какъ и индивидуальная свобода. Законодательство не можетъ уничтожить этого права, не подкапываясь подъ самое общество". Но ассоціаціи могутъ и не пользоваться такой неограниченной свободой, какъ политическая пресса. Свобода ассоціацій менѣе нужна и болѣе опасна, чѣмъ свобода печати. На нѣкоторые народы она оказываетъ только благотворное вліяніе, но у другихъ она вырождается и является средствомъ прямо разрушительнымъ. Если народъ не привыкъ пользоваться свободой, то на ассоціаціи онъ смотритъ какъ на высшее средство для борьбы съ правительствомъ.

Ихъ организуютъ тогда по военному образцу, устраиваютъ строгую централизацію и требуютъ безпрекословнаго повиновенія всѣхъ членовъ ассоціаціи ея выбраннымъ главамъ. Для достиженія цѣлей ассоціаціи часто примѣняютъ даже незаконныя средства. Результатомъ этого является то, что ассоціаціи теряютъ свой моральный авторитетъ и если и не ввергаютъ народъ въ анархію, то ежеминутно угрожаютъ ею. Поэтому народу иногда прямо необходимо заключить свободу ассоціацій въ извѣстные предѣлы. Во всякомъ случаѣ, какой бы характеръ ни принимала свобода ассоціацій, она всегда имѣетъ одно преимущество: она дѣлаетъ невозможнымъ существованіе тайныхъ обществъ. Самая важная ея заслуга—въ томъ, что она представляетъ противовѣсъ тираническимъ наклонностямъ демократіи. Въ демократическомъ государствѣ, разъ одна партія занимаетъ господствующее положеніе, все государственное могущество оказывается въ ея рукахъ. Ея приверженцы занимаютъ всѣ должности и распоряжаются всѣми матеріальными средствами государства. Поэтому, чтобы господствующая партія не могла поработить всѣ остальныя, въ высшей степени необходимо, чтобы меньшинство противопоставляло моральную силу ассоціацій давящей матеріальной силѣ большинства. Демократизація общества разбиваетъ старыя корпоративныя связи и дѣлаетъ личность безсильной предъ всемогущимъ государствомъ. Ассоціаціи, соединяя индивидуально-слабыхъ людей, создаютъ коллективныя существа, достаточно сильныя для борьбы съ гнетомъ.

Наконецъ, громадное значеніе для сохраненія свободы въ государствѣ имѣетъ христіанская религія. Великая французская революція отличалась антирелигіознымъ характеромъ. Это сочетаніе было случайно; тѣмъ не менѣе сохранилось убѣжденіе, что демократія принципіально враждебна религіи. Токвиля какъ собственные религіозные взгляды, такъ и наблюденія, вынесенныя изъ Соединенныхъ Штатовъ, приводятъ, наоборотъ, къ заключенію, что свобода и религія не только не противорѣчатъ другъ другу, а даже оказываютъ одна другой помощь и поддержку. Религія видитъ въ свободѣ благородное упражненіе способностей человѣка. Свобода видитъ въ религіи свою постоянную спутницу, колыбель своего дѣтства, божественный источникъ своихъ правъ. Религія обезпечиваетъ чистоту нравовъ и святость семейнаго очага, избавляетъ человѣческую душу отъ сомнѣнія, столь вреднаго для свободы, борется съ страстью къ матеріальной наживѣ и эгоизмомъ, внушаетъ человѣку любовь къ ближнимъ и налагаетъ на него соотвѣтственныя обязанности. Христіанство вообще не враждебно демократіи. Наиболѣе демократическимъ и республиканскимъ христіанскимъ исповѣданіемъ является, конечно, протестантизмъ. Освобожденные отъ авторитета папы, протестанты не подчиняются никакой другой религіозной супрематіи. Но и католицизмъ, въ принципѣ, не противорѣчитъ демократіи. Онъ вполнѣ солидаренъ съ тѣмъ равенствомъ положеній, на которомъ зиждется демократія. У католиковъ религіозное общество состоитъ только изъ двухъ элементовъ: священства и народа. Священникъ возвышается надъ вѣрующими, но ниже его—всѣ равны. „Католицизмъ сливаетъ всѣ классы общества у подножія одного и того же алтаря, какъ они слиты предъ очами Господа“.

Но имѣть большое вліяніе на общество религія можетъ только тогда, когда она вполнѣ свободна, когда за каждымъ признана не только полная свобода совѣсти, но и свобода богослуженія. Кромѣ того, для религіи всегда очень опасенъ ея тѣсный союзъ съ государствомъ. Она, правда, этимъ какъ будто усиливаетъ свое могущество: помимо вѣры, она опирается на страхъ—но она тѣмъ самымъ приноситъ будущее въ жертву настоящему, ослабляетъ свой моральный авторитетъ, теряетъ характеръ универсальности. Вступая въ союзъ съ правительствомъ и опираясь на житейскіе интересы, она становится такъ же хрупка, какъ и правительства, и революціи, низвергающія правительства, наносятъ и религіи непоправимые удары. Вотъ почему для демократіи необходимо полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Итакъ, вотъ главныя условія сохраненія свободы въ демократическомъ государствѣ: правильная организація центральныхъ органовъ власти, широкая децентрализація и развитіе мѣстнаго самоуправленія, независимость и сила судовъ, широкое примѣненіе суда присяжныхъ, неограниченная свобода печати, широкое пользованіе правомъ ассоціаціи, свобода религіи и отдѣленіе церкви отъ государства. Только при помощи всѣхъ этихъ средствъ общество въ силахъ бороться съ вредными инстинктами, развиваемыми демократическимъ общественнымъ строемъ, и обезпечить существованіе свободы. Только въ такомъ случаѣ и сможетъ осуществиться въ будущемъ тотъ идеалъ истинной, свободной демократіи, который описываетъ Токвиль въ предисловіи къ своему главному сочиненію. „Я представляю себѣ общество,—говоритъ онъ—гдѣ всѣ, смотря на законъ какъ на собственное произведеніе, любятъ его и охотно ему подчиняются, гдѣ власть правительства уважается, какъ необходимая, гдѣ любовь, которую народъ питаетъ къ главѣ государства, является не страстью, а разумнымъ и спокойнымъ чувствомъ. Всякій пользуется своими правами и увѣренъ въ сохраненіи ихъ. Между всѣми классами общества устанавливаются прочное довѣріе и нѣкотораго рода взаимная снисходительность, одинаково чуждая и гордости, и низости. Сознавая свои истинные интересы, народъ понимаетъ, что для пользованія благами, доставляемыми обществомъ, необходимо подчиняться налагаемымъ съ его стороны обязанностямъ. Свободная ассоціація гражданъ можетъ тогда замѣнить индивидуальное могущество знати, и государство будетъ предохранено отъ тиранніи произвола. Я понимаю, что въ организованномъ такимъ образомъ демократическомъ государствѣ общество не будетъ неподвижно. Но движенія соціальнаго организма могутъ быть правильны и прогрессивны. Если здѣсь будетъ меньше блеска, чѣмъ въ аристократіи, то будетъ и меньше несчастій. Разница въ состояніяхъ не будетъ отличаться такими крайностями, но благосостояніе станетъ болѣе общимъ. Научные успѣхи будутъ менѣе велики, но невѣжество—болѣе рѣдко, чувства—менѣе энергичны, но обычаи—болѣе спокойны...

VI.

Таковы совѣты и указанія, которые даетъ Токвиль современному обществу. Его книга о демократіи имѣла шумный успѣхъ. Престарѣлый вождь либерализма, Ройе-Колларъ, про-

читавъ ее, воскликнулъ: „Со времени Монтескьё не появлялось ничего подобнаго!“ И дѣйствительно, Токвиль обнаружилъ въ ней во всемъ блескѣ свой замѣчательный политическій умъ, удивительную наблюдательность и прозорливость, рѣдкую способность психологическаго анализа. Чрезвычайно ярко онъ изобразилъ характерныя черты современнаго ему буржуазнаго общества, его политическій индифферентизмъ, культъ золотого тельца, непрочность существованія свободы во Франціи, не смотря на видимое торжество парламентаризма. Лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ современныхъ ему писателей, онъ съумѣлъ разобраться въ вопросѣ о дѣйствительныхъ гарантіяхъ свободы и показать, что обезпеченіе свободы коренится не въ той или иной конституціи, а во всемъ укладѣ государственной и общественной жизни. Въ эпоху, когда наиболѣе искренніе либералы считали необходимымъ условіемъ правильной организаціи государства строжайшую централизацію власти, а въ административной юстиціи видѣли осуществленіе принципа раздѣленія властей, Токвиль блестяще доказалъ, что безъ широкаго мѣстнаго самоуправленія и независимости суда дѣло демократіи всегда будетъ непрочно. И тѣмъ не менѣе проповѣдь Токвиля не привела къ цѣли. Его книгами восторгались, отдавали должное таланту автора. Но его сочиненія не создали школы послѣдователей, не сплотили вокругъ него политической партіи. И либералы, и демократы остались глухи къ его призыву. Либерализмъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ крупной буржуазіей, чтобы добровольно пойти навстрѣчу демократіи и отказаться отъ привилегированнаго положенія. Демократовъ ученіе Токвиля не могло затронуть потому, что онъ совсѣмъ обходилъ основной вопросъ, дѣлившій французское общество на два враждебныхъ лагеря—вопросъ соціальный. Экономическіе и соціальные вопросы вообще были слабымъ мѣстомъ въ міросозерцаніи Токвиля; въ его отношеніи къ нимъ надо искать главной причины безплодности его ученія. Особенно ярко это обнаруживается въ его взглядѣ на соціализмъ.

Въ то время, когда создавалась „Демократія въ Америкѣ“, соціализмъ еще не успѣлъ привлечь вниманіе французскаго общества и не выходилъ изъ стадіи чистаго утопизма. Поэтому въ главномъ своемъ сочиненіи Токвиль просто игнорируетъ его. Но и позже, когда вліяніе соціализма стало чувствоваться сильнѣе и Токвиль, въ своей знаменитой февральской рѣчи 1848-го года, предсказывалъ близкую революцію, онъ видѣлъ въ современномъ ему соціализмѣ только печальное заблужденіе части демократовъ. Научный соціализмъ второй половины XIX в., отказавшійся отъ

построенія утопій и пытающійся обосновать свое ученіе, какъ логическій выводъ изъ принциповъ свободы и равенства, въ то время еще не существовалъ, а авторитарныя построенія утопистовъ были не менѣе противоположны натурѣ Токвиля, чѣмъ военный деспотизмъ. Токвиль не изучалъ спеціально политическую экономію и мало интересовался экономическими вопросами, убѣжденный, что только въ самое послѣднее время экономическій факторъ сталъ играть большую роль въ жизни, вслѣдствіе развитія въ демократическихъ народахъ страсти къ матеріальному благосостоянію. Онъ жилъ и писалъ въ эпоху фритредерства, когда свобода торговли и промышленности добилась торжества въ Англіи, и, какъ всѣ либералы по обѣ стороны Ламанша, видѣлъ въ ней необходимое условіе прогресса. Соціализмъ, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, хотѣлъ, между тѣмъ, передать въ руки государства организацію экономическихъ отношеній. „Это недовѣріе къ свободѣ, къ человѣческому разуму глубоко задѣвало Токвиля. Онъ всю жизнь посвятилъ отстаиванію правъ личности по отношенію къ государству, самую свободу прежде всего понималъ, какъ протестъ противъ государственной опеки—а соціализмъ предлагалъ поставить подъ надзоръ государства повседневную жизнь человѣка. Соціализмъ исходилъ изъ несправедливаго распредѣленія матеріальныхъ благъ и обращалъ свое вниманіе только на экономическія отношенія. Рисуя идеалъ справедливаго распредѣленія продуктовъ труда, онъ взывалъ, такимъ образомъ, къ „матеріальнымъ страстямъ“ человѣка и поощрялъ въ немъ стремленіе къ матеріальному благосостоянію, опасное, по мнѣнію Токвиля, для свободы. Наконецъ, характерной чертой соціализма являлась война съ принципомъ собственности. Какъ ни различались другъ отъ друга соціальныя утопіи, онѣ сходились въ одномъ—въ нападкахъ на право собственности. Частная же собственность, по мнѣнію Токвиля—одинъ изъ основныхъ устоевъ современнаго общества.

Февральская революція поставила соціальный вопросъ на очередь дня и придала особенную силу аргументамъ соціалистовъ противъ капиталистическаго строя. Соціалисты требовали осуществленія „организаціи труда“; демократы включали въ свою программу коренныя соціальныя преобразованія. И Токвиль, либералъ и демократъ по убѣжденію, недавно еще громившій въ своихъ рѣчахъ буржуазію, оказывается выкинутымъ на мель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній примыкаетъ къ консервативному лагерю и беретъ подъ свою защиту существующій общественный строй. Когда вопросъ о признаніи, въ числѣ индивидуаль-

ныхъ правъ человѣка, права на трудъ вызываетъ въ національномъ собраніи 1848-го года страстные дебаты, Токвиль, бывшій въ числѣ членовъ этого собранія, присоединяетъ свой голосъ къ голосамъ противниковъ соціализма. Онъ повторяетъ обычные аргументы консервативной партіи противъ соціальныхъ реформъ. Защищая право собственности отъ нападокъ соціалистовъ, онъ признаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность облегчить участь низшихъ классовъ, но не считаетъ возможнымъ идти въ этомъ направленіи дальше организаціи благотворительности. Признаніе права на трудъ, по его мнѣнію, въ концѣ концовъ неизбѣжно приведетъ къ коммунизму и къ полному подавленію личной свободы. Соціалисты утверждаютъ, что соціализмъ—логическій выводъ изъ принциповъ демократіи. Токвиль не можетъ съ этимъ согласиться. Это не только вещи различныя, но и противоположныя. „Демократія и соціализмъ—восклицаетъ онъ—сходятся только въ одномъ словѣ: въ равенствѣ. Но замѣтьте разницу: демократія хочетъ равенства въ свободѣ, а соціализмъ—въ стѣсненіи и рабствѣ!“ Такимъ образомъ возраженія Токвиля противъ соціалистовъ покоятся на той же основѣ, какъ и вся его дѣятельность, — на стремленіи отстоять свободу личности, какъ главную цѣль государства.

Нельзя сказать, однако, чтобы Токвиль вовсе не интересовался соціальными вопросами; въ его сочиненіяхъ можно найти страницы, доказывающія, что онъ обращалъ вниманіе на антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ и на тяжелое положеніе рабочаго пролетаріата. Мало того: Токвиль оказывается вовсе не такимъ убѣжденнымъ борцомъ за право собственности, какъ это можно было бы думать на основаніи его рѣчи 1848 г. Право собственности — послѣдняя изъ привилегій, противорѣчащихъ принципу полнаго равенства. И въ глубинѣ души Токвиль долженъ признаться, что демократизація общества можетъ привести къ уничтоженію и этой привилегіи. „Когда я изучаю древнее состояніе міра — пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ — и тщательно разсматриваю его современное положеніе, когда я принимаю во вниманіе то поразительное разнообразіе, которое замѣчается не только въ законахъ, но и въ ихъ принципахъ, и тѣ различныя формы, которыя приняло и сохранило право собственности на землю,—я склоняюсь къ мысли, что такъ называемыя необходимыя установленія — чаще всего только установленія, къ которымъ люди привыкли, и въ дѣлѣ соціальнаго устройства область возможнаго гораздо шире, чѣмъ могутъ себѣ вообразить люди, живущіе въ любомъ обществѣ“. „Признаюсь вамъ,—

пишетъ онъ въ то же время въ одномъ частномъ письмѣ,—что я часто нахожу нашъ старый міръ достаточно истрепаннымъ. Этотъ большой и почтенный механизмъ портится съ каждымъ днемъ. И хотя я не представляю себѣ, что̀ можетъ произойти, моя вѣра въ продолжительность того, что существуетъ, колеблется". Указавъ, затѣмъ, на цѣлый рядъ перемѣнъ соціальнаго строя, которыя пережило человѣчество, онъ заключаетъ: „Кто можетъ утверждать, что данная форма общества необходима, и что никакая другая не можетъ существовать? Но обязанность честныхъ людей, тѣмъ не менѣе, защищать ту единственную форму, которую они понимаютъ, и даже позволить себя убить за нее, въ ожиданіи, пока имъ покажутъ лучшую форму!"

Оба эти свидѣтельства относятся къ 1850-му году. Слѣдовательно, февральская революція не осталась безъ вліянія на міросозерцаніе Токвиля. Она привела его къ смутному сознанію, что политическая система, имъ построенная, не можетъ вполнѣ разрѣшить всѣ жгучіе современные вопросы. Становясь втупикъ предъ соціальнымъ вопросомъ, смутно понимая, что борьба между капиталомъ и трудомъ—нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ всѣ тѣ „пороки", которые онъ выводилъ изъ стремленія народовъ къ равенству, онъ оправдываетъ свою защиту интересовъ капитала тѣмъ, что современная форма общественности—единственная, которая доступна его уму, и признается, тѣмъ самымъ, въ безсиліи своей либеральной доктрины для разрѣшенія кризиса. И затрудненіе, въ которое онъ попадаетъ при этомъ и которое заставляетъ его очутиться въ лагерѣ консерваторовъ, въ высшей степени типично для всей либеральной школы. Оно необходимо вытекаетъ изъ сущности міросозерцанія Токвиля. Полный идеалистической вѣры въ благородство человѣческой души, смотря съ аристократической высоты на нужды и стремленія низшихъ классовъ общества, которыхъ онъ никогда близко не наблюдалъ и которыми въ сущности мало интересовался, онъ убѣжденъ, что развитіе страсти къ наживѣ есть только характерный признакъ современнаго ему общества и что старые порядки представляли собой многовѣковое состояніе устойчиваго равновѣсія, при которомъ матеріальныя страсти не играли роли движущихъ факторовъ въ исторіи человѣчества. Въ стремленіи къ матеріальному благосостоянію онъ видитъ не продуктъ законнаго инстинкта самосохраненія, а вредную наклонность, убивающую въ человѣкѣ любовь къ ближнему. Вѣрующій христіанинъ, онъ смотритъ на матеріальныя страсти человѣка съ точки зрѣнія моралиста и отъ души желаетъ воспитательнаго вліянія религіи на народныя

стремленія, чтобы приподнять ихъ надъ будничной повседневностью. Въ конечномъ счетѣ и для него, безъ сомнѣнія, цѣлью общежитія является благо входящихъ въ его составъ личностей; но единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли, панацеей отъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій можетъ быть, по его мнѣнію, сама свобода, и это единственное средство мало-по-малу становится главнымъ предметомъ его стремленій. Кто теперь не согласится, что не въ сочиненіи болѣе или менѣе идеальной конституціи, а именно въ широкомъ развитіи самоуправленія, въ независимости суда, въ свободѣ печати и ассоціацій коренятся главныя условія существованія политической свободы? Но сама по себѣ свобода не можетъ быть цѣлью демократическаго государства. Его цѣль—народное благо; во имя народнаго блага народъ потребуетъ отъ демократическаго правительства не одной отрицательной политики невмѣшательства въ индивидуальную жизнь человѣка, а соціальныхъ преобразованій, направленныхъ на улучшеніе участи нуждающихся.

Въ Токвилѣ, какъ и въ большинствѣ представителей либеральной школы, сказывается, въ данномъ случаѣ, одинъ изъ ея основныхъ недостатковъ—чрезмѣрное преувеличеніе значенія политическаго фактора въ общественной жизни. Духовный отецъ либерализма, Монтескьё, видитъ въ каждой формѣ правленія своего рода самобытный организмъ, оказывающійся могущественнѣйшимъ факторомъ общественной жизни. Токвиль въ этомъ отношеніи—прямой его послѣдователь. Конечно, онъ вноситъ въ разсужденія Монтескьё много поправокъ; демократія для него уже не только форма правленія, а цѣлый общественный организмъ — но все же она опредѣляетъ соціальныя и экономическія отношенія, а не является производной ихъ величиной. Онъ искренно убѣжденъ, что развитіе промышленности и торговли есть слѣдствіе демократіи, а не ея причина. Политическая свобода—безспорно, необходимое условіе прогресса; но организація взаимоотношеній между органами власти и обществомъ есть только форма, въ которую можно вложить самое различное содержаніе, въ зависимости отъ того, въ руки какого общественнаго элемента попадетъ обладаніе ею. И Токвиль самъ чувствуетъ, что онъ со своимъ идеаломъ далекъ отъ народныхъ стремленій. Онъ боится допустить къ власти невѣжественную толпу, не понимающую свободы и не дорожащую ею. Онъ признается, что демократическій общественный строй логически требуетъ признанія всеобщаго избирательнаго права, но не дѣлаетъ попытки примѣнить этотъ логическій выводъ къ современной ему Франціи. Еще въ 1842 г. онъ

оказывается противникомъ пониженія ценза. Въ 1847 г. онъ примыкаетъ къ агитаціи за избирательную реформу, но требуетъ только пониженія ценза. И когда въ 1848 г. революція заставляетъ провозгласить демократическую республику, онъ полонъ грустнаго раздумья о ближайшемъ будущемъ страны. Во время второй республики онъ становится въ ряды консерваторовъ и даже соглашается принять портфель въ одномъ изъ министерствъ Людовика-Наполеона, когда послѣдній еще не вполнѣ обнаружилъ свои цезаристскія стремленія. Дальнѣйшая судьба политической свободы во Франціи оправдала мрачныя предчувствія Токвиля. Демократія не пошла по пути, который онъ ей указывалъ. Примиреніе либерализма и демократіи оказалось невозможнымъ, и переворотъ 2 декабря 1851 г. вторично водворилъ во Франціи военный деспотизмъ. Народъ, уставшій ждать облегченія своего положенія отъ парламентскаго режима, сталъ искать единаго спасителя и, казалось, нашелъ его въ лицѣ Наполеона III. Понадобился горькій опытъ второй имперіи, чтобы новое поколѣніе либераловъ дополнило доктрину чистаго индивидуализма программой возможныхъ соціальныхъ реформъ, а новое поколѣніе демократовъ съумѣло оцѣнить всѣ блага политической свободы. Франція, въ лицѣ третьей республики, осуществляетъ, наконецъ, ту либеральную демократію, о которой мечталъ Токвиль, но которую не удалось создать его современникамъ.

В. Бутенко.

ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ

«Giovanna», von Sophus Michaëlis.

Окончаніе *)

Кондотьеръ лежалъ въ гробу подъ каменными плитами капеллы. Весь Санъ-Джиминьяно перебывалъ подъ траурнымъ балдахиномъ и зажигалъ восковыя свѣчи надъ золотымъ покровомъ гроба. Погребеніе было особенно торжественное, благодаря присутствію пословъ отъ пизанскаго совѣта, отъ миланскихъ Сфорца, отъ флорентинскихъ Медичи. Носилки съ гробомъ были пронесены по цѣлой аллеѣ знаменъ. Колокола гудѣли по всѣмъ городамъ Тосканы. А на ратушахъ была прибита доска съ именемъ Ринальдо дельи Ардингелли, котораго герольды на всѣхъ площадяхъ провозглашали нарушителемъ мира и изгнанникомъ изъ всѣхъ земель, находящихся подъ флагомъ Флоренціи.

Цѣлою волною хлынули почести на гробъ храбраго Леоне деи-Сальвуччи. Но волна пронеслась надъ нимъ, и каменныя плиты надъ нимъ закрылись. Съ его грубаго лица снята была маска, и ему предстояло возстать въ видѣ мраморной фигуры, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ.

Дочь его стояла на колѣняхъ передъ плитами, подъ которыми покоилось его тѣло. Она не рѣшалась ступить на только что скрѣпленныя известкой каменныя плиты. На нихъ лежалъ только ея длинный черный вуаль. На алтарѣ горѣло много свѣчей. Онѣ наполняли капеллу горячимъ, душнымъ воздухомъ заупокой-

---

*) См. ноябрь, стр. 258.

ной обѣдни, послѣ которой еще остался запахъ ладана. На мраморныхъ стѣнахъ капеллы словно еще трепеталъ отголосокъ пѣнія и голосовъ, только что отражавшихся отъ всѣхъ стѣнъ церкви.

Джіованна лежала здѣсь уже цѣлые часы, безсильно погрузившись въ свое горе, которое заполняло всю ея душу, распространяя въ ней тяжелую, давящую пустоту. Смерть была для нея еще такъ нова и непонятна. Лежа надъ гробомъ отца, она невольно думала, что, прислушавшись, можетъ услышать снизу его голосъ, услышать, какъ онъ пробуждается отъ сна и стучитъ по каменнымъ плитамъ. Отчего не обопрется онъ на свои сильныя руки, не сломаетъ крышки своей темницы, не сдвинетъ камня? Отчего не сзываетъ онъ своихъ слугъ, какъ дѣлалъ это еще нѣсколько дней тому назадъ? Какъ могла окоченѣть такая сила, и неужели она обречена на вѣчный покой? Вѣдь онъ не исчезъ съ лица земли, не былъ взятъ съ нея, не разсыпался въ ничто. Она видѣла его мертвое лицо, холодное, непреклонное, выражавшее упорство и скалившее зубы на враговъ, словно угрожая имъ. Неужели никогда не исполнятся эти угрозы, неужели непреклонная воля не сломитъ покоя? Развѣ смерть похожа на тысячелѣтнее безчувственное состояніе, которое будетъ нарушено лишь громомъ трубъ въ день страшнаго суда? Она представляла себѣ, что языкъ отца готовъ отвѣчать, мускулы готовы придти въ движеніе. Отчего горючія слезы ея не могли просочиться сквозь камни, чтобы оживить сжатыя судорожно черты лица, разгладить лобъ, раздвинуть плотно стиснутые зубы? „Отецъ, отецъ, неужели ты не чувствуешь, какъ плачетъ твоя дочь? Душа твоя была слишкомъ сильна и горда, чтобы быть любимой больше, чѣмъ одною, слишкомъ дика, чтобы мелкіе, трусливые, косящіеся слуги людей могли понять тебя. Не лежишь ли ты и въ гробу своемъ на посту противъ врага? Не выражаютъ ли и мертвыя черты твои ледяное презрѣніе къ твоему убійцѣ? Не боишься ли ты, что могутъ придти враги твои и торжествовать надъ твоею слабостью въ когтяхъ смерти, и не стиснулъ ли ты зубы, произнося проклятіе, которое еще много столѣтій спустя можно будетъ прочесть на твоемъ изсохшемъ лицѣ? Отецъ, отецъ, что ты теперь чувствуешь? Неужели ты не видишь, что здѣсь твоя дочь, единственная, видѣвшая тебя мягкимъ какъ дитя, терпѣливымъ какъ святой Христоферъ, единственная любившая тебя и живущая для того, чтобы тебя помнить?..“

Джіованна вздохнула такъ, что сама услышала свой вздохъ,

а черный вуаль зашуршалъ вокругъ нея. И въ отвѣтъ раздался другой вздохъ. Свѣчи замигали въ ея глазахъ, когда она его услышала. Не исходилъ ли вздохъ этотъ отъ покойника? Слышалъ ли онъ ее подъ камнями и онъ ли отвѣчалъ на ея вздохъ?

Когда она встала, колѣни ея были холодныя и закоченѣлыя. Собираясь уходить, она увидѣла фигуру, облеченную, какъ и она сама, во все черное и прислоненную къ стѣнѣ. Юноша выпрямился, и по молчаливымъ, почтительнымъ поклонамъ его она узнала Джентиле.

Она не отвѣтила на его поклонъ. Но, проходя мимо, она спросила его тихимъ голосомъ:

— Что вы дѣлаете здѣсь, мессеръ? Покой умершаго обыкновенно берегутъ даже его враги.

— Я мало зналъ его, но я не былъ его врагомъ, мадонна,— отвѣчалъ онъ голосомъ еще болѣе тихимъ, чѣмъ ея собственный. И онъ продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ, приложивъ руку къ сердцу.

Она посмотрѣла на его склоненную голову — рѣсницы его дрожали подъ бѣлымъ лбомъ, обрамленнымъ кудрями.

— Но вы пріютили у себя его врага и дали возможность совершить убійство,—сказала она.

— Нѣтъ, мадонна, въ тѣ дни я былъ во Флоренціи, и онъ убилъ также нашу дружбу. Ваше горе—мое горе.

— Я не понимаю васъ, мессеръ. Вѣдь вы не знали покойнаго.

— Ваше горе—мое горе, мадонна,—повторилъ онъ и медленно поднялъ глаза, не поднимая головы. Она никогда не видала такихъ глазъ — такихъ большихъ, чистыхъ, прекрасныхъ, съ влажнымъ взглядомъ, но безъ блеска, благородныхъ безъ гордости, карихъ и отливающихъ золотомъ. Эти глаза обратились на нее робко и съ обожаніемъ, но они не трепетали, они твердо глядѣли въ ея глаза, впивали въ себя ея душу, извлекали воспоминанія изъ ея сердца. Зачѣмъ стояла она здѣсь, для чего она вообще жила на свѣтѣ? Она принуждена была опустить свой взглядъ, чтобы по бѣлому и черному узору каменныхъ плитъ понять, гдѣ она. Она должна была устремить глаза на пламя алтарныхъ свѣчъ, чтобы придти въ себя. Она должна была обернуть свои руки въ черный вуаль, чтобы вспомнить, что она находится въ капеллѣ, гдѣ похороненъ ея отецъ. Она закрыла глаза, и съ трудомъ припоминала событія изъ своей жизни и причину смерти отца. Она подняла глаза, чтобы узнать молодого человѣка, стоявшаго передъ нею и повторявшаго, не спуская съ нея глазъ:

— Ваше горе—мое горе, мадонна.

Она подняла длинный вуаль, свѣшивавшійся внизъ, и обернула еще разъ концы его вокругъ своей головы, усугубляя такимъ образомъ мракъ, отдѣлявшій ее отъ него. Она не рѣшалась взглянуть на него и затрепетала, замѣтивъ, что онъ снова опустилъ глаза. Потомъ она сказала тономъ, мягкость котораго ее поразила, такъ какъ она старалась говорить какъ можно суше:

— Мессеръ, мое горе вы должны предоставить мнѣ одной.

— Развѣ вы боитесь раздѣлить его со мною, мадонна?

— Я ничего не боюсь, мессеръ.

— Не боитесь и того, что отецъ вашъ можетъ насъ услышать?

— Именно, если онъ слышитъ насъ, то мнѣ ничего не страшно.

— Но вы боитесь его самого. Онъ вложилъ цѣломудріе въ ваше сердце.

— Вы заблуждаетесь, мессеръ. Онъ научилъ меня, что такое свобода. Онъ научилъ меня ничего не бояться.

— Кромѣ одного, мадонна.

— Чего?

— Вашей собственной крови!

Они могли слышать, какъ чуть-чуть жужжали свѣчи на алтарѣ. Джіованна чувствовала, какъ кровь стучитъ въ ея вискахъ, и ей казалось, что поютъ и стучатъ полъ и стѣны.

— Есть страхъ, который сильнѣе всякаго другого, мадонна: боязнь послѣдовать за движеніемъ своего сердца. На что храбрость и блестящее оружіе, гордая походка и вызовъ цѣлому міру, если сердце спрятано, какъ связанный узникъ, и грызетъ свои цѣпи?

— И вы думаете, что сердце мое страдаетъ отъ цѣпей, которыя наложилъ на меня отецъ?

— Да, мадонна,—сказалъ онъ и увѣренно взглянулъ на нее.

Джіованна положила обѣ руки на свою волнующуюся грудь.

— Отчего вы не можете разбудить моего отца отъ мертваго сна и услышать отвѣтъ *отъ него*? Сорвите же камень съ его только-что замурованной могилы и глумитесь надъ нимъ безумно-дерзкими словами. Но, говорю вамъ, для меня онъ живъ. Я бросаю вамъ обратно ваше обвиненіе въ трусости. Сердце мое рѣшится совершить все, чего я захочу. Пусть *онъ* будетъ моимъ свидѣтелемъ. Но пусть онъ будетъ и вашимъ.

Джентиле приблизилъ свое лицо къ ея лицу, смертельно блѣд-

ному за своими многочисленными черными покрывалами. Онъ, улыбаясь, покачалъ головою и схватилъ ея руку, затянутую въ перчатку.

— Есть ли въ вашемъ сердцѣ столько мужества, какъ въ моемъ, Джіованна?

— Испытайте его! — возразила она.

— Боитесь ли вы темноты, мадонна? — спросилъ онъ и взглянулъ на свѣчи. Она покачала головой.

— Посмотримъ! — сказалъ онъ и легкими, мягкими шагами подбѣжалъ къ алтарю и началъ задувать свѣчи. Огоньки потухали не сразу. Онъ снялъ шапку и началъ ударять по нимъ плашмя, словно убивая одну за другою большихъ золотыхъ мухъ. Капелла погрузилась во мракъ, какъ будто на дворѣ наступилъ вечеръ. На черной стѣнѣ вдругъ выросло длинное, узкое окно, откуда лился темно-зеленый свѣтъ, словно исходящій изъ водной глубины и проникающій въ потонувшій корабль. И казалось, что въ эту щель входитъ святая Екатерина, съ ея пальмой и съ ея колесомъ, усаженнымъ остріями.

— Что вы дѣлаете? — прошептала Джіованна. — Вы тушите огни заупокойной обѣдни за душу усопшаго.

— Онъ лучше видитъ насъ такъ, — прошепталъ онъ такъ же тихо. — Такъ онъ лучше увидитъ сіяніе мужества въ вашей груди, мадонна.

Но не мужество свѣтилось въ груди Джіованны. Она дрожала, словно совершила святотатство на могилѣ отца. Она закрыла глаза и замѣтила, что Джентиле тянетъ ее за вуаль.

— Какъ вы смѣете, мессеръ! — прошептала она едва слышно.

— Я смѣю больше, чѣмъ вы, мадонна. Ужъ не боитесь ли вы испытанія? И вы хотите оставаться въ вашемъ панцырѣ горя, въ вашихъ покровахъ могильныхъ мыслей? Это должно исчезнуть прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи говорить съ вами лицомъ къ лицу.

Нѣжно касаясь ея, онъ отстранилъ покрывала съ ея груди и головы. Ея кормилица не могла бы коснуться ея нѣжнѣе. Ласка струилась изъ его осторожныхъ пальцевъ, отъ прикосновенія которыхъ потрескивали волосы на ея вискахъ.

Онъ взялъ также ея руки. Онѣ дрожали въ его рукѣ, и она хотѣла отнять ихъ.

— Не начинается ли страхъ, мадонна? — спросилъ онъ, и она перестала сопротивляться. Онъ стянулъ съ нея перчатки и бросилъ ихъ на каменный полъ вмѣстѣ съ вуалемъ. Даже четки ея упали и звякнули объ полъ. Она наклонилась, чтобы поднять

ихъ, но попала прямо въ объятія Джентиле, стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, цѣлуя ея холодныя руки до тѣхъ поръ, пока онѣ не согрѣлись. Она наклонилась еще ниже и волосы его скользнули по ея губамъ, какъ гладкій и сухой шелкъ. Обѣими руками онъ обхватилъ ея тѣло и прижалъ свою голову къ ея сердцу.

— Дайте мнѣ послушать, — прошепталъ онъ, — дайте мнѣ послушать, имѣетъ ли ваше сердце мужество биться.

Да, оно билось. Оно билось, какъ бьетъ крыльями испуганная птичка въ своей маленькой клѣткѣ, порхая, стараясь избѣгнуть наблюденія того, кто изъ-за жердей клѣтки прислушивается къ его біенію. Не смотря на то, что глаза ея были закрыты, она сама замѣтила, какъ колотилось сердце пташки, какъ оно въ слѣпомъ ужасѣ искало спасенія, какъ оно трепетало, то стихая, то снова поднимаясь, раня до крови свои крылья, теряя перья и испытывая смертельное отчаяніе. Джентиле слышалъ его дикое трепетанье, слышалъ, какъ настало въ немъ спокойствіе, какъ оно застучало долгими, дрожащими взмахами крыльевъ: „Да, да, да...“ Обѣ руки ея прижались къ груди, словно она опасалась, что сердце ея можетъ выпасть. Его поцѣлуи струились по ея пальцамъ, какъ теплая кровь. Ему уже больше не нужно было тянуть къ себѣ ея руки. Она сама упала на колѣни и наконецъ, побѣжденная и трепещущая, боясь своего собственнаго счастья, распростерлась надъ могилой своего отца.

— Слышишь ли ты, гордый Леоне деи-Сальвуччи, — прошепталъ Джентиле,—слышишь ли ты, какъ бьется сердце твоей дочери? Никогда сильнѣе не колотилось твое собственное, когда твоя лошадь поднималась на дыбы во время сраженія, и когда ты всаживалъ свое желѣзо въ дрожащее тѣло. Слушай, Леоне, слушай и гордись!

Руки ея обхватили его голову. Она обняла его, словно желая чувствовать его близость руками и видѣть его пальцами— его, такого нѣжнаго, и теплаго, и твердаго, и мягкаго. Она замѣтила, что губы его похожи на влажный плодъ, раскрывающійся при ея прикосновеніи; его рѣсницы касались поверхности ея руки, какъ крылья ночной бабочки.

— Гордый Леоне!—прошепталъ Джентиле.—Благодарю тебя, что ты научилъ твою дочь цѣломудрію.

Обширная церковь была погружена во мракъ, мерцали только огни на алтарѣ, какъ звѣзды въ вѣтряную погоду. Подъ почер-

нѣвшими сводами клубился, какъ облако, дымъ кадильницъ. А голоса священниковъ во время вечерняго служенія колебались словно зовы на помощь, то усиливаясь, то теряясь въ пространствѣ, между тѣмъ какъ отвѣты склонившихся на полу фигуръ звучали какъ ропотъ, несущійся изъ открытыхъ могилъ, какъ волны глухихъ вздоховъ.

Джіованна такъ спѣшила, что не успѣла даже опуститься на колѣни передъ алтаремъ и забыла зачерпнуть святой воды у главнаго входа.

Джентиле слѣдовалъ за нею. Они остановились на соборной площади и дышали такъ же свободно, какъ стройныя башни, крѣпкія и темныя, поднимавшіяся въ свѣтломъ, ясномъ весеннемъ воздухѣ. Небо было розовое, словно осыпанное миндальнымъ цвѣтомъ.

Большія собаки кондотьера вышли имъ на встрѣчу и сейчасъ же, потягивая носомъ и виляя пушистымъ хвостомъ, отошли отъ Джіованны и подошли къ Джентиле.

— Видишь,—промолвила Джіованна,—и онѣ знаютъ тебя и избираютъ тебя моимъ господиномъ, какъ это сдѣлалъ отецъ мой.

Взглянувъ на него, она нашла, что онъ похожъ на закованныхъ въ латы архангеловъ надъ алтарями: локоны точно такъ же обрамляли его нѣжныя щеки.

— Какъ твой отецъ, Джіованна? Развѣ твой отецъ избралъ меня?

— Да, Джентиле, такъ же, какъ и я сама. Развѣ ты не былъ во Флоренціи въ день его смерти? И развѣ ты не просилъ у него моей руки, какъ просилъ у меня позволенія раздѣлить мое горе?

— Джіованна! — возразилъ онъ и крѣпко схватилъ ее за руку.—Ты, кажется, видишь сны на яву? Когда говорилъ я съ твоимъ отцомъ? Или это было только потому, что ты имѣла мужество дать биться твоему сердцу?

— Джентиле, сердце мое билось потому, что я тебя полюбила. Но развѣ ты осмѣлился бы обнять меня на могилѣ отца безъ уваженія къ нему и къ его крови?

Онъ не отвѣчалъ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ безконечной печалью. Взглядъ его сталъ такимъ темнымъ, что отъ него словно тѣни побѣжали по всему лицу его. Онъ выпустилъ ея руку и опустилъ голову, такъ что волосы покрыли его бѣлый лобъ. Онъ опустилъ голову передъ молящимъ страхомъ, который грозилъ въ видѣ слезъ вырваться изъ ея глазъ.

— Вотъ когда приходитъ страхъ, Джіованна! — только и могъ прошептать онъ.

— Нѣтъ, вотъ когда крѣпнетъ мужество!—возразила она.— Считай себя счастливымъ, что нѣтъ въ живыхъ Леоне деи-Сальвуччи. Но ты почувствуешь, что дочь его жива. Прими мой прощальный привѣтъ, Джентиле!

Она пошла черезъ площадь, между тѣмъ какъ Джентиле отступилъ, качая головой и шепча:—Невозможно, невозможно!

Собаки кондотьера продолжали лежать у его ногъ.

Богатый купецъ Никколо Меркатале прискакалъ верхомъ изъ Флоренціи на похороны кондотьера. На другой день онъ навѣстилъ дочь Леоне во дворцѣ Сальвуччи. Когда отворилась дверь въ залу, онъ остановился на порогѣ и спросилъ, не обнажая головы, но кланяясь дамѣ и единственной госпожѣ дома:

— Позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ, мадонна. Вашъ отецъ былъ моимъ другомъ и моимъ гостемъ наканунѣ своей смерти. Я говорилъ съ нимъ о васъ и желалъ бы только знать, успѣлъ ли онъ сообщить вамъ о нашемъ разговорѣ прежде чѣмъ—да накажетъ Богъ его убійцу—прежде чѣмъ совершилось несчастіе, которое лишило васъ самаго любящаго отца, а меня—лучшаго друга?

Джіованна поднялась и пошла ему навстрѣчу.

— Мессеръ, не называя вашего имени, онъ думалъ о васъ въ послѣднія минуты, и уже умирая сообщилъ мнѣ о своемъ послѣднемъ желаніи.

— Благодарю васъ, мадонна. Я позволю себѣ навѣстить васъ въ такое время, когда горе снова позволитъ вамъ думать не только о могилѣ того, кто былъ вамъ дороже всѣхъ на свѣтѣ.

— Не хотите ли войти, мессеръ, и отдохнуть въ домѣ вашего друга?

— Благодарю васъ, мадонна. Мы еще увидимся. А до тѣхъ поръ прошу васъ считать Никколо Меркатале изъ Флоренціи своимъ самымъ близкимъ и самымъ преданнымъ защитникомъ.

Онъ снова поклонился и вышелъ прежде чѣмъ она успѣла замѣтить что бы то ни было, кромѣ морщинъ около широкаго рта и около маленькихъ глазъ, сидѣвшихъ подъ высокими бровями.

Джіованна видѣла передъ собою только одинъ путь, и глаза ея не свернули съ него. Она закрыла свой домъ для Джентиле и не хотѣла идти на могилу отца, не будучи въ состояніи просить прощенія за ея поруганіе.

Спустя недѣлю, Никколо Меркатале снова поѣхалъ въ Санъ-

Джиминьяно съ многочисленной свитой слугъ и коней. Часть ихъ была послана впередъ, чтобы увѣдомить о его прибытіи. Слуги сняли тяжести съ лошадей, внесли ящики и короба въ домъ и, получивъ на то разрѣшеніе, разложили содержимое ихъ на столѣ въ большой залѣ.

Джіованна сидѣла въ своемъ креслѣ, опустивъ кругомъ себя свой черный вуаль. Беритола оправила лежавшіе на землѣ концы его.

Когда явился самъ Никколо Меркатале, слуги отворили ему двери. Онъ поклонился прежде чѣмъ переступилъ порогъ. Слуги сняли съ него вооруженіе и большой дорожный плащъ и удалились. Онъ вошелъ легко и быстро, что̀ однако не помѣшало Джіованнѣ замѣтить его хромоту.

Остановившись передъ нею, онъ снова поклонился и сказалъ:

— Привѣтствую васъ, мадонна. Будете ли вы столь великодушны, чтобы выслушать меня?

Она наклонила голову въ знакъ согласія.

— И не желаете ли вы пригласить свидѣтелей-мужчинъ, которые могли бы подтвердить дѣйствительность нашего разговора?

— Нѣтъ, мессеръ Никколо: послѣ моихъ родителей кормилица моя—единственное существо, пользующееся моимъ довѣріемъ.

— Пусть будетъ по вашему, — продолжалъ онъ, и теперь только снялъ съ головы высокій, твердый войлочный беретъ. Лысая голова его, безъ единаго волоса, заблестѣла передъ Джіованной. Затѣмъ онъ разстегнулъ свой дорогой черный атласный плащъ, затканный легкими черными узорами, сбросилъ его съ плечъ и остался въ одной простой суконной курткѣ, со складками на груди, едва доходившей до колѣнъ, обнаруживая недостатокъ въ строеніи ногъ, когда онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ по направленію къ ней. Джіованна съ изумленіемъ глядѣла на всѣ эти торжественныя приготовленія.

И опять Меркатале поклонился, на этотъ разъ такъ низко, что ей было видно его лысину до самаго затылка.

— Мадонна, — сказалъ онъ своимъ яснымъ, но нѣсколько свистящимъ голосомъ,— тотъ шагъ, который я дѣлаю по отношенію къ вамъ, я совершаю съ полною искренностью. Путеводною нитью всѣхъ моихъ дѣйствій была всегда безусловная откровенность. Мои сограждане скорѣе могутъ упрекнуть меня во всякихъ другихъ недостаткахъ и ошибкахъ, но только не въ томъ, что я лгу или прикидываюсь. Я не хочу съ самаго на-

чала скрывать своихъ недостатковъ, а тѣмъ менѣе сталъ бы это дѣлать по отношенію къ вамъ. Во Флоренціи есть такіе прекрасные парикмахеры, что я легко могъ бы скрыть отъ всѣхъ, кромѣ самого себя, отсутствіе волосъ. Но, уважая самого себя, я не стану показываться съ волосами, не выросшими на моей головѣ. Для васъ же прибавлю, — и это вы и сами должны видѣть, — что еслибы у меня въ моемъ возрастѣ сохранились волосы, то они были бы не темными, а сѣдыми. Судьба избавила меня отъ печали видѣть первыя серебряныя пряди въ моихъ волосахъ и не вводила меня въ искушеніе вырывать эти первые признаки нашей бренности, которые смерть заставляетъ расти на нашей головѣ, какъ мягкое напоминаніе о нашемъ долгѣ. Прошу васъ, посмотрите на мое лицо, мадонна. Оно открыто и не прикрашено никакими бѣлилами и румянами. Я знаю, вы найдете, что на немъ больше морщинъ, чѣмъ это допустило бы какое бы то ни было представленіе о красотѣ. Я даже не желаю скрашивать ихъ и увѣрять, что эти борозды проведены мудростью, что каждая изъ нихъ стоила для меня многихъ безсонныхъ ночей и тяжело пріобрѣтеннаго опыта. Складки — всегда признаки изношенности. Мои морщины говорятъ только о ежедневной и неутомимой работѣ за конторкой и надъ счетными книгами. Такъ же обстоитъ дѣло и съ моей ногой. Я снялъ свой плащъ, чтобы поскорѣе показать вамъ, что я открыто признаю свою хромоту, Я могъ бы разсказать вамъ, что она—послѣдствіе раны, полученной на полѣ сраженія, въ походѣ, совершенномъ подъ начальствомъ вашего отца—да благословитъ его св. Марія дель-Фіоре! Правда, я былъ раненъ на войнѣ, но ногу я просто сломалъ на проѣзжей дорогѣ. Какъ видите, я не герой и не желаю слыть таковымъ. Единственное, что я отвергаю, это то, что я хвастунъ. Я старъ; наружность моя непривлекательна. Лучшее мое достоинство—въ томъ, что я это знаю. Теперь прошу васъ сказать, мадонна, могу ли я продолжать. Если вы этого не желаете, то протяните только руку. Тогда я опять надѣну свой плащъ, не выскажу ничего, и уйду безъ всякаго недобраго чувства.

Джіованна сдѣлала знакъ рукою.

— Продолжайте вашу рѣчь, мессеръ Никколо. — Она не смотрѣла на него, но слушала съ опущенными глазами. Легкій румянецъ покрылъ ея щеки подъ чернымъ вуалемъ.

— Въ такомъ случаѣ скажу вамъ, мадонна, что я давно уже выражалъ отцу вашему желаніе имѣть васъ своей женой. И онъ обѣщалъ мнѣ вашу руку, когда она была еще такъ мала,

что едва могла ухватить сосокъ кормившей ее груди. Я долженъ вамъ признаться, что одинъ единственный разъ я испытывалъ недружелюбное чувство къ вашему отцу: когда онъ привлекъ къ себѣ сердце вашей матери. Я отказался отъ претензіи на ея руку, такъ какъ я былъ младшій, и вашъ отецъ обѣщалъ мнѣ, что моимъ будетъ то, что̀ она носитъ подъ сердцемъ, въ томъ случаѣ, если это будетъ дѣвочка. Я ждалъ терпѣливо, чтобы вы выросли, и старался сдѣлаться достойнымъ васъ. По правдѣ сказать, цѣломудріе имѣетъ небольшую цѣнность, если человѣкъ непріятенъ и некрасивъ. Но все-таки я думалъ, мадонна, что глубокое, нѣжное чувство, сохраненное во всей чистотѣ, украшаетъ человѣка, даже если это чувство относится къ ребенку. То, что̀ невинно, слѣдуетъ любить незапятнаннымъ чувствомъ. Именно такъ я думалъ о васъ и работалъ въ тѣ годы, когда вы расли. Я знаю, вы можете сказать, что богатство безъ любви — ничто. Но мое богатство собрано именно изъ любви къ вамъ, а не изъ страсти къ наживѣ; оно выросло такъ же незамѣтно, какъ и вы сами. Подавая милостыню, я всегда давалъ ее отъ имени маленькой дѣвочки, и когда состояніе мое увеличилось, я благословлялъ мысль объ источникѣ всего моего благополучія. Я приказалъ положить на вашъ столъ всѣ владѣтельные титулы, всѣ цѣнныя бумаги и всѣ деньги не изъ хвастовства—ибо ничто не приноситъ человѣку меньше чести, чѣмъ деньги, — а для того, чтобы вы видѣли собственными глазами, какіе доходы принесла мысль о васъ, неотлучно бывшая въ моей душѣ, и чтобы вы поняли, что я буду считать себя достигшимъ цѣли, если все это попадетъ въ ваши руки.

И Никколо Меркатале, прихрамывая, подошелъ къ столу, снялъ покровъ съ золота и драгоцѣнностей, развернулъ большіе пергаментные свитки и открылъ толстые фоліанты счетовъ.

— Прошу васъ, мадонна, для правильной оцѣнки моихъ чистыхъ и непритворныхъ намѣреній, попросить вашего опекуна изслѣдовать все это, чтобы онъ могъ высказать свое мнѣніе о моемъ предложеніи.

Джіованна, стоя около него, снова опустила покровъ и свернула документы.

— Опекунъ мой уже выразилъ свое мнѣніе,—сказала она.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ удивленный Меркатале.

— Опекунъ мой стоитъ передо мною,—сказала Джіованна.— Послѣ вашего перваго посѣщенія я просила записать на судѣ ваше имя, какъ имя того, кого я желаю имѣть своимъ покровителемъ.

— Благодарю васъ за такое довѣріе, мадонна. Быть можетъ, вы позволите мнѣ просить васъ о довѣріи еще бо̀льшемъ. Простите, если мои желанія покажутся вамъ нескромными. Но я пріѣхалъ просить васъ быть моей женою. Обѣщаніе, данное мнѣ вашимъ отцомъ, связываетъ васъ меньше, чѣмъ шнурокъ этого свитка. Въ качествѣ вашего опекуна, я долженъ подать вамъ слѣдующій совѣтъ: отдайте ваше сердце только тому, къ кому вы можете питать самое глубокое и искреннее довѣріе. Не отдавайте мнѣ вашей руки, если чувствуете, что вмѣстѣ съ нею не можете отдать и сердца. Величайшимъ счастіемъ, какое только можетъ мнѣ доставить жизнь, было бы имѣть отъ васъ сына. Но не такого сына, который носилъ бы на себѣ печать заглушенной и подавленной любви къ другому. Я хочу быть любимымъ вами совершенно свободно, мадонна. Моя некрасивость не сломила моей мужской гордости. Я гордъ до мозга костей. И не смотря на мои зрѣлые годы, я люблю васъ не какъ опекунъ или отецъ, а какъ мужчина.

Джіованна подала ему руку и сказала:

— Никколо Меркатале, кромѣ отца только одинъ человѣкъ говорилъ со мной какъ мужчина. И за этого человѣка я выйду замужъ.

Она хотѣла откинуть свой вуаль. Но Меркатале сказалъ съ улыбкой:

— О, мадонна, носите его, пока не замѣните его другимъ. Не ослѣпляйте меня такъ скоро полнымъ сіяніемъ вашей красоты.

И цѣлуя ей руку, надъ которой онъ долго стоялъ склонившись, Меркатале прошепталъ:

— Хромому человѣку не къ лицу становиться на колѣни. Но я склоняю передъ вами колѣни въ моемъ сердцѣ, мадонна.

Когда Джіованна верхомъ на конѣ въѣзжала во Флоренцію, молодые люди вышли къ ней навстрѣчу съ цвѣтами и кидали цвѣты подъ копыта ея лошади. Она видѣла, что въ воздухѣ развѣвались бѣлыя лиліи, и всѣ наперерывъ старались поцѣловать край ея парчевой одежды. Одинъ Джентиле не склонился передъ нею: онъ искалъ ея взгляда. Но онъ встрѣтилъ холодные глаза, въ которыхъ онъ не прочелъ даже, что она узнаетъ его.

Когда она подъѣхала ко дворцу Меркатале, на нее изъ всѣхъ оконъ посыпались оливковыя вѣтви. Передъ нею, кружась, падали цвѣты, когда мужъ помогалъ ей сойти съ коня. На порогѣ она остановилась, словно ударившись ногою о кроваво-

красную гвоздику, сіявшую среди всей зелени и всѣхъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Она оглянулась на тотъ путь, какимъ пришла сюда—онъ весь словно былъ забрызганъ тѣми же красными брызгами.

— Вы ли, Никколо Меркатале, приказали бросать эти красные цвѣты?—спросила она.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—мои люди ихъ не бросаля.

— Тогда позаботьтесь о томъ, чтобы они были удалены съ порога моего дома, гдѣ только вы имѣете право бросать цвѣты.

Она не вошла въ домъ, пока всѣ красные цвѣты любви не были собраны. И на виду у всѣхъ прекраснѣйшихъ молодыхъ людей Флоренціи она поцѣловала своего стараго, некрасиваго мужа. Онъ затрепеталъ, словно возрождаясь подъ дѣйствіемъ этого поцѣлуя.

А около дома стоялъ Джентиле, скрывая рыданія своего сердца.

Непрошенные цвѣты любви никогда не проникали далѣе порога Джіованны. Ихъ отметали всякій разъ, когда Джіованна выходила изъ дому или возвращалась домой. Воздухъ въ высокихъ залахъ дворца былъ чистъ и прохладенъ, и тамъ она всегда сидѣла. Даже тогда, когда Флоренція посылала сюда потокъ остроумныхъ и распущенныхъ людей, тщеславныхъ и легкомысленныхъ молодыхъ женщинъ, всякое безуміе умѣрялось и обращалось здѣсь въ пристойное изящество. Остроуміе блистало какъ жемчужныя капли фонтана при свѣтѣ сіяющей красоты Джіованны. Распущенность обращалась въ шалость, вожделѣніе—въ обожаніе. Амуръ бралъ дикихъ львовъ за гриву и тащилъ ихъ по каменнымъ плитамъ, такъ что втянутые когти стучали объ полъ.

Когда молодыя флорентинки однѣ посѣщали ее, онѣ ходили по покоямъ Джіованны съ достоинствомъ богинь на древнихъ фризахъ. Свои жемчужныя ожерелья онѣ носили какъ Минерва свою эгиду. Парча стояла вокругъ нихъ словно панцырь, охранявшій ихъ честь. На завитыхъ волосахъ вуаль, легкій, бѣлый, прозрачный, сидѣлъ какъ пушокъ на только что распустившемся цвѣткѣ. Плутишка, притаившійся въ душѣ, былъ скрытъ за перламутровымъ блескомъ глазъ. Длинные, тонкіе пальцы словно на невидимой золотой цѣпи тянули за собою рѣчь. Но вѣтеръ могъ внезапно унести покрывала, золотая цѣпочка могла лопнуть, тугая парча—согнуться. Плутишка вдругъ выскакивалъ изъ смѣющихся глазъ, а утонченныя рѣчи обращались въ безсвязную смѣсь шутокъ и смѣха.

Джіованна смѣялась такъ, какъ будто она была счастливѣе всѣхъ. У нея былъ мужъ, который соединялъ въ себѣ внимательную заботливость отца съ смиреннымъ обожаніемъ любов-

ника. Всякій разъ онъ входилъ къ ней съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто самое помѣщеніе, въ которомъ она находилась, было святыней. Въ осторожной походкѣ Никколо Джіованна узнавала тихую, осторожную поступь отца. Онъ цѣловалъ ея руку, какъ вѣрующій кропитъ себя святою водой, приближаясь къ алтарю. Онъ былъ некрасивъ, но такъ сознавалъ свое безобразіе, что высота его помысла дѣлала его прекраснымъ. Всѣ морщины на лицѣ его были печатью ума, и эти письмена Джіованна съ каждымъ днемъ лучше выучивалась разбирать. Все существо его было преисполнено самопознанія, а не воображенія. Поэтому онъ во многихъ отношеніяхъ былъ для нея лучшимъ мужемъ, чѣмъ были бы самые красивые флорентинскіе юноши, которые не могли пройтись по залѣ или вложить ногу въ стремя безъ желанія понравиться. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на голый черепъ Никколо. Она брала его голову въ свои тонкія руки, какъ берутъ большой и рѣдкостный плодъ. Его большія, жилистыя, хорошо холеныя руки нравились ей своею характерностью, своей манерой крѣпко и увѣренно брать всякую вещь—какъ соколъ обхватываетъ шестъ. Къ тому же Меркатале первый открылъ ея молодой, жадной душѣ все богатство культуры и искусствъ, какимъ обладала Флоренція. Онъ былъ неутомимымъ путникомъ въ мірѣ мыслей. Онъ принадлежалъ къ новой академіи Лоренцо Великолѣпнаго, къ блюстителямъ науки, открывавшимъ глубокій-глубокій кладезь мудрости Платона. На устахъ его жили лучшіе стихи Италіи. И онъ посвящалъ ее во все богатое и пламенное искусство, которое рождалось изъ земли какъ сіяющая весна радости и таланта. Церкви наполнялись произведеніями искусства, своды расцвѣтали, стѣны пѣли красками о красотѣ. Меркатале все это показывалъ ей. Во дворцахъ возрождался золотой вѣкъ Сатурна, воскресали древніе боги въ весеннемъ сновидѣніи, настолько живомъ и нѣжномъ, что, казалось, было видно, какъ цвѣты, дрожа отъ холода, выползаютъ изъ своихъ оболочекъ и начинаютъ краснѣть въ чистомъ, живительномъ воздухѣ.

Сама Минерва увѣнчивала себя оливковыми вѣтвями, вплетала въ тонкую ткань своей одежды красивый узоръ Медичисовъ и, полная сознаніемъ своей побѣдоносности, шествовала по свѣжей смарагдово-зеленой травѣ. Первобытная грубая животность человѣческой природы изображается въ видѣ дикаго кентавра. Минерва схватила кентавра за волосы и, притянувъ его къ землѣ, поставила на колѣни. И изъ моря временъ снова вышла Венера, цѣломудренная и нагая, прижавъ руку къ влаж-

нымъ, нѣжнымъ грудямъ, съ бѣлокурыми развѣвающимися волосами, какъ бы защищающими ея священное лоно. Она ѣдетъ въ раковинѣ по морю, дрожащему блестящими зигзагами. Боги вѣтра своимъ дыханіемъ гонятъ легкое судно по волнамъ. Изъ устъ ихъ сыплются розы и укутываютъ прекрасное тѣло благоуханіемъ.

А лавровая роща ждетъ со своими тихими, блестящими листьями, похожими на бронзовую листву вѣнка. Миртъ вырисовываетъ свои острые листья въ вѣчно голубомъ, чистомъ воздухѣ, достойномъ Элизіума. Словно мягкія лампочки въ зеленомъ сумракѣ лѣса, свѣтятся золотыя яблоки въ апельсинныхъ рощахъ. Въ травѣ расцвѣтаютъ цвѣты подъ стройными и смѣло изогнутыми ступнями весны. Голубой барвинокъ вьется по ногамъ богини. Гвоздика завладѣла ея одеждой и утвердилась на облекающей богиню бѣлой ткани. Вѣтви дикой розы, какъ руки, обхватываютъ ея тѣло. На шеѣ ея тяжело виситъ гирлянда изъ полевыхъ цвѣтовъ. На ея бѣлокурыхъ волосахъ побѣдоносно расположились, образуя діадему, бѣлая буквица и небесно-голубой барвинокъ. Легко, какъ кошка, ступаетъ она по миріадамъ луговыхъ цвѣтовъ. Убѣгая отъ объятій зефира, Флора высокомѣрно и цѣломудренно мчится по землѣ въ своемъ прозрачномъ покрывалѣ. Венера идетъ медленно, опуская голову, и лишь безмолвно говоритъ ея поднятая бѣлая рука. Словно ласточка, амуръ съ завязанными глазами пролетаетъ около ея головы и цѣлится изъ своего лука въ трехъ грацій. Невидимый воздухъ струится вокругъ нихъ и охватываетъ ихъ тѣла, такъ что покрывала ихъ развертываются подъ нѣжный ритмъ ихъ движеній. А Меркурій стоитъ въ своемъ пурпуровомъ плащѣ и своимъ герольдовымъ жезломъ сгоняетъ съ вѣчно-голубого неба легкія бѣлыя облачка.

Весна на этотъ разъ раскрыла Джіованнѣ свои объятія. На груди ея она выдыхала всю свою молодую и спокойную жажду счастья. Она пріѣхала во Флоренцію въ то время, когда этотъ городъ сдѣлался по истинѣ резиденціей весны. Вокругъ Джіованны сомкнулся городъ цвѣтовъ. Но всякій вечеръ желанія вырывались изъ города вмѣстѣ съ журчащимъ потокомъ Арно, протекали подъ застроенными мостами, мимо церквей, башенъ, мимо старыхъ, облупившихся стѣнъ и неслись въ чудную долину, гдѣ въ безцвѣтномъ воздухѣ вырисовывались молодые и дрожащіе тополи. Изъ своихъ оконъ она могла слѣдить за теченіемъ рѣки по каменистому руслу и видѣть, какъ струйки воды, поблескивая, перепрыгиваютъ черезъ ступеньку или въ видѣ узла омываютъ какой-нибудь камень.

Въ теплые весенніе вечера, когда солнце опускалось за вершины горъ и вдоль береговъ сверкали только бѣлыя виллы, словно цвѣты изъ пѣны, вся Флоренція гуляла по берегамъ Арно, наслаждаясь мягкимъ, дрожащимъ и золотистымъ воздухомъ, какъ будто озареннымъ далекими церковными свѣчами. Гуляющіе приносили другъ другу цвѣты: нарциссы, гіацинты и лиліи на длинныхъ стебляхъ. Они ходили и вдыхали въ себя красоту изъ самой глубины цвѣтовъ. Когда тѣни въ долинѣ поднимались, готовясь охватить все вокругъ, когда на тяжелыхъ стѣнахъ дворцовъ зажигались факелы, флорентинцы бросали цвѣты со сводчатыхъ мостовъ въ текущую воду, чтобы не брать ихъ домой, и Арно, журча, уносилъ съ собой всѣ цвѣты. Люди взлѣзали на башни и стѣны, чтобы слышать, какъ трещатъ факелы, какъ кипитъ въ нихъ смола. Холодное дыханіе горъ проникало въ улицы. Высоко вздымались надъ свѣтящейся огнями котловиной Флоренціи отвѣсныя колонны Кампаниллы, Баргелло, Палаццо Веккіо и пропадали во тьмѣ ночи. Статуи, казалось, оживали. Бѣлыя мраморныя фигуры словно вели во тьмѣ свои игры. Игра на инструментахъ и пѣніе проникали сквозь переплетъ оконъ и струились съ балконовъ. Въ тѣни стояли люди и жадно упивались звуками. Порою тишина ночи внезапно нарушалась дикимъ шумомъ; улица сотрясалась и гудѣла отъ толпы всадниковъ, скакавшихъ съ шипящими факелами, отъ которыхъ сыпались искры. Проходили шествія масокъ, толпы пѣвцовъ. Лоренцо и друзья его праздновали свой фантастическій карнавалъ, нарядившись поклонниками Вакха или Венеры, или же звѣздною свитою Луны. Они останавливались передъ дворцами, гдѣ жили самыя красивыя дамы Флоренціи, въ честь дамъ раздавалась музыка, въ окна имъ бросали цвѣты, имъ пѣли стихи, привѣтствовали ихъ криками.

Джіованна часто стояла въ своей темной комнатѣ и наблюдала за появленіемъ шествія. Отъ свѣта факеловъ у нея болѣли глаза. Сердце ея стучало, когда музыка останавливалась передъ ея балкономъ. Она отходила къ противоположной стѣнѣ и прислушивалась, стоя въ темнотѣ съ закрытыми глазами. Она вдыхала это поклоненіе, какъ вино изъ большого кубка, который подавала ей ночь. Она не знала никого изъ стоявшихъ на улицѣ. Она не видѣла Джентиле, который молча сидѣлъ на своемъ конѣ, съ горящими глазами, и старался заглушить рыданія своего сердца. Опьяненная пѣніемъ и привѣтствіями, она протягивала руки къ своему супругу, она чувствовала его теп-

лую морщинистую кожу, слышала его высокій, гибкій голосъ и находила любовь на груди его.

Джентиле она любила только въ тѣхъ безмолвныхъ и дремлющихъ глубинахъ, гдѣ похороненная тайна души еще дышитъ въ своемъ гробу. Когда пробуждается сознаніе, тайна эта какъ бы не существуетъ. Жизнь избѣгаетъ ея, какъ свѣтъ бѣжитъ отъ гроба съ покойникомъ, опускаемаго въ землю. „Джентиле“ — звучало въ самыхъ нѣдрахъ ея души — „Джентиле—Джентиле“ — и пальцы ея сгибались, словно лаская теплый и сухой шелкъ его кудрей. Она вбирала въ себя его любовь, какъ воду изъ источника на днѣ своей души. „Джентиле“ — шептала она—и просыпалась, и сама не знала, что къ нему рвется душа ея. Только сердце ея билось, какъ мнимо-умершій бьется о крышку гроба. При утреннемъ свѣтѣ она видѣла около себя старое и морщинистое лицо Меркатале, измятое сномъ. Она будила своего мужа, чтобы жизнь выпрямила мягкія линіи и чтобы въ глазахъ его загорѣлась радость при видѣ ея прекрасной, какъ утро, молодости.

И она подходила къ окну и видѣла, какъ внизу, словно змѣя съ золотой чешуей, извивается на солнцѣ Арно. Голуби, какъ бѣлые хлопья, блестѣли въ прозрачномъ воздухѣ. Весна входила во всѣ ворота Флоренціи съ полными цвѣтовъ корзинами изъ залитыхъ солнцемъ долинъ. Букеты цвѣтовъ, блистая красотой своихъ красокъ, буквально гуляли по улицамъ. Джіованна открыла ставень и чувствовала, что запахъ цвѣтовъ совершенно наполнилъ городъ.

Однажды Джіованна, послѣ долгаго безсознательнаго состоянія, открыла глаза и увидѣла передъ собою Никколо Меркатале, который несъ на рукахъ голову Джентиле.

Она пронзительно крикнула его имя громче, чѣмъ кричала, когда производила на свѣтъ своего ребенка. На крикъ ея отозвался, словно неудержимое эхо, жалобный, тонкій, неистовый плачъ, первый привѣтъ человѣка—жизни. Ребенокъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока она не пришла въ себя и не собралась съ духомъ. Когда она открыла глаза, Никколо уже не было, но кормилица склонилась надъ Джіованной.

— Ребенокъ?—прошептала Джіованна.

Беритола не отвѣчала, но закрыла ей глаза поцѣлуемъ.

— Ребенокъ!—прошептала она. Ребенокъ отвѣтилъ уже самъ. Она чувствовала отвѣтъ въ своей крови. Дитя лежало у ея

груди и вытягивало сокровенное изъ ея души, просасывалось глубоко, сквозь упорство и гордость, до самаго источника на днѣ ея сердца.

Она плакала и сквозь слезы глядѣла на маленькое сосущее дитя, словно ей страшно становилось при мысли, что оно будетъ расти и расти, пока не выростетъ больше ея самой. —Джентиле!—прошептала она, и ей казалось, что она видитъ взглядъ Джентиле. Она произвела на свѣтъ глаза Джентиле. Дитя взглянуло на нее тѣмъ же долгимъ, безмолвнымъ взглядомъ, какимъ смотрѣлъ на нее Джентиле, стоя внизу на Піацца ди Тринитà и глядя на свое утраченное счастье взоромъ обнаженной души, взоромъ, полнымъ томленія, обожанія, непримиримой гордости.

Джіованна блаженно задремала, чувствуя, что она словно медленно покидаетъ жизнь, которую высасываетъ изъ нея этотъ маленькій, жадный ротикъ. Она проснулась, почувствовавъ, что мягкія губы касаются ея губъ и чей-то голосъ шепчетъ:

— Благодарю, Джіованна, за моего сына. Благодарю тебя за сына!

Она пробудилась, словно прижигаемая горячимъ желѣзомъ, пробудилась для дѣйствительной жизни. Она вернулась къ жизни и увидѣла благодарные глаза Меркатале.

— Нѣтъ! — сказала она и затрепетала отъ ужаса. — Нѣтъ, Никколо, я не могу тебѣ лгать. Только разъ въ жизни я солгала себѣ самой, но никому другому. И я не солгу тебѣ, хотя бы правда стòила мнѣ жизни.

— Успокойся, Джіованна. Не буди твоего и моего сына. Посмотри, онъ спитъ у твоей груди.

— Это не твой сынъ, Никколо.

Меркатале поцѣловалъ ея лобъ и сказалъ:

— Ты права, Джіованна. Ты всегда права во всемъ, что ты говоришь. Только не говори больше, но обѣщай мнѣ, что ты уснешь.

Вернувшись черезъ нѣсколько часовъ, онъ сѣлъ у ея постели и долго смотрѣлъ на ея тяжелыя, распухшія отъ слезъ вѣки. Сквозь слезы она видѣла, какъ онъ взялъ ея руку, и сказала:

— Ты можешь убить меня, Никколо, но не за невѣрность. Говорю тебѣ еще разъ: это не твой сынъ.

Онъ нахмурился своими безбровными глазами и хотѣлъ встать: но она обѣими руками схватила его за пальцы и удержала его.

— Нѣтъ, Никколо, ты долженъ остаться. Я не сына родила

тебѣ, а произвела на свѣтъ свою собственную вину. Во всѣ тѣ дни, когда я была твоей женой, я ни на одинъ часъ не измѣнила тебѣ, даже въ мысляхъ я была все время вѣрна тебѣ. Все время, съ тѣхъ поръ какъ я тебя знаю, я гордилась твоею любовью и была тебѣ благодарна за то счастье, которымъ ты окружилъ меня. Нѣтъ болѣе благороднаго человѣка, чѣмъ ты, ни во Флоренціи, ни въ цѣломъ мірѣ. Говорю это тебѣ, положивъ свою руку на святыню, такъ какъ держу твою руку въ моей.

— Говори же, Джіованна, чтобы я могъ понять и не впасть въ отчаяніе.

— Никколо, другъ отца моего, мой супругъ и хранитель, дай мнѣ покаяться передъ тобою, какъ я могла бы каяться передъ моимъ отцомъ. Мужчины, которыхъ я знала раньше, чѣмъ встрѣтилась съ тобою, не были мужчинами. Одинъ хотѣлъ совершить надо мной насиліе. Онъ ночью прокрался въ мою комнату, какъ воръ. Какъ воръ, онъ лишился своей правой руки. Но лѣвой рукой онъ умертвилъ моего отца. Былъ еще одинъ, который хотѣлъ научить меня любовнымъ шалостямъ, хотѣлъ научить меня пить напитокъ, который легкомысленная молодежь передаетъ другъ другу изъ устъ въ уста, какъ будто любовь— это кубокъ у колодца, изъ котораго всѣ хотятъ утолить общую жажду. Но я была горда и отбросила этотъ кубокъ. Затѣмъ явился тотъ, кого я любила, сама того не зная. Онъ заставилъ меня прислушаться къ біенію моего сердца. Я слышала, какъ оно бьется о гробовой камень на могилѣ моего отца. Меня опьянило біеніе моего собственнаго сердца. Онъ заключилъ меня въ свои объятія въ тотъ самый день, когда земля покрыла прахъ моего отца. Слышишь, Никколо, онъ соблазнилъ меня совершить святотатство. Онъ обнялъ меня надъ крышкой гроба отца моего. И я осквернила кровь моего собственнаго рода. Когда я пробудилась отъ моего опьяненія и отъ моего преступленія, я сказала себѣ: „Я рѣшилась на это не потому, что я любила, а потому только, что считала этого молодого человѣка тѣмъ, котораго отецъ мой избралъ для меня, а онъ рѣшился на это потому только, что обѣщалъ отцу моему жениться на мнѣ. Но ахъ, Никколо! какъ только я поняла, что мы оба послушались только дикаго голоса своей чувственности, я подавила эту слабость въ своемъ сердцѣ. Я поняла свою вину и сама себѣ поклялась возненавидѣть того, кто заставилъ меня почувствовать дикую власть моей крови. На другой день явился ты. Ты научилъ меня быть сильной.

Не глядя на нее, Меркатале промолвилъ:

— Ты была бы сильнѣе, если бы послушалась голоса своей крови. Помнишь ли мои слова, что я не желаю твоей руки, если ты не отдашь мнѣ вмѣстѣ съ нею и твоего сердца?

— Но я, Никколо, слѣдовала только моей потребности любить мужественность, силу, безстрашное чистосердечіе. Я хотѣла побѣдить мою собственную слабость. И я любила всякое твое слово, обращенное ко мнѣ, любила чистоту твоей воли, любила умное, ясное, твердое теченіе твоихъ мыслей. Ты говоришь о гордости и силѣ, какъ я объ этомъ мечтала, какъ говорилъ бы мой отецъ. Потому-то я и выбрала тебя, а не... Джентиле Кавальканти.

— Зачѣмъ называешь ты его имя? — спросилъ Меркатале, и всѣ морщины дрогнули на его лицѣ. — Развѣ ты еще любишь его?

— Нѣтъ!—возразила она твердо и долго плакала.—Нѣтъ! И если онъ заставитъ камни говорить въ свою защиту, то я никогда не повѣрю, что онъ дѣйствительно любилъ меня.

— И все-таки вся Флоренція знаетъ, что онъ тебя любитъ,— сказалъ Меркатале.

— Но ты, Никколо, знаешь, что я не посвятила ему ни одного взгляда, ни одной мысли съ тѣхъ поръ, какъ приказала сметать красные цвѣты съ моего порога.

— Какъ могу я знать твои мысли, Джіованна?—съ горечью сказалъ Меркатале. — И какъ ты сама можешь знать ихъ? Взгляни на твоего ребенка. Ты не думала о Джентиле, но принесла ему сына.

— Мой позоръ былъ сокрытъ внутри меня, — печалилась она.—И я произвела на свѣтъ мой скрытый грѣхъ. Если бы я только могла умереть! Я желала бы умереть отъ твоей руки, Меркатале!

— Смерть—плохая утѣшительница, Джіованна. Посмотри, я продолжаю жить, хотя и нѣтъ у меня наслѣдниковъ. И продолжаю любить, хотя и не имѣю надежды.

Джіованна ушла въ себя. Она больше не хотѣла кормить ребенка грудью; пришлось взять для него кормилицу. Цѣлые дни и ночи лежала Джіованна въ полузабытьѣ и боролась съ материнской любовью. Молоко горѣло въ ея напряженной груди, словно безмолвно требуя устъ ребенка. Но Джіованна не хотѣла уступить.

— До тѣхъ поръ не встану я съ постели, Никколо,—сказала она,—пока вы не исполните моего желанія.

Наконецъ Меркатале уступилъ ея желанію и приказалъ

отнести ребенка во дворецъ Кавальканти. Онъ велѣлъ кормилицѣ съ малюткой дожидаться на главной лѣстницѣ, а самъ отправился къ хозяину, бродившему вокругъ фонтана на дворѣ, окруженномъ колоннами. Когда Меркатале приблизился, Джентиле остановился на каменныхъ плитахъ, покрытыхъ талымъ снѣгомъ, не отвѣтилъ на привѣтъ, но глядѣлъ на снѣжные хлопья, распускавшіеся въ темной водѣ водоема.

Меркатале подошелъ къ нему вплотную и робко сказалъ:

— Джентиле Кавальканти, я принесъ вамъ отъ жены моей то, что̀ принадлежитъ вамъ.

— Что̀ же это?—спросилъ Джентиле рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ звучала горечь.—Можетъ-быть, мое собственное сердце на блюдѣ?

— Во всякомъ случаѣ вашу собственную плоть и кровь,—тихо продолжалъ Меркатале, съ загадочной улыбкой.

Джентиле покраснѣлъ и подставилъ руку подъ тонкую струйку фонтана.

— Мою собственную плоть и кровь, мессеръ Меркатале?

— Вашего сына,—сказалъ Меркатале.—Жена моя родила сына и увѣряетъ, что этотъ ребенокъ—вашъ. Она проситъ передать вамъ, что, посылая вамъ этого ребенка, она въ то же время изгоняетъ изъ своей жизни послѣднее воспоминаніе о васъ.

— Мессеръ Меркатале,—сказалъ Джентиле съ усиліемъ,—передайте вашей женѣ, что если она хочетъ имѣть отъ меня сына, она должна прежде сама придти ко мнѣ. Я не приму его иначе, какъ изъ ея рукъ.

— Вы забываете, кто моя жена. Во всей Флоренціи, да и во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе цѣломудренной женщины.

— Что̀ такое цѣломудріе, мессеръ Меркатале?

— Цѣломудріе, Джентиле Кавальканти? Цѣломудріе — это гордость.

— Скажите моннѣ Джіованнѣ отъ меня, что ея цѣломудріе—трусость.

— И вы называете трусостью, когда мать отсылаетъ отъ себя своего новорожденнаго ребенка? Когда она добровольно, чтобы быть правдивой, говоритъ своему супругу: это не вашъ сынъ? И развѣ вы понимаете хоть что-нибудь въ любви, если не падаете на колѣни передъ ребенкомъ изъ вашей собственной плоти и крови?

— *Для васъ*, мессеръ Меркатале, любовь—это размноженіе, и отцовская радость, и хозяйка, украшенная добродѣтелями. Ахъ! я люблю ради самой любви.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Меркатале, быстро направляясь къ выходу,—дитя и вправду совсѣмъ не ваше. Пусть будетъ оно моимъ. Оно будетъ носить мое имя и сдѣлается моимъ наслѣдникомъ.

— И это будетъ правильно! — воскликнулъ во слѣдъ ему Джентиле.

— Что вы говорите?—спросилъ Меркатале. Онъ обернулся и схватилъ Джентиле за обѣ руки.—Чему вы улыбаетесь?

— Никогда еще отъ поцѣлуя не рождался ребенокъ, месеръ Меркатале. Но и во время родильной горячки можно сказать кое-что вѣрное. И ваша жена сказала, что она меня любитъ. Развѣ это для меня не радость?

— Что такое ваша радость по сравненію съ моею! — воскликнулъ Меркатале и, сіяя, ушелъ со своимъ сыномъ.

Джентиле Кавальканти уѣхалъ изъ Флоренціи. Единственнымъ его богатствомъ былъ соколъ, сидѣвшій то на его сѣдлѣ, то на лѣвой его рукѣ. Когда Джентиле снималъ съ головы птицы клобучокъ, она высматривала добычу съ усердіемъ двухъ голодныхъ людей. Соколъ сталъ кормильцемъ Джентиле.

Десять лѣтъ своей жизни Джентиле положилъ на то, чтобы доказать дамѣ своего сердца свою любовь. Ни единымъ взглядомъ не поблагодарила она его за его службу. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ растрачивалъ свое имущество, чтобы прославлять ея имя цѣлымъ фейерверкомъ блестящихъ празднествъ. Искры отъ него безслѣдно разсыпались по землѣ. Всѣ дни его жизни, подобно волнамъ, пронеслись мимо дворца, въ которомъ она жила. Въ общій потокъ не упало ни единаго цвѣтка изъ ея рукъ. На турнирахъ и играхъ онъ носилъ ея имя и ея цвѣта. Стрѣлы его проникали сквозь дерево и желѣзо, но были безсильны передъ льдомъ ея взгляда. Золото его обратилось въ пыль для ея прославленія и развѣялось по вѣтру трубными звуками. Всѣ молодые гуляки Флоренціи пили на его счетъ, восхваляя ея красоту. Весь городъ слагалъ въ честь ея канцоны. Она одна полагала честь свою въ томъ, чтобы ихъ не слышать. Всѣ видѣли, какія шествія устраивалъ Джентиле Кавальканти. Привѣтствуемые цѣлымъ городомъ, молодые люди отправлялись на охоту или на турниръ. Но та, чье имя было начертано на ихъ знамени, спокойно сидѣла у окна и не поднимала глазъ, когда шествіе проходило мимо и отъ стѣнъ ея дома отражались привѣтствія, или въ стѣны ударялись цвѣты. Всѣ знали ея изобра-

женіе на фрескахъ Доменико Гирландайо. Она одна не искала своего лица на церковной стѣнѣ.

Еслибы сама Венера поселилась во Флоренціи, у храма ея не могло бы быть болѣе пышной стражи. Когда Джіованна отправлялась къ обѣднѣ, стража выстраивалась двумя длинными рядами, держа въ рукахъ толстыя зажженныя свѣчи. Но Джіованна посылала своихъ слугъ впередъ и приказывала имъ при каждомъ ея шагѣ задувать свѣчи. Такъ она гасила всѣ свѣчи, которыя зажигалъ на пути ея Джентиле, и никогда ни взглядомъ, ни улыбкой не выслушивала его. Богатство его исчезло, какъ облака кадильнаго дыма передъ изображеніемъ богини. Но онъ до тѣхъ поръ не прекратилъ своего поклоненія, пока не разсѣялось послѣднее облако. Гимны смолкли, стража Венеры была распущена, друзья исчезли, и Джентиле одинокимъ бѣднякомъ стоялъ передъ своимъ дворцомъ, стѣны котораго были не болѣе безчувственны, чѣмъ то лицо, видѣть которое онъ стремился въ теченіе десяти лѣтъ.

Джентиле уѣхалъ изъ Флоренціи бѣднякомъ. Его соколъ оказался вѣрнѣе всѣхъ его друзей. Одинъ изъ нихъ, желая оказать ему услугу, предложилъ за сокола десять тысячъ скуди. Но Джентиле скорѣе согласился бы продать свою собственную душу.

Онъ отправился въ маленькое помѣстье въ Поджибонзи. Годы не измѣнили тамъ ничего къ лучшему. Земля была заброшена, виноградники запущены. Всѣ дороги и тропинки заросли сорной травой такъ, что ихъ не было видно. Известь, покрывавшая стѣны, поросла мхомъ. Ступени лѣстницъ разваливались, обращаясь въ камни. Но Джентиле нашелъ для себя кровлю и зажилъ бѣдно, съ однимъ крестьяниномъ и его женою, которые добывали непосредственно изъ земли то, что̀ могло поддержать жизнь: зелень, овощи и кислое вино. Когда нужно было мясо, добывать его долженъ былъ соколъ. Джентиле въ своихъ пустынныхъ владѣніяхъ охотился на зайцевъ, на птицъ и на журавлей.

Одиночество принесло ему облегченіе. Онъ радовался тому, что всѣ покинули его и забыли. Ѣлъ онъ только тогда, когда надо было утолить голодъ. Тогда самая скудная пища казалась ему вкусной. Если душу его грызла тоска, онъ ходилъ, пока тѣло и духъ не изнемогали отъ утомленія. Когда онъ сидѣлъ у своего полуразрушеннаго камина и вращалъ вертелъ надъ огнемъ, глаза его загорались при видѣ яркаго пламени. Онъ улыбался надъ самимъ собою, думая о томъ, какъ онъ столько лѣтъ жарилъ свое собственное сердце на медленномъ огнѣ. Въ дождливую погоду онъ выходилъ за дверь и смотрѣлъ, какъ, словно стеклянныя бусы, капли

разбивались о землю. Такъ точно разбивалось всякое земное счастье. Надо было лишь умѣть любоваться въ это время игрою красокъ. Неподвижно сидѣлъ онъ въ своей каморкѣ съ голыми стѣнами и глядѣлъ, какъ сырость рисовала свои странные узоры на извести. Онъ различалъ среди нихъ лица, цѣлые ряды головъ, въ родѣ тѣхъ, что кормились нѣкогда за его столомъ. То онъ узнавалъ чью-нибудь улыбку, то руку, поднявшую бокалъ, то обнявшуюся парочку. Или ему мерещились дикіе пѣнистые потоки, высокія горы, деревья, росшія на краю пропасти, большія темныя озера. Иногда онъ узнавалъ профиль Джіованны; иной разъ глазъ ея выглядывалъ сверху изъ какого-нибудь угла, но исчезалъ, какъ только Джентиле начиналъ въ него всматриваться. Или же онъ видѣлъ слѣдъ ея ноги, словно врѣзавшійся въ топкую почву. Всего болѣе неопредѣленны были его сны, когда онъ весною сидѣлъ на лугу и прислушивался къ журчанію ручейка. Ручеекъ болталъ о счастьѣ, за которымъ гнался Джентиле. И Джіованна сидѣла гдѣ-то далеко и до упаду хохотала надъ его мольбами о любви.

Соколъ звякнулъ своимъ колокольчикомъ на лугу. Онъ поймалъ птицу. Джентиле вырѣзалъ у нея внутренности и бросилъ ихъ соколу. И соколъ прыгалъ вокругъ своей дымящейся добычи. Джентиле бросился на спину и глядѣлъ на небо. Онъ любилъ смотрѣть на проходящія облака. Ихъ причудливая игра была неудержима и вѣчна. Они созидали и громоздили что-то изъ бѣлаго снѣга, который обваливался и таялъ. Они надувались, какъ гигантскіе драконы съ поднятымъ гребнемъ, а спустя мгновеніе разсыпались, словно жемчужно-бѣлыя рыбьи чешуйки по голубой водѣ, словно лепестки, которыя роза потеряла отъ дуновенія зефира. Они скользили, какъ корабли съ раздутыми парусами, и падали на дно, и исчезали безъ кораблекрушенія.

— Посмотри на твоего сокола, господинъ!—вдругъ сказалъ тонкій голосъ. Джентиле увидѣлъ стройнаго мальчика, одѣтаго въ черный шелкъ и гоняющагося за соколомъ, держа въ рукахъ его красный клобучокъ. Мальчикъ хотѣлъ накинуть ему клобучокъ на голову; соколъ старался укусить руку мальчика, когда она готовилась взять его за шею. Мальчикъ, волнуясь, не замѣчалъ, что все дальше и дальше отгоняетъ сокола отъ его господина.

— Позови его, господинъ, а не то онъ улетитъ!

Джентиле свиснулъ—и соколъ, пролетѣвъ надъ самой землей, усѣлся на плечѣ своего хозяина. Мальчикъ слѣдилъ за соколомъ восхищенными глазами и съ восторгомъ ударилъ въ ладоши:

— Можно ли мнѣ надѣть ему клобучокъ, господинъ?

— Попробуй!—сказалъ Джентиле, улыбаясь. Но всякій разъ, когда мальчикъ приближался съ клобучкомъ, птица клевала его руку. Кровь струилась по пальцамъ мальчика, но онъ все-таки не уступалъ.

— Дай, я сдѣлаю! — сказалъ Джентиле. Соколъ блеснулъ глазами, нагнулъ голову и сощурилъ вѣки еще прежде, чѣмъ господинъ его затянулъ клобучокъ.

Только теперь Джентиле хорошенько разсмотрѣлъ красиваго, стройнаго мальчика. Лицо ребенка горѣло, глаза блестѣли. Шапка свалилась съ его длинныхъ черныхъ волосъ, которые кудрями падали на его щеки.

— Могу ли я нести его, господинъ?—просилъ онъ.

Джентиле посадилъ сокола на протянутую руку мальчика. Мальчикъ ловко раскачивалъ его, ласково проводилъ рукою по его крыльямъ и цѣловалъ его мягкую бѣлую грудку.

— Я люблю твоего сокола больше всего на свѣтѣ. Могу ли я ходить съ тобою на охоту, господинъ?

Джентиле радовался радости ребенка и взялъ его съ собою. Мальчикъ несъ сокола какъ святыню. Онъ свиснулъ парѣ собакъ, которыя медленно выбирались изъ камыша. Мальчикъ плясалъ передъ ними, показывая на сокола и, забывъ свою шапку, бросился впередъ.

Джентиле обучалъ его охотѣ. Мальчикъ схватывалъ на лету всѣ правила искусства, всѣ охотничьи уловки. Онъ старался отыскать рѣдкихъ птицъ. Собаки вспугивали ихъ, а соколъ гнался за ними.

Джентиле не спрашивалъ мальчика, откуда онъ и какъ его зовутъ. Онъ ничего не хотѣлъ слышать ни о людяхъ, ни объ обстоятельствахъ ихъ жизни. Онъ ничего не хотѣлъ знать о сосѣдней мѣстности и ея обитателяхъ. Все было ему безразлично, какъ трава, по которой онъ ступалъ. Мальчикъ самъ ежедневно отыскивалъ его на томъ же мѣстѣ и приносилъ съ собою голубей, чтобы натравливать на нихъ сокола. Ручныя птицы оказывали мало сопротивленія. Онѣ сейчасъ же тяжело и неуклюже падали внизъ и оставались лежать въ травѣ. Ни Джентиле, ни мальчикъ не думали о нихъ послѣ того, какъ когти сокола ихъ выпустили.

Однажды мальчикъ вернулся изъ обширныхъ низменностей домой въ лихорадкѣ. Колѣни у него подгибались. Онъ просилъ пить, осушилъ кружку съ водой, но не утолилъ жажды. Онъ не

хотѣлъ ложиться въ постель, но упалъ и лишился чувствъ. Его подняли и уложили въ постель.

Молодая вдова Никколо Меркатале, монна Джіованна, сидѣла и держала горячую руку своего больного сына. Она вытирала его мокрый лобъ, смачивала губкой его горѣвшія словно въ огнѣ губы и прислушивалась къ біенію его сильно бившагося сердца. Онъ лежалъ цѣлыми днями и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Она осыпала его поцѣлуями, и ласками, и утѣшеніями, и старалась добиться отъ него отвѣта, обѣщая ему все, чего онъ только ни пожелаетъ.

Однажды онъ открылъ свои блестящіе глаза и сказалъ:—Мать, если вы принесете мнѣ сокола Джентиле Кавальканти, то, мнѣ кажется, я сейчасъ же буду здоровъ.

Послѣ этого онъ опять впалъ въ полузабытье. А монна Джіованна сидѣла и раздумывала о его желаніи. Она безсмысленно шептала: — Хорошо, хорошо, хорошо. — Цѣлыми часами продолжала она обѣщать ему это, и когда онъ снова взглянулъ на нее, она радостно сказала:—Да, мой сынъ, мое сердце, успокойся и поскорѣе выздоравливай; я тебѣ обѣщаю исполнить твое желаніе!

— Правда, мама?

— Да, да! Завтра утромъ я пошлю къ нему гонца. Завтра утромъ я сама пойду къ нему и добуду тебѣ сокола.

Мальчикъ улыбнулся и уснулъ. А монна Джіованна думала, какъ ей выйти изъ этого положенія. Она собрала свои драгоцѣнности, собрала всѣ свои наличныя деньги и послала надежнаго гонца къ Джентиле. Гонцу было внушено, чтобы онъ не говорилъ, для кого покупается соколъ, а просто предложилъ Джентиле продать его. Посылала же она болѣе пяти тысячъ скуди. Гонецъ вернулся: мессеръ Джентиле Кавальканти, жившій какъ нищій въ ветхой хижинѣ, не удостоилъ драгоцѣнности и одного взгляда, а только сказалъ, что не продастъ сокола и за сумму въ десять разъ бо́льшую.

Монна Джіованна во всю ночь не сомкнула глазъ. Рано утромъ мальчикъ проснулся и потребовалъ сокола. Джіованна сдержала слезы, заставила себя улыбнуться и прошептала:—Его еще нѣтъ, сынъ мой. Посмотри, солнце еще только восходитъ. Не могу я идти къ мессеру Джентиле раньше, чѣмъ онъ проспется.

Всякій разъ, когда мальчикъ приходилъ въ себя, онъ спрашивалъ о соколѣ. Мать уже больше не въ силахъ была встрѣчать его взглядъ. Она прислушивалась у двери и слышала

отвѣты Беритолы на вопросы ребенка:—Успокойся, маленькій господинъ. — Сейчасъ мать твоя придетъ съ соколомъ Кавальканти.—Подожди еще минуточку. Ей далеко идти.—Успокойся и подожди немного, молодой господинъ.

Никогда не приходилось Джіованнѣ совершать болѣе тяжелаго пути. Ей казалось, что страхъ несетъ ее впередъ. Ноги ея были словно налиты свинцомъ. Она летѣла какъ птица, у которой къ каждому крылу привязанъ камень. Она пришла къ дому Джентиле въ одно время съ слугой, который долженъ былъ доложить о ея посѣщеніи. „Сынъ мой умираетъ!—думала она при каждомъ шагѣ.—Слезы мои скажутъ все. Мнѣ нечего говорить. Слезы мои будутъ просить за меня".

Но когда она увидѣла въ дверяхъ Джентиле, страданіе исчезло изъ ея глазъ, и мысль о близкой смерти ребенка исчезала изъ ея головы. Вотъ онъ со своею величественной, мягкой походкой. Она не видѣла его много, много лѣтъ. Коричневое сукно на его прекрасныхъ плечахъ совсѣмъ позеленѣло отъ времени. Онъ покраснѣлъ ярче дикаго мака, который расцвѣлъ у стѣны дома. Онъ весь пламенѣлъ отъ радости, что опять можетъ ей поклониться. И онъ поклонился ей и остановился передъ нею въ томъ же положеніи, какъ тогда, когда поклонился ей въ первый разъ—положивъ руку на свое сердце.

— Привѣтъ тебѣ, Джентиле!—сказала она и продолжала:—Я желала бы, чтобы ты могъ возмѣстить потери, которыя постигли тебя изъ-за меня. Ты любилъ меня больше, чѣмъ я заслуживала. Можешь ли... можешь ли ты сегодня позволить мнѣ пообѣдать съ тобою за твоимъ столомъ?

— Мадонна,—возразилъ смиренно Джентиле,—никогда я не терпѣлъ никакихъ потерь изъ-за васъ, но испыталъ благодаря вамъ столько хорошаго, что если мнѣ когда-нибудь и удавалось что-либо въ жизни, то удавалось благодаря вашей помощи и благодаря той любви, какую я питалъ къ вамъ. А это ваше посѣщеніе сдѣлало меня неизмѣримо болѣе богатымъ, чѣмъ еслибы мнѣ вернули все то, что я растратилъ. Ибо теперь вы пришли къ бѣдному хозяину.

И онъ вѣжливо указалъ ей на ветхій домъ и на маленькій огородъ, обрабатываемый старикомъ-крестьяниномъ. Онъ просилъ ее удовольствоваться такимъ незначительнымъ обществомъ, самъ же вошелъ въ домъ, чтобы распорядиться насчетъ обѣда.

Онъ прошелъ по своимъ бѣднымъ горницамъ и приказалъ служанкѣ накрыть на столъ. Скатерть оказалась бѣлой и блестящей. Но онъ только теперь понялъ, какъ онъ бѣденъ, когда

для обѣда ничего не нашлось, кромѣ хлѣба, сыра и стараго, мутнаго вина. Онъ послалъ женщину въ огородъ, чтобы нарѣзать салата и набрать укропа. Самъ онъ внѣ себя бѣгалъ по дому и открывалъ всѣ старые и полузабытые чуланы, какъ будто съѣстные припасы могли вырасти вездѣ внезапно, какъ грибы. Онъ думалъ только о мясѣ, о мясѣ. Онъ видѣлъ передъ собою всѣ тѣ нагроможденные яствами столы, за которыми онъ въ дни своего богатства угощалъ друзей своихъ въ честь своей дамы; теперь же онъ не могъ предложить этой дамѣ даже зажаренной птицы. Онъ вспомнилъ о голубяхъ, которыхъ они оставили на лугу, когда соколъ...

Соколъ! Онъ побѣжалъ черезъ комнату и наткнулся на шестъ, на которомъ сидѣла птица, такъ что зазвенѣлъ колокольчикъ. Соколъ! Онъ сидѣлъ на своемъ шестѣ и спалъ безъ клобучка. Джентиле схватилъ его руками, увидѣлъ, что онъ жиренъ, подумалъ, что это будетъ кушанье, достойное такой дамы, и безъ дальнихъ разсужденій свернулъ соколу голову. Такъ какъ женщина въ эту минуту входила съ охапкой салата, Джентиле бросилъ ей птицу и велѣлъ поскорѣе ощипать ее и тщательно изжарить на вертелѣ.

Когда Джентиле повелъ свою гостью къ столу, онъ разложилъ свой плащъ на каменной скамьѣ, гдѣ хотѣла сѣсть Джіованна. Онъ стоялъ около нея и предлагалъ ей кушать. У него была одна только мысль—желаніе служить ей. Она была голодна и все продолжала ѣсть, не рѣшаясь выговорить своей просьбы. Наконецъ, она сказала:

— Джентиле, не ради любви, которую ты питалъ ко мнѣ, но зная твое благородное сердце, умоляю тебя даровать жизнь моему сыну. Безъ твоей помощи онъ долженъ будетъ умереть.

— Вашъ сынъ, Джіованна?—сказалъ Джентиле, и сердце его забилось.—Могу ли я дать жизнь вашему сыну?

— Да, Джентиле.

Они оба поглядѣли другъ на друга, и краска залила лица обоихъ.

— Какъ мать, прошу за моего единственнаго сына, Джентиле. Ты поймешь это, когда ты самъ...

— Что могу я сдѣлать для вашего сына, Джіованна?

— Онъ боленъ, Джентиле. Онъ умретъ, если ты ему не поможешь.

— Что могу я сдѣлать, мадонна?

— Дай ему твоего сокола.

Слезы закапали изъ глазъ Джентиле. Джіованна слышала,

какъ онѣ падали на столъ. „Вотъ какъ онъ плачетъ о томъ, что долженъ потерять своего сокола!“—подумала она.

Но Джентиле сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ Богу угодно было, чтобы я полюбилъ васъ, мадонна, я часто сѣтовалъ на мою тяжелую и несчастную судьбу; но все это ничто по сравненію съ тѣмъ, что приходится мнѣ пережить теперь, когда вы пришли ко мнѣ въ домъ. Вы не хотѣли взглянуть на меня, пока я былъ богатъ—вы теперь просите меня о такой ничтожной вещи, и я плачу о томъ, что не могу исполнить вашей просьбы.

Онъ всталъ, вышелъ на мгновеніе, вернулся и положилъ клювъ и желтые когти сокола на ея тарелку. Потомъ онъ преклонилъ передъ ней колѣна и покачалъ головой.

Тогда Джіованна заплакала сильнѣе, чѣмъ плакала у постели своего сына. Не сильнѣе плакала она, когда Беритола появилась въ дверяхъ и своимъ безмолвнымъ рыданіемъ сказала ей, что мальчикъ умеръ.

Она прижала голову Джентиле къ своей груди.

— Не рай ли находится подъ твоимъ сердцемъ? Откуда ты, Джіованна?

— Ахъ, Джентиле,—прошептала она,—я вѣдь только изъ города съ красивыми башнями.

Перев. съ нѣмецкаго М. Чепинская.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ
ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ
ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Тактика отрицанія и созданная ею трудность положенія.

I.

Въ ряду всѣхъ трудностей, какими было обставлено развитіе радикальной доктрины въ шестидесятыхъ годахъ, самая главная заключалась въ непомѣрной смѣлости задачи, поставленной сторонниками этого ученія, столь неуступчиваго и столь въ себѣ самомъ увѣреннаго. Доктрины и программы всѣхъ иныхъ партій и кружковъ стремились, худо ли, хорошо ли, перекинуть мостъ съ одного берега на другой и, признавая неизбѣжнымъ разрывъ со старымъ порядкомъ, всетаки дорожили многими культурными пріобрѣтеніями прошлаго. Не говоря уже о сторонникахъ правительственной системы, о консервативно настроенныхъ людяхъ и о славянофилахъ — даже либералы всѣхъ оттѣнковъ, и тѣ никогда бы не согласились вступить на новый путь съ полнымъ забвеніемъ прошлаго. Осуждая формы общественной и политической жизни этого прошлаго, они не думали отрекаться отъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыя были куплены большимъ трудомъ и дорогой цѣной въ старые дореформенные годы. Все накопленное богатство духа, хотя бы и скромное, хотѣли они взять съ собой въ новую жизнь.

Радикалы совсѣмъ не цѣнили этого богатства. Даже сильные среди нихъ, люди съ болѣе или менѣе широкимъ кругозоромъ, которые, казалось, не могли не признавать культурныхъ заслугъ старой жизни, и тѣ не упускали случая дискредитировать старину, всю цѣликомъ, въ глазахъ подроставшихъ поколѣній.

Такая тактика отрицанія поддерживала въ радикальной массѣ боевое настроеніе, имѣя всегда наготовѣ рядъ идейныхъ тезисовъ, которыми „новый“ человѣкъ могъ волноваться даже въ тѣ минуты, когда ходъ общественной и политической жизни давалъ ему передышку. Отрицательное отношеніе къ старинѣ въ ея цѣломъ позволяло, кромѣ того, быть болѣе смѣлымъ и свободнымъ въ построеніи и разработкѣ новаго кодекса духовной и матеріальной жизни. Наконецъ, ощущеніе полной независимости отъ прошедшаго придавало людямъ и горячность, и нервную страстность, столь желанныя какъ противовѣсъ господствующей косности.

Это отрицательное отношеніе къ старинѣ въ ея цѣломъ получилось у радикаловъ отнюдь не какъ плодъ глубокаго, всесторонняго раздумья надъ цѣнностью отвергаемыхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Оно было въ большой степени плодомъ накопившагося раздраженія и, притомъ, столько же противъ старины вообще, сколько и противъ попытокъ насильственно удержать эту старину во что бы то ни стало, во всей ея неприкосновенности. Еслибы въ самомъ ходѣ тогдашней общественной и политической жизни было замѣтно стремленіе извлечь изъ накопленнаго въ прежніе годы богатства прямую выгоду для назрѣвшихъ новыхъ потребностей; еслибы не давало себя такъ ясно чувствовать желаніе власти не считаться съ свершившейся перемѣной — быть-можетъ, и отношеніе радикальной группы къ прошлому было бы терпимѣе и болѣе справедливо. Повторилась та обычная несправедливость, которая такъ часто заставляетъ разныя проблемы духа разсчитываться за плохое ихъ толкованіе или плохое ихъ примѣненіе къ жизни.

Вожди радикализма и масса его послѣдователей были фанатиками отрицанія и фанатиками гражданской службы; они не умѣли ставить и рѣшать вопросы внѣ даннаго времени — а въ примѣненіи къ переживаемому моменту многія изъ духовныхъ началъ старой жизни могли, дѣйствительно, показаться первопричиной создавшагося общественнаго и политическаго положенія, подлежащаго упраздненію. Пока люди сильные брали на свою отвѣтственность отрицаніе этихъ началъ, оно въ извѣстной степени окупалось ихъ самостоятельной умственной работой;

когда же въ такомъ отрицаніи укрѣплялась масса людей сѣрыхъ и слабыхъ духомъ, то въ результатѣ получалось несомнѣнное духовное измельчаніе, которое могло пагубно отразиться на ихъ дѣятельности. И несомнѣнно, что безпощадное отрицательное отношеніе радикаловъ ко многимъ мнимымъ первопричинамъ общественной неурядицы затруднило ихъ реформаторскую дѣятельность.

II.

Жизненная задача, какъ она ставилась радикалами, была поистинѣ задачей грандіозной: создать свободный союзъ новыхъ людей, воспитанныхъ и обученныхъ по новой программѣ, союзъ, предназначенный для работы не надъ какимъ-нибудь частичнымъ общественнымъ дѣломъ, а надъ полнымъ преобразованіемъ всего общественнаго и государственнаго строя. Смѣлость этой мысли и очевидная непреодолимая трудность задачи не пугала молодые сердца и головы—конечно, прежде всего потому, что сама задача не рисовалась имъ въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Еслибы радикаламъ пришлось, какъ иногда это случалось въ эпохи крутыхъ политическихъ переломовъ, вырабатывать уложенія, которыя завтра могли бы вступить въ силу, то нѣсколько такихъ опытовъ вѣроятно бы ихъ охладили; но въ томъ положеніи, въ какомъ находились радикалы, при сознаніи вполнѣ свободнаго своего отношенія къ жизни, они, не неся никакой отвѣтственности за переживаемый моментъ, могли себѣ разрѣшить какую угодно смѣлость въ надеждахъ и упованіяхъ. И они вѣрили, что отдѣльныя личности, объединенныя новой программой идейной и житейской, смогутъ въ водоворотѣ враждебныхъ имъ стихій не только удержаться прочно на своемъ мѣстѣ, но и начать проводить въ жизнь задуманную реформу общественныхъ отношеній, съ полной надеждой на быстрый успѣхъ. Слова: „проводить въ жизнь“ радикаловъ также на первыхъ порахъ не пугали; они видѣли, какъ быстро начали мѣняться внѣшнія формы окружавшей ихъ жизни, они зорко слѣдили за все возроставшимъ вокругъ нихъ броженіемъ въ умахъ и чувствахъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества людей интеллигентныхъ—и они, конечно, могли увѣрить себя, что недостатка въ случаяхъ и въ способахъ „проведенія ихъ идеаловъ въ жизнь“ не будетъ. Жизнь, однако, ихъ надежды не оправдала, и именно вопросъ о случаяхъ и о способахъ вмѣшательства въ теченіе событій сталъ для нихъ самымъ труднымъ и больнымъ вопросомъ.

Рѣшеніе этого вопроса—какъ и при какихъ случаяхъ начать вторгаться во враждебную имъ жизнь — было усложнено для радикаловъ именно ихъ принципіально отрицательнымъ отношеніемъ къ главнымъ духовнымъ устоямъ дореформенной жизни.

Пока новый человѣкъ имѣлъ въ виду лишь самого себя и близкихъ своихъ единомышленниковъ, онъ не ощущалъ никакой неловкости въ томъ положеніи скептика и смѣлаго отрицателя, въ какомъ онъ находился. Каждый человѣкъ воленъ вѣрить во что онъ вѣритъ, думать такъ, какъ онъ думаетъ, и отрицать все, что онъ находитъ нужнымъ отрицать. Достаточно ли такое отрицаніе обосновано или нѣтъ—это вопросъ иной; но одно только требованіе могутъ люди поставить своему собрату, а именно требованіе, чтобы онъ былъ искренень въ томъ, что утверждаетъ или отвергаетъ—и съ этой стороны радикаламъ, по крайней мѣрѣ огромному большинству изъ нихъ, упрековъ дѣлать не приходится. Но такая искренность не исключаетъ ни ошибочности взглядовъ, ни тѣхъ трудностей, которыя можетъ создать для плодотворной работы человѣка его образъ мыслей, принявшій оттѣнокъ фанатизма, какъ въ утвержденіи, такъ и въ отрицаніи.

Историкъ не имѣетъ права обвинять людей въ томъ, что они ошибочно мыслили; и мы, говоря о радикалахъ шестидесятыхъ годовъ, должны уберечь себя отъ категорическихъ сужденій объ истинности или неистинности ихъ взглядовъ на міръ и человѣка. Полемизировать съ покойниками—занятіе неблагодарное и къ тому же безполезное. Но историкъ не можетъ пройти мимо вопроса—насколько опредѣленный образъ мыслей людей облегчилъ или затруднилъ имъ выполненіе той культурной задачи, которую они себѣ поставили. Въ отношеніи къ радикаламъ этотъ вопросъ тѣмъ болѣе законенъ, что они считали себя, и по праву, партіей боевой, и не столько думали о теоретическомъ обоснованіи своего міропониманія, сколько о тактикѣ, каковой надлежало руководиться, чтобы одержать побѣду надъ жизнью.

Въ этой тактикѣ были допущены несомнѣнныя ошибки, и онѣ должны быть поставлены на счетъ не столько самимъ радикальнымъ мыслямъ, какія исповѣдывали молодые люди, сколько ихъ темпераменту и настроенію. Именно темпераментъ и настроеніе людей, разгоряченныхъ борьбой, укрѣпляли ихъ въ отрицаніи того, что ни въ какомъ случаѣ не могло подлежать суду настроенія. А между тѣмъ несомнѣнно, что *настроенные* враждебно противъ всего, напоминавшаго старину, люди желали и

разумомъ доказать ошибочность тѣхъ духовныхъ началъ, которыя съ этой старой жизнью были тѣсно связаны.

Такая тактика, давая извѣстныя минутныя выгоды, въ общемъ очень затруднила работу радикаловъ. Но если мы вспомнимъ, что эти радикальныя группы въ своемъ развитіи и образованіи были во многомъ предоставлены самимъ себѣ, что ихъ непосредственные учителя, изъ ихъ же молодой среды вышедшіе, сами раздѣляли съ ними эту ненависть къ старинѣ, и потому столь же откровенно осуждали все, что̀ переходило отъ этой старины по наслѣдству; если мы вспомнимъ о томъ вліяніи, какое оказывала на радикальную среду послѣдняя новая книжка, вышедшая на Западѣ, книжка принимаемая на вѣру,—то быстрый ростъ отрицательнаго отношенія ко всему, что не ново, удивлять насъ не долженъ.

III.

Къ радикальному ученію наше общество отнеслось вообще со слабой воспріимчивостью, а сами радикалы совсѣмъ не желали идти на встрѣчу людямъ, разно съ ними мыслящимъ.

Что общество не спѣшило на встрѣчу этимъ проповѣдникамъ крайнихъ взглядовъ и тѣмъ проповѣдникамъ крайнихъ средствъ, которые ихъ смѣнили—это подтверждается ходомъ нашей общественной и политической жизни за весь промежутокъ времени отъ шестидесятыхъ годовъ до нашихъ дней. Считаясь съ общественной косностью вообще, съ низкимъ уровнемъ образованія во всей странѣ, со всѣми неблагопріятными условіями, какими была обставлена жизнь любой прогрессивной идеи въ Россіи—всетаки приходится признать, что радикальная доктрина встрѣчала въ широкомъ обществѣ и въ народѣ пріемъ холодный, и даже тогда, когда она охватывала интеллигентные круги и разжигала народныя массы, она недолго владѣла людьми и была принуждена въ большинствѣ случаевъ пополнять свои убывающіе кадры самой юной молодежью. Явленіе это не можетъ быть объяснено исключительно нашей политической незрѣлостью: необходимо допустить, что въ самой радикальной доктринѣ было немало такихъ элементовъ, которые становились въ противорѣчіе съ духовными началами, достаточно крѣпкими и въ народной массѣ, и въ интеллигентныхъ кругахъ.

Если радикальное ученіе во всѣхъ его видахъ не встрѣчало довѣрчиваго отношенія въ обществѣ, то оно со своей

стороны не дѣлало никакихъ шаговъ къ сближенію съ тѣми доктринами и взглядами, которые могли бы оказать ему частичную поддержку. Радикалы, съ первыхъ же годовъ ихъ выступленія, какъ-то гордились своимъ одиночествомъ и своей полной независимостью. Они шли охотно на проповѣдь, обнаруживали большую смѣлость въ своей пропагандѣ, старались вербовать сторонниковъ во всѣхъ слояхъ общества, но уступокъ они никому и никогда не дѣлали. Они брали то, что могли взять, отпускали тѣхъ, кто не хотѣлъ дальше идти за ними, но никакихъ союзовъ они не заключали и ни съ кѣмъ не договаривались. Такая гордая политика, свидѣтельствовавшая о большой ихъ увѣренности въ своей правотѣ и силѣ, была несомнѣнно очень красива и могла импонировать—но несомнѣнно также, что она, рано или поздно, должна была изолировать радикальныя группы и осуждала ихъ на довольно тѣсную кружковую жизнь.

Что въ такой жизни сыграли свою роль самомнѣніе и гордыня молодыхъ умовъ — это безспорно; но главная причина изолированнаго положенія радикаловъ заключалась въ томъ, что они сразу круто порвали со всѣми традиціями прошлаго и въ этомъ разрывѣ не допускали никакихъ оговорокъ. А между тѣмъ ихъ положеніе въ шестидесятыхъ годахъ было столь исключительное и столь трудное, что обойтись безъ союзниковъ имъ было невозможно. Найти такихъ союзниковъ, не дѣлая уступокъ, было немыслимо, а уступка противорѣчила ихъ прямолинейнымъ убѣжденіямъ и въ неменьшей степени ихъ темпераменту.

Новые люди были окружены, такимъ образомъ, открытыми врагами или людьми, которые на нихъ косились. Рѣшительно ни одна изъ тогдашнихъ общественныхъ группъ и силъ не могла пойти имъ на встрѣчу, хотя несомнѣнно, что среди лицъ, ихъ окружавшихъ, было очень много способныхъ оцѣнить ихъ гуманныя и справедливыя тенденціи.

IV.

Религіозное начало, сильное и живое въ сознаніи простого народа, а также и очень большого числа людей интеллигентныхъ—вызывало въ радикальномъ лагерѣ непримиримое, крайнее отрицаніе.

Источниковъ этого отрицанія было, вѣроятно, много, и выслѣдить ихъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ тотъ внутренній

процессъ, какимъ вѣра въ новыхъ людяхъ смѣнялась безвѣріемъ, почти совершенно ускользаетъ отъ изслѣдователя. Критика религіозныхъ началъ гласному обсужденію не подлежала, и намъ приходится лишь догадываться о жаркихъ спорахъ на религіозныя темы по упорному молчанію, какое хранили о нихъ журналы и книги. Иногда удается кое-что прочитать между строками, или по подчеркнутому имени какого-нибудь извѣстнаго западнаго ученаго возстановить затаенный ходъ религіозной мысли русскаго публициста.

Впрочемъ, быть можетъ, что жаркихъ споровъ на религіозныя темы и не было: есть основаніе предположить, что многими людьми лѣваго фланга отрицаніе религіозныхъ началъ было куплено цѣной не особенно сильныхъ умственныхъ и душевныхъ бореній. Люди издавна привыкали связывать религіозныя понятія и чувства съ извѣстной формой общественнаго строя, и, отрицательно относясь къ этому строю, считали своимъ гражданскимъ долгомъ отрицательно относиться и къ религіи, которая повидимому жила въ такой тѣсной дружбѣ со свѣтской властью и свѣтскими порядками. Долгое время молчавшая религіозная мысль, стѣсненная въ своемъ развитіи и приведенная къ полному молчанію, не могла, къ тому же, устоять передъ соблазномъ новыхъ антирелигіозныхъ ученій, которыя, имѣя за собой всю прелесть запретнаго плода, начинали распространяться въ нашемъ обществѣ и были освящены ореоломъ европейской славы. Наконецъ, въ самомъ фактѣ отрицанія религіозныхъ началъ крылась для молодыхъ умовъ и сердецъ особая приманка, особый предлогъ проявить смѣлость и независимость свободной мысли и свободнаго чувства.

Радикалы шестидесятыхъ годовъ не были ни богословы, ни философы, и ихъ безвѣріе родилось и развивалось на почвѣ эмоцій и настроеній, лишь съ небольшимъ напряженіемъ спекулятивной мысли. Немалую роль сыграла, конечно, мысль научная, которая стала сразу въ открытое противорѣчіе съ вѣрой и никакихъ попытокъ примиренія вѣры и знанія не допускала. Защитники разумности и истинности религіознаго начала въ жизни могли бы многое возразить радикаламъ по поводу такого рѣзкаго разграниченія двухъ сферъ дѣятельности человѣческаго духа—и, какъ извѣстно, такія возраженія и были сдѣланы, но, конечно, не привели ни къ соглашенію, ни къ уступкамъ. Иначе впрочемъ и быть не могло, такъ какъ спорящіе исходили изъ совершенно разныхъ точекъ отправленія: радикалы полагали, что наиболѣе вѣрное рѣшеніе религіознаго вопроса

можетъ быть достигнуто при наименьшемъ напряженіи религіозной мысли; ихъ противники, наоборотъ, думали, что только при наивысшемъ напряженіи духовныхъ силъ человѣкъ можетъ приближаться къ ихъ рѣшенію.

Оцѣнивая какъ угодно отношеніе радикаловъ къ религіознымъ проблемамъ по существу, историкъ долженъ признать, что, примѣнительно къ потребностямъ того времени, такое быстрое и смѣлое рѣшеніе, или, вѣрнѣе, такой поспѣшный обходъ религіозныхъ вопросовъ, какой себѣ разрѣшили радикалы, былъ тактической ошибкой. Если бы мы имѣли дѣло съ апостолами безвѣрія или съ людьми, которые ищутъ новаго Бога и въ ревностныхъ поискахъ за новымъ отвергаютъ прежняго и проходятъ черезъ полосу безвѣрія—то смѣшно было бы говорить о какой-то тактикѣ въ такомъ дѣлѣ созиданія новыхъ религіозныхъ убѣжденій. Но радикалы шестидесятыхъ годовъ къ числу искателей вѣры или апостоловъ безвѣрія отнесены быть не могутъ. Они были индифференты въ вопросахъ религіи, и отрицаніе ихъ не было жаждою новой вѣры.

Религіозное господствующее міросозерцаніе могло требовать реформы и разработки въ новомъ духѣ, но отнюдь не упраздненія; и прегрѣшеніе радикаловъ—не передъ самой вѣрой, конечно, а передъ ихъ собственной задачей—заключалось въ томъ, что они сочли устарѣвшими и обветшалыми еще совсѣмъ живыя и жизнеспособныя духовныя силы. Такая ошибка повлекла за собой несерьезное и даже презрительное отношеніе къ этимъ силамъ, и слѣдствіемъ такого отношенія было умаленіе ихъ собственной власти надъ окружающими людьми. И безъ того трудное положеніе радикаловъ затруднялось теперь еще тѣмъ чувствомъ обиды, которое вскипѣло въ сердцахъ многихъ, тѣмъ чувствомъ раздраженія, которое вспыхнуло въ отвѣтъ на ихъ рѣзкія рѣчи. Такое раздраженіе могло быть тѣмъ болѣе естественно и понятно, что, разрушая и отрицая, радикалы ничего не могли предложить въ замѣну упраздняемаго. Когда они отрицали господствующій порядокъ семейной, общественной и государственной жизни, они имѣли что дать въ замѣну, хотя бы въ видѣ проекта, который могъ подкупить своей ясностью; отрицая же господствующія формы религіозныхъ понятій и чувствъ, они не имѣли чѣмъ возмѣстить ихъ, такъ какъ, если умъ ихъ слушателей и могъ быть относительно удовлетворенъ тѣми новыми научными мыслями, какія они предлагали, то на мѣстѣ упраздненной вѣры въ сердцахъ ихъ послѣдователей оставалась все-таки пустота, ничѣмъ не восполнимая. Замѣнить вѣру идеей или

создать для себя нѣчто равносильное вѣрѣ могутъ лишь сильные духомъ люди, и едва ли можно предположить, что именно такіе люди составляли большинство въ лагерѣ радикаловъ. Но если и допустить, что тѣ, кто шелъ сознательно и свободно въ этотъ лагерь, были готовы пожертвовать старой вѣрой ради новыхъ убѣжденій, то нельзя забывать, какъ такая жертва, добровольная или вынуждаемая, должна была сердить и оскорблять всѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ идти на встрѣчу проповѣдникамъ новаго ученія. Много было людей—людей не только старшаго поколѣнія, но и молодого,—которые оставались глухи къ проповѣди новой личной, семейной и гражданской морали именно въ виду ея неуступчивости въ вопросахъ религіи. Радикалы лишали себя многихъ союзниковъ, которые, быть можетъ, и не примкнули бы къ нимъ, но могли отнестись къ нимъ съ симпатіей. Но именно этой симпатіи, которая облегчаетъ работу, радикалы не встрѣчали ни въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ общества, ни въ сѣрыхъ массахъ, не говоря уже о простомъ народѣ, который отнесся къ нимъ недовѣрчиво и минутами даже враждебно, когда они сами обратились къ нему за помощью. И несомнѣнно, что въ этомъ недовѣріи интеллигента и простого человѣка къ новымъ людямъ сыграли немалую роль радикальный индифферентизмъ и радикальное отрицаніе въ вопросахъ вѣры.

Строгій уставъ—не всегда залогъ успѣха: онъ можетъ слишкомъ съузить число членовъ новаго братства; можетъ оттолкнуть отъ него лицъ, которыя могли бы быть ему полезны и не входя въ его составъ; можетъ постепенно изолировать его и повредить ему корни питанія. Уставъ, по которому хотѣли жить радикалы, былъ во многихъ пунктахъ очень строгъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ такая строгость простиралась на вопросы, которые могли бы быть рѣшаемы въ болѣе терпимомъ духѣ безъ ущерба для поставленной культурной задачи.

V.

Почти столь же отрицательно, какъ къ вопросамъ религіознымъ, относились радикалы и къ проблемамъ идеалистической философіи, и, въ частности, къ вопросамъ эстетическимъ. Объ этихъ проблемахъ можно было говорить болѣе свободно, чѣмъ о религіи, и въ нашемъ распоряженіи могъ бы оказаться большой литературный матеріалъ, еслибы эти вопросы сами по себѣ интересовали радикаловъ. Но у большинства изъ нихъ такого инте-

реса къ самымъ вопросамъ не было, и въ то время какъ ихъ противники писали противъ нихъ цѣлые трактаты, они чаще всего ограничивались краткими афоризмами или случайными экскурсіями мысли въ область философскаго знанія, чтобы поскорѣе перейти къ очереднымъ публицистическимъ темамъ. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ были Чернышевскій и Лавровъ; но Чернышевскій, послѣ опубликованія своей диссертаціи, возвращался къ философскимъ вопросамъ лишь изрѣдка, въ двухъ, трехъ короткихъ статьяхъ, а Лавровъ въ шестидесятыхъ годахъ каѳедры учителя еще не занялъ. Что же касается двухъ другихъ учителей — Добролюбова и Писарева, то философствовать они не любили и въ своихъ публицистическихъ статьяхъ говорили лишь мимоходомъ даже о самыхъ трудныхъ философскихъ вопросахъ, не робѣя передъ такой трудностью. А между тѣмъ и учителя, и масса, которая шла за ними, записались вполнѣ откровенно въ число непримиримыхъ враговъ философскаго идеализма и идеалистической эстетики.

Отъ философскаго идеализма и вытекающей изъ него эстетики люди отрекались подъ давленіемъ разныхъ мыслей, но не-философскаго характера. И затѣмъ, когда разрывъ былъ уже рѣшенъ и втайнѣ совершился, они поспѣшили упраздненное замѣнить новымъ: они стали матеріалистами и утилитаристами. Но и на этой новой философской позиціи радикалы мало интересовались философскимъ строительствомъ. Матеріалистическое ученіе они приняли на вѣру, не замѣтивъ его метафизичности и не разрабатывая его въ деталяхъ; утилитарная этика ихъ заинтересовала больше, но они, не подвергая ее философской критикѣ, стремились лишь провѣрять ея кодексъ на практикѣ. Желая воспитать и образовать новаго человѣка, они думали, что ему прежде всего нужна новая философія, которая гарантировала бы свободу его мысли и чувства. Они не задумались надъ вопросомъ — въ какой степени для достиженія этой новой цѣли могло бы оказаться пригоднымъ старое міросозерцаніе, хотя бы въ нѣкоторыхъ его частяхъ. Требовать отъ радикаловъ такой осмотрительности въ столь острый и нервный моментъ ихъ жизни было бы странно; нельзя людямъ молодымъ ставить въ вину желаніе пойти по новымъ путямъ мысли или начать искать такихъ путей. Но самый фактъ рѣзкаго разрыва со старымъ философскимъ міросозерцаніемъ надо отмѣтить опять какъ тактическую ошибку, которая еще больше затруднила положеніе новаго человѣка среди старыхъ условій. Война, объявленная идеалистической философіи и тому туманному призраку, который назывался „мета-

физикой", могла, положимъ, обойтись новому человѣку и довольно дешево: немногіе изъ радикаловъ тяготѣли къ отвлеченному умозрѣнію и, неповинные во всякой „метафизикѣ", способны были въ любой день, съ легкимъ сердцемъ, признать себя „матеріалистами", „позитивистами", „реалистами" или, въ сущности, искателями истины, какими они на самомъ дѣлѣ были. Быстрое крещеніе въ любую новую философскую вѣру могло свершиться спокойно. Но когда, въ связи съ отрицаніемъ основъ идеалистической философіи и согласно съ требованіями утилитарнаго взгляда на міръ, приходилось подчинять красоту въ природѣ и въ искусствѣ прозаической злобѣ дня, то, кажется, такое жертвоприношеніе немало озадачивало и печалило самихъ радикаловъ. Были, конечно, такіе фанатики гражданскихъ чувствъ, которые съ бодрымъ духомъ принялись за „разрушеніе" эстетики и безпощадно глумились надъ художникомъ и его свободнымъ творчествомъ. Но многіе оставались попрежнему тонкими судьями искусства, любителями и цѣнителями истинной поэзіи во всѣхъ ея формахъ, и только приступая къ гражданскому жертвоприношенію старались они заглушить въ себѣ „эпикурейскія" наклонности, къ которымъ они причисляли всѣ эстетическія эмоціи. Боевая тактика была безпощадна: „эстетикѣ", „свободному искусству", „искусству для искусства" пришлось выслушать много дерзостей и упрековъ, которые, въ сущности, относились не къ нимъ, а къ людямъ стараго порядка, къ тѣмъ приверженцамъ косной гражданской морали, которые настолько „изнѣжились" въ эстетическихъ эмоціяхъ, что ни къ какой борьбѣ не стали годны: такъ, по крайней мѣрѣ, думали радикалы.

Историкъ и въ данномъ случаѣ можетъ избавить себя отъ необходимости спорить съ давно умолкшими людьми; но какъ въ оцѣнкѣ религіозныхъ мнѣній радикальнаго лагеря, такъ и въ оцѣнкѣ его философскихъ и эстетическихъ взглядовъ необходимо вновь подчеркнуть созданную такимъ отрицаніемъ опасность. Это новое отрицаніе ссорило радикаловъ со всѣми группами интеллигентнаго общества, вплоть до либераловъ всѣхъ оттѣнковъ и красокъ. Все старшее поколѣніе, воспитанное на идеалахъ сороковыхъ годовъ, всѣ, кто привыкъ даже съ чужихъ словъ говорить объ облагораживающемъ значеніи „высшихъ" идей и искусства—взглянули на радикальную проповѣдь какъ на оскорбительное издѣвательство надъ всѣмъ святымъ и вѣчнымъ, что̀ есть въ жизни. Люди даже весьма либеральнаго образа мыслей приняли этотъ набѣгъ радикаловъ на идеалистическую философію и эстетику чуть ли не за личное оскорбленіе, за прямое

осужденіе всего, что они—либералы—думали и дѣлали, такъ какъ, по мнѣнію радикаловъ, ничего путнаго и нельзя было думать и дѣлать, состоя сторонникомъ пресловутой „метафизики“ и эстетики.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ рѣшеніе извѣстныхъ теоретическихъ вопросовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ практическое неудобство положенія. Независимо отъ ошибокъ, которыя могли быть допущены въ самой проповѣдуемой теоріи, радикальное отрицаніе философскихъ началъ увеличивало ту пропасть, которая и такъ легла между людьми крайнихъ взглядовъ и людьми умѣренными и либерально настроенными. Трудность движенія по новому пути, вмѣсто того чтобы уменьшаться, возрастала.

VI.

Эта трудность повысилась еще на нѣсколько ступеней, когда радикалы попытались гласно оформить свои политическіе взгляды и отъ бесѣдъ и споровъ стали переходить къ демонстраціямъ и къ революціоннымъ актамъ. Опредѣленной, связующей ихъ политической теоріи они не имѣли, и, объединенные лишь общимъ настроеніемъ, они дробились на группы, несогласныя въ мысляхъ. Такое дробленіе ослабляло ихъ—а между тѣмъ новый врагъ, который становился имъ теперь поперекъ дороги, былъ значительно сильнѣе всѣхъ другихъ, чисто идейныхъ враговъ. Съ того момента, какъ радикалы рѣшили заявить о себѣ какъ о политической силѣ, съ момента демонстративныхъ выступленій, печатанья нелегальной литературы и распространенія ея въ обществѣ, они сталкивались съ оффиціальной административной силой, которая, во имя охраны существующаго порядка, начала примѣнять къ нимъ всѣ мѣры административныхъ каръ и пресѣченій.

Въ этой борьбѣ власть обнаружила ту же политическую недальновидность, что̀ и радикалы. Вмѣсто того, чтобы заняться воспитаніемъ политически недисциплинированныхъ группъ, власть сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы эти группы обособить, сплотить и заставить затвердѣть въ ихъ ненависти къ правительству. Привыкшая за долгіе годы стараго порядка къ сознанію своей непогрѣшимости и уповающая на спасительное дѣйствіе всяческой репрессіи, до сихъ поръ всегда побѣдоносной, власть не нашла нужнымъ изыскивать какіе-нибудь новые способы для обузданія разбушевавшейся молодой стихіи. Правда, найти такіе способы было дѣломъ далеко не легкимъ. Политическая мысль радикаловъ не шла ни на какіе компромиссы и двигалась безъ всякихъ отклоненій по

прямому направленію влѣво. Какъ въ религіозныхъ и философскихъ взглядахъ, такъ и въ политическихъ новые люди исходили изъ неуступчиваго отрицанія всего существовавшаго и существующаго. Для нихъ вопросъ политики не былъ вопросомъ о частичномъ обновленіи господствующаго порядка, а вопросомъ о полномъ упраздненіи стараго и о полномъ торжествѣ новаго уклада, очертанія котораго, къ тому же, были весьма расплывчаты и неясны. И, можетъ быть, въ силу этой неясности всякая попытка соглашенія съ существующимъ была исключена сама собою. Впрочемъ, власть и не пошла бы ни на какое соглашеніе, не будучи къ тому вынуждена; а принудить ее къ чему-нибудь радикалы, конечно, не были въ силахъ. Но положеніе ихъ все-таки могло бы быть не столь критическимъ, если бы ихъ политическія мечты не носили такого отпечатка непримиримаго отрицанія. Позиція, которую они заняли въ политическихъ вопросахъ, ставила ихъ прямо подъ разстрѣлъ, лицомъ къ лицу съ вполнѣ дисциплинированнымъ и очень сильнымъ врагомъ—и, добавимъ кстати, врагомъ озлобленнымъ и безсердечнымъ.

VII.

Положеніе радикальныхъ группъ, какъ видимъ, было совершенно исключительное по опасности и трудности. Въ народной массѣ и въ широкихъ среднихъ слояхъ, темныхъ или полукультурныхъ, радикалы не могли найти пока никакой поддержки. Въ этихъ слояхъ они вербовали единичныхъ, случайныхъ сторонниковъ, и только въ семидесятыхъ годахъ между ними и массой стало установляться, и то очень медленно, извѣстное общеніе. Въ интеллигентныхъ кругахъ у радикаловъ прямыхъ союзниковъ также не было; ихъ систематическое отрицаніе всѣхъ духовныхъ началъ, на которыхъ покоилось господствующее міросозерцаніе старшихъ поколѣній, создавало радикаламъ много недоброжелателей даже среди тѣхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ ними имѣли одного общаго врага. Наконецъ, вся оффиціальная Россія была радикаламъ принципіально враждебна, въ виду ихъ политическаго радикализма, который не шелъ ни на какое соглашеніе съ существующимъ порядкомъ.

Дѣлать свое дѣло въ такихъ условіяхъ было крайне трудно, тѣмъ болѣе трудно, что дѣло было совсѣмъ новое, не имѣвшее ни традиціи, ни корней въ прошломъ. Воспитать и образовать „новаго“ человѣка, подобрать для него подходящую обстановку,

на которой онъ могъ бы провѣрить разумность перемѣнъ, внесенныхъ имъ въ человѣческія отношенія, дать ему численно усилиться настолько, чтобы онъ могъ оказывать на окружающую жизнь прямое воздѣйствіе—для выполненія такой задачи нужна была осмотрительная тактика и дисциплина, нужны были опытные вожди и благопріятная, воспріимчивая почва. Ничего этого не было въ той мѣрѣ, въ какой было нужно для успѣха дѣла. И всетаки, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, часть программы — и самая существенная — была выполнена. Создано было извѣстное настроеніе, если не въ широкихъ, то въ тѣсныхъ кругахъ, настроеніе боевое, не идущее на убыль, поддерживающее въ людяхъ сознаніе своей силы и сознаніе своего права на свободную иниціативу въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ. Въ годы, когда мѣнялись внѣшнія формы жизни и дѣлались всевозможныя попытки сохранить ея старый духъ, когда эти попытки одерживали верхъ надъ всѣми реформаторскими стремленіями—присутствіе въ обществѣ радикальнаго духа, хотя бы и смятеннаго, и недисциплинированнаго, имѣло свое и большое значеніе въ дѣлѣ общественнаго воспитанія.

VIII.

Трудность положенія, въ какомъ очутились радикалы, создалась, конечно, постепенно. Положеніе обострялось въ зависимости отъ роста отрицательнаго отношенія новыхъ людей къ духовнымъ устоямъ недавняго міропониманія. Этотъ натискъ на религію, идеалистическую философію и эстетику радикалы произвели не сразу. Потребовалось приблизительно около десяти лѣтъ со дня начала новаго царствованія, прежде чѣмъ выработался вполнѣ тотъ типъ „отрицателя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ фанатика новизны, который подъ разными кличками—„реалиста“, „радикала“ и въ особенности „нигилиста“—сталъ пугаломъ въ Россіи и, какъ это ни странно, за ея предѣлами. Этотъ типъ опредѣлился ясно къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, когда теоретическая разработка радикальной доктрины была, въ ея цѣломъ, закончена.

Никакихъ точныхъ хронологическихъ граней нельзя, конечно, установить въ этой исторіи развитія радикализма. Онъ развивался по всѣмъ направленіямъ, охватывая одновременно мысль, чувства и волю тѣхъ молодыхъ людей обоего пола, которые пожелали жить „по новому“. За всѣ годы своего роста, расцвѣта и убыли, радикализмъ не обнаружилъ какихъ-нибудь рѣз-

кихъ перемѣнъ въ своей доктринѣ или въ той программѣ жизни, какую онъ предлагалъ своимъ послѣдователямъ; но онъ имѣлъ несомнѣнно свою юность и свою зрѣлость, и онъ также, какъ вообще всѣ ученія, долженъ былъ пережить эпоху критическаго къ себѣ отношенія.

Было время, когда онъ почти сливался съ либерализмомъ общаго типа и жилъ въ дружбѣ со старшимъ поколѣніемъ. Дружба эта длилась очень короткій срокъ, и уже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ радикалы стали читать мораль либераламъ и открыто нападать на „отсталость“ во всѣхъ ея видахъ. Попытокъ построенія новыхъ ученій религіозныхъ, философскихъ и политическихъ въ тѣ ранніе годы еще никто не дѣлалъ, и первые проблески новаго критическаго взгляда на старую жизнь стали мелькать въ литературныхъ бесѣдахъ и въ разсужденіяхъ объ эстетикѣ. Это были годы, когда Чернышевскій выступилъ въ „Современникѣ“ съ первыми своими критическими статьями и когда онъ сдѣлалъ попытку созданія новой эстетики. Ему на помощь тогда же (1856—1861) пришелъ Добролюбовъ. Продолжая начатое Чернышевскимъ, Добролюбовъ сосредоточилъ всѣ свои силы на возбужденіи и укрѣпленіи въ людяхъ особаго, дотолѣ мало развитого чувства—чувства „гражданскаго“. Въ насажденіи этого чувства въ душахъ мало съ нимъ освоенныхъ заключается главная историческая заслуга Добролюбова. Чтобы приготовить людей къ новой жизни, надо было вооружить ихъ этимъ новымъ чувствомъ.

Полное развитіе радикальной доктрины и выработка цѣльнаго типа настоящаго радикала начались уже послѣ смерти Добролюбова, когда Чернышевскій, покинувъ эстетику и отрываясь отъ экономики, началъ проводить принципы философіи Фейербаха въ статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ философскимъ, историческимъ и соціологическимъ. Въ романѣ „Что дѣлать“ (1863), на которомъ прервалась въ шестидесятыхъ годахъ работа Чернышевскаго, радикализмъ получилъ полное руководство практической житейской морали и краткій катехизисъ новой научно-философской вѣры. Эта новая мораль и вѣра, намѣченныя у Чернышевскаго въ ихъ общихъ началахъ и очертаніяхъ, были затѣмъ (1862—1868) детально разработаны Писаревымъ. Не вникая вглубь вопросовъ, а идя въ ихъ обсужденіи вширь, интересуясь не столько отвлеченностями, сколько практикой жизни, Писаревъ сосредоточилъ всю силу своего таланта на вопросахъ этики личной и гражданской, опираясь въ этой

работѣ на послѣднія слова западной исторической и естественно-исторической науки.

Подъ вліяніемъ идей Чернышевскаго и Писарева радикализмъ шестидесятыхъ годовъ окрѣпъ и сложился въ той окончательной формѣ, которая уже не измѣнялась, не развивалась, а начала вывѣтриваться.

Если Добролюбову новые люди обязаны устойчивостью и интенсивностью своего гражданскаго чувства, то Чернышевскому и Писареву они обязаны широтой своего умственнаго горизонта и закаленіемъ ихъ воли, стремившейся сочетать новую теорію съ практикой.

Лаврову выпала на долю особая роль. Участникъ и свидѣтель радикальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ, онъ въ самомъ концѣ ихъ былъ призванъ обозрѣть весь этапъ, пройденный радикалами въ первый законченный періодъ ихъ дѣятельности. Лавровъ былъ выразителемъ того критическаго къ себѣ отношенія, къ которому радикализмъ неизбѣжно долженъ былъ придти послѣ годовъ исканій и сложившихся убѣжденій. Надо было, подведя итогъ прошлому, провѣрить укрѣпившіеся взгляды на философскія начала жизни и утвердившуюся на практикѣ радикальную тактику. Лавровъ и приступилъ (1869—1870) къ критическому пересмотру философскихъ, этическихъ и соціологическихъ основоположеній радикализма и къ пересмотру назрѣвшаго вопроса о наиболѣе тѣсномъ сближеніи интеллигента съ народной массой.

Съ того времени какъ былъ опредѣленъ этотъ новый путь, по которому должны были пойти радикалы въ семидесятыхъ годахъ, можно считать первый періодъ ихъ дѣятельности законченнымъ.

Несторъ Котляревскій.

ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ

(Изъ научной лѣтописи 1909 года.)

Окончаніе *)

Дарвинизмъ, „вызвавшій движеніе почти безпримѣрное въ области человѣческой мысли“, возникъ въ скромной сельской обстановкѣ англійскаго country squire'a; „ce n'est pas lui“, писалъ о Дарвинѣ Альфонсъ Декандоль, „qui aurait demandé de construire des palais pour y loger des laboratoires“. Профессоръ Павловъ производилъ и продолжаетъ производить свои изслѣдованія, уже ставшія классическими, въ обстановкѣ, по его собственнымъ словамъ, далеко неудовлетворительной. Такъ же было и со спектроскопіей. Она зародилась въ болѣе чѣмъ скромной, съ современной точки зрѣнія, обстановкѣ самаго поэтическаго изъ тѣхъ маленькихъ университетовъ, которыми справедливо гордилась до-бисмарковская Германія.

Я засталъ его, этотъ славный Гейдельбергскій университетъ, въ ту блестящую эпоху, когда въ немъ творили и учили Бунзенъ, Кирхгофъ, Гельмгольцъ и мало извѣстный широкой публикѣ самоучка-ученый Гофмейстеръ, чья слава съ годами продолжаетъ расти. Просвѣщенное баденское правительство не остановилось для привлеченія этихъ научныхъ силъ передъ неслыханными въ то время, а теперь вызывающими снисходительную улыбку расходами для сооруженія необходимыхъ лабораторій. На современный глазъ убогая, лабораторія Бунзена считалась въ то время лучшей въ Германіи, а вмѣщавшее въ себѣ лабораторіи Кирхгофа и Гельмгольца (въ то время еще физіолога) двухэтажное зданіе съ какими-нибудь десятью окнами фасада слыло подъ именемъ Natur-Palast'a. Все въ этомъ поэтическомъ уголкѣ было полно ими. Прогуливаясь послѣ заката по Рорбахскому шоссе [1]), съ одной стороны прижавшемуся къ вереницѣ хол-

*) См. ноябрь, стр. 315.

[1]) Теперь уже на значительное разстояніе застроенному.

мовъ, а съ другой обвѣваемому ночной прохладой съ равнины, разстилающейся вплоть до воспѣтаго Тургеневымъ Швецингена, вы могли ожидать, что изъ надвигающейся мглы передъ вами вырастетъ высокая, плечистая фигура, съ сверкающимъ въ самомъ углу рта окуркомъ сигары, и на ваше увѣренное, не смотря на темноту, „Guten Abend, Geheimrath", получите старчески ласковое, протяжное: „gu-u-uten Abend"; это Бунзенъ совершаетъ свою обычную вечернюю прогулку, направляясь ужинать въ Hôtel Schrieder. А въ самый разгаръ дня, въ послѣобѣденные часы (послѣ ранняго патріархальнаго обѣда добраго стараго времени) тамъ, за Неккаромъ, на поворотѣ дороги, съ которой открываются такіе чудные виды на единственныя въ своемъ родѣ развалины замка и которая на этотъ разъ оправдываетъ свое прозвище—Philosophenweg'a, можно было нерѣдко встрѣтить стройную, съ нѣсколько военной выправкой, съ неизмѣнно заложенными за спину руками, задумчивую фигуру величайшаго ученаго-мыслителя своего времени—Гельмгольца. Воспоминаніе объ открытіи спектральнаго анализа было еще живо въ памяти всѣхъ образованныхъ людей и ежегодно поминалось обычнымъ топаніемъ ногъ, замѣняющимъ у нѣмецкихъ студентовъ неприличные по ихъ мнѣнію апплодисменты. Химическая лабораторія вмѣщала не болѣе 60-ти человѣкъ, но за то въ ней цѣлый день, за вычетомъ двухъ часовъ на обѣдъ, безвыходно находился самъ Бунзенъ, переходившій отъ практиканта къ практиканту, или занимавшійся съ преуспѣвающими въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ, посвященныхъ его спеціальности — газовому и спектральному анализу. На practicum Кирхгофа допускались всего 10—12 человѣкъ, но за то какъ замирало сердце, когда за дверью небольшой комнаты, предназначенной для этихъ занятій и примыкавшей къ квартирѣ профессора, раздавался стукъ костылей и на порогѣ появлялся самъ великій ученый, за всю свою бытность въ Гейдельбергѣ не имѣвшій ассистента [1]). О неразрывной дружбѣ между Бунзеномъ и Кирхгофомъ ходили любопытные анекдоты [2]). Вмѣстѣ

[1]) На лекціяхъ ему помогалъ Johann—слуга, въ свободное время оффиціантъ на заказныхъ обѣдахъ.

[2]) О томъ, какъ проста была обыденная жизнь интимнаго кружка этихъ геніальныхъ людей, можно судить по слѣдующему факту, приведенному въ любопытномъ сборникѣ анекдотовъ и пр. подъ названіемъ: *Bunseniana*. Бунзенъ, хотя и холостякъ, дѣлалъ отъ времени до времени пріемы своимъ семейнымъ коллегамъ. Эти вечера отличались самой непринужденной веселостью, казалось бы такъ мало вязавшейся съ внѣшнею чопорностью окружавшей среды, въ которой никому и въ голову не пришло бы называть ихъ иначе, какъ Geheim- или Geheim-Hofrath'ами. На этихъ вечерахъ, между прочимъ, играли въ шарады. Обычнымъ посѣтителямъ однажды представилась такая картина: вожатай (Гельмгольцъ) велъ верблюда (Бунзена), на горбу у котораго, убранномъ ковромъ, сидѣлъ въ богатой восточной одеждѣ маленькій паша (Кирхгофъ).

мнѣ никогда не приходилось ихъ видѣть, но трудно было бы представить себѣ бо̀льшій контрастъ. Одинъ—высокій, плечистый, съ походкой въ развальцу, съ печатью добродушія и почти отеческой ласковости на широкомъ, открытомъ лицѣ; другой—маленькій, быстрый во всѣхъ своихъ движеніяхъ (даже не смотря на костыли), всегда изысканно учтивый и любезный, но съ тонкими, слегка лисьими чертами лица, всегда оставлявшими впечатлѣніе будто затаенной ироніи остраго, необыкновенно живого ума.

Не подлежитъ сомнѣнію, что помимо личной дружбы, сдѣлавшей ихъ надолго неразлучными, едва-ли въ лѣтописяхъ науки найдется другой примѣръ такой удачной ассоціаціи двухъ ученыхъ, какъ блестящаго, талантливаго физика Кирхгофа, котораго судьба свела съ самымъ свѣдущимъ въ физикѣ изъ современныхъ химиковъ, къ тому же въ эту пору спеціально заинтересовавшимся свѣтовыми реакціями химическихъ элементовъ. Бунзена главнымъ образомъ интересовала возможность характеризовать оптически химическія тѣла по самымъ ничтожнымъ ихъ количествамъ. Кирхгофъ съ первыхъ же шаговъ взглянулъ на дѣло глубже. Получивъ въ темной комнатѣ солнечный спектръ и поставивъ на пути лучей пламя, окрашенное поварепною солью, онъ съ удивленіемъ, вмѣсто замѣны черной Фрауенгоферовой линіи D—желтой, замѣтилъ только усиленіе черной. „Das scheint mir eine fundamentale Geschichte!“ — говорятъ, воскликнулъ онъ, выбѣгая со свойственной ему живостью изъ лабораторіи. На слѣдующій же день имъ уже было найдено объясненіе для этого основного факта. Это былъ первый набросокъ его теоріи обращенія спектральныхъ линій—закона соотношенія между излученіемъ и поглощеніемъ лучей, носящаго его имя. Спектральный анализъ сталъ вскорѣ не только средствомъ для анализа почти безконечно малыхъ количествъ вещества, но и совершенно новымъ пріемомъ анализа на разстояніи — анализа неприступныхъ предметовъ. Однимъ изъ первыхъ случаевъ примѣненія такого пріема былъ анализъ Бунзеномъ состава фейерверка, спущеннаго въ отстоящемъ недалеко отъ Гейдельберга Мангеймѣ, а его вѣнцомъ—анализъ состава отдаленнѣйшихъ звѣздъ, основаніе новой области астрономіи: астрофизики. Первый спектроскопъ Бунзена, всегда любившаго самые простые приборы, состоялъ изъ сигарочнаго ящика съ призмой и нѣсколькими линзами. Послѣднимъ словомъ въ развитіи этого прибора можно считать спектро-геліографъ Гэля, при помощи котораго этотъ ученый наканунѣ юбилейнаго года сдѣлалъ свое блестящее изслѣдованіе солнечныхъ пятенъ, доказавъ, что это—магнитныя бури.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ поразительныя завоеванія спектроскопіи, усовершенствованіе ея методовъ (замѣну призмы рѣшет-

кой, примѣненіе фотографіи и т. д.), открытіе новыхъ невиданныхъ элементовъ, иныхъ—ранѣе на солнцѣ, чѣмъ на землѣ, изслѣдованіе движеній отдаленнѣйшихъ звѣздъ по линіи зрѣнія и т. д. Быть можетъ, нигдѣ эти завоеванія не были такъ поразительны, какъ именно въ области астро-физики. Возникло это движеніе снова въ самой скромной обстановкѣ. Піонеромъ его справедливо признается на дняхъ умершій серъ Уильямъ Гёггинзъ—одинъ изъ представителей того типа ученаго дилеттанта, какими такъ богата англійская наука. Живо помню, какъ въ одно, необычайное для Лондона, ясное, весеннее, слегка морозное утро я съ изумленіемъ постучалъ и позвонилъ у дверей скромнаго уютнаго домика сэра Уильяма въ Upper Tulse hill'ѣ, такъ какъ еще изъ вагона высматривалъ обычную картину обсерваторіи на горѣ—а поѣздъ остановился въ предмѣстьѣ Лондона, съ обычнымъ лабиринтомъ улицъ и сѣро-желтыхъ двухэтажныхъ домиковъ.

Сэръ Уильямъ принялъ меня въ своемъ маленькомъ, узенькомъ кабинетикѣ, до того узенькомъ, что его кресло едва помѣщалось между громаднымъ письменнымъ столомъ и пылавшимъ, по случаю холоднаго утра, каминомъ. Я разсказалъ ему, съ какимъ трудомъ его разыскалъ, введенный въ заблужденіе словомъ hill, на что привѣтливый восьмидесятилѣтній старикъ, смѣясь, отвѣтилъ: „я самъ былъ и того хуже обманутъ“. Онъ поселился здѣсь въ надеждѣ провести свою старость въ деревнѣ, какой и былъ въ шестидесятыхъ годахъ Tulse-hill; но вскорѣ Лондонъ придвинулся къ дверямъ его домика, а затѣмъ и совсѣмъ проглотилъ его. Поговоривъ со мною нѣсколько минутъ и зная, что я работаю хотя и въ другой области спектроскопіи, онъ сказалъ, что мнѣ, вѣроятно, интересно будетъ посмотрѣть его лабораторію и обсерваторію, на что я, конечно, поспѣшилъ отвѣтить, что никогда не посмѣлъ бы безпокоить его лишнимъ подъемомъ на обсерваторію, но, конечно, былъ бы очень счастливъ увидать колыбель астрофизики, какъ видѣлъ въ Гейдельбергѣ колыбель всей спектроскопіи.

По узенькой витой лѣстницѣ мы прямо изъ кабинета поднялись во второй этажъ, въ небольшую, невысокую, но освѣщенную со всѣхъ сторонъ комнату—химическую лабораторію. Въ ней особенно бросалась въ глаза громадная коллекція препаратовъ въ маленькихъ скляночкахъ—вѣроятно, коллекція всѣхъ извѣстныхъ элементовъ для сравненія ихъ спектровъ со спектрами небесныхъ тѣлъ. Еще нѣсколько оборотовъ лѣстницы—и мы очутились въ маленькой, но очень уютной астрономической башнѣ, съ телескопомъ и всѣми приспособленіями для спектроскопированія и спектрофотографированія. Въ нѣсколько минутъ сэръ Уильямъ показалъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ остро-

умныхъ и крайне простыхъ приспособленій для фотографированія звѣздныхъ спектровъ, и мы спустились обратно въ кабинетъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе простое и въ то же время болѣе цѣлесообразное, чѣмъ это непосредственно сообщающееся тройное помѣщеніе—кабинетъ, лабораторія, обсерваторія,—гдѣ мысль, развитая на бумагѣ, немедленно переходила въ дѣло и, провѣренная наблюденіемъ, получала новую прочную почву для дальнѣйшаго обобщенія. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось познакомиться съ почтенною лэди Гёггинзъ; она была въ Лондонѣ, какъ старички, по старой памяти, продолжаютъ называть центръ города, въ отличіе отъ своей окраины. Извѣстно, что лэди Гёггинзъ была дѣятельной помощницей своего мужа во всѣхъ его трудахъ. Сверхъ того она гравировала на деревѣ и иллюстрировала его, обыкновенно художественно издаваемые, труды. И все это было сдѣлано имъ на собственныя частныя средства; только нѣкоторые инструменты были ему ссужены Королевскимъ Обществомъ. Свои собственные сэръ Уильямъ повидимому завѣщалъ Кэмбриджскому университету, гдѣ на дняхъ открывается астрофизическая обсерваторія его имени.

Отъ первыхъ піоперовъ этого научнаго движенія сдѣлаемъ скачокъ къ самымъ послѣднимъ его успѣхамъ—къ тѣмъ изслѣдованіямъ профессора Гэля, которыя такъ славно завершили юбилейный періодъ великаго открытія гейдельбергскихъ ученыхъ. Задача, которую себѣ поставилъ американскій астрономъ, заключалась въ изученіи природы солнечныхъ пятенъ. Для ея успѣшнаго исполненія оказались необходимыми полувѣковыя усовершенствованія самаго метода изслѣдованія, замѣна призмы Роландовской рѣшеткой, замѣна визуальнаго наблюденія фотографическимъ, усовершенствованіе чувствительности фотографической пластинки, сдѣлавшее возможнымъ изученіе солнечной атмосферы на различныхъ ея уровняхъ посредствомъ фотографированія при помощи одной красной линіи водорода и т. д. А главное, самъ наблюдатель долженъ былъ приступить къ своей задачѣ во всеоружіи всѣхъ теоретическихъ завоеваній физики послѣдняго полувѣка, электро-магнитной теоріи свѣта геніальнаго Максуэля и теоріи электроновъ Томсона, Лоренца, Зеемана и другихъ современныхъ физиковъ. А вотъ во что превратился сигарный ящикъ Бунзена въ рукахъ Гэля: весь его приборъ составляетъ сооруженіе приблизительно въ сто футовъ вышиною. И замѣтимъ, что ни одинъ размѣръ, ни одна подробность не представляетъ какой-нибудь пустой роскоши, для того только, чтобы импонировать или отбить у другихъ охоту тягаться съ такимъ конкуррентомъ: все вынуждено самыми условіями задачи. Начнемъ описаніе прибора съ его средней части. Передъ нами комната съ обстановкой обычной современной физиче-

ской лабораторіи для изслѣдованія спектровъ (могучій электромагнитъ, индукторій и т. д.), а по срединѣ каменный столбъ—консоль, употребляемая для прочной установки приборовъ; въ нее вдѣлана подвижная горизонтальная щель—такая, какую видимъ на переднемъ концѣ всякаго спектроскопа, только необычно большихъ размѣровъ. Эта щель представляетъ, такъ сказать, центральную часть всего прибора, у котораго помѣщается самъ наблюдатель [1]). Прямо надъ этой щелью на крышѣ комнаты возвышается башня (или скорѣе одинъ желѣзный остовъ башни) въ 60 футовъ вышиною. Это—телескопическая часть прибора. Подъ щелью—колодезь въ 30 футовъ глубиною: это—спектроскопическая и одновременно фотографическая часть прибора, дающая на матовомъ стеклѣ, рядомъ со щелью, изображеніе желаемаго спектра.

Познакомимся теперь съ различными частями въ подробности. На верхушкѣ башни помѣщается вращающееся при помощи часового механизма зеркало, отражающее постоянно лучъ солнца вертикально внизъ и, при помощи надлежащей комбинаціи линзъ этой башни-телескопа, дающее изображеніе солнца (величиною въ 10 сантиметровъ въ діаметрѣ), совпадающее со щелью спектроскопа. Стоящій около нея наблюдатель можетъ легко наводить на нее какую угодно часть солнечнаго изображенія, изучаемое въ настоящемъ случаѣ пятно или даже только извѣстную его часть. Этотъ изолированный лучъ проходитъ черезъ щель въ колодезь, на днѣ котораго помѣщается Роландовская рѣшетка съ большимъ свѣторазсѣяніемъ. Полученный спектръ, отражающійся обратно наверхъ, какъ уже сказано, даетъ на матовомъ стеклѣ фотографическаго аппарата рядомъ со щелью изображеніе спектра наставленной на нее части солнца. Вотъ во что превратился въ наши дни сигарочный ящикъ Бунзена. Сооружено это чудо современной научной техники на средства извѣстнаго Карнэги; но для этого американскому ученому не пришлось ухаживать за своимъ меценатомъ или унижаться передъ нимъ. Онъ просто указалъ ему, какое полезное для науки примѣненіе тотъ можетъ сдѣлать изъ своихъ денегъ, а затѣмъ пригрозилъ, что если онъ откажется, то самъ осуществитъ свой планъ на собственныя скромныя средства, и милліардеру будетъ стыдно. Любопытны и та школа, которую продѣлалъ самъ профессоръ Гэль, и его отношеніе къ своей современной обстановкѣ. Уже въ ранней молодости онъ увлекался физикой, и его отецъ, человѣкъ состоятельный, объявилъ ему, что готовъ снабдить его необходимыми приборами, хотя бы и дорогими, но подъ условіемъ, чтобы каждый необ-

---

[1]) Въ англійской газетѣ „Nature“ помѣщенъ портретъ профессора Гэля именно въ этой боевой его позиціи, въ центрѣ его прибора.

ходимый ему приборъ молодой Гэль первоначально самъ себѣ смастерилъ хотя бы въ видѣ немудреной модели. На этихъ-то нелегкихъ условіяхъ обзавелся Гэль первымъ рабочимъ кабинетомъ; но, въ свою очередь, располагая, быть можетъ, самымъ совершеннымъ, самымъ дорогимъ приборомъ въ мірѣ, онъ не сталъ проповѣдывать, что только въ такой роскошной обстановкѣ и можно работать. Напротивъ, онъ высказываетъ мысль, что еслибъ такія обстановки отбили охоту у многочисленныхъ дилеттантовъ работать со своими скромными средствами, то онъ считалъ бы, что такой результатъ принесъ бы наукѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Задача Гэля сводилась первымъ дѣломъ къ двумъ серіямъ фотографій: фотографіямъ пятенъ, которыя подавала ему сверху его башня-телескопъ, и фотографіямъ спектровъ, которыя подавались снизу изъ его спектроскопа-колодца, тѣ и другія—на уровнѣ каменной консоли его средней части—лабораторіи.

Мнѣ привелось видѣть подлинныя фотографіи Гэля—онѣ представляли „гвоздь“ научной выставки на прошлогоднемъ „Conversazione“ Королевскаго Общества [1]). Фотографіи пятенъ имѣютъ видъ ясныхъ спиральныхъ воронокъ или вихрей, крутящихся или въ направленіи часовой стрѣлки, или въ обратномъ. На основаніи современнаго ученія объ электронахъ (Лоренца, Зеемана и др.), Гэль пришелъ къ цѣлому ряду заключеній относительно этихъ вихрей раскаленныхъ газовъ. Эти вихри представляютъ магнитное поле, а въ магнитномъ полѣ спектральныя линіи раскаленныхъ газовъ должны представить такъ называемое Зееманово явленіе, т.-е. расширеніе, распаденіе и раздваиваніе линій, свѣтъ которыхъ къ тому же долженъ быть различно поляризованъ. Эту длинную цѣпь умозаключеній Гэль блистательно провѣрилъ при помощи своего колоссальнаго спектроскопа и набора помѣщенныхъ передъ щелью соотвѣтственныхъ поляризаціонныхъ приборовъ. Изслѣдованныя имъ спектральныя линіи оказались болѣе широкими, чѣмъ въ смежной, невозмущенной части солнечнаго диска, или даже рѣзко раздвоенными. Изслѣдовавъ ихъ при помощи поляризаціоннаго прибора (призмы Николя), онъ могъ, вращая призму, вызывать, какъ и слѣдовало ожидать, попеременное потуханіе то той, то другой полосы, т.-е. показать полное сходство съ явленіемъ Зеемана, а произведя рядомъ, при помощи упомянутыхъ физическихъ приборовъ, параллельные лабораторные опыты, можно было сравнивать явленія и съ ихъ количественной стороны.

Конечный выводъ изслѣдованія—что солнечныя пятна представляютъ магнитныя бури въ атмосферѣ раскаленныхъ паровъ. Уже и

---

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизведены въ „Nature“.

ранѣе было замѣчено совпаденіе между пятнами на солнцѣ и магнитными возмущеніями на землѣ. Теперь этотъ эмпирическій фактъ представляется раціональнымъ, хотя относительно количественной зависимости явленій существуютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія.

Такимъ образомъ, спектроскопъ позволяетъ намъ не только узнавать химическій составъ отдаленныхъ свѣтилъ, не только измѣрять ихъ невидимыя движенія (по линіи зрѣнія), но и дозволяетъ обнаруживать и даже измѣрять невидимыя для глаза магнитныя явленія.

Здѣсь невольно приходятъ на память неизмѣнно въ теченіе полувѣка повторяющіяся нападки на великаго мыслителя, воздвигнувшаго свою философскую систему на прочной почвѣ науки и потому ненавистнаго всѣмъ мистикамъ и метафизикамъ, но на этотъ разъ, по непонятному недоразумѣнію обличаемаго именно учеными. Каждый разъ, когда возникаетъ рѣчь о спектральномъ анализѣ, Огюсту Конту ставятъ въ укоръ, будто бы за тридцать лѣтъ до открытія элементарнаго состава небесныхъ тѣлъ онъ признавалъ его невозможность. Не устоялъ отъ этого соблазна и профессоръ Егоровъ въ своей прекрасной рѣчи на Московскомъ съѣздѣ [1]). Вотъ эти инкриминируемыя Конту слова: „Мы никогда не сумѣли бы никакимъ способомъ изучить ихъ (т.-е. небесныхъ тѣлъ) химическій составъ и минералогическое строеніе и, тѣмъ болѣе, природу организованныхъ тѣлъ, живущихъ на ихъ поверхности“. Но такъ охотно цитирующіе эти слова въ теченіе полувѣка не дали себѣ труда прочесть слѣдующую непосредственно за ними оговорку, совершенно упраздняющую возможность взведенной на Конта напраслины. Вотъ что онъ говоритъ далѣе: „Но, конечно, было бы слишкомъ слѣпымъ притязаніемъ опредѣлять точныя границы нашимъ знаніямъ въ какой бы то ни было области философіи природы, такъ какъ, вдаваясь въ подробности, мы неизбѣжно установили бы эти границы или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко... Во всякаго рода вопросахъ, возбуждаемыхъ по поводу небесныхъ тѣлъ, мы или ясно надѣемся, что въ конечномъ результатѣ они сведутся на визуальныя наблюденія болѣе или менѣе непосредственныя—и тогда безо всякаго колебанія мы признаемъ, что рано или поздно они станутъ намъ доступны, или мы признаемъ за очевидное, что, по самой своей природѣ, для своего разрѣшенія они нуждаются въ иного рода изслѣдованіяхъ, и въ такомъ случаѣ мы не колеблясь устранимъ ихъ, какъ кореннымъ образомъ намъ неподъ-

[1]) Профессоръ Егоровъ, по крайней мѣрѣ, вѣрно передалъ слова Конта; того же нельзя сказать о Стратоновѣ. Въ появившемся въ томъ же 1909 году его великолѣпно иллюстрированномъ популярномъ сочиненіи „Солнце“, эти слова превратились уже въ „Мы никогда не узнаемъ“, а затѣмъ слѣдуетъ строгій выговоръ Конту: „употреблять слово „никогда“ въ наукѣ преступно“ („Солнце“, стр. 64).

чиняющіеся; или же, наконецъ, мы не видимъ съ полною ясностью ни того, ни другого и должны вовсе воздерживаться отъ какого бы то ни было сужденія, до той поры, пока успѣхи нашихъ знаній не дадутъ намъ на то какихъ-нибудь указаній. Это послѣднее настроеніе ума, по несчастію очень рѣдко встрѣчающееся—крайне необходимо". Такимъ образомъ Контъ сначала даетъ такой отвѣтъ, какой далъ бы каждый химикъ или физикъ его времени [1]), но вслѣдъ за тѣмъ, какъ точный, крайне осторожный мыслитель, онъ даетъ такое ограниченіе, подъ которое подходитъ и спектральный анализъ, такъ что взводимое на него обвиненіе падаетъ на самихъ обвинителей, невнимательно читавшихъ геніальное произведеніе великаго мыслителя. Онъ утверждаетъ, что мы можемъ разсчитывать на такія только знанія, которыя достижимы оптическимъ путемъ. И вотъ, Гэль видитъ на солнцѣ магнитныя бури, которыхъ и на землѣ мы видѣть непосредственно не можемъ—но для этого потребовалась геніальная теорія Максуэля, объединившая электро-магнитныя и оптическія явленія.

Меня всегда удивлялъ фактъ, почему люди науки относились съ такимъ злорадствомъ къ Огюсту Конту—человѣку, всегда убѣжденно отстаивавшему первенствующее значеніе науки въ современной умственной культурѣ и никогда не принимавшему на себя роли проповѣдника ignorabimus. Поступая такимъ образомъ, они только играютъ въ руку темнымъ силамъ, ненавидящимъ Конта именно за то, что онъ отстаивалъ самостоятельность науки, ея независимость отъ мистики и метафизики, доказывая, что она сама себѣ философія [2]).

Не лучше ли было бы обратить вниманіе на нѣкоторыхъ неоили псевдо-позитивистовъ, которые, еслибъ имѣли поболѣе авторитета, дѣйствительно оказали бы вредное, тормозящее вліяніе на успѣхи науки, во имя какихъ-то своихъ излюбленныхъ философскихъ теорій, впередъ опредѣляющихъ границы человѣческаго знанія. Приведу два

---

[1]) Ни одинъ ученый наканунѣ открытія спектроскопа на вопросъ: можно ли различать химическіе элементы по ихъ цвѣту? не задумался бы дать отрицательный отвѣтъ. Для осуществленія этой задачи понадобился геній Кирхгофа.

[2]) Именно такую роль сыграло у насъ Московское Психологическое Общество, объ условіяхъ возникновенія и о дальнѣйшей судьбѣ котораго разсказалъ недавно М. М. Ковалевскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ. При своемъ возникновеніи оно чуть не въ большинствѣ состояло изъ позитивистовъ, но вскорѣ оказалось въ рукахъ заправилъ, не замедлившихъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показать свое отношеніе къ позитивизму. Когда Обществу предстояло присудить премію за лучшее сочиненіе о позитивной философіи, они присудили ее автору поверхностнаго и бездарнаго пасквиля на Конта, а когда общество рѣшило почтить столѣтіе со дня рожденія Конта рядомъ лекцій и распредѣлило роли между спеціалистами, тѣ же заправилы повели дѣло такъ, что чествованіе не состоялось, между тѣмъ какъ чествованіе метафизика Шопенгауэра состоялось съ подобающею помпой.

примѣра. Припоминаю, какъ въ мартѣ 1903-го года, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пресловутой „Naturphilosophie“ Оствальда, съ которой я полюбопытствовалъ познакомиться вскорѣ послѣ ея появленія, и гдѣ меня особенно возмутила самоувѣренная фраза, въ которой нѣмецкій химикъ-философъ пророчествуетъ о томъ времени, когда „атомы будутъ существовать только въ пыли библіотекъ“, — я пріѣхалъ въ Лондонъ. Послѣ обѣда, даннаго мнѣ Королевскимъ Обществомъ, лордъ Кельвинъ, рядомъ съ которымъ я сидѣлъ, обратился къ подошедшему къ намъ сэру Уильяму Круксу:—„Круксъ, угостите нашего гостя вашей новинкой“. — Круксъ пригласилъ насъ (меня и моего сына) послѣдовать за нимъ мимо буфета и кухни въ какой-то совершенно темный чуланчикъ и, вынувъ изъ жилетнаго кармана малепькую трубочку, величиной не болѣе обыкновеннаго микроскопнаго окуляра, передалъ ее мнѣ. Никогда не забуду того впечатлѣнія, которое я испыталъ, заглянувъ въ нее. Передо мной былъ рой падающихъ звѣздъ, но на другомъ полюсѣ космоса—атомы гелія, какъ позднѣе выяснилъ Рутерфордъ, бомбардировали фосфоресцирующую пластинку *спинтарископа*: это былъ онъ, этотъ остроумнѣйшій приборъ одного изъ наиболѣе изобрѣтательныхъ современныхъ физиковъ. „Вы, конечно, понимаете“,—добавилъ Круксъ—„то, что мы видимъ, не сами атомы, а подобіе тѣхъ круговъ, которые разбѣгаются на поверхности воды отъ брошеннаго камня“. Когда я пришелъ въ себя отъ волненія, понятнаго только ученому, передъ блестящимъ завоеваніемъ человѣческаго ума, первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была: „Ну, что теперь скажутъ г.г. Оствальдъ и К^0? Куда упрячетъ онъ свое пророчество, не пережившее и нѣсколькихъ недѣль?“ Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ. Физики не только видятъ цѣлые рои, но и улавливаютъ отдѣльные атомы. Оствальдъ, кажется, раскаялся, но тотъ философъ, которому посвящена „Naturphilosophie“, даже въ эту минуту, послѣ окончательнаго торжества атомизма, продолжаетъ обнаруживать упорство, достойное лучшаго дѣла. Если Конта (какъ мы видѣли, безъ всякаго основанія) корили за то, что онъ за тридцать лѣтъ не угадалъ открытія спектроскопа, то что же сказать о Махѣ, который черезъ семь лѣтъ послѣ открытія спинтарископа, черезъ годъ послѣ окончательнаго торжества атомизма, отвѣчая Планку, высказавшему совершенно ясную мысль, что современный физикъ говоритъ о вѣсѣ атома съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ астрономъ говоритъ о вѣсѣ луны—позволяетъ себѣ такую сомнительнаго остроумія выходку [1]): „Если вѣра въ атомы для васъ такъ существенна, то я отказы-

[1]) Все въ той же „Revista“, менѣе и менѣе оправдывающей свое заглавіе (di Scienza) и болѣе и болѣе погружающейся въ бездну метафизики.

ваюсь отъ физическаго образа мышленія; я не желаю быть истиннымъ физикомъ, воздерживаюсь отъ какой бы то ни было оцѣнки научныхъ цѣнностей, не желаю оставаться въ общинѣ вѣрующихъ, свобода мысли мнѣ дороже".

Какія трескучія фразы! Свобода отъ чего? Отъ строго научно доказаннаго факта — опровергающаго излюбленную философскую теорійку. А еще недавно Махъ просилъ своихъ читателей считать его ученымъ, а не философомъ. Какъ неудачно это глумленіе надъ физиками, это обзываніе ихъ общиной вѣрующихъ, въ устахъ человѣка, выбывшаго когда-то изъ рядовъ физиковъ, чтобы стать адептомъ ученія его преосвященства епископа Клойнскаго! И не назидательно ли такое сравненіе: Гэль, какъ мы только-что видѣли, не имѣлъ инструментовъ и самъ себѣ ихъ сдѣлалъ; Махъ не имѣлъ инструментовъ и сдѣлался самъ философомъ—сталъ изучать Берклея [1]). Въ томъ все различіе между ученымъ и философомъ. Махъ такъ гордится своей экономической теоріей умственнаго творчества, что ему не мѣшало бы вспомнить, какъ отецъ экономической науки (Адамъ Смитъ) опредѣляетъ, что̀ такое философъ: „a philosopher is a person whose trade is to do nothing and speculate on every thing" [2]).

Торжествомъ атомическаго ученія, противъ котораго Махъ затѣваетъ свой безнадежный походъ во имя какой-то призрачной свободы мысли, было прошлогоднее собраніе Британской Ассоціаціи въ Виниперѣ, на которомъ Рутерфордъ сообщалъ, какъ ему удалось, при помощи усовершенствованнаго пріема, основаннаго на примѣненіи спинтарископа Крукса, изолировать отдѣльные атомы гелія. А Томсонъ, въ своей президентской рѣчи, разъяснилъ, что этимъ замѣчательнымъ успѣхомъ физики обязаны тому обстоятельству, что обладаютъ теперь измѣрительнымъ методомъ, въ милліоны разъ превышающимъ чувствительность спектральнаго анализа. Вотъ это интересное мѣсто его блестящей рѣчи: „Великое преимущество электрическихъ методовъ для изученія свойствъ матеріи обязано своимъ ироисхожденіемъ тому факту, что когда частица заряжена, она очень легко обнаруживается, между тѣмъ какъ незаряженная частица легко ускользаетъ отъ наблюденія. Простое вычисленіе позволяетъ намъ наглядно выразить различіе въ нашей способности обнаруживать заряженныя и незаряженныя частицы. Наименьшее количество матеріи, когда-либо обнаруженное, вѣроятно — количество неона, одного изъ

[1]) Автобіографическая подробность, сообщаемая Махомъ въ той же его статьѣ. Но и безъ нея, я полагаю, всякому понятно вліяніе Берклея на весь философскій складъ мышленія Маха.

[2]) Трудно передаваемая игра словъ: „Философъ—такой субъектъ, который ничего не производитъ, а надъ всѣмъ спекулируетъ".

инертныхъ газовъ атмосферы. Проф. Струтъ показалъ, что содержаніе неона въ $^1/_{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при обыкновенномъ давленіи можетъ быть обнаружено при помощи спектроскопа. По сэру Уильяму Рамзею, содержаніе неона не превышаетъ одной части на 100.000 частей атмосферы воздуха, такъ что въ $^1/_{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при обыкновенномъ давленіи объемъ неона не превышаетъ половины милліонной доли кубическаго сантиметра. Выраженное такимъ образомъ количество это кажется очень мало. Но въ этомъ маломъ объемѣ заключается десять милліоновъ молекулъ. Если мы вспомнимъ, что все населеніе земли считается примѣрно въ полторы тысячи милліоновъ, то оказывается, что наименьшее число молекулъ неона, которое мы обнаруживаемъ спектроскопомъ, еще въ семь тысячъ разъ превышаетъ все населеніе земли. Другими словами, еслибъ у насъ не было лучшаго пріема для обнаруженія присутствія человѣка, то мы признали бы землю необитаемой. Сравнимъ этотъ пріемъ съ нашей способностью обнаруживать молекулы заряженныя. При помощи электрическаго метода, еще лучше—посредствомъ метода Вильсона, основаннаго на вызываніи туманнаго облачка, мы можемъ обнаруживать присутствіе трехъ или четырехъ молекулъ въ кубическомъ сантиметрѣ. Рутерфордъ показалъ, что мы можемъ доказать присутствіе одной α частицы. А эта α частица—не что иное, какъ одинъ заряженный атомъ гелія. Еслибъ этотъ атомъ не былъ заряженъ, понадобилось бы ихъ милліонъ милліоновъ вмѣсто одного для того только, чтобы обнаружить ихъ присутствіе".

Итакъ, спектросконическій методъ, считавшійся самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи физики, наканунѣ своего юбилея долженъ склонить голову передъ другимъ, въ милліонъ милліоновъ разъ болѣе чувствительнымъ. Благодаря послѣднему, атомическая теорія, бывшая давно уже очевидностью для умственнаго взора физика, стала легко и наглядно наблюдаемымъ фактомъ. Въ ней можетъ убѣдиться всякій при помощи спинтарископа, помѣщающагося въ жилетномъ карманѣ. Если не такъ непосредственно, то косвенно можетъ убѣдиться въ ней каждый микроскопистъ, наблюдавшій еще въ 1827-мъ году открытое англійскимъ ботаникомъ Брауномъ, но только въ прошломъ году окончательно разъясненное Перреномъ, движеніе мельчайшихъ частицъ любого вещества, взвѣшанныхъ въ жидкости. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что это видимое движеніе—только результатъ невидимыхъ движеній молекулъ жидкости [1]).

[1]) Могу съ гордостью сказать, что на своихъ лекціяхъ съ 1870-го года я указывалъ, что единственное удовлетворительное объясненіе этого явленія—то, которое даетъ кинетическая теорія строенія матеріи.

Но если спектроскопическій методъ, еще вчера стоявшій по своей чувствительности во главѣ всѣхъ пріемовъ физическаго изслѣдованія, долженъ уступить это мѣсто новѣйшимъ завоеваніямъ физики, то это нисколько не умаляетъ его заслугъ въ прошломъ, не ограничиваетъ поля его примѣненія въ будущемъ. Намъ приходится остановиться еще на одной области явленій, гдѣ онъ нашелъ себѣ примѣненіе и которой, по богатству своей темы, ни профессоръ Кайзеръ, ни профессоръ Егоровъ не имѣли возможности коснуться въ своихъ интересныхъ рѣчахъ. Это—область біологіи, область жизненныхъ явленій [1]). Такъ какъ жизнь ограничена очень узкими предѣлами температуры, то понятно, что спектроскопъ служилъ здѣсь почти исключительно для изученія спектровъ поглощенія. Какъ и въ астрофизикѣ, на первыхъ порахъ онъ служилъ для цѣлей аналитическихъ—для характеристики, для идентифицированія органическихъ тѣлъ по ихъ оптическимъ свойствамъ, ихъ спектрамъ поглощенія. Эти изслѣдованія касались двухъ самыхъ важныхъ въ органическомъ мірѣ пигментовъ: краснаго пигмента крови—гемоглобина—въ животномъ царствѣ и зеленаго пигмента листьевъ—хлорофилла—въ растительномъ. Англійскій физикъ Стоксъ, вскорѣ послѣ открытія спектроскопа, показалъ, какъ возможно имъ воспользоваться для характеристики превращенія крови изъ артеріальной въ венозную и обратно, и предложилъ реактивъ для воспроизведенія этихъ явленій передъ спектроскопомъ. Въ настоящее время каждый можетъ легко сдѣлать этотъ опытъ въ нѣсколько минутъ надъ самимъ собою. Для этого стоитъ только маленькій карманный спектроскопчикъ направить на хорошо освѣщенный ноготь своего пальца. Мы увидимъ тогда спектръ артеріальной крови; перетянемъ основаніе пальца бичевкой и черезъ минуту получается спектръ венозной крови. Эта спектральная характеристика крови въ рукахъ Клода Бернара доставила средство обнаруживать и то отравленіе крови, которое вызывается окисью углерода при угораніи. Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ я представилъ на первый московскій съѣздъ естествоиспытателей свою первую работу по спектральному анализу хлорофилла. Это была первая работа, въ которой сочетались точные химическіе пріемы разложенія съ точной спектральной характеристикой полученныхъ продуктовъ [2]). Что это былъ единственный вѣрный путь—доказываютъ неудачи моихъ ближайшихъ предшественниковъ, приведшія ихъ къ убѣжденію въ непригодности спектроскопа, а еще болѣе тотъ фактъ, что самый недавній изслѣдователь хлоро-

[1]) Эта сторона спектроскопіи должна была составить предметъ моей рѣчи при открытіи ботаническаго отдѣла Московскаго съѣзда.

[2]) Въ настоящее время число работъ, касающихся спектроскопическаго изслѣдованія хлорофилла, по Кайзеру дошло до полутысячи.

филла, Вильштеттеръ, въ началѣ своей работы отказавшійся отъ пользованія спектроскопомъ, въ концѣ ея прибѣгъ, въ качествѣ самаго убѣдительнаго доказательства, къ тому самому спектроскопическому пріему, который былъ предложенъ мною. Изслѣдованіе мое было сдѣлано въ лабораторіи Бунзена, и всѣ мои коллеги удивлялись, что онъ сдѣлалъ для меня исключеніе, дозволивъ работать надъ органическимъ веществомъ въ лабораторіи, исключительно предназначенной для неорганическихъ работъ. Какъ сейчасъ вижу добраго старика, когда я принесъ ему свой въ первый разъ полученный спектрально чистый хлорофиллинъ. Выхвативъ колбу изъ моихъ рукъ, онъ съ чисто юношеской поспѣшностью взбѣжалъ по скрипучимъ ступенькамъ аудиторіи къ единственному окну, въ которое заглядывало солнце, и, долго любуясь роскошной флуоресценціей препарата [1]), приговаривалъ своимъ тонкимъ теноркомъ: „sehr schön, sehr schön“.

Позднѣе, при помощи того же спектроскопа, мнѣ удалось найти и для хлорофилла реакціи окисленія и раскисленія, подобныя тѣмъ, которыя Стоксъ нашелъ для крови. Самымъ интереснымъ результатомъ примѣненія спектроскопа въ этомъ аналитическомъ направленіи въ біологіи должно признать работы польскихъ химиковъ Ненцкаго и Мархлевскаго; имъ удалось показать, что изъ гемоглобина крови и хлорофилла можно получить продукты, положительно между собою схожіе—что̀ даетъ право заключить объ общемъ происхожденіи этихъ двухъ веществъ, быть-можетъ наиболѣе характеристичныхъ для двухъ царствъ: растеній и животныхъ.

Но спектроскопія въ біологіи сыграла другую, болѣе важную роль, чѣмъ роль простого аналитическаго пріема. Мы видѣли, какъ Гэль сумѣлъ воспользоваться этимъ методомъ для раскрытія связи между магнитными явленіями на землѣ и на солнцѣ; но существуетъ другая, несравненно болѣе существенная связь — связь между солнцемъ и жизнью на землѣ. Истинное значеніе этой связи было выяснено только тѣмъ ученіемъ, которое возникло въ концѣ второй половины прошлаго вѣка и было едва-ли не самымъ важнымъ его научнымъ завоеваніемъ. Это было ученіе о сохраненіи энергіи. При свѣтѣ его приступило къ своей дѣятельности наше поколѣніе, и каждый, кто могъ, старался примѣнить его въ своей области изслѣдованія. Я былъ первымъ ботаникомъ, заговорившимъ о немъ, примѣнившимъ его въ физіологіи растеній. Робертъ Мейеръ вполнѣ опредѣленно высказалъ, что возможность жизни на землѣ зависитъ отъ поглощенія солнечной энергіи зелеными растеніями и ея превращенія въ потенціальную химическую

[1]) Въ то время эозинъ и пр. еще не были извѣстны и флуоресценція хлорофиллина была чуть ли не самой эффектной.

энергію образующагося при этомъ органическаго вещества. „Но—добавляетъ онъ—мы должны еще доказать, что свѣтъ, падающій на живое растеніе, дѣйствительно получаетъ иное назначеніе".

Разрѣшенію этой задачи, поставленной великимъ творцомъ ученія о сохраненіи энергіи, посвятилъ я почти сорокъ лѣтъ своей научной дѣятельности, встрѣчая только враждебное отношеніе со стороны своихъ нѣмецкихъ коллегъ, въ концѣ концовъ однако оказавшихся вынужденными признать вѣрность всѣхъ полученныхъ мною результатовъ. Съ первыхъ же шаговъ для меня было ясно, что разрѣшить вопросъ можетъ только спектроскопъ: только онъ можетъ „опредѣлить составныя части солнечнаго луча, участвующія посредственно или непосредственно въ этомъ процессѣ, прослѣдить ихъ участь въ растеніи до ихъ уничтоженія, т.-е. до ихъ превращенія во внутреннюю работу" и т. д. [1]) Установить связь между солнцемъ и дѣятельностью зеленаго растенія, значило доказать, что именно лучи, поглощаемые зеленымъ веществомъ растенія—хлорофилломъ, затрачиваются на разложеніе въ немъ углекислоты воздуха, результатомъ чего является образованіе того органическаго вещества, которое служитъ единственнымъ источникомъ пищи для всего растительнаго и животнаго міра. Этотъ хлорофиллъ, какъ извѣстно, встрѣчается въ зеленыхъ тканяхъ растенія въ видѣ ярко зеленыхъ зернышекъ или крупинокъ, распредѣленныхъ въ совершенно безцвѣтной массѣ и видимыхъ только въ микроскопъ.

Возьмемъ обыкновенный Бунзеновскій спектроскопъ и вмѣсто того, чтобы помѣщать передъ нимъ (какъ въ опытѣ Гэля) телескопъ, придвинемъ къ нему сзади зеркало микроскопа, помѣстивъ подъ столикомъ микроскопа (вмѣсто окуляра спектроскопа) одинъ изъ его объективовъ, но въ обратномъ положеніи. Въ полѣ микроскопа мы получимъ (вмѣсто огромнаго Гэлевскаго) блестящій маленькій спектръ величиною въ булавочную головку, который обычнымъ способомъ можемъ разсматривать при какомъ угодно увеличеніи. Если теперь на столикѣ микроскопа помѣстимъ препаратъ, заключающій хлорофилловыя зерна и будемъ его передвигать такъ, чтобы одно и то же зерно перемѣщалось изъ одной части спектра въ другую, то получимъ такую картину. Въ нѣкоторыхъ частяхъ спектра зерно будетъ совершенно прозрачно и, слѣдовательно, окрашено въ цвѣтъ этой части спектра; въ другихъ частяхъ оно будетъ становиться чернымъ, какъ уголекъ. Значитъ, въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ лучи солнца исчезаютъ какъ свѣтъ, поглощаются, превращаясь во внутреннюю работу. Теперь предстоитъ доказать, что эта работа — не только физическая работа нагрѣванія (какъ было бы, еслибъ это были дѣйствительно черные угольки),

[1]) Труды перваго съѣзда въ Петербургѣ, 1868 г.

но и химическая работа разложенія углекислоты, какъ этого требовалъ Робертъ Мейеръ. Для этого необходимо было сдѣлать другой опытъ. Въ темной комнатѣ получается уже не микроскопическій спектръ, а такой большой, въ которомъ можно распредѣлить рядъ стеклянныхъ трубочекъ съ зелеными листьями. Отношеніе этихъ листьевъ къ углекислотѣ изслѣдуется усовершенствованнымъ пріемомъ газоваго анализа. Опытъ доказалъ, какъ того желалъ Мейеръ, что именно лучи, поглощаемые хлорофилломъ, и затрачиваются на химическій процессъ разложенія углекислоты. Результатомъ этого процесса разложенія углекислоты, какъ извѣстно, является отложеніе въ зеленомъ листѣ крахмала. И это явленіе, въ свою очередь, должно зависѣть отъ тѣхъ же лучей, которые поглощаются хлорофилломъ. Для провѣрки этого на живой листъ, находящійся въ связи съ растеніемъ, въ темной комнатѣ отбрасываютъ яркій солнечный спектръ. На мѣстѣ этого спектра долженъ образоваться въ листѣ крахмалъ, и если это зависитъ отъ поглощенія свѣта хлорофилломъ, то только въ тѣхъ лучахъ, которые поглощены хлорофилломъ. Другими словами, въ листѣ должно получиться изображеніе спектра хлорофилла—изъ крахмала. Но это изображеніе, какъ и скрытое изображеніе на фотографической пластинкѣ, невидимо: его нужно проявить. Проявителемъ въ этомъ случаѣ служитъ іодъ. Какъ и слѣдовало ожидать, на мѣстѣ солнечнаго спектра получается черный спектръ хлорофилла изъ окрашеннаго іодомъ крахмала. Словомъ, на живомъ листѣ, благодаря этой своеобразной фотографіи удается снова получить то доказательство, котораго требовалъ Р. Мейеръ.

Такимъ образомъ спектроскопъ сыгралъ въ біологіи совершенно особую роль; онъ служилъ не простымъ только аналитическимъ пріемомъ, а далъ объясненіе самому факту космической связи между солнцемъ и зеленымъ растеніемъ.

Если въ астрофизикѣ онъ пролилъ свѣтъ на происхожденіе солнечнаго луча, то здѣсь онъ показалъ его конечную участь на землѣ. Хлорофилловое зерно—тотъ фокусъ, та точка въ міровомъ пространствѣ, гдѣ солнечный лучъ, превращаясь въ химическую энергію, становится источникомъ всей жизни на землѣ [1]). Это, какъ я ее назвалъ, космическая функція зеленаго растенія.

---

[1]) Разсмотрѣнныя здѣсь явленія возбудили въ послѣднее время новый интересъ въ публикѣ, благодаря преувеличенному значенію, приданному интересному изслѣдованію Даніэля Бертло (сына знаменитаго химика) и еще болѣе благодаря тому невообразимому вздору, который ухитрился наговорить по этому поводу публицистъ „Новаго Времени“—Меньшиковъ. Даніэль Бертло сообщилъ Парижской академіи, что ему удалось наконецъ получить (предполагаемое физіологами) разложеніе углекислоты безъ участія зеленаго растенія подъ вліяніемъ одного свѣта—свѣта ртутно-

Такимъ образомъ спектроскопъ разъяснилъ природу космической связи между солнцемъ и жизнью на нашей планетѣ при посредствѣ хлорофилла. Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который возбудило открытіе профессоромъ Лоуэлемъ въ спектрахъ дальнихъ планетъ абсорпціонной полосы, совпадающей съ самой характерной полосой хлорофилла. Присутствіе этого тѣла могло бы служить показателемъ возможности и того фотохимическаго процесса, съ которымъ связано существованіе жизни на нашей планетѣ [1]). Прежде всего мысль, конечно, обращалась къ той планетѣ, которая уже дала такія ясныя указанія на присутствіе жизни—къ Марсу. Еслибъ Лоуэлю удалось показать, что тѣ синезеленыя пространства, которыя прежде считали за моря, а онъ совершенно основательно признаетъ за площади, покрытыя растительностью—обнаруживаютъ эту абсорпціонную полосу, то его предположеніе превратилось бы въ достовѣрный фактъ. Я обмѣнялся съ профессоромъ Лоуэлемъ письмами, указывая, на основаніи своей долгой опытности въ этомъ вопросѣ, что только дифференціальный спектръ Марса, а не такіе интегральные спектры, которые получены на Флагстафской обсерваторіи для другихъ планетъ, могъ бы разрѣшить вопросъ [2]). Профессоръ Лоуэль любезно отвѣтилъ мнѣ, что вопросъ о хлорофиллѣ на Марсѣ уже болѣе семи лѣтъ интересуетъ астрономовъ Флагстафской обсерваторіи, но что полученіе дифференціальнаго спектра такого малаго предмета пока неразрѣшимъ. „Впрочемъ,—пишетъ онъ въ заключеніе,—время, быть можетъ, и въ этомъ случаѣ поможетъ найти разрѣшеніе“.

Истекшій годъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названъ годомъ Марса, такъ какъ послѣднее его противостояніе вновь обострило совершенно исключительный интересъ, возбуждаемый этой планетой. Всѣ телескопы направились на нее, а главное заскрипѣли перья многочисленныхъ противниковъ Лоуэля, пытающихся возбудить со-

---

кварцевой лампы. Къ сожалѣнію, имъ приведенъ только одинъ вполнѣ убѣдительный опытъ, такъ какъ въ остальныхъ результатъ усложнялся тѣмъ, что разложеніе происходило въ присутствіи фосфора и на очень близкомъ разстояніи отъ лампы, а разложеніе углекислоты фосфоромъ было осуществлено еще при Лавуазье русскимъ химикомъ —Мусинымъ-Пушкинымъ.

Приводимое Даніэлемъ Бертло соображеніе, что свѣтъ этой лампы особенно богатъ „химическими лучами“, ничего не поясняетъ, такъ какъ выраженіе „химическіе лучи“ давно сдано въ архивъ и объясненія нужно искать совершенно съ иной стороны.

[1]) Эти спектры воспроизведены Лоуэлемъ въ его крайне интересной книгѣ: „The Evolution of Worlds“, вышедшей уже въ 1910-мъ году.

[2]) Благодаря любезности П. К. Штернберга и С. Н. Блажко, я могъ видѣть Марса при исключительно благопріятныхъ условіяхъ прошлаго года и воочію убѣдиться въ вѣрности моихъ соображеній.

мнѣнія въ блестящихъ результатахъ его изслѣдованій. И чего-чего не было наговорено по этому поводу. Одинъ въ тридцать секундъ, въ теченіе которыхъ ему удалось наблюдать, свелъ къ нулю двѣнадцатилѣтніе труды флагстафскихъ астрономовъ; другой утверждалъ, что новое наблюденіе „навсегда покончило съ легендой о каналахъ"; третій ухитрялся увѣрять, что новыя наблюденія подтверждаютъ наблюденія Скіапарелли, опровергая только Лоуэля. Между тѣмъ извѣстно, что покойный итальянскій астрономъ (онъ умеръ уже въ 1910-мъ году) давно успѣлъ высказать Лоуэлю свое nunc dimittis по поводу его чудныхъ фотографій каналовъ. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ увидѣть и тѣ еще болѣе поразительныя, которыми Лоуэль отвѣтилъ своимъ критикамъ. По словамъ одного англійскаго астронома, европейскіе противники Лоуэля лучше всего сдѣлали бы, еслибъ предприняли поѣздку въ Флагстафъ для того, чтобы убѣдиться, что небо Аризоны—не то, что небо европейскихъ столицъ, гдѣ можно дѣлать наблюденія частенько только въ теченіе нѣсколькихъ секундъ [1]).

Въ своей лекціи, прочитанной въ Лондонѣ, Лоуэль ограничился по адресу своихъ критиковъ замѣчаніемъ, что фотографіи—очень важное пособіе, но и глазъ—превосходное орудіе, важнѣе же всего нѣчто третье, что помѣщается гдѣ-то позади глаза. Это упоминаніе особенно умѣстно по адресу тѣхъ критиковъ, которые воображаютъ, что опровергли существованіе каналовъ потому, что имъ будто бы удалось разложить линіи каналовъ на ряды точекъ. Еслибъ это наблюденіе и оказалось вѣрнымъ, оно ничего не опровергло бы, такъ какъ полосы растительности въ долинахъ, орошаемыхъ каналами (а о нихъ только и говоритъ Лоуэль), могутъ расширяться и съуживаться и даже мѣстами вовсе прерываться.

Наблюденія 1909 г. любопытны въ томъ отношеніи, что Лоуэлю удалось открыть цѣлую новую систему каналовъ, которыхъ несомнѣнно не существовало, а не только не было замѣчено ранѣе; онъ замѣчаетъ, что только въ Флагстафѣ, съ его многолѣтней лѣтописью наблюденій, можно это утверждать съ полною увѣренностью, такъ какъ эти каналы значительно рѣзче многихъ другихъ зарегистрированныхъ ранѣе. Объясняетъ этотъ фактъ Лоуэль такимъ образомъ: вслѣдствіе болѣе обильнаго таянія полярныхъ снѣговъ вода вновь проникла въ каналы, которые пересохли за послѣдніе годы, и оживила растительность по ихъ берегамъ.

---

[1]) Припоминаются мнѣ слова покойнаго Ѳ. А. Бредихина: „повѣрьте, что Скіапарелли со своей небольшой трубой подъ итальянскимъ небомъ видитъ лучше, чѣмъ всѣ астрономы Пулковской обсерваторіи" (Бредихинъ тогда еще не былъ ея директоромъ). Въ настоящемъ году большая группа европейскихъ астрономовъ посѣщаетъ Гэля въ Маунтъ-Вильсонѣ, откуда предполагается экскурсія къ Лоуэлю, въ Флагстафъ.

Если существованіе растительности на Марсѣ очень вѣроятно, то спрашивается, возможно ли предположить, что на тѣхъ отдаленныхъ планетахъ, на которыхъ, повидимому, подмѣчаютъ спектръ хлорофилла, можетъ совершаться фотохимическій процессъ, подобный тому, который обусловливаетъ возможность жизни на землѣ?

Еще съ годъ тому назадъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы отрицательный; Бунзенъ и Роско въ шестидесятыхъ годахъ приходили къ заключенію, что на такомъ разстояніи солнечный свѣтъ долженъ утрачивать свое химическое дѣйствіе. Но въ своей удивительной по богатству содержанія уже упомянутой рѣчи Дж.-Дж. Томсонъ изложилъ въ доступной формѣ свои воззрѣнія на природу свѣта. На основаніи его воззрѣній, представляющихъ развитіе ученія Максуэля, лучистая энергія распредѣляется неравномѣрно по всему фронту свѣтовой волны, такъ что еслибъ мы могли наблюдать его въ какой-нибудь ультра-ультра микроскопъ, то увидали бы не равномѣрно освѣщенное поле, а темное, усѣянное свѣтлыми точками. На основаніи этого воззрѣнія можно сдѣлать выводъ, что и возможность химическаго дѣйствія свѣта не будетъ убывать съ разстояніемъ равномѣрно по всей поверхности, а будетъ убывать только число точекъ на извѣстной площади, скажемъ—число молекулъ, въ которыхъ вызывается химическое дѣйствіе. Этимъ, напримѣръ, объяснялась бы возможность фотографированія тѣлъ, лежащихъ на предѣлахъ доступной намъ вселенной [1]). Позволю себѣ для объясненія различія двухъ воззрѣній прибѣгнуть къ такому сравненію. Положимъ, мы имѣемъ какую-нибудь сумму денегъ, которую распредѣляемъ между все возрастающимъ числомъ людей. Если возможенъ безграничный размѣнъ этой суммы, то въ концѣ концовъ покупная сила каждой доли уничтожится; ужъ и на денежку или на полушку мы не можемъ ничего купить, а на сотую или тысячную ихъ долю—и подавно. Если же сумма находится въ неразмѣнныхъ серебряныхъ или золотыхъ монетахъ, то покупная сила каждой монеты не будетъ убывать: уменьшится только отношеніе числа людей надѣленныхъ къ возрастающему общему числу ихъ. Такъ и отдѣльныя химическія молекулы на основаніи этой теоріи могутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ почти независимо отъ разстоянія ихъ отъ источника свѣта: будетъ убывать только ихъ число на данной площади, уменьшится темпъ реакціи, но она все-же будетъ возможна при увеличеніи времени экспозиціи, что̀ мы и видимъ при фотографированіи небесныхъ тѣлъ [2]).

---

[1]) Этотъ выводъ изъ теоріи Томсона былъ мною предложенъ въ краткой замѣткѣ въ „Nature“.

[2]) Профессоръ Дюаръ съ одной стороны доказалъ, что фотохимическое дѣйствіе возможно при температурѣ жидкаго воздуха и ниже. Съ другой стороны, въ лабо-

Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи Дж.-Дж. Томсонъ говоритъ, что современное ученіе о свѣтѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соприкасается съ ученіемъ Ньютона, такъ что еслибъ изслѣдованіе проф. Лебедева о свѣтовомъ давленіи [1]), ставшее классическимъ, появилось столѣтіемъ ранѣе, оно, можетъ быть, было бы привѣтствовано, какъ доказательство вѣрности ученія Ньютона, и задержало бы блестящіе успѣхи противоположной теоріи, отмѣтившей начало девятнадцатаго вѣка.

Но если, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, современное ученіе о свѣтѣ приближаетъ къ Ньютону, въ другихъ—оно еще болѣе отъ него удаляетъ. Таково, напр., современное представленіе о бѣломъ свѣтѣ. По Ньютону, лучъ бѣлаго свѣта представлялся пучкомъ или снопомъ разноцвѣтныхъ лучей, разсыпающихся при прохожденіи черезъ призму, и т. д. Зееманъ въ интересной статьѣ, помѣщенной въ 1909-мъ году въ „Revista di Scienza", излагаетъ современное воззрѣніе и припоминаетъ по этому поводу любопытное акустическое наблюденіе Гёйгенса. Знаменитый физикъ наблюдалъ, что на извѣстномъ разстояніи отъ фонтана въ паркѣ Шантильи слышится опредѣленный тонъ—и нашелъ объясненіе этого явленія въ отраженіи шума фонтана отъ ступеней лѣстницы сосѣдней террассы. Зимой, когда лѣстница была занесена снѣгомъ, звукъ этотъ исчезалъ. Исходя изъ этого сравненія, Зееманъ объясняетъ, что съ современной точки зрѣнія и бѣлый свѣтъ представляется не пучкомъ цвѣтныхъ лучей различной длины волны, а однородною очень сложною волною (подобною той напр., которая чертится на поверхности фонографа при исполненіи цѣлаго оркестра), и только призма или рѣшетка выдѣляетъ изъ нея отдѣльныя волны. До призмы или рѣшетки эти цвѣтныя волны не существуютъ уже отдѣльными, а только въ возможности; онѣ, такъ сказать, создаются призмой или рѣшеткой.

Старикъ Гёте, а еще болѣе его фанатическіе поклонники Шопенгауэръ и Карлейль, пожалуй, возликовали бы, что въ затѣянномъ имъ съ Ньютономъ спорѣ онъ все-же оказывается правымъ [2]). Гёте главнымъ образомъ возмущала мысль о сложности этого простого бѣлаго солнечнаго свѣта. Для него онъ долженъ былъ быть чѣмъ-то простымъ, первичнымъ, элементарнымъ, а цвѣта—чѣмъ-то вторичнымъ, производнымъ. Но вѣдь и по современному воззрѣнію простота эта только очень относительная, да къ тому же и бѣлизна—свойство этого луча

раторіи Томсона была показана возможность фотографическаго дѣйствія свѣта настолько ослабленнаго, что требовалась шестинедѣльная экспозиція.

[1]) Блестящее продолженіе котораго—о свѣтовомъ давленіи въ газахъ—П. Н. Лебедевъ представилъ на Московскомъ съѣздѣ.

[2]) Извѣстно, что вся теорія Гёте возникла на почвѣ грубаго, поспѣшнаго, невѣрно истолкованнаго имъ опыта.

только „на днѣ“ того воздушнаго океана, въ которомъ мы живемъ. За его предѣлами, въ міровомъ пространствѣ, этотъ лучъ болѣе или менѣе синеватый или, по просту, синій, какъ это доказалъ уже давно Ланглей.

Имя Ланглея невольно приводитъ на память ту сторону въ научной жизни истекшаго года, которая въ глазахъ многихъ является его самой выдающейся чертой. 1909-й годъ называютъ годомъ завоеванія воздуха; его кульминаціоннымъ пунктомъ былъ поразившій воображеніе, въ самыхъ широкихъ кругахъ, подвигъ Блеріо. Но для людей науки разрѣшеніе этого вопроса тѣсно связано съ именемъ несчастнаго Ланглея, какъ это напомнилъ въ своей поминальной рѣчи Грэамъ Бель (изобрѣтатель телефона), замѣстившій Ланглея въ качествѣ непремѣннаго секретаря Смитсоновскаго Общества. За смѣлыми подвигами Райтовъ, особенно за блестящимъ, почти фантастичнымъ полетомъ Блеріо, люди готовы забыть того, кому эти смѣльчаки обязаны главнымъ успѣхомъ своихъ подвиговъ — именно Ланглея. Онъ самъ вполнѣ сознавалъ свою роль, когда на порогѣ новаго вѣка (въ 1901-мъ году), заявляя о завершеніи имъ своихъ научныхъ трудовъ, говорилъ: „Я довелъ до конца ту часть дѣла, которую считалъ спеціально своею: я доказалъ практическую осуществимость механическаго полета. Для слѣдующей стадіи—практическаго и коммерческаго приложенія—придется обратиться къ другимъ“. Еще ранѣе, въ 1897-мъ году, онъ уже высказывалъ увѣренность въ полной вѣрности своихъ соображеній. „Люди окажутся крайне безпечными и лѣнивыми, если не оцѣнятъ, какія открываются передъ ними широкія возможности, если не поймутъ, что широкій путь, разстилающійся у насъ надъ головами, будетъ вскорѣ открытъ“. Хотя онъ нимало не сомнѣвался въ успѣхѣ своего дѣла, ему не привелось увидать человѣка парящимъ въ воздухѣ и конецъ его славной жизни былъ очень трагическій. Его модели летали безупречно. Одна изъ нихъ, снабженная паровой машиной, даже безъ человѣка пролетѣла 6-го мая 1896-го года полъ-мили. „Я былъ свидѣтелемъ этого чуднаго полета“,—говорилъ Грэамъ Бель,—„и вынесъ впечатлѣніе, что задача полета машинъ тяжелѣе воздуха вполнѣ разрѣшена“. Но предпринятые военнымъ министерствомъ новые опыты потерпѣли неудачу и вызвали градъ насмѣшекъ со стороны людей ничего не смыслившихъ въ причинахъ неудачи. Никто уже не желалъ болѣе тратить средствъ на новые опыты. Незаслуженныя оскорбленія глубоко потрясли Ланглея; его поразилъ ударъ паралича, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ второй, и физика потеряла высоко талантливаго ученаго [1]). Уже умирающій, онъ получилъ привѣтствіе

[1]) Кромѣ этой области аэронавтики, онъ прославился своими изслѣдованіями

только что сорганизовавшагося американскаго аэро-клуба, заявлявшаго о его выдающихся заслугахъ. Монопланъ Блеріо, этотъ самый изящный изъ аэроплановъ, въ основѣ построенъ по типу его моделей. Братья Райтъ сами заявили: „Только увѣренность, что глава высшаго научнаго учрежденія Америки признаетъ полетъ человѣка возможнымъ, поддержала въ насъ ту энергію, безъ которой мы не довели бы до конца задуманнаго дѣла". Смитсоновское общество учредило въ память своего секретаря медаль, по поводу присужденія которой братьямъ Райтъ Грэамъ Бель и произнесъ свою рѣчь о заслугахъ Ланглея.

Полетъ Блеріо—одинъ изъ выдающихся фактовъ 1909-го года, конечно, останется на вѣки однимъ изъ блестящихъ завоеваній человѣческаго ума и разумной отваги. Къ сожалѣнію, естественный подъемъ сознанія человѣческой мощи при этой новой побѣдѣ надъ непокоренной еще стихіей омрачается той задней мыслью, которая чуется за шумными восторгами, ею вызванными. Восемнадцатый вѣкъ привѣтствовалъ первый полетъ воздушнаго шара гордымъ возгласомъ: „sic itur ad astra!", никому не угрожавшимъ и только свидѣтельствовавшимъ о гордой увѣренности въ безграничномъ прогрессѣ человѣческаго разума. Зараженный націоналистической и милитаристической закваской второй половины девятнадцатаго, двадцатый вѣкъ встрѣчаетъ свою побѣду съ затаенной мыслью: „Такъ будемъ мы жечь города, топить цѣлые флоты". Зато и можно быть увѣреннымъ, что будущность изобрѣтенія, съ одной стороны сумѣвшаго пристроиться къ раззоряющимъ все человѣчество военнымъ бюджетамъ, а съ другой—обѣщающаго скучающему капиталу новый спортъ, еще болѣе дорогой и азартный, чѣмъ автомобиль—что будущность этого изобрѣтенія вполнѣ обезпечена. Это пессимистическое объясненіе неумѣренныхъ восторговъ, вызванныхъ особенно менѣе важными, въ научномъ смыслѣ, полетами Цеппелиновъ различныхъ нумеровъ смягчается нѣкоторыми культурными чертами, отмѣтившими самый блестящій эпизодъ этого движенія—полетъ Блеріо. Давно ли одно имя Булони или одинокая фигура на ея берегу Наполеона (извѣстная картина Месонье, помѣченная просто цифрой 1804) приводили въ трепетъ англійскую націю [1])? А теперь Блеріо встрѣчается въ Лондонѣ какъ тріумфаторъ, и англійскій народъ спѣшитъ увѣковѣчить память объ этомъ подвигѣ ориги-

---

по опредѣленію солнечной постоянной, особенно изобрѣтеніемъ болометра и опредѣленіемъ распредѣленія энергіи въ спектрѣ.

[1]) Даже такой уравновѣшенный человѣкъ, какъ Дарвинъ, говорилъ, что двѣ мысли отравляютъ его существованіе: необходимость выбрать „профессію для своихъ сыновей и опасенія, что путь высадившихся французовъ будетъ лежать черезъ Даунъ".

нальнымъ памятникомъ [1]) на той самой точкѣ, гдѣ первый французъ, спустившись съ небесъ, сталъ твердой ногой на англійской почвѣ. Быть можетъ, примѣръ, показанный двумя передовыми народами, послужитъ въ прокъ и третьему, позднѣе ихъ познавшему опьяненіе военной славой и еще не успѣвшему отъ него очнуться. Будемъ надѣяться, что и германская нація когда-нибудь сознаетъ, что спектроскопъ доставилъ ей болѣе прочную славу, чѣмъ его сверстникъ — Hinter-Lader [2]), когда-то гремѣвшій на всю Европу. Нѣкоторые едва замѣтные признаки отрезвленія уже проглядываютъ здѣсь и тамъ. Когда Гейдельбергскій университетъ праздновалъ свой пятисотлѣтній юбилей (въ 1886 г.), главную роль на немъ играли не Бунзенъ, не Кирхгофъ, не Гельмгольцъ, а герой „крови и желѣза“. Затѣмъ Гейдельбергъ украсилъ свой публичный садъ уродливо-колоссальнымъ бѣлымъ мраморнымъ бюстомъ, неуклюже воспроизводившимъ и безъ того носорожьими складками своей кожи отталкивающія черты великаго канцлера. Еще позднѣе онъ увѣнчалъ одинъ изъ господствующихъ надъ городомъ холмовъ однимъ изъ тѣхъ жертвенниковъ-башней, на которыхъ въ ночь св. Бисмарка зажигаются идоложертвенные огни по лицу всей Германіи. Наконецъ, Гейдельбергъ вспомнилъ и своего Бунзена и наканунѣ юбилейнаго года воздвигъ ему прекрасный памятникъ у подножія тѣхъ зеленыхъ холмовъ, на которыхъ въ теченіе столькихъ лѣтъ такъ охотно останавливались его взоры. Не таковъ ли будетъ и приговоръ исторіи: не будутъ ли имена людей, завоевавшихъ для науки отдаленнѣйшіе звѣздные міры, повторяться съ удивленіемъ и восторгомъ и тогда, когда имя отвоевавшаго какихъ-то двѣ жалкихъ провинціи и ради того превратившаго всю Европу — весь міръ — въ одинъ сплошной вооруженный лагерь, будетъ повторяться развѣ только съ проклятіемъ?

К. Тимирязевъ.

---

[1]) На выложенной темными плитами поверхности бѣлымъ мраморомъ въ натуральную величину выведено въ горизонтальной проекціи изображеніе спустившагося здѣсь аэроплана.

[2]) Игольчатое ружье.

„ИЗВЕРЖЕННЫЕ“

На дняхъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ, вѣроятно, и въ согласительной коммиссіи, получитъ окончательную формулировку законопроектъ объ „изверженныхъ“.

Терминомъ: „изверженные“ мы будемъ пользоваться для краткости. Это—терминъ стараго каноническаго права греко-восточной церкви. Въ церковно-славянскомъ текстѣ „Книги правилъ“ говорится объ „изверженномъ изъ клира“, „изверженномъ изъ церкви“. Современная практика церковнаго суда замѣняетъ терминъ „изверженіе изъ клира“ двумя выраженіями: „лишеніе сана“ и „снятіе сана“, при чемъ первое означаетъ наказаніе по суду, а второе—добровольный выходъ изъ духовнаго званія.

Полное заглавіе законопроекта: „Объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана или званія“. Оно показываетъ, что наши законодательныя собранія, входя въ положеніе „изверженныхъ изъ клира“, отнюдь не касаются компетентности церковнаго суда; они обсуждаютъ лишь тѣ гражданскія и политически-правовыя послѣдствія, которыя влечетъ за собою рѣшеніе этого суда. Такъ напр., священникамъ, лишеннымъ сана по суду, воспрещается вступать въ какой бы то ни было родъ государственной или общественной по выборамъ службы въ теченіе 20-ти лѣтъ; священникамъ, добровольно сложившимъ съ себя санъ, воспрещается государственная и общественная служба на 10 лѣтъ [1]). Такія „ограниченія“ нельзя не назвать тяжкими, носящими характеръ уголовной кары. Они ложатся на людей и такъ уже понесшихъ крайнее по суровости церковное наказаніе—лишеніе священнаго сана, или пережившихъ внутреннюю мучительную борьбу при рѣшеніи добровольно сложить съ себя этотъ санъ. „Изверженные“ несутъ, въ сущности, двойное наказаніе: церковное и гражданское. Гражданскія правопораженія или ограниченія отнюдь не вытекаютъ изъ природы наказанія церковнаго: оно само себѣ „довлѣетъ“ и не можетъ имѣть значенія уголовной кары („Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“).

„Изверженный“ лишается у насъ священнаго сана навсегда, иначе говоря—лишается благодати священства. Между тѣмъ, въ Книгѣ Правилъ, на которую опирается современная практика нашего церков-

[1]) Для дьяконовъ соотвѣтствующіе сроки—12 и 6 лѣтъ.

наго суда, „изверженіе“ понимается бо̀льшею частью только какъ временное лишеніе степени, напр. епископской, пресвитерской. Иногда прямо указывается: „да престанетъ отъ епископства, и да совершаетъ дѣла пресвитерства“. Только въ крайнихъ случаяхъ, напр. при упорномъ неподчиненіи суду соборному, „изверженіе“ отягчается присоединеніемъ опредѣленія: „безъ возможности возстановленія въ прежній чинъ“ или „безъ надежды на возстановленіе въ прежній чинъ“.

Православный востокъ, держащійся, въ общемъ, тѣхъ же постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ восточныхъ соборовъ, какъ и русская синодальная церковь, понимаетъ „изверженіе изъ клира“ не совсѣмъ такъ, какъ понимаетъ его нашъ современный духовный судъ. Лишенія сана, въ смыслѣ лишенія священства, православный востокъ не знаетъ. Въ извѣстномъ „Исповѣданіи восточныхъ патріарховъ“ (которое и у насъ считается символическою книгою) священство признается „неизгладимымъ“. Въ греческомъ текстѣ „Исповѣданія“, въ раздѣлѣ о крещеніи, говорится, что крещеніе такъ же неизгладимо, „какъ и священство“. Въ русскомъ переводѣ „Исповѣданія“ (изданномъ св. синодомъ) этихъ словъ нѣтъ; они вычеркнуты, какъ говорятъ, московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, вообще весьма неблагосклонно относившимся къ восточному „документу“. Римско-католическій Западъ тоже не знаетъ лишенія священства. Знаетъ его, слѣдовательно, только наше синодальное вѣдомство. Въ связи съ такимъ безповоротнымъ характеромъ лишенія сана и наше гражданское законодательство усвоило суровый взглядъ на „изверженныхъ“, какъ на лицъ нравственно вполнѣ дискредитированныхъ. И потому существующія правоограниченія этой категоріи россійскихъ гражданъ являются уже не наказаніемъ (что противорѣчило бы принципу ne bis in idem, „не отмстиши дважды за едино“), а какъ бы мѣрой предохраненія общества отъ вреднаго вліянія безнадежно скомпрометировавшихъ себя людей.

Нравственно опорочившими себя являются, по взгляду церкви, не только лишенные сана по суду „за пороки“, но и добровольно сложившіе съ себя санъ, какъ отрекшіеся отъ обѣтовъ священства. Такому взгляду вполнѣ отвѣчаетъ и взглядъ законодателя. Императоръ Николай I, установившій дѣйствующія правоограниченія для бывшихъ клириковъ, исходилъ именно изъ мысли о высокомъ значеніи духовнаго сана. Въ оставленіи этого сана—все равно, по суду или добровольно—онъ видѣлъ большой соблазнъ для христіанскаго общества. „Полагаю, — писалъ онъ въ резолюціи на докладѣ св. синода отъ 28 октября 1838 г.,—что никакъ нельзя попускать, чтобы лицо, носившее сіе высокое званіе (священнослужителя), могло непосредственно

посвящаться иному служенію, какое бы оно ни было, безъ явнаго соблазна".

Итакъ, суровость гражданскихъ и политическихъ ограниченій, тяжелымъ гнетомъ ложащихся доселѣ на судьбы „изверженныхъ", имѣла своимъ основаніемъ съ одной стороны—догматическое мнѣніе церкви объ изгладимости священства, съ другой—взглядъ законодателя на лишеніе духовнаго сана, какъ на большой общественный соблазнъ. Съ точки зрѣнія и церкви, и гражданскаго закона, „изверженные" являются подонками общества. „Участь ихъ—смерть подъ заборомъ", по выраженію архіепископа волынскаго Антонія (намекъ на самоубійство магистра богословія Валеріана Орлова). Не такъ смотрѣли въ прежнее время. „Долго" — говоритъ историкъ приходскаго духовенства, проф. П. Знаменскій,—„мы не замѣчаемъ никакихъ ограниченій для лицъ духовнаго званія, ни по службѣ гражданской, ни по службѣ военной; и та, и другая были одинаково открыты для всѣхъ сословій и для всѣхъ представляли одинаковыя выгоды. Такъ повелось съ самаго начала XVIII вѣка, съ суровой служебной школы Петра Великаго, когда всякій долженъ былъ начинать свою служебную карьеру съ самыхъ низшихъ чиновъ и проходить всю ихъ лѣствицу наряду со всѣми, безъ различія происхожденія". Петръ I поощрялъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ къ оставленію сана и къ второбрачію и опредѣлялъ ихъ въ учителя архіерейскихъ школъ, въ духовные совѣты и управленія (указъ 30-го апрѣля 1724 г.). При Екатеринѣ II самъ синодъ писалъ въ коммиссію по составленію новаго уложенія, чтобы священникамъ и дьяконамъ, „въ непрестарѣлыхъ лѣтахъ овдовѣвшимъ" и вступающимъ во второбрачіе, „въ порокъ того не ставить и по желаніямъ ихъ принимать и опредѣлять ихъ въ свѣтскіе чины и въ военную службу, кто куда способенъ окажется, не ставя ни въ какой порокъ бывшаго ихъ въ духовенствѣ обращенія и производить бы ихъ въ чины по порядку и по достоинству и по заслугамъ, дабы они отъ другихъ никакой отличности не имѣли и тѣмъ бы ревностнѣе службы свои оказывали".

Случаи лишенія сана, въ смыслѣ церковнаго наказанія, были нерѣдки; но оно не считалось поражающимъ личность виновнаго клирика „навсегда", „безповоротно". Доказательствомъ тому служатъ многочисленные случаи возвращенія сана, часто даже безъ судебнаго пересмотра дѣла, безъ признанія судебной ошибки, а вслѣдствіе раскаянія осужденныхъ, на основаніи высочайшаго помилованія или акта общей амнистіи. Санъ возвращали священникамъ, монахамъ, архимандритамъ, даже архіереямъ. Возьмемъ хотя бы данныя за первые годы царствованія Елизаветы Петровны (съ 1741 г. по 1745 г.). По характеру дѣяній, повлекшихъ за собою „изверженіе изъ сана", „изверженныхъ" можно

раздѣлить на три категоріи. Первая и самая многочисленная группа—лица, пострадавшія за преступленія политическія. Неслуженіе, вопреки указу, царскаго молебна, уклоненіе отъ привода къ присягѣ, отказъ отъ поминовенія за богослуженіемъ новой царствующей особы—таковы политическія преступленія клириковъ въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ. Много было лишенныхъ за такія вины и церковнаго сана, и монашества, и сосланныхъ въ разныя дебри и трущобы въ годы царствованія Анны Іоанновны. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы многіе изъ нихъ были помилованы; ихъ вернули изъ ссылки и возвратили имъ санъ. Такъ возвращенъ былъ санъ священникамъ Василію Иванову, Якимовичу, Сергѣеву, Ивану Степанову (наказанному плетьми), Гаврилову, іеродіаконамъ Тимофею Курятникову, Иринарху [1]). Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ опредѣленіи синода отъ 17 мая 1742 г.: „Церкви Преображенія Господня, что на Невскихъ кирпичныхъ заводахъ, бывшему попу Ѳеоктисту Гаврилову, который явился въ неслуженіи января 19 числа 1733-го года, т.-е. на день восшествія на россійскій императорскій престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти великія государыни императрицы Анны Іоанновны всенощнаго, и по лишеніи священства, для учиненія указа о ссылкѣ съ женой его въ Сибирь, въ Охотскій острогъ, отосланъ въ Тайную Канцелярію, — по силѣ всемилостивѣйшаго Ея И. В. состоявшагося декабря 15 дня указа, вину его отпустить, и о свободѣ его въ Тайную Канцелярію послать указъ; ежели же онъ (т.-е. Гавриловъ) ѣхать оттуда (изъ Сибири) не пожелаетъ, то оставить его въ Иркутской епархіи для священнослуженія“. По одному указу съ Гавриловымъ получилъ полное помилованіе священникъ г. Керенска Ермилъ Яковлевъ. Яковлеву „вины были отпущены“ и „священство возвращено“ еще годомъ ранѣе, „токмо свободу его изъ Сибири въ опредѣленіи не включено“. Теперь же ему разрѣшено вернуться изъ Сибири, „ежели онъ пожелаетъ ѣхать къ Москву“. Къ этой же категоріи лицъ можно отнести лишенныхъ монашества „за постриженіе вопреки запретительному указу“ Петра Великаго 1725-го года. Особенно пострадала братія Ниловой пустыни. Проживавшій на покоѣ въ этой пустыни епископъ Ааронъ имѣлъ неосторожность, по просьбѣ братіи монастыря, потревожить личнымъ письмомъ императрицу Анну Іоанновну, что „въ обители-де ихъ братіи велія туча и печаль о слышаніи состоявшагося изъ Св. Синода указа о разстриженіи монашескаго чина, которые послѣ регламента постриглись, и ежели де надъ тою Ниловою пустынею оное состоится, то де весьма монаше-

[1]) Эти факты, какъ и приводимые ниже, заимствованы нами изъ „Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“.

скимъ чиномъ оная обитель оскудѣетъ и по указамъ де богомолія о здравіи Ея Величества и спасеніи молебновъ, такожъ и о поминовеніи преставшихся отправлять будетъ некому, и сего ради церковь Божія безъ пѣнія опустѣть можетъ". Письмо это повлекло за собою „дѣло". Наряжено было слѣдствіе. Оказалось, что никакого постановленія синода о разстриженіи монашествующихъ послѣ регламента не было. Вспомнили при этомъ про указъ Петра I-го 1723 г. и примѣнили его къ тѣмъ изъ числа братіи, которые упросили Аарона писать императрицѣ. Игуменъ Нилловой пустыни Иларіонъ, іеромонахъ Гурій, іеродіаконы Ѳеодосій, Макарій и Ипполитъ и монахъ Анисимъ были разстрижены и сосланы въ иркутскую епархію. Нѣсколько человѣкъ изъ низшей братіи высланы въ прежнія мѣста жительства. Когда при Елизаветѣ послѣдовала общая амнистія, всѣмъ означеннымъ лицамъ „вины были отпущены" и предоставлено право, „ежели пожелаютъ", вернуться обратно въ свой монастырь.

Въ числѣ разстриженныхъ при императрицѣ Аннѣ и амнистированныхъ при Елизаветѣ оказались и два архіерея: Левъ, епископъ воронежскій, и Игнатій, митрополитъ коломенскій. Воронежскій епископъ Левъ былъ обвиненъ въ томъ, что, по полученіи манифеста о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, „молебнаго торжества не отправлялъ и во всѣхъ, въ тѣ числа бывшихъ церковнослуженіяхъ, на эктеніяхъ и гдѣ надлежало, велѣлъ вспоминать Государыню Царицу Евдокію Ѳедоровну", а Ея Величество Государыню Анну „настоящимъ императорскимъ титуломъ не возносилъ и возносить не приказывалъ". На допросѣ епископъ Левъ показалъ, что „такъ чинилъ онъ отъ простоты своей". Именнымъ высочайшимъ указомъ велѣно было епископа Льва воронежскаго, „по лишеніи всего священнаго и монашескаго чина", послать въ Крестный монастырь „для неисходнаго въ кельѣ подъ карауломъ содержанія". Коломенскій митрополитъ Игнатій, очевидно близкій къ опальному Льву, хотѣлъ-было ему помочь, но неудачно. Игнатій сталъ показывать, что Льва оклеветалъ воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ: „онъ де со Львомъ часто ссорился и на Льва писалъ, и въ этотъ де разъ, по злобѣ на него, донесъ ложно". Тѣ лица, на которыхъ, какъ на свидѣтелей, указывалъ митрополитъ Игнатій, словъ его не подтвердили. Такимъ образомъ оказалось, что самъ Игнатій „показалъ ложно". По именному высочайшему указу велѣно было его, Игнатія, за ту его вину, „лиша сана архіерейскаго" послать въ Свіяжскій Богородицкій монастырь. Этимъ злоключенія Игнатія не кончились. Изъ Свіяжска на него скоро донесли, что онъ, Игнатій, ѣздилъ изъ монастыря въ сосѣднюю пустынь, для свиданія съ бывшимъ казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, и они въ кельѣ намѣстника вели вечеромъ шумный разго-

воръ, при чемъ Игнатій сказалъ, будто бы, Сильвестру „нѣкоторыя важныя слова“. На допросѣ оба архіерея отозвались запамятованіемъ: Игнатій показалъ, что онъ былъ тогда пьянъ и потому ничего не помнитъ, а Сильвестръ сослался на свою старость. Игнатія сослали въ Архангельскую губернію, въ Николаевскій монастырь, „что на устьѣ Двины рѣки“; тамъ было велѣно „быть ему безвыходно и въ пищѣ и въ прочемъ содержать его какъ простого монаха“. Въ правленіе Анны Леопольдовны участь обоихъ низложенныхъ архіереевъ была нѣсколько смягчена. Какъ Льва, такъ и Игнатія освободили изъ заточенія; имъ предложено было избрать себѣ монастыри для мѣстожительства, какой кто пожелаетъ, но „быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ простыми монахами“, хотя давать имъ пищу „противъ прочихъ впятеро“. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны и съ объявленіемъ широкой амнистіи, Синодъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ объ опальныхъ архіереяхъ — „не соизволитъ ли Ея И. В—во изъ своей высокомонаршей матерней милости, для своего вседражайшаго многолѣтняго здравія и благополучнаго государствованія, помянутымъ бывымъ коломенскому и воронежскому архіереямъ ихъ вину, яко уже довольно за оную пострадавшимъ, всемилостивѣйше отпустить и санъ архіерейскій имъ возвратить, въ коемъ бы они могли жизнь свою окончить“. Именнымъ высочайшимъ указомъ 19 апрѣля 1742 года повелѣно было возвратить архіерейскій санъ бывшему епископу Льву. Игнатій не дожилъ до монаршей милости: онъ умеръ 25 декабря 1741 года и былъ похороненъ простымъ монашескимъ чиномъ.

Примѣръ Льва и Игнатія весьма поучителенъ. Архіереевъ лишили сана, торжественно, по тогдашнему времени, совершили надъ ними обрядъ разстриженія, низвели ихъ на степень простыхъ монаховъ— и затѣмъ имъ возвращается все: и архіерейскій санъ, и всѣ его прерогативы, безъ всякаго новаго обряда или ритуала. Епископу Льву въ засѣданіи Синода лишь прочитывается этотъ высочайшій указъ и въ слышанія указа отъ помилованнаго отбирается росписка. Быть-можетъ, дѣйствительнаго лишенія сана здѣсь не было вовсе? Церковь вынуждена была подъ давленіемъ свѣтской власти поступить неканонически, „извергая“ лицъ, того не заслуживавшихъ? И лица эти лишены были священства только для видимости, а въ глубинѣ совѣсти, молчаливо, судъ церкви признавалъ ихъ въ „сущемъ санѣ“? Существуетъ и такое мнѣніе; но оно едвали заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мы увидимъ далѣе, что санъ возвращаемъ былъ лишеннымъ его „за пороки“, лишеннымъ по опредѣленію самого церковнаго суда — и возвращаемъ не въ силу признанія судебной ошибки, не вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ, а по убѣжденію въ до-

статочности понесеннаго виновными наказанія. Такъ было возвращено іеромонашество и архимандритство нѣкоему Плятковскому, начальнику китайской православной миссіи, наказанному лишеніемъ сана за учиненіе имъ „въ градѣ Пекинѣ нѣкоторыхъ непорядочныхъ поступковъ и чрезъ то нанесенные о россійскомъ духовенствѣ и обще о россійскомъ народѣ немалые соблазны". Возвращено іеромонашество нѣкоему Мисаилу, лишенному священнаго сана и монашества за противозаконное постриженіе жены отъ живого мужа „и другіе проступки". Возвращено іеродіаконство Макарію, наказанному „за доносы, набѣгъ и продерзости". Этотъ Макарій „трижды бѣгалъ изъ-подъ караула, ложно сказывалъ за собой слово и дѣло государево". Онъ сосланъ былъ въ Якутскій Спасскій монастырь; приказано было: „содержать его тамо въ крѣпкомъ смотрѣніи неисходно, и чернилъ и бумаги ему не давать, и впредь никакимъ его письменнымъ и словеснымъ показаніямъ не вѣрить". Но пришло время—и повелѣно было его „простить и іеродіаконски дѣйствовать дозволить". Игуменъ Желѣзноборовскаго монастыря Ѳеодосій былъ лишенъ сана „за нарушеніе законовъ о подсудности"; священникъ Ѳедоръ Кузнецовъ, кромѣ того, битъ кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей; обоимъ возвращенъ санъ. Іеродіаконъ Арсеній Іовлевъ, сибирскій „провинціалъ-инквизиторъ", „за взятки, за бой протопопа и попа, и за прелюбодѣйство, и за прочія подозрительства", былъ лишенъ сана и сосланъ въ Оренбургъ. И ему возвращено монашество, но безъ іеродіаконскаго сана.

Въ настоящее время лишеніе сана по духовному суду опредѣляется какъ изгнаніе изъ клира „навсегда", „за пороки". Этимъ какъ бы подчеркивается нравственная невозможность возстановленія „изверженныхъ" въ священномъ санѣ. Ссылаясь на слова: „за пороки", нѣкоторые члены думской коммиссіи находили даже „неловкимъ" отстаивать осужденныхъ. Между тѣмъ церковный судъ по существу не знаетъ ни пороковъ, ни преступленій: онъ вѣдаетъ лишь „проступки" [1]). Статьи Устава духовныхъ консисторій, по которымъ полагается лишеніе сана, указываютъ лишь на частные, единичные случаи нравственнаго преткновенія—опьяненія, нарушенія цѣломудрія. Но каноны гласятъ: „седмижды падетъ праведникъ и возстанетъ" Рискованно обобщать единичные случаи нравственнаго преткновенія именемъ „порока".

Къ категоріи лишенныхъ сана „за пороки" нынѣ у насъ духовный судъ относитъ даже „политическихъ" [2]). Священники-члены первой

---

[1]) „Журн. Предсоборн. Присутствія", т. I, стр. 590.

[2]) Представитель Синода въ предсоборномъ присутствіи, оберъ-секретарь по

и второй Думы лишены сана тоже „за пороки", ибо иной категоріи присужденныхъ къ лишенію сана наша нынѣшняя практика духовнаго суда не знаетъ. Такимъ образомъ духовнымъ судомъ низводятся въ разрядъ „порочныхъ" общественные дѣятели только потому, что въ данное время они являются „инакомыслящими" въ политикѣ.

Что касается до лицъ добровольно сложившихъ съ себя духовное званіе, то указанный выше періодъ времени знаетъ два такихъ случая. Нѣкто Александръ Людвицкій, іеродіаконъ, пожелалъ оставить монашество. Въ 1717-мъ году онъ „самъ съ себя монашеское одѣяніе сложилъ", „чего для" отъ Синода объ увольненіи его изъ монашества и данъ ему „абшидъ". Впослѣдствіи онъ пожелалъ опять воспріять и монашескій чинъ, и іеродіаконскій, и подалъ прошеніе объ этомъ епископу с.-петербургскому Никодиму. Св. Синодъ постановилъ „означенному Александру Людвицкому монашество возвратить и въ братствѣ быть ему въ монастырѣ Александроневскомъ, и ежели въ монашествѣ окажется доброжительнымъ, то въ томъ чрезъ довольное время его усмотря, и буде по исповѣди духовника достоинъ явится, и іеродьяконство ему, Людвицкому, возвратить".

Второй случай касается возвращенія лишь одного монашества, вѣроятно потому, что желающій снова воспріять чинъ и санъ, Петръ Усовъ, послѣ добровольнаго выхода его изъ духовнаго званія былъ въ военной службѣ и проливалъ кровь на войнѣ. Синодъ рѣшилъ: „іеродіаконская дѣйствовать ему, Петру Усову, отнюдь не дерзать". Возвращено ли было ему впослѣдствіи іеродіаконство—мы не знаемъ. Вѣроятнѣе, что возвращено, какъ и Людвицкому, ибо Усовъ былъ человѣкъ почтенный въ военной службѣ дослужившійся до капральскаго чина. Не случайно въ указѣ Синода съ его именемъ и фамиліей упоминается и отчество его: „Петръ Дмитріевъ Усовъ".

Подводимъ итогъ вышесказанному. Мы видѣли, что политическія и гражданскія правоограниченія, ложащіяся на лицъ „изверженныхъ" изъ клира, опираются въ идеѣ своей на два основанія: 1) на тенденцію русской синодальной церкви видѣть въ лишеніи сана лишеніе священства, и потому трактовать „изверженіе изъ клира" какъ наказаніе „навсегда", безповоротное, позорное для наказуемаго, и 2) на аналогичный взглядъ свѣтскаго законодательства. Если эти основанія надутъ или будутъ существеннымъ образомъ поколеблены, то неизбѣжно потеряютъ значеніе и выводы, слѣдующіе изъ нихъ, а съ ними—и практическія послѣдствія.

Мы считаемъ поколебленнымъ, и весьма существенно, первое осно-

---

судебному отдѣлу Рункевичъ, отрицалъ это (см. „Журн. Пр. Пр—ія", т. IV, стр. 77); но дальнѣйшія событія опровергли г. Рункевича.

ваніе: ему противорѣчитъ практика Синода, хотя бы и за короткій періодъ времени. Санъ былъ возвращаемъ и дьяконамъ, и священникамъ, и архимандритамъ, и архіереямъ. Очевидно, наказаніе лишеніемъ сана не считалось „вѣчнымъ“: оно подлежало смягченію или отмѣнѣ, путемъ помилованія. Лица, которымъ возвращенъ былъ санъ, снова признавались заслуживающими своего прежняго положенія, достоинства и чести. И если за послѣднее время Синодъ держится иныхъ взглядовъ, то объясненіемъ этому можетъ служить „неосвѣдомленность“ синодальныхъ канонистовъ въ историческихъ прецедентахъ синодальной практики, а также неразработанность въ русской богословской литературѣ догматическаго вопроса о сущности священства и о значеніи лишенія сана. Изъ шаткаго основанія нельзя выводить положительныхъ юридическихъ послѣдствій. Если лишеніе сана, по характеру церковнаго суда — суда дисциплинарнаго, а не карательнаго—не можетъ быть наказаніемъ порочащимъ, то нѣтъ и съ государственной точки зрѣнія повода низводить наказанныхъ этимъ судомъ лицъ въ разрядъ граждански-опороченныхъ. И если представители церкви въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ отстаиваютъ необходимость сохраненія тяжелыхъ гражданскихъ правоограниченій для „крамольныхъ“ клириковъ, то не слѣдуетъ строить зданіе закона на сыпучемъ пескѣ, какой предлагаютъ ему вмѣсто твердаго камня.

Николай Огневъ.

НАКАНУНѢ ЗЕМСТВА ВЪ СИБИРИ

Въ исторіи мѣстнаго сибирскаго управленія можно указать нѣкоторыя черты сходства съ исторіей мѣстнаго управленія въ Европейской Россіи; но въ то же время нельзя не замѣтить нѣкотораго различія. Сходство заключается въ томъ, что та система бюрократической опеки, которая господствовала въ метрополіи, была перенесена въ колонію, въ Сибирь; разница—въ томъ, что тѣ зачатки самоуправленія, которые насаждались и пускали корни въ Европейской Россіи, считались, по общему правилу, неумѣстными въ Сибири.

Система бюрократической опеки — это воеводское управленіе въ XVII в., замѣненное управленіемъ губернаторскимъ и генералъ-губернаторскимъ въ XVIII в. Извѣстны недостатки этой системы; извѣстны злоупотребленія воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ въ Европейской Россіи. На сибирской почвѣ недостатки системы

обнаружились съ особенной рѣзкостью; злоупотребленія мѣстныхъ правителей достигли колоссальныхъ размѣровъ. Этому способствовали какъ общія условія русской жизни, такъ и мѣстныя условія жизни сибирской.

Правительство центральное знало о злоупотребленіяхъ сибирскихъ властей, боролось съ этими злоупотребленіями. Но то была борьба не со зломъ, а съ его отдѣльными проявленіями. Нужны были не преслѣдованія отдѣльныхъ правителей, а измѣненія въ самой системѣ управленія: нужна была реформа сибирскаго управленія. Реформа была произведена Сперанскимъ. Результатъ реформы—такъ называемое „Сибирское учрежденіе“ 1822-го года.

Принципы, которые слѣдовало положить въ основу реформы, были указаны прошлымъ Сибири. По краснорѣчивому свидѣтельству исторіи, Сибирь не знала законности: она замѣнялась здѣсь произволомъ, самоуправствомъ мѣстныхъ властей. Утвержденіе принципа законности въ сибирскомъ управленіи должно было составить главную задачу реформатора. Это прекрасно понималъ Сперанскій. Въ его „Отчетѣ“ объ обозрѣніи Сибири мы читаемъ: „Гдѣ недостаетъ законовъ, тамъ всѣмъ управляетъ власть. Отсюда укоренилась въ Сибири столѣтняя привычка ничего не ожидать отъ закона и всего надѣяться или бояться отъ лица, и, слѣдовательно, привычка въ каждомъ дѣлѣ прибѣгать къ деньгамъ“.

Но возможно ли провести въ жизнь принципъ законности, сохраняя въ полной силѣ систему бюрократической опеки? Конечно, нѣтъ. Бюрократическая опека и господство закона — несовмѣстимы. Бюрократія стремится къ безграничному властвованію; она не считается съ закономъ, который полагаетъ опредѣленныя границы власти.

Принципъ законности тѣсно связанъ съ принципомъ самоуправленія. И прошлое Сибири, и опытъ другихъ государствъ, и указанія государственной науки — все сводилось къ одному требованію: въ основу реформы долженъ быть положенъ принципъ мѣстнаго самоуправленія. Но въ правительственныхъ сферахъ того времени принципъ этотъ не пользовался кредитомъ.

Защитникомъ его былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Когда проектъ сибирской реформы 1822-го года обсуждался въ комитетѣ по сибирскимъ дѣламъ и въ комитетѣ министровъ, Козодавлевъ представилъ свое отдѣльное мнѣніе. Онъ доказывалъ, что главнымъ недостаткомъ сибирскаго управленія было „самовластіе мѣстныхъ начальниковъ, происходящее отъ излишней власти, коею они облекаемы были и которую они употреблять могутъ во зло... Таковое самовластіе во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалоба и стоны

страждущихъ едва ли до высшаго правительства достигать могутъ". Для обузданія самовластія мѣстныхъ сибирскихъ начальниковъ Козодавлевъ проектировалъ особое коллегіальное учрежденіе—„Верховное сибирскихъ губерній правительство, совѣтъ, или коммиссію", — состоящее изъ чиновниковъ, частью опредѣляемыхъ отъ правительства, частью избираемыхъ „отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій". „Мнѣ кажется, — прибавляетъ Козодавлевъ, — что для ограниченія власти мѣстнаго начальника небезполезно будетъ усилить и власть магистратовъ, и городскихъ правленій. Магистраты городовъ остзейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній". Въ частномъ письмѣ на имя Сперанскаго Козодавлевъ развиваетъ тѣ же мысли о преимуществахъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ пишетъ: „Я не все сказалъ въ своемъ мнѣніи, что бы сказать хотѣлъ. Я—врагъ самовластія, а особливо нашинскаго; люблю муниципальное правленіе, магистраты и тому подобное. Князь Лопухинъ въ голосѣ своемъ полагаетъ Сенатъ; но я до коронныхъ чиновниковъ по губерніямъ небольшой охотникъ: они подкрѣпляютъ своимъ таканіемъ самовластіе мѣстныхъ начальниковъ. Лучше, кажется, выборные, коихъ интересъ собственный привязываетъ къ интересу земли".

Мнѣніе Козодавлева было единичнымъ. Оно не находило отклика и поддержки со стороны большинства тѣхъ лицъ, которыя обсуждали проектъ сибирской реформы 1822 г. Въ письмѣ къ Сперанскому Козодавлевъ такъ характеризуетъ настроеніе большинства: „большая часть членовъ думаетъ, что городничій въ лосинныхъ штанахъ, въ сапогахъ и шпорахъ съ подъятою тростью гораздо болѣе можетъ управлять городомъ, нежели магистратъ, а особливо такой, какъ въ Ригѣ или въ Нарвѣ, гдѣ большая часть членовъ ходятъ въ парикахъ, а тростями даже и на собакъ рѣдко дѣйствуютъ".

Таковы были условія, при которыхъ составлено „Сибирское учрежденіе". Несомнѣнно, что оно внесло нѣкоторыя частичныя измѣненія и улучшенія, по коренной реформы не произвело: система бюрократической опеки, господствовавшая въ сибирскомъ управленіи до Сперанскаго, осталась въ силѣ и послѣ него. Многочисленные факты снова указываютъ на ея непригодность и на необходимость призванія къ участію въ мѣстномъ управленіи выборныхъ представителей мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе неумолимыхъ требованій жизни фактически эта необходимость иногда осуществлялась и при господствѣ системы бюрократической опеки.

Такъ, введеніе въ дѣйствіе составленнаго для Сибири „положенія о земскихъ повинностяхъ" встрѣтило большія затрудненія на прак-

тикѣ. Появился указъ императора Николая I, въ которомъ между прочимъ сказано, что „лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть сами жители. Они ближе знаютъ, гдѣ, что и кто можетъ исправить деньгами, гдѣ, кто и что самъ собою, своими руками, своею лошадью". По приказанію государя сдѣланъ былъ опросъ мѣстнаго населенія о способахъ лучшаго исполненія земскихъ повинностей.

Съ 1889-го года, по иниціативѣ бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора гр. А. П. Игнатьева, въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской образованы съѣзды представителей крестьянскихъ волостей и инородческихъ вѣдомствъ для разверстанія гоньбовой и этапной повинностей.

Въ Тобольской губерніи во время голодовки 1891—1892 гг. были учреждены участковыя или сельскія попечительства, изъ лицъ разнаго званія, для оказанія продовольственной помощи нуждающемуся населенію.

По закону 19 января 1898-го года о замѣнѣ подушной подати оброчною, въ губерніяхъ Сибири установлены уѣздные съѣзды уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ и селеній для провѣрки составляемой особыми коммиссіями раскладки оброчной подати по обществамъ.

Правилами, изданными министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ 1897-мъ году, были легализованы существовавшія на практикѣ организаціи золотопромышленниковъ. Эти правила замѣнены закономъ 28 февраля 1905 г., по которому мѣстные съѣзды золотопромышленниковъ вѣдаютъ различныя мѣстныя нужды золотопромышленныхъ районовъ и обладаютъ правомъ самообложенія.

Существующія организаціи въ Сибири сплошь и рядомъ несутъ функціи земскихъ учрежденій. Напримѣръ, сельскохозяйственныя общества устраиваютъ сельскохозяйственные и сѣменные склады, производятъ, по просьбѣ крестьянскихъ обществъ, межеваніе земли. За Байкаломъ, во время существованія порто-франко въ Владивостокѣ, крестьяне и казаки выписывали за общій счетъ для одного и даже нѣсколькихъ селеній сельскохозяйственныя машины. Въ Забайкальской области общими силами русскихъ и бурятъ ведутся устройство орошенія полей, очистка новинъ изъ-подъ лѣса и другія работы. Въ Иркутской губ. за общій счетъ одной или нѣсколькихъ волостей, а также инородческихъ вѣдомствъ, содержатся школы, пріемные покои, аптеки, фельдшера. Оригинальная организація съ чисто земскими функціями образовалась въ Тоуракскомъ приходѣ Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи: Покровское попечительство въ 1905-мъ году содержало 8 школъ, 8 библіотекъ, читальню, фельдшера, пріемный покой съ аптекой,

устраивало народныя чтенія, организовало товарищество мелкаго кредита, выступало посредникомъ при покупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ вытекаетъ логическій выводъ, что мѣстнымъ жителямъ должно быть предоставлено постоянное участіе въ рѣшеніи вопросовъ мѣстной жизни. Другими словами, въ Сибири должно быть введено земство.

Къ такому выводу не разъ приходили представители правительства. Къ такому выводу пришло общественное мнѣніе Сибири.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ отправленъ въ Сибирь, въ качествѣ ревизора, генералъ Анненковъ. Въ своихъ запискахъ онъ указываетъ „на ненадежность управленія безъ участія въ немъ общественныхъ силъ, являющихся и сдержкой произвола правителей, и способомъ внесенія въ управленіе связи съ жизнью, съ мѣстностью".

Въ 1899-мъ году иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ указываетъ на необходимость введенія земства въ Сибири.

Въ 1903-мъ году такое же указаніе дѣлаетъ иркутскій генералъ-губернаторъ графъ Кутайсовъ.

Конечно, въ рядахъ представителей правительственной власти, рядомъ съ немногими убѣжденными сторонниками земства, встрѣчалось немало противниковъ самой идеи самоуправленія. Болѣе единодушнымъ по данному вопросу было общественное мнѣніе. Извѣстный сибирскій публицистъ Ядринцевъ вопросъ о земствѣ считалъ важнѣйшимъ въ политической платформѣ сибиряка. Въ его книгѣ „Сибирь, какъ колонія" читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „только при участіи земскихъ силъ достигнется тотъ контроль въ земскомъ хозяйствѣ, къ какому стремится издавна высшая власть, уничтожатся существующія злоупотребленія и устранятся другія затрудненія по управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація будетъ имѣть подъ рукою живую силу общества, а не мертвый механизмъ. Призваніе этихъ лучшихъ земскихъ и народныхъ силъ на общественную арену, соединеніе общихъ усилій администраціи и общества на благо и пользу населенія будетъ единственнымъ разрѣшеніемъ административнаго вопроса въ Сибири... Апатичное доселѣ къ своимъ дѣламъ общество лучше научится понимать свои гражданскія обязанности, пробудитъ въ себѣ самодѣятельность, уразумѣетъ цѣль своего существованія и въ идеѣ гражданскаго развитія осуществитъ залогъ лучшаго своего будущаго".

Такія же мысли о необходимости введенія земства въ Сибири много разъ высказывались въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ XIX в. и на страницахъ сибирской періодической печати, и на засѣданіяхъ сибирскихъ обществъ и сибирскихъ городскихъ управленій, и на съѣз-

дахъ сибирскихъ дѣятелей. Въ началѣ XX в. тѣ же мысли выражены оффиціально въ засѣданіяхъ сибирскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Въ Тобольской губерніи вопросъ о необходимости введенія земства въ Сибири поднятъ былъ уѣздными комитетами ишимскимъ, курганскимъ, тюменскимъ и ялуторовскимъ; значительное число членовъ губернскаго комитета также было на сторонѣ земства. Въ Томской губерніи за необходимость введенія земства высказались уѣздные комитеты барнаульскій, змѣиногорскій, кузнецкій и маріинскій; въ губернскомъ комитетѣ это мнѣніе было поддержано 15-ю голосами противъ двухъ. Въ Енисейской губерніи всѣ уѣздные комитеты, кромѣ канскаго, признали возможнымъ и желательнымъ введеніе земства въ Сибири; къ этому мнѣнію присоединился и губернскій комитетъ. Въ Иркутской губерніи за необходимость введенія земства въ Сибири высказались нижнеудинскій уѣздный комитетъ и большинство членовъ губернскаго комитета, а балаганскій уѣздный комитетъ предложилъ устройство ежегодныхъ совѣщаній по сельско-хозяйственной промышленности.

Раздавались въ сибирскихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и голоса противъ земства. Они принадлежали представителямъ бюрократіи. Но даже въ бюрократической средѣ нашлись убѣжденные защитники идеи земскаго самоуправленія, представившіе обстоятельныя записки по этому вопросу. Приглашенные въ засѣданія комитетовъ представители мѣстнаго населенія (члены сельско-хозяйственныхъ обществъ, купцы, промышленники, крестьяне, инородцы), насколько можно судить по протоколамъ, всѣ высказались за введеніе земства въ Сибири.

Нѣкоторые изъ защитниковъ земства находили, что введеніе земства въ Сибири явится лучшимъ способомъ удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей страны, и настаивали на разсмотрѣніи этого вопроса поэтому, по ихъ мнѣнію, раньше всѣхъ остальныхъ. Другіе постепенно, послѣ обсужденія разнообразныхъ вопросовъ, касающихся сельско-хозяйственной промышленности, приходили къ тому же выводу и дѣлались убѣжденными сторонниками земской идеи.

Неподготовленность населенія являлась главнымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ земства. Въ Сибири нѣтъ людей, способныхъ вести земское дѣло,—говорили они. Въ Сибири есть такіе люди,—возражали защитники земства, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводили цѣлый рядъ доказательствъ. Интересна горячая рѣчь въ защиту земства, произнесенная въ засѣданіи барнаульскаго комитета чиновникомъ министерства земледѣлія. Она заканчивается словами: „земство въ Сибири не только осуществимо, но оно находится здѣсь

въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для своего возникновенія и будетъ, я увѣренъ, лучшимъ въ Россіи и наиболѣе передовымъ. Наши потомки будутъ удивляться, какъ это мы могли сомнѣваться въ возможности существованія земства у насъ".

Наступилъ 1905-й годъ. Казалось, что чаяніямъ и ожиданіямъ сибирскаго общества суждено осуществиться въ недалекомъ будущемъ. 3-го апрѣля 1905-го года данъ былъ Высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора. Въ рескриптѣ указано на то, что „вновь возникшія бытовыя условія выдвинули на очередь рядъ весьма важныхъ задачъ, рѣшеніе коихъ не можетъ быть достигнуто безъ участія представителей населенія", и „назрѣвшимъ потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ", т.-е. порядокъ бюрократическій. Вслѣдствіе этого признано было за благо завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ „въ предѣлахъ иркутскаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ Тобольской и Томской образовать на плодотворныхъ началахъ общественной самодѣятельности, обезпечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно наростающихъ запросовъ жизни".

На очередь сталъ практическій вопросъ—о наилучшей организаціи земскаго самоуправленія въ Сибири. Для правильнаго его разрѣшенія нужно было призвать на помощь опытъ земской Россіи и указанія государственной науки, а также обратить вниманіе на особенности сибирской жизни.

Кто могъ это сдѣлать? Не агенты бюрократіи, не канцелярскіе дѣльцы, которые въ большинствѣ случаевъ враждебно относятся къ идеѣ земскаго самоуправленія и которымъ (за рѣдкими исключеніями) чужды, непонятны и неизвѣстны интересы и потребности мѣстной жизни. Это должно было сдѣлать само населеніе, въ лицѣ представителей разнообразныхъ слоевъ его. Реформа, состоящая въ призваніи общества къ завѣдыванію мѣстными дѣлами, могла быть наилучшимъ образомъ подготовлена общественными силами. Это хорошо понимала сибирская интеллигенція. Высшіе представители сибирской бюрократіи (иркутскій генералъ-губернаторъ, томскій и тобольскій губернаторы) обращаются къ обществу за содѣйствіемъ въ дѣлѣ проведенія земской реформы. Но эти обращенія не встрѣчаютъ отклика. Сибирское общество недовѣрчиво относится къ бюрократіи, избѣгаетъ совмѣстной работы съ нею, разъ что дѣло идетъ о замѣнѣ системы бюрократической опеки системой общественнаго самоуправленія. Самостоятельно, по собственному почину оно занялось всестороннимъ обсужденіемъ вопроса о земской реформѣ. Вслѣдъ за опубликованіемъ рескрипта 3-го апрѣля въ сибирскихъ газетахъ появляется длинный

рядъ статей, замѣтокъ и сообщеній, въ разныхъ мѣстахъ Сибири устраиваются совѣщанія по тому же вопросу, составляются записки и проекты.

Особаго вниманія заслуживаетъ томскій проектъ. По иниціативѣ юридическаго общества при томскомъ университетѣ организована была въ апрѣлѣ 1905 г. коммиссія изъ уполномоченныхъ тѣхъ томскихъ обществъ, дѣятельность которыхъ соприкасается съ дѣятельностью земскихъ учрежденій (юридическаго, сельско-хозяйственнаго, техническаго, практическихъ врачей, попеченія о начальномъ образованіи, взаимопомощи учащихъ и учившихъ). Коммиссія выработала „Проектъ основныхъ началъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Сибири", который былъ принятъ на соединенномъ засѣданіи совѣтовъ и правленій всѣхъ названныхъ обществъ (въ началѣ мая).

Томскій „Проектъ" отличается отъ положеній о земскихъ учрежденіяхъ какъ 1864-го, такъ и 1890-го года. Онъ вводитъ, кромѣ уѣзда и губерніи, мелкую земскую единицу въ видѣ волости (къ ней приравниваются инородческія управы, золотые пріиски и малонаселенные города) и крупную земскую единицу въ видѣ области (въ составъ области входятъ всѣ тѣ сибирскія губерніи, въ которыхъ вводится земство).

Отличительныя особенности томскаго проекта касаются также опредѣленія органовъ земскаго самоуправленія. Кромѣ земскихъ собраній и земскихъ управъ, проектъ вводитъ спеціальныя земскія коммиссіи — училищную, медицинскую, агрономическую, статистическую и др. Коммиссіи пользуются извѣстной самостоятельностью, всѣ члены ихъ обладаютъ одинаковымъ правомъ рѣшающаго голоса.

„Проекту" чужда сословная окраска, какую имѣетъ Положеніе 1890 г.; отвергается проектомъ и тотъ имущественный цензъ, который установленъ Положеніями 1864 и 1890 гг. По проекту активнымъ избирательнымъ правомъ пользуются всѣ лица обоего пола, достигшія совершеннолѣтія, не лишенныя правъ, не состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ и прожившія на территоріи даннаго земскаго округа не менѣе двухъ лѣтъ. Всѣ эти лица пользуются и пассивнымъ избирательнымъ правомъ при выборахъ въ земскіе гласные. Но для того, чтобы быть избраннымъ въ составъ управы, требуется извѣстный образовательный цензъ.

Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій значительно расширены: къ нимъ отнесены, напримѣръ, организація юридической помощи населенію, завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ и земельнымъ устройствомъ крестьянъ и инородцевъ, производство естественно-историческихъ и другихъ научныхъ изслѣдованій. Въ число земскихъ доходовъ, кромѣ существующихъ въ земскихъ губерніяхъ, включены: прогрессивный земскій налогъ и пособіе отъ государственнаго казначейства. Кромѣ

того, въ цѣляхъ увеличенія земскихъ средствъ, проектъ предлагаетъ важную земельную реформу: „государственныя земли вмѣстѣ съ нѣдрами и лѣсами переходятъ во владѣніе областного земства; равнымъ образомъ во владѣніе земства переходятъ (путемъ выкупа) занадѣльныя земли Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ". Земскимъ собраніямъ предоставляется право предварительнаго обсужденія законопроектовъ, право возбуждать ходатайства объ изданіи новыхъ законовъ. Органамъ правительственной власти долженъ принадлежать надзоръ только за законностью (но отнюдь не за цѣлесообразностью) дѣйствій земскихъ учрежденій. Въ связи съ введеніемъ земства въ Сибири должны быть произведены реформы въ области мѣстнаго управленія (упраздненіе крестьянскихъ начальниковъ, преобразованіе полиціи, волостныхъ судовъ и др.), а также коренная политическая реформа, на основѣ свободы и самоуправленія.

Таковъ томскій проектъ. Онъ былъ напечатанъ по распоряженію юридическаго общества при томскомъ университетѣ и разосланъ сибирскимъ общественнымъ организаціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, съ просьбой доставить замѣчанія. Были получены отвѣты. Оказалось, что проектъ вездѣ встрѣченъ сочувственно, принятъ или цѣликомъ, или съ нѣкоторыми измѣненіями. Если мы сопоставимъ томскій проектъ съ другими, появившимися независимо отъ томскаго послѣ рескрипта 3-го апрѣля 1905 г., а также съ тѣми предположеніями о земской реформѣ, какія выставлялись въ сибирской прессѣ, то увидимъ почти полную солидарность. Единственное крупное разнорѣчіе касается вопроса объ областномъ земствѣ: были защитники, но были и противники его.

Спустя годъ слишкомъ послѣ опубликованія рескрипта 3-го апрѣля 1905 г. созвана была первая Государственная Дума. Казалось, все сложилось самымъ благопріятнымъ образомъ для того, чтобы Сибирь увидѣла, наконецъ, земство. Можно было ожидать, что правительство поторопится составить и внести въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ, а народные представители не замедлятъ обсудить его, принявъ во вниманіе все высказанное сибирскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Но... случилось нѣчто, съ перваго взгляда странное, въ дѣйствительности же весьма обычное въ условіяхъ бюрократическаго строя: правительство забыло о Высочайшемъ рескриптѣ. Шестой годъ идетъ со дня опубликованія рескрипта, а министерство и не приступало къ составленію законопроекта во исполненіе воли Государя Императора.

13-го мая 1906 г. прочитана была въ засѣданіи Государственной Думы декларація предсѣдателя совѣта министровъ, служившая отвѣтомъ правительства на всеподданнѣйшій адресъ Государственной

Думы. Въ декларацiи перечислены были изготовленные законопроекты, которые будутъ внесены на уваженiе законодательной власти. Между ними напрасно было бы искать законопроектъ о сибирскомъ земствѣ.

6-го марта 1907-го года предсѣдатель совѣта министровъ снова выступилъ съ декларацiей передъ депутатами второго призыва. Въ декларацiи нарисована была общая картина „законодательныхъ предложенiй, которыя министерство рѣшило представить высокому вниманiю законодательнаго собранiя“. Въ числѣ этихъ предположенiй упомянуты земская реформа вообще и, въ частности, проектъ распространенiя земскаго самоуправленiя на неземскiя губернiи, а именно—на Прибалтiйскiй край, Западный край и царство Польское. О Сибири предсѣдатель совѣта министровъ умолчалъ.

16-го ноября того же года снова произнесена была декларацiя отъ имени правительства, въ засѣданiи третьей Государственной Думы. Въ декларацiи, между прочимъ, сказано: „правительство надѣется въ скоромъ времени предложить на обсужденiе Государственной Думы проекты самоуправленiя на нѣкоторыхъ окраинахъ примѣнительно къ предполагаемому новому строю внутреннихъ губернiй“. Относится ли Сибирь къ „нѣкоторымъ окраинамъ“? Декларацiя объ этомъ умалчиваетъ. Молчанiе можно толковать какъ угодно. Но фактъ тотъ, что и въ третью Думу правительствомъ не внесенъ законопроектъ о сибирскомъ земствѣ.

О сибирскомъ земствѣ забыло правительство, но не забыло общество. Сибирская перiодическая печать по прежнему поднимаетъ наболѣвшiй вопросъ, считая его важнѣйшимъ вопросомъ сибирской жизни; она энергично напоминаетъ сибирскимъ депутатамъ, что ихъ долгъ—настаивать въ Думѣ на неотложности введенiя земства въ Сибири. Депутаты чутко прислушивались къ этимъ напоминанiямъ. Въ собранiяхъ парламентской сибирской группы неоднократно обсуждался вопросъ о введенiи земства въ Сибири.

Въ эпоху существованiя Государственной Думы перваго и второго созывовъ и сибирская печать, и сибирскiе избиратели, и сибирскiе депутаты оставались на точкѣ зрѣнiя составителей земскихъ проектовъ 1905-го года: обсуждался вопросъ о наилучшемъ, желательномъ земствѣ. Когда созвана была третья Дума, пришлось оставить эту точку зрѣнiя, замѣнивъ ее другою. Теперь ставится вопросъ не о желательномъ, а о возможномъ при наступившей реакцiи земствѣ, ибо лучше имѣть какое-нибудь земство, чѣмъ не имѣть никакого. Имѣя въ виду дать Сибири по крайней мѣрѣ такое земство, какимъ уже около пятидесяти лѣтъ пользуются центральныя губернiи Европейской Россiи, сибирскiе депутаты составили проектъ основныхъ положенiй земской реформы въ Сибири. Подъ проектомъ удалось собрать довольно много подписей,

и онъ внесенъ въ Государственную Думу. Въ засѣданіи 19-го ноября 1908-го года состоялось обсужденіе „законодательнаго предположенія 101-го члена Государственной Думы о введеніи въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ земскаго самоуправленія". Осуществленіе этого предположенія признано было желательнымъ, и оно было передано въ коммиссію по мѣстному самоуправленію.

Въ составѣ коммиссіи по мѣстному самоуправленію организована была особая „подкоммиссія по распространенію Положенія о земскихъ учрежденіяхъ на губерніи и области Сибири", подъ предсѣдательствомъ депутата кн. А. Д. Голицына. Докладчикомъ былъ сибирскій депутатъ В. А. Карауловъ. Подкоммиссія задалась цѣлью выработать законопроектъ примѣнительно къ земскому Положенію 1890 г., „съ тѣми лишь измѣненіями, которыя неизбѣжно вызываются мѣстными особенностями Сибири".

Эти особенности требуютъ, прежде всего, измѣненія земской избирательной системы. Докладчикъ Карауловъ въ первомъ засѣданіи подкоммиссіи правильно указалъ на то, что въ Сибири дворянства нѣтъ, почти нѣтъ и частнаго землевладѣнія; Сибирь представляетъ изъ себя крестьянское царство, и потому при выборѣ гласныхъ дворянская курія отпадаетъ и остаются только двѣ куріи—крестьянская и городская". Подкоммиссія согласилась съ мнѣніемъ докладчика и предположила раздѣлить избирателей на двѣ куріи—крестьянскую и частновладѣльческую, зачисливъ во вторую всѣхъ плательщиковъ земскаго налога, кромѣ крестьянъ. Согласилась подкоммиссія также съ предложеніемъ докладчика, чтобы крестьянская курія избирала по одному гласному отъ каждой волости, такъ чтобы каждая волость имѣла въ уѣздномъ земскомъ собраніи своего представителя, знакомаго съ мѣстными условіями и нуждами. Согласилась, наконецъ, подкоммиссія и съ тѣмъ, чтобы число гласныхъ отъ второй—частновладѣльческой—куріи „опредѣлялось пропорціонально суммѣ земскаго сбора, платимаго всѣми лицами, входящими въ составъ этой куріи, по отношенію къ суммѣ того же сбора, уплачиваемаго крестьянскими обществами, составляющими первую курію".

Докладчикъ сдѣлалъ еще одно предложеніе: въ видахъ привлеченія къ земской работѣ мѣстной интеллигенціи, предоставить пассивное избирательное право лицамъ хотя и не владѣющимъ никакимъ имущественнымъ цензомъ, но проживающимъ не менѣе года въ данномъ уѣздѣ и окончившимъ курсъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Россійской Имперіи не ниже двухкласснаго училища. Это предложеніе перевѣсомъ голоса предсѣдателя было отклонено. Подкоммиссіей предположено только предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право избирать на земскія должности лицъ и не обла-

дающихъ цензомъ, но проживающихъ въ предѣлахъ уѣзда не менѣе трехъ лѣтъ и имѣющихъ право, по полученному ими образованію, на производство въ первый классный чинъ.

Имущественный цензъ для избирателей второй куріи подкоммиссія предположила уменьшить приблизительно на половину, въ виду того, что оффиціальныя оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ Сибири крайне низки, и потому цензъ, установленный Положеніемъ 1890 г., представляется непомѣрно высокимъ. Для усиленія въ сибирскомъ земствѣ культурнаго элемента подкоммиссія предположила допустить къ участію въ земскихъ выборахъ торгово-промышленный классъ, установивъ для него налоговой цензъ, соотвѣтствующій имущественному цензу избирателей второй куріи. Такъ какъ въ Сибири почти нѣтъ частнаго землевладѣнія и, значитъ, лицъ, обладающихъ полнымъ земельнымъ цензомъ, окажется мало, то подкоммиссія нашла необходимымъ допустить сложный цензъ, земельный и имущественный, а также земельный, имущественный и налоговой, съ тѣмъ, чтобы отъ сложенія разныхъ цензовъ получилась полная единица земскаго ценза.

Таковы важнѣйшія измѣненія дѣйствующаго земскаго Положенія, предположенныя подкоммиссіей. Не буду останавливаться на другихъ, маловажныхъ. Подкоммиссія чрезвычайно осторожно, можно сказать боязливо отнеслась къ выполненію возложенной на нее задачи: она допускала измѣненія лишь тамъ, гдѣ необходимость ихъ представлялась очевидной и безспорной. Въ засѣданіи 18 ноября 1909 г. два члена подкоммиссіи высказались за внесеніе въ законопроектъ такихъ измѣненій, которыя не вызываются особенностями сибирскаго края, но являются вообще для земскаго самоуправленія необходимыми въ виду сознанныхъ всѣми недостатковъ дѣйствующаго Положенія. Казалось бы, предложеніе это вполнѣ пріемлемое. Въ самомъ дѣлѣ „разъ недочеты земскаго Положенія для всѣхъ ясны, то нѣтъ нужды переносить ихъ и на сибирское земство, а необходимо исправить теперь же“. Однако предложеніе было отклонено по соображеніямъ практической цѣлесообразности: полный пересмотръ земскаго положенія занялъ бы слишкомъ много времени, а между тѣмъ представляется крайне желательнымъ распространить положенія о земскихъ учрежденіяхъ на Сибирь какъ можно скорѣе, такъ какъ для нея „гораздо лучше имѣть хотя какое-нибудь земство, чѣмъ не имѣть его совсѣмъ“.

Работы подкоммиссіи, по видимому, уже закончены или, во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ быть закончены въ самомъ непродолжительномъ времени. Нѣтъ никакихъ препятствій для того, чтобы составленный подкоммиссіей законопроектъ получилъ дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Остается пожелать, чтобы движеніе

это шло по возможности быстрымъ темпомъ: слишкомъ долго ждетъ Сибирь земства, слишкомъ велика и настоятельна надобность въ немъ.

І. Малиновскій.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА А. Н. КУРОПАТКИНА

Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Томы I — III. А. Н. Куропаткина. Спб., 1910 г.

Бывшій главнокомандующій русскими войсками въ Манчжуріи не принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ побѣжденныхъ полководцевъ, которые скромно и молчаливо несутъ на себѣ тяжкое бремя отвѣтственности за постигшія ихъ неудачи. Генералъ А. Н. Куропаткинъ писалъ и печаталъ очень много послѣ печальнаго завершенія своей дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ; онъ не ограничился составленіемъ обширнаго оффиціальнаго отчета о японской войнѣ, въ шести томахъ, а выступилъ съ чѣмъ-то въ родѣ политической программы, вытекающей, будто бы, изъ обстоятельнаго обзора исторіи Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго момента. Сущность этой программы выражена въ словахъ, послужившихъ девизомъ для трехтомнаго военно-историческаго сочиненія А. Н. Куропаткина: „Россія для русскихъ“.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что мысль, заключающаяся въ приведенной формулѣ, достаточно ясна и опредѣленна; но если остановиться надъ вопросомъ, кого собственно слѣдуетъ причислять къ русскимъ, и о какой Россіи—оффиціально-политической или этнографической—идетъ вообще рѣчь, то получается цѣлый рядъ недоумѣній. А. Н. Куропаткинъ, говоря о русскихъ, имѣетъ прямо въ виду „русское племя“; подъ Россіею онъ разумѣетъ государство съ русскимъ православнымъ населеніемъ, свободнымъ отъ инородческихъ элементовъ. Россія несомнѣнно создана русскимъ народомъ; но въ какую эпоху нашей исторіи русское государство существовало для русскаго народа или для русскаго племени? Не тогда ли, когда массы коренного русскаго населенія обращены были въ крѣпостное состояніе и когда русскій народъ и русское общество были совершенно лишены права голоса при рѣшеніи и устройствѣ государственныхъ дѣлъ? Если „Россія—для русскихъ“, то Манчжурія—для Китая, Польша—для полякозъ, Финляндія—для финновъ. Манчжурія ни въ какомъ

отношеніи не могла быть отнесена къ Россіи, и слѣдовательно она не могла быть предназначена для русскихъ; зачѣмъ же мы забрались въ эту чуждую намъ страну и затѣяли изъ-за нея ужасную, убійственную войну? Неужели только для того, чтобы дать А. Н. Куропаткину случай удостовѣриться, что Манчжурія принадлежитъ Китаю, а не Россіи? Относительно Польши также неловко было бы утверждать, что она существуетъ для русскихъ—хотя Польша или, вѣрнѣе, часть бывшей Польши несомнѣнно входитъ въ составъ Россійской имперіи. И о Финляндіи нельзя сказать, что она существуетъ и предназначена для русскаго племени, хотя она и составляетъ часть великаго русскаго государства. Если стремиться къ тому, чтобы государство имѣло однородный племенной составъ, то надо отказаться отъ областей съ сплошнымъ инородческимъ населеніемъ и допустить возможность или даже неизбѣжность распаденія нынѣшней разноплеменной Россіи. Прилагая къ современному государству узко-племенную мѣрку, мы естественно умаляемъ его силу и устанавливаемъ для него болѣе тѣсныя территоріальныя границы; а такъ какъ А. Н. Куропаткину представляется все-таки нежелательнымъ отречься отъ инородческихъ земель и племенъ, расширившихъ московское государство до степени великой міровой державы, то онъ невольно колеблется въ своихъ выводахъ и впадаетъ въ странныя противорѣчія.

Инородцы и иноземцы, какъ и солидарные съ ними русскіе западники, по мнѣнію автора всегда приносили вредъ государству, подрывали русское національное самосознаніе, подкапывались подъ историческіе устои самодержавія, православія и народности и „привели русское племя не къ усиленію, а къ ослабленію, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ“. Зловредное вліяніе инородцевъ началось, однако, съ давнихъ поръ—со времени призванія варяговъ; оно продолжалось и послѣ монгольскаго ига, и въ періодъ царей, и послѣ Петра I, когда, напримѣръ, для Россіи выписывали правителя изъ Курляндіи. Многіе изъ нашихъ служилыхъ родовъ пришли изъ Орды, изъ Литвы, „изъ Пруссъ“ или изъ „нѣмецъ“. Можемъ ли мы теперь сожалѣть о томъ что, напр., въ четырнадцатомъ вѣкѣ былъ принятъ въ Россіи на службу „мужъ честенъ Индрисъ“ изъ „цесарскія земли“, родоначальникъ Толстыхъ и, слѣдовательно, предокъ Льва Николаевича Толстого?

Безполезно настаивать на инородческомъ происхожденіи такихъ русскихъ фамилій, какъ Урусовы, Юсуповы, Карамзины, Аксаковы, Тургеневы и др. А Н. Куропаткинъ не отрицаетъ, что русское племя „стало могущественнымъ отчасти благодаря принятію въ свой составъ представителей другихъ народностей“. Масса нѣмцевъ,—говоритъ онъ,—поляковъ, татаръ, финновъ, кавказцевъ, сибирскихъ инородцевъ

„совершенно слилась съ русскими. Въ боевой лѣтописи русскихъ войскъ встрѣчается, особенно въ девятнадцатомъ столѣтіи, много именъ инородцевъ, и русская армія всегда вспоминаетъ эти имена съ уваженіемъ: Барклай де-Толли, Беннигсенъ, Тотлебенъ, графъ Граббе, князь Багратіонъ, кн. Цицiановъ, кн. Андронниковъ, кн. Бебутовъ, Лазаревъ, Теръ-Гукасовъ, Гейманъ, кн. Чавчавадзе...“ То же самое свидѣтельствуетъ авторъ и о полякахъ: „Масса офицеровъ польскихъ въ послѣднія войны, веденныя Россіею, свято исполнила свой долгъ. Полки, въ которыхъ они служили, были ихъ семьями, а Россія—родиною. Не иначе какъ съ самымъ теплымъ чувствомъ вспоминаю офицеровъ пѣхотной дивизіи въ русско-турецкую войну 1877—78 годовъ. Среди нихъ было значительное число поляковъ, и многіе изъ нихъ оказали выдающіеся подвиги“ (т. III, стр. 79). И „въ русской арміи, и на другихъ поприщахъ дѣятельности, уже находится много поляковъ, которые считаютъ Россію своимъ отечествомъ, любятъ ее, говорятъ въ своихъ семьяхъ только на русскомъ языкѣ, женятъ своихъ сыновей и выдаютъ замужъ своихъ дочерей за русскихъ. Этотъ польскій элементъ, конечно, только полезенъ Россіи“ (т. II, стр. 270). Это—хорошіе, надежные поляки, достойные равноправія съ русскими людьми; но есть и дурные, упорно продолжающіе употреблять польскій языкъ и потому подлежащіе зачисленію въ разрядъ враговъ отечества. Такого рода поляки, „широко воспользовавшись возможностью получать высшее и среднее образованіе, начинаютъ вытѣснять русскихъ въ тревожной степени. Я не разумѣю при этомъ — оговаривается А. Н. Куропаткинъ — поляковъ, которые стали считать Россію своею родиною, а русскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ,—это наши братья; по разумѣю поляковъ, которые демонстративно сохраняютъ свой языкъ: даже въ служебныхъ сношеніяхъ демонстративно громко говорятъ, внутри Россіи, по-польски въ буфетахъ, на платформахъ желѣзныхъ дорогъ... Пріемъ такихъ поляковъ на службу на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ судебное и другія вѣдомства—большая ошибка. Мы уже поплатились за довѣріе къ такимъ полякамъ, особенно на забайкальской и другихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ 1905-мъ году“ (т. III, стр. 73). Между русскими нѣмцами тоже надо различать полезныхъ и вредныхъ: одни изъ нихъ „уже давно обрусѣли, приняли православіе, забыли нѣмецкій языкъ, переженились на русскихъ и только по фамиліи можно угадать ихъ нерусское происхожденіе. Многіе изъ балтійскихъ нѣмцевъ доблестно служили и теперь еще служатъ въ Россіи, считая ее своею родиною. Этотъ нѣмецкій элементъ желателенъ и полезенъ, ибо такіе нѣмцы вносятъ въ порученныя имъ дѣла порядокъ, точность и дѣловитость. Но много нѣмцевъ занимаютъ высокіе служебные посты въ Россіи, относясь пренебрежительно къ Россіи и всему русскому, со-

храняютъ въ семьѣ нѣмецкій языкъ и избѣгаютъ вести знакомство съ русскими. Многіе изъ такихъ нѣмцевъ отличаются большою династической преданностью, но, не стѣсняясь, заявляютъ, что они служатъ русскому Государю, но не Россіи. Такіе нѣмцы очевидно вредны для Россіи" (тамъ же, стр. 74—5).

Въ устахъ бывшаго военнаго министра весьма любопытно признаніе, что можно быть преданнымъ престолу и усердно служить русскому Государю и въ то же время быть вреднымъ для Россіи. Значитъ, служба престолу и династіи не всегда совпадаетъ съ службою отечеству? Но такое противопоставленіе должно быть съ одинаковымъ правомъ примѣняемо и къ русскимъ царедворцамъ-карьеристамъ, а вовсе не къ однимъ нѣмцамъ. Аракчеевъ не былъ лучше отъ того, что считался русскимъ по вѣрѣ и происхожденію. Если отличать полезныхъ отъ вредныхъ людей между иноземцами и инородцами, то надо проводить такое же различіе и между чисто-русскими людьми. Устроители несчастной японской войны, виновники причиненныхъ ею пораженій и бѣдствій не могутъ быть признаны полезными для Россіи только потому, что они носятъ русскія фамиліи. Самоувѣренные, но бездарные или небрежные военные руководители, виновники негодности и гибели русскаго флота, смѣлые казнокрады, организаторы или попустители пьянства и распущенности въ тылу арміи, были несомнѣнно вреднѣйшими людьми для Россіи, хотя многіе изъ нихъ принадлежали къ числу лицъ русскаго происхожденія. Тотъ критерій пользы или вреда, которымъ руководствуется А. Н. Куронаткинъ, не имѣетъ никакого отношенія къ разумной оцѣнкѣ дѣйствій и заслугъ отдѣльныхъ лицъ или группъ обывателей: для него поляки, „демонстративно" сохранившіе свой родной языкъ, т.-е. добросовѣстно оставшіеся поляками по національности, всегда зловредны, независимо отъ практической цѣнности ихъ дѣятельности, а поляки, отрекшіеся отъ своего народа и демонстративно ставшіе русскими, зачисляются въ категорію полезныхъ гражданъ, хотя бы они были только лицемѣрами. Судить о людяхъ по ихъ именамъ и происхожденію было бы слишкомъ мелко даже для такихъ дѣятелей стараго режима, какъ А. Н. Куропаткинъ. Онъ хвалитъ инородцевъ за ихъ поведеніе во время послѣднихъ войнъ. „Нижніе чины другихъ національностей не отставали отъ русскихъ нижнихъ чиновъ, съ которыми сражались плечо къ плечу. Даже татары были настолько тверды въ присягѣ, что безъ колебанія шли противъ единовѣрныхъ турокъ. Такимъ образомъ въ арміи нашей въ военное время всѣ національности составляли одну семью. Но нельзя не признать,—прибавляетъ авторъ,—что болѣе однородный въ племенномъ отношеніи составъ арміи, подобно тому, какъ это было въ XVIII-мъ

столѣтіи, облегчилъ бы тяжелую задачу подготовки войскъ къ военному времени" (тамъ же, стр. 80). Но такъ какъ нельзя уже идти назадъ въ восемнадцатый вѣкъ, то о возвращеніи къ старому племенному составу арміи нечего и думать, и наша военная бюрократія не можетъ, конечно, требовать, чтобы задача подготовки войскъ искусственно облегчалась для нея въ ущербъ интересамъ дѣйствительной жизни. Самъ авторъ живетъ какъ будто въ идеяхъ московской старины; ему кажется, что все зло—въ иноземцахъ, полякахъ и евреяхъ. „Не будь присоединены къ намъ въ 1815-мъ году польскія области съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ,—разсуждаетъ онъ,—мы могли бы слить оставшихся въ русскихъ мѣстностяхъ поляковъ съ русскимъ населеніемъ, а не пожелавшіе этого сліянія были бы выдѣлены, какъ иностранцы, безъ права поступленія въ русскія высшія учебныя заведенія, безъ права русской государственной службы, безъ права участія въ управленіи государственными дѣлами, касающимися всего русскаго племени" (т. II, стр. 270). Процессъ сліянія поляковъ съ русскими рисуется автору въ видѣ какой-то принудительной экзекуціи, съ выдѣленіемъ и соотвѣтственнымъ наказаніемъ нежелающихъ. Но „слить" живыхъ людей разныхъ народностей воедино можно было бы развѣ въ томъ смыслѣ, что всѣхъ ихъ легко помѣстить въ одну общую кутузку: другіе способы сліянія недоступны нашимъ расторопнымъ исправникамъ и губернаторамъ патріотическаго направленія. Люди, несогласные „сливаться" подъ наблюденіемъ полицейскихъ чиновъ, будутъ разсматриваться какъ иностранцы, лишенные гражданскихъ правъ. А. Н. Куропаткинъ ошибается, предполагая, что иностранцы, по общему правилу, не пользуются правомъ поступленія въ высшія учебныя заведенія. Автору вѣроятно извѣстно, что множество русскихъ подданныхъ издавна обучалось за границей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и всегда имѣло доступъ къ нимъ въ передовыхъ государствахъ Запада; почему же у насъ школьное образованіе должно считаться привилегіею, недоступною для извѣстныхъ разрядовъ нашихъ собственныхъ согражданъ? То, чѣмъ широко пользуются русскіе люди за границею, не можетъ быть закрыто у насъ для иностранцевъ—и тѣмъ болѣе для русскихъ подданныхъ. По мнѣнію автора, государство, вмѣсто того, чтобы создать достаточное количество общедоступныхъ школъ для народа, должно ограждать существующія учебныя заведенія отъ желающихъ учиться иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Запрещать учиться, не пускать въ школы, закрывать доступъ къ образованію—такова по истинѣ варварская политика, которая съ особенною настойчивостью рекомендуется А. Н. Куропаткинымъ по отношенію къ инородческимъ элементамъ населенія Россіи. Онъ серьезно возмущается по поводу того, что либеральные дѣятели прошлаго сто-

лѣтія поощряли поступленіе евреевъ въ русскія школы, содержащіяся на казенный счетъ, что „евреи жадно схватились за предоставленное имъ право и начали наполнять русскія школы въ ущербъ образованію русскаго племени“, и что при министрѣ Деляновѣ были опредѣлены слишкомъ высокія процентныя нормы для евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ — 10% въ чертѣ осѣдлости, 5% внѣ этой черты и 3% въ столицахъ. „Въ 1889-мъ году Деляновъ самовольно разрушилъ и эту перегородку, сдерживавшую наплывъ евреевъ въ учебныя заведенія: онъ разрѣшилъ принимать лучшихъ учениковъ изъ евреевъ безъ нормы“ (т. III, стр. 19). „Несомнѣнно — замѣчаетъ авторъ,—что и между евреями встрѣчаются въ высокой степени достойныя уваженія личности“ (стр. 68); но ужасно то, что дѣтямъ ихъ позволено учиться и что, составляя только одинъ процентъ всего населенія въ губерніяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости, евреи „правдами и неправдами добились въ пять разъ большихъ правъ на поступленіе во всѣ учебныя заведенія (кромѣ столицъ), чѣмъ русское населеніе, и нынѣ, совершенно неожиданно, ихъ права увеличены вдвое“, такъ что „относительно полученія средняго и высшаго образованія, начиная съ 1910-го года, евреи въ городахъ внѣ черты еврейской осѣдлости будутъ поставлены въ положеніе, въ десять разъ болѣе благопріятное, чѣмъ русское населеніе; во многія же техническія и художественныя заведенія пріемъ евреевъ будетъ производиться безъ всякихъ нормъ“ (стр. 71). Опять-таки евреи сами по себѣ, быть можетъ, хороши и полезны; „нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ одного милліона евреевъ, проживающихъ внѣ черты еврейской осѣдлости, находится много лицъ, весьма почтенныхъ, и дѣятельность которыхъ заслуживаетъ только глубокаго уваженія (стр. 339); но „уже одно то, что они добились возможности получать знанія при условіяхъ въ десять разъ болѣе легкихъ, чѣмъ русское племя, указываетъ на ихъ могущество и на необходимость сломить это могущество“ (тамъ же). „Предоставленіе инородцамъ, въ томъ числѣ и евреямъ, равныхъ съ русскимъ населеніемъ правъ на поступленіе во всѣ школы поведетъ къ тому, что инородческія племена, достигшія высшей, чѣмъ русское племя, культуры, широко воспользуются предоставленными правами и наполнятъ среднюю и высшую школы за счетъ средствъ, собираемыхъ съ русскаго племени и въ ущербъ его интересамъ“ (стр. 301).

Кажется, нигдѣ въ мірѣ не высказываются уже подобныя дикія мнѣнія. Повсюду масса сельскаго населенія въ несравненно меньшей мѣрѣ пользуется средними и высшими учебными заведеніями, чѣмъ городское населеніе; отсюда можно было бы сдѣлать практическій выводъ, что эти школы должны быть содержимы преимущественно

на средства городскихъ обывателей, а не на счетъ налоговъ, собираемыхъ съ крѣстьянства. Довольно высокая плата за ученье, взимаемая съ самихъ учащихся или съ ихъ родителей, устраняетъ соображеніе о томъ, что знанія пріобрѣтаются на чужой счетъ, на казенныя или народныя средства, въ ущербъ кому бы то ни было. Если городское и въ частности еврейское населеніе ищетъ школьнаго образованія и даетъ на это необходимыя средства, то нелѣпо отказывать ему въ этомъ на томъ основаніи, что большинство остального населенія не можетъ пользоваться средними и высшими школами въ одинаковой мѣрѣ и не имѣетъ даже къ своимъ услугамъ достаточнаго числа начальныхъ школъ. Наполняя собою казенныя учебныя заведенія въ городахъ и столицахъ, дѣти городскихъ и болѣе зажиточныхъ сельскихъ обывателей ничего не отнимаютъ у остальныхъ и не причиняютъ никакого ущерба той крестьянской массѣ, которая вообще не отдаетъ и не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ городскія и столичныя школы. Высчитывать, сколько мѣстъ въ гимназіяхъ и университетахъ должно быть удѣлено горожанамъ, полякамъ, армянамъ или евреямъ, соотвѣтственно процентному составу ихъ въ общей массѣ населенія—это явный абсурдъ, до котораго могли додуматься только наши націоналисты-обскуранты. Ни въ одной странѣ культурнаго міра не существуетъ ничего подобнаго; вездѣ двери публичныхъ школъ, особенно высшихъ, широко открыты не только для гражданъ даннаго государства, независимо отъ ихъ національности и религіи, но, по возможности, и для иностранцевъ. Считать стремленіе къ образованію, свойственное отдѣльнымъ группамъ обывателей, чѣмъ-то опаснымъ и зловреднымъ для остальной массы народа, предметомъ захвата, котораго добиваются „всякими правдами и неправдами“ — очевидный абсурдъ въ принципіальномъ отношеніи и вопіющая несправедливость на практикѣ. Каждый плательщикъ податей, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ одинаковое право пользоваться услугами государственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ содержаніи которыхъ онъ участвуетъ, и никому не придетъ въ голову отмѣривать, сколько такихъ услугъ можетъ быть оказано различнымъ элементамъ населенія или отдѣльнымъ лицамъ. Одни, напр., часто обращаются въ судъ и постоянно нуждаются въ содѣйствіи судебной власти, другіе никогда не имѣютъ и не ведутъ никакихъ судебныхъ дѣлъ; поэтому первые уплачиваютъ судебныя и гербовыя пошлины, отъ которыхъ вторые свободны—и всѣ находятъ такой порядокъ вещей вполнѣ естественнымъ и безобиднымъ. Точно такъ же каждый плательщикъ податей имѣетъ одинаковое право помѣщать своихъ дѣтей въ публичныя учебныя заведенія, и если послѣднихъ не хватаетъ для удовлетворенія существующей потребности, то государство должно озаботиться увеличеніемъ ихъ

числа, взимая соотвѣтственную особую плату за ученье. Самая мысль о томъ, что одни пріобрѣтаютъ знанія въ ущербъ другимъ и что учащіеся приносятъ вредъ неучащимся, есть постыдный продуктъ умственной тьмы, проявленіе безнадежнаго нравственнаго убожества. Если научныя и техническія знанія увеличиваютъ могущество отдѣльныхъ группъ и умножаютъ силу и способы эксплуатаціи народа разными предпринимателями, какъ думаетъ А. Н. Куропаткинъ, то вѣдь эти послѣдствія существуютъ независимо отъ вопроса объ инородцахъ, и остается только признать, что знанія ученыхъ людей вообще вредны для массы населенія и что невѣжественные эксплуататоры лучше образованныхъ и культурныхъ промышленныхъ дѣятелей. Наконецъ, если доступъ къ образованію и наукѣ долженъ быть закрытъ для извѣстныхъ классовъ населенія, то какъ достигнуть этой цѣли въ тѣхъ случаяхъ, когда знанія пріобрѣтаются помимо казенныхъ школъ, усиліями отдѣльныхъ лицъ, изученіемъ спеціальныхъ книгъ и руководствъ или посѣщеніемъ заграничныхъ учебныхъ заведеній? Или, быть можетъ, для пользованія книжною литературою также должна быть установлена извѣстная процентная норма, обязательная для инородцевъ вообще и для евреевъ въ особенности?

Любопытнѣе всего, что, излагая чрезвычайно пространно свои поразительныя идеи о полякахъ, „демонстративно сохраняющихъ свой языкъ“, и объ евреяхъ, виновныхъ въ опасномъ для государства стремленіи къ образованію, А. Н. Куропаткинъ не считаетъ себя врагомъ инородцевъ, а напротивъ, иногда снисходительно говоритъ объ ихъ хорошихъ качествахъ и даже благодушно разсуждаетъ о взаимномъ сближеніи и единеніи на почвѣ общей любви къ родинѣ. Будущему—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (т. III, стр. 201)—„предстоитъ рѣшеніе многихъ огромной важности внутреннихъ вопросовъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ главныхъ стоитъ примиреніе съ такими племенами, намъ единокровными, какъ напр. польское,—включеніе въ общую русскую семью всѣхъ другихъ народностей, проживающихъ въ Россіи,—такъ чтобы на великой Руси каждый русскій подданный считалъ себя прежде всего *русскимъ* и гордился бы этимъ, — чтобы за границей полякъ, армянинъ, финнъ, на вопросъ: кто они? — отвѣтили бы: мы русскіе. Сохраняя свою религію, свои обычаи и вѣрованія, всѣ племена, населяющія Россію, по мѣрѣ пріобщенія ихъ къ русской государственности, должны признавать для себя необходимымъ знать русскій языкъ, не признавать возможнымъ обходиться безъ него и не смотрѣть на него какъ на чужой, навязываемый правительствомъ. Русскій языкъ и русскіе законы должны послужить тѣмъ цементомъ, который долженъ сковать въ одно нераздѣльное цѣлое всѣ племена, населяющія Россію“.

Само собою разумѣется, что взаимное примиреніе „всѣхъ народностей“ и внушеніе имъ чувства любви къ Россіи и къ русскому языку не могутъ быть достигнуты путемъ принудительныхъ и запретительныхъ мѣръ, при содѣйствіи полицейскихъ и административныхъ чиновъ, по системѣ А. Н. Куропаткина и его единомышленниковъ. Для того, чтобы признавать обязательнымъ для всѣхъ „пріобщеніе къ русской государственности“, необходимо придать этой государственности болѣе культурныя черты, сдѣлать ее болѣе разумною и цѣлесообразною, перестать смотрѣть на нее какъ на законное достояніе немногихъ полновластныхъ распорядителей. Нельзя требовать, чтобы люди чувствовали любовь къ своимъ гонителямъ и видѣли въ нихъ воплощеніе государственной силы и авторитета. Нельзя ожидать, что русскіе обыватели будутъ гордиться званіемъ русскаго гражданина, пока это званіе соединяется для нихъ лишь съ сознаніемъ полнаго безправія. Нечего заботиться о распространеніи между инородцами русскаго языка: языкъ Гоголя и Льва Толстого не нуждается въ полицейской опекѣ. Неотразимая притягательная сила русской литературы дѣлаетъ совершенно излишнимъ грубое усердіе оффиціальныхъ, нерѣдко полуграмотныхъ распространителей государственнаго языка среди инородческаго населенія,—а между тѣмъ на это принудительное усердіе по прежнему возлагаютъ всѣ свои надежды націоналисты въ родѣ А. Н. Куропаткина.

Противъ инородцевъ предлагаются разныя ограничительныя мѣры во имя охраны интересовъ русскаго племени; но эта забота о русскомъ племени обнаруживаетъ свой истинный характеръ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ общихъ вопросахъ внутренней политики. Для русскаго племени выставляется розга вѣрнѣйшимъ способомъ воздѣйствія съ цѣлью наказанія и исправленія. А. Н. Куропаткинъ откровенно разсказываетъ, что у него въ деревнѣ, съ его согласія, одинъ изъ поденныхъ рабочихъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію взамѣнъ законной отвѣтственности предъ судомъ за кражу бутылки домашней наливки. Виновному „было дано на конюшнѣ 25 розогъ въ присутствіи моего старшаго рабочаго“,—говоритъ авторъ:—„и никакого угрызенія совѣсти за такое рѣшеніе этого дѣла я не чувствую“ (т. III, стр. 333). Ибо что̀ такое въ сущности русская народная масса для нашихъ націоналистовъ-патріотовъ? „Воровство въ разныхъ видахъ—такой порокъ русскаго племени, о которомъ свидѣтельствуютъ еще наши лѣтописи. По развитію нашъ простолюдинъ не выше тѣхъ англичанъ, которыхъ (когда-то) вѣшали за воровство“ (тамъ же). Для русскаго племени, по понятіямъ А. Н. Куропаткина, тѣлесное наказаніе является вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ, не заключающимъ въ себѣ ничего позорящаго; притомъ

оно рекомендуется не въ видѣ законной судебной кары, налагаемой послѣ надлежащаго разбора дѣла на судѣ, а въ видѣ мѣры личнаго произвола заинтересованнаго помѣщика или хозяина, по соглашенію съ органами мѣстной администраціи. Для русскаго племени, для облегченія его существованія и развитія, авторъ ничего другого не придумалъ, кромѣ усиленія системы ежовыхъ рукавицъ. Онъ находитъ, что земскіе начальники должны обладать неограниченными полномочіями, и что „имъ необходимо возвратить отнятое у нихъ право наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ на все сельское населеніе“ (т. III, стр. 16, 263 и др.). Нужно еще болѣе усилить власть нашихъ провинціальныхъ помпадуровъ, уничтожить зависимость ихъ отъ петербургскихъ канцелярій, устранить послѣдствія „обезличенія губернаторовъ“ и отсутствія твердой власти въ уѣздахъ, обезпечить на мѣстахъ подчиненіе представителей всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ губернаторамъ и т. д. (стр. 262). Русскій народъ для А. Н. Куропаткина есть только матеріалъ для распоряженій и мѣропріятій высшей и низшей администраціи; самъ по себѣ онъ никакихъ правъ не имѣетъ, и если онъ играетъ какую-либо роль въ исторіи, то только благодаря попечительному начальству, которое неизмѣнно руководствуется принципами глубокой „преданности вѣрѣ, царю и родинѣ“. На этихъ устояхъ держится Россія: „рухнутъ они,— рухнетъ и русское государство“ (тамъ же, стр. 435). Подъ прикрытіемъ этого лозунга — преданности вѣрѣ, престолу и отечеству — выростаетъ и развивается всесильная бюрократія, подавляющая всѣ источники народной энергіи и самодѣятельности. Безграничныя полномочія властей и покорное долготерпѣніе русскаго народа — вотъ „основные устои“ государственной мудрости съ точки зрѣнія А. Н. Куропаткина. Другихъ устоевъ онъ не знаетъ, и ему кажется, что на нихъ стоитъ и держится Россія. Если желательно, напримѣръ, усилить наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ, то для этого прежде всего предлагается „облечь особыми правами мѣстнаго генералъ-губернатора и командующаго войсками“, объединить въ его рукахъ дѣятельность пяти министерствъ, сдѣлать его „отвѣтственнымъ хозяиномъ“ въ трехъ главныхъ дѣлахъ и задачахъ—въ вопросѣ переселенческомъ, въ дѣлѣ постройки Амурской желѣзной дороги и въ вопросѣ о направленіи дѣятельности восточно-китайской желѣзной дороги (тамъ же, стр. 360); вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, надо предоставить въ распоряженіе этого „отвѣтственнаго хозяина“ широкія финансовыя средства, сверхъ неограниченной власти надъ населеніемъ. Злосчастное русское племя въ теченіе вѣковъ терпѣливо выноситъ на себѣ гнетъ безконтрольнаго хозяйничанья этихъ россійскихъ сатраповъ—и въ утѣшеніе угнетаемому народу поддерживается

жестокое и безцѣльное преслѣдованіе извѣстныхъ категорій инородцевъ. Эта лицемѣрная, раздражающая и мертвящая политика называется у насъ національною, и за нее стоитъ горой бывшій военный министръ, который долженъ по опыту знать всю фальшь и ничтожество подобнаго націонализма.

А. Н. Куропаткинъ собралъ въ своемъ трехтомномъ сочиненіи множество матеріаловъ, заимствованныхъ изъ общеизвѣстныхъ трудовъ по русской исторіи и изъ разныхъ случайныхъ книгъ и брошюръ; онъ излагаетъ исторію по Соловьеву, Ключевскому, Милюкову и Рожкову, приводитъ свѣдѣнія о славянофильствѣ — изъ какой-то брошюры Мих. Бор—на, о политической экономіи — „изъ печатнаго, но не изданнаго труда одного изъ нашихъ замѣчательныхъ финансистовъ“, при чемъ впадаетъ иногда въ странныя ошибки, на которыхъ мы останавливаться не будемъ [1]). Для чего понадобился автору этотъ балластъ плохо связанныхъ между собою историческихъ и теоретическихъ матеріаловъ — мы не знаемъ; но для выводовъ и положеній его „національной программы“ они были совершенно ненужны. Въ теоріи, дѣлая длинныя выписки изъ чужихъ разсужденій, авторъ какъ будто склоненъ признавать несостоятельность и вредъ бюрократическаго самовластья—а разсуждая отъ себя, онъ постоянно возвращается къ тому же самовластью, какъ единственно доступному и понятному ему якорю спасенія. Иногда онъ сознаетъ, что самодержавіе стараго типа имѣло свои крупные недостатки, что оно нерѣдко приводило къ „грубому насилію кучки авантюристовъ“ надъ всѣмъ русскимъ народомъ (т. I, стр. 433), что оно направляло политику государства согласно случайнымъ вліяніямъ и настроенію отдѣльныхъ лицъ, внѣ зависимости отъ жизненныхъ интересовъ и потребностей страны (стр. 499), что даже императоръ Николай I, „самъ того не замѣчая, подчинялся вліянію ближайшей среды, не допуская обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ ни въ печати, ни въ совѣщаніяхъ свѣдущихъ людей“ (т. III, стр. 8), и вслѣдствіе этого „не зналъ тяжкихъ нуждъ народа, его угнетенія“, не зналъ упадка и отсталости арміи и вооруженія Россіи (т. II, стр. 405). Авторъ сочувственно цитируетъ слова графа Воронцова о министерскомъ деспотизмѣ, который „оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самого государя“. „Въ результатѣ столѣтняго угнетенія министрами-бюрократами всѣхъ начальствующихъ

[1]) Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ (т. III, стр. 204) говорится о московскомъ философскомъ кружкѣ, образовавшемся въ *пятидесятыхъ годахъ* прошлаго столѣтія и имѣвшемъ въ своемъ составѣ Станкевича и Бѣлинскаго, рядомъ съ Хомяковымъ, Аксаковымъ и др.,—тогда какъ Бѣлинскій умеръ въ 1848 г., а Станкевичъ еще раньше, въ 1840 г.

лицъ, внѣ Петербурга находившихся, и угнетенія предпріимчивости и иниціативы всѣхъ частныхъ людей—добавляетъ отъ себя А. Н. Куропаткинъ—на Руси исчезли во всѣхъ сферахъ дѣятельности сильные, стойкіе характеры" (т. III, стр. 259). И вслѣдъ затѣмъ тотъ же А. Н. Куропаткинъ предлагаетъ отдать народную массу подъ власть неограниченныхъ земскихъ и прочихъ начальниковъ, возстановить византійскіе нравы и обычаи временъ царя Алексѣя Михайловича и обязать весь народъ веселиться „въ царскіе праздничные дни", по заранѣе выработанной программѣ. Картина этого всеобщаго принудительнаго веселья, устраиваемаго не безъ помощи розги, подъ руководствомъ стражниковъ всякаго ранга, изображается авторомъ съ исчерпывающею обстоятельностью, и мы не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь краснорѣчивый обзоръ этой будущей всенародной идилліи.

„Начальствующія лица всѣхъ степеней обязываются въ этотъ день особою представительностью: церковная служба, парады, обѣды, вечера. Во всѣхъ театрахъ всей Россіи должны ставиться патріотическія пьесы; гдѣ можно, въ войскахъ и учебныхъ заведеніяхъ устраиваются домашніе спектакли, концерты, туманныя картины, кинематографы, чтеніе, пѣніе національныхъ пѣсенъ, тоже съ патріотическими программами. Къ празднику этому надо старательно готовиться... Послѣ церковной службы народу читаются правительственныя сообщенія о милостяхъ царскихъ и говорится соотвѣтствующее слово о царской власти". Народу раздаются патріотическія брошюры и портреты (изданія генерала Богдановича и др.). „Весь день, гдѣ только можно, организуются игры, катанья съ горъ, бѣганье на лыжахъ, устройство изъ снѣга укрѣпленій и штурмъ ихъ, съ раздачею призовъ отличившимся. Организуются шествія съ музыкою, пѣснями, національными флагами. Весь вечеръ рядятся по старинному, гадаютъ, ѣздятъ въ гости ряженые, танцуютъ, поютъ старыя русскія пѣсни. Во всѣхъ клубахъ, военныхъ собраніяхъ устраиваются праздники національнаго характера... Старыя русскія пѣсни, русскіе музыкальные инструменты, русскіе костюмы, русскія былины, русскія блюда и русское платье; вмѣсто водки — пиво, медъ, настойки, наливки, шипучки, квасы. Войска этотъ день должны проводить радостно и весело и, гдѣ только можно, участвовать въ общемъ съ населеніемъ празднованіи этого дня" (т. III, стр. 261—2). И надо замѣтить, что всѣ эти умилительныя подробности святочныхъ празднествъ пріурочиваются къ такому дню, когда обыкновенно въ деревнѣ, по свидѣтельству самого автора, „церковь пуста".

Если вспомнить, что составитель этой необыкновенно радостной патріотической программы испыталъ всего пять лѣтъ тому назадъ ро-

ковые дни Мукденскаго пораженія, то становится жутко за Россію и русскую армію. Ни одинъ полководецъ, проигравшій кампанію, не обнаруживалъ такого легкаго отношенія къ своимъ неудачамъ, какъ А. Н. Куропаткинъ. Печальная роль его въ японской войнѣ прошла для него совершенно безслѣдно, и онъ не только не извлекъ никакого поученія изъ страшныхъ кровавыхъ событій, совершившихся при ближайшемъ его участіи и подъ его руководствомъ, но еще считаетъ возможнымъ выступать въ качествѣ организатора патріотическихъ программъ и національныхъ увеселеній. О дѣлахъ и событіяхъ 1904—1905 годовъ онъ вспоминаетъ въ такомъ тонѣ, какъ будто они его совершенно не касаются или какъ будто они относятся къ далекому прошлому, о которомъ можно строить разныя догадки и предположенія. Онъ догадывается, что „Англія, увлекаясь намѣреніемъ принизить міровое значеніе Россіи, способствовала успѣху японцевъ. Вмѣстѣ съ русскими революціонерами, вызвавшими устройствомъ безпорядковъ внутри страны несвоевременное заключеніе мира, Англія поработала, чтобы ослабить въ Азіи престижъ непобѣдимости Россіи“ (т. III, стр. 228). Въ борьбѣ съ Японіею Россія не имѣла успѣха; „причинъ тому много, но одна изъ главныхъ—это поддержка японцевъ Англіею“ (стр. 254). Виновата еще казна, не дававшая будто бы достаточнаго количества сотенъ милліоновъ рублей на армію (т. II, стр. 278, т. III, стр. 136 и др.). Главнокомандующій былъ тутъ ни при чемъ; онъ въ теченіе полутора года получилъ въ свое распоряженіе до семисотъ тысячъ отличнаго войска противъ державы, вся регулярная армія которой до войны состояла приблизительно изъ 250 тысячъ человѣкъ, но онъ не могъ одержать ни одной побѣды, потому что считалъ своею задачею заранѣе организовать отступленіе. Стремиться къ побѣдѣ и думать о ней мѣшали ему, во-первыхъ, англичане, вовсе не участвовавшіе въ войнѣ, во-вторыхъ—инородцы и особенно евреи, не допущенные имъ въ Манчжурію, и въ-третьихъ—революціонные безпорядки, устроенные въ предѣлахъ Европейской Россіи уже послѣ заключительнаго военнаго разгрома подъ Мукденомъ.

Къ крайнему нашему удивленію, мы узнаемъ отъ А. Н. Куропаткина, что съ самаго начала войны вовсе не имѣлось въ виду побѣдить японцевъ и вытѣснить ихъ изъ интересовавшихъ насъ китайскихъ земель. „Въ войну 1904-1905 годовъ—объясняетъ онъ—планъ дѣйствій былъ составленъ въ сущности тотъ же, что и въ 1812-мъ году. Рѣшено было отступать, если то потребуется, до Харбина и далѣе. Послѣ Мукдена японская армія уже не рѣшается сама напасть на русскую. Уже матеріальное превосходство перешло на нашу сторону: триста тысячъ молодежи, пришедшей къ арміи съ пѣснями, вмѣсто

многосемейныхъ запасныхъ, омолодили нашу армію; подошли горная артиллерія, мортиры, безпроволочный телеграфъ, запасы полевой желѣзной дороги, — все то, безъ чего нынѣ трудно сражаться. Въ моральномъ настроеніи японцевъ, напротивъ того, можно было усмотрѣть пониженіе пыла, пониженіе воинственности; многочисленныя письма плѣнныхъ свидѣтельствовали объ этомъ. Но нашимъ войскамъ, по серьезнымъ внутреннимъ дѣламъ, пришлось прекратить войну, когда мы наконецъ приготовились къ ней и получили боевой опытъ" (т. II, стр. 276). Въ прощальномъ приказѣ по манчжурской арміи А. Н. Куропаткинъ подтверждаетъ, что „войска уже съ мая прошлаго (1905) года радостно привѣтствовали бы переходъ въ наступленіе противника; но японцы, потрясенные потерями подъ Мукденомъ, полгода оставались на мѣстѣ, ожидая нашего перехода въ наступленіе... Никогда наша армія не представляла такой грозной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, какъ лѣтомъ 1905-го года, когда неожиданно для дѣйствующихъ войскъ, кои увѣрены были въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и горячо желали этой неудачи, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но тягостный для арміи" (т. III, стр. 380—381).

Приведенныя замѣчанія просто невѣроятны по своему внутреннему смыслу. Война съ Японіею была вызвана настойчивымъ желаніемъ тогдашняго русскаго правительства удержать Манчжурію и наложить руку на сѣверную часть Кореи; дѣло шло не объ отраженіи иностраннаго нашествія, а напротивъ, объ укрѣпленіи и расширеніи занятой нами позиціи у береговъ Тихаго океана. Какимъ же образомъ могъ быть составленъ у насъ такой планъ военныхъ дѣйствій, который напоминалъ бы оборонительную войну 1812 года? Если у насъ предполагалось постепенно отступать до Харбина и далѣе, внутрь Сибири, то зачѣмъ мы вообще предприняли военную оккупацію Манчжуріи и почему упорно отказывались очистить эту часть китайской территоріи? Вѣдь было бы неизмѣримо лучше и выгоднѣе уйти изъ Манчжуріи добровольно, чѣмъ удалиться послѣ тяжелыхъ военныхъ неудачъ. Намъ предстояла не защита нашихъ собственныхъ границъ, а наступательная война для пріобрѣтенія новыхъ владѣній и преимуществъ на Дальнемъ Востокѣ; поэтому о какой-либо аналогіи съ отечественною войною не могло быть и рѣчи. Въ первый періодъ войны можно было оправдываться недостаточною боевою готовностью нашей арміи; но въ августѣ 1904-го года, ко времени битвы подъ Лаояномъ, силы обѣихъ сторонъ почти сравнялись, а въ сентябрѣ уже оффиціально признавалось наше численное и техническое превосходство, вслѣдствіе чего и затѣяно было наступленіе противъ японцевъ при Шахэ, окончившееся безплодною потерею многихъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Кромѣ возвѣщенной заранѣе битвы при Шахэ, имѣвшей цѣлью „заставить непріятеля повиноваться нашей волѣ“, русскій главнокомандующій не позволялъ себѣ никакихъ проявленій сознательнаго энергическаго почина въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій и всецѣло предоставлялъ инициативу японцамъ; онъ заботился лишь о подготовкѣ отступленій, а отнюдь не о побѣдахъ и не о сохраненіи занятыхъ позицій. Къ моменту Мукденскаго боя русскія войска были несомнѣнно сильнѣе японскихъ, и тѣмъ не менѣе они пассивно стояли на мѣстѣ до тѣхъ поръ пока маршалъ Ойяма не закончилъ своихъ приготовленій для обезпеченія за собою наибольшихъ шансовъ успѣха. Русская армія потерпѣла въ февралѣ 1905-го года неслыханное пораженіе, о которомъ нельзя вспомнить безъ ужаса; однако, по свидѣтельству А. Н. Куропаткина, армія оправилась и вскорѣ стала вновь терпѣливо ожидать наступленія японцевъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и русскія войска, будто бы, жаждали возмездія;—что же мѣшало нашимъ полководцамъ воспользоваться наконецъ превосходствомъ нашихъ силъ и одержать давно желанную побѣду, не дожидаясь переговоровъ о мирѣ? Почему эти полководцы бездѣйствовали въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы 1905-го года, до начала оффиціальныхъ совѣщаній въ Портсмутѣ, и заговорили только по полученіи извѣстія о мирномъ договорѣ? Мы не говоримъ уже о странности того утвержденія, что русскія войска, послѣ ряда тяжкихъ пораженій, чувствовали себя лучше и бодрѣе, чѣмъ ихъ побѣдоносные противники, не испытавшіе за все время войны ни одной крупной неудачи. Это противорѣчило бы природѣ вещей. Поразительна также ссылка на то, что наши главнокомандующіе имѣли въ виду будто бы болѣе продолжительный срокъ войны и что заключеніе мира было преждевременно и вызывалось не военными обстоятельствами, а внутренними политическими безпорядками. Но неужели полутора года непрерывныхъ военныхъ неудачъ на сушѣ и на морѣ было еще недостаточно? Сколько же лѣтъ думали воевать наши главнокомандующіе на Дальнемъ Востокѣ? На чемъ можно основывать предположеніе, что полководцы, привыкшіе къ систематическимъ отступленіямъ, внезапно начнутъ проявлять несвойственныя имъ военныя дарованія и превратятся въ счастливыхъ побѣдителей, а японцы, напротивъ, станутъ вдругъ дѣйствовать необдуманно, безъ энергіи и безъ сознательнаго плана? Кампанія была проиграна окончательно послѣ Мукдена и Цусимы. Безполезно отрицать этотъ огромный историческій фактъ при помощи пророческихъ соображеній о томъ, что произошло бы въ случаѣ дальнѣйшаго ожиданія наступательныхъ дѣйствій со стороны японцевъ. Быть можетъ, для достоинства заинтересованныхъ лицъ было бы выгоднѣе не затрогивать подобныхъ

щекотливыхъ вопросовъ въ трудѣ, посвященномъ выясненію будущихъ задачъ русской арміи въ связи съ національными нуждами Россіи и „русскаго племени“.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ

Расцвѣтъ археологической науки въ Россіи относится ко второй половинѣ истекшаго вѣка. Въ это время у насъ, какъ и въ западной Европѣ, было обращено серьезное вниманіе на тѣ драгоцѣнные памятники, которые таились въ нѣдрахъ земныхъ. Молчаніе или скудость лѣтописныхъ свидѣтельствъ часто мѣшали рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ исторіи; нерѣдки и цѣлые пробѣлы въ исторіи народовъ за полнымъ отсутствіемъ письменныхъ данныхъ. Именно тутъ и сказалось громадное значеніе науки о древностяхъ; ревниво оберегавшая свои сокровища земля разступилась передъ пытливой работой археолога. Изъ древнихъ, полуистлѣвшихъ жилищъ и могилъ вставали старинныя тѣни и выдавали свои тайны. Многія историческія эпохи, окутанныя дымкой тумановъ, прояснились и предстали передъ нами. Поле исторіи все росло, расширяясь и расчищаясь.

I.

Прежде всего естественно ставились вопросы о древности человѣка и его древнѣйшей культурѣ. Всѣ усилія ученыхъ были направлены къ разрѣшенію этихъ капитальныхъ вопросовъ, и всетаки они еще далеки отъ разрѣшенія. Правда, на основаніи сдѣланнаго можно установить нѣкоторыя положенія (напр. появленіе человѣка съ четвертичной эпохи), но вполнѣ возможны еще болѣе значительные продвиги вглубь, еще новыя перспективы. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заинтересованы какъ археологія, такъ и антропологія — и параллельные успѣхи обѣихъ наукъ свидѣтельствуютъ объ интенсивной работѣ въ этой области, хотя рядъ воздвигаемыхъ и разрушаемыхъ гипотезъ равно свидѣтельствуетъ и о неполной опредѣленности построеній. Въ Россіи поиски древняго человѣка — человѣка палеолитическаго вѣка—-начались давно, и на русской почвѣ было сдѣлано немало цѣнныхъ открытій. Достаточно пересмотрѣть капитальный

трудъ графа А. С. Уварова о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. За послѣднее двадцатипятилѣтіе работа продолжалась въ направленіи, завѣщанномъ гр. Уваровымъ. На ряду съ изслѣдованной имъ въ 1877 г. Карачаровской стоянкой особенно крупнымъ открытіемъ является стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ, изслѣдованная въ началѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойкой и В. Б. Антоновичемъ и считающаяся одною изъ самыхъ большихъ стоянокъ палеолита (общее пространство—10 тысячъ кв. метровъ). Здѣсь на ряду съ остатками древней фауны — костями мамонта, носорога, пещернаго льва, медвѣдя—и флоры—разновидностями первобытнаго кедра, кипариса, пальмовиднаго дерева—были найдены и характерныя издѣлія рукъ человѣческихъ (ножи, скребки, острые осколки изъ камня, орудія изъ бивней и костей мамонта). Четыре бивня носятъ слѣды самой элементарной художественной отдѣлки. Немало сдѣлано и другихъ, менѣе крупныхъ открытій. Отмѣтимъ недавнія раскопки Ѳ. К. Волкова въ Мезинѣ, съ которыми онъ ознакомилъ членовъ Черниговскаго археологическаго съѣзда; найденную имъ стоянку съ остатками мамонта и скребками онъ относитъ къ маделенской эпохѣ, т.-е. къ концу старокаменнаго вѣка.

На ряду съ розысками палеолитическаго вѣка продолжались еще болѣе удачныя и цѣнныя открытія въ области неолита, богато представленнаго въ различныхъ областяхъ Россіи. И сѣверъ, и югъ, и востокъ, и западъ, Сибирь, Крымъ и Кавказъ давали и даютъ обильный матеріалъ, знакомящій насъ съ остатками ново-каменной культуры, въ видѣ стоянокъ, мастерскихъ, земляныхъ очаговъ, земляныхъ городищъ, свайныхъ построекъ и пещеръ.

Среди всѣхъ этихъ открытій неолитической эпохи особый интересъ для историка представляетъ открытіе до-микенской или трипольской культуры, изслѣдованной В. В. Хвойкой и одесскимъ профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ. Эти археологическія открытія на почвѣ Россіи имѣютъ интересъ всемірно-историческій. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что грандіознѣйшимъ завоеваніемъ археологической науки конца XIX и начала XX вв. было открытіе критско-эгейской и микенской культуръ. Счастливо начатыя энтузіастомъ Шлиманомъ раскопки велись затѣмъ съ исключительнымъ успѣхомъ Дернфельдомъ, Эвансомъ, итальянской миссіей и др., какъ на почвѣ самой Эллады, такъ и на островахъ (особенно на Критѣ). Уже Шлиманъ своими троянскими раскопками и, главное, открытіями „богатыхъ золотомъ“ Микенъ и Тиринѳскаго акрополя способствовалъ полной переоцѣнкѣ греческой исторіи, освѣтилъ цѣлый періодъ исторической жизни, дотолѣ скрывавшійся въ туманной дымкѣ и только смутно вспоминавшійся въ полулегендарныхъ сказаніяхъ и миѳахъ.

Еще дальше продвинулись раскопки—и изумленному взору предстала богатая, пышная культура могучихъ критскихъ царей, владыкъ Эгейскаго моря. Раскопки Эванса въ Кноссѣ, итальянцевъ въ Фестѣ и Гагіи Тріадѣ, веденныя систематично и планомѣрно, дали колоссальные результаты. Величественныя монументальныя зданія, дворцы съ роскошными тронными залами и колоннадами, грозныя крѣпостныя сооруженія, громадный, на много зрителей театръ, цѣлыя сѣти подземныхъ кладовыхъ и погребовъ („лабиринтъ Миноса" легендарныхъ сказаній) — все это представляетъ жизнь высокоразвитую. Найдены и памятники изобразительнаго искусства—рисунки, фрески, цѣлыя картины разнообразнаго содержанія, золотыя и бронзовыя украшенія, оружіе, пышно развившаяся керамика—преддверіе аттической вазовой живописи. Открыта обширная письменность; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, не смотря на интенсивную дѣятельность изслѣдователей, эти загадочныя письмена молчатъ и не выдаютъ своихъ тайнъ. Въ 1909 г. неутомимымъ Эвансомъ великолѣпно изданъ первый томъ „Scripta Minoa" на основаніи фотографическихъ снимковъ и копій; но пока на нихъ можно только смотрѣть и любоваться, ходить вокругъ и около. Тѣмъ не менѣе, на основаніи добытаго матеріала вполнѣ возможны отдѣльныя историческія построенія; такъ, можно установить рядъ хронологическихъ датъ, пользуясь египетскими параллелями [1]), можно намѣтить эпохи, съ ихъ болѣе мелкими подраздѣленіями на періоды (классификація Эванса), можно даже въ общихъ чертахъ конструировать строй и бытъ критской талассократіи. Расцвѣтъ критско-эгейской культуры относится къ бронзовому вѣку; бронзовымъ вѣкомъ славятся и Микены. За самое послѣднее время стали очищаться и древнѣйшіе пласты, относящіеся къ каменному вѣку, къ эпохѣ неолита. Здѣсь находятся болѣе грубыя, неискусныя сооруженія—блѣдные прообразы того, что получило такое пышное развитіе. Неолитическіе слои обнаружены на Критѣ, въ Кноссѣ, въ Фестѣ и дали любопытные образцы вазовой орнаментики. Древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка найдены въ Сесхло и Димини, въ сѣверной Греціи (Өессаліи); любопытно, что добытая здѣсь өессалійская керамика является сходной съ находками, сдѣланными во Өракіи, Сербіи, Босніи, южной Россіи, Венгріи (Тордошъ), Богеміи, Македоніи, Румыніи, Испаніи, Италіи и т. д. Такимъ образомъ опредѣлилась сѣверная культурная область, стоящая въ связи съ неолитическими находками на Критѣ. Чѣмъ же объясняется сходство археологическихъ памятниковъ странъ,

[1]) Такъ въ Кноссѣ найденъ египетскій предметъ временъ гиксосскихъ царей (1800—1700 л. до Р. Х.); Флиндерсъ-Петри указываетъ на критскіе глиняные сосуды, найденные въ могилахъ XII-ой династіи, т.-е. приблизительно за 2500 л. до Р. Х.

прилегающихъ къ Средиземному морю, кто были носители этой общей культуры, гдѣ ихъ прародина и каковы ихъ миграціи? Эти вопросы стали въ первую очередь, все время освѣщаемые новыми и новыми открытіями. Накопилась уже обширная спеціальная литература по этимъ вопросамъ. Едва-ли не самыя интересныя страницы новаго изданія классическаго труда Эд. Мейера: „Geschichte des Alterthums“ посвящены эгейской культурѣ и ея антецедентамъ. Въ разработкѣ этихъ основныхъ вопросовъ древнѣйшаго прошлаго европейской культуры видное мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ-археологамъ. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойко напалъ на слѣды загадочной культуры, которую по мѣсту первыхъ находокъ онъ назвалъ культурой *трипольской*, этимъ положено было начало цѣнной и плодотворной работѣ.

Во многихъ частяхъ Кіевской губерніи, въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Подольской и Бессарабской обнаружены слѣды интересующей насъ культуры. Для знакомства съ ея отличительными особенностями мы имѣемъ многочисленныя погребенья и жилища. Погребенья встрѣчаются на особаго рода площадкахъ, устроенныхъ изъ обожженной глины и крытыхъ бревнами. По снятіи комьевъ глины обнаруживаются черепки большихъ сосудовъ-урнъ; сохранились, частью, чаши, миски, вазы различныхъ видовъ и формъ; кромѣ того въ погребеньяхъ находятся глиняныя и костяныя издѣлья, метательные камни, каменные топоры, молоты, ножи, пилы, зубы и рога животныхъ. Въ погребеньяхъ на ряду съ трупосожженіемъ практиковалось и трупоположеніе (полуобожженные скелеты); площадки служили, повидимому, и для ритуальныхъ обрядовъ и жертвоприношеній. Жилища-землянки имѣютъ отъ 4 до 6 метровъ длины и отъ 3 до 6 метровъ ширины; посрединѣ четыреугольника находится овальная или четыреугольная яма, изъ которой устраивался выходъ въ видѣ ската или уступовъ. Колья или столбы поддерживали крышу, которую обмазывали глиной или засыпали землей. Въ землянкахъ найдены уголь, пищевые отбросы, черепки, кремневыя, роговыя и костяныя вещи. Найденныя вещи, особенно многочисленныя въ раскопкахъ Кіевской губерніи, В. В. Хвойко дѣлитъ на два типа, на двѣ культуры—культуру *А* и культуру *В*. Культура *А* отличается богатой керамической отдѣлкой (украшена вся поверхность сосуда); для нея характерны сосуды съ рельефными изображеніями человѣческаго лица, двойные, биноклеобразные сосуды, сосуды грушевидной, колоколообразной и плошкообразной формъ, крестообразныя статуэтки, просверленные каменные, роговые и костяные топорики. Встрѣчаются и издѣлія изъ мѣди. Культура *В* отличается болѣе простымъ и менѣе пропорціональнымъ орнаментомъ; сосуды имѣютъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ,

боченка или черепахи; находятся кремневые серпы и грузила: нѣтъ мѣди и просверленныхъ орудій. Особенно интересной и характерной въ трипольской культурѣ является керамика, развитіе которой бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на исторію этой культуры. Наиболѣе опредѣленную классификацію керамическихъ издѣлій даетъ проф. фонъ-Штернъ въ своей работѣ: „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“; онъ дѣлитъ сосуды на три большія группы: 1) сосуды безъ всякаго украшенія, монохромные, удержавшіе цвѣтъ глины, 2) сосуды съ рѣзной техникой и вдавленнымъ орнаментомъ (обыкновенно—небольшого размѣра) и 3) сосуды, украшенные, на полированномъ фонѣ глины или облицовки, декоративной росписью. Сосуды послѣдняго типа, составляющіе меньшинство въ кіевскихъ раскопкахъ, особенно богато представлены археологическими изысканіями въ Петренахъ [1]) (Бессарабской губ.), что и заставляетъ проф. фонъ-Штерна высказать предположеніе, что центръ новой керамической промышленности находился въ Бессарабіи. Здѣсь замѣтны техническія усовершенствованія въ обжиганіи и изготовленіи глины; но гончарный кругъ еще не извѣстенъ, работа производится отъ руки или при помощи деревянныхъ палочекъ и дощечекъ. Украшающіе сосуды орнаменты свидѣтельствуютъ о долгой практикѣ въ искусствѣ, равно какъ и о художественномъ вкусѣ, поразительно зрѣломъ для эпохи неолита. Петренскія находки даютъ обильный матеріалъ для отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи спиральнаго орнамента и существенно измѣняютъ традиціонное мнѣніе, будто бы отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ и тѣмъ рѣзко рознилась отъ месопотамской культуры, гдѣ мотивы декораціи заимствовались изъ органическаго міра. При безусловномъ преобладаніи геометрической отдѣлки мы находимъ, однако, и изображенія органическаго міра, включая даже человѣка; особенно интересны рисунки на сосудахъ, найденныхъ В. В. Хвойкой. Немало найдено изображеній животныхъ, что помимо художественнаго интереса является важнымъ показателемъ извѣстной стадіи развитія. Изображены лошади, собаки, козы, быки; послѣдніе являются не только въ росписи, но и въ первобытной глиняной пластикѣ. Изъ найденныхъ терракотовыхъ фигурокъ однѣ даютъ изображенія идоловъ, другія—быковъ; фигуры быковъ (быкъ въ эпоху ново-каменнаго вѣка игралъ, повидимому, извѣстную роль въ религіозно-метафизическихъ представленіяхъ), особенно частыя, невольно вызываютъ сближеніе съ находками въ Микенахъ (головы коровы), Вофіо (быки на золотыхъ кубкахъ), Гурміи (изображеніе на каменномъ рогѣ для питья). Таковы пред-

[1]) Раскопки фонъ-Штерна въ 1902 и 1903 гг.

меты, знакомящіе насъ съ художественнымъ развитіемъ человѣка временъ этой культуры; но на основаніи находокъ возможна и нѣкоторая реконструкція его матеріальнаго быта. Предметы жилищъ-землянокъ показываютъ, что человѣкъ уже приручилъ домашнихъ животныхъ (козъ, свиней, воловъ), что онъ уже перешелъ къ осѣдлой земледѣльческой культурѣ. Послѣднее особенно иллюстрируютъ раскопки В. В. Хвойки, который вмѣстѣ съ сѣменами пшеницы и проса нашелъ примитивныя ручныя мельницы-зернотерки.

До сихъ поръ не рѣшены еще окончательно вопросы о носителяхъ этой культуры и о путяхъ ея распространенія. Сначала выставлена была гипотеза о микенскомъ вліяніи, о микенскихъ ремесленникахъ, занесшихъ свои издѣлія на сѣверъ, наконецъ о цѣломъ движеніи съ юга на сѣверъ. Но для непосредственныхъ изслѣдователей новооткрытой культуры было ясно, что ни о какомъ вліяніи Микенъ не можетъ быть и рѣчи, что это культура древнѣйшая и самобытная. Въ противовѣсъ первой точкѣ зрѣнія Шмидтъ, Мухъ, особенно фонъ-Штернъ выставили гипотезу о *сѣверномъ* происхожденіи критско-микенской культуры и о ея движеніи на югъ. Новокаменный вѣкъ — расцвѣтъ неолита—засвидѣтельствованъ этой культурой на сѣверѣ; къ концу неолита она спускается на югъ, за Балканы и въ бронзовомъ вѣкѣ даетъ пышныя разновидности культуръ миносскихъ и микенской. Гипотеза весьма интересна, остроумна и заманчива, но все-же пока не можетъ быть безусловно принята. Сузанскія раскопки де-Моргана (французской экспедиціи) указали на сходную съ трипольской керамику въ передней Азіи, а еще дальше, близъ Мерва и Асхабада, въ средней Азіи найдены аналогичные предметы, болѣе грубой и примитивной формы (сообщеніе Ѳ. К. Волкова на Черниговскомъ съѣздѣ). Загадочныя письмена на одномъ изъ приднѣпровскихъ сосудовъ (изъ раскопокъ В. В. Хвойки) по своимъ начертаніямъ представляютъ больше всего сходства съ средне-азіатскими надписями, изданными академикомъ Радловымъ. Итакъ, съ Востокомъ нельзя вполнѣ раздѣлиться. Все это, однако, вопросы и гипотезы, довольно еще далёкіе отъ рѣшенія при помощи наличнаго матеріала. Тѣмъ болѣе интересной и привлекательной представляется дальнѣйшая работа въ области изученія великой и пока загадочной культуры, охватывавшей огромную территорію отъ Крита до Кіева и отъ береговъ М. Азіи до Испаніи.

II.

На ряду съ эгейско-микенскими открытіями западно-европейская археологія и исторія послѣднихъ лѣтъ особенно интенсивно изучала древности передней Азіи. Передне-азіатскія открытія 90-хъ и

900-хъ годовъ не менѣе, чѣмъ эгейскія, измѣнили раньше сложившіяся историческія представленія. Такія открытія, какъ кодексъ Хаммураби, съ его частями, относящимися къ суммерійскому праву, или недавно изслѣдованные М. В. Никольскимъ памятники хозяйственнаго быта Вавилоніи, раскрываютъ необъятные горизонты въ исторіи странъ между Тигромъ и Евфратомъ, отодвигая начало ихъ культурнаго бытія въ глубокую древность. Мы привели только наикрупнѣйшія открытія; одновременно идетъ менѣе шумная, но непрестанная и систематичная работа по обслѣдованію ассиро-вавилонскихъ древностей. На этомъ поприщѣ соперничаютъ націи; на ряду съ нѣмцами (особенно съ ихъ дѣятельной „Orientgesellschaft“) интенсивно работаютъ американцы и французы. Русская наука во всей этой работѣ приняла минимальное участіе; можно указать только поѣздку Я. И. Смирнова и экскурсію въ Сирію директора константинопольскаго археологическаго института, Ѳ. И. Успенскаго. Но ассиро-вавилонскія древности, насъ не дождавшись, къ намъ пришли—и Кавказъ изъ своихъ нѣдръ сталъ давать памятники древнѣйшихъ восточныхъ культуръ. Теперь уже прочно установлено, что Кавказъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ месопотамской культуры и что даже до сихъ поръ въ нарѣчіяхъ его обитателей можно найти пережитки языка угасшихъ передне-азіатскихъ народовъ. Особенно интересными оказались результаты экспедиціи М. В. Никольскаго, снаряженной по иниціативѣ предсѣдательницы московскаго археологическаго общества, гр. П. С. Уваровой, для изслѣдованія Ванскаго царства. Это мощное государство, серьезно соперничавшее съ Ассиріей, съ цѣлымъ рядомъ царей-завоевателей, сковавшихъ силой меча большую и грозную имперію, образовалось еще въ XIV-мъ вѣкѣ до Р. Х. (борьба съ Салманассаромъ), но особенно крупную роль играло въ IX — VII вв. Многочисленные памятники, клинообразныя надписи знакомятъ насъ съ культурой „Наири“, „Урарту“ или „Вана“; въ нашемъ Закавказьѣ найдены памятники, сохранившіе подробныя описанія дѣятельности ванскихъ царей, которые подобно своимъ противникамъ — ассирійскимъ владыкамъ — увѣковѣчивали въ автобіографическихъ надписяхъ подвиги и славныя событія своего царствованія (цари Аргишти I, Сардури II, Руси II армавирскихъ надписей).

Если въ памятникахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, мы встрѣчаемся съ ассиро-вавилонскимъ вліяніемъ, то Востокъ (передняя Азія) вліялъ и своей позднѣйшей культурой. Такъ, въ различныхъ областяхъ Россіи—особенно на дальнемъ сѣверѣ, въ Перми, находятъ при раскопкахъ многочисленныя произведенія (преимущественно—серебряную посуду) Сассанидскихъ временъ. Недавно эти памятники, отчасти извѣстные уже по изданію Толстого и Кондакова, изданы

археологической коммиссіей, въ видѣ особаго атласа, подъ редакціей выдающагося спеціалиста Я. И. Смирнова. Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ открытіяхъ, какъ не остановимся и на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области скиѳскихъ и сарматскихъ древностей, продолжавшихся съ большей или меньшей интенсивностью. Перейдемъ къ результатамъ черноморскихъ раскопокъ, раскрывающихъ широкую картину жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи.

Исторія и древности этихъ колоній изучались уже давно и очень активно, но работы послѣднихъ лѣтъ прибавили немало цѣннаго и новаго матеріала, значительно расширившаго сложившіяся перспективы. И здѣсь раскопки на почвѣ Россіи представляютъ интересъ обще-историческій. Въ настоящее время, когда изученіе греческой исторіи передвигается отъ центра къ периферіямъ, особое значеніе получаетъ исторія колоній, часто кормившихъ свою метрополію. Хозяйственную исторію аѳинской республики необходимо основывать на черноморскомъ матеріалѣ, такъ какъ источникомъ питанія великаго города греческой демократіи былъ понтійскій хлѣбъ. Колоніи выводились на черноморскія побережья и другими государствами-городами Греціи. Можно сказать, что какъ только начался ростъ греческихъ городовъ и опредѣлились колонизаціонные процессы, нашъ черноморскій югъ вошелъ въ исторію Эллады. Совсѣмъ недавнія, но уже давшія богатый матеріалъ раскопки Э. Р. фонъ-Штерна на островѣ Березани устанавливаютъ громадное культурное вліяніе Милета на находившееся здѣсь поселеніе. Могущественный Милетъ, развивъ широкія торговыя сношенія съ Востокомъ и Египтомъ, являлся въ VIII—VII вв. однимъ изъ главенствующихъ городовъ; вліяніе его заходило далеко вглубь Россіи (находки въ Смѣлѣ, Кіевской губерніи). Постепенно вліяніе Милета падаетъ, когда является сильный конкуррентъ въ лицѣ Аѳинъ временъ тиранніи Писистрата и особенно греко-персидскихъ войнъ. И въ Березани милетское вліяніе смѣняется аттическимъ: въ керамикѣ это отмѣчено появленіемъ черно-фигурныхъ вазъ. Поселеніе на Березани было, по видимому, небольшое; обитателями его были люди бѣдные, занимавшіеся рыболовствомъ и торговлей. Отъ этой скромной и небольшой колоніи перейдемъ къ остаткамъ пышной, богатой и много пережившей Ольвіи. Древности этой колоніи давно уже обратили на себя вниманіе; уже въ 1873 г. И. Е. Забѣлинъ производилъ здѣсь раскопки, но правильное и систематическое изслѣдованіе началось съ 1901 г., когда руководство археологическими работами принялъ Б. В. Фармаковскій. Въ теченіе 8—9 лѣтъ раскопки дали богатѣйшіе результаты, расширяя матеріалы для исторіи Ольвіи и являя цѣнные разнообразные образцы изобразительныхъ искусствъ. На памятникахъ Ольвіи можно видѣть цѣлую

смѣну чередующихся вліяній; эпоха милетскаго вліянія съ египетскими экскурсами, большая и плодотворная эпоха аттическаго вліянія, эллинизмъ, варваризація, романизація, новое разрушеніе — все это представлено ярко и характерно.

На ряду съ обслѣдованіемъ Ольвіи продолжались и продолжаются раскопки въ Херсонесѣ [1]). Одинаково интересенъ какъ Херсонесъ античный — греческій и римскій, такъ и Херсонесъ христіанско-византійскій. Не менѣе любопытны раскопки въ Керчи (Пантикапеѣ, столицѣ Митридата) и на мѣстѣ старшаго и младшаго Танаисовъ—самыхъ крайнихъ проводниковъ классическаго вліянія въ глубинѣ Россіи. Поиски Танаиса, начатые еще Леонтьевымъ, были продолжены въ различныхъ направленіяхъ проф. Н. И. Веселовскимъ и А. А. Миллеромъ. Н. И. Веселовскій въ Недвиговкѣ окончателько установилъ остатки новаго или младшаго Танаиса, воздвигнутаго во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр., послѣ разгрома древняго Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ; А. А. Миллеръ, разслѣдуя курганы Елисаветовской станицы, нашелъ золотыя украшенія и сосуды, датируемые IV—III вв. до Р. Хр., т.-е. временемъ древняго Танаиса. Не только черноморское побережье находилось подъ сильнымъ вліяніемъ классической культуры; вліяніе это проникало дальше и выше. Раскопки прошлаго и нынѣшняго года, предринятыя классическими отдѣленіями Русскаго Археологическаго Общества, открыли на горныхъ высотахъ Кавказа — въ мѣстечкѣ Гирни—остатки римскаго храма, возведеннаго чуть не на уровнѣ орлиныхъ гнѣздъ.

Этимъ мы и заканчиваемъ свою замѣтку, главная цѣль которой—обратить вниманіе на тѣ результаты русскихъ археологическихъ открытій послѣднихъ лѣтъ, которые представляютъ интересъ для всебщей исторіи. Не съ пустыми руками предстанутъ русскіе археологи на предстоящихъ римскомъ международномъ конгрессѣ археологовъ-классиковъ и на XV-мъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ.

И. Бороздинъ.

---

[1]) О Херсонесѣ см. статью Е. Иванова въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1907 г. Памятники христіанскаго Херсонеса выходятъ въ прекрасномъ изданіи гр. Уваровой.

КЪ ВОПРОСУ О СУДЬБАХЪ ОБЩИНЫ

Во время производства въ 1897-мъ году земскихъ оцѣночно-статистическихъ изслѣдованій въ моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи мнѣ пришлось натолкнуться на весьма характерный, „экспериментъ“ въ области „ломки“ общинныхъ земельныхъ устоевъ. Я посвятилъ ему докладъ, представленный, въ 1898 г., на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ.

Не будетъ ли теперь своевременнымъ возобновить въ памяти поучительные итоги искусственнаго разрушенія общины и насажденія участково-подворной формы землепользованія?

Бывшіе государственные крестьяне *всѣхъ селеній* Перкинской волости моршанскаго уѣзда въ 1872-мъ году, согласно составленнымъ и утвержденнымъ подлежащей властью мірскимъ приговорамъ, постановили перейти отъ общиннаго владѣнія землей къ подворному. Это—единственная волость во всемъ уѣздѣ, гдѣ совершился столь рѣдко встрѣчавшійся вообще по Россіи, до указа 9-го ноября, переходъ отъ общинной формы землевладѣнія къ подворно-участковой. Ни въ одномъ селеніи другихъ мѣстностей моршанскаго уѣзда (да, насколько мнѣ извѣстно, и другихъ уѣздовъ Тамбовской губерніи) подобнаго перехода до 1898 г. не происходило.

Почему *одна* только волость перешла къ подворному владѣнію, и притомъ *вся?*

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ „Сборнику статистическихъ свѣдѣній по моршанскому уѣзду“ (изд. тамбовскаго губернскаго земства, 1882 г.). „Пахатныя угодья—говорится тамъ—обществъ Перкинской волости принадлежатъ къ худшимъ въ уѣздѣ. Они, большею частью, песчаныя и иловатыя. Даже посредственныя черноземныя почвы составляютъ лишь малую часть полей. Земледѣліе здѣсь можетъ быть поставлено правильно только при тщательномъ удобреніи полей. Но это въ прежнее время сознавали весьма немногіе. Большинство крестьянъ волости совсѣмъ не удобряло полей и, получая плохіе урожаи хлѣбовъ, давно обратилось къ промысламъ. И въ настоящее время наибольшая часть крестьянъ Перкинской волости имѣетъ опредѣленные постоянные промыслы (пилка, расчистка угодій, обжиганіе угля, мелкая лѣсная торговля, плотничество, уходъ на Донскія каменноугольныя копи). Только одинъ изъ прежнихъ доходныхъ промысловъ, которымъ много занимались крестьяне волости, съ недавняго времени въ совершенномъ упадкѣ: это — извозъ. Причина

упадка и даже совершеннаго прекращенія промысла—проведеніе желѣзныхъ дорогъ и упадокъ огромной прежде хлѣбной торговли г. Моршанска. Черезъ селенія Перкинской волости совершалось торговое движеніе. Прекращеніе его отозвалось весьма невыгодно на благосостояніи крестьянъ. Тогда на первый планъ въ хозяйствѣ и выступаетъ земледѣліе, на которое крестьяне ранѣе не обращали должнаго вниманія. Цѣна на землю, вмѣстѣ съ цѣнами на хлѣбъ, вдругъ сильно поднялась, а между тѣмъ поля крестьянъ Перкинской волости оставались въ прежней запущенности, весьма мало удобрялись, вслѣдствіе чего и давали годъ отъ году худшіе урожаи".

И вотъ, „*состоятельные* и болѣе дальновидные люди стали понимать, что хлѣбопашество выгодно, что пренебрегать имъ отнюдь не слѣдуетъ". Къ числу такихъ дальновидныхъ и состоятельныхъ людей принадлежалъ старшина Перкинской волости Ивановъ, „человѣкъ дѣльный, нажившій себѣ значительное состояніе лѣсною промышленностью, во всякомъ случаѣ лицо энергичное и, *несомнѣнно, пользовавшееся въ своей волости большимъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ долговременною службою въ должности волостного старшины*".

Подъ вліяніемъ этого энергичнаго старшины—предтечи вдохновителей указа 9-го ноября — и сфабрикованы были для *всѣхъ селеній* волости приговоры о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки. Именно сфабрикованы. Приговоры были, несомнѣнно, навязаны селеніямъ. Они во всѣхъ обществахъ были составлены одновременно и имѣли одну общую редакцію. Формальной ихъ причиной выставлено желаніе удержать въ вѣчномъ владѣніи участки земли, въ цѣляхъ, будто бы, удобренія его надлежащимъ образомъ. Въ сущности согласіе крестьянъ было несознательное, а иногда просто мнимое. „Въ с. Атмановъ-Уголъ — читаемъ мы въ „Сборникѣ" — крестьяне заявили, что многіе изъ нихъ не были совсѣмъ на той сходкѣ, которая рѣшала вопросъ о раздѣлѣ земли на подворные участки; старшина собралъ ту сходку не въ селѣ, а гдѣ-то на выгонѣ около вѣтряной мельницы".

Если бы совершонный перкинцами переходъ къ участковому владѣнію соотвѣтствовалъ дѣйствительной потребности, то однородныя условія должны были вызвать перемѣну формы землевладѣнія и у крестьянъ—сосѣдей перкинцевъ. Однако, ничего подобнаго ни въ этихъ волостяхъ, ни гдѣ-либо еще въ уѣздѣ не произошло. Крестьянамъ другихъ волостей и въ голову не пришла та „блажь", которую внѣдрилъ „на бумагѣ" въ головы крестьянъ своего маленькаго царства „могутной" старшина, принимавшій самихъ губернаторовъ откушать хлѣба-соли.

Каково было „сознаніе" пользы и выгоды участковаго землевла-

дѣнія сравнительно съ общиннымъ — указываетъ слѣдующее мѣсто изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній“: „Личными распросами у крестьянскихъ обществъ мы *вполнѣ убѣдились*, что они *слишкомъ далеки еще отъ самаго пониманія будто бы установленной у нихъ формы подворнаго владѣнія*. Безъ преувеличенія можемъ сказать, что, не смотря на подробные распросы крестьянъ о порядкахъ землевладѣнія, мы могли бы уѣхать изъ Перкинской волости, не узнавъ, что тамъ земля подѣлена на подворные наслѣдственные участки. Этого не случилось, благодаря присутствію при нашихъ распросахъ старшины [1]). Сами крестьяне, т.-е. масса ихъ, *отнюдь не хотятъ даже признавать, что у нихъ установлено личное землевладѣніе и что передѣлы земли уже невозможны*. Нынѣ большинство крестьянъ всѣхъ обществъ волости очень желаетъ произвести общій передѣлъ земельныхъ угодій на наличныя души. Волостной старшина, конечно, не допускаетъ такого передѣла земли, указывая, что она подѣлена уже на подворные наслѣдственные участки. А крестьяне упрекаютъ его за это, думаютъ, что онъ напрасно стѣсняетъ ихъ, и увѣряютъ, что они *никогда не давали согласія* подѣлить землю *навѣчно*. Въ обществѣ с. Атмановъ-Уголъ очень недолго существовала та разверстка земли, какая сдѣлана была при устройствѣ подворнаго владѣнія. Крестьяне прямо объясняютъ, что намѣрянными имъ тогда кварталами они владѣли года четыре, а потомъ опять передѣлили поля по старому, и что въ послѣднее десятилѣтіе происходила у нихъ жеребьевка на землю не одинъ разъ. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, подворное землевладѣніе крестьянъ Перкинской волости далеко нельзя еще признать фактомъ, и даже весьма сомнительно, чтобы такая форма землевладѣнія когда-либо дѣйствительно здѣсь утвердилась“.

Таково впечатлѣніе изслѣдователя моршанскаго уѣзда, вынесенное изъ бесѣдъ съ крестьянами спустя десять лѣтъ со времени перехода ихъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому. Прошло еще пятнадцать лѣтъ, а со времени „перехода“, значитъ, всего четверть столѣтія, когда нижеподписавшійся производилъ обслѣдованіе моршанскаго уѣзда. За четверть вѣка сознаніе собственности на землю должно было, по видимому, глубоко проникнуть въ понятія и весь жизненный обиходъ крестьянъ. И однако общій мой выводъ такой: крестьяне все время только и жили мечтой, какъ бы возвратиться къ общинѣ и сбросить съ плечъ ту „обузу“, которую навязалъ имъ на шею старшина Иваповъ, какъ „лѣшій, обошедшій дураковъ“.

---

[1]) Старшиной и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и въ 1897-мъ году состоялъ въ Перкинской волости сынъ Иванова — „законерщика“ въ дѣлѣ уничтоженія общины, „сынъ своего отца“, „богатѣй“ и также вліятельный защитникъ „подворно-наслѣдственныхъ участковъ“.

Перкинское общество 4-го апрѣля 1896-го года составляетъ слѣдующій приговоръ: „Полевая пахатная земля раздѣлена у насъ на подворные участки; между тѣмъ владѣніе подворными участками для насъ оказывается крайне неудобнымъ. Семейное положеніе со временемъ у каждаго измѣняется, т.-е. изъ большого семейства членовъ дѣлается малымъ, а изъ малаго увеличивается; слѣдовательно, въ натурѣ семейству малому требуется сравнительно съ большимъ малый земельный надѣлъ, а семейству съ большимъ количествомъ членовъ болѣе земельнаго надѣла; притомъ малосемейные домохозяева большесемейнымъ своихъ надѣловъ не уступаютъ. Натуральная повинность у насъ отбывается опять же семействами, въ которыхъ имѣется большее число взрослыхъ членовъ, хотя и неимѣющихъ земельнаго надѣла. Вообще мы подворное участковое владѣніе землей считаемъ для насъ неудобнымъ, а потому съ общаго всѣхъ насъ согласія постановили: ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи намъ какъ пахатную полевую землю, такъ и луговую раздѣлить на наличныя души“. Ходоками по дѣлу были избраны крестьяне Саяпинъ и Перетокинъ, полномочія которыхъ земскій начальникъ призналъ законными.

По всей вѣроятности, вслѣдствіе чьего-либо указанія на то, что приведенный приговоръ составленъ въ слишкомъ общей формѣ, крестьяне 22-го апрѣля составляютъ дополнительный приговоръ. Подворное владѣніе, предназначенное къ улучшенію каждаго хозяйства—сказано въ этомъ приговорѣ, — „какъ нынѣ видно, для насъ далеко несоотвѣтственно своему назначенію, неудобно и невыгодно. Нѣкоторые изъ насъ земли свои не удобряли за недостаткомъ работниковъ при крупномъ участкѣ, а нѣкоторые, *немногіе, хотя и удобряли*, но, имѣя малоземельный участокъ, по многолюдности семействъ получали съ него далеко недостаточное количество для семейства хлѣба, даже и на пятую часть года, а потому какъ для людей, такъ и на кормъ скота всякій хлѣбъ приходится пріобрѣтать покупкою почти круглый годъ. А потому мы постановили: за исключеніемъ земли, находящейся подъ усадьбами и огородами, всю нашу землю раздѣлить на наличныя души мужского пола, сколько таковыхъ въ настоящее время окажется на лицо въ живыхъ. По разрѣшеніи намъ такового раздѣла, мы, не причиняя казнѣ никакихъ убытковъ и ущерба, всѣ причитающіеся съ нашей земли выкупные платежи и всѣ прочіе окладные сборы обязуемся исправно платить за круговою другъ за друга порукою“.

И черезъ приговоры, и черезъ всѣ стремленія крестьянъ возвратить „общину“ красной нитью проходитъ отсутствіе какого-либо да-

вленія на нежелающихъ возвратиться къ общинѣ. Все построено на „добровольномъ согласіи“; несогласныхъ—одинъ, два.

Изъ бесѣдъ съ крестьянами я вынесъ убѣжденіе, что крестьяне согласны на всевозможные выходы, лишь бы старшина успокоился, „отвязался“ отъ нихъ и не тормозилъ дѣла „тайными и явными ходами“. Ему предоставлена возможность выдѣла, „какъ его душенькѣ угодно“. Крестьяне даже готовы были внести за него выкупъ, лишь бы „заткнуть ему глотку“ и возвратить общину.

Представленный въ уѣздный съѣздъ, вышеприведенный приговоръ не былъ утвержденъ съѣздомъ, такъ какъ въ немъ не обозначенъ срокъ передѣла и не приведенъ разсчетъ душевыхъ участковъ, причитающихся на каждаго домохозяина. Тогда перкинскимъ обществомъ, 28-го іюля, былъ составленъ новый приговоръ, исправившій всѣ недочеты, указанные съѣздомъ. Но на перкинцевъ, „какъ снѣгъ на голову и какъ громъ съ молоньей,—все вмѣстѣ“ (буквальная характеристика момента, данная перкинцами) свалилась неожиданно слѣдующая бумага тамбовскаго губернатора: „До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ вашихъ односельчанъ изъ своекорыстныхъ видовъ подстрекаютъ общество къ переходу отъ подворнаго пользованія надѣльной землей къ общинному. Предупреждаю васъ, что ваши совѣтники вовсе не думаютъ о вашей пользѣ, а заботятся только о своей собственной выгодѣ, что они уговариваютъ васъ перейти къ общинному землевладѣнію только потому, что, ссужая васъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю не черезполосно, какъ это имъ приходится дѣлать теперь при подворномъ пользованіи, а къ одной межѣ, что, конечно, для нихъ выгоднѣе. Затѣмъ разъясняю вамъ, что приговоръ отъ участковаго землепользованія къ общинному по закону (п. 7 ст. 51 общ. пол. о крестьянахъ) и разъясненію Сената, долженъ быть составленъ непремѣнно всѣми домохозяевами единогласно, т.-е. буде хотя одинъ домохозяинъ на такой передѣлъ не изъявитъ своего согласія, то приговоръ не будетъ допущенъ къ исполненію. Если же, сохрани Богъ, вы дозволите себѣ, не смотря на запрещеніе вашего начальства, приступить къ передѣлу самовольно, то понесете весьма тяжкое наказаніе, а ваши совѣтчики и подстрекатели, какъ бы богаты они ни были, будутъ наказаны вдвое“.

При чтеніи губернаторскаго циркуляра, для появленія котораго не было никакихъ причинъ, въ видѣ „смутъ“, волненій, насилій и т. д., въ населеніи, самыми лойальными и мирными средствами добивавшемся возстановленія общины, возникло одно сплошное недоразумѣніе. Передъ высшей губернской властью дѣло представлено было въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ: что до власти дошли, повидимому, слухи и „доносы“ (крестьяне знали, кто ихъ авторъ), оставшіеся непровѣрен-

ными. А затѣмъ грозное посланіе губернатора обнаруживало полное незнакомство съ общинными распорядками, съ общиннымъ укладомъ, съ тѣмъ, что̀ по закону допустимо и что̀ недопустимо. Перкинское общество все время дѣйствовало на вполнѣ законной почвѣ, съ вѣдома земскаго начальника, который и далъ утвержденіе приговорамъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ для ходатайствъ отъ крестьянъ, въ то время, когда я производилъ изслѣдованія, состоялъ церковнымъ старостой, чего не могло бы быть, при наличности съ его стороны „смутьянства“ или какихъ-либо незаконныхъ поступковъ. Мнѣ пришлось слышать о немъ отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго священника, лучшіе отзывы, какъ о человѣкѣ „степенномъ“, далекомъ отъ мысли заводить смуту среди односельчанъ.

При всякомъ передѣлѣ земли наиболѣе заинтересованными въ немъ выступаютъ всегда домохозяева съ меньшимъ надѣломъ, многосемейные и нуждающіеся бѣдняки. Богатѣи деревни являются наиболѣе устойчивою, консервативною частью общества, не склонною къ передѣлу. Вообще передѣлы не въ интересахъ богачей, и тѣмъ болѣе переходъ къ общинѣ отъ подворнаго владѣнія. Вотъ что говоритъ составитель „Сборника по моршанскому уѣзду“: „главными сторонниками старшины Иванова (въ 1872 году) были именно сравнительно богатые крестьяне, которымъ обыкновенно общинные порядки передѣловъ земли, періодическаго сравненія ея, кажутся стѣснительными“. Между тѣмъ, тамбовскій губернаторъ объясняетъ желаніе перкинскаго общества перейти отъ участковаго владѣнія къ общинному происками богачей. Остается только совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ богачи могли агитировать за переходъ къ общинѣ потому, что, „ссужая крестьянъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю“. Извѣстно всѣмъ и каждому — кромѣ, повидимому, бывшаго тамбовскаго губернатора,—что при общинномъ землепользованіи земля по закону не подлежитъ ни отобранію, ни отчужденію—и наоборотъ, отчужденіе при участково-подворномъ владѣніи легко достижимо. Думается, что перкинскіе богатѣи это очень хорошо знали, и было бы странно ожидать отъ нихъ агитаціи въ пользу перехода отъ подворной формы землепользованія къ общинной.

Вмѣшательство губернатора сразу прекратило среди перкинцевъ попытки возвращенія къ общинѣ, ибо кому же охота попасть куда Макаръ телятъ не гоняетъ, „за подстрекательство къ незаконнымъ дѣйствіямъ“? Но примѣръ борьбы перкинцевъ за общину ярко показываетъ, къ чему приводитъ внѣшнее, искусственное усвоеніе плохо понятыхъ началъ.

И та смута и „спутка“ въ земельныхъ дѣлахъ, которыя „наблудилъ“ среди перкинцевъ старшина и которыя такъ корректно и

мирно изживали перкинцы, — не грозятъ ли теперь въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, когда принялись разрушать общину, на манеръ всесильнаго старшины Перкинской волости, всесильные люди въ государствѣ?

Н. М—скій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Полтавское дворянство весьма сурово расправилось съ дворянкой Ек. Ник. Скаржинской. Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ довольно ярко отразилось господствующее настроеніе нынѣшняго дворянства, и потому небезполезно будетъ удѣлить ему нѣкоторое вниманіе. Общественная физіономія г-жи Скаржинской опредѣленно намѣчается въ слѣдующей корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“: „Уроженка Тверской губерніи, г-жа Скаржинская еще въ юныхъ лѣтахъ устроила у себя въ Весьегонскомъ уѣздѣ школу, въ которой сама учила дѣтей, а также богадѣльню для крестьянъ. Выйдя затѣмъ замужъ и поселившись въ имѣніи Кругликѣ, въ пяти верстахъ отъ г. Лубенъ, она въ 1876-мъ году начала заниматься собираніемъ коллекцій по мѣстной природѣ, древностямъ, народному быту, искусству (производила, между прочимъ, археологическія раскопки) и составила постепенно цѣлый музей, который принялъ столь обширные размѣры, что пришлось, наконецъ, подумать объ его дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ оставлять его въ деревянномъ домѣ, въ имѣніи, было небезопасно. Г-жа Скаржинская предложила его городу Лубнамъ, который сначала на это согласился, но затѣмъ, когда наступили тревожныя времена и когда выяснилось, что постройка дома-музея потребуетъ около 60-ти тысячъ рублей, сталъ медлить съ рѣшеніемъ вопроса, что заставило г-жу Скаржинскую обратиться съ такимъ же предложеніемъ къ полтавскому губернскому земству. Послѣднее изъявило готовность принять цѣнный даръ, такъ какъ въ вѣдѣніи земства въ Полтавѣ уже имѣлся музей, обогащеніе котораго богатыми коллекціями г-жи Скаржинской было вполнѣ умѣстно. Теперь эти коллекціи уже устроены и выставлены въ помѣщеніи полтавскаго земскаго музея. Кромѣ музея, г-жа Скаржинская устроила у себя въ имѣніи трехклассную школу, народный домъ — въ селѣ — съ библіотекой-читальней и чайной (со сценой для представленій), амбулаторію (въ особомъ зданіи), мастерскія—кузнечную, столярную; она же устроила на свои средства школу

при тюрьмѣ въ Лубнахъ и дала землю и нѣкоторыя средства для устройства въ трехъ верстахъ отъ Лубенъ земской сельскохозяйственной школы. Истративъ на всѣ эти учрежденія немалыя средства, а съ другой стороны озабочиваясь дать возможно лучшее образованіе своему сыну, г-жа Скаржинская переселилась года два тому назадъ въ Лозанну, но и здѣсь не могла сосредоточиться исключительно на своихъ личныхъ дѣлахъ и интересахъ. Многимъ изъ русской молодежи за границей приходится крайне бѣдствовать, ютиться въ трущобахъ, жить впроголодь, терпѣть вообще большія лишенія и испытанія. По разнымъ причинамъ къ русскимъ стали въ послѣдніе годы относиться за границей весьма недружелюбно. Въ Швейцаріи, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ русскимъ даже не сдаютъ комнатъ, и они ютятся, большей частью, въ извѣстныхъ кварталахъ, гдѣ относятся менѣе разборчиво къ постояльцамъ. Въ то время, какъ другія націи имѣютъ въ разныхъ городахъ свои „Дома", гдѣ пріѣзжающія недостаточныя лица, не знающія языка и мѣстной жизни, могутъ найти себѣ за дешевую плату помѣщеніе, столъ, а также могутъ пользоваться необходимыми указаніями, справками и т. п., — у русскихъ нѣтъ такихъ „Домовъ", и никто не думаетъ объ ихъ устройствѣ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченною всякая попытка въ этомъ направленіи, вызванная не какимъ-либо побужденіемъ къ наживѣ, а единственно чувствомъ гуманности. Присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, ознакомившись съ положеніемъ здѣсь русскихъ и съ отношеніемъ къ русской молодежи мѣстнаго общества, г-жа Скаржинская убѣдилась, что было бы весьма важно и полезно устроить здѣсь русскій „Домъ", гдѣ бы могли находить себѣ за небольшую плату (а въ крайности, на нѣкоторое время—и безплатно) убѣжище недостаточныя лица изъ русской молодежи (для начала — особенно женщины) и гдѣ бы могъ пріютиться русскій клубъ съ библіотекой, справочнымъ бюро и т. д., при условіи, конечно, полной безпартійности. Неменьшая потребность сказывается здѣсь въ русской школѣ, такъ какъ въ Лозаннѣ живетъ немало русскихъ семействъ, затрудняющихся воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя не въ состояніи получить въ мѣстныхъ школахъ необходимое образованіе (особенно по русскому языку, исторіи, географіи и т. д.). Поэтому г-жа Скаржинская задумала соединить свой „Домъ" со школой, для которой пригласила изъ Лубенъ двухъ опытныхъ учительницъ. Для осуществленія всего этого г-жа Скаржинская сняла на три года два этажа одного дома въ предмѣстьѣ Лозанны". Это еще не все: г-жа Скаржинская изъявила готовность выдавать въ теченіе двухъ лѣтъ по 4.000 франковъ въ годъ женевскому священнику, о. Орлову, для основанной имъ русской гимназіи. Въ Давосѣ г-жа Скаржинская устроила санаторію для бѣдныхъ русскихъ туберкулезныхъ больныхъ

и здѣсь же пробовала основать русскій журнальчикъ: „За рубежомъ“, отъ котораго черезъ три мѣсяца отказалась, недовольная его содержаніемъ.

За всѣ эти „преступленія“ собраніе предводителей и депутатовъ дворянства Полтавской губерніи судило г-жу Скаржинскую въ августѣ нынѣшняго года. Протоколъ собранія содержитъ любопытныя строки. „Предводитель дворянства Лубенскаго уѣзда сообщилъ губернскому предводителю дворянства, что потомственная дворянка Лубенскаго уѣзда жена генералъ-маіора Ек. Ник. Скаржинская въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ продала свои имѣнія въ Тверской и Полтавской губерніяхъ, мѣрою свыше 3.000 десятинъ, и вырученныя отъ продажи деньги растратила самымъ непроизводительнымъ образомъ. Въ настоящее время у нея остается только часть стоимости послѣдняго проданнаго ею въ Лубенскомъ уѣздѣ хутора, недоплаченная ей при совершеніи сдѣлки. Г-жа Скаржинская давно живетъ отдѣльно отъ мужа и находится подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ, эксплоатирующихъ ее въ свою пользу. Послѣднія нѣсколько лѣтъ она поселилась за границей въ Лозаннѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ эмигрантовъ, устроила на свой счетъ убѣжище и библіотеку для русскихъ изгнанниковъ и издаетъ соціалистическаго направленія журналъ „За Рубежомъ“, редактируемый евреемъ Аврашевымъ. Покупка дома для убѣжища и его содержаніе, вмѣстѣ съ изданіемъ журнала, поглотили не только ея собственныя средства, но и тѣ значительныя суммы, которыя, пользуясь добротой и снисходительностью мужа, она отъ него требовала на свои надобности. Въ началѣ февраля сего года мужъ Екатерины Николаевны, генералъ-маіоръ Ник. Егор. Скаржинскій, заболѣлъ прогрессивнымъ параличомъ мозга и нынѣ помѣщенъ въ клинику для душевно-больныхъ. Такимъ образомъ Ек. Ник. Скаржинская въ одно и то же время лишилась какъ сдерживающаго ее вліянія, такъ и тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя ей доставлялъ мужъ, и если она непроизводительно растратитъ остальныя слѣдуемыя ей за проданный ею хуторъ деньги, то вмѣстѣ со своими пятью душами дѣтей окажется въ безвыходномъ положеніи. Оградить г-жу Скаржинскую и ея дѣтей отъ неминуемаго, на взглядъ г. предводителя дворянства, разоренія возможно только установленіемъ опеки надъ ея имуществомъ, о чемъ онъ и ходатайствуетъ. Предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства князь Щербатовъ, подтверждая изложенное выше, заявилъ, что зимою прошлаго года, проживая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ г. Лозаннѣ, онъ убѣдился, что Скаржинская находится въ рукахъ сплоченной шайки еврейскихъ темныхъ дѣльцовъ, во главѣ которой стоитъ русскій эмигрантъ Аврашевъ, редакторъ журнала „За Рубежомъ“, издателемъ коего состоитъ г-жа Скаржинская. Журналъ „За Рубежомъ“

прекратился послѣ выхода трехъ книжекъ, которыя обошлись г-жѣ Скаржинской въ 25.000 рублей и, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, оставили въ карманахъ Аврашева и Арцыбашева не менѣе 2.000 рублей. Всѣ попытки нѣкоторыхъ членовъ русскаго общества въ Давосѣ убѣдить г-жу Скаржинскую въ томъ, что она является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шайки мошенниковъ, не имѣли успѣха". Въ томъ же засѣданіи приводились еще свѣдѣнія, клонившіяся къ тому, чтобы доказать легкомысліе и непрактичность г-жи Скаржинской въ дѣловыхъ предпріятіяхъ. Въ концѣ концовъ результатъ былъ такой: „Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, собраніе предводителей и депутатовъ дворянства находитъ, что жена генералъ-маіора Ек. Ник. Скаржинская ведетъ расточительный образъ жизни, и если она не будетъ ограничена въ распоряженіи своимъ имуществомъ, таковое въ недалекомъ будущемъ будетъ растрачено, а потому опредѣляетъ: имущество Скаржинской взять въ опеку по расточительности".

Конечно, г-жа Скаржинская весьма встревожилась предпринятой противъ нея кампаніей. И до приведеннаго опредѣленія, и послѣ него она представила полтавскому дворянству нѣсколько заявленій, объясненій и опроверженій, которыми довольно явственно освѣщалась неосновательность, преувеличенность и несправедливость возведенныхъ на нее обвиненій. Представляя, между прочимъ, удостовѣреніе, въ которомъ говорится, что она, Скаржинская, Высочайше награждена 6-го декабря 1909-го года за труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія золотою медалью съ надписью: „за усердіе" для ношенія на груди на Аннинской лентѣ, и напоминая дворянству о своей многолѣтней просвѣтительной и благотворительной дѣятельности въ Россіи, г-жа Скаржинская съ горечью говоритъ въ одномъ изъ своихъ заявленій: „Но вотъ для воспитанія сына я переѣзжаю за границу, гдѣ, конечно, продолжаю поступать согласно своему душевному укладу, т.-е. продолжаю кормить голодныхъ, одѣвать сирыхъ, помогать способнымъ учиться. Неужели все то, что прежде вызывало похвалы и сочувствіе со стороны нашихъ дворянскихъ и земскихъ дѣятелей, на томъ единственномъ основаніи, что оно перенесено на нѣсколько градусовъ долготы къ западу, становится предосудительнымъ и нежелательнымъ?" Представленное ею удостовѣреніе генеральнаго консула свидѣтельствуетъ о томъ, что „г-жа Скаржинская образъ жизни ведетъ скромный, нерасточительный, занимается благотворительностью, помогая больнымъ и нуждающимся соотечественникамъ, исповѣдуетъ православную вѣру и къ политическимъ партіямъ не принадлежитъ". Настоятель женевской крестовоздвиженской церкви, протоіерей Сергій Орловъ, далъ удостовѣреніе въ томъ, что Ек. Ник. Скаржинская въ 1910-мъ году у св. исповѣди была и св. Таинъ

пріобщилась въ минувшую Пасху. Въ письмѣ того же протоіерея Орлова, сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Зная васъ уже нѣсколько лѣтъ, посѣщая васъ на вашей квартирѣ, встрѣчаясь съ вами и въ другихъ мѣстахъ, я никогда не могъ наблюдать какихъ-либо признаковъ вашего роскошества въ чемъ-либо или излишества. Мнѣ всегда казалось, что скромность возможная и простота—это постоянныя характерныя черты вашей обыденной жизни. Извѣстно мнѣ ваше усердіе въ отношеніи къ благотворительности различными видами и въ разнообразныхъ формахъ. Утѣшительна, конечно, ваша христіанская ревность къ добродѣтели благотворенія. Нерѣдко слышалъ я о многомъ добромъ, творимомъ отъ васъ, и душевно радовался тому. О всемъ вышеизложенномъ, конечно, охотно готовъ свидѣтельствовать предъ всѣми, если только то нужно. Думаю, что не слѣдуетъ много смущаться всяческими неблаговидными слухами". Подробно, основательно и документально опровергла г-жа Скаржинская и другія обвиненія. Выписью изъ конторскихъ книгъ она доказала, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на журналъ „За Рубежомъ" было израсходовано не 25.000 рублей, а всего 3.400 рублей. На легкомысленное утвержденіе полтавскаго дворянства, что „журналъ оставилъ въ карманахъ Аврашова и Арцыбашева капиталъ не менѣе 2.000 рублей", г-жа Скаржинская отвѣтила: „Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ поставить на видъ, что оскорблять такимъ грубымъ обрвзомъ людей и публично—безъ нихъ—считать въ ихъ карманахъ награбленныя деньги можно развѣ только послѣ очень точнаго и тщательнаго освидѣтельствованія этихъ кармановъ, чтобы не ошибиться. А именно эта ошибка и произошла въ данномъ случаѣ. Никакого Арцыбашева въ редакціи или около нея не было,—слѣдовательно, въ карманы лица такого наименованія „капиталъ въ 2.000 рублей" никакъ попасть не могъ". Все участіе въ журналѣ г. Арцыбашева, какъ явствуетъ изъ представленныхъ г-жей Скаржинской засвидѣтельствованныхъ счетовъ журнала „За Рубежомъ", заключалось въ томъ, что онъ разрѣшилъ перепечатать въ немъ безплатно свой разсказъ „Старая Исторія". А полтавскіе дворяне называютъ его принадлежащимъ къ „мошеннической шайкѣ" и обвиняютъ его въ присвоеніи денегъ! Полтавскіе дворяне, понося зарубежныхъ эмигрантовъ, видимо, надѣялись на полную безнаказанность. Но г. Арцыбашевъ живетъ безвыѣздно въ Россіи, правъ своихъ онъ не терялъ. Какъ почувствуютъ себя полтавскіе дворяне, если г. Арцыбашевъ привлечетъ ихъ къ суду за клевету, запротоколированную въ оффиціальномъ отчетѣ.

Дальше въ своихъ объясненіяхъ г-жа Скаржинская говоритъ: „Семьѣ моей не можетъ грозить разореніе, такъ какъ мужъ мой, крупный помѣщикъ Лубенскаго уѣзда, владѣетъ болѣе чѣмъ 3.000 де-

сятинъ земли. За уплатой долга, его состояніе надо считать, по крайней мѣрѣ, въ 900.000 рублей, при чемъ завѣщаніемъ своимъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей обезпечилъ вполнѣ, что̀ хорошо извѣстно собранію. Страннымъ является возбужденіе вопроса объ опекѣ надо мной, когда моего имущества въ Россіи почти не осталось (пожизненное владѣніе имѣніемъ „Кругликъ“ и нѣсколько малоцѣнной земли подъ городомъ Лубнами), при чемъ опасеніе дворянства, что моя необезпеченность можетъ лечь бременемъ на дворянство, не имѣетъ отношенія, такъ какъ первое—пока живъ мужъ, я имѣю право на полученіе извѣстной ежегодной суммы изъ его средствъ; второе — еслибы, вслѣдствіе постигшей тяжкой болѣзни, его не стало, я имѣю право на полученіе пенсіи послѣ него и на пожизненное владѣніе частью его имѣнія“.

Въ послѣднихъ пунктахъ, кажется, и скрывается самая суть дѣла. Не забота о судьбѣ г-жи Скаржинской и ея дѣтей зажгла энергію полтавскихъ дворянъ (дѣти г-жи Скаржинской, въ лицѣ второй ея дочери Ольги, по мужу Климовой, письменно протестовали противъ опеки надъ матерью). Цѣлью полтавскаго дворянства было нѣчто противоположное. Въ послѣднемъ своемъ заявленіи г-жа Скаржинская высказываетъ такого рода догадку: „Только что я узнала изъ достовѣрнаго источника, что и все-то это дѣло опеки надо мной изобрѣтено, кѣмъ—не знаю, лишь какъ средство меня „обезвредить“, т.-е. поставить въ невозможность вмѣшиваться и контролировать, на правахъ жены, имущественныя дѣла моего мужа, а на правахъ матери и опекунши (сообразно волѣ и завѣщанію того же мужа) вмѣшиваться и контролировать имущественныя дѣла моихъ дѣтей“. Удалить отъ мужа, отъ дѣтей, отъ наслѣдства... А сверхъ всего такой штрихъ: „возможно предположить, что правительство лишитъ ее пенсіи за изданіе революціоннаго органа“. Эта угроза также запротоколирована въ отчетѣ о собраніи дворянства. Въ концѣ концовъ, дѣлается вполнѣ яснымъ, что не забота о судьбѣ г-жи Скаржинской руководила полтавскимъ дворянствомъ, а желаніе причинить возможно больше стѣсненій и непріятностей г-жѣ Скаржинской. Поэтому, не смотря на всѣ оправданія, объясненія и документальныя опроверженія г-жи Скаржинской, полтавскіе дворяне нисколько не пожелали отмѣнить свое постановленіе. Окончательное рѣшеніе предстоитъ постановить сенату.

Съ общественной точки зрѣнія интересенъ не тотъ или другой исходъ личнаго дѣла г-жи Скаржинской. Характерно и значительно выразившееся въ немъ настроеніе дворянскихъ сферъ, — настроеніе длительное, повсемѣстное, весьма опредѣленное и прямолинейное. Стоитъ только припомнить, съ какой неумолимостью, съ какимъ злорадствомъ исключали дворянскія собранія многихъ губерній изъ своей среды депутатовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе.

Первую Думу называли „Думой народнаго гнѣва“. Третью Думу можно назвать „Думой помѣщичьяго гнѣва“, а весь переживаемый нами съ 1907-го года мрачный періодъ — торжествомъ мстительнаго гнѣва, злорадной расплаты правыхъ помѣщиковъ. Конечно, въ глазахъ правыхъ дворянъ всѣ русскіе эмигранты за границей — „шайка мошенниковъ“. И вся всколыхнувшаяся къ новой жизни молодая Россія для нихъ тоже „шайка грабителей и мошенниковъ“. Ничего, кромѣ злобы и ненависти, къ этой сторонѣ русской жизни правые дворяне не могутъ чувствовать. А тѣ дворяне, которые отдали свои силы на служеніе новой Россіи, въ ихъ глазахъ, разумѣется, измѣнники и предатели. Ихъ нужно извергать изъ дворянской среды, имъ нужно мстить, ихъ нужно гнать и преслѣдовать. Такими же измѣнниками и предателями были въ глазахъ крѣпостниковъ-дворянъ мировые посредники начала шестидесятыхъ годовъ, отказывавшіеся держать руку помѣщиковъ и стремившіеся соблюсти справедливость при земельномъ устройствѣ освобожденныхъ крестьянъ. Г-жа Скаржинская вздумала помогать нуждающимся русскимъ за границей, т.-е. врагамъ праваго дворянства. Значитъ, и она—предатель и врагъ, котораго надо преслѣдовать правдой и неправдой...

Въ дѣлѣ г-жи Скаржинской отразился господствующій нынѣ въ Россіи общественно-политическій духъ — господствующій только на поверхности жизни, но все-же дающій тонъ въ третьей Думѣ и распоряжающійся дѣлами въ завоеванныхъ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Повсюду идетъ мстительная расплата за пережитый страхъ и сѣется, какъ неизбѣжный отпоръ, новая злоба.

Такъ какъ у третьей Думы не можетъ быть искренняго желанія спѣшить съ реформой городского и земскаго самоуправленія, то на мѣстахъ попрежнему „нѣтъ людей“, и хозяйство во многихъ земствахъ и городахъ попрежнему влачится кое-какъ. Изъ Вольска пишутъ въ саратовскія газеты: „Кончилось уѣздное земское собраніе и можно подвести итоги. Собраніе не отличалось большимъ многолюдствомъ: въ составъ его входило 2 графа, 1 дѣйств. ст. сов., 3 просто дворянина, 2 священника, 3 купца и 3 крестьянина. При такомъ „соотношеніи силъ“ само собой разумѣется, что наиболѣе острые вопросы деревенской жизни не получили соотвѣтственнаго разрѣшенія. Собраніе велось форсированнымъ маршемъ, при чемъ всѣ почти доклады принимались безмолвно, не вызывая никакихъ преній и никакихъ, конечно, трепій. То обстоятельство, что читалъ доклады и давалъ по нимъ объясненія гр. Орловъ-Денисовъ, сыграло огромную роль. Графъ своимъ авторитетомъ парализовалъ слабые протесты той небольшой

группы гласныхъ, которая не вѣрила въ непогрѣшимость управы. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что нѣкоторые доклады не были отпечатаны и разосланы гласнымъ для ознакомленія. Эти доклады читались по рукописямъ и немедленно принимались. Ничего страннаго не было, поэтому, въ томъ, что и докладъ о телефонной сѣти въ уѣздѣ былъ принятъ безпрекословно, при чемъ однимъ изъ главныхъ доводовъ въ его пользу выставили то обстоятельство, что уѣздный исправникъ получитъ возможность ежечасно принимать рапорты становыхъ приставовъ или урядниковъ". Другой корреспондентъ добавляетъ о томъ же земскомъ собраніи такую подробность: „Въ теченіе трехъ послѣднихъ засѣданій выбывали одинъ за другимъ наиболѣе видные гласные: выбыли Мельниковъ, графъ Уваровъ, Меркульевъ, оба Киндякова и, наконецъ, Ружичка-де-Розенвертъ, передавшій предсѣдательство графу Орлову-Денисову. Собраніе кончилось въ составѣ 9 гласныхъ, изъ которыхъ добрая половина едва-ли произнесла за всѣ пять дней два-три слова. Большинство докладовъ, въ особенности подъ конецъ, докладывались вкратцѣ".

Можно подумать, что такое печальное безлюдье обнаружилось въ какомъ-нибудь выморочномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, въ бойкомъ Вольскомъ уѣздѣ насчитывается свыше двухъ сотъ тысячъ человѣкъ населенія. А „людей нѣтъ", и земское хозяйство направляютъ 9 безсловесныхъ гласныхъ...

Въ другихъ мѣстахъ еще хуже. Изъ Грайворона, Курской губерніи, пишутъ въ „Рѣчь": „Настоящая цензовая система отдала нашъ злополучный уѣздъ въ руки славныхъ истинно-русскихъ греческихъ выходцевъ Григорасулъ. Григорасуло—предводитель дворянства. Григорасуло—предсѣдатель земской управы. Григорасуло—членъ дворянской опеки. Григорасулы—земскіе начальники. А тамъ цѣлая туча зятьевъ, свояковъ этихъ самыхъ Григорасулъ. Безъ преувеличенія, уѣздъ — это только вотчина гг. Григорасулъ. И такъ многіе годы, десятки лѣтъ. Какъ относятся къ русскому народу и его нуждамъ эти истинно-русскіе дворяне—понять нетрудно. Предсѣдатель Н. Н. Григорасуло ненавидитъ земскія школы и земскихъ учителей. Онъ, не стѣсняясь, публично признается: „Всѣхъ бы этихъ земскихъ учителишекъ перевѣшалъ! Только крамолу сѣютъ". Какими „принципами" руководствуется этотъ дѣятель, показываетъ такой анекдотическій фактъ. Разъ на узкомъ проселкѣ встрѣтился съ нимъ обозъ черкасскихъ мужиковъ, везшихъ на заводъ буракъ. Обозъ отказался свернуть съ дороги, и вотъ г. Григорасуло, чтобъ проучить непочтительныхъ, болѣе десяти лѣтъ не открывалъ въ ихъ селѣ школы, хотя зданіе стояло готовое. Сейчасъ мужики исправились, сворачиваютъ предъ старымъ корнетомъ чуть не за версту, и вотъ въ этомъ году

г. Григорасуло положилъ гнѣвъ на милость: разрѣшилъ мѣстному священнику открыть въ земскомъ училищномъ зданіи церковно-приходскую школу! Сдѣлано это безъ вѣдома и согласія земскаго собранія, но вѣдь „земское собраніе—это я",—можетъ сказать г. Григорасуло. Изъ года въ годъ ревизіонная коммиссія дѣлаетъ докладъ собранію о вопіющей безурядицѣ и хаотичности земскаго хозяйства, но всѣ эти замѣчанія гг. Григорасулы, опирающіеся на прочное, подавляющее большинство, оставляютъ безъ послѣдствій. Бюджетъ земскаго сельскохозяйственнаго склада достигаетъ громадной суммы въ 200.000 рублей. И, тѣмъ не менѣе, отчетность въ складѣ ведется такъ небрежно, что, по мягкому, осторожному выраженію ревизіонной коммиссіи, „нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько и на какую сумму извѣстной категоріи товаровъ имѣется на лицо въ складѣ". Въ ракитинскомъ отдѣленіи склада еще лучше: „тамъ уже нѣтъ никакого порядка, нѣтъ совсѣмъ денежной отчетности, а завѣдующій складомъ каждый день, по окончаніи торговли, вноситъ ежедневную выручку въ кассовую книгу, по своему усмотрѣнію, безконтрольно!" Самъ предсѣдатель управы и ея члены, а также родня и благопріятели изъ гласныхъ, пользуются невозбранно кредитомъ въ земскомъ складѣ. Расплачиваются же за забранный товаръ не деньгами, а продуктами и инвентаремъ своихъ захудалыхъ хозяйствъ, и, разумѣется, по отличнымъ цѣнамъ. Такъ, предсѣдатель Григорасуло въ обмѣнъ на товары земскаго склада сбываетъ свой овесъ, сѣно и т. п. продукты. Разъ онъ надѣлилъ складъ бобами по такой высокой цѣнѣ, что они провалялись въ складѣ нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ были выброшены за негодностью. Членъ управы Чеховъ въ уплату своего долга сбылъ свои допотопные, никуда негодные экипажи. Гласный Шеваидинъ, пользуясь родственной связью съ предсѣдателемъ, продалъ за породистаго производителя своего слѣпого, искалѣченнаго коня. Племенныхъ быковъ для крестьянскихъ стадъ доставляютъ исключительно самъ предсѣдатель управы и ближайшіе его сотрудники однофамильцы". Длинная корреспонденція приводитъ еще рядъ такихъ же удручающихъ фактовъ, которые, очевидно, близки къ печальной и возмутительной истинѣ, такъ какъ, называя полныя фамиліи дѣятелей, трудно измыслить или сильно преувеличить ихъ дѣянія.

Такіе плоды даетъ укороченное и зажатое со всѣхъ сторонъ земство. Но печальная дѣйствительность русской внутренней жизни идетъ еще дальше. Есть губерніи, которыя до сихъ поръ и объ укороченномъ земствѣ мечтаютъ, какъ о недосягаемомъ благополучіи. Сотрудникъ „Астраханскаго Листка" разсказываетъ: „—Когда у насъ будетъ земство?—спрашивали насъ нѣкоторые изъ астраханцевъ. Спрашивали потому, что наша газета слѣдитъ за ходомъ этого вопроса и сообщала

свѣдѣнія о его положеніи. Говоримъ: такъ и такъ, земство ожидать надо приблизительно къ іюлю. — Почему же именно къ іюлю? — А потому, что къ январю министерство внутреннихъ дѣлъ не успѣетъ, во всякомъ случаѣ. — Въ чемъ же препона? — Это, господа, и самъ квартальный не скажетъ. Вѣдь еще въ 1865-мъ году астраханскій губернаторъ писалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что къ введенію земскаго самоуправленія въ Астраханской губерніи, при условіи нѣкоторыхъ измѣненій, вызываемыхъ особенностями края, препятствій не встрѣчается. И вотъ, съ того времени ровнехонько сорокъ-пять лѣтъ прошло, а земства и до сихъ поръ въ нашемъ краѣ нѣтъ. И смѣшно, и грустно читать имѣющіяся у насъ замѣтки о рядѣ совѣщаній, публичныхъ и секретныхъ, по вопросу о введеніи земства въ Астраханской губерніи. И каждое совѣщаніе находило, что земство слѣдуетъ ввести въ губерніи, препятствій никакихъ къ этому нѣтъ, но... земства нѣтъ и нѣтъ. Говорятъ, въ февралѣ законопроектъ пойдетъ въ Государственную Думу. Будемъ ждать февраля. Будемъ ждать сорокъ-шестой годъ, когда рѣшенный вопросъ рѣшится...“

Третья Дума работаетъ четвертый годъ, а до реформы земскаго и городского самоуправленія все не можетъ добраться. Очевидно, и охоты особой добираться не имѣется въ наличности. Бюрократія, которая изъ года въ годъ обрѣзывала подъ всяческими предлогами земскую иниціативу или перекатывала изъ одной коммиссіи въ другую явно неотложные вопросы, нашла въ лицѣ третьей Думы для себя добрую пособницу и потатчицу. Да если и выберется, наконецъ, земская реформа въ законодательныя палаты, то не широкій свѣтъ увидитъ она здѣсь. Одна только развѣ есть маленькая надежда: устанутъ правые дворяне „спасать Россію“ и на мѣстахъ, и въ третьей Думѣ. Очень ужъ ихъ мало. Одни и тѣ же лица должны и въ Думу скакать, и въ земскихъ собраніяхъ устои отстаивать. Затрудненіе это уже усмотрѣно и вызываетъ заботу высшей администраціи. Въ прошломъ году уже былъ циркулярный совѣтъ губернаторамъ подгонять открытіе губернскихъ земскихъ собраній съ такимъ разсчетомъ, чтобы они совпадали со днями отдыха третьей Думы. И всетаки бываютъ безвыходныя положенія. „Людей нѣтъ, людей нѣтъ“. Приходится правымъ дворянамъ однихъ и тѣхъ же лицъ выбирать и въ земскія управы, и въ Государственную Думу. И ужъ тутъ совсѣмъ трудно. Даже при исключительной энергіи невозможно работать одновременно на двухъ концахъ Россіи. Такой случай, напримѣръ, былъ въ Саратовѣ. Предсѣдателя губернской земской управы, г. Гримма, избрали въ третью Думу. Сначала онъ пробовалъ совмѣщать обѣ дѣятельности. Однако въ результатѣ были упреки въ нерачительности и въ Думѣ, и въ земствѣ. Тогда г. Гриммъ оставилъ земскую работу для

государственной дѣятельности. Но пришли новые земскіе выборы, оглянулись гласные: „людей нѣтъ“—взяли и снова выбрали г. Гримма въ предсѣдатели губернской управы. Пришлось г. Гримму на этотъ разъ отказаться отъ званія члена Государственной Думы.

У г. Гримма оказалось достаточно такта, чтобы оба раза принять удовлетворительное рѣшеніе для выхода изъ труднаго положенія. У другихъ лицъ этого такта оказывается меньше. Безлюдье заставило самарскую думу выбрать въ головы члена Госуд. Думы М. Д. Челышева. Г. Челышевъ не пожелалъ ни отъ одной изъ этихъ должностей отказаться и, въ концѣ концовъ, самъ поставилъ себя въ конфузное положеніе. Самарскій корреспондентъ сообщаетъ: „Городская дума 27 октября приняла слѣдующую резолюцію: „Указать городскому головѣ (члену Госуд. Думы Челышеву), что частыя и продолжительныя отлучки его изъ Самары крайне вредно отражаются на городскомъ хозяйствѣ, обремененномъ большими долгами, настоятельныя и неотложныя нужды котораго требуютъ постоянной и усиленной работы всего состава управы, а главнымъ образомъ ея руководителя въ лицѣ городского головы, получающаго за свой трудъ по веденію городского хозяйства большое жалованье, и предложить городскому головѣ немедленно возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей и на будущее время не отлучаться безъ особо на то выраженнаго согласія думы. Настоящее постановленіе сообщить г-ну городскому головѣ въ Петербургъ“. Резолюція принята 24 голосами, противъ четырехъ, при 14-ти воздержавшихся“.

Къ такимъ конфликтамъ приводитъ вынужденное безлюдье въ нашихъ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Жизнь требуетъ расширенія земской и городской избирательной системы, требуетъ самыми разнообразными голосами. Даже правые дѣятели начинаютъ приходить къ неизбѣжному выводу, что имъ „непосильно“. Можетъ-быть, хоть близкіе ей уставшіе голоса услышитъ третья Дума и дастъ земской реформѣ возможность сдѣлать шагъ впередъ,—конечно, шагъ небольшой и умѣренный. Но вѣдь отъ третьей Думы никто большихъ шаговъ впередъ и не ожидаетъ.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общенародное горе.—Отношеніе къ нему Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и реакціонной печати.—Образцы безтактности и лицемѣрія.—Волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Проектъ запроса о высшей школѣ.—Особое мнѣніе М. И. Горчакова по одному изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ.—Государственный Совѣтъ и Государственная Дума.

Великимъ событіямъ свойственно вызывать наружу какъ лучшія, такъ и худшія чувства, въ обыкновенное время дремлющія на днѣ народной и общественной жизни. Раскрываются сокровища любви—и залежи ненависти; ярко освѣщаются вершины—и рельефнѣе обрисовываются низменныя вмѣстилища мрака. Именно такимъ было дѣйствіе послѣднихъ дней и кончины Льва Толстого. Какъ ни блестяща была слава, окружавшая его издавна и достигшая, по видимому, своего апогея два года тому назадъ, въ моментъ его юбилея—только теперь стало ясно, чѣмъ онъ былъ для русскихъ и не-русскихъ, для всего мыслящаго человѣчества. И въ то же время еще интенсивнѣе, чѣмъ прежде, проявилась вражда, не обезоруживаемая даже смертью. Особенно характерны тѣ ея вспышки, которыя произошли на верхнихъ ступеняхъ государственной лѣстницы. Протестъ правыхъ членовъ Государственной Думы и дополняющая его рѣчь деп. Замысловскаго останутся памятникомъ злобы, достигшей своего крайняго предѣла. Называя преклоненіе передъ свѣжей могилой „противогосударственной и противорелигіозной демонстраціей“, правые сами совершаютъ демонстрацію—демонстрацію противъ народной скорби, противъ правъ генія, противъ драгоцѣннаго наслѣдства, оставленнаго Россіи, противъ свободы человѣческаго духа. „Графъ Л. Н. Толстой“—сказано въ заявленіи, поданномъ предсѣдателю Думы,—„отрицательно относился ко всякой государственности и всѣмъ государственнымъ установленіямъ, отвергалъ собственность и выполненіе гражданскихъ обязанностей, придерживался крайне разрушительныхъ воззрѣній, отрицая всѣ устои современной культуры“. Что̀ это такое, какъ не попытка уложить мысль въ Прокрустово ложе узкой, мелкой, себялюбивой тенденціи, охраняющей существующее, насколько оно выгодно для охранителей? Чѣмъ внушены „разрушительныя воззрѣнія“, что̀ они выдвигали на мѣсто нынѣшнихъ „устоевъ“, какъ рисовалось будущее передъ устремленнымъ вдаль взоромъ философа-поэта — это безразлично для авторовъ протеста: имъ непонятенъ и ненавистенъ твор-

ческій полетъ ума, пролагающаго, не стѣсняясь вѣхами и заставами, новыя дороги къ новымъ цѣлямъ. И не странно ли видѣть г. Пуришкевича и К° въ роли защитниковъ культуры, въ концѣ концовъ несущей для нихъ неминуемую гибель? Не ясно ли, что „государственность", которою они дорожатъ, не имѣетъ ничего общаго съ идеаломъ государства?.. „Толстой—читаемъ мы дальше—„былъ отлученъ церковью отъ сонма вѣрующихъ за свои богохульныя сочиненія, подрывающія въ русскомъ народѣ вѣру православную, являющуюся основой русской государственности". Что въ сочиненіяхъ Толстого нѣтъ ничего похожаго на богохульство — это, по всей вѣроятности, очень хорошо знаютъ сами „протестанты". Менѣе доступно для нихъ, быть можетъ, все безконечное различіе взглядовъ на русскую государственность и на ея основы; но даже имъ слѣдовало бы понять, что обязательной силы не имѣетъ ни одинъ изъ этихъ взглядовъ. Было время, когда рожденный въ православіи считался неразрывно связаннымъ съ православною церковью, связаннымъ съ нею и послѣ того, какъ она сама отлучала его отъ общенія съ нею. Это время прошло: Толстой, въ моментъ своей смерти, не только фактически, но и легально стоялъ внѣ православной церкви. Церковнымъ сужденіемъ о немъ не могло быть и не было предрѣшено сужденіе народа, нашедшее слабый отголосокъ въ образѣ дѣйствій большинства Государственной Думы. Какъ ни мало общаго между третьей Думой и истинно народнымъ представительствомъ, она, какъ цѣлое, все же не пошла въ разрѣзъ съ народнымъ чувствомъ и предоставила ничтожному меньшинству незавидную роль оскорбителей могилы. Спѣшимъ прибавить, что даже не всѣ правые подписали протестующее заявленіе, не всѣ остались сидѣть, когда предсѣдатель Думы предложилъ почтить память Толстого вставаніемъ.

Еще менѣе единодушія оказалось среди правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Значительно бо̀льшая ихъ часть ограничилась болѣе или менѣе демонстративнымъ уходомъ изъ залы засѣданій; оставшіеся въ залѣ поднялись, по призыву предсѣдателя, съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ только двухъ представителей чернаго духовенства. Весьма можетъ быть, впрочемъ, что ходъ дѣла былъ бы иной, еслибы въ промежутокъ времени между засѣданіемъ Думы (8-го ноября) и засѣданіемъ Государственнаго Совѣта (10-го ноября) не была обнародована извѣстная Высочайшая отмѣтка на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о смерти Л. Н. Толстого. Не случайно, конечно, на эту отмѣтку сослался предсѣдатель Государственнаго Совѣта, предлагая почтить память „великаго писателя земли русской"... Болѣе непримиримыми оказались, въ данномъ случаѣ, нѣкоторые органы правой печати. Одинъ изъ нихъ нашелъ „недопустимымъ" предлагать, „въ при-

сутствіи высшихъ іерарховъ церкви", „чествованіе памяти человѣка, котораго церковь вынуждена была отлучить". Не подобало, по мнѣнію той же газеты, „предлагать, въ присутствіи иностранныхъ представителей, чествованіе въ высшемъ государственномъ учрежденіи явнаго противника царя"... Образу дѣйствій большинства Государственной Думы и Государственнаго Совѣта приписываются—должно быть, по формулѣ: post hoc, ergo propter hoc—всѣ послѣдующія „безобразія". Даже „Московскія Вѣдомости", обычно претендующія на сдержанность и академичность, признаютъ чествованіе памяти Толстого въ Государственномъ Совѣтѣ „чрезвычайно прискорбною ошибкой, которая будетъ имѣть въ обществѣ и народѣ вредныя послѣдствія". Если такъ говоритъ серьезный органъ печати, то нетрудно себѣ представить, до чего доходятъ мелкія газетки, вдохновляемыя союзомъ русскаго народа. Намъ присланъ номеръ небольшого листка, выходящаго въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ заглавіемъ: „Козьма Мининъ". Что̀ тамъ написано о Толстомъ наканунѣ его смерти, когда всѣмъ было извѣстно опасное, почти безнадежное его положеніе — это съ трудомъ можетъ себѣ представить даже тотъ, кто хорошо знакомъ съ прелестями языка, введеннаго въ моду изданіями типа „Русскаго Знамени" и рѣчами бессарабско-курскаго типа. Достаточно замѣтить, что уходъ Толстого изъ Ясной Поляны названъ здѣсь „фарсомъ", „комедійнымъ дѣйствомъ", предпринятымъ съ цѣлью „заставить поговорить про себя" и поднять „все ниже и ниже падающія акціи графской популярности", а въ „бутафорномъ бѣгствѣ" усмотрѣна „самая яркая иллюстрація къ правдивому опредѣленію интеллигенціи", данному г. Пуришкевичемъ... И этотъ листокъ, какъ намъ пишутъ, считается въ Нижнемъ-Новгородѣ чѣмъ-то въ родѣ оффиціоза мѣстной администраціи! До такого униженія не доходилъ еще, кажется, печатный станокъ.

Не въ однѣхъ только попыткахъ развѣнчать Толстого, очернить его нравственный образъ, набросить тѣнь на его славу заключается печальная сторона всего пережитаго Россіей за послѣднее время. Насколько естественно и законно было волненіе, возбужденное сначала уходомъ Толстого изъ Ясной Поляны, потомъ его болѣзнью, наконецъ—его смертью, насколько понятенъ былъ сердечный интересъ ко всѣмъ деталямъ его путешествія, его обстановки въ Астаповѣ, его своеобразно-торжественнаго погребенія, настолько несимпатично любопытство, старавшееся проникнуть въ область интимной жизни, настолько возмутительны сужденія — и осужденія, — построенныя на слухахъ, сплетняхъ и произвольныхъ догадкахъ. Особенно противнымъ все это становилось тогда, когда прикрывалось маской уваженія

къ великому человѣку, стремленіемъ оградить его права и интересы. Приведемъ только одинъ примѣръ, очень характерный. Наканунѣ смерти Толстого, въ газетѣ, издавна совмѣщавшей преклоненіе предъ его именемъ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ его взглядамъ, появилась замѣтка извѣстнаго писателя, въ которой—вслѣдъ за категорическимъ указаніемъ на то, въ чемъ нуждается Толстой и кто имѣетъ право быть около него,—мы читаемъ слѣдующія, по истинѣ невѣроятныя слова: „Толстой буквально находится въ рукахъ Черткова, ограниченнаго и фанатическаго своего поклонника... Чертковъ запретилъ ему, поклоненіемъ и преданностью, выходъ изъ такой-то фазы, въ которой засталъ Толстого, и буквально задушилъ Толстого мыслями Толстого же... Толстой буквально захворалъ около Черткова, когда тотъ до земли поклонился ему и произнесъ надъ нимъ мертвымъ голосомъ: теперь—ни шагу далѣе и въ сторону". Дальше Чертковъ уподобляется протестантскому или духоборческому „духовнику", а также отцу Матвѣю, сыгравшему печальную роль въ жизни Гоголя; на сцену выступаетъ „ядъ Черткова", усиливающійся „превратить льва въ земноводное"—и все заканчивается угрозой „жестокаго суда", которому Россія подвергнетъ Черткова. И это написано и напечатано въ то время, когда не исключена еще была возможность ознакомленія самого Толстого съ статьею, глубоко оскорбительною не только для его друга, но и для него самого! Безцеремонный авторъ впадаетъ въ вопіющее противорѣчіе съ самимъ собою: онъ говоритъ о „волнующемся и вѣчно растущемъ, вѣчно мѣнявшемся мірѣ думъ, чувствъ и настроеній Толстого"—и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что „ограниченному" поклоннику Толстого удалось „запечатать этотъ міръ вѣчною печатью"! Какимъ же образомъ это могло случиться, и гдѣ доказательство тому, что это случилось? Когда началось и въ чемъ выразилось порабощеніе Толстого Чертковымъ? Вѣдь тѣсная ихъ дружба продолжалась цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ не прекращалась и не ослабѣвала кипучая внутренняя жизнь Толстого. Волноваться, томиться, искать онъ не переставалъ до послѣднихъ дней, ознаменованныхъ такимъ рѣшеніемъ, которому неизбѣжно должна была предшествовать тяжелая внутренняя борьба. Что же, и эта борьба происходила подъ давленіемъ чужой воли? Величіе Толстого заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ всегда былъ и до конца оставался самимъ собою, духовнымъ вождемъ многихъ, никѣмъ извнѣ не руководимымъ. Пускай это отрицаютъ его враги, удручаемые достигнутою имъ высотою и готовые на все, чтобы низвести его на уровень, болѣе имъ понятный и доступный; но что сказать о почитателѣ Толстого, вступающемъ на ту же дорогу—и вступающемъ

на нее въ моментъ напряженно-тревожнаго ожиданія рѣшительной вѣсти?.. [1])

Въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла только-что упомянутая нами статья, идетъ, не прерываясь, усиленная работа надъ разными темами, связанными съ судьбой Толстого — и почти каждый фазисъ этой работы приноситъ съ собою новые матеріалы для характеристики теченій, порождаемыхъ господствующей политической конъюнктурой. Въ тотъ самый день, когда одинъ изъ сотрудниковъ „Новаго Времени“ оплакивалъ плѣненіе Толстого Чертковымъ—забывая, что этотъ плачъ можетъ быть понятъ какъ призывъ къ мѣропріятіямъ противъ виновника плѣна,—другой сотрудникъ той же газеты трудился надъ опроверженіемъ обвиненій, никѣмъ еще не предъявленныхъ, но предусматриваемыхъ въ будущемъ. Вопросъ былъ формулированъ такъ: отъ кого бѣжалъ Толстой? „Бѣжалъ ли онъ отъ отрицаемаго имъ государства? Нѣтъ, ибо онъ не собирался бѣжать изъ Россіи. Бѣжалъ ли онъ отъ отвергаемой имъ церкви? Нѣтъ, ибо церковь его нисколько не преслѣдовала и не стѣсняла... Отношенія и церкви, и государства къ великому человѣку отличались большимъ благородствомъ. Ему была оказана величайшая терпимость... Ему была предоставлена широкая свобода развивать таланты и жертвовать ихъ на пользу общую. Ни государство, ни церковь ничѣмъ не возмутили тишины геніальной жизни“. Плохую услугу оказываетъ своимъ подзащитнымъ беззастѣнчивый апологетъ. Предупреждая обвиненія, онъ ставитъ ихъ на очередь и, неудачно пытаясь оправдывать другихъ, пишетъ жестокій обвинительный актъ противъ самого себя. Что̀ ставитъ онъ въ заслугу государству? Что оно не принимало никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ самого Толстого? Да, до этого дѣло не доходило, хотя несомнѣнно былъ моментъ, когда Толстому, по соглашенію между властями свѣтской и церковной, серьезно угрожала тяжкая, внѣ-законная кара—заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Но развѣ „тишину жизни“—въ особенности жизни такого человѣка, какъ Толстой—можетъ нарушить только непосредственное посягательство на его личность, прямое ограниченіе его правъ, его свободы? Развѣ въ великомъ исповѣдникѣ не вызывало жгучей, мучительной боли всякое преслѣдованіе его учениковъ, его послѣдователей—преслѣдованіе, сплошь и рядомъ прямо мотивированное распространеніемъ его сочиненій? Развѣ забыты горячія мольбы Толстого привлечь къ суду его самого,

[1]) Послѣ смерти Льва Николаевича однородныя обвиненія были выставлены противъ В. Г. Черткова однимъ изъ сыновей покойнаго, въ письмѣ, произведшемъ, въ широкихъ кругахъ, самое тяжелое впечатлѣніе. Оно вызвало рѣшительный отпоръ со стороны двухъ другихъ сыновей Льва Николаевича и уже потому одному не требуетъ опроверженія.

не возлагая на другихъ отвѣтственность за его взгляды, за его стремленія? Развѣ „тишина жизни“ Толстого не пострадала, когда отъ него былъ надолго удаленъ ближайшій его другъ, когда изъ-за него былъ высланъ на край свѣта его любимый секретарь?.. Толстому—говорятъ намъ—„была оказана величайшая терпимость“. Терпимостью, слѣдовательно, надлежитъ считать запрещенія, нѣсколько десятилѣтій сряду тяготѣвшія почти надъ всѣми богословскими, этическими, публицистическими сочиненіями Толстого, т.-е. именно надъ тѣмъ, во что онъ вкладывалъ свою душу, чѣмъ хотѣлъ дѣйствовать на умы и сердца людей? Терпимостью была внушена политика, освобождавшая отъ узъ тѣло Толстого, но создававшая темницу для его идей, ставившая предѣлъ ихъ вліянію? Терпимостью, въ такомъ случаѣ, отличался и церковный трибуналъ, освободившій Галилея подъ условіемъ отреченія отъ Коперниковой системы... А что̀ значитъ фраза о предоставленіи Толстому возможности „развивать таланты и жертвовать ихъ на пользу общую“? Если рѣчь идетъ о талантахъ самого Толстого, то развитію ихъ, конечно, не могло помѣшать ничто—но въ мѣрахъ, стѣснявшихъ „обращеніе ихъ на общую пользу“, недостатка не было. Нужно ли прибавлять, насколько тѣмъ самымъ было затруднено развитіе талантовъ, по духу родственныхъ Толстому?.. Что касается до церкви, то стѣснить дѣятельность Толстого она могла не иначе, какъ черезъ посредство государства. Какъ часто и въ какой мѣрѣ она обращалась къ этому посредству — покажетъ время, въ концѣ концовъ раскрывающее всѣ тайны. Если вѣдомству православнаго исповѣданія не удалось „возмутить тишину геніальной жизни“, то объясненіе этому слѣдуетъ искать исключительно въ самомъ Толстомъ, душевное спокойствіе котораго не было нарушено отлученіемъ отъ церкви. Заранѣе предвидѣть такой результатъ было невозможно; невозможна, при тогдашнихъ условіяхъ, была и увѣренность, что актъ отлученія не повлечетъ за собою ни вспышки фанатизма въ той или другой группѣ невѣжественныхъ людей, ни „соотвѣтствующихъ“ мѣропріятій со стороны свѣтской власти... Хвалебный гимнъ государству и церкви, поспѣшно пропѣтый услужливымъ писателемъ, производитъ, такимъ образомъ, дѣйствіе прямо противоположное тому, которое имѣлъ въ виду панегиристъ.

Съ особенною силой всеобщее волненіе, вызванное кончиною Толстого, отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ воспріимчивой, легко воспламеняющейся средѣ учащейся молодежи. Этотъ совершенно естественный фактъ оффиціозные публицисты стараются связать съ подпольными махинаціями зловредной „оппозиціи въ кавычкахъ“. Подтвержденіемъ излюбленнаго тезиса являются, подъ ихъ перомъ, даже факты, прямо доказывающіе противное. Когда началось броженіе въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, группа оппозиціонныхъ депутатовъ обратилась къ учащимся съ увѣщаніемъ воздержаться отъ уличныхъ манифестацій. И вотъ что пишетъ по этому поводу такъ называемое „частное изданіе“: „понятенъ истинный смыслъ того обращенія къ молодежи, съ которымъ выступили за полчаса до уже окончательно слаженной демонстраціи представители думской оппозиціи. Теперь, когда все уже находится во власти событій—замѣтьте: событій, искусственно созданныхъ трудами кадетскихъ листковъ и всѣмъ, что ими прикрывается,—когда, слѣдовательно, всякое такое обращеніе не только не можетъ подѣйствовать отрезвляюще, а наоборотъ, неизбѣжно должно разжечь страсти—теперь пускается въ ходъ это обращеніе“!—Когда же, по мнѣнію „Россіи“, слѣдовало пустить его въ ходъ? Когда только что пришла вѣсть о кончинѣ Толстого? Когда все было спокойно и никто не зналъ, будетъ ли нарушено спокойствіе? Представимъ себѣ, что это было бы сдѣлано. Не подлежитъ сомнѣнію, что на страницахъ той же „Россіи“ не замедлилъ бы появиться обвинительный актъ, однородный съ только что приведеннымъ, но нѣсколько лучше мотивированный. „Какъ!“—поспѣшили бы написать казенныя перья.—„Все тихо, никто не думаетъ поднимать шумъ, выходить на улицу, предъявлять мятежныя требованія—а „господа изъ оппозиціи“ уже чѣмъ-то встревожены, что-то предвидятъ, что-то предвѣщаютъ? Не заключается ли въ этомъ намекъ, что нѣчто *должно* произойти? Подъ видомъ успокоенія не кроется ли здѣсь возбужденіе, облеченное въ столь же осторожную, сколько коварную форму“?.. Допустимъ теперь противоположный случай: никакого обращенія къ молодежи со стороны оппозиціи сдѣлано бы не было. Опять-таки имѣлся бы на лицо и, конечно, былъ бы использованъ поводъ къ благонамѣренной филиппикѣ... Немного нужно безпристрастія, чтобы признать моментъ обращенія къ молодежи избраннымъ совершенно правильно. Первымъ днемъ сколько-нибудь крупныхъ демонстрацій была среда, 10-ое ноября, а максимальной силы движеніе достигло на слѣдующій день. И вотъ, именно утромъ этого дня и былъ оглашенъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній призывъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Если онъ не предупредилъ демонстрацію, то это не можетъ служить доказательствомъ его несвоевременности или, тѣмъ болѣе, его намѣренной запоздалости—и вся тяжесть обвиненія упадаетъ на слишкомъ усердныхъ обвинителей.

Вмѣсто того, чтобы доискиваться внѣшнихъ пружинъ движенія, гораздо полезнѣе было бы подумать о его внутреннемъ источникѣ. Теперь, послѣ многолѣтняго опыта, для всѣхъ должна быть ясна настоящая причина студенческихъ волненій. При старомъ режимѣ они возникали потому, что не было вовсе или было слишкомъ

мало другихъ формъ протеста противъ безчисленныхъ дефектовъ государственнаго и общественнаго строя. Теперь положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось, но не настолько, чтобы совершенно могла исчезнуть память о путяхъ, на которыхъ прежде искало выхода наболѣвшее чувство. Существуетъ Государственная Дума, въ стѣнахъ которой могутъ болѣе или менѣе свободно раздаваться требованія оппозиціонныхъ партій; но для нихъ закрыты общества, союзы и собранія, далеко не всегда и не вездѣ доступна печать. Внѣ столицъ, а иногда и въ столицахъ, давленіе власти чувствуется съ такой же—если не большей—силой, какъ въ до-конституціонное время. Лишена твердыхъ, прочныхъ основъ и жизнь высшей школы; у нея нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, надъ нею производятся безконечные эксперименты—и царствующая въ ней неопредѣленность уменьшаетъ силу противодѣйствія случайнымъ толчкамъ. Понятно, что вѣсть о кончинѣ Толстого, нарушивъ и безъ того неустойчивое равновѣсіе студенчества, вызвала въ немъ нѣчто въ родѣ возврата къ недавнему прошлому. Чрезвычайно характеренъ девизъ, избранный молодежью: „долой смертную казнь“. Непосредственно примыкая къ задачѣ, надъ которой съ особымъ жаромъ работалъ Толстой въ послѣдніе годы своей жизни, онъ затрогивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ современной дѣйствительности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вопросъ о смертной казни не могъ бы сдѣлаться предметомъ уличныхъ демонстрацій, еслибы существовали другіе, болѣе нормальные пути для его разработки. Еще недавно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ проектировалось основаніе обществъ, спеціальною цѣлью которыхъ была бы борьба съ смертной казнью, т.-е. выясненіе, всѣми законными способами, несправедливости и нецѣлесообразности этого вида уголовной кары. Общества эти разрѣшены не были, по соображеніямъ, несостоятельность и незаконность которыхъ была раскрыта, въ свое время, прогрессивною печатью. Не былъ открытъ, такимъ образомъ, предохранительный клапанъ — и избытокъ пара, въ силу закона, дѣйствующаго не въ одномъ только мірѣ физическихъ явленій, сталъ искать другого выхода. При иномъ составѣ народнаго представительства этимъ выходомъ могла бы служить надежда на Государственную Думу; но кому же неизвѣстно отношеніе большинства третьей Думы къ вопросу о смертной казни? Оно осталось вѣрнымъ само себѣ и теперь, когда, въ засѣданіи 12-го ноября, двѣ оппозиціонныя фракціи (к.-д. и с.-д.) предложили почтить память Толстого постановкой на очередь законопроекта, внесеннаго въ Думу (въ порядкѣ законодательной иниціативы) *два съ половиной года* тому назадъ, въ іюнѣ 1908-го года. „Нынѣ, когда весь цивилизованный міръ отдаетъ дань уваженія величайшему сыну Россіи“,—сказано было въ предложеніи

партіи народной свободы,—„мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ свѣтлою памятью покойнаго настаивать на включеніи въ повѣстку ближайшаго засѣданія Думы законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни". Въ другомъ собраніи возраженія, вызванныя этимъ предложеніемъ, могли бы скорѣе способствовать, чѣмъ помѣшать его принятію—до такой степени они были грубы по формѣ и отталкивающи по содержанію. „Когда будетъ сметена съ лица земли русской"—воскликнулъ, напримѣръ, деп. Образцовъ (крайній правый)—„вся нечисть въ видѣ эсдековъ, трудовиковъ и кадетовъ, тогда вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни рѣшится самъ собою, ибо некого будетъ вѣшать и разстрѣливать". Нельзя быть болѣе откровеннымъ въ признаніи смертной казни орудіемъ политической борьбы, способомъ искорененія не преступленій, а убѣжденій; нельзя быть болѣе циничнымъ въ призывѣ къ насилію, конечная цѣль котораго—единогласіе, достигаемое и поддерживаемое страхомъ. Можно было думать, что если не націоналисты, то хоть октябристы постыдятся стать въ ряды, руководимые деп. Образцовымъ, и подадутъ голосъ хотя бы за ничего, въ сущности, не предрѣшающее включеніе вопроса о смертной казни въ повѣстку ближайшаго засѣданія Думы. Случилось, однако, не то: къ оппозиціи присоединилось лишь нѣсколько отдѣльныхъ октябристовъ, и предложеніе ея было отклонено большинствомъ 161 голоса противъ 131. Та же судьба ожидаетъ, по всей вѣроятности, и остальныя предложенія, связанныя съ чествованіемъ памяти Л. Н. Толстого.

Лить масло въ огонь можно по незнанію или недоразумѣнію, можно съ намѣреніемъ усилить пламя—но ужъ конечно не съ намѣреніемъ потушить его. Горючихъ матеріаловъ въ высшей школѣ накопилось теперь немало; неужели отсюда слѣдуетъ, что нужно какъ можно скорѣе поставить на очередь запросы, обсужденіе которыхъ менѣе всего можетъ способствовать возстановленію спокойствія и тишины? Между тѣмъ, именно къ этому направлены, въ послѣднее время, усилія крайнихъ правыхъ. Еще въ концѣ октября, до смерти Л. Н. Толстого, была сдѣлана попытка добиться внѣ-очереднаго разсмотрѣнія запроса, единственнаго въ своемъ родѣ: онъ касался не того, что уже произошло, а того, что *могло* произойти (и на самомъ дѣлѣ не произошло вовсе). Самозванные досмотрщики за высшей школой узнали, путемъ только имъ доступнымъ, что готовится, будто бы, что-то неладное на актѣ института путей сообщенія. И вотъ, за три дня до этого акта депутатъ Замысловскій, по порученію своей партіи, внесъ въ Думу запросъ, требовавшій, эвентуально, самыхъ строгихъ мѣръ противъ директора института. Поддерживаемый, конечно, депутатомъ Пуришкевичемъ, г. Замысловскій настаивалъ весьма энергично на признаніи запроса спѣшнымъ. Это вызвало негодующій отвѣтъ даже со стороны такого

благонамѣре́ннаго октябриста, какъ депутатъ Шубинскій—и спѣшность была отвергнута огромнымъ большинствомъ голосовъ. Прошло полторы недѣли: настроеніе, подъ вліяніемъ національнаго траура и отрицательнаго отношенія къ нему извѣстныхъ группъ, стало тревожнымъ; заволновалась учащаяся молодежь. Эту минуту выбираютъ крайніе правые, чтобы потребовать постановки на очередь давняго, полу-забытаго запроса, направленнаго противъ высшей школы. Въ засѣданіи 10-го ноября депутатъ Шульгинъ 2-ой произноситъ рѣчь, полную мрачныхъ предсказаній и неопредѣленныхъ извѣтовъ: кто-то поведетъ „панургово стадо“ на улицу, кому-то нужны жертвы, нужны столкновенія съ полиціей... Никакого рѣшенія тогда постановлено не было, но нѣсколько дней спустя въ газетахъ появилось извѣстіе объ изготовленіи коммиссіею запросовъ доклада по данному предмету. Со дня на день слѣдуетъ ожидать, что Дума приступитъ къ его разсмотрѣнію. Неужели кто-нибудь серьезно вѣритъ въ дѣйствительность средства, рекомендуемаго представителями правыхъ? Не ясно ли, наоборотъ, что оно можетъ только распалить страсти, усилить взаимную вражду? Вѣдь именно по поводу запроса о высшей школѣ была, если мы не ошибаемся, произнесена, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рѣчь г. Пуришкевича, глубоко возмутившая учащуюся молодежь—и не ее одну,—и чуть-было не повлекшая за собою безпорядки въ высшей школѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такія же рѣчи будутъ произнесены, въ большомъ количествѣ и, можетъ быть, въ еще болѣе безцеремонномъ тонѣ, при обсужденіи запроса, которымъ такъ заинтересованъ г. Шульгинъ. Опасность заключается здѣсь, очевидно, не въ промедленіи, а въ торопливости, особенно въ торопливости явно тенденціозной. Самое элементарное благоразуміе требуетъ отсрочки—но съ противоположнымъ требованіемъ выступаетъ непримиримая злоба.

Присмотримся, однако, поближе къ самому тексту запроса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ большинствомъ коммиссіи и мотивированъ ея докладчикомъ (октябристомъ, княземъ Тенишевымъ). Замѣтимъ, прежде всего, что докладчикъ, по собственнымъ его словамъ [1]), „произвелъ *частное разслѣдованіе* и предпринялъ наведеніе достовѣрныхъ въ мѣрѣ возможности *частныхъ справокъ*, дающихъ основаніе вывести съ нѣкоторой вѣроятностью рядъ данныхъ“. Все изложенное въ докладѣ—сказано въ другомъ мѣстѣ — „подтверждается лишь на основаніи частнымъ порядкомъ собранныхъ свѣдѣній, несовершенства которыхъ нельзя, конечно, отрицать“. Въ концѣ концовъ практическая обоснованность изложенныхъ въ запросѣ данныхъ „оставляется

[1]) Заимствуемъ ихъ изъ № 12028 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

на отвѣтственности интерпеллянтовъ". Еслибы таково было обычное отношеніе коммиссіи ко *всѣмъ* запросамъ, можно было бы спросить себя, зачѣмъ существуетъ самая коммиссія, почему запросы, снабженные узаконеннымъ числомъ подписей, не вносятся прямо въ общее собраніе Думы: вѣдь нельзя же допустить, что однимъ интерпеллянтамъ довѣріе отпускается въ кредитъ, а другимъ, такимъ же членамъ Думы—не иначе какъ за наличныя доказательства. На самомъ дѣлѣ, однако, коммиссія далеко не всегда оказывается столь сговорчивою, не всегда прикрывается отвѣтственностью авторовъ запроса. Для принятія запроса она признаетъ достаточною *вѣроятность* его основаній—и это понятно, потому что полную достовѣрность можетъ дать только судебное разбирательство; но самая вѣроятность выводится обыкновенно не изъ частныхъ справокъ, не изъ „частнаго разслѣдованія", а изъ матеріаловъ болѣе солидныхъ, болѣе поддающихся объективной провѣркѣ. Особенно рискованною постройка запроса на „частныхъ справкахъ" представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда другъ противъ друга стоятъ враждебные лагери, меньше всего склонные къ безпристрастію. На такіе лагери распадается теперь учащаяся молодежь. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что „справки" могли быть даны коммиссіи только однимъ изъ нихъ—тѣмъ самымъ, отъ котораго получены и первоосновы запроса. На шаткомъ фундаментѣ нользя возвести прочнаго зданія; способъ установленія предпосылокъ подрываетъ въ корнѣ выводы, къ которымъ приходитъ докладъ.

„Извѣстно ли правительству"—гласитъ первый пунктъ запроса въ редакціи большинства коммиссіи [1]), —„что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ въ с.-петербургскомъ университетѣ, горномъ и политехническомъ институтахъ, фактическое завѣдываніе казенными стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе незаконно находится въ рукахъ студенческихъ организацій, дѣйствующихъ на началахъ студенческаго представительства и нерѣдко допускающихъ въ своей дѣятельности злоупотребленія?" Въ докладѣ сказано, что въ с.-петербургскомъ университетѣ такою организаціей является экспертная коммиссія, члены которой номинально назначаются ректоромъ, но на самомъ дѣлѣ выбираются землячествами, по два отъ каждаго. Допустимъ, что это вѣрно [2]), и спросимъ себя,

[1]) Меньшинствомъ коммиссіи подано два особыхъ мнѣнія: одно—отъ пяти октябристовъ, другое—отъ пяти членовъ оппозиціи.

[2]) Бесѣды съ профессорами спб. университета, горнаго и политехническаго институтовъ, помѣщенныя въ №№ 12029 и 12030 „Биржевыхъ Вѣдомостей", возбуждаютъ серьезное сомнѣніе въ точности фактовъ, отъ которыхъ отправляется запросъ.

могло ли бы учебное начальство обойтись, при назначеніи стипендій и т. п., безъ помощи самихъ студентовъ? Какимъ путемъ оно стало бы сообщать и провѣрять свѣдѣнія о сотняхъ или тысячахъ студентовъ, нуждающихся въ поддержкѣ? Не пришлось ли бы ему относиться къ трудной задачѣ совершенно формально, основывать свои рѣшенія на оффиціальныхъ свидѣтельствахъ о бѣдности, внутренняя цѣнность которыхъ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна? И разъ что содѣйствіе студентовъ необходимо, то можно ли было придумать для него лучшую форму, чѣмъ избраніе отъ землячествъ—организацій наименѣе партійныхъ и наименѣе пристрастныхъ? Совѣту ставится въ вину, что онъ всегда утверждаетъ мнѣнія экспертной коммиссіи; но какъ доказать, что правильнѣе было бы не считаться съ ними? И чѣмъ уравновѣсить неизбѣжное вліяніе товарищеской анкеты? Контръ-анкетой, гласной или тайной? Но гдѣ же ручательство въ томъ, что ея результаты заслуживали бы бо̀льшаго довѣрія? Что̀ могло бы послужить основаніемъ рѣшенія при разногласіи между обѣими анкетами? Третье, еще болѣе строгое разслѣдованіе—и такъ далѣе до безконечности?.. Большинство членовъ экспертной коммиссіи—утверждаетъ докладчикъ—принадлежитъ къ партіямъ соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ авторитетности источника, изъ котораго черпаются подобныя свѣдѣнія; предположимъ, что они согласны съ истиной. Что же дѣлать, если большинство учащихся тяготѣетъ къ крайнимъ партіямъ? Исключать ихъ изъ университета? Этого не предлагаютъ, пока, даже чернѣйшіе изъ черныхъ. Выживать ихъ оттуда, обрекая ихъ на голодовку? Мечтать объ этомъ можно будетъ только тогда, когда изъ университета будутъ удалены всѣ профессора, неугодные гг. Дубровину и Пуришкевичу... Что касается до злоупотребленій, то они возможны при всякой системѣ, да и существованіе ихъ не подтверждено даже тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется началомъ доказательства.

Во второмъ пунктѣ запроса идетъ рѣчь о противозаконныхъ студенческихъ сходкахъ, происходившихъ до апрѣля 1910-го года—сходкахъ, „къ прекращенію коихъ и наказанію виновныхъ начальство учебныхъ заведеній не приняло надлежащихъ мѣръ“. Итакъ, разумно и справедливо было бы вспомнить теперь о прошлогоднемъ снѣгѣ—возбудить цѣлый рядъ производствъ о забытыхъ, безслѣдно миновавшихъ фактахъ? Это содѣйствовало бы успокоенію умовъ и поддержанію порядка?... По истинѣ удручающее впечатлѣніе производитъ четвертый пунктъ запроса [1]), формулированный такъ: „извѣстно ли

[1]) Пунктовъ третьяго и пятаго, какъ сравнительно неважныхъ, мы касаться не будемъ.

правительству, что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за время до 1908-го года, наблюдались сцены разврата"? Запросъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда послѣдствіемъ его можетъ быть принятіе опредѣленныхъ мѣръ, административнаго или судебнаго характера. Административныхъ мѣръ явленіе, относимое ко времени до 1908-го года, очевидно не требуетъ и не вызываетъ; рѣчь можетъ идти, слѣдовательно, только о возбужденіи судебнаго преслѣдованія. Но противъ кого же оно можетъ быть возбуждено? Развратъ—преступленіе противъ нравственности, но не противъ уголовнаго закона; еслибы въ немъ и могли быть уличены студенты, для преданія ихъ суду юридическаго повода не было бы на лицо. Или, быть можетъ, авторы запроса имѣютъ въ виду обвиненіе начальства въ „слабомъ смотрѣніи", въ бездѣйствіи власти? Не обладая всевѣдѣніемъ, оно могло не знать о совершающемся гдѣ-нибудь въ темномъ углу громаднаго зданія или, тѣмъ болѣе, въ одной изъ комнатъ студенческаго общежитія. Да и совершалось ли что-нибудь въ родѣ того, о чемъ коммиссія заключаетъ изъ „частнымъ порядкомъ собранныхъ свѣдѣній, несовершенство которыхъ конечно нельзя отрицать"? Въ докладѣ говорится о „комнатѣ молодыхъ" (въ университетѣ), гдѣ въ 1907 г. читались „рефераты порнографическаго содержанія". Не рискованно ли подводить рефераты, прочитанные три года тому назадъ и едва-ли кому извѣстные теперь въ подлинникѣ, подъ понятіе „разврата"? „Въ общежитіи политехническаго института"—читаемъ мы дальше—„найдено было во время обыска сорокъ-двѣ женщины". Съ которыхъ поръ одно присутствіе женщинъ среди мужчинъ составляетъ доказательство „разврата"? И не идетъ ли здѣсь рѣчь о томъ обыскѣ, послѣдствіемъ котораго былъ извѣстный процессъ директора и должностныхъ лицъ политехническаго института? Ужъ не забыли ли составители запроса и доклада золотое правило: ne bis in idem?... Неужели съ столь легковѣснымъ матеріаломъ позволительно пускать въ ходъ столь тяжкое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь безцѣльное обвиненіе? Неужели трудно понять, сколько оно должно внести раздраженія въ тѣ сферы, которыхъ оно касается косвенно или прямо? И неужели не ясно, кому оно на руку, для кого оно служитъ какъ бы оправданіемъ и поощреніемъ?..

Достойнымъ заключеніемъ запроса служитъ послѣдній, шестой пунктъ его: „извѣстно ли правительству, что вслѣдствіе партійныхъ увлеченій, понижающихъ научный уровень преподаванія, нѣкоторые профессора въ своихъ лекціяхъ возбуждаютъ слушателей противъ правительства и существующаго государственнаго строя, а между тѣмъ сдача студенческихъ экзаменовъ по этимъ лекціямъ является обязательною для полученія диплома, дающаго права государственной

службы"? Составители этого пункта забыли, что государственные экзамены, которыми обусловлено полученіе диплома, сдаются не *по лекціямъ* того или другого профессора, а *по предмету*, и что слѣдовательно никто не можетъ требовать отъ студента усвоенія или хотя бы повторенія *взглядовъ*, высказанныхъ профессоромъ. Они забыли, что осужденіе „партійныхъ увлеченій" не должно зависѣть отъ ихъ источника, т.-е. отъ характера партіи и партійной программы—и обрушились исключительно на представителей одного направленія. Они забыли, что судить о „пониженіи уровня преподаванія" можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ на нормальной высотѣ этого уровня. И что еще важнѣе—у нихъ не было надежныхъ точекъ опоры для заключенія, на которыхъ они остановились. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ матеріаломъ они могли располагать? Едва-ли чѣмъ-нибудь бо̀льшимъ, чѣмъ отрывочныя замѣтки или записи отдѣльныхъ слушателей, быть можетъ—пристрастныхъ, тенденціозно настроенныхъ, быть можетъ — добросовѣстно ошибающихся, вслѣдствіе недостатка развитія или знаній. Давно уже сказано, что любую строку любого автора можно растолковать—т.-е. перетолковать—такъ, чтобы сдѣлать изъ нея основу серьезнѣйшаго обвинительнаго акта. Гдѣ ручательство въ томъ, что такой пріемъ не былъ употребленъ составителями „частныхъ справокъ", которыми воспользовалась коммиссія? Ея докладъ возвращаетъ насъ ко временамъ Магницкаго и Рунича, когда орудіемъ противъ четырехъ профессоровъ петербургскаго университета послужили „избранныя мѣста" изъ ихъ лекцій, записанныхъ студентами. Будемъ надѣяться, что даже третья Государственная Дума не пойдетъ по стопамъ тогдашнихъ доморощенныхъ русскихъ инквизиторовъ.

Своеобразный ходъ мыслей, свойственный составителямъ доклада, отражается даже въ той его части, которая направлена противъ первоначальнаго, черезчуръ широкаго размаха интерпеллянтовъ. Докладъ отказывается включить въ число основаній запроса принадлежность нѣкоторыхъ профессоровъ къ конституціонно-демократической партіи. „Прежде всего"—читаемъ мы въ докладѣ,—„формальная принадлежность ихъ къ этой партіи не доказана. По имѣющимся свѣдѣніямъ, на посланные о семъ министерствомъ запросы всѣ профессора отвѣчали отрицательно. Кромѣ того, принадлежность къ этой партіи карается лишь по ст. 124 уголовнаго уложенія, влекущей за собою въ видѣ максимальнаго наказанія тюрьму или крѣпость безъ лишенія правъ". Какъ! Члены Государственной Думы, постоянно приходящіе въ соприкосновеніе съ партіей народной свободы, иногда даже голосующіе вмѣстѣ съ нею, признающіе, тѣмъ самымъ, не только фактъ ея существованія, но и право ея на существованіе, не нашли ни слова въ ея защиту?! Октябристамъ представлялся рѣдкій случай

протестовать противъ взгляда, совершенно неправильно смѣшивающаго понятіе о партіи съ попятіемъ объ обществѣ, осудить рутину, удерживающую въ силѣ явно устарѣлые законы, заявить, что есть преступныя *дѣйствія*, но нѣтъ преступныхъ *убѣжденій*. Вмѣсто этого они, въ лицѣ докладчика коммиссіи, спѣшатъ разыскать статью, опредѣляющую степень уголовной отвѣтственности кадетовъ—и утѣшаются тѣмъ, что послѣднимъ не грозитъ лишеніе правъ! Это—одна изъ тѣхъ страницъ въ исторіи третьей Думы, которыя нельзя читать безъ чувства стыда и негодованія.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что запросъ о высшей школѣ, въ лучшемъ случаѣ—нѣсколько смягченный, будетъ принятъ большинствомъ Думы и встрѣченъ въ правительственныхъ сферахъ съ тѣмъ сочувствіемъ и вниманіемъ, на которое разсчитываютъ его иниціаторы. Начнутся стѣсненія студенческихъ сходокъ, репрессіи противъ ихъ участниковъ; профессорамъ, особенно подозрительнымъ съ точки зрѣнія правыхъ группъ, будетъ поставлена альтернатива: se soumettre ou se démettre. Чего можно ожидать отъ всѣхъ подобныхъ мѣръ—это съ достаточною ясностью показываетъ исторія университетовъ за время дѣйствія устава 1884-го года. Тогда дѣло доходило до такихъ крайностей, какъ отдача студентовъ въ солдаты, какъ увольненіе длиннаго ряда „неблагонадежныхъ“ профессоровъ—и тишина все же не наступала, волненія происходили все чаще и становились все сильнѣе. Гдѣ же основаніе думать, что теперь сходныя причины приведутъ къ существенно различнымъ послѣдствіямъ? Или, можетъ быть, повтореніе и обостреніе безпорядковъ является желанной картой въ игрѣ тѣхъ, кто хотѣлъ бы не оставить камня на камнѣ въ высшей школѣ? Можетъ быть, недостаточнымъ представляется даже возвращеніе къ уставу 1884-го года, все же не все подчинившему тенденціи и сохранившему нѣкоторое мѣсто для науки? Можетъ быть, чѣмъ „мятежнѣе“ высшая школа, тѣмъ легче вытравить изъ нея всѣ „партійныя увлеченія“, кромѣ реакціонныхъ, и водворить на развалинахъ академической свободы обязательное слушаніе лекцій, продиктованныхъ учеными изъ „русскаго собранія“? Что такія стремленія существуютъ — въ этомъ трудно сомнѣваться; но еще труднѣе повѣрить въ ихъ побѣду, хотя бы мимолетную и кажущуюся. „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать“—нельзя уже потому, что это значило бы окончательно испортить безъ того уже неблестящее международное положеніе Россіи.

Плохимъ способомъ умиротворенія высшей школы является модное въ настоящую минуту распространеніе такъ называемыхъ „академическихъ союзовъ“. Еслибы они были академическими не только по имени, еслибы ихъ задачей и лозунгомъ было погруженіе въ науку, оберегающее отъ политической злобы дня, ихъ можно было бы при-

вѣтствовать, какъ убѣжища для спокойныхъ, уравновѣшенныхъ натуръ, чуждающихся шума и волненій. Слишкомъ ясно, однако, что не таковы кружки, вдохновляемые и руководимые крайними правыми; слишкомъ очевиденъ ихъ боевой характеръ, слишкомъ бросается въ глаза ихъ односторонняя окраска. Само собою разумѣется, что консервативныя, даже реакціонныя студенческія группы имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и всѣ остальныя. Студенчество — микрокосмъ общества: въ средѣ перваго могутъ быть представлены всѣ оттѣнки, имѣющіеся на лицо въ послѣднемъ. Этого требуетъ взаимная терпимость, безъ которой немыслима нормальная общественная жизнь. Необходимо только одно условіе: равноправность, отсутствіе привилегій, создаваемыхъ воздѣйствіемъ посторонней силы. Подобно женѣ Цезаря, студенческія организаціи не должны навлекать на себя даже подозрѣній — подозрѣній въ близости къ власти, въ пользованіи ея милостями. Въ этомъ отношеніи студенчество похоже на прессу: какъ въ той, такъ и въ другой области совершенно особое мѣсто занимаютъ оффиціозы. Оффиціозность—синонимъ заинтересованности, порождающей зависимость. Между тѣмъ, менѣе чѣмъ когда-либо зависимость умѣстна въ средѣ студенчества именно теперь, когда возбуждены умы, разгорается борьба и неопредѣленнымъ является будущее высшей школы. Пока производятся „частныя разслѣдованія“, собираются „частныя справки“, чрезвычайно нежелательно все дающее поводъ думать, что въ этой закулисной работѣ принимаютъ участіе студенты... Чтобы достигнуть своей цѣли и пріобрѣсти хоть какой-нибудь нравственный авторитетъ въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ высшей школы, академическіе союзы должны оставаться на строго-академической почвѣ.

Въ напечатанной выше статьѣ г. Огнева доказана историческими примѣрами несостоятельность правоограниченій, которымъ, на основаніи дѣйствующихъ законовъ, подвергаются священнослужители и монашествующіе, добровольно сложившіе санъ или лишенные его по приговору духовнаго суда. Законопроектъ, устраняющій эти правоограниченія, принятъ былъ Государственной Думой болѣе полутора года тому назадъ, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе въ коммиссіи Государственнаго Совѣта. Ея докладъ, направленный къ удержанію существующаго порядка, вызвалъ особое мнѣніе одного изъ ея членовъ, протоіерея М. И. Горчакова. Смерть помѣшала ему облечь это мнѣніе въ окончательно отдѣланную форму; но и въ томъ видѣ, въ какомъ оно обнародовано теперь, оно опрокидываетъ всю аргументацію противниковъ. Покойный профессоръ, извѣстный знатокъ церковнаго права, утверждаетъ категорически

и прямо, что правоограниченія, какъ существующія, такъ и проектируемыя большинствомъ коммиссіи, „не имѣютъ ни малѣйшихъ основаній или оправданій ни въ священномъ писаніи, ни въ канонахъ вселенской церкви первыхъ девяти вѣковъ христіанства, ни въ правилахъ и практикѣ всѣхъ помѣстныхъ восточныхъ церквей всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и настоящаго времени, ни въ исторіи законодательства и практикѣ русской церкви древней и новой Россіи до тридцатыхъ годовъ XIX-го вѣка". Всѣ новшества, начинающіяся съ этого момента, являются дѣломъ не синода, а его оберъ-прокуроровъ, поддерживаемыхъ вліятельнымъ іерархомъ (митрополитомъ московскимъ Филаретомъ). Когда ограниченія были установлены свѣтскою властью, Синодъ (въ 1860 г.) ходатайствовалъ о ихъ отмѣнѣ. Аналогичный взглядъ былъ выраженъ имъ не дальше, какъ въ 1907-мъ году. Противъ ограниченій высказывался и Государственный Совѣтъ, пока спрашивали его мнѣнія о нихъ (въ 1832—33 гг.); они были введены безъ его участія. Прежнее правосознаніе Государственнаго Совѣта—замѣчаетъ не безъ горечи М. И. Горчаковъ — „совпадало съ правосознаніемъ Святѣйшаго Синода того времени и совпадаетъ съ правосознаніемъ Государственной Думы; но правосознаніе большинства членовъ особой коммиссіи нынѣшняго Государственнаго Совѣта совпадаетъ съ правосознаніемъ оберъ-прокурора гр. Протасова и его преемниковъ"... „Лица духовнаго званія"—читаемъ мы дальше—„такіе же граждане, какъ и граждане другихъ состояній. По исключеніи ихъ за спеціальныя религіозныя и церковныя правонарушенія они возвращаются къ первобытному состоянію, изъ котораго они вступили въ духовное званіе. Справедливость требуетъ, чтобы сила государственныхъ гражданскихъ законовъ была обращаема на нихъ въ одинаковой степени, какъ на людей другихъ состояній... Ограниченіе, какъ наказаніе—несправедливо, какъ мѣра предупредительная — недѣйствительна, какъ принудительная—неблаговидна, какъ способъ оказанія уваженія къ церкви или служебному положенію—унизительна и вредна для церкви и для дѣла, представляя угрозу и составляя чуждый духу христіанства актъ мести, двойной кары". Въ какой степени горячія, искреннія слова покойнаго служителя церкви повліяли и повліяютъ на большинство коммиссіи и общаго собранія Государственнаго Совѣта — покажетъ время. Докладъ взятъ назадъ, для переработки; но мы не знаемъ, объясняется ли это загробнымъ голосомъ, указавшимъ вопіющіе его недостатки — или только неполнотою, которую, нѣсколько поздно, усмотрѣла въ немъ сама коммиссія (забыто было, по видимому, указаніе послѣдствій, какія должно имѣть снятіе монашескаго сана).

Все больше и больше обрисовывается особый характеръ работы Государственнаго Совѣта. Нерѣшенной остается до сихъ поръ судьба

законопроекта о старообрядцахъ, волнующаго милліоны умовъ, и не видно признаковъ готовности верхней палаты пойти по данному вопросу на встрѣчу нижней, едва ли способной пожертвовать чуть ли не единственнымъ цѣннымъ продуктомъ ея трехлѣтней дѣятельности. Обсужденіе законопроекта о мѣстномъ судѣ въ коммиссіи Государственнаго Совѣта только что началось, и когда онъ поступитъ на разсмотрѣніе общаго собранія—сказать трудно. Можно опасаться, что первая половина сессіи — если сложить со счетовъ законопроектъ объ авторскомъ правѣ, далеко не лишенный значенія, но не принадлежащій къ числу тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ обновленіе русской жизни — пройдетъ столь же безплодно, какъ и въ прошломъ году, а вторая, также по примѣру прошлаго года, будетъ отдана политической злобѣ дня, въ видѣ разныхъ окраинныхъ мѣропріятій... Еще болѣе опаснымъ, чѣмъ привычка „медленно торопиться", представляется принципіальное нерасположеніе Государственнаго Совѣта къ преобразованіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ преданіями недавно закончившейся эпохи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что реформѣ мѣстнаго суда предстоитъ здѣсь такая же участь, какая постигла вѣроисповѣдные законопроекты. Большинство Государственнаго Совѣта — это оплотъ, на который твердо разсчитываетъ правое меньшинство Государственной Думы: объ этотъ rocher de bronze должны разбиться всѣ прогрессивныя начинанія, какъ бы они ни были робки и осторожны. Чрезвычайно характерна, съ этой точки зрѣнія, рѣчь, произнесенная г. Пуришкевичемъ въ засѣданіи 12-го ноября. Усматривая въ законопроектѣ о низшей школѣ—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проводится въ Думѣ при дѣятельномъ участіи октябристовъ (октябристовъ!), — „подтачиванье основъ русской государственности", бессарабскій депутатъ ищетъ и находитъ утѣшеніе въ томъ, что пренія Думы не имѣютъ „серьезнаго значенія". „Мы видимъ сплошь и рядомъ—восклицаетъ онъ, — особенно въ послѣдніе годы, какъ законопроекты, проходившіе въ Государственной Думѣ, подвергаются существеннѣйшимъ измѣненіямъ и оздоровленію въ Государственномъ Совѣтѣ. Я глубоко вѣрю въ то, что настоящій законопроектъ правительственный, искажаемый каждый день и каждый часъ фракціями Государственной Думы—увы, и фракціей 17-го октября,—что и этотъ законопроектъ будетъ оздоровленъ въ Государственномъ Совѣтѣ". Когда дѣло доходитъ до такихъ беззастѣнчивыхъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически правдоподобныхъ — заявленій, тогда становится яснымъ, что въ положеніи вещей есть какая-то глубокая аномалія, настоятельно требующая устраненія. Это, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, начинаетъ понимать и союзъ 17-го октября, такъ долго и такъ упорно забывавшій о необходимости „сосчитаться" съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Безспорно, такой разсчетъ представляется далеко не легкимъ — но безъ него немыслима остановка на наклонной плоскости, по которой все быстрѣе и быстрѣе катится нашъ обновленный государственный строй.

Къ наиболѣе интереснымъ сторонамъ думскихъ преній о народной школѣ—а ихъ немало—мы возвратимся тогда, когда въ Думѣ будетъ закончено обсужденіе этого законопроекта.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛИССАБОНА

I.

Огромная бѣло-голубая зала съ высокими сводами и лѣпнымъ потолкомъ. Огромнѣйшій столъ, весь заваленный разбросанными въ безпорядкѣ бумагами, величественное, похожее на тронъ, мрачное кресло и въ немъ маленькій, сѣденькій старичокъ-профессоръ съ забавно взъерошеннымъ хохолкомъ и добрыми, умными глазами. Это первый президентъ Португальской республики—Теофиль Брага, философъ, ученый и поэтъ.

Онъ сидитъ передо мной за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ два года тому назадъ всемогущій диктаторъ Франко подписывалъ декреты объ арестахъ и ссылкахъ республиканцевъ и создавалъ „исключительные законы“ для окончательнаго порабощенія страны—и тихимъ, мечтательнымъ голосомъ разсказываетъ мнѣ, что̀ намѣрено теперь сдѣлать временное правительство для своего народа.

— Главная наша задача—это прежде всего поднять культурный и экономическій уровень народныхъ массъ. Крестьянство наше въ большинствѣ безграмотно: 80% не умѣютъ ни читать, ни писать... Землю обрабатываютъ тѣми же способами, какъ при финикіянахъ или во времена нашествія мавровъ. Нищета, голодъ, невѣжество... Наши предшественники нарочно держали Португалію въ темнотѣ для своихъ эгоистическихъ цѣлей, ибо, по справедливому замѣчанію Ферри, „не школы нужно раньше имѣть для того, чтобы создать республику, а республику, для того, чтобы имѣть возможность создать школы!“

— Сеньоръ Теофиль — съ почтительной фамильярностью переби-

ваетъ президента какой-то подошедшій сзади демократическаго вида молодой человѣкъ—вотъ тутъ бумагу надо подписать...

Президентъ извиняется передо мной и, надѣвъ очки, углубляется въ чтеніе. Морщинистое лицо его становится внимательнымъ и серьезнымъ. Сѣдыя брови напряженно хмурятся.

Я смотрю на него, смотрю на окружающую обстановку, и мнѣ кажется невольно, что я присутствую сейчасъ при переѣздѣ новыхъ жильцовъ на покинутую старыми квартиру. Тотъ же безпорядокъ, который обыкновенно бываетъ при переборкѣ, такъ же все разбросано и перевернуто вверхъ дномъ, такая же атмосфера дѣловитой суетни и неопредѣленнаго ожиданія.

Входятъ и выходятъ съ озабоченными физіономіями самые разнообразные люди, такъ странно не гармонирующіе своими демократическими пиджаками съ величавой важностью этой пустынной и аристократической залы. Гдѣ-то хлопаютъ двери; гулко звучатъ подъ высокими сводами торопливые шаги. Потомъ все снова затихаетъ и только слышно, какъ скрипятъ перьями шестеро секретарей президента, изъ вчерашнихъ „враговъ существующаго режима“ попавшіе сегодня прямо въ министерскій кабинетъ. Дѣла много, очень много, и они работаютъ не отрываясь.

И странно также мнѣ видѣть здѣсь этого милаго, симпатичнаго старика, крохотной, точно дѣтской ручкой подписывающаго сейчасъ, быть-можетъ, какой-нибудь „государственный декретъ“ или „правительственное распоряженіе“... Сколько труда, лишеній, разочарованій, мгновенныхъ радостей и разбитыхъ надеждъ пришлось ему перенести за весь свой долгій жизненный путь прежде чѣмъ увидѣть на склонѣ лѣтъ возможность осуществленія своихъ далекихъ идеаловъ!

Со студенческой скамьи Теофиль Брага отдалъ себя на служеніе португальскому народу. Одинъ изъ членовъ знаменитой „коимбрской группы“, давшей первый идейный толчокъ пробужденію общественнаго сознанія въ Португаліи, Теофиль Брага, сначала бѣдный, борющійся съ нуждою и голодомъ студентъ, читаетъ рефераты, переводитъ иностранныхъ философовъ и ученыхъ на португальскій языкъ, а потомъ, получивъ наконецъ профессорскую каѳедру, издаетъ свой капитальный трудъ, въ 32 томахъ—„Исторію Португальской литературы“. Этотъ трудъ сразу же создаетъ ему извѣстное даже за предѣлами Португаліи имя. Но Брага не ищетъ популярности: онъ живетъ замкнуто и одиноко, зарывшись въ книги, въ тиши своего ученаго кабинета. Онъ пишетъ также повѣсти, романы, стихотворенія, изъ которыхъ большая философская поэма—„Эпопея человѣчества“—ставитъ его въ первые ряды португальскихъ литературныхъ свѣтилъ.

Ни научныя, ни литературныя занятія не мѣшаютъ ему въ то же

время отдаваться непосредственной пропагандѣ идей республиканской партіи, къ которой онъ примкнулъ съ самаго ея основанія. Его преслѣдуютъ, ссылаютъ; въ послѣдніе годы онъ, какъ и многіе изъ лучшихъ и искреннѣйшихъ португальскихъ патріотовъ, принужденъ жить въ изгнаніи—но ничто не можетъ поколебать его душевной бодрости, его горячей вѣры въ окончательное торжество воодушевляющихъ его идеаловъ...

Теофиль Брага оканчиваетъ чтеніе.

— Да!..—какъ бы угадывая мои мысли, продолжаетъ онъ, и застѣнчивая усмѣшка мелькаетъ на его добрыхъ и морщинистыхъ губахъ:— вотъ ужъ не думалъ я, что стану когда-нибудь президентомъ республики... Да и республики-то не надѣялся дождаться! А между тѣмъ...

Онъ разводитъ руками съ такимъ видомъ, точно я долженъ извинить его за то что онъ дождался наконецъ республики и даже сталъ ея президентомъ!

И снова онъ разсказываетъ мнѣ своимъ тихимъ, неторопливымъ голосомъ, какъ боролся за свободу португальскій народъ, какъ долго и мучительно тянулись безпросвѣтныя сумерки реакціи и все ближе и упорнѣе подходила къ Португаліи черная ночь.

— Они насъ вели къ гибели... Мы, какъ нація, готовились уже исчезнуть. Все смѣлое, честное, искреннее было задушено; всему правдивому было велѣно молчать... Сила, грубая, безсмысленная сила давила насъ и мы не могли уже и устали съ ней бороться! — „Все кончено!“ — въ порывѣ безнадежнаго отчаянія воскликнулъ однажды нашъ знаменитый поэтъ Александръ Геркулано.—„Спи спокойно, португальскій народъ!—ты никогда уже больше не проснешься...“ Но Александръ Геркулано былъ неправъ!..

Теофиль Брага неожидано выпрямляется въ креслѣ и поднимаетъ свою сѣдую голову. Горделивыя искры загораются въ его черныхъ, блестящихъ глазахъ.

— Онъ проснулся наконецъ, такъ долго спавшій португальскій народъ, и это мы... мы его разбудили!..

Но тутъ старый президентъ только что народившейся республики какъ будто конфузится своего юношескаго порыва: снова предо мной уже не гнѣвный народный трибунъ, а прежній милый и славный старичокъ-профессоръ. Онъ сидитъ въ величественномъ креслѣ „злого генія Португаліи“, диктатора Франко, и разсказываетъ мнѣ, сейчасъ единственному его слушателю, о происхожденіи и развитіи португальской революціи, какъ нѣкогда разсказывалъ съ университетской каѳедры своимъ безчисленнымъ ученикамъ о происхожденіи и развитіи португальской литературы...

На прощанье я прошу у него разрѣшенія посѣтить покинутый королевскій дворецъ, который сейчасъ охраняется войсками.

Теофиль Брага озабоченно морщитъ брови.

— Надо, знаете ли, объ этомъ поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ вѣдаетъ теперь разрѣшенія... Впрочемъ, я могу попросить кого-нибудь къ нему сходить... Это вѣдь тутъ же рядомъ, всего черезъ двѣ-три комнаты.

Онъ оглядывается на своихъ многочисленныхъ секретарей. Тѣ усердно пишутъ, не поднимая головы. Одинъ только изъ нихъ, юноша съ безукоризненнымъ проборомъ, стоитъ у окна, погруженный въ чтеніе сегодняшняго „O Mundo“. Онъ, должно быть, и есть тотъ самый, котораго можно „попросить“.

Но старому профессору, повидимому, неловко отрывать человѣка отъ газеты.

— Подождите... я сейчасъ! — кротко говоритъ онъ мнѣ, и старчески-бодрой походкой сѣменитъ черезъ всю пустынно бѣлѣющую залу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращаетси, слегка запыхавшись:

— Вотъ разрѣшеніе!.. Досталъ...

Я, молча, крѣпко жму ему руку и выхожу въ коридоръ. Хочется улыбнуться и въ то же время какъ-то радостно и свѣтло на душѣ...

Да!.. Португалія дѣйствительно можетъ сказать, что имѣетъ „демократическаго“ президента!

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ декорація уже совсѣмъ другая. Тамъ, въ уютныхъ и роскошно обставленныхъ салонахъ, толпятся господа съ блестящими цилиндрами въ рукахъ; величественные швейцары неподвижно замерли у дверей и элегантнѣйшіе секретари безшумно скользятъ съ любезными улыбками по темному, только-что вылощенному паркету.

— Господинъ министръ проситъ немного обождать!

„Господинъ министръ“ — это Бернардино Мачадо.

Хотя вся демократическая Португалія и зоветъ его „дѣдушкой португальской революціи“, однако къ республиканцамъ онъ примкнулъ сравнительно недавно.

Въ одинъ зимній вечеръ 1903-го года въ республиканскій комитетъ Лиссабона пришелъ маленькій, похожій на гнома, крѣпкій старикъ съ сѣдой бородой и густыми черными бровями, и скромно заявилъ, что хотѣлъ бы поступить въ число членовъ партіи „на общихъ основаніяхъ“. Старикъ этотъ былъ десять лѣтъ тому назадъ самымъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ въ либеральномъ министерствѣ Гинтце Рибейро, работалъ вмѣстѣ съ Франко, тогда еще не военнымъ диктаторомъ, а просто министромъ внутреннихъ дѣлъ, и, убѣдившись, что либеральной монархіи въ Португаліи больше не су-

ществуетъ, возвратилъ Гинтце Рибейро свой министерскій портфель.

— Разъ я не могу выполнить тѣ реформы, которыя я считаю необходимыми для блага народа—что же я буду еще дѣлать среди васъ?

И вслѣдъ за этимъ Бернардино Мачадо покинулъ ряды монархической партіи.

Политическая карьера его была добровольно разбита. Мачадо удалился въ частную жизнь, отдался весь вопросамъ народнаго образованія, по которымъ написалъ рядъ замѣчательныхъ трудовъ, а также своимъ научнымъ занятіямъ, ибо снова сталъ профессоромъ антропологіи въ коимбрскомъ университетѣ. Но за эти десять лѣтъ, проведенныхъ внѣ политической борьбы, въ его душѣ постепенно тускнѣли старые идеалы, прежніе кумиры рушились одинъ за другимъ—и недавній искренній монархистъ превратился мало-по-малу въ искренняго республиканца.

Къ концу этого періода относится рядъ студенческихъ волненій въ Коимбрѣ по поводу недопущенія одного студента къ докторскому экзамену „за превратный образъ мыслей". Популярнѣйшій профессоръ и бывшій министръ немедленно встаетъ на сторону молодежи. Въ результатѣ--волненія усмирены, „зачинщики" арестованы, а гордость коимбрскаго университета, Бернардино Мачадо, теряетъ каѳедру „за поощреніе безпорядковъ".

Дальнѣйшая его карьера уже въ качествѣ республиканца—это непрерывные годы лишеній и борьбы, правительственныхъ преслѣдованій и все возрастающей популярности въ народныхъ массахъ.

„Идти съ Бернардино Мачадо по улицамъ Лиссабона—писалъ три года тому назадъ одинъ испанскій журналистъ — это значитъ быть свидѣтелемъ какого-то тріумфальнаго шествія. Передъ Мачадо обнажаютъ головы рѣшительно всѣ: извозчики, служащіе, торговцы рыбой, изящные господа... Ему приходится жать руки направо и налѣво, останавливаться чуть ли не на каждомъ шагу, чтобы перекинуться двумя, тремя словами съ знакомыми и друзьями... Я уже не говорю о фотографическихъ карточкахъ, бюстахъ, медаляхъ и т. д.—ими пестрятъ всѣ лиссабонскія витрины"...

И теперь, послѣ революціи, когда случайно приходится встрѣчаться на улицѣ съ ѣдущимъ въ автомобилѣ или просто демократически шагающимъ по тротуару министромъ иностранныхъ дѣлъ, восторженныя „viva!" отовсюду сбѣгающейся толпы гремятъ не переставая.

На долю Мачадо выпала трудная задача провести гдсударственный корабль молодой республики черезъ всѣ тайныя и явныя мели международной дипломатіи, завязать сношенія съ Европой, добиться, на-

конецъ, оффиціальнаго признанія ею совершившагося въ Португаліи переворота. Поэтому въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ все такъ непохоже на скромную, по-домашнему и на скорую руку налаженную „Presidencia“. Тамъ—у себя дома, между своими, которые не осудятъ; здѣсь—все время толкутся и наблюдаютъ чужіе, наѣзжіе люди, и нужно имъ показать, что Португалія хотя и совсѣмъ рядомъ съ Африкой, а всетаки Европа!

Самъ Бернардино Мачадо, въ своемъ элегантномъ сюртукѣ, съ сѣдой подстриженной бородкой, тоже скорѣе приближается къ типу „его высокопревосходительства“, чѣмъ скромный и застѣнчивый глава португальской республики Теофиль Брага. Это въ полномъ смыслѣ слова европейскій политическій дѣятель и „настоящій“, представительный и ловкій дипломатъ. Онъ владѣетъ словомъ съ привычнымъ краснорѣчіемъ трибуна, но въ настоящій моментъ замѣтно, что онъ больше слѣдитъ за впечатлѣніемъ, какое производятъ на слушателя его мѣткія сравненія, чѣмъ за искренностью и непосредственностью ихъ содержанія. Мастерскими, яркими штрихами онъ набрасываетъ общіе контуры недавняго прошлаго, осторожно касается настоящаго и; переходя въ непосредственное будущее, говоритъ долго и горячо.

Но я выхожу изъ его кабинета безъ того чувства теплоты на душѣ, съ какимъ я простился съ старымъ президентомъ. „Его высокопревосходительство“ любезно провожаетъ меня до дверей.

Въ пріемной—густо-чернѣющая и глухо жужжащая интернаціональная толпа. Высокій, бритый англичанинъ, съ оловянными глазами и блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ, выжидательно поднимается съ кресла при нашемъ появленіи. Это—корреспондентъ одного изъ важнѣйшихъ лондонскихъ изданій. Отъ Англіи другія державы ждутъ, чтобы она сдѣлала первый шагъ къ признанію новаго португальскаго режима. Сейчасъ очередь за англичаниномъ.

— Позвольте... будьте добры!..—слышится изъ толпы взволнованный голосъ. Какой-то кругленькій господинъ, въ обвисшихъ на колѣняхъ клѣтчатыхъ брюкахъ и потертомъ пиджакѣ, проталкивается впередъ и неожиданно бросается въ объятія Мачадо.

— Извините—съ поблѣднѣвшимъ лицомъ говоритъ „первый дипломатъ Португаліи“ англійскому корреспонденту—я долженъ попросить васъ немного обождать...

И онъ скрывается съ вновь прибывшимъ за дверями.

— Кто это?.. кто это?..—съ интересомъ спрашиваютъ вокругъ.

— Человѣкъ, который только что вышелъ изъ тюрьмы!—на плохомъ французскомъ языкѣ, но изящно наклоняя свою курчавую голову, удовлетворяетъ всеобщую любознательность элегантнѣйшій секретарь Мачадо.

Министра юстиціи Альфонсо Коста я засталъ послѣ проведенной имъ безсонной ночи. Въ десять часовъ вечера былъ арестованъ лиссабонскій патріархъ, кардиналъ Нетто, съ нѣсколькими іезуитами. Съ трехъ часовъ до семи утра длился допросъ арестованныхъ, послѣ чего они были отпущены на свободу, съ обязательствомъ немедленно покинуть Португалію. Съ 8 до 10 министръ допрашивалъ арестованныхъ монахинь, которымъ тоже было предложено собираться въ путь.

А съ 10 часовъ онъ уже былъ въ своемъ министерствѣ, принимая просителей и иностранныхъ журналистовъ. На его энергичномъ, смугломъ лицѣ „африканскаго типа“ не было замѣтно никакого утомленія.

— Буду принимать до шести—съ улыбкой отвѣтилъ онъ мнѣ на мое изумленіе—а въ шесть у насъ совѣтъ министровъ. Раньше полу ночи навѣрное не освобожусь... Вотъ только бы успѣть пообѣдать!..

Альфонсо Коста—душа португальской революціи. Блестящій ораторъ, европейски образованный человѣкъ, онъ выдвинулся еще будучи профессоромъ юридическаго факультета въ Коимбрѣ. Когда же ему пришлось оставить каѳедру, изъ-за политическихъ убѣжденій, подъ давленіемъ правительственной реакціи—онъ всецѣло посвятилъ себя республиканской партіи и ея борьбѣ. Популярность Коста—громадная во всей Португаліи. Съ ней можетъ развѣ только сравниться популярность другого народнаго трибуна—Бернардино Мачадо.

Но по своему темпераменту и характеру эти два человѣка—полная противоположность. Альфонсо Коста — рѣшительный практикъ-революціонеръ, сторонникъ заговорщицкой тактики и уличныхъ выступленій. Бернардино Мачадо — спокойный, выдержанный и разсчетливый кабинетный теоретикъ, который больше вѣритъ въ историческую эволюцію, чѣмъ въ революціонные скачки. Но оба одинаково преданы республиканской идеѣ, оба искренно боролись за нее, терпѣли нужду, лишенія, преслѣдованія, изгнанье—и оба теперь одинаково честно и смѣло будутъ проводить свои идеалы въ жизнь послѣ одержанной блестящей побѣды.

Въ разговорѣ со мной министръ коснулся только что изданнаго правительственнаго декрета объ изгнаніи іезуитовъ.

— Мы рѣшили покончить съ такъ называемымъ „клерикальнымъ вопросомъ“ разъ навсегда. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, я только что пришелъ сюда послѣ допроса арестованныхъ монаховъ и монахинь. Еслибы знали вы, сколько грязи, лжи, хитростей, всяческихъ изворотовъ и лукавства пришлось мнѣ выслушать за эту ночь! Глубокое отвращеніе поднимается у меня на душѣ по отношенію къ этимъ людямъ... Нѣтъ, чѣмъ скорѣе Португалія будетъ избавлена отъ нихъ—тѣмъ будетъ лучше! Нашъ народъ и безъ того ужъ слишкомъ долго

былъ подъ ихъ растлѣвающимъ вліяніемъ. Маркизъ Помбаль выгналъ всю эту публику изъ Португаліи еще въ 1759-мъ году, съ запрещеньемъ когда бы то ни было вступить на португальскую почву. Декретомъ 1834-го года во всей странѣ были закрыты монастыри—а между тѣмъ іезуиты и всяческіе монахи продолжали кишмя кишѣть всегда и всюду, подъ видомъ „религіозныхъ братствъ", обществъ „Родина и вѣра" и т. д. Наша монархія 18-го апрѣля 1901-го года оффиціально узаконила ихъ существованіе въ Португаліи, подъ условіемъ, чтобы они „посвятили себя дѣламъ благотворительности и воспитанію дѣтей"... И насъ схватили за горло и начали душить. Клерикальная реакція проползла во всѣ отверстія и щели: она господствовала въ королевскомъ дворцѣ, она распоряжалась дѣлами страны въ министерствахъ; съ нею можно было столкнуться рѣшительно во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, начиная съ банковъ и кончая народными школами. Судьи, министры, чиновники, профессора—всѣ были только послушными орудіями въ ея рукахъ. Республика должна все это уничтожить... Бѣлое духовенство, разумѣется, будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ, ибо мы боремся не противъ религіи, а только противъ клерикализма. Монахамъ же и монахинямъ мы предложимъ на выборъ: кто хочетъ остаться въ Португаліи въ качествѣ частнаго лица, тотъ пусть остается и живетъ какъ хочетъ. Кто же предпочитаетъ монашеское dolce far niente, тотъ будетъ высланъ за границу навсегда. Имущество монастырей конфискуется государствомъ. Въ зданіяхъ ихъ будутъ устроены народныя школы и вообще всякаго рода просвѣтительныя учрежденія. Вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства уже поставленъ на очередь и будетъ скоро рѣшенъ...

Выходя отъ Альфонса Коста, я натолкнулся на только что приклеенное на стѣнѣ свѣжее объявленіе:

„Временное правительство португальской республики.

Отечество и свобода".

Въ виду распространившихся слуховъ, что преслѣдуемые монахи находятъ себѣ убѣжище въ домахъ частныхъ лицъ, правительство приглашаетъ гражданъ отнюдь не принимать на себя никакой личной иниціативы для розысковъ ихъ и т. д. Жилище каждаго гражданина должно быть неприкосновеннымъ, а потому...

Густая толпа, показавшаяся на углу сосѣдней улицы, отвлекла мое вниманіе отъ объявленія. Это вели только что арестованныхъ іезуитовъ послѣ оказаннаго ими вооруженнаго сопротивленія. Почтенные патеры, съ смиренными лицами и злобно сжатыми губами, быстро шагали подъ конвоемъ отряда матросовъ и солдатъ. Ихъ было около

тридцати—всѣ черные, тощіе, похожіе на хищныхъ птицъ, которымъ неожиданно обрѣзали крылья.

Но ни одного ироническаго или оскорбительнаго восклицанія не раздалось по ихъ адресу изъ рядовъ пестрой и многочисленной публики, съ любопытствомъ тѣснившейся на тротуарахъ.

Народъ-побѣдитель встрѣтилъ и проводилъ побѣжденныхъ и униженныхъ враговъ въ холодномъ, пренебрежительномъ молчаньѣ.

II.

Португальская „corrida“ (бой быковъ) значительно отличается отъ испанской: во-первыхъ, мягкосердечные португальцы никогда не убиваютъ животное, а только дразнятъ его красными плащами и раздражаютъ, втыкая ему въ шею стрѣлы—бандерильи. А во-вторыхъ, и самъ быкъ никого убить не можетъ, такъ какъ на рогахъ у него надѣты огромные пробковые шары.

Я пошелъ на эту корриду потому, что она значилась на афишахъ „первой послѣ революціи“, и еще потому, что на ней долженъ былъ присутствовать Мачадо досъ Сантосъ, герой только что происшедшаго возстанія.

Огромный амфитеатръ, разсчитанный на двадцать тысячъ человѣкъ, полонъ оживленно волнующейся толпою. Ложи и привилегированныя мѣста блистаютъ роскошными дамскими туалетами. На скамьяхъ для дешевой публики пестрѣютъ и переливаются яркими, неожиданными въ своихъ сочетаньяхъ красками шали и разноцвѣтные костюмы женщинъ изъ простонародья. Много крестьянъ изъ провинціи, въ широкихъ черныхъ шляпахъ и живописныхъ короткихъ курткахъ съ зелеными, желтыми и красными поясами. Синее небо кажется совсѣмъ близко надъ ареной — привѣтливое, смѣющееся... Сіяетъ ослѣпительное осеннее солнце; густыя, черныя тѣни лежатъ неподвижно на бѣломъ пескѣ.

Къ сожалѣнію, португальской народной музыки нѣтъ. Для особо торжественныхъ случаевъ музыку приходится заимствовать у испанцевъ. И сейчасъ два военныхъ оркестра поочередно играютъ на своихъ эстрадахъ различные испанскіе мотивы. Пламенныя аррагонскія „хоты“, страстныя, полныя мечтательной грусти „малагеньи“ звучатъ одна за другой, пробуждая въ душѣ настроеніе смутной и неопредѣленно-задумчивой тревоги...

Наконецъ наступаетъ моментъ появленія „квадрильи“. Эффектная группа участниковъ боя, сверкающихъ золотомъ и блестками, выходитъ и располагается на аренѣ. Выпускаютъ быка.

Но толпа невнимательно слѣдитъ сегодня за этимъ дикимъ и красивымъ зрѣлищемъ. Едва-едва только аплодируютъ какой-нибудь ужъ особенно отчаянной выходкѣ тореадора. Его смѣлые, ловкіе жесты, которые въ другое время вызвали бы цѣлую бурю рукоплесканій, остаются почти незамѣченными. Всѣ точно чего-то ждутъ.

— Viva!...—внезапно раздается оглушительный крикъ съ верхнихъ рядовъ амфитеатра, гдѣ чернѣетъ сплошной массой демократическая публика. Всѣ поспѣшно и торопливо вскакиваютъ со своихъ мѣстъ—на арену уже больше никто не смотритъ. Оба оркестра сразу, точно по уговору, начинаютъ играть „Portugeza“, революціонный маршъ, и все вокругъ смѣшивается въ общемъ многотысячномъ и восторженно гремящемъ:

— Да здравствуетъ Мачадо Сантосъ!...

Маленькій, худощавый человѣкъ, въ очкахъ и длинномъ, форменномъ сюртукѣ, стоитъ въ дверяхъ на порогѣ, растерянный, смущенный, видимо не зная—что ему сейчасъ дѣлать? Наконецъ онъ догадывается и неловкимъ движеніемъ прикладываетъ руку къ козырьку.

— Я буду бороться съ этимъ быкомъ въ честь нашего героя Мачадо Сантоса!—провозглашаетъ на аренѣ тореадоръ, когда все понемногу успокаивается.

Снова громъ аплодисментовъ—и опять двадцати-тысячная толпа стоитъ на ногахъ и машетъ шляпами и платками, обернувшись въ сторону Мачадо, который тѣмъ же неловкимъ и застѣнчивымъ движеньемъ отдаетъ честь и садится.

Бой продолжается.

Но публика по прежнему неспокойна. То и дѣло слышится глухой шумъ, отдѣльные выкрики; на арену снова никто не обращаетъ вниманія, хотя тамъ несчастный тореадоръ старается изо всѣхъ силъ.

Неожиданно человѣкъ около двухъ-сотъ наиболѣе экспансивныхъ зрителей, въ числѣ которыхъ есть и крестьянскія куртки, и модные рединготы, широкополыя, фантастическія шляпы и ультра-шикарные котелки, нестройной и бурной лавиной спускаются по скамейкамъ амфитеатра, громко крича и размахивая руками. Остальная толпа тоже поднимается и, обернувшись къ Мачадо Сантосу, продолжаетъ настойчиво выкрикивать что-то, чего за общимъ шумомъ невозможно разобрать. Между тѣмъ первая группа уже завладѣла героемъ революціи и, посадивъ его на плечи, куда-то уноситъ подъ общія восторженныя рукоплесканія.

— Въ чемъ дѣло?—рѣшаюсь я наконецъ обратиться за разъясненіемъ къ своему ближайшему сосѣду, добродушнаго вида толстяку. Но тотъ аплодируетъ и кричитъ свое „viva!“ съ такимъ ожесточеніемъ, что ничего не слышитъ и не понимаетъ.

— Народъ требуетъ, чтобы Мачадо Сантосъ показался ему изъ королевской ложи — приходитъ мнѣ на помощь какая-то пожилая дама;—его сейчасъ туда принесутъ...

Черезъ нѣсколько секундъ маленькій чиновникъ изъ канцеляріи морского министерства дѣйствительно появляется около обитаго краснымъ бархатомъ величественнаго барьера, изъ-за котораго еще въ прошлую корриду раскланивался съ публикой король Мануэль.

Онъ стоитъ прямо и неподвижно, точно во снѣ; некрасивое, мужественное лицо его мертвенно блѣдно, близорукіе глаза смотрятъ черезъ очки куда-то поверхъ головъ бѣснующейся внизу толпы далекимъ, невидящимъ взглядомъ...

— Да здравствуетъ Мачадо!—сливается тысячеголосый крикъ съ рукоплесканьями и громомъ двухъ играющихъ революціонный гимнъ военныхъ оркестровъ.

Мачадо Сантосъ дѣлаетъ рукой знакъ, что хочетъ говорить. Мгновенье—и все умолкаетъ, точно по мановенію волшебнаго жезла. Становится такъ тихо, что слышно, какъ далеко въ городѣ звенитъ пробѣгающій гдѣ-то электрическій трамвай.

— Да здравствуетъ наша португальская республика!—отчетливымъ и твердымъ голосомъ произноситъ вчера еще никому невѣдомый канцеляристъ, перегибаясь черезъ бархатный барьеръ королевской ложи,

— Да здравствуетъ португальскій народъ!... Да здравствуетъ...

Крупныя слезы внезапно текутъ у него по щекамъ изъ-подъ очковъ; онъ задыхается отъ волненія и умолкаетъ, поспѣшно закрывъ лицо руками.

— Viva!... — гремитъ со всѣхъ сторонъ, и снова торжественные, полные тоскливой грусти звуки революціоннаго гимна широкой волной разливаются среди апплодисментовъ двадцати-тысячной, неистово кричащей толпы.

И невольно мнѣ вспоминаются простыя и героическія слова этого плачущаго сейчасъ отъ волненія человѣка, которыя онъ сказалъ тамъ, на площади Ротонды, въ ночь на четвертое октября, своему смутившемуся передъ неизвѣстностью отряду:

— Если вы даже всѣ уйдете отсюда—я останусь!..

Эти слова рѣшили участь португальской революціи.

— Что хотите вы, чтобы мы сдѣлали для васъ?—обратились къ нему на другой день послѣ побѣды члены временнаго правительства.

— Обезпечьте, пожалуйста, семьи убитыхъ на баррикадахъ и наградите, если возможно, тѣхъ, кто дрался вмѣстѣ со мной...

— Но для васъ... для васъ лично чего бы вы хотѣли?

— То, чего я хотѣлъ давно—я теперь уже имѣю: республику! Больше мнѣ ничего не нужно...

И Мачадо Сантосъ по прежнему остался маленькимъ чиновникомъ въ канцеляріи морского министерства.

...Безмолвная толпа тѣснится около высокихъ и мрачныхъ дверей. Въ огромной прихожей съ каменными сводами, на покрытыхъ чернымъ сукномъ столахъ лежатъ безчисленные листы бумаги. Каждый входящій расписывается на одномъ изъ нихъ и потомъ поднимается вверхъ по лѣстницѣ, убранной республиканскими флагами, обвязанными траурнымъ крепомъ.

Это—старинный португальскій обычай выражать свое уваженіе памяти покойнаго, оставляя свою подпись на особомъ листѣ, который потомъ будетъ храниться у родныхъ. Но памятные листы этихъ двухъ покойниковъ, съ тысячами и тысячами подписей, будетъ хранить у себя португальскій народъ...

Ни докторъ Бомбардо, ни вице-адмиралъ Кандидо досъ Рейсъ не были для широкихъ народныхъ массъ какими-нибудь отвлеченными, далекими дѣятелями революціи. Напротивъ—они все время находились въ самой гущѣ демократическихъ низовъ, въ самомъ центрѣ чисто рабочаго и крестьянскаго движенія. Блестящій вице-адмиралъ, независимый и богатый, Кандидо досъ Рейсъ самъ лично руководилъ подготовленіемъ вооруженнаго возстанія среди солдатъ и матросовъ. Еще три мѣсяца тому назадъ онъ объѣхалъ всѣ португальскія провинціи, дѣлая смотръ республиканскимъ силамъ. Полиція гналась за нимъ по пятамъ, имѣя смутныя свѣдѣнія, что какой-то „спеціальный комиссаръ ѣдетъ въ Опорто съ спеціальнымъ порученіемъ изъ Лиссабона“... Но никому и въ голову не приходило, что одинъ изъ высшихъ военно-морскихъ авторитетовъ Португаліи и разыскиваемый полиціей революціонный делегатъ—одно и то же лицо! Объ этомъ зналъ только португальскій народъ, такъ какъ онъ почти in corpore принималъ участіе въ республиканскихъ организаціяхъ; но этого не знало и не могло даже подозрѣвать португальское правительство, такъ какъ оно давно уже отгородило себя непроницаемой стѣной отъ своего народа...

Знаменитый аліенистъ, модный врачъ, визиты котораго цѣнились на вѣсъ золота, директоръ клиническаго госпиталя Мигуэль Бомбардо поздно вечеромъ, когда кончались его занятія и пріемы больныхъ, уходилъ, переодѣтый, въ рабочіе кварталы Лиссабона и тамъ, съ обычнымъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рисовалъ передъ демократическими членами „приходовъ“ и „кружковъ“ перспективы обновленной Португаліи. Популярность его въ народныхъ массахъ была такъ велика, что не нашлось предателя, чтобы установить тожде-

ство лиссабонскаго медицинскаго свѣтила съ „неизвѣстнымъ“, который, оставаясь все время неуловимымъ для политической полиціи, каждый вечеръ неизмѣнно выступалъ то на одномъ, то на другомъ изъ тайныхъ рабочихъ собраній. А на нихъ, по свѣдѣніямъ правительства Тексейра де Суза, трактовались шансы и способы государственнаго переворота.

Теперь, когда этотъ переворотъ сталъ уже совершившимся фактомъ, два человѣка, такъ много сдѣлавшіе для него, лежатъ неподвижно, рядомъ, на высокомъ помостѣ, окруженномъ республиканскими флагами и цвѣтами. Оба гроба покрыты зелено-красными покрывалами. На гробѣ Кандидо досъ Рейсъ—его адмиральская трехуголка и шпага. Четыре матроса съ ружьями въ рукахъ стоятъ по угламъ помоста въ почетномъ караулѣ.

Въ этой темной и мрачной залѣ городского муниципалитета двѣ недѣли тому назадъ была провозглашена португальская республика; сегодня новые португальскіе граждане идутъ проститься съ тѣлами ея двухъ первыхъ жертвъ. Идутъ сотнями, тысячами быть можетъ, одинъ за другимъ, въ глубокомъ, торжественномъ молчаніи... Проходятъ съ опущенными головами бѣдно одѣтые и неуклюже ступающіе по скользкому паркету обитатели рабочихъ предмѣстій Лиссабона; за ними пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ ведетъ за руку разряженную, какъ куклу, дѣвочку семи-восьми лѣтъ. Дальше виднѣется группа солдатъ и матросовъ, пришедшая поклониться праху своего „краснаго адмирала“. Тамъ—бѣдно одѣтыя женщины, нарядныя дамы, делегаты студентовъ коимбрскаго университета, въ характерныхъ беретахъ и средневѣковыхъ плащахъ. Въ дверяхъ толпятся спеціально пріѣхавшіе проститься съ Бомбардо и досъ Рейсомъ крестьяне. Почти вся Португалія, въ лицѣ своихъ представителей, проходитъ здѣсь, передъ этими двумя гробами, и весь безъ исключенія Лиссабонъ...

Я медленно спускаюсь внизъ вмѣстѣ съ возвращающейся толпой. Навстрѣчу намъ непрерывно движется чернѣющая людская масса. Въ прихожей по прежнему только что пришедшіе расписываются на печальныхъ листахъ. Какой-то крестьянинъ, съ темнымъ, морщинистымъ лицомъ и въ широкой шляпѣ, внимательно и напряженно смотритъ, перегнувшись черезъ плечо сидящаго за столомъ муниципальнаго чиновника, какъ тотъ подписываетъ за него его имя. Потомъ онъ киваетъ ему въ знакъ благодарности головой и, осторожно снявъ шляпу, начинаетъ подниматься.

Я выхожу на площадь. Она вся полна народомъ: одни только что вышли изъ зданія муниципалитета, другіе туда идутъ. Безоблачное небо прозрачно и недосягаемо синѣетъ въ вышинѣ. Жизнь, суетливая, безпокойная въ своей ежедневной тревогѣ, шумитъ и

льется пестрыми ручейками по залитымъ мягкимъ осеннимъ солнцемъ улицамъ Лиссабона. Но что-то новое, еще невѣдомое смутно чудится въ ней.

Къ старому прошлому здѣсь теперь нѣтъ и не можетъ быть возврата!..

А. Деренталь.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРЦІИ

Говоря о народномъ образованіи въ Турціи, мы будемъ касаться исключительно мусульманскаго населенія страны; наши свѣдѣнія не распространяются ни на иностранныя школы, ни на школы турецкихъ христіанъ. Послѣднія, въ силу продолжающихъ еще существовать въ Турціи капитуляцій и привилегій, находятся въ исключительномъ положеніи; онѣ существуютъ совершенно самостоятельно, пользуясь полною независимостью. Множество учебныхъ заведеній, основанныхъ миссіонерами разныхъ исповѣданій, какъ въ Константинополѣ, такъ и во всѣхъ болѣе или менѣе населенныхъ центрахъ Турціи, находятся подъ покровительствомъ дипломатическихъ миссій. Учебныя заведенія турецкихъ христіанъ—греческія, армянскія, болгарскія, сербскія школы — совершенно не знаютъ, что̀ значитъ правительственный контроль. Всѣ эти учебныя заведенія не обязаны въ своей внутренней организаціи или системѣ преподаванія придерживаться хотя бы нормальнаго устава, и власть народныхъ инспекторовъ на нихъ не распространяется.

Особую категорію школъ составляютъ, далѣе, военныя учебныя заведенія, служащія въ Турціи чуть ли не самымъ серьезнымъ элементомъ народнаго образованія. Они открыты для всѣхъ, безъ различія положенія и происхожденія,—и такъ какъ они обладаютъ низшими подготовительными отдѣленіями, то привлекаютъ массу дѣтей не потому только, что турки любятъ военное ремесло, а потому главнымъ образомъ, что военныя училища организованы и поставлены лучше всѣхъ другихъ турецкихъ школъ. Въ военныхъ училищахъ преобладаетъ нѣмецкая система обученія, тогда какъ гражданскія турецкія школы, какъ по постановкѣ, такъ и по организаціи, скопированы съ французскихъ. При старомъ режимѣ эти послѣднія въ несравненно большей степени были подвержены его растлѣвающему вліянію. Какъ ни старался Абдулъ-Гамидъ наложить свою желѣзную руку на всѣ проявленія жизни, онъ, нуждаясь въ офицерствѣ, по

неволѣ относился осторожнѣе къ военнымъ училищамъ. Вотъ почему и сейчасъ въ Турціи наблюдается поразительное явленіе умственнаго и нравственнаго превосходства военнаго класса надъ гражданскимъ. Турецкое офицерство — самая образованная, здоровая, серьезная и жизнеспособная часть турецкаго общества. Даже въ области литературы, публицистики, поэзіи въ современной Турціи преобладаетъ офицерскій элементъ; всѣ лучшіе журналисты, общественные дѣятели, писатели и поэты — офицеры. Конечно, школы, дающія такихъ питомцевъ, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія, но въ настоящей статьѣ мы не будемъ ихъ касаться.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія въ Турціи едва доходитъ до 900 тысячъ турецкихъ ливровъ (около 7 1/2 милліоновъ рублей), что составляетъ едва 1/28 часть общаго бюджета за минувшій годъ; въ прошломъ же году расходы на просвѣщеніе не достигали и 1/40 части общей цифры государственныхъ расходовъ. Эти цифры говорятъ сами за себя. Турція не знаетъ правильно организованныхъ земскихъ учрежденій; не существуетъ въ ней и настоящаго городского самоуправленія. Поэтому во всей Турціи нѣтъ до сихъ поръ ни одной городской или земской школы; въ Константинополѣ, напр., съ его полуторамилліоннымъ населеніемъ, тщетно было бы искать хоть одной школы, содержащейся на счетъ города.

Тѣмъ не менѣе число народныхъ училищъ въ Турціи довольно велико; ихъ насчитываютъ до 32 тысячъ. Если принять, что въ Турціи имѣется до 30 милліоновъ населенія и допустить, что изъ нихъ 20 милліоновъ приходится на долю мусульманъ, то окажется, что на каждыя шесть сотъ жителей мусульманъ приходится по одной школѣ; это довольно удовлетворительная пропорція. Но далеко не всѣ эти народныя школы содержатся министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ его ничтожнымъ бюджетомъ.

Въ Турціи, какъ и вездѣ, школы дѣлятся на три степени: низшія (ибтидаи), среднія (эйдади) и высшія (аліа). Низшія учебныя заведенія въ свою очередь подраздѣляются на министерскія (моарифъ) и на благотворительныя (авкифъ). На одну министерскую школу приходится почти восемьдесятъ благотворительныхъ народныхъ школъ.

Единственныя въ своемъ родѣ школы этого типа существуютъ, кажется, только въ Турціи. Онѣ и организованы крайне своеобразно. Въ одномъ Константинополѣ такихъ школъ существуетъ сейчасъ 325; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ со временъ Магомета Завоевателя. Всѣ онѣ основаны и обезпечены благотворителями. Всякій хотя бы мало-мальски зажиточный турокъ, умирая, заботился о двухъ вещахъ: о школѣ и водѣ; желая оставить по себѣ добрую память и быть богоугоднымъ, онъ основывалъ для народа даровую школу и прово-

дилъ для него же воду. Вотъ почему, гуляя по Константинополю, туристы невольно поражаются обиліемъ, съ одной стороны, гробницъ, а съ другой—фонтановъ при нихъ; войдите въ сосѣдній дворъ—и вы увидите тамъ неизмѣнно сопровождающую ихъ школу. На надгробныхъ камняхъ можно прочесть слѣдующія слова: „Помяните добромъ память этого тлѣннаго, о вы, которые утоляете жажду, черпая воду изъ этого фонтана или изъ этой школы!“

Основывая школу, благотворитель большею частью заботился также о ея вѣчномъ обезпеченіи; для этого онъ предоставлялъ въ ея пользу недвижимое имущество на доходы съ котораго могла бы существовать школа, и опредѣлялъ сумму на содержаніе учителю, сторожу, сумму для поддержанія зданія школы, а также долю дѣтей. По принятому обычаю, учительствовать въ такихъ школахъ должны прямые наслѣдники тѣхъ, кого первоначально избирали въ учителя благотворители. Если наслѣдникъ учителя малолѣтній, онъ до совершеннолѣтія замѣщается другимъ, съ которымъ онъ и дѣлитъ получаемое содержаніе; по достиженіи же совершеннолѣтія онъ долженъ держать экзаменъ на званіе учителя и лично вести школу.

Обыкновенно дѣти и служащіе въ такихъ школахъ кормятся на счетъ благотворителя; ежедневно они получаютъ по хлѣбу и по чашкѣ супу (чорба), а по четвергамъ къ этому прибавляется еще плавъ (любимое турецкое кушанье изъ рису); нерѣдки также случаи, когда по завѣщанію основателя школы дѣти получали вдобавокъ ежемѣсячное денежное пособіе, колеблющееся между тремя и десятью группами (отъ 26 до 40 коп.). Отпускъ хлѣба и пищи дѣтямъ производится въ Константинополѣ чрезъ посредство содержателя ближайшей кухмистерской, которому въ замѣнъ отпущеннаго выдаютъ билеты, и на основаніи этихъ билетовъ ведутся непосредственные разсчеты съ министерствомъ вакуфовъ, завѣдующимъ матеріальною стороною этихъ школъ.

Въ такихъ школахъ обучаются приблизительно около 20 тысячъ дѣтей обоего пола. Мальчики и дѣвочки отъ 5 до 12, а иногда и до 14—15 лѣтъ, обучаются въ нихъ совмѣстно. Курсъ обученія въ этихъ школахъ обыкновенно четырехъ-лѣтній; предметы преподаванія — коранъ, исторія Турціи, географія, начальныя понятія о природѣ и о гражданственности, ариѳметика. Уроки гражданственности введены послѣ объявленія конституціи. Внѣшняя обстановка школъ вполнѣ европейская: дѣти сидятъ на скамейкахъ, классы снабжены досками, географическими картами и другими учебными пособіями.

Въ учебномъ же отношеніи школы находятся въ зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Министерскія народныя школы носятъ названіе рушдіа; по своей

программѣ онѣ соотвѣтствуютъ второй, болѣе высокой степени народнаго образованія и напоминаютъ русскія городскія училища. Основанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, онѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ находятся въ полномъ вѣдѣніи этого министерства. Такихъ школъ имѣется по крайней мѣрѣ по одной въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ. Въ Константинополѣ ихъ 29—18 мужскихъ и 11 женскихъ. Дѣти каждаго пола обучаются здѣсь отдѣльно; женскія школы обслуживаются исключительно женскимъ учительскимъ персоналомъ. Нѣкоторыя министерскія школы не имѣютъ особаго начальнаго отдѣленія и, состоя изъ трехъ классовъ съ трехъ-годичнымъ обученіемъ, называются просто рушдіа; другія, имѣя начальное отдѣленіе, состоятъ изъ шести классовъ съ шести-годичнымъ обученіемъ и носятъ названіе центральныхъ рушдіа (марказъ рушдіаси). Имѣющіяся при такихъ училищахъ начальныя отдѣленія вполнѣ соотвѣтствуютъ по своей программѣ начальнымъ авкифскимъ школамъ.

Во всѣхъ константинопольскихъ казенныхъ рушдіа обучаются до 7.000 дѣтей, въ томъ числѣ 4.500 мальчиковъ и 2.500 дѣвочекъ. Помимо того, въ Константинополѣ же имѣется до 50 частныхъ рушдіа, въ которыхъ обучаются до 10.000 дѣтей-мусульманъ обоего пола. Въ этихъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: священная исторія и каноны Шаріата, арабскій, персидскій и французскій языки, турецкій языкъ, турецкая исторія, всеобщая исторія, географія общая и турецкая, ариѳметика до учета векселей и правила смѣшенія включительно, алгебра до извлеченія корней и рѣшенія уравненій третьей степени включительно, геометрія до вычисленія площадей и объемовъ включительно. Преподаваніе естественныхъ наукъ замѣнено здѣсь преподаваніемъ такъ называемыхъ „научныхъ свѣдѣній“. Учитель старается передавать ученику практическія, ежедневно нужныя знанія. Напр., онъ объясняетъ, какъ строится домъ, при чемъ даетъ общія свѣдѣнія о физическихъ и химическихъ свойствахъ матеріаловъ, нужныхъ для постройки дома. Турецкій мальчикъ, окончившій курсъ такого учебнаго заведенія, понимаетъ атмосферическія явленія, понимаетъ силы природы. Не менѣе достоинъ вниманія другой предметъ, преподаваемый въ этихъ школахъ подъ названіемъ „*малумати маданіа*“, или „гражданскія свѣдѣнія“. Чтобы дать приблизительное представленіе о томъ, какъ преподаются въ турецкой школѣ „гражданскія свѣдѣнія“, я приведу вопросы, которые предлагались ученику рушдіа въ моемъ присутствіи, и данные имъ отвѣты.

Учитель.—Боишься ли ты султана?

Ученикъ.—Нѣтъ! Я его люблю!

Учитель.—А почему ты его любишь?

Ученикъ.—Потому что онъ уважаетъ наши законы.

Учитель.—А если бы онъ не уважалъ законовъ?

Ученикъ.—Я пересталъ бы его любить!

Учитель.—А что такое законъ?

Ученикъ.—Законъ—это то, что рѣшаютъ наши палата депутатовъ и сенатъ и утверждаетъ султанъ.

Учитель.—А если султанъ не утвердитъ?

Ученикъ.—Онъ имѣетъ на то право, но онъ долженъ тогда обратиться къ народу и узнать его мнѣніе; безъ народа султанъ ничего не можетъ дѣлать.

Учитель.—А что намъ даетъ законъ?

Ученикъ.—Законъ намъ даетъ свободу, равенство.

Учитель.—Есть ли разница между христіаниномъ и мульманиномъ?

Ученикъ.—Предъ закономъ и предъ отечествомъ—никакой!

Помимо этихъ общихъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ Турціи существуютъ низшія спеціальныя школы; въ каждомъ округѣ ихъ имѣется по одной, а въ Константинополѣ ихъ семь. Онѣ бываютъ либо земледѣльческія, либо ремесленныя, смотря по преобладающей въ данной мѣстности отрасли занятій. Старый режимъ держалъ ихъ въ полномъ пренебреженіи. Существуютъ также спеціальныя женскія учебныя заведенія. Въ Константинополѣ ихъ три, съ 700 ученицами, обучающимися и содержащимися на счетъ государства. Ихъ обучаютъ всему, что по турецкимъ понятіямъ необходимо для матери семейства: кулинарному искусству, рукодѣлію, вышиванію, пѣнію, музыкѣ, портняжному дѣлу, стиркѣ бѣлья и т. п. Общіе предметы преподаются въ объемѣ курса рушдіа. Въ эти школы принимаются исключительно сироты или дѣти неимущихъ родителей. По выходѣ изъ школы, онѣ большею частью идутъ въ учительницы рукодѣлія, музыки и пѣнія въ женскія рушдіа.

Старый режимъ относился крайне подозрительно и враждебно къ народному образованію. Учителя мѣсяцами, а иногда и годами не получали содержанія; въ учителя шли тѣ, кто не могъ пріискать другихъ занятій. Турецкой литературы по вопросамъ народнаго образованія почти не существуетъ; учебники крайне рѣдки, почти нѣтъ и географическихъ картъ, такъ какъ ихъ изданіе было при Абдулъ-Гамидѣ небезопаснымъ дѣломъ. Теперь положеніе народнаго образованія въ Константинополѣ можетъ, въ общемъ и сравнительно, считаться удовлетворительнымъ. Общее число обучающихся въ столичныхъ начальныхъ школахъ дѣтей доходитъ до 40 тысячъ; если же къ нему прибавить мусульманскихъ дѣтей, обучающихся въ разныхъ миссіонерскихъ, иностранныхъ и военныхъ училищахъ, то окажется, что число всѣхъ мусульманскихъ дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ

учебныя заведенія, доходитъ до 50 тысячъ, а цифра эта вѣроятно равняется 90% всего количества мусульманскихъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ. Въ Константинополѣ необучающихся мусульманскихъ дѣтей, какъ бы бѣдны они ни были, почти нѣтъ. Конечно отсюда не слѣдуетъ, чтобы повсюду въ Турціи положеніе вещей было столь же удовлетворительно. Но и въ провинціяхъ, благодаря существованію авкафскихъ школъ, дѣло обстоитъ не слишкомъ плохо: онѣ едва ли уступаютъ, по степени развитія грамотности, нѣкоторымъ областямъ, напр., Италіи или Испаніи. Объ этомъ можно судить хотя бы по количеству умѣющихъ читать и писать среди турецкихъ новобранцевъ; оно обыкновенно доходитъ до 25%, а иногда и до 30%.

Среднія учебныя заведенія въ Турціи двоякаго типа; чисто среднія училища или эйдади, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, и смѣшанныя училища, представляющія нѣчто среднее между средними учебными заведеніями и высшими. Послѣднія имѣются лишь въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ, какъ Салоники, Алеппо.

Одно среднее учебное заведеніе имѣется и въ каждомъ губернскомъ городѣ; въ Константинополѣ ихъ восемь; въ нихъ преподаются главнымъ образомъ математика, естественныя науки, исторія, коммерческая географія, бухгалтерія, а изъ языковъ французскій, персидскій и арабскій. Древніе языки въ программахъ турецкихъ школъ абсолютно отсутствуютъ; за то въ нихъ подробно изучается литература современныхъ европейскихъ народовъ. Въ этихъ училищахъ обучаются исключительно мальчики; для дѣвочекъ до сихъ поръ въ Турціи нѣтъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни открытыхъ, ни закрытыхъ.

До прошлаго года обученіе въ среднихъ школахъ было даровое. Въ прошломъ году министерство народнаго просвѣщенія установило плату за право ученья въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, колеблющуюся между 6 и 40 ливр. въ годъ, т.-е. между 50 и 350 руб. Такая громадная разница въ платѣ объясняется тѣмъ, что въ турецкихъ среднихъ школахъ имѣются или полные пансіонеры, или полупансіонеры, или приходящіе ученики. Число существующихъ среднихъ школъ въ общемъ весьма недостаточно.

Смѣшанныя учебныя заведенія отличаются отъ эйдади тѣмъ, что обладаютъ спеціальными классами, для подготовленія дѣятелей въ разнообразныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Таковы существующія въ Константинополѣ мактаби мулкія, изъ которой выходятъ администраторы и дипломаты, мактаби маніа, подготовляющія чиновниковъ для министерства финансовъ, императорскій лицей Галата Сараи, коммерческая школа (дару-шафака), поставляющая исклю-

чительно служащихъ по министерству почты и телеграфовъ. За исключеніемъ этой послѣдней, куда принимаются исключительно сироты и дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, всѣ остальныя смѣшанныя школы довольно дороги и мало доступны. Въ нихъ большею частью преподаваніе идетъ на французскомъ языкѣ, профессора иностранцы и вообще господствуетъ иностранное, т.-е. французское вліяніе и настроеніе. Многочисленные коллегіумы и лицеи, содержимые католическими и протестантскими миссіями, а также сіонистами и еврейскими alliance'ами во всей Турціи, привлекаютъ массу мусульманской молодежи. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ, какъ напр. американская школа „Robert College" въ Константинополѣ или еврейская сіонистская школа въ Яффѣ, пріобрѣли большую популярность и даютъ пріютъ значительной части учащейся турецкой молодежи.

Высшія учебныя заведенія Турціи сосредоточены исключительно въ Константинополѣ, Салоникахъ и Алеппо. До самаго послѣдняго времени въ Турціи не было университета; только за нѣсколько лѣтъ до своего паденія Абдулъ-Гамидъ, желая выиграть во мнѣніи Европы, торжественно объявилъ объ открытіи турецкаго университета и даже приказалъ устроить по этому поводу пышныя торжества. Въ дѣйствительности все свелось къ тому, что одинъ изъ дворцовъ, расположенныхъ въ Стамбулѣ, былъ отведенъ подъ университетъ и на немъ былъ вывѣшенъ плакатъ съ надписью: „Даруль-Фипину" (домъ наукъ—университетъ). Настоящій университетъ существуетъ только два года. Въ немъ теперь три факультета: юридическій, математическій и философско-теологическій. Медицинскій факультетъ, служившій при старомъ режимѣ пріютомъ для всей мыслящей, идеально настроенной турецкой молодежи, составляетъ независимое отъ университета учрежденіе. Раньше онъ распадался на два отдѣленія—гражданскихъ и военныхъ медиковъ; въ настоящее время оба отдѣленія объединены. Здѣсь царитъ нѣмецкое вліяніе; большинство профессоровъ—нѣмцы, нѣкоторые предметы до сихъ поръ читаются на иностранныхъ языкахъ. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Константинополѣ находятся: ветеринарный институтъ, институтъ гражданскихъ инженеровъ, технологическій институтъ, академія земледѣльческихъ наукъ и академія высшихъ коммерческихъ наукъ. Въ Салоникахъ находится прекрасно обставленная высшая земледѣльческая школа, а въ Алеппо—медицинскій факультетъ, руководимый миссіонерами. Во всѣхъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается до пятнадцати тысячъ человѣкъ. За исключеніемъ медицинскаго факультета, поставленнаго вполнѣ удовлетворительно, всѣ остальныя высшія учебныя заведенія Турціи оставляютъ желать многаго.

Для подготовленія преподавательскаго персонала въ среднія и низ-

шія учебныя заведенія въ Турціи существуютъ мужскіе и женскіе учительскіе институты (даруль-моаллимейнъ); всего ихъ въ Константинополѣ четыре, а въ провинціяхъ пять. Эти институты подраздѣляются на низшіе и высшіе; первые подготовляютъ преподавателей въ низшія учебныя заведенія и рушдіа, вторые—въ среднія учебныя заведенія.

Какъ постановка этихъ учебныхъ заведеній, такъ и программы преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, были до послѣдняго времени весьма неудовлетворительны; главное вниманіе обращалось на преподаваніе богословской схоластики, арабскаго и персидскаго языковъ; психологія, физіологія, педагогика, дидактика—отсутствовали вовсе; другіе предметы проходились приблизительно въ томъ же объемѣ, что и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду этого уровень приготовленнаго ими педагогическаго персонала крайне невысокъ. Но и такихъ учителей немного въ турецкихъ школахъ.

Обыкновенно рушдіа, состоящій изъ трехъ классовъ, имѣетъ педагогическій персоналъ, состоящій изъ 14 лицъ, изъ коихъ только три—профессіональные педагоги, а остальные 11—вольнонаемные чиновники (сайсеръ). Такое соотношеніе зависитъ также и отъ принятой въ турецкихъ школахъ системы чрезвычайнаго дробленія уроковъ между учителями, весьма дурно отражающагося какъ на педагогической сторонѣ школьнаго дѣла, такъ и на матеріальной обезпеченности учителей. Не смотря на то, что турецкая школа обходится довольно дорого (каждый ученикъ рушдіа обходится въ среднемъ въ пять ливровъ, т.-е. сорокъ пять рублей въ годъ), нигдѣ положеніе учителей не обезпечено такъ плохо, нигдѣ учительскій трудъ не оплачивается такъ низко, какъ въ Турціи. Инспектора шестикласныхъ городскихъ школъ получаютъ не болѣе пятнадцати ливровъ въ мѣсяцъ, т.-е. около ста двадцати семи рублей, включая сюда и квартирныя, и столовыя, а инспектора трехклассныхъ училищъ—восемь ливровъ (сорокъ пять рублей), содержаніе учителей колеблется между двумя и шестью ливрами, смотря по числу даваемыхъ ими уроковъ, никогда не превышая послѣдней цифры.

На всѣ эти недостатки школьной системы, завѣщанной старымъ режимомъ, теперь обращено серьезное вниманіе. Министерство народнаго просвѣщенія энергично работаетъ надъ улучшеніемъ какъ учительскаго персонала, такъ и методовъ преподаванія и программъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Надо полагать, что турецкая школа, обладающая всѣми данными, чтобы стать на высотѣ своего призванія, вскорѣ, благодаря этой энергичной работѣ, оправится отъ нанесенныхъ ей старымъ режимомъ ударовъ.

А. А.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

„Вселенная выпустила насъ не въ нашихъ интересахъ, и ей нужны наши страданія... Ни революціи, ни какія бы то ни были формы правленія, ни капитализмъ, ни соціализмъ,—ничто не дастъ счастья человѣчеству, обреченному на вѣчныя страданія. Что намъ въ вашемъ соціальномъ строѣ, если смерть стоитъ у каждаго за плечами, если міръ прежде всего—огромное кладбище, которое зачѣмъ-то мы сторожимъ!“ Но и безсмертіе не спасло бы людей отъ страданія и отчаянія, ибо неспособенъ человѣкъ удовлетвориться тѣмъ, что ему дано. „Кто не имѣетъ любви, тотъ страдаетъ о ней и мечтаетъ, какъ о величайшемъ счастіи, чтобы его полюбила и приласкала хоть одна женщина; кто имѣетъ одну жену—тотъ погибаетъ въ однообразіи чувства; кто будетъ имѣть сотни женщинъ — тотъ начнетъ тосковать о единой страсти. Такъ и во всемъ. Человѣкъ не удовлетворится ни единымъ положеніемъ, и самое безсмертіе представится ему невыносимо скучнымъ“. Изъ такого взгляда на жизнь съ неизбѣжной послѣдовательностью вытекаетъ выводъ: „Надо разсѣять въ людяхъ суевѣріе жизни, надо заставить понять, что они не имѣютъ права тянуть эту безсмысленную комедію“—т.-е. родъ людской самъ долженъ пресѣчь свое существованіе.

Такъ проповѣдуетъ фанатическій апостолъ небытія Наумовъ, одинъ изъ героевъ новаго романа Арцыбашева: „У послѣдней черты“, и, повидимому, весь романъ имѣетъ цѣлью доказать справедливость догматовъ Наумова. По крайней мѣрѣ строится онъ какъ разъ по схемѣ, заключающейся въ приведенной цитатѣ. Все произведеніе насквозь проникнуто паническимъ страхомъ передъ смертью. Уже въ первой части, напечатанной въ четвертомъ выпускѣ сборника „Земля“, сугубо мучительно и безсмысленно помираетъ нѣсколько человѣкъ. Другой рядъ героевъ съ полной очевидностью и весьма быстрымъ темпомъ ведется къ самоубійству. Третью группу составляютъ лица, срывающія цвѣты наслажденій и пока не собирающіяся умирать, но только потому, что они „еще не столкнулись со своимъ ужасомъ“. Однако, и ихъ волосы уже отъ времени до времени дыбятся отъ смутныхъ предчувствій неизбѣжнаго „ужаса“. Чуть не каждая страница романа желаетъ напугать читателя картинами безсмысленно жестокаго умиранія или напоминаніями о неизбѣжности смерти и тщетѣ всѣхъ радостей и интересовъ человѣческихъ передъ ея без-

пощаднымъ ликомъ. Въ сущности всѣ наши интересы и радости—лишь мимолетные призраки, способные приковать вниманіе лишь людей недалекихъ, либо робкихъ, сознательно или безсознательно лгущихъ передъ собою. А „умъ ясный и смѣлый, сердце твердое“ отчетливо и безстрашно ставитъ передъ собою перспективу самоистребленія, какъ самаго благороднаго и разумнаго акта.

Общественными интересами могутъ увлекаться развѣ наивные упрямцы, въ родѣ нервическаго студента Чижа, который проповѣдуетъ, что истинная человѣчность и истинный смыслъ жизни заключаются въ активной борьбѣ лучшихъ представителей человѣчества за преображеніе жизни, за уничтоженіе окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ золъ и за воцареніе новаго, свѣтлаго и справедливаго уклада жизни, при которомъ не будетъ уже болѣе безсмысленныхъ страданій. Но Чижъ, въ глубинѣ души своей, самъ не вѣритъ въ свои надежды. Что-то стало уже „между нимъ и солнцемъ и вмѣсто будущаго показываетъ какую-то сѣрую пустоту“. И по временамъ Чижу кажется, что жизнь—это огромная шахматная партія, въ которой „смутно, но неизбѣжно намѣчается вѣчная ничья“. Онъ еще топорщится противъ угнетающей логики Наумова, но въ сущности готовъ съ нимъ согласиться, что „великіе умы — идіоты“, и что лучше самоубійства ничего не выдумаешь.

Можно, конечно, усумниться, является ли Чижъ исчерпывающимъ воплощеніемъ инстинкта общественности, покрываются ли его смятою и смятенною, растерянною психикою души истинно великихъ и сознательныхъ борцовъ за лучшее будущее. Особой активности и выдержки, составляющихъ основу темперамента общественнаго дѣятеля, у Чижа не примѣтно. Онъ—просто наивный маленькій человѣчекъ, котораго захватило то „время, когда на улицахъ стрѣляли, толпы народа ходили съ красными флагами и все выбилось изъ колеи“. Тогда „казалось, что цѣль достигнута и начинается новая жизнь, ради которой онъ и дѣлалъ все, что̀ дѣлалъ“. За такимъ наивнымъ подъемомъ неразсуждающаго энтузіазма естественно долженъ былъ послѣдовать не менѣе наивный душевный упадокъ. Когда „все пошло по старому и даже хуже стараго“, въ душу заползъ унылый, брюзжащій пессимизмъ. Какъ прежде замѣтно было лишь то, что̀ есть въ жизни прекраснаго и сулящаго свѣтлыя перспективы, и, за недостаткомъ реальныхъ опоръ для нетерпѣливаго оптимизма, онѣ вылѣплялись услужливой фантазіей, такъ теперь глазъ началъ особенно интенсивно воспринимать лишь то, что̀ есть въ жизни мелкаго, пошлаго, убивающаго надежду, и, не довольствуясь матеріаломъ этого типа, обильно доставляемымъ дѣйствительностью, сталъ создавать еще и преувеличенные фантомы въ томъ же стилѣ. „Люди и въ моменты подъема

оказались такими же скотами, какъ всегда, и можетъ быть больше, чѣмъ всегда: до революціи ихъ хоть связывала и приподымала общая ненависть, а въ самый рѣшительный моментъ они всѣ перессорились изъ-за какихъ-то очень туманныхъ разногласій въ программахъ". Арцыбашевъ какъ будто уже позабылъ, что самъ онъ, рисуя фигуру „рабочаго Шевырева", видѣлъ въ психологіи революціи далеко не одно только „скотство". Немудрено, если человѣкъ, дошедшій до такого уныній, какъ Чижъ, покончитъ съ собой даже и безъ всякаго давленія со стороны Наумова—и, конечно, гибель его отнюдь не будетъ смертнымъ приговоромъ для стремленія человѣчества къ общественному строительству. Но это-то и характерно для новаго романа Арцыбашева, что, по мнѣнію автора, не только неудавшаяся русская революція шла исключительно на Чижахъ, но и во всей міровой исторіи борьбѣ за лучшее будущее для рода людского отдавались одни только Чижи.

Съ такой же малой степенью объективной убѣдительности развертываетъ Арцыбашевъ и другую часть своей схемы—о тщетѣ радостей жизни. Прежде всего радость жизни представляется ему въ одной только формѣ—въ формѣ любви, и притомъ чисто половой. Непрочность такого именно счастья авторъ и показываетъ намъ, проводя свой анализъ какъ-разъ по тѣмъ ступенямъ, которыя намѣчены въ цитированномъ монологѣ Наумова.

Престарѣлый докторъ Арнольди прожилъ всю жизнь безъ нѣжной женской ласки. Но вотъ оказывается среди его паціентокъ прелестная, однако лежащая при смерти въ чахоткѣ артистка Марья Павловна Раздольская. Между ними постепенно наростаетъ взаимная привязанность, которая, встань только Раздольская съ одра смерти, дала бы имъ обоимъ тепло, уютъ и радость. Но Раздольская, конечно, умираетъ, и докторъ Арнольди остается одинокимъ, какъ и былъ. „А еслибы она не умерла,—предсказываетъ Арцыбашевъ,—пошли бы дни скучной, обыкновенной человѣческой жизни: черезъ полгода они стали бы ссориться, понемногу *погасла бы страсть*, можетъ-быть они стали бы тяготиться другъ другомъ... Можетъ-быть, она бросила бы его". „Счастья нѣтъ, есть только призракъ счастья"—резюмируетъ этотъ казусъ Арцыбашевъ.

Правильность своего предсказанія и резюме авторъ доказываетъ исторіей офицера Тренева и его жены. Чета Треневыхъ ничѣмъ не связана, кромѣ какъ вспыхивающей время отъ времени физической страстью. Въ минуты прилива такой нѣжности супруги падаютъ другъ другу въ объятія, а затѣмъ испытываютъ взаимное отвращеніе, рвутся прочь другъ отъ друга, учиняютъ скандальныя домашнія сцены и т. п. Жена не прочь пококетничать своимъ тѣломъ съ другими офицерами,

мужъ мечтаетъ о тѣлахъ другихъ женщинъ,—словомъ, согласно съ рецептомъ Наумова, супруги Треневы „погибаютъ въ однообразіи чувства".

Но и въ „разнообразіи чувства" нѣтъ спасенія. Для доказательства этой теоремы Арцыбашевъ воскрешаетъ нашего стараго знакомаго Санина, который, по новому своему паспорту, именуется Михайловымъ, а по спеціальности оказывается живописцемъ. Художникъ Михайловъ—существо, въ смыслѣ страстности, безпредѣльно могущественное и обаятельное. Передъ нимъ никакая женская особь устоять не можетъ, и онъ безъ всякаго стѣсненія пользуется своей неотразимостью. Его не останавливаютъ ни стыдливость чистой дѣвушки, ни упорство опытной кокетки; не побрезгуетъ онъ, при случаѣ, и подвернувшейся подъ руку горничной. Онъ „имѣетъ сотни женщинъ", и—опять-таки по рецепту Наумова—„начинаетъ тосковать по единой страсти". Какъ человѣкъ опытный, Михайловъ сразу спохватывается, понимая, что „тоска по единой" коварно втягиваетъ его въ заколдованный кругъ, въ невыгодной половинѣ котораго застрялъ офицеръ Треневъ. „Глупости! — думаетъ Михайловъ съ досадой.—Развѣ я перестану видѣть, какъ прекрасны другія женщины? Развѣ я могу смѣнить ихъ всѣхъ на одну, какъ бы хороша ни была она?" Но „тоска по единой" всетаки не проходитъ, „и два непримиримыя чувства окружали Михайлова смутнымъ хаосомъ, изъ котораго не было выхода". Вотъ и кара, предреченная Наумовымъ. Ну, не ясно ли, что въ столь трагическомъ положеніи „самое безсмертіе представится невыносимо скучнымъ"?..

Правда, минута досаднаго раздвоенія раскрываетъ Михайлову глаза на нѣкоторыя вещи, которыя, при внимательномъ къ нимъ отношеніи, заставили бы поставить вопросъ о цѣнности жизни вообще и о любви въ частности совсѣмъ не такъ, какъ ставятъ его Наумовъ и Арцыбашевъ. Господа Михайловскаго пошиба ищутъ въ женщинахъ только „сладострастныхъ, прекрасныхъ тѣлъ", только „ласкающихъ, нѣжныхъ голыхъ рукъ", и берутъ женщинъ „только такъ, изъ животной жадности". Но надъ животной жадностью есть еще иное „огромное, свѣтлое чувство, которое называется любовью" и которое влечетъ „отдаться одной женщинѣ навсегда, видѣть въ ней весь міръ, успокоиться на ея груди—груди вѣчно любимой и любящей жены, а не случайной любовницы". Въ сторону вотъ этого чувства, такой радости анализъ Арцыбашева не идетъ. Вѣдь пророча недоброе доктору Арнольди, повѣствуя о четѣ Треневыхъ, изображая Михайлова, Арцыбашевъ вездѣ говоритъ о *страсти*, т.-е. о „животной жадности", и если къ этому порядку житейскихъ утѣхъ теорема Наумова можетъ оказаться вполнѣ примѣнимой, то надъ другой категоріей она, по-

жалуй, и не властна. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ обрекать весь міръ на самоистребленіе, не мѣшаетъ обслѣдовать всѣ права его на существованіе. Но Арцыбашеву представляется почему-то, что „возражать Наумову надо только отъ тѣла, отъ радости самой простой, животной жизни".

Впрочемъ, если принять даже такую постановку вопроса, то отъ этого убѣдительность Арцыбашевскаго романа не выиграетъ. Тезисъ его былъ бы доказанъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ съ мощью художественнаго таланта покорилъ и увлекъ насъ яркой картиной „самой простой животной радости", а затѣмъ заставилъ бы насъ содрогнуться передъ столь же художественной картиной ужаса смерти, рядомъ съ которой блѣднѣетъ и никнетъ, перестаетъ быть желанной всякая радость. Но въ томъ-то и дѣло, что на сей разъ у Арцыбашева художественно не удалась ни та, ни другая половина антитезы. Радость въ его изображеніи не влечетъ и не плѣняетъ, его ужасы не пугаютъ.

„Животная радость" превратилась подъ его перомъ въ плоскую похотливость, и циничныя подробности, которыми обильно уснащены описанія „страстныхъ" сценъ, только отталкиваютъ, а не воспламеняютъ. Вмѣсто настоящаго огня, темперамента—какой-то нудный шаблонъ. Выдумано нѣсколько штриховъ, и они безъ конца повторяются каждый разъ, какъ авторъ доходитъ до соотвѣтствующаго момента. Въ рѣшительную минуту дѣвушка должна почему-то подойти къ двери, подержаться за ручку, а затѣмъ вернуться къ своему покорителю (Лиза у Михайлова, Нелли у адъютанта). Затѣмъ, въ каждой сценѣ „побѣды" мужчины надъ женщиной обязательно подчеркивается одна и та же деталь—„голыя ноги женщины" (Лиза, Нелли, Евгенія Самойловна). Эти ноги и дальше преслѣдуютъ автора: когда Евгенія Самойловна прыгаетъ черезъ костеръ, „мелькнула полоска розоваго тѣла надъ чулкомъ"; за нею стали прыгать деревенскія дѣвки, „показывая голыя ноги чуть не до пояса"; не забываетъ про голыя ноги Арцыбашевъ даже тогда, когда докторъ осматриваетъ больную... Я могъ бы привести и еще нѣсколько образчиковъ столь же шаблонныхъ и назойливыхъ повтореній другихъ подробностей, но очень ужъ противно долго останавливаться на такой безвкусицѣ. Что же стоитъ за этими упорными повтореніями: „радость самой простой, животной жизни"—или „плѣнной мысли раздраженье"?..

Не успѣвъ повергнуть читателя въ восторгъ передъ радостью жизни, Арцыбашевъ тщетно пытается и напугать его. Жгучесть страсти онъ подмѣняетъ нагроможденіемъ деталей, ненужныхъ, скучныхъ и противныхъ, и ужасъ смерти пытается фальсифицировать тоже нагроможденіемъ страховъ, выдуманныхъ нарочито и тоже только

скуку внушающихъ, совсѣмъ какъ въ плохихъ вещахъ Леонида Андреева, въ родѣ „Краснаго Смѣха“ или „Проклятія Звѣря“. Старый профессоръ Иванъ Ивановичъ въ предсмертную минуту долженъ почему-то дико захохотать. Къ умирающей артисткѣ долженъ почему-то явиться новый докторъ и такъ-таки и брякнуть ей сразу, что ей надо посылать не за докторомъ, а за священникомъ, и т. п. Прямо какъ-то обидно наталкиваться у писателя, несомнѣнно талантливаго, на такіе кляксы, свидѣтельствующіе о недостаточной бдительности и вкуса, и чувства мѣры. Хватаніе черезъ край бываетъ простительно, когда оно обусловлено лихорадочной напряженностью переживаній автора, не подчиняющихся инстинкту художественнаго самообладанія; но въ данномъ случаѣ нагроможденія диктуются не избыткомъ темперамента, а наоборотъ—творческимъ безсиліемъ.

Мнѣ кажется, что въ своемъ послѣднемъ романѣ Арцыбашевъ оказался жертвой довольно элементарной ошибки. Переживаемый нами моментъ богатъ пессимистическими нотами. Какъ чуткій и воспріимчивый писатель, Арцыбашевъ заразился ими и отлилъ ихъ въ фигуру Наумова. Ему слѣдовало взглянуть на этотъ типъ, какъ на одно изъ созданій своего таланта, т.-е. какъ на одинъ изъ доступныхъ ему голосовъ, какъ на одно изъ доступныхъ ему міровоззрѣній. Надо было, далѣе, прислушаться къ другимъ голосамъ, звучащимъ въ душѣ художника, голосамъ діаметрально противоположнымъ, воплотить ихъ тоже въ соотвѣтственные по законченности, глубинѣ и силѣ образы и типы—и заставить ихъ столкнуться съ Наумовымъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Тогда только возникла бы настоящая художественная діалектика, фигура Наумова попала бы въ надлежащую рамку, пріобрѣла бы свойственныя ей пропорціи, а романъ въ цѣломъ отразилъ бы не тенденцію, а истинную правду души автора. Вмѣсто этого Арцыбашевъ началъ подгонять весь романъ подъ идеи, развиваемыя Наумовымъ. Послѣдствія ошибки оказались самыми пагубными. Искренніе, нараставшіе въ душѣ голоса, хватающіе куда глубже Наумовской идеологіи, пришлось скомкать, затушевать, отбросить какъ нѣчто ненужное. Живого же матеріала для оправданія конструкціи не нашлось въ распоряженіи автора, и пришлось ему изъ собственнаго архива вытаскивать давно уже использованное Санинское старье и уснащать имъ новый романъ, далеко не къ выгодѣ послѣдняго.

Опору для такого утвержденія я нахожу въ самомъ романѣ, въ значительномъ количествѣ обрывковъ не-Наумовскихъ настроеній и концепцій, которыя, быть можетъ противъ воли Арцыбашева, мѣстами прорываются и, не находя себѣ надлежащаго мѣста и развитія въ общей конструкціи романа, являются просвѣтами въ совсѣмъ другое

міровоззрѣніе, отъ котораго авторъ упорно отворачивается, хотя, со времени „Смерти Ланде“ и повѣсти о „Рабочемъ Шевыревѣ“, его психика эволюціонируетъ несомнѣнно въ этомъ, не-Санинскомъ и не-Наумовскомъ направленіи.

Возьмемъ хотя бы упомянутое уже мною различеніе между страстью и любовью, столь пренебреженное Арцыбашевымъ въ ту пору, когда онъ писалъ „Санина“. Теперь онъ уже ясно понимаетъ, что дѣло не въ животномъ соединеніи самца и самки, при чемъ они остаются другъ другу безразличны какъ индивидуальности и до момента взрыва, и послѣ него. Нужна длительная связь двухъ индивидуальностей, какъ таковыхъ, связь не физическая только, а и психическая, забота другъ о другѣ, нѣжная чуткость къ горю и радости другъ друга. Такое чувство побѣждаетъ многіе изъ ужасовъ, на которыхъ базируется Наумовъ—и такое чувство мелькаетъ не разъ и въ новомъ романѣ Арцыбашева. На какихъ нѣжныхъ, мягкихъ и чуткихъ нотахъ построенъ весь романъ между докторомъ Арнольди и умирающей Марьей Павловной, сколько „свѣтлой жалости“ сверкаетъ иногда въ отношеніяхъ жены умирающаго профессора къ мужу. Стыдъ и жалость захватываютъ не разъ даже душу Михайлова, когда онъ сталкивается съ страданіемъ, въ которое повергаетъ обиженныхъ имъ дѣвушекъ. Нѣжныя ноты звучатъ въ душѣ офицера Тренева, когда имъ завладѣваетъ предчувствіе, что наглый адъютантъ (кстати сказать, одна изъ самыхъ мелодраматическихъ фигуръ въ романѣ) будетъ убитъ на дуэли—и тутъ уже совершенно ни при чемъ „физическія радости“, тутъ просто способность человѣка содрогнуться передъ участью ближняго. Еще показательнѣе то, что случилось съ этимъ самымъ звѣремъ и негодяемъ адъютантомъ, когда онъ внезапно понялъ всю глубину несчастія Нелли: такъ потрясло его это откровеніе, что онъ весь перерождается морально и со свѣтлымъ лицомъ идетъ на смерть. И сколько еще такихъ черточекъ разсѣяно въ романѣ. И вѣдь каждый подъемъ психической силы, каждая побѣда ея надъ физіологическимъ, примитивнымъ инстинктомъ раскрываетъ новые, свѣтлые горизонты въ удушливомъ царствѣ, бьющемся въ судорогахъ „у послѣдней черты“, разрываетъ огненную нить этой черты и ясно говоритъ о возможности выхода за ея предѣлы. Въ этомъ духовномъ свѣтѣ какъ призракъ исчезаетъ животный ужасъ передъ перспективой личнаго уничтоженія, и новую привлекательность, новый смыслъ пріобрѣтаетъ жизнь, раскрывая невѣдомыя Наумову цѣнности свои. Но упрямо отворачивается авторъ отъ этихъ прозрѣній души своей, радостныхъ и умиротворяющихъ, затушевываетъ великій трагизмъ жизни, одинаково истинной и въ радости, и въ скорби, подгибаетъ все подъ однобокій, дешевый

пессимизмъ и упрямо самъ повторяетъ и героевъ своихъ заставляетъ повторять:

— Унила и безсмысленна человѣческая жизнь.

— Жизнь—только ловушка.

— Наумовъ правъ.

Въ проповѣди самоистребленія, какъ неизбѣжнаго и благороднаго конца для человѣчества, Арцыбашевъ не одинокъ и, боюсь, даже не самостоятеленъ. Недавно вышелъ вторымъ изданіемъ сборникъ прозаическихъ разсказовъ Валерія Брюсова подъ заглавіемъ: „Земная Ось". Написаны разсказы, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера Брюсова, изысканнымъ и даже щегольскимъ стилемъ, сжатымъ, сильнымъ, выразительнымъ. По содержанію далеко не все одинаково цѣнно, но такія вещи, какъ разсказъ „Республика Южнаго Креста" и драма „Земля", положительно недюжинны и производятъ сильное впечатлѣніе. Оба эти произведенія родственны по основной идеѣ и имѣютъ характеръ апокалипсическій, т.-е. даютъ нѣчто въ родѣ видѣній о кончинѣ міра. Впрочемъ, сейчасъ я упоминаю объ этомъ сборникѣ не для того, чтобы анализировать его въ цѣломъ, а только потому, что въ немъ есть мотивы, весьма родственные Арцыбашевскимъ, особенно въ драмѣ „Земля".

Человѣчество прожило уже многіе милліоны вѣковъ, достигло вершинъ мудрости и овладѣнія силами природы, превратило всю землю въ одинъ сплошной стоярусный городъ, прикрытый отъ междупланетнаго пространства непроницаемой крышей, питаемый, освѣщаемый и снабжаемый воздухомъ и водой могучими, вѣчно движущимися машинами. Достигнувъ вершины своего численнаго размноженія и культурности, человѣчество стало склоняться къ духовному упадку и вымирать. Драма застаетъ въ живыхъ лишь два-три милліона людей, сконцентрированныхъ въ сравнительно немногихъ подземныхъ залахъ всемірнаго города: остальныя давно уже необитаемы и погружены въ вѣчный мракъ. И носителемъ остатковъ былой мудрости остался лишь одинъ старикъ, имѣющій немногихъ учениковъ. Конецъ человѣчества близокъ и неизбѣженъ. Безпощадный законъ уничтожитъ тѣхъ, кто остался, и, по мѣрѣ вымиранія, послѣднія особи человѣческія будутъ все болѣе и болѣе дичать. Не мирится съ такой рабьей, подневольной и унизительной перспективой гордость, сохранившаяся еще въ нѣсколькихъ сердцахъ. Создается особое тайное общество слугъ смерти, идейныхъ убійцъ, которые полагаютъ, что благороднѣе человѣчеству самому положить предѣлъ своему существованію, чѣмъ ждать, когда року будетъ угодно опустить послѣднюю сѣкиру на его выю, предварительно унизивъ благородную природу людскую мракомъ одичанія. Мудрецъ и его ученики, наоборотъ, полагаютъ истинную гордость

человѣчества въ томъ, чтобы какъ можно дольше бороться съ рокомъ, а въ послѣдній часъ встрѣтить его разящій мечъ съ гордо поднятой головой и безтрепетнымъ взглядомъ.

Одинъ изъ учениковъ мудреца, въ поискахъ за новыми источниками жизни, проникаетъ въ давно забытые самые верхніе ярусы города, видитъ солнце черезъ стекло окна и возвращается къ своимъ братьямъ полный вдохновенной вѣры въ то, что, поднявъ тяжкую крышу, выйдя на солнце, вступивъ вновь въ союзъ съ природой, человѣчество почерпнетъ новыя силы для новаго расцвѣта. Энтузіазмъ охватываетъ всѣхъ, проникаетъ и въ среду членовъ тайнаго общества поклонниковъ смерти. И вотъ что говоритъ колеблющимся братьямъ глава ордена:

„Вамъ нравятся зачатія и рожденія, крикъ младенцевъ, и опять первые поцѣлуи, и опять первыя объятія—вся сказка вѣковъ и милліоновъ поколѣній! Вамъ хочется паутины жизни, сѣрой и липкой, которая вновь оплела бы землю и вновь заткала бы внутренній свѣтъ освобожденія... За радостные миги, когда вы кричите отъ сладострастія, вы готовы заплатить всѣми жизнями страданій, униженій и позоровъ— и себя самихъ, и своихъ дѣтей. Малодушные!“

Теотль напрасно опасался замысловъ Неватля; послѣдній, поднявъ крышу города, только завершилъ однимъ ударомъ дѣло „освобожденія“, надъ которымъ трудился орденъ. Земная атмосфера давно уже разсѣялась въ междупланетномъ пространствѣ, люди давно уже имѣли только свой искусственный воздухъ, спрятанный подъ непроницаемой крышей, и когда крыша разверзлась, черезъ расщелину, вмѣстѣ съ лучами солнца, ворвалась въ городъ и всеистребляющая смерть.

Проповѣдь Теотля, отрицающая и проклинающая рожденіе, требующая убійства и самоубійства, зовущая людей къ самоистребленію, какъ къ высшему подвигу разума и мужества, въ этихъ чертахъ своихъ (есть въ ней и другія, для Брюсова весьма характерныя, но о нихъ я сейчасъ не говорю) совершенно совпадаетъ съ проповѣдью Наумова. Разница только въ томъ, что Брюсовъ сдѣлалъ изъ этой идеи красивую сказку, а Арцыбашевъ — символъ вѣры для немедленнаго осуществленія...

Тема смерти привлекла вниманіе и еще одного изъ нашихъ художниковъ слова — Бориса Зайцева. Въ послѣднемъ, тринадцатомъ альманахѣ „Шиповника“ находимъ небольшой разсказъ этого автора. такъ и озаглавленный: „Смерть“. Но тутъ уже нѣтъ ни проклятій жизни, ни проповѣди самоистребленія, ни животнаго ужаса передъ концомъ нашего земного существованія. Наоборотъ, смерть является началомъ, примиряющимъ съ жизнью, фактомъ, передъ лицомъ котораго спадаетъ съ человѣка вся шелуха житейскихъ недоразумѣній,

паденій, тягостей, вражды, и обнаруживается истинная природа души, прекрасная, кроткая и любящая. Нѣчто въ родѣ того, что̀ когда-то рисовалась Баратынскому:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.

О, дочь верховнаго Эѳира!
О, свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Павелъ Антоновичъ имѣлъ жену и сына. Кромѣ того онъ любилъ другую женщину, отъ которой у него была дочь. Теперь онъ умираетъ, но мысль о смерти нисколько не пугаетъ его. Нѣтъ въ его сердцѣ и проклятій жизни, хотя она сложилась для него страшно тяжко, не порадовала ни одной удачей, обманула лучшія мечты его юности. Онъ только проситъ жену, неотступно при немъ находящуюся, помириться съ той, съ другой. Но то, что̀ такъ ясно и просто для кончающаго счеты съ жизнью Павла Антоновича, еще невозможно для его жены. Она не внемлетъ мольбамъ мужа; ему тяжко, ѣдкія старческія слезы льются изъ глазъ, но ни бунта, ни проклятій все-таки въ немъ нѣтъ. Мучаетъ болѣзнь, терзаетъ воспоминаніе о причиненномъ дорогимъ людямъ злѣ, томитъ смерть. Не меньше скорбей переживаетъ Павелъ Антоновичъ, чѣмъ Наумовы, но ихъ путемъ не идетъ. Почему? Потому что раскрытъ для него міръ иныхъ настроеній, которыми пренебрегаютъ Наумовы.

„Едва говоря, онъ попросилъ нарвать сирени. Сирень была свѣжая, блѣдно-фіолетовая, съ капельками росы. Вдыхая ея запахъ, онъ слабыми пальцами трогалъ цвѣты. И улыбнулся горько, вспомнивъ, что никогда не могъ найти въ сирени пять лепестковъ—счастья. Потомъ, закрывъ глаза, сталъ думать о Богѣ. Въ это время онъ забылъ о своей жизни, товарищахъ, врагахъ; ему казалось, *Богъ есть, и эта сирень, и вообще прекрасные цвѣты, прекрасная любовь суть именно свидѣтельства и проявленія Бога.* Вспомнивъ же о женщинахъ, которыхъ любилъ, онъ подумалъ, что, быть можетъ, самой дивной, неземной любви, о которой мечталъ въ юности, онъ не зналъ вовсе. Тогда онъ снова взялъ сирень, *поцѣловалъ ее* и мысленно просилъ Бога, чтобы Онъ скорѣе избавилъ его отъ этой несчастной, страдальческой жизни“.

Личная жизнь не удалась, не осуществила всей полноты красоты и любви. Но это не основаніе считать лживымъ призракомъ красоту, любовь и правду вообще. Прекрасны цвѣты, прекрасна природа,

прекрасна робкая мечта человѣка о любви и правдѣ. Стоитъ только раскрыть сердце для многообразныхъ зововъ всей жизни, насъ окружающей и внутри творящейся — и мракъ гнетущихъ насъ индивидуальныхъ бѣдствій, какъ бы тяжки они ни были, растаетъ въ немеркнущемъ свѣтѣ жизни въ цѣломъ, богатой воплощающимися и еще ждущими воплощенія прекрасными возможностями. Достаточно обнять сердцемъ красоту хотя бы одного цвѣтка, полюбить его, чтобы ясно почувствовать, въ чемъ заключается истинная правда сердца, чего оно по истинѣ жаждетъ, чѣмъ оно живо, въ чемъ заключается основной стержень его и жизни вообще. Пусть моя личная слабость, мое несовершенство не дали упиться мнѣ тѣмъ, что одно только на потребу. Пусть, захваченный суетой вѣчной торопливости, я не успѣвалъ углубленно и сосредоточенно вопросить себя, и потому совершалъ поступки по истинѣ ненужные и ложные, причиняя тѣмъ горе и страданіе и себѣ, и близкимъ. Пусть по торопливости и поверхностности я заметался, засуетился, заблудился и не нашелъ пяти лепестковъ въ сирени, но вѣдь эти пять лепестковъ есть, я знаю это точно, и въ минуту сосредоточеннаго созерцанія вижу ихъ ясно. Только ослабѣлъ ужъ я очень, усталъ отъ ненужныхъ порываній, не дотянуться мнѣ до завѣтнаго цвѣтка. Горько, однако „вся вина здѣсь на мнѣ“, и, понимая это, я грущу о моей неудавшейся жизни, но не анаѳематствую жизнь вообще. Наоборотъ, хочу, чтобы другіе, еще не усталые, поняли то, что я теперь понимаю, создали ту красоту, которой я не успѣлъ создать, насладились тѣмъ, чѣмъ мнѣ уже не насладиться. „Желаю тебѣ ясной и свѣтлой жизни,—пишетъ Павелъ Антоновичъ сыну,—помни, другъ мой, что величайшее счастье, какъ и величайшее горе человѣка, есть любовь, и постарайся создать себѣ жизнь достойнѣе отцовской. Меня же, если можешь, пожалѣй; если каплю любишь — помоги: не отталкивай послѣ моей смерти Анну, поддержи Наташу—все-же она тебѣ сестра“.

Грусть смягчается надеждою, что своею смертью, уходомъ изъ жизни, человѣкъ унесетъ изъ жизни и то горе, которое онъ, по неудачливости своей, принесъ другимъ, дорогимъ и близкимъ. И еще другая надежда теплится. Умирающій знаетъ, какъ тяжко будетъ и сыну, и женѣ, если они не послушаются его. Теперь, покорные суетливымъ голосамъ души, они могутъ счесть себя вправѣ оттолкнуть ту, другую—но потомъ, когда поймутъ то, что понимаетъ теперь, въ смертную минуту, Павелъ Антоновичъ, будутъ скорбѣть такъ же, какъ онъ скорбитъ теперь. И жалость за другихъ, дорогихъ, заливаетъ его сердце, и хочется ему спасти ихъ отъ грядущихъ мукъ—и въ этой заботѣ о другихъ растворяется безъ остатка его личная скорбь, и

самая смерть, умудрившая его и помогающая ему спасти другихъ, уже не является для него безсмысленнымъ страшилищемъ.

И онъ правъ: въ минуту кончины еще разъ лепечетъ онъ коснѣющимъ языкомъ свою неотступную просьбу къ женѣ. „Она заплакала, припала къ его щекѣ и сердце ея разорвалось, когда она увидѣла эти большіе, нѣсколько суровые, давно любимые и измученные глаза. Вѣроятно, онъ прочелъ что-то въ ея лицѣ. Онъ качнулъ головой, молча, и произнесъ: Такъ". Смерть мужа, въ самомъ дѣлѣ, что-то шевельнула въ суровомъ, обиженномъ сердцѣ жены. Начался душевный процессъ, медленный, но неуклонно руководимый памятью о почившемъ — не объ обидчикѣ, какимъ его сдѣлала жизнь, а объ иномъ, какимъ его сдѣлала смерть. „Просиживая надъ могилой подолгу, молясь, она ощущала умершаго не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ былъ въ жизни; временное, будничное уходило. Въ воспоминаніяхъ образъ его былъ чище и возвышеннѣй".

Процессъ завершился. Наступила, наконецъ, минута, когда она почувствовала, что простила до глубины сердца. „Теперь, Павелъ Антонычъ, я исполнила, что ты хотѣлъ". Послѣднія узы — земли, жизни — падали... Во снѣ видѣла Павла Антоныча. Онъ былъ ясенъ, говорилъ ей что-то, но что именно, она не могла понять... Черезъ недѣлю она умерла". И не могла не умереть, ибо исполнила задачу жизни, осуществила смыслъ ея — очищеніе и просвѣтленіе души человѣческой, совлекла съ нея все злое, случайное, ненужное, и явила ее въ ея истинной сущности красоты, правды и добра.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Споры о рѣчахъ Вильгельма II въ германскомъ парламентѣ. — Свиданіе монарховъ въ Потсдамѣ. — Конституціонный кризисъ въ Англіи. — Австрійскія дѣла.

Личныя выступленія Вильгельма II за послѣднее время послужили предметомъ запроса въ германскомъ имперскомъ сеймѣ и вызвали интересныя пренія въ засѣданіи 26-го (13-го) ноября. Запросъ, внесенный соціалъ-демократической партіею, основывался на фактическомъ нарушеніи обѣщанія, даннаго два года тому назадъ, отъ имени императора, княземъ Бюловомъ — обѣщанія соблюдать сдержанность въ публичныхъ заявленіяхъ по вопросамъ общей политики. Еще недавно, при посѣщеніи католическаго монастыря близъ Донауэшингена—ре-

зиденціи князя Фюрстенберга, — Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, содержаніе которой чрезвычайно понравилось всѣмъ реакціоннымъ и консервативнымъ партіямъ, особенно католической партіи центра. Въ принципѣ императоръ долженъ стоять внѣ и выше отдѣльныхъ партій, а въ дѣйствительности онъ высказывается въ чисто-партійномъ духѣ, чѣмъ причиняетъ искреннее огорченіе вѣрноподданнымъ нѣмецкимъ либераламъ. Передовыя либеральныя группы не скрывали своего неудовольствія, но все-таки не рѣшались внести этотъ щекотливый вопросъ на обсужденіе парламента. Честь иниціативы въ данномъ случаѣ была предоставлена соціалъ-демократамъ.

Мотивировать запросъ выпало на долю одному изъ самыхъ горячихъ партійныхъ ораторовъ, депутату Ледебуру. Онъ наговорилъ, быть можетъ, много лишняго, но его аргументы производили серьезное впечатлѣніе. Соціалъ-демократы, по его словамъ, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы императоръ высказывался сколько ему угодно и о чемъ угодно безъ всякихъ стѣсненій, ибо его рѣчи вѣрнѣе всякой соціалистической пропаганды способствуютъ распространенію оппозиціонныхъ идей въ народѣ; но по справедливости можно желать, чтобы и народъ получилъ возможность отвѣчать императору, отражать его нападки и опровергать его мнѣнія. Между тѣмъ всякая рѣзкая критика его рѣчей внѣ стѣнъ парламента можетъ повлечь за собою процессъ объ оскорбленіи величества. „Мы требуемъ, — заявлялъ депутатъ Ледебуръ, — чтобы личное вмѣшательство императора въ политику было введено въ извѣстныя законныя границы, такъ какъ это вмѣшательство подвергаетъ опасности жизненные интересы, честь и репутацію Германіи“. Вильгельмъ II ошибается, утверждая, что международный миръ покоится на вооруженіяхъ; въ защиту общаго мира работаютъ народныя массы и, въ частности, соціалъ-демократы. „Нельзя не вспомнить по этому поводу — прибавилъ ораторъ — о великомъ русскомъ писателѣ и мыслителѣ Толстомъ. Онъ зналъ войну не по парадамъ и маневрамъ, а по личному опыту; не было на свѣтѣ болѣе рѣшительнаго противника войны, чѣмъ онъ. Всею силою своей энергіи и своихъ дарованій онъ боролся противъ международныхъ убійствъ; онъ сдѣлалъ въ пользу мира больше, чѣмъ всѣ монархи Европы“. Монархъ обязанъ управлять страною согласно мнѣніямъ и желаніямъ народа; „въ противномъ случаѣ онъ подготовитъ кризисъ, который можетъ окончиться или его личнымъ устраненіемъ, или устраненіемъ монархическаго строя вообще“. Путь, избранный императоромъ въ союзѣ съ клерикалами, не ведетъ къ добру; „по этому пути шли Стюарты въ Англіи и Бурбоны во Франціи; еще на дняхъ шествовалъ по той же дорогѣ молодой король Мануэль-португальскій, который былъ обремененъ по наслѣдству такими же идеями, какъ

Вильгельмъ II, и вынужденъ былъ въ темную ночь покинуть родную землю". Необходимо предпринять что-нибудь для противодѣйствія личному режиму и для устраненія господства бюрократіи; народъ долженъ добиться самоуправленія черезъ посредство парламента. „Министры должны быть только исполнительными органами народной воли; имперскій канцлеръ можетъ назначаться только изъ числа лицъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ". Въ борьбѣ противъ правыхъ „соціалъ-демократы будутъ съ радостью привѣтствовать тѣхъ свободомыслящихъ и прогрессистовъ, которые пожелаютъ присоединиться къ нимъ, въ качествѣ союзниковъ". Эти слова Ледебура вызвали шумное одобреніе въ рядахъ оппозиціи, и оттуда раздался возгласъ: „мы съ радостью будемъ бороться вмѣстѣ съ вами!" Ораторъ закончилъ свою рѣчь нѣсколькими рискованными фразами, доставившими большое удовольствіе консерваторамъ. „Мы твердо по прежнему — сказалъ онъ — держимся республиканскихъ требованій. Какъ и въ другихъ странахъ, въ Германіи долженъ восторжествовать республиканскій духъ. Духъ времени, который императоръ называетъ пагубнымъ, одержитъ побѣду. Но это не мѣшаетъ намъ поддерживать стремленія къ парламентскому владычеству, какое мы видимъ въ Англіи".

Излишняя откровенность депутата Ледебура значительно облегчила задачу обычныхъ враговъ и обличителей соціалъ-демократіи. Такъ какъ самъ Ледебуръ признаетъ свою партію республиканскою, то какую цѣну можетъ имѣть его защита существующей имперской конституціи отъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ посягательствъ императора? Имперскій канцлеръ, Бетманъ-Гольвегъ, въ своемъ отвѣтѣ на предъявленный запросъ, не преминулъ воспользоваться оплошностью оппозиціоннаго оратора. „Разсужденія депутата Ледебура—началъ онъ—ясно показываютъ, что онъ и его партія руководствуются въ данномъ случаѣ не заботою объ общественномъ благѣ, не желаніемъ упрочить конституціонныя учрежденія, а напротивъ, страстною враждою къ нашей конституціи. Вѣдь онъ самъ только что заявилъ о республиканскомъ характерѣ своей партіи. Въ этомъ нѣтъ, разумѣется, ничего новаго; но никогда еще конечная цѣль соціалъ-демократіи не выставлялась передъ обществомъ съ такою опредѣленностью, какъ сегодня. По крайней мѣрѣ теперь вся страна будетъ знать, къ какой цѣли вы стремитесь. Если вы хотѣли достигнуть этой ясности, то можно поздравить васъ съ успѣхомъ". Нѣтъ сомнѣнія, что намекъ на республику дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на умѣренныхъ либераловъ; но даже самые скромные нѣмецкіе патріоты могли бы замѣтить, что политическая программа соціалъ-демократіи издавна всѣмъ извѣстна и что стремленіе къ республикѣ, какъ къ конечной цѣли, нисколько не исключаетъ возможнаго усовершенствованія монархическаго строя

въ смыслѣ приближенія его къ парламентаризму. Между теоретическими, принципіальными программами и текущими практическими задачами всегда замѣчается существенное различіе, и это обстоятельство повсюду признается вполнѣ естественнымъ, какъ противорѣчіе между теоріею и практикою, между идеаломъ и его примѣненіемъ. Въ программѣ любой изъ реакціонныхъ партій, на которыя опирается правительство Бетмана-Гольвега, содержатся высокіе принципы, совершенно чуждые ихъ практической дѣятельности; объ этихъ принципахъ стараются забыть сами представители заинтересованныхъ партій, чего никакъ нельзя сказать о соціалъ-демократахъ.

По существу вопроса имперскій канцлеръ ограничился чисто-формальными соображеніями. Король-императоръ, по мнѣнію Бетмана-Гольвега, ни въ чемъ не нарушилъ своихъ обязательствъ и не вышелъ изъ предѣловъ своихъ конституціонныхъ полномочій; онъ имѣетъ полное право публично подтверждать свое религіозное міросозерцаніе и свою увѣренность въ самостоятельномъ источникѣ своей власти. „Личная безотвѣтственность короля, первобытность монархическаго права, независимость его отъ народнаго верховенства—это основныя черты прусской государственной жизни, которыя сохранились и въ періодъ конституціоннаго развитія. Когда прусскій король, въ противовѣсъ перемѣнчивымъ общественнымъ взглядамъ, ссылается на свою совѣсть, какъ на руководящую нить своей дѣятельности, то это онъ дѣлаетъ въ силу сознанія полноты своего права и своихъ обязанностей. Въ этомъ пониманіи положенія императора и короля мы стоимъ на конституціонной почвѣ".

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ выяснилась противоположность точекъ зрѣнія различныхъ парламентскихъ партій, при чемъ большинство было, конечно, на сторонѣ правительства. Отъ имени центра говорилъ баронъ Гертлингъ, который съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался на религіозныхъ идеяхъ императора и не находилъ въ нихъ никакого отступленія отъ началъ конституціонной монархіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взывалъ къ единенію всѣхъ нравственныхъ силъ для совмѣстной борьбы противъ атеизма и вольнодумства крайнихъ политическихъ группъ. Вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, одобрилъ заявленіе канцлера, но настоятельно требовалъ энергическихъ мѣръ противъ соціалъ-демократіи, подрывающей всѣ нравственныя и политическія основы современнаго гражданскаго общества. Предводитель національ-либераловъ, Бассерманъ, произнесъ обстоятельную дѣловую рѣчь, въ которой съ возможною объективностью разобралъ доводы интерпеллянтовъ и возраженія ихъ противниковъ. Онъ находитъ и тѣхъ и другихъ неправыми, но признаетъ основательными нѣкоторые упреки, обращаемые къ монарху. „Хотя мы всѣ убѣждены—говоритъ

опъ—въ искренности чувствъ, одушевляющихъ императора при обсужденіи извѣстныхъ вопросовъ, но мы все-таки должны желать большей сдержанности, требуемой прежде всего интересами самой короны, и я думаю, что канцлеръ заслужилъ бы благодарпость народа, еслибы онъ старался слѣдовать въ этомъ направленіи по стопамъ своего предмѣстника. Мы не можемъ считать правильнымъ, чтобы носитель короны становился въ центрѣ партійнаго спора, который притомъ, къ сожалѣнію, часто переходитъ за черту обязательнаго благоговѣйнаго отношенія къ императору". Въ то же время Бассерманъ совѣтуетъ соціалъ-демократамъ не подчеркивать своихъ республиканскихъ идей, отказаться отъ революціонныхъ плановъ и примириться съ монархіею: тогда они могли бы дѣйствовать за-одно со всѣми либеральными партіями. При настоящихъ же условіяхъ, „чѣмъ рѣзче будутъ они выступать противъ монархическаго принципа, тѣмъ сильнѣе значительные слои нѣмецкаго общества будутъ чувствовать потребность опираться на крѣпкую монархію". Соціалъ-демократы не послушались Бассермана и не увлеклись перспективою превращенія въ союзниковъ національ-либераловъ.

Всецѣло въ защиту запроса и его авторовъ высказался ораторъ прогрессивной народной партіи, фонъ-Пайеръ. Ссылка на божественное право — объясняетъ онъ — не соотвѣтствуетъ тому факту, что власть монарха опредѣляется конституціонными законами и ограничивается парламентскими постановленіями. „Въ Германской имперіи нѣтъ подданныхъ, а есть только граждане, изъ которыхъ каждый можетъ заявлять притязаніе на гарантированныя ему государственныя права въ той же мѣрѣ, какъ и германскій императоръ. И парламентъ имѣетъ права, предъ которыми должна останавливаться высшая воля въ государствѣ, если право должно оставаться правомъ". Нѣтъ ничего несправедливаго или обиднаго для императора въ требованіи, чтобы онъ признавалъ себя конституціоннымъ государемъ, правителемъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Что его рѣчи имѣютъ вызывающій оттѣнокъ и могутъ быть истолкованы въ пользу опредѣленныхъ реакціонныхъ стремленій—это, по словамъ фонъ-Пайера, видно уже изъ того, что партіи консерваторовъ и центра заговорили теперь тономъ побѣдителей и стали вновь поддерживать требованія и претензіи, которыя до недавняго времени казались слишкомъ смѣлыми и односторонними. Пассивное отношеніе канцлера къ этимъ политическимъ аномаліямъ, по мнѣнію фонъ-Пайера, недопустимо. Въ томъ же духѣ, но съ примѣсью язвительнаго остроумія, говорилъ второй соціалъ-демократическій ораторъ, д-ръ Давидъ. Если слѣдовать толкованію канцлера, что формула „Божіею милостью" означаетъ лишь вѣру въ Бога, то и имперскій сеймъ существуетъ Бо-

жіею милостью, и сами соціалъ-демократы существуютъ и умножаются Божіею милостью. „Милость Божія—замѣчаетъ д-ръ Давидъ—обратилась въ нашу сторону при дополнительныхъ частичныхъ выборахъ". Императоръ отозвался отрицательно объ общественныхъ чувствахъ и стремленіяхъ женщинъ; поэтому всѣ просвѣщенныя нѣмецкія женщины должны примкнуть къ соціалъ-демократіи, когда наступитъ моментъ борьбы за народныя права. „Воля народа есть высшій законъ".

Пренія закончились небольшою рѣчью консерватора фонъ-Дирксена, члена имперской партіи, который нашелъ, что все обсужденіе внесеннаго запроса было только напрасною потерею времени. „Многихъ стѣсняетъ—сказалъ между прочимъ Дирксенъ—энергическая личность Вильгельма II. Ихъ идеалъ—маріонетка. Но мы желаемъ имѣть короля, стоящаго надъ партіями, въ видѣ спокойнаго центра. Если король и ошибается иногда, какъ всякій человѣкъ, то онъ все-таки проникнутъ наилучшими намѣреніями. Бебель сказалъ однажды, что Гогенцоллерны никогда не мѣняются. Пусть Гогенцоллерны всегда останутся такими, какъ они есть". Консервативный патріотъ Дирксенъ незамѣтно, противъ своей воли, подтвердилъ въ сущности все то, что говорили ораторы оппозиціи. Если король долженъ стоять надъ партіями, внѣ и выше ихъ, то онъ не можетъ выражать свою солидарность и сочувствіе одной партіи, а порицаніе—другой; онъ долженъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относиться какъ къ консерваторамъ, аграріямъ и клерикаламъ, такъ и къ передовымъ прогрессистамъ и соціалъ-демократамъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что даже ошибки короля истекаютъ изъ добрыхъ намѣреній—но тогда не слѣдуетъ приписывать ему непогрѣшимость, освобождающую его отъ общественнаго контроля и отъ перемѣнчивыхъ вліяній народнаго мнѣнія; тогда нѣтъ и повода ссылаться на непосредственныя внушенія свыше. Что же касается добрыхъ намѣреній, то давно уже сказано, что ими вымощенъ адъ. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія консерватора Дирксена своеобразныя „божественныя" рѣчи Вильгельма II не имѣютъ за собою внутренняго оправданія. Впрочемъ, и предположенія оппозиціи о вредныхъ послѣдствіяхъ этихъ рѣчей могутъ казаться преувеличенными, если принять во вниманіе ту свободу критики, которая безпрепятственно примѣняется къ нимъ въ значительной части нѣмецкой печати.

Въ области внѣшней политики императоръ Вильгельмъ II пользуется гораздо большею свободою дѣйствій и менѣе подвергается критикѣ, чѣмъ въ дѣлахъ внутреннихъ. Всѣ признаютъ за нимъ замѣчательное искусство въ устройствѣ выгодныхъ для Германіи между-

народныхъ комбинацій. Нельзя, поэтому, удивляться и тѣмъ толкамъ, которые были вызваны въ западно-европейской печати недавнимъ свиданіемъ двухъ императоровъ въ Потсдамѣ. Говорили, что Вильгельму II удалось опять вовлечь Россію въ кругъ своего политическаго вліянія, что при его посредничествѣ вновь возстановлены старыя русско-австрійскія связи и что представляется, будто бы, вполнѣ возможною какая-то коренная перемѣна въ общей группировкѣ великихъ европейскихъ державъ. Симптомы предстоящаго поворота усматривались и въ рѣзкихъ выходкахъ нѣкоторыхъ нашихъ реакціонеровъ по адресу Франціи, и въ пренебрежительномъ тонѣ разсужденій извѣстной части нашей печати по поводу внутреннихъ французскихъ дѣлъ. Дружеское свиданіе монарховъ, имѣвшее мѣсто 4—5-го ноября (нов. ст.) въ обычной резиденціи прусскаго короля, было несомнѣнно крупнымъ политическимъ фактомъ и указывало на смягченіе той натянутости, которая давала себя чувствовать въ русско-германскихъ и особенно въ русско-австрійскихъ отношеніяхъ со времени крутой развязки боснійскаго вопроса. Оффиціозный берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты“ удостовѣряетъ, что „при переговорахъ и бесѣдахъ между вновь назначеннымъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, имперскимъ канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ и статсъ-секретаремъ фонъ-Кидерленъ-Вехтеромъ были подробно обсуждены всѣ тѣ пункты, въ которыхъ замѣшаны германскіе интересы и которые могли бы привести къ разногласіямъ и затрудненіямъ между Россіею и Германіею“. „Весьма утѣшительный результатъ этихъ прямодушныхъ переговоровъ — замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ—заключается въ томъ, что обѣ стороны согласились въ будущемъ вступать въ непосредственныя сношенія для откровенныхъ взаимныхъ объясненій при всякихъ возникающихъ недоразумѣніяхъ“.

Это дѣловое сближеніе съ Германіею не можетъ, конечно, повліять на характеръ нашего союза съ Франціею, который покоится не только на общности политическихъ интересовъ, но и на твердыхъ финансовыхъ основаніяхъ. Каковы бы ни были личныя чувства и желанія нашихъ вліятельныхъ „патріотовъ“, нѣтъ возможности отрицать, что, кромѣ соображеній политическаго равновѣсія, насъ неразрывно связываютъ съ французскою націею какъ тѣ милліарды, которые помѣщены ею въ нашихъ займахъ, такъ и тѣ, которые намъ предстоитъ еще занять у французовъ въ будущемъ. Въ финансовомъ отношеніи французскій союзъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ, и уже по одной этой причинѣ, независимо отъ всѣхъ прочихъ, онъ составляетъ для насъ безусловную необходимость. Съ другой стороны, и Франція нуждается въ русскомъ союзѣ, тогда какъ Германія отлично обходится безъ насъ, имѣя за собою Австро-Венгрію и отчасти Италію. Притомъ близость съ Франціею обезпечиваетъ намъ постоянное и

прочное соглашеніе съ Англіею, которое является, безспорно, однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общаго международнаго мира въ Европѣ и въ Азіи. Мы можемъ, поэтому, вполнѣ спокойно оставлять безъ вниманія періодически возникающіе слухи объ ослабленіи франко-русскаго союза и о замѣнѣ его другою политическою комбинаціею.

Въ Англіи конституціонный кризисъ, связанный съ вопросомъ о реформѣ верхней палаты, развивается съ неожиданною быстротою и близится къ окончательной развязкѣ.

Какъ извѣстно, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между обѣими палатами британскаго парламента былъ формально возбужденъ четыре года тому назадъ покойнымъ Кемпбелль-Баннерманомъ, послѣ отклоненія лордами правительственнаго школьнаго билля. Либеральная партія издавна чувствовала ненормальность своего положенія при существованіи полноправной аристократической палаты: консерваторы, даже будучи въ меньшинствѣ и находясь въ оппозиціи, держатъ законодательную власть въ своихъ рукахъ и могутъ парализовать дѣятельность парламентскаго большинства при помощи солидарной съ ними палаты лордовъ. Пока власть принадлежитъ консерваторамъ, обѣ палаты дѣйствуютъ заодно; при либеральномъ же министерствѣ оппозиція располагаетъ верхнею палатою и превращаетъ ее въ орудіе борьбы противъ народной воли, выраженной путемъ парламентскихъ выборовъ. Опираясь на лордовъ, вожди консервативной оппозиціи контролируютъ либеральное законодательство и останавливаютъ его ходъ по своему усмотрѣнію. Какимъ бы большинствомъ ни располагала либеральная партія въ парламентѣ, она всегда находится въ зависимости отъ консерваторовъ, господствующихъ въ верхней палатѣ и имѣющихъ возможность наложить свое *вето* на важнѣйшія законодательныя рѣшенія палаты общинъ.

Противъ этого права *вето* и предпринята была либералами энергическая кампанія. Въ іюнѣ 1907-го года палата общинъ, большинствомъ 434 противъ 149 голосовъ, одобрила внесенную правительствомъ резолюцію, направленную къ тому, чтобы обезпечить первенство и преобладаніе выборной палаты въ дѣлахъ законодательствъ. Борьба на нѣкоторое время затихла, но разгорѣлась съ новою силою, когда лорды въ 1909-мъ году отвергли цѣликомъ весь бюджетъ, принятый палатою общинъ. Правительство вынуждено было обратиться къ избирателямъ. Парламентскіе выборы рѣшили дѣло противъ лордовъ. Новая палата собралась въ февралѣ настоящаго года. Въ засѣданіи 29-го марта премьеръ Асквитъ внесъ свои „резолюціи“, которыми съ достаточною ясностью опредѣлялась сущность предположенной кон-

ституціонный реформы. Во-первыхъ, палата лордовъ должна быть лишена по закону права отклонять и исправлять финансовые билли; во-вторыхъ, всѣ прочіе законопроекты, трижды принятые палатою общинъ и отвергнутые лордами въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ сессій, получаютъ законную силу безъ согласія верхней палаты, если отъ первоначальнаго внесенія билля въ палату общинъ до принятія его въ третій разъ прошло не менѣе двухъ лѣтъ. Послѣ обстоятельнаго обсужденія этихъ резолюцій палата приняла ихъ 14-го (1-го) апрѣля значительнымъ большинствомъ голосовъ; въ тотъ же день правительство представило соотвѣтствующій этимъ резолюціямъ законопроектъ, который и былъ одобренъ въ первомъ чтеніи. Тѣмъ временемъ, въ теченіе марта, шло параллельное обсужденіе конституціонной реформы въ палатѣ лордовъ, по резолюціямъ гр. Розбери, при чемъ имѣлось въ виду преобразованіе состава верхней палаты, независимо отъ вопроса о предѣлахъ ея полномочій. Предложенія лорда Розбери, ставящія извѣстныя границы принципу наслѣдственности, были приняты лордами послѣ продолжительныхъ преній; но главный предметъ спора—объемъ правъ верхней палаты—остался незатронутымъ, и потому эта попытка не могла способствовать желательному разрѣшенію кризиса.

Неожиданная смерть короля Эдуарда, (6-го мая нов. ст.), охладила горячность партійной борьбы и побудила обѣ стороны искать мирнаго соглашенія, цѣною обоюдныхъ уступокъ. Рѣшено было устроить секретныя совѣщанія между главными представителями обѣихъ партій—правительственной и оппозиціонной. Первое собраніе этой примирительной междупартійной конференціи состоялось 17-го (4-го) іюня, при участіи восьми человѣкъ, по четыре представителя съ каждой стороны: отъ правительственной партіи были делегатами премьеръ Асквитъ, лидеръ верхней палаты лордъ Крю, канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ и статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи Биррель; со стороны оппозиціи — Бальфуръ, лордъ Лэнсдаунъ, лордъ Каудоръ и Остинъ Чемберлэнъ. Конференція собиралась двадцать одинъ разъ, и послѣ послѣдняго ея засѣданія, 10-го ноября (нов. ст.), стало извѣстно, что никакого соглашенія не достигнуто. Обѣ стороны разошлись въ воинственномъ настроеніи, съ готовностью идти на встрѣчу дальнѣйшимъ событіямъ. Правительство не видѣло другого исхода, кромѣ роспуска парламента и назначенія новыхъ выборовъ.

Парламентъ собрался 15-го (2-го) ноября послѣ трехмѣсячнаго перерыва. Вождь оппозиціоннаго большинства въ палатѣ лордовъ, маркизъ Лэнсдаунъ, потребовалъ отъ правительства, чтобы оно внесло въ палату свой парламентскій билль. Это желаніе оппозиціи было исполнено графомъ Крю на слѣдующій день, 16-го, и парламентскій

билль поступилъ на разсмотрѣніе лордовъ, хотя безполезность этого шага была для всѣхъ очевидна. Лордъ Розбери предложилъ свои дополнительныя резолюціи о реформѣ состава верхней палаты; но уже 18-го (5-го) правительство сообщило палатамъ о своемъ рѣшеніи распустить парламентъ тотчасъ послѣ принятія существенныхъ отдѣловъ бюджета и нѣкоторыхъ второстепенныхъ законопроектовъ.

Въ палатѣ лордовъ, 21-го ноября, происходило второе чтеніе правительственнаго парламентскаго билля; лордъ Крю произнесъ большую объяснительную рѣчь, на которую отвѣчалъ лордъ Лэнсдаунъ, и пренія приняли неожиданный оборотъ: вождь оппозиціи заявилъ о своемъ намѣреніи внести свои контръ-предложенія и просилъ, поэтому, отложить разсмотрѣніе правительственнаго билля на два дня. Лордъ Крю съ недоумѣніемъ спрашивалъ, почему эти предложенія не вносятся въ видѣ поправокъ къ обсуждаемому биллю; но консервативные ораторы давали понять, что для нихъ очень важно выступить теперь же съ опредѣленною реформаторской программою, въ виду предстоящихъ выборовъ. Лордъ Лэнсдаунъ внесъ свои контръ-предложенія 23-го ноября; сущность ихъ заключалась въ томъ, что въ случаѣ упорнаго разногласія между обѣими палатами вопросъ рѣшается въ соединенномъ засѣданіи ихъ; если же споръ касается интересовъ и вопросовъ особенной важности, относительно которыхъ народъ не имѣлъ еще случая высказаться съ достаточною опредѣленностью, то дѣло передается на рѣшеніе избирателей, путемъ народнаго голосованія. Лорды отказываются отъ права отвергать или исправлять чисто-финансовые билли, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній истинный характеръ спорнаго билля подвергался тщательной провѣркѣ въ соединенной коммиссіи обѣихъ палатъ, подъ предсѣдательствомъ спикера.

Эти контръ-предложенія, крайне либеральныя на первый взглядъ, обходятъ молчаніемъ основной вопросъ объ ограниченіи правъ верхней палаты сравнительно съ полномочіями выборныхъ народныхъ представителей. На практикѣ положеніе лордовъ только усилилось бы при системѣ соединенныхъ собраній обѣихъ палатъ, такъ какъ огромное консервативное большинство верхней палаты, вмѣстѣ съ меньшинствомъ палаты общинъ, легко доставляло бы перевѣсъ консерваторамъ, даже послѣ несомнѣннаго торжества либераловъ на выборахъ. Контръ-предложенія лорда Лэнсдауна вызвали рѣзкую критику со стороны немногихъ либеральныхъ лордовъ, но послѣ двухдневныхъ преній были приняты безъ голосованія, 24-го (11-го) ноября. Нѣсколько дней спустя, 28-го числа, въ палатѣ лордовъ, въ присутствіи членовъ палаты общинъ, была прочитана рѣчь короля, которою засѣданія парламента отсрочены до 15-го (2-го) декабря; затѣмъ королевскимъ при-

казомъ объявленъ роспускъ палаты общинъ, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ. Срокъ созыва новаго парламента—31-го (18-го) января будущаго года.

Избирательная борьба началась еще до открытія заключительной краткой сессіи парламента и дѣятельно велась во время послѣднихъ его засѣданій. Главные ораторы обѣихъ партій, начиная съ Асквита и Бальфура, выступали уже съ своими програмными рѣчами въ различныхъ пунктахъ страны. Борьба ведется горячо и страстно съ обѣихъ сторонъ; кромѣ доводовъ разсудка и логики, пускаются въ ходъ личные уколы и нападки. Либеральная партія и поддерживаемый ею кабинетъ Асквита находятся теперь въ условіяхъ довольно затруднительныхъ, не обѣщающихъ имъ вѣрнаго успѣха въ избирательной кампаніи. Либералы вынуждены были вступить въ соглашеніе съ ирландскими автономистами, безъ которыхъ они не располагали бы большинствомъ въ парламентѣ; предводитель ирландской группы, Джонъ Редмондъ, получилъ возможность ставить правительству свои условія, и онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ для того, чтобы вновь выдвинуть на первый планъ вопросъ объ ирландской автономіи. Въ случаѣ побѣды либераловъ, правительство внесетъ въ парламентъ проектъ „гомруля", способный удовлетворить ирландцевъ: таковъ первый результатъ парламентскаго союза, котораго добился Редмондъ. Между тѣмъ, идея гомруля далеко не пользуется популярностью въ широкихъ массахъ англійскихъ избирателей и до сихъ поръ вызываетъ ожесточенные протесты среди патріотовъ, принимающихъ близко къ сердцу интересы и чувства вліятельной протестантской части населенія Ирландіи. На необыкновенно многолюдномъ митингѣ въ Бельфастѣ патріотическое воодушевленіе мѣстныхъ обывателей дошло до того, что участники рѣшили организовать вооруженное сопротивленіе противъ всякой попытки принудительнаго гомруля; для этой цѣли было тутъ же собрано свыше десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Введеніе гомруля въ той или другой формѣ представляется большинству англичанъ слишкомъ рискованною и опасною мѣрою, и на этой почвѣ консерваторы-уніонисты могутъ наносить сильные удары либераламъ.

Съ другой стороны, министерство должно было сблизиться также съ рабочею группою, которая вошла и входитъ въ общій составъ либеральной партіи; а требованія и стремленія рабочихъ далеко не соотвѣтствуютъ интересамъ господствующаго промышленнаго класса и часто рѣшительно противорѣчатъ имъ. Опасность гомруля и соціализма—таковъ лозунгъ нынѣшней оппозиціи, и нельзя отрицать, что значительныя массы британскаго населенія склонны поддаться этимъ предостерегающимъ призывамъ уніонистовъ. Либералы имѣютъ только одно оружіе—неудовольствіе противъ несправедливыхъ привилегій и

притязаній лордовъ; но и это оружіе притупилось и ослабѣло, вслѣдствіе своевременныхъ уступокъ и кажущагося либерализма верхней палаты. Вѣдь лорды скромно подчинились народному приговору и приняли безъ возраженій отвергнутый и вновь предложенный имъ бюджетный билль Ллойда-Джорджа; они утвердили и новый бюджетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ прошелъ въ нижней палатѣ. Трудно будетъ убѣдить англійскихъ избирателей, что лорды отстаиваютъ свое право *вето* и возстаютъ противъ общественнаго и народнаго мнѣнія: вѣдь палата лордовъ сама отказывается отъ своихъ правъ относительно финансовыхъ биллей и идетъ даже дальше либераловъ въ своемъ демократизмѣ, предлагая республиканскій принципъ референдума для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Частые парламентскіе выборы чрезвычайно дорого обходятся странѣ и народу, не говоря уже о самихъ кандидатахъ и поддерживающихъ ихъ организаціяхъ; а въ данномъ случаѣ оппозиція имѣетъ нѣкоторое основаніе утверждать, что роспускъ не былъ вызванъ необходимостью и что за него отвѣтственны либералы, а не консерваторы-уніонисты. Передовые прогрессивные ораторы всегда найдутъ благодарный матеріалъ для критики и насмѣшекъ, имѣя предъ собою партію герцоговъ и ихъ союзниковъ; но странѣ предстоитъ теперь рѣшить вопросъ не о герцогахъ и не о денежной аристократіи, а объ извѣстномъ компромиссѣ для урегулированія отношеній между палатою лордовъ и народнымъ представительствомъ. Подобные компромиссы неспособны увлекать кого бы то ни было, не вызываютъ подъема общественнаго настроенія, не затрагиваютъ живыхъ силъ и чувствъ народной массы. Споръ идетъ между двумя скромными формулами взаимодѣйствія двухъ существующихъ законодательныхъ палатъ, и если задать себѣ вопросъ, которая изъ этихъ формулъ шире и смѣлѣе, то по внѣшнимъ признакамъ, въ глазахъ зауряднаго обывателя, преимущество можетъ оказаться на сторонѣ уніонистской формулы, съ ея референдумомъ. Тѣмъ не менѣе партійная полемика ведется съ обѣихъ сторонъ въ обычномъ повышенномъ тонѣ.

Оппозиціонные дѣятели подчеркиваютъ то обстоятельство, что союзники либераловъ, ирландцы, ведутъ свою агитацію при помощи иностранныхъ капиталовъ и что всѣ средства на избирательную кампанію въ Ирландіи получаются Джономъ Редмондомъ изъ Америки. Канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ, замѣчаетъ по этому поводу, что партія герцоговъ не можетъ жаловаться на американскіе доллары или считать привлеченіе ихъ предосудительнымъ, такъ какъ сами герцоги охотно принимаютъ иностранные милліоны въ видѣ приданаго; такъ напримѣръ, герцогъ Мальборо получилъ десять милліоновъ долларовъ за своею женою, дочерью милліардера Вандербильта. Въ

рѣчи, сказанной затѣмъ въ Вудстонѣ, герцогъ Мальборо упомянулъ о томъ, что еще не такъ давно Ллойдъ-Джорджъ гостилъ у него въ замкѣ Бленгеймъ и былъ принятъ какъ джентльменъ, а нападать на политическихъ противниковъ, задѣвая ихъ женъ, едва ли совмѣстимо съ чувствомъ порядочности. Герцогъ Мальборо принялъ видъ оскорбленнаго, конечно, только потому, что это предписывается тактикою борьбы: вѣдь онъ же обвинялъ ирландцевъ и ихъ союзниковъ въ пользованіи американскими долларами; а въ указаніи на то, что его супруга, какъ дочь милліардера, получила многомилліонное приданое, нѣтъ для нея, разумѣется, ничего обиднаго. Стремленіе уязвить противниковъ или выставить ихъ въ дурномъ свѣтѣ проявляется одинаково во всѣхъ партіяхъ; подъ вліяніемъ избирательной горячки легко забываются обычныя правила вѣжливости и приличія. Даровитые и популярные ораторы, какъ Ллойдъ-Джорджъ и Черчилль, привлекаютъ слушателей своимъ неистощимымъ остроуміемъ, находчивостью и въ то же время искреннею убѣжденностью; они вѣроятно одержали бы верхъ надъ всякимъ противникомъ при публичномъ словесномъ спорѣ,—но результатъ выборовъ отъ этого не зависитъ. Серьезную роль въ современной избирательной агитаціи играютъ и женщины, добивающіяся избирательныхъ правъ,—а этотъ вліятельный женскій элементъ относится враждебно къ вождямъ либеральной партіи и къ главнымъ членамъ правительства. Страхъ передъ призракомъ возрожденнаго гомруля, боязнь соціалистическихъ вліяній, незначительность и слабость возвѣщенныхъ парламентскихъ перемѣнъ,—все это усиливаетъ позицію уніонистовъ и консерваторовъ, предводимыхъ такими опытными политическими стратегами, какъ Бальфуръ, Чемберлэнъ и лордъ Лэнсдаунъ. Какъ бы то ни было, обстановка начавшейся борьбы не говоритъ въ пользу неминуемаго торжества либеральнаго кабинета и его союзниковъ: какъ почва для состязанія, такъ и моментъ для рѣшительной встрѣчи выбраны, повидимому, не совсѣмъ удачно.

Засѣданія австрійской и венгерской делегацій обыкновенно мало обращаютъ на себя вниманія въ Европѣ. Всѣ заранѣе знаютъ, что австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ прочтетъ длинный, утомительно-скучный канцелярскій докладъ, свидѣтельствующій о полномъ благополучіи во всѣхъ областяхъ дѣятельности вѣнскаго кабинета; заранѣе извѣстно также, что оппозиціонныя рѣчи чеховъ и прочихъ славянъ будутъ выслушаны съ нѣкоторымъ вниманіемъ и затѣмъ будутъ оставлены безъ послѣдствій.

На этотъ разъ произошло нѣчто другое: мирная дипломатиче-

ская атмосфера австрійской делегаціи была неожиданно нарушена крупнымъ скандальнымъ эпизодомъ, поставившимъ въ тупикъ даже уравновѣшеннаго и увѣреннаго въ себѣ графа Эренталя. Въ засѣданіи 11-го ноября (нов. ст.) одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и авторитетныхъ членовъ австрійскаго парламента, профессоръ Масарикъ, категорически заявилъ, что подложные документы, послужившіе матеріаломъ для извѣстныхъ „разоблаченій“ д-ра Фридъюнга, были сфабрикованы при ближайшемъ участіи австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ, графа Форгача, и что объ этомъ долженъ былъ знать самъ графъ Эренталь. Министръ пробовалъ отнестись къ этимъ указаніямъ какъ къ „инсинуаціямъ“, но когда взволнованный проф. Масарикъ выразилъ готовность представить неопровержимыя доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ, Эренталь остался сидѣть на своемъ мѣстѣ, не зная, что̀ отвѣчать, и только нѣсколько минутъ спустя поднялся для краткаго голословнаго заявленія, что „графъ Форгачъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ составителемъ подложныхъ документовъ“. Вся эта сцена произвела на присутствовавшихъ такое впечатлѣніе, какъ будто внезапно, на одно мгновеніе, былъ брошенъ лучъ свѣта въ одинъ изъ скрытыхъ угловъ закулисной политической лабораторіи, подготовляющей нужные матеріалы для достиженія маленькихъ цѣлей такъ называемой текущей политики. Изъ этой лабораторіи выходятъ свѣдѣнія о мнимыхъ заговорахъ хорватскихъ и сербскихъ дѣятелей, о преступныхъ сношеніяхъ ихъ съ чужими правительствами и т. п., и такимъ образомъ систематически создаются и поддерживаются аргументы для оправданія традиціоннаго положенія славянскихъ народностей, подвластныхъ нѣмцамъ и особенно мадьярамъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина. (Библіографическое описаніе). Отд. оттискъ изъ изданія: „Пушкинъ и его современники“, вып. IX — X. Спб. 1910.

Умирая, Пушкинъ тоскливо обводилъ глазами свои полки съ книгами, прощаясь навѣки съ ними, какъ съ лучшими друзьями. Значительная часть библіотеки поэта, болѣе или менѣе пощаженная временемъ, сыростью, мышами, а также и людьми, дошла до насъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ была куплена въ казну за 18.000 рублей.

Сумма эта непомѣрно велика (въ библіотекѣ, тысячи въ три томовъ, очень мало рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ), но владѣльцы ея сумѣли воспользоваться нѣкоторыми благопріятными обстоятельствами. Къ тому же для насъ имѣетъ значеніе не самая библіотека, а точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о ея составѣ. Они-то и даются описаніемъ, которое составилъ, внимательно и систематично, г. Модзалевскій, старательно перелистовавшій каждую книгу.

Изъ 1.522 названій въ библіотекѣ Пушкина русскихъ книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается немногимъ болѣе трети (529 номеровъ); остальныя по большей части—французскія. Составитель описанія распредѣлилъ ихъ по содержанію на слѣдующіе отдѣлы: богословіе, философія, народная словесность, изящная словесность, драматическія произведенія, теорія словесности, исторія литературы, исторія, исторія церкви, географія, путешествія, современныя описанія государствъ, статистика, этнографія, естествознаніе и медицина, юриспруденція, языкознаніе и „смѣсь“. Пользованіе описаніемъ облегчаютъ указатели собственныхъ именъ и географическихъ названій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, годовъ и мѣстъ изданія книгъ и даже типографій, въ которыхъ онѣ печатались; при такой предусмотрительности является недостаткомъ отсутствіе указателя, въ которомъ книги, хоть за исключеніемъ русскихъ и французскихъ, были бы распредѣлены по языкамъ (нѣмецкій, англійскій, итальянскій, латинскій, греческій, польскій, испанскій, еврейскій). Всюду указывая имена авторовъ анонимныхъ сочиненій, г. Модзалевскій, однако, не отмѣтилъ, что „Явленіе Венеры на солнцѣ“ принадлежитъ Ломоносову, а „Kordjan“—Ю. Словацкому; „Les Consolations“ (№ 812)—кажется, Сентъ-Бёва. Жаль также, что не весь указатель составленъ по номерамъ книгъ, а большею частью по страницамъ; тогда онъ былъ бы удобнѣе. Зато составитель не полѣнился приложить списокъ книгъ, принадлежавшихъ Пушкину, но не имѣющихся въ его библіотекѣ. Вообще книгъ болѣе или менѣе интересныхъ и цѣнныхъ, которыя когда-то, несомнѣнно, были у Пушкина, теперь нѣтъ. Такъ, нѣтъ въ библіотекѣ „Путешествія N. N. въ Парижъ и Лондонъ“ И. И. Дмитріева, Радищевскаго „Путешествія“, попавшаго въ Публичную библіотеку, романовъ В. А. Ушакова, Погорѣльскаго, нѣкоторыхъ сочиненій Погодина, Гоголя, Жуковскаго, Булгарина, Полнаго Собранія Законовъ, которыя у Пушкина должны были имѣться; нѣтъ ни № „Телескопа“ съ знаменитымъ „письмомъ“ Чаадаева, ни отдѣльнаго оттиска, который былъ посланъ Чаадаевымъ Пушкину (см. „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., ноябрь, 330). Съ другой стороны, какъ справедливо признаетъ г. Модзалевскій, „даже при наличности той или иной книги въ каталогѣ нельзя съ полною достовѣрностью сказать, что она при-

надлежала безусловно къ составу библіотеки поэта (если, конечно, не носитъ ясныхъ, положительныхъ признаковъ такой принадлежности), а не попала въ нее со стороны при тѣхъ случайностяхъ, которымъ она подвергалась". Такъ, въ одной книгѣ (№ 866) составитель описанія нашелъ визитную карточку 1849—1856 г.г. Кромѣ того, много книгъ вовсе неразрѣзанныхъ; во многихъ разрѣзано лишь по нѣскольку страницъ. Извѣстно, что Пушкинъ пріобрѣталъ книги впрокъ и въ одинъ послѣдній годъ своей жизни накупилъ французскихъ и англійскихъ книгъ на нѣсколько тысячъ рублей. Среди разрѣзанныхъ книгъ, весьма возможно, есть такія, которыхъ Пушкинъ никогда не читалъ, а среди неразрѣзанныхъ должны быть такія, которыя были ему извѣстны въ другихъ изданіяхъ или экземплярахъ. Всѣ подобныя соображенія должны быть приняты во вниманіе при пользованіи каталогомъ, который, при несомнѣнномъ нѣкоторомъ значеніи для изученія Пушкина, однако очень мало увеличиваетъ существующія свѣдѣнія о великомъ писателѣ и ни въ чемъ не измѣняетъ сложившихся представленій о немъ.

Составъ библіотеки довольно разнообразенъ и богатъ. Преобладаютъ, конечно, изящная литература и исторія; много классиковъ; среди писателей древности есть и второстепенные (объ интересѣ Пушкина къ нимъ свидѣтельствуютъ его антологическія стихотворенія, наброски „Египетскихъ ночей"); хорошо представлена французская литература XVIII-го вѣка, которая первая пріучила Пушкина къ чтенію. Среди книгъ немало авторскихъ подарковъ; нашлись автографы Баратынскаго, о. Іакинѳа Бичурина, Гнѣдича, Гапки, Мицкевича („Bajrona Puszkinowi poswięca wielbiciel obódwóch A. Mickiewicz"), А. И. Тургенева, И. И. Лажечникова, В. К. Кюхельбекера, бар. А. А. Дельвига. Нашлись кое-гдѣ на книгахъ и на вложенныхъ въ нихъ отдѣльныхъ листкахъ и автографы самого Пушкина. Нѣкоторые хранятъ слѣды свѣтлой пушкинской веселости и вызываютъ улыбку. Напримѣръ, на книжкѣ „О запоѣ и о лѣченіи онаго", которую Пушкинъ подарилъ или собирался подарить своему брату, большому гулякѣ, написано: „Милостивому Государю Братцу Льву Сергѣевичу Пушкину"; на листкѣ, найденномъ въ извѣстной „Физіологіи вкуса", записаны наставленія въ родѣ: „не откладывай до ужина того, что̀ можешь съѣсть за обѣдомъ"; въ другой книгѣ—веселые стишки, набросанные, вѣроятно, вмѣстѣ съ А. П. Кернъ. Процензурованный (для несостоявшагося изданія) экземпляръ стихотвореній Пушкина даетъ двѣ поправки въ текстѣ „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ" (одна изъ нихъ—„Жемчуги огрузили шею" вмѣсто „окружили"). Гдѣ-то въ сборникѣ пословицъ поэтъ прибавилъ изъ запаса своей памяти: „въ кабакъ далеко, да ходить легко—въ церковь близко, да ходить склизко". На нѣко-

торыхъ книгахъ, впрочемъ—очень немногихъ, сохранились краткія замѣтки Пушкина, крестики, черточки; нѣсколько автографовъ дано въ снимкахъ. При осторожномъ пользованіи каталогъ кое въ чемъ пригодится изучающимъ Пушкина. Составитель, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы избавить ихъ отъ обращенія къ самымъ описаннымъ имъ экземплярамъ.

— Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Спб. 1910.

Новая книга нашего талантливаго критика останавливаетъ вниманіе читателя прежде всего самой темой своею, широкимъ охватомъ предмета. Со временъ Бѣлинскаго, написавшаго обзоръ пушкинской поэзіи, у насъ не появлялось труда, предметомъ котораго была бы вся лирика Пушкина какъ нѣчто цѣльное—и уже это одно подчеркиваетъ значеніе книги Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Къ тому же критикъ подошелъ къ своей задачѣ съ тѣмъ орудіемъ, которымъ владѣетъ особенно мастерски. Кое-что у насъ сдѣлано для историко-литературнаго изслѣдованія Пушкина, но рѣшительно новъ по самому методу этотъ „опытъ психологическаго изученія“ пушкинскаго лиризма и реализма, приведшій автора и къ опыту разрѣшенія „теоретическаго вопроса—о существѣ лирики и о ея принципіальномъ отличіи отъ поэзіи образной“, давно уже занимающаго Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. „Попытка заглянуть въ психологію пушкинскаго творчества“ блестяще удалась автору, нарисовавшему живой и яркій портретъ великаго художника-лирика. „Геній Пушкина — говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій—тѣснѣйшимъ образомъ связывался у него съ самой натурою, съ его характеромъ, складомъ ума и даже темпераментомъ. Душа Пушкина представляетъ картину рѣдкой цѣльности, почти полной согласованности психическихъ элементовъ,—законченнаго синтеза души... Пушкинъ былъ геній общительный, съ ярко выраженной соціальной тягой, и это было въ полномъ согласіи съ его натурою какъ человѣка... Лиризмъ Пушкина, чуткій и всеобъемлющій, былъ однимъ изъ выраженій или проявленій его общительной души, его широкихъ человѣческихъ сочувствій“. Теоретическіе взгляды автора на лирику важны по отношенію не къ одному только Пушкину, а ко всякому поэту вообще; пушкинская гармонія и разнообразіе лирическихъ мотивовъ явились, конечно, благодарною почвою для научнаго анализа. Послѣдній, замѣтимъ, не всегда можетъ быть примѣненъ съ полной чистотою и точностью. Такъ, указывая на „моцартовскую непосредственность“ и жизнерадостность Пушкина, Д. Н. Овсянико-Куликовскій выражаетъ сомнѣніе въ принадлежности стихотворенія „Три ключа“ къ „натуральной“ лирикѣ Пушкина и относитъ его къ

„искусственной“ (стр. 135); между тѣмъ, самъ же Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ другомъ мѣстѣ („Гоголь“, изд. 1909 г., стр. 166) находитъ, что „едва-ли найдется геній, который бы хоть разъ въ жизни не почувствовалъ фатальнаго, психически необходимаго разлада съ общественной средой, своей отчужденности отъ нея,—оттуда, между прочимъ, предрасположенность генія къ пессимизму“,—и въ видѣ примѣра указаны здѣсь именно „Три ключа“. „Ангелъ“ — примѣръ не столько „искусственной“ лирики (стр. 137), сколько „синкретическаго“ сочетанія искусственнаго лиризма съ натуральнымъ: Ангелъ и Демонъ здѣсь не только символы „духа отрицанія“ и „высшаго идеала“, но, какъ подсказываетъ біографія поэта—характеристики лицъ, сыгравшихъ нѣкоторую роль въ его жизни; въ пьесѣ не только изображено воздѣйствіе добра на зло, но и разсказано романическое происшествіе, участникомъ котораго былъ самъ Пушкинъ. Относя къ „искусственному“, противорѣчащему „укладу ума и натуры“ Пушкина, лиризму „Анчара“ и „Пророка“, Д. Н. Овсянико-Куликовскій (стр. 138) указываетъ на „жестокость“ перваго и идею „обличительной проповѣди“ во второмъ, упуская изъ виду, что „жестокость“ „Анчара“ продиктована глубокою жалостью „человѣка къ человѣку“, Пушкина—къ бѣдному рабу, и что въ той главѣ пушкинской этики и поэтики, которая называется „Пророкомъ“, вовсе не указывается, что жгучій глаголъ есть обличеніе. Знаменитое „Изъ VI Пиндемонте“ Д. Н. Овсянико-Куликовскій (стр. 161) считаетъ „прозой въ стихахъ“: „въ немъ нѣтъ ни лирики, ни образной поэзіи“. Однако, это ли не образъ—„безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья“, и не лирика ли, говоря словами самого критика (стр. 164), „вторая половина пьесы, гдѣ выраженъ страстный порывъ—порвать всѣ связи съ обществомъ и жить своимъ внутреннимъ міромъ“?...

Подобныя спорныя опредѣленія, впрочемъ, свидѣтельствуютъ не противъ самой классификаціи, а лишь въ пользу зыбкости тѣхъ или иныхъ поэтическихъ произведеній. Методъ же самъ по себѣ вполнѣ приложимъ къ искусству и облегчаетъ не только теоретическое изученіе его, но и практическое ознакомленіе съ нимъ. Книгу Д. Н. Овсянико-Куликовскаго можно назвать введеніемъ въ Пушкина, помогающимъ понимать его и какъ поэта, и какъ личность. Жаль только, что этотъ психологическій діагнозъ не полонъ: такъ, оставлена безъ вниманія столь значительная черта писательской физіономіи Пушкина, какъ юморъ. Безъ юмора, которымъ пропитанъ „Евгеній Онѣгинъ“, поэту никогда бы не удалось „художественное обобщеніе натуръ и умовъ, имѣющихъ очень мало общаго съ личностью Пушкина“: именно имъ объясняются заинтересовавшія критика художественныя „мистификаціи“ Пушкина. — Н. Лернеръ.

— Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Москва, изд. „Научнаго Слова". 1910.

Первые два выпуска „Силуэтовъ" г. Айхенвальда были удостоены Академіею Наукъ пушкинскаго почетнаго отзыва, и они, дѣйствительно, выдѣляются въ ряду критическихъ произведеній послѣднихъ лѣтъ уже самымъ своимъ оригинальнымъ построеніемъ. Г. Айхенвальдъ—критикъ-эстетикъ, вникающій исключительно въ стиль и настроенія избраннаго имъ писателя, чтобы сказать, что̀ говоритъ онъ душѣ и сердцу, чѣмъ авторъ обаятеленъ и чѣмъ отталкиваетъ отъ себя въ пріемахъ и манерѣ творчества и въ своихъ преобладающихъ настроеніяхъ. Каждый писатель для г. Айхенвальда—самодовлѣющая величина; историческая перспектива совершенно отсутствуетъ, и оттого чтеніе сплошь этихъ силуэтовъ кажется чѣмъ-то отрывочнымъ, необъединеннымъ, подчасъ утомительнымъ. Утомителенъ своею изысканностью самый наборъ опредѣленій стиля писателей. Автору нельзя отказать въ настоящей продуманности и въ красивой, закругленной формѣ; но этой красивости, пожалуй, слишкомъ много, и хотѣлось бы временами больше настоящаго огня. Впрочемъ, кому что дано... Можетъ-быть, было бы желательно, чтобы авторъ свое критическое мѣрило — которое теперь читателю приходится разгадывать и вычитывать изъ множества отдѣльныхъ набросковъ—выяснилъ въ самостоятельной вступительной статьѣ будущаго изданія „Силуэтовъ". Въ сущности, мѣрило это несложно: писателей г. Айхенвальдъ любитъ въ мѣру ихъ подлинной искренности, отсутствія риторизма и всяческой выдумки, безпощадно имъ преслѣдуемой. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ бываетъ дѣйствительно безпощаденъ, и его гладко-вылощенная, журчащая, медоточивая рѣчь иногда убійственно ядовита. Таковы его силуэты Горькаго, Леонида Андреева, Ѳедора Соллогуба, вошедшіе въ составъ III выпуска. Надъ этими писателями много смѣялись и глумились, много пародировали ихъ, но, кажется, никто не говорилъ въ глаза такой спокойной и злой правды о недочетахъ ихъ творчества: „Стихія скуки и сочинительства унаслѣдована позднѣйшими произведеніями Горькаго отъ его прежнихъ опытовъ... Когда, въ послѣднее время, толкуютъ о концѣ Горькаго, то невольно является мысль, что Горькій, собственно, и не начинался"... „Самый необязательный и неубѣдительный изъ беллетристовъ", Леонидъ Андреевъ—„талантъ впустую... онъ—только сочинитель, но не творецъ. Именно поэтому онъ стоитъ внѣ жизни, внѣ правды, и можетъ случиться, что онъ уйдетъ, и жизнь не замѣтитъ его". Стихи Соллогуба—„это ледяной домъ, ледяной гробъ, мимо котораго мы проходимъ не сочувствующіе, не взволнованные, и съ тѣмъ невольнымъ отчужденіемъ, какое въ живыхъ порождаетъ

хотя бы и красивая, хотя бы и глубокая смерть, хотя бы и умный Упырь, на котораго такъ похожъ Ѳедоръ Соллогубъ". Невольно чувствуется, что во всѣхъ подобныхъ жесткихъ приговорахъ правда не вся: часть ея заслонена отъ требовательнаго критика его отвращеніемъ къ риторизму и выдумкѣ, и лучше почувствована, можетъ-быть, толпою, создававшею успѣхъ своимъ любимцамъ. Полнѣе звучитъ правда въ статьяхъ г. Айхенвальда о такихъ современныхъ писателяхъ, какъ Бунинъ и Борисъ Зайцевъ, очень тепло привѣтствуемые, и о писателяхъ отошедшихъ, рѣчь о которыхъ не можетъ дать повода къ нарочитому подчеркиванію отдѣльныхъ слабыхъ ихъ сторонъ.

— К. И Арабажинъ.—Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1910.

Г. Арабажинъ—весьма популярный лекторъ. Книга его составилась изъ многократно прочитанныхъ въ разныхъ городахъ лекцій объ извѣстнѣйшемъ писателѣ послѣдняго десятилѣтія. Каждое произведеніе Андреева вызываетъ за послѣдніе годы живой интересъ къ себѣ и оживленное обсужденіе въ печати затронутыхъ имъ, въ повѣсти или драмѣ, общественно-философскихъ мотивовъ и проблемъ. Попытка дать общій обзоръ дѣятельности Андреева, подвести итоги его творчеству представляетъ, поэтому, значительный интересъ. „Между современнымъ человѣкомъ и Андреевымъ (и русскимъ человѣкомъ въ особенности) есть глубокая связь,—справедливо констатируетъ г. Арабажинъ:—тысячи психологическихъ нитей соединяютъ Андреева съ его читателемъ и даютъ имъ взаимный интересъ другъ къ другу. Современное общество, переживая тяжелый моментъ духовнаго распада... встрѣчаетъ въ Андреевѣ своего философа, психолога, истолкователя". Обзоръ литературной дѣятельности Леонида Андреева въ книгѣ г. Арабажина—весьма элементарный: изложено содержаніе самыхъ извѣстныхъ произведеній. Это, можетъ-быть, было необходимо въ лекціяхъ, предъ аудиторіей неопредѣленнаго состава и разнообразнаго знакомства съ Андреевымъ, но едва ли не лишнее въ книгѣ. У автора осталось слишкомъ мало мѣста для того, чтобы глубже обосновать собственные взгляды на задачи искусства и на затронутыя Андреевымъ проблемы, и приговоры, какъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, такъ и обо всемъ творчествѣ, звучатъ иногда легковѣсно. Тѣмъ не менѣе, основные мотивы и особенности творчества Андреева намѣчены довольно вѣрно. „Основная черта Андреевскаго творчества—пессимизмъ. Но это чисто русскій обывательскій пессимизмъ... Здѣсь нѣтъ глубины, здѣсь нѣтъ дѣйствительно научныхъ построеній

и строго философскихъ концепцій; передъ нами упрощенный переводъ съ западно-европейскаго первоисточника, пересказъ своими словами не весьма мудренаго знаніями переводчика, эскизно передающаго контуры болѣе сложнаго рисунка". Искусство Л. Андреева есть искусство резонирующее, разсудочное; онъ по преимуществу адвокатъ тѣхъ или другихъ его увлекшихъ тезъ, которыя и главенствуютъ надъ непосредственнымъ вдохновеніемъ. Средства Андреева—фантастика и отвлеченіе отъ конкретной дѣйствительности чисто романтическаго пошиба. Всѣ герои его поставлены либо въ совершенно исключительныя условія, либо сами представляютъ по своей судьбѣ и особенностямъ нѣчто исключительное. Ярый протестъ Андреева противъ всего, чѣмъ живо человѣчество, излившійся въ такихъ вещахъ, какъ „Савва", „Іуда", „Тьма", большею частью менѣе всего убѣдителенъ. Усердно полемизируя съ мыслями г. Андреева, г. Арабажинъ только мимоходомъ говоритъ о тѣхъ вещахъ Андреева, въ которыхъ онъ выказалъ себя не романтикомъ-резонеромъ, а бытописателемъ-реалистомъ. Критикъ, впрочемъ, высоко ставитъ такія безспорно хорошія вещи, какъ „Жили были", „Семеро повѣшенныхъ", въ особенности „Губернатора". Несомнѣнная двойственность въ творчествѣ Андреева такъ и остается неразъясненною. Общій приговоръ критика крайне суровъ, „Художественное богатство, созданное Андреевымъ, напоминаетъ намъ тотъ замокъ, который соорудилъ для себя Человѣкъ (въ „Жизни Человѣка"). Масса комнатъ, великолѣпный новый стиль и во всѣхъ окнахъ фасада этого дома горятъ тысячами огней лучи заходящаго солнца... Кажется, что на горѣ какой-то прекрасный храмъ, гдѣ возжены огни невѣдомому Богу. Но это только такъ кажется, это только иллюзія. Тамъ нѣтъ храма, нѣтъ Бога, нѣтъ огней, и сіяютъ отраженнымъ блескомъ только холодные лучи заходящаго солнца. Въ домѣ пусто, уныло и бѣгаютъ крысы". Лично намъ идеи г. Андреева кажутся во многихъ его произведеніяхъ намѣренно парадоксальными, ему самому неясными; его резонирующая фантастика часто вычурна и не эстетична. Но его угловатое творчество богато безпокойствомъ объ Истинѣ, и это безпокойство освобождаетъ его отъ упрека въ безсодержательности.

— „Братья Карамазовы" на сценѣ Художественнаго театра. Текстъ Н. Шебуева, рисунки Д. Мельникова. Ц. 50 коп.

Московскій Художественный театръ, вопреки традиціи, признающей, что передѣлки для сцены повѣсти и романа по существу неудачны, рискнулъ превратить въ сценическое представленіе знаменитый романъ Достоевскаго, стремясь дать не болѣе, какъ „отрывки",

но въ этихъ отрывкахъ—подлиннаго Достоевскаго. Печать къ этой постановкѣ отнеслась сначала съ большимъ или меньшимъ скептицизмомъ, но успѣхъ—какъ и всего, что даетъ Художественный театръ—видимо несомнѣнный. Г. Шебуеву, однако, мало успѣха театра, ему „хочется кричать истерическимъ крикомъ... протестовать всѣми силами противъ отношенія московской печати къ подвигу Художественнаго театра", и онъ написалъ восторженную хвалу ему, восторженную до тона дружеской рекламы („Подвигъ" склоняется во всѣхъ падежахъ), въ которой театръ вовсе не нуждается. Болѣе спокойное сообщеніе о трудностяхъ, которыя пришлось одолѣть режиссерамъ и артистамъ, вѣроятно, было бы не менѣе вѣско, чѣмъ восторженно-растрепанный тонъ очерка г. Шебуева. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о чисто технической сторонѣ, театру пришлось шагъ за шагомъ отвоевывать самую возможность дать со сцены волнующую, захватывающую рѣчь героевъ Достоевскаго, что касается религіозно-философскаго ядра романа. Драматическая цензура сначала категорически отказала въ разрѣшеніи постановки „Братьевъ Карамазовыхъ" въ томъ видѣ, какъ это было задумано, и постановка была отложена на годъ. Потомъ пришлось выпустить всю монастырскую часть, и были разрѣшены только два посыла Алеши въ міръ, и то только въ чтеніи. Цензурныя условія не давали также возможности вывести на сцену уголовный судъ. Пришлось обратиться къ министру юстиціи за спеціальнымъ разрѣшеніемъ. Министръ разрѣшилъ, съ условіемъ, чтобы на сценѣ не было предсѣдателя. По существу, въ восторженныхъ отзывахъ г. Шебуева мы не нашли никакихъ особыхъ откровеній о достигнутомъ въ постановкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ": печать довольно дружно подчеркнула и игру отдѣльныхъ артистовъ, и отдѣльныя великолѣпныя сцены, въ особенности сцену въ „Мокромъ". Къ очерку г. Шебуева приложены (можетъ быть и наоборотъ, приложенъ текстъ г. Шебуева?) воспроизведеніе извѣстнаго Перовскаго портрета Достоевскаго и рисунки г. Мельникова. Интересны наброски персонажей Достоевскаго въ исполненіи Художественнаго театра; очень плохи рисунки, изображающіе отдѣльные моменты представленія.—Ч. В—скій.

— І. П. Желѣзновъ.—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. С.-Петербургъ, 1910 г. Изданіе 3-е, посмертное. Цѣна 4 рубля за 3 тома.

Бытъ казаковъ вообще представляетъ въ русской жизни нѣчто замкнутое и особое, а бытъ уральскихъ казаковъ—въ особенности. На границѣ дикихъ степей, гдѣ въ недавніе, сравнительно, годы приходилось воевать съ киргизами, башкирами и другими кочевниками, образовалась громадная община уральскихъ казаковъ. Мирные

сѣнокосы, рыбная ловля въ Уралѣ и Каспійскомъ морѣ и набѣги въ киргизскія степи переплели бытъ казаковъ причудливыми нитями. Особымъ остался этотъ бытъ и до настоящаго времени. Для собственныхъ цѣлей государственная власть оставляетъ казачество въ прежнемъ полувоенномъ положеніи. Строй жизни, привычки, преданія, народная психологія—все здѣсь иное, чѣмъ во внутренней Россіи: иное и малоизвѣстное для широкой публики.

Талантливый писатель-казакъ Желѣзновъ даетъ въ своихъ книгахъ богатый художественный и этнографическій матеріалъ для близкаго ознакомленія съ бытомъ уральскихъ казаковъ. Можетъ быть, нѣкоторыя картины этого быта теперь уже нѣсколько устарѣли (писатель кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1863-мъ году). Но читатель, заинтересовавшійся казачествомъ, почерпнетъ здѣсь свѣдѣнія и образы, дающіе глубокое историческое освѣщеніе казаческой психологіи. Къ тому же жизнь казаковъ, въ ея особыхъ рамкахъ, искусственно поддерживаемыхъ правительственной властью, за послѣднее полустолѣтіе мало измѣнилась въ своихъ бытовыхъ основахъ.—П. Ж.

— I. Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. Часть I. Москва. 1910.

Разсматриваемая книжка, составляющая первую часть задуманнаго издателями перевода сочиненія проф. университета въ Галле, Конрада, объ экономической политикѣ, посвящена двумъ вопросамъ: о сельскохозяйственномъ производствѣ, какъ таковомъ, съ экономической и технической сторонъ и въ его отношеніи къ народному хозяйству, и исторіи аграрныхъ отношеній, крѣпостного права и правительственныхъ мѣропріятій по регулированію землеустройства; въ заключеніи этой части имѣется оцѣнка крупнаго и мелкаго землевладѣнія и хозяйства съ соціальной и технической сторонъ и разсматриваются мѣропріятія противъ чрезмѣрнаго дробленія земли. По нѣкоторымъ вопросамъ авторъ обращается къ исторіи многихъ западно-европейскихъ государствъ; но главнѣйшимъ матеріаломъ, по понятнымъ причинамъ, служили ему данныя германской прошлой и настоящей жизни. Имя автора служитъ порукой за достоинство разсматриваемаго труда, который можетъ напомнить образованному читателю главнѣйшіе факты и законы сельско-хозяйственной экономіи, освѣжить и дополнить его свѣдѣнія по предмету, пріобрѣтающему у насъ особый интересъ вслѣдствіе энергичной дѣятельности правительства по переустройству крестьянскаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Но мы сомнѣваемся, чтобы данное произведеніе достаточно способствовало удовлетворенію потребности въ дополнительномъ пособіи при прохожденіи курса политической экономіи въ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ

или путемъ самообразованія, какъ это полагаютъ редакторы перевода. Оно кажется намъ слишкомъ элементарнымъ для того, кто проходитъ систематическій курсъ по этому предмету, и слишкомъ краткимъ, а подчасъ и слишкомъ сжатымъ для того, чтобы ввести въ кругъ предметовъ своего вѣдѣнія только-что приступающаго къ ихъ изученію.

Книжка Конрада написана въ прошломъ столѣтіи и переиздана въ настоящемъ, при чемъ выраженія ея не всегда были измѣнены соотвѣтственно времени послѣдняго изданія. И теперь, встрѣчаясь со словами: въ „прошломъ", „послѣднемъ", „этомъ" вѣкѣ, читатель сплошь и рядомъ отнесетъ описываемыя событія не къ тому времени, въ которомъ они происходили. Эти выраженія слѣдовало бы измѣнить, равно какъ и дополнить по новѣйшимъ изслѣдованіямъ слишкомъ иногда устарѣвшія статистическія данныя Конрада.

— С. Бернштейнъ-Коганъ. Численный составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ. Спб., 1910.

— А. М. Стопани. Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. Баку, 1910.

Экономика Россіи представляетъ благодарную для изслѣдователя почву въ томъ отношеніи, что многія экономическія явленія изучены весьма недостаточно, и каждое хотя бы и не вполнѣ освѣдомленное въ экономическихъ предметахъ лицо, при живомъ интересѣ къ данному вопросу, можетъ дать цѣнную работу хотя бы въ области собранія, сводки и первоначальной обработки соотвѣтствующихъ матеріаловъ. Оттого-то многіе наши извѣстные писатели по экономическимъ вопросамъ не принадлежатъ къ дипломированнымъ ученымъ, начали свою литературную дѣятельность невполнѣ подготовленными къ всестороннему трактованію экономическихъ предметовъ и достигли довольно солидныхъ знаній путемъ постепеннаго усвоенія матеріаловъ ради опредѣленныхъ задачъ и литературныхъ работъ. Оттого же, между прочимъ, мы имѣемъ немало болѣе или менѣе интересныхъ и солидныхъ работъ, принадлежащихъ учащимся высшихъ заведеній, работающимъ въ семинаріяхъ, при факультетахъ, подъ руководствомъ своихъ профессоровъ.

Къ числу такихъ работъ принадлежитъ первая изъ вышеназванныхъ книжекъ. Она вышла изъ семинарія петербургскаго политехническаго института, руководимаго В. Э. Деномъ. До извѣстной степени она примыкаетъ къ другой работѣ того же института—„Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г.", г. Кадомцева, о которой въ свое время была рѣчь и въ нашемъ журналѣ. За отсутствіемъ у насъ производ-

ства промышленныхъ и профессіональныхъ переписей, доставляющихъ, такъ сказать, естественный матеріалъ для изученія профессіональнаго и соціальнаго состава населенія, г. Бернштейнъ-Коганъ, задавшійся цѣлью изученія такого состава по отношенію къ петербургскимъ рабочимъ, долженъ былъ удовольствоваться тѣми данными о предметѣ, какія онъ могъ извлечь изъ переписей населенія—всероссійской 1897 г. и четырехъ петербургскихъ. Дополнительными матеріалами служили ему нѣкоторыя изданія министерства финансовъ о фабрикахъ и заводахъ, одна неопубликованная работа этого вѣдомства (о сверхурочной работѣ), нѣкоторыя анкеты и собранныя самимъ авторомъ свѣдѣнія о рабочемъ времени на 44 петербургскихъ фабрикахъ. Разсматриваемый трудъ касается численности, профессіональнаго, возрастнаго и полового состава рабочихъ различныхъ профессій г. Петербурга, по возможности сравнительно съ остальной Россіей, семейнаго состоянія и грамотности, заработной платы и рабочаго времени и, наконецъ, размѣровъ промышленныхъ предпріятій г. Петербурга. Наличность матеріаловъ нѣсколькихъ переписей позволила автору остановиться и на динамикѣ нѣкоторыхъ изучаемыхъ явленій. Работа г. Бернштейнъ-Когана имѣетъ статистическій характеръ, и по нѣкоторымъ явленіямъ она не только констатируетъ данный фактъ самъ по себѣ, но и устанавливаетъ совпаденіе его съ другими явленіями, бросающее свѣтъ на его происхожденіе и причины.

Вторая изъ вышеназванныхъ книжекъ относится къ серіи довольно многочисленныхъ въ послѣдніе годы изданій по рабочему вопросу въ бакинскомъ нефтепромышленномъ раіонѣ, богатомъ крупными событіями въ области классовой борьбы рабочихъ и предпринимателей. Эти изданія въ свое время отмѣчались литературной лѣтописью „Вѣстника Европы“. Въ разсматриваемомъ нынѣ трудѣ А. М. Стопани новыми являются данныя о заработной платѣ, собранныя мѣстными профессіональными союзами. Вопросъ о заработной платѣ бакинскихъ рабочихъ имѣетъ оригинальную постановку въ томъ отношеніи, что лишь $^2/_3$ вознагражденія рабочихъ носятъ наименованіе заработной платы, а $^1/_3$ его часть составляется изъ добавочныхъ денежныхъ выдачъ, наградныхъ, квартирныхъ и банныхъ, и отпуска натурой воды. нефтяного топлива и керосина. До половины текущаго десятилѣтія наградныя и квартирныя деньги выдавались очень рѣдко; всеобщее почти распространеніе они получили въ годы наибольшаго развитія забастовочнаго движенія. Это послѣднее привело къ увеличенію вознагражденія бакинскаго рабочаго въ среднемъ на 186 р. въ годъ, изъ коихъ всего 47 р. или $^1/_4$ часть приходится на твердую заработную плату, а 139 или $^3/_4$ составляются добавочными выдачами разнаго рода.

Раздѣленіе заработной платы на двѣ части и нахожденіе въ составѣ одной изъ нихъ наградныхъ,—составляющихъ $^1/_8$ часть всего заработка и $^2/_5$ дополнительной его части—ставитъ размѣръ вознагражденія рабочаго въ довольно неустойчивое положеніе. Предприниматели смотрятъ на наградныя какъ на нѣчто зависящее отъ ихъ доброй воли; и когда съ „успокоеніемъ“ бакинскаго раіона они стали стремиться къ ликвидаціи рабочихъ завоеваній недавнихъ лѣтъ,—первымъ шагомъ къ тому въ сферѣ вознагражденія рабочихъ была отмѣна наградныхъ и сокращеніе другихъ видовъ довольствія.

Выше мы упоминали о возвышеніи, во второй половинѣ текущаго десятилѣтія, вознагражденія бакинскаго рабочаго на 186 р. въ годъ, или почти на $^2/_3$. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать о соотвѣтствующемъ улучшеніи его благосостоянія. Реальная заработная плата бакинскаго рабочаго въ концѣ концовъ измѣнилась очень мало, потому что цѣны предметовъ потребленія поднялись почти въ томъ же отношеніи, что и вознагражденіе за трудъ.—В. В.

— Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von Theodor Schiemann, Otto Hötzsch, L. K. Goetz, H. Uebersberger. T. I, вып. 1-ый, Берлинъ, 1910.

Въ Германіи за послѣднее время замѣчается усиленіе интереса къ вопросамъ русской исторіи; появляются спеціальныя изслѣдованія не только по новой или новѣйшей исторіи Россіи, но и по исторіи древней Руси. Такъ, на ряду съ берлинскимъ профессоромъ Шиманомъ, авторомъ капитальныхъ трудовъ по исторіи царствованія императора Александра I и Николая I, недавно выступилъ съ большой работой о государствѣ и церкви въ древней Руси боннскій профессоръ Гетцъ. Изученіе русской исторіи породило и мысль о созданіи спеціальнаго историческаго журнала, посвященнаго исторіи восточной Европы, главное—Россіи. Мысль эта, высказанная на послѣднемъ конгрессѣ историковъ въ Берлинѣ, нашла теперь осуществленіе, благодаря энергіи проф. Шимана. Недавно вышелъ первый выпускъ новаго журнала, который будетъ выходить въ видѣ четырехъ книжекъ въ годъ. Первая книжка содержитъ рядъ любопытныхъ статей и замѣтокъ. Проф. Шиманъ, въ статьѣ о посылкѣ фельдмаршала Дибича въ Берлинъ осенью 1830-го года, разсказываетъ объ интересныхъ и характерныхъ попыткахъ императора Николая I активно реагировать на іюльскія событія во Франціи. Профессоръ Гетцъ помѣстилъ начало изслѣдованія о титулѣ „великій князь“ въ древне-русскихъ лѣтописяхъ; авторъ въ этой спеціальной работѣ выказываетъ широкую эрудицію и внимательное знакомство съ источниками. Проф. Хётчъ, въ статьѣ-обзорѣ: „Der Stand der polnischen Verfassungsgeschichte“, на-

ряду съ трудами польскихъ ученыхъ отмѣчаетъ извѣстныя работы по литовской исторіи проф. Любавскаго, Максимейко, Тарановскаго. Южнославянской исторіи посвящена небольшая статья вѣнскаго профессора Юберсберга, который реферируетъ трудъ сербскаго ученаго Гавриловича о князѣ Милошѣ Обреновичѣ. За отдѣломъ статей идутъ рецензіи; одна изъ нихъ принадлежитъ академику Лаппо-Данилевскому, разбирающему „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II", Н. Д. Чечулина, другая — барону Остенъ-Сакену, о книжкѣ рижскаго городского архиваріуса Фейерейзена „Livländische Geschichtsliteratur". Болѣе тридцати страницъ убористаго и мелкаго шрифта посвящено обзору журналовъ; такіе обзоры чрезвычайно нужны и полезны, но при необходимомъ условіи наименьшей случайности въ подборѣ матеріала, чего въ настоящемъ выпускѣ не вполнѣ удалось избѣжать. Замыкаетъ книжку статья проф. Шимана, разбирающая труды и изданія великаго князя Николая Михаиловича. Содержаніе перваго выпуска новаго журнала интересно и разнообразно; можно пожелать прочнаго и возможно широкаго успѣха почтенному ученому предпріятію.—И. Бороздинъ.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверченко, Аркадій.—Зайчики на стѣнѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Адлеръ, Августъ.—Теорія геометрическихъ построеній. Перев. съ нѣмец. подъ ред. прив.-доц. С. О. Шатуновскаго. Одесса, 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Александровъ, В.—Въ мірѣ безумія и отчаянія. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Алексѣевъ, А. А.—Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

Амивконъ.—Собраніе сочиненій. Книга 1-я. Лодзь, 1910 г. Цѣна 65 коп.

д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. VII. Пламя. Пер. съ итал. З. А. Венгеровой. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аполлонская (Стравинская), И. А. — Театръ Ибсена. I. Росмерсгольмъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, Е. М.—Первый въ Россіи капиталъ имени присяжныхъ засѣдателей. Томскъ, 1910 г.

Барботъ-де-Марни, Е. Н.—Уралъ и его богатства. Екатеринбургъ, 1910 г.

Бордаковъ, П.—Моя юность. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Борель, Э.—Элементарная математика. I. Ариѳметика и алгебра. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. В. Ф. Кагана. Одесса, 1911 г. Цѣна 3 р.

Борманъ, С. Н., д-ръ. — Сифилисъ и препаратъ Эрлихъ-Гата „606". Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Бурдо, Луи.—Вопросъ о смерти и его различныя рѣшенія. Перев. съ 3-го франц. изданія Е. Предтеченскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бутми, Н. В.—Могутъ ли мужчины судить женщинъ? (Психологическій этюдъ). Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Бѣльскій, Адамъ.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Валишевскій, К. — Смутное время. Переводъ съ франц. подъ ред. Е. Н. Щепкиной. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Всеволовскій, Борисъ. — Исторія земства. Томъ. III. Спб. Цѣна за четыре тома 20 рублей.

Винеръ, Отто, проф. — О цвѣтной фотографіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. П. Кастерина. Одесса, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Восйковъ, А. И.—Климатъ Кисловодска въ зимнее полугодіе и сравненіе его съ другими климатолѣчебными мѣстами. Спб., 1910 г. Цѣна 10 коп.

Гартъ.—Почему зашаталась Россія. Бывшая русская правда и будущая. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гефлеръ, Алоизъ, проф. — Основныя ученія логики. Перев. съ 4-го нѣм. изданія І. Давыдова и С. Салитанъ. Съ предисловіемъ И. И. Лапшина. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Григорьевъ, Вас. — Помощь земледѣльцу. Вып. I. Какъ отъ хлѣвнаго навоза получить больше пользы. Цѣна 5 коп. Вып. II. Чѣмъ удобрить землю, когда навоза мало. Цѣна 10 коп. Спб., 1911 г.

Гюнтеръ, Конрадъ.—Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Данилевскій, В. Я. — Этюды по физіологіи личной и соціальной жизни. I. Чувство и жизнь. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Делевскій, Ю.—Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Егуновъ, И.—Малоспособность учащихся дѣтей и пріемы борьбы съ нею. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Желѣзновъ, І. И.—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. 3 тома. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна за три тома 4 р.

Зельцеръ, Д. М.—Медицина и магія древняго востока. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Іордано, К. К.—Какъ устроить сельскую добровольную дружину. Тверь, 1911 г. Цѣна 12 к.

Ибаньесъ, Бласко.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Новеллы. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Каменскій, Анатолій.—Сочиненія. Томъ третій. Разсказы. Спб., Цѣна 1 р. 25 коп.

Клейнманъ, І. А. Между молотомъ и наковальней. (Польско-еврейскій кризисъ). Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Клейнъ, Г.—Звѣздный міръ. Перев. съ нѣм. Н. В. Горкина. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Ковалевскій, Г., проф.—Основы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. С. О. Шатуновскаго. Одесса, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Кокоринъ, Павелъ.—Фантастическая явь. Второй сборникъ. Спб., 1910 г. Осень. Цѣна 15 коп.

Котомкинъ, А. Е.--Сборникъ стихотвореній (1900—1909). Со вступительной статьей К. Р. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Кульчинскій, Владиміръ.—Разбитая арфа. Книга стиховъ. Ярославль. 1910 г. Цѣна 50 коп.

Лагерлефъ, Сельма. — Полное собраніе сочиненій. Т. III. Невидимыя узы. Разсказы. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Ладо-Свѣтогорскій, Ѳ.—Пѣсни о свѣтлой странѣ. Спб., 1911 г. Ц. 20 к.

Лебъ, Джонъ, проф.—Динамика живого вещества. Перев. съ нѣмец. подъ ред. проф. В. В. Завьялова. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Лемонье, Камиллъ. — Собраніе сочиненій. Томъ IV, часть I и II. Конецъ буржуа. Москва, 1910 г. Цѣна за объ части 1 р. 60 коп.

Лотцій, Генрихъ.—Душа твоего ребенка. Книга для родителей. Перев. съ нѣм. Е. Максимовичъ. Подъ ред. и съ пред. проф. П. И. Ковалевскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Марковъ, А.—Исчисленіе конечныхъ разностей. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Марксъ, Карлъ.—Теорія прибавочной стоимости. II ч. IV тома капитала Давида Рикардо. Подъ ред. М. В. Бернацкаго. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Махаевъ, Ф. Н.—Технически-ремесленная библіотека. Вып. I. Работы изъ сучьевъ. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Мережковскій, Д. С.—Собраніе стиховъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Меніаль, Эдуардъ.—Мопассанъ, его жизнь и творчество. Перев. съ франц. Н. П. Кашина. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мопасанъ, Гюи.—Полное собраніе сочиненій и письма. Томъ XIV. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Нарбутъ, Владиміръ.—Стихи. Книга I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Никоновъ, Л.—О происхожденіи культурныхъ растеній. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Новицкій, Григорій.—Манифестъ сэнсэризма (эолоарфизма). Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Островская, М.—Изученіе правописанія по способу списыванія. Вып. I. Спб., 1910 г. Цѣна 8 коп.

Писарева, Ю. Е.—Улыбки и слезы. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Варшава, 1910 г. Цѣна 95 коп.

Полевой, П. Н.—Сочиненія. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I. На роковомъ просторѣ. Типы смутнаго времени. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Сочиненія. Подъ ред. П. В. Быкова. Томъ II. Среди перелетовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Пуанкаре, Г. — Наука и методъ. Перев. съ франц. И. К. Брусиловскаго, подъ ред. прив.-доц. В. Ф. Кагана. Одесса, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ражо, Гастонъ. — Ученые и философія. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Рашильдъ. — Собраніе сочиненій. Т. I. За предѣлами природы. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Рей, Абель. — Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Рихтеръ, Рауль.—Скептицизмъ въ философіи. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Розановъ, М. Н.—Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Очерки по исторіи русизма на Западѣ и въ Россіи. Томъ I. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Ролланъ, Роменъ.—Народный театръ. Перев. съ франц. І. Гольденберга. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

Свѣтловъ, В. Я. — Сочиненія. Томъ II. Колхида. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Семеновъ, Вл.—Расплата. Трилогія. I. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. 3-е посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Семигоровъ.—Томъ первый. Муть трясинная. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 25 коп.

——— Томъ II. Волшебное царство. 1910 г. Цѣна 1 р.

Сергѣичъ, П.—Искусство рѣчи на судѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Сланскій, В. В.—О границахъ гипнотическаго воздѣйствія и его общественномъ значеніи. Спб., 1910 г.

Смитъ, Александръ.—Введеніе въ органическую химію. Перев. съ англ. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р.

Содди, проф.—Радій и его разгадка. Перев. съ англ. подъ ред. Д. Д. Хмырова. Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сологубъ, Ѳедоръ.—Собраніе сочиненій. Т. IX. Стихи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Спиноза, Б.—Политическій трактатъ (Tractatus politicus). Перев. съ лат. и примѣчанія С. М. Роговина и Б. В. Чредина. Предисловіе проф. С. А. Котляревскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Стоюнинъ, В.—Высшій курсъ русской грамматики. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

— Руководство для теоретическаго изученія литературы. Изд. 8-е. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Тужилинъ, А. В.—Современный Китай. Т. I и II. Спб., 1910 г.

Тыркова, А. (А. Вергежскій). Ночью. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Ульянова, А. — Туманъ и другіе разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ нѣм. Спб., 1911 г. Цѣна 35 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. I. Война въ воздухѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фрейтагъ-Лорингговенъ, А., бар. — Реформа наслѣдованія въ крестьянской недвижимости. Спб., 1910 г.

Фридрихъ, Н. А.—Бухара. Этнографическій очеркъ. Спб., 1910 г. Ц. 25 к.

Цвѣтаевъ, Григорій. — Указатель по всеобщей литературѣ. Пособіе при изученіи иностранной литературы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Чиликинъ, Ф. Н., чл. гос. думы отъ Амурской области.—Къ вопросу о земской реформѣ въ Амурской области. Благовѣщенскъ, 1910 г.

Шипошниковъ, И. Н.—Новая практическая грамматика для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Часть I. Первоначальныя свѣдѣнія. Москва, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Шевыревъ, Ив.—Загадка короѣдовъ. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Шмелевъ, Ив.—Разсказы. Томъ I-ый. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Штейнъ, Э. И.—„Я“. Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Энгельмейеръ, П. К. — Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Вопросы воздухоплаванія. Подъ редакц. инж.-техн. І. М. Герцфельда. Вып. I. Н. Базенахъ. Три системы управляемыхъ аэростатовъ. Выпускъ II. Ф. Ганзенъ. Какъ построить аэропланъ. Вып. III. Н. Штернъ. Современные аэропланы. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Спб., 1911 г.

— Журналы засѣданій X-й очередной сессіи 12—13 августа 1910 г. Харьковскаго Порайоннаго Комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Харьковъ, 1910 г.

— Землеотводное и землеустроительное дѣло за Ураломъ въ 1909 году. Изданіе переселенческаго управленія Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб., 1910 г.

— Историческая хрестоматія. Отрывки изъ источниковъ и художественныхъ произведеній. Древняя исторія. Составили Яр. Кулжинскій и В. Нейкирхъ. Спб.-Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Juventus - издательство. I. М. Бродовскій. „Все къ добру“. Ц. 10 коп. II. С. Г. Фругъ. „Дача“ и другіе разсказы. Цѣна 25 коп. III. В. Никитинъ. „Вѣкъ прожить—не поле перейти“. Цѣна 20 коп. IV. Лонгфелло. „Іуда Маккавей“. Цѣна 15 коп. V. Л. Леванда. „Авраамъ Іезофовичъ“. Цѣна 25 коп. Одесса, 1910 г.

— Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Повторныя изслѣдованія 1908 года: Т. II. Омскій уѣздъ. Т. III. Петропавловскій уѣздъ. Повторныя изслѣдованія 1909 года: Т. IV. Атбасарскій уѣздъ. Т. V. Акмолинскій уѣздъ. Спб., 1910 г.

— Матеріалы по текущей статистикѣ Тульской губерніи за 1908 годъ. Тула, 1910 г.

— Методъ въ наукахъ. Тома, Пикаръ, Таннери, Пеклевэ, Бауссъ, Жобъ, Жіаръ, Ле-Дантекъ, Дельбэ, Рибо, Дюркгеймъ, Леви-Брюль, Моно. Перев. со 2-го франц. изданія П. С. Юшкевича и И. К. Брусиловскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Общедоступный Литературно-Художественный альманахъ. Книга 1-я. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

— Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Составилъ по порученію Общеземской Организаціи Т. И. Полнеръ. Т. I, 1908 г. Т. II, 1910 г. Москва. Цѣна за 2 тома 3 р.

— Особое мнѣніе прот. М. И. Горчакова по докладу особой коммиссіи Госуд. Совѣта относительно проекта Госуд. Думы объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, соединенныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана и званія. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности реальнаго училища для дѣтей обоего пола Е. И. Милевской-Шмидтъ за 1909—1910 учебн. годъ. Спб., 1910 г. Цѣна 30 к.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1909 годъ. Спб., 1910 г.

— „Посредника“ изданія: № 9. „Странникъ“. Разсказъ. № 216. Х. Андерсенъ. „Соловей“ и другія сказки въ пер. А. и П. Ганзенъ. № 218. Х. Андерсенъ. „Послѣдняя жемчужина“ и другія сказки. Въ перев. А. и П. Ганзенъ. № 294. „Мать и дитя“. Сборникъ разсказовъ. № 299. Эркманъ-Шатріанъ. „Воспоминанія часового мастера“. Изложила В. Лукьянская. № 383. А. Додэ. „Крушеніе корабля“. № 396. „Греческій мудрецъ Сократъ“. № 498. И. Наживинъ. „Въ неволѣ“. „Сосѣди“. № 511. Б. Гринченко. „Голосъ совѣсти“. № 97. „Греческій мудрецъ Діогенъ“. № 135. „Объ уходѣ за малыми дѣтьми“. Сост. д-ромъ Е. А. Покровскимъ. № 202. „Краткій опредѣлитель важнѣйшихъ минераловъ“. Составилъ Е. И. Поповъ. № 244. М. Черняева. „Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ“. № 460. „Пьянство—горе наше“. Сборникъ. Составила В. Лукьянская. № 761. „Конфуцій. Жизнь его и ученіе“. Составилъ П. А. Буланже. Подъ ред. Л. Н. Толстого. № 771. „Изреченія китайскаго мудреца Лао-Тзе“, избранныя Л. Н. Толстымъ. № 779. С. Т. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Т. II. „Дѣвичья погибель“. № 780. Проф. П. Фёрстеръ. „Вегетаріанство, какъ основа новой жизни“. № 781. „Тайный порокъ“. Вып. II. № 785. Ѳедоръ Страховъ. „Исканіе истины“. Сборникъ статей и мыслей. Со вступительнымъ письмомъ Л. Н. Толстого. Библіотека для дѣтей и юношества

И. Горбунова-Посадова: „Киска Мурыська“. „Любимчикъ“. № 1. Эдмондъ д'Амичисъ. „Школьные товарищи“. № 31. „Бѣдные звѣрки—Ужъ и Жаба“. Два разсказа проф. М. Н. Богданова. № 35. „Бѣдный звѣрокъ Летучая мышь“. Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 32. „Мышка“. Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 33. „Ласточка“. Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 34. „Скворецъ и воробей“. Два разсказа проф. М. Н. Богданова. № 48. „Голуби, галки, аисты и другія птицы“. Разсказы проф. М. Н. Богданова. № 45. „Спротка Герти“ и другіе разсказы. № 79. „По дорогѣ въ школу“ и другіе разсказы В. Лонга. № 80. „Встрѣча съ медвѣдемъ“ и другіе разсказы В. Лонга. № 82. „Кондитеръ Савельичъ и его друзья“. Разсказъ Вл. А. Попова. № 145. „Другъ животныхъ“. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Часть II. Для старшаго возраста. Вып. II. „Жизнь въ лѣсу“. Составила В. Лукьянская. № 187. М. Брессъ. „Какъ птицы строятъ гнѣзда“. Перев. съ нѣм. С. Л. Порѣцкаго. № 188. П. Хлѣбниковъ. „Краснокожіе“. № 191. Л. Н. Толстой. „Вѣрьте себѣ“. Обращеніе къ юношеству и молодежи. № 192. С. Т. Семеновъ. „Безотвѣтные“. Четыре разсказа. Борьба съ пьянствомъ (алкоголизмомъ). Книжки, листки и картинки. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. III. „Спиртные напитки, какъ причина преступленій“. Составилъ Отто Лангъ. Съ нѣмецкаго. Вып. 22. „Приключенія бутылки съ виномъ, разсказанныя ею самою“. Бодриліара. Съ франц. перевела В. Величкина. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 2-я. „Какъ дѣлать самодѣльныя крестьянскія вѣялки и молотилки?“ Книжка 3-я. „Объ улучшеніи крестьянскаго молочнаго скота“. Ив. Попова. Книжка 14-я. „О молочномъ дѣлѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. Проф. Ив. Попова. Книжка 8-я. „Объ уходѣ за копытами лошади“. Проф. Ив. Попова. Книжка 16-я. „Какъ построить крестьянскую кирпичную избу?“ Сост. Д. Горностаевъ. Книжка 30-я. „Какую пользу приноситъ травосѣяніе и какъ оно устраивается на крестьянскихъ земляхъ“. Первая бесѣда агронома А. Зубрилина. Книжка 60-я. „Землемѣріе“. Составилъ Б. Н. Тицъ.

— Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-е. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Томъ I, II и III. Москва, 1909—1910 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., трехъ томовъ вмѣстѣ 6 р. 50 коп.

— Русскій Біографическій Словарь. Притвицъ—Рейсъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣд. Импер. Русскаго Историч. О-ва А. А. Половцова. Спб., 1910 г.

— Садокъ Судей. (?)

— Сокращенныя таблицы десятичной библіографической классификаціи. Перев. съ франц. изд. междунар. библіографическаго института, подъ ред. и съ пред. Б. С. Боднарскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Ссудо-сберегательныя товарищества въ чертѣ еврейской осѣдлости. (Обзоръ операцій 253 т—въ за 1909 годъ). Спб., 1910 г.

— Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ общей редакціей К. И. Ксидо и М. К. Соколовскаго. Вып. VII. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Труды перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. С.-Петербургъ, 28 декабря 1909 г.—6 января 1910 г. Въ 3-хъ томахъ. Спб., 1910 г. Цѣна за три тома 2 р.

— Школьныя экскурсіи, ихъ значеніе и организація. Сборникъ статей подъ редакціей Б. Е. Райкова. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— 1910 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV. Спб., 1910 г.

Богучарскій, В.—Русския народъ, общество и върховна власть въ дѣлото на освобождението на България. София, 1910 година.

Кропивницькій, Марко.—Збірникъ творів. Том I. Частина I. Видання 4. Полтава, 1911 р. Ціна 1 р. 50 коп.

Чупринка, Грицько.—Ураганъ. Вірші. Київ, 1910. Ціна 15 коп.

Schalfejew, P.—Die volkstümliche Dichtung Kolcov's und die russische Volkslyrik. Berlin, 1911.

ДИМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ДРИЛЬ

Въ исторіи нашей культуры Московскому университету въ разное время пришлось играть, какъ всѣмъ извѣстно, весьма выдающуюся роль. Дѣятельность его профессоровъ оставила замѣтные слѣды и въ созданіи доктрины оффиціальнаго народничества, проводимой Шевыревымъ, съ его тремя устоями—православіемъ, самодержавіемъ и народностью, и въ либеральномъ западничествѣ, съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ во главѣ, и въ славянофильствѣ, душою котораго одно время былъ Константинъ Аксаковъ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка всѣ эти теченія общественной мысли далеко не являлись уже господствующими. Для нихъ насталъ не только періодъ критики, но и эпоха увяданія и забвенія. Европейская мысль предлагала новыя рѣшенія; вернувшіеся изъ двухлѣтнихъ, а то и многолѣтнихъ оффиціальныхъ командировокъ или добровольныхъ странствованій на Западѣ молодые профессора и преподаватели приступали къ чтеніямъ съ совершенно новыми заданіями, посѣянными въ нихъ близкимъ знакомствомъ съ европейской наукой и жизнью. Одни, какъ Тимирязевъ и В. О. Ковалевскій, мужъ знаменитой Софьи Ковалевской — профессора математики въ Стокгольмѣ, озабочены были проповѣдью дарвинизма. Ковалевскому русская литература обязана первыми переводами Дарвина, а его брату, знаменитому одесскому ученому Александру Онуфріевичу—первыми удачными попытками подтвержденія доктрины Дарвина о трансформизмѣ. Что касается до Тимирязева, то въ области ботаники, менѣе затронутой изслѣдованіями Дарвина, чѣмъ міръ зоологическій, онъ стремился и продолжаетъ стремиться къ обоснованію того взгляда, что жизнь растеній подчиняется тому же закону естественнаго подбора, какъ и жизнь животныхъ. О всемъ этомъ направленіи, широко

орудовавшемъ сравнительнымъ методомъ, Тимирязевъ въ своихъ „Основныхъ чертахъ исторіи развитія біологіи въ XIX-мъ вѣкѣ“ выражается слѣдующимъ образомъ: „рядомъ съ методомъ сравненія существующаго, которымъ пользовался Беръ въ первые годы XIX-го столѣтія въ своихъ изслѣдованіяхъ, все больше и больше сталъ выступать методъ сравненія образующагося, т.-е. изслѣдованія организма въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія отъ клѣточки; это — методъ эмбріологіи или, правильнѣе, исторіи развитія. Здѣсь слово „исторія“ въ первый разъ принималось не въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ выраженіе „естественная исторія“, а въ строгомъ смыслѣ сопоставленія фактовъ во времени, не въ пространствѣ. Эмбріологія особенно развилась въ области зоологіи и на долю русскихъ зоологовъ выпала едва ли не самая выдающаяся роль (Беръ и Пондеръ въ началѣ вѣка, А. О. Ковалевскій и И. И. Мечниковъ — во второй его половинѣ). Изученіе исторіи развитія было наиболѣе плодотворно на первыхъ порахъ въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ; по отношенію къ нимъ удалось установить широко распространенныя общія черты развитія и показать, что черты сходства, не обнаруживающіяся на вполнѣ развитыхъ организмахъ, ясно выступаютъ при сравненіи болѣе или менѣе раннихъ стадій развитія, и что эти раннія стадіи у болѣе сложныхъ организмовъ представляютъ глубокое сходство съ развитымъ состояніемъ болѣе простыхъ. Ботаника на первыхъ порахъ будто отстала отъ зоологіи въ этомъ направленіи; зато позднѣе ей удалось представить едва ли не самый широкій и обстоятельно разработанный примѣръ объединенія наиболѣе рѣзко между собою обособленныхъ группъ растительнаго царства на основаніи изученія ихъ исторіи развитія. Это открытіе сдѣлано было въ 1851-мъ году нѣмецкимъ ботаникомъ самоучкой Гофмейстеромъ: ему удалось перебросить мостъ изъ полуцарства такъ называемыхъ споровыхъ растеній въ полуцарство сѣменныхъ“.

Въ то время, какъ сравнительный методъ торжествовалъ свою побѣду въ біологіи, благодаря примѣненію его къ исторіи развитія организмовъ, онъ дѣлалъ первые шаги въ направленіи къ созданію сравнительной исторіи нравовъ, правовыхъ порядковъ и учрежденій, благодаря сближенію этнологіи съ сравнительной исторіей права и широкому пользованію методомъ такъ называемыхъ пережитковъ. Въ этомъ направленіи шли одновременно и англійскіе, и нѣмецкіе ученые,— Макъ-Ленанъ и Мэнъ, Бахофенъ и Іерингъ. Почти одновременно начавшіе свою преподавательскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ молодые профессора-юристы—и въ числѣ ихъ покойный С. А. Муромцевъ—были учениками и послѣдователями только-что названныхъ ученыхъ и въ своихъ курсахъ старались знакомить слушателей

съ этими новыми теченіями въ области такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ,—теченіями, сближавшими эти науки по методу съ науками, посвящающими себя изученію законовъ природы. С. А. Муромцевъ тѣмъ существенно отличался отъ другихъ своихъ товарищей по преподаванію и научной разработкѣ явленій права, что, подобно своему учителю Іерингу, искалъ фактовъ, образующихъ право въ отдѣльныя эпохи его развитія, не столько въ организаціи данной общественной среды, сколько въ психологическихъ свойствахъ личности въ изучаемую эпоху. Одинъ изъ его учениковъ, проф. Нечаевъ, недавно выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Муромцевъ всегда и по преимуществу былъ склоненъ къ психологическому объясненію явленій; въ методологическихъ своихъ построеніяхъ онъ отводилъ психологіи первенствующее мѣсто; онъ вѣрилъ въ мощь человѣческой личности, человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, считалъ ихъ всесильными двигателями въ развитіи права; онъ не подчеркивалъ вліянія классовой борьбы, по примѣру своего учителя Іеринга, и объяснялъ развитіе права упорнымъ психическимъ трудомъ". Но рядомъ съ Муромцевымъ другіе молодые профессора-экономисты, ученики не только Вагнера, но и Лоренца Штейна и Шмоллера, испытавшіе на себѣ также вліяніе доктринъ автора „Капитала", Карла Маркса,—болѣе оттѣняли вліяніе, какое на развитіе народнаго хозяйства имѣетъ не одинъ ростъ техники, но и борьба противорѣчивыхъ экономическихъ интересовъ. Они указывали, какъ подъ вліяніемъ этой борьбы складывалась хозяйственная дѣятельность въ разныя эпохи такъ называемаго натуральнаго или самодовлѣющаго, денежнаго и кредитнаго хозяйствъ. Съ этой точки зрѣнія вся современная политическая экономія представлялась имъ не болѣе, какъ теоретизаціей основъ капиталистическаго строя, и они не видѣли причинъ, по которымъ этотъ строй долженъ былъ считаться окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ; они не считали, поэтому, возможнымъ примириться съ тою мыслью, чтобы политическая экономія, занимающаяся теоретизаціей основъ хозяйственнаго строя, могла считаться сказавшей свое послѣднее слово. Во главѣ этихъ людей стоялъ блестящій преподаватель, съ хорошей логической и философской подготовкой—А. И. Чупровъ. Не на одномъ юридическомъ факультетѣ сказывалось вліяніе сравнительно историческаго метода и теоріи эволюціонистовъ. Въ средѣ филологовъ и историковъ попадались люди, интересовавшіеся сравнительной исторіей религій и фольклоромъ, а также развитіемъ общественныхъ и политическихъ учрежденій у того или другого народа, но не иначе какъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Одинъ изъ нихъ, П. Г. Виноградовъ, продолжаетъ свои работы въ прежнемъ направленіи,

хотя и перенесъ часть своей преподавательской дѣятельности въ Оксфордъ. Другой — Н. И. Карѣевъ — стоитъ во главѣ зарождающагося историко-филологическаго факультета при психоневрологическомъ институтѣ. Сравнительно-историческое изученіе народныхъ вѣрованій и суевѣрій, въ связи съ изученіемъ міровыхъ религій, находило въ молодомъ профессорѣ-филологѣ Миллерѣ не только талантливаго выразителя, но и самостоятельнаго изслѣдователя, которому мы обязаны и научной постановкой у насъ Кавказовѣдѣнія, и тѣмъ направленіемъ въ истолкованіи нашего былиннаго эпоса, которое извѣстно подъ названіемъ теоріи странствующихъ сказаній и нашло себѣ самаго блестящаго представителя въ лицѣ А. Н. Веселовскаго—покойнаго профессора Петербургскаго университета.

Изъ всѣхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся проявленіями общественности, одно только уголовное право коснѣло въ прежней рабской зависимости отъ метафизики. Мы заучивали тридцать-сорокъ расходящихся между собою теорій наказанія, на которыхъ въ свою очередь отражались ученія нѣмецкихъ метафизиковъ, столько же категорическіе императивы Канта, сколько и діалектическій методъ Гегеля; мы заучивали, что наказаніе необходимо, такъ какъ является синтезомъ по отношенію къ тѣмъ двумъ—тезѣ и антитезѣ, какія представляютъ право и его отрицаніе въ преступленіи; наказаніе, учили насъ, необходимо, какъ отрицаніе отрицанія, т.-е. возстановленіе права. Необыкновенная отвлеченность и абсолютность положеній, высказываемыхъ русскими криминалистами отъ Баршева и Палюмбецкаго до Спасовича включительно, ихъ отрѣшенность отъ жизни и добровольное игнорированіе психическихъ особенностей преступника, столько же созданныхъ наслѣдственностью, сколько общественной средою,—имѣли то неизбѣжное послѣдствіе, что каждый изъ насъ смотрѣлъ на уголовное право, какъ на нѣчто вполнѣ ему чуждое, врѣзавшееся клиномъ въ обновленную эволюціонизмомъ область обществовѣдѣнія, съ его разнообразными развѣтвленіями историческихъ, психологическихъ, нравственныхъ и юридическихъ дисциплинъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется и то странное обстоятельство, что съ упованіемъ и надеждою смотрѣли въ это время на ту вѣтвь криминологіи, которая извѣстна подъ наименованіемъ тюрьмовѣдѣнія и которая задается не только мыслью объ изоляціи преступника, но и о его перевоспитаніи, а послѣднее немыслимо безъ изученія его психической природы и факторовъ преступности. То, что было сколько-нибудь живого въ средѣ университетскихъ ревнителей криминалистики, готовилось поэтому посвятить себя тюрьмовѣдѣнію. Въ числѣ этихъ молодыхъ ученыхъ самымъ живымъ, увлекающимся и увлекающимъ своимъ примѣромъ другихъ явился Димитрій Андреевичъ Дриль. Я познакомился

съ нимъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ мнѣ не разъ приходилось присутствовать при чтеніи его докладовъ и гдѣ онъ также нерѣдко выступалъ въ преніяхъ, посвященныхъ вопросамъ уголовнаго права. Нѣкоторыя изъ статей Дриля появлялись затѣмъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и знакомили русскую публику съ мало еще извѣстной у насъ въ то время уголовной антропологіей и ея ближайшимъ творцомъ, Ломброзо. Къ чести Дриля надо сказать, что, являясь горячимъ послѣдователямъ ученій турипскаго профессора и автора книги: „Преступный человѣкъ“, онъ въ то же время умѣлъ отнестись съ критикой къ его несомнѣнпымъ увлеченіямъ. Ломброзо, какъ извѣстно, долгое время придавалъ рѣшающее значеніе при объясненіи преступности факту наслѣдственности и приходилъ отсюда къ тому заключенію, что преступныя наклонности, какъ унаслѣдованныя, не могутъ быть искоренены, и что имѣются преступные типы, отъ которыхъ общество можетъ быть избавлено только однимъ путемъ—истребленіемъ, препятствующимъ дальнѣйшему дѣйствію закона наслѣдственности. Дриль съ самаго начала выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣхъ, кто въ недостаточной степени оттѣняетъ вліяніе общественной среды. Въ его статьѣ, появившейся въ маѣ 1880-го года въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и озаглавленной „Новыя вѣянія“, съ подтитуломъ: „Къ вопросу о наказаніяхъ“, авторъ платитъ дань теоріи наслѣдственной преступности, говоря о необходимости отнять у вырождающихся личностей возможность продолжать себя въ потомствѣ и тѣмъ вносить порчу и заразу въ общество; но онъ въ то же время особенно настаиваетъ на томъ, что „преступное дѣйствіе человѣка, какъ и всякое его дѣйствіе вообще, есть всегда результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: воздѣйствій, исходящихъ изъ внѣшней среды, съ одной стороны, и физической и психической структуры подвергающагося этимъ воздѣйствіямъ, съ другой. Мы, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали или сдѣлали весьма мало для борьбы съ тѣмъ факторомъ преступности, который обнимается понятіемъ общественной среды. Увеличивающееся скопленіе богатства въ рукахъ немногихъ, усиливающееся развитіе крупной промышленности, обоснованной на способахъ капиталистическаго производства, соотвѣтствующее этому увеличеніе пролетаріата и умноженіе всякихъ норъ и берлогъ, въ которыхъ обитаетъ одичалое, загнанное и вырождающееся отребье человѣческаго рода,—вотъ нѣкоторыя изъ сторонъ общественной среды, которыя вліяютъ на развитіе преступности“. Я нарочно привожу отрывки изъ раннихъ работъ Дриля, такъ какъ вся дальнѣйшая его научно-литературная дѣятельность сведется къ раскрытію тѣхъ общихъ формулъ, выраженіе которыхъ можно найти въ приведенныхъ мною словахъ. Загляпемъ еще въ нѣкоторыя изъ первыхъ статей Дриля, напечатанныхъ въ

томъ же органѣ Юридическаго Общества. Въ теченіе 1883—1884 годовъ „Юридическій Вѣстникъ“ далъ рядъ его этюдовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права“; они вошли затѣмъ въ 1-й выпускъ извѣстной книги „Малолѣтніе преступники“. Нельзя сказать, чтобы статьи Дриля были первыми по времени работами, познакомившими русское общество съ трудами итальянской положительной школы уголовнаго права и въ частности Ломброзо. Въ томъ же „Юридическомъ Вѣстникѣ“ появились статьи Минцлова: „Особенности класса преступниковъ“; въ основу ихъ легла знаменитая книга итальянскаго криминолога, но авторъ не дѣлалъ попытки критическаго отношенія къ новой школѣ. Далеко не такъ отнесся къ ней Дриль. Вотъ нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко будетъ судить и о впечатлѣніи, какое его статьи должны были произвести въ нашей средѣ—средѣ сторонниковъ положительнаго направленія въ обществовѣдѣніи, и о томъ, какъ самостоятельно относился къ уголовной антропологіи молодой русскій криминалистъ. Говоря о томъ, что новое направленіе выразилось въ созданіи цѣлой школы только въ Италіи, Дриль словами итальянскихъ послѣдователей Ломброзо слѣдующимъ образомъ характеризовалъ новую школу: „она признаетъ, что существующее ученіе о преступленіи и наказаніи не имѣетъ основаній въ опытѣ, а построено на выводахъ изъ недоказанныхъ принциповъ, доставляемыхъ абстрактными теоріями, часто противорѣчивыми и невѣрными. На мѣсто вывода изъ данныхъ самонаблюденія послѣдователи новой школы считаютъ нужнымъ поставить наблюденіе реальныхъ фактовъ, замѣняя преступника воображаемаго преступникомъ дѣйствительнымъ и подвергая его тщательному и всестороннему изслѣдованію, какъ любой объектъ научнаго изученія“. Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ этой перемѣнѣ метода, Дриль одобрялъ и общественную тенденцію новой школы, говоря: „если въ предшествующій періодъ своего развитія наука уголовнаго права главнымъ образомъ имѣла въ виду борьбу съ средневѣковой жестокостью наказаній, то въ настоящее время она, по мнѣнію ученыхъ новой итальянской школы, задается не менѣе гуманной цѣлью—цѣлью борьбы съ преступленіемъ и изысканія средствъ возможнаго уменьшенія числа ихъ“. Но Дриль не принималъ цѣликомъ всѣхъ положеній новой школы: „къ сожалѣнію,—прибавлялъ онъ,—идея борьбы и теорія удаленія изъ общества, въ видахъ искусственнаго подбора, его отбросовъ, по моему мнѣнію слишкомъ увлекаетъ итальянскихъ представителей позитивной школы, начиная отъ самого Ломброзо. Она мѣшаетъ имъ достойнымъ образомъ оцѣнить нѣкоторыя другія не менѣе важныя стороны вопроса“. Особенно у Гарофало и отчасти также у Ферри того времени Дриль отмѣчалъ такое увлеченіе идеей борьбы.

Оно заставляло перваго не оцѣнивать должнымъ образомъ ни тѣхъ гарантій личной свободы, какія заключаетъ въ себѣ Habeas Corpus, ни тѣхъ гарантій правосудія, какія связаны съ судомъ присяжныхъ. И то, и другое, казалось ему удаляющимъ отъ истинной цѣли—борьбы съ преступленіемъ. Той же господствующей идеей объясняется, по мнѣнію Дриля, готовность Гарофало поражать нѣкоторыя категоріи преступниковъ со всею строгостью наказаніями на вѣчныя времена и тѣмъ самымъ совершать искусственный подборъ общества, удаляя навсегда порочныхъ и неисправимыхъ его членовъ. Что же касается до Энрико Ферри, бывшаго въ то время профессоромъ въ Болоньѣ, то онъ въ своихъ „Новыхъ горизонтахъ уголовнаго права и процесса“ не отступалъ отъ мысли о благодѣтельномъ вліяніи искусственнаго подбора, совершающагося при посредствѣ смертной казни. Соглашаясь съ тѣмъ, что наказаніе должно имѣть въ виду, какъ на этомъ настаиваетъ итальянская школа уголовнаго права, главнымъ образомъ огражденіе общества и выводя отсюда то послѣдствіе, что наказаніе должно быть опредѣляемо сообразно не одной только значительности преступленія, но и тому, въ какой степени преступникъ представляетъ собою опасность для общества, Дриль расходился съ учителями новой школы въ распредѣленіи преступниковъ по степени этой опасности для общества на категоріи сумасшедшихъ, прирожденныхъ и неисправимыхъ и, наконецъ, случайныхъ. „Въ сферѣ преступленія,—писалъ онъ,—какъ и вездѣ въ природѣ, нѣтъ ничего обособленнаго и строго ограниченнаго: явленія и здѣсь представляютъ постепенные и неуловимые переходы“. Онъ прибавлялъ къ этому, что термины „прирожденный“ и „неисправимый“ выбраны крайне неудачно: они ставятъ предубѣждающіе ярлыки, при чемъ первый высказываетъ несправедливую мысль, что нѣкоторые уже рождаются роковыми преступниками. „Опытъ, конечно, не позволяетъ сомнѣваться, — писалъ Дриль, — что человѣкъ можетъ унаслѣдовать отъ своихъ восходящихъ такія особенности психо-физической организаціи, которыя предрасполагаютъ его къ преступленіямъ; но сдѣлаются ли они таковыми, это будетъ зависѣть отъ окружающей обстановки, отъ всѣхъ жизненныхъ условій вообще и отъ характера воспитанія въ частности“. Дриль высказываетъ далѣе соболѣзнованіе, что, слишкомъ увлекаясь идеей борьбы и черезчуръ полагаясь на прочность разъ установленныхъ ею категорій преступниковъ, итальянская школа для преступниковъ прирожденныхъ и рецидивистовъ настаиваетъ на пожизненныхъ наказаніяхъ и не отступаетъ даже отъ мысли примѣненія къ нимъ смертной казни (въ особенности Гарофало). Дриль жалѣетъ, что по отношенію къ третьей категоріи—случайныхъ преступниковъ—итальянская школа при опредѣленіи нака-

занія недостаточно становится на точку зрѣнія теоріи исправленія.

Я не пойду дальше въ разборѣ мыслей Дриля, выраженныхъ еще въ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ". Онѣ нашли развитіе въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ „Малолѣтнихъ преступникахъ". Мнѣ важно было показать, что Дриль никогда не закрывалъ глазъ на неизбѣжныя несовершенства, связанныя съ попыткою пойти новою дорогою и сказать новое слово въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о преступности и о борьбѣ съ нею. Изъ упомянутаго выше можно притти, наоборотъ, къ заключенію, что имъ отмѣчены были весьма рано тѣ слабыя мѣста въ новой школѣ, которыя позднѣе указываемы были Тардомъ и многими новѣйшими критиками. Не чрезмѣрнымъ увлеченіемъ доктриной Ломброзо, а предвзятымъ воззрѣніемъ, что новая доктрина подкашиваетъ якобы въ корнѣ самую идею наказанія, надо объяснить, почему въ московскомъ юридическомъ факультетѣ, въ лицѣ его декана, который былъ медикомъ по профессіи, нашелся человѣкъ, признавшій совершенно недопустимой публичную защиту взглядовъ Дриля на диспутѣ. Профессоръ Легонинъ — преподававшій судебную медицину,— отрицалъ за нами даже способность съ знаніемъ дѣла отнестись къ работѣ Дриля, увѣряя насъ, что оцѣнить ее должнымъ образомъ можетъ только естествоиспытатель и медикъ. Но Дриль былъ именно въ нашей средѣ тѣмъ рѣдкимъ юристомъ, который предпослалъ спеціализаціи по правовѣдѣнію нѣсколько лѣтъ занятій біологіей и въ частности анатоміей, физіологіей и патологіей человѣка. Ища провѣрки моихъ собственныхъ взглядовъ на качество представленной намъ диссертаціи, я обратился къ извѣстному въ то время спеціалисту, врачу-профессору Лашкевичу въ Харьковѣ, съ которымъ связывали меня давнишнія пріятельскія отношенія. Прочитавъ книгу Дриля, онъ сказалъ мнѣ, что авторъ несомнѣнно имѣетъ нужную подготовку по физіологіи вообще и физіологіи нервной системы въ частности; ему недостаетъ только знакомства съ клиническимъ методомъ, что̀ и вполнѣ понятно для человѣка, не завершившаго своего медицинскаго образованія практической работой въ госпиталяхъ. Заявленіе профессора Лашкевича побудило моего бывшаго учителя, Леонида Евстафьевича Владимирова, въ то время профессора уголовнаго права въ Харьковѣ, заявить о своей готовности принять работу Дриля въ качествѣ магистерской диссертаціи. Я имѣлъ счастье передать автору эту добрую вѣсть. Въ диспутѣ, рядомъ съ криминалистами по профессіи, выступилъ и докторъ медицины проф. Лашкевичъ. Диспутанту дана была полная возможность обнаружить разнообразіе и основательность сво-

ихъ свѣдѣній и въ біологіи, и въ уголовной антропологіи. Извѣстность Дриля, какъ русскаго представителя уголовной антропологіи, не замедлила съ этого времени упрочиться въ широкихъ кругахъ. Къ сожалѣнію, одновременно проникло въ правящія сферы убѣжденіе, что новая доктрина не можетъ быть терпима въ преподаваніи, такъ какъ сводится къ отрицанію карательной власти государства. Всѣ попытки Дриля устроиться при университетѣ на правахъ преподавателя встрѣтили рѣшительный отпоръ; почтенному ученому пришлось довольствоваться сравнительно скромнымъ положеніемъ сначала податного инспектора, а затѣмъ чиновника въ распоряженіи министра юстиціи и, наконецъ, юрисконсульта при томъ же министерствѣ. Несправедливость, обнаруженная по отношенію къ Дрилю и опиравшаяся на самомъ явномъ недоразумѣніи, казалась особенно возмутительной тѣмъ, кто зналъ его близко. Дриль принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые ждали и ждутъ всего не отъ политическихъ реформъ, не отъ установленія въ нашей странѣ конституціонныхъ порядковъ, а отъ перевоспитанія общества. Онъ одно время даже не оцѣнивалъ достаточно преимуществъ представительной системы, которая рисовалась его воображенію какъ дающая полный просторъ владѣтельнымъ классамъ угнетать невладѣтельные. Онъ готовъ былъ, вслѣдъ за соціалистами и Нордау, говорить по поводу ея о системѣ прикрытаго обмана, о „Conventionelle Lügen“, объ обманѣ, какой необходимо предполагаетъ передача законодательной власти въ руки земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, особенно при существованіи высокаго избирательнаго ценза. Бюрократія стала внушать ему заслуженныя опасенія только съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ попалъ въ ея среду. Его послѣдніе разговоры со мною свидѣтельствовали о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своихъ поѣздокъ съ цѣлью осмотра тюремъ, и изъ того отношенія, какое онъ встрѣтилъ къ предложеннымъ имъ мѣрамъ со стороны мѣстныхъ губернаторовъ... Добрую волю онъ приносилъ въ избыткѣ при выполненіи возложенныхъ на него порученій. Онъ не боялся съ этою цѣлью предпринимать и дальнихъ странствованій по сушѣ и морямъ, въ Сахалинъ и австралійскія колоніи, съ цѣлью изученія дѣйствительныхъ условій каторги. Рѣдкій съѣздъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, гдѣ бы онъ ни собирался, обходился безъ присутствія Дриля, его доклада и участія въ преніяхъ. Онъ находилъ также пищу для своего ума и сердца въ устройствѣ дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, въ устройствѣ народнаго университета и народнаго политехникума. И не смотря на всѣ эти разнообразныя занятія, его постоянно влекло къ преподаванію дорогой ему уголовной антропологіи и соціологіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. Къ чести

директора политехническаго института и профессоровъ его экономическаго отдѣленія, съ А. С. Посниковымъ во главѣ, надо отнести то, что съ момента, когда высшая школа получила у насъ автономію, они привлекли Дриля въ свою среду и поручили ему преподавать дорогую ему науку. Я встрѣтился съ Дрилемъ уже какъ съ товарищемъ на собраніяхъ профессоровъ политехникума и знаю отъ его слушателей, какъ занимательны и поучительны были его чтенія. Курсъ его, къ счастью, былъ отлитографированъ и можетъ служить дополненіемъ къ недочитаннымъ имъ лекціямъ въ психо-неврологическомъ институтѣ. Мнѣ пришлось недавно писать о Дрилѣ въ періодической печати. Я сказалъ о немъ, что это былъ человѣкъ высокой нравственной чистоты, у котораго слово шло всегда заодно съ дѣломъ и который всецѣло готовъ былъ отдать себя дѣятельному и разумному служенію человѣческой нуждѣ. Покинувшій насъ товарищъ не нуждается въ похвальномъ словѣ: мы только воздаемъ ему должное, сказавъ, что онъ былъ человѣкомъ въ высшемъ значеніи этого слова.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Кто отъ кого оказался изолированнымъ въ дни болѣзни, смерти и погребенія Толстого? — Послѣднія слова великаго покойника. — Н. И. Пироговъ объ университетскомъ вопросѣ. — „Дни національнаго подъема“. — „Новое Время“ о „пресловутомъ“ мусульманскомъ самоопредѣленіи. — Законъ и сенатское разъясненіе, отмѣненные петербургской городской думой. — Бельгійскій милліонъ. — Несбывшіяся надежды гг. Сопоцько и Бухмейера. — Новыя времена для „истинно-русскихъ“ союзниковъ.

Смерть Толстого была, въ общественно-политическомъ смыслѣ, однимъ изъ тѣхъ событій, все значеніе которыхъ сразу даже не поддается учету. Она воочію показала, кто и отъ кого въ русской жизни изолированъ. Тѣ ли занимаютъ изолированное положеніе, кто въ дни, когда на станціи Астапово стоялъ гробъ съ едва остывшимъ тѣломъ, напрасно стучались съ просьбами отслужить панихиду объ упокоеніи души усопшаго болярина Льва, — или тѣ, кто обязывалъ подписками содержателей увеселительныхъ заведеній не прекращать въ эти дни увеселеній. Тѣ ли, кто считали, что всѣ обычныя формы почитанія памяти умершихъ несоотвѣтственно малы сравнительно съ глубиною преклоненія передъ памятью только-что почившаго мірового генія,—

или тѣ, кто демонстративно отказывались почтить его память простымъ молчаливымъ вставаніемъ. Тѣ ли были и остаются выразителями народныхъ чувствъ, кто требуютъ внѣшняго увѣковѣченія имени Льва Толстого созданіемъ памятника, выкупомъ Ясной Поляны, обращеніемъ его сочиненій въ національное достояніе,—или тѣ, кто таятъ въ себѣ желаніе, чтобы имени Толстого не знала молодежь, чтобы это великое имя забылось. Съ тѣми ли были и остаются мысли и надежды народа, кто лучшей и достойнѣйшей формой чествованія памяти Толстого считали и считаютъ отмѣну смертной казни, кто въ дни поминокъ, подобно ему, „не могли молчать“ о тысячахъ казненныхъ,—или тѣ, кѣмъ въ эти дни налагался запретъ на слова о смертной казни...

Отказъ православной церкви служить панихиды по Толстомъ оставитъ глубокій слѣдъ въ народной душѣ. Толстой былъ вѣрующій христіанинъ. Онъ вѣрилъ въ Христа—и понималъ евангеліе не такъ, какъ учитъ православная церковь. Но кто ближе къ церкви: тотъ ли, кто, вѣруя, вноситъ въ свою вѣру свободное и независимое „я“, кто, вѣруя, заблуждается—допустимъ это,—или тотъ, кто не вѣруетъ вовсе? Для ума, чуждаго тонкостей церковной догматики, двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Но почему же церковь примиряется послѣ ихъ смерти даже съ завѣдомыми атеистами? Почему церковь не отказывается ни хоронить по христіанскому обряду людей, при жизни не знавшихъ Христа и не желавшихъ Его знать, не отказывается публично, въ храмѣ, возносить молитвы объ упокоеніи ихъ „со святыми“ и возглашать имъ „вѣчную память“? Неужели заблужденіе въ вѣрѣ—бо̀льшій грѣхъ, чѣмъ невѣріе, т.-е. полное отрицаніе вѣры въ Христа? Церковь молится объ упокоеніи души усопшаго. Такъ не все ли равно, если одинъ человѣкъ, заблуждаясь въ вѣрѣ, обнаруживалъ при жизни свои заблужденія—говорилъ о нихъ, писалъ, проповѣдывалъ,—а другой, быть-можетъ заблуждаясь еще болѣе, не дѣлился своими заблужденіями ни съ кѣмъ? Не одинаково ли—съ церковной именно точки зрѣнія—нужна обоимъ посмертная молитва?...

Смерть Толстого раскрыла ту душевную драму, которую онъ переживалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Она раскрыла, что на свою жизнь въ Ясной Полянѣ онъ смотрѣлъ какъ на крестъ, ниспосланный ему судьбой. Его мучилъ этотъ крестъ, но онъ считалъ себя обязаннымъ его нести—и несъ. Не потому Толстой не уходилъ „въ міръ“, что былъ не въ силахъ отказаться отъ обстановки и условій жизни въ Ясной Полянѣ, а потому, что эта жизнь была для него тяжкимъ подвигомъ любви. Только за девять дней до смерти онъ сложилъ съ себя крестъ. И Толстой умеръ примиреннымъ съ собою,—„на міру“,

въ домѣ начальника желѣзнодорожной станціи, окруженный заботами и любовью „міра“...

Послѣднее, что̀ вышло изъ-подъ похищеннаго смертью пера Толстого, было посвящено „тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени“. Мучимый исканіемъ способовъ достиженія отмѣны смертной казни, Толстой, 27-го октября въ Ясной Полянѣ и 29-го октября въ Оптиной Пустынѣ, писалъ:

„Думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ дверей; не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и безсмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ безмысленности и безнравственности смертной казни); не нужны также и описанія ужасовъ самого совершенія казней; такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

„И потому думаю, что главнымъ образомъ нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

„Какъ прекрасно говоритъ Кантъ, „есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ—тогда заблужденіе исчезнетъ само собою“.

„Какія же знанія нужно сообщать заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой.

„Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что̀ такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что̀ одно и то же, въ чемъ его назначеніе и, потому, что̀ можетъ и долженъ дѣлать каждый человѣкъ, а главное, что̀ не можетъ и не долженъ дѣлать.

„И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они, только благодаря смертной казни, удерживаютъ свое положеніе,—внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

„Знаю, что дѣло это нелегкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ

для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами..... стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распространителей ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

„И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни, и главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственно дѣйствительное средство борьбы".

13-го ноября, въ Петербургѣ, литературными и учеными обществами былъ организованъ „вечеръ памяти Льва Николаевича Толстого". На программѣ было напечатано: „Участники вечера, заранѣе благодаря за возможное сочувствіе ихъ рѣчамъ, покорнѣйше просятъ воздержаться отъ знаковъ одобренія, считая всякія шумныя манифестаціи (апплодисменты, пѣніе и т. п.) неумѣстными на скорбномъ вечерѣ, посвященномъ памяти великаго писателя". И эта просьба была свято исполнена. Въ залѣ, гдѣ собралось 1700 человѣкъ, гдѣ не было ни одного свободнаго мѣста, гдѣ бо́льшую половину присутствующихъ составляла учащаяся молодежь, гдѣ всѣмъ были извѣстны условія, въ которыхъ удалось получить разрѣшеніе на вечеръ,—не раздалось ни одного хлопка и ни одного протестующаго звука. Это такой показатель общественнаго воспитанія, которому и за границей могли бы позавидовать.

Минуло столѣтіе со дня рожденія Н. И. Пирогова,—знаменитаго хирурга въ эпоху крымской войны, врача-профессора и педагога. А. И. Шингаревъ въ канунъ чествованія его памяти кстати возобновилъ въ общественной памяти то, что писалъ Пироговъ по университетскому вопросу („Рѣчь", № 312). Повторимъ за нимъ нѣкоторыя выдержки.

„Старое и забытое является въ извѣстные періоды снова на свѣтъ..." „Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ университетской жизни встрѣчаются возвраты къ старому, забытому и прожитому. Возвраты зимы весною и лѣтомъ наносятъ вредъ земледѣльцамъ; возвраты болѣзней опасны для больныхъ; съ стихійными силами ничего не подѣлаешь; зато умъ, данный намъ Богомъ, долженъ былъ не на шутку и не разъ призадуматься, придавая возврату худого и худо-забытаго значеніе благодѣтельной новизны". Эти слова Пироговъ относилъ къ проекту „новаго" университетскаго устава графа Д. А. Толстого, который, по его выраженію, въ этомъ проектѣ „наступилъ ногою на здравый смыслъ".

„Въ наукѣ есть свои повороты; въ жизни—свои. Иногда и тѣ и другіе сходятся: но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а чрезъ нее и на университетѣ".

„Въ университетахъ два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія и зрѣлости общества, другіе—его молодость, его нужды, потребности, направленіе, взгляды, увлеченія, страсти, пороки. Все сосредоточено въ одномъ пунктѣ и потому высказывается яснѣе, сильнѣе. Чего въ немъ нѣтъ, того нѣтъ въ обществѣ, или то спитъ и не живетъ духовно. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать; лучше всетаки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать".

„Всякій понимаетъ, что университетъ не казарма и не корпусъ, и студенчество не солдатство, однако"... „Есть же, говорятъ, въ Англіи воспитательный университетъ. Про него всего чаще начали говорить, когда прочли Визе. Но Визе, приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забылъ одно: Habeas corpus. А это одно воспитываетъ англичанъ, и не однихъ лордовъ,—не хуже всякихъ университетовъ".

Читаешь и не вѣришь, что все это писалось не для насъ и не для нашихъ „послѣ-конституціонныхъ" дней. Разница лишь въ томъ, что когда писалъ Пироговъ, „наступалъ ногою на здравый смыслъ" графъ Д. А. Толстой. А теперь его топчутъ ежедневно Пуришкевичи, Марковы, Тимошкины...

„Въ наши дни національнаго подъема русскаго общества"—такъ опредѣляетъ г. Я. Н—овъ въ „Новомъ Времени" (№ 12459) общественно-политическое положеніе нынѣшняго момента. Что это за подъемъ—провѣрить весьма просто. Задайте любому читателю газетъ, а еще лучше задайте себѣ, несложный вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность той очередной реформы, которая подъ названіемъ проекта о всеобщемъ начальномъ обученіи составляетъ чуть не цѣлый мѣсяцъ предметъ занятій Государственной Думы? Ни вы сами и никто изъ тѣхъ, кого вы спросите, навѣрное на этотъ вопросъ не отвѣтятъ. У русскаго общества есть совершенно ясное впечатлѣніе, что общій фонъ обсужденія реформы составляли и составляютъ скандалы, перешедшія всѣ границы приличія бранныя слова, выкрики и стукъ по пюпитрамъ. Какъ яркіе блики на этомъ фонѣ, вырисовываются вопросъ объ инородцахъ и о языкѣ преподаванія на окраинахъ, споръ о параллельномъ сохраненіи со свѣтской школой школы церковно-

приходской и страстные дебаты о роли, которую реформа отводитъ законоучителямъ и предводителямъ дворянства. А чѣмъ будетъ проектируемая школа, по сравненію съ нынѣ существующей земской и городской школой обычнаго типа,—будетъ ли она давать бо̀льшую или меньшую сумму знаній, повыситъ или понизитъ положеніе учителя, сблизитъ ли начальное обученіе съ курсомъ средней школы или наоборотъ, расширитъ или съузитъ область общественной самодѣятельности въ школьномъ дѣлѣ,—объ этомъ, кромѣ членовъ Думы (всѣхъ ли?), никто не знаетъ, и этимъ никто не интересуется. Ни статей проекта, раскрывающихъ суть реформы, поскольку она не затрагиваетъ боевыхъ вопросовъ минуты, ни преній по этимъ статьямъ, думскіе референты не воспроизводятъ. И, конечно, винить ихъ за это было бы несправедливо. Ежедневная печать даетъ то, что представляетъ общественный интересъ. Если она обходитъ молчаніемъ существо обсуждаемой реформы, значитъ къ реформѣ нѣтъ интереса.

Но было бы несправедливо укорять и общественное сознаніе. Тотъ „ходъ законодательной работы“, который, по словамъ „Свѣта“, вызываетъ „надлежащее одобреніе“,—о чемъ корреспонденту газеты „посчастливилось узнать изъ высоко-авторитетнаго источника“,—показалъ не со вчерашняго дня, что „обновленный“ законодательный механизмъ никакой болѣе или менѣе крупной реформы пропустить черезъ себя не въ силахъ. Слѣдовательно, изучать проектъ школьной реформы просто не стоитъ: если въ немъ есть хоть что-либо улучшающее положеніе школьнаго дѣла, въ законъ онъ все равно никогда не обратится. При такомъ общественномъ настроеніи можно говорить о чемъ угодно, но ужъ никакъ не о національномъ подъемѣ русскаго общества. Долгіе десятки лѣтъ вся мыслящая Россія была занята вопросомъ о всеобщемъ начальномъ обученіи и въ связи съ нимъ—вопросомъ объ измѣненіи формъ государственнаго строя, ибо прежній строй служилъ преградой его разрѣшенію. Въ условіяхъ новаго строя, вопросъ дождался своей очереди и обсуждается. А интереса къ тому, какъ намѣчается его разрѣшеніе, въ обществѣ нѣтъ и слѣда.

Нельзя не сказать, впрочемъ, что г. Н—овъ, пожалуй, и правъ. Подъ „русскимъ обществомъ“ онъ, очевидно, разумѣетъ тѣ общественныя теченія, которыя сейчасъ сгруппировались вокругъ проповѣди человѣконенавистничества и изолировались въ всероссійскомъ національномъ союзѣ и въ студенческихъ клубахъ академистовъ. А подъ „національнымъ подъемомъ“—внѣшній шовинизмъ и внутреннюю травлю инородцевъ и иновѣрцевъ. Если называть „русскимъ обществомъ“ писателей и читателей „Новаго Времени“, „Земщины“ и „Русскаго Знамени“ и если подъ національнымъ подъемомъ пони-

мать стремленіе подавить чужія національности и чужія религіозныя воззрѣнія, полагая въ этомъ все покрывающій свой собственный религіозно-національный интересъ,—то для такого общества „наши дни“ дѣйствительно суть дни небывалаго подъема. „Истинно-русскіе“ патріоты изъ союзническихъ чайныхъ, уподобившись китайцамъ-боксерамъ, открыто объявили на весь міръ, что онѣ „разнесутъ“ строящійся въ Петербургѣ буддійскій храмъ. „Земщина“ требуетъ, чтобы, независимо отъ ихъ содержанія, были изъяты изъ обращенія всѣ книги, принадлежащія перу Л. Н. Толстого, разъ онѣ посвящены религіознымъ вопросамъ. „Неужели—заявляетъ органъ думскихъ крайнихъ правыхъ—могутъ быть какія-нибудь сомнѣнія въ томъ, что самое имя Толстого на книгѣ, трактующей религіозные предметы, является уже оскорбленіемъ религіи?“ „Новое Время“, утомившись въ преслѣдованіи евреевъ, финляндцевъ и поляковъ, начало, при содѣйствіи г. Н—ова, кампанію противъ мусульманъ.

Поводомъ начать кампанію послужило распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, командировавшаго чиновниковъ въ уфимскую и оренбургскую губерніи для ревизіи дѣлъ магометанскаго духовнаго собранія. По свѣдѣніямъ газеты, командировка вызвана „необходимостью возможно полнаго изученія управленія духовными дѣлами русскихъ мусульманъ въ отношеніи согласованности этого управленія съ потребностями мусульманскаго населенія имперіи; чинамъ ревизіи, кромѣ того, поручено и другое важное дѣло—изученіе современнаго состоянія мусульманскихъ учебныхъ заведеній, перешедшихъ отъ конфессіональной къ общеобразовательной программѣ обученія“. Въ „изученіи“ чего бы то ни было и кѣмъ бы то ни было, само собою разумѣется, нѣтъ ничего ни худого, ни опаснаго. И если бы вопросъ шелъ, въ данномъ случаѣ, только объ „изученіи“—управленія и состоянія учебныхъ заведеній,—починъ министерства заслуживалъ бы, какъ это и дѣлаетъ „Новое Время“, только привѣтствія. Но и младенцу ясно, что „не въ изученіи тутъ сила“. Г. Н---овъ откровенно перескакиваетъ отъ изученія къ тому, что̀ за изученіемъ должно послѣдовать. Онъ напоминаетъ о Финляндіи, „которая предстала передъ глазами русскихъ въ ея настоящемъ видѣ лишь сто лѣтъ спустя послѣ покоренія“, рекомендуетъ, далѣе, „особенно считаться“ съ событіями въ Турціи и затѣмъ обращаетъ „самое серьезное вниманіе“ государственной власти на „пресловутое мусульманское самоопредѣленіе“. Какъ реальные признаки мусульманскаго сепаратизма, онъ выставляетъ, съ одной стороны, фактъ перехода въ магометанство десятковъ тысячъ инородцевъ, едва только въ 1905 г. такой переходъ сталъ возможенъ, а съ другой—то, „что въ новыхъ мусульманскихъ школахъ въ число предметовъ обученія входятъ турецкій языкъ,

въ качествѣ языка, объединяющаго тюркскія нарѣчія приволжскаго края, исторія и географія Турціи и распространены турецкіе учебники константинопольскаго изданія, а также что ученикамъ нѣкоторыхъ школъ присвоена форма турецкихъ школьниковъ".

Послѣдній кивокъ похожъ на сплетню, и мы безъ возраженія оставляемъ его на отвѣтственности автора. Возвращаться же къ ссылкѣ на переходъ въ магометанство тѣхъ православныхъ, которые православными никогда не были, а только числились, стыдно, казалось бы, даже и для „Новаго Времени". Это была естественная и неизбѣжная расплата за вѣковое насиліе въ дѣлахъ вѣры — т.-е. за ту самую политику, возврата къ которой жаждетъ „въ дни національнаго подъема" специфическое „истинно-русское" общество. Г. Н—овъ желаетъ, чтобы русскіе чиновники, отправляемые для службы на окраины, проходили такой же искусъ въ знаніи мѣстныхъ языковъ, обычаевъ и нравовъ, какой установленъ въ Англіи для лицъ, поступающихъ на службу въ колоніи. Цитируя „Bombay Gazette", онъ перечисляетъ слѣдующіе предметы, знаніе которыхъ обязательно: „индійскій уголовный кодексъ и уставъ о судопроизводствѣ, законъ Индіи о свидѣтельскихъ показаніяхъ, исторія Индіи и, наконецъ, главный туземный языкъ провинціи, куда кандидатъ предположенъ къ назначенію". Но вотъ вопросъ: въ какой связи съ этимъ желаніемъ стоитъ напоминаніе о Финляндіи и о событіяхъ въ Турціи и рекомендація обратить „самое серьезное вниманіе" на „мусульманское самоопредѣленіе", именуемое „пресловутымъ"? На страницахъ „Новаго Времени" этотъ послѣдній эпитетъ краснорѣчивѣе всѣхъ разсужденій и всякихъ цитатъ. Онъ раскрываетъ тотъ конецъ мыслей автора, для котораго два столбца тягучихъ фразъ служатъ покровомъ. Авторъ въ командированіи чиновниковъ въ уфимскую и оренбургскую губерніи провидитъ войну съ „мусульманскимъ самоопредѣленіемъ" или, иначе, обычныя и привычныя мѣры обрусенія восемнадцати милліоновъ „монголовъ-мусульманъ": закрытіе школъ, религіозныя гоненія, запретъ общественной дѣятельности, изгнаніе изъ земства и т. д. „Въ добрый часъ!" — напутствуетъ онъ авангардъ, за которымъ не замедлятъ послѣдовать обученные на англійскій манеръ щедринскіе „ташкентцы".

„Петербургская городская дума не перестаетъ изумлять даже ко всему привыкшихъ россійскихъ обывателей". Этими словами началъ свой отчетъ о засѣданіи думы 10-го ноября одинъ изъ газетныхъ референтовъ. Дѣйствительно, какъ только дѣло касается раздачи другъ другу платныхъ мѣстъ и системы „кормленія" вообще, петербургская дума рѣшительно все забываетъ. При распредѣленіи между гласными

пайковъ изъ городского сундука, въ цѣляхъ закупки этими пайками вѣрныхъ голосовъ, большинство думы не знаетъ ни въ чемъ препятствій: ни въ элементарныхъ требованіяхъ приличія, ни, даже, въ томъ, что̀ чернымъ по бѣлому, съ недопускающей сомнѣній ясностью, написано въ законѣ. Тутъ стародумцы обнаруживаютъ такую смѣлость—чтобы не сказать другого слова,—что остается одно: въ недоумѣніи пожимать плечами и разводить руками. 10-го ноября они ни болѣе, ни менѣе, какъ вотировали закрытой баллотировкой и отвергли категорическое опредѣленіе положенія объ общественномъ управленіи города Петербурга.

Въ этомъ положеніи есть статья 110-ая, которая гласитъ, что голова, его товарищъ и члены управы, „а равно прочія лица, занимающія должности по общественному управленію“ (т.-е. предсѣдатели и члены городскихъ исполнительныхъ коммиссій), „не участвуютъ въ постановленіи опредѣленій о назначеніи содержанія по занимаемымъ ими должностямъ“. Едва ли можетъ быть надобность въ какихъ-либо оправданіяхъ этого правила, ибо было бы совершенно дико допустить, что люди могутъ сами себѣ назначать жалованье. Аналогичное правило имѣетъ мѣсто въ земскомъ положеніи и въ общемъ городовомъ положеніи 1892 г., и нигдѣ никогда оно не возбуждало сомнѣній. Петербургская же городская дума, большинствомъ голосовъ, поставила на свое разрѣшеніе и разрѣшила въ положительномъ смыслѣ вопросъ, формулированный приблизительно въ слѣдующей редакціи: „Угодно ли думѣ признать, что предсѣдатели и члены исполнительныхъ коммиссій *могутъ участвовать* въ баллотировкѣ размѣра содержанія по занимаемымъ ими должностямъ“. Законъ говоритъ: „не участвуютъ“, а дума рѣшила: „могутъ участвовать“. И такое рѣшеніе состоялось въ условіяхъ, при которыхъ и мысли не можетъ быть о какой-либо случайности. Напротивъ, оно было результатомъ преній, которыя заняли цѣлыхъ два засѣданія.

Впервые докладъ „объ опредѣленіи содержанія личному составу исполнительныхъ коммиссій“ былъ поставленъ на повѣстку 3 ноября. Послѣ споровъ по существу вопроса, когда стародумцы, подсчитавъ голоса, уже предвкушали сладость побѣды въ видѣ сохраненія жалованья и разъѣздныхъ, одинъ изъ гласныхъ-обновленцевъ прочелъ текстъ ст. 110-ой и потребовалъ отъ предсѣдателя, чтобы законъ получилъ примѣненіе. Если бы бомба вдругъ разорвалась въ залѣ, то и тогда, пожалуй, стародумцы не болѣе бы растерялись. Они съ быстротою молніи сообразили, что имѣютъ перевѣсъ всего около десяти голосовъ и что такъ какъ членовъ санитарной коммиссіи 12, а больничной 20, то этимъ двумъ коммиссіямъ, подкармливающимъ 32 голоса, придется лишиться „разъѣздныхъ“. Въ ихъ рукахъ появи-

лось положеніе. Одни изъ нихъ стали рыться въ сборникѣ сенатскихъ рѣшеній Мыша. Другіе начали возражать. Заговорили такіе гласные, которые никогда не открываютъ рта. „Я гласный! никто не можетъ лишить меня права участвовать въ баллотировкѣ“ — кричалъ членъ больничной коммиссіи, исправно получающій 50 рублей въ мѣсяцъ и никогда не бывающій во ввѣренной его попеченію больницѣ. „Надо поискать; навѣрное было рѣшеніе сената“—успокаивали его не менѣе пораженные сосѣди. Гласный гр. Бобринскій—членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ и бывшій предсѣдатель городской думы—предложилъ любопытный способъ парализовать разрушающій благополучіе стародумцевъ законъ. Онъ заявилъ, что члены коммиссій передъ баллотировкой вопроса о содержаніи могутъ сложить съ себя званіе и участвовать въ голосованіи, а черезъ часъ ихъ можно снова выбрать. Въ его словахъ блеснулъ-было лучъ надежды, но тутъ же и погасъ, когда, въ отвѣтъ, прочли другой законъ, на основаніи котораго для увольненія членовъ исполнительныхъ коммиссій отъ должностей требуется не одно ихъ заявленіе, а распоряженіе утвердившей ихъ въ должностяхъ власти. Спросили предсѣдателя юридической коммиссіи. Онъ сказалъ, что ст. 110-ая ясна и спорить не о чемъ. Спросили предсѣдателя думы, какъ онъ намѣренъ поступить. Неожиданно застигнутый и все-таки присяжный повѣренный, юристъ, г. Унковскій объявилъ, что, въ силу ст. 110-ой положенія, онъ участія въ баллотировкѣ членовъ коммиссіи не допуститъ. Но тутъ же г. Унковскій спохватился и, не доведя вопроса о жалованьѣ до рѣшенія, закрылъ собраніе.

Ближайшее засѣданіе, 5 ноября, стародумцы „сорвали“. Они не пришли, и собраніе думы не могло состояться. Засѣданіе 10 ноября г. Унковскій открылъ чтеніемъ заявленія двѣнадцати гласныхъ, представившихъ протестъ противъ примѣненія ст. 110 положенія. Съ юридической аргументаціей эти двѣнадцать гласныхъ справились очень просто. Они выписали изъ сборника Мыша тезисъ рѣшенія сената, хотя и напечатанный подъ ст. 110-ою, но, по заявленію самого составителя сборника, не имѣющій никакого отношенія къ вопросу объ участіи должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія въ назначеніи самимъ себѣ жалованья,—и поставили точку. Къ этой несложной аргументаціи товарищъ городского головы, г. Демкинъ, прибавилъ столь же убѣдительное соображеніе: до сихъ поръ ст. 110-я не примѣнялась. Г. Унковскій предложилъ начать пренія и предупредительно заявилъ, что хотя въ предшествующемъ засѣданіи онъ высказалъ противоположное мнѣніе, но въ толкованіи закона подчинится рѣшенію думы. Напрасно говорили выдающіеся юристы—В. О. Люстихъ, П. А. Потѣхинъ. Напрасны были слова о томъ, что нельзя

подвергать баллотировкѣ дѣйствующій законъ. Стародумцы, признающіе только одну „логику“,—логику шаровъ,—пришли спеціально для того, чтобы шарами отмѣнить законъ—и отмѣнили.

Въ томъ же засѣданіи, петербургская городская дума объявила, что она не желаетъ считаться какъ съ закономъ, такъ и съ тѣмъ, что̀ въ обывательскомъ обиходѣ русской жизни имѣетъ болѣе закона обязательное значеніе—съ преподаннымъ къ руководству „всѣмъ мѣстамъ и лицамъ“ разъясненіемъ общаго собранія сената. Съ „разъясненіемъ“, впрочемъ, стародумцы поступили не совсѣмъ такъ, какъ съ закономъ. Законъ они отмѣнили цѣликомъ за свой страхъ и рискъ. А „разъясненіе“—заручившись, по ихъ, по крайней мѣрѣ, словамъ, обѣщаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ поискахъ „достойнаго“ предсѣдателя городской училищной коммиссіи, стародумцы мечутся отъ одного крупнаго чиновника къ другому. Какъ извѣстно, весной они выбрали сенатора г. Лузанова. Были ли передъ его избраніемъ имъ даны какія-либо обѣщанія—не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, его избраніе было прямымъ нарушеніемъ разъясненія сената по дѣлу сенатора М., нѣсколько лѣтъ назадъ избраннаго членомъ петербургской уѣздной земской управы, и утвержденія г. Лузанова не послѣдовало. Теперь стародумцы остановили свой выборъ на начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Бельгардѣ. Что этимъ избраніемъ опять явно нарушено „разъясненіе“, сомнѣній быть не можетъ. Сенатъ въ основу толкованія положилъ недопустимость совмѣстительства такихъ должностей по государственной и общественной службѣ, по которымъ одно и то же лицо можетъ оказаться въ положеніи органа надзора за самимъ собою и за лицами, осуществляющими въ отношеніи его функціи начальства. Сенатъ есть высшій органъ надзора въ имперіи, и каждый сенаторъ, безразлично, въ составъ какого департамента онъ входитъ, можетъ оказаться членомъ той коллегіи, которая будетъ, въ качествѣ высшей инстанціи, разсматривать дѣла объ отвѣтственности земской или городской управы, присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ и губернатора. По этимъ основаніямъ, избраніе г. М. было кассировано. Г. Бельгардъ, по должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, состоитъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, т.-е. той коллегіи, постановленіями которой налагаются дисциплинарныя взысканія на городского голову и подвергаются удаленію отъ должности, а равно предаются суду „прочія должностныя лица общественнаго управленія“ (ст. 130 и 131 положенія), къ числу коихъ, на правахъ члена управы, принадлежитъ предсѣдатель училищной коммиссіи. Очевидно, слѣдовательно, что „разъясненіе“ столь же касается г. Бельгарда, какъ и касалось г. Лузанова.

И опять въ избраніи г. Бельгарда не было ни случайности, ни ошибки. Приведенныя соображенія были подробно развиты въ засѣданіи думы. Но на нихъ даже возразить никто не счелъ нужнымъ. „Намъ обѣщалъ П. А. Столыпинъ“! Этотъ аргументъ стародумцы передавали и до выборовъ, и послѣ выборовъ въ кулуарахъ и, вѣря въ министерскую полноту власти, съ спокойной совѣстью нарушили „разъясненіе“... Среди гласныхъ-обновленцевъ, послѣ отмѣны ст. 110 положенія и послѣ избранія г. Бельгарда, естественно всталъ вопросъ: какъ быть? Дважды совершено нарушеніе тѣхъ формъ, въ которыхъ должно дѣйствовать городское самоуправленіе. И совершено оно не стародумцами—кто и зачѣмъ будетъ разбираться въ думскихъ партіяхъ? — а думой. Отвѣтственность за эти нарушенія — передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ избирателями и передъ своей совѣстью—падаетъ на всю думу, слѣдовательно и на то меньшинство, которое баллотировало противъ незаконныхъ предложеній. Можетъ ли, однако, это меньшинство что-либо сдѣлать, чтобы противозаконныя рѣшенія были отмѣнены? Прямого пути для этого нѣтъ. Есть путь обходный: жалоба въ порядкѣ надзора. Но пусть лучше, вопреки установленнымъ въ законѣ условіямъ голосованія, члены больничной и санитарной коммиссій будутъ получать шестисотрублевыя подачки, пусть лучше, вопреки сенатскому разъясненію, г. Бельгардъ станетъ во главѣ городского училищнаго дѣла! Изнутри общественнаго учрежденія апелляція къ органамъ бюрократіи исходить не должна. Борьба въ думѣ должна заканчиваться въ думскомъ залѣ. По иниціативѣ гласныхъ ее можно выносить на судъ общественный, но не на судъ канцелярій и министерскихъ кабинетовъ. И безъ того чрезмѣрно велика власть надъ самоуправленіемъ этихъ канцелярій и этихъ кабинетовъ... Да и съ практической точки зрѣнія, какая гарантія, что жалоба градоначальнику или министру будетъ уважена? А что, если П. А. Столыпинъ дѣйствительно „обѣщалъ“? Въ газетахъ уже сообщалось, что съ утвержденіемъ избранія г. Бельгарда „встрѣтились затрудненія“ и что для ихъ устраненія предполагается покрыть думскую баллотировку Высочайшимъ соизволеніемъ на его утвержденіе...

Одновременно съ засѣданіемъ петербургской городской думы 10-го ноября, въ „Раннемъ Утрѣ“, а затѣмъ въ „Рѣчи“ появилась слѣдующая перепечатка замѣтки изъ бельгійскихъ биржевыхъ газетъ: „Намъ сообщаютъ, что инцидентъ съ милліономъ франковъ, потраченнымъ на полученіе трамвайной концессіи въ Петербургѣ, разыгравшійся въ антверпенскомъ трамвайномъ трестѣ, будетъ улаженъ въ скоромъ времени. Правленіе треста получило уже предварительное согласіе на возмѣщеніе произведенныхъ затратъ. Разумѣется, не

можетъ быть и рѣчи, что кто-либо возмѣститъ израсходованныя суммы, но трестъ получитъ полную компенсацію въ формѣ наиболѣе желательной для него". За этой „успокоительной" для брюссельскихъ и антверпенскихъ биржевыхъ круговъ замѣткой была напечатана въ тѣхъ же газетахъ и другая, оправдывающая заправилъ треста: „Правленіе не имѣло никакихъ основаній не вѣрить петербургскимъ обязательствамъ и обѣщаніямъ, такъ какъ и тѣ, и другія исходили отъ большого количества лицъ, занимающихъ самыя видныя положенія въ городскомъ управленіи. По имѣющимся у насъ даннымъ, такихъ лицъ было болѣе тридцати".

Эти замѣтки прочла вся Россія. Юмористическіе журналы и листки на всѣ лады изображаютъ бельгійскій милліонъ. А петербургская городская дума молчитъ, — какъ будто „петербургскія обязательства", исходившія отъ лицъ, „занимающихъ самыя видныя положенія въ городскомъ управленіи", ея не касаются. Молчатъ коммиссіи трамвайная и ревизіонная. Молчатъ тѣ „видные" гласные, которые еще весной съ жаромъ доказывали, что постройку трамваевъ второй очереди надо отдать концессіонерамъ. Имена этихъ гласныхъ у всѣхъ на устахъ. На нихъ пальцемъ показываютъ. А они завернулись въ тогу неуязвимаго благородства—и молчатъ...

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали о бывшемъ студентѣ военно-медицинской академіи Сырокомлѣ-Сопоцько, о полученной имъ на экзаменѣ двойкѣ и о производившемся по поводу этой двойки разслѣдованіи. Мы ошиблись въ нашемъ предсказаніи побѣды г. Сопоцьки надъ академіей и надъ тверскимъ губернаторомъ. Въ концѣ концовъ, онъ понесъ пораженіе, но такое, которое для студента, не справившагося послѣ двухъ лѣтъ пребыванія на третьемъ курсѣ академіи съ трудностями оперативной хирургіи и топографической анатоміи, немногимъ уступаетъ побѣдѣ.

Военный министръ счелъ нужнымъ опубликовать по „дѣлу" оффиціальное сообщеніе. Изъ этого сообщенія узнаемъ, что „12-го сентября сего года, М. Сырокомля-Сопоцько подалъ на имя военнаго министра прошеніе, въ которомъ заявилъ, что будучи принятъ по личному Государя Императора повелѣнію въ число студентовъ Императорской военно-медицинской академіи, какъ георгіевскій кавалеръ, онъ нынѣ несправедливо уволенъ постановленіемъ конференціи вслѣдствіе того, что профессоръ Делицынъ по злобѣ на него призналъ его познанія неудовлетворительными, а равно и потому, что онъ вѣрноподданный и стоитъ за вѣру, царя и отечество". Далѣе проситель предупреждалъ, „что если онъ не получитъ защиты отъ военнаго министра то на

георгіевскомъ праздникѣ будетъ просить о ней Государя Императора".

Казалось бы, что болѣе чѣмъ оригинальная мотивировка прошенія и совершенно недопустимое въ условіяхъ военной службы „предупрежденіе" предрѣшали его судьбу. Но военный министръ прошенію далъ ходъ и назначилъ разслѣдованіе. Разслѣдованіе выяснило, что „студентъ Сопоцько былъ переведенъ изъ новороссійскаго университета не по личному Высочайшему повелѣнію, а по постановленію конференціи Императорской военно-медицинской академіи", — т.-е., что онъ допустилъ въ прошеніи завѣдомо невѣрное утвержденіе. Опять, казалось бы, дѣло должно было получить неблагопріятное для г. Сопоцьки разрѣшеніе. Военный же министръ, „во вниманіе къ боевымъ заслугамъ бывшаго студента Сопоцько", предписалъ начальнику академіи его принять на четвертый курсъ, „съ обязательствомъ въ теченіе предстоящаго учебнаго года подвергнуться вновь переэкзаменовкѣ по оперативной хирургіи и топографической анатоміи". И только выступленія г. Сопоцьки въ печати съ угрозой „увольненіемъ со службы лицамъ, увольненіе коихъ зависитъ лишь отъ непосредственнаго усмотрѣнія Его Императорскаго Величества", „вынудили военнаго министра отказаться отъ первоначальнаго рѣшенія принять его вновь въ академію, доложивъ о такомъ рѣшеніи Его Императорскому Величеству Государю Императору".

Былъ ли хоть одинъ случай въ практикѣ военнаго министерства, чтобы по поводу увольненія не только студента военно-медицинской академіи, но высшаго генерала публиковались такія подробности, вплоть до предшествовавшихъ увольненію колебаній военнаго министра?

Не повезло, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, на какой онъ, повидимому, разсчитывалъ, и другому союзнику, г. Бухмейеру,—тому самому предсѣдателю земской управы, который ввѣрилъ провалившемуся на экзаменѣ г. Сопоцькѣ леченіе крестьянъ с. Мологина старицкаго уѣзда. Имя г. Бухмейера извѣстно, какъ „истинно-русскаго" земца тверской губерніи, и года два назадъ мы имѣли случай упоминать о его выступленіяхъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ г. Старицѣ г. Бухмейеръ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ, можно сказать, всю законную и надзаконную уѣздную власть: онъ состоитъ предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ земской управы и предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа. При такой „полнотѣ власти", онъ, очевидно, былъ спокоенъ и за себя, и за уѣздъ. И вдругъ—пишетъ онъ въ „Русскомъ Знамени"—„іюня 14-го я былъ вызванъ въ г. Тверь, гдѣ г. губернаторъ предложилъ мнѣ на выборъ одно изъ двухъ: или активную дѣятельность въ союзѣ

русскаго народа, или же службу въ должности предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы". Г. Бухмейеръ, конечно, требованію губернатора не подчинился и подалъ жалобу на Высочайшее имя. Однако, и тутъ его ждала неудача: „сентября 15-го" онъ получилъ увѣдомленіе, что его ходатайство оставлено „безъ удовлетворенія". Но г. Бухмейера сломить не такъ легко. „Среди союзниковъ—взываетъ онъ—есть люди, стоящіе непосредственно у трона, голосъ которыхъ доходитъ до Царя помимо канцелярій. Есть въ союзѣ знаменитые іерархи и общественные дѣятели. Къ вамъ я обращаюсь"...

Послѣ пораженія, понесеннаго г. Сопоцькой, мы не рискнемъ предсказывать побѣду г. Бухмейеру. Что касается успѣха его обращенія къ „знаменитымъ іерархамъ", то въ этомъ отношеніи г. Бухмейеру, пожалуй, и вовсе нѣтъ основанія разсчитывать на поддержку. Въ „Рѣчи" (№ 320) мы прочли разсказъ о слѣдующемъ, глубоко печальномъ для союзниковъ, „обмѣнѣ мнѣній" и „пожеланіи" членовъ синода. Два мѣсяца тому назадъ, одинъ изъ отдѣловъ союза Михаила Архангела обратился въ синодъ съ ходатайствомъ объ открытіи въ какомъ-то селѣ новаго прихода. Не получая отвѣта, отдѣлъ пожаловался въ главную палату союза. Тогда г. Пуришкевичъ послалъ въ синодъ „негодующій запросъ". Оберъ-прокуроръ, С. М. Лукьяновъ, приказалъ оставить запросъ безъ отвѣта. „Въ связи съ этимъ инцидентомъ — говоритъ хроникеръ газеты — произошелъ обмѣнъ мнѣній между членами синода, которые констатировали, что въ послѣднее время то союзъ русскаго народа, во главѣ съ Дубровинымъ, то союзъ Михаила Архангела, во главѣ съ Пуришкевичемъ, часто обращаются къ высшей церковной власти съ разными некорректными запросами, при чемъ свои обращенія всегда пишутъ на бланкахъ того или другого союза. Членами синода высказано было пожеланіе, чтобы впредь всякія ходатайства и запросы союзниковъ и ихъ лидеровъ прямо безъ обсужденія сдавались въ архивъ. По слухамъ, соотвѣтственное распоряженіе уже сдѣлано"... „Послѣднія времена настали!"—плачутся сейчасъ навѣрное Сопоцьки и Бухмейеры. Плакать о послѣднихъ временахъ имъ еще рано. Но что для союзниковъ прошли недавнія былыя времена—повидимому, это такъ. Недаромъ г. Айвазовъ говорилъ въ Москвѣ, въ собраніи монархистовъ, что онъ иногда начинаетъ „желать новой революціи". Рѣчь его, — какъ передаетъ „Раннее Утро",—„состояла сплошь изъ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ на разныхъ „генераловъ-отъ-монархистовъ", добравшихся „потомъ и кровью черносотенцевъ" до видныхъ мѣстъ и измѣнившихъ своимъ знаменамъ. Печаловался Айвазовъ и о томъ, что монархисты ослабѣли, съ ними никто не хочетъ считаться, что ряды ихъ разрознены...

Письмо въ редакцію.

Позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала обратить вниманіе широкихъ круговъ на одну изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ современной жизни: на необходимость организовать общества, которыя поставили бы своею цѣлью доставленіе молодымъ людямъ средствъ для научнаго усовершенствованія по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ широко развита помощь со стороны общества учащейся молодежи, какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Но, насколько мнѣ извѣстно, почти ничего не дѣлается со стороны частной иниціативы, чтобы дать возможность кончившему университетъ продолжать дальнѣйшее изученіе избранной имъ спеціальности. Правда, существуютъ правительственныя стипендіи для такъ называемыхъ „оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію", а также казенныя командировки такихъ стипендіатовъ за границу. Но число такихъ оставляемыхъ при университетахъ вообще невелико и совершенно не удовлетворяетъ потребностямъ самихъ университетовъ. Какъ извѣстно, открытіе новыхъ университетовъ съ какими-либо факультетами кромѣ медицинскаго встрѣчаетъ, между прочимъ, препятствіе въ недостаткѣ профессоровъ. Дѣйствительно, изъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу отпуска средствъ на приготовленіе профессоровъ (засѣданіе 30-го мая 1909 г., рѣчь проф. Афанасьева) видно, что въ университетахъ 113 вакантныхъ каѳедръ, которыя только отчасти замѣщены такъ называемыми внѣштатными профессорами, такъ что 60 каѳедръ совершенно свободны. А если будутъ утверждены новые университетскіе штаты, въ чемъ чувствуется настоятельная необходимость, то тогда число незамѣщенныхъ каѳедръ поднимется до 200. Но, помимо того, что число оставляемыхъ при университетахъ крайне недостаточно, и способъ подбора ихъ не вполнѣ удовлетворителенъ. При выборѣ кандидатовъ руководствуются зачастую не только даровитостью и работоспособностью, но и соображеніями совершенно посторонними научнымъ задачамъ. Такъ, извѣстны случаи, когда талантливые молодые люди не были оставляемы при университетѣ изъ-за такихъ поводовъ, какъ предсѣдательствованіе на студенческихъ сходкахъ или участіе въ студенческихъ безпорядкахъ—и такимъ образомъ молодымъ талантамъ закрывалась дорога къ научной работѣ.

Очевидно, что въ этомъ дѣлѣ нельзя разсчитывать цѣликомъ на правительство; здѣсь необходимо выступленіе общественной самодѣятельности. Именно теперь чувствуется потребность въ людяхъ,

прошедшихъ серьезную научную школу, больше, чѣмъ когда-либо. Было когда-то время, когда человѣкъ, научившійся грамотѣ, уже тѣмъ самымъ становился интеллигентной силой, когда кончить среднее учебное заведеніе или университетъ—значило пріобрѣсти серьезное, для того времени, образованіе. Въ настоящее же время человѣкъ, по выходѣ изъ университета закончившій свои научныя занятія, не можетъ считаться стоящимъ на томъ уровнѣ, который необходимъ для культурной работы при современныхъ условіяхъ. Выше было говорено о недостаточномъ числѣ лицъ, которыя могли бы преподавать въ университетахъ. Но вѣдь въ настоящій моментъ кромѣ университетовъ имѣются другія высшія учебныя заведенія, число которыхъ во много разъ превышаетъ число университетовъ, и всѣ они нуждаются въ преподавателяхъ съ серьезной научной подготовкой.

Кромѣ того, научно образованные лекторы необходимы для народныхъ университетовъ и для чтенія популярныхъ курсовъ. Вѣдь извѣстно, что хорошо читать популярный курсъ можетъ быть труднѣе, чѣмъ преподавать подготовленной аудиторіи, и требуетъ отъ лектора очень серьезной научной школы. Наконецъ, каждый изъ насъ желаетъ видѣть въ качествѣ учителей для своихъ дѣтей въ средней школѣ непремѣнно людей съ искрой Божіей, не ограничившихъ время своего ученья университетомъ, а продолжающихъ научно работать и имѣющихъ къ тому возможность и послѣ окончанія курса.

Такимъ образомъ потребность въ людяхъ, спеціализировавшихся въ какой-либо научной области и получившихъ въ ней серьезную подготовку, въ высшей степени велика. Весьма вѣроятно, что дальнѣйшій ростъ образованія встрѣтитъ у насъ самое главное препятствіе въ отсутствіи достаточнаго числа удовлетворительно подготовленныхъ преподавателей для вновь открывающихся курсовъ и народныхъ университетовъ.

Но, кромѣ общественной, здѣсь есть еще и другая сторона вопроса. Что можетъ быть привлекательнѣе, какъ помочь людямъ, стремящимся къ наукѣ, но которымъ тяжелыя внѣшнія обстоятельства не даютъ возможности ею заниматься? Нужно представить себѣ тяжелое положеніе ассистентовъ, лаборантовъ и другихъ такъ называемыхъ младшихъ преподавателей, а также педагоговъ и больничныхъ врачей, которые всѣми силами души рвутся къ научной работѣ, а между тѣмъ все время и лучшія силы имъ приходится отдавать тяжелому, одуряющему труду, необходимому для заработка. Такимъ людямъ нужно иногда только на короткое время помочь, вырвать ихъ изъ тяжелыхъ условій ихъ жизни, дать имъ возможность научно поработать, открыть для нихъ широкіе научные горизонты, чтобы удесятерить ихъ силы, какъ культурныхъ и научныхъ дѣятелей.

Для такихъ людей была бы благодѣяніемъ возможность одинъ или два года цѣликомъ провести въ научной работѣ за границей. Я ставлю такъ высоко заграничную обстановку работы не потому, чтобы у насъ въ Россіи не было въ настоящее время выдающихся ученыхъ и такихъ лабораторій, гдѣ бы научная работа интенсивно кипѣла. Такъ, несомнѣнно первый физіологъ въ мірѣ настоящаго времени работаетъ въ Россіи. Но поѣздка для научной работы за границу важна не только потому, что благодаря ей молодой ученый попадаетъ въ руки какого-нибудь выдающагося учителя. Поѣздка за границу важна тѣмъ, что въ продолженіе ея молодой ученый совершенно отрывается отъ условій русской жизни, отъ всего того, что, по удачному выраженію И. И. Мечникова, „сверху, съ боковъ и снизу“ врывается въ жизнь ученаго и мѣшаетъ ему здѣсь работать. Работа за границей важна потому, что она расширяетъ научный кругозоръ, даетъ возможность сравнить свою подготовку, свою технику съ таковыми заграничныхъ научныхъ работниковъ и т. д. Поэтому, вовсе не отрицая важности доставленія возможности работать въ русскихъ институтахъ, я думаю, что всетаки цѣлесообразнѣе всего было бы тратить средства на организацію ученыхъ занятій за границей.

Въ виду этого мнѣ кажется необходимымъ образованіе общества, которое поставило бы своею цѣлью доставленіе средствъ для посылки молодыхъ людей (безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола) съ ученою цѣлью за границу. Правленіе общества или само должно отыскивать достойныхъ кандидатовъ, или вступать для этой цѣли въ сношенія съ отдѣльными выдающимися учеными или съ факультетами и совѣтами учебныхъ заведеній. Членскій взносъ долженъ быть небольшой (напр. 5 р.), чтобы широкіе круги могли принять въ обществѣ участіе. Но, конечно, такое общество будетъ имѣть значеніе не только тѣми средствами, которыя оно собираетъ своими членскими взносами, но и тѣмъ, что оно должно сдѣлаться центромъ, куда будутъ притекать пожертвованія. Мнѣ казалось бы только нежелательнымъ, если бы въ дѣятельности такого общества на первый планъ выступило стремленіе собирать капиталы, процентами съ которыхъ можно было бы обезпечивать на вѣчныя времена выдачу стипендій. Мнѣ кажется нецѣлесообразной эта забота о будущемъ времени, когда, можетъ быть, всѣ условія существованія измѣнятся. Теперь существуетъ потребность въ научныхъ работникахъ, имѣются на лицо молодые люди, которымъ надо помочь въ тяжелыхъ условіяхъ ихъ научной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы накапливать капиталъ въ облигаціяхъ и тратить только проценты на поддержку молодыхъ ученыхъ, лучше по возможности всѣ получаемыя средства тратить теперь же на стипендіи и создать живой капиталъ.

кадръ молодыхъ, энергичныхъ, даровитыхъ людей, работающихъ на научномъ поприщѣ.

Въ настоящее время мы переживаемъ мрачный періодъ русской жизни; но если возможно вообще бороться съ общественной реакціей, то какое же средство можетъ быть болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ тотъ путь, который мы предлагаемъ: найти даровитыхъ и энергичныхъ людей и дать имъ возможность подняться надъ окружающей средой. Я былъ бы очень обязанъ, если бы другіе журналы и газеты перепечатали это письмо.

Проф. А. Яроцкій.

Юрьевъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.— Отъ второго литературнаго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Правила второго литературнаго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ на оригинальные русскіе разсказы и повѣсти:

1) Представленные на конкурсъ разсказы и повѣсти (въ прозѣ) должны быть оригинальными, нигдѣ не напечатанными, размѣромъ приблизительно въ одинъ печатный листъ (около 1.000 газетныхъ строкъ).

2) Означенныя произведенія доставляются въ литературный комитетъ второго конкурса „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (Петербургъ, Галерная, 40) подъ девизомъ, вмѣстѣ съ запечатаннымъ конвертомъ, на которомъ означенъ тотъ же девизъ. Въ конвертѣ содержится записка съ указаніемъ фамиліи автора и его адреса. Конверты вскрываются лишь въ случаѣ присужденія преміи произведенію. Рукописи, подписанныя авторомъ, или не сопровождаемыя девизомъ, въ конкурсѣ не участвуютъ. Члены жюри въ конкурсѣ не участвуютъ.

3) Авторамъ произведеній, за которыя не присуждены преміи, гарантируется полная тайна имени. Рукописи не премированныхъ разсказовъ и конверты съ именами (не вскрытые) будутъ уничтожены, послѣ публичнаго провозглашенія премій, въ особомъ засѣданіи литературнаго комитета, о чемъ будетъ составленъ актъ.

4) Для полной гарантіи безпристрастія комитета представляемыя на конкурсъ произведенія должны быть отпечатаны на пишущей машинѣ, или, въ

крайнемъ случаѣ, четко переписаны, однако не авторской рукой, такъ какъ членамъ комитета могутъ быть извѣстны почерки нѣкоторыхъ авторовъ.

5) Предѣльнымъ срокомъ для представленія рукописей назначается для авторовъ, живущихъ въ Петербургѣ, 31-е декабря 1910 г.; этотъ же день признается послѣднимъ (число почтоваго штемпеля) для отсылки въ Петербургъ произведеній изъ провинціи или изъ-за границы. Произведенія, отправленныя послѣ этого срока, въ конкурсѣ не участвуютъ.

6) Редакція ассигновала на преміи, съ правомъ напечатать премированныя произведенія на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній,—10.000 рублей. Устанавливается всего 10 премій. Первая премія составляетъ 2.000 руб., вторая—1.500 руб., третья—1.250 руб., остальныя семь—по 750 рублей каждая. Изо всѣхъ произведеній литературный комитетъ избираетъ 10 лучшихъ и присуждаетъ каждому премію въ 750 руб.; три добавочныя преміи (въ 1.250 руб., 750 и 500 руб.) присуждаются голосованіемъ читателей „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

7) Въ публичномъ засѣданіи въ Петербургѣ въ мартѣ 1911 года въ присутствіи всѣхъ желающихъ будутъ прочитаны доклады о ходѣ и результатахъ конкурса и постановленія комитета съ подробной ихъ мотивировкой, послѣ чего состоится вскрытіе 10 конвертовъ съ девизами для оглашенія фамилій авторовъ, произведенія которыхъ литературный комитетъ призналъ наилучшими. Выдача 10 премій по 750 рублей каждая, присужденныхъ литературнымъ комитетомъ, будетъ производиться со слѣдующаго послѣ засѣданія дня въ конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Печатаніе 10 премированныхъ произведеній на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній начнется въ апрѣлѣ 1911 года и будетъ закончено въ ноябрѣ того же года.

8) Премированныя произведенія впервые печатаются на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и не могутъ быть перепечатываемы или издаваемы авторами или кѣмъ-либо съ ихъ разрѣшенія ранѣе 31 декабря 1912 года.

9) Одновременно съ отпечатаніемъ всѣхъ премированныхъ произведеній читателямъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ будутъ разосланы особые опросные листки съ фамиліями получившихъ преміи авторовъ. Читатели избираютъ трехъ авторовъ, которымъ хотѣли бы предоставить добавочныя преміи, и возвращаютъ опросные листки по адресу литературнаго комитета конкурса къ 10 декабря 1911 года. Три добавочныя преміи (1-я—въ 1.250 рублей, 2-я—въ 750 рублей и 3-я—въ 500 руб.) выдаются авторамъ, сообразно количеству собранныхъ авторами читательскихъ голосовъ, вслѣдъ за оглашеніемъ результата подсчета опросныхъ листковъ. Провѣрка результатовъ подсчета опросныхъ листковъ производится въ Петербургѣ въ публичномъ засѣданіи въ присутствіи всѣхъ желающихъ.

Въ составъ литературнаго комитета (жюри) второго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ вошли: В. Г. Авсѣенко, К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. П. Гнѣдичъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), І. І. Ясинскій (предсѣдатель комитета) и представители редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

II. — Отъ Императорской военно-медицинской академіи.

Императорская военно-медицинская академія объявляетъ конкурсъ на соисканіе преміи медико-хирурга С. Ф. Тучемскаго.

1) Къ соисканію преміи допускаются врачи—русскіе подданные и притомъ исключительно бывшіе воспитанники академіи, за исключеніемъ членовъ конференціи академіи и лицъ, занимающихъ въ академіи штатныя должности по учебной части.

2) Премія выдается: а) преимущественно за такіе ученые труды, которые, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, послужатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и б) за такія особенно важныя сочиненія, которыя, хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, тѣмъ не менѣе обогащаютъ ученую медицинскую литературу полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли ея. Диссертаціи на ученыя степени, а равно сочиненія, изданныя на счетъ правительства, академіи, университета или ученыхъ обществъ, къ соисканію преміи не допускаются.

3) Сочиненія, предназначаемыя для соисканія преміи, должны быть представлены въ академію *не позже 1-го мая 1911-го года*. Присужденіе преміи имѣетъ быть 2-го января 1912-го года.

4) Сочиненія могутъ быть рукописныя или напечатанныя—на русскомъ языкѣ. Рукописи должны быть написаны чисто и четко.

5) На сочиненіи долженъ находиться девизъ, имя же автора должно находиться въ особомъ запечатанномъ пакетѣ подъ тѣмъ же девизомъ.

6) Сумма преміи—1000 руб. Раздѣленіе преміи не допускается.

III.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи такового на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ

этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и о спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты, съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

IV.—Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 18-ый день прошлаго іюня, Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Коммиссіи.—Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора *В. Поливановъ*.

P. S. Пожертвованія Коммиссія проситъ съ извѣщеніемъ ея вносить въ казначейство или переводить на ея условный текущій счетъ № 1402 въ Симбирское Отдѣленіе Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1910 ГОДУ.

Приложенія.—Портреты: А. И. Герцена (янв.); Н. И. Костомарова (апр.); К. Д. Кавелина (май); П. Э. Бертло (іюль); П. Д. Боборыкина и С. А. Муромцева (нояб.); Л. Н. Толстого; пять геліогравюръ (дек.).—Рисунки К. И. Россинскаго: главнѣйшіе типы ком. „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра (янв., февр., мартъ, іюнь,—всего 12 рисунковъ).

А., А. — Народное образованіе въ Турціи (дек., 376).

Адріановъ, С. А. — Памяти Вѣры Ѳедоровны Коммиссаржевской (мартъ, 430). Замѣтки о театрѣ (нояб., 373).

Алексѣевъ, В. — Современная реформа китайскаго образованія (май, 310).

Андріевскій, Я.—Изъ деревенскихъ нѣдръ (мартъ, 319).

Андрусонъ, Л.—Въ голодный годъ. Разсказъ Юхо Рейонена, съ финскаго (іюнь, 184). Въ туманѣ, стих. (авг., 45).

Аникинъ, С. — За „праведной землей“. Памяти Ивана Максимовича Игошина (мартъ, 86). Стѣна глухая, разск. (окт., 156).

Ан—скій, С. А. — Народъ и война (мартъ, 196; апр., 128).

Арсеньевъ, К. К. — Своеобразный парламентъ (апр., 428). Памяти К. Д. Кавелина († 3 мая 1885 года) (май, 405). Погибающая реформа (іюнь, 397).

Афанасьевъ, Леонидъ.—Сонетъ. Филинъ, стих. (янв., 70). Тихія долины, стих. (іюль, 121).

Айзманъ, Д. — Горькій осадокъ, разск. (февр., 237).

Берсъ, А.—Дарвинизмъ и христіанская нравственность (май, 109).

Бехтеревъ, В. М. — Вопросы душевнаго здоровья въ населеніи Россіи (сент., 294).

Боборыкинъ, П. Д. — Побѣжденныхъ — не судятъ. Изъ „по-смутнаго“ времени (февр., 30; мартъ, 3).

Бончъ-Бруевичъ, Владиміръ.—Преслѣдованіе баптистовъ въ Россіи (іюнь, 160).

Бородаевскій, В. — Рондели, стих. (октяб., 109).

Бороздинъ, И.—Русская историческая литература въ 1909-мъ году (февр., 295). Изъ области русскихъ археологическихъ открытій (дек., 309).

Брусянинъ, В.—Въ странѣ озеръ. Изъ лѣтнихъ скитаній по Финляндіи.

I. Въ сосновомъ лѣсу (окт., 137); II. Кузьма изъ Чембара. III. Давидъ Мартиненъ (нояб., 132).

Буличъ, С. — М. А. Балакиревъ (21 ноября 1836—13 мая 1910) (іюнь, 402).

Бутенко, В.—Политическое ученіе Токвиля (дек., 181).

Бѣловъ, В.—Камчатка и ея богатства (сент., 323).

Бѣлоруссовъ.—Липы. Въ родѣ хроники. Прадѣды. Дѣды. Отцы (сент., 146); Дѣти: 1. Сергѣй. 2. Игнатій. Ликвидація (окт., 3).

В.—Благовѣщенская „утопія" (іюль, 231).

Вагнеръ, Влад. — Ламаркъ и Дарвинъ, какъ типы ученыхъ (іюль, 122; авг., 3).

Василевскій, Л. М. — На Иматрѣ зимой, стих. (май, 89). Хамелеонъ, стих. (іюль, 134). Разсвѣтъ на Гарцѣ; На сѣверѣ, стих. (дек., 105).

Ватсонъ, М. — Съ итальянскаго, стих. (авг., 76).

В. В. — Ученіе о происхожденіи общины въ Россіи (апр., 246).

Венгерова, Зин.—Марсель Тинэръ (февр., 310).

Веселовская, М.—Изъ „Мужскихъ писемъ" Поля Андрэ. 1—6. Съ франц. (мартъ, 169); 7—9 (апр., 90). Годенъ къ военной службѣ. Жоржа Экоута, съ франц. (іюль, 169). Тайна Фредерика Марсинеля, разск. Жюля Детре, съ франц. (авг., 248). Невинный младенецъ, разск. Жоржа Ранси, съ франц. (сент., 220).

В., З. — Анна Вероника, романъ H. G. Wells, „Ann-Veronica". A modern Love-Story. Съ англ. (янв., 168; февр., 204; мартъ, 273; апр., 187; май, 222).

Велскій, Аркадій.—Школьный гипнозъ. Изъ записокъ педагога (май, 274). Затравили, разсказъ (авг., 77).

Вормсъ, Ренэ. — Борьба за существованіе и естественный подборъ. Со вступительной замѣткой Максима Ковалевскаго (февр., 125).

Вѣтринскій, Ч.—Юбилей А. П. Чехова (мартъ, 373). Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ (май, 321).

Вырубовъ, Г. Н.—Школьныя воспоминанія. I. Александровскій лицей (янв., 26). II. Московскій университетъ (февр., 3).

Глаголева, А.—Листки изъ дневника Александра Петэфи. Перев. (апр., 177).

Годинъ, Яковъ.—Синѣло небо сумеречной лѣнью, стих. (окт., 52).

Гольдбергъ, Г. — Стачечное движеніе рабочихъ въ Россіи (іюнь, 242).

Городецкій, Сергѣй.—Сказъ о Святой горѣ, стих. (февр., 27).

Гофманъ, Викторъ.—Наша переводная литература (мартъ, 401).

Дейчъ, Левъ.—Какъ мы въ народъ ходили. Отрывокъ изъ воспоминаній (окт., 194).

Де-Роберти, Е.—Энергетика и соціологія (мартъ, 242; апр., 153).

Деруновъ, К. Н.—Сводный систематическій указатель текущей научно-популярной литературы (іюль, 435).

Дмитріева, В. І. — Молоднякъ. Очерки. I-XI (дек., 3).

Доброхотовъ, Анатолій. — Тоска бытія. На мотивъ изъ Шелли, стих. (мартъ, 168).

Дрожжинъ, С. — Зачѣмъ? стихотв. (сент., 196).

Езерскій, Н. — Джемсъ и теорія прагматизма (нояб., 229).

Елачичъ, Евгеній. — Вымыселъ и дѣйствительность. По поводу одной книги (авг., 320).

Журавская, З. — Утѣшительница, повѣсть Марсель Тинэйръ, съ франц. (янв., 135; февр., 167). Тѣнь любви, ром. Марсель Тинэйръ, съ франц. (іюнь, 224; іюль, 135; авг., 213; сент., 248; окт., 223).

Златовратскій, Н. Н.—Въ шестидесятыхъ годахъ. Изъ юношескихъ воспоминаній (сент, 23; окт., 53).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—Идея богочеловѣка въ греческой и германской сагѣ (іюль, 3).

Ивановскій, И.—Новая теорія подданства. В. М. Гессенъ: „Подданство, его установленіе и прекращеніе“ (мартъ, 354).

Иванюковъ, И. — Новая книга о міровомъ хозяйствѣ. Проф. А. А. Исаевъ: „Міровое хозяйство“ (февр., 286).

Карповъ, Н. А.—Дѣва горъ, стих. (мартъ, 195). Златоцвѣтъ, стих. (май, 108).

Карѣева, Елена.—Полутѣни, полузвуки... стих. (май, 156).

Карѣевъ, Н. И.—Книга о французскомъ культурномъ вліяніи въ Россіи (сент., 307). Нѣсколько новѣйшихъ книгъ о французской революціи (нояб., 387).

Кацманъ, Л. — Пѣснь безъ словъ, стих. (февр., 236).

Ковалевскій, Максимъ. — Споръ о сельской общинѣ въ коммиссіи Государственнаго Совѣта (янв., 259; мартъ, 259). Московскій университетъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Личныя воспоминанія (май, 178). Судьбы общиннаго землевладѣнія въ нашей верхней палатѣ (іюнь, 58). Финляндскій вопросъ (іюль, 253). Съ выставки (окт., 305). Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Опытъ его характеристики (нояб., 363). Димитрій Андреевичъ Дриль (дек., 427).

Колтоновскій, А. — Сонетъ (янв., 25). Прости... стих. (февр., 82). Не вѣрю... стих. (февр., 203). Украинскій шляхъ, стих. (апр., 72). Поэтъ, стих. (іюнь, 57); I. Въ моемъ предзимьи, II. Далекой, III. Сонъ, стих. (іюнь, 145). Сельскіе сонеты (нояб., 80).

Конн, А. Ѳ.—Психіатрическая экспертиза и дѣйствующіе законы. Рѣчь при открытіи съѣзда отечественныхъ психіатровъ 27 декабря 1909 г. (февр., 145).

Костомарова, А. Л.—Николай Ивановичъ Костомаровъ. Изъ воспоминаній. Съ предисловіемъ В. Г. Котельникова (іюнь, 195; іюль, 43; авг., 45; сент., 94).

Костомаровъ, Н. И.—Изъ воспоминаній. Арестъ, заключеніе, ссылка (апр., 76).

Костылевъ, Н.—Ле-Дантекъ и Бергсонъ (янв., 89).

Котляревскій, Несторъ.—Къ пятидесятилѣтію литературнаго фонда. Двѣ помянки: I. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. II. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ (янв., 248). Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка I-XI (авг., 190); XII-XX. Шестидесятые годы въ освѣщеніи нашего времени (октябрь, 111); Радикалы и ихъ вожди (нояб., 158). Тактика отрицанія и созданная ею трудность (дек., 245).

Кохановскій, Вл. — Преступленіе Григорьева, разск. (май, 3).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Еще годъ казней (февраль, 278). Отвѣтъ гр. Перовскому - Петрово - Соловово (нояб., 451).

Лавровъ, П. А. — О себѣ самомъ. Съ предисловіемъ Я. Н. Колубовскаго (окт., 52; нояб., 83).

Лагуновъ, Н.—Анкета о земствѣ на Дону (апр., 279).

Луговой, Ал.—Вѣрую, стих. (іюль, 67). Какъ росла моя вѣра. Отрывки изъ автобіографіи (нояб., 104; дек., 74).

М—скій, Н. — Къ вопросу о судьбахъ общины (дек., 328).

Макшеева, Н. — Воспоминанія о В. С. Соловьевѣ (авг., 164).

Малиновскій, I.—Наканунѣ земства въ Сибири (дек., 292).

Мамадышскій, Н.—Земство въ Архангельской губ. (янв., 298).

Мандельштамъ, И.—Изъ Детлефа фонъ Лиліенкрона. I. Колыбельная. II. Къ музыкѣ. III. Моя душа, стих. (апр., 88).

Мечниковъ, Илья.—Міросозерцаніе и медицина (янв., 217).

Мейснеръ, А.—У дверей. Изъ пѣсенъ о бѣломъ и черномъ, стих. (янв., 88). За гранью, стих. (окт., 193).

Мижуевъ, П.—Какъ живутъ рабочіе въ Англіи (февр., 83; мартъ, 223).

Милицына, Е.—Сказка 9-го ноября (іюнь, 148).

Миличъ, Ел.—Мысль каждая (Frédéric Amiel); Идеалъ (Sully Prudhomme) (іюль, 41). Двѣ матери (Joséphin Soulary), стих. (дек., 136).

Морозовъ, Николай.—Изъ научныхъ стихотвореній: I. Гезехскій Сфинксъ. II. Голосъ земли. III. Антаресъ (янв., 199). Научныя стихотворенія: 1. Зодіакальный свѣтъ. 2. Въ химической лабораторіи. 3. Смыслъ созвѣздій (мартъ, 109). За снѣжными вершинами. Изъ путевыхъ замѣтокъ. I. Первые дни въ Закавказьѣ. II. Въ Горной Имеретіи (апр., 50); III. Въ горныхъ ущельяхъ Сванетіи. IV. Въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. V. На невѣдомомъ курортѣ. VI. У забытаго памятника прошлаго. VII. Латпарскій перевалъ (май, 64). Звѣздныя пѣсни. I. Созвѣздіе Лиры. II. Передъ дождемъ. III. Сиріусъ (сент., 91).

Морской. — Штормъ, разск. (апр., 104).

Мѣшкова, Н.—Цѣпи, повѣсть Элизы Ожешко, съ польск. (авг., 263).

Н., Вс.—Законъ 9-го ноября. Мысли и наблюденія деревенскаго обывателя (авг., 286).

Насимовичъ, А.—Лѣтняя ночь, стих. (окт., 91).

Нарбутъ, Вл. — Въ августѣ, стих. (авг., 102).

Недоброво, Н. В. — Времеборецъ (Фетъ) (апр., 235).

Немировичъ-Данченко, Вл. И.—„Горе отъ ума“ въ Московскомъ Художественномъ театрѣ (май, 375; іюнь, 367; іюль, 332).

Никольскій, Н.—Израиль и Вавилонъ (май, 157; іюнь, 82).

Никольскій, Н., свящ.—Изъ мѣстныхъ воспоминаній о К. Д. Кавелинѣ (іюнь, 276).

Новиковъ, Н.—Культура военнаго дѣла. Замѣтки „штатскаго“ человѣка (авг., 178; сент., 127).

Ноорденъ, фонъ, Карлъ, проф.—Теорія сахарной болѣзни и ея леченіе (окт., 283).

О., Г. Л. — Памяти М. Е. Беккера (апр., 309).

Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—В. Г. Короленко. „Исторія моего современника“ (сент., 58). Къ пятидесятилѣтію литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина (нояб., 368). Памяти Л. Н. Толстого (дек., III).

Огневъ, Николай.—„Изверженные“ (дек., 284).

Одинцовъ, К. — Каменщикъ, стих. (сент., 145).

Осиповичъ, Н. — Въ тихомъ углу, разск. (дек., 158).

Осоргинъ, Мих.—Эмигрантъ, разск. іюнь, 3).

Парнокъ, С.—Отрывокъ, стих. (апр., 48). О чемъ та пѣснь была, стих. (іюнь, 194).

Петри, Г.—Воспоминаніе. Изъ Ленау, стих. (февр., 256). Къ меланхоліи. Изъ Ленау, стих. (мартъ, 60).

Погодинъ, А.—Албанскій вопросъ (апр., 341).

Полтавцевъ, А. — Тюремныя впечатлѣнія (іюнь, 210).

Португаловъ, Вик.—Незаслуженно забытый разсказъ А. П. Чехова (февр., 301). На мертвой точкѣ. К. Пажитновъ: „Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи“ (іюнь, 279).

Посниковъ, А. С. — Аграрный вопросъ въ третьей Думѣ. „Положеніе о землеустройствѣ“ (янв., 285). Законъ 14 іюля (сент., 239).

Прокоповичъ, С. — Константинъ Пеккеръ. Страница изъ исторіи соціалистической мысли во Франціи (нояб., 178).

Рапопортъ, С.—Вожди либеральной партіи въ Англіи (мартъ, 114).

Ратнеръ, М.—Право принудительнаго отчужденія (авг., 148; (сент., 197).

Рубакинъ, Н.—Много ли въ Россіи чиновниковъ? Изъ „Этюдовъ о чистой публикѣ“ (янв., 111).

Рыкачевъ, А.—Попытки реставраціи ремесленныхъ цеховъ за границей (февр., 347).

С.—Смертники (іюль, 206; авг., 121).

Савинкова, С. А.—Очередь, этюдъ (янв., 59).

Салтыковъ, М. Е.—Тихое пристанище, повѣсть. I. Городъ. II. Веригинъ. III. Меценатъ (мартъ, 133); IV. Первыя знакомства. V. Клочьевы. VI. Услуга. VII. Обыскъ (апр., 3).

Сафоновъ, М. И. — Еще о послѣконституціонной административной ссылкѣ (іюнь, 278).

Свирскій, А. — Приличная жизнь. Разск. (авг., 23).

Семеновъ, А. — Забастовка. Изъ жизни на „золотыхъ“ пріискахъ (авг., 103).

Семеновъ, Вл.—Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ (мартъ, 61).

Сергѣевъ.—Годъ тюрьмы. I-V (апр., 219); VI-XII (май, 90).

Славинскій, М. — Элиза Ожешко † 5 мая 1910 г. (іюнь, 406). Памяти Маріи Конопницкой 1846—1910 (нояб., 392).

Слонимскій, Л. З.—Монархическія мечты во Франціи (янв., 236). Причины нашихъ пораженій (мартъ, 307). Наши литературные процессы (апр., 300). Еще о „Вѣхахъ“ (май, 369). О свободѣ полемики (іюнь, 285). Періодическая печать и капитализмъ (іюль, 286). Балканскія дѣла и русская политика (авг., 356). Книга о національномъ вопросѣ (сент., 312). Императоръ Вильгельмъ II въ его рѣчахъ и дѣлахъ (нояб., 241). Національная программа А. Н. Куропаткина (дек., 304).

Случевскій, Вл. — К. Д. Кавелинъ. По поводу 25-ти-лѣтія его смерти (іюнь, 260).

Соловьева, П. С. — Пробужденіе, стих. (дек., 73).

Сургучевъ, И.—Жизнь, разск. (янв., 3). Въ поѣздѣ, разск. (май, 120).

Странникъ, Иванъ. — Экспериментаторъ, разск. (февр., 257).

Стрѣльцовъ, Р.—Восьмой международный соціалистическій конгрессъ (окт., 334).

Т.—Новое образованіе въ Китаѣ (апр., 312).

Танковъ, А.—Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Изъ воспоминаній студента Московскаго университета (окт., 348).

Танъ.—Въ изгнаніи, Отрывокъ въ стих. (май, 57).

Тимирязевъ, К. А.—Годъ итоговъ и поминокъ. Изъ научной лѣтописи 1909 года (нояб., 315; дек., 261).

Толстой, Л. Н. — Три дня въ деревнѣ. Первый день: Бродячіе люди. Второй день: Живущіе и умирающіе. Третій день: Подати (сент., 3).

Трубецкая, Марія, кн.—Благо избраннымъ и славнымъ, стих. (сент., 126).

Ф., К.—Торжество гильотины. Къ вопросу о смертной казни во Франціи (іюль, 195).

Фридманъ, М. И.—По поводу бюджета на 1910 годъ (май, 261).

Фромметтъ, Борисъ.—Какъ мы „легализовались“ (сент., 354). Трагедія воли. О бывшихъ ссыльныхъ (нояб., 396).

Хавкина, Л. — Въ морѣ. Разсказъ Висенте Бласко Ибаньеса, съ испанск. (сент., 212).

Хижняковъ, В.—Изъ переселенческихъ скитаній (янв., 72; февр., 105).

Хирьяковъ, А.—Былъ чудный, гордый храмъ, стих. (май, 131).

Холщевниковъ, С. А. — Новая крѣпь. Очерки изъ жизни современной деревни (іюль, 68).

Цензоръ, Дмитрій.—Осенняя пляска, стих. (янв., 57). Луна, стих. (іюнь,

157). Ключъ Богородицы. Легенда, стих. (авг., 19).

Чапыгинъ, А. — Сорвался, разск. (янв., 202).

Чекинъ, А.—Безработица и борьба съ нею въ Англіи (дек., 137).

Чепинская, М.—Рыцарь капитала, ром. „A captain of industry", by Upton Sinclair, съ англ. (май, 132; іюнь, 114). Городъ съ красивыми башнями. „Giovanna" von Sophus Michaëlis, съ нѣм. (нояб., 258; дек., 217).

Черновъ, Викторъ. — Модернизмъ въ русской поэзіи. I. Пути и перепутья творчества (нояб., 209). II. Между Бодлэромъ и Верхарномъ. III. Во власти демоновъ были (дек., 107).

Чириковъ, Евгеній.—Цвѣты воспоминаній. Маленькіе разсказы: I. Сирень. II. Тяга. III. Кладъ (нояб., 60).

Чулковъ, Георгій.—Слѣпые, повѣсть (нояб., 3).

Шрейтеръ, Н.—Весь въ звѣздахъ блещущій покровъ, стих. (окт., 155).

Штильманъ, Г. — Реформа уголовнаго законодательства въ Германіи (авг., 301).

Щепотьевъ, А. — Антонъ Дорнъ и зоологическая станція въ Неаполѣ (іюнь, 291).

Эбергъ, Конст. — Новый трудъ по исторіи искусства. Игорь Грабарь; „Исторія русскаго искусства" (іюль, 379). Куинджи и Левитанъ (авг., 429).

Юнге, Е. — Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ (нояб., 151).

Ѳедоровъ, А.—Искры, стих. (нояб., 56).

***.—Эпитафія (дек., 180).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь.—Итоги минувшаго года.—Партизаны и вспомогательныя войска реакціи.—Поддерживающіе или поддерживаемые?—Характерное воззваніе. — Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—„Націонализмъ“ и мѣстный судъ.—Рѣчь депутата Шульгина.—Вопросъ о выборѣ или назначеніи предсѣдателя мирового съѣзда.—Два эпизода думскихъ преній. — Post-scriptum (стр. 308).—Февраль.—Продленіе дѣйствія чрезвычайной охраны. — Оцѣнка этой мѣры съ точки зрѣнія законопроекта объ исключительномъ положеніи.—Первый всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ и отношеніе къ нему оффиціальной печати.—Докладъ Н. Н. Львова о націонализмѣ. — Надо ли воевать?—Странное письмо (стр. 330).—Мартъ.—Новый проектъ университетскаго устава.—Сравненіе его съ проектомъ 1907-го года.—Усиленіе „начальственнаго“ принципа. — Роль ректора и роль совѣта.—Порядокъ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ. — Учебные планы. — Инспекція и судъ.—Отношеніе къ студенчеству.—Постановленіе московскаго университета и реакціонная печать.—Замѣчательный циркуляръ (стр. 334).—Апрѣль.—Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ А. И. Гучкова въ предсѣдатели Государственной Думы. — Вступительная рѣчь А. И. Гучкова.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.—Вопросы уголовнаго права въ Государственномъ Совѣтѣ. — Новый фазисъ финляндскаго вопроса (стр. 362).—Май.—П. А. Столыпинъ о современномъ положеніи Россіи.—Задачи правительства и способъ ихъ исполненія.—Второе чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ.—Вопросъ объ условномъ осужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ. — Своеобразные политическіе взгляды. — Печальное засѣданіе.—Московское юридическое общество (стр. 342).—Іюнь. — Общій характеръ настоящей минуты.—Указъ 12-го декабря и законопроектъ о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ.—Программа и ея исполненіе. — Докладъ финляндской коммиссіи Государственной Думы.—„Напоминаніе“, сдѣланное 15-го мая, и отголоски его въ засѣданіи 17-го числа.—Заявленіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта (стр. 350). — Іюль.—Усиленная охрана, вмѣсто чрезвычайной, въ Петербургѣ и петербургской губерніи. — Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представителей чернаго и бѣлаго духовенства.—Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти. — Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государственномъ Совѣтѣ (стр. 362).—Августъ.—Первые признаки приближенія общихъ выборовъ. — Несостоятельность дѣйствующей избирательной системы. — Предстоящіе дополнительные выборы въ Государственную Думу.—Государственный Совѣтъ въ до- и послѣконституціонное время.—Задачи ближайшаго будущаго.—Казанскій миссіонерскій съѣздъ и „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ (стр. 382).—Сентябрь.—Неумѣренный оптимизмъ.—Два оффиціальныхъ проекта устройства всесословной волости.—Сравненіе ихъ между собою и съ проектомъ, составленнымъ партіею народной свободы.—Множественность избирательныхъ собраній.—Степень независимости волостныхъ учрежденій.—Синодальное опредѣленіе о церковно-приходскихъ школахъ (стр. 358).—Октябрь. — Чрезвычайная сессія финляндскаго сейма.—Отношеніе къ ней финляндскаго общественнаго мнѣнія.—Мудрые совѣты, данные четыре столѣтія тому назадъ.—Дополнительные выборы въ Государственную Думу.—Вѣроятная программа предстоящей сессіи.—Настроеніе страны и оффиціозная пресса.—Забота о „реальныхъ нуждахъ“ народа—и закрытіе обывательскихъ обществъ.—Временная пріостановка „Московскаго Еженедѣльника“ (стр. 367).—Ноябрь.—Похороны С. А. Муромцева, какъ „признакъ времени“.—Засѣданіе 15-го октября въ Государственной Думѣ.—Результаты „охранной политики“ (Москва, Кіевъ) и новый ея манифестъ (Нижній - Новгородъ). — Юбилей „академическаго союза“ и рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Правила о сектантскихъ собраніяхъ. — Начало думскихъ преній о начальной школѣ.—Юбилей П. Д. Боборыкина (стр. 342).—Декабрь. — Общенародное горе.—Отношеніе къ нему Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и реакціонной печати.—Образцы безтактности и лицемѣрія.—Волненія въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Проектъ запроса о высшей школѣ.—Особое мнѣніе М. И. Горчакова по одному изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. — Государственный Совѣтъ и Государственная Дума (стр. 345).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь.—Главныя событія истекшаго года. — Дипломатическія предпріятія и неудачи.—Идеи новаго германскаго канцлера.—Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи.—Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ. — Тревога на Дальнемъ Востокѣ (стр. 398).—Февраль.—Парламентскіе выборы въ Англіи.—Пруссія и германскія дѣла.—Инцидентъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкіе ученые о финляндскомъ вопросѣ.—Греческій кризисъ. — Международно-манчжурскій проектъ (стр. 390).—Мартъ.—Французскіе парламентаріи въ Россіи.—Балканскія дѣла и австро-русскія комбинаціи. — Болгарскій царь и царскосельскіе тосты. —Греческій кризисъ.—Политическія волненія въ Пруссіи.—Начало парламентской сессіи въ Англіи (стр. 390). — Апрѣль.— „Благополучные“ дипломатическіе переговоры съ Австро-Венгріею. — Мнимое соглашеніе на Балканахъ. — Политика А. П. Извольскаго въ освѣщеніи П. Н. Милюкова.—Сербскій король въ Петербургѣ. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и Италіи.—Министерство Луццати и Бетманъ-Гольвега.—Русскій процессъ въ Венеціи (стр. 393). — Май.— Парламентскіе выборы во Франціи. — Избирательныя программы и воззванія кандидатовъ.—Рѣчь министра-президента Бріана и враждебная ему демонстрація.— Общій характеръ выборовъ и ихъ особенности.—Лекція Рузвельта въ Парижѣ. —Избирательная реформа въ Пруссіи.— Политическій кризисъ въ Англіи (стр. 392).—Іюнь.—Король Эдуардъ VII, его характеръ и дѣятельность.—Главныя его политическія заслуги. — Внѣшняя политика Англіи прежде и теперь. — Новый король. — Неопредѣленный кризисъ въ Пруссіи.—Балканскія дѣла (стр. 398).— Іюль.—Политическія дѣла въ Пруссіи.— Консервативныя партіи и правительство. —Вопросъ о содержаніи прусской королевской фамиліи. — Дѣло Гельфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы. — Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ (стр. 391).—Августъ. — Русско-японское соглашеніе.—Новыя манчжурскія заботы и обязательства.—Опасныя послѣдствія старыхъ ошибокъ. — Вызывающая политика Ватикана. — Политическій кризисъ въ Испаніи.—Внутреннія дѣла въ Германіи и во Франціи (стр 399).—Сентябрь.— Императоръ Францъ-Іосифъ и его политическія испытанія. — Прусско-польская политика. — Титулы балканскихъ государей и вопросъ о Черногорскомъ „королевствѣ“.—Японія и Китай (стр. 393). —Октябрь.—Королевскія рѣчи въ Пруссіи.—Обращеніе кронпринца къ нѣмецкимъ ученымъ. — Монархическія деклараціи Вильгельма II. — Германская соціалъ-демократія и съѣздъ въ Магдебургѣ. — Безпорядки въ Берлинѣ.—Балканскія дѣла и дипломатическія перемѣны.—Культурные результаты присоединенія Кореи къ Японіи (стр. 398). — Ноябрь.—Паденіе монархіи въ Португаліи.—Парламентскія битвы во Франціи: министерство Бріана и его противники.— Турецкіе займы и французская дипломатія.—Греческій кризисъ.—Персидскія дѣла (стр. 402).—Декабрь. — Споры о рѣчахъ Вильгельма II въ германскомъ парламентѣ. — Свиданіе монарховъ въ Потсдамѣ.—Конституціонный кризисъ въ Англіи.—Австрійскія дѣла (стр. 395).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь, стр. 411:—I. М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). II. М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. **Ч. В — скаго.** — III. Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. Ф. И. Шикуца, п. р. В. И. Пржевалинскаго. **Л. С.** — IV. Н. Лосскій. Обоснованія интуитивизма. **С. О. Марголина.**— V. Вліяніе урожаевъ въ связи съ другими экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ. Изслѣд. С. А. Первушина. VI. А. Гудванъ. Въ царствѣ тьмы и эксплоатаціи. VII. А. П. Болобанъ. Земледѣліе и хлѣбопромышленность Сѣв. Манчжуріи. **В. В.** — VIII. Walter Schücking. Die Organisation der Welt.—Alfred Fried. Das internationale Leben der Gegenwart.—Karl v. Stengel. Welstaat und Friedensproblem. IX. D-r. P. Rohrbach. Deutschland unter den Weltvölkern. — D-r. P. Rohrbach. Das politische Krisengebiet Europas im Jahre 1908-09. **Р. Ст.** — Новыя книги и брошюры.—Февраль, стр. 404:—I. Куда мы идемъ? Настоящее и будущее русской интеллигенціи, литературы, театра и искусствъ. Сборникъ статей и замѣтокъ.— II. А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Книга о новыхъ вѣяніяхъ въ литературѣ. **Ч. В—скаго.**— III. В. Базаровъ. На два фронта. **Л. Слонимскаго.** — IV. Рождественскій, Т. С. Памятники старообрядческой поэзіи. **Вл. Бончъ-Бруевича.** — V. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Вып. 1-й и 2-й. **В. Нечаева.**—VI. А. И. Чупровъ. Рѣчи

и статьи. Томъ III, съ приложеніемъ Указателя печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова. **В. Э.**—VII. Б. Д. Бруцкусъ. Землеустройство и разселеніе въ Россіи и за границей.—VIII. И. Г. Тайновъ. Золотое обращеніе и центральные банки главнѣйшихъ государствъ.—IX. Л. Б. Кафенгаузъ. Синдикаты въ русской желѣзной промышленности.—X. Географическій Словарь Россіи. Подъ редакціей Д. И. Рихтера. **В. В.** — Новыя книги и брошюры. — Мартъ, стр. 411: — I. Д. Мережковскій. Больная Россія.—II. „Друкарь". Литературный сборникъ.—Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Сост. Конст. Кузьминскій.—**Ч. В—скаго.**—IV. С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. — **Н. Болдырева.**— V. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ 1907 г. Сост. А. Зотовъ. Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. — VII. Перси Ашлей. Мѣстное и центральное управленіе. Перев. съ англ. подъ ред. В. Ѳ. Дерюжинскаго. — VIII. К. Я. Загорскій. Обзоръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ Франціи, Германіи и Австро-Венгріи сравнительно съ тарифами русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. — Апрѣль, стр. 406: — Инж. П. К. Энгельмейеръ. Теорія творчества. Съ предисл. Д. Овсянико-Куликовскаго и Эрнста Маха.—Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. II, вып. 2-й. Ред. Б. А. Лезинъ.—Евг. Аничковъ. Реализмъ и новыя вѣянія, — Записки Н. Ф. Бунакова. „Моя жизнь", и т. д. Съ портретомъ и факсимиле.—Щукинскій сборникъ. Вып. VIII.—**Ч. В—скаго.** — В. І. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. — **Е. К.** — Августъ Бебель. „Изъ моей жизни" (Мемуары). Перев. съ рукоп., подъ редакціей Н. Рязанова.—**М. Славинскаго.**— В. Ѳ. Матвѣевъ. Право публичныхъ собраній.—**И. Болдырева.**—Пфлейдереръ. I. Отъ іудейства къ христіанству. II. Образъ Христа древнехристіанской вѣры. —Его же: Возникновеніе христіанства. Перев. Г. Ѳ. Львовича. — **Н. Никольскаго.** — Ю. Велльгаузенъ. Введеніе въ исторію Израиля. Перев. съ нѣм. Н. М. Никольскаго.—**Василія Сторожева.**— Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губ. Опытъ агрономическаго изслѣдованія, т. I-III, изд. сам. губ. земства. — **Сем. Маслова.** — Y. Delage et M. Goldsmith. Les Théories de l'Evolution. Bibliothèque de Philosophie scientifique. — **А. Щ.** — Новыя книги и брошюры.—Май, стр. 409:—I. Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. — 1859-1909. — И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. 5-е испр. изд.— Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. В. Базаровъ, П. Орловскій, В. Фриче и В. Шулятиковъ. — Общестуденческій Литературный Сборникъ.—Студенческій альманахъ. Книга I. Изд. Д. Тягая.— **Ч. В—скаго.** — „Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову". Сборникъ воспоминаній.—**Е. К.**—„Книга для чтенія по исторіи новаго времени", т. I, изд. подъ ред. „Историч. Ком. учебн. отд. Общества Распр. Технич. Знаній". — **А. Пѣснякова.** — Влад. Грабеньскій. Исторія польскаго народа. Разр. авторомъ перев. со 2-го, доп. польскаго изд. подъ ред. Н. Ястребова. — **М. А. Славинскаго.**—К. Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. Съ атласомъ изъ 90 табл., перев. съ нѣм. подъ ред. проф., д-ра зоологіи Н. А. Холодковскаго.—**Н. Рубакина.**—Наши неурожаи и продовольственный вопросъ, ч. I и II, А. С. Ермолова.—В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть II. Мѣстное обложеніе. — П. Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ.—**В. В.** — Новыя книги и брошюры. — Іюнь, стр. 409: — 1809—1909. Гоголевскіе дни въ Москвѣ. — Академическая библіотека русскихъ писателей, вып. 2: Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова, т. I. — В. Чарнолускій. Частная инціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. **Ч. В—скаго.**—Труды В. Г. Васильевскаго, т. I и II.—**И. Бороздина.**— Проф. Э. Бернгеймъ. Философія исторіи, ея исторія и задачи.—**М. А—ва.**—Проф. И. Х. Озеровъ. Основы финансовой науки.—**І. Кулишера.**—З. С. Каценеленбаумъ. Меліораціи, меліоративныя товарищества и меліоративный кредитъ въ Россіи.—**Сем. Маслова.**—P. Chasles.— Le parlement russe. Son organisation. Ses rapports avec l'Empereur. Avec une préface de Anatole Leroy-Beaulieu.— **А. Л. Саккетти.**—Новыя книги и брошюры.—Іюль, стр. 405:—Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. — Эпоха Николая I, подъ ред. М. Гершензона.— Жизнь В. С. Печерина, М. Гершензона.— Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Кн. 22-я.—А. П. Чеховъ. Сборникъ статей.—Чеховская библіотека.— **Ч. В—скаго.**—Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца. — **Л. С.** — Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная исторія.—Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. **И. Бороздина.**—М. П. Боголѣповъ. Государственный долгъ. А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. —

Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры.—Августъ, стр. 412:—Несторъ Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.—А. С. Изгоевъ. Русское общество и революція. — И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе (Земство и Конституція). — Полное Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. и съ прим. С. А. Венгерова, т. IX. — Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ, т. II.—**Ч. В—скаго.**—Э. Фельсбергъ. Братья Гракхи. — **И. Бороздина.**—Ученые труды въ изданіи Имп. Моск. Унив., ч. I: проф. А. И. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйстао, т. I и II.—**К. Загорскаго.** — Проф. А. С. Алексѣевъ. Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. — **Н. Болдырева.**— Новыя книги и брошюры. — Сентябрь, стр. 412: — Владиміръ Короленко. Бытовое явленіе (Замѣтки публициста о смертной казни).—Е. А. Колтоновская. Новая жизнь. Критическія статьи.—Историко-литературная библіотека, подъ ред. А. Е. Грузинскаго.—Современники. Альбомъ біографій Н. П. Афанасьева, т. I-II.—**Ч. В—скаго.**—Г. Ф. Шершеневичъ. Соціологія. Лекціи. Изд. „Моск. Общ. Народн. Университ.“—**И. Бороздина.**— Проф. А. К. Бороздинъ. Русское религіозное разномысліе, изд. 2-е.—**Влад. Бончъ-Бруевича.**—И. Левинъ. Свеклосахарная промышленность въ Россіи.— В. Г. Бажаевъ. Крестьянская аренда въ Россіи.—**В. В.**—Richard M. Meyer: Die deutsche Literatur des Neunzehnten Jahrhunderts.—Samuel Max Melamed. Theorie, Ursprung und Geschichte der Friedensidee. — Max Apel. Die Weltanschauung Haeckels. — Eugen v. Philippovich. Die Entwicklung der wirtschaftlichen Ideen im XIX Jahrhundert.— **Р. Стрѣльцова.**—Новыя книги и брошюры.—Октябрь, стр. 413:—Стихотворенія А. С. Хомякова, изд. „Русскаго Архива“.—Л. Н. Толстой. Біографія, характеристики, воспоминанія (Жизнь. Личность. Творчество). Сборн. статей, изд. тов. „Образованіе“. — **Ч. В — скаго.** — С. Кондурушкинъ. Разсказы, т. II, изд. т-ва „Знаніе“. — **Е. Колтоновской.**— Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ.—**И. Бороздина.**—Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII — XIX в.в.—**Ч. В—скаго.**—Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперація въ Великобританіи. Перев. съ англ., подъ ред. Екат. Веббъ.—**В. В.**—Статистическій Ежегодникъ 1909 г.“, изд. Харьк. Губ. Земск. Управы.—**Сем. Маслова.**—Handwörterbuch der schweizerischen Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. — **Н. Р.** — Новыя книги и брошюры.—Ноябрь, стр. 419:—П. Коганъ. Очерки по ист. нов. русск. лит., т. III, Современники, вып. III, Мистики и богоискатели. — Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый“. Книга статей, книгоиздательство „Альціона“.—Чеховскій юбилейный сборникъ.—1860 — 17 января — 1910.— Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Вып. I-III.—Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864-1909 гг. Вып. I. — **Ч. В—скаго.** — Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.—Словарь литературныхъ типовъ. Вып. IV: Грибоѣдовъ, подъ ред. Н. Д. Носкова.— **Н. Л.**—Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. — **В. В,**—П. Г. Виноградовъ, проф. Оксфордскаго и Московскаго университетовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ, изд. А. А. Карцева. — **И. Бороздина.** — I. M. Кулишеръ, „Лекціи по исторіи экономическаго быта зап. Европы“, изд. 2-е. — **И. Иванюкова.** — Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. Т. I: Старый порядокъ и революція. — **Максима Ковалевскаго.** — Новыя книги и брошюры. — Декабрь, стр. 408:— Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина (Библіогр. описаніе). — Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ.—**Н. Лернера.**— Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. III.—К. И. Арабажинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическ. этюдъ.—„Братья Карамазовы“ на сценѣ Худож. театра. Текстъ Н. Шебуева, рис. Д. Мельникова.—**Ч. В—скаго.**—I. И. Желѣзновъ. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ.—**И. Ж.**—I. Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. Ч. I.— С. Бернштейнъ-Коганъ. Численный составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ.—А. М. Стопани. Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. — **В. В.** — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte von Theodor Schiemann, Otto Hötzsch, L. K. Goetz, H. Uebersberger. T. I, вып. 1-й.— **И. Бороздина.** — Новыя книги и брошюры.

IV. Изъ Общественной Хроники.— Январь. — Великій князь Михаилъ Николаевичъ †. — Реакція торжествуетъ и торопится.—Пустое мѣсто.—Многогранная иллюстрація: злоключенія члена Думы

отъ Одессы, г. Бродскаго. — Взрывъ на Астраханской улицѣ.—Запросъ въ Думѣ по поводу взрыва. — П. Ф. Лесгафтъ † (стр. 434). — Февраль. — Очередныя и неочередныя дѣла въ Государственной Думѣ.—Безпримѣрное использованіе права запросовъ. — Первые шаги обновленнаго состава петербургской городской думы.—Походъ на адвокатуру: дѣло Гиллерсона; дѣло прис. пов. Патека; обвиненіе, предъявленное харьковскому совѣту присяжныхъ повѣренныхъ.—Розыскъ покойнаго Н. К. Михайловскаго. — Изъ губернаторскихъ циркуляровъ. — Итоги „всемѣрной“ борьбы съ печатью (стр. 427). —Мартъ.—„Интендантскій“ вопросъ и ревизіонно-карательный способъ его разрѣшенія.—Неудавшаяся попытка создать „благонадежныхъ“ статистиковъ.—Дальнѣйшее развитіе похода на адвокатуру: дѣло прис. пов. Базунова и Аронсона; законопроектъ о консультаціяхъ.—Быть или не быть второму съѣзду писателей.— Циркуляръ тамбовскаго губернатора.— Тверское земство. — В. Ѳ. Коммиссаржевская † (стр. 437).—Апрѣль.—Готтентотская мораль.—Реакція до- и послѣконституціонная.—Эволюція черносотенства. — Доносъ на междупарламентскій союзъ. — Политика и судъ. — Въ чемъ источникъ силы черносотенства?—Герой дня.—Петербургъ и провинція.—Извѣстія самарскаго общества народныхъ университетовъ. — Князь Н. С. Волконскій и А. И. Урсулъ † (стр. 433). — Май. — Старый вопросъ. — Почему мы его не поднимаемъ?—Судебная ликвидація и необходимость амнистіи.—Нѣсколько иллюстрацій.—Петербургскія городскія дѣла. —Новый голова, г. Глазуновъ. — Указъ сената объ обывательскихъ обществахъ.— А. Я. Пассоверъ, В. И. Семеновъ, А. В. Перелешинъ и М. Л. Кропивницкій † (стр. 434). — Іюнь. — Отвѣтъ „каторжника“.—Борьба съ общественной самодѣятельностью. — Готтентоты петербургской городской думы.—Добровольная субсидія казнѣ. — Месть обойденныхъ. — Новый предсѣдатель училищной коммиссіи. — Роковая судебная ошибка. — „Истинно-русская“ полемика. — 25-лѣтіе со дня смерти К. Д. Кавелина.—Полина Віардо и Б. Д. Гриневенко † (стр. 427).— Іюль. — Дума въ одинъ изъ дней засѣданій по финляндскому вопросу. — Думская „охрана“. — Музыка разговоровъ, чтенія и ходьбы. — Итогъ личныхъ впечатлѣній.—Изъ отзывовъ печати о финляндскомъ законопроектѣ. — Что ждетъ высшую, среднюю и низшую школу. — Внѣшній шпіонажъ. — К. Ѳ. Казиміръ, Юлія Безродная и А. Н. Котельниковъ † (стр. 421). — Августъ. — Десятилѣтіе смерти В. С. Соловьева.—В. С. Соловьевъ и послѣконституціонная современность.— Религіозная свобода.—Походъ епископа противъ г. Шварца.—Изъ-за монастырскихъ доходовъ. — Эпизоды борьбы за церковную школу.—Еврейскій вопросъ.— Травля, преслѣдованіе и неуклонное соблюденіе закона.—Что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ?—В. С. Соловьевъ и смертная казнь.—В. А. Фаусекъ, Н. А. Шишковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Масловъ, М. В. Картавцева-Крестовская † (стр. 432).—Сентябрь. — „Государственность“, „общественность“ и борьба съ холерой. — Мѣры борьбы, рекомендуемыя правой печатью. — „Общія мѣста“.—Слухи объ уходѣ г. Глазунова.— Его вѣроятный преемникъ.—Дѣло Кнобельсдорфа.—Убійство офицерами городового.—Интендантскія ревизіи и первые ихъ піонеры.—М. И. Горчаковъ † (стр. 430).—Октябрь.—Предстоящее торжество думскихъ сторонниковъ висѣлицы и розги.—Какое научное значеніе имѣетъ голосованіе съѣзда германскихъ юристовъ по поводу сохраненія смертной казни? — Попытки этически оправдать смертную казнь. — Палачъ и отношеніе народнаго сознанія къ его ремеслу. — Смертный приговоръ, какъ средство сыска. — Свидѣтели - каторжники. — „Честные провокаторы“.—„Слово и дѣло“.—П. О. Лебедевъ † (стр. 429).—Ноябрь.—Памяти С. А. Муромцева. — Первая Дума и ея символъ. — Закрытая баллотировка петербургской городской думы.—Отклики смерти С. А. Муромцева. — Сыскъ. — Близка ли реформа органовъ самоуправленія? — Событіе дня: экзаменаціонная двойка, полученная студентомъ-союзникомъ (стр. 439).—Декабрь. — Кто отъ кого оказался изолированнымъ въ дни болѣзни, смерти и погребенія Толстого? — Послѣднія слова великаго покойника.— Н. И. Пироговъ объ университетскомъ вопросѣ.—„Дни національнаго подъема“. —„Новое Время“ о „пресловутомъ“ мусульманскомъ самоопредѣленіи.—Законъ и сенатское разъясненіе, отмѣненное петербургской городской думой. — Бельгійскій милліонъ.—Несбывшіяся надежды гг. Сопоцько и Бухмейера.—Новыя времена для „истинно-русскихъ союзниковъ“ (стр. 436).

V. Провинціальное Обозрѣніе. — И. Жилкина (янв., 325; февр., 317; мартъ, 326; апр., 354; май, 330; іюнь, 339; іюль, 349; авг., 319; сент., 344; окт., 353; нояб., 332; дек., 334).

VI. Критическіе наброски. — С. Адріанова (янв., 379; февр., 356; апр.,

380; май, 357; іюль, 383; окт., 386; дек., 384).

VII. Письма изъ Америки.—П. А. Тверского (янв., 369; іюль, 323).

VIII. Письма изъ Парижа.—Бѣлоруссова (апр., 328; іюль, 310; нояб., 298).

IX. Письмо изъ Константинополя.—Вл. Жаботинскаго (май, 327).

X. Письма изъ Софіи. — В. Богучарскаго (май, 318; авг., 326).

XI. Письма изъ Рима. — Мих. Осоргина (янв., 335; іюнь, 299; окт., 319).

XII. Письмо изъ Венеціи.—Мих. Осоргина (май, 302).

XIII. Письма изъ Берлина. — Р. Стрѣльцова (февр., 382; мартъ, 378).

XIV. Письма изъ Лондона.—Діонео (янв., 354; май, 289; сент., 383).

XV. Письмо изъ Танжера.—Діонео (іюль, 396).

XVI. Письма изъ Швейцаріи. — П. Берлина (авг., 332); А. Дивильковскаго (сент., 334).

XVII. Письмо изъ Барселоны. — А. Дерепталя (авг., 338).

XVIII. Письмо изъ Лиссабона.— А. Дерепталя (дек., 363).

XIX. Письмо въ редакцію. — Проф. А. Яроцкаго (дек., 451).

XX. Извѣщенія — (январь, 448; февр, 442; мартъ, 453; апр, 449; май, 450; іюнь, 443; іюль, 443; авг., 452; окт., 444; дек., 454).

XXI. Библіографическій Листокъ. — Январь. — Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ русской литературѣ. С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. П. Н. Ардашевъ. Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова. Т. V. Исторія Зап. Европы въ новѣйшее время.—Февраль. — Максимъ Ковалевскій. Соціологія. Т. II. Вл. Семеновъ. Цѣна крови. А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. 1904—1909 гг. Юрій Веселовскій. Литературные очерки. Т. II.— Мартъ. — Проф. В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть IV. Ю. Велльгаузенъ. Введеніе въ исторію Израиля. Проф. Бузескулъ. Краткое введеніе въ исторію Греціи. А. Г. Горнфельдъ. На Западѣ. Литературныя бесѣды. С. Елпатьевскій. За границей. — Апрѣль. — Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. VI. М. Гершензонъ. Жизнь В. С. Печерина. Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. П. И. Чижевскій. Всеобщее обученіе въ земскихъ губерніяхъ. Интеллигенція въ Россіи. Сборникъ статей К. Арсеньева, Н. Гредескула, М. Ковалевскаго, П. Милюкова, Д. Овсянико-Куликовскаго, И. Петрункевича, М. Славинскаго и М. Туганъ-Барановскаго.—Май.—А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Н. Карѣевъ. Общій курсъ исторіи XIX вѣка. Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Вып. 1-й. Некрологи, привѣтствія, воспоминанія. И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе. Земство и конституція. Памяти Виктора Александровича Гольцева. Воспоминанія и статьи А. А. Кизеветтера, Ч. Вѣтринскаго, С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича, В. Г. Короленка, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Каблукова, А. А. Мануилова, Н. В. Давыдова. — Іюнь.— Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Николай Морозовъ. На границѣ невѣдомаго. И. И. Янжулъ. Воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864 — 1909 гг. Вып. 1-ый. К. Головинъ. Мои воспоминанія. Т. II. (1881—1894 гг.). В. Г. Танъ Колымскіе разсказы.—Іюль.—Н. И. Паліенко, проф. харьковскаго университета. Основные законы и форма правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіа. М. Н. Покровскій, при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. А. Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Два юбилея учено-литературной и служебной дѣятельности Ивана Егоровича Забѣлина.—Августъ.—Владиміръ Короленко. Бытовое явленіе. Замѣтки публициста о смертной казни. Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Ивановъ-Разумникъ. Литература и общество. Ивановъ-Разум-

никъ. Объ интеллигенціи—Сентябрь.—Ив. Бунинъ. Сочиненія. Т. VI. Б. Краевскій. По поводу самоубійства учащихся. Ѳ. П. Будкевичъ. Проектъ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда въ связи съ системою и планомъ кодификаціи законовъ. А. М. Обуховъ. Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. — Октябрь. — А. К. Дживилеговъ. Исторія современной Германіи. Часть II. А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній. Л. Шалландъ. Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ.—Ноябрь.—П. Я. (П. Якубовичъ - Мельшинъ). Стихотворенія, т. I и II. Илья Сургучевъ. Разсказы. Т. I. Проф. Бузескулъ. Историческіе этюды.—Декабрь.—Великая реформа. 19 февраля 1861—1911. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ редакціей профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Перев. съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. И. Галантъ. Черта еврейской осѣдлости. Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.—ДЕКАБРЬ.

СТРАН.

Портретъ Л. Н. ТОЛСТОГО и пять геліогравюръ.

ПАМЯТИ Л. Н. ТОЛСТОГО.—**Д. Н. Овсянико-Куликовскаго** . . . . . III-VII

I. МОЛОДНЯКЪ.—Очерки.—I. Бѣды Ивана Кириллыча Саламатина.—II. Варвара Бутягина.—III. Горе-учителя.—IV. Въ городѣ.—V. Первыя неудачи и разочарованія.—VI. Горизонтъ начинаетъ проясняться.—VII. Еще одна сочувствующая душа и неожиданныя осложненія.—VIII. Дѣло осложняется еще больше.—IX. Иванъ Кириллычъ сходитъ со сцены.—X. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.—XI. Иванъ Кириллычъ опять дома.—**В. І. Дмитріевой** 3

II. ПРОБУЖДЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**П. С. Соловьевой**. . . 73

III. КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА.—Отрывки изъ автобіографіи.—VIII-XIV.—Окончаніе.—**Ал. Лугового**. 74

IV. РАЗСВѢТЪ НА ГАРЦѢ.—НА СѢВЕРѢ.—Стихотворенія.—**Л. М. Василевскаго** 105

V. МОДЕРНИЗМЪ ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.—II. Между Бодлэромъ и Верхарномъ.—III. Во власти демоновъ пыли.—**Виктора Чернова** 107

VI. ДВѢ МАТЕРИ.—(Joséphin Soulary).—Стихотвореніе.—**Е. М. Миличъ** 136

VII. БЕЗРАБОТИЦА И БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АНГЛІИ.—**А. Чекина** 137

VIII. ВЪ ТИХОМЪ УГЛУ.—Разсказъ.—**Н. Осиповича**. 158

IX. ЭПИТАФІЯ.—*** 182

X. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ТОКВИЛЯ.—**В. Бутенко** . . . 183

XI. ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ.—„Giovanna“, von Sophus Michaëlis.—Окончаніе.—Перев. съ нѣм. **М. Чепинской**. . 216

XII. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Тактика отрицанія и созданная ею трудность положенія.—I-VIII.—**Нестора Котляревскаго**. 245

XIII. Хроника.—ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ.—Изъ научной лѣтописи 1909 года.—Окончаніе.—**К. А. Тимирязева**. . 261

XIV. „ИЗВЕРЖЕННЫЕ“.—**Николая Огнева** 284

XV. НАКАНУНѢ ЗЕМСТВА ВЪ СИБИРИ.—**І. Малиновскаго**. 292

XVI. НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА А. Н. КУРОПАТКИНА.—Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Томы I-III.—**Л. З. Слонимскаго**. 304

XVII. ИЗЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ.—**И. Бороздина** 319

XVIII. КЪ ВОПРОСУ О СУДЬБАХЪ ОБЩИНЫ.—**Н. М—скаго** . . 328

XIX. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. В. Жилкина** . . 334

СТРАН.

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общенародное горе.—Отношеніе къ нему Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и реакціонной печати.—Образцы безтактности и лицемѣрія.—Волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Проектъ запроса о высшей школѣ. — Особое мнѣніе М. И. Горчакова по одному изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ.—Государственный Совѣтъ и Государственная Дума 345

XXI. ПИСЬМО ИЗЪ ЛИССАБОНА.—А. Деренталя. 363

XXII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРЦІИ.—А. А. 376

XXIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—С. А. Адріанова. 384

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Споры о рѣчахъ Вильгельма II въ германскомъ парламентѣ.—Свиданіе монарховъ въ Потсдамѣ.—Конституціонный кризисъ въ Англіи.—Австрійскія дѣла. . . . 395

XXV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина (Библіографич. описаніе).—Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ.—Н. Лернера.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. III.—К. И. Арабажинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ.—„Братья Карамазовы“ на сценѣ Художеств. театра.—Ч. В—скаго. — І. И. Желѣзновъ. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ.—И. Ж.—І. Конрадъ Сельское хозяйство и аграрная политика, ч. I. — С. Бернштейнъ-Коганъ.—Численный составъ и положеніе петерб. рабочихъ.—А. М. Степани.—Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепром. рабочихъ.—В. В. — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von Theodor Schiemann, Otto Hötzsch, L. K. Goetz, H. Uebersberger.—И. Бозродина. — Новыя книги и брошюры 408

XXVI. ДИМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ДРИЛЬ. — Максима Ковалевскаго. 427

XXVII. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Кто отъ кого оказался изолированнымъ въ дни болѣзни, смерти и погребенія Толстого?—Послѣднія слова великаго покойника.—Н. П. Пироговъ объ университетскомъ вопросѣ.—„Дни національнаго подъема“.—„Новое Время“ о „пресловутомъ“ мусульманскомъ самоопредѣленіи.—Законъ и сенатское разъясненіе, отмѣненные петербургской городской думой. — Бельгійскій милліонъ. — Несбывшіяся надежды гг. Сопоцько и Бухмейера.—Новыя времена для истинно-русскихъ союзниковъ. 436

XXVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Проф. А. Яроцкаго. . . . 451

XXIX. ИЗВѢЩЕНІЯ 454

XXX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1910 году 458

XXXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 473

XXXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Объявленіе о подпискѣ на 1911 г. на журналъ „Вѣстникъ Воспитанія; 2) Объявленіе А. Ф. Девріена „Книги-Подарки“; 3) Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ 1911 г. и о другихъ изданіяхъ Т-ва А. Ф. Марксъ въ С.-Петербургѣ.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа REMBRANDT-INTAGLIO (стѣнного размѣра 38 × 51 с./м.). Цѣна каждаго эстампа 75 коп.

И. К. Айвазовскій. Черное море.
Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. Устный счетъ.
І. Е. Бразъ. Портретъ Чехова.
В. М. Васнецовъ. Аленушка.
„ Богатыри.
„ Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ.
„ Богоматерь.
Н. Н. Ге. Портретъ А. И. Герцена.
„ Петръ I и Алексѣй.
Н. А. Касаткинъ. Шахтерка.
И. Н. Крамской. Неутѣшное горе.
„ Христосъ въ пустынѣ.
„ Портретъ Т. Г. Шевченко.
А. И. Корзухинъ. Птичьи враги.
Н. Д. Кузнецовъ. Послѣ обѣда.
И. И. Левитанъ. У омута.
В. М. Максимовъ. Все въ прошломъ.
Ф. А. Малявинъ. Крестьянская дѣвушка.
В. Г. Перовъ. Охотники на привалѣ.
„ Птицеловъ.
„ На могилѣ сына.
„ Ѳ. М. Достоевскій.
В. Д. Полѣновъ. Среди учителей.
„ Бабушкинъ садъ.
„ Христосъ и грѣшница.
И. М. Прянишниковъ. Шутники.
И. Е. Рѣпинъ. Портретъ Л. Н. Толстого.
„ Царевна Софья.
„ Не ждали.
„ М. И. Глинка.
„ Запорожцы.
В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.
В. А. Сѣровъ. Дѣти.
К. Д. Флавицкій. Княжна Тараканова.
И. И. Шишкинъ. Утро въ сосновомъ лѣсу.
Н. А. Ярошенко. Портретъ В. С. Соловьева и друг.

Педагогическая Академія

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и МОНОГРАФІЯХЪ

(„ВОСПИТАНІЕ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ“)

подъ общей редакціей профес. **Алекс. Петр. Нечаева.**

ВЪ 15-ти томахъ:

НЕОБХОДИМОЕ НАСТОЛЬНОЕ изданіе для *родителей, воспитателей,* общественныхъ дѣятелей и вообще лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу воспитанія.

ВЫШЛИ ЧЕТЫРЕ ТОМА:

1. **Дѣтская литература.** *Н. В. Чехова* съ прил. „Библіографіи по вопросамъ дѣт. литературы и дѣт. чтенія“, сост. *А. Е. Корольковымъ*. М. XVI+256 стр. съ 107 илл.

2. **Методы первоначальнаго обученія.** Часть I. (Русскій языкъ, начальная математика, новые языки и исторія). *Н. К. Кульмана, С. И. Шохоръ-Троцкаго, В. К. Петровой и С. Ф. Знаменскаго.* М. 255 стр. съ 47 илл. и библіограф. указателями.

3. **Душевная жизнь дѣтей.** Очерки по педагогической психологіи. Подъ редакц. проф. *А. Ф. Лазурскаго* и проф. *А. П. Нечаева.* М. 282 стр. съ 91 рис.

4. **Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи** до эпохи реформъ Александра II. *С. А. Князькова* и *Н. И. Сербова* подъ редакц. *С. В. Рождественскаго.* Съ рис. и портретами. М. IV+240 стр.

Печатается:

5-ый томъ: Дѣтскія болѣзни. Врача *Л. В. Писаревой* подъ ред. проф. *Г. В. Хлопина.* Съ рис. и таблицами.

Готовятся къ печати:

Очерки по исторіи педагогическихъ ученій. ▲ Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ. ▲ Методы первоначальнаго обученія. Часть II. ▲ Физическое развитіе дѣтей. ▲ Гигіена умственнаго и физическаго труда. Подвижныя игры, гимнастика, спортъ, ручной трудъ. ▲ Нервно-больныя дѣти въ семьѣ и школѣ. (Педагогическая невро-и психо-патологія). ▲ Главные моменты въ развитіи школы въ Западной Европѣ и Америкѣ. ▲ Современная школа въ Западной Европѣ и Америкѣ. ▲ Современныя теченія педагогической мысли. ▲ Дѣтскіе сады. Наглядныя пособія. Педагогическіе музеи. Организація экскурсій.

Изданіе будетъ снабжено рисунками, портретами, діаграммами, таблицами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Продолжается подписка.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 2 р.; при полученіи каждаго изъ первыхъ 12 томовъ по 1 р. 35 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ и по 1 р. 50 к. съ пересылкой въ другіе города Россіи; при полученіи 13-го, 14-го и 15-го томовъ, доставляемыхъ одновременно, 1 р. 80 к. съ доставкой въ Москвѣ и Петербургѣ, 2 р. съ пересылкой въ другіе города Россіи и за границу. Изданіе можно получать и въ коленкоровыхъ съ золотымъ тисненіемъ переплетахъ по цѣнѣ 30 коп. за переплетъ каждаго тома. За наложенный платежъ по 10 коп. при каждой посылкѣ.

Проспектъ безплатно.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій переулокъ д. № 21.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

1. **Ибсенъ.** Кукольный домъ. (Нора). (3 изд.).
2. **Ибсенъ.** Врагъ народа. (Докторъ Штокманъ). (3 изд.).
3. **Ибсенъ.** Привидѣнія. (3 изд.).
4. » Гедда Габлеръ. (3 изд.).
5. » Строитель Сольнесъ. (3 изд.).
6. » Эллида. (Женщина съ моря). (2 изд.).
7. **Бьернсонъ.** Свыше силъ. Ч. I. (2 изд.).
8. » Свыше силъ. Ч. II. (2 изд.).
9. **Гауптманъ.** Передъ восходомъ солнца. (2 изд.).
10. **Шницлеръ.** Зеленый попугай. Парацельвусъ. Подруга. (2 дополн. изд.).
11. **Метерлинкъ.** Монна-Ванна. (2 изд.).
12. **Пшибышевскій.** Снѣгъ. (2 изд.).
13. **Ибсенъ.** Росмерсхольмъ. (2 изд).
14. **Гауптманъ.** Роза Бренндтъ. (2 изд.).
15. » Эльга. (2 изд.).
16. **Шницлеръ.** Сказка. (2 изд.).
17. **Аннунціо.** Дочь Іоріо. (2 изд.).
18. **Жероксній.** Лѣсные отголоски и др. (2 изд.).
19. **Метерлинкъ.** Сестра Беатриса. Смерть Тентажиля. (2 изд.).
20. **Амичисъ.** Учительница рабочихъ. (2 изд.).
21. **Уайльдъ.** Саломея. (3 изд.).
22. **Гауптманъ.** Геншель. (2 изд.).
23. **Гейермансъ.** Всѣхъ скорбящихъ. (2 изд.).
24. **Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. (2 изд.).
25. **Гауптманъ.** Одинокіе люди. (2 изд.).
26-7. **фибихъ** Бабья деревня. (2 изд.).
28. **Гофмансталь.** Свадьба Хобенды. (2 изд.).
29. **Гофмансталь.** Смерть Тиціана. Вчера. (2 изд.).
30. **Делла-Грація.** Катастрофа. (2 изд.).
31. **Кюрель.** Новый кумиръ. (2 изд.).
32-3. **Ожешко** и др. Изъ одного русла. (2 изд.).
262-5. **Тетмайеръ.** Ангелъ смерти.
266-7. **Жулавскій.** Эросъ и Психея.
268. **Гурмонъ.** Цвѣта.
269. **Левертинъ.** Рококо.
270. **Эркманъ-Шатріанъ.** Рейнскіе разсказы.
271-4. **Лагерлефъ.** Чудеса Антихриста.
275. » Легенды.
276-7. **Нѣмоевскій.** Письма ненормальнаго человѣка.
278-80. **Мирбо.** Голгоѳа.
281. **Аннунціо.** Перевозчикъ и др.
282-5. **Уэллсъ.** Война въ воздухѣ.
286. **Батайль.** Дѣва неразумная.
287-90. **Аннунціо.** Наслажденіе.
291. **Манъ.** Злые.
292-3. **Лагерлефъ.** Легенды о Христѣ.
294. **Твэнъ.** Жизнь на Миссисипи.
295. **Уайльдъ.** Женщина, о которой говорить не стоить.
296-7. **Жулавскій.** Ійола.
298. **Тетмайеръ.** Орлицы и др.
299. **Прево.** Женскія письма.
300. **Уайльдъ.** Какъ важно быть серьезнымъ.
301-2. **Гамсунъ.** Въ сказочной странѣ.
303. **Гауптманъ** Бобровая шуба.
304-5. **Лоти.** Матросъ.
306. **Ленгіель.** Тайфунъ.
307. **Лагерлефъ.** Королевы.
308-9. **Стендалъ.** Ченчи.

Каталогъ съ не вошедшими въ объявленіе выпусками БЕЗПЛАТНО.

Цѣна каждаго номера **10** к. (Двойные выпуски—**20** к. Тройные—**30** к. Четверн.—**40** к.)

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и желѣзнодорожныхъ кіоскахъ.

Въ другіе города книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе не менѣе, чѣмъ на **1 руб.**, за пересылку не платятъ.

Главная контора кн-ва **„ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.**

МОСКВА, Козицкій пер., д. **21.**

САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
УКРѢПЛЯЕТЪ НЕРВЫ и
ОСЛАБЛЕННЫЙ ОРГАНИЗМЪ.
Для укрѣпленія нервной системы рекомендуется употребленіе извѣстнаго питательнаго и укрѣпляющаго средства
САНАТОГЕНА БАУЭРЪ.
Этотъ препаратъ имѣетъ непосредственное вліяніе на нервную систему, питая и укрѣпляя ее, что такъ важно въ наше время, когда явленія неврастеніи (общей и половой) все глубже и глубже проникаютъ въ жизнь. Поддерживая силы организма и способствуя наростанію тѣла, благодаря повышенію питанія, Санатогенъ Бауэръ помогаетъ въ борьбѣ съ тѣми болѣзненными явленіями, которыя характеризуютъ нашъ нервный вѣкъ.
Научныя брошюры, заключающія свѣдѣнія и практическія наставленія объ укрѣпленіи организма и нервной системы, безвозмездно высылаются фирмой Бауэръ и К° въ Москвѣ, Мясницкая, 29. Почт. ящ. № 424.
Санатогенъ Бауэръ имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ коробкахъ по 1 р., 1 р. 90 к. и 4 р. 50 к.
Остерегаться недоброкачественныхъ поддѣлокъ.
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
БАУЭРЪ и К°, Москва, почт. ящ. 424.
Прошу выслать безплатно брошюру: „Неврастенія, ея причины и леченіе"
Фамилія:.....
Адресъ:.....
45

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“ подписчики получатъ по одной книгѣ,** всего въ годъ —— **52 книги.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1911 ГОДЪ
(42-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1911** года:

52 **№№ еженедѣльнаго** художественно-литературнаго журнала **„НИВА“: романы, повѣсти и разсказы; снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи** современныхъ событій.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

дополнительныя **12** КНИГЪ **КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ Ант. П. ЧЕХОВА.**

То, что̀ получатъ наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное наслѣдіе: — *болѣе трехсотъ разсказовъ Чехова*, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы“ на 1911 годъ, прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова“, данному „Нивой“ въ 1903 году, будутъ имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова“.

остальныя **20** КНИГЪ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.**

Въ эту вторую часть „Полнаго Собранія Сочиненій А. Ѳ. Писемскаго“ войдутъ его знаменитые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ“, „Въ водоворотѣ“, „Массоны“ и драматическія произведенія, среди которыхъ особенно извѣстны: „Горькая судьбина“, украшеніе и гордость русской сцены,—„Самоуправцы“, „Ваалъ“, „Финансовый геній“—и др.

8 КНИГАХЪ **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ Льва Алекс. МЕЯ.**

Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту“ и „Псковитянку“, давно уже поставленъ критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова“ и „Смерти Іоанна Грознаго“. Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и завѣтныхъ вѣрованій народа ярко сказалось и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и разсказахъ. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями создалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ міровой поэзіи.

12 **№№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“.** До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльн. и выпильн. работъ и выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральн. величину.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1911** годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **6 р. 50 к.**; съ доставкой **7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, у Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.
За границу — **12 р.**

Подписчики, желающіе получить также **первыя 18 книгъ Писемскаго 1910 г.**, доплачиваютъ: 1) Безъ доставки въ СПБ.— **2** руб., въ Москвѣ и Одессѣ—**2 р. 25 к.**; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— **2 р. 50 к.**; 3) За границу 3 руб.

Подписчики, желающіе получить **первые 16 томовъ соч. Чехова 1903 г.**, доплачиваютъ: 1) Безъ доставки: въ СПБ. — **4** руб., въ Москвѣ и Одессѣ—**4 р. 25 к.**; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— **4 р. 50 к.**; 3) За границу—5 руб.

Допускается разсрочка платежа за „Ниву“ и за книги соч. Чехова 1903 г. и Писемскаго 1910 г.—въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ
50 к. отд. книжка
70 к. съ перес.

Издат. „Нов. Журн. для Всѣхъ“ (годъ изд. IV)
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на новый большой безпартійный журналъ

БОЛЬШОЙ ЖУРНАЛЪ
4 р. 50 к. въ годъ
2 р. 50 к. на 1/2 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Журналъ литературы, искусства, науки и общественной жизни.

Идя на встрѣчу давно назрѣвшей потребности въ большомъ идейномъ журналѣ, который, включая всѣ отдѣлы дорогихъ толстыхъ ежемѣсячниковъ, былъ бы въ то же время доступенъ по цѣнѣ широкому кругу читателей, издательство „Нов. Журнала для всѣхъ“ (годъ изд. IV-й): будетъ выпускать журналъ „Новая Жизнь“ при подписной цѣнѣ въ 4 р. 50 к. въ годъ

Въ журналѣ будутъ широко поставлены отдѣлы: 1) Художественной литературы, 2) Критики и библіографіи, 3) Научно-популярный, 4) Искусства, 5) Общественно-политическій, 6) Отдѣлъ художественно исполненныхъ репродукцій съ извѣстныхъ картинъ. „Новая Жизнь“ будетъ выходить ежемѣсячно книжками большого формата, до 12 печатныхъ листовъ (200—240 стр.) въ художеств. обложкѣ, съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ веленевой бумаги.

Годовые подписчики получаютъ безплатное приложеніе: собр. сочиненій Н. Добролюбова (юбилейное изданіе по случаю 50-ти-лѣтія со дня смерти знаменитаго критика).

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, Николай Архиповъ, И. Бунинъ, А. Блокъ, К. Бальмонтъ, А. Боане, В. Брюсовъ, В. Вересаевъ, М. Горькій, С. Гусевъ-Оренбургскій, С. Городецкій, В. Гофманъ, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, А. Каменскій, Вл. Кохановскій, С. Кондурушкинъ, В. Ладыженскій, Б. Лазаревскій, В. Ленскій, В. Муйжель, Н. Олигеръ, А. Ремизовъ, А. Серафимовичъ, Скиталецъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Свирскій, гр. Ал. Н. Толстой, Н. Тимковскій, А. Ѳедоровъ, Танъ, Н. Фалѣевъ, Е. Чириковъ, Георгій Чулковъ, Дм. Цензоръ, С. Юшкевичъ, Г. Яблочковъ и др.

КРИТИКА, НАУКА, ПУБЛИЦИСТИКА: проф. Е. Аничковъ, К. Арабажинъ, Ю. Айхенвальдъ, Б. Агафоновъ, П. Берлинъ, Ѳ. Батюшковъ, А. Бенуа, С. Венгеровъ, Л. Василевскій, И. Гинзбургъ, А. Дживилеговъ, А. Измайловъ, академикъ Н. Котляревскій, проф. Н. Карѣевъ, Л. Клейнбортъ, А. Луначарскій, М. Лемке, Н. Морозовъ, академикъ Д. Овсянико-Куликовскій, И. Рѣпинъ, Н. Рерихъ, Н. Рубакинъ, проф. В. Святловскій, Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, проф. И. Озеровъ, М. Энгельгардъ и др.

Матеріальную отвѣтственность передъ подписчиками „Новой Жизни“ принимаетъ на себя издательство „Нов. Журнала для всѣхъ“ (годъ изд. IV-й).

Подписной годъ начинается съ Декабря 1910 по Декабрь 1911 г.

Подписная цѣна: на 1 г.—4 р. 50 к., на 1/2 г.—2 р. 50 к., за границу—6 р., отдѣльная книжка—50 к., пробн. № высыл. за десять 7 коп. мар. Подписная плата марк. не принимается. Комиссія книжн. маг.: годов.—20 к., 1/2 год.—10 к.

Адресъ конт. и ред. „Новой Жизни“: С.-Петербургъ, Фонтанка, 38.
Редакторъ Николай Архиповъ.

СКРИПКИ

въ 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 р. и дор. до 3,000 р. Дешевыя въ 4, 5 и 6 р.

ГИТАРЫ

въ 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75 руб. и дор., до 150 р. Дешевыя въ 5 и 6 р.

КОРНЕТЫ

въ 15, 18, 20, 25, 30, 35, 55, 65, 80, 100 р. и дор.

МАНДОЛИНЫ

въ 8, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 75 руб. и дор. до 200 р.

ФЛЕЙТЫ

въ 8, 12, 16, 25, 35, 40, 55, 65, 80 руб. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію.

БАЛАЛАЙКИ

въ 4, 5, 6, 8, 10, 15, 20, 30 р. и дор. до 100 руб.

Музыкальныя шкатулки Фортуна. Гармоніи.

Граммофоны новѣйшей усовершенствованной контрукціи въ 15, 18, 20, 25, 35, 55, 75, 100 руб. и дор.

Рояли, піанино и фисгармоніи лучшихъ заграничныхъ и здѣшнихъ фабрикъ и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности въ большомъ выборѣ.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Морская ул., 34.—МОСКВА. Кузнецкій м.—РИГА. Сарайная, 15.

Въ 1911 году подписчики журнала

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БЕЗЪ ПЕРЕС. 9 РУБ. СЪ ПЕРЕС. 10 РУБ. ВЪ ГОДЪ

получатъ 52 №№ журнала, дающаго обзоры научныхъ открытій, знакомящаго съ новыми завоеваніями въ области мысли и культурнаго прогресса и съ новинками научной литературы.

Въ приложеніи 5 капитальныхъ трудовъ:

1) Проф. Брашъ, **ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ и РИМСКОЙ ФИЛОСОФІИ**; 2) проф. Альберъ и Бойе, **ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ**; 3) проф. Форель, **ПОЛОВОЙ ВОПРОСЪ** (2 тома); 4) проф. Ванъ-деръ-Боргтъ, **СОЦІАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА** (2 тома); 5) проф. Зейдлицъ, Гейстбекъ, Груберъ и др. **ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.** Всего въ 5 сочиненіяхъ (7 томовъ) около 1900 страницъ, 1000 рис., 200 отдѣльныхъ картинъ, хромолитографій, хромотипій и картъ.

Для желающихъ взамѣнъ указанныхъ 5 трудовъ можетъ быть дана «НАСТОЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ» ВЪ 3-ХЪ Т.

Изданіе на великолѣпной бумагѣ. въ полномъ смыслѣ слова РОСКОШНОЕ. Подписная цѣна въ годъ **10** р. съ перес.; **9** р. безъ перес. Для подписч. „Вѣсти. Зн." 1911 г. цѣна съ перес. **9** р., безъ перес. **8** р. Допускается разсрочка отъ **3** р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невск. пр. 40, Главн. Конт. „Вѣстника Знанія".

Подробное объявленіе безплатно. Редакторъ-Издатель **В. В. БИТНЕРЪ.**

О ПОДПИСКѢ въ 1911 году на

XXVII г. ИЗДАНІЯ. **ВОКРУГЪ СВѢТА** XXVII г. ИЗДАНІЯ.

50 №№ Въ 1911 году подписчики получатъ ДВА ЖУРНАЛА путешествій и приключеній: ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА **„ВОКРУГЪ СВѢТА“,**

выходящаго въ прежнемъ объемѣ и по прежней программѣ, какъ и въ предшествующія 28 лѣтъ своего существованія.

12 №№ ежемѣсячнаго художественно-иллюстрированнаго журнала типа англійскихъ ежемѣсячниковъ

на СУШѢ и на МОРѢ.

ВЫДАЮЩІЕСЯ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ между прочимъ: М. Первухина „КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“, М Алазанцева „ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ“ М. Волохова „ИГРУШКА ВѢТРОВЪ“, Г. Стронга „АДСКІЙ ОГОНЬ“, Э. Бодкина „ЖЕРТВА ГЛЕТЧЕРА“, М. Де-Мара „ТАЙНА МОРЯ“, Э. Сальгари „ЗОЛОТОЙ ГОРОДЪ“ и мн. др.

Кромѣ того:

12 КНИГЪ собранія сочиненій знаменитой скандинавской писательницы, удостоенной въ 1909 году 100.000 франковъ премія Нобеля,

Сельмы ЛАГЕРЛЁФЪ.

Содержаніе: НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГУСЯХЪ ПО ШВЕЦІИ. — ПРЕДАНІЕ ОДНОЙ УСАДЬБЫ. — КОРОЛЕВЫ КУНГАХЕЛЛЫ. Отъ язычества къ христіанству. — СОКРОВИЩЕ ГОСПОДИНА АРНО - ІЕРУСАЛИМЪ. Повѣсть. — ЧУДЕСА АНТИХРИСТА.—СКАЗАНІЕ О СКАЗАНІИ и др. сказанія.—НЕВИДИМЫЯ УЗЫ.—ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТѢ.—СКАЗАНІЕ О ГЁСТѢ БЕРЛИНГѢ.—ЛЕГЕНДЫ и РАЗСКАЗЫ и т. д.

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПѢВЦА РУССКОЙ ПРИРОДЫ и БЫТА

И. С. НИКИТИНА.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ. НА ХОРОШЕЙ БУМАГѢ. СО МНОЖЕСТВОМЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РИСУНКОВЪ художника А. П. АПСИДЪ. СДѢЛАННЫХЪ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ЭТОГО ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ, СЪ ПОРТРЕТОМЪ. ФАКСИМИЛЕ и ПОЛНОЙ БІОГРАФІЕЙ ПОЭТА, СОСТАВЛЕННОЙ М. де-ПУЛЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДЪ **4** на жур. „Вокругъ Свѣта“ съ 12-ю №№ журн. „НА СУШѢ и НА МОРѢ“ сер. и сочиненіями сер. СЕЛЬМЫ ЛАГЕРЛЁФЪ **РУБЛЯ** съ пересылкой и доставкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 1 р., къ 1 іюня 2 р.

Адресъ конторы журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Тверская улица, д. Т-ва И. Д. Сытина.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА. Редакт. Вл. А. Поповъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на ГОДЪ **5** на жур. „Вокругъ Свѣта“ съ 12-ю №№ журн. „НА СУШѢ и НА МОРѢ“, сочиненіями СЕЛЬМЫ ЛАГЕРЛЁФЪ и полнымъ собр. сочинен. И. С. НИКИТИНА **РУБЛЕЙ** съ пересылкой и доставкой.

Отдѣльно подписка на журн. „НА СУШѢ И НА МОРѢ“ не принимается.

О подпискѣ въ 1911 году

на ежемѣсячный иллюстрированный дѣтскій журналъ для средняго возраста **МІРОКЪ.** X г. ИЗДАНІЯ. **1 р. 50 к.** въ годъ съ пер.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНЪ въ ученич. нач. библ. школъ по предв. подпискѣ.

Содержаніе: Повѣсти, разсказы, сказки, легенды, стихи. Очерки изъ великой книги природы, жизни народовъ, историческіе, о великихъ людяхъ. Ручной трудъ. Игры и забавы. Задачи на премін-книжки. Веселыя странички. Дѣтскій спортъ. БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПОДПИСКА на журн. МІРОКЪ принимается въ конторѣ журн. „ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА. Редакторъ Вл. А. Поповъ.

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Е. ЧИРИКОВЪ. „Въ царствѣ сказокъ“. Приключенія юнаго путешественника. Изящное изд. въ худож. обложкѣ и съ многочисл. рисунками (одноцв. и многокрасочн.) Ю. И. Фаусекъ, ц. 1 р. 80 к.; въ художественной папкѣ 2 р.

Е. ЧИРИКОВЪ „Моя книга“. Сборн. разсказовъ для дѣтей, въ худож. обл. и съ многочисл. рисунками, ц. 1 р. 60 к.; въ худож. папкѣ 1 р. 80 к.

Н. ГАРИНЪ. Сказки для дѣтей. Съ многочисл. иллюстраціями въ художеств. обложкѣ, ц. 1 р. 25 к.; въ худож. папкѣ 1 р. 50 к.

М. М. СОКОЛОВА. Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. Съ многочисл. рисунк. изданіе 2-ое въ изящ. золоч. перепл. Ц. 1 р. 15 к.

„ Бесѣды съ дѣтьми о растеніяхъ. Съ многочисл. рисунк. въ изящн. золоч. перепл Ц. 1 р. 30 к.

„ Земля и ея обитатели. Съ многочисленными иллюстраціями въ изящн. золоч. перепл. Ц. 1 р. 40 к.

Н. ГАУТГОРНЪ. „Книга чудесъ“. Сказки Тэнгльуда, съ многочисл. иллюстраціями, въ изящн золоч. перепл. Ц. 1 р. 40 к.

ВОЛЬНОГОРСКІЙ. Страницы изъ книги природы. Съ многочисл. иллюстраціями. Два тома въ изящн. перепл Ц. 4 р. 25 р.

ІОНИНЪ. По Южной Америкѣ Изданіе для юношества съ многочисл. иллюстраціями, въ изящн. худож. перепл. Ц. 4 руб.

ГОГОЛЬ. Собраніе сочиненій подъ редакц. проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, въ изящн. перепл. 1 р. 75 к; избр. соч. въ перепл. 1 р. 30 к.

БОКЛЕВСКІЙ. Альбомъ Гоголевскихъ типовъ. Въ изящн. перепл. 1 р. 25 к.

НОВЫЯ КНИГИ:

БЛОХЪ. Половая жизнь нашего времени въ связи съ культурой. Ц. 3 р. 50 к.

„ФОРМЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ“. Сборн. статей подъ ред. Кастелянскаго Ц. 7 р. 50 к.

„ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ въ НАЧАЛѢ XX вѣка“ подъ редак. Маслова, Мартова-Потресова, т.т. I и II по 5 р.; т. IV ч. 1—2 р. 50 к; т.т. III, V и т. IV ч. 2—печатаются.

„ЗДОРОВЫЙ СТОЛЪ“. Руководство къ приготовл. кушаній въ здоровомъ и болѣзн. состояніяхъ. Подъ редакц. д-ра Кащенко—3 р; въ изящн. переплетѣ—3 р. 75 к.

ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Заграницей. Ц. 1 р.

„ „Близкія тѣни“. Воспоминанія о Михайловскомъ, Гаринѣ, Чеховѣ и Успенскомъ. Съ портр. 75 к.

СТЕКЛОВЪ. Чернышевскій. Ц. 2 р.

МИЛЮКОВЪ. Балканскій кризисъ. ц. 2 р.

ТОТОМІАНЦЪ. Сельско-хозяйственная кооперація. Очерки съ приложеніемъ примѣрныхъ уставовъ. Изданіе 2-ое. 1910 г. Ц. 2 р.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Портретъ изгот. при помощи цвѣтной фотографіи раб. Прокудина-Горскаго.

Разм 6×8 вер. безъ полей ц 2 р. — к.
„ 3½×4¾ в. „ „ „ — 75 к

Овсянико-Куликовскій. Л. Толстой. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій. Л. Толстой и Достоевскій Т. I—2 р., т. II ч. 1 и 2 по 1 р. 50 к.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ Т-ва „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 40, кв. 43.

Складъ выполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

ХОРОШІЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ КНИГИ

ЗА ПОЛЦѢНЫ и ДЕШЕВЛЕ.

Книгопродавцамъ по особому соглашенію исключительная скидка.

Д. В. Философовъ. Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени (1901—1908 гг.). Вм. 1 р. 25 к. за 65 к.

Вешнія воды. Литературно-общественный сборникъ извѣстн. писателей. Вм. 1 р. за 50 коп.

А. Ярошъ. До университета. Изъ жизни средней школы. Вм. 1 р. за 50 коп.

Максъ Штирнеръ. Единственный и его достояніе. Только что вышедшее новое, очень хорошее изданіе этого извѣстнѣйшаго произведенія все пріобрѣтено магазиномъ и потому книга продается вм. 2 р. за 75 к.

Блосъ. Исторія германской революціи 1848 года. Полный переводъ съ нѣм. Г. Радомысльскаго, подъ редакціей А. Луначарскаго. Вм. 1 р. за 50 коп.

А. Луначарскій. Отклики жизни. Сборникъ статей. Вм. 80 коп. за 40 коп.

Жанъ Гравъ. Будущее общество. Переводъ съ 8-го франц. изданія. Вм. 1 р. за 50 к.

Вилльямъ Моррисъ. Вѣсти ниоткуда. Утонія. Второе изданіе. Вм. 50 к. за 25 к.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева подъ редакц. проф. А. К. Бороздина, П. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, въ двухъ томахъ, съ портр. А. Н. Радищева и его жены. Вм. 1 р. 65 коп. за 1 р. 25 коп.

Р. Гаммеджъ. Исторія чартизма. Переводъ съ англійскаго А. В. Погожевой. Вм. 2 р. за 1 р.

Ю. Анастасьевъ. Конспектъ по курсу русскаго гражданскаго права. Сост. по учебникамъ проф. Д. И. Мейера и Г. Ф. Шершеневича. Вм. 1 р. 25 к. за 65 к.

Эрнестъ Ренанъ. Антихристъ. Переводъ съ французскаго М. А. Энгельгарда. Вм. 80 за 40 к.

— **Его же.** Христіанская церковь. Переводъ съ франц. В. А. Обручева. Вм. 1 р. за 50 коп.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Перев. съ франц. Л. А. Шишмарева. Вм. 80 к. за 40 к.

— **Его же.** Евангелія и второе поколѣніе христіанства. Переводъ съ франц. Я. А. Серебрякова. Вм. 1 р. за 50 коп.

— **Его же.** Святой Павелъ. Съ прилож. карты Малой Азіи. Переводъ съ франц. З. Н. Журавской. Вм. 80 к. за 40 к.

Грассе, профессора Универс. въ Монпелье. Физіологическое введеніе въ изученіе философіи. Съ предисловіемъ А. Бенуа, ректора Университета въ Монпелье. Переводъ съ французскаго А. и В. Харитоновыхъ. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Рене Вормсъ. Мораль Спинозы. Изученіе ея принциповъ и вліянія, произведеннаго ею въ новѣйшія времена. Соч. увѣнчанное Париж. Академіею политическихъ и моральныхъ наукъ. Перев. съ франц. Л. Л. Богушевскаго. Вм. 1 р. 50 к. за 75 коп.

Д. Михаиловъ. Лирика К. Р. въ связи съ исторіей русской поэзіи во вторую половину XIX вѣка. Вм. 75 коп. за 40 коп.

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Переводъ съ франц. Л. И. Коганъ и П. А. Рождествен. Вм. 1 р. 50 к. за 1 р. 75 коп.

О. Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Съ портретомъ автора, 520 стр. Спб. 1910 г. Ц. 2 р.

И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. Вм. 1 р. за 50 коп.

Папюсъ Каббала Наука о Богѣ, Вселенной и человѣкѣ. Переводъ съ французскаго А. В. Трояновскаго, подъ ред. К. А. Пережерковича 1910 г. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р. 25 к.

Ф. И. Карповъ. Объ открытіи и содержаніи заведеніи обрабатывающей промышленности. Справочный сборникъ для промышленниковъ. Вм. 3 р. 50 к. за 1 р. 75 к.

Высылаетъ наложеннымъ платежомъ книжный магазинъ И. Г. МАЛМЫГО

„Общеполезное Чтеніе“

С.-Петербургъ, Суворовскій проспектъ 5. Телеф. 107—31.

Пересылка по почтовому тарифу. Упаковка за счетъ магазина. Г.г. заграничные заказчики благоволятъ высылать деньги впередъ, съ приложеніемъ почтовой стоимости и пересылки книгъ. Сокращенный каталогъ удешевленныхъ книгъ высылается безплатно.

ЦВѢТНАЯ ОРИГИНАЛЬНАЯ
ФАКСИМИЛЕ-ЛИТОГРАФІЯ
академика живописи
Л. О. Пастернакъ
„Толстой за работой"
ИСПОЛНЕННАЯ НА КАМНѢ САМИМЪ ХУДОЖНИКОМЪ.

Изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".
Москва, Большая Никитская, 5. ← Отдѣленіе—СПБургъ, Моховая, 37.
Размѣръ эстампа — 50 × 70 сантиметровъ.
Цѣна 3 рубля.
Продается въ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

Первый въ міровой литературѣ научно-популярный трудъ:
12 ВЫПУСКОВЪ „ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ" составляющ. 4 тома большого формата
въ объемѣ свыше 100 печат. лист. (около 1700 стр.). До 1500 иллюстрацій.

Участ.: Лект. Морск. Акад. **А. Д. Бубновъ,** Пр. Инст. И. П. С. **М. В. Заустинскій,** (†) инж.-техн. и корабел. инженеръ **Л. М. Маціевичъ,** военн.-инжен. **С. А. Нѣмченко,** Генер. Штаба подполк. **С. И. Одинцовъ,** проф. **В. В. Святловскій,** инж.-мех. **М. Л. Франкъ,** присяж. повѣр. **Л. И. Шифъ,** маг. полит. экон. **А. С. Шоръ,** инж.-техн. **В. И. Ярковскій** и друг.

Вып. 1. **Исторія аэронавтики** (отпеч.) Инж. **Франкъ** 232 стр. 166 рис. съ портрет. и табл. историч. дирижабл. Ц. въ отд. прод. 2 р. 25 к. безъ перес.
Вып. 2. **Исторія авіаціи** (законч. печ.).
Вып. 3. **Аэрологія** (метеороло. въ воздухоплав.).
Вып. 4, 5 и 6. **Теорія и техника** аппаратовъ легче и тяжелѣе воздуха.
Вып. 7. **Воздухоплавательн. двигатели** (отпеч.) Пр. Инст. И. П. С. **Заустинскаго.** 164 стр., 366 рис. Ц. въ отд. прод. 1 р. 50 к. безъ пересылки.
Вып. 8. **Культурно-историческое значеніе воздухоплаванія.**
Вып. 9. **Воздухоплаваніе и право.**
Вып. 10. **Техническая организація военнаго воздухоплаванія.**
Вып. 11. **Воздухоплаваніе въ сухопутной войнѣ.**
Вып. 12. **Примѣненіе воздухоплав. къ морской войнѣ.**

Цѣна по подп. на всѣ 12 вып. 16 руб. По выходѣ издан. цѣна будетъ увеличена.
Допускается разсрочка до 12 мѣс. Программы безплатно.
Подписка принимается въ редакціи издан. СПБургъ, Поварской, 11.
О вышедш. выпуск. имѣются лестные отзывы больш. газетъ и спец. журнал.

ХОРОШІЯ КНИГИ УДЕШЕВЛЕННО ПРЕДЛАГАЮ

(ВСЛѢДСТВІЕ БОЛЬШОГО НАКОПЛЕНІЯ)

высылаю наложеннымъ платежемъ цѣны безъ пересылки.

Всѣ предлагаемыя книги въ большинствѣ совершенно новыя; если есть и неновыя, то **великолѣпной сохранности.**

Каталогъ книгъ **7.800** высылаю безплатно

Гюнтеръ, К. Происхожденіе и развитіе человѣка. 2 т. съ атлас. роскош. изд. Девріена, въ роскош. перен., сов. нов. Вм. 24 р. за 18 р.

Шильдеръ, Н. Исторія Имп. Александра I. 4 т., въ роскошн. перепл. Вм. 36 р. за 28 р.

Хартулари, К Право суда и помилованія какъ прерогативы Россійской державности. 2 т., 630 стр. Вм. 5 р. за 2 р.

Мортилье, Т. и А. Доисторическая жизнь. Происхожденіе и древность человѣка. 570 стр., съ рис. Вм. 3 р. за 1 р. 75 к.

Полный Энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона. 86 т., въ издател. перепл. Великолѣпный экземп. Вм. 258 р. за 130 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки, Шахразады. Первый полный русскій переводъ. 4 т., около 2200 стран., съ рисунк. на отд. листахъ. Изд. Булгакова. Вм. 9 р. 50 к. за 5 р.

Третьяковская Галлерея въ Москвѣ. Описаніе и 72 листа роскошн. геліогравюръ съ картинъ. Изд. Кнебель. Вм. 72 р. за 45 р. Великолѣпный экземпл.

Ренанъ, Э. Исторія первыхъ вѣковъ Христіанства. 6 т., около 2000 стр. Вм. 5 р. 40 к. за всѣ 6 т.—3 р.

Полн. Собр. Сочиненій В. Шекспира. Перев. подъ ред. Венгерова. Роскошн. изд. Брокгауза, съ гравюрами, 5 т., въ роскошн. перепл. Вм. 37 р. за 24 р.

Полн. Собр. Сочиненій Шиллера. 4 т. Роскошн. изд. Брокгауза, съ гравюр., въ роскошн. перепл. Вм. 30 р. за 20 р.

Спенсеръ, Г. Соціологія какъ предметъ изученія. 401 стр. за 1 р. 20 к.

— **Его же. Научныя основанія нравственности.** Въ 3 част., 560 стр., за 1 р. 50 к,

Реклю, Э. Человѣкъ и земля. Роскошн. изд. Брокгауза съ рисун. 6 т., 3500 стр. въ отличн. перепл. Вм. 36 р. за 22 р.

Форель, А. Половой вопросъ. Естеств.-научное, психологическое, гигіеническ. и соціологическое изслѣдованіе. 2 т., около 600 стр., съ рисун., за 1 р. 25 к.

Вильбасовъ, проф. В. Исторія Екатерины II. 2 т. Петерб. изд., рѣдкая книга, въ пер. за 25 р.

Куно-Франке. Исторія Нѣмецкой литературы отъ 5-го вѣка до настоящ. времени. 590 стр., съ 39 портр. Вм. 3 р. за 2 р.

Файфъ, Ч. Исторія Европы XIX вѣка. Перев. подъ ред. проф. Лучицкаго, 784 стр. Вм. 5 р. 50 к. за 3 р. 50 к.

Біографіи композиторовъ съ IV—XX вѣкъ. Роскошн. изд., съ портретами, огромн. томъ, 924 стр. Вм. 8 р. за 4 р.

Паргаминъ, М., врачъ. Половой міръ мужчинъ и женщинъ по даннымъ анатоміи, физіологіи и гигіены. Двѣ части, въ 1 т., 225 стр. Вм. 2 р. 50 к. за 1 р.

Большая Энциклопедія Изд. т-ва „Просвѣщеніе“, подъ ред. Южакова, 20 том., въ роскошн. издат. перен. Вм. 120 р. за 45 р.

Тенъ, И. Происхождекіе современной Франціи. 5 т., 1500 стр, за 3 р.

Никитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Записки и дневникъ 1804—1877 гг. 2 т., около 1200 стр., съ портр. Вм. 7 р за 4 р.

Боккачіо. Декамеронъ. Полн. перев., съ рисун., 570 стр., за 1 р. 90 к.

М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. 427 стр., со множес. портр. и каррикатуръ. Вм. 3 р. за 1 р. 75 к.

Книжная торговля И. КОСЦОВА

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 28—Е.

(См. слѣдующую страницу).

Справочный словарь: орфографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка, сост подъ ред. А. Чудинова, 2 т., 2200 стр. Вм. 6 р. за 3 р.

Жизнь и нравы животныхъ Европы. Проф. Гааке. 600 стр., съ 240 рис Вм. 3 р. за 1 р. 50 к., въ роскошн. перен. за 2 р. 25 к.

Полн. Собраніе Сочиненій А. Пушкина. Въ 1 т, съ рисун., за 1 р. 35 к.

Полн. Собр. Сочиненій М. Лермонтова. Въ 3 т., съ рис. за 1 р. 50 к.

Полное собран. Сочин. Гоголя. Подъ ред. А. Филонова, въ 2 т., 2000 стр., за 1 р. 25 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. проф. Бороздина, съ портр., 2 т., 700 стр. за 1 р. 40 к.

Мережковскій, Д. Трилогія 1) Юліанъ Отступникъ. 2) Смерть Боговъ (Леонардо да Винчи), 3) Петръ и Алексѣй. 3 т., за 5 р. 25 к.

Сочиненія Ф. Шпильгагена. 16 т., за 6 р 50 к

Самоучитель и справочн. книжка фотографа. Соч. Н. Адріанова. Изд. 3-е. Вм. 2 р., за 1 р. 25 к.

Оккультныя науки. 1) Ридель.—Магнетизмъ, 2) Линде-Северинъ.- Гипнотизмъ, магнетизмъ и внушеніе, 3) Маррэ.—Спиритизмъ. Вм. 1 р. 50 к. за 90 к.

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портр., 401 стр., Вм. 2 р., за 1 р.

Альманахи изд-ва „Шиповникъ". 9 том. Вм. 9 р. за 4 р. (т. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10).

Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой. Соч. Сергѣенко. Роскошн. изд. съ рисун., за 65 к.

Высылаю по всѣмъ рекламамъ и публикаціямъ всѣхъ книгопродавцевъ по ихъ цѣнамъ.

Книжная торговля И. КОСЦОВА

С.-Петербургъ, Литейный просп., №. 28—Е.

ИНОСТР. КНИЖН. МАГАЗИНЪ
КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
Авг. Дейбнеръ
(съ 1859 года).

— Морская, д. 12, уг. Невскаго, къ аркѣ. —

Общество для Распространенія Начальнаго Образованія въ Нижегородской губ.

Ч. Вѣтринскій.

Левъ Николаевичъ Толстой

† 7 ноября 1910 г.

Очеркъ жизни и дѣятельности, съ 5 рис.

Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ фондъ по увѣковѣченію памяти Л. Н. ТОЛСТОГО въ Н.-Новгородѣ.

Складъ изданія въ Народномъ Домѣ О-ва для распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи.

Цѣна **3** коп. За 100 экз.— **2** р., за 1000 экз.— **17** р. **50** к.

Книжная торговля Н. В. БАЗЫКИНА. Владимірскій пр. 13.

Въ С-Петербургѣ. Телефонъ № 113—22.

Предлагаетъ РѢДКІЯ и ЦѢННЫЯ КНИГИ

въ очень хорошей сохранности.

Труды редакціонныхъ коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. 27 больш. томовъ въ переплетахъ за 125 р.

Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. 7 больш. томовъ въ переплетахъ, за 30 р.

Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европ. Россіи, о нуждахъ сельско-хоз. промышлен. Полный экз. 23 книги, за 15 р.

Сборникъ Императорскаго Русск. Истор. общества. 125 томовъ (ц. 375 р.) за 225 р.

Загоскинъ, Н. Исторія Импер. Казанскаго университета. Съ портретами, 4 больш. тома, за 25 р.

Сборникъ Правительственныхъ распоряженій по дѣламъ до земскихъ учрежденій относящихся. Изд. Хоз. Департ. Мин. Вн. дѣлъ. 14 томовъ. въ перен за 20 р.

Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редак. В. Безобразова. Полный экз. 8 томовъ, въ перепл., за 18 р

Ф. Г. Слово подсудимому! съ письмами: гр. Л. Н. Толстого, Б. Чичерина, Вл. Соловьева и В. Г. Короленко. (Рѣдкость). 2 р

Новгородскія Писцовыя книги, изд. Археограф. Коммиссіею. 4 тома за 15 р.

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и договоровъ. Москва, 1813 г. 4 тома въ перен. за 30 р.

Кирѣевскій, П. Пѣсни. Полный экз. въ 3-хъ перепл. томахъ за 18 р.

Регель. Изящное садоводство и худож. сады Истор. очеркъ, въ перен. за 5 р.

Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Полный экз. 4 тома за 30 р.

Моммсенъ, Ѳ. Римская исторія. 4 тома, рѣдкое изд. Солдатенкова, въ перепл. 35 р.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія, перев. Чернышевскаго (Андреева). 15 т. въ 16 книгахъ. Распроданное изд. Солдатенкова въ переплетѣ за 100 руб.

Финляндія въ XIX столѣтіи. Художественное изд. Вольфа въ листъ больш. томъ въ редакц. перепл. (распр. изд.) 20 руб.

Семеновъ, П. Географическій словарь Россійской Имперіи. 5 томовъ въ перепл. Спб. 15 руб.

Библія съ гравюрами Доре. Изд. Вольфа, 3 тома, экземпляръ очень хорошей сохранности въ полныхъ красныхъ шагреневыхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ, 60 руб.

Русскіе художники. П. Е. Рѣпинъ. Изд. Экспед. Заготовл. Госуд. Бумагъ, въ ред. перепл. 25 руб.

Шекспиръ. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. 3 тома и Альбомъ картинъ. Импер. Эрмитаж. театръ. 17 февраля 1900 г., за 25 р.

Уложеніе Швеціи, принятое на Сеймѣ 1734 года, и Его Имп. Величествомъ утвержденное для Великаго княжества Финляндіи, съ дополненіемъ, 2 тома 1824—1827 гг., въ перепл. за 30 р.

Палестина, А. Суворина. Съ иллюстраціями А. Кившенко и В. Навозова, большой томъ въ редакц. перен. за 20 р.

Реклю. Земля и люди. Всеобщ. географія, переводъ подъ редакц. Зыкова. 10 книгъ въ редакц. перен. за 35 р.

Исторія человѣчества. Изд. Просвѣщенія, 8 томовъ въ редакц. перен. за 30 р.

Энциклопедическій словарь. Брокгаузъ и Ефронъ 86 томовъ въ редакц. перепл. за 125 р.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи. Полный экз. въ перен. за 25 р.

Живописная Россія. Подъ редакц. П. Семенова, изд. Вольфа. 19 большихъ книгъ въ редакц. перен. за 50 р.

Larousse. Grand Dictionnaire universel. 22 тома, полный экземп. въ редакц. перепл. за 100 р.

Brockhaus. Conversations - Lexikons, 13-е изд., 17 томовъ, въ редакц. перепл. за 25 р.

Meyer's. Konversations - Lexikon. 4-е изданіе въ 18 томахъ, въ редакц. перепл. за 20 р.

Полная энциклопедія Русск. сельск. хозяйства. 11 томовъ, изд. Девріена въ редакц. перепл. за 75 р.

П. Гильтебрандтъ. Справочный и объяснительный Словарь къ Новому Завѣту. 6 томовъ въ перепл. за 15 р.

Цѣны безъ пересылки. Каталогъ книгъ по юриспруд., публиц., статистикѣ и земскому вопр., недавно пріобрѣт. библіотеки и др. высылается безплатно.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ“ и К°.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

В. Я. Желѣзнова, М. И. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Въ седьмомъ изданіи „Энциклопедическаго Словаря“ будутъ помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ: Б. В. Авилова, Ю. И. Айхенвальда, Н. И. Аммона, лектора Коммерч. Институ. В. И. Анисимова, академ. Д. Н. Анучина, прив.-доц. А. І. Бачинскаго, докт. геогр. Л. С. Берга, доц. М. В. Бернацкаго, ассист. астр. С. Н. Блажко, С. М. Блеклова, проф. С. М. Богданова, В. Д. Бончъ-Бруевича, прив.-доц. А. А. Борового, А. П. Бѣликова, проф. Э. Вандервельда, прив.-доц. Д. В. Викторова, В. В. Водовозова, прив.-доц. А. Э. Вормса, проф. Е. Ф. Вотчала, проф. А. П. Гавриленко, проф. Ю. С. Гамбарова, прив.-доц. М. Н. Гернета, д-ра Ю. О. Гольдендаха, прив.-доц. Г. Н. Гулинова, Ф. Дана, А. К. Дживилегова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. В. В. Завьялова, поч. акад. Н. Н. Златовратскаго, Н. Ѳ. Золотницкаго, прив.-доц. В. Н. Ивановскаго, А. В. Игельстрома, П. Н. Игнатова, доц. В. Р. Идельсона, д-ра І. С. Идельсона, проф. И. А. Каблукова, прив.-доц. В. Ф. Кагана, Л. Б. Кафенгауза, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Г. А. Кожевникова, проф. А. Н. Краснова, Людв. Крживицкаго, прив.-доц. А. А. Крубера, проф. А. Е. Крымскаго, проф. П. А. Лаврова, проф. Н. Н. Ланге, М. Е. Ландау, проф. Л. К. Лахтина, проф. Э. Г. Лейста, З. Л. Ленскаго, проф. А. П. Лидова, А. Н. Максимова, Л. Мартова, проф. С. А. Муромцева (†), М. М. Нечаева, проф. Л. Я. Никитинскаго, Н. М. Никольскаго, К. М. Оберучева, В. П. Обнинскаго, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. А. Л. Погодина, М. Н. Покровскаго, С. Н. Прокоповича, прив.-доц. П. Г. Риттера, Н. С. Русанова, проф. А. Н. Савина, проф. Я. В. Самойлова, прив.-доц. А. Р. Свирщевскаго, А. И. Смирнова, Е. Смирнова, прив.-доц. В. Д. Соколова, Р. С. Стрѣльцова, прив.-доц. Л. А. Тарасевича, Н. Г. Тарасова, К. М. Тахтарева, проф. К. А. Тимирязева, прив.-доц. Ю. Ю. Форсмана, проф. А. Ф. Фортунатова, прив.-доц. В. М. Фриче, проф. О. Д. Хвольсона, В. Н. Чарнолускаго, проф. М. П. Чубинскаго, проф. В. Н. Ширяева, Г. И. Шрейдера, маг. А. С. Щепотьева, Ю. Д. Энгеля, инж. П. К. Энгельмейера, прив.-доц. Н. В. Ястребова и друг.

Изданіе составитъ приблизительно **40 томовъ** объемомъ въ сложности около 25.000 столбцовъ; кромѣ пояснительныхъ рисунковъ въ текстѣ, **Словарь** будетъ заключать около **800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую** страницу; по отдѣлу анатоміи человѣка будутъ даны **складныя модели; географическія карты** государствъ и русскихъ губерній **составляются** заново **спеціально для этого изданія.** Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія выходитъ удешевленное изданіе, безъ иллюстрацій.

Условія предварительной подписки: при подпискѣ вносится **2 р.** и при полученіи тома полнаго изданія (безъ переплета)—**2 р.**, тома въ переплетѣ—**2 р. 50 к.**, либо тома удешевленнаго изданія—**1 р. 40 к.** и сверхъ того за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости. Задаточные **2 р.** засчитываются при высылкѣ послѣдняго тома. **По выходѣ 4-го тома цѣна будетъ повышена.**

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Б. Никитская, 5.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Моховая, 37.—Одесса, Софіевская, 23.

НОВЫЙ ВЪ РОССІИ ТИПЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ВНѢПАРТІЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ПО ОБРАЗЦУ „JE SAIS TOUT“

всеобщій журналъ

литературы, искусства, науки и общественной жизни.

Изданіе — совершенно новаго въ Россіи типа — по образцу популярнѣйшихъ иностр. иллюстр. ежемѣсячниковъ (je sais tout и др.), предназначенныхъ для самаго широкаго круга читателей.

Программа „ВСЕОБЩАГО ЖУРНАЛА“ исчерпываетъ отдѣлы всѣхъ обычныхъ толстыхъ журналовъ. Живой откликъ на всѣ выдающіяся событія современности.

Исключительное вниманіе обращено на художественность и изящество изданія.

„ВСЕОБЩІЙ ЖУРНАЛЪ“ богато иллюстрируется оригин. рисунками, портр и репродукціями съ картинъ извѣст. художниковъ.

Въ каждой книжкѣ до 100 художественно исполненныхъ иллюстрацій; многіе на отдѣльныхъ листахъ въ НѢСКОЛЬКО КРАСОКЪ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: ОТД. ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖЕСТВ.—Л. Андреевъ. М. Арцыбашевъ, А. Аверченко, Л. Андрусонъ, К Баранцевичъ, И. Бунинъ, А. Боане, В. Брусянинъ, А. Будищевъ, С. Гусевъ-Оре бургскій, Г Галина, О. Дымовъ, А Купринъ, П. Кожевниковъ, А. Каменскій, А Косоротовъ, Карменъ, А. Кипенъ, Б. Лазаревскій, В. Ленскій, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Н. Олигеръ, Н. Осиповичъ, О. Л. д'Оръ, И. Потапенко, П. Потемкинъ, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, А. Свирскій. С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, М Соломоновъ, Н. Сѣверова. Ил. Соломимъ, Танъ, гр. Ал. Толстой, В. Умановъ-Каплуновскій, Д Цензоръ, Саша Черный, Е. Чириковъ, Г. Чулковъ, Г. Яблочковъ. А. Ѳедоровъ и др. ОТД. ОБЩ. Ж. КРИТ., НАУКИ и ИСК — ороф Е. Аничковъ, Н. Ашешевъ, К. Арабажинъ, Н. Абрамовичъ, О. Батюшковъ, И. Брусиловскій, М. Добужинскій, А. Измайловъ, проф. В. Кузьминъ-Караваевъ, А. Кугель, Б. Кустодіевъ, И. Лазаревскій, проф. И. Озеровъ, Н. Рерихъ. проф. В. Святловскій, проф. В. Сперанскій, К. Чуковскій, Н. Эфросъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—6 р. на полгода—3 р. 50 к. Заграницу—8 р. Доп. разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 р.—1-го янв. и 2 р. 1-го марта.

Отдѣльн. книжка 65 к. безъ перес. и 80 к. съ перес.

Годовымъ подп., внесшимъ подп. плату (6 р.) до 30 декабря, высыл. безпл. декабр. книга.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕКАБРЬСКАГО НОМЕРА:

† Л. Н. ТОЛСТОЙ. В. Базилевичъ. — „Леонидъ Андреевъ“—его жизнь и творчество (съ 10 спец. иллюстр.) С. Сергѣевъ-Ценскій. — „Вѣра, Надежда, Любовь“. Осипъ Дымовъ.—„Признаніе“. Борисъ Лазаревскій —„Бредъ“. Вл Ленскій.—„Душа волосъ“. А. Львовичъ.—„Н. Пироговъ“ (съ автограф. изъ „Дневника стараго врача“). Н. Быховскій.—„Женщины въ парламентѣ“. К. Арабажинъ.—„Стилизація въ театрѣ“. Б. Шлецеръ. „Музыкальная жизнь—молодость идетъ“. Маркъ Твенъ.—„Американское тщеславіе“. Альфредъ Капюсъ.—„Робинзонъ“, романъ. Францъ Штукъ.—Очеркъ съ репродукціями. Тирольскій рѣзчикъ.—Скульптура изъ дерева. В. Викторовъ.—„Нашъ воздушный флотъ“. З. Л.— Армія будущаго“. Вагнеръ и Листъ.— Ихъ переписка. Стихи: С. Городецкаго, Андрусона, Дм. Цензора, Л. Василевскаго, Саши Чернаго, Н. Карпова и др. Критика. Библіографія. Со всего міра.

Въ № около 100 иллюстрацій.

Многокрасочныя иллюстраціи исполнены на мѣловой бумагѣ цинкографіей Прокудина-Горскаго.

При подпискѣ ссылаться на это объявленіе.

Адресъ Гл. Конторы Редакціи „Всеобщаго Журнала“—С.-Петербургъ, Невскій, 114.

AP
50
V5
g.45
kn.11-
12

Viestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY